No 748.

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Z 14

Годъ XIII-й. **№ 1-й.**

№ 778.
Mir Bozhii

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ
САМООБРАЗОВАНІЯ.

ЯНВАРЬ.
1904 г.

Deutsche Hochschule für Politik
Eurasisches Seminar
5694

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

AP50
.M64
v.13
no.1
Jan.

Дозволено цензурою 30-го декабря 1903 года. С.-Петербургъ.

UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. ИРЛАНДІЯ ОТЪ ВОЗСТАНІЯ 1798 ГОДА ДО АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ НЫНѢШНЯГО МИНИСТЕРСТВА. **Евг. Тарле.** 1
2. СТИХОТВОРЕНІЯ. ⁂. **Allegro.** СОНЕТЪ. **С. Маковскаго.** 28
3. ЗА ОКЕАНОМЪ. Повѣсть изъ жизни русскихъ въ Америкѣ. **Тана** 29
4. ЧТО ТАКОЕ ОБЩЕСТВЕННЫЙ КЛАССЪ? **М. Туганъ-Барановскаго** 64
5. НА КРАЙНІЙ СѢВЕРЪ. (Изъ русской полярной экспедиціи барона Э. В. Толя). **В. Н. Катинъ-Ярцева** 73
6. ТРУДЪ. Романъ **Ильзы Фрапанъ.** Переводъ съ нѣмецкаго **Э. Пименовой** 105
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. НА СНѢГУ. (Изъ Маріи Конопницкой). **Е. Чернобаева** 144
8. ОСНОВЫ СПЕКТРАЛЬНАГО АНАЛИЗА И ЕГО ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ИЗСЛѢДОВАНІЮ НЕБЕСНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ ВЪ ЭЛЕМЕНТАРНОМЪ ИЗЛОЖЕНІИ. Проф. **В. Цераскаго.** 145
9. НИЧЕГО НЕ БЫЛО. Разсказъ. **А. Каменскаго** 162
10. ПОСЛѢДНІЕ ЛИСТЬЯ. **Болье.** Переводъ съ нѣмецкаго **В. П.** 183
11. ДОСТОЕВСКІЙ И БѢЛИНСКІЙ. **С. Ашевскаго** 197
12. СТИХОТВОРЕНІЕ. АЛЬБАТРОСЪ. **А. Ѳедорова** 240
13. ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. (Годы 1850—1851). **Д. Ахшарумова** 241

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Прошлый годъ въ литературѣ.—Сравнительная бѣдность выдающихся произведеній.—Новое произведеніе А. П. Чехова «Невѣста».—Драматическія произведенія кн. Сумбатова «Измѣна» и г. Юшкевича «Чужая».—Окончательная эволюція г. Меньшикова, или конецъ «мудрой кротости». **А. Б.** 1
15. НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ЗИБЕРЪ. (По поводу пятнадцатилѣтія со дня смерти). **Л. Клейнборта** 15

стр.

16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Двадцати-пятилѣтній юбилей Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Петербургѣ.—Чествованіе В. Г. Короленко.—Объ избирательныхъ правахъ женщинъ.—Жестокій проектъ.—Коммиссія домашняго чтенія.—Въ тверскомъ земствѣ.—Некрологъ С. М. Переяславцевой. 21

17. ДЕСЯТИЛѢТІЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ НИЖЕГОРОДСКАГО ОБЩЕСТВА ВЗАИМОПОМОЩИ УЧАЩИМЪ. **Н. Румянцевой.** 32

18. **Изъ русскихъ журналовъ.** («Русская Старина»—декабрь. «Вѣстникъ Европы»—декабрь). 36

19. **За границей.** Продолженіе чэмберленовской кампаніи.—Смерть Герберта Спенсера.—Возобновленіе дѣла Дрейфуса и націоналисты.—Македонское движеніе и его вожди.—Открытіе рейхстага и др. германскія дѣла.—Ученое супружество. . . . 46

20. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** Журнальный пролетаріатъ во Франціи.—Соціальное внушеніе и государственное вмѣшательство.—Характеръ корейскаго народа.—Русско-японскія отношенія.—Феминизмъ и германскій императоръ. Бирманскія женщины. 59

21. ПРУССКІЕ ВЫБОРЫ. (Письмо изъ Берлина). **S.** 65

22. НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. ЛЕЧЕНІЕ РАСТЕНІЙ. (Объ одномъ русскомъ открытіи). **П. Ю. Шмидта.** 71

23. † ЕГОРЪ ЕГОРОВИЧЪ ВАГНЕРЪ. (Некрологъ) **Д. М.** . . 79

24. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ.» Содержаніе: Беллетристика.—Публицистика.—Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія и соціологія.—Философія.—Естествознаніе. Географія. Этнографія.—Новыя книги поступившія для отзыва въ редакцію. 82

25. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 118

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

26. ІЕНА ИЛИ СЕДАНЪ? Романъ **Адама фонъ-Бейерлейна.** Переводъ съ нѣмецкаго **Т. Богдановичъ.** 1

27. ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ И ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ. Со мног. рис. въ текстѣ. Составлено по Лекорню, Линке, Поморцеву, Тисандье и др. Подъ редакціей **В. К. Агафонова.** 1

Ирландія отъ возстанія 1798 года до аграрной реформы нынѣшняго министерства.

Истекшій 1903 годъ навсегда останется памятнымъ въ исторіи Ирландіи. Кабинетъ Бальфура приступилъ къ такого рода аграрной реформѣ, которая, по мнѣнію ирландскихъ дѣятелей, способна серьезно удовлетворить часть требованій, предъявлявшихся ирландскимъ народомъ англійскому правительству за все долгое и невольное историческое сожительство двухъ націй. Надолго ли успокоитъ Ирландію эта уступка, покажетъ будущее, но нѣкоторые матеріалы къ тѣмъ или инымъ предположеніямъ въ этой области можетъ дать и непосредственное прошлое обѣихъ странъ. Наше общество всегда съ извѣстнымъ интересомъ относилось къ перипетіямъ англо-ирландской борьбы, и въ особенно острые ея моменты это далеко не безучастное отношеніе отражалось на столбцахъ газетъ 60-хъ, 70-хъ, 80-хъ гг., пестрѣвшихъ телеграммами, корреспонденціями, перепечатками извѣстій объ Ирландіи и изъ Ирландіи. Отчасти подобный фактъ объясняется и тою тѣсною враждебною связью, которая искони существуетъ между великобританскою и русскою дипломатіями. Внутреннія затрудненія каждой изъ обѣихъ имперій представляютъ всегда жизненно-серьезный интересъ для противницы, которая сообразно съ размѣрами и важностью этихъ затрудненій можетъ обдумать и предпринять съ своей стороны тѣ или иные политическіе шаги. Но, несомнѣнно, нужно констатировать и иной источникъ интереса къ упорной борьбѣ, цѣлыя столѣтія съ интервалами свирѣпствующей между этими двумя сосѣдними островами. Дѣло въ томъ, что рѣдкая страница человѣческой исторіи заставляетъ такъ часто вспоминать слова нашего великаго писателя: «нѣтъ ничего неправдоподобнѣе дѣйствительности». Маленькое, голодающее, замученное племя, нищее, отупѣвшее отъ нужды и труда, цѣлыя столѣтія боролось и борется съ одною изъ величайшихъ и могущественнѣйшихъ державъ въ мірѣ, у которой больше земли и подданныхъ, чѣмъ было у римской имперіи въ эпоху ея высшаго процвѣтанія, которая, кромѣ того, сильна и огромными богатствами, и наукою, и всѣми благами тысячелѣтней пышнѣйшей культуры. Боролось не на жизнь, а на смерть, выставляло новыхъ и новыхъ замѣчательныхъ представителей своей идеи, подвергалось періодически страшнѣйшимъ карамъ, теряло послѣднія крохи и лучшихъ своихъ дѣтей, и все-таки послѣ тяжелаго забытья, которое враги, а иногда и друзья, принимали за смерть, вдругъ поднималось снова, доказывало воочію, что оно не убито, а только избито, и снова писало кровью и освѣщало пожарами свой вѣчный неправдоподобно-дерзкій историческій вопросъ: «чья возьметъ?» Ирландская исторія иногда кажется какъ будто не частью дѣйствительности, а отрывкомъ изъ романтическаго произведенія, написаннаго такъ, какъ теперь уже, въ нашъ вѣкъ реализма, не пишутъ: съ чрезмѣрнымъ нагроможденіемъ труповъ, убійствъ, маловѣроятныхъ событій, фантастически-смѣлыхъ идей и еще болѣе смѣлыхъ дѣйствій, съ сухопутными и морскими приключеніями, съ удивительной свалкой героевъ, злодѣевъ, предателей и т. д., и т. д. Но когда знакомишься съ обстоятельными и несомнѣнными, идущими отъ разныхъ партій свѣдѣніями, когда убѣждаешься, что и партійные, и безпартійные, и оффиціальные, и неоффиціальные разсказы расходятся чаще всего только въ освѣщеніи событій, не оспаривая ихъ истинности, тогда, и только тогда, начинаешь понимать всю огромную важность изученія прошлаго этой страны для историка, для соціолога и для всякаго человѣка, интересующагося анализомъ движущихъ пружинъ историческаго процесса. И эта романтическая исторія, эта кажущаяся неестественной, но на самомъ дѣлѣ происходившая многовѣковая трагедія оказалась вдобавокъ самой реальной «политикой результатовъ», не хуже дѣятельности Людовика XI, Іоанна Калиты или Бисмарка, стоящихъ на другомъ полюсѣ отъ всякой исторической романтики, энтузіазма и пыла! Изъ трехъ своихъ главныхъ требованій – одного (полной религіозно-правовой эмансипаціи) ирландцы добились въ теченіе XIX-го столѣтія; при серьезномъ удовлетвореніи второго (аграрной реформы) мы, современники уиндгэмовскаго билля, теперь присутствуемъ, наконецъ, третье требованіе (полная автономія) менѣе, нежели когда-либо снимается съ ирландской программы: оно остается въ наслѣдіе будущему. Это соединеніе столь слабыхъ матеріальныхъ силъ съ грандіозными замыслами, съ серьезнѣйшими политическими дѣйствіями и съ достиженіемъ большихъ реальныхъ результатовъ едва ли не единственное въ своемъ родѣ во всемірной исторіи, по крайней мѣрѣ, въ исторіи національной борьбы. Для того философа, который ищетъ въ человѣкѣ и человѣчествѣ «великихъ возможностей», ирландская исторія есть чтеніе поучительное.

Въ предлагаемыхъ очеркахъ мы постараемся на основаніи ограниченнаго (хронологически) матеріала,—событій послѣднихъ ста съ небольшимъ лѣтъ,—отмѣтить тѣ черты, которыя являются характерными и для всей предыдущей ирландской исторіи, и которыми, отчасти, объясняются и интенсивность борьбы, и серьезность достигнутыхъ политическихъ завоеваній. Исходной точкой новѣйшей ирландской исторіи является не французская революція, какъ для большинства западноевропейскихъ странъ, но возстаніе 1798 года съ его прелюдіями и послѣдствіями, т.-е. событіе, на которое французская революція повліяла лишь косвенно.

Съ него мы и начнемъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Возстаніе 1798 года, его причины и слѣдствія *).

I.

Съ начала 90-хъ гг. XVIII-го столѣтія для всякаго освѣдомленнаго и безпристрастнаго наблюдателя было ясно, что въ Ирландіи надвигается кризисъ, и что этотъ кризисъ можетъ принять серьезные размѣры.

Но такъ какъ въ XVIII-мъ столѣтіи рядъ англійскихъ поколѣній не видѣлъ ни одного большого ирландскаго возстанія, то этимъ безпристрастнымъ наблюдателямъ вѣрили въ Англіи весьма неохотно и дол-

---

*) Нѣкоторыя общія работы для желающихъ детальнѣе ознакомиться съ событіями, излагаемыми въ этой (первой) главѣ: 1. *Francis Plowden.* An historical review of the State of Ireland from the invasion of that country under Henry II to its union with great Britain. London. 1803, iu 4^6, Томъ I, стр. 408—630, весь II и весь III томы. 2) *W. E. H. Lecky.* A history of England in the eighteenth century. Lond. 1887; томъ VI стр. 307—610; томъ VII стр. 1—386. 397—400, 409—465; томъ VIII весь (1—552). 3) William *O'Konnor Morris* Ireland 1798—1898 (Lond. 1898). 4) *W A O'Konnor.* History of the irish people, томъ II. (Manchecter, годъ не обозначенъ). 5). The french invasion of Ireland in 98. Leaves of unwritten history. By *K. Gribayédoff.* New-York, 1890. 6) *Hassencamp.* Geschichte Irlands von der Reformation bis zu seiner Union mit England (Leipzig 1886). 7. *Hedewitsch.* Uebersicht der irlandischen Geschichte zu richtiger Einsicht in die entfernsten und höheren Ursachen der Rebellion 1798 efc. (Altona, 1806). 8) *Maxwell.* History of the irish rebellion in 1798. 9) *Barry O'Brien*, The autobiography of Theobald Wolfe Tone (1893), vols I—II. 10) *Froude*, The irish in England in XVIII century. 11) *Arthur Young.* Tour in Ireland with general observations on the present state of that Kingdom etc. Lond. 1780. (для экономич. исторіи весьма важно). 12) *Madden*, United irischmen, their lives and times (vols I—VI; Loud. 1842—48. Есть отдѣльное дополненное изданіе біографіи Эммета изъ этой коллекціи). 13) *Gordon.* History of Ireland (1806). Есть франц. изданіе. „Histoire d'Irlande“ въ 3-хъ т. т. Paris 1808), томъ III. 14) *Th. Moore*, The life of Lord E. Fitzgerald, т.т. I—II (1831). 15) *George Lewis*: „Irish disturbances“. 16) *Guillon*, La France et l'Irlande sous le directoire, Hoche et Humbert (Paris 1888). 17) Dictionary of national biography (томъ 47, стр. стр. 23 и сл., томъ 16, стр. 110 и слл. 18) *Lewis*, Histoire gouvernementale de l'Angleterre. 19) *Stanhope*, Life of the right hon. William Pitt (Lond. 1861), томы II и III. 20) *Мануйловъ*, Аренда земли въ Ирландіи. Москва 1895. (Литература, относящаяся къ слѣдующимъ главамъ будетъ въ нихъ указана).

го полагали, что они страдаютъ излишнимъ пессимизмомъ. Что въ Ирландіи давно неспокойно,—это знали и слышали всѣ, кто, вообще, хоть немного интересовался этой страной, но англичане въ теченіе ряда столѣтій уже къ этому привыкли и не совсѣмъ ясно представляли себѣ, что можетъ быть иначе. Рѣчь всегда (а особенно съ середины XVII-го столѣтія) шла только о размѣрахъ броженія, и вотъ въ эти то предсказываемые (напр., Фоксомъ и Уэстморлэндомъ) серьезные размѣры будущаго движенія долго не вѣрили. Дѣло въ томъ, что некомпетентнымъ людямъ (къ каковымъ принадлежали, кромѣ Вильяма Питта, и тогдашніе англійскіе министры, имѣвшіе весьма смутное понятіе объ Ирландіи) всякое большое возстаніе въ этой странѣ казалось послѣ 1782 года мало вѣроятною неблагодарностью: у ирландцевъ свой парламентъ въ Дублинѣ, изъ-за чего же возможна мало-мальски сильная революція, если они не окончательные измѣнники его величеству королю Георгу III? Такъ ставился вопросъ въ англійскихъ правящихъ кругахъ. Лучшая критика тогдашняго ирландскаго парламентаризма, какую только мы можемъ дать читателямъ, заключается въ самой общей характеристикѣ тогдашняго положенія дѣлъ въ Ирландіи, съ одной стороны, и простомъ изложеніи имѣвшихъ тамъ силу парламентскихъ порядковъ съ другой стороны.

Изъ $4^{1}/_{2}$ милліоновъ (съ небольшимъ) ирландскаго населенія въ концѣ XVIII вѣка, больше $3^{1}/_{4}$ милліоновъ было ирландцевъ-католиковъ, около пятисотъ тысячъ ирландцевъ-пресвитеріанъ и около трехъ четвертей милліона англичанъ (англиканской религіи). Положеніе массы основного ирландскаго населенія въ экономическомъ отношеніи было ужасно. Больше $^{7}/_{8}$ (по цифрѣ О'Коннора даже $^{9}/_{10}$) всей земли принадлежало сравнительно небольшой горсти англичанъ, а остальная ничтожная часть распредѣлялась между нѣсколькими богатыми ирландцами-пресвитеріанами и католиками. Англійскіе землевладѣльцы были не только пришлымъ элементомъ, но даже, въ значительной части, очень недавно пришедшимъ въ Ирландію: послѣ низверженія Іакова II Стюарта въ 1688 г., послѣ усмиренія яковитскаго возстанія въ Ирландіи въ 1689 г., имѣвшаго цѣлью поддержать короля католика, новое англійское правительство (Вильгельма III и Маріи) конфисковало массу земель (около милліона акровъ) и роздало ихъ членамъ англійской знати, которые до той поры не имѣли къ Ирландіи никакого отношенія. Это обстоятельство окончательно сдѣлало англичанъ. и дотого богатѣйшихъ землевладѣльцевъ Ирландіи, господами почти всей почвы, пригодной для землепашества или скотоводства; оно же въ необычайной степени усилило такъ называемый абсентеизмъ (отсутствіе изъ страны землевладѣльцевъ), зло страшно отяготившее и безъ того нелегкое положеніе большинства народа. Дѣло въ томъ, что лендлорды весьма часто не пріѣзжали въ Ирландію иначе, какъ на мѣсяцъ—другой, для охоты и дачнаго времяпрепровожденія: въ этой совсѣмъ чужой и неинтересной для очень многихъ изъ нихъ странѣ имъ жить было и скучно, и незачѣмъ. Колоссальныя земли свои они сдавали арендаторамъ на разные сроки и на неодинаковыхъ условіяхъ. Напримѣръ, тѣ, что получили въ 1689 г. конфискованныя у католиковъ земли, весьма скоро сбыли ихъ за хорошую цѣну въ вѣчную аренду; другіе отдавали въ пожизненную аренду или на 41 годъ, или на иные сроки. Но и этотъ первый арендаторъ (т.-е. снимавшій землю у лендлорда) тоже далеко не всегда заключалъ эту сдѣлку, чтобы жить лично въ арендованномъ помѣстьи, вести хозяйство, раздавать скотъ; аренда являлась для него весьма часто простой коммерческой аферой, вродѣ того, какъ въ городахъ существуетъ профессіональная скупка и перепродажа домовъ: онъ въ свою очередь сдавалъ арендованную землю, разбивъ ее на крупные участки. Эти вторые арендаторы, или посредники, иногда оставляли себѣ часть арендованной земли, а остальную часть, раздѣливъ на мелкіе участки, сдавали уже нищему крестьянскому населенію; иногда же сдавали все, не оставляя себѣ ничего для хозяйства, если находили это болѣе выгоднымъ. Итакъ, ферморъ, обрабатывавшій землю, долженъ былъ выработать прибыль и для второго, и для перваго арендаторовъ, и для лендлорда. Арендная плата была неодинакова для различныхъ мѣстъ и колебалась сообразно съ большею или меньшею доходностью земли. Въ общемъ, она не была выше арендной платы, бывшей въ употребленіи въ Англіи, но земля являлась несравненно менѣе доходной: никто не принималъ никакихъ мѣръ къ улучшенію почвы, къ введенію болѣе высокой сельскохозяйственной культуры Посредники, которые знали, что, все равно, недостатка въ фермерахъ у нихъ не будетъ, ибо нужно же тремъ милліонамъ безземельныхъ людей чѣмъ-нибудь питаться, и лендлорды, которымъ эти посредники аккуратно платили деньги, совершенно не были заинтересованы въ поддержаніи раціональнаго сельскаго хозяйства, а фермеры, бившіеся какъ рыба о ледъ, чтобы не умереть съ голоду на своемъ участкѣ, эксплуатировали землю примитивно, хищнически, зная къ тому же, что договорное право крайне запутано, что хотя они и числятся въ качествѣ долгосрочныхъ арендаторовъ, но каждый день можетъ оказаться, что второй посредникъ не вправѣ былъ вовсе съ нимъ заключать такой договоръ, или что въ договорѣ между вторымъ и первымъ посредникомъ что-то неладно, или что лендлордъ вознамѣрился и имѣетъ право нарушить договоръ съ первымъ посредникомъ,—а это разрушаетъ всѣ, такъ сказать, нисходящіе договоры. Конечно, могли быть и бывали въ такихъ случаяхъ судбища, но ирландскому фермеру не по карману было вынести издержки англійскаго судопроизводства; къ тому же договорное право, необыкновенно осложненное существованіемъ этихъ первичныхъ, вторичныхъ и третичныхъ арендаторовъ, имѣло прямую тенденцію къ охранѣ правъ и преимуществъ верховной собственности на землю. Вотъ почему далеко не всѣ фермеры даже по заключеніи долгосрочныхъ арендныхъ сдѣлокъ, могли чувствовать себя обезпеченными, и съ извинительною алчностью голодныхъ людей, сознающихъ, что ихъ могутъ сейчасъ отогнать отъ пищи, они хищнически торопились выбрать изъ истощенной земли все, что только возможно. Да и средствъ, и знаній необходимыхъ для сельскохозяйственныхъ усовершенствованій у нихъ не было. Еще пресвитеріане, жившіе большею частью на сѣверѣ, сидѣли нѣсколько крѣпче на своихъ участкахъ, благодаря ряду болѣе благопріятныхъ мѣстныхъ историческихъ условій, приведшихъ къ болѣе упрощенной арендной системѣ и къ менѣе развитому абсентеизму, но и имъ, въ большинствѣ случаевъ, приходилось тяжело. И у нихъ доходность земли была самая низкая, а земля истощалась. Да и чѣмъ вознаградилась бы затрата денегъ на улучшеніе сельскаго хозяйства, если бы лендлорды или посредники и не прочь были предпринять нѣчто подобное? Куда сбывать продукты? Во всей Ирландіи было два города съ среднимъ (по тогдашнему масштабу) населеніемъ и десятокъ слишнимъ маленькихъ глухихъ городковъ, населеніе которыхъ не могло ни въ какомъ случаѣ считаться достаточнымъ потребителемъ для земельной площади въ сотни квадратныхъ километровъ. Торговля и промышленность были слабы, и хотя періодами прогрессировали (напр., въ послѣднее двадцатилѣтіе XVIII-го вѣка), но очень туго, и реагировать на доходность земли въ смыслѣ повышенія арендной платы еще не могли. Если за свое будущее не могъ ручаться даже фермеръ, аккуратно платящій аренду, то въ случаѣ неисправности онъ ужъ совсѣмъ попадалъ во власть лендлорда или посредника и могъ быть тотчасъ согнанъ съ своего участка. А бывали годы, когда такой неисправности столь же трудно было избѣжать, какъ напримѣръ, не повалиться отъ сильнаго землетрясенія. Въ теченіе всего XVIII-го и первыхъ десятилѣтій XIX-го вѣка въ Ирландіи часто свирѣпствовали эпизоотіи, въ одинъ день иногда лишавшія фермера возможности работать на полѣ; земля, истощенная въ конецъ, годами давала скуднѣйшій урожай, даже и при удачно сложившихся климатическихъ условіяхъ, а потомъ являлись градъ, дождь некстати, засуха и т. д.; наконецъ, государственныя повинности взыскивались съ тою же безпощадностью, какъ и арендная плата, и вырывали изо рта крестьянской семьи послѣдній кусокъ. Особенно ненавистная «десятина», подать, взыскивавшаяся вопреки всякой логикѣ и справедливости, съ католическаго населенія въ пользу государственной англиканской церкви и ея священнослужителей, выводила изъ терпѣнія самыхъ забитыхъ и далекихъ отъ политики людей. Объ этомъ налогѣ и методахъ взысканія его еще будетъ у насъ рѣчь впереди, ибо онъ сыгралъ въ ирландской исторіи весьма видную роль. Вопіющая нелѣпость и несправедливость налога съ голоднаго католическаго населенія для содержанія живущихъ въ нѣгѣ и холѣ нѣсколькихъ сотъ англиканскихъ пасторовъ и ихъ начальства, нужныхъ только ничтожной части обитателей острова, бросались въ глаза даже и очень пристрастнымъ англичанамъ. Тѣмъ не менѣе, «десятина» процвѣтала и дѣятельно поддерживалась англійскими властями; мы увидимъ, къ чему привело и чѣмъ окончилось ея существованіе.

Изъ католическаго ирландскаго населенія лишь небольшая горсточка образовывала ничтожный количественно средній классъ; къ нему принадлежали немногіе болѣе или менѣе обезпеченные фермеры, владѣльцы ремесленныхъ мастерскихъ въ городахъ, мануфактурныхъ заведеній, хозяева рыбныхъ ловель, врачи и аптекари, частные ходатаи по дѣламъ; государственная служба въ мѣстныхъ учрежденіяхъ для католиковъ была закрыта, отъ высшихъ до низшихъ ея ступеней, что тяжело отзывалось на матеріальномъ положеніи этого немногочисленнаго и скуднаго средняго сословія. Католическое духовенство, близкое, за исключеніемъ епископовъ, къ крестьянамъ, по образу жизни, жило немногимъ лучше, нежели его паства. Полмилліона ирландскихъ пресвитеріанъ страдало отъ нужды, хоть обыкновенно и не въ такихъ размѣрахъ, какъ католики, отъ десятины, которая и съ нихъ взыскивалась въ пользу англиканскаго духовенства, столь же имъ чужого, какъ и католикамъ, отъ грубости и произвола властей. Богатый же кругъ англичанъ составлялъ замкнутую, гордую своимъ привилегированнымъ положеніемъ касту, которая не смѣшивалась съ аборигенами не только потому, что тѣ ее ненавидѣли, но и потому, что она сама ихъ презирала и, вмѣстѣ съ тѣмъ, боялась. Презирала за нищету, за унизительное ихъ положеніе, боялась изъ-за протестующаго духа, который, казалось, совсѣмъ не къ лицу былъ этимъ жалкимъ нищимъ, и, однако, споконъ вѣковъ давалъ себя чувствовать самымъ недвусмысленнымъ образомъ. Въ 80-хъ гг. XVIII-го вѣка, впрочемъ, это чувство боязни замѣтно ослабѣло у англичанъ: лендлордамъ, пасторамъ, чиновникамъ и офицерамъ, представлявшимъ въ Ирландіи если не весь англійскій элементъ, то самую замѣтную его категорію, начало казаться, будто ирландцы удовлетворены дублинскимъ парламентомъ, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы не мечтать о возстаніи съ оружіемъ въ рукахъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ утѣшительныхъ самообмановъ, которымъ такъ легко поддаться при сильномъ (и вполнѣ естественномъ желаніи) къ матеріальному своему комфорту прибавить еще и душевный. Господствующая раса въ большинствѣ и рѣшила, что она пріобрѣла, наконецъ, право на покой и чувство безопасности, что она заплатила за эти блага хорошую цѣну. Что же это была за цѣна?

II.

Въ началѣ 1780-хъ гг. Англія попала въ чрезвычайно тяжелое положеніе, благодаря неудачамъ и пораженіямъ на американскомъ материкѣ. Что политика относительно американскихъ колоній вообще, и война съ ними въ частности, была фатальною ошибкой, это въ указанную эпоху могъ не сознавать развѣ только одинъ король, упрямство котораго среди качествъ его ума и сердца успѣшно конкурировало съ безнадежною ограниченностью. Но поправлять сдѣланныя оплошности было уже поздно; Франція примкнула къ американцамъ и угрожала высадкою въ Ирландіи; Америка была утрачена безвозвратно, и представлялось необходимымъ подумать уже о собственной безопасности. Тогда (съ 1778 г.) въ Ирландіи стали образовываться волонтерскія дружины, правда, исключительно изъ протестантовъ, но при полномъ сочувствіи со стороны католическаго населенія. Дѣло въ томъ, что эти дружины сразу обнаружили весьма сильный мѣстный патріотизмъ, и метрополія съ безпокойствомъ сообразила, что ирландскіе волонтеры какъ будто не противъ однихъ только французовъ снаряжаются. Сначала волонтеровъ было 40, потомъ 75, наконецъ, 125 тысячъ человѣкъ. Словомъ, это былъ одинъ изъ рѣдкихъ моментовъ, когда Ирландія оказалась едва ли не сильнѣе Англіи, и подобное соотношеніе силъ, благодаря Флуду, Граттану и другимъ ирландскимъ дѣятелямъ 70—80 гг. XVIII-го столѣтія, было очень быстро учтено. Георгъ III, видя, что волонтеры имѣютъ за собою всю страну, что они прекрасно вооружены, что нѣтъ ни малѣйшей возможности силою ихъ успокоить, вслѣдствіе пребыванія почти всей англійской арміи въ Америкѣ, почелъ благовременнымъ даровать, милостью Божіею, полное самоуправленіе Ирландіи. Дублинскій парламентъ, чисто фиктивное учрежденіе, не имѣвшее ни малѣйшаго смысла и значенія, былъ преобразованъ въ духѣ автономіи. Это произошло въ 1782 г., при кликахъ ликованія, торжествахъ, когда вотировалась національная благодарность и патріоту Граттану, и волонтерамъ, и королю, и всѣмъ, кто имѣлъ хоть отдаленное отношеніе къ вновь октроированной ирландской конституціи. Эта конституція и была тою политическою декораціею, на фонѣ которой разыгралось возстаніе 1798 года. Весьма скоро новый парламентъ пересталъ возбуждать въ ирландцахъ иныя чувства, кромѣ сначала затаеннаго, а потомъ открыто прорывавшагося неудовольствія, и это раздраженіе явилось одной изъ серьезныхъ причинъ той кровавой междоусобицы, описаніе которой составляетъ тему этой главы. Чѣмъ же парламентъ 1782 года былъ плохъ для своей страны? Для оцѣнки всякого парламентскаго строя существуютъ два главныхъ критерія, ее обусловливаютъ отвѣты на два основныхъ вопроса: вопервыхъ, насколько велика фактическая власть парламента и, во-вторыхъ, насколько при данной системѣ пополненія парламентскаго собранія обезпечивается полное и вѣрное представительство существующихъ въ странѣ политическихъ тенденцій и общественныхъ настроеній и интересовъ. Есть и рядъ другихъ, второстепенныхъ критеріевъ, но мы будемъ имѣть въ виду только эти два, дѣлая бѣглый очеркъ ирландскихъ парламентскихъ порядковъ послѣ 1782 года. Что касается до вліянія на исполнительную власть, то оно почти вовсе ускользало отъ вѣдѣнія ирландскаго парламента: ирландское министерство, вѣдавшее текущія дѣла страны, всецѣло зависѣло отъ лорда намѣстника (онъ же и командиръ расположенныхъ въ Ирландіи военныхъ силъ), а лордъ-намѣстникъ назначался главою англійскаго кабинета. Вслѣдствіе такого положенія вещей выходило слѣдующее курьезное обстоятельство: ирландскіе министры смѣнялись и вновь назначались въ зависимости отъ партійныхъ соотношеній, царившихъ не *въ ирландскомъ*, а *въ англійскомъ* парламентѣ, ибо отъ англійскаго парламента зависѣло англійское министерство, и слѣдовательно, всѣ «производныя» административныя величины, т.-е. также лордъ-намѣстникъ Ирландіи. Итакъ, на текущія дѣла Ирландіи, англійское правительство всегда могло имѣть и имѣло при господствѣ конституціи 1782 года самое активное вліяніе. Что же касается до чисто законодательныхъ вопросовъ, то въ теоріи ирландскій парламентъ былъ абсолютно независимъ отъ англійскаго, и вся связь обѣихъ странъ въ вопросахъ законодательства сводилась къ тому, что прошедшій черезъ нижнюю и верхнюю палаты законопроектъ нуждался еще въ подписи великобританскаго короля. Конечно, въ дѣлахъ внѣшней политики Ирландія должна была безпрекословно слѣдовать въ англійскомъ фарватерѣ, но весьма скоро обнаружилось, что и теоретическая ея самостоятельность во внутреннихъ вопросахъ также есть не болѣе, какъ невинная и безобидная фикція. Тутъ мы естественно переходимъ ко второму основному вопросу, рѣшеніе котораго необходимо для должной оцѣнки данной конституціи: какъ же пополнялся ирландскій парламентъ? Состоялъ онъ (по примѣру англійскаго) изъ двухъ палатъ: верхней и нижней. Члены ирландской палаты лордовъ назначались королемъ и санъ ихъ былъ пожизненнымъ и наслѣдственнымъ; конечно, это были исключительно люди, принадлежавшіе къ господствующей націи и церкви. Что же касается до нижней палаты, то ни одинъ католикъ не имѣлъ права ни выбирать въ нее, ни быть избираемымъ, то-есть изъ 4½ милліоновъ (приблизительно) людей, населявшихъ Ирландію, около 3½ милліоновъ были совершенно отстранены отъ какого бы то ни было участія въ управленіи. Но и изъ оставшейся небольшой части населенія, въ нижнюю палату попадало *всегда* только то большинство, которое не могло быть враждебнымъ Англіи. Въ самомъ дѣлѣ, ничего даже приблизительно похожаго на правильные и независимые выборы—не было и въ поминѣ. Всего членовъ было триста, и изъ нихъ двѣсти слишкомъ являлись отъ маленькихъ мѣстечекъ, то-есть, просто, назначались по единоличному усмотрѣнію владѣльцевъ этихъ мѣстечекъ, остальные сто, въ большинствѣ случаевъ, также не представляли собою избранниковъ даже той ничтожной англиканской или пресвитеріанской горсточки, которая по закону имѣла право голоса: всемогущее вліяніе лендлорда и тутъ слишкомъ часто оказывало свое огромное дѣйствіе. Все это вошло въ обиходъ до такой степени, что, по свѣдѣніямъ какъ ирландскимъ, такъ и англійскимъ, существовала даже спеціальная такса за право отъ имени извѣстнаго мѣстечка назначить кого угодно членомъ парламента (или самому быть выбраннымъ), а также за пріобрѣтеніе этого права навсегда. Первое стоило, обыкновенно, около 2.000 фунтовъ стерлинговъ, а второе отъ 8 до 19 тысячъ. Итакъ, кто могъ попасть въ нижнюю палату? Почти исключительно сторонники англійскаго преобладанія, представлявшіе даже не всю ничтожную полноправную горсточку населенія, а только особенно угодную англійскимъ министрамъ категорію этой горсточки.

При подобныхъ порядкахъ избранія и, прежде всего, при безусловномъ устраненіи отъ выборовъ всего католическаго населенія, т.-е. подавляющаго большинства ирландской націи, толковать о дублинскомъ парламентѣ, какъ о представительствѣ Ирландіи можно было бы развѣ только въ видѣ ироніи. Радикально настроенные пресвитеріане и кое-кто изъ англичанъ-протестантовъ, съ самаго начала этой системы, съ 1782—1783—1784 гг., не переставали указывать на всѣ подобныя уродливости и ненормальности; волонтерскія общества (пріобрѣтшія явно политическій характеръ) требовали въ резолюціяхъ на своихъ собраніяхъ коренной парламентской реформы, но всѣ эти домогательства оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, такъ же какъ аналогичное движеніе среди католиковъ. Вообще, 80-е годы XVIII-го вѣка были временемъ, когда прогрессивные элементы среди пресвитеріанъ (ирландскаго и шотландскаго происхожденія) и англичанъ (господствующей церкви) понемногу стали тѣснѣе, нежели прежде, сходиться съ католиками. Вдали уже выдвигался политическій идеалъ ближайшаго возстанія: независимая Ирландія и свободные ирландскіе обитатели безъ различія націи и вѣроисповѣданія. Ирландскимъ парламентомъ никто удовлетворенъ не былъ, кромѣ консервативной части англичанъ, населявшихъ Ирландію, и это раздраженіе все росло, по мѣрѣ того, какъ выяснялось, что самъ парламентъ съ своей стороны весьма собою доволенъ: въ 1783 году онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергъ весьма умѣренный проектъ реформы, предложенный ему.

Этимъ самымъ дублинское собраніе ясно говорило, что оно хочетъ остаться фикціей и игрушкой въ рукахъ метрополіи и довольствоваться тою автономіею Ирландіи, которая была изображена на бумагѣ и, въ самомъ дѣлѣ, съ перваго взгляда могла обмануть всякого неопытнаго читателя бумажной конституціи. Голодающему населенію негдѣ было высказаться и некому было жаловаться; всѣ застарѣлыя обиды и неправды самымъ мирнымъ образомъ процвѣтали подъ покровомъ порядковъ, созданныхъ, чтобы поддерживать сильнаго противъ слабаго; никакой самостоятельной, выгодной Ирландіи и невыгодной Англіи, экономической политики этотъ дублинскій парламентъ не преслѣдовалъ и не могъ преслѣдовать, и торгово-промышленный классъ (всѣхъ трехъ исповѣданій безъ различія) горько, но тщетно жаловался на то, что англичане пользуются Ирландіей, какъ рынкомъ сбыта, а сами всячески препятствуютъ ирландской конкуренціи у себя и въ колоніяхъ. Католики хотѣли эмансипаціи, превращенія ихъ изъ паріевъ, лишенныхъ всѣхъ правъ, въ гражданъ; пресвитеріане и часть англійскаго низшаго и средняго круга хотѣли болѣе раціональной экономической политики,—и всѣ они жаждали коренныхъ аграрныхъ реформъ и понимали, что ни аграрныя, ни правовыя, никакія иныя измѣненія, въ которыхъ прямо не заинтересованы англійское правительство и лендлорды, не мыслимы при наличности конституціи 1782 года.

III.

Періодически посѣщающій націю голодъ, по мнѣнію покойнаго Вирхова, есть явное доказательство ненормальности ея общественныхъ условій. Ирландская исторія даетъ много фактовъ въ подтвержденіе этихъ словъ; еще неоднократно мы будемъ имѣть случай отмѣтить, какъ голодъ, якобы неожиданно обрушиваясь на Ирландію, съ неумолимою настоятельностью заставлялъ сегодня вопить о томъ злѣ, о которомъ вчера говорили, а позавчера шептали. Такъ случилось и въ описываемое время. Въ 1784 году неурожай свирѣпствовалъ въ Ирландіи со всѣми своими страшными послѣдствіями, и снова началось было призатихшее аграрное движеніе, которое съ давнихъ поръ было грозою лендлордовъ; стали, наконецъ, носиться слухи о томъ, что снова появились «бѣлые парни».

«Бѣлые парни» впервые появились по однимъ источникамъ въ 1761 году, по другимъ нѣсколько ранѣе. Дѣло въ томъ, что отчаянное положеніе ирландскаго крестьянства не мало осложнялось существованіемъ въ странѣ колоссальныхъ пастбищъ. Площадь запашки была невелика, ибо лендлорды и снимавшіе у нихъ землю посредники часто весьма неохотно отдавали землю въ аренду мелкимъ фермерамъ: это было и нѣсколько хлопотливо, и чревато кое-какими безпокойствами и непріятностями. Болѣе удобнымъ представлялось сдать всѣ угодья подъ пастбище какимъ-нибудь 2—3 зажиточнымъ людямъ, либо самимъ заняться разведеніемъ скота; къ тому же земли, отданныя подъ пастбища, вслѣдствіе вопіюще несправедливаго закона, были совершенно изъяты отъ налога на содержаніе протестантскаго духовенства (десятины), и пахатныя мѣста всѣ подвергались этому обложенію. Тутъ законъ какъ бы говорилъ каждой своей строчкой, что богатыхъ людей онъ желаетъ окончательно избавить отъ самыхъ легкихъ для нихъ уплатъ, а бѣднымъ не намѣренъ давать пощады, что содержать англиканское духовенство обязаны не англикане-лендлорды, а нищіе католики. Кромѣ того, ограниченность площади запашки страшно удорожала хлѣбъ и заставляла большинство ирландскаго народа питаться картофелемъ. Наконецъ, съ средины XVIII-го вѣка, англиканское духовенство, не довольствуясь жесточайшими мѣрами при взысканiи десятины, стало чаще и чаще отдавать эту десятину на откупъ, вродѣ того, какъ Золотая Орда отдавала русскую дань на откупъ бесерменскимъ купцамъ. Откупщики же, конечно, взыскивали съ населенiя не только ту сумму, которую они взнесли духовенству, но и извѣстное вознагражденiе себѣ за хлопоты и безпокойства; положенiе фермеровъ становилось при этомъ еще болѣе отчаяннымъ. Конфисковался ихъ скотъ, отбирались орудiя, уносились кухонныя принадлежности, и, если еще оставалась недоимка, нерѣдко фермеръ засаживался въ долговую тюрьму. Жаловаться, какъ мы уже сказали, было некому и послѣ дарованiя Ирландiи «автономiи» въ 1782 г., а до того и подавно. Любопытно, что эксплуататоры ирландскаго фермера иногда (напр. въ 40—50 гг. XVIII-го вѣка) совсѣмъ какъ бы теряли голову отъ упоенiя своею силою, отъ сознанiя строжайшей законности своихъ дѣйствiй, отъ увѣренности въ безпомощности своихъ грязныхъ, оборванныхъ и безграмотныхъ жертвъ.

И вотъ, всегда въ такiе-то безмятежные дни начинались непрiятнѣйшiе инциденты, мгновенно портившiе весь ансамбль соцiальной картины, выдержанной, казалось, въ самомъ опредѣленномъ стилѣ. То здѣсь, то тамъ, сегодня въ Лимерикѣ, завтра въ Килькенни, послѣзавтра въ третьемъ концѣ Ирландiи вдругъ находили трупъ управляющаго, или посредника, или самого лендлорда, прiѣхавшаго на охотничiй сезонъ; по неизвѣстной причинѣ, въ разныхъ мѣстахъ начинались одновременные пожары; разными лицами получались угрожающiя письма, и угрозы приводились въ исполненiе; угонялись огромныя стада, и на земляхъ, гдѣ они паслись, находили только трупы пастуховъ.

Съ 1761 года эти происшествiя приписывались большею частью бѣлымъ парнямъ.

Бѣлыми парнями они называли себя потому, что носили кое-гдѣ, пока это считалось безопаснымъ, бѣлые значки на шляпахъ и бѣлыя рубахи. Они собирались по нѣскольку сотъ человѣкъ и, не нападая открыто, днемъ, чинили ночью судъ и расправу надъ особенно ненавидимыми въ округѣ людьми. Сначала, въ 60-хъ гг., они, впрочемъ, весьма рѣдко прибѣгали къ убiйству, довольствуясь порчей и сожженiемъ имущества, угономъ скота, тѣлесными наказанiями и изуродованiями. Но въ 80—90-хъ гг. XVII-го вѣка участились и убiйства. Представители этого движенiя (принимавшiе кое-гдѣ, напр., въ пресвитерiанскихъ округахъ, и другiя названiя) карали не только непосредственныхъ притѣснителей крестьянства, но и своихъ же, крестьянъ, соглашавшихся, вопреки ихъ прокламацiямъ, платить десятину или наниматься въ батраки за цѣну ниже установленнаго въ прокламацiяхъ минимума и т. д. Бѣлыхъ парней очень боялись всѣ, и этотъ терроръ оказывалъ весьма сильное и длительное дѣйствіе на всѣ аграрныя отношенія этой мѣстности, гдѣ возникали названныя тайныя группы (вербовавшіяся, большею частью, изъ крестьянской молодежи).

Иногда, въ моменты обостреннаго движенія, бѣлые парни вовсе и не скрывались, а бродили человѣкъ по 300, по 500 отъ деревни къ деревнѣ, зная, что при разбросанности англійскихъ гарнизоновъ не такъ-то скоро ихъ изловятъ и не такъ то легко рѣшатся на нихъ напасть. Конечно, фермерское населеніе всячески ихъ поддерживало, давало имъ пропитаніе, исправно платило особый налогъ для ихъ прокормленія, правильно собиравшійся. Весьма любопытна эволюція, происшедшая въ 60-хъ—80-хъ—90-хъ гг. съ отношеніями бѣлыхъ парней къ англійскому правительству. Сначала, въ 60-хъ годахъ, это движеніе не заключало въ себѣ ровно ничего враждебнаго собственно правительству: это былъ протестъ доведенныхъ до отчаянія и голодныхъ людей противъ своихъ эксплуататоровъ, противъ лендлордовъ, посредниковъ, управляющихъ и сборщиковъ десятины. Но англичанамъ невыгодно было изобразить начавшееся движеніе въ истинномъ его, свѣтѣ; дѣло въ томъ, что въ подраженіе бѣлымъ парнямъ католическихъ округовъ, возникло вполнѣ аналогичное явленіе въ округахъ, гдѣ фермеры были пресвитеріанами и даже англиканцами. Такъ, въ Эльстерѣ, ирландской провинціи, населенной, преимущественно, англійскимъ, а не ирландскимъ элементомъ, образовалось сообщество «дубовыхъ парней», которые поступали совершенно по программѣ своихъ католическихъ собратьевъ. Интересъ господствующей (лендлордской) партіи и англійскаго правительства, не желавшаго приступить къ реформамъ, требовалъ поскорѣе разъединить это движеніе, замаскировать истинную его чисто экономическую подкладку и придать ему совсѣмъ иную окраску. Лендлорды и чиновники стали открыто говорить о сношеніяхъ, будто бы существующихъ между бѣлыми парнями и Франціей, о планѣ отдѣлить Ирландію отъ Англіи и предать ее Франціи, о желаніи вырѣзать всѣхъ не-католиковъ. Ничего подобнаго и приблизительно не было въ намѣреніяхъ и желаніяхъ бѣлыхъ парней, но распускаемые англійскимъ правительствомъ слухи поселяли панику въ довольно широкихъ кругахъ общества и напередъ оправдывали любую степень административной энергіи въ борьбѣ съ бунтовщиками. Послѣ перваго появленія въ началѣ 60-хъ гг. «бѣлыхъ парней», въ 1765 году былъ изданъ законъ, по которому участники движенія подвергались смертной казни, а въ случаѣ ихъ ненахожденія взыскивалась огромная контрибуція со всѣхъ жителей той мѣстности, гдѣ совершено аграрное преступленіе. Послѣ 1765 года бѣлые парни стали исчезать, конечно, не вслѣдствіе этого закона, потому что и до его изданія пойманнымъ приходилось очень круто и, чаще всего, ихъ убивали, а съ другой стороны, и послѣ новаго закона ловились лишь очень немногіе, но во-первыхъ, прошло нѣсколько среднихъ и даже хорошихъ урожаевъ, во-вторыхъ напуганные сборщики десятины, лендлорды и посредники нѣкоторое время избѣгали особенно жестокихъ вымогательствъ и изгнаній съ участковъ, да и страшное напряженіе, въ которомъ приходилось жить бѣлымъ парнямъ, не позволяло этой формѣ аграрной борьбы стать непрерывно длящеюся. Мѣстами и моментами это движеніе вспыхивало и въ 70-хъ гг., но агитація, поднятая Флудомъ и Граттаномъ въ пользу административной независимости, поддержанная съ 1778 года волонтерскими дружинами и увѣнчавшаяся въ 1782 г. относительнымъ успѣхомъ, на время прекратила аграрныя волненія и отвлекла вниманіе и чувство ирландцевъ въ сторону политической реформы. Подъемъ духа и удовлетвореніе, вызванные было неоцѣненною по достоинству конституціей 1782 года, исчезли весьма быстро; волонтерскія дружины уже къ 1784 году утратили прежнее значеніе, благодаря наступившему среди нихъ разладу въ тенденціяхъ и настроеніи: одни продолжали и послѣ неудачи 1783 года стоять за рѣшительную парламентскую реформу, другіе утомились и охладѣли къ этой идеѣ. Католическое населеніе увидѣло ясно, что всѣ его матеріальныя бѣды и моральныя униженія остаются въ полной силѣ и что совершенно попрежнему нѣтъ ни малѣйшей возможности законнымъ путемъ помочь горю: по уже охарактеризованному нами составу дублинскаго парламента можно было съ увѣренностью ожидать, что господствующій порядокъ вещей сохранится во всей неприкосновенности, пока это будетъ зависѣть отъ парламентскаго законодательства. Голодъ 1784 года обострилъ чувства озлобленія и отчаянія среди части крестьянскаго населенія, и опять, какъ сказано, появились на сцену бѣлые парни. Начались аграрные разбои, кое-гдѣ поджоги, ломанье и порча плетней и изгородей, угонъ и уродованіе скота, ночныя нападенія на объѣздчиковъ, управляющихъ и сторожей. Все еще это движеніе, какъ и въ первые пароксизмы (въ 1761—1765 гг.), не принимало явно-политическаго характера, но министерство Вильяма Питта, управлявшее судьбами Англіи и Ирландіи, сочло благоразумнымъ отнестись къ нему съ большою серьезностью. Дѣло въ томъ, что у Вильяма Питта, подобно многимъ талантливымъ государственнымъ людямъ Англіи, до и послѣ него, была способность до минимума доводить возможность какихъ-либо готовящихся серьезныхъ противоправительственныхъ волненій. Оставляя совершенно въ сторонѣ моральную оцѣнку дѣйствій и побужденій Вильяма Питта, необходимо признать, что онъ, дѣйствительно, владѣлъ политическимъ даромъ дѣлать уступки, сохраняя свое достоинство, разъединять враговъ, не показывая вида, что такова его главная цѣль, дѣлать своими маріонетками людей, прикидываясь ими побѣжденнымъ, злодѣйствовать чужими руками, сохраняя собственныя въ полной чистоплотности, наконецъ, никогда не смѣшивать капризовъ своего темперамента съ требованіями поддерживаемаго государственнаго принципа. Словомъ, у него были достаточныя умственныя способности, чтобы поступать такъ, какъ хотѣли, но не умѣли поступать многіе другіе. Питтъ владѣлъ въ большой мѣрѣ тою государственною хитростью, которая такъ хорошо характеризована въ «Измаилъ-беѣ»: «Народъ—дитя, онъ не захочетъ дать, не покушайся вырвать, но украдь». Въ области политики, гдѣ показался (и кажется) совсѣмъ ко двору отзывъ о чужой неудачѣ: «это хуже, чѣмъ преступленіе, это ошибка!»—осуждать, вообще, и слова, и дѣла подобнаго образца съ моральной точки зрѣнія—занятіе довольно праздное, все равно, какъ съ пыломъ настаивать, напр., на томъ, что негры гораздо чернѣе скандинавовъ. Дѣло съ нравственностью тутъ обстоитъ слишкомъ просто и удобопонятно. Мы должны, слѣдовательно, минуя вопросъ о сочувствіи или несочувствіи Питта ирландскимъ страданіямъ, спросить себя: во-первыхъ, чего ему хотѣлось достигнуть въ ирландской политикѣ, во-вторыхъ какія средства онъ пустилъ въ ходъ для достиженія этихъ цѣлей, и въ-третьихъ, почему его предначертанія на этотъ разъ не удались. Конечно, ему, прежде всего, желательно было достигнуть полнаго успокоенія волнующагося острова, ибо и управленіе государственными дѣлами безъ этого успокоенія отягчалось, и во внѣшней политикѣ ирландское броженіе довольно чувствительно и далеко не въ пользу Англіи ложилось на чашку дипломатическихъ вѣсовъ. Въ 1784—1785 гг. опять появились бѣлые парни; одновременно съ этимъ началось манифестаціонное движеніе среди городскаго населенія въ Дублинѣ. Ирландскія мануфактуры и другія промышленныя заведенія давно уже требовали запретительнаго таможеннаго тарифа для иностранныхъ, въ томъ числѣ и англійскихъ, продуктовъ; ихъ представители (довольно вліятельные также въ дублинскомъ парламентѣ) давно жаловались, что англійская промышленность ихъ угнетаетъ, что конкуренція съ нею имъ не подъ силу. Они стали даже (до извѣстной степени демонстративно) сокращать производство и разсчитывать рабочихъ, говоря разсчитываемымъ, что вся бѣда въ нежеланіи англійскаго правительства наложить требуемыя пошлины на ввозъ въ Ирландію англійскихъ провенансовъ. Начались рабочія волненія на улицахъ Дублина все на той же почвѣ требованій новыхъ пошлинъ. Вильямъ Питтъ тотчасъ же понялъ, что подобныя причины могутъ весьма легко создать опасное сближеніе между недовольными элементами разныхъ религій и, даже, разныхъ классовъ, тогда какъ вѣроисповѣдная рознь и классовый антагонизмъ являлись едва ли не главными двумя поддержками англійскаго владычества. Онъ боялся одновременно происходившихъ аграрнаго и городского движеній и весьма хотѣлъ съ которымъ-нибудь изъ нихъ поскорѣе кончить. Въ Дублинѣ толпы народа ходили по улицамъ, иногда окружали и подвергали насмѣшкамъ, толчкамъ и побоямъ нелюбимыхъ чиновниковъ и членовъ парламента и всевозможнымъ издѣвательствамъ лицъ, извѣстныхъ своей оппозиціей желаннымъ запретительнымъ пошлинамъ, и всячески показывали, что они вполнѣ солидарны въ этомъ вопросѣ съ владѣльцами промышленныхъ предпріятій. Вильямъ Питтъ предложилъ законопроектъ, который почти уравнивалъ всѣ торговыя права Англіи и Ирландіи, къ несомнѣнной выгодѣ ирландцевъ. Но и въ Ирландіи, и въ Англіи этотъ проектъ встрѣтилъ сильную оппозицію, и когда онъ въ ирландскомъ парламентѣ провалился, то пришлось его взять назадъ. Этотъ проектъ не налагалъ запретительныхъ пошлинъ на англійскіе товары, оттого онъ и не совсѣмъ понравился ирландскимъ купцамъ и промышленникамъ. Но провалился онъ въ дублинскомъ парламентѣ потому же, почему не понравился и въ Англіи: въ обоихъ этихъ мѣстахъ ирландскіе интересы стояли вообще на второмъ планѣ. Тѣмъ не менѣе, пока шла возня съ проектомъ, острый періодъ кризиса миновалъ, все вошло въ свою колею, и когда проектъ провалился, Питтъ уже мало этимъ былъ заинтересованъ. Съ городами на время пріутихло, и можно было уже не отвлекаясь продолжать борьбу противъ бѣлыхъ парней. Съ ними въ сдѣлки нельзя было и пытаться вступать, это значило бы пошатнуть весь тогдашній ирландскій соціальный строй, покоившійся на лендлордскомъ всемогуществѣ и привилегіяхъ англиканскаго духовенства. Изъ за одной только отмѣны подати «десятины» возстало бы, какъ одинъ человѣкъ, огромное большинство дублинскаго и, что было гораздо опаснѣе для министра, *англійскаго* парламента. Въ однѣ сутки кабинетъ былъ бы проваленъ самымъ безповоротнымъ образомъ. Питтъ махнулъ рукою на это осиное гнѣздо лендлордскихъ притѣсненій и фермерской нищеты и предоставилъ лорду-намѣстнику вѣшать бѣлыхъ парней и посылать военныя экзекуціи.

Католическое духовенство на этотъ разъ высказалось рѣшительно противъ аграрныхъ безпорядковъ, что также было чрезвычайно на руку Вильяму Питту. Епископъ Трой почелъ своимъ долгомъ даже обратиться къ паствѣ съ пастырскимъ посланіемъ *), въ которомъ обращалъ вниманіе бѣлыхъ парней на грозящія имъ за ихъ поведеніе вѣчныя муки въ иномъ мірѣ; лордъ-намѣстникъ горячо благодарилъ епископа за это вмѣшательство. Любопытно, что хотя ничего существеннаго для торговли и промышленности, въ концѣ концовъ, сдѣлано не было, ибо, какъ сказано, Питту помѣшали, тѣмъ не менѣе опять на нѣсколько лѣтъ относительное спокойствіе воцарилось въ странѣ; отчасти тутъ давалъ себя знать и вошедшій тогда въ силу покровительствовавшій хлѣбопашеству законъ Фостера, быстро расширившій площадь запашки, вслѣдствіе чего открывалась возможность прокормленія большаго количества фермерскихъ семействъ, нежели при преобладаніи пастбищнаго землепользованія. Но, конечно, ни одна изъ страшныхъ соціальныхъ язвъ излечена не была. Вымогательства «десятины» приводили въ отчаяніе фермеровъ, которые и безъ этого налога въ пользу чужого духовенства, не сводили концовъ съ концами и чуть не ежемѣсячно могли ждать изгнанія съ арендуемаго участка. А когда прогонятъ, тогда либо кончай съ собой, либо кормись подаяніемъ, ожидая лучшаго оборота судьбы, либо отправляйся на большую дорогу, либо довольствуйся мелкими похищеніями. Впрочемъ, тогда за кражу даже небольшихъ цѣнностей (отъ 5 шиллинговъ) полагалась смертная казнь черезъ повѣшеніе, а потому для этого преступленія требовалась едва ли не такая же отвага, какъ для грабежа и убійства.

---

*) Pastoral Exortation of the right Reverend Dr. Troy the catholic Bishop of Ossory to his Flock (цѣликомъ напечатано въ собраніи документовъ къ III-му тому указаннаго сочиненія Plowden'a, стр. 51—52).

Что же дѣлалъ дублинскій парламентъ за все это время въ теченіе 80-хъ и начала 90-хъ гг. XVIII-го столѣтія? Ничего. Граттанъ и Флудъ произносили горячія рѣчи, иногда ссорились между собою, иногда дѣйствовали заодно, ихъ сочлены по парламенту слушали ихъ не безъ удовольствія (ораторскій даръ обоихъ очень цѣнился не только въ Ирландіи, но и въ Англіи), и ничего полезнаго для страны все-таки не вотировалось. Люди вродѣ Граттана и Флуда были одиноки, не имѣли нужной поддержки въ стѣнахъ палаты, а поддержка внѣ палаты принимала формы, отпугивавшія ихъ. Кромѣ того, эта поддержка, въ видѣ ли внезапныхъ появленій бѣлыхъ парней, или возникновенія уличныхъ безпорядковъ, была слаба, неорганизована, малосознательна.

Только далеко смотрѣвшихъ впередъ государственныхъ людей, какъ Вильяма Питта, могло безпокоить это неулаженное положеніе дѣлъ, неуравновѣшенное состояніе общественно-государственнаго механизма въ Ирландіи. Но чрезвычайныя осложненія во внѣшней политикѣ, вторая русско-турецкая война (1787—1791), съ паденіемъ Очакова и усиленіемъ русскаго вліянія, финансовая ликвидація послѣдствій войны противъ американскихъ колоній, наконецъ, вспыхнувшая французская революція властно отвлекали вниманіе Англіи отъ сосѣдняго острова. Сравнительное затишье, воцарившееся тамъ со второй половины 1780-хъ гг., также благопріятствовало этому забвенію ирландскихъ бѣдъ и нуждъ. Не забудемъ, что Ирландія была тогда почти всецѣло крестьянскою, земледѣльческою, негородскою страною, а при соціальномъ строѣ, основанномъ на чисто аграрныхъ отношеніяхъ, симптомы начинающагося болѣзненнаго кризиса всегда медленнѣе и труднѣе познаются, нежели при строѣ городскомъ, индустріальномъ. Съ другой стороны, давнишняя привычка къ тому, что въ Ирландіи, такъ сказать, полагается никогда не быть полному покою, заставляла совершенно равнодушно относиться къ проявлявшимся все же изрѣдка признакамъ глухого раздраженія. Наконецъ, успокаивающую роль игралъ и ирландскій парламентъ, находившій (голосами большинства членовъ), что все обстоитъ благополучно, и что мало-мальски серьезныя реформы излишни.

Hochschule für
5674
Eurasisches Seminar

Такъ обстояло дѣло до начала 1790-хъ гг., когда на историческую авансцену въ Ирландіи выдвинулись люди, объединившіе разрозненныя оппозиціонныя силы, вдохнувшіе силу и увѣренность въ души даже самыхъ отчаявшихся, снова поставившіе предъ своей родиной огромныя цѣли и снова показавшіе Англіи воочію, какіе смертельные, непримиримые, сознательные и самоотверженные враги живутъ въ ближайшемъ отъ нея сосѣдствѣ. Для того, чтобы понять, какъ возникла организація «Объединенныхъ ирландцевъ», необходимо очертить личность Вольфа Тона и лорда Фицджеральда, а также характеръ той общественной среды, гдѣ они начали свою дѣятельность, а чтобы оцѣнить всѣ препятствія, съ которыми имъ пришлось на первыхъ же порахъ бороться, нужно предварительно упомянуть объ одномъ явленіи, широко развившемся именно въ моментъ выступленія этихъ людей на ихъ трудную работу.

IV.

У англійскаго правительства и до, и во время, и послѣ Вильяма Питта было принято за своего рода политическую аксіому, не требующую доказательствъ, слѣдующее правило: по мѣрѣ силъ и возможности слѣдуетъ стараться натравливать другъ на друга въ разныхъ сочетаніяхъ всѣ элементы, населяющіе Ирландію, такъ, чтобы католики, англиканцы и пресвитеріане постоянно враждовали между собою и чтобы численно слабѣйшіе, т.-е. англиканцы и пресвитеріане, вѣчно нуждались для охраны своей жизни, своихъ правъ и привилегій въ организованныхъ военныхъ силахъ, находящихся въ распоряженіи у правительства. Разсчету этому нельзя отказать въ продуманности. Англійское министерство всегда, а особенно въ 1780—1790 гг., сознавало, что ничего нельзя себѣ представить для англійскаго владычества опаснѣе, нежели союзъ и дружба между всѣми ирландскими гражданами безъ различія вѣроисповѣданій. Что такой союзъ вполнѣ возможенъ, что въ смыслѣ лояльности, вообще, ручаться можно развѣ только за лендлордовъ, и то не за всѣхъ, что даже и не изъ союза всѣхъ жителей Ирландіи, а просто изъ дружелюбныхъ сосѣдскихъ отношеній между ними для англійскаго владычества можетъ вдругъ возникнуть грозная опасность,—это въ Лондонѣ испытали въ 1778—1782 гг., въ тѣ ужасные годы, когда въ Новомъ Свѣтѣ американцы били англійскія войска, а въ Европѣ французы грозили высадкою, и ирландскіе протестанты, сформировавшись въ волонтерскія дружины, заставили дать Ирландіи «автономную» конституцію. Продолжься всѣ эти печальныя для Англіи условія, пришлось бы, пожалуй, дать ирландцамъ и настоящую автономію, а не ту призрачную, которой впопыхахъ и въ первый моментъ они обрадовались и удовлетворились. Но Граттанъ, Флудъ и даже вожди волонтеровъ не владѣли великимъ политическимъ искусствомъ и умѣньемъ требовать до конца, тѣмъ искусствомъ, котораго такъ много оказалось черезъ сто лѣтъ, при несравненно болѣе тяжелыхъ условіяхъ, напр., у Парнеля; когда же руководители ирландцевъ годъ—другой спустя захотѣли поправить ошибку, было уже поздно, соотношеніе силъ успѣло круто измѣниться.

Но англичане не забывали урока: они знали, что за протестантами волонтерами тогда стояло все католическое населеніе, которое готово было въ роковую минуту поддержать ихъ всѣми средствами и способами, и что именно это сдѣлало волонтеровъ столь страшными. По мѣрѣ того, какъ къ концу 1780-хъ гг. росло общее недовольство подкупленнымъ парламентскимъ большинствомъ, которое, собственно, было даже и не выбрано, а, просто, назначено англійскимъ правительствомъ и его прямыми сторонниками изъ лендлордовъ, кабинетъ Вильяма Питта все съ большимъ сочувствіемъ смотрѣлъ на новое движеніе, возникшее въ сѣверныхъ окраинахъ Ирландіи. Для того, чтобы достигнуть успокоенія страны путемъ умиротворительной политики, у Вильяма Питта не было достаточно силъ, какъ оказалось изъ неудачнаго опыта съ законопроектомъ о торговлѣ; но чтобы или прямымъ науцченіемъ, или попустительствомъ не давать потухнуть всегда тлѣвшему въ Ирландіи расовому и вѣроисповѣдному антагонизму,—на это средствъ въ рукахъ Вильяма Питта было многое множество. Даже можно было умыть руки и почти предоставить всему идти своимъ чередомъ, довольствуясь легкими и незамѣтными толчками. Что же это было за движеніе, столь кстати для англичанъ развившееся во второй половинѣ 1780-хъ гг.?

Началось все съ совершенныхъ пустяковъ еще въ началѣ 1780-хъ гг. Подралось въ мѣстности Эрмогѣ (на сѣверѣ) двое крестьянъ изъ двухъ сосѣднихъ деревень по какому то личному поводу; оба принадлежали къ пресвитеріанскому вѣроисповѣданію. Зритель драки, крестьянинъ католикъ принялъ въ ней живое участіе и, избивъ одну изъ сторонъ, снискалъ себѣ ненависть не только потерпѣвшаго, но и всей его деревни. Въ свою очередь, онъ получилъ поддержку своей деревни, состоявшей большею частью изъ католиковъ; вражда ширилась и распространялась весьма быстро между крестьянскимъ населеніемъ сѣвера.

Она не замедлила получить вѣроисповѣдную окраску, такъ какъ одна изъ сторонъ являлась въ видѣ сплоченной массы пресвитеріанъ, другая—въ видѣ такой же ассоціаціи католиковъ. То замирая, то возгораясь, эта борьба вспыхнула къ концу 1780-хъ гг. яркимъ пламенемъ; на этотъ разъ дѣло не обошлось безъ соучастія англійскаго правительства. Нужно замѣтить, что, по одному изъ многочисленныхъ законовъ, дѣлавшихъ католиковъ паріями гражданскаго общества, никто изъ лицъ этой религіи не имѣлъ права обладать оружіемъ. Пресвитеріане, въ пылу вражды, пользуясь подобнымъ закономъ, повадились (обыкновенно на разсвѣтѣ) производить облавы и обыски въ квартирахъ католиковъ, ища и отбирая оружіе. Съ наглостью насильниковъ, чувствовавшихъ за собою открытую поддержку лендлордовъ и молчаливую—англійскаго правительства, эти добровольцы вламывались въ глухой часъ зари разсвѣта въ лачуги фермеровъ-католиковъ, поднимали всю изморенную дневнымъ трудомъ семью, обыскивали всѣ углы, творили всевозможныя издѣвательства надъ жертвами, оскорбляли женщинъ и, въ случаѣ неудачнаго обыска, уходили, а найдя оружіе, волокли хозяина къ властямъ или избивали его сами до потери сознанія. Ихъ стали называть «предразсвѣтными парнями»—по времени, когда они являлись на обыски. Конечно, жалобы на нихъ властямъ были совершенно безполезны, и выяснилась рѣшительная необходимость самообороны. Католики стали объединяться въ союзъ «защитниковъ», (дефендеровъ) съ цѣлью на насилія отвѣчать организованнымъ отпоромъ. Тогда какъ-то такъ, якобы само собою произошло, что къ предразсвѣтнымъ парнямъ примкнули волонтерскія дружины (какъ уже сказано, состоявшія исключительно изъ пресвитеріанъ и протестантовъ), и эти, сыгравшіе нѣкогда (въ 1778—1782 гг.) оппозиціонную роль люди стали послушнымъ оружіемъ лендлордовъ и правительства, подъ вліяніемъ ловко разогрѣтаго въ нихъ постороннимъ усердіемъ вѣроисповѣднорасоваго фанатизма.

Все шло превосходно: крестьяне разныхъ религій дрались между собой, волонтеры занимались обысками, дублинскій парламентъ былъ послушенъ и тихъ. Но на этотъ разъ Вильямъ Питтъ разсчиталъ безъ хозяина, что и съ такими даже умами въ исторіи безпрестанно случается.

Онъ не принялъ въ разсчетъ, что не всѣ католики и не всѣ пресвитеріане принадлежатъ къ крестьянскому сословію, онъ зналъ, что средній классъ въ Ирландіи малочисленъ и матеріально слабъ, и поэтому почелъ его совершенною «quantité negligeable». Вотъ здѣсь то и коренилась ошибка Вильяма Питта. Образованная горсточка ирландцевъ безъ различія вѣроисповѣданій превосходно видѣла, кто остается въ главномъ выигрышѣ отъ дракъ дефендеровъ съ предразсвѣтными парнями и волонтерами, и, не выработавъ пока вполнѣ опредѣленной программы дѣйствій, твердо рѣшила всѣми силами отвлечь темные слои населенія отъ полезной для англичанъ междоусобицы и направить ихъ на настоящаго, общаго врага. Политическая проницательность, чудовищная энергія, дерзость, предпріимчивость, презрѣніе къ своей и чужой жизни отличали вождей этой горсточки. Они своими моральными силами восполняли численную скудость; ихъ уже невозможно было обмануть, какъ были обмануты ихъ отцы въ 1782 году; ихъ нельзя было и натравить другъ на друга, какъ крестьянъ; наконецъ, имъ трудно было воспрепятствовать силою въ подготовительныхъ дѣйствіяхъ, ибо, какъ справедливо ни бранили конституцію 1782 года, а все-таки она мѣшала лорду-намѣстнику разить непріятеля по вдохновенію. Они захотѣли открыть глаза ирландскому населенію и открыли; они признали нужнымъ организовать и сплотить всѣхъ безсознательныхъ и сознательныхъ враговъ Англіи, и сплотили; когда это было сдѣлано,—они сочли своевременнымъ зажечь возстаніе, и зажгли; оказавшись слабѣе, они должны были погибнуть, и погибли. Въ ихъ жизни было много страшнаго для нихъ и окружающихъ, потому что вся эта жизнь являлась строго логичнымъ проведеніемъ одной и той же идеи, а тѣ страницы всемірной исторіи, на которыхъ выводы начертаны непосредственно вслѣдъ за посылками, обыкновенно бываютъ обильно забрызганы кровью.

Трупы, кровь и пожары, убійства, пытки и висѣлицы, гніющая вода въ колодцахъ отъ накиданныхъ тѣлъ и развалины,—вотъ что явилось видимымъ, матеріальнымъ послѣдствіемъ всѣхъ усилій Вольфа Тона, лорда Фицжеральда и ихъ друзей. И однако, сто лѣтъ спустя, въ 1889 году, Гладстонъ по поводу Вольфа Тона писалъ: «одинъ изъ наиболѣе достойныхъ сожалѣнія фактовъ ирландской исторіи заключается въ томъ, что къ концу прошлаго (XVIII) столѣтія бунтовщики Ирландіи были во многихъ случаяхъ истиннымъ цвѣтомъ ея дѣтей (the very flower of her children)». Какъ же объяснить этотъ отзывъ въ устахъ англичанина, многократнаго министра, стараго политика и врага революцій? Разскажемъ, что дѣлали и сдѣлали эти люди, чтобы читатель могъ придти къ самостоятельному заключенію: соглашаться ли ему съ Гладстономъ, или нѣтъ.

V.

Теобальдъ-Вольфъ Тонъ родился въ 1763 году въ семьѣ одного дублинскаго хозяина каретной мастерской, протестанта. Съ молодыхъ лѣтъ въ немъ проявлялась одна удивительная черта: онъ любилъ мечтать до такой степени, что окружающая дѣйствительность совершенно его переставала интересовать,—т. е. не то, чтобы это только временами такъ бывало, нѣтъ, его мечты жили въ немъ постоянно, онѣ были одарены развитіемъ, отличались сложностью, захватывали его всецѣло и надолго. Герцогъ Аргайль (ненавидящій Вольфа Тона) совершенно справедливо, напримѣръ, удивляется такому обстоятельству: почему Тонъ до двадцати семи лѣтъ совершенно не обращалъ вниманія на Ирландію и ирландскія дѣла, а потомъ вдругъ разомъ отдался имъ душою и тѣломъ? Все дѣтство, отрочество, первая молодость прошли въ обстановкѣ, гдѣ можно было слышать и о бѣлыхъ парняхъ съ ихъ аграрными нападеніями, и о борьбѣ католиковъ-дефендеровъ съ предразсвѣтными парнями, и о другихъ явленіяхъ такого характера; городскіе безпорядки въ Дублинѣ изъ-за вопроса о торговыхъ пошлинахъ развились на его глазахъ; парламентъ 1782 г. возникъ тоже когда онъ уже не былъ ребенкомъ.

И все это какъ-то проходило мимо, ничуть его не затрогивая, потому что ему было некогда: сначала онъ мечталъ стать солдатомъ и отправиться въ неизвѣстныя мѣста къ таинственнымъ враждебнымъ народамъ; потомъ онъ мечталъ основать колонію на одномъ изъ заброшенныхъ острововъ Тихаго океана и оттуда предпринимать отважныя экспедиціи противъ непріятелей—какихъ? онъ самъ хорошенько не зналъ, и называлъ впослѣдствіи Испанію; затѣмъ явились новые планы—службы въ Индіи и борьбы съ туземными державцами въ глубинѣ этой страны, тогда покрытой колоссальными, непроходимыми, тропическими лѣсами, лугами и озерами. Можетъ быть, вслѣдствіе принадлежности своей къ протестантской семьѣ, онъ въ дѣтствѣ и первой юности относился къ англійскому правительству не то вполнѣ нейтрально, не то даже дружелюбно; по крайней мѣрѣ, его мечты вовсе не исключали поступленія на англійскую военную службу, основанія колоніи при помощи Вильяма Питта (о чемъ онъ даже подавалъ проектъ англійскому министру) и тому подобныхъ комбинацій.

И непремѣнно въ этихъ мечтаніяхъ есть враги и война съ ними борьба и движеніе. Жизненная карьера Вольфа Тона сложилась слѣдующимъ образомъ: онъ учился сначала въ колледжѣ Тройцы, потомъ въ дублинскомъ университетѣ, спеціализовался на изученіи права, которое терпѣть не могъ и называлъ безнравственнымъ въ принципахъ и въ приложеніяхъ; въ адвокаты онъ готовился по желанію и просьбамъ отца и курсъ окончилъ хорошо только вслѣдствіе замѣчательныхъ способностей.

Двадцати двухъ лѣтъ отъ роду онъ полюбилъ одну молодую дѣвушку, и такъ какъ были препятствія со стороны ея родныхъ, онъ увезъ ее и обвѣнчался, а затѣмъ поселилъ ее въ семьѣ своего отца, самъ же отправился въ Лондонъ устраивать дальнѣйшее будущее. Въ Лондонѣ онъ провелъ два года (1787—1788 г. г.) одинъ, дѣлясь скуднымъ кускомъ хлѣба съ своимъ братомъ и какъ будто готовясь къ адвокатской практикѣ, а на самомъ дѣлѣ почти вовсе не заглядывая въ судебныя учрежденія и упорно работая надъ разными полуфантастичными проектами, изъ которыхъ ничего реальнаго не выходило. Въ самомъ концѣ 1788 года послѣдовало примиреніе съ нимъ семейства его жены, и онъ вернулся въ Дублинъ, гдѣ съ 1789 г. началъ заниматься практикой. Замѣчательнымъ свойствомъ обладалъ Вольфъ Тонъ: у него хорошо выходило даже такое дѣло, за которое онъ принимался съ отвращеніемъ. Природныя силы ума и удивительныя способности выручали. И занятіе адвокатурой, страшно его тяготившее тоже пошло у него такъ, что онъ сталъ зарабатывать довольно много.

Но уже спустя годъ практика стала ему совсѣмъ не въ моготу и онъ ее совершенно оставилъ. Средства къ существованію были теперь, послѣ примиренія съ тестемъ, совершенно достаточны для его семьи; онъ отдался всецѣло политикѣ, которая его до того времени совсѣмъ не интересовала. Почему такъ случилось, чѣмъ обусловилось это совершенно внезапное направленіе мысли Вольфа Тона,—мы не можемъ сказать въ полной точности. Начавшейся французской революціей и ея впечатлѣніями можно (какъ увидимъ) объяснить дальнѣйшія движенія ирландской политической мысли вообще и конечные идеалы Вольфа Тона въ частности; уже съ 1790 года вліяніе революціи несомнѣнно и сильно; тѣмъ не менѣе оно сказалось на Вольфѣ Тонѣ не сразу. Весною 1790 года онъ опубликовалъ памфлетъ, въ которомъ рѣзко критиковалъ систему управленія лорда-намѣстника Букингэма, въ январѣ того года подавшаго въ отставку. Его точка зрѣнія въ этомъ памфлетѣ—рѣзко оппозиціонная, но еще вполнѣ лойяльная относительно англійскаго владычества. (При свободѣ печати, уже тогда существовавшей въ Ирландіи, мыслима была бы въ прессѣ и иная точка зрѣнія). Парламентскіе виги сочли его въ первое время своимъ и сблизились съ нимъ. Однако, очень скоро уже обнаружилось, что имъ не по дорогѣ: Вольфъ Тонъ напечаталъ новый памфлетъ, въ которомъ весьма явственно сводилъ дѣло къ необходимости полной независимости отъ Англіи. Поводъ къ подобнымъ заключеніямъ былъ на этотъ разъ самый щекотливый для Англіи, ибо касался внѣшней политики. Произошло столкновеніе между англійскими и испанскими судами, сопровождавшееся оскорбленіемъ британскаго флага, и въ Лондонѣ заговорили о войнѣ съ Испаніей. Такъ какъ кредиты для войны должны были вотироваться по закону и въ англійскомъ, и въ ирландскомъ парламентахъ, то Вольфъ Тонъ, предупреждая событія, написалъ брошюру посвященную разсмотрѣнію вопроса: обязана ли Ирландія непремѣнно принимать активное участіе во внѣшнихъ столкновеніяхъ Англіи съ другими державами? По его мнѣнію, разъ Англія начинаетъ ссоры и, вообще, ведетъ сношенія съ иностранными землями безъ всякаго участія Ирландіи, то и столкновенія Англіи съ ними къ Ирландіи никакого отношенія имѣть не могутъ. Въ ссорѣ Испаніи съ англичанами Ирландія, говоритъ Вольфъ Тонъ, столь же мало принимала участія, «какъ если бы споръ возникъ между японскимъ императоромъ и корейскимъ королемъ», расплачиваться же за англійскія предпріятія ирландцамъ нѣтъ никакой нужды. Виги, изображавшіе въ дублинскомъ парламентѣ оппозицію, совершенно не вняли совѣтамъ Вольфа Тона и наравнѣ съ правительственнымъ большинствомъ вотировали кредитъ въ двѣсти тысячъ фунтовъ. Отношенія между ними и Вольфомъ Тономъ послѣ этого сильно охладѣли. Все еще онъ не становился на революціонную дорогу; онъ ждалъ, но въ ожиданіи все по вышалъ и повышалъ свои требованія, все расширялъ свои политическіе идеалы. На парламентскую же оппозицію онъ весьма быстро усваивалъ тотъ взглядъ, окончательная формулировка котораго нѣсколько позже вылилась у него въ признаніи, что онъ «давно уже презираетъ такъ называемую оппозицію гораздо искреннѣе, нежели обыкновенныхъ проститутокъ», ибо проститутки не столь лицемѣрны. Въ это же время стала у него складываться та ненависть къ Англіи, которая, по его собственнымъ словамъ, настолько глубоко укоренилась въ его натурѣ, что стала «скорѣе инстинктомъ, нежели принципомъ».

Все яснѣе и яснѣе вырисовывается передъ нимъ главная цѣль всей остальной его жизни: полнѣйшее отдѣленіе Ирландіи отъ Англіи, въ видѣ совершенно самостоятельнаго государства. И сообразно съ этимъ все напряженнѣе ищетъ его мысль средствъ и методовъ первоначальныхъ, подготовительныхъ дѣйствій, необходимыхъ для начала борьбы. Люди, одаренные сильно развитымъ воображеніемъ и быстро схватывающими все на лету способностями, часто страдаютъ отсутствіемъ усидчивости, умѣнья сосредоточиться. У Вольфа Тона эти недостатки были, но поглотившая его мысль дала ему и сосредоточенность, и усидчивость. При тѣхъ обстоятельствахъ, какія тогда его окружали, Вольфъ Тонъ сдерживалъ свою природную порывистость и долго осматривалъ и зондировалъ почву, пока не приступилъ къ рѣшительному дѣлу. Нужно отмѣтить необыкновенную жизнерадостность, сказывающуюся въ любопытномъ дневникѣ, который остался послѣ Вольфа Тона. Этотъ человѣкъ былъ въ безпрерывной работѣ съ 1791 года до рокового ареста, подвергался страшнѣйшимъ опасностямъ, встрѣчалъ досадныя и тяжелыя препятствія, и за всѣ эти семь лѣтъ юморъ и хорошее расположеніе духа, съ интервалами, конечно, не покидали его. Очень ужъ онъ былъ увѣренъ въ торжествѣ своего дѣла, а Паскаль недаромъ сказалъ: «il y a plaisir d'être dans un vaisseau battu de l'orage, lorsqu'on est assuré qu'il ne perira point». Подлинныя бури еще не настали въ 1791 году, но Вольфъ Тонъ уже началъ снаряжать то судно, гдѣ ему и лорду Фицджеральду суждено было стать рулевыми и обоимъ погибнуть. Онъ быстро понялъ, что не только съ драками предразсвѣтныхъ парней и католиковъ-дефендеровъ, но и съ другими, менѣе острыми проявленіями расовой и вѣроисповѣдной вражды въ Ирландіи необходимо покончить какъ можно скорѣе. Пока англійское правительство имѣло поводъ и возможность прикидываться кроткою и огорченною всеобщей матерью, которая къ прискорбію своему никакъ не можетъ унять дерущихся дѣтей; пока пресвитеріанамъ и англиканцамъ внушалось, что католики собираются устроить Варѳоломѣевскую ночь, а католикамъ—что предразсвѣтные парни и волонтеры кое-какъ удерживаются только метрополіей отъ самыхъ худшихъ неистовствъ, до тѣхъ поръ ни одного серьезнаго шага противъ Англіи предпринять нельзя было. Вольфъ Тонъ выдвинулъ точку зрѣнія, которая, какъ ему казалось, способна была привести къ намѣченной первоначальной цѣли: успокоить ирландскую междоусобицу. Въ его концепціи все населеніе Ирландіи, безъ различія расы и религіи, должно было смотрѣть на свой островъ, какъ на неотъемлемое общее достояніе, и, слѣдовательно, первой, самой насущной задачей должно стать объединеніе ирландцевъ. Тогда правительство останется со своими чиновниками, немногочисленными гарнизонами и лендлордами; остальные же обитатели Ирландіи обратятся въ одну враждебную массу. Блестящій и свѣжій примѣръ сѣверо-американскихъ колоній сильно подбодрялъ Вольфа Тона. Тамъ то же были религіозные раздоры, тоже далеко не сразу объединились разнородные элементы населенія, тоже вооруженный протестъ сначала казался дерзостью и сумасшествіемъ, и однако инсургенты добились рѣшительно всего, чего хотѣли. Вольфъ Тонъ между многимъ прочимъ былъ одаренъ также однимъ свойствомъ, полезнымъ для всѣхъ людей вообще, а для политическаго дѣятеля прямо безцѣннымъ: при всей своей пылкой фантазіи, при сильныхъ страстяхъ и увлеченіи идеею, онъ никогда не терялъ умственнаго хладнокровія, разсчитывая шансы удачи и неудачи, никогда не лишался способности переноситься мысленно на мѣсто врага, обсуждать дѣла съ вражеской точки зрѣнія такъ же обстоятельно, какъ свои собственныя. Онъ былъ поэтомъ въ главныхъ цѣляхъ и суровымъ прозаикомъ въ обдумываніи средствъ борьбы и только оттого этотъ нервный, высокій, худощавый, небрежно одѣтый человѣкъ со своимъ блѣднымъ, добродушнымъ лицомъ и проницательными глазами оказался столь страшнымъ для англичанъ противникомъ. Вольфъ Тонъ, напримѣръ, уже въ 1792 г., какъ явствуетъ изъ его дневника, на днѣ души своей хранилъ и питалъ мысль, что съ чего ни начинай и чѣмъ ни продолжай въ дѣлѣ насильственнаго расторженія связи между Англіей и Ирландіей, а безъ помощи Франціи, въ концѣ концовъ, не обойдешься. Но поставить эту мысль во главѣ угла всѣхъ своихъ соображеній въ 1791—1792 гг., когда рѣчь шла еще объ устраненіи междоусобныхъ раздоровъ въ Ирландіи, было съ точки зрѣнія Вольфа Тона такою нелѣпостью, за которую англійское правительство могло бы только его сердечно поблагодарить. Французское нашествіе, которое спустя пять, шесть лѣтъ было принято инсургентами самымъ дружественнымъ образомъ, въ началѣ 1790 г. еще являлось пугаломъ не только для протестантовъ, но и для части католиковъ. Еще не назрѣло время для начала возстанія, для военной борьбы, въ пылу которой все оцѣнивается исключительно со стратегической точки зрѣнія, еще только начиналась та медленная общественная раскачка, которая длилась, все усиливаясь, пять лѣтъ, пока не привела къ открытому бунту. Но Вольфъ Тонъ, приглядываясь къ окружавшей его политической атмосферѣ, быстро замѣтилъ, какимъ цементомъ легче всего связать ирландцевъ: принципы гражданской и политической свободы и равноправности, выдвинутые французской революціей, и послужили связью, объединившей средній классъ ирландскаго населенія. Въ эти первые свои годы, до террора, французская революція завладѣвала умами средняго класса во всѣхъ странахъ съ необыкновенной быстротой. Энтузіазмъ къ великому движенію распространился въ Ирландіи сначала по тѣмъ округамъ, которые были населены преимущественно просвитеріанами и англиканцами, особенно въ Эльстерѣ.

Подобное явленіе весьма понятно: освободительныя и антицерковныя идеи революціи принимались протестантскимъ среднимъ классомъ всецѣло; положеніе протестантовъ средняго слоя, несмотря на кажущуюся ихъ полноправность, было весьма незавидно, ибо ни въ парламентъ безъ желанія и вліянія лендлордовъ они фактически попасть не могли, ни инымъ путемъ вліять на государственныя и, даже, мѣстныя дѣла также не имѣли возможности, что же касается до антикатолическихъ тенденцій революціи, то къ католицизму въ лучшемъ случаѣ они были совершенно равнодушны. Нѣсколько иначе обстояло дѣло въ католическихъ округахъ: тамъ «паріи желали стать гражданами», люди, лишенные всѣхъ политическихъ и нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ, стремились выйти изъ своего унизительнаго положенія, и уравнительные революціонные принципы быстро пріобрѣтали тамъ по меньшей мѣрѣ такихъ же горячихъ адептовъ, какъ среди tiers-état протестантскаго, но не такъ однородно было отношеніе къ революціонному антиклерикализму. Вѣдь католическое духовенство въ своей массѣ стояло въ рядахъ ирландской оппозиціи; несмотря на краснорѣчіе епископа Троя, они, подобно своей паствѣ, благожелательно относились къ бѣлымъ парнямъ и открыто поддерживали дефендеровъ въ ихъ оборонѣ отъ пресвитеріанскихъ предразсвѣтныхъ парней; во Франціи революція уничтожала церковную «десятину», въ Ирландіи тоже была «десятина», но какая?—взимавшаяся съ католиковъ въ пользу *англиканской*, а не католической церкви! Все это, разумѣется, нѣсколько мѣшало образованнымъ католикамъ, даже и не вѣрующимъ, легко усваивать революціонное отрицательное отношеніе къ католической церкви, да оно, въ концѣ концовъ, почти вовсе не вошло въ идейный обиходъ этого замѣчательнаго ирландскаго поколѣнія 1790-хъ гг. Такъ или иначе, но протестантскій Эльстеръ первый почувствовалъ на себѣ «французскую заразу», какъ выражались тогда охранительные круги тогдашней Англіи и континента. Въ іюлѣ 1791 г., во вторую годовщину взятія Бастиліи, волонтерскія дружины устроили въ Бельфастѣ огромную дружественную Франціи манифестацію; была предложена и принята резолюція съ требованіемъ уравненія правъ католиковъ и протестантовъ. Вице-король Ирландіи графъ Уестморлэндъ съ прискорбіемъ увидѣлъ, что, несмотря на стычки кое-какихъ волонтерскихъ дружинъ съ дефендерами, несмотря также на всѣ старанія отожествить волонтеровъ съ предразсвѣтными парнями, эта чисто протестантская ассоціація питаетъ къ католикамъ дружественныя чувства... «Союзъ ихъ (т.-е. католиковъ и пресвитеріанъ) былъ бы дѣйствительно ужасенъ. Этотъ союзъ еще не заключенъ, и я вѣрю и надѣюсь, что онъ никогда не состоится», писалъ въ одномъ частномъ письмѣ *) вице-король вскорѣ послѣ бельфастской манифестаціи.

Вольфу Тону суждено было разбить эту вѣру и надежду. Онъ тотчасъ же рѣшилъ воспользоваться проявившимся въ Бельфастѣ активнымъ настроеніемъ и поспѣшилъ туда. Въ сентябрѣ того же года (1791) онъ издалъ новый памфлетъ, въ которомъ осыпалъ упреками и насмѣшками царившую ирландскую конституцію, ставилъ категорическое требованіе полнѣйшей эмансипаціи католиковъ и, прежде всего, права для нихъ выбирать и быть выбираемыми въ парламентъ. Онъ прямо говорилъ о лукавой политикѣ англійскаго правительства, которое пугаетъ протестантовъ католиками и католиковъ протестантами для собственной выгоды, и доказывалъ, что всѣ эти искусственно поддерживаемые страхи неосновательны. Десять тысячъ экземпляровъ этого памфлета были быстро расхватаны, прочитывались и обсуждались (конституція, хоть и дурная, хоть и вполнѣ справедливо критикуемая въ памфлетѣ, тѣмъ не менѣе позволяла говорить о себѣ вслухъ, вполнѣ откровенно). Когда почва казалась достаточно подготовленною, Вольфъ Тонъ въ октябрѣ (1791 г.) предложилъ нѣкоторымъ единомышленникамъ въ Бельфастѣ основать особое общество для пропаганды объединенія; такая ассоціація была основана и названа «Обществомъ объединенныхъ ирландцевъ». Насколько зависитъ отъ человѣческой воли приблизить историческое событіе, настолько это сообщество приблизило взрывъ 1798 года. Къ его дѣятельности мы теперь и обратимся.

Евг. Тарле.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

*) Lecky, op. cit., vol. VI, стр. 463.

* *

Еще вчера весь день подъ окнами въ каналѣ
Дышала, какъ больной, тяжелая вода,—
Морозъ пришелъ въ ночи, взглянулъ—и воды стали,
И отъ движенья нѣтъ слѣда.

Но что творится тамъ, подъ ледянымъ налетомъ,
Не смерти-ль это сонъ въ холодной мутной мглѣ?..
Нѣтъ, терпѣливо жди, за солнцеповоротомъ
Ждетъ воскресенье на землѣ.

Allegro.

СОНЕТЪ.

Не спрашивай, о чемъ волна морская
Поетъ, шумя на берегу нѣмомъ,
И отчего въ безмолвіи ночномъ
Звѣзда небесъ горитъ, не угасая.
Не спрашивай... Люби, не понимая,
Молись и жди... Въ невѣдѣньи земномъ—
Предчувствіе о вѣдѣньи иномъ,
Святая боль, отрада неземная.

И еслибъ вѣдалъ ты, о чемъ волна
На берегу поетъ неутомимо,
И отчего звѣздами ночь хранима,
И еслибъ зналъ, за что обречена
Душа твоя въ невѣдѣньи томиться,—
Не могъ бы ты ни вѣрить, ни молиться.

С. Маковскій.

ЗА ОКЕАНОМЪ.

Повѣсть изъ жизни русскихъ въ Америкѣ.

Глава I.

Кукуруза уродилась на славу. Ѳеня медленно шла по узкой дорогѣ между двухъ клочковъ своего поля и ея небольшая круглая фигура совсѣмъ пропадала среди высокихъ стеблей, плотныхъ и неподвижныхъ, какъ зеленыя копья. Даже безформенная ноша высоко лежавшая на ея плечахъ, была скрыта между широкими листьями, которые росли пучками вокругъ каждаго ствола, поднимаясь кверху, какъ огромный султанъ, и скрывая въ своей глубинѣ плотный и тяжелый початокъ. Ѳеня шла бодро, нѣсколько согнувъ спину подъ тяжестью и упруго колебля бедра на каждомъ шагу; ея правая рука, поднятая кверху, настойчиво поддерживала ношу, которая все норовила съѣхать внизъ. Это была груда кухонныхъ остатковъ, крѣпко завязанныхъ въ большой кусокъ сѣрой ряднины. Въ полумилѣ отъ Ѳениной фермы находилась земледѣльческая академія, и Ѳеня, промышлявшая откармливаніемъ свиней, каждое утро приносила оттуда цѣлыя охапки кухонныхъ обрѣзковъ и остатковъ для своихъ четвероногихъ питомцевъ. Директоръ академіи искренно завидовалъ Ѳенѣ, ибо свиноводство чрезвычайно выгодно въ Нью-Джерси, но подражать ей было внѣ его власти. Академія была еврейская и не могла имѣть ничего общаго со свиньями. Правда, нѣкоторые наиболѣе вольнодумные изъ еврейскихъ фермеровъ пробовали утверждать, что талмудъ въ сущности не запрещаетъ разводить свиней для продажи христіанамъ, но традиціонное отвращеніе къ нечистымъ животнымъ было слишкомъ сильно и даже самые отпѣтые вольнодумцы не рѣшались приложить свои взгляды на практикѣ и завести свиной хлѣвъ

Въ академіи ежедневно садились за столъ двѣсти человѣкъ и на заднемъ дворѣ постоянно накапливались горы картофельныхъ и капустныхъ обрѣзковъ, представлявшихъ цѣлый рудникъ для окрестныхъ польскихъ и русинскихъ фермеровъ. Ѳеня не имѣла лошади и ей приходилось перетаскивать ноши на своихъ плечахъ. Она постоянно жадничала и набирала выше своей силы У ней было двѣнадцать свиней, и каждая лишняя горсть корму составляла разсчетъ въ ея хозяйственномъ оборотѣ. Иногда, если у нея было больше досуга, она совершала два путешествія въ академію, и въ этотъ день вся свиная орава не стоила ей ни одного цента.

Пройдя половину дороги, Ѳеня почувствовала, что узелъ начинаетъ съѣзжать куда то въ сторону. Тяжесть его какъ будто выросла и на лбу ея отъ напряженія выступили мелкія капли пота.

Немного подальше на самой дорогѣ стоялъ большой пень, который почему то былъ оставленъ нетронутымъ при первоначальной корчевкѣ. Ѳеня подошла къ пню, свалила свой узелъ на его иззубренный, но довольно широкій край и остановилась на минуту, чтобы перевести духъ.

У ней оставался дома грудной ребенокъ, но она накормила его передъ самымъ уходомъ и оставила подъ надзоромъ своей кумы, старой Шешлянтихи, которая доводилась ея мужу двоюродной теткой и часто приходила къ ней съ утра вмѣстѣ съ узломъ грязнаго бѣлья, взятаго для стирки у горожанъ въ Ноксвилѣ.

Ноксвиль былъ небольшой фабричный городокъ въ одной милѣ отъ Ѳениной фермы и даже иные изъ ея сосѣдей предпочитали посылать своихъ дѣвушекъ на городскія фабрики къ швейнымъ и вязальнымъ машинамъ и отдавать грязное бѣлье въ стирку на сторону.

Мужа Ѳени не было дома. Онъ былъ на лѣсной работѣ и возилъ въ городъ дрова на казенной лошади, принадлежавшей городскому попечительному комитету.

Легкій порывъ вѣтра пробѣжалъ въ листьяхъ кукурузы, но крѣпкіе зеленые стволы стояли по прежнему неподвижно.

«Ишь они какіе!» — невольно сказала Ѳеня, утирая рукавомъ потъ съ лица и любуясь на свою будущую жатву.—«Даетъ Господь на кормъ всякаго скота!.. Все равно русскіе овсы»...

«Каково то теперь уродились тверскіе овсы?» — невольно подумала она. Но мысль ея тотчасъ же вернулась къ собственному полю.

Ѳеня была родомъ изъ подъ Торжка и жила въ Америкѣ только четыре года, но это поле они съ мужемъ распахали и засѣяли собственными руками, и сердце ее стало приростать къ этой песчаной почвѣ, которая такъ походила на сѣверорусскія легкія земли, но хозяйство на которой сулило пахарю больше надежды впереди.

«Кормный хлѣбъ,» — думала Ѳеня, продолжая обозрѣвать свое поле—«одной зелени сколько, зерно, какъ горохъ, кочнемъ хоть гвозди забивай!»

«Слава тебѣ Господи!»—сказала она вслухъ.—«Зимою корову заведу, Тимошку молокомъ кормить».

Она совсѣмъ забыла про тверскіе овсы. Они явились съ мужемъ на заброшенную ферму, заросшую бурьяномъ и чертополохомъ и на третье лѣто успѣли придать ей цвѣтущій видъ. Земля и даже домъ еще не принадлежали имъ, но Ѳеня приладила вокругъ своего порога полное деревенское хозяйство и ощущала на этомъ чужомъ полѣ власть земли съ тою же покорною преданностью, какъ и на оскудѣломъ мужицкомъ надѣлѣ не черноземной полосы.

Ѳенино поле не было огорожено, ибо Ѳеня жалѣла деньги, нужныя на колючую желѣзную проволоку. Но немного подальше начинались обширные посѣвы Рабиновича, самаго богатаго изъ окрестныхъ фермеровъ. Предъ ними тянулись три ряда проволоки, тонкой, какъ снурокъ, но, благодаря искусному размѣщенію желѣзныхъ щетинъ, болѣе недоступной для коровъ и свиней, чѣмъ самый крѣпкій заборъ.

Кукуруза на полѣ Рабиновича была посажена раньше, чѣмъ у Ѳени, и уже дозрѣла. Не смотря на ранній часъ, еврейскій фермеръ уже копошился на своемъ участкѣ, занимаясь жатвой. Съ крѣпкимъ косаремъ въ рукѣ онъ переходилъ отъ стебля къ стеблю, подсѣкая ихъ подъ самый корень, и длинные ряды стволовъ, уже лежавшихъ на землѣ, свидѣтельствовали, что онъ вышелъ на работу еще до зари. Въ этомъ мѣстѣ участокъ Ѳени былъ такъ узокъ, что когда Рабиновичъ подошелъ къ изгороди, онъ очутился не болѣе, какъ въ пятнадцати шагахъ отъ Фени.

— Богъ помочь!—сказала Ѳеня, кладя руку на узелъ и собираясь снова взвалить его на плечи.

— И вамъ тозе!—сказалъ фермеръ, останавливаясь у изгороди. Какъ всѣ истинно прилежные работники, онъ всегда былъ радъ лишнему случаю перевести духъ.

— Кормъ тасцись?—спросилъ онъ по русски, но съ ужаснымъ еврейскимъ выговоромъ.—Свиньямъ?

Ѳеня утвердительно кивнула головой.

— Ницего!—сказалъ Рабиновичъ, хитро прищуривая лѣвый глазъ.—Ты разводись свиньи, а я кури!

Ноксвилльскіе пески, какъ и большая часть земель въ приатлантическихъ штатахъ, мало годились для зерновыхъ хлѣбовъ и во всякомъ случаѣ не могли соперничать съ тучными пшеничными полями Небраски или Іовы. Фермеры разводили куръ, садили овощи и фрукты, воздѣлывали ягодникъ, особенно въ околоткахъ, близкихъ къ такимъ огромнымъ рынкамъ, какъ Нью-Іоркъ или Филадельфія, или къ морскимъ курортамъ у Атлантикъ Сити, гдѣ были разбросаны тысячи богатыхъ виллъ, готовыхъ поглощать свѣжія яйца, виноградъ и землянику въ какомъ угодно количествѣ. Въ этихъ околоткахъ даже кукуруза разводилась исключительно на прокормъ скоту и птицѣ и для собственнаго пропитанія фермеры покупали пшеничную муку кульками, какъ фабричные рабочіе.

— У васъ куры, а у меня гуска!—сказала Ѳеня.

Ноксвиль былъ населенъ евреями, которые жарятъ мясо вмѣсто масла на гусиномъ жиру, и разведеніе гусей обѣщало еще болѣе вѣрные барыши, чѣмъ продажа яицъ на морской берегъ. Фабричный городокъ послѣ многихъ колебаній и перемѣнъ сталъ быстро расти и въ этомъ году въ немъ открывалась четвертая большая фабрика.

— У каждаго своя выдумка!—сентенціозно сказалъ Рабиновичъ.—Я весна на двохъ акрахъ орѣховъ садилъ. Янкель лавочникъ allen урозай купитъ.

Онъ подразумѣвалъ дешевые земляные орѣхи, которые разводятся на грядахъ, какъ картофель, и замѣняютъ въ Америкѣ сѣмячки.

— Прощайте вамъ!

Онъ повернулся къ Ѳенѣ спиной, собираясь опять приняться за свою кукурузу, и его сутуловатыя плечи, покрытыя желтой люстриновой курткой, особенно рельефно обрисовались на фонѣ темной зелени. Несмотря на семнадцать лѣтъ земледѣльческой жизни, Рабиновичъ сохранилъ въ полной неприкосновенности поджарую фигуру странствующаго коробейника и можно было только удивляться, какимъ образомъ его тонкія руки съ большими острыми локтями справляются такъ удачно съ косаремъ и заступомъ. Онъ какъ будто только что выскочилъ изъ самой гущи Гетто. Даже затылокъ его, узкій и длинный, съ картузомъ сдвинутымъ далеко назадъ, изъ-подъ котораго выбивались жидкіе и темнорусые локоны, годился болѣе для старьевщика, чѣмъ для земледѣльца. Глядя на этотъ затылокъ, Ѳеня невольно припомнила двухъ нѣмецкихъ фермеровъ, которые полчаса тому назадъ проѣхали мимо академіи въ тарантасѣ, ведя за собой большую черную корову. У нѣмцевъ были совсѣмъ другіе затылки, бритые и красные, крѣпкіе, какъ дерево, и широкіе, хоть молоти горохъ.

Тѣмъ не менѣе Рабиновичъ былъ богаче нѣмцевъ. Онъ былъ самымъ богатымъ фермеромъ въ околоткѣ, по крайней мѣрѣ между европейскими эмигрантами. Подъ одной кукурузой у него было тридцать акровъ хорошо расчищенной и унавоженной земли, дававшей ежегодно прекрасный урожай. Виноградникъ его занималъ двадцать акровъ. На птичьемъ дворѣ, покрытомъ проволочной сѣткой, кормилось три сотни куръ, самыхъ разнообразныхъ породъ. Онъ разводилъ голубей и помидоры, сажалъ калифорнскія груши и земляные орѣхи, каждый годъ дѣлалъ опыты съ какой-нибудь новой отраслью животноводства или огородничества. Онъ умѣлъ извлекать доходъ даже изъ лѣсного участка, который ему достался почти совсѣмъ задаромъ, ибо въ Нью-Джерси нерасчищенная земля, поросшая корявымъ лѣсомъ, цѣнится въ десять разъ дешевле земли расчищенной и удобренной, вполнѣ пригодной для посѣва. Рабиновичъ раздѣлилъ свой лѣсъ на дѣлянки и вырубалъ ихъ ежегодно одну за другою, продавая дрова ноксвильскимъ жителямъ. Этотъ тщедушный старьевщикъ былъ необыкновенно дѣятеленъ и не могъ сидѣть безъ дѣла ни одной минуты. У него было нѣсколько тысячъ долларовъ въ банкѣ, но онъ не признавался въ ихъ существованіи и всегда утверждалъ, что онъ бѣднѣе своихъ сосѣдей, хотя ихъ земли были обременены закладными и слишкомъ часто переходили изъ рукъ въ руки.

Глава II.

Ѳеня тоже почувствовала, что достаточно отдохнула и, взваливъ узелъ на спину, торопливо пошла впередъ по тропинкѣ. Усадьба ея стояла на пригоркѣ. Деревянная изба обычнаго въ Нью-Джерси типа имѣла два этажа и ея высокая кровля, покрытая мелкимъ тесомъ и окрашенная въ зеленую краску, весело блестѣла на утреннемъ солнцѣ. Въ верхнемъ этажѣ помѣщалась спальня и лежала кое-какая рухлядь. Въ нижнемъ хозяева варили пищу, ѣли и работали.

Ѳеня получила этотъ домъ въ аренду вмѣстѣ съ участкомъ. Они съ мужемъ только огородили дворъ, и пристроили нѣсколько сарайчиковъ и небольшихъ клѣтушекъ для разныхъ хозяйственныхъ надобностей. Теперь усадьба выглядѣла очень домовито. Большая бѣлая гусыня, медленно расхаживавшая по двору съ выводкомъ подростающихъ гусенятъ, еще болѣе усиливала это впечатлѣніе зажиточности и всеобщаго благоденствія. Однако, на дѣлѣ благоденствіе Ѳени было не особенно велико. Правда, ей до смерти хотѣлось разбогатѣть и, быть можетъ, это упрямое желаніе, такъ сказать, просачивалось наружу и видоизмѣняло внѣшній видъ двора.

Въ большой комнатѣ у Ѳени не было даже стульевъ и ихъ замѣняли грубо сколоченныя лавки. Она и ея мужъ копили деньги отдѣльно другъ отъ друга и накопили по сотнѣ долларовъ, но на выплату за домъ и участокъ нужно было сдѣлать немедленный взносъ гораздо большаго размѣра. За два года и двѣсти долларовъ были большимъ пріобрѣтеніемъ. Ѳеня отказывала себѣ и мужу въ лишнемъ кускѣ и бралась за самую тяжелую работу, лишь бы заработать лишній долларъ и такимъ образомъ приблизить возможность сдѣлаться хозяйкой и собственницей.

Тимошка лежалъ въ очень старой колясочкѣ на дворѣ у крыльца и гулилъ, т.-е. прикладывалъ кулачки къ губамъ и испускалъ негромкіе рокочущіе звуки, какъ воркующій голубь.

— А-гу, Тимошенька,—сказала Ѳеня, сбрасывая ношу на землю и нагибаясь къ младенцу.

Тимоша радостно засмѣялся и протянулъ къ матери руки, но она тотчасъ же отклонилась назадъ и пошла провѣдать своихъ свиней. Она ухаживала за ними, какъ за малыми дѣтьми, ибо они представляли ея главный живой капиталъ и къ осени должны были выручить, по крайней мѣрѣ, полтораста долларовъ.

Задавъ кормъ свиньямъ, Ѳеня опять подошла къ косясочкѣ и взяла ребенка на руки.

— А что, не плакалъ Тимошенька, мамо?—окликнула она старуху, которая мыла бѣлье въ деревянной лоханкѣ у колодца, растирая его на зубчатой доскѣ, похожей на жестяную терку. Въ Америкѣ было такъ много мелкихъ удобствъ, что нѣкоторыя изъ нихъ достались и на долю этихъ женщинъ. Даже колодезь былъ устроенъ въ видѣ гидравлическаго насоса, который глубоко уходилъ въ землю и вода бѣжала изъ крана послѣ двухъ-трехъ поворотовъ чугунной ручки.

— Не плакалъ Тимошенька, мамо?—повторила Ѳеня.

Шешлянтихѣ было больше шестидесяти лѣтъ и Ѳеня привыкла называть ее мамой, какъ и ея собственная невѣстка.

— Угу!—промычала старуха, не раскрывая рта. Она была чрезвычайно молчалива и отъ нея было трудно добиться отвѣта даже на самый прямой вопросъ. Именно изъ-за этой молчаливости у нея выходили недоразумѣнія съ невѣсткой.

— Вы меня, видно, и за человѣка не считаете, мамо?—однажды сказала ей прямо молодая женщина.—Вы, видно, гордая... Я вамъ и то и се, а вы бы хоть ругнулись въ отвѣтъ!

Ѳеня, впрочемъ, была увѣрена, что Тимоша не плакалъ въ ея отсутствіи. Онъ былъ замѣчательно здоровый и смирный ребенокъ и доставлялъ матери почти также мало хлопотъ, какъ пятилѣтній мальчикъ, который цѣлый день играетъ на улицѣ.

— А никто не приходилъ?—спросила опять Ѳеня.

Она была въ болтливомъ настроеніи и нуждалась въ отвѣтахъ такъ же мало, какъ дроздъ, который щебечетъ на вѣткѣ.

— Ага!—промычала старуха также неопредѣленно, подливая свѣжей воды изъ подъ крана въ лоханку.

Ѳеня примостила ребенка у своей груди и прошла въ садъ.

Это громкое названіе она дала лѣвому углу своей усадьбы, гдѣ росло нѣсколько корявыхъ грушевыхъ и персиковыхъ деревьевъ, посаженныхъ еще при первоначальномъ устройствѣ фермы. Эти деревья приносили мелкіе и деревянистые плоды, но немного подальше, уже за чертой двороваго участка, они съ мужемъ развели небольшой виноградникъ, подобно всѣмъ окрестнымъ фермерамъ. Ѳеня мимоходомъ заглянула, какъ преуспѣвали ея лозы. Виноградъ вился по тычинамъ цѣпкими зелеными плетями. Мѣстами мелкія, только что завязывавшіяся ягоды уже висѣли гроздьями подъ широкими листьями, обѣщая обильный сборъ.

Ѳеня собиралась идти назадъ, но вдали послышалась пѣсня. Ѳеня остановилась, прислушиваясь къ словамъ. Ей пришло въ голову, что, быть можетъ, это ея мужъ везетъ въ Ноксвиль первый возъ дровъ, вырубленныхъ на дѣлянкѣ. Пѣсня выросла, но звуки и слова складывались въ нѣчто совсѣмъ другое, одинаково чуждое окружавшей американской природѣ, англо-саксонской культурѣ и славянской національной стихіи, которая забросила одинъ изъ своихъ отростковъ въ эти лѣсныя дебри. Пѣсня была замѣчательно красива. Она развивалась въ ясномъ воздухѣ, какъ безконечное кружево, волнуясь, трепеща и поднимаясь въ вышину. Въ ней слышалась тоска и сила и меланхолическая мечтательность. Голосъ, пѣвшій ее, былъ мягкій и высокій теноръ, какъ нельзя лучше подходившій къ этимъ лирическимъ звукамъ.

Черезъ минуту изъ за поворота лѣсной просѣки показалась маленькая лохматая лошадь, степенно тащившая большой возъ корявыхъ, мелко нарубленныхъ дровъ.

Рядомъ съ возомъ шелъ человѣкъ крупнаго роста и могучаго тѣлосложенія, съ большой головой, покрытой жесткими курчавыми волосами. Черты лица были ярко семитическаго типа, но въ осанкѣ и въ каждомъ движеніи сказывалась привычка къ тяжелому труду и большая, безсознательно увѣренная въ самой себѣ сила. Такъ выглядѣлъ, вѣроятно, Саулъ, который по словамъ лѣтописца, возвышался плечами надъ цѣлой толпой. Въ каждой рытвинѣ дороги, когда лошадка замедляла шагъ, человѣкъ подпиралъ возъ плечомъ и однимъ широкимъ движеніемъ, какъ будто перекатывалъ его впередъ вмѣстѣ съ лошадью. Въ общемъ, трудно было рѣшить, кто собственно больше передвигаетъ—возъ лошадка или ея хозяинъ.

Несмотря на постоянную заботу о возѣ и лошади, курчавый человѣкъ въ гораздо большей степени былъ поглощенъ своимъ пѣніемъ. Можно было только удивляться, какъ изъ такого могучаго тѣла выходитъ такой нѣжный и сладкій голосъ.

Слова пѣсни были сложены на древне-еврейскомъ языкѣ и ихъ простая прелесть, для каждаго, кто могъ бы понять ихъ смыслъ, еще болѣе усилила бы очарованіе.

Когда Моисей бѣжалъ въ пустыню, онъ пасъ стадо
коровъ и овецъ,
Когда Іосифъ еще ходилъ на волѣ, онъ тоже пасъ
коровъ и овецъ.

Жестокіе братья его связали и продали его въ царскій дворецъ,
Но Богъ помогъ пастуху стать великимъ мудрецомъ
И онъ сталъ пасти весь египетскій народъ.

Царь Саулъ самъ ходилъ за плугомъ,
Богатырь Самсонъ сѣялъ на землю хлѣбъ,
Что же мнѣ стыдиться предъ братьями евреями,
Если я пастухъ, пахарь, дровосѣкъ?

Полоса моя мнѣ даруетъ пищу,
Солнце льетъ тепло, облако поитъ...
Кончивъ долгій трудъ, я засну спокойно
На широкомъ лонѣ матери земли.

Абрамъ Сицимскій происходилъ изъ еврейскихъ колонистовъ южной Россіи и съ дѣтства не зналъ и не любилъ никакого другого дѣла, кромѣ земли. Волна эмиграціи подхватила его еще юношей и перенесла въ Палестину, гдѣ онъ провелъ десять лѣтъ, настойчиво стараясь приспособиться къ новой природѣ и климату. Въ огромномъ и дюжемъ питомцѣ русской степи, какъ будто возродились полузабытыя духовныя черты древняго палестинскаго мужика, который умѣлъ заботиться только о своей нивѣ и точилѣ, о смоковницахъ и оливахъ, и простодушно оставлялъ торговлю хитрому финикійскому поморянину, который такъ искусно обсчитывалъ его при разсчетахъ за пшеницу и вино.

Сицимскій впрочемъ имѣлъ еще другую, интеллигентную сторону. Въ Палестинѣ онъ сдѣлался пламеннымъ сіонистомъ и проникся вѣрою въ близкое возрожденіе еврейскаго царства съ тѣмъ религіознымъ и политическимъ энтузіазмомъ, который до сихъ поръ таится въ нижнихъ слояхъ еврейскаго народа, отдѣляя ихъ отъ международныхъ банкировъ Вѣны и Парижа такою же глубокою пропастью, какою нѣкогда галилейскіе горцы и самарійскіе пахари были отдѣлены отъ іерусалимскихъ саддукеевъ и идумейскихъ тысяченачальниковъ.

Послѣ тяжелаго дневного труда, Сицимскій проводилъ свои вечера въ ожесточенномъ стараніи усвоить себѣ древне-еврейскій языкъ, который, повидимому, долженъ былъ явиться будущимъ языкомъ еврейскаго царства. Однако, раскаленные камни Палестины, исторически обнищалой и лишенной орошенія, въ концѣ концовъ привели мечту Сицимскаго къ неожиданной развязкѣ... Черезъ десять лѣтъ, когда даже жена и десятилѣтній сынишка русскаго колониста настолько усвоили древній языкъ, что стали постоянно перемѣшивать его съ фразами польско-нѣмецкаго жаргона, пришла жестокая засуха, и сожгла поле, филоксера съѣла виноградникъ, а бедуины угнали двухъ лошадей.

— Божье попущеніе!—смиренно подумалъ Сицимскій, но земля была въ закладѣ у мелкаго банкира въ Яффѣ и платить проценты было нечѣмъ. Не прошло и года, какъ бѣдный сіонистъ остался безъ кола и двора и, почти самъ не зная какъ, перебрался въ Америку. Въ Ноксвилѣ онъ былъ только три мѣсяца и по примѣру бѣднѣйшихъ переселенцевъ старался заработать немного денегъ дровянымъ промысломъ, который оплачивался лучше всего.

Ноксвильскій околотокъ былъ мѣстомъ интереснаго соціологическаго опыта, какіе, впрочемъ, въ предѣлахъ Новаго Свѣта происходятъ почти на каждомъ шагу. Комитетъ еврейскихъ благотворителей, при помощи огромнаго капитала, пожертвованнаго извѣстнымъ еврейскимъ богачомъ, пытался приспособить часть еврейскихъ переселенцевъ къ земледѣлію. Дѣло, какъ водится, велось черезъ пень колоду. Колоніи выростали, какъ грибы, но исчезали еще быстрѣе. Капиталисты-благотворители корчили изъ себя аристократовъ и меньше всего заботились о нуждахъ колонистовъ. Чуть не половина затратъ уходила на администрацію. Даже самое мѣсто было выбрано неудачно, ибо ноксвильскія легкія земли требовали интенсивнаго хозяйства и большихъ затратъ капитала.

Злые языки говорили, что одному изъ благотворителей нужно было раздуть акціи желѣзной дороги, проходившей мимо Ноксвиля, и онъ поэтому скупилъ за безцѣнокъ огромную полосу корявыхъ кустарниковъ и потомъ не безъ выгоды перепродалъ ее комитету. Дѣйствительно, лѣсныя заросли въ Нью-Джерси до сихъ поръ были очень дешевы, и въ болѣе глухихъ углахъ можно было купить невоздѣланную землю по два доллара за акръ.

Какъ бы то ни было, еврейскіе земледѣльческіе поселки существовали уже болѣе двадцати лѣтъ. Колонисты получали отъ управленія избу, лошадь, плугъ, немного сѣмянъ и непривычными руками принимались воевать съ кустарникомъ, но черезъ два, три года проѣдались и разорялись въ пухъ и уходили, куда глаза глядятъ. На ихъ мѣсто, однако, постоянно являлись новые. Изъ огромнаго потока еврейской эмиграціи постоянно отдѣлялись небольшія струйки, которыя обѣгали большіе городскіе центры и стремились излиться на лоно природы, хотя бы въ корявыхъ кустарникахъ Нью-Джерси.

Уроженцы южно-русскихъ колоній, выходцы изъ румынскихъ селъ и патріархальныхъ литовскихъ мѣстечекъ, гдѣ козы пасутся прямо на улицѣ, задыхались въ раскаленной каменной пасти нью-іоркскаго Гетто и готовы были заложить душу и тѣло за глотокъ свѣжаго воздуха на ноксвильскихъ поляхъ.

Другіе являлись изъ неплодородной Палестины, какъ Сицимскій, или изъ Южной Америки, гдѣ дѣло колонизаціи обстояло хуже и откуда колонисты убѣгали толпами въ Соединенные Штаты.

Были такіе, которые по нѣскольку разъ разорялись на земледѣліи, уходили въ городъ и, накопивъ нѣсколько сотъ долларовъ каторжнымъ трудомъ у швейной машины или токарнаго станка, снова являлись на ферму.

Въ двадцать лѣтъ на фермахъ околотка смѣнились три или четыре поколѣнія фермеровъ. Въ концѣ концовъ, самые цѣпкіе выжили и приспособились къ земледѣлію. Къ двадцатипятилѣтнему юбилею еврейскаго земледѣлія въ Америкѣ, который аристократы-благотворители отпраздновали съ большой помпой въ прошломъ году въ Нью-Іоркѣ, околотокъ насчитывалъ около пятисотъ семей, которыя были болѣе или менѣе прочно связаны съ земледѣліемъ. Ноксвильскія фермы занимали центральное мѣсто, но именно здѣсь земледѣльческія дѣла шли хуже всего. Рядомъ, подъ непосредственнымъ покровительствомъ того же благотворительнаго комитета, развивался бойкій фабричный городокъ, интересы котораго быстро возрастали и выдвигались на первый планъ. Зато изъ пятидесяти первоначальныхъ фермъ уцѣлѣло только около половины; остальныя оставались пусты изъ года въ годъ и управленіе мало-по-малу стало сдавать ихъ польскимъ, русинскимъ и русскимъ выходцамъ, которые стягивались къ русско-еврейскому городу, ибо, по естественному ходу вещей, еврейскіе, польскіе и русскіе переселенцы въ Америкѣ разсматриваютъ другъ друга, какъ земляковъ, и сплошь и рядомъ селятся вмѣстѣ.

Ѳенѣ, впрочемъ, некогда было думать о судьбахъ соціологическаго опыта въ Ноксвилѣ. Она сама представляла не менѣе интересный опытъ, глубоко живучій и примѣнявшійся къ новымъ условіямъ гораздо лучше большинства еврейскихъ фермеровъ.

Въ Америку Ѳеня попала почти случайно. Русскій чиновникъ, командированный въ Чикаго наблюдать за выполненіемъ русскаго казеннаго заказа, привезъ ее съ собою прямо изъ Твери. У него была жена и двое дѣтей, и онъ не могъ обходиться безъ прислуги. Барыня предложила Ѳенѣ шесть рублей въ мѣсяцъ, а баринъ на всякій случай обезпечилъ себя двухлѣтнимъ контрактомъ. Ѳеня впрочемъ рада была и такимъ деньгамъ, ибо до того она никогда не получала больше четырехъ рублей. Въ Чикаго Ѳеня проявила совсѣмъ новыя способности и оказалась совершенно незамѣнимой для своихъ господъ. Госпожа Барковская не могла нахвалиться своею предусмотрительностью. И хозяйка и служанка одинаково не знали ни слова по англійски, но Ѳеня какимъ-то безошибочнымъ инстинктомъ угадывала значеніе непонятныхъ звуковъ и сразу стала сговариваться съ лавочниками и поставщиками продуктовъ. Въ первый же день, придя въ мелочную лавку за уксусомъ, она скорчила такую кислую «уксусную» гримасу, что приказчикъ немедленно понялъ и удовлетворилъ ее. Къ вечеру она уже торговалась съ колбасникомъ изъ-за цѣны сосисекъ, пуская въ ходъ наглядную ариѳметику своихъ десяти пальцевъ и отстаивая интересы своихъ хозяевъ до послѣдняго полуцента. Черезъ недѣлю она отыскала въ своемъ околоткѣ нѣсколько русско-еврейскихъ лавокъ, гдѣ она могла безъ затрудненія изъясняться на своемъ отечественномъ нарѣчіи. Но съ этого дня отношенія Ѳени и ея хозяйки стали портиться. Новые знакомцы растолковали Ѳенѣ, что въ Америкѣ самая неопытная прислуга получаетъ 10—12 долларовъ въ мѣсяцъ, т.-е. въ четыре раза больше ея условленной платы. Еще черезъ недѣлю Ѳеня попросила прибавки. Хозяйка выругала Ѳеню дурой и пригрозила ей полиціей. Ѳеня ничего не сказала, но на другое утро собрала свои вещи въ узелъ и ушла изъ дома. Неслыханно высокое жалованье оказалось настолько соблазнительнымъ, что оттѣснило на задній планъ даже тверскія воспоминанія, и Ѳеня, очертя голову, пустилась въ совершенно незнакомый міръ, вооруженная узломъ съ рухлядью, парой здоровыхъ рукъ и настойчивымъ желаніемъ накопить денегъ.

— Проживу!—сказала себѣ Ѳеня.—Вонъ люди живутъ, да еще Бога хвалятъ. Небось, и я не хуже!

Эта полуинстинктивная, но твердая увѣренность, что она не хуже другихъ людей и имѣетъ равное со всѣми право добиться лучшаго угла и куска, была присуща Ѳенѣ съ ранней юности. Быть можетъ, она впитала ее вмѣстѣ съ новой деревенской атмосферой или вытвердила съ уроками въ школѣ, которую посѣщала два года. Эта увѣренность привела Ѳеню изъ деревни въ губернскій городъ и внушила ей охоту пуститься черезъ океанъ, и теперь помогла ей такъ быстро и рѣшительно сжечь свои утлые корабли и пуститься въ открытое плаванье.

Госпожа Барковская однако не хотѣла уступить безъ борьбы, но русско-нѣмецкій адвокатъ, которому она показала Ѳенинъ контрактъ, объяснилъ ей къ ея невыразимому удивленію, что ввозить законтрактованныхъ людей въ Америку считается преступленіемъ, которое наказывается штрафомъ и тюрьмой, и посовѣтовалъ ей немедленно возвратить Ѳенѣ ея паспортъ. Ѳеня, впрочемъ, не думала ни о контрактѣ, ни о паспортѣ. Она пріютилась на время у старухи, продававшей газеты на уличномъ прилавкѣ; черезъ двѣ недѣли она была на новомъ мѣстѣ и стала-таки получать десять долларовъ въ мѣсяцъ. Она прожила цѣлый годъ въ Чикаго, скопила немного денегъ, потомъ неугомонная суета и зловонный дымъ этого чудовищнаго города надоѣли ей и ее потянуло въ деревню на зелень и чистый воздухъ. Судьба рѣшила благопріятствовать Ѳенѣ до конца. Въ конторѣ наемнаго труда, куда она обратилась за справкой, ей предложили мѣсто стряпки въ ноксвильской земледѣльческой академіи, на лонѣ природы, среди населенія, которое говорило порусски. Кромѣ Ѳени, въ академіи работалъ молодой русинъ изъ Тарнополя Ѳедоръ Брудный, здоровый и упрямый парень, который уѣхалъ изъ Галиціи безъ шеляга въ «кишени» и далъ себѣ обѣтъ въ три года завести полное хозяйство на американской почвѣ. Черезъ годъ Ѳеня и Ѳедоръ рѣшили соединить свои сбереженія и основать хозяйство. Директоръ училища, хотя и лишившійся двухъ лучшихъ рабочихъ силъ, проявилъ сочувствіе къ молодой четѣ.

Онъ убѣдилъ управленіе отдать имъ одну изъ пустовавшихъ фермъ вмѣстѣ съ усадьбой, избой и даже небольшимъ участкомъ распаханной земли, которая имѣла въ лѣсистомъ Ноксвилѣ весьма реальную цѣнность.

Съ тѣхъ поръ прошло два года. Рента за ферму была низкая, три доллара въ мѣсяцъ. Брудные не упускали ни одного случая, чтобы заработать лишнюю копейку, и итогъ ихъ сбереженій постепенно увеличивался. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Ѳеня сдѣлала попытку выписать свою семью изъ-подъ Торжка, и даже предлагала послать денегъ на проѣздъ. Въ Ноксвилѣ было еще много пустыхъ фермъ и она была увѣрена, что ея мать и братъ съумѣютъ съ такимъ же успѣхомъ разводить куръ и свиней, какъ и она съ мужемъ. Она была готова выписать половину родного села и наполнить этими тверскими мужиками незанятыя избы и свободныя земли Ноксвиля. Въ ней громко говорила мужицкая жадность, и она постоянно прикидывала отечественный «четвертной надѣлъ» къ этому широкому лѣсному и полевому приволью.

Однако и мать и братъ наотрѣзъ отказались ѣхать. Только младшая сестра Ѳени, Катя, сблазнившись чудесными описаніями новой земли, которыя Ѳеня присылала въ своихъ письмахъ, рѣшила послѣдовать приглашенію и настояла на своемъ, несмотря на отговоры родныхъ. Она выѣхала изъ Гамбурга около двухъ недѣль тому назадъ, но Ѳеня не знала, какъ долго можетъ продлиться переѣздъ, и уже нѣсколько дней съ часу на часъ ожидала свою сестричку.

Ребенокъ задремалъ, но и во снѣ продолжалъ лѣниво сосать материнскую грудь. Ѳеня присѣла на минуту на корень старой груши, выдавшейся изъ-подъ земли, какъ узловатый табуретъ, и тоже притихла, легонько покачивая Тимошу на своей груди. Она ощущала, какъ движенія губъ ребенка понемногу теряютъ свою настойчивость, и струя молока, выходящая изъ ея груди, становится все тоньше и слабѣе, и эти послѣднія струйки теплой и живой волны, переливавшіяся изъ ея тѣла въ маленькое живое существо, лежавшее на ея рукахъ, дали ей снова чувство единенія съ природой. Глаза ея продолжали оставаться открыты, но мысли ея стали смутны; ей чудилось, какъ будто все существо ея постепенно растворяется въ окружающемъ ясномъ воздухѣ и будто струя живой силы изливается въ нее прямо изъ подъ ногъ изъ нѣдръ этой широкой, теплой и плодородной земли и потомъ переливается въ тѣло ея ребенка.

Легкій топотъ шаговъ послышался у забора. Ѳеня встрепенулась и поправилась на своемъ сидѣньи.

Худощавая женщина, съ красивымъ, но уже поблекшимъ лицомъ, съ тяжелой массой волосъ, небрежно скрученныхъ вокругъ головы, одѣтая во все черное, остановилась у калитки.

— Здравствуй, Ѳеня — сказала она негромкимъ и неторопливымъ голосомъ, въ самомъ звукѣ котораго звучала усталость.

— И ты здравствуй, докторша! — быстро отвѣтила Ѳеня, дипломатично поджимая губы.

Она встала съ корня, но не сдѣлала шага по направленію къ новопришедшей. Стоя другъ противъ друга, онѣ являлись воплощеніемъ двухъ различныхъ человѣческихъ типовъ. Руки докторши были красны и покрыты такой же морщинистой и загрубѣлой кожей, какъ у Ѳени, но лицо ея было гораздо бѣлѣе, особенно у высокихъ, нѣсколько сжатыхъ висковъ, гдѣ голубыя жилки проступали наружу, причудливыя и нѣжныя, какъ начертанія географической карты, наполовину слинявшей съ стариннаго пергамента.

У докторши не было прислуги, и она много лѣтъ сама исполняла всю домашнюю работу, но ей не приходилось выходить ежедневно въ поле, какъ дѣлала Ѳеня и другія сосѣднія фермерши; лицо ея сохраняло тотъ же нѣжный оттѣнокъ, какъ десять лѣтъ тому назадъ, когда она впервые высадилась на нью-іоркской пристани съ дипломомъ женской гимназіи вмѣсто всякаго наличнаго капитала. Выраженіе ея глазъ, посадка головы и вся осанка были совсѣмъ иныя, чѣмъ у молодой крестьянки, и свидѣтельствовали о томъ, что, по крайней мѣрѣ, прежде она знала другія мысли, кромѣ заботъ о семьѣ и домѣ.

Круглое лицо Ѳени было проще, здоровѣе и глядѣло болѣе приспособленнымъ къ окружавшей ихъ обѣихъ сельской картинѣ, одновременно дышавшей покоемъ и трудомъ.

Ѳеня все продолжала стоять у грушеваго корня, среди молодыхъ побѣговъ, поднимавшихся вокругъ стараго ствола. Издали могло показаться, какъ будто она тоже принадлежитъ къ этой обильной молодой поросли и соединена невидимыми растительными нитями съ плодороднымъ деревомъ. Ея короткія крѣпкія ноги какъ будто уходили въ землю. Но глаза ея выжидательно и нѣсколько осторожно смотрѣли на докторшу. Она съ дѣтства привыкла дѣлить человѣчество «на народъ» и «господъ» и ея многолѣтнія испытанія съ различными губернскими чиновницами, до госпожи Барковской включительно, конечно, не могли поколебать этого убѣжденія. Въ Ноксвилѣ она въ первый разъ увидѣла нѣчто иное, ибо въ этомъ новомъ, только что вырастающемъ околоткѣ всѣ званія и сословія были перемѣшаны, и, съ одной стороны, доктору приходилось самому вскапывать свой огородъ, а съ другой стороны старый фермеръ, въ родѣ Рабиновича, еще сохранившій даже часть первоначальнаго смиренія, вывезеннаго изъ черты осѣдлости, нанималъ бакалавровъ земледѣльческой академіи на уборку винограда, по полтора доллара въ день.

Ѳеня все-таки осторожно относилась ко всему, что стояло внѣ ея круга. Это была великорусская простонародная привычка, выработанная минувшими историческими вѣками, когда сѣрая деревня запиралась въ своей околицѣ, какъ улитка въ раковинѣ, и на глазахъ господской усадьбы хранила и передавала изъ поколѣнія въ поколѣніе свои собственныя привычки, надежды и вѣрованія.

И здѣсь въ Ноксвилѣ Ѳеня все-таки продолжала чувствовать, что докторша совсѣмъ иначе относится къ окружавшей жизни, и что если ея руки загрубѣли отъ работы, то мечты продолжаютъ хранить городскую прихотливость и заключаютъ въ себѣ многое, чуждое, непонятное и ненужное Ѳенѣ.

— Пойди къ намъ на день, Ѳеня!—сказала докторша тѣмъ же усталымъ и слегка озабоченнымъ тономъ.—Не справиться намъ однѣмъ.

Ѳеня подумала съ минуту.

— Что, есть стирка?—коротко спросила она.

— И стирка есть,—сказала докторша,—и еще гости изъ города пріѣхали.

— Ну, ладно!—сказала Ѳеня, какъ будто она именно и хотѣла удостовѣриться, хватитъ ли для нея работы въ домѣ докторши.—Давай деньги!

Въ Ноксвилѣ было въ обычаѣ платить за домашнюю поденщину всегда впередъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы сдѣлать условіе болѣе обязательнымъ для «труда».

Докторша молча вынула и подала ей три крупныя серебряныя монеты, очевидно, заранѣе припасенныя для этой цѣли.

— Только я ребенка съ собой возьму!—сказала Ѳеня мимоходомъ, завертывая спящаго младенца въ старый ситцевый передникъ.

— Мамо!—окликнула она старуху.—Коли *чоловикъ* придетъ, вы покормите его!

— Угу!—попрежнему промычала Шешлянтиха.

Она съ ожесточеніемъ выкручивала своими длинными и костлявыми руками только что вымытую штуку бѣлья и была менѣе, чѣмъ когда-либо, расположена къ разговору.

— Ну, такъ и самъ найдетъ!—проговорила Ѳеня.—Небось знаетъ дорогу къ горшкамъ!

Ѳедоръ Брудный отличался прожорливымъ аппетитомъ. Въ тѣ рѣдкіе дни, когда Ѳенѣ приходило въ голову приготовить лакомое блюдо, этотъ огромный и мрачный мужикъ приставалъ къ ней, какъ ребенокъ, и таскалъ куски изъ горшка. Впрочемъ, Ѳеня не очень заботилась о разнообразіи своего стола, даже по воскресеньямъ, ибо ее слишкомъ занимали другія заботы. Но теперь, идя сзади докторши съ ребенкомъ на рукахъ, она съ нѣкоторымъ презрѣніемъ подумала, что эти барыни не годятся ни для какой работы, что онѣ не въ состояніи вымыть собственнаго бѣлья, ни приготовить угощенія для нѣсколькихъ человѣкъ гостей, которые случайно соберутся къ нимъ въ домъ.

Докторша, шедшая впереди, думала только о томъ, что ей предстоитъ тяжелый день. Она жила вмѣстѣ съ золовкой и у обѣихъ было по трое дѣтей. Обѣ женщины жили дружно и работали сколько могли, но раздѣленное бремя домашнихъ заботъ казалось не легче, а тяжелѣе. Дѣтская орава поднимала невообразимый гамъ, и, въ концѣ концовъ, каждой матери представлялось, что у нея не трое, а цѣлыхъ шестеро питомцевъ. Для постороннихъ посѣтителей весь домъ походилъ на дѣтскій пріютъ, гдѣ ползающіе, ковыляющіе или скачущіе мальчишки и дѣвчонки попадались въ каждой комнатѣ и на каждой ступенькѣ лѣстницы.

Глава III.

Домъ доктора стоялъ на окраинѣ фабричнаго городка. Это было довольно обширное зданіе въ два этажа съ аптекой впереди и мезониномъ подъ крышей. Докторъ выстроилъ его весь сверху до низу собственными руками къ немалому соблазну многихъ паціентовъ, которые все еще не разучились прикидывать вещи на европейскую мѣрку и никакъ не могли переварить, что тотъ же самый человѣкъ по вечерамъ надѣваетъ черный сюртукъ и засѣдаетъ въ собственной пріемной, а по утрамъ облекается въ синій балахонъ и прибиваетъ доски на крышѣ. Докторъ, однако, не обращалъ вниманія на пересуды. Онъ былъ мастеръ на всѣ руки. Даже надпись на мѣдной дощечкѣ у дверей, гласившая: «Докторъ Борисъ Харбинъ принимаетъ во всякое время», была вырѣзана имъ самимъ и до сихъ поръ онъ тщательно чистилъ ее каждое утро особымъ краснымъ порошкомъ. Онъ былъ необыкновенно дѣятеленъ: въ свободное время онъ вскапывалъ и засѣвалъ огородъ, кормилъ птицу, и даже исполнялъ всякую домашнюю работу гораздо проворнѣе женщинъ. Но въ Ноксвилѣ пока не было другого врача и поэтому у доктора Бориса не было времени даже для того, чтобы выспаться по человѣчески. Чуть не каждую полночь его будили и требовали къ родильницѣ, къ внезапно захворавшему ребенку или къ умирающему старику. Еще хуже было то, что докторъ Борисъ быстро пріобрѣлъ необычайную популярность въ Ноксвилѣ, и почти половина больныхъ старалась навязать ему роль свѣтскаго духовника и совѣтника въ запутанныхъ дѣлахъ. Почти противъ собственной воли онъ былъ посвященъ во всѣ ноксвильскіе секреты и принималъ дѣятельное участіе въ ихъ благополучномъ разрѣшеніи. Отъ него требовали, чтобы онъ мирилъ поссорившихся супруговъ, помогалъ найти вторую закладную подъ домъ или даже приданое для засидѣвшейся невѣсты.

Девять десятыхъ своей жизни докторъ проводилъ на ходу, отъ паціента къ паціенту. Время отъ времени ему становилось не въ моготу. Тогда онъ бралъ велосипедъ и уѣзжалъ по большой дорогѣ, куда глаза глядятъ, переѣзжалъ отъ фермы къ фермѣ и возвращался домой на третій или четвертый день. Но часто даже во время такихъ «самовольныхъ отлучекъ» братья или сыновья паціентовъ пускались за нимъ въ догонку тоже на велосипедѣ и, изловивъ его на полдорогѣ, немедленно возвращали на мѣсто. Едва ли есть необходимость прибавить, что несмотря на огромную практику, доходы доктора были невелики и даже на домѣ лежала тяжелая закладная. Зажиточные паціенты болѣе или менѣе платили, но бѣдныхъ онъ лечилъ даромъ и даже снабжалъ даровыми лекарствами изъ собственной аптеки. Въ Ноксвилѣ, какъ и вездѣ въ Америкѣ, медицина являлась совершенно частнымъ дѣломъ и никто не заботился о безплатной или хотя бы объ удешевленной раздачѣ лекарствъ болѣе бѣднымъ больнымъ.

Почти половина нижняго этажа была занята обширной комнатой, которая, смотря по обстоятельствамъ, играла роль гостиной, столовой или залы. Въ зимніе вечера дѣти играли здѣсь въ лошадки. Раньше, когда у доктора и его брата не было такъ много дѣтей, дамы иногда собирали здѣсь молодежь и устраивали танцы. Теперь, не смотря на ранній утренній часъ, комната уже была полна народомъ. Русскіе интеллигенты изъ Нью-Іорка, Филадельфіи и даже Вашингтона охотно пріѣзжали на каникулы въ ноксвильскій околодокъ, это было единственное мѣсто во всей Америкѣ, гдѣ русская атмосфера, хотя и разрѣженная и перемѣшанная съ инородными элементами, прикасалась къ деревенской природѣ. Здѣсь можно было жить свободнѣе, чѣмъ у пригородныхъ фермеровъ Нью-Іорка, которые усердно старались ввести дачника въ узкія рамки и заставляли его принимать пищу по звонку какъ за городскимъ табльдотомъ.

Въ квартирахъ здѣсь было больше простора, столъ болѣе походилъ на русскій. Природа была проще и растрепаннѣе, а главное не было того неисчислимаго множества трамваевъ, снующихъ взадъ и впередъ, отелей съ музыкой и ресторановъ съ загороднымъ гуляньемъ, которые такъ отравляютъ жизнь повсюду, гдѣ собирается американская дачная толпа.

Ноксвильскіе фермеры успѣли создать для своихъ дачниковъ новое русско-американское имя «плежурникъ», составленное изъ англійскаго слова pleasure (удовольствіе), съ русскимъ окончаніемъ.

Однако, большая часть людей, наполнявшихъ столовую доктора, не принадлежала къ плежурникамъ. Сегодня была годовщина пріѣзда въ Америку самой старой группы русскихъ интеллигентныхъ переселенцевъ и на этотъ разъ они съѣхались праздновать ее въ Ноксвиль, ибо докторъ Харбинъ былъ деканомъ и, быть можетъ, наиболѣе уважаемымъ членомъ группы. Гости пріѣхали по желѣзной дорогѣ вчера вечеромъ и почти всѣ расположились въ домѣ доктора, а также въ большомъ домѣ, стоявшемъ почти рядомъ, гдѣ жили родители жены его брата. Несмотря на ранній часъ, почти вся компанія была въ сборѣ и, сидя за столомъ, пила чай. Мѣсто самовара занималъ цилиндрическій сосудъ съ краномъ, сдѣланный изъ жести, и болѣе всего похожій на ведро съ квасомъ. Туда наливали кипятокъ, вскипятивъ его въ чайникахъ. Кипятить воду на американской кухонной печи было гораздо легче, чѣмъ возиться съ приготовленіемъ углей, необходимыхъ для настоящаго самовара.

Младшаго Харбина не было дома. Онъ былъ странствующимъ агентомъ большой компаніи, продававшей сѣмена какой то усовершенствованной резеды, и почти постоянно разъѣзжалъ по окрестнымъ деревнямъ. Кромѣ того, онъ распространялъ усовершенствованные ножи для разрѣзыванія сыровъ, мыльный порошокъ, и галстухи съ механически защелкивающимся бантомъ. Въ Америкѣ самыя странныя новинки нерѣдко дѣлаютъ карьеру и изъ резеды сыра и галстуховъ Павелъ Харбинъ успѣвалъ извлекать себѣ средства къ существованію, «дѣлалъ жизнь», какъ говорятъ въ Америкѣ. За то его почти никогда не было дома.

Жена его, безцвѣтная блондинка, въ сѣромъ холстинковомъ платьѣ, съ сѣрыми глазами и волосами, сидѣла у жестяного ведра и разливала чай. Съ перваго взгляда на нее можно было подумать, что она страдаетъ тайною и неизлечимою болѣзнью, потомъ впечатлѣніе сглаживалось и какъ будто процѣживалось сквозь сито. Ближе всего она выглядѣла такъ, какъ будто въ прошлую ночь ей приснился тяжелый сонъ, и она до сихъ поръ еще не успѣла окончательно опомниться отъ впечатлѣнія. Она не отказывалась ни отъ какой работы и съ утра до вечера была чѣмъ нибудь занята, но движенія ея были такъ медленны, что изъ ея работы было немного проку. Въ компаніи, собравшейся у чайнаго стола, было три доктора, и всѣ они были разнаго мнѣнія объ ея сонной меланхоліи. Докторъ Харбинъ утверждалъ, что въ ея жилахъ мало красныхъ шариковъ и серьезно, но безуспѣшно уговаривалъ ее пить теплую кроличью кровь. Докторъ Бугаевскій утверждалъ, что она загипнотизирована патеромъ католической церкви въ сосѣднемъ городкѣ Жуанвилѣ и безсознательно готовится перейти въ католичество. Церковь была построена на ирландскія деньги, большая часть прихожанъ были поляки и словаки, а патеръ былъ итальянецъ, но его англійское краснорѣчіе было рѣзкаго и обличительнаго свойства, и нѣсколько женщинъ даже изъ іудейскаго Ноксвиля ѣздили за пятнадцать миль послушать новаго Савонаролу. Докторъ Паклинъ безъ обиняковъ утверждалъ, что Фанни Ильинична страдаетъ глистами.

Бориса Харбина тоже почти не было дома. Правда, раза три онъ появлялся на порогѣ комнаты, собираясь выпить стаканъ чаю, но тотчасъ же въ дверяхъ аптеки раздавался звонъ, свидѣтельствовавшій о появленіи новаго паціента, и онъ немедленно исчезалъ съ поля зрѣнія.

Докторъ Паклинъ былъ миніатюрный и немного горбатый человѣчекъ, съ коротенькими ножками и несоразмѣрно длинными руками. Его усадили на самый высокій стулъ и ноги его болтались въ пространствѣ подъ столомъ и, несмотря на всѣ усилія, никакъ не могли достать до твердой почвы. Иногда ему казалось, что тамъ внизу какая-то неизмѣримо глубокая бездна и что стулъ его поставленъ на узкую вершину высокаго и крутого утеса. Зато верхняя половина его туловища возвышалась какъ слѣдуетъ надъ столомъ, и его длинныя руки съ цѣпкими пальцами могли свободно передвигать стаканы, намазывать масло на хлѣбъ и больше всего жестикулировать.

— Да! — сказалъ докторъ Паклинъ, отодвигая свой стаканъ и вытирая бумажной салфеткой мокрое пятно отъ блюдечка. — Десять лѣтъ тому назадъ, въ этотъ самый день мы праздновали такой же сельскій праздникъ, только не въ Ноксвилѣ, конечно, а тамъ далеко, въ Миссури — онъ произнесъ по—американски—въ Мызуры—такъ праздновали, что даже быка на волю отпустили!

Лицо человѣка, сидѣвшаго напротивъ него, сдѣлалось чрезвычайно внимательно. Имя его было Абрамовъ, а по англійски Graham; за двадцать лѣтъ онъ успѣлъ превратиться изъ русскаго городского учителя въ американскаго беллетриста и даже составилъ себѣ довольно видное имя. Онъ былъ прекраснымъ собесѣдникомъ, ибо не только умѣлъ слушать, но и поощрять разговорчивость своего партнера умно поставленнымъ вопросомъ или восклицаніемъ.

— Да!—повторилъ Паклинъ. — Вы знаете, съ нами тогда Грей былъ, мы его еще Богочеловѣкомъ звали.

Грагамъ утрердительно кивнулъ головою. Пальцы его безсознательно зашевелились, какъ будто отыскивая карандашъ. Онъ много лѣтъ былъ репортеромъ большой нью-іоркской газеты, и привычка интервьюера сдѣлалась составною частью его существа.

— Онъ, знаете, уже большое имя имѣлъ,—продолжалъ Паклинъ,—основатель первой русской земледѣльческой колоніи въ Америкѣ. Написали мы ему: земля наша велика и обильна, пріѣзжайте, молъ, къ намъ въ гости... Видимъ, красавецъ, умница, большая борода, русая, съ просѣдью, вдумчивые глаза, однимъ словомъ, апостолъ. Думаемъ, быть ему нашимъ перманентнымъ старостой, а онъ слышать не хочетъ. «Я, говоритъ, частица человѣчества, мнѣ нужно простую работу!»

Такая золотая душа, съ утра до вечера въ огородѣ копается. Намъ между тѣмъ нужно было купить быка на племя. Думаемъ, кого послать,—надуютъ подлецы, еще яловую корову всучатъ. Попросимъ Грея, у него опытъ есть. Грей подумалъ и поѣхалъ. Черезъ день является назадъ и видимъ, за шарабаномъ привязанъ огромный сивый быкъ. Рога, хоть на охотничью выставку посылай, великолѣпныя стати, однимъ словомъ, чудовище. Спрашиваемъ, сколько заплатилъ?—Сорокъ пять долларовъ; только на пять долларовъ дороже обыкновеннаго. Отпустили мы быка въ стадо, прошелъ день и два, видимъ, наши коровы что-то скучныя ходятъ, а потомъ даже стали онѣ бодать этого быка. Совсѣмъ маленькая коровка такъ прямо нападетъ на него, и рогами въ бокъ, а быкъ бѣжать. Сознаетъ, стало быть, что виноватъ передъ коровами. Думаемъ, не ладно дѣло; стали мы присматриваться къ быку и видимъ, что онъ, пожалуй, постарше самого Грея, и даже кожа вся въ морщинахъ, и шерсть сивая не отъ природы, а отъ старости, однимъ словомъ, Маѳусаилъ бычачьяго племени. А тутъ какъ разъ годовщина подошла. Собрались мы на общую сходку. Насъ, знаете, чуть не сто человѣкъ было, выпили тоже немножко. Я поднялъ вопросъ: зачѣмъ мучить бѣдное животное? Слѣдуетъ отпустить его хоть на старости лѣтъ на волю. Грей сейчасъ взлѣзъ на столъ и произнесъ рѣчь о стихiйномъ братствѣ жизни. И знаете, по моему, это была лучшая изъ его рѣчей.—«Каждый изъ насъ, говоритъ, вмѣщаетъ въ себѣ тысячу жизней. Цѣль мiрозданiя—любовь. Я ощущаю единенiе съ ритмомъ массовой жизни и стремлюсь потонуть въ ея творческой, свѣтлой и великой гармонiи!..» Откуда у него бралось? Всѣхъ онъ тварей перебралъ, не то что коровъ и быковъ, а добрался до муравьевъ и пчелъ, не хуже нынѣшняго Метерлинка. Совсѣмъ онъ насъ тогда съ ума свелъ. Кажется, замычи этотъ быкъ, мы бы тотчасъ же замычали вмѣстѣ съ нимъ. Ну, конечно, тотчасъ же единогласно рѣшили отпустить быка на волю, довольно онъ поработалъ на пользу человѣческаго и коровьяго рода...

Сняли съ него веревку, а вмѣсто нея къ рогамъ привязали бумагу: «Сей быкъ отпущенъ на волю за выслугу лѣтъ. Убѣдительно просимъ всѣхъ честныхъ людей не тревожить его почтенную старость...» Потомъ прогнали быка въ лѣсъ.

Нѣсколько ближайшихъ сосѣдей, привлеченныхъ разсказомъ, слушали и смѣялись.

— А что же сталось съ быкомъ?—спросилъ архитекторъ Спутниковъ и даже повернулъ свой стулъ въ сторону Паклина.

— Я не знаю! — задумчиво отвѣтилъ маленькiй докторъ.— Мы его больше не видѣли. Но теперь мнѣ кажется, что мы сдѣлали ошибку. Бумага наша была адресована ко всѣмъ честнымъ людямъ, а въ Америкѣ, знаете, множество прохвостовъ.

Слушатели снова разсмѣялись.

Миніатюрный докторъ съ кривыми ногами пережилъ довольно разнообразную карьеру. Между прочимъ, онъ былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ основателей обширной земледѣльческой колонiи, которая задалась цѣлью преобразовать мiръ на основахъ братской любви и просуществовала цѣлыхъ шесть лѣтъ, но потомъ, когда члены стали старше, какъ-то незамѣтно распалась. Его длинныя цѣпкiя ладони до сихъ поръ сохранили слѣды мозолей, натертыхъ ручками плуга и древкомъ косы, но, быть можетъ, именно этому тяжелому труду онъ былъ обязанъ тѣмъ обстоятельствомъ, что его хилое тѣло еще держалось вмѣстѣ. Впрочемъ, духъ маленькаго доктора былъ такъ живучъ, что онъ былъ способенъ самъ по себѣ скрѣплять вмѣстѣ его хрупкую плоть, какъ крѣпкій, хотя и невидимый цементъ. Докторской наукѣ онъ научился уже на старости лѣтъ, но теперь имѣлъ порядочную практику въ русско-еврейскомъ кварталѣ Нью—Іорка. Однако, онъ принадлежалъ къ такъ называемымъ, безлошаднымъ докторамъ квартала и никакъ не могъ перейти въ аристократическіе ряды счастливцевъ, которые считали нужнымъ и возможнымъ разъѣзжать по паціентамъ на собственной лошади. Какъ всѣ маленькіе люди, докторъ Паклинъ былъ необычайно влюбчивъ, но пассіи его длились не болѣе двухъ недѣль и мало-по-малу онъ привыкъ смотрѣть на женщинъ со снисходительнымъ презрѣніемъ, свойственнымъ заматорѣлому холостяку.

Въ этой небольшой сравнительно комнатѣ собрались самые замѣчательные люди полумилліонной волны эмигрантовъ, которую бѣдная и сѣрая Россія подарила богатой и цвѣтистой Америкѣ, и поистинѣ старая родина могла бы гордиться разнообразною даровитостью отвергнутыхъ и полузабытыхъ ею дѣтей. Всѣ эти люди пріѣхали въ нѣдрахъ эмигрантскихъ кораблей безъ копейки денегъ въ карманѣ, безъ языка и связей, и въ десять или пятнадцать лѣтъ прошли десятки разнообразныхъ поприщъ. Силы ихъ, окрыленныя нуждой, развернулись на американскомъ просторѣ, и они были бы достойны удивленія своихъ согражданъ, если бы въ Америкѣ не было принято за правило ничему не удивляться.

Одинъ изъ врачей, управлявшихъ прекрасной и хорошо поставленной больницей, поступилъ на медицинскій факультетъ тридцати лѣтъ и, чтобы заработать себѣ содержаніе, нанимался подметать городскія улицы по утрамъ.

Бывшій петербургскій студентъ былъ два раза профессоромъ политической экономіи въ лучшихъ американскихъ университетахъ, но не могъ ужиться съ подобострастнымъ поклоненіемъ, которое американская ученость свидѣтельствуетъ кстати и некстати великому денежному мѣшку, осыпающему ее своими щедротами.

Аккерманскій гимназистъ сталъ редакторомъ большой политической газеты, помощникъ аптекаря превратился въ искуснаго металлурга и завѣдывалъ литейнымъ заводомъ, ученикъ московскаго техническаго училища сталъ химикомъ-изобрѣтателемъ. Огромный и пузатый Спутниковъ въ пятьдесятъ лѣтъ внезапно превратился въ архитектора и недавно построилъ ратушу въ большой и цвѣтущей столицѣ одного изъ западныхъ штатовъ.

Многіе изъ этихъ людей перешли черезъ предѣлъ среднихъ лѣтъ, но никто изъ нихъ не поддавался усталости.

Юная свѣжесть и неистощимая живучесть великаго народа восточной Европы била ключомъ въ сердцахъ его отверженныхъ и побочныхъ сыновей, и въ этой цвѣтущей странѣ, самодовольной въ своемъ богатствѣ и всецѣло преданной производству и накопленію, они ревниво хранили завѣты русской умственной дерзости и душевнаго безпокойства. Отыскавъ приложеніе своему труду, они старались также найти мѣсто для своего идеала, но самодовольная Америка называла ихъ мечтателями и охотнѣе всего старалась подражать европейской табели о соціальныхъ рангахъ. Если ей случалось взять что-либо изъ идеаловъ континентальной Европы, она немедленно переиначивала ихъ на англо-саксонскій ладъ, переводила ихъ на языкъ благомыслящей церковности и пересчитывала на доллары и центы.

Рыцарями американской «порядочности» были дѣловитый банкиръ и медоточивый пасторъ, и она признавала континентальныхъ эмигрантовъ лишь постольку, поскольку они уподоблялись тому или другому типу.

Глава IV.

Гости были въ отличномъ настроеніи, быть можетъ, благодаря волнѣ чистаго воздуха, освѣженной легкимъ благоуханіемъ полевыхъ цвѣтовъ и вливавшейся въ открытое окно. Въ раскаленныхъ стѣнахъ большихъ городовъ воздухъ былъ пропитанъ зловоніемъ курнаго угля и насыщенъ сухимъ туманомъ жирныхъ испареній, поднимавшихся надъ безчисленными фабричными трубами и кухонными печами, надъ керосиновыми и газовыми двигателями и питомниками электрической силы.

Здѣсь въ Ноксвилѣ было столько простора, зелени и тишины. Люди работали и здѣсь, но никто не бѣгалъ и не суетился на спокойныхъ поляхъ и широкихъ улицахъ маленькаго городка.

— Какъ хотите!—громко сказалъ докторъ Бугаевскій, обращаясь къ своему сосѣду черезъ столъ и тоже отодвигая свой стаканъ.—А все-таки они сдѣлали хорошее дѣло.

Они—это былъ благотворительный комитетъ.

Группа интеллигентовъ, привыкшихъ къ русской широтѣ мысли и разучившихся даже понимать многіе человѣческіе предразсудки, относилась съ нескрываемымъ презрѣніемъ къ кучкѣ разбогатѣвшихъ банкировъ, которые перенимали, утрируя, чванныя замашки американскихъ денежныхъ богачей и готовы были купить себѣ рыцарскую генеалогію и гербъ, по примѣру Асторовъ и Вандербильтовъ.

Они ежедневно воочію убѣждались, что высохшія души капиталистовъ не могли и не хотѣли создать ничего, кромѣ толпы чиновниковъ и стада зависимыхъ, вѣчно опекаемыхъ кліентовъ, и даже сотни тысячъ и милліоны долларовъ, которые ежегодно тратились въ европейскихъ кварталахъ Нью-Іорка и Филадельфіи на благотворительныя цѣли, не могли заставить ихъ измѣнить свое мнѣніе.

Но докторъ Бугаевскій чувствовалъ себя гораздо счастливѣе въ Ноксвилѣ, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ, и ему невольно думалось, что колонисты и жители городка должны чувствовать то же самое.

Человѣкъ, сидѣвшій противъ Бугаевскаго, поднялъ голову, смѣрилъ словоохотливаго доктора недружелюбнымъ взглядомъ и опять потупился. Онъ былъ узкоплечъ, тщедушенъ, съ несоразмѣрно большой головой и широкимъ лицомъ, покрытымъ трехдневной черной щетиной. Изъ всѣхъ участниковъ торжества онъ одинъ не обнаруживалъ особой веселости и охоты къ разговору съ сосѣдями. Онъ, впрочемъ, все время бормоталъ какія-то слова, но они, очевидно, не назначались для посторонняго слуха. Если кто-нибудь дѣлалъ попытку привлечь его къ общему разговору, онъ отвѣчалъ злобной гримасой и еще ниже опускалъ свое плоское лицо.

Это былъ инженеръ Воробейчикъ, полупомѣшанный изобрѣтатель, который восемь лѣтъ тому назадъ продалъ желѣзнодорожной компаніи за пятьсотъ долларовъ и небольшую ренту новое приспособленіе въ воздушномъ тормазѣ. Исторія Воробейчика была очень проста и вмѣстѣ полна несообразностей. Даже его фамилія была несообразная, русская и вмѣстѣ съ тѣмъ такая, которая ясно обнаруживала его еврейское происхожденіе, ибо истинно русскій человѣкъ можетъ называться Воробушкинъ или, если хотите, Воробчикъ, но никакъ не Воробейчикъ.

Онъ пріѣхалъ въ Америку двадцатилѣтнимъ юношей учиться технологіи и вмѣсто этого угодилъ въ портняжную мастерскую шить рубашки. Этимъ полезнымъ дѣломъ онъ занимался пять лѣтъ по двѣнадцати часовъ въ сутки; по вечерамъ онъ, кромѣ того, читалъ техническія книги, а днемъ, подъ шелестъ полотна и жужжащій стукъ машины, все думалъ, вычислялъ и опять думалъ. Пальцы его, машинально передвигавшіе холстъ, нерѣдко попадали подъ иголку, но онъ не обращалъ на это вниманія и мысленно комбинировалъ свою «идею» со всѣми возможными сочетаніями условій, чтобы опредѣлить ея примѣнимость. Плодомъ этихъ размышленій черезъ пять лѣтъ явился новый тормазъ. Замѣчательно, что за все время Воробейчикъ не сдѣлалъ ни одного опыта и не начертилъ ни одного чертежа. Онъ, впрочемъ, даже не признавалъ необходимости опытовъ и пресерьезно утверждалъ, что у него въ головѣ настоящая «мастерская и чертежная».

Желѣзнодорожная компанія сдѣлала на тормазѣ милліоны, а Воробейчикъ сталъ получать двадцать пять долларовъ въ недѣлю, но ему хватало на жизнь и вмѣсто того, чтобы роптать, онъ немедленно принялся за обработку новыхъ идей. Съ тѣхъ поръ прошло восемь лѣтъ. За это время Воробейчикъ успѣлъ обдумать, составить и даже обезпечить патентомъ цѣлую кучу новыхъ механическихъ изобрѣтенiй, главнымъ образомъ, въ области электрическаго движенiя. Впрочемъ, сфера его дѣятельности была очень разнообразна и заключала въ себѣ новую пушку, подводную лодку, ротацiонную машину, улучшенную передачу силъ и еще, Богъ знаетъ, что. Многiя изъ его построенiй были фантастичны или открывали уже открытую Америку, но иныя, по словамъ спецiалистовъ, имѣли большую цѣнность. Вначалѣ Воробейчикъ попрежнему избѣгалъ опытовъ и продолжалъ составлять, вычислять и разрабатывать свои проекты исключительно въ своей собственной «мастерской». Усиленное напряженiе воображенiя не прошло, однако, даромъ. Воробейчикъ сталъ нервнымъ, подозрительнымъ, воображенiе стало играть съ нимъ нехорошiя штуки и изъ каждаго чужого, некстати сказаннаго слова создавало цѣлую исторiю объ интригахъ и тайныхъ преслѣдованiяхъ.

Къ этому присоединилась неудачная любовная исторiя, и Воробейчикъ попалъ въ сумасшедшiй домъ. Когда его выпустили оттуда, эти былъ конченый человѣкъ. Даже голова его посѣдѣла. Съ тѣхъ поръ Воробейчикъ прекратилъ частныя отношенiя съ своими прежними прiятелями. Онъ постоянно обвинялъ ихъ въ интригахъ и предательствахъ и даже пробовалъ жаловаться на нихъ властямъ Однако, онъ продолжалъ посѣщать празднества и собранiя, подобныя нынѣшнему, и никто не имѣлъ духу сдѣлать ему хоть малѣйшее замѣчанiе.

Среди американскихъ компанiй, интересующихся электрической техникой, скоро прошелъ слухъ, что изобрѣтатель такой-то не въ своемъ умѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ не преминули воспользоваться этимъ и захватили нѣсколько патентовъ, списавъ ихъ въ патентной конторѣ Вашингтона и предоставивъ Воробейчику искать свои права судомъ, если онъ хочетъ.

Таковъ былъ человѣкъ, сидѣвшiй напротивъ словоохотливаго доктора. Немудрено, что онъ не обратилъ вниманiя на его слова. Въ головѣ его одновременно складывалась сложная математическая формула и проходило ненавистное воспоминанiе о женщинѣ, которая предпочла ему другого и окончательно испортила его жизнь.

Человѣкъ большого роста, сидѣвшiй рядомъ съ изобрѣтателемъ, тоже поднялъ голову и презрительно посмотрѣлъ на доктора Бугаевскаго. Лицо его было чисто выбрито и имѣло рѣзко очерченный классическiй профиль, напоминавшiй извѣстный бюстъ императора Траяна.

Это былъ Двойнисъ, котораго называли королемъ дамскихъ портныхъ въ городѣ Нью-Iоркѣ, не потому, чтобы онъ имѣлъ магазинъ дамскихъ модъ, а потому, что пятнадцать лѣтъ тому назадъ онъ, будучи рабочимъ въ портняжной мастерской, положилъ основу юніону заготовщиковъ платья.

— Что вы сказали? — спросилъ онъ рѣзкимъ голосомъ. Онъ выговаривалъ русскія слова съ горловымъ акцентомъ, измѣняя гласныя, какъ иностранецъ.

— Я говорю, что въ Ноксвилѣ лучше жить чѣмъ въ Нью-Іоркѣ,—высказалъ Бугаевскій свою основную мысль.

— Да? — иронически переспросилъ Двойнисъ.—А скажите мнѣ, кто сдѣлалъ ноксвильскую землю?

— Я не знаю,—сказалъ озадаченный Бугаевскій.

— А я знаю,—сказалъ Двойнисъ тѣмъ же аггресивнымъ тономъ.

— Богъ сдѣлалъ ноксвильскую землю. *Натура* по вашему,—прибавилъ онъ столь же презрительно. Натура вышла вмѣсто природа отъ англійскаго слова nature.

— А они что сдѣлали?—Онъ отнесся къ благотворительному комитету съ тѣмъ же неопредѣленнымъ, но всѣмъ понятнымъ мѣстоимѣніемъ,—они сдѣлали *фабрики!*..

Дѣйствительно, ноксвильскія фабрики основывались при помощи того же благотворительнаго комитета, и, въ концѣ концовъ, фонды, которые были назначены на преобразованіе еврейскаго народа, направлялись на устройство такихъ же «выжималень пота», какія наполняли еврейскіе кварталы Нью-Іорка и Филадельфіи.

Двойнисъ, быть можетъ, былъ самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ изъ всѣхъ, собравшихся въ этой комнатѣ. Его готовили съ дѣтства въ раввины, и все образованіе его состояло изъ тридцати томовъ талмуда. Въ Америку онъ пріѣхалъ двадцатилѣтнимъ парнемъ безъ ремесла и безъ копейки денегъ и счелъ за особенное счастье, когда ему удалось, наконецъ, пристроиться къ швейной машинѣ. Америка его воспитала, сдѣлала изъ него человѣка, дала ему чувство собственнаго достоинства и культурный языкъ, чтобы защищать его. Когда двѣнадцать лѣтъ тому назадъ онъ затѣялъ бойкотировать мелкаго подрядчика, который слишкомъ грубо обращался съ своими портнихами, на него ополчились хозяева всѣхъ портняжныхъ мастерскихъ Нью-Іорка и Бруклина. Имя его было поставлено во главѣ чернаго списка опальныхъ, которымъ никто не долженъ давать работы, и ему приходилось жестоко голодать вмѣстѣ съ семьей, ибо у него уже тогда были жена и дѣти.

Борьба, однако, началась и продолжалась своимъ порядкомъ. Двойнисъ проявлялъ ни съ чѣмъ несравнимую дѣятельность. Онъ выковалъ и заострилъ свою энергію горечью многолѣтняго угнетенія и ѣдкимъ сознаніемъ собственныхъ обидъ, и его желѣзный организмъ не нуждался, повидимому, ни въ отдыхѣ, ни въ пищѣ.

Каждый вечеръ ему приходилось говорить по семи и по восьми рѣчей въ противоположныхъ концахъ города, и часто у него не было даже пятака на конку. Къ концу мѣсяца онъ совершенно охрипъ и пріобрѣлъ особый голосъ, разбитый и напоминающій пропойцу, которымъ говорятъ всѣ американскіе ораторы во время избирательной или всякой иной борьбы. Союзъ былъ основанъ и сталъ быстро расти. Двойнисъ велъ переговоры съ политическими дѣятелями, писалъ статьи въ газетахъ. Отрывки изъ его рѣчей печатались въ вечернихъ изданіяхъ газетъ, которыя вѣчно на сторожѣ въ поискѣ новинокъ, способныхъ заинтересовать прихотливую толпу. Союзъ подрядчиковъ, образовавшійся на скорую руку для защиты отъ неожиданнаго нападенія, умудрился сдѣлать весьма коварный ходъ, и Двойнисъ былъ привлеченъ къ суду за предполагаемое нарушеніе одного очень кляузнаго пункта въ спутанныхъ американскихъ законахъ, касающихся рабочихъ союзовъ и ихъ дѣйствій.

Было заранѣе извѣстно, что судъ возмущенъ «буйнымъ» поведеніемъ еврейскихъ портныхъ еще больше, чѣмъ сами фабриканты, и дѣйствительно, черезъ четыре дня, Двойнисъ уже сидѣлъ въ тюрьмѣ, обремененный обвинительнымъ приговоромъ и съ пріятной надеждой чесать казенную шерсть въ теченіе шестнадцати мѣсяцевъ. Общественное мнѣніе Америки, однако, представляетъ большую, хотя и легкомысленную силу, и его уставы не всегда совпадаютъ съ приговоромъ федеральнаго суда. Дѣло Двойниса было слишкомъ возмутительно. Вечернія газеты сразу приняли сторону человѣка, вся вина котораго заключалась только въ томъ, что онъ хотѣлъ увеличить заработки несчастныхъ швей и гладильщиковъ на два или три цента въ часъ.

Двойнисъ внезапно сдѣлался героемъ дня, «львомъ», какъ говорятъ, въ Америкѣ. Репортеры съ утра до вечера осаждали его въ тюрьмѣ и, по американскому обычаю, выспрашивали его убѣжденія о всѣхъ наличныхъ предметахъ газетнаго дня, отъ филиппинской войны до покроя рукавовъ госпожи Стюйвезандъ-Фишъ. Черезъ часъ интервью являлось въ печати съ крупнымъ заголовкомъ: «Ліонель Двойнисъ полагаетъ, что красота высокой дамы изъ Вашингтона должна сдѣлать ее болѣе чувствительной къ страданіямъ бѣдныхъ».

Молодыя женщины привозили ему конфекты, заваливали его цвѣтами и даже объяснялись въ любви. Къ нему писали письма, прося автографовъ. Методистскій епископъ написалъ ему, убѣждая его перейти въ христіанскую вѣру. Онъ утверждалъ, впрочемъ, что все равно считаетъ Двойниса христіаниномъ. Въ довершеніе всего, комитетъ гражданъ сталъ собирать подписи подъ петиціей губернатору объ амнистіи для Двойниса, и черезъ четыре мѣсяца онъ снова былъ на свободѣ.

Послѣ этого Двойнисъ сталъ главой юніона, но навсегда пересталъ быть портнымъ. Его славѣ уже не было мѣста въ прежней мастерской, подъ надзоромъ одного изъ грубыхъ надсмотрщиковъ, которыхъ именно онъ первый предпринялъ учить вѣжливости. Онъ попробовалъ учиться, выдержалъ экзаменъ на адвоката, что въ Америкѣ гораздо легче, чѣмъ въ Европѣ, потомъ попробовалъ стать аптекаремъ и газетнымъ работникомъ, наконецъ, сдѣлался страховымъ агентомъ и добился успѣха, ибо его многочисленные приверженцы и разнообразныя знакомства обезпечивали за нимъ обширную кліентуру. Юніонъ портныхъ разросся, раздѣлился на нѣсколько вѣтвей и насчитывалъ десятки тысячъ членовъ. Заработная плата даже для самыхъ простыхъ рабочихъ, жилетниковъ и кончальщицъ, поднялась вдвое и втрое противъ прежняго, что, разумѣется, въ сущности обусловливалось огромнымъ ростомъ портняжнаго дѣла въ Америкѣ. Мало-по-малу во главѣ союза сталъ правильно организованный комитетъ, но Двойнисъ продолжалъ сохранять прежнее вліяніе на дѣла. Неизвѣстно, какъ и откуда, въ бывшемъ еврейскомъ портномъ, который обладалъ тѣломъ гладіатора и профилемъ римскаго патриція, оказалась еще чисто славянская ширина души, навѣянная, быть можетъ, созерцаніемъ безконечныхъ полей, среди которыхъ протекало дѣтство Двойниса.

Бывшій портной теперь зарабатывалъ много денегъ, но онѣ проходили сквозь его пальцы, какъ вода. Онъ платилъ судебные штрафы за своихъ политическихъ кліентовъ и устраивалъ публичные обѣды, выкупалъ чужія вещи изъ заклада, организовалъ народныя гулянья и посылалъ лекарства и мясо бѣднымъ больнымъ, которые не хотѣли унижаться предъ благотворительнымъ обществомъ. Два раза его продавали съ молотка, но онъ встрѣчалъ судебнаго пристава со смѣхомъ и черезъ три дня возрождался снова. Его средства къ жизни основывались на его популярности, а ее нельзя было ни заложить, ни продать съ публичнаго торга.

До сихъ поръ онъ оставался лучшимъ публичнымъ ораторомъ нижняго Нью-Іорка. Иногда, если онъ былъ въ ударѣ, и принимался описывать жизнь бѣднаго рабочаго въ нью-іоркскомъ нижнемъ городѣ, его мелкую борьбу за кусокъ хлѣба и упрямую надежду на лучшее будущее, толпа отдавалась ему, какъ одинъ человѣкъ. Даже враги и, что еще важнѣе, близкіе друзья поддавались впечатлѣнію этого гибкаго, то увлекательно-мягкаго, то грознаго и молніеноснаго краснорѣчія.

Во время различныхъ выборовъ, которые повторяются въ Америкѣ почти ежегодно, онъ проявлялъ ту же неутомимую дѣятельность, переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто и произносилъ нѣсколько рѣчей въ одинъ и тотъ же вечеръ. Съ епископомъ, желавшимъ обратить его въ христіанскую вѣру, онъ свелъ дружбу и года два тому назадъ произнесъ рѣчь въ его церкви передъ многочисленной конгрегаціей на тему о причинахъ малаго успѣха миссіонерской дѣятельности методистовъ среди евреевъ нижняго Нью-Іорка.

Въ концѣ концовъ, несмотря на свою большую душевную силу, этотъ человѣкъ представлялъ изъ себя странную смѣсь бывшаго елисаветградскаго талмудиста съ американскимъ политическимъ дѣятелемъ. Америка научила его говорить рѣчи, искусно вести политическую агитацію, но у него не было времени выработать себѣ связное міросозерцаніе, и недаромъ въ спорѣ съ Бугаевскимъ онъ такъ круто противопоставилъ своего Бога «натурѣ» предполагаемыхъ защитниковъ матеріализма.

Разговоръ сдѣлался общимъ. Со всѣхъ сторонъ посыпались обвиненія противъ благотворительныхъ реформаторовъ, которые были неспособны воспринять малѣйшую творческую мысль и упорно воспроизводили затхлые буржуазные зады.

Но Бугаевскій не хотѣлъ уступить.

— А вы знаете, сколько народу приходится въ Дантанѣ на квадратную сажень?—восклицалъ онъ задорно.—Даже въ Пекинѣ или Калькутѣ нѣтъ такой скученности. Пройдитесь-ка въ іюльскую ночь по «Свиному рынку». Люди на улицахъ спятъ въ повалку, на тротуарѣ ступить негдѣ, на человѣка наступишь. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, дышать есть чѣмъ!..

Сами евреи прозвали «Свинымъ рынкомъ» самую грязную часть Дантана—нью-іоркскаго нижняго города. Здѣсь царила въ полной силѣ нечистоплотность, вывезенная изъ пинскихъ лѣсовъ и литовскихъ мѣстечекъ. Люди здѣсь жили, ѣли и спали на улицѣ, и только дождь или морозъ загонялъ ихъ на время подъ зловонную и удушливую кровлю.

Адвокатъ Журавскій, высокій и тощій, съ жидкой бородкой и нервнымъ лицомъ сердито улыбнулся.

— Здѣсь, въ Ноксвилѣ еще можно терпѣть,—сказалъ онъ,— а вы подумайте, что они въ Аргентинѣ сдѣлали!

— Я тамъ не былъ!—уклончиво сказалъ Бугаевскій.

— Вонъ докторъ Борисъ былъ,—сказалъ Журавскій,—спросите его!

Борисъ Харбинъ улучилъ-таки свободную минуту и подошелъ къ столу за своимъ чаемъ. Онъ все-таки не присѣлъ и пилъ чай стоя, ожидая каждую минуту, что его опять позовутъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ на вызовъ Журавскаго, но по лицу его прошла тѣнь, и морщина между бровей внезапно стала глубже, какъ будто кто-то подновилъ ее невидимымъ рѣзцомъ.

Борисъ Харбинъ пріѣхалъ въ Америку уже сложившимся человѣкомъ, имѣя за плечами два докторскихъ диплома, берлинскій и московскій, и трехлѣтнюю земскую практику. Онъ увлекся идеей еврейскаго земледѣлія и отправился въ Аргентину, гдѣ устройство новыхъ колоній было въ полномъ разгарѣ. Черезъ полгода онъ уѣхалъ оттуда чуть живой, разбитый физически и нравственно, но съ репутаціей безпокойнаго человѣка, котораго не слѣдуетъ подпускать близко къ общественнымъ дѣламъ. Отъ изнурительной лихорадки, нажитой въ Аргентинѣ, онъ оправился только черезъ годъ, и съ тѣхъ поръ не любилъ воспоминать объ этомъ періодѣ своей жизни.

— Спросите-ка доктора Бориса, что они тамъ дѣлали!—настаивалъ Журавскій.

— Они набрали въ управляющіе всесвѣтныхъ проходимцевъ, которые грабили фонды и проживали ихъ въ Буеносъ Айресѣ. Колонистовъ они морили голодомъ, а потомъ сочинили еврейскій бунтъ, и согнали дикихъ гаучей усмирять мятежниковъ, били нагайками стариковъ, однимъ словомъ, устроили полный погромъ!.

— Теперь все это уладилось!—сдержанно возразилъ Бугаевскій.

— Господи, какая мука!—вырвалось вдругъ у Ворховскаго, который все время сидѣлъ молча и сосредоточенно щипалъ свою рѣдкую бороду.

Это былъ маленькій, тощій, какъ будто не доѣдавшій человѣкъ, съ большимъ носомъ и сѣрыми прыгающими глазами. Въ верхней части лица у него былъ нервный тикъ, и онъ все время подмигивалъ и подергивалъ бровями, какъ будто дѣлалъ знаки какому то невидимому собесѣднику. Ворховскій былъ человѣкъ огромныхъ способностей. Въ особенности была изумительна его память на цифры. Онъ помнилъ точный размѣръ населенія городовъ всего міра, имѣвшихъ болѣе пяти тысячъ жителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ неудачникъ по призванію. Онъ имѣлъ множество спеціальностей, побывалъ докторомъ безъ паціентовъ и адвокатомъ безъ практики, химикомъ, агентомъ по торговлѣ недвижимостью. Въ болѣе тяжелые промежутки онъ разносилъ газеты по квартирамъ, даже торговалъ духами и мыломъ на уличномъ прилавкѣ. Онъ, однако, не особенно унывалъ отъ своихъ неудачъ.

Потребности его были ничтожны до смѣшного и если бы онъ имѣлъ нѣсколько лишнихъ долларовъ въ недѣлю, онъ навѣрное не зналъ бы, что съ ними дѣлать.

Несмотря на свой нервный тикъ, онъ былъ человѣкъ незлобивый и сообщительный. Иногда онъ жаловался, что его память только мѣшаетъ ему, и что голова его совершенно завалена всякимъ нужнымъ и ненужнымъ хламомъ.

Однако, громкое восклицаніе, вырвавшееся у него, какъ неожиданный вопль, произвело впечатлѣніе на всю публику.

— Господи, что такое!—сказалъ толстый Спутниковъ, испуганно поглядывая на маленькаго человѣка съ его неугомонными бровями.

Спутниковъ отличался рѣдкою нѣжностью сердца. Про него разсказывали, что два года тому назадъ, во время праздника федераціи, когда вся Америка изъ конца въ конецъ зажигаетъ костры, мальчишки выпросили у него для всесожженія единственный матрацъ и заставили цѣлую недѣлю спать на голыхъ доскахъ.

— Тяжело быть евреемъ!—кричалъ Ворховскій.—Свои бьютъ, чужіе бьютъ!..

— Въ Румыніи въ десять разъ хуже, чѣмъ въ Аргентинѣ!—отстаивалъ Бугаевскій свою точку зрѣнія.

— Кто мы такіе?—продолжалъ Ворховскій не слушая.—Русскіе, евреи, американцы? Ничего не разберешь! Вездѣ мы какъ непрошенные гости!..

— Полно вамъ!—сказалъ Спутниковъ успокаивающимъ голосомъ.—Богъ дастъ, будетъ и у васъ своя земля!

Несмотря на трагическую подкладку этой сцены, адвокатъ Журавскій мрачно улыбнулся. Толстый архитекторъ утѣшалъ маленькаго человѣка, какъ утѣшаютъ ребенка, и обѣщалъ ему отечество, какъ обѣщаютъ капризному мальчику достать луну.

— Я не вѣрю!—сказалъ Ворховскій, также быстро успокаиваясь.—Агасферъ, такъ Агасферъ и есть! Шляется по свѣту, а отдохнуть негдѣ!..

— А я вѣрю!—сказалъ Спутниковъ тономъ безповоротнаго убѣжденія.

— Всѣ великіе народы земли добудутъ себѣ свободное отечество, тѣмъ паче еврейскій народъ!

Странно сказать, среди многочисленной толпы еврейскихъ интеллигентовъ сіонисты были въ меньшинствѣ, но Спутниковъ, чистокровный славянинъ, русакъ изъ Нижегородской губерніи, былъ одинъ изъ самыхъ пламенныхъ и искренно вѣровалъ въ національное возрожденіе еврейства.

Быть можетъ, эта вѣра была безсознательнымъ порожденіемъ его добраго сердца. Онъ полуинстинктивно сознавалъ, что эти люди, составлявшіе его постоянное общество, носили въ себѣ скрытую рану гонимой національности, затравленной и лишенной почвы подъ ногами, и ему инстинктивно хотѣлось найти какое нибудь утѣшеніе для великой и незаслуженной обиды, которую судьба нанесла имъ въ самомъ фактѣ ихъ рожденія.

Впрочемъ, Спутникова обвиняли, что онъ совершенно ожидовѣлъ въ Нью-Іоркѣ. Онъ провелъ въ Америкѣ около четверти вѣка и большую часть этого времени вращался среди самыхъ разнообразныхъ круговъ еврейскаго квартала. Онъ прекрасно говорилъ на жаргонѣ и у него былъ обширный кругъ знакомыхъ среди носильщиковъ, чеботарей, точильщиковъ, жестяниковъ и тому подобныхъ маленькихъ людей, перебивающихся съ хлѣба на квасъ въ богатой Америкѣ. И встрѣчаясь съ интеллигентами, онъ даже обвинялъ ихъ, что они не знаютъ нижнихъ слоевъ еврейства.

— Вы не стоите своего народа! — повторялъ онъ.—Вы даже не космополиты, а кто васъ пальцемъ поманитъ, къ тому вы и лѣзете, очертя голову. Вы постоянно готовы отказаться отъ своего первородства, даже безъ чечевичной похлебки... Но никто изъ васъ не имѣетъ понятія, сколько чистоты и душевной силы скрывается въ нѣдрахъ вашего собственнаго народа!

— Кто мы такіе?..—раздался съ другого конца стола громкій голосъ бывшаго профессора Косевича.—Это очень ясно.—Онъ откинулся назадъ на длинной соломенной качалкѣ, на которой постоянно возсѣдалъ въ домѣ доктора и обвелъ присутствующихъ увѣреннымъ взглядомъ большихъ черныхъ, слегка выпуклыхъ глазъ. Качалка впрочемъ тотчасъ же откинулась назадъ и вмѣсто крупной головы Косевича передъ публикой поднялись его колѣни, облеченныя въ поношенные клѣтчатые штаны.

Косевичъ. подождалъ секунду, пока равновѣсіе возстановилось.

— Это ясно! — хладнокровно повторилъ онъ, крѣпко устанавливая на полу свои ноги, во избѣжаніе дальнѣйшихъ инцидентовъ.—Мы учились въ русской школѣ, выросли на русской литературѣ, весь нашъ умственный обиходъ русскій. Мы русскіе, стало быть!

Толпа сочувственно зашумѣла. Слова Косевича, очевидно, выражали преобладающіе настроеніе.

— Конечно, мы родились отъ еврейскихъ матерей! — продолжалъ Косевичъ:—но мы выросли интеллигентами. Вы сами знаете, что интелигентныхъ евреевъ нѣтъ. Гейне и Берне были нѣмцы, Маниаъ итальянецъ, Брандесъ датчанинъ... А мы вотъ русскіе!..

Докторъ Слокумъ, сидѣвшій возлѣ Косевича, вдругъ вспыхнулъ, какъ порохъ.

— Стыдно! — крикнулъ онъ запальчивымъ тономъ и даже ударилъ кулакомъ по столу.—Стыдно человѣку отрекаться отъ родной матери!..

— Продолжайте!—сказалъ Косевичъ насмѣшливо.

Давидъ Слокумъ, собственно говоря, не принадлежалъ къ кругу русскихъ переселенцевъ. Правда, онъ родился въ Черниговѣ и свободно говорилъ по русски, но образованіе онъ получилъ въ лейпцигской раввинической академіи и былъ докторомъ не медицины, а теологіи Моисеева закона. Онъ былъ человѣкъ безпокойнаго нрава и много странствовалъ по свѣту, побывалъ въ Аргентинѣ, какъ докторъ Борисъ, и даже въ южной Африкѣ. Онъ организовалъ еврейскую общину въ Блемфонтейнѣ въ Оранжевой республикѣ, но скоро разсорился съ слишкомъ предпріимчивыми прихожанами и уѣхалъ въ Соединенные Штаты. Въ Нью-Іоркѣ онъ нашелъ для себя болѣе обширное поприще среди густо населеннаго еврейскаго квартала. Онъ былъ хорошій проповѣдникъ, и нѣсколько большихъ синагогъ одна за другою предлагали ему постоянное мѣсто. Онъ, однако, не принялъ ни одного предложенія и предпочиталъ произносить свои проповѣди въ независимыхъ собраніяхъ и по преимуществу на полусвѣтскія этическія темы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлался добровольнымъ агентомъ переселенческаго общества и проводилъ половину своего времени на пристани острова Еллисъ, стараясь оказывать помощь самымъ неопытнымъ и несчастнымъ эмигрантамъ, для которыхъ даже оффиціальное покровительство общества оказывалось недостаточнымъ.

Докторъ Слокумъ былъ довольно вспыльчивъ нравомъ, но съ эмигрантами онъ проявлялъ неистощимое терпѣніе. Онъ разыскивалъ земляковъ и знакомыхъ для безродныхъ стариковъ и одинокихъ дѣвушекъ и такъ или иначе создавалъ обстановку, которая позволяла имъ высаживаться на берегъ.

Въ частной жизни докторъ Слокумъ все-таки не могъ найти себѣ подходящаго общества въ Нью-Іоркѣ. Съ товарищами по профессіи онъ ссорился и высказывалъ наклонность обличать ихъ обычныя жреческія слабости. Интеллигенты уважали его и онъ любилъ посѣщать ихъ собранія, но встрѣчаясь съ ними, онъ постоянно обвинялъ ихъ въ нечестіи и въ особенности въ забвеніи національнаго принципа.

Докторъ Слокумъ жилъ мечтою о національномъ возрожденіи.

Въ его душѣ какъ будто воскресла частица духа Іереміи и онъ никогда не утомлялся перебирать въ своемъ умѣ древнее величіе Израиля и оплакивать его послѣдующее уничиженіе. Когда онъ мысленно обозрѣвалъ іудейскую *діаспору*, разбросанную по всѣмъ четыремъ вѣтрамъ земли, ему хотѣлось собрать эти разсѣянные милліоны, выловить ихъ одинъ по одному изъ волнъ человѣчества и, очистивъ ихъ отъ вѣковой грязи, соединить ихъ вмѣстѣ и унести далеко, на историческое пепелище или, быть можетъ, въ какую-нибудь уединенную страну, въ тотъ фантастическій Самбатіонъ, который лежитъ въ сердцѣ пустыни, окруженный рѣкою, извергающей камни, и гдѣ по преданію живутъ десять израильскихъ колѣнъ, слѣды которыхъ потеряны исторіей.

Докторъ Слокумъ любилъ свой народъ ревнивою и исключительною любовью, и каждый отступникъ или индифферентистъ, уходившій въ сторону отъ гонимаго израиля и растворявшійся въ чужеземной средѣ, былъ для него, какъ потерянный динарій изъ стариннаго сокровища.

— Вы подумайте, что вы говорите! — продолжалъ докторъ Слокумъ, обращаясь къ Косевичу.—На свѣтѣ десять милліоновъ евреевъ, всѣ они грамотные, а вы говорите интеллигентныхъ евреевъ нѣтъ!

— Двѣнадцать милліоновъ!—хладнокровно поправилъ Косевичъ.—Но что можетъ держать ихъ вмѣстѣ, безъ языка, родины и общей культуры?

— А библія?—возразилъ докторъ Слокумъ.

— У каждой міровой вѣры есть своя библія, но народы ими не скрѣплены!—сказалъ Косевичъ.

— Связь евреевъ—угнетеніе!—горячо возразилъ Слокумъ.—Оно скрѣпляетъ насъ въ одинъ общій храмъ, какъ плотнымъ цементомъ!

— Угнетеніе временно!—возразилъ Косевичъ.—Отнимите его, и храмъ разсыплется по кирпичамъ!.

— Временно?—крикнулъ Слокумъ.—Временно, какъ война, какъ людская злость!..

— Все на свѣтѣ временно!—продолжалъ онъ.—Сама земля началась и окончится, и вмѣстѣ съ нею окончится угнетеніе людей людьми!..

— Человѣчество активно!—сказалъ Косевичъ.—Общая сумма угнетенія уменьшается, а не растетъ.

— Зачѣмъ израилю быть очистительной жертвой?—сказалъ Слокумъ. Мы лучше уйдемъ, какъ Моисей изъ Египта.

— Куда?—просто спросилъ Косевичъ.

Слокумъ замедлилъ отвѣтомъ.

— Въ Палестину турки не пускаютъ,—пересчитывалъ Косевичъ,—въ Аргентинѣ надо съ испанцами сливаться, въ Соединенныхъ Штатахъ съ англійской культурой... Гдѣ же вашъ собственный Ханаанъ?..

— Израиль блуждалъ въ пустынѣ сорокъ лѣтъ, пока достигъ Ханаана!—отвѣтилъ, наконецъ, Слокумъ съ дрожью въ голосѣ.

— Скучно съ вами!—прямо возразилъ Косевичъ.—Угнетеніе—это вериги! Въ угнетеніи нѣтъ творчества!

Слокумъ опять разсердился.

— А ваши Гейне и Берне, которыми вы такъ гордились, у нихъ было творчество? Весь свой вѣкъ они боролись противъ угнетенія. Это еврейская миссія!

— Все равно!—сказалъ Косевичъ.—Въ будущую еврейскую родину трудно вѣрить. Нельзя живую страну выкроить дипломатическими ножницами, какъ солдатика изъ папки!

— Вы отступникъ!—возразилъ Слокумъ отрывисто и упрямо.

— Если хотите знать,—сказалъ Косевичъ,—у насъ другое на умѣ. Мы думаемъ объ иной, объ настоящей родинѣ...

Голосъ его неожиданно дрогнулъ, и онъ обвелъ глазами присутствующихъ, какъ будто призывая ихъ въ свидѣтели.

— «Мое сердце въ родныхъ горахъ, мое сердце не здѣсь, мое сердце въ родныхъ горахъ охотится за оленемъ... Охотится за оленемъ, гоняется за ланью; куда бы я ни пошелъ, мое сердце въ родныхъ горахъ!»—медленно продекламировалъ онъ по англійски трогательные стихи Бернса.

Въ публикѣ пробѣжалъ сочувственный трепетъ. Аптекарь Швенцеръ, сытый и круглый, съ румяннымъ лицомъ и довольно замѣтнымъ брюшкомъ, даже вскочилъ съ мѣста и протянулъ руку впередъ, какъ будто произнося клятву.

— Россія—сказалъ онъ, и это короткое слово прозвучало выразительнѣе, чѣмъ длинныя рѣчи Косевича.

Швенцеру было сорокъ пять лѣтъ.

Лохматая грива его молодости замѣнилась гладко прилизанной прической поверхъ розовой лысины, но его энтузіазму было по прежнему восемнадцать лѣтъ, и «сердце у него было лохматое».

По лицу доктора Бориса снова промелькнула тѣнь, и складка между бровями углубилась, какъ прежде.

Онъ имѣлъ слишкомъ мало времени, чтобы участвовать въ этихъ безконечныхъ спорахъ, и мысли его были постоянно наполнены мелочами повседневной жизни, паціентами, лекарствами, ребенкомъ, которому слѣдовало сдѣлать операцію, чахоточной швеей, которой нужно было собрать денегъ, чтобы послать ее на югъ, во Флориду. Кромѣ того, онъ былъ молчаливъ отъ природы, и тѣмъ глубже было его чувство, тѣмъ труднѣе ему было найти слова для его выраженія. Но дерзкій вызовъ Косевича затронулъ самую сущность его души, то, что составляло ея внутреннее содержаніе и давало ему силу изо дня въ день возиться по четырнадцати часовъ съ больными. Ибо докторъ Борисъ, чуть не попавшій подъ усмиреніе аргентинскаго бунта во время «еврейскаго погрома», вывезъ изъ обездоленныхъ колоній свою вѣру въ будущность еврейства и продолжалъ жить съ нею и въ Ноксвилѣ, гдѣ по крайней мѣрѣ, окружающія лица были еврейскія.

— Не отрицайте насъ!—сказалъ онъ своимъ глухимъ, немного разбитымъ голосомъ.—Вы абсентеисты, но мы существуемъ. Мы слишкомъ долго страдали!..

Въ дверяхъ аптеки снова раздался звонокъ.

— Теперь мы хотимъ жить для самихъ себя! бросилъ докторъ на ходу и скрылся въ дверяхъ своей пріемной.

— У меня есть другой отвѣтъ!—вдругъ отозвался Грагамъ съ другого конца стола.—Кто мы такіе?.. Мы не американцы и не русскіе. Мы люди. Homo sum et nihil humani a me alienum esse puto.

— Я не вѣрю въ космополитовъ!—настаивалъ Косевичъ.— У нихъ души выпотрошенныя. Человѣкъ долженъ имѣть отечество.

Танъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЧТО ТАКОЕ ОБЩЕСТВЕННЫЙ КЛАССЪ?

Современное общество распадается на общественные классы и его исторія, цѣликомъ или въ значительной мѣрѣ, есть результатъ взаимодѣйствія этихъ классовъ. Съ этимъ всѣ согласны, марксисты и немарксисты. Разница лишь въ томъ, что для марксистовъ въ исторіи нѣтъ ничего, кромѣ борьбы классовъ; для другихъ же всемірная исторія есть нѣчто несравнено большее, чѣмъ классовая борьба, являющаяся лишь однимъ изъ многихъ проявленій исторической жизни человѣчества. Но и тѣ, и другіе признаютъ наличность особыхъ классовъ въ обществѣ нашего времени, какъ одну изъ его характернѣйшихъ особенностей.

И однако, если бы спросить любого историка, соціолога или экономиста, что такое общественный классъ, то мы отъ большинства не получили бы никакого опредѣленнаго отвѣта, а отъ остальныхъ отвѣты весьма противорѣчивые. Подобно многимъ понятіямъ, вошедшимъ въ научный обиходъ, понятіе общественнаго класса страдаетъ расплывчатостью и неясностью своихъ границъ. Даже тѣ, кто смѣло утверждаетъ, вслѣдъ за своимъ учителемъ, что классовая борьба составляетъ все содержаніе исторіи, даже эти вѣрные послѣдователи Маркса въ огромномъ большинствѣ случаевъ затруднились бы дать отвѣтъ на предложенный вопросъ. Это, разумѣется, никому не мѣшаетъ съ большою самоувѣренностью разсуждать о неумолимости закона классовой борьбы, о вліяніи этой борьбы на всѣ стороны соціальной жизни, о наивности тѣхъ, кто вѣритъ въ существованіе внѣклассовой морали и т. д., и т. д.; и не только разсуждать, но и предавать свои разсужденія тисненію въ поученіе тысячъ читателей.

Въ виду такого положенія дѣла (а что оно таково, врядъ ли подлежитъ спору), быть можетъ, будетъ не лишнее остановить на минуту вниманіе читателя на самомъ основномъ вопросѣ, о которомъ не говорятъ, какъ бы полагая его вполнѣ удовлетворительно разрѣшеннымъ и потому не требующимъ обсужденія—вопросѣ о томъ, что же такое общественный классъ, играющій, по мнѣнію всѣхъ, столь выдающуюся роль въ исторіи нашего времени?

Этимъ именно вопросомъ, но безъ отвѣта, заканчивается III томъ

«Капитала» Маркса. Мы узнаемъ лишь, что понятіе общественнаго класса далеко не совпадаетъ съ понятіемъ общественной группы. Такъ, врачи и чиновники образуютъ двѣ различныхъ общественныхъ группы, но не два различныхъ класса. Классовое сложеніе общества отнюдь не нужно смѣшивать съ общественнымъ раздѣленіемъ труда, приводящимъ къ обособленію профессій. Первобытное общество не знало классовъ, но въ немъ существовали особыя профессіи (кузнецъ, жрецъ, судья, воинскій предводитель и т. д.).

Если мы обратимся къ другимъ работамъ Маркса и Энгельса, то въ нихъ мы найдемъ богатѣйшій матеріалъ для отвѣта на интересующій насъ вопросъ, но самаго отвѣта, т.-е. опредѣленія понятія «общественный классъ» не встрѣтимъ. Мало того, мы придемъ къ заключенію, что и Марксъ употреблялъ это понятіе въ различныхъ, даже, повидимому, противорѣчивыхъ значеніяхъ. Такъ, въ своихъ статьяхъ, посвященныхъ движенію 1848 г. въ Германіи, авторъ «Капитала» говоритъ, что германскій народъ въ эпоху этого движенія состоялъ изъ слѣдующихъ классовъ: феодальнаго дворянства, буржуазіи, мелкой буржуазіи, крупнаго и средняго крестьянства, мелкаго свободнаго крестьянства, несвободнаго крестьянства, находившагося въ феодальной зависимости отъ помѣщиковъ, земледѣльческихъ рабочихъ и, наконецъ, промышленныхъ рабочихъ—всего насчитывается Марксомъ не менѣе 8 общественныхъ классовъ. Въ своемъ тонкомъ анализѣ соціальныхъ и политическихъ движеній во Франціи въ эпоху февральской революціи и послѣ нея Марксъ также различаетъ цѣлый рядъ общественныхъ классовъ, причемъ особое вниманіе удѣляетъ соціальной роли двухъ классовъ—мелкой буржуазіи и крестьянства. Главнымъ достоинствомъ этого замѣчательнаго анализа является, по общему признанію, данная Марксомъ блестящая и остроумная характеристика мелкой буржуазіи, какъ особаго общественнаго класса. И мелкая буржуазія, и крестьянство постоянно разсматриваются нашимъ авторомъ, какъ самостоятельные классы. Что касается крестьянскаго класса, то Марксъ приписываетъ ему рѣшающую роль въ декабрьскомъ переворотѣ, приведшемъ къ возстановленію имперіи. «Бонапартъ,—говоритъ нашъ авторъ,—является представителемъ особаго общественнаго класса и, къ тому же, многочисленнѣйшаго класса французскаго общества, мелкаго крестьянства» *).

Послѣ всѣхъ этихъ утвержденій, читатель не можетъ не быть пораженъ, узнавъ отъ того же Маркса, что крестьянство... вовсе не классъ. «Мелкіе крестьяне (Parzellenbauern) образуютъ собой огромную массу, члены которой живутъ въ одинаковыхъ условіяхъ, но не вступаютъ въ разнообразныя отношенія другъ съ другомъ. Ихъ способъ производства ведетъ къ разобщенію, а не къ взаимнымъ сношеніямъ

---

*) Der Achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. Dritte Auflage. стр. 97.

производителей... Клочокъ земли, крестьянинъ и семья; рядомъ другой клочокъ земли, другой крестьянинъ и другая семья. Куча семей образуетъ деревню, куча деревень—департаментъ. Такимъ образомъ составляется главная масса французскаго народа, какъ изъ картофеля, набитаго въ мѣшокъ, составляется мѣшокъ съ картофелемъ... Поскольку между мелкими крестьянами существуетъ лишь связь того же мѣстожительства, а тожественность ихъ интересовъ не вызываетъ никакой сознательной общности интересовъ, никакой національной общности и никакой политической организаціи крестьянъ, постольку мелкіе крестьяне не образуютъ класса» *).

Но если крестьяне не образуютъ общественнаго класса, потому что ихъ способъ производства изолируетъ ихъ другъ отъ друга и препятствуетъ ихъ политической организаціи, то возникаетъ сомнѣніе, можно ли считать классомъ мелкую буржуазію. Нѣмецкая мелкая буржуазія была, очевидно, также неспособна въ 1848 г. къ сплоченію въ особую политическую партію, какъ и французскіе крестьяне въ эпоху декабрьскаго переворота. Слѣдовательно, и мелкую буржуазію мы не имѣемъ права считать самостоятельнымъ общественнымъ классомъ.

Такимъ образомъ, многіе изъ общественныхъ классовъ, найденные Марксомъ въ нѣдрахъ современнаго общества, оказываются совсѣмъ не классами. Повидимому, мы должны вернуться къ знаменитому (принадлежащему еще Адаму Смиту) дѣленію современнаго общества на 3 класса—землевладѣльцевъ, капиталистовъ и наемныхъ рабочихъ. Но и то нѣтъ. Вопросъ о признаніи наемныхъ рабочихъ самостоятельнымъ классомъ возбуждаетъ серьезныя сомнѣнія.

Правда, Марксъ называетъ безчисленное число разъ наемныхъ рабочихъ, пролетаріатъ особымъ общественнымъ классомъ. Но такъ же нашъ авторъ называетъ и крестьянъ, которые, однако, по его же опредѣленію, не составляютъ класса. Не постигнетъ ли рабочихъ такая же участь, какая постигла крестьянъ и мелкихъ буржуа?

И дѣйствительно, мы не имѣемъ никакого основанія признавать нѣмецкихъ рабочихъ 40-хъ годовъ особымъ общественнымъ классомъ, если мы отказываемъ въ этомъ званіи крестьянамъ и мелкимъ буржуа. Это, кстати, указано самими Марксомъ и Энгельсомъ въ 1847 г., въ ихъ знаменитомъ обращеніи къ рабочимъ всего міра. Авторы обращенія неоднократно и настойчиво заявляютъ, что «ближайшею цѣлью ихъ партіи является превращеніе пролетаріата въ классъ» («Bildung des Proletariats zur Klasse»). Это заявленіе варіируется авторамъ на разные лады, но смыслъ его остается однимъ и тѣмъ же. Что же оно означаетъ? Очевидно то, что въ эпоху названнаго обращенія пролетаріатъ еще не былъ особымъ классомъ, ибо иначе нече-

---

*) Тамъ же, стр. 98.

го было бы стремиться къ сплоченію пролетаріата въ классъ. Таковъ неизбѣжный логическій выводъ утвержденій Маркса и Энгельса.

Наша попытка выяснить вопросъ объ общественномъ классѣ по сочиненіямъ наиболѣе компетентнаго въ данномъ случаѣ автора — Маркса—привела, такимъ образомъ, къ весьма неожиданнымъ результатамъ. Повидимому, остается еще лишній разъ изумиться логическимъ противорѣчіямъ знаменитаго экономиста. И, конечно, все это несомнѣнныя противорѣчія, но противорѣчія ли въ терминологіи, или въ самой мысли? Мы этого еще пока не знаемъ. Быть можетъ, авторъ «Капитала» повиненъ только въ небрежной терминологіи — вина не очень большая, не исключающая возможности логической правильности мысли.

Такъ оно и есть. Ключъ ко всѣмъ этимъ дѣйствительнымъ или мнимымъ противорѣчіямъ мы найдемъ въ полемическомъ сочиненіи Маркса, направленномъ противъ Прудона. Авторъ «Капитала» былъ ученикомъ Гегеля, а всѣмъ извѣстно, какую роль играли противорѣчія въ системѣ геніальнаго философа. То, что намъ казалось въ ученіи Маркса объ общественномъ классѣ логическимъ противорѣчіемъ, есть, на самомъ дѣлѣ, лишь слѣдствіе діалектическаго метода нашего автора.

«Экономическія отношенія,—говоритъ Марксъ въ «Нищетѣ философіи» (стр. 180 нѣмецкаго изданія 1885 г.),—превратили массу населенія въ рабочихъ. Господство капитала создало одинаковость положенія для этой массы, одинаковость интересовъ. Такимъ образомъ, эта масса стала классомъ по отношенію къ капиталу, но не классомъ въ себѣ (für sich). Въ очерченной нами борьбѣ эта масса объединяется, конституируется, какъ классъ въ себѣ. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами. Но борьба одного класса съ другимъ классомъ есть всегда политическая борьба». То же самое Марксъ говоритъ и о буржуазіи, въ развитіи которой онъ различаетъ два фазиса: «фазисъ, въ теченіе котораго буржуазія только конституировалась подъ господствомъ феодализма и абсолютной монархіи, и тотъ, когда буржуазія, какъ уже конституированный классъ, опрокинула феодализмъ и монархію и превратила общество въ буржуазное общество. Первый изъ этихъ фазисовъ былъ продолжительнѣе и требовалъ большихъ усилій».

Итакъ, общественный классъ проходитъ два фазиса развитія. Первоначально, возникающій классъ является классомъ лишь по отношенію къ другимъ классамъ, но не классомъ въ себѣ (für sich). Затѣмъ онъ конституируется, какъ классъ въ себѣ, и этимъ знаменуется второй фазисъ развитія класса, фазисъ зрѣлости. Въ этомъ смыслѣ Марксъ говорилъ, что французскіе крестьяне не образуютъ собой класса — именно, зрѣлаго класса, класса въ себѣ,—хотя они несомнѣнно являются классомъ по отношенію къ другимъ общественнымъ группамъ.

Также и германскiе рабочiе въ сороковыхъ годахъ не были классомъ въ себѣ, хотя они и составляли классъ по отношенiю къ буржуазiи.

Всякiй, знакомый съ философiей Гегеля, легко узнаетъ въ этомъ различенiи класса по отношенiю къ другому и класса «въ себѣ» (für sich) гегелевскiй переходъ чистаго бытiя черезъ свое отрицанiе къ бытiю по отношенiю къ другому и черезъ отрицанiе отрицанiя къ бытiю въ себѣ. Точно также и Марксъ видитъ въ первомъ фазисѣ развитiя общественнаго класса бытiе класса по отношенiю къ другому, а во второмъ фазисѣ — бытiе класса въ себѣ. Проходя этотъ кругъ развитiя, классъ измѣняется въ своемъ характерѣ; называя одну и ту же общественную группу классомъ, и затѣмъ отказывая ей въ классовомъ характерѣ, нашъ авторъ характеризовалъ ее съ точки зрѣнiя различныхъ фазисовъ ея развитiя. Такъ, личинка можетъ быть противопоставлена взрослому животному, въ которое она превращается, но вмѣстѣ съ тѣмъ, сравнивая это животное съ организмами другихъ видовъ, мы присваиваемъ личинкѣ такое же наименованiе, какъ и взрослому животному.

Итакъ, то, что намъ казалось логическимъ противорѣчiемъ въ ученiи Маркса объ общественномъ классѣ, оказывается логическимъ слѣдствiемъ дiалектическаго метода, котораго придерживался авторъ «Капитала». Всякiй общественный классъ подчиняется, по ученiю Маркса, закону развитiя, общему для всего существующаго, и каждый фазисъ развитiя класса обладаетъ своими особыми характерными, специфическими особенностями.

Эту важную сторону ученiя Маркса объ общественномъ классѣ необходимо всегда имѣть въ виду, чтобы правильно понимать мысль знаменитаго экономиста. Мы часто встрѣчаемъ, напр., въ сочиненiяхъ нашего автора категорическое утвержденiе, что столкновенiя классовъ неизбѣжно носятъ политическiй характеръ. Это, очевидно, не можетъ относиться къ классамъ, еще не достигшимъ окончательнаго развитiя, еще не конституированнымъ. Такъ, англiйскiе рабочiе союзы представляли собой значительную общественную силу уже въ концѣ XVIII-го вѣка и упорно отстаивали интересы своихъ членовъ противъ предпринимателей. Но борьба эта оставалась всецѣло экономической борьбой и ничего политическаго въ себѣ не заключала; потому она и не была, въ смыслѣ Маркса, классовой борьбой.

Утверждая, что современное общество имѣетъ классовой характеръ, нашъ авторъ отнюдь не думаетъ отрицать, что многiя общественныя группы, входящiя въ составъ общества нашего времени, не имѣютъ сознанiя своихъ классовыхъ интересовъ и не образуютъ собой зрѣлыхъ, конституированныхъ классовъ, классовъ въ себѣ. Общественная дѣйствительность представляетъ собой пеструю картину, въ которой мы видимъ общественные классы на всѣхъ ступеняхъ своего развитiя.

начиная отъ соціальныхъ группъ, въ которыхъ совсѣмъ не пробудилось сознаніе общности ихъ классовыхъ интересовъ, до экономически и политически прочно организованныхъ классовъ. Съ этой точки зрѣнія исторію можно разсматривать, какъ исторію общественныхъ классовъ—ихъ возникновенія, постепеннаго роста, упадка и реагированія другъ на друга. Нѣкоторые классы падаютъ, другіе растутъ, но все вмѣстѣ образуетъ сложное и тѣсно связанное цѣлое, въ которомъ каждая экономически обособленная группа, если и не составляетъ класса въ себѣ, то является классомъ по отношенію къ другимъ общественнымъ группамъ.

Мы знаемъ уже, что общественный классъ есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ группа лицъ одинаковой профессіи. Понятіе общественнаго класса неотдѣлимо, по ученію Маркса, отъ понятія противоположности общественныхъ интересовъ. Гдѣ этой противоложности интересовъ нѣтъ, тамъ нѣтъ и классовъ. Вотъ почему въ первобытномъ обществѣ не было классовъ, вотъ почему въ современномъ обществѣ священники и врачи или артисты не образуютъ особыхъ классовъ—интересы всѣхъ этихъ общественныхъ группъ не находятся въ непримиримомъ антагонизмѣ съ интересами какихъ-либо другихъ общественныхъ группъ.

Въ чемъ же заключается источникъ противоположности интересовъ въ современномъ обществѣ, основанномъ на присвоеніи одними общественными группами прибавочнаго труда другихъ группъ? Очевидно, не въ чемъ иномъ, какъ въ этомъ самомъ экономическомъ отношеніи, лежащемъ въ корнѣ даннаго соціальнаго усройства. Поэтому, мы можемъ опредѣлить соціальный классъ, какъ общественную группу, члены которой находятся въ одинаковомъ экономическомъ положеніи по отношенію къ общественному процессу присвоенія одними общественными группами прибавочнаго труда другихъ группъ. и вслѣдствіе этого имѣютъ общіе экономическіе интересы и общихъ антагонистовъ въ процессѣ общественнаго хозяйства. Это опредѣленіе даетъ намъ ключъ ко всему ученію объ общественныхъ классахъ. Исходя изъ него, мы можемъ безъ труда опредѣлить, составляетъ ли данная группа, и почему именно, особый общественный классъ, или нѣтъ.

Такъ, прежде всего ясно, что наемные рабочіе составляютъ особый общественный классъ по отношенію къ тѣмъ, во чью пользу поступаетъ ихъ прибавочный трудъ. Капиталистическое общество распадается на 3 основныхъ класса—наемныхъ рабочихъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Но кромѣ этихъ классовъ, основныхъ и типичныхъ для капиталистическаго хозяйства, реальное капиталистическое общество нашего времени слагается также изъ другихъ классовъ, созданныхъ предшествующими способами производства. Правда, если бы какая-либо общественная группа стояла внѣ экономическихъ антагонизмовъ, вытекающихъ изъ факта присвоенія частью общества прибавочнаго труда остальной части, то она не образовывала бы класса. Но дѣло въ томъ, что среди экономически обособленныхъ группъ нашего времени такой группы нѣтъ и быть не можетъ. Такъ, мелкіе самостоятельные производители не были классомъ въ первобытномъ обществѣ. Въ капиталистическомъ обществѣ нашего времени имѣются также многочисленныя группы мелкихъ самостоятельныхъ хозяевъ; таковые составляютъ даже главную массу населенія въ большинствѣ европейскихъ государствъ. Но современные мелкіе производители— крестьяне и ремесленники—суть особые общественные классы потому, что хотя крестьянинъ, работающій своими руками, безъ помощи наемныхъ рабочихъ, на своемъ клочкѣ земли, или ремесленникъ, занятый въ своей собственной мастерской, съ формальной стороны стоятъ какъ бы внѣ отношеній экономической эксплуатаціи, характерныхъ для капитализма, на самомъ дѣлѣ это не такъ. На самомъ дѣлѣ капиталистическая основа современнаго хозяйственнаго строя даетъ себя чувствовать тысячами способовъ въ хозяйствѣ мелкаго производителя. Крестьянинъ платитъ за свою заложенную землю проценты въ банкъ, съ его земли поступаютъ налоги въ пользу государства, онъ продаетъ свои продукты капиталисту-торговцу, онъ арендуетъ землю крупнаго землевладѣльца и вноситъ послѣднему арендную плату и т. д., и т. д. Всѣ эти экономическіе отношенія являются нечѣмъ инымъ, какъ различными формами присвоенія прибавочнаго труда крестьянина, почему современные крестьяне и должны быть признаны особымъ классомъ. То же слѣдуетъ сказать и о другихъ мелкихъ производителяхъ.

Можетъ возникнуть вопросъ, не составляютъ ли мелкіе самостоятельные производители (крестьяне и ремесленники) и наемные рабочіе одного трудящагося общественнаго класса, въ противоположность нетрудящимся общественнымъ классамъ? Безусловно нѣтъ, потому что хотя и крестьяне (разумѣется, мелкіе), и наемные рабочіе одинаково трудятся, въ большей или меньшей части, на пользу другихъ общественныхъ группъ, но общественные способы присвоенія прибавочнаго труда крестьянъ и рабочихъ существенно различны. Въ связи съ этимъ, экономическіе интересы крестьянъ и рабочихъ далеко не тождественны, а нерѣдко и противоположны. Крестьянинъ заинтересованъ въ пониженіи арендной платы, пониженіи процентовъ по ипотечному долгу и налоговъ, лежащихъ на землѣ; рабочій же во всемъ этомъ совершенно не заинтересованъ, но зато заинтересованъ въ повышеніи заработной платы и сокращеніи рабочаго дня, отъ чего крестьянинъ, какъ таковой, ничего не выигрываетъ. Поэтому, крестьяне и наемные рабочіе представляютъ собой различные общественные классы, подобно тому, какъ капиталисты и землевладѣльцы принадлежатъ не къ одному, а къ двумъ различнымъ классамъ.

Точно также, мелкая буржуазія есть особый общественный классъ, образующій собой переходную ступень между противоположными полюсами капитала и труда. Но хотя этотъ классъ и имѣетъ промежуточный характеръ, все же это классъ, съ классовыми интересами и классовыми антагонизмами. Зажиточные ремесленники и мелкіе торговцы, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, состоитъ этотъ классъ, принадлежатъ къ числу предпринимателей. пользующихся наемнымъ трудомъ и въ качествѣ таковыхъ должны быть противопоставлены наемнымъ рабочимъ; но ихъ экономическому благополучію наиболѣе угрожаютъ не рабочіе, а крупные капиталисты. Эксплуатируя рабочихъ, мелкіе буржуа сами становятся жертвой крупнаго капиталиста. Немногіе изъ среды этого класса подымаются вверхъ и переходятъ въ ряды крупной буржуазіи, другіе опускаются внизъ и пополняютъ массу пролетаріевъ. Это колеблющееся положеніе мелкой буржуазіи опредѣляетъ своеобразный соціальный характеръ этого класса, но не устраняетъ классовыхъ антагонизмовъ, въ рамки которыхъ заключена мелкая буржуазія, также какъ и другіе классы.

Такимъ образомъ, антагонистическое эконономическое отношеніе присвоенія общественнаго прибавочнаго труда неработающими группами, лежащее въ корнѣ капиталистическаго общества, придаетъ антагонистическій характеръ всѣмъ экономически обособленнымъ группамъ, изъ которыхъ это общество слагается, и дѣлаетъ изъ послѣднихъ не просто экономическія группы, но соціальные классы. Куда, однако, отнести представителей такъ называемаго непроизводительнаго (точнѣе нехозяйственнаго) труда,—врачей, адвокатовъ, писателей, артистовъ, ученыхъ и пр.? Можно ли ихъ считать особымъ классомъ людей умственнаго труда? Никоимъ образомъ, такъ какъ для того, чтобы общественная группа могла быть признана классомъ, для этого недостаточно сходства профессій, или экономическаго положенія лицъ, входящихъ въ ея составъ. Владѣлецъ незначительной фабрики, получающій съ нея не болѣе дохода, чѣмъ работающій по найму искусный механикъ, принадлежитъ къ тому же классу капиталистовъ, какъ и милліардеръ, но къ другому классу, чѣмъ механикъ, хотя по своему доходу нашъ фабрикантъ гораздо ближе къ механику, чѣмъ милліардеру. Дѣло тутъ не въ размѣрѣ дохода и не въ сходствѣ условій жизни, а въ экономическомъ отношеніи лицъ той или иной группы къ общественному процессу присвоенія одними общественными группами прибавочнаго труда другихъ общественныхъ группъ. И крупный и мелкій фабрикантъ получаютъ доходъ не со своего труда, а со своего капитала; этотъ капиталъ даетъ имъ возможность присваивать себѣ долю труда занятыхъ въ производствѣ рабочихъ, все равно принадлежатъ ли эти рабочіе къ группѣ искуснаго или чернорабочаго труда. Капиталисты только потому образуютъ собой особый общественный классъ, что имъ противостоятъ рабочіе; рабочіе, въ свою очередь, являются классомъ лишь въ силу того, что имъ противостоятъ капиталисты. Кто же, какой общественный классъ противостоитъ адвокатамъ, врачамъ, духовенству и пр., и пр., съ какимъ классомъ они находятся въ антагонизмѣ по своему экономическому положенію? Ни съ какимъ, потому что ихъ дѣятельность, какъ нехозяйственная, стоитъ внѣ экономическаго процесса присвоенія прибавочнаго труда.

Итакъ, интеллигенція не составляетъ самостоятельнаго класса. Но это не значитъ, что она лишена классоваго характера, что она выше классовъ. Не образуя класса, интеллигенція примыкаетъ къ какому-либо изъ существующихъ общественныхъ классовъ. Такъ какъ интеллигенты—люди умственнаго труда, а умственный трудъ требуетъ образованія, стоящаго, въ свою очередь, много денегъ, то, естественно, что интеллигентные работники выходятъ почти исключительно изъ среды имущихъ классовъ. Это крайне благопріятствуетъ тѣсной связи интеллигенціи съ названными классами. Но, съ другой стороны, трудъ интеллигентнаго работника оплачивается публикой, народной массой, въ которой неимущіе классы (включая сюда какъ наемныхъ рабочихъ, такъ и крестьянъ и иныхъ мелкихъ хозяевъ) численно преобладаютъ; на этой почвѣ возникаетъ экономическая связь между интеллигенціей и неимущими классами. Такимъ образомъ, интеллигенція можетъ примыкать къ самымъ разнообразнымъ общественнымъ классамъ, иначе говоря, интеллигенція есть общественная группа съ неопредѣленнымъ классовымъ характеромъ; часть ея можетъ безкорыстно служить трудящемуся народу, а другая идти вмѣстѣ съ его эксплуататорами. Это мы и наблюдаемъ въ дѣйствительности.

М. Туганъ-Барановскій.

НА КРАЙНІЙ СѢВЕРЪ.

(Въ Русской полярной экспедиціи барона Э. В. Толя).

I.

По Якутскому округу.

Приглашенный на мѣсто умершаго врача русской полярной экспедиціи д-ра Вальтера, я выѣхалъ 19-го марта 1902 г. изъ г. Якутска. Ѣхать надо было по курьерски, чтобы застать въ Усть-Янскѣ (с. Казачье) собакъ для переправы на Ново-Сибирскіе острова, гдѣ зимовала экспедиція, и мнѣ какъ бы предстояло догнать начавшую уже отступать на сѣверъ зиму.

Переправившись черезъ Лену и проѣхавъ еще версты двѣ внизъ по рѣкѣ, мы поѣхали по ея правому берегу. Плохонькія лошаденки, скверная сбруя, жалкіе, неумѣлые ямщики. Якуты, проводящіе всю жизнь около лошадей, не умѣютъ ни править, ни запрягать какъ слѣдуетъ. Отсюда частыя остановки: то понадобится поправить шлею или хомутъ, то завязать разорвавшійся ремень. Ѣхали мы на четырехъ одноконныхъ подводахъ, съ двумя ямщиками, по одному человѣку въ саняхъ. Моя лошадь была привязана къ переднимъ санямъ, сопровождавшій меня казакъ ѣхалъ послѣднимъ.

Уже на третьемъ станкѣ—Хамыстатскомъ, въ 7-ти верстахъ отъ Якутска меня ждала задержка: лошади оказались у подрядчика—въ 5-ти верстахъ отъ станка, въ виду недостатка сѣна.

По мѣрѣ удаленія отъ Якутска замѣтно уменьшается, мало-по-малу совсѣмъ исчезая потребленіе ржаного и пшеничнаго хлѣба, на мѣсто котораго водворяется ячмень. Ячмень мелютъ, растирая слегка поджаренныя или подсушенныя на огнѣ зерна между двумя круглыми камнями, одинъ изъ которыхъ укрѣпленъ неподвижно, а другой быстро вращаютъ за придѣланную къ нему рукоятку. Изъ ячменной муки приготовляютъ хлѣбъ и лепешки. Свѣжій ячменный хлѣбъ довольно вкусенъ, но онъ скоро черствѣетъ и дѣлается твердымъ, какъ камень. Съ употребленіемъ заболони—сосновой коры,—играющей, а особенно игравшей прежде не маловажную роль въ питаніи инородцевъ, лично мнѣ не приходилось встрѣчаться. Къ нашему ржаному хлѣбу, кстати сказать довольно плохому, отнеслись, какъ къ лакомству.

Не доѣзжая верстъ пятидесяти до Алдана, встрѣтился съ священникомъ. По Верхоянскому тракту встрѣчи далеко не часты и, отчасти благодаря обстановкѣ, довольно своеобразны. Батюшка, вновь назначенный благочиннымъ въ одно изъ сѣверныхъ благочиній, доѣхалъ до Алдана и, разочарованный въ быстротѣ передвиженія, вернулся вспять. Рослый, дородный мужчина, съ добродушнѣйшей физіономіей, онъ оказался очень сообщительнымъ собесѣдникомъ. Пока я закусывалъ въ ожиданіи перепряжки лошадей, онъ успѣлъ ознакомить меня не только съ подробностями своего путешествія, но и со своими дальнѣйшими намѣреніями. Думалъ батюшка ѣхать на пароходѣ, но почему то изъ всѣхъ превратностей путешествія по обманчивой стихіи боялся ничего иного, какъ взрыва парового котла. Однако, доведенный до отчаянія злодѣйскими происками ямщиковъ, покушавшихся, по словамъ отца благочиннаго, не доставить его до распутицы на мѣсто назначенія, принялъ геройское рѣшеніе: ѣхать весной на пароходѣ. Кстати сказать, ямщики жаловались, что батюшка платитъ за двѣ лошади, занимая шесть. Здѣсь это явленіе заурядное.

Ночью и утромъ морозъ до 30°, вѣтеръ рѣзкій и холодный. Конечно 30° ничто въ сравненіи съ пятидесятиградусными морозами, когда выплеснутая изъ стакана вода падаетъ льдомъ, выдыхаемый воздухъ издаетъ шумъ тренія обращающихся въ мельчайшія льдинки частицъ пара,—такія морозы бываютъ здѣсь въ декабрѣ и январѣ. Но при очень сильныхъ морозахъ обыкновенно бываетъ полный штиль, а при вѣтрѣ и 30° чуть ли не хуже 50° при затишьѣ. Одежда, разумѣется, соотвѣтствуетъ морозамъ. Якутская кухлянка—рубаха мѣхомъ наружу изъ оленьей шкуры и парка—двойная кухлянка; мягкая мѣховая обувь—торбаса—это незамѣнимый по теплотѣ и легкости костюмъ. Я не могъ въ остававшіеся мнѣ для сбора въ путешествіе два дня какъ слѣдуетъ экипироваться и долженъ былъ довольствоваться лисьей курткой, поверхъ которой иногда надѣвалъ тяжелую и неудобную, въ сравненіи съ якутской кухлянкой, самоѣдскую доху, привезенную К. А. Воллосовичемъ съ судна экспедиціи. Неуклюжіе валенки я скоро замѣнилъ лосиными торбасами.

Часовъ въ 9 у. 21-го марта мы пріѣхали на Тандинскій станокъ, у рѣки Алдана. Втащили свою замороженную провизію. Сварили пельменей—универсальное сибирское блюдо и оказали честь медвѣжьему окороку, приготовленному изъ медвѣдя, убитаго мистеромъ Клифтономъ, богатымъ англичаниномъ, разгонявшимъ свой сплинъ въ якутскихъ и верхоянскихъ палестинахъ. Радушный хозяинъ, только что вернувшійся съ рыбной ловли, поднесъ мнѣ стерлядь. Видя его страстные взгляды на висѣвшую у меня съ боку флягу, я предложилъ ему рюмку спирту. Онъ выпилъ ее какъ бы изъ вѣжливости, не желая обидѣть меня отказомъ и глоталъ съ такимъ видомъ, будто принималъ пренепріятную микстуру. Впрочемъ, сейчасъ же попросилъ вторую, и эту выпилъ безъ лишнихъ церемоній, даже и не поморщился.

Вскорѣ по выѣздѣ со станціи мы переѣхали самый большой изъ притоковъ Лены, судоходный Алданъ. Длина Алдана считается болѣе 2.000 верстъ, и почти на протяженіи полуторыхъ тысячъ верстъ онъ судоходенъ. По Алдану и его притоку Маѣ пароходы компаній А. И. Громовой, Глотова, а въ послѣднее время Коковина и Басова ходятъ до урочища Нельканъ на Маѣ за чаемъ, который доставляется туда волокомъ изъ Портъ-Аяна. Чай въ Якутской области безпошлинный и потому значительно дешевле, чѣмъ въ Европейской Россіи и даже въ смежныхъ съ Китаемъ губерніяхъ Сибири. Мѣстное населеніе употребляетъ главнымъ образомъ кирпичный чай, проникающій въ самые отдаленные уголки области. Широкій Алданъ съ его красивыми гористыми берегами, покрытыми лѣсомъ, должно быть, очень красивъ лѣтомъ.

Дорога ухудшилась. Если раньше было бы трудно ѣхать на парѣ, то теперь это совершенно невозможно. Лѣсная чаща. Узенькой лентой вьется дорога. Вѣтви деревьевъ хлещутъ въ физіономію зазѣвавшагося путника, на многочисленныхъ раскатахъ сани стукаются о стволы деревьевъ. Для уменьшенія раскатовъ кое-гдѣ положены лѣсины и вбиты колья. Тѣмъ не менѣе казакъ нѣсколько разъ опрокинулся вмѣстѣ съ нартой. Лѣтомъ колесная дорога кончается уже у Алдана, и здѣсь ѣздятъ только верхами.

Утромъ, 22-го мы были въ поварнѣ. Представьте себѣ квадратный бревенчатый срубъ съ плохо проконопаченными мхомъ стѣнами, покрытой плоской крышей. Нѣсколько небольшихъ оконъ освѣщаетъ внутренность этого сруба. Деревянныя скамьи, скорѣе нары,—ороны по-якутски, вдоль стѣнъ. Изъ мебели—два стола,—одинъ хромой. Собачій холодъ внутри. Ямщики нарубили дровъ въ лѣсу и затопили камелекъ. Кѣмъ-то изъ прохожихъ, очевидно, былъ сложенъ у поварки колотый ледъ, изъ котораго мы и «дѣлали воду», какъ здѣсь выражаются.

Поварня стоитъ въ холмистой мѣстности. Недалеко и отроги Верхоянскаго горнаго хребета. Красивой грядой вздымаются въ отдаленіи такъ называемые «бете-кельвскіе камни»,—рядъ горъ. Однѣ поднимаются, какъ гиганская сахарная голова, другія напоминаютъ татарскую тебютейку; незамѣтно переходятъ и какъ бы сливаются съ прилегающими холмами расплывчатыя очертанія третьихъ... Черными грядами прорѣзывается лѣсъ на бѣломъ фонѣ покрытыхъ снѣгомъ окрестностей. Вѣтеръ крѣпчаетъ... Контуры горъ становятся болѣе и болѣе неясными. Въ бинокль видно снѣговое облако, поднимающееся надъ горой. Далъ ямщику посмотрѣть въ бинокль. Долго не могъ онъ приладиться, наконецъ, увидѣлъ...

— Учухасъ хая, бёрдъ учухасъ (близко гора, очень близко), восторженно залопоталъ онъ по якутски, жестами показывая, что такъ близко, хоть руками хватай.

Хотя станокъ еще не кончился, но лошади уже отказывались служить. Я послалъ ямщика съ поварни за оленями въ тунгусское стойбище. Съ оленями пріѣхалъ молодой, стройный ламутъ. Грація, и изящество движеній рѣзко отличало его отъ якутовъ. Ѣздовые олени— кроткія, милыя и глупыя животныя. Запрягаются они въ нарты— узкія, низкія сани. Къ горизонтальной дугѣ у передка нарты прикрѣпляется длинный ремень; отъ него расходятся въ разные стороны двѣ ременныхъ петли, которыя надѣваются черезъ лопатку оленя наискось подъ переднюю ногу. Въ нарту впрягаютъ пару оленей. Отъ одного изъ нихъ идетъ ременная или веревочная возжа къ ямщику Съ помощью этой возжи и длинной палки, которой вооруженъ ямщикъ, и управляютъ оленями. Обыкновенный грузъ—одинъ человѣкъ или 5—6 пуд. клади. Для полноты впечатлѣнія я сѣлъ не въ свою полузакрытую нарту, взятую изъ Якутска, а въ совершенно открытую. Быстрота ѣзды, особенно послѣ дохлыхъ клячъ, на которыхъ пришлось плестись до сихъ поръ, производитъ импонирующее впечатлѣніе. Къ тому же первый путь я дѣлалъ на «вольныхъ» оленяхъ, а не на заморенныхъ за зиму частыми перегонами станочныхъ.

Вотъ молодой ямщикъ свернулъ въ сторону съ дороги и катитъ прямо по снѣгу, не смущаясь почти отвѣсной крутизной маленькой горки. Нарта стремглавъ летитъ внизъ... духъ захватываетъ! Несмотря на многочисленные косогоры и сильные раскаты ни одна изъ нашихъ пяти нартъ не опрокинулась: ямщикъ знаетъ свое дѣло. При спускѣ съ горы нарта накатывается оленямъ подъ ноги, налетаютъ одна на другую. Олени сбиваются въ кучу... около физіономіи вдругъ вырастаютъ вѣтвистые рога заднихъ оленей. Минутная остановка... толчекъ: олени подхватили нарту, — и снова мчишься на просторѣ.

Очень быстро проѣхали мы десять верстъ, отдѣлявшія насъ отъ ламутскаго стойбища. Ламуты, какъ истые кочевники, не гонятся за прочностью своихъ жилищъ. Правда, часть ихъ переняла якутскую юрту, переходную, полуосѣдлую форму постройки, но живущіе еще по завѣтамъ отцовъ предпочитаютъ легкую и удобопереносимую урасу. Ураса—это шалашъ или конической формы, или цилиндрической съ конусообразной крышей. Ураса, къ которой мы подъѣхали, принадлежала къ послѣднему типу. Остовъ изъ жердей, обтянутый снизу берестой, съ крышей изъ ровдуги (ровдуга—грубая замша изъ оленьей шкуры)—вотъ и вся ея незатѣйливая конструкція. Низкая,—такъ что приходится влѣзать на четверенькахъ—дверь съ ровдужной завѣсой; посрединѣ урасы-очагъ, надъ нимъ жердочка, на которой подвѣшивается котелокъ для варки пищи;—вверху надъ очагомъ—дымовое отверстіе. Вдоль стѣны полъ нѣсколько приподнятъ и устланъ свѣжими иственными вѣтками. Получается мягкое и душистое ложе. Сидѣть приходится съ поджатыми ногами, такъ какъ мебели не полагается. Среди домашней утвари есть и эмалированная посуда: большая супная ложка и тарелка — слѣды побѣдоноснаго вторженія капитала въ отдаленнѣйшія палестины нашего обширнаго отечества. Въ урасѣ довольно опрятно и не дымно. Многочисленныя скважины въ стѣнѣ содѣйствуютъ обмѣну воздуха. Въ этомъ эѳирномъ жилищѣ, умѣстномъ, казалось бы, болѣе въ блаженной Аркадіи, чѣмъ въ странѣ пятидесятиградусныхъ морозовъ, родятся и умираютъ ламутскія семьи,— «тепло» говорятъ.

Аѳанасій, хозяинъ описанной урасы и собственныхъ штукъ 30-ти оленей, показывая свои владѣнія, обратилъ мое вниманіе на разрубленную на куски тушу недавно убитаго имъ медвѣдя, разложенную на довольно высокомъ помостѣ. Повѣствуя о своихъ встрѣчахъ съ медвѣдями, онъ, м. п., упомянулъ, какъ однажды его испугалъ медвѣдь, на котораго онъ наткнулся безоружный. Я тутъ замѣтилъ, что, по слухамъ, ламуты не боятся медвѣдей. Аѳанасій сталъ пространно объяснять, что, дѣйствительно, съ большимъ ножомъ—онъ показалъ размѣръ клинка въ полъ-аршина—бояться нечего. Такъ естественно кажется этимъ дѣтямъ природы ходить на медвѣдя съ большимъ ножомъ! Аѳанасій, небольшого роста, сухой, но плотной комплекціи сорокадвухлѣтній мужчина, убилъ уже на своемъ вѣку сорокъ медвѣдей. Разговоръ у насъ шелъ на якутскомъ языкѣ. Казакъ помогалъ мнѣ овладѣть предметомъ разговора. Ламуты обыкновенно совершенно свободно говорятъ по-якутски. Не хуже владѣетъ якутскимъ языкомъ и русское населеніе области, часто забывающее свой родной языкъ. Даже большинство казаковъ и многіе мѣщане г. Якутска по-русски говорятъ съ якутскимъ акцентомъ.

Аѳанасій предложилъ довезти насъ, минуя Бете-Кёльскій станокъ, расположенный въ горахъ Верхоянскаго хребта, до слѣдующаго,— Кень-Юряхскаго. Общее разстояніе — 140 верстъ (50+90). Въ виду изнуренности станочныхъ оленей, о чемъ меня предупредили въ Якутскѣ, я принялъ его предложеніе. Мы сошлись на 8-ми руб. деньгами и кирпичѣ чаю. Кромѣ 10-ти оленей, запряженныхъ въ 5 занятыхъ нами нартъ, взяли 5 штукъ запасныхъ, или, по мѣстному, заварныхъ оленей.

Нашъ поѣздъ увеличился: незадолго до остановки мы догнали казака, молва о которомъ дошла до насъ еще у Алдана. Онъ сопровождалъ арестантку—верхоянскую якутку, отбывавшую въ г. Якутскѣ 1½ мѣс. тюремнаго заключенія за кражу, и потерялъ препроводительный пакетъ. Бѣдный мальчикъ, ему всего 17 лѣтъ, потерялъ голову и, бросивъ свою арестантку, кинулся назадъ—отыскивать пакетъ. Теперь злополучный пакетъ былъ найденъ, и юный конвоиръ полегоньку догонялъ арестантку.

Часовъ около 3 утра, чуть забрезжилъ свѣтъ, собрали общими силами оленей и тронулись дальше,—гдѣ по камнямъ, гдѣ съ горки на горку. Черезъ 6 часовъ мы были у «хребта», т.-е. собственно у мѣста переправы черезъ хребетъ.

Есть двѣ дороги черезъ хребетъ: конная и оленная. Намъ пришлось переправляться по оленной,—по крутой, почти обледенѣлой горѣ. Торбасы мои оказались очень скользкими и хотя я берегъ силы и поднимался очень медленно, но усталъ скоро. Здѣсь были бы очень хороши альпійскіе башмаки, если ихъ сдѣлать теплыми. Гора чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась круче. Моя попытка дѣлать палкой ступени въ обледенѣломъ снѣгу оказалась неудачной. Пришлось прибѣгнуть къ помощи якутскаго ножа... Поползъ на четвереинькахъ... Пройдя нѣсколько саженъ такимъ образомъ, я сорвался и порѣзалъ ножомъ руку. Кое-какъ, съ помощью палки, удалось мнѣ затормозить спускъ. Тѣмъ временемъ подоспѣлъ ко мнѣ на помощь Аѳанасій съ оленями, но едва я сѣлъ въ нарту, какъ олени, не выдержавъ моей тяжести, поѣхали внизъ. Пришлось соскочить съ нарты... Аѳанасій взялъ меня подъ руку и помогъ пройти нѣсколько саженъ, оставшихся до вершины горы. Не лучше моего карабкался и нашъ юный казакъ, потерявшій вдобавокъ во время подъема свою палку. Подъемъ на гору такъ меня утомилъ, что при слѣдовавшемъ затѣмъ крутомъ спускѣ я предпочелъ остаться въ нартѣ, вооружившись на всякій случай палкой, съ помощью которой и балансировалъ въ рискованныхъ мѣстахъ. Олени летѣли, какъ вихрь. На высокомъ крутомъ косогорѣ мнѣ понадобились всѣ мои силы, чтобы, упираясь палкой, удержать нарту отъ salto mortale. Удивительно, какъ такой дорогой возятъ женщинъ и дѣтей! Впрочемъ, съ осени устраивается другой путь въ Верхоянскъ *).

По всему подъему на хребетъ разбросаны кули съ казенной мукой: якуты подвозили ихъ, пока силъ хватало у оленей и оставляли до слѣдующей оказіи.

Вскорѣ добрались мы до Кень-Юряхскаго станка, сдѣлавъ въ сутки 140 верстъ по ужасной дорогѣ на проходныхъ оленяхъ.

II.

По Верхоянскому округу, до г. Верхоянска.

Менѣе двухъ часовъ послѣ переправы черезъ хребетъ проѣхали мы до Кень-Юряхскаго станка. Горы сплошнымъ кольцомъ окружаютъ станцію,—плохонькую юртешку съ ледяными окнами. Верхоянскій округъ начался еще на хребтѣ, а съ нимъ и другіе порядки. На станкѣ—казенный мѣдный умывальникъ, таблица съ разстояніями до Якутска, Верхоянска и до слѣдующей станціи. Гоньбу держатъ ламуты.

---

*) Открытъ съ октября 1902 года.

Проводя зиму въ юртѣ, лѣтомъ они перекочевываютъ со своимъ стадомъ на новое мѣсто. Съ дѣтства кочуя, дѣлая большіе переходы верхомъ на оленяхъ, ламуты даже грудныхъ младенцевъ пріучаютъ къ самостоятельности, привязывая колыбель къ сѣдлу оленя.

Угостили меня оленьимъ молокомъ. Молоко густое и вкусное, какъ хорошія сливки. Къ сожалѣнію, важенка даетъ всего съ чайную чашку молока, и оленями очень рѣдко пользуются, какъ дойнымъ скотомъ. Весьма вѣроятно, что если бы ихъ регулярно отдаивали, черезъ нѣсколько поколѣній удой значительно увеличился бы.

Ламуты не заставили насъ долго дожидаться оленей, и, немного отдохнувъ, мы продолжали свой путь.

Намъ повезло на встрѣчи. Не доѣзжая верстъ 10 до Серемской ст. встрѣтили казака, нарочнаго отъ барона Толя. Казакъ спѣшилъ, потому что ему обѣщана награда, если на десятый день по выѣздѣ изъ Верхоянска пріѣдетъ въ Якутскъ. Средняя быстрота ѣзды отъ Верхоянска до Якутска въ концѣ зимы—недѣли двѣ и болѣе. Везутъ скорѣе, если давать на чай, это, можетъ быть, одинъ изъ немногочисленныхъ фактовъ обрусѣнія. Осенью, на свѣжихъ оленяхъ можно проѣхать разстояніе между Верхоянскомъ и Якутскомъ (около 1.000 в.) въ 5—6 дней.

Вблизи станціи повстрѣчали цѣлый караванъ на 25-ти вьючныхъ лошадяхъ, перевозившій имущество колымскаго писаря Ковынина, мамонтовую кость, принадлежащую какому-то купцу, и часть клади г. Іохельсона, члена организованной американцами этнографической экспедиціи на сѣверъ. Лошади, какъ на подборъ, красивыя и рослыя. Караванъ идетъ изъ Колымска уже около 5-ти мѣсяцевъ.

По случаю Благовѣщенія у насъ была роскошная трапеза. Почетное мѣсто на столѣ занимала строганина изъ алданской стерляди. Строганину приготовляютъ изъ сильно промерзшей (сырой) рыбы, которую строгаютъ острымъ ножомъ на болѣе или менѣе тонкіе ломтики-стружки. Блюдо очень вкусное, особенно съ острой подливкой изъ горчицы или изъ соли. Бульонъ съ пельменями и котлеты дополняли нашъ обѣдъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станка меня просили посмотрѣть больныхъ. Больные—женщина и ребенокъ изъ многочисленнаго семейства писаря Ковынина. У обоихъ крупозное воспаленіе легкихъ. Въ грязной юртѣ, переполненной людьми и скотомъ, ихъ положеніе незавидно. Ѣдутъ изъ Средне-Колымска торговымъ путемъ, минуя Верхоянскъ, черезъ то мѣсто, гдѣ обозначенъ на картахъ г. Зашиверскъ и гдѣ на самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ, кромѣ полуразвалившейся церкви да пары опустѣлыхъ юртъ.

Ближе къ г. Верхоянску населеніе нѣсколько гуще. У нѣкоторыхъ инородцевъ порядочное количество рогатаго скота и лошадей. Населеніе Якутской области, всего немного превышающее четверть милліона на пространствѣ около трехъ съ половиной милліоновъ квадр. верстъ, распредѣлено крайне неравномѣрно какъ по округамъ, такъ и въ предѣлахъ одного и того же округа. Въ среднемъ, въ якутскомъ округѣ приходится 1 чел. на 4,8 кв. в., а въ самыхъ населенныхъ наслегахъ на одну версту—40 чел. (!), а въ Верхоянскомъ округѣ на одного человѣка приходится 75,5 кв. в. въ среднемъ. Если вычесть наиболѣе населенныя части округа, то получится почти настоящая пустыня, гдѣ человѣкъ принадлежитъ къ чрезвычайно рѣдкимъ животнымъ. Приведенныя цифры я заимствовалъ изъ «Памятной книжки Якутской области на 1902 г.», изданія якутскаго статистическаго комитета. Цифры эти получатъ большую выразительность, если ихъ сравнить съ данными для другихъ странъ. Финляндія, по Реклю, самая населенная изъ всѣхъ странъ, лежащихъ подъ той же широтой. Въ южныхъ округахъ ея приходится по 18 чел. на 1 кв. в., а въ самой сѣверной изъ финляндскихъ губерній, Улеаборгской, большей частью своею лежащей за полярнымъ кругомъ—1,4 чел. на одну кв. в. *); т.-е. плотность населенія Улеаборгской губ. въ сто съ лишнимъ разъ превышаетъ плотность населенія Верхоянскаго округа.

Въ Верхоянскѣ (27-го марта) я засталъ возвращавшагося съ сѣверо-востока Азіи г. Іохельсона. Гг. Іохельсонъ и Богоразъ съ супругами образовали сибирскій отдѣлъ обширной американской экспедиціи, цѣль которой выясненіе родства сѣверо-американскихъ и сѣверо-азіатскихъ племенъ. Экспедиція собрала обширный фольклорный матеріалъ и массу предметовъ культа и обихода инородцевъ. Спеціальность г. Іохельсона—юкагиры, вымирающее племя нашего крайняго сѣверовостока, языкомъ которыхъ онъ вполнѣ владѣетъ. Черезъ два часа послѣ моего пріѣзда г. Іохельсонъ съ супругой выѣзжалъ изъ Верхоянска. Хотя они заняли только часть станціонныхъ оленей, а главнымъ образомъ частныхъ, для меня не оказалось оленей на станціи. Какъ человѣкъ болѣе просвѣщенный, содержатель городской станціи точно придерживался «кондицій».

Верхоянскъ—административный центръ округа, по обширности своей превосходящаго многія государства, нисколько не похожъ на городъ. Церковь, окружное полицейское правленіе, вновь учрежденное почтовое отдѣленіе, закоптѣлая и пропитанная міазмами сифилитическая лечебница, два-три магазина, немного частныхъ домовъ, если можно назвать домами эти неуклюжія избы, да дюжины 3—4 юртъ, разбросанныхъ на протяженіи верстъ полуторыхъ,—вотъ и весь Верхоянскъ. Ни на присутственныхъ мѣстахъ, ни на магазинахъ нѣтъ даже вывѣсокъ. Снѣжная пелена стыдливо прикрываетъ навозъ и грязь, и лишь кое-гдѣ конфузливо выглядываютъ неприкрытыя снѣгомъ свѣжія нечи-

---

*) Реклю. Земля и люди. Всеобщая географія. V. Вып. 2-й. Европейская Россія. Изд. картограф. завед. Ильина. 1883 г.

стоты. Окружающія Верхоянскъ горы образуютъ какъ бы края чашки, на днѣ которой онъ стоитъ. Благодаря близости рѣки Яны и нѣсколькимъ озерамъ, воды въ лѣтнее время чуть ли не больше, чѣмъ земли.

Проводивъ г. Іохельсона, я отправился къ исправнику. Ко мнѣ вышелъ небольшого роста добродушной наружности старичокъ въ сильно поношенномъ форменномъ сюртукѣ. Встрѣтилъ онъ меня очень привѣтливо и предложилъ похлопотать объ оленяхъ. Отъ исправника я попалъ въ компанію государственныхъ ссыльныхъ и съ ними провелъ вечеръ. За оживленной бесѣдой, за чаемъ и граммофономъ, мы просидѣли до глубокой ночи... Почти каждый изъ государственыхъ ссыльныхъ имѣетъ собственную юрту, которую многимъ пришлось строить собственноручно, а нѣкоторые пріобрѣли отъ уѣхавшихъ товарищей. Экономическое положеніе государственныхъ ссыльныхъ въ Верхоянскѣ незавидно. Пятнадцатирублеваго казеннаго пособія не хватаетъ при дороговизнѣ жизни здѣсь, а заработковъ очень мало. Особенно круто приходится семейнымъ, получающимъ всего на четыре рубля больше холостыхъ.

На другой день послѣ утренняго чая я посѣтилъ больницу, сифилитическую, потому что другой Верхоянскъ пока не имѣетъ. Возмутительное зданіе! Воздухъ хуже, чѣмъ въ якутскомъ хатонѣ (хлѣвѣ). Въ этомъ году отпущено 900 р. на ремонтъ, но больницу не ремонтировать надо, а сжечь! И больные производятъ безотрадное впечатлѣніе. Почти сплошь—третичныя формы сифилиса, и притомъ тяжелыя, трудно поддающіяся леченію... Огромная торпидная язва на ногѣ... Глубоко зіяющее отверстіе вмѣсто носа у семнадцатилѣтняго юноши, которому по росту и тѣлосложенію нельзя дать болѣе 11—12-ти лѣтъ. Восемь лѣтъ просидѣлъ онъ у камелька въ юртѣ своихъ родителей съ разрушаемымъ сифилисомъ носомъ, пока отца кто-то не надоумилъ отвезти мальчика въ больницу. За выѣздомъ врача, больницу мнѣ показывали фельдшера. Разспрашивая больныхъ, насколько умѣлъ, по-якутски, я, повидимому, доставилъ имъ большое удовольствіе.

Пообѣдавъ у одного изъ знакомыхъ, я остальную часть дня посвятилъ визитамъ. Навѣдался, между прочимъ, къ исправнику, который былъ такъ любезенъ, что нанялъ уже для меня лошадей. На слѣдующій день я получилъ отъ исправника приглашеніе на обѣдъ. Здѣшній исправникъ, Болеславъ Фелиціановичъ Кочаровскій, много лѣтъ служилъ въ сѣверныхъ округахъ. За обѣдомъ у него меня удивилъ ананасъ, поданный на третье блюдо. Консервированные ананасы привозятся сюда или изъ Якутска, гдѣ банка съ цѣлымъ сингапурскимъ ананасомъ стоитъ отъ 90 к. до 1 р. 50 к., или изъ Средне-Колымска, который, благодаря доставкѣ товаровъ сначала черезъ Гижигинскъ, а потомъ черезъ Олу, теряетъ свою экономическую зависимость отъ областного города. Въ Верхоянскѣ ананасъ стоитъ 2 р. 50 к.

Недавно открыто здѣсь филіальное отдѣленіе торговой фирмы Коковина и Басова. Эта фирма, сфера дѣятельности которой захватываетъ даже часть Китая и отчасти Европейскую Россію (чай «Цзинь-Лунь»), поставила торговлю въ Якутскѣ до нѣкоторой степени на европейскую ногу и удешевила товары.

За послѣдніе годы цѣны на привозные продукты въ Верхоянскѣ значительно понизились. Несомнѣнно, это въ значительной мѣрѣ слѣдуетъ приписать вліянію, правда, очень далекой отсюда (около 4.000 верстъ) Великой Сибирской ж. д., значительно удешевившей и ускорившей транспортъ. Вотъ для примѣра цѣны нѣкоторыхъ товаровъ: 1 фунтъ сахару стоитъ въ Верхоянскѣ 37 к. (25 к. въ Якутскѣ); 1 пудъ крупчатки 7 р. 80 к. (3 р. 60 к.—4 р. въ Якутскѣ). Сносное байковое одѣяло—7 р. Простой стекляный стаканъ—40 к. Даже при теперешнихъ цѣнахъ въ Якутскѣ товары могли бы продаваться дешевле: % слишкомъ высокъ. Но если сравнить теперешнія цѣны съ цѣнами, приведенными г-номъ Діонео для Колымска,—разница получится огромная. А въ Колымскѣ цѣны понизились еще болѣе. Пудъ ржаной муки, стоившій десять—двѣнадцать лѣтъ тому назадъ 12 р., теперь продается за 4—5 р.

Всего болѣе славенъ Верхоянскъ своими морозами. Въ этомъ отношеніи онъ не имѣетъ соперниковъ на земномъ шарѣ, т. к. здѣсь—полюсъ холода. Минимальная температура достигаетъ—56° R (—70° C); средняя температура зимы—37, 4° R. При мнѣ въ ночь съ 28-го на 29-е марта было—36° R.

Прогостивъ двое сутокъ въ Верхоянскѣ, я былъ готовъ тронуться въ дальнѣйшій путь. Нѣсколько человѣкъ собралось меня проводить. Я угостилъ ихъ на прощанье привезенными изъ Якутска мерзлыми яблоками. Яблоки произвели фуроръ: нѣкоторые, давно покинувшіе Россію, не ѣли ихъ лѣтъ десять.

III.

Внизъ по Янѣ.

Когда мы 30-го выѣзжали изъ Верхоянска, барометръ падалъ и здѣшніе метеорологи предсказывали пургу. Снѣгъ, какъ зарядилъ съ утра, такъ и шелъ весь день. Ночью было «сиверко». Мело... Въ пятидесяти верстахъ отъ Верхоянска мы остановились, чтобы дать отдохнуть лошадямъ послѣ трудной дороги по глубокому снѣгу. Не лучше былъ и дальнѣйшій путь. Снѣгъ продолжалъ валить. Намело цѣлые сугробы. Лошади съ трудомъ пробирались—мѣстами почти по брюхо въ снѣгу.

Снѣжная погода, однообразная холмистая мѣстность съ голымъ лиственичнымъ лѣсомъ. Около Басской поварни, гдѣ мы останавливались,—небольшая лѣсная рѣчка, впадающая въ Яну. Неподалеку отъ нея трупъ крупнаго оленя-самца, вѣроятно, зарѣзаннаго волкомъ, уже почти занесенный снѣгомъ. Съ трудомъ различали засыпанныя снѣгомъ дорожныя вѣхи. Но сильныя лошади со спокойною увѣренностью прокладывали путь по безлюдной странѣ.

Къ вечеру я заснулъ крѣпкимъ сномъ и видѣлъ себя далеко отъ полярнаго круга, который переѣхалъ еще передъ Верхоянскомъ. «Ключи давай! Чай пить...» Съ трудомъ просыпаюсь... Какая-то странная комната, скамейки у стѣнъ... «Къ жителямъ пріѣхали!» отвѣчаетъ ямщикъ на мой молчаливый вопросъ. А я такъ и не могу сообразить, какъ я сюда попалъ съ нарты. Продираю глаза окончательно. Рослый якутъ ямщикъ стоитъ передо мной, ухмыляясь во весь ротъ. Грязная, переполненная многочисленнымъ якутскимъ семействомъ юрта. Одиннадцатый часъ вечера. Огонь неизмѣннаго камелька освѣщаетъ невеселую картину. Почти возлѣ меня только что пересталъ стонать больной парень, котораго я накормилъ пельменями и напоилъ горячимъ чаемъ. Еще раздаются стоны въ болѣе отдаленномъ углу юрты. Кашляютъ... При вспышкахъ огня видно, какъ корова апатично пережевываетъ свою жвачку. Низкій потолокъ словно давитъ грудь. Понемногу засыпаютъ обитатели юрты. Похрапываетъ ямщикъ. Скорчившись въ три погибели, пролѣзаю сквозь крошечную дверь и выхожу на воздухъ. Отдыхаютъ усталые кони. Въ нартѣ спитъ казакъ. Вѣтеръ. Луна, просвѣчивавшая сквозь окутавшую все небо туманную завѣсу, скрылась. Небо прояснило. Еще блещутъ звѣзды, но разсвѣтъ уже близокъ. Якутъ влѣзаетъ на крышу, чтобъ закрыть трубу,—заслонки не практикуются въ этихъ мѣстахъ, и трубу закрываютъ снаружи...

Въ юртѣ почти темно, лишь тускло горитъ моя свѣча на столѣ. Рядомъ со мной теленокъ, какъ-то смѣшно задравъ голову, почесываетъ себѣ спину. Сѣлъ почитать, чтобы утромъ пораньше разбудить ямщика съ казакомъ. Я и не пожалѣлъ, что не спалъ, такъ какъ не упустилъ случая полюбоваться чуднымъ восходомъ солнца. Около 4 ч. утра солнце огненнымъ шаромъ начало выкатываться изъ-за лѣса, далеко вокругъ себя разбрызгивая золотые лучи. А по бокамъ восходящаго солнца вздымаются широкіе вертикальные радужные столбы: какъ будто заря, не желая потухнуть такъ рано, раздѣлилась надвое, чтобы поглотить дневное свѣтило... Солнце уже поднялось надъ лѣсомъ, а столбы все не исчезаютъ. Болѣе широкіе у основанія, они постепенно суживаются, поднимаясь надъ горизонтомъ, и такъ же постепенно теряются въ безоблачной синевѣ неба, бросая кверху слабый снопъ лучей.

А въ юртѣ еще ночь борется съ предразсвѣтными сумерками: два отверстія въ стѣнѣ, изображающія окна, плохо удовлетворяютъ своему назначенію. Просыпаются «жители». Встаетъ, тяжело сопя и отдуваясь, ямщикъ. Пора и въ путь!

На станціи насъ встрѣтила отборною руганью старуха-эмерячка, испуганная хлопаньемъ двери и громкими голосами. Эмерячество—видъ, истеріи, очень распространенный въ якутской области. Чаще ею страдаютъ женщины, но далеко не рѣдко и мужчины. Русскіе подвержены этой болѣзни наравнѣ съ инородцами. Проявленія болѣзни состоятъ въ томъ, что больной, напр., повторяетъ жесты и тѣлодвиженія окружающихъ, чѣмъ нерѣдко пользуются для гнусной потѣхи надъ женщинами. Больные иногда повторяютъ слова и цѣлыя фразы на незнакомомъ имъ языкѣ, особенно если эти фразы произнесены повышеннымъ тономъ. Другіе, испуганные внезапнымъ окрикомъ или вообще громкимъ звукомъ, начинаютъ ругаться неприличными словами, а то и драться. Болѣзнь эта не новая. Восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ эмерячка поколотила одного изъ спутниковъ барона Врангеля.

Вскорѣ послѣ нашего выѣзда со станціи закрутила пурга, такъ что кругомъ почти ничего не было видно. Но олени попались добрые, и мы проѣхали въ 4 часа 50 верстъ. Гдѣ горы, гдѣ лѣсъ защищали насъ отъ метели, и только мѣстами приходилось тащиться по глубокому снѣгу. Все-таки нѣсколько разъ я задыхался въ насыщенной мелкимъ снѣгомъ атмосферѣ. Впрочемъ, въ лѣсной полосѣ метель не такъ страшна. Другое дѣло пурга въ тундрѣ. Она задерживаетъ иногда на двѣ-на три недѣли путника, а пустившійся въ дорогу рискуетъ погибнуть въ снѣжныхъ сугробахъ. Мнѣ разсказывалъ казакъ, какъ ему пришлось однажды съ чиновникомъ, котораго онъ сопровождалъ, высидѣть изъ-за пурги три недѣли въ поварнѣ. Все съѣли... принялись за оленей, на которыхъ ѣхали.

Когда мы выѣхали изъ низкой и дымной поварни, послужившей намъ пріютомъ часа на два, пурга продолжалась. Черезъ нѣсколько часовъ пути мы подъѣхали къ Кургунсалахской поварнѣ. Эта поварня построена купцами Санниковыми, а не «казной». Ведущіе по необходимости полукочевой образъ жизни купцы и промышленники выстраиваютъ на пути своихъ обычныхъ передвиженій поварни, которыя становятся мѣстами остановокъ для всѣхъ—очень немногочисленныхъ проѣзжающихъ. Это относится къ крайнему сѣверу: до Верхоянска встрѣчаются только казенныя поварни.

Кургунсалахская поварня оказалась выше, просторнѣй и чище большинства предыдущихъ. Для насъ это было тѣмъ болѣе пріятно, что здѣсь мы встрѣтили постояльцевъ. Это были якуты-промышленники. Съ помощью силковъ и самострѣловъ они промышляли звѣря и птицу, преимущественно зайцевъ и куропатокъ. Есть и лисица: «въ лѣсу много, да не такъ легко дается», говорятъ. Я купилъ у нихъ за двугривенный—къ большому ихъ удовольствію—четырехъ бѣлыхъ куропатокъ. Кромѣ того промышленники поднесли мнѣ небольшую сову и красивую кукшу, называемую по-якутски «нюхагой», за что я имъ презентовалъ восьмушку махорки.

1-го апрѣля мы очутились въ обществѣ нѣсколькихъ якутовъ-подрядчиковъ и пробирающагося пѣшкомъ на станокъ «хамначита» (чернорабочаго). Тѣсно. Слѣва отъ меня охалъ и кашлялъ больной; уже нѣсколько дней задержанные его болѣзнью товарищи прожили съ нимъ въ поварнѣ. Время отъ времени, отрываясь отъ книги, я подбрасывалъ дровъ въ камелекъ, что иногда дѣлалъ за меня «хамначитъ», просыпавшійся отъ холоду, лишь только камелекъ начиналъ гаснуть. Намаявшіеся за день ямщики спали крѣпко.

Вскорѣ по выѣздѣ, на другой день встрѣтили возвращающагося съ разъѣздовъ по участку верхоянскаго врача М. А. Образцова. Докторъ былъ на Индигиркѣ, въ Устьянскѣ, Булунѣ. Сдѣлалъ 4.000 верстъ, объѣхавъ меньше половины участка. Недостатокъ, порою даже полное отсутствіе врачебной помощи больное мѣсто и не такихъ отдаленныхъ окраинъ Россіи. А въ верхоянскомъ округѣ—одинъ врачъ на пространствѣ чуть ли не больше всей Германіи (см. выше), а въ случаѣ перевода врача въ другой участокъ округъ рискуетъ на много лѣтъ остаться безъ врача, какъ это недавно было съ колымскимъ. Разъѣздная система, при здѣшнихъ разстояніяхъ и малой населенности края, не имѣетъ смысла. Можно, пожалуй, разъ или два въ годъ по-курьерски объѣхать свой участокъ, употребивъ на проѣздъ добрую треть года и не сдѣлавъ ничего. А амбулаторное и стаціонарное леченіе отъ этого страдаетъ, такъ какъ больница надолго остается безъ врача. Но разъѣздная система существуетъ, хотя каждая поѣздка по участку составляетъ цѣлое путешествіе, чуть не экспедицію. Почему-то это требуется для отчета.

Жители стали попадаться очень рѣдко. Можно проѣхать верстъ полтораста по тракту, не встрѣтивъ и признаковъ жилья. Только однѣ поварни служатъ пріютомъ иззябшему путнику, и человѣку непосвященному трудно себѣ представить, какъ иной разъ пріятно бываетъ подъѣзжать къ поварнѣ, одинокому, маленькому, закоптѣлому зданьицу, теряющемуся среди неизмѣримой снѣжной пустыни. И душно, и грязно въ поварнѣ, но за то обогрѣешься у камелька, напьешься горячаго чаю, разомнешь усталые затекшіе члены, сбросивъ надоѣвшую мѣховую одежду или хоть часть ея.

Мы думали кормить оленей у поварни, верстъ за 30 отъ жителей, но тамъ не оказалось дровъ. Конечно, дровъ можно было достать, такъ какъ вокругъ поварни есть хоть и мизерный лѣсокъ, но ямщикамъ не улыбалась перспектива самимъ рубить дрова. Въ данномъ случаѣ наши интересы совпадали, такъ какъ для меня чѣмъ скорѣй и ближе къ цѣли путешествія, тѣмъ лучше.

Преддверіе тундры... Огромное снѣжное пространство... Ни кустика! Изрѣдка небольшіе голые холмики дѣлаютъ тщетную попытку нарушить утомительное однообразіе пустыни. Болото, скованное дѣдушкой морозомъ, чтобы оно не портило стройной гармоніи зимняго пейзажа.

Съ наступленіемъ лѣта оно снова станетъ непроходимымъ. Лѣтомъ даже верхомъ здѣсь ѣздятъ только на оленяхъ,—черезчуръ зыбка почва для такого тяжелаго животнаго, какъ лошадь.

Былъ изрядный морозъ. Туманъ надвигался и сгустился такъ, что ни зги не видно. Насилу отдышался: точно кошмаръ сдавилъ грудь. Я помню, нѣчто подобное я испытывалъ въ душную лѣтнюю ночь на Волгѣ. Ночь была темная, небо, какъ черная зіяющая бездна. Звѣзды ярко блестѣли... И такъ тяжело было дышать. Очевидно, крайности сходятся: хотя не было ни тепла, ни звѣздъ, ни самаго неба въ окутанной туманомъ безбрежной тундрѣ, но ощущеніе я испыталъ почти тожественное.

Вблизи Казачьяго я въ первый разъ увидѣлъ ѣзду на собакахъ. Штукъ шесть псовъ, ростомъ развѣ немного побольше обыкновенныхъ дворняжекъ, везли нарту. Въ нартѣ сидѣла внушительныхъ размѣровъ якутка, а рядомъ съ собаками въ припрыжку бѣжалъ каюръ-якутъ. Собаки обнаружили слишкомъ большую симпатію къ нашимъ оленямъ, такъ что каюру пришлось ихъ успокаивать съ помощью довольно солидной дубинки, и онѣ съ лаемъ и визгомъ продолжали свой путь.

IV.

Село Казачье и Усть-Янскій улусъ

Если вы будете искать на картѣ село Казачье, то врядъ ли найдете. На висящей передо мной картѣ изданія картографическаго заведенія Ильина есть не существующій нынѣ Зашиверскъ, есть и другіе сомнительные пункты, но нѣтъ Казачьяго. Это, такъ сказать, административно-географическое недоразумѣніе. Въ выданномъ мнѣ изъ якутскаго областного правленія открытомъ листѣ конечнымъ пунктомъ проѣзда выставленъ Усть-Янскъ, откуда мнѣ предстояло быть доставленнымъ на судно «средствами экспедиціи». На языкѣ открытыхъ предписаній Усть-Янскъ и есть Казачье, хотя подлинный Усть-Янскъ находится на 30 верстъ ниже по теченію Яны и состоитъ изъ двухъ обитаемыхъ юртъ.

Село Казачье лежитъ за 70° с. ш., приблизительно на одной параллели съ самою сѣверною оконечностью европейскаго материка, мысомъ Нордкапомъ. Это одно изъ самыхъ сѣверныхъ селеній Сибири. Входя въ составъ Верхоянскаго округа, с. Казачье само по себѣ является культурнымъ и торговымъ центромъ обширнаго, хотя чрезвычайно мало населеннаго, края. Село не можетъ похвастаться своимъ видомъ. Расположенное на пригоркѣ, какъ бы для лучшей вентиляціи не по сибирски тѣсно построенныхъ жилищъ, Казачье состоитъ изъ группы тѣсно сбитыхъ въ кучу и кое-какъ посаженныхъ избъ или «домовъ» съ плоскими крышами и старенькой низенькой деревянной церкви. За небольшимъ оврагомъ, или «логомъ» одиноко стоитъ зданіе инородческой управы. Къ управѣ ведетъ съ берега крутой подъемъ.

Пришлось слѣзть съ нарты, чтобы по аляповато и неудобно высѣченнымъ въ обледенѣломъ снѣгу ступенямъ подняться къ управѣ, гдѣ жилъ инженеръ-технологъ М. И. Брусневъ—посредникъ между экспедиціей и внѣшнимъ міромъ. Здѣсь же и я остановился.

Погода здѣсь въ апрѣлѣ такая, какъ въ средней полосѣ Европейской Россіи бываютъ въ самыя суровыя зимы. При мнѣ t° доходила до —26° С. Два дня, по крайней мѣрѣ, не было вѣтра и днемъ стояла даже пріятная погода. Признаковъ оттепели никакихъ. Послѣ двухдневнаго затишья снова задулъ вѣтеръ, метровъ до 6 или немного болѣе въ секунду. Барометръ на метеорологической станціи*) сначала поднялся до 764 mil., но скоро началъ падать. Вѣтры здѣсь почти постоянные, только въ очень сильные морозы бываетъ штиль. Особенно силенъ и продолжителенъ бываетъ западный вѣтеръ. Впрочемъ, зима теплѣе, чѣмъ въ Верхоянскѣ. Средняя температура зимы—$30{,}_2$ R. Умѣряющее вліяніе на климатъ оказываетъ близость моря. Лѣто холодное.

Населеніе на территоріи Усть-Янскаго улуса, инородческая или «инородная» управа котораго находится въ Казачьемъ, состоитъ изъ русскихъ, якутовъ, тунгусовъ, юкагировъ. Нижнее теченіе рр. Индигирки и Яны составляетъ территорію этого улуса. Не только тунгусы и юкагиры, но и якуты, осѣдлые еще въ южной части Верхоянскаго округа, ведутъ преимущественно кочевой образъ жизни**). Тунгусы занимаются оленеводствомъ и многіе еще презираютъ собакъ въ качествѣ ѣздового скота, хотя и охотятся съ собаками. Русскіе образуютъ въ с. Казачьемъ крестьянское общество, но настолько объякутѣли, что ни по языку, ни по образу жизни не отличаются отъ якутовъ. Большинство не говоритъ по-русски или говоритъ очень плохо. Гораздо устойчивѣе оказались мѣщане Русскаго Устья, которые, какъ я слыхалъ, сохранили свой языкъ и даже много старинныхъ русскихъ пѣсенъ, давно забытыхъ въ самой Россіи. Многія слова и обороты этихъ пѣсенъ, конечно, непонятны для нихъ и повторяются чисто механически, какъ иногда въ старинныхъ якутскихъ сказкахъ, мало понятныхъ для современныхъ слушателей, и все же любимыхъ ими.

Жителей въ Казачьемъ зимой до ста человѣкъ, а лѣтомъ остается семьи четыре, между прочимъ священникъ и писарь. Остальные перекочевываютъ. Сильные вѣтры, почти полное отсутствіе путей сообщенія, благодаря болотистой тундрѣ, одни и тѣ же скучающія лица каждый день,—все это дѣлаетъ лѣтнее пребываніе здѣсь чуть ли не хуже зимняго. Торговцы, придающіе селу оживленіе, послѣднимъ зимнимъ путемъ, когда большинство инородцевъ и крестьянъ перекочевали, переѣзжаютъ съ семьями на Булунъ, гдѣ и лѣтуютъ. На пароходѣ они везутъ по Ленѣ пушнину въ Якутскъ и закупаютъ тамъ товары.

---

*) Русской полярной экспедиціей устроены станціи въ Верхоянскѣ, Казачьемъ, Русскомъ Устьѣ и Средне-Колымскѣ. Наблюденія въ Казачьемъ производятся 3 раза въ сутки, въ Верхоянскѣ—ежечасно.

**) Въ виду чего якуты Усть-Янскаго улуса не имѣютъ родовыхъ управленій.

Кромѣ коренной здѣшней фирмы Я. Ф. Санникова и его племянниковъ, здѣсь живетъ приказчикъ фирмы А. И. Громовой, довѣренный которой имѣетъ резиденцію въ Булунѣ и разъѣзжаетъ съ товарами по всему округу; въ порядочныхъ размѣрахъ ведутъ торговлю братья Кушнаревы и не мало другихъ торговцевъ. Крупная фирма Коковина и Басова, о которой я упоминалъ, думаетъ, кажется, и здѣсь завести резиденцію.

Торговля ведется преимущественно мѣновая и лишь отчасти денежная. Впрочемъ, деньги являются мѣриломъ цѣнности. Цѣны на товары, разумѣется, весьма высокія, тѣмъ болѣе, что въ торговлѣ процвѣтаетъ своего рода двойная бухгалтерія. Получая, во-первыхъ, порядочный процентъ непосредственно на товаръ, купецъ, во-вторыхъ, повышаетъ этотъ процентъ do nec plus ultra пониженіемъ дѣйствительной стоимости пушнины, являющейся средствомъ платежа. Такъ какъ инородецъ вынужденъ бываетъ продавать еще не пойманнаго звѣря, слѣдовательно торговля ведется въ кредитъ, то препятствій къ этимъ финансовымъ махинаціямъ со стороны инородцевъ не встрѣчается, да и крайнее невѣжество ихъ этому содѣйствуетъ. Однако, инородецъ, по крайней мѣрѣ якутъ, уже начинаетъ познавать философскую сущность денегъ, такъ что при расплатѣ за мелкія услуги и за продукты мнѣ, во время моей поѣздки, почти не было надобности въ махоркѣ и кирпичномъ чаѣ, рекомендуемыхъ въ качествѣ монетныхъ единицъ. Ихъ роль съ успѣхомъ игралъ двугривенный.

Приведу цѣны нѣкоторыхъ продуктовъ при покупкѣ на наличныя деньги въ селѣ Казачьемъ.

Названіе товара.	Единица мѣръ.	Цѣна въ Казачьемъ.	Цѣна въ Якутскѣ.
сахаръ.	1 пудъ	16—20 р.	8—10 р.
масло коровье . . .	» »	24 »	12—15 »
свѣчи стеаринов . .	1 фунтъ	50 к.	30 к.
мука крупчатая . .	1 пудъ	7 »	3 р. 60 »
» ржаная	1 »	3 »	1 » 05 »
спички	1 тысяча	отъ 20 до 50 к.	— 10 »

Стоимость провоза отъ Якутска не превышаетъ 2-хъ—3-хъ рублей съ пуда.

Далеко не безвыгодную отрасль торговли составляетъ тайная продажа спирта. Охотниковъ до этой торговли, не требующей ни гильдіи, ни торговаго свидѣтельства, сколько угодно. Бутылка водки якутской очистки, стоющая въ Якутскѣ 50 к., здѣсь продается за 5 р. (!).

Этою отраслью коммерціи не брезгуютъ даже люди, сану коихъ, казалось бы, вообще, не подобаетъ занятіе торговлей. Кабакъ же въ Казачьемъ начальство не разрѣшаетъ открыть, ничего не имѣя противъ открытія его въ Усть-Янскѣ, гдѣ всѣхъ жителей—двѣ семьи. Конечно, отъ рока не уйдешь, и кабаки откроютъ со временемъ,—хотя-бъ и въ Усть-Янскѣ, если введеніе винной монополіи въ области не разрѣшитъ этого вопроса какъ-нибудь иначе.

Въ вывозной торговлѣ видное мѣсто занимаютъ пушнина и мамонтова кость. Послѣднюю добываютъ, главнымъ образомъ, на берегу моря и на Ново-Сибирскихъ островахъ. Впрочемъ, какъ промыселъ пушнины, такъ и добыча мамонтовой кости—старинные предмысла здѣшняго населенія—находятся въ упадкѣ. Зависитъ ли это отъ вымиранія и обѣднѣнія инородцевъ, или отъ иныхъ причинъ, рѣшить не берусь въ виду недостатка матеріала. Несомнѣнно, что сто и полтораста лѣтъ тому назадъ тундра была болѣе населенна. Между тѣмъ, промышленники жалуются, что звѣря стало меньше.

Менѣе значительную роль, какъ промыселъ, ограниченный предѣлами якутской области, играетъ торговля мѣстными, преимущественно мѣховыми, издѣліями. Какъ спеціальность Верхоянска лѣтняя обувь —сары, такъ спеціальность мѣстныхъ жителей—торбаса,—зимняя обувь. Здѣшніе торбаса славятся по всей области. Самые нарядные стоятъ до 15 р. пара; совсѣмъ простыя—2 или 3 р., въ зависимости отъ длины голенища. Выдѣлываютъ изъ ровдуги рубахи, называемыя камлейками, которыя лѣтомъ замѣняютъ кухлянку, а зимой очень хороши поверхъ кухлянки, какъ защита отъ вѣтра. Кухлянку я пріобрѣлъ за 10 р. съ волчьей опушкой на воротѣ и рукавахъ. Она легче, длиннѣй и теплѣй моей болѣе дорогой лисьей куртки. Устьянскій банкиръ экспедиціи Я. Ѳ. Санниковъ подарилъ мнѣ рукавицы, песцовыя, съ бѣличьей оторочкой и даже съ маленькой опушкой изъ бобра, вѣрнѣе выдры.

Аристократическій цвѣтъ для кухлянокъ и торбасъ—черный; эти цѣнятся всего дороже. Здѣсь и бѣлые есть высокаго качества, а въ другихъ мѣстахъ это—низшій сортъ.

Что невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе наблюдателя,—это успѣхъ—я скажу—*культурной* миссіи якутовъ. Ассимилируя племена кочевниковъ, они, правда, лишаютъ историковъ культуры и этнографовъ интереснаго матеріала, но зато подготавливаютъ тѣхъ къ переходу въ болѣе высокую стадію культуры. Якуты сравнительно недавніе пришельцы въ этомъ краѣ *), а между тѣмъ они задаютъ тонъ. Молодое поколѣніе тунгусовъ не знаетъ или неохотно говоритъ по-тунгусски, предпочитая якутскую рѣчь. Тунгусъ-охотникъ прекрасно управляетъ собачьей нартой, тогда какъ его отецъ или дѣдъ еще презрительно улыбнется этому способу передвиженія. Юкагировъ здѣсь немного: больше на Индигиркѣ и далѣе къ востоку. Тѣ, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться, не говорятъ по-юкагирски. Нѣкоторые еще не знаютъ по тунгусски, и большинство смѣшиваетъ себя съ тунгусами, чему, можетъ быть, способствуетъ общее для нихъ названіе на якутскомъ языкѣ: «омукъ». Слово это, кажется, обозначаетъ нѣчто подобное тому, что у нашихъ предковъ обозначало слово: «нѣмецъ».

---

*) Между прочимъ интересно, что на якутскомъ языкѣ, относительно богатомъ словами, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ слова туманъ, которое они заимствуютъ у русскихъ. А туманы—постоянное явленіе на побережьѣ океана.

Собакъ въ здѣшній край завезли, повидимому, русскіе,—по крайней мѣрѣ слова «нарахъ-нарахъ» или «нара-нара» (налѣво) и «такъ-такъ» (направо) происхожденія не здѣшняго,—скорѣе остяцкаго (??) и здѣсь употребляются только при управленіи собаками, которыя слушаются команды кара.

Мѣстную интеллигенцію въ с. Казачьемъ представляетъ священникъ, писарь и купечество. На моей обязанности, въ качествѣ проѣзжающаго и вдобавокъ участника экспедиціи, лежало дѣлать визиты и обойти притомъ всѣхъ, чтобы никого не обидѣть. А такъ какъ и дѣлать больше мнѣ было нечего, да и познакомиться съ полярной интеллигенціей было интересно, я неукоснительно исполнилъ свой долгъ. Первомъ дѣломъ слѣдовало посѣтить Я. Ѳ. Санникова. Яковъ Ѳедоровичъ—исконный мѣстный житель. Уже четвертое поколѣніе Санниковыхъ—съ конца восемнадцатаго столѣтія—имѣетъ главную (зимнюю квартиру) въ Казачьемъ. Я. Ѳ.—бодрый, веселый старикъ, прекрасно знающій край, очень наблюдательный. До сихъ поръ ни разу онъ не выѣзжалъ изъ предѣловъ якутской области: болѣе 30 или 40 лѣтъ фирма Громовыхъ служила для него посредницей при сбытѣ пушнины.

Въ чемъ-то не поладивъ съ представителями фирмы, старикъ рѣшилъ самъ ѣхать въ Москву, чтобы найти сбытъ на мѣстѣ. По-русски Я. Ѳ. говоритъ хорошо, но не безъ инородческаго акцента.

Отъ Я. Ѳ. мы отправились къ священнику. Съ просѣдью, но здоровый, крѣпко сложенный мужчина, о. Фрументій оказался даже моимъ коллегой, такъ какъ, за отсутствіемъ врачебной помощи, пользуетъ жителей домашними средствами и такими незатѣйливыми лекарствами, какъ хининъ. Обстановка у о. Фрументія оказалась довольно комфортабельной... Такъ пріятно было послѣ дорожныхъ мытарствъ посидѣть въ вѣнскомъ креслѣ! Принялъ насъ батюшка очень радушно. Гостепріимство—отличительная черта сибиряковъ, и крайній сѣверъ не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія: вездѣ, гдѣ мнѣ приходилось бывать во время моего путешествія, я встрѣчалъ самый радушный пріемъ.

Разносятъ на подносѣ чай съ крупчатымъ печеньемъ. За чаемъ—неизбѣжная батарея бутылокъ съ коньякомъ, водкой, рябиновкой и иными напитками и закуска: икра паюсная (увы, московская! хотя и въ Янѣ, и въ Ленѣ сколько угодно прекрасной икры, но ее не умѣютъ засаливать); оленьи языки и юкола—мѣстныя лакомства. Юкола—вяленыя и копченыя рыбьи спины—вкусомъ напоминаетъ нашу воблу.

Любопытно, что женщины, особенно молодыя, къ гостямъ не выходятъ,—обычай слишкомъ южный для такихъ сѣверныхъ широтъ.

Закончилось мое пребываніе въ Казачьемъ музыкально-вокально-танцовальнымъ утромъ. Мы пригласили якута,—пѣвца и поэта, почти слѣпого вслѣдствіе перенесенной имъ трахомы. Его монотонная, съ заунывными переливами пѣсня, импровизированныя имъ въ мою честь, не произвела на меня должнаго впечатлѣнія своимъ ровнымъ и грустнымъ, какъ окрестная снѣжная равнина, напѣвомъ. А изъ ея словъ я понималъ лишь то, что мнѣ переводили, не относясь, быть можетъ, съ достаточнымъ уваженіемъ къ передачѣ красотъ якутскаго стиля. Талантъ якутскаго Демодока обнималъ почти всѣ отрасли искусства. Закончивъ вокальную часть, онъ сплясалъ намъ два танца, состоявшихъ въ странномъ переминаніи съ ноги на ногу. Каждый изъ этихъ танцевъ — принадлежность отдѣльнаго рода, или семьи, и представляетъ, надо полагать, пережитокъ воинственной пляски временъ родового быта.

Музыкальный инструментъ, который также фигурировалъ въ нашемъ «утрѣ», представляетъ изъ себя подобіе камертона съ тонкой стальной пластинкой между дужками Дужки берутъ въ зубы и, ударяя пальцемъ по пластинкѣ, извлекаютъ изъ этого «инструмента» звуки, едва ли очень пріятные для европейскаго уха. Тѣмъ не менѣе выносишь отъ этой музыки, какъ и отъ пѣнія, нѣсколько грустное впечатлѣніе, чему содѣйствуетъ, конечно, и личность пѣвца.

Съ Казачьимъ я успѣлъ ознакомиться лучше, чѣмъ съ Верхоянскомъ, потому что мнѣ пришлось прожить здѣсь цѣлыхъ пять дней. Моя остановка была вызвана тѣмъ, что ожидавшій меня нѣсколькими днями позже М. И. Брусневъ только что выслалъ къ побережью океана, куда мнѣ предстояло проѣхать на оленяхъ, собакъ, которыя нуждались въ отдыхѣ, прежде чѣмъ пуститься въ дальнѣйшій путь. Да и оленей не такъ-то скоро можно было собрать.

Въ Казачьемъ я безъ особеннаго сожалѣнія распростился со своимъ казакомъ, командированнымъ изъ Якутска. Взамѣнъ его М. И. Брусневъ подыскалъ мнѣ очень симпатичнаго молодого якута. Къ 7-ми часамъ вечера 9-го апрѣля олени были готовы, и я покинулъ послѣдній населенный пунктъ.

V.

Къ Ледовитому океану.

До Устьянска меня проводилъ М. И. Брусневъ на своихъ трехъ собакахъ. Дорога проходитъ по самой рѣкѣ Янѣ. Дулъ рѣзкій холодный вѣтеръ, который проникалъ всюду, находя уязвимыя мѣста и тамъ, гдѣ, повидимому, я хорошо защитилъ себя отъ него.

Съ Устьянска мы уже въ дельтѣ Яны, такъ какъ въ 10-ти верстахъ отъ Казачьяго отдѣляется первый ея рукавъ,—Сомондонъ. За Устьянскомъ около 30-ти верстъ мы ѣхали по холмистой, покрытой мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ мѣстности. Попался даже холмъ съ болѣе крупнымъ лѣсомъ у подошвы его.

Съ головой спрятавшись отъ вѣтра въ теплое заячье одѣяло, которымъ снабдилъ меня М. И. Брусневъ, я заснулъ. Когда я проснулся, солнце высоко уже стояло надъ горизонтомъ, бросая косые лучи на одиноко стоявшую среди тундры юрту. Молодой красивый якутъ посмѣивался, что я проспалъ пургу; ну, видно, не сильная была. Жители юрты—тунгусы. Женщины съ довольно пріятными чертами лица.

Еще послѣ одной остановки мы пріѣхали къ богатому тунгусу. Тунгусъ этотъ—Гаврила Сампсоновичъ Санниковъ—живетъ зимой въ 135-ти верстахъ отъ Казачьяго. Съ казачинскими Санниковыми въ родствѣ не состоитъ,—только ихъ однофамилецъ. Большинство инородцевъ носятъ фамиліи живущихъ въ окрестности русскихъ, и только богатые,—«почетные» инородцы хорошо помнятъ свою фамилію.

У Гаврилы Санникова болѣе двухъ тысячъ оленей,—мѣстный тузъ, а юрта его нисколько не лучше, чѣмъ у средняго состоянія якута. Такой же несоразмѣрно малый входъ,—какая-то дыра вмѣсто двери, тотъ же ледъ въ окнахъ вмѣсто стекла. Богатые якуты на югѣ живутъ много комфортабельнѣй. Мнѣ приходилось, за мою бытность въ Якутскѣ, посѣщать Лепчикова, въ Восточно-Каталасскомъ улусѣ, въ 45-ти верстахъ отъ города. У того большая, свѣтлая юрта, раздѣленная на нѣсколько комнатъ, вѣнская мебель, ковры.., а вблизи хорошій домъ для лѣтняго жилья (зимой много дровъ уходитъ!).

Когда я вошелъ въ юрту Санникова, въ переднемъ углу—подъ образами въ богатой оправѣ—стоялъ покрытый клеенкой столъ. На столѣ уже было готово угощеніе. Бутылка водки, серебряная золоченая чарка на подносѣ; на двухъ тарелкахъ закуска: халхъ,—молочный продуктъ, нѣсколько напоминающій вкусомъ чухонское масло, съ небольшой кислотцой, и кусокъ до нельзя засохшей почти несъѣдобной копченой колбасы: очевидно, хозяинъ хотѣлъ угостить меня поевропейски. На мой наивный вопросъ, не держитъ ли Г. С. коровъ, всѣ разсмѣялись: что за коровы въ тундрѣ,—молочные продукты привозятся съ юга. Хозяинъ—мужчина высокаго роста съ изможденнымъ лицомъ и впалою грудью. Родился и выросъ въ тундрѣ и ничего, кромѣ тундры, не видалъ. Не былъ ни въ Якутскѣ, ни даже въ Верхоянскѣ, такъ что при всемъ своемъ богатствѣ не видалъ той диковинной страны, гдѣ растетъ лѣсъ, изъ котораго строятъ большіе дома, гдѣ водятся странныя животныя,—коровы, гдѣ много всякихъ рѣдкостей.

Мой переводчикъ Дмитрій шепнулъ мнѣ, что надо отблагодарить хозяевъ за угощеніе. У меня съ собой ничего не было, кромѣ коробки конфектъ, такъ какъ взятые изъ Якутска платки я уже роздалъ. «Дай хоть конфетъ», подсказалъ Дмитрій. Я раскрылъ коробку и предложилъ взрослой уже дѣвицѣ,—дочери хозяина, угоститься конфектами. Та, сознавая, что ей, какъ дочери «тойона», не приличествуетъ довольствоваться бездѣлицей, взяла всю коробку и лишила меня удовольствія угощать ребятишекъ во встрѣчныхъ юртахъ.

Когда я объяснилъ Санникову черезъ переводчика, что мнѣ говорили о его болѣзни, просили осмотрѣть и прописать рецептъ, по которому можно достать изъ Верхоянска лекарство, онъ милостиво согласился.

Побыли мы у полярнаго Креза очень недолго и на свѣжихъ и крѣпкихъ оленяхъ очень быстро домчались до жилища ямщика, бывшаго кандидата въ головы.

Ямщики устали, и у кандидата мы сдѣлали болѣе продолжительный привалъ. Попивая чай съ хозяиномъ, я спросилъ, не кажется ли ему страннымъ, что баронъ Толь, человѣкъ самъ по себѣ: не промышленникъ и не купецъ, заѣхалъ такъ далеко отъ своей родины. Мнѣ интересно было знать, какъ думаютъ объ экспедиціи инородцы, у которыхъ баронъ Толь, извѣстный имъ еще по прежнимъ экспедиціямъ, пользуется популярностью. «Должно быть, царь послалъ,—былъ отвѣтъ: узнать, нѣтъ ли какихъ новостей». Продолжая бесѣду съ Аѳанасіемъ—такъ звали хозяина (онъ же и ямщикъ), я задалъ ему вопросъ, что онъ думаетъ о взаимныхъ отношеніяхъ между землей и солнцемъ, на что получилъ совершенно неожиданный отвѣтъ: «Я думаю, что земля вертится кругомъ солнца». Какъ кажется, эти свѣдѣнія мой собесѣдникъ получилъ отъ барона Толя, съ которымъ ему приходилось встрѣчаться, и, какъ мнѣ потомъ говорили свѣдующіе люди, хотѣлъ мнѣ доставить удовольствіе своимъ отвѣтомъ, не придавая серьезнаго значенія такимъ выдуманнымъ «нучами» (т.-е. русскими) баснямъ, будто земля можетъ вертѣться.

Вскорѣ по нашемъ отъѣздѣ отъ Аѳанасія разыгралась порядочная пурга. Снѣжная пыль, мелкая, какъ мука, какъ бы смѣшалась съ туманомъ. И вдыхаешь точно не воздухъ, а эту странную смѣсь. Вблизи еще ясно можно было видѣть оленей, а не болѣе, какъ въ двухъ-трехъ шагахъ, дальше уже нельзя отличить неба отъ земли: и вверху, и внизу, и по сторонамъ, вездѣ какая-то молочная каша передъ глазами. Отъ дороги и слѣда не осталось. Олени остановились. Сбились съ дороги. Но мое довѣріе къ способности обитателей тундры оріентироваться среди снѣжной пустыни было такъ велико, что, несмотря на отсутствіе компаса, я не ощущалъ ни малѣйшаго безпокойства. И дѣйствительно, походивъ немного вокругъ да около, Аѳанасій осмотрѣлся и по какимъ-то примѣтамъ на насыпяхъ, песцовыхъ ловушкахъ, добрался до шалаша *), построеннаго промышленниками среди тундры. Осматривая свои пасти, промышленники часто доѣзжаютъ до самаго океана, а такъ какъ нерѣдко и пурга застаетъ ихъ въ дорогѣ, они устраиваютъ кое-гдѣ шалаши, чтобы пережидать непогоду.

Отваливъ лопатой глыбы снѣга, которыми заваливаютъ входъ, иначе, при отсутствiи двери, всю внутренность шалаша занесетъ снѣгомъ, мы вползли на четвереренькахъ, причемъ я застрялъ въ двери, въ шалашъ. Немного спустя мы расположились вокругъ разведеннаго посрединѣ шалаша костра и, попивая горячiй чай, вели оживленный разговоръ. Рѣчь зашла о тундрѣ и ея жителяхъ. Я, между прочимъ, выразилъ удивленiе, что якуты называютъ одинаково юкагиръ и тунгусовъ, и спросилъ, какъ они называютъ чукчей, съ которыми мой переводчикъ Дмитрiй встрѣчался за Индигиркой. «Чукчей такъ и называемъ «чукча̀». Потому чукча дѣло особенное: народъ неученый, по-якутски не знаетъ», отвѣтилъ мой собесѣдникъ. Мнѣ очень понравилось измѣренiе учености знанiемъ якутскаго языка, и я подалъ реплику:

— Смѣшно поди?

Дмитрiй ухмыльнулся.

— Ну, какъ же не смѣшно? Другой не то что по ихнему, по-русски знаетъ, а по-якутски нѣтъ. Въ Колымскѣ они живутъ, далеко. А вотъ въ Русскомъ Устьѣ мѣщане—продолжалъ словоохотливый парень,—иной, кромѣ какъ по-русски, по-тунгусски, по-чукотски знаетъ, а по-якутски нѣтъ. Людямъ сказать—не повѣрятъ, — и онъ сталъ бойко разсказывать по-якутски Аѳанасiю, какiе курьезы бываютъ на бѣломъ свѣтѣ. Аѳанасiй, дѣйствительно, недовѣрчиво улыбнулся: разсказывай, молъ, сказки.

Дмитрiй полуевропеецъ по происхожденiю: отецъ его полякъ изъ ссыльныхъ, но чистокровный якутъ по языку, складу ума и образу жизни. Женатъ на якуткѣ. По-русски говоритъ хорошо и даже грамотенъ: учился въ верхоянской школѣ.

Проѣхавъ нѣсколько десятковъ верстъ частью тундрой, частью небольшой губой Ледовитаго океана, мы прiѣхали къ рѣчкѣ Муксуновкѣ, гдѣ мнѣ предстояло пересѣсть на собакъ.

На Муксуновкѣ я засталъ выѣхавшаго ко мнѣ навстрѣчу съ судна экспедицiи уроженца села Казачьяго, Стрыжова, доставлявшаго собакъ барону Толю и поступившаго въ команду «Зари». Онъ прiѣхалъ сюда еще 4-го апрѣля и хотѣлъ съѣздить въ Казачье повидаться съ дѣтьми, но пурга задержала его пять дней на Муксуновкѣ, а когда онъ выѣхалъ, стоустая молва сообщила ему о моемъ проѣздѣ, и онъ вернулся обратно. Съ нимъ былъ каюръ-тунгусъ Алексѣй. Въ тотъ

---

*) Это та же ураса простѣйшей формы; на крайнемъ сѣверѣ выговариваютъ „урага" (г придыхательное).

же день пріѣхалъ и посланный М. И. Брусневымъ со свѣжими собаками юкагиръ Семенъ. Къ этому надо прибавить трехъ инородцевъ-промышленниковъ, и получится народонаселеніе болѣе, чѣмъ достаточное для небольшой избушки, размѣры которой: 2½ саж. въ длину, 2 саж. въ ширину и 1 саж. въ вышину; на каждаго приходилось ½ кубической саж. воздуха. Два небольшихъ ледяныхъ окна пропускали очень немного свѣта въ наше помѣщеніе. Камелекъ дымилъ.

Къ большому огорченію своему узналъ, что намъ придется прожить здѣсь по крайней мѣрѣ трое сутокъ, если пурга не задержитъ долѣе. Собакамъ надо отдохнуть и «заправиться», тѣмъ болѣе, что, въ виду недостатка свѣжихъ собакъ, пришлось взять четырехъ, вернувшихся недавно съ Новой Сибири.

Выхожу отдышаться на воздухъ. Невзрачная картина! Бѣлесоватый туманъ, небо и снѣгъ... гдѣ начинается одно и кончается другое, глазъ не можетъ различить. Саженяхъ въ пятнадцати отъ дома сорокъ двѣ собаки, которыя сидя, которыя лежа, съ торчащими кверху ушами и унылыми минами, думаютъ о своемъ собачьемъ житьѣ. Онѣ привязаны къ длинной веревкѣ, однимъ концомъ прикрѣпленной къ нартѣ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ къ вбитымъ въ снѣгъ кольямъ. Черные, желтые, пестрые псы, средняго, нѣкоторые совсѣмъ небольшого роста. Всѣ собаки кастрированы и нрава довольно смирнаго. Говорятъ, некастрированныя—злы, непослушны и не такъ выносливы. Приводимая Нансеномъ причина кастраціи—легкость заболѣванія орхитомъ вслѣдствіе тренія сбруей—здѣсь не имѣетъ мѣста, благодаря болѣе раціональной упряжи (см. ниже). Холостятъ собакъ щенками.

Утромъ на слѣдующій день я присутствовалъ при кормленіи собакъ. Каждая собака получаетъ усиленную порцію—десять сельдей. Съ жадностью грызутъ онѣ мерзлую рыбу, часто вступая въ драку изъ-за сельди. Собаки, до которыхъ еще не дошла очередь, лаютъ и воютъ отъ нетерпѣнія, а иныя не то съ лаемъ, не то съ визгомъ заискивающе машутъ хвостами: сказывается разница темпераментовъ. Во время кормленія собаки остаются на привязи,—иначе трудно бы было справиться съ такой массой голодныхъ псовъ. Кормятъ ихъ разъ въ день.

Одиннадцать часовъ вечера. Начались приготовленія къ встрѣчѣ Пасхи. Старуха облеклась въ шелковое платье ярко-лиловаго цвѣта; старикъ досталъ свои палестинскіе значки: они оба со старухой состоятъ членами-сотрудниками (sic!) названнаго общества. По наставленію священника старикъ сдѣлалъ взносы по 200 р. за себя и старуху, взамѣнъ чего получилъ два мѣдныхъ значка на шелковыхъ ленточкахъ и листъ на званіе члена-сотрудника православнаго палестинскаго общества. Листъ онъ вставилъ въ рамку и повѣсилъ на стѣну, а значки спряталъ въ сундукъ и показываетъ ихъ съ величайшею гордостью. Увы! этотъ дикарь, не знающій иного языка, кромѣ якутскаго, во всю свою долгую жизнь дальше селенія Казачьяго нигдѣ не бывавшій, очень тщеславенъ. Онъ и богатъ къ тому же: имѣетъ болѣе двухсотъ оленей и 10 ѣздовыхъ собакъ.

Всѣ прочіе члены компаніи приготовились также, кто какъ могъ, встрѣтить великій праздникъ. Стрыжовъ зажегъ у иконъ заранѣе припасенныя для этого случая восковыя свѣчи. Съ пѣніемъ «Христосъ Воскресе» обошли три раза кругомъ дома и сдѣлали три залпа изъ двухъ винтовокъ и револьвера, всего наличнаго арсенала оружія.

Въ заключеніе торжества былъ сервированъ столъ. Вынута бутылка мерзѣйшаго коньяка, пріобрѣтеннаго въ Казачьемъ или Верхоянскѣ, хозяинъ досталъ двѣ серебряныхъ чарки малаго калибра. Послѣ христосованья пили по очереди. Христосуются здѣсь, прикладываясь два раза щекой къ щекѣ,—сначала къ одной, потомъ къ другой, затѣмъ уже слѣдуетъ поцѣлуй въ губы,—способъ, распространенный по всей области. Довольно посредственный куличъ, испеченный въ Казачьемъ, стоялъ на столѣ рядомъ съ аккуратно настроганнымъ муксуномъ,— строганина не аристократическая, но стерляди у насъ не было.

Стрыжовъ, обладающій недурнымъ, хотя и небольшимъ, голосомъ, спѣлъ «Мой костеръ» и еще двѣ-три пѣсни, къ вящему удовольствію публики, весьма довольной необыкновеннымъ торжествомъ, а въ особенности прекрасной «аргы» (водкой), которую русскіе называютъ коньякомъ. Послѣ каждой рюмки, каждаго стакана чая или куска кулича они кланялись и благодарили: «багыбо, багыбо! (спасибо) Христосъ воскресъ!»

Цѣлый день мы утопали въ роскоши. Когда я проснулся послѣ дневного сна, я увидѣлъ, высунувъ голову изъ-подъ одѣяла, разряженныхъ хозяевъ. На столѣ—копченые оленьи языки, нарѣзанные ломтиками, кусочки топленаго коровьяго масла, московскаго или тульскаго издѣлія коврижка и печенье Эйнема въ жестяной коробкѣ. Все это—угощеніе хозяина. Цивилизація въ видѣ печенья Эйнема, фаянсовой и эмалированной посуды шагнула уже и сюда, на мертвый берегъ Сѣвернаго океана. Прибавилъ старикъ еще лакомое блюдо: сушеное мясо дикаго оленя *), который считается, и, пожалуй, справедливо, вкуснѣе домашняго. Мясо сушатъ надъ огнемъ камелька, такъ какъ солнечнаго тепла здѣсь недостаточно; къ сожалѣнію, его не солятъ.

Къ сервированной хозяиномъ закускѣ—это былъ нашъ послѣдній обѣдъ на Муксуновкѣ—всѣ отнеслись съ должнымъ вниманіемъ.

Къ чаю я вынулъ лимонъ и разрѣзалъ его на 11 кусковъ, по числу людей. Инородцы съ большимъ любопытствомъ разсматривали «растущую на деревѣ ягоду» («ма-отон»). Я ихъ предупредилъ, что такъ лимона не ѣдятъ, а кладутъ въ чай, но двое, не разслышавъ или не

---

*) Дикій олень имѣетъ у якутовъ особое названіе („кылъ“) въ отличіе отъ домашняго („таба́„), тогда какъ тунгусы и того, и другого называютъ „оро́н“.

понявъ предупрежденія, съѣли свои доли съ коркой и съ зернами. Какъ истые джентльмены, они даже гримасы не скорчили, а отозвались одобрительно: «бёрдъ учугей! бёрдъ учугей!» (очень хорошо!). Остальные поступили со своими порціями правильно, и старикъ резюмировалъ мнѣніе публики о лимонѣ словами: «учугей аз»—«хорошая пища». «Учугей аз!» хоромъ повторила вся компанія.

Собаки готовы. По знаку нашего церемоніймейстера Стрыжова всѣ встаютъ и крестятся на иконы, передъ которыми уже опять затеплились свѣчи. Алексѣй и Стрыжовъ перецѣловались со всѣми остающимися. Пожали имъ руки. Громкое «простѝ» (прощай) еще долго стояло въ воздухѣ. Было что-то и комичное, и трогательное въ этомъ прощаніи съ послѣдними обитателями сѣвера передъ въѣздомъ въ мѣста необитаемыя.

VI.

На собакахъ.

Взвыли и залаяли собаки, рванулись впередъ—и обледенѣлые полозья нарты заскрипѣли по только что выпавшему снѣгу. Собачья нарта представляетъ изъ себя сани съ аршинъ ширины и около $1^1/_2$ саж. длины. Спереди, какъ и у оленьей нарты, горизонтальная дуга, къ которой привязывается длинная веревка, замѣняющая оглобли. Приблизительно по срединѣ нарты—вертикальная дуга: за нее держатся пассажиры и каюръ; за нее же берутся, когда надо помочь собакамъ тащить нарту. Передъ выѣздомъ полозья нарты обливаются водой, и нарта держится опрокинутой, пока они не обледенѣютъ: тогда нарта легко скользитъ по снѣгу.

Упряжка собакъ у насъ отличалась отъ описанной Нансеномъ и практикуемой, кажется, самоѣдами. Ошейникомъ идетъ широкій ремень подъ грудныя мышцы собаки, отъ него два такихъ же ремня вдоль боковъ; подъ брюхомъ ихъ перехватываетъ еще ремень: получается подобіе шлеи. Такимъ образомъ, собака везётъ грудью, а не брюхомъ, что гораздо цѣлесообразнѣе. Съ каждой стороны веревки у насъ было запряжено по 9 собакъ. Управляютъ собаками при помощи передовыхъ, слушающихся команды каюра и поворачивающихъ всю свору. Необходимымъ дополненіемъ служитъ тормазъ,—дубинка съ утолщеніемъ къ концу, окованному желѣзомъ и снабженному острымъ наконечникомъ. Имъ пользуются не только при спускѣ съ горы, но и на ровной мѣстности, когда передовыя собаки забываютъ свою обязанность и не слушаются команды каюра. Путь нашъ лежалъ по мѣстамъ необитаемымъ, и пришлось запастись провіантомъ для себя и для собакъ недѣли на двѣ, благодаря чему у насъ было до 25 пуд. клади.

Собаки взяли было въ карьеръ, но скоро прыти у нихъ поубавилось. Для начала мы проѣхали верстъ 50 по очень ровной мѣстности.

Дороги, разумѣется, никакой, но глаза каюра читаютъ, какъ по книгѣ по тундрѣ, для неопытнаго глаза представляющейся совершенно однообразной. Остановились въ шалашѣ на берегу океана. Ночи уже не было. Вечерняя заря еще золотила небо, а съ востока алѣли облака отъ утренней.

Возлежа за «столомъ» по-аттически, мы вкушали жаркое изъ оленины. Наши псы устраивались сообразно темпераменту. Иные тотчасъ по пріѣздѣ легли какъ попало и заснули, не дожидаясь кормежки; другіе вертѣлись волчкомъ, роя снѣгъ кругомъ себя, и, наконецъ, укладывались, свернувшись калачикомъ и пряча морду въ пушистый хвостъ. Крупный и ласковый песъ Карандашъ, общій баловень, отвязанный отъ своры, старался проникнуть къ намъ въ шалашъ, гдѣ и потеплѣе, да и лакомый кусокъ могъ перепасть. Началась кормежка. Общее оживленіе. Сонъ бѣжитъ съ глазъ проголодавшихся псовъ. Серьезный Кёрёмёсь *) съ важностью философа поглощаетъ своихъ 8 сельдей, изрѣдка сердито ворча на своихъ легкомысленныхъ сосѣдей. За обѣ щеки уминаетъ свою порцію желтый Карандашъ, дробя мерзлую рыбу крѣпкими зубами. Взвизгивая отъ наслажденія, ѣстъ небольшая собачонка Шустрый, явно обличая въ себѣ гурмана. Какой-то мизантропическаго вида песъ съ урчаньемъ гложетъ селедку, мрачно озираясь по сторонамъ, чтобы кто не отнялъ добросовѣстно заработанной имъ рыбы. И не даромъ! Менѣе подозрительный и болѣе проворный на ѣду сосѣдъ уже покончилъ со своей порціей и съ непростительнымъ нахальствомъ вступаетъ въ неправый бой съ мизантропомъ, или, вѣрнѣе, мизокиномъ. Летятъ клочья собачьей шерсти, пока стоящій на стражѣ порядка каюръ не предъявитъ своихъ оффиціальныхъ полномочій въ видѣ палочныхъ ударовъ. Вернувшіеся съ Новой Сибири ветераны, на зависть коллегамъ, получали усиленную порцію въ десять сельдей.

Въ просторной, но дымной поварнѣ Аджергайдахъ, куда мы пріѣхали довольно рано, мы задержались недолго. Кое-гдѣ встрѣчались небольшія горки, или «камни», какъ ихъ называютъ на сѣверѣ («тае» по-якутски). Верстъ сорокъ ѣхали морской губой, по берегу которой встрѣчалось очень много плавнику,—пней и цѣлыхъ древесныхъ стволовъ. Проѣхали мимо небольшого прѣсноводнаго озера... и опять ночевка въ шалашѣ, опять ѣдкій дымъ костра и опять почему-то спалось плохо, хотя въ собачьей нартѣ цѣлый день приходится бодрствовать. Спальный мѣшокъ, которымъ меня снабдилъ К. А. Воллосовичъ, я употреблялъ въ качествѣ матраца, а покрывался заячьимъ одѣяломъ, раздѣваясь, какъ дома. Было тепло, несмотря на двадцатиградусные морозы. Но по верхнему краю одѣяла нерѣдко образовывались ледяныя сосульки, непріятно холодившія физіономію.

Быстро проѣхали мы по холмистой мѣстности 20 верстъ, оста-

---

*) Въ переводѣ съ якутскаго значитъ „сиводушка“.

вавшіяся намъ до послѣдней поварни на материкѣ. Небольшая гора съ пологимъ, но продолжительнымъ подъемомъ была единственнымъ препятствіемъ на нашемъ пути. Пришлось брести въ гору по глубокому снѣгу, помогая собакамъ тащить тяжело нагруженную нарту.

Чай-поварня, названіе которой нѣкоторые шутники производятъ отъ русскаго слова «чай»: здѣсь-де въ послѣдній разъ чай пьютъ, разставаясь съ материкомъ, на самомъ дѣлѣ именуется такъ потому, что на песчаныхъ отмеляхъ вокругъ нея масса гальки, мелкаго камня, называемаго по-якутски «чай». Маленькая амбарушка, безъ оконъ и камелька, стоитъ она на самомъ берегу океана. Возвышеніе посрединѣ для костра, одна лавка и нѣкоторое подобіе стола противъ крошечной двери,—полное отсутствіе комфорта, благодаря чему даже остановка въ шалашѣ кажется болѣе пріятной. Море въ изобиліи приноситъ на берегъ плавникъ, такъ необходимый для топлива въ этихъ безлѣсныхъ мѣстахъ. Неподалеку отъ чай-поварни, къ западу и сѣверо-западу виднѣются горы, а подальше—выдается въ океанъ такъ называемый Святой Носъ. Съ другой стороны возвышенности пониже, а къ сѣверо-западу—Ледовитый океанъ, по которому лежалъ нашъ путь на Ново-Сибирскіе острова. Проливъ между первымъ изъ нихъ—Большимъ Ляховскимъ и материкомъ, не имѣвшій названія, хотя и давно открытый, названъ барономъ Толемъ Лаптевскимъ, въ честь одного изъ старинныхъ русскихъ мореплавателей и изслѣдователей полярнаго моря.

Стояла пріятная погода; морозъ былъ небольшой и грудь съ наслажденіемъ вдыхала свѣжій воздухъ полярныхъ странъ, когда мы поѣхали черезъ проливъ. Ширина пролива—верстъ 70. Первую половину пути ѣхать было сравнительно удобно. Потомъ стали попадаться тороса *), сначала по одному, затѣмъ больше и больше.

По Нансену наибольшая высота тороса—30 футъ, но это относится лишь къ плавучимъ торосамъ. Тороса, сидящіе на мели на малыхъ глубинахъ, достигаютъ значительно большей высоты. Поѣздка по торосамъ не легкое дѣло. Приходится идти иногда выше колѣнъ въ снѣгу, рискуя угодить ногой въ трещину между льдинами, спотыкаясь и падая, стараясь не отставать отъ нарты. Приходится помогать собакамъ въ трудныхъ мѣстахъ. Впрочемъ, со мною—въ лицѣ Стрыжова и Алексѣя—было два опытныхъ каюра, такъ что въ моей помощи рѣдко нуждались, а чаще мнѣ приходилось тащить только самого себя. И это не легкая задача при такомъ трудномъ пути. Якутскія торбаса и кухлянка по своей легкости оказались незамѣнимыми.

---

*) Торосами называются образующіяся во время ледохода скопленія льдинъ, смерзающихся и принимающихъ разнообразныя формы. Это поморское слово усвоено и иностранными изслѣдователями, какъ терминъ.

Берега материка, мало-по-малу удаляясь, наконецъ, совсѣмъ исчезли въ легкомъ туманѣ. Кругомъ океанъ. Ледяныя глыбы самой разнообразной формы то прелестнаго бирюзоваго цвѣта, то почти молочнобѣлаго, какъ будто снѣжная каша, пропитанная водой и потомъ замерзшая, то грязновато-желтаго—съ иломъ и пескомъ,—рѣчной и прибрежной ледъ, занесенный въ океанъ. Почти геометрически правильныя призмы, могильныя плиты удивительной прозрачности, неправильные осколки и ледяные монументы, будто высѣченные изъ одного куска, чередуясь другъ съ другомъ, постепенно уступаютъ мѣсто настоящимъ торосамъ. При видѣ кристаллически-прозрачныхъ, опалесцирующихъ при приближеніи къ нимъ ледяныхъ замковъ, на минуту забываешь объ усталости. «In schönem, kristallenem Wasserpalast ist plötzlich bezaubert der Ritter...», вспоминается красивое стихотвореніе Гейне.

Тороса могутъ согрѣть человѣка даже въ пятидесяти градусный морозъ! Собаки бѣгутъ ничего себѣ... вдругъ—пр... Нарта стукнулась о льдину и стоитъ. Стоятъ и собаки, равнодушно помахивая хвостами: наѣхали на торосъ. Глыба льду, навалившаяся на глыбу, преграждаетъ проѣздъ. Надо слѣзать, втаскивать нарту, кричать на собакъ. Небольшія возвышенія, покрытыя снѣгомъ, смѣняются крупными торосами, поднимающимися, какъ конекъ крыши, или какъ церковная колокольня. Встрѣчаются огромныя безформенныя скопленія мелкихъ и крупныхъ ледяныхъ глыбъ съ пустыми или заполненными снѣгомъ промежутками между ними, иногда съ совершенно отвѣснымъ паденіемъ въ одну сторону; удивительно оригинальные гигантскіе ледяные грибы, Богъ знаетъ какъ держащіеся на сравнительно тонкой ледяной ножкѣ.

Къ вечеру, постепенно сгущаясь, спустился туманъ, а мы все ѣхали. Только къ утру увидали мы ледяные обрывы Б. Ляховскаго острова. Не изъ очень высокихъ—берега этого острова интересны тѣмъ, что въ нихъ обнажается подпочвенный ледъ. На глубинѣ 2-хъ—3-хъ арш. отъ поверхности тундры виденъ мощный слой льда, названнаго учеными Steineis, *)—каменный ледъ, и представляющаго изъ себя остатокъ ледяной коры, оковывавшей острова во время ледниковаго періода. Существуетъ повѣрье на сѣверѣ, что подпочвенный ледъ и многолѣтній ледъ торосовъ не таетъ даже на огнѣ.

Поварня Малое Зимовье, послужившая намъ первымъ пристанищемъ на Ново-Сибирскихъ островахъ, построена промышленниками на южномъ берегу Б. Ляховскаго острова, называемаго якутами «Улаханъ Кавришка» (большой Гаврилинъ). Небольшое бревенчатое зданіе съ довольно сноснымъ камелькомъ, маленькой дверью и занесенными снѣгомъ стѣнами. Невдалекѣ—крестъ съ надписью: «Складъ № 1-ый ба-

---

*) Баронъ Толь.

рона Толя». Тамъ зарыто 6 ящиковъ консервовъ на случай аваріи и голодовки экспедиціи при возвращеніи на материкъ. Подобные склады, устроенные вспомогательной партіей К. А. Воллосовича, находятся еще на Маломъ Ляховскомъ, на Котельномъ, на Новой Сибири. Провизіи въ каждомъ складѣ на мѣсяцъ для шести человѣкъ. Есть тутъ и щи съ мясомъ и кашей, и горохъ съ мясомъ, и жареная говядина («консервы для войскъ»), есть голландскій какао; кассельскій гаферъ-какао, сахаръ, спички, сгущенное швейцарское молоко. Запаянныя жестянки съ консервами уложены въ жестяной ящикъ, тоже запаянный, а этотъ—въ деревянный. Одинъ такой ящикъ стоялъ въ кладовой, неподалеку отъ поварни,—для текущихъ потребностей.

Саженяхъ въ ста отъ поварни—знакъ, поставленный экспедиціей Бунге. Возлѣ поварни было сложено нѣсколько мамонтовыхъ клыковъ, не вывезенныхъ еще промышленниками.

Солнце уже не заходило: начался долгій полярный день. Постепенно опускаясь, дневное свѣтило медленно плыло на сѣверъ. Только верхняя часть его диска оставалась надъ горизонтомъ. Золотисто-желтый, фіолетовый, синій, розовый цвѣта съ мягкими оттѣнками и переливами смѣняли другъ друга.

Когда мы выѣхали съ Б. Ляховскаго острова, стоялъ небольшой туманъ. Солнце изрѣдка выглядывало изъ-за облаковъ. Проливъ между Большимъ и Малымъ Ляховскими—не болѣе 30-ти верстъ шириной. И тороса здѣсь не велики, такъ что скоро мы были вблизи низкаго берега М. Ляховскаго острова. Около поварни, стоящей на берегу его,—2-ой складъ провіанта съ надписью на крестѣ: «D. Toll, Woll.» (Депо 2-е Толль, Воллосовичъ). Мы остановились версты на 2 дальше,—у другой поварни. Возлѣ нея – маленькая амбарушка, рядомъ стоятъ двѣ небольшія оленьи нарты, оставленная почему-то промышленниками, на крышѣ—не вывезенная ими мамонтова кость. Крошечная входная дверь, какъ водится, завалена бревнами и засыпана снѣгомъ. Небольшія сѣнцы ведутъ въ поварню. Первое время подобнаго рода постройки заставляли меня морщиться, а теперь, особенно послѣ ночевокъ въ дымныхъ шалашахъ, эта поварня—съ камелькомъ и небольшимъ ледянымъ оконцемъ—показалась мнѣ довольно комфортабельнымъ жилищемъ. Огонекъ, веселыми струйками перебѣгая съ лучины на лучину, принялся лизать дрова, которыя стали привѣтливо потрескивать въ камелькѣ...

Ночевали мы на сѣверномъ берегу М. Ляховскаго острова, проѣхавъ по довольно ровному льду съ рѣдкими и незначительными торосами вдоль берега. Разгребли снѣгъ и поставили свою походную палатку, или урасу: остовъ изъ нѣсколькихъ длинныхъ жердей обтянули ровдугой, и палатка готова. Посрединѣ палатки, на желѣзномъ противнѣ развели костеръ, надъ которымъ на жердочкѣ повѣсили чайникъ и котелокъ (см. выше описаніе ламутской урасы). На берегу оказалась масса плавнику, такъ что мы не чувствовали недостатка въ топливѣ.

Намъ предстояло теперь переправиться черезъ проливъ, отдѣляющій М. Ляховскій островъ отъ Котельнаго. Ширина этого пролива достигаетъ ста верстъ. Два дня ушло у насъ на переправу. Запаслись на берегу дровами, прежде чѣмъ тронуться въ путь. Сначала все шло хорошо. Погода стояла великолѣпная. Солнце отражалось въ далекихъ льдахъ. Достойныхъ вниманія торосовъ на первыхъ десяти верстахъ не встрѣчалось. Если и соскочишь съ нарты, то развѣ для того, чтобы размяться или согрѣться, когда вѣтеръ проложитъ себѣ дорогу черезъ воротъ или рукава. Но вотъ начались ледяные конгломераты. Теперь уже не тепла, а прохлады жаждешь. Собаки едва вскарабкиваются на вкривь и вкось стоящія льдины. Нѣкоторыя льдины образуютъ пригорокъ съ болѣе или менѣе крутымъ подъемомъ и спускомъ. Скопленія льдинъ неописуемой формы преграждаютъ дорогу: ни тпру, ни ну. Приходилось топорами прокладывать путь въ ледяномъ царствѣ. Мои каюры работали въ два топора. Ледяные осколки такъ и летѣли. Собаки тяжело переводили духъ... Тронулись... Нарта и скрипитъ, и трещитъ, и перегибается, жалобно плача, и клонится на бокъ. Собаки визжатъ подъ ударами каюра, люди оглашаютъ ледяную пустыню неистовыми криками, понукая собакъ. А тѣ, чуть только крики слабнутъ или каюры уходятъ впередъ прорубать дорогу, обнаруживаютъ игривость, ни мало не гармонирующую съ мрачною торжественностью окружающей обстановки. Шустрый перегрызъ острыми зубами свою сбрую, прыгаетъ, валяется въ снѣгу, бѣжитъ ко мнѣ приласкаться и похвастаться своей удалью; другія собаки, не столь отчаянныя, выдѣлываютъ разные курбеты, оставаясь въ сбруѣ. Болѣе пожилые и солидные псы, какъ бы сознавая всю неумѣстность рѣзвости своихъ коллегъ въ столь трудныя минуты, смотрятъ на нихъ съ презрительнымъ равнодушіемъ... И опять крики оглашаютъ воздухъ, опять трещитъ и жалобно стонетъ нарта, тяжело переваливая черезъ новый торосъ.

Наконецъ,—отдыхъ и чаевка! О мигъ блаженства!.. И снова та же исторія.

Ночевка. Солнцу словно надоѣло опускаться и оно лѣниво поднимается къ сѣверу-востоку, расписывая въ разные цвѣта низко нависшія надъ горизонтомъ облачка. Голубой, золотистый, лиловый цвѣта... На нѣкоторомъ разстояніи по обѣимъ сторонамъ солнца поднимаются радужныя дуги; онѣ какъ бы хотятъ захватить его въ свои объятія— и не могутъ до него дотянуться. Въ тѣни снѣгъ—синеватаго цвѣта, а далѣе на солнцѣ онъ—кипѣнно-бѣлый. Ледяныя глыбы далеко на горизонтѣ пріобрѣтаютъ какія-то странныя, фантастическія очертанія, сверкая своею кристаллическою прозрачностью. Досужее воображеніе неустанно работаетъ, рисуя себѣ образы самые невѣроятные.

Кругомъ такъ дивно хорошо. И такъ чисто. Одна только наша палатка, воздвигнутая на льду океана, грязнымъ пятномъ выдѣляется на дѣвственно-чистомъ снѣгу. Какъ неумѣстна кажется она здѣсь, какими лишними, ненужными, ничѣмъ не связанными съ окружающей обстановкой кажутся эти копошащіяся около палатки человѣческія фигурки, эти собаки, съ нетерпѣніемъ ожидающія мерзлыхъ сельдей. А внутри палатки—своя поэзія, менѣе возвышенная, но, если хотите, болѣе симпатичная для усталаго путешественника. Бѣлый снѣгъ служитъ намъ поломъ; возлѣ стѣнъ постланы оленьи шкуры. Весело бурлитъ вода въ чайникѣ, подвѣшенномъ надъ костромъ... Отдохнувъ и напившись чаю, я выползъ на прогулку. Влѣзъ на ледяную башенку, чтобы тотчасъ турманомъ съ нея скатиться. Довольныя кормежкой собаки благодушно машутъ хвостами, предаваясь пищеваренію. Степенный Кёрёмёсь засыпаетъ съ такимъ видимъ, точно хочетъ сказать: «довлѣетъ дневи злоба его». Этотъ Кёрёмёсь доставилъ-таки намъ хлопотъ. Только что мы тронулись съ М. Ляховскаго острова, какъ онъ вырвался изъ упряжи и далъ ходу. Другія псы, болѣе легкомысленные, въ подобныхъ случаяхъ сами же возвращались обратно. Но это было несовмѣстно съ достоинствомъ Кёрёмёся, какъ передовой собаки. Напрасно гнались мы за нимъ. Не озираясь назадъ, не особенно торопясь, но и не останавливаясь, бѣжалъ онъ впередъ, на сѣверъ. Бросили безплодную попытку его поймать и поѣхали. Собаки, видя впереди себя одного изъ своихъ вождей, освободившагося отъ упряжи, запрыгали, завизжали и опрометью кинулись за нимъ. Такъ мы проѣхали съ версту, пока, съ помощью военной хитрости, не поймали, наконецъ, свободолюбиваго пса.

Канитель съ этими собаками: почуяли онѣ тюленя,—и всей сворой, сбившись въ кучу, бросились къ тому мѣсту, гдѣ его предполагали.

На другой день, укладывая въ нарту палатку, Алексѣй приговаривалъ съ привѣтливой улыбкой: «Михайловъ станъ—поварня, здравствуй!»

Въ поварнѣ «Михайловъ станъ», которая названіе свое получила отъ протекающей вблизи рѣчки, жили нѣсколько мѣсяцевъ члены вспомогательнаго отряда экспедиціи, гг. Брусневъ и Ціонглинскій. Метеорологическая будка безъ инструментовъ, сколоченная изъ досокъ сломанныхъ ящиковъ, и масса пустыхъ жестянокъ изъ-подъ консервовъ остались слѣдами ихъ пребыванія здѣсь. Метеорологическая будка построена саженяхъ въ 50-ти отъ поварни; возлѣ нея—амбаръ. Поварня эта лучшая изъ видѣнныхъ мной: достаточно высокая, т. ч. можно стоять, не наклоняясь, съ хорошимъ камелькомъ, со стеклами въ окнахъ, прочно заколоченныхъ досками снаружи, въ предупрежденіе шалостей бѣлыхъ медвѣдей. Двойныя рамы, подоконники, полки и полочки... Ящикъ съ не отправленными еще коллекціями К. А. Воллосовича. Въ амбарѣ—большой запасъ продуктовъ: консервовъ, муки, пшена, норвежской сушеной рыбы для собакъ.

Странный видъ имѣетъ это шестиугольное зданіе: точно павильонъ какой-то. Однако, эта игривость архитектуры объясняется не полетомъ фантазіи строителя, а тѣмъ обстоятельствомъ, что море не принесло достаточно длинныхъ бревенъ.

Поварня «Михайловъ станъ» находится на южномъ берегу острова Котельнаго, немного къ западу отъ Медвѣжьяго мыса. Здѣсь мы дневали.

Отъ поварни верстъ 70 путь нашъ лежалъ вдоль извилистаго, съ мысами и маленькими заливами берега, мѣстами поднимающагося надъ моремъ крутой стѣной, а мѣстами скалами и утесами выдвигающагося въ океанъ. Пуночки, или, какъ ихъ называютъ въ якутской области, снѣгири (plectrophenax nivalis), въ изобиліи летали надъ обрывами.

«Ночь» мы провели въ походной урасѣ на берегу какой-то рѣчонки, по близости отъ заброшенной и занесенной снѣгомъ поварни.

Послѣ ночовки поѣхали, для сокращенія пути, прямо по острову, хотя обычный путь лежитъ моремъ—по береговой линіи. Поверхность острова очень неровная. Рѣчки и овраги попадались въ болѣе, чѣмъ достаточномъ количествѣ. Мѣстами снѣгъ сдуло, и промерзшая насквозь тундра лежитъ обнаженной. Нѣсколько бѣлыхъ куропатокъ спугнули наши собаки. Приближаясь къ судну, Алексѣй оживленно повторялъ: «Болгал-діе просты, барон-огонер здравствуй!» (Морской домъ прощай, старикъ-баронъ здравствуй!).

Наконецъ, мы завидѣли «Зарю». Вахтенный далъ знать въ каютъ-компанію о нашемъ приближеніи. Баронъ Э. В. Толь, А. А. Бируля, Ф. А. Матисенъ, А. В. Колчакъ, Ф. Е. Зебергъ и часть матросовъ спустились по трапу на ледъ. Лай нашихъ собакъ смѣшался съ лаемъ собакъ, остававшихся у судна. Посыпались вопросы...

В. Н. Катинъ-Ярцевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ТРУДЪ.

Романъ **Ильзы Фрапанъ.**

Переводъ съ нѣмецкаго **Э. Пименовой.**

I.

Только что пробилъ часъ. Душная, тихая лѣтняя ночь царила надъ домомъ «Zum grauen Ackerstein», также погруженномъ въ безмолвіе.

Вдругъ въ одной изъ комнатъ второго этажа этого дома послышался звонокъ и продолжительный сонный плачъ, прерываемый иногда громкими, рѣзкими криками, затѣмъ послышался еще третій, хныкающій голосъ, жалобно произносящій отдѣльные слога: «у! у! Мам!... у!»

Темная, угловая комната, гдѣ раздавался этотъ плачъ, внезапно освѣтилась, и въ полосѣ свѣта показалась высокая, темная женская фигура, такая высокая, что она лбомъ почти касалась поперечной балки двери.

— Дѣти! Дѣти! замолчите!—взывала женщина, быстро и испуганно перебѣгая отъ одной кроватки къ другой.

Крикъ на секунду прекратился, но затѣмъ возобновился съ новой силой, такъ что казалось, воздухъ комнаты дрожалъ отъ него. Три маленькія фигурки сидѣли, плача, среди подушекъ. Вдругъ одна изъ нихъ поднялась во весь ростъ въ постели, длинная и бѣлая, и протянула руки. Мать поспѣшила къ ней, схватила ее подъ мышки и пробовала снова уложить.

— Что съ тобою, Германнли? Что случилось, мальчуганъ?—пыталась она успокоить его.

Но мальчикъ стоялъ неподвижно, не поддаваясь ласковымъ усиліямъ матери, и смотрѣлъ впередъ открытыми, полными слезъ глазами, съ искривленнымъ отъ плача ротикомъ.

— Успокойся! крикнула она громко и выбѣжала изъ комнаты, чтобы принести лампу.

На минуту крикъ умолкъ. Съ нахмуреннымъ видомъ мать оглядѣла большую, просто убранную и выбѣленную дѣтскую. Тревожный взглядъ ея грустныхъ глазъ тщательно осматривалъ всѣ углы, а заспанный, испуганный мальчикъ слѣдилъ за ней блестящими глазами, съ выраженіемъ какого-то страннаго упрека, готовый ежеминутно опять разразиться крикомъ.

Во второй разъ мать снова принялась успокаивать дѣтей, вытирала имъ мокрыя личики и ласково гладила ихъ по спинѣ, но лобъ ея не прояснялся и глубокая складка скорби, образовавшаяся около рта, не разглаживалась. Очевидно, мысли ея были не здѣсь съ дѣтьми, которыхъ она пробовала успокоить, и дѣти какъ будто чувствовали это. Вдругъ снова поднялся крикъ. Въ этомъ крикѣ заключалось что-то безсознательное, стихійное, заразительное, напоминающее вой вѣтра или звукъ набатнаго колокола. Женщина выпрямилась и также почувствовала, что ей хочется крикнуть, испустить, наконецъ, тотъ крикъ, который она днемъ и ночью старается заглушить, но который неумолкаемо раздается въ ея душѣ... Она въ отчаяніи заломила руки.

— Германнли! Что же это такое? Дѣти, я умоляю васъ! Вѣдь такъ можно съ ума сойти! Ложись, мальчуганъ, спи'—вдругъ крикнула она и съ силою пригнула старшаго мальчика къ подушкѣ.

— Папа!—всхлипывалъ мальчикъ, отстраняя руку матери.

— Нѣтъ!—вскрикнула она, топнувъ ногой.—Вы должны спать!

И вдругъ она потеряла самообладаніе. Слезы хлынули у нея изъ глазъ неудержимымъ потокомъ, и она не въ состояніи была держаться на ногахъ. Она бросилась на полъ, около колыбели младшаго ребенка, лежавшаго спокойно, и прижавшись лицомъ къ подушкамъ, старалась заглушить рыданія.

Лампа потухла.

Дѣти, наконецъ, заснули, и около нихъ, на полу. въ платьѣ, лежала мать. Она также спала тяжелымъ, свинцовымъ сномъ, точно сраженная ударами безжалостной судьбы.

На другой день, рано утромъ, пришелъ отецъ этой женщины. Служанка, проходившая по лѣстницѣ, испугалась его грубаго голоса, который глухо звучалъ изъ могучей груди. Старый Платтнеръ, опираясь на палку съ золотымъ набалдашникомъ, остановился у маленькаго окошечка съ красною занавѣскою и угрюмо смотрѣлъ на свои запыленные сапоги, спрашивая служанку о своей дочери.

— Какъ, еще не встала? Вѣдь уже скоро семь часовъ. Поди, скажи ей.

Спокойствіе сильнаго и увѣреннаго въ себѣ человѣка, которымъ обыкновенно была проникнута вся фигура стараго Платтнера, на этотъ разъ уступило мѣсто глубокому внутреннему волненію. Его загорѣлое лицо покраснѣло, и рука, державшая палку, вздрогнула, когда онъ говорилъ съ дѣвушкой. Онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе, входя въ душныя сѣни, не имѣвшія оконъ.

— Отецъ!—послышался за нимъ голосъ. Платтнеръ повернулся и протянулъ руку своей дочери.

Молча прошли они черезъ одну изъ желтыхъ дверей, на которой была прибита фарфоровая дощечка съ надписью: «Пріемная», въ слѣдующую комнату. Проходя въ дверь, Платтнеръ указалъ на эту дощечку и строго замѣтилъ: «Отчего ты не сняла ее?»

Это было первое слово, которое онъ проговорилъ.

«Да, да» отвѣчала дочь разсѣянно. Ея взоры были прикованы къ отцу и когда онъ сѣлъ на соломенный стулъ, то она быстро сказала ему, указывая на кожаную кушетку: «Почему ты тамъ не сядешь? Тамъ удобнѣе... Ты пришелъ ко мнѣ такъ рано, папа!»

Она продолжала стоять передъ нимъ, засовывая бѣлый носовой платокъ въ карманъ своего чернаго платья.

— Ну, Іози... садись же,—проговорилъ отецъ.— Итакъ, Іози... все кончено! Кончено и прошло!

— Да.

— Негодяй! Низкій негодяй!—воскликнулъ старикъ и стукнулъ палкой.

— Отецъ!—вскричала Іози и въ этомъ восклицаніи послышался точно крикъ о помощи.

Платтнеръ поднялъ голову, сдвинулъ на затылокъ свою мягкую фетровую шляпу и посмотрѣлъ на дочь.

— Какъ?—проворчалъ онъ удивленно.—Онъ еще не совсѣмъ негодяй, по твоему?

Грохотъ колесъ, окрики кучеровъ и пѣніе птицъ доносились въ открытыя окна, нарушая тишину, наступившую въ комнатѣ. Іози издала тихій стонъ.

— Я полагаю, что если кого нибудь присудятъ къ пяти годамъ тюремнаго заключенія, то уже стѣсняться незачѣмъ и можно смѣло называть его негодяемъ.

— Прошу тебя, папа. Не говори!.. Нѣтъ!

Еще болѣе сильное изумленіе выразилось на лицѣ отца. Онъ вскочилъ и заглянулъ прямо въ потупленные глаза дочери.

— Это еще лучше!—вскричалъ онъ съ негодованіемъ. — Ты его защищаешь... послѣ всего позора? Слушай-ка...

Онъ взялъ ее за рукавъ, и она повернула къ нему свое изстрадавшееся лицо, съ распухшими отъ слезъ глазами. Едва сдерживаемый гнѣвъ придавалъ чертамъ ея лица строгое, почти угрожающее выраженіе.

— Ахъ, отецъ, ты пришелъ только для того, чтобы его еще больше унизить?.. Когда уже и такъ!.. Чего же вамъ еще нужно! Онъ вѣдь и такъ теперь въ преисподней... и я... вмѣстѣ съ нимъ!...

Она выкрикнула эти слова и голосъ ея перешелъ въ рыданіе. Закрывъ лицо руками, она продолжала стоять возлѣ отца, который такъ былъ пораженъ ея словами, что долго растерянно смотрѣлъ на нее.

— Я не затѣмъ пришелъ, не затѣмъ, Іози,—проговорилъ онъ, наконецъ, съ трудомъ ворочая языкомъ. — Я пріѣхалъ за тобою, Іози, чтобы взять тебя домой, съ дѣтьми. У меня обратный билетъ.

Онъ дрожащей рукой вытащилъ изъ кармана жилета зеленую карточку и показывая ее дочери, прибавилъ:

— Видишь. Завтра или сегодня. Билетъ дѣйствителенъ три дня.

Его голосъ принялъ добродушный, успокоивающій оттѣнокъ. Онъ весьма обстоятельно прочелъ число, годъ и все, что было напечатано на билетѣ. Довѣрчивая улыбка появилась на его грубоватомъ лицѣ.

— Старуха всю ночь возилась,—сказалъ онъ.—Какъ только вчера вечеромъ была получена телеграмма отъ адвоката,—онъ вздохнулъ,— что все кончено, то она немедленно принялась приготовлять постели. Я же чувствовалъ себя точно быкъ, оглушенный ударомъ въ голову, но вѣдь не было ни одного поѣзда... понимаешь Іози?

Іозефина ласково прижала его руку къ груди.

— Ты милый, добрый отецъ! Ты одинъ только добрый и хорошій!— проговорила она, и всхлипывая, положила ему голову. на плечо.

Платтнеръ смущенно смотрѣлъ въ даль. Темнорусая головка, прильнувшая къ его плечу, напоминала ему о давно прошедшихъ временахъ и онъ чувствовалъ себя растроганнымъ.

— Ну! Ну!—проговорилъ онъ, запинаясь и словно ища, что сказать, и потомъ вдругъ быстро вымолвилъ:

— И всю ночь была гроза, громъ гремѣлъ, не переставая... и я подумалъ: хорошо бы, если бы онъ провалился въ преисподнюю, этотъ негодяй!

Іозефина выпрямилась, и ея заплаканные глаза заблистали гнѣвомъ.

— Ахъ вы! Вы—всѣ!—вскричала она пронзительно.—Все одно и то же! Только негодяй! Я не могу больше слышать этого! Это меня убиваетъ! Вѣдь онъ уже осужденъ... на пять лѣтъ! Отецъ, подумай только! Вѣдь это же тюрьма! И все время, до самой послѣдней минуты я надѣялась...

Снова слезы хлынули потоками изъ ея глазъ. Ломая руки, она начала быстро ходить по комнатѣ.

— Горе, горе тому, кто попадетъ къ нимъ въ руки! Имъ это нужно! Ихъ это радуетъ! — говорила она. — Долженъ же быть кто-нибудь козломъ отпущенія для всѣхъ этихъ лицемѣровъ, для того чтобы они могли засвидѣтельствовать свою добродѣтель, раздирая его въ клочки!.. Нѣтъ, отецъ, я не могу такъ относиться! Ты не долженъ выводить меня изъ себя, говоря подобнымъ образомъ. Ты добръ отецъ, но, видишь ли... Я не могу ѣхать съ тобой! Мы не придемъ къ соглашенію. У тебя свой взглядъ, но я... вѣдь я жена! А тамъ дѣти, его четверо дѣтей! Если бы я тоже стала кричать: О! О! Негодяй!.. Было бы лучше? Нѣтъ, лучше ужъ прямо броситься въ озеро;

по крайней мѣрѣ былъ бы одинъ конецъ! Но этого нельзя!... Не осталось бы ни отца, ни матери у четырехъ сиротокъ. Подумай, отецъ, какъ это было бы ужасно... и притомъ—стыдно! Я не могу на это рѣшиться, хотя такъ бы охотно сдѣлала это!

У нея захватило дыханіе. Блѣдный, съ нахмуреннымъ лбомъ, стоялъ возлѣ нея отецъ, неподвижно выслушавшій весь потокъ ея страстной, исполненной негодованія рѣчи.

Въ двери постучали и вошла служанка съ докладомъ, что кофе готовъ. Отецъ и дочь отправились на балконъ и, словно выполняя какую то неотложную обязанность, принялись за ѣду. За столомъ они не разговаривали. Платтнеръ мокалъ хлѣбъ въ большую кофейную чашку и что-то ворчалъ про зубную боль. Его слова точно пробудили Іозефину.

— У тебя зубы болятъ, отецъ?—спросила она.—Который, покажи?

— Зубы всѣ здоровы, — отвѣчалъ Платтнеръ и раскрывъ ротъ, показалъ дочери свои крѣпкіе желтые зубы,—но постоянное волненіе въ послѣднее время, все это дѣйствуетъ на нервы. Ну, а твое здоровье, какъ?—прибавилъ онъ, озабоченно взглянувъ на дочь.

— Благодарю, папа. Ничего. Я ничего не замѣчаю.

Онъ взглянулъ на дочь и ему бросилась въ глаза необыкновенная худоба ея щекъ и рѣзкія линіи около рта. Онъ ласково пожалъ подъ столомъ ея руку и проговорилъ:

— Не замѣчаешь ничего, пока не наступила реакція, но она будетъ.

Они снова замолчали. Платтнеръ посмотрѣлъ вдаль. Утро было облачное, и солнце свѣтило не такъ ярко. Съ балкона, обвитаго виноградомъ, открывался видъ на красивый бѣлый городъ, расположенный у зеленаго озера, надъ которымъ низко повисли облака. Временами лучъ солнца, прорѣзавъ слой облаковъ, освѣщалъ окна, стеклянныя крыши, начинавшія сверкать, и ярко-зеленыя луга на Утли; вообще на всемъ лежалъ какой-то мягкій лиловато-сѣрый оттѣнокъ и только голая вершина Фельзенеггъ отсвѣчивала розоватымъ свѣтомъ среди темной зелени окружающаго ее лѣса. Кругомъ раздавалось нѣжное чириканіе ласточекъ, летавшихъ низко около самаго балкона, и волны аромата поднимались въ воздухѣ изъ цвѣтущихъ виноградниковъ и зеленаго навѣса надъ балкономъ.

— Развѣ ваши виноградники цвѣтутъ только теперь?—спросилъ Платтнеръ.

— Да. Они запоздали. Солнца было мало.

Опять наступило молчаніе. Взоры Платтнера безсознательно слѣдили за игрою свѣта и облаковъ. Наконецъ, онъ съ шумомъ отодвинулъ кофейную чашку и, сложивъ свои загорѣлыя руки на столѣ, проговорилъ:

— Что ты сказала передъ этимъ, дитя? Я не совсѣмъ хорошо понялъ тебя.

Іози подняла свои обведенные темными кругами глаза, но снова опустила ихъ. Отецъ замѣтилъ, какъ тѣнь пробѣжала по ея лицу.

— Но намъ надо поговорить объ этомъ, хотя это и непріятно, Іози. Итакъ, рѣшимъ вопросъ. Хочешь ты сейчасъ подавать просьбу о разводѣ или еще подождешь?

— Нѣтъ, объ этомъ не можетъ быть рѣчи,—отвѣчала Іозефина твердымъ голосомъ.

Старикъ приподнялся со стула; глаза у него налились кровью.

— Я не понимаю,—сказалъ онъ хриплымъ голосомъ.—Ты, очевидно, не хорошо разслышала. Вѣдь это лишь одна форма. Все пойдетъ очень гладко, безъ всякой загвоздки. Я думаю даже, что тебѣ не придется являться въ судъ. Это было бы непріятно. Когда мы отдѣлаемся, наконецъ, отъ этого бездѣльника законнымъ образомъ...

Іозефина вскочила такъ стремительно, что соломенный стулъ, на которомъ она сидѣла, упалъ.

— Нѣтъ, папа, нѣтъ! проговорила она съ настойчивостью въ голосѣ.— Разводиться я не буду, не пробуйте уговаривать меня! Трудно ли, легко ли добиться развода—мнѣ это все равно! Это невозможно. Но знаешь, на меня это дѣйствуетъ, какъ ударъ, каждое слово, которое ты говоришь объ этомъ. Только не говори, что я до сихъ поръ ослѣплена имъ! О нѣтъ! Я совсѣмъ не ослѣплена, отецъ, я все вижу ясно и разсуждаю обо всемъ спокойно!

Ея лицо внезапно раскраснѣлось, когда она говорила.

— Ты говоришь, не ослѣплена? Значитъ: околдована очарована! Такой негодяй, такой...—вскричалъ Платтнеръ, стукнувъ кулакомъ по столу.

— Видишь ли!—крикнула она въ отвѣтъ.—Это отъ того, что вы всѣ такъ говорите постоянно!.. Оттого что онъ всѣми покинутъ, всѣ его оттолкнули и онъ всѣми презираемъ! И я должна говорить такъ же, какъ и вы? Одного схватили, а десять тысячъ разгуливаютъ на свободѣ. Негодяй! негодяй! Все только негодяй! Фуй, точно банда! Всѣ напали на одного. Постыдились бы! Отецъ, знаешь ли, вѣдь Георгъ такой же, какъ другіе, совершенно такой...

Заливаясь слезами, она, точно подкошенная, опустилась на стулъ у стѣны, но замѣтивъ, что отецъ, молча и растерянно смотритъ на нее, Іозефина постаралась совладать со своимъ волненіемъ и заговорила:

— Прошу, прошу тебя, предоставь мнѣ дѣлать то, что я хочу Ты знаешь вѣдь, что я всегда хотѣла идти собственною дорогою. Я совершенно разбита теперь и просто схожу съ ума.—Она сжала виски руками.—Мнѣ бы хотѣлось выбѣжать на улицу и кричать до тѣхъ поръ, пока бы люди не отправились со мною, чтобы вырвать его оттуда, куда его похоронили.

Лихорадочнымъ, блестящимъ взоромъ смотрѣла она на отца, лицо котораго приняло холодное выраженіе. Старикъ растерянно оглядывался кругомъ, а на лбу у него выступили крупныя капли пота, затѣмъ онъ отыскалъ шляпу, палку и направился къ двери.

— Итакъ... итакъ... Іози, прощай!—сказалъ онъ ей сухимъ тономъ, даже не протягивая руки.

Молодая женщина молча смотрѣла на его сборы. Она не въ состояніи была говорить, хотя бы отъ этого зависѣла ея жизнь, но сердце ея готово было разорваться отъ горя, что ея милый, дорогой отецъ уходитъ такъ...

И онъ ушелъ. Она слышала его тяжелые шаги и стукъ палки, на которую онъ опирался. Дверь скрипнула, и старикъ началъ медленно спускаться по лѣстницѣ... Только тогда Іози вышла изъ своего оцѣпенѣнія. Она бросилась къ своему малюткѣ, лежавшему въ колыбели, схватила его на руки и быстро сбѣжала внизъ по лѣстницѣ, вдогонку отцу. Она настигла его на послѣдней ступени:

— Отецъ!—кричала она ему, задыхаясь.—А дѣти?.. Вѣдь ты еще не видалъ дѣтей!

Платтнеръ повернулся и пошелъ вслѣдъ за нею. Старшія дѣти шалили и шумѣли въ своихъ кроваткахъ. Іозефина широко распахнула двери дѣтской и крикнула:

— Скорѣе, сюда, дѣдушка пришелъ!..

Въ рубашонкахъ, съ голыми ножками, дѣти вылѣзли изъ своихъ кроватокъ и робко подошли къ дверямъ. Впереди шелъ худенькій, блѣдный мальчикъ, лѣтъ семи, съ большою бѣлокурою головою, безпокойными глазами и покраснѣвшими отъ сна щечками. За нимъ слѣдовала такая же худенькая дѣвочка, съ тонкими, шелковистыми темными волосами и опущенной головкой. Она, точно сконфуженная, шла за своимъ братомъ. Іозефина, взявъ самаго младшаго на руки, поспѣшила на кухню. Ей было пріятно удалиться на мгновеніе, сознавая въ то же время, что ея славный, добрый отецъ все еще находится здѣсь, въ ея печальномъ домѣ.

Іозефина стояла въ кухнѣ и разсѣянно смотрѣла, какъ дѣвушка купала и одѣвала маленькую Нину. Малютка схватила губку и, прижавъ ее къ своему ротику, начала ее сосать; дѣвушка, смѣясь, отнимала губку. Изъ комнаты доносились веселые, радостные голоса дѣтей и голосъ ея отца и его смѣхъ. Іозефина вздохнула съ облегченіемъ. Въ сущности ея отецъ былъ веселымъ человѣкомъ, сохранившимъ свою молодость среди своихъ юныхъ питомцевъ сельскохозяйственной школы. И она чувствовала, что онъ всегда будетъ стоять возлѣ нея, со всѣмъ своимъ практическимъ умомъ и отцовскимъ сердцемъ, готовый оказать ей поддержку. Только бы не произошло между ними окончательной размолвки, только бы не пришлось ей отказаться отъ опоры его руки!

Іозефина мѣшкала идти назадъ въ комнаты, но когда она, наконецъ, рѣшилась и увидала веселую группу, то вдругъ на душѣ у нея стало свѣтло. Дѣти тѣсно прижимались къ дѣдушкѣ, который сидѣлъ посреди комнаты, выходящей на балконъ. Маленькая фигурка Рёсли совсѣмъ скрывалась въ сильныхъ рукахъ старика. Ребенокъ прижималъ головку къ его груди, а ручонками копошился въ его сѣдой бородѣ, Германнли сзади обнималъ дѣдушку, а младшій, Ули, стоялъ между колѣнъ старика, совершенно успокоившагося и ласково смотрѣвшаго на дѣтей.

— Они всѣ отправляются со мной, всѣ вмѣстѣ. Вся твоя буйная банда. Но самая буйная изъ всѣхъ вотъ эта дѣвчоночка!—сказалъ старикъ и шутя началъ тормошить темные локоны Рёсли, покачивая ее на своихъ рукахъ. Германнли, однако, остался этимъ недоволенъ и попробовалъ было вытѣснить ее изъ ея привилегированнаго положенія на колѣняхъ дѣдушки. Старикъ быстро окинулъ его взоромъ, и лицо у него слегка передернулось.

— Какъ мальчуганъ похожъ на него,—замѣтилъ онъ тихо.—Тебѣ придется-таки повозиться съ нимъ!—Затѣмъ онъ прибавилъ на романскомъ нарѣчіи:—онъ сейчасъ же меня спросилъ, гдѣ его отецъ. Мама говоритъ, что онъ въ больницѣ, но онъ ей не вѣритъ. «Почему же ты не вѣришь?» спросилъ я его. Тогда этотъ крошка сдѣлалъ серьезное лицо и прошепталъ мнѣ на ухо: «Мнѣ, дѣдушка, ты бы долженъ былъ сказать правду, что папа умеръ. Я не такъ глупъ, какъ думаетъ мама, я все замѣчаю».

Во время разговора матери и дѣдушки мальчикъ не спускалъ съ нихъ своихъ безпокойныхъ глазъ, словно угадывая, что такое они говорили на незнакомомъ для него языкѣ.

— Мама, когда папа вернется?—вдругъ спросилъ онъ, вѣшаясь на плечо дѣдушки.

— Когда онъ выздоровѣетъ — отвѣтила коротко Іозефина.

— Онъ, вѣроятно, будетъ долго боленъ?—проговорилъ мальчикъ вызывающимъ тономъ.

— Да, долго, вѣроятно.

— Сколько лѣтъ, мама? Цѣлый годъ или больше?

Въ голосѣ мальчика слышалась какъ будто иронія. Іозефина схватила его за руку и мрачно проговорила:

— Не болтай такъ много. Ступай теперь! Умойся, одѣнься! Маршъ!

Мальчикъ нагнулся къ самому уху дѣдушки и прошепталъ:

— Вѣдь мы оба мужчины, не правда ли, дѣдушка? Я хочу идти съ тобой. И ты мнѣ покажешь папину могилу. Ха, ха!

Онъ вдругъ дерзко захохоталъ, прямо въ лицо матери, затѣмъ какъ-то весь согнувшись, внезапно всхлипнулъ и, весь дрожа, удалился изъ комнаты, съ робкимъ видомъ пошла за нимъ Рёсли, и только маленькій, краснощекій Ули, въ своей коротенькой рубашонкѣ, проскакалъ верхомъ на цвѣточной вѣткѣ, съ веселымъ смѣхомъ, по всей комнатѣ и балкону, мимо своей матери и дѣдушки, которые снова печально сидѣли рядомъ, изрѣдка перекидываясь словами:

— Такъ вы не поѣдете со мною?

— Нѣтъ, папа!

— Что же ты думаешь дѣлать?

— Не знаю. Начну работать.

— И полагаешь съ этого жить?

— Да!

— Съ дѣтьми?

— Еслибъ у меня не было дѣтей, то и жить было бы незачѣмъ.

— Та-а-къ!—протянулъ старикъ, и взглядъ упрека, который онъ бросилъ на Іозефину, проникъ ей въ самое сердце.

— Не бойся,—отвѣчала она съ горечью.—Я живу и хочу жить Но мальчикъ просто изводитъ меня своими вопросами. Я бы охотно отдала его тебѣ, еслибъ... вѣдь кто-нибудь изъ слугъ, воспитанниковъ можетъ сказать ему! Вѣдь тамъ они ни очемъ другомъ и говорить не будутъ.

— Въ моемъ присутствіи?—сердито воскликнулъ Платтнеръ и даже оглянулся, какъ будто ожидая увидѣть обидчика своей дочери.

Наступило молчаніе. Солнечные лучи, проникая черезъ лиственную занавѣсь балкона, рисовали причудливые узоры на полу. Все предвѣщало прекрасный лѣтній день, хотя утро было туманное.

— Чего только не уготовляетъ человѣкъ самъ для себя!—прервалъ Платтнеръ свое тяжелое раздумье.

Іозефина молча кивнула головой.

— Да и мы, дитя, также,—прибавилъ онъ.

— Я? Развѣ я могу что-нибудь сдѣлать? Судьба лишила меня возможности дѣлать выборъ.

— Но если бы... если бы ты отказалась отъ этого человѣка... развелась бы съ нимъ и вернулась бы къ своему отцу...

— То поступила бы низко!—вскричала Іозефина.—По крайней мѣрѣ съ моей точки зрѣнія. Да я и не могла бы этого сдѣлать. Тутъ нѣтъ никакого разсчета, никакого разсужденія съ моей стороны. Но если я полюбила кого-нибудь, то буду любить наперекоръ всему міру. Мы въ аду теперь, отецъ, въ аду...

Она вскочила. Ея пристальный, словно остановившійся взглядъ испугалъ его, и онъ невольно поднялъ руку, точно собираясь защитить ее отъ невидимаго врага, но рука его снова безпомощно опустилась. Выраженіе ея подвижного личика опять измѣнилось.

— Надо выбраться оттуда, отецъ, непремѣнно надо, но не такъ, какъ ты думаешъ,—проговорила она.—Надо и его вырвать оттуда, иначе это будетъ низко. Еслибъ я могла... Еслибъ я могла только доказать, что его невинно осудили!

Съ блестящими глазами, высоко поднятою головою и пылающими щеками Іозефина остановилась передъ отцомъ. Она точно преобразилась, стала совсѣмъ другою женщиной. Это была одна изъ тѣхъ минутъ, когда то, что таится въ глубинѣ души человѣка, внезапно прорывается наружу, и его собственная личность выказывается въ совершенно иномъ, совершенно новомъ свѣтѣ. Отецъ изумленно смотрѣлъ на свою дочь и молчалъ, не зная, что сказать. Дочь взяла верхъ надъ нимъ, надъ всѣми его взглядами, которые онъ считалъ непоколебимыми, надъ его симпатіями и антипатіями. Онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и заговорилъ мягкимъ, печальнымъ тономъ!

— Невиненъ? Іози, ты бредишь! Вѣдь онъ же сознался. Всѣ доказательства его вины на лицо. Отъ этой надежды надо отказаться.

Іозефина отвѣтила не сразу. Воодушевленіе, охватившее ее, исчезло, но губы у нея дрожали отъ негодованія.

— Да кто же на свѣтѣ можетъ назвать себя совершенно невиннымъ! Кто?—вскричала она.—Какой человѣкъ и какой мужъ? Можно ли было бы оставить на свободѣ кого-нибудь, еслибъ знать, всю его жизнь, во всѣхъ подробностяхъ?

— Замолчи! Ты уже говорила это Но я запрещаю тебѣ произносить такія слова въ моемъ присутствіи.

Платтнеръ всталъ, и краска гнѣва покрыла его щеки. Съ заложенными на спинѣ руками онъ началъ быстро ходить по комнатѣ, взадъ и впередъ, мучимый безконечнымъ чувствомъ состраданія къ своей упрямой, своенравной дочери, которая и въ горѣ выказывала такую самостоятельность, такую непокорность.

— Я такъ далеко зашла, что для меня теперь все кончено,—проговорила Іози, не глядя на отца —Уваженіе людей? Вѣра въ людей? Все это пустяки. Сегодня одно, завтра другое, и всѣ люди такіе ничтожные! Несчастныя, безумныя творенія, всѣ мы!

— Ты противорѣчишь себѣ на каждомъ словѣ и сама не замѣчаешь этого,—сказалъ сердито Платтнеръ.

— Противорѣчу?.. Что-жъ, пожалуй! Кругомъ меня только одни противорѣчія... У меня не осталось ни вѣры, ни надежды и только эта... эта крупица любви. Это вѣдь такъ естественно, человѣчно...

Она вдругъ зарыдала. Маленькій трехлѣтній Ули, вошедшій, раскачиваясь, въ комнату, увидалъ это, и его личико исказилось; онъ готовъ былъ также заревѣть, но дѣдушка прижалъ его къ себѣ и, поймавъ руку Іози, сказалъ:

— Хорошо, хорошо, я болѣе ничего не буду говорить. Пусть будетъ у насъ миръ то малое время, которое я здѣсь пробуду...

Онъ остановился и, окинувъ взоромъ комнату, вскричалъ:

— Но, Іози, зачѣмъ ты, по крайней мѣрѣ, не убрала портретъ? Вѣдь это ужасно, если кто-нибудь...

Онъ оборвалъ рѣчь и посадилъ Ули къ себѣ на колѣни. Несчастный Георгъ! Какъ онъ ненавидѣлъ этого человѣка!

Три дня пробылъ Платтнеръ у своей дочери, и всѣ эти три дня онъ постоянно сталкивался съ призракомъ прежняго хозяина этого дома Онъ никуда не могъ уйти отъ него, и все напоминало ему о немъ; въ столовой большой портретъ Іозефины и Георга, съ маленькимъ, годовалымъ Германомъ на колѣняхъ, портилъ ему аппетитъ и часто заставлялъ его останавливаться на полусловѣ, если случайно взоръ его встрѣчался съ этимъ портретомъ. Въ передней ему непріятно рѣзали глаза фарфоровыя дощечки на дверяхъ съ надписью: «Пріемная. Отъ 7 до 9 и отъ 3 до 5 часовъ». Въ гостиной его раздражала картина, изображающая Георга и его сестру Лицилу. Она въ бѣломъ платьѣ и вуали, какъ для конфирмаціи, а онъ, тогда еще подростокъ, съ длинными свѣтлыми волосами, въ коричневой бархатной курткѣ, съ томными глазами и толстою нижнею губой, какъ у взрослаго. «Уже и тогда онъ ни на что не былъ годенъ, нахальный, чувственный болванъ! —думалъ съ раздраженіемъ Платтнеръ и даже украдкою сжималъ кулаки.—И онъ получилъ мою Іози, мое лучшее, мое славное дитятко! Гдѣ были у тебя глаза, старый оселъ? Всѣ мы были слѣпы тогда!»

Въ спальнѣ, въ которой прежде обиталъ докторъ Георгъ Гейеръ, находился его потретъ, въ группѣ съ другими корпораціонными студентами. Среди остальныхъ болѣе, или менѣе незначительныхъ физіономій, его лицо бросалось въ глаза. Это было красивое лицо, за исключеніемъ рта, но ротъ скрывала борода. «О, чтобы чортъ побралъ его!» думалъ старый Платтнеръ и, чтобы лучше спать, снялъ фотографію со стѣны, а то она не давала ему покоя.

Впрочемъ, онъ спалъ все-таки плохо. Его мучила мысль, отчего онъ не можетъ взять съ собою свое бѣдное, мужественное дитя, унести его на рукахъ, вмѣстѣ съ ея малютками, туда, подальше, на свѣжій воздухъ? Онъ бы хотѣлъ приказать ей: «Не думай о немъ больше! забудь его лицо, его голосъ, свою восьмилѣтнюю совмѣстную жизнь! забудь прошлое счастье и долгій позоръ! Пусть все будетъ такъ, какъ будто ничего не было!» Въ ея отсутствіи старику казалось такъ легко сказать это. Она представлялась ему такой юной, безпомощной, такъ безконечно нуждающейся въ поддержкѣ! Но когда онъ видѣлъ ее передъ собою, съ выраженіемъ твердой рѣшимости на серьезномъ лицѣ, онъ чувствовалъ, что не можетъ сказать ей ни слова и съ горечью думалъ: «Никогда мы не поймемъ другъ друга. Проклятый негодяй стоитъ между нами!»

И Платтнеръ проклиналъ и ненавидѣлъ его все больше, съ каждымъ днемъ, а дочь чувствовала это, и ея дорогой отецъ казался ей окруженнымъ какою-то враждебною атмосферою, которая отдаляла ее. Она слышала проклятія, хотя они и не были выговорены имъ, и горе и раздраженіе боролись въ ея душѣ.

Ночью Платтнеръ лежалъ и думалъ: «Она говоритъ, что этотъ негодяй такой же, какъ другіе! Что она хочетъ сказать этимъ? Неужели, ко всему прочему онъ еще добавилъ и это, уничтожилъ у нея нравственное чувство? Неужели и она испорчена?»

Но когда онъ видѣлъ Іози, то чувствовалъ облегченіе: «Нѣтъ, она невиновна; она даже не понимаетъ, что онъ сдѣлалъ!» думалъ старикъ.

Прощаніе было необыкновенно печально. Оставляя домъ, Платтнеръ снова увидѣлъ на стеклянной двери мѣдную дощечку, блестѣвшую на солнцѣ, и надпись: «Докторъ Георгъ Гейеръ, практикующій врачъ». Іози стояла возлѣ отца, вся въ черномъ, блѣдная и исхудалая, съ выраженіемъ тревоги въ глазахъ. Она такъ боялась, чтобы не произошло у нея столкновенія съ отцомъ

— Прощай, дѣдушка, прощай!—кричали старшіе дѣти. Трехлѣтняго Ули и годовалую Нину дѣдушка увозилъ съ собой. Ихъ отправили на вокзалъ раньше съ горничной, которая должна была сопровождать ихъ и заботиться о нихъ дорогой.

Платтнеръ, весь красный отъ гнѣва, указалъ дочери на свѣтлѣвшую на солнцѣ мѣдную дощечку съ именемъ ея мужа и спросилъ: —что-жъ, это тутъ остается?

— Да,—отвѣчала Іози вызывающимъ тономъ.

— Да вѣдь это неправда! Онъ живетъ теперь совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, воскликнулъ Платтнеръ. но взоръ его нечаянно упалъ на дѣтей, и онъ умолкъ. Ему стало страшно. Здѣсь, на порогѣ разставанья, онъ чуть-чуть не поссорился съ ней и не наговорилъ ей жесткихъ словъ.

Но Іозефина также спохватилась.

— Нѣтъ, отецъ, ты такъ не уйдешь, — сказала она.—Мы тебя проводимъ. Принесите свои шляпы, дѣти.

Платнеръ молча и сумрачно смотрѣлъ на нее, когда она стояла, готовая идти вмѣстѣ съ нимъ. У нея вдругъ мелькнуло подозрѣніе.

— Я не ношу вуаля, отецъ. Можетъ быть, мнѣ бы нужно повязать его? Ты не стѣсняешся идти со мною такъ, открыто, по улицамъ?

— Пойдемъ, пойдемъ,—проговорилъ Платтнеръ усталымъ голосомъ.

— Но на тебя всѣ уставятся, отецъ; всѣ захотятъ посмотрѣть на тебя. Мнѣ хорошо знакомо это жестокое любопытство,—прибавила она рѣзко.

Не отвѣчая, Платтнеръ взялъ за руку маленькую Рёсли и пошелъ впередъ.

Въ глазахъ Іози сверкнули искры, и она уже собиралась снять шляпу.

— Идемъ, идемъ, мама. Поѣздъ сейчасъ отойдетъ! кричалъ Германъ.

Они вышли на улицу. Дорогой отецъ и дочь обмѣнялись между собой лишь безразличными замѣчаніями, и сумрачное выраженіе не исчезало съ ея лица. Только когда они вошли на платформу и очутились въ толпѣ, Іозефина прижалась къ отцу.

— Вѣдь это все однѣ глупости! воскликнула она и прибавила торопливо.—Я тебѣ еще ничего не говорила о своихъ планахъ. Но, разумѣется, они у меня есть. Съ этими глупостями, печалью и т. п. только теряешь время и силы. Однако ты сейчасъ долженъ уѣхать. Какъ жаль! У меня есть планъ, громадный, широкій. Когда я увижу, что дѣло налаживается, то напишу тебѣ. Ты поможешь мнѣ, не правда ли? Ахъ, теперь уже нѣтъ времени, а между тѣмъ всѣ эти три дня... О, ужъ надо садиться! Я едва успѣю поцѣловать дѣтей!

Но Платтнеръ изъ окна крикнулъ все-таки своей дочери:

— Дверная дощечка вовсе не нужна; только вводитъ въ заблужденіе...

Онъ видѣлъ, какъ она упрямо мотнула головой въ отвѣтъ.

Скоро густыя, сѣрыя облака пара заслонили стоящихъ на платформѣ людей и нельзя было уже различить платковъ, которыми махали провожающіе...

Іозефина плакала, возвращаясь съ вокзала. Опечаленныя дѣти молча шли рядомъ съ нею. Вдругъ она сказала:

— Дѣти, нашъ милый, милый дѣдушка уѣхалъ! Но мы тысячу разъ должны благодарить его за то, что онъ къ намъ пріѣзжалъ.

— Тысячу разъ!—невольно повторили дѣти.

И все послѣобѣда, расхаживая по опустѣлымъ комнатамъ и занимаясь разными хозяйственными дѣлами безъ посторонней помощи, Іози, не уставая, твердила дѣтямъ о «дорогомъ дѣдушкѣ, которому они должны быть такъ благодарны».

— Но онъ ничего не привезъ намъ,—сказалъ Германъ, прищуриваясь.

— Ну, а Ули и Нина?—спросила робкимъ голосомъ Рёсли.—Развѣ же они не будутъ больше жить съ нами?

— Нѣтъ, а мнѣ все-таки хотѣлось бы знать, въ какомъ госпиталѣ находится папа,—шепнулъ мальчуганъ своей сестренкѣ.—Навѣрное мама его не любитъ, иначе она бы его навѣстила. Вотъ погоди: я пойду какъ-нибудь и начну спрашивать въ каждомъ домѣ: не тутъ ли мой папа?

— И я пойду съ тобой,—сказала Рёсли тихо.

— Нѣтъ, тебѣ нельзя! Это могутъ только мужчины. Знаешь ли, Рёсли, я думаю, что папа давно умеръ, только мама не хочетъ этого говорить. Онъ ушелъ какъ-то утромъ, когда мы всѣ еще спали и больше не вернулся. Навѣрное его убили. Надо отыскать его могилу. Я положу на нее вѣнокъ изъ иммортелей. Это цвѣтокъ для мертвыхъ.

— И бѣлыя розы также вѣдь для мертвецовъ,—замѣтила Рёсли, прижимаясь къ брату.

— Нѣтъ. Ты слишкомъ мала. Ты еще глупый гусенокъ. Папа убитъ, говорю тебѣ.

И Германъ посмотрѣлъ на нее мрачнымъ взоромъ. Рёсли стало страшно.

— Ты это лжешь,—вскричала она, возмущенная.—Я скажу объ этомъ мамѣ.

— Ахъ ты, глупенькая! Отчего же мама всегда одѣта въ черное? Вѣдь черное означаетъ трауръ. Видишь сама!

Рёсли пришла въ сильное волненіе.

— Что-жъ у насъ будетъ теперь новый папа?—спросила она дрожащимъ голосомъ.

— Ого, она уже заговорила о новомъ папѣ? Такъ, милая, не говорятъ—говорятъ: отчимъ! То-то онъ будетъ тебя бить!

Мальчуганъ злобно расхохотался, потомъ вдругъ умолкъ.

Дѣти испуганно переглянулись.

— Что съ вами? Чего вы шепчетесь?—спросила мать.—Говорите громко.

— Мы разговариваемъ кой о чемъ, мама,—сказала Рёсли.

— Мы разговариваемъ о Рождествѣ, мама!—воскликнулъ Германъ и при этомъ прищелкнулъ пальцами. Онъ дерзко расхохотался въ лицо своей сестренкѣ.

— О Рождествѣ? Уже теперь?—Іози вздохнула съ облегченіемъ.—Ну, что-жъ, это хорошо, разговаривайте о Рождествѣ, только не забывайте о дѣдушкѣ.

Дѣти молча кивнули головой и снова прижались другъ къ другу, продолжая фантазировать на тему, которая больше всего занимала ихъ маленькія головки.

Іозефина не ожидала, что сестры пріѣдутъ къ ней, но однажды, въ сумерки, онѣ явились, шурша шелковыми юбками, молодыя, красивыя, элегантныя, распространяя запахъ тонкихъ духовъ въ комнатѣ. Онѣ сидѣли въ шляпахъ и вуаляхъ, когда Іозефина вышла къ нимъ изъ дѣтской. Сердце у нея билось такъ сильно, что она не могла говорить и только машинально переставила изъ одного угла комнаты въ другой зонтики, которые взяла у нихъ изъ рукъ.

Хорошенькія женщины сидѣли противъ нея, какъ воплощеніе нечистой совѣсти и молча перебирали свои носовые платки.

Дверь на балконъ была чуть пріотворена, такъ какъ дождь лилъ ливмя. Шумъ падающихъ капель и листвы раскачиваемыхъ вѣтромъ деревьевъ смѣшивался со скрипомъ и звономъ проходящихъ по улицѣ трамваевъ. Посѣтительницы поочереди вздыхали и сморкались.

Старшая, Адель, стройная и высокая, съ болтающимся на шнуркѣ лорнетомъ взглянула испытующе на Іозефину.

— Такъ ты носишь черное! Да, да!—замѣтила она участливо.

— Вы вѣдь напьетесь со мною чаю?—спросила Іозефина, вставая, но вторая, Марія, удержала ее.

— Мы не затѣмъ сюда пришли,—сказала она, и ея маленькое заплаканное личико, окруженное взбитыми бѣлокурыми волосами, искривилось.—Правда ли, Физи, что ты не хочешь разводиться?

— Да, это правда,—отвѣчала Іозефина, смотря въ сторону.

— Но... mon Dieu! mon Dieu! Что же скажутъ они?

Адель сняла перчатки и заломила руки.

— Кто это они?—спросила разсѣянно Іозефина.

— Люди, Физи, люди!

— Да, но меня это не заботитъ,—отвѣчала Іозефина, и лицо ея сдѣлалось мрачнымъ.

— Они говорятъ, что у тебя недостаетъ нравственныхъ понятій!—вскричала Марія.

— У меня есть свои собственныя понятія, Міа.

— Но этого тебѣ никто не прощаетъ, Іозефина!

— Даже и вы не прощаете?—спросила Іозефина какимъ-то странно веселымъ тономъ.

— Мы—другое дѣло,—возразила Адель и даже гордо выпрямилась при этомъ.—Мы твои сестры. Мы тебя знаемъ.

— Развѣ я ваша сестра? Развѣ вы меня знаете? — сказала Іозефина, заикаясь. На лицѣ у нея появилась горькая усмѣшка и въ сердцѣ она почувствовала уколъ.

— Мой мужъ...—начала Мари.

— Мой Леонъ...—прибавила Адель.

— Ну да, вы счастливицы,—прошептала Іозефина.

— Но вѣдь это не наша вина!—вскричали онѣ обѣ.

— Нѣтъ, это ваша заслуга,—замѣтила Іозефина съ горечью.

Посѣтительницы сердито переглянулись.

— Мы раньше знали, какъ ты насъ примешь, — замѣтила Адель обиженнымъ тономъ.—Но мы все-таки пришли, во имя Господа.

— Бѣдная Физи! Ты, разумѣется, должна быть очень ожесточена,—прибавила Марія, всхлипывая и обмахивая свои покраснѣвшіе глаза платкомъ.—Но мы, т.-е. наши мужья и мы—относимся къ тебѣ хорошо.

Іозефина посмотрѣла на говорившую долгимъ, мрачнымъ взглядомъ; затѣмъ она перевела глаза на полъ и уставилась въ него какимъ-то безжизненнымъ взоромъ.

— Зачѣмъ вы пришли?—проговорила она тихо.

— Если бы ты не приняла это дурно...

Марія кокетливо склонила головку на бокъ, а Адель снова выпрямилась и заговорила:

— Самое лучшее, милая Іозефина, чтобы ты уѣхала изъ Цюриха, изъ этого мѣста... Ну, вѣдь мы всѣ отлично понимаемъ, какъ тяжело тебѣ здѣсь оставаться! Лучше всего было бы тебѣ поѣхать къ отцу, но въ его положеніи директора сельско-хозяйственной школы.., само собою разумѣется... нѣтъ, лучше всего было бы, если бы ты поселилась гдѣ-нибудь въ деревнѣ. Ради дѣтей это нужно. Тамъ они были бы на чистомъ воздухѣ. Вѣдь воздухъ гораздо чище въ деревнѣ, нежели въ городѣ...

— Да, Физи, въ немъ нѣтъ никакихъ зародышей болѣзней. А вѣдь это что-нибудь да значитъ!—вмѣшалась Мари.

— Совершенно вѣрно,—согласилась Адель.—Ну, а потомъ, когда ты, наконецъ, рѣшишься на разводъ,—подожди, дай сказать!—Леонъ и отецъ, а быть можетъ и Альбертъ, если его дѣла къ тому времени расширятся, будутъ ежегодно выдавать тебѣ по тысячѣ франковъ для того, чтобы ты могла воспитать своихъ дѣтей и сама спокойно прожить. Вѣдь въ деревнѣ, гдѣ все дешевле, квартира и проч., ты можешь хорошо прожить на три тысячи франковъ. Но Леонъ говоритъ, что онъ готовъ прибавить еще 500 фр., если ты согласишься, такъ какъ это, знаешь ли, его идея и отецъ еще ничего объ этомъ не знаетъ...

— Отецъ былъ здѣсь,—перебила ее Іозефина.

— Здѣсь? У тебя, а не у насъ? Какъ долго онъ пробылъ?

— Три дня.

— Три дня? — Сестры переглянулись. — И къ намъ онъ даже не зашелъ? Ну, значитъ, въ хорошемъ онъ былъ настроеніи!

Онѣ замолчали. Марія вздыхала и качала головой. Наконецъ, Адель спросила:

— Ну, Физи, что же ты скажешь о предложеніи Леона?

Іозефина по-прежнему сидѣла съ потупленнымъ взоромъ и вертѣла въ рукахъ поблекшую розу, выпавшую на столъ изъ букета, стоящаго въ вазѣ.

— Я понимаю,—заговорила она съ усиліемъ,—что вамъ и вашимъ мужьямъ непріятно, что я тутъ остаюсь. Я благодарю васъ за ваши заботы, ради дѣтей. Двое младшихъ уже находятся у отца и мнѣ пока надо заботиться только о двоихъ.

Сестры слушали ее, затаивъ дыханіе.

— Мы ничего этого не знали, — сказала Адель удивленно, — мы всегда послѣднія узнаемъ обо всемъ. Впрочемъ, это ничуть не мѣняетъ плана Леона. Онъ очень стоитъ за него и даже выбралъ мѣсто, гдѣ бы ты могла поселиться: въ Шелонѣ, въ Маркотѣ, на берегу чуднаго Луганскаго озера, мы бы и сами охотно поселились тамъ, правда, Міа?

Адель приняла шутливый, веселый тонъ и продолжала:

— Такъ какъ же, Физи? Леонъ, — онъ и самъ не знаетъ какъ!— получилъ въ Маркотѣ прелестный домикъ. Этотъ домикъ принадлежитъ одному изъ его разорившихся товарищей по дѣламъ, говоритъ онъ. Сверху до низу домикъ обвитъ вѣчно зелеными вьющимися розовыми кустами. Маленькія, желтенькія розы на этихъ кустахъ, вѣдь ты знаешь, удивительно рано начинаютъ цвѣсти. И садикъ есть при домѣ, съ кустами камелій на открытомъ воздухѣ. Все безупречно. И этотъ домикъ Леонъ предоставляетъ тебѣ съ дѣтьми, даромъ. Ты можешь жить въ немъ. Дядя Биррли, услышавъ объ этомъ вскричалъ даже: «Чортъ возьми! Я бы и самъ туда уѣхалъ!» Единственно то, что домикъ лежитъ совсѣмъ уединенно. Какъ бы вдали отъ міра. Но вѣдь это для тебя лучше, Физи? Вѣдь тебѣ надо забыться, бѣдняжка! А тамъ непремѣнно придетъ забвеніе. Розы, дѣти, камеліи...

Іозефина молчала, но дышала тяжело и все быстрѣе вертѣла совершенно ощипанную розу въ рукахъ.

Марія вмѣшалась:

— Одиночество хорошо, но я бы все-таки боялась оставаться одна. Я сейчасъ же сказала: Физи должна имѣть большую собаку. Эту собаку я подарю тебѣ, милая Физи; безъ собаки я ни за что не пущу тебя въ такое уединенное жилище. Ты знаешь, въ Рапперсвилѣ я видѣла прелестныхъ щенковъ, настоящіе сенъ-бернарды. Я тоже беру себѣ одного; Альбертъ вѣдь такъ часто уѣзжаетъ!... Они прелестнаго коричневаго цвѣта съ бѣлыми пятнами, вотъ такой великанъ,—она показала рукой.—Отецъ и мать два раза получали премію.

Марія говорила съ живостью и схватила холодную руку Іозефины. Въ первый разъ, съ той минуты какъ она вошла въ домъ сестры, она заговорила непринужденнымъ, оживленнымъ тономъ и прежняя натянутость исчезла.

Іозефина помотрѣла на нее и со странною усмѣшкой спросила:

— Ну, а еще что?

Сестры смутились; онѣ ничего не понимали.

— Ты, можетъ быть, не хочешь ѣхать на Луганское озеро? — испуганно спросила Марія.

Іозефина рѣзко расхохоталась въ отвѣтъ и, бросивъ розу, вскочила со стула, на которомъ сидѣла у стола.

— Отчего же не въ Африку? Не на острова Тихаго океана?—вскричала она. Вѣдь это было бы еще дальше. Тамъ, снабженная деньгами моего великодушнаго зятя, я бы жила въ обществѣ ручныхъ пантеръ! Что же мнѣ дѣлать, какъ не смѣяться? Какъ будто я ребенокъ! Ребенокъ? Нѣтъ, просто ничтожество, нуль! Ну-ка, Міа, разскажи мнѣ еще разъ, какого пса ты мнѣ подаришь! Покажи, какой онъ величины. А ты, Адель, что дашь ты мнѣ для моей защиты? Можетъ быть, динамитный патронъ! Вѣдь Альбертъ торгуетъ динамитомъ. Ахъ!

Смѣхъ ея сталъ еще громче, еще болѣе злобнымъ.,

— Ахъ, какъ вы добры, какъ вы удивительно добры,—продолжала она съ жаромъ.—Точь-въ-точь, какъ двѣ свѣтскія дамы, посѣщающія какого-нибудь бѣдняка! Великодушны до того, что можете довести до отчаянія, и добры такъ, что можно сойти съума! Но вотъ, видите ли,—она близко подошла къ сестрамъ и въ упоръ посмотрѣла на нихъ своими широко раскрытыми страдающими глазами,—это не подходитъ!

Сенъ-бернардскій песъ ѣстъ слишкомъ много, розы слишкомъ бываютъ красивы, а Луганское озеро слишкомъ голубое. Ха, ха, я вѣдь знаю, какое оно! Все это для такихъ людей, какъ вы, а не для меня! Отчего ты дѣлаешь глупое лицо, Міа? Жить на подачки въ моемъ положеніи и поступать такъ, какъ будто мнѣ все ни по чемъ! О дѣти, дѣти!..

Марія съежилась и простонала: «Ой, я боюсь... Мнѣ дурно. Дай мнѣ воды. Я не привыкла къ такому волненію.

Іози вышла изъ комнаты.

— Что у нея на умѣ?—шепнула сестрѣ Марія.

— Богу одному извѣстно. Вѣроятно, что-нибудь нелѣпое! Вѣдь ты ее знаешь. Ахъ, я боюсь, что такъ скоро мы не придемъ сюда во второй разъ.

Марія заплакала.

— Она невмѣняема. Какъ это дѣйствуетъ на нервы! какое положеніе! И какое упрямство!

Она оглянулась и прибавила:

— Какъ здѣсь пустынно! Ужасно! Уже по комнатамъ видно...

— Къ счастью, у Іозефины желѣзные нервы. Должно быть, и отецъ не очень довольный уѣхалъ отъ нея,—замѣтила Адель.

Въ эту минуту вошла Іозефина и принесла малиноваго лимонада.

— Будемъ говорить тише,—попросила она сестеръ.—Дѣти легко просыпаются. Они стали такіе безпокойные.

Свѣтъ лампы, нѣсколько смягченный нѣжно-голубымъ абажуромъ, отъ котораго лица казались еще блѣднѣе, падалъ на трехъ сестеръ, столь непохожихъ другъ на друга. Онѣ выпили по стакану лимонада и осматривали теперь Іозефину, какъ совсѣмъ чужіе люди. Между тѣмъ, она заговорила, торопливо и съ жаромъ, какъ всегда, когда ее покидала ея обычная сдержанность:

— Что я хочу дѣлать? О, очень много! Во-первыхъ, сюда ко мнѣ пріѣдетъ Лаура Анаиза изъ Кура. Отецъ мнѣ сегодня телеграфировалъ.

— Ахъ, это внучка старой Нины?—спросила изумленно Марія.

— Да. Ей уже восемнадцать лѣтъ, но она такъ мила и наивна. Мнѣ такъ хочется ее увидѣть поскорѣе!

— Удивительно!—замѣтила Адель.

— Лаура Анаиза—это настоящій полевой цвѣтокъ, — продолжала Іозефина.—И дѣти будутъ рады! Затѣмъ, такъ какъ это помѣщеніе слишкомъ велико для меня и слишкомъ дорого, то я сдамъ внаймы двѣ комнаты и мезонинъ.

— Нѣтъ, Физи, нѣтъ! Это совсѣмъ не нужно!—простонала Марія.

— Не нужно? Я знаю, что нужно. Многое нужно, все! Но главное впереди. Я буду изучать медицину и возьму на себя практику моего мужа.

Адель звонко разсмѣялась.

— Ты надъ нами насмѣхаешься! Это нехорошо, Физи; вѣдь мы пришли къ тебѣ съ самыми лучшими намѣреніями.

— И я съ вами говорю вполнѣ искренно. Съ той минуты, какъ я пришла къ этому рѣшенію, я снова сдѣлалась человѣкомъ. Я опять живу, а то вѣдь я не жила это время!

Марія ласково погладила Іози по щекѣ.

— Бѣдняжечка Іози, ты такъ испугала меня!—сказала она.

Іозефина поймала руку сестры и сжала ее въ своей лихорадочно-горячей рукѣ.

— Бѣдныя мои, простите!—проговорила она.—Но я должна здѣсь остаться. Гдѣ же я могу такъ удобно устроиться, чтобы учиться, какъ не здѣсь? Гдѣ я найду пансіонеровъ! Я научусь скоро; вѣдь я такъ часто помогала ему при операціяхъ!

Адель сидѣла точно замороженная и даже не играла съ пенснэ, что она всегда дѣлала по привычкѣ.

— Да, но захотятъ ли Леонъ и Альбертъ дать деньги для такого эксперимента...

Марія только вздохнула.

— Пожалуй, они и не захотятъ, — сказала Іози, помолчавъ.—Но вѣдь я и не разсчитывала на вашу помощь, дѣти. Мы вѣдь другъ друга хорошо знаемъ. Ваши пути не мои, и вы думаете не такъ, какъ я. Что дѣлать!

Марія украдкой посмотрѣла на Іозефину и ее поразило ее осунувшееся лицо и впалые глаза, въ которыхъ словно застыло выраженіе испуга. Глубокое сестринское чувство участія поднялось въ ея душѣ.

— Мнѣ такъ безконечно грустно,—сказала она.—Ты хочешь нести всю эту тяжесть одна, на своихъ плечахъ, бѣдняжечка! Но знаешь ли ты, въ чемъ ты нуждаешься больше всего теперь? Въ спокойствіи и отдыхѣ, больше ни въ чемъ! Когда я смотрю на тебя... право же никто не подумаетъ, что ты моложе всѣхъ насъ!

— Экая бѣда!—разсмѣялась Іозефина.—Я выгляжу ужасно. А это отъ того, что я все сижу, жду... Отъ этого можно съ ума сойти. Такъ дольше нельзя жить. Я должна что-нибудь дѣлать, должна имѣть какую-нибудь профессію, иначе я погибну. Только не думать! Отъ думъ сходишь съ ума! Надо работать, дѣйствовать. Все равно какъ!

Сестры скоро утихли. О помощи деньгами больше не было сказано ни слова.

— Подумай хорошенько, Физи,—сказали онѣ ей на прощаніе.

— Поправляйся! Набери силъ!—говорила ей Марія, цѣлуя ее.

Но когда онѣ ушли, Іозефина разразилась рыданіями, которыя разбудили дѣтей.

— Слышишь? — сказалъ Германли сестрѣ. — Мама опять плачетъ. Теперь ты видишь, что папа умеръ?

Отвѣтъ отца гласилъ слѣдующее:

«Мое дорогое дитя Іозефина!

«Ты изъ такихъ людей, которые всегда сами хотятъ выпутываться изъ затрудненій и которымъ помощь другихъ не приноситъ пользы. Я не одобряю твоего рѣшенія, не одобряю его прежде всего оттого, что ты откладываешь разводъ. Я-все таки стою на своемъ, что разводъ только откладывается, и, самое позднее, черезъ пять лѣтъ, когда минуетъ извѣстный, страшный срокъ, ты сама убѣдишься въ необходимости этого. Мнѣ только жаль, что онъ, вообще, выйдетъ когда-нибудь на свободу. Этого бы не должно быть. Не вѣрю я также, что ты дѣйствительно считаешь возможнымъ свое дальнѣйшее сожительство съ нимъ. Я не могу этому вѣрить. Я убѣжденъ, что для тебя это было бы большимъ несчастьемъ. Пораздумай объ этомъ, дитя.

«Я написалъ тебѣ напрямикъ, что не одобряю твоего рѣшенія учиться, но это слишкомъ рѣзко сказано. Я хочу только сказать, что этотъ вопросъ для меня новъ и чуждъ. Во всякомъ случаѣ, я готовъ тебѣ оказать поддержку и помогать тебѣ деньгами, сколько въ силахъ. Это само собою разумѣется.

«Пансіонеры ничему не повредятъ, только не утомляй себя черезчуръ. Нину и Ули я бы все-таки желалъ оставить у себя на послѣдующіе годы. Старуха совершенно ими очарована. Лаура Анаиза пріѣзжаетъ къ тебѣ завтра.

«Но это все-таки хорошо, что ты ищешь спасенія въ работѣ. Будь здорова.

«Твой отецъ».

Іозефина нѣсколько разъ поцѣловала письмо отца. Ей хотѣлось бы броситься передъ нимъ на колѣни, благодарить его за то, что онъ облегчилъ ея душу. Она только крикнула дѣтямъ: «Отъ милаго дѣдушки получено письмо, дѣти, смотрите, не забывайте его».

Она написала нѣсколько писемъ, объявленій о сдачѣ комнатъ внаймы и сама отнесла ихъ въ редакцію газеты и къ университетскому педелю, для того, чтобы онъ повѣсилъ ихъ на черной доскѣ. Она справилась также о томъ, когда можно говорить съ ректоромъ, и на обратномъ пути купила вишенъ дѣтямъ, которыхъ она взяла съ собой.

— Мамочка, не можемъ ли мы теперь пойти навѣстить папу? Ты сегодня такая веселая,—спросилъ Германъ, прыгая отъ радости.

Іозефина взяла за руки обоихъ дѣтей и сказала имъ серьезно:

— Германли и Рёсли, папа уѣхалъ въ большое путешествіе, далеко...

— Въ Африку?—вскричалъ мальчуганъ съ изумленіемъ.

— Да, да, въ Африку. Посѣщать его мы, значитъ, не можемъ.

— Развѣ онъ уже выздоровѣлъ?—Мальчикъ былъ совершенно пораженъ.

— Да, выздоровѣлъ.

— Но отчего же онъ не попрощался съ нами, не поцѣловалъ насъ даже, уѣзжая?

— Было очень поздно. Вы уже спали. Онъ вошелъ къ вамъ въ комнату, посмотрѣлъ на васъ, поцѣловалъ васъ спящихъ и уѣхалъ.

— Въ Африку?

— Да, въ Африку.

— Ну а мы, развѣ намъ это не грустно, мама?—спросила Рёсли жалобнымъ голоскомъ.

Они сидѣли на скамейкѣ, на маленькомъ бульварѣ и уничтожали вишни. Іозефина притянула обѣихъ малютокъ къ себѣ и сказала, стараясь удержать слезы:

— Да, намъ грустно, но мы не должны объ этомъ думать. Мы должны думать только о томъ, какъ бы намъ сдѣлаться хорошими, умными людьми.

— Для того, чтобы обрадовать папу, когда онъ вернется,—замѣтилъ Германъ съ разсудительнымъ видомъ.

— Да. Помнишь, какъ онъ обрадовался, когда ты принесъ домой свое первое свидѣтельство?

— Значитъ, мы должны попрежнему любить папу?—спросила задумчиво Рёсли.

— Ну конечно! Любите его, дѣтки, не забывайте вашего бѣднаго папу, но не говорите о немъ. Мамѣ это непріятно.

— Развѣ ему не хорошо въ Африкѣ?—прошептала Рёсли.

— О нѣтъ, ему тамъ не хорошо. И онъ тоскуетъ о васъ и думаетъ о васъ, моя дѣвчоночка.

— И я тоскую и хотѣла бы его видѣть,—сказала дѣвочка, торжественно складывая свои маленькія ручки.—Мама, дай-ка мнѣ еще вишенъ.

— Да, но почему же папѣ не хорошо въ Африкѣ? Развѣ тамъ слишкомъ жарко?—приставалъ Германъ.

— Да, слишкомъ. Но послушайте, дѣтки, что я вамъ скажу. Мы будемъ папу любить, будемъ думать о немъ, но только про себя, въ нашемъ сердцѣ,—Іозефина прикоснулась къ груди Германа и Рёсли,— но говорить о немъ мы больше не будемъ, ни вслухъ, ни шопотомъ, ни съ мамой, ни съ другими людьми. Слышите ли вы? Мамѣ это непріятно.

— Ну, а если меня въ школѣ спросятъ, что мой папа дѣлаетъ въ Африкѣ?—возразилъ неожиданно Германнъ.

Іозефина отъ испуга не нашлась, что отвѣтить ему, и только сказала:

— Вѣдь ты не можешь говорить о томъ, чего не знаешь.

— Но развѣ папа не пишетъ писемъ?

— Я не знаю. Если верблюды найдутъ дорогу черезъ великую пустыню...

Дѣти широко раскрыли глаза.—Развѣ папа ѣдетъ на верблюдѣ, мама?—спросилъ Германнъ, цѣпляясь за мать.

— Да, на верблюдѣ,—машинально отвѣчала мать.

Но мальчикъ началъ трясти ее за руку.

— Мама, разскажи намъ про великую песчаную пустыню, про верблюдовъ.

— Я тамъ не была, голубчикъ, и потому не знаю ничего. Но послушайте, что я вамъ разскажу. Ваша мама была когда-то маленькая, совсѣмъ маленькая, какъ Нина.

— Ты?—переспросила Рёсли, смѣясь.—Ну, я этому не вѣрю.

— А я вѣрю, вѣрю!—вскричалъ Германнъ.—Говори дальше, мама.

— Ну вотъ, маленькая Іозефина, ваша мама, была голодна и хотѣла пить. Но у нея не было доброй мамы...

— Отчего же у нея не было?—испуганно спросили дѣти, придвигаясь къ матери.

— Оттого, что она умерла и покинула свою маленькую Іозефину.

— Ахъ!.. Ну, а что же дѣлала маленькая Іозефина?

— Она плакала цѣлый день, потому что ей хотѣлось ѣсть и пить. Но когда ей кто-нибудь подносилъ къ ротику молоко, то она начинала вертѣть головой во всѣ стороны и кричать еще сильнѣе. И люди приходили и говорили: маленькая Іозефина умретъ, потому что она ничего не пьетъ!

— О!—Рёсли еще ближе придвинулась къ матери.—Ну а мы, гдѣ мы тогда были, мама?

— Пожалуй было бы лучше, еслибъ маленькая Іозефина тогда умерла, потому что ей пришлось много плакать потомъ,—сказала Іози, охваченная внезапною слабостью.

Германнъ погладилъ ея рукавъ:

— Мамочка, разскажи что-нибудь повеселѣе, пожалуйста.

— Да, да, теперь пойдетъ веселѣе. Вотъ пріѣзжаетъ изъ деревни загорѣлая крестьянка, въ пестрой, яркой юбкѣ, въ яркомъ шелковомъ платкѣ на плечахъ и съ красными бантами въ волосахъ. «Дайте-ка мнѣ маленькую Іозефину, говоритъ она. У меня она ужъ научится пить».

— Да, это красиво: красные банты въ волосахъ,—замѣтила Рёсли довольнымъ тономъ.

— Крестьянка взяла маленькую Іозефину на руки, закутала ее въ свой пестрый шелковый платокъ и постаралась ее развеселить. Маленькая Іозефина перестала плакать и стала смѣяться. Добрая Нина напоила ее молокомъ и сдѣлалась ея кормилицей. Она полюбила маленькую Іозефину, какъ собственное дитя. Современемъ маленькая Іозефина выросла, а веселая крестьянка состарилась. У нея есть теперь внучка, Лаура Анаиза, и вотъ эта самая Лаура Анаиза пріѣдетъ къ намъ, въ Цюрихъ, будетъ жить съ нами, будетъ помогать намъ. И мы будемъ любить ее, и для васъ она будетъ, какъ мамина сестра.

— Значитъ, какъ тетя Адель?—спросилъ испуганно Германнъ.

— Нѣтъ, мама, пожалуйста, пусть она не будетъ такая, какъ тетя Адель!—взмолилась Рёсли.

— Пусть будетъ, какъ тетя Мари! Тетя Мари, по крайней мѣрѣ, хорошенькая,—сказалъ Германнъ съ серьезнымъ выраженіемъ лица.

Мать успокоила ихъ:—Лаура Анаиза вовсе не будетъ называться тетей. Она просто Лаура Анаиза. Она играетъ на цитрѣ и смѣется цѣлый день.

Въ эту ночь дѣти спали спокойно. Имъ снилась Лаура Анаиза, съ краснымъ бантомъ въ черной косѣ. Она смѣялась и прыгала вмѣстѣ съ ними.

Утромъ, когда они проснулись, Лаура Анаиза уже пріѣхала и смѣхъ ея раздавался въ домѣ.

Въ кухнѣ слышались веселые голоса дѣтей и доносились звуки цитры.

О еслибъ эти нѣжные звуки могли заглушить глухой похоронный звонъ, который постоянно раздавался въ ушахъ Іозефины, могли бы разсѣять призракъ, который преслѣдовалъ ее своими мучительными загадками! Іозефина видѣла его, этотъ призракъ; она чувствовала его присутствіе. Онъ подходилъ и спрашивалъ ее: «Я былъ твоимъ супругомъ. Я былъ Георгомъ. Кто же я теперь? Тотъ ли я человѣкъ, котораго ты знала, любила, къ которому тебя привязываетъ сила воспоминанія? Отецъ твоихъ дѣтей, человѣкъ, горячо любившій ихъ? Развѣ я этотъ человѣкъ? Или я отвергнутый, преступникъ, отребье рода человѣческаго, отъ котораго всѣ отвернулись и который недостоинъ смотрѣть на солнце? Чудовище, которое люди не могутъ терпѣть въ своей средѣ, прокаженный, распространяющій заразу?..» О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Ея измученное, страдающее сердце возставало противъ этого обвиненія. «Я тебя знаю, Георгъ; ты—человѣкъ! —раздавался въ ея душѣ защищающій голосъ.—Развѣ я не видѣла, какъ ты всегда готовъ былъ спѣшить на помощь, къ постели больного въ зимнюю холодную ночь, забывая о себѣ и думая только о томъ, какъ бы облегчить страданія? Какъ часто я слышала отъ тебя сердечныя, глубокія слова, когда ты стоялъ у постели нашихъ дѣтей! Какъ ты ревностно служилъ наукѣ! Какъ мало ты требовалъ отъ людей! Какъ былъ ты остороженъ въ насмѣшкѣ! Какъ дрожалъ ты за мою жизнь, когда она была въ опасности! Развѣ ты не готовъ былъ умереть со мной, когда я боялась смерти? Нѣтъ, ты настоящій человѣкъ, Георгъ. Я, мать твоихъ дѣтей, должна вѣдь знать тебя.

Но... но... Они вотъ увѣряютъ, что я тебя не знаю, что ты совсѣмъ другой. Ты самъ сознался, что не таковъ, какимъ кажешься. Ты самъ показалъ противъ себя. Это было опасно, Георгъ. Это было безуміемъ. И они всему повѣрили. Вѣдь они вѣрятъ прежде всего и охотнѣе всего дурному. Но зачѣмъ же ты показывалъ противъ себя, Георгъ?

Они обвинили тебя въ непостижимомъ, отвратительномъ преступленіи, названіе котораго уста отказываются произносить. Только уста безстыднаго правосудія свободно произносятъ это, хотя оно же караетъ безстыдство другихъ. Ты выслушалъ обвиненіе и не ударилъ въ лицо свою обвинительницу. Ты не заставилъ молчать ея лживый языкъ. Ты только пожалъ плечами, говорятъ они, и засмѣялся. Ты засмѣялся? Развѣ это былъ моментъ для смѣха, Георгъ?

О, Георгъ, мнѣ знакомъ этотъ твой скрытый смѣхъ! Что шепчутъ мнѣ твои дрожащія губы? Что говоришь ты?

«Каковъ я, таковы всѣ—безъ исключенія! Никто не лучше. Ничто не лучше. Никто не достоинъ того, чтобы солнечные лучи его согрѣвали. Все это лицемѣріе, притворство. Ихъ волненіе—ложь, ихъ смущеніе—тоже ложь. Они просто играютъ»!—Развѣ не ты говорилъ это, Георгъ! Развѣ не ты усѣялъ вокругъ меня землю трупами? Развѣ я не молила, стоя рядомъ съ тобой, о солнцѣ, лучей котораго никто недостоинъ на землѣ?

Ну, а потомъ, когда все кончилось, когда ты стоялъ за рѣшеткой, осужденный, проклятый, раздавленный, уничтоженный?... Развѣ не ты прильнулъ съ мольбою къ вратамъ неба, закрывшимся для тебя? Развѣ не ты вскрикнулъ голосомъ истины и отчаянія? «Я умру безъ моей жены! Отдайте мнѣ мою жену и дѣтей!» Развѣ же въ ихъ холодныхъ отчетахъ не сообщалось потомъ: «всѣ присутствующіе вздрогнули, словно ледяная струя пронеслась въ залѣ.»

Что же и это было лицемѣріе, условность, ложь? И тогда ты игралъ комедію? Кто же ты такой послѣ этого?

Вдругъ изъ стѣсненной груди Іозефины вырвался крикъ отчаянія:

— Я знаю, кто ты? Ты—страдалецъ! Чего спрашивать еще! Ты покинутый, ты узникъ! Бѣдный, бѣдный Георгъ, не бойся! Не бойся ничего! Я тебя не покину. Я не осуждаю тебя. Я не презираю тебя. Я только хочу защитить тебя, потому что ты въ отчаяніи и изъ своего сердца я сдѣлаю теплый покровъ для твоей наготы...

— Но скажи мнѣ, гдѣ были твои мысли, когда ты былъ со мной, Георгъ? Какія картины...

— Ахъ, лучше не думать, не думать, совсѣмъ не думать. Жить и забыть. Время поможетъ мнѣ и тебѣ. Время и работа, прежде всего работа! Только бы хватило силъ! Прочь мучительныя мысли!

. . . .

Іозефина начала учиться, какъ студентъ и среди студентовъ. Ея болѣзненное возбужденіе перешло въ неутомимую жажду дѣятельности, и она чувствовала избытокъ силъ, для котораго искала исхода въ работѣ.

II.

Какъ благодѣтельно дѣйствуетъ постоянная работа на страдающихъ, на тѣхъ, чье сердце не можетъ успокоиться! Но это должна быть умственная работа, работа мысли. Только она укрѣпляетъ, успокаиваетъ и... притупляетъ душевную боль.

Часы пробили половину шестого. Зимнее утро чуть брезжитъ. Но Іозефина, утомленная вчерашнею работой, должна подняться, такъ какъ въ семь начинается лекція.

Она не будетъ будить дѣтей, которымъ нуженъ утренній сонъ. Она разбудитъ только Лауру Анаизу и служанку, которая готовитъ кушанье для трехъ пансіонеровъ. Изъ этихъ трехъ пансіонеровъ двоихъ тоже надо будить; у нихъ въ семь начинаются занятія.

Въ кухнѣ уже кто-то возится. Это чиститъ себѣ сапоги Бернштейнъ. Славный парень; это онъ ввелъ обыкновеніе, чтобы здѣсь каждый самъ себѣ чистилъ сапоги.

— Скипяти воду, Лаура Анаиза. По яйцу для каждаго. У насъ лекціи до одиннадцати, безъ перерыва, а потомъ я вернусь домой. Только два градуса сегодня? Надѣнь Германяли шерстяные чулки, которые я положила направо, и не пускай Рёсли въ садъ безъ теплой кофточки. Добраго утра, коллега! Готовъ вашъ рефератъ? Мнѣ нуженъ красный карандашъ, можете вы мнѣ одолжить его? Я, навѣрное, осрамлюсь сегодня въ препаровочной, вотъ увидите!

Бернштейнъ приглашаетъ Іозефину пить чай. Онъ всегда дѣлаетъ чай по утрамъ и даже для этого принесъ сюда свой самоваръ. Очень пріятный человѣкъ, этотъ Бернштейнъ. Всегда привѣтливъ, всегда готовъ помочь, никогда не бываетъ желчнымъ.

Бернштейнъ стоитъ около самовара и читаетъ. Вся комната наполнена паромъ отъ самовара. Двѣ книги онъ держитъ подъ мышкой, а на тарелкѣ, передъ нимъ, лежитъ его мѣховая шапка. Онъ читаетъ въ полголоса, бормоча что-то про себя, и не обращаетъ никакого вниманія на входящихъ. Лаура Анаиза смѣется надъ нимъ, но и она говоритъ, что онъ славный.

Выпивъ наскоро горячаго чаю, поцѣловавъ сонныхъ дѣтей, которыя протираютъ себѣ глазки, Іозефина сдѣлала еще нѣсколько распоряженій относительно обѣда и торопливо вышла на улицу. Горящіе фонари распространяли красный свѣтъ въ сумеркахъ зимняго утра. У воротъ госпиталя лаяла цѣпная собака. Какая-то карета тихо въѣзжала во дворъ, а навстрѣчу ей выѣзжали дроги съ простымъ, деревяннымъ гробомъ, лишеннымъ всякихъ украшеній. И дроги и карета проѣхали мимо Іозефины, торопившейся въ анатомическую аудиторію. Она посмотрѣла вслѣдъ дрогамъ и на душѣ у нея зашевелились мрачныя мысли.

Сзади кто-то обгонялъ ее; слышались торопливые шаги по щебню, усыпавшему дорожку. Это была одна изъ ея подругъ. «Слышите, бьетъ уже четверть? Потомъ мы не достанемъ мѣстъ». Онѣ торопливо пошли впередъ.

Едва переводя дыханіе, устремились онѣ къ своимъ мѣстамъ. Доска уже вся разрисована, и ассистентъ только что принялся мыть руки Кругомъ зѣваютъ, но продолжаютъ срисовывать съ доски.

Такъ и есть! Іозефина забыла красный карандашъ. Это что-то роковое.

Неужели уже пришелъ профессоръ, и ассистентъ стираетъ съ доски рисунокъ? Что за манера стирать рисунокъ, когда еще никто не готовъ!

«Милостивыя государи и милостивые государыни!..»

Лекція началась.

«У Цвики навѣрное есть рисунокъ»,—думаетъ Іозефина, торопливо записывая за профессоромъ. Цвики — это второй пансіонеръ, тоже весьма порядочный человѣкъ, хотя и слишкомъ горячій и честолюбивый, не такой, какъ Бернштейнъ.

Теперь скорѣе въ препаровочный залъ. Всѣ бѣгутъ туда, нѣтъ ли тамъ чего-нибудь особенно интереснаго? Ровно ничего, только свѣжій трупъ, недавно вытащенный изъ воды. Женщина, бросившаяся со своимъ ребенкомъ въ Зиль. Трупъ ея собираются тотчасъ же раздѣлить на части.

Іозефина отошла; она все еще не можетъ привыкнуть.

Прозекторъ что-то говоритъ. Кто-то смѣется.

Вдругъ раздается громкій топотъ ногъ. «Что онъ сказалъ?» Топотъ не прекращается.

— Это васъ смущаетъ, господа? — пищитъ слабый голосокъ прозектора.—Смотрите сюда; вы видите, что это такое. Намъ еще ни разу не приходилось анатомировать пролетарія, который бы не имѣлъ также крупицу жира!

Шарканіе ногъ не прекращается. Прозектора вообще не долюбливаютъ.

Іозефина, получивъ препаратъ, поспѣшно идетъ къ своему столу. Ей досталась правая рука самоубійцы, тонкая, молодая рука, пальцы которой были истыканы иголкой. Рука трудолюбивой швеи, но теперь рука была синяя, закоченѣвшая, согнутая...

— Вамъ дурно? Не хотите ли сигаретку? — говорила Іозефинѣ ея сосѣдка по столу.

Іозефина дѣлаетъ надъ собою усиліе, выкуриваетъ папиросу и принимается за работу надъ изрѣзанной рукой. Мать, съ ребенкомъ на рукахъ, бросившаяся въ Зиль вчера, сегодня здѣсь разсѣкается уже на куски руками другой матери, которая на ея мертвомъ тѣлѣ изучаетъ строеніе, нормальную анатомію человѣческаго тѣла!

— Что это? Неужели со мною сдѣлается обморокъ?—думаетъ Іозефина.—Коллега, дайте мнѣ воды. Нѣтъ, я лучше выйду на воздухъ Но я приду опять. Пожалуйста, посмотрите, чтобы мой препаратъ не убирали, прошу васъ... Охъ, скорѣе на воздухъ!..

Іозефина вернулась нѣсколько блѣдная, но уже вполнѣ овладѣвшая собой. Ей было стыдно своей слабости и хотѣлось оправдаться въ глазахъ товарищей. «Не понимаю, что со мной,—говорила она.—Я стою спокойно, заинтересованная работой, осторожно рѣжу скальпелемъ, не испытывая ни малѣйшаго слѣда отвращенія; и вдругъ чувствую въ ногахъ какую-то странную слабость, въ глазахъ появляются круги и въ области желудка непріятное ощущеніе, затѣмъ во рту...» Она встряхнула головой, опасаясь повторенія припадка.

— Я ни о чемъ не думаю,—замѣчаетъ ей сосѣдка спокойнымъ тономъ.—Поступайте и вы также. Я нахожу эти препараты очень хорошими. Прошлый разъ у меня былъ препаратъ съ червями подъ кожей. Это было отвратительно. Но что же дѣлать!

— Неужели вы можете ѣсть здѣсь! — вскричала Іозефина съ испугомъ.

Ея сосѣдка продолжала спокойно жевать.

— Бифштексовъ, приготовленныхъ по-англійски, я, конечно, не стала бы ѣсть здѣсь... изъ-за сходства, но невинный бутербродъ— отчего же нѣтъ?

Отчего же нѣтъ? Вѣдь такъ должно быть! Все должно быть такъ, какъ оно есть: и эта худая, исколотая иглой рука, и острые скальпели для ея разрѣзыванія, и самоубійство бѣдняковъ! Откуда же бы иначе получался свѣжій матеріалъ для изученія «нормальной анатоміи»?

«Ахъ, что это опять со мной? — Іозефина испугалась. — Неужели повторится припадокъ? Надо взять себя въ руки. Ассистентъ придетъ и будетъ спрашивать названія мускуловъ, нервовъ, которые проходятъ въ этой несчастной рукѣ... Но вѣдь она умерла, ничего не чувствуетъ! Она не могла слышать шутки прозектора... Не надо показывать вида. Учиться, чтобы помогать! Да развѣ я могу... Могу помогать такимъ несчастнымъ матерямъ, которыя вынуждены броситься въ Зиль со своимъ ребенкомъ на рукахъ!»

Но вотъ и ассистентъ. Онъ проходитъ впередъ, и начинается обычный, ежедневный экзаменъ.

Однако, Іозефина не можетъ успокоиться: «Зачѣмъ она бросилась въ Зиль?—думаетъ она.—Можетъ быть, ея мужъ сидитъ въ тюрьмѣ? А трупъ ребенка, гдѣ онъ? Его положили въ ледъ?.. Ахъ, чтобы не забыть: завтра день рожденія Рёсли. Надо купить ей маленькую восковую куклу, это ее порадуетъ. Милая моя дѣвочка... Ага, вотъ и самъ профессоръ. Теперь онъ будетъ самъ экзаменовать. Выдержу ли я или сконфужусь? Нѣтъ, нѣтъ, я постараюсь выдержать, я должна ради отца».

Что это за противный, скрипящій звукъ? Откуда онъ исходитъ?

— Нѣтъ, каковъ этотъ господинъ, этотъ люцернецъ? Посмотрите-ка, что онъ дѣлаетъ!—вскричала ея сосѣдка.—Взялъ желудокъ и раздуваетъ его, точно волынку. Какая грубость!

Молодой человѣкъ смѣялся; двое или трое вторили ему.

Іозефина не выдержала и воскликнула:

— Тьфу!

Это воскицаніе вырвалось у нея совершенно невольно, подъ вліяніемъ сильнѣйшаго негодованія, и громко пронеслось въ залѣ. Всѣ взглянули въ ея сторону, и многіе даже кивнули ей.

— Ну, отъ этого вы могли бы избавить себя,—сказала ей ея сосѣдка.—Ужъ онъ навѣрное помѣститъ это въ пивную газету. Къ этимъ вещамъ не слѣдуетъ относиться такъ серьезно. Этотъ парень явился вѣдь сюда прямо съ утренней попойки. Это только возбуждаетъ ихъ противъ насъ, женщинъ. Пожалуйста, не дѣлайте этого въ другой разъ.

Лицо Іозефины передернулось:

— Я всегда буду говорить тьфу, если это будетъ нужно; неужели мы должны все это видѣть и молчать? Насъ пустили сюда, и мы должны поддѣлываться надъ тотъ тонъ, который здѣсь царитъ!

— Вы черезчуръ большая горячка. Если вы будете такъ поступать, то насъ женщинъ выгонятъ отсюда. Вѣдь это просто глупый юноша, не больше.

У выхода Іозефина столкнулась съ люцернцемъ. Онъ приблизилъ къ ней свое блѣдное, наглое лицо и крикнулъ:

— Эй вы, съ чего это вамъ вздумалось закричать «тьфу»?

— Съ—чего? Іозефина окинула его серьезнымъ взглядомъ.—Такія грубости нельзя позволять себѣ въ ученомъ учрежденіи, господинъ...

Студентъ замигалъ глазами, покраснѣвшими отъ бѣшенства.—Вамъ до этого нѣтъ дѣла? Тутъ есть прозекторъ

— Я пожалуюсь ему.

— Хи-хи. Пожалуюсь! Развѣ вы не слыхали, что сказалъ докторъ Эбертъ о жизни пролетаріевъ?

— Постыдитесь!—воскликнула Іозефина.

— Такъ! Еще стыдиться? Ну кто такъ щепетиленъ, тотъ пусть лучше сюда не приходитъ, слышали вы?

Возлѣ спорящихъ образовался кругъ. Ихъ слушали, но не вмѣшивались: люцернецъ давно былъ извѣстенъ. какъ зааіяка.

— Я вѣдь только хотѣлъ измѣрить, сколько кубическихъ сантиметровъ вмѣщаетъ желудокъ пролетарія,—продолжать посмѣиваться люцернецъ, обращаясь къ присутствующимъ.

Раздался смѣхъ.

— Уйдемъ отсюда!—вскричала коллега Іозефины, насильно таща ее за собою.— Довольно вы уже натворили бѣды. Вы возбудили противъ насъ всю препаровочную, всѣхъ студентовъ-нѣмцевъ!..

Іозефина вернулась домой утомленная и разбитая. Дѣти выскочили ей навстрѣчу.

— Подождите, дѣти, мама должна прежде переодѣться,—сказала она. Надо поскорѣе снять рабочее платье, пропитанное запахомъ анатомическаго зала! Надо поскорѣе изгнать изъ своей души мучительныя, угнетающія картины, преслѣдующія ее. «Хорошо все-таки, что мы съ вами не прыгнули въ Зиль, мои дорогія дѣтки!..

— Рёсли, положи свою головку ко мнѣ. Да, дѣтки, я останусь съ вами цѣлыхъ четыре часа,—сказала Іозефина.—Мы проведемъ съ вами пріятный день. Ну а завтра... что у насъ завтра, Рёсли? Сколько тебѣ минетъ лѣтъ? И ты все мечтаешь о куклахъ, такая большая, семилѣтняя дѣвочка?

Къ обѣду пришелъ Бернштейнъ, по обыкновенію читая на ходу.

— Слышали вы о моемъ столкновеніи съ этимъ противнымъ люцернцемъ? Гдѣ вы были, когда у меня произошелъ съ нимъ споръ? спросила его Іозефина.

Бернштейнъ поднялъ удивленно брови и посмотрѣлъ на нее черезъ очки.

— Ничего не знаю. Я только что изъ препопаровочной Не слыхалъ,—отвѣтилъ онъ и снова принялся за чтеніе.

— Ну такъ послушайте же теперь. Или,—можетъ быть, вы не хотите?

— Ахъ нѣтъ! Я читаю...

Іозефина засмѣялась. Но она все-таки не могла отогнать воспоминанія о той грубости, съ которою ей снова пришлось столкнуться сегодня. Она инстинктивно прижала къ себѣ дѣтей и подумала съ горечью: «Какъ я одинока!»

Германъ взялъ звонокъ, похожій на тѣ, которые привѣшиваются коровамъ на шею, и началъ звонить. Это была его обязанность звонить къ обѣду и онъ выполнялъ ее съ большимъ удовольствіемъ. Онъ звонилъ до тѣхъ поръ, пока Цвики не схватилъ его за ухо и не вырвалъ у него звонка. Цвики часто игралъ съ дѣтьми, и хотя ухватки его были довольно грубыя, но дѣти его любили.

Служанка Кетэ принесла обѣдъ; онъ былъ еле-еле съѣдобный и больше ничего. Картофель совершенно подгорѣлъ.

— Но, Кетэ!.. вскричала Іозефина.

Бернштейнъ поднялъ глаза отъ книги, которую читалъ, и мрачно посмотрѣлъ на хозяйку:

— Не стыдите дѣвушку, сказалъ онъ.—Мы все равно съѣдимъ этотъ картофель!

— Мы не избалованы, прибавилъ Цвики.

Только третій студентъ не говорилъ ни слова, и молчаніе его безпокоило Іозефину. Она чувствовала себя по отношенію къ этому новичку точь-въ-точь въ положеніи отвѣтственнаго министра.

— Мнѣ очень непріятно, г. Дюбуа. Можетъ быть, у Кетэ приготовлено что нибудь другое?

Дюбуа что-то пробормоталъ, сильно покраснѣвъ. «Онъ тутъ долго не останется, подумала Iозефина.—Такой сортъ людей не можетъ чувствовать себя удобно въ нашей маленькой республикѣ. Бернштейнъ и Цвики—тѣ совершенно какъ дома, а третій всегда бываетъ только временнымъ посѣтителемъ; странно!..»

Послѣ обѣда Iозефинѣ надо было еще взять латинскій урокъ у Цвики и затѣмъ опять торопиться въ коллегію—до семи часовъ! Но прежде надо сбѣгать въ городъ и купить восковую куклу для Рёсли, а то закроются лавки!

«Завтра репетиція по сравнительной анатоміи,—думала Iозефина, идя по аллеѣ около университета. Вѣтеръ заставлялъ ее нѣсколько ускорить шаги.—И вѣдь этотъ тоже хочетъ быть врачомъ и можетъ имъ сдѣлаться! Неужели дѣйствительно насъ только терпятъ въ университетѣ, какъ говоритъ моя коллега? О мы несчастныя, кроткія, беззубыя и беззащитыня созданія!.. Происхожденіе гликогена для меня что-то неясно; надо спросить Бернштейна... Отъ папы все еще нѣтъ письма! Ахъ мой маленькій Ули, какъ давно я тебя не видала!.. Нѣтъ, и этотъ будетъ врачомъ? И они готовы выпустить такого... На все человѣчество!.. Георгъ!»

Iозефина вздохнула и, какъ будто повинуясь чужой волѣ, повернула голову. «Тамъ!»

Окруженный стѣнами, среди бульваровъ, стоитъ тамъ «домъ ужаса», словно жилище какого-нибудь властителя или замокъ. Что-то онъ дѣлаетъ теперь? Его заставляютъ заниматься столярнымъ ремесломъ, но у него нѣтъ никакой ловкости въ механической работѣ. Онъ постоянно ранитъ себя собственными инструментами и тогда поневолѣ долженъ ничего не дѣлать и только думать.

Ахъ, какъ мучительно! Какъ ужасно!

Только не надо идти по этой дорогѣ, которая проходитъ мимо стѣнъ, окружающихъ тюрьму.

Онѣ не всегда стояли здѣсь, эти стѣны! Былъ такой моментъ, когда этотъ ужасный домъ захотѣли взять приступомъ и освободить всѣхъ заключенныхъ, томящихся въ немъ. По узкой, извилистой тропинкѣ взобрались къ тюрьмѣ и принялись ломать ея двери. Тогда была здѣсь жаркая перестрѣлка, и послѣ этого домъ былъ обнесенъ стѣнами.

У Iозефины сердце билось такъ, что заглушало въ ея ушахъ шумъ вѣтра.

Еслибъ снова пришелъ такой день, какъ въ 1871 году, о которомъ ей разсказывалъ ея отецъ, бывшій свидѣтелемъ! Она бы пошла тогда въ первыхъ рядахъ, еслибъ только дѣло шло объ освобожденіи.

-- Выходи, бѣдный, презираемый, несчастный человѣкъ!

Вдохни въ себя свѣжій воздухъ Альпъ и взгляни на солнце!

Земля еще стоитъ крѣпко. Озеро катитъ свои сверкающія волны. Кто облачилъ тебя въ позорное одѣяніе? Кто нашилъ красный номеръ на твою гадкую куртку?

Слезы подступили у нея къ горлу и полились потокомъ изъ глазъ.

Какъ Георгъ стоялъ передъ нею, когда она навѣстила его! Какъ висѣла на его исхудаломъ тѣлѣ желто-сѣрая куртка! Какъ пожелтѣло его лицо, поблекли волосы, потухли глаза и какою невѣрною стала его походка! Это былъ разбитый чебовѣкъ! Какъ онъ жалобно просилъ ее, показывая ей свои безкровныя, исхудалыя руки и свою впалую грудь:

— Морфію, Іозефина, принеси мнѣ морфію; только побольше! Я не хочу умереть отъ чахотки, это для меня слишкомъ медленная смерть. Ты мнѣ можешь достать это средство и должна сдѣлать это. Я оставляю письмо, въ которомъ заявляю, что ядъ у меня былъ. На тебя не падетъ никакого подозрѣнія.

Какъ ужасны были эти посѣщенія тюрьмы! Какія мучительныя минуты переживала она въ это время!

Но теперь они его перевели въ Нейенбургъ, и вотъ уже полгода какъ онъ тамъ находится!

— Изъ состраданія къ нему!—сказалъ ей директоръ тюрьмы.—Ваши посѣщенія приводятъ заключеннаго въ такое сильное волненіе! Въ обыкновенное же время онъ примиряется здѣсь со своею судьбой, также какъ и другіе.

Директоръ всегда относился къ Іозефинѣ съ большимъ участіемъ и уваженіемъ. Это онъ придумалъ перевести его въ одно изъ исправительныхъ заведеній въ его родномъ кантонѣ.

— Это и въ вашихъ интересахъ,—говорилъ ей директоръ.

Отецъ написалъ Іозефинѣ по этому поводу поздравительное письмо. Онъ все еще не перемѣнилъ своего взгляда на это, старикъ Платтнеръ, и это мѣшаетъ установиться отношеніямъ между нимъ и дочерью.

У стѣнъ тюрьмы шумитъ высохшій плющъ. Гдѣ бы ни находился несчастный, здѣсь ли, въ Нейенбургѣ, онъ все-таки сидитъ за высокою стѣною и оторванъ отъ міра...

Іозефина прибавила шагу, вспомнивъ о куклѣ. Конечно, она могла бы послать Лауру-Анаизу, но она хотѣла сама выбрать игрушку для своей любимой дочурки.

«Ребятки мои, какъ мало, какъ мало времени могу я удѣлять вамъ!—думала она.—Но все, все, что я дѣлаю, мое ученіе, моя ежедневная работа, развѣ это не для васъ. Для чего бы мнѣ жить тогда? Зачѣмъ влачить это тяжелое существованіе? Пока вы этого еще не понимаете, вы дуетесь на меня за то, что я отъ васъ такъ часто ухожу. Но когда-нибудь вы это поймете, поймете, что любовь къ вамъ гнала меня отъ васъ... А завтра репетиція, а въ субботу, въ первый разъ, я должна буду постановить діагнозъ. Боже, только бы мнѣ не осрамиться»!

Но она напрасно такъ тревожилась. Всѣ свои экзамены Іозефина сдала очень хорошо и въ наивозможно короткое время, несмотря на всѣ затрудненія. Въ своихъ пансіонерахъ Іозефина нашла добрыхъ товарищей, которые охотно и съ большимъ постоянствомъ помогали ей и поддерживали ее во всемъ. Въ третьей комнатѣ также появилась наконецъ постоянная жилица, студентка математическаго отдѣленія, Елена Бегасъ, очень умная и способная, съ которою Іозефина скоро подружилась. Благодаря ей, въ хозяйствѣ установился даже нѣкоторый порядокъ, и у служанки Кетэ явилось даже честолюбивое желаніе не пережаривать картофель и не дѣлать его мало съѣдобнымъ, какъ прежде. Всѣ въ домѣ называли Кетэ «наша кормилица» и обращались съ нею почтительно, такъ что мало-по-малу и у нея пробудилось стремленіе хорошо исполнять свою обязанность. Кетэ съ удивленіемъ убѣждалась, что всѣ жильцы дома «Zum graunen Ackerstein» трудились постоянно; что никто изъ нихъ не думаетъ о своемъ удовольствіи и у каждаго на умѣ было только одно—работа!

* * *

Когда Іозефина позднѣе вспоминала эти годы, то они представлялись ей какимъ-то однообразнымъ полемъ, раздѣленнымъ на правильные квадраты, надъ которымъ возвышалось сѣренькое небо. Она вторично переживала школьное время и жила изо дня въ день, какъ Рёсли и Германнли. Совершенно такъ же какъ Германнли и Ресли радовалась она удачному экзамену и приходила въ уныніе отъ не совсѣмъ удачнаго отвѣта. Также радовалась она субботѣ, потому что вечеромъ не было занятій. Проснувшись утромъ, въ воскресенье, она иногда со страхомъ вскакивала съ постели, думая, что опоздала на лекцію и вдругъ съ радостью припоминала: «Ахъ, да вѣдь сегодня воскресенье!» Какъ пріятно было полежать, зная, что некуда торопиться. Какое удовольствіе доставляли ей вакаціи. Именно въ это время, на досугѣ, она могла хорошенько проштудировать все, что было пройдено въ теченіе курса и читать научныя книги, философскія сочиненія, которыя заставляютъ чувствовать себя такимъ ничтожнымъ и даже забывать о своемъ собственномъ маленькомъ существованіи.

Хорошія минуты переживала она, когда, погрузившись въ книги или вооружившись микроскопомъ, старалась разгадать тайну жизни. Вотъ въ ядрѣ клѣтки, остававшейся до этого времени спокойной, замѣчается какая-то перемѣна, оно веретенообразно вытягивается, и элементы его скопляются у двухъ полюсовъ. На глазахъ происходитъ дѣленіе клѣтки, изъ матерней клѣтки образуются двѣ дочернихъ и каждая изъ нихъ ведетъ самостоятельное существованіе. Дѣленіе клѣтки сопровождается и дѣленіемъ ядра и вотъ подъ тонкимъ покровнымъ стеклышкомъ, на предметномъ стеклѣ микроскопа, появляется новый индивидъ. Какъ пріятно сознать себя свидѣтелемъ его возникновенія.

Въ этомъ изученіи естественныхъ наукъ Іозефина черпала большую силу. Она не только забывала себя и свое горе, но испытывала интеллектуальное наслажденіе, радость познаванія, которая помогала ей переносить всѣ удары судьбы. Она чувствовала, что пріобрѣтаетъ твердую почву подъ своими ногами. Горизонтъ ея расширялся и она распознавала уже пограничныя линіи невѣдомой области, лежащей за предѣлами человѣческаго познанія.

Если нельзя знать, то, во всякомъ случаѣ, можно многое видѣть, о чемъ прежде и не думалъ, и любопытство Іозефины все разросталось. Она забывала порою, что дѣти ея были гораздо моложе ея и дѣлилась съ ними своими впечатлѣніями, показывая имъ то, что ее поразило. А потомъ малютки усаживались съ Лаурой Анаизой и начинали фантазировать, придумывая различныя сказки, матеріаломъ для которыхъ служило то, что имъ показывала мать. Особенною живостью фантазіи отличалась Рёсли. Ей достаточно было показать сорванную вѣтвь, для того, чтобы она уже видѣла на ней цвѣты. Она совершенно ясно слышала, какъ виноградъ предлагалъ ей полакомиться своими спѣлыми гроздями. Однажды она, придя домой, разсказала, что заблудилась на улицѣ, но встрѣтила «добраго карлика», и онъ привелъ ее домой.

— Карликъ, право, это былъ настоящій карликъ, мама. Ты не вѣришь? Такой маленькій съ большой бородой, какая всегда бываетъ у карликовъ.

Фрейлейнъ Бегасъ иногда предостерегала Іозефину:

— Это нехорошо, фрау Іози, что Рёсли такъ фантазируетъ,—говорила она.—Вы, какъ мать, не должны бы допускать этого.

Но Іозефина смѣялась:

— Что за бѣда! Вѣдь она счастлива. Я радуюсь, что у нея есть прекрасный даръ, скрашивающій жизнь.

— А я этому не радуюсь! Рёсли все путаетъ и на нее нельзя положиться. Она совершенно спокойно лжетъ прямо въ лицо.

— Ахъ, фрейлейнъ Елена, вы математикъ и поэтому требуете точности. Но вѣдь жизнь такъ сѣра! Оставьте же Рёсли ея безвредную игру.

Вь заключеніе фрейлейнъ Бегасъ напала на Лауру Анаизу:

— А съ этой также что-то нечисто. Она прибѣгаетъ къ увърткамъ, когда въ чемъ-нибудь провинится, а дѣти цѣлые дни проводятъ съ нею.

Это разсердило Іозефину:

— Вы этого не понимаете, милая Елена,—сказала она.—Вамъ трудно постигнуть такую натуру, какъ Лаура Анаиза. Она сама природа и мнѣ всегда говоритъ правду. Я очень люблю Лауру Анаизу, и дѣти къ ней привязаны. Чего же вы хотите?

Однажды, какъ разъ послѣ такого разговора, въ комнату вошла Лаура Анаиза. Она принесла корзиночку цвѣтовъ безвременника, лежащихъ на темно-зеленомъ мхѣ. Лицо ея сіяло радостью.

— Ахъ, вѣдь это ядовитые цвѣты!—воскликнула недовольнымъ тономъ фрейлейнъ Бегасъ.

Но въ истомленномъ сердцѣ Іозефины видъ хорошенькой дѣвушки пробудилъ особенную нѣжность, и, подъ вліяніемъ этого чувства, она обняла Лауру Анаизу и поцѣловала ее въ ея сверкавшіе черные глазки, надъ которыми повисли кудри вьющихся волосъ.

— Какъ я рада, что ты со мною, милая Лаура Анаиза!—воскликнула Іозефина.

Изъ-за портьеры выскочилъ Германнъ и бросился къ матери съ крикомъ:

— И меня мама! И меня ты должна поцѣловать!

Между тѣмъ Рёсли, запрятавшись въ портьерѣ, молча наблюдала за своею матерью и Лаурой Анаизой, которая тщетно старалась отогнать Германна. Только глаза Рёсли блестѣли и ея страстное личико подергивалось отъ сдерживаемыхъ рыданій. Но когда Іозефина вышла изъ комнаты, не обративъ на нее вниманія и не позвавъ ее къ себѣ, то она вдругъ затопала ногами и разразилась рыданіями и потомъ, бросившись на полъ, начала кричать: «Папа! Папа! Папа!»

Фрейлейнъ Бегасъ всячески старалась успокоить дѣвочку, но это ей не удавалась.

— Что съ вами? Что случилось! Замолчите же, наконецъ!—сердито закричала Іозефина на дѣтей, которыя сидѣли, обнявшись, на маленькой скамеечкѣ и кричали взапуски. Они дерзко поглядѣли на мать и Германнъ сказалъ:

— Мы хотимъ къ папѣ!—Лицо мальчика приняло такое знакомо Іозефинѣ выраженіе, что она испугалась.—Мы хотимъ въ Африку, гдѣ находится папа!

На Іозефину напало отчаяніе. На нее какъ будто повѣяло холодомъ отъ того мѣста, гдѣ сидѣли дѣти.—Они ускользаютъ отъ меня, подумала она, и я не могу ихъ удержать. Я отдаю имъ свою жизнь, а они отъ меня ускользаютъ!

Ей хотѣлось опуститься на колѣни возлѣ дѣтей, обнять ихъ и выплакаться вмѣстѣ съ ними. Но она осталась стоять неподвижно, съ сухими глазами и заломленными руками. Передъ нею какъ будто были чужія дѣти, плакавшія по неизвѣстной причинѣ. Она шла одна къ невѣдомой цѣли и невѣдомыми путями, все больше удаляясь отъ этихъ плачущихъ, чужихъ дѣтей.

«Что со мною? О чемъ я думаю? Думаю ли я объ интересномъ анамнезѣ, который слышала сегодня утромъ или о дѣтяхъ?» пронеслось у нея въ головѣ. Съ глазъ ея точно спала завѣса и она почувствовала страшную пустоту вокругъ себя и холодъ, пронизавшій ее до мозга костей.

«Неужели все обманъ?.. Къ чему я живу?.. Развѣ я живу не для нихъ? Развѣ я такъ одинока? Развѣ всѣ такъ одиноки, какъ я?»

Она не могла взглянуть на дѣтей. Она чувствовала, что это были его дѣти, а не ея. Она ихъ недостаточно любитъ.

Громкій голосъ Цвики послышался на лѣстницѣ. Германнъ поднялъ голову и, толкнувъ сестричку, сказалъ:

— Пойдемъ, дядя Цвики пришелъ. Мы будемъ ѣздить верхомъ съ нимъ.

Бросивъ боязливый взглядъ на мать, которая съ грустнымъ, утомленнымъ видомъ сидѣла на стулѣ, дѣти тихонько вышли изъ комнаты. Рёсли, однако, еще долго продолжала всхлипывать. Къ Лаурѣ-Анаизѣ она не подходила цѣлый день и когда она вечеромъ пришла раздѣвать ее, то она затопала на нее ногами и вытолкала ее вонъ.

«Глупости!—сказала себѣ Іозефина, услышавъ смѣхъ и веселые крики дѣтей.—Дѣти не чувствуютъ никакого лишенія. Это только моя сентиментальность даетъ себя знать снова. Плутишки замѣтили, что всякій разъ, когда они начинаютъ звать папу, я волнуюсь, и поэтому прибѣгаютъ къ этой уловкѣ. Вѣдь я отдаю своимъ дѣтямъ каждую свободную минуту. Ломать себѣ голову надъ вещами, которыхъ измѣнить нельзя—это вредная потеря времени. А у меня даже и времени нѣтъ. У меня вѣдь есть чѣмъ заняться. Я работаю, чтобы создать дѣтямъ положеніе. Еслибъ у меня не было дѣтей, развѣ бы я стала жить? Теперь я чувствую, что хорошо поступила. Но такая трудовая жизнь имѣетъ вѣдь и сама по себѣ цѣну; она дѣлаетъ сильнымъ. Дѣти поймутъ когда-нибудь, какъ это было тяжело. Еслибъ у меня не было дѣтей, то моя жизнь сложилась бы гораздо проще. Тогда бы я могла посвятить ее ученію, наукѣ. Я знаю, что могла бы многое сдѣлать».

Она часто ощущала тяжесть разнообразныхъ обязанностей, стѣснявшихъ ея движенія, точно цѣпи.

«Я не могу такъ отдаваться ученію, какъ бы хотѣла. Другимъ хорошо, Еленѣ, Бернштейну. Я бы лучше всего хотѣла быть на мѣстѣ Бернштейна. Онъ не слышитъ и не видитъ ничего, кромѣ своей физіологіи. Физіологія замѣняетъ для него мать, возлюбленную, весь міръ. Онъ не нуждается ни въ искусствѣ, ни въ религіи, а только въ физіологіи. Онъ могъ бы прожить и безъ сахара и безъ масла, но безъ физіологіи—нѣтъ! Я бы тоже хотѣла такъ сосредоточиться на какомъ-нибудь предметѣ и жить такъ же спокойно, безучастно ко всему остальному, ко всѣмъ противорѣчіямъ этой глупой, отвратительной жизни. Но и въ этомъ лучшемъ счастьѣ мнѣ отказано!.. Все-таки, по крайней мѣрѣ, я заработаю кусокъ хлѣба для своихъ дѣтей, а это тоже что-нибудь да значитъ!»

Мысль, что и зарабатываніе хлѣба собственнымъ трудомъ имѣетъ также немалое значеніе, всегда дѣйствовала на нее ободряющимъ образомъ.

«Я буду цѣлымъ человѣкомъ, а не только женщиной. Я буду работать для своихъ дѣтей и для Георга. Для тебя, бѣдняга! Я буду матерью для всѣхъ.

Ее внезапно охватывало радостное чувство и она тогда бросалась къ дѣтямъ, обнимала ихъ и цѣловала.

— Я все вамъ дамъ!—говорила она въ такія минуты.—Хлѣбъ, платья дамъ! Вы будете жить моею кровью, моимъ мозгомъ, дѣти. Я отдала вамъ все свое существо. Понимаете вы это?

— Что-жъ, ты тогда будешь съ нами играть?—спрашивала Рёсли, робѣя подъ бурными материнскими ласками.

— Играть? Нѣтъ, на это у меня нѣтъ времени. Вѣдь мамѣ надо учиться, моя дѣвочка. Видишь эти толстыя книги. Ну, а во время вакацій мы поиграемъ вмѣстѣ.

Іозефина отстраняла отъ себя дѣвочку и снова съ бѣшенымъ рвеніемъ принималась за прерванное чтеніе. Мало-по-малу въ ея душѣ возстановлялось спокойствіе.

«Вѣдь съумѣю же я выучиться тому, чему выучивается любой юноша!—думала она.—Я буду учиться, буду наблюдать, постараюсь сосредоточиться на своей задачѣ, какъ каждый изъ этихъ молодыхъ студентовъ».

И ей это удалось вполнѣ. Силы ея какъ будто выростали по мѣрѣ того, какъ усложнялись ея задачи.

Третій экзаменъ приближался. Іозефина работала безъ передышки, но не безъ наслажденія, такъ какъ была совсѣмъ одна. Отецъ взялъ съ собою въ горы старшихъ дѣтей и Лауру-Анаизу съ ними. Пансіонеры также уѣхали.

Это было въ августѣ. Южный вѣтеръ, дувшій ежедневно, накалялъ воздухъ и даже въ комнатахъ, въ которыхъ господствовалъ зеленый сумракъ, благодаря закрытымъ ставнямъ, чувствовалось его горячее дыханіе. Но утра были великолѣпны. Какъ только солнце начинало золотить вершины Утли, Іозефина вскакивала съ кровати. Эти яркіе лучи утренняго солнца будили ее словно трубные звуки.

Поскорѣе взять ванну и облачиться въ свой обычный простой костюмъ: тонкую, черную блузу и такую же черную юбку! Іозефина не носитъ никакихъ бантиковъ, галстучковъ, и только узкій, полотняный бѣлый воротничокъ охватываетъ ея шею. Въ этомъ полумонашескомъ одѣяніи она имѣетъ видъ молоденькой, худенькой дѣвушки. Коротко остриженные волосы упрямо ниспадаютъ ей на лобъ, на которомъ уже виднѣются морщины и обрамляютъ ея энергичное, серьезное молодое лицо. Но въ зеркало она не смотрится. Она бѣжитъ въ кухню босая и прикосновеніе холодныхъ плитъ къ ея голымъ ногамъ вызываетъ у нея пріятное ощущеніе. Въ окна кухни солнце льетъ свои горячіе лучи, и слышится чириканіе воробьевъ. Скорѣе на балконъ, тамъ свѣжѣе! Іозефина захватываетъ подносъ съ завтракомъ и бѣжитъ туда. Тамъ тѣнь. Ни одинъ солнечный лучъ еще не проникаетъ сквозь густую зелень вьющагося винограда. Весь домъ погруженъ въ безмолвіе и кажется необитаемымъ.

Іозефина пьетъ чай и читаетъ. До одиннадцати часовъ балконъ остается въ тѣни. Она все дѣлаетъ для себя сама теперь, но дома не обѣдаетъ. Кромѣ того, она ежедневно посѣщаетъ курсы бактеріологіи. Случается, что она забываетъ порою купить сахару и тогда пьетъ чай безъ него. Иной разъ не оказывается масла, и тогда она ѣстъ сухой хлѣбъ. Въ домѣ никого нѣтъ, кромѣ нея; даже Кетэ отправилась на вакаціи къ своей матери, въ деревню.

Ничто не нарушаетъ тишины въ домѣ, кромѣ электрическаго звонка раза два въ день. Это является почтальонъ или молочница, или разносщица зелени. Иногда Іозефина обмѣнивается съ ними нѣсколькими словами, но большею частью все совершается молча. Затѣмъ начинается укрывательство отъ солнца, и Іозефина переходитъ изъ одной комнаты въ другую. Но для микроскопа все-таки нуженъ свѣтъ, и она пріоткрываетъ ставни. Она читаетъ громко, и голосъ ея разносится по всѣмъ пустымъ комнатамъ, двери которыхъ открыты для провѣтриванія.

Въ самые жаркіе часы дня Іозефина идетъ обѣдать. Обѣдъ, скудный и плохой, такъ какъ во время вакацій у харчихи нѣтъ пансіонеровъ, проходитъ почти въ полномъ молчаніи. А послѣ обѣда опять за книгу. Но заниматься трудно, такъ какъ умъ и память работаютъ послѣ обѣда хуже. Чтобы не оставаться въ праздности, Іозефина тогда начинаетъ разсматривать рисунки, вѣдь и на экзаменѣ иной разъ задаютъ какой нибудь рисунокъ на память!

Знойное, томительное послѣобѣденное время тянется безконечно! За кофе Іозефина занимается анатоміей мозга. Кофе нѣсколько оживляетъ ее. Іозефина снимаетъ ботинки, окачиваетъ голову холодною водой, освѣжаетъ отяжелѣвшія вѣки. Надо во чтобы то ни стало заняться анатоміей мозга, а она такъ трудна!

Солнце, склоняющееся къ западу, проникаетъ въ окно своими яркими лучами. На бѣлой бумагѣ рисунка, на страницахъ книги, на скатерти, на стѣнѣ, всюду появляются красные блики.

Ахъ, еслибъ можно было отдохнуть, хоть на одну минуту!

Іозефина закидываетъ руки за голову и облокачивается на спинку стула. Ей не хочется спать, но она чувствуетъ какое то странное раздраженіе: она не можетъ сосредоточить своихъ мыслей. Сердце у нея бьется тревожно, а глаза горятъ. Ахъ, поскорѣе бы солнце зашло! Вся Лимская долина сверкаетъ, подернутая словно фіалетовою дымкою, и солнечные лучи, проникая въ комнату, какъ будто нарочно отыскиваютъ всѣ блестящіе предметы.

Лучше выйти съ книгой на террасу. Но тамъ асфальтовый полъ сдѣлался совершенно мягкимъ отъ жары и поставленный стулъ продѣлываетъ въ немъ дыры; притомъ и душистый горошекъ распространяетъ слишкомъ сильный ароматъ. На террассѣ, пожалуй, еще душнѣе, чѣмъ въ саду; жаркій вѣтеръ чувствуется здѣсь сильнѣе.

Не успѣло солнце скрыться за горизонтомъ,какъ уже луна показалась надъ горою. Это былъ огромный, круглый сказочный мѣсяцъ, выплывающій изъ-за верхушекъ плодовыхъ деревьевъ. Кузнечики затрещали сильнѣе, и отъ земли поднялся запахъ сѣна. Тамъ, на Утли, въ лѣсу зажглись огни. Іозефина облокачивается на минуту на балконную рѣшетку и смотритъ въ даль. Какъ хорошо и спокойно. Какъ прекрасно ночное свѣтило!

Однако, скорѣе за работу. Не надо терять времени, не надо предаваться мечтаніямъ! Вѣдь еще остается прочесть нѣсколько томовъ. Все надо повторить, экзаменъ не за горами.

Луна свѣтитъ такъ ярко, что можно читать при ней. На горизонтѣ сверкаетъ зарница; она бываетъ теперь каждый день. Небо разверзаетъ свои блестящія ворота и показываетъ свое скрытое великолѣпіе.

Лампа зажжена. Не выкурить ли папиросу, чтобы прогнать комаровъ, которые сегодня какъ-то особенно назойливы?

Іозефина сидитъ возлѣ лампы, куритъ и читаетъ. Въ листьяхъ виноградной бесѣдки шуршитъ летучая мышь. Вотъ она уже на балконѣ и безшумно летаетъ кругомъ читающей Іозефины. За этой мышью слѣдуетъ вторая, третья, четвертая и наконецъ пятая. Словно маленькія привидѣнія кружатся они около молодой энергичной головы. Іозефина разсѣянно смотритъ на летающихъ животныхъ. Кругомъ такая тишина. Она чувствуетъ себя такою одинокой, такой отрѣзанной отъ всего міра и отъ своихъ близкихъ. Ей кажется, будто она обезличилась и потеряла связь съ другими людьми; ни горе, ни радости уже больше не могутъ ея коснуться.

Рука, въ которой она держитъ книгу, повисаетъ безсильно, и она какъ во снѣ смотритъ на нее и видитъ обручальное кольцо, которое стало слишкомъ велико для ея похудѣвшихъ пальцевъ. Обрывки мыслей проносятся въ ея головѣ:

«Была я когда-нибудь женщиной? Любила розы, духи, кружева?

Любила пестрые вѣера, конфекты, поцѣлуи? Нѣтъ, этого никогда не было, не могло быть!

Она презрительно смѣется, пожимаетъ плечами, бросаетъ папироску и снова углубляется въ чтеніе. Теперь она сосредоточиваетъ свое вниманіе на физіологической химіи; это еще потруднѣе анатоміи мозга. Но она не унываетъ: «Неужели я не могу вычиться тому, чему выучивается каждый юноша? Я не осрамлюсь передъ этими юношами, ни за что!» Подбадриваетъ она себя.

Луна свѣтитъ ярко, хотя она уже не такъ велика, какъ была вначалѣ. Все залито серебристо-сѣрымъ свѣтомъ. Цвѣты наполняютъ своимъ ароматомъ воздухъ; безшумно летаютъ летучія мыши. Іозефина продолжаетъ учиться.

Какъ хорошо быть одной! Какъ благодѣтельно дѣйствуетъ одиночество! Все что такъ мучило, заставляло страдать, мѣшало—все это замираетъ, исчезаетъ куда-то и только свѣточъ ума свѣтится своимъ чистымъ и яснымъ свѣтомъ во всемъ этомъ домѣ, погруженномъ въ ночное безмолвіе.

Вдругъ Іозефина вскочила.

Пронзительно громко зазвонилъ электрическій звонокъ у подъѣзда. Входную дверь она закрыла часъ тому назадъ.

— Кто тамъ?—закричала Іозефина съ балкона. Луна ясно освѣщала ея темную фигуру, облокотившуюся на перила.

— Телеграмма!—послѣдовалъ отвѣтъ.

При свѣтѣ луны, освѣщавшей бѣлый заборъ сада, Іозефина прочла:

«Нинина тяжело больна. Надежды нѣтъ.

«Твой отецъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

НА СНѢГУ.

(Изъ Маріи Конопницкой).

Еслибъ я могла и знала,
Я бы инеемъ писала
Рано утромъ на лугу,
Гдѣ лежатъ, дрожа огнями
Подъ холодными лучами,
Бриллiанты на снѣгу...
На родномъ лугу!
Еслибъ я могла и знала,
На кристаллѣ бы писала,
На кристаллѣ, на волнѣ,
Чтȯ застыла безъ движенья,
Безъ порыва, безъ волненья,
Съ тихой думой въ глубинѣ...
На родной волнѣ!
Зимней пѣснѣ, полной муки,
Чужды красочные звуки,
Пламя зорь и перлы росъ...
Нуженъ только звонъ печальный,
Заунывный, погребальный,
Нужно только тихихъ слезъ!..
Только слезъ и слезъ!

Е. Чернобаевъ.

ОСНОВЫ СПЕКТРАЛЬНАГО АНАЛИЗА

и его приложеніе къ изслѣдованію небесныхъ явленій въ элементарномъ изложеніи.

Проф. **В. Цераскаго.**

Спектральный анализъ есть чрезвычайно сложный и трудный отдѣлъ современной науки, но его главнѣйшія основы можно уяснить себѣ чисто опытнымъ путемъ. Принимая во вниманіе необычайное значеніе его для различныхъ отраслей естествознанія и важность того, чтобы возможно большее число лицъ, интересующихся наукой, было съ нимъ знакомо, даже въ нѣкоторой степени освоено, я выбралъ спектральный анализъ предметомъ одного изъ моихъ чтеній въ московскомъ педагогическомъ обществѣ. Чтеніе это, измѣненное надлежащимъ образомъ, является теперь въ печати.

Нижепомѣщенные рисунки были составлены и нарисованы студентомъ московскаго университета С. С. Тяжеловымъ, за что я считаю своею обязанностью принести ему мою искреннюю благодарность.

I.

Когда лучъ свѣта отражается отъ зеркала, то онъ мѣняетъ только свое направленіе. Свѣтлый *зайчикъ*, который мальчики пускаютъ въ окна сосѣднихъ домовъ, помощью зеркала, такой же свѣтлый и бѣлый, какъ само солнце.

Совсѣмъ другое происходитъ, когда лучъ свѣта проникаетъ внутрь прозрачнаго тѣла и потомъ выходитъ изъ него. Оказывается, что лучъ расщепляется при этомъ на множество отдѣльныхъ лучей и притомъ же на множество цвѣтныхъ лучей.

Это выступаетъ особенно ясно и чисто при прохожденіи свѣта черезъ трехгранную стеклянную призму.

Лучъ S падаетъ на призму въ точкѣ A, а изъ B уже выходитъ раздѣленнымъ на множество цвѣтныхъ лучей, образующихъ радужную полоску или такъ называемый *спектръ*. (См. рис. 1).

Ньютонъ первый получилъ чистый солнечный спектръ, различилъ въ немъ и назвалъ слѣдующіе цвѣта: красный, оранжевый, желтый, зеленый, синій, индиго и фіолетовый.

Цвѣтное изображеніе спектра теперь можно встрѣтить во многихъ книгахъ, и мы будемъ считать его хорошо знакомымъ читателю.

Развить основы спектральнаго анализа можно, какъ сказано выше, на основаніи опытовъ, а это очень важно, ибо опытъ прямо и непосредственно понятенъ и убѣдителенъ для всякаго, это голосъ и слова самой природы.

Покажемъ, какимъ образомъ можно продѣлать основные опыты самому, у себя дома, при помощи самодѣльнаго спектроскопа. Такое простенькое самодѣльное приспособленіе нерѣдко полезнѣе дорогихъ инструментовъ, особенно для начинающихъ; въ самомъ дѣлѣ, въ преподаваніи опытныхъ наукъ нужно стремиться, прежде всего, къ тому, чтобы посѣять сѣмена живой науки, чтобы подвинуть своихъ слушателей или читателей на какую-нибудь самостоятельную работу.

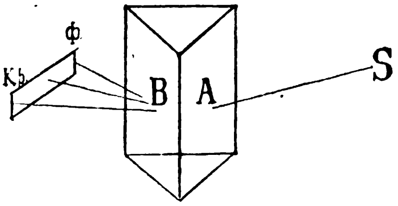


Рис. 1.

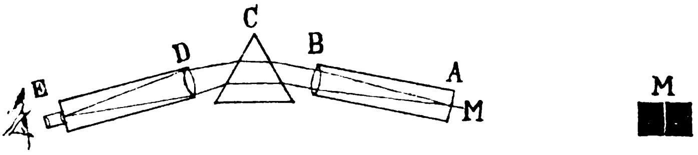


Рис. 2.

Снарядъ, который служитъ для опытовъ и изслѣдованій по спектральному анализу, называется *спектроскопомъ.* Я построилъ къ моему чтенію спектроскопъ самъ, ножичкомъ и лобзикомъ, съ весьма незначительною затратою денегъ.

Простое очковое собирательное стекло, съ фокуснымъ разстояніемъ въ 5 или 6 дюймовъ, вставляется въ картонную или деревянную трубку А В (см. рис. 2-ой), длина которой равна фокусному разстоянію стекла. На другомъ концѣ трубы дѣлается узкая щель изъ двухъ кусковъ цинковой жести; щель ставится параллельно ребрамъ призмы. Такая трубка называется *коллиматоромъ.* Источникъ свѣта М ставится передъ щелью.

Лучи свѣта по выходѣ изъ коллиматора попадаютъ въ призму С, разлагаются и образуютъ цвѣтной спектръ, который можно разсматривать прямо глазомъ, въ бинокль, въ какую-нибудь зрительную трубку DE или отбросить на экранъ.

Такимъ образомъ спектроскопъ состоитъ изъ трехъ частей: коллиматора, одной или нѣсколькихъ призмъ и небольшой зрительной трубы.

Самодѣльный спектроскопъ имѣетъ видъ, изображенный на нижеслѣдующемъ рисункѣ; призма была взята самая дешевая, въ родѣ тѣхъ, которыя вѣшаютъ для украшенія на канделябрахъ.

Приступимъ теперь къ основнымъ опытамъ.

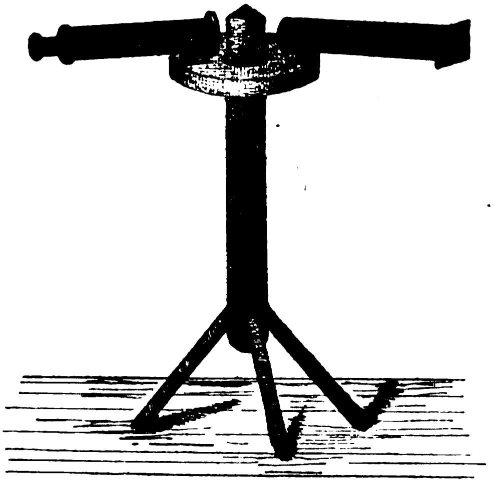


Рис. 3.

Поставимъ передъ щелью какое-нибудь раскаленное твердое тѣло, кусокъ желѣза, друммондовъ свѣтъ, т.-е. раскаленный кусокъ извести, или элѐктрическую лампочку накаливанія; тогда мы увидимъ уже знакомый нашъ семицвѣтный спектръ. То же было бы, если бы мы посмотрѣли на раскаленную поверхность чугуна или стали.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ *первое основное положеніе* спектральнаго анализа: спектръ раскаленнаго твердаго или жидкаго тѣла есть семицвѣтный, непрерывный, одинаковый для всѣхъ тѣлъ.

Замѣчательна особенность пламени свѣчи или лампы; оно дѣйствуетъ какъ раскаленное твердое тѣло и даетъ непрерывный спектръ. Не трудно понять причину этого: свѣтъ свѣчи или лампы происходитъ отъ мельчайшихъ частицъ раскаленнаго твердаго угля, находящихся въ пламени; эти частицы легко получить въ видѣ сажи, внося въ пламя кусочекъ фарфора, стекла или жести.

Теперь поставимъ передъ щелью обыкновенную спиртовую лампочку и всыпемъ въ пламя щепотку обыкновенной поваренной соли; соль начнетъ горѣть, и пламя станетъ ярче. Заглянувъ въ спектроскопъ, мы увидимъ, что случилось нѣчто совершенно неожиданное: никакого спектра нѣтъ, видна только одна узенькая, свѣтлая желтая полоска или линія.

Отчего же произошла такая коренная перемѣна? Измѣнилось пламя. Соль разложилась, заключающійся въ ней натрій сталъ испаряться, и свѣтъ пламени сталъ теперь свѣтомъ *паровъ* натрія.

Купимъ въ аптекѣ за пятачокъ щепотку какого-нибудь препарата со стронціемъ, напр.—бромистаго стронція (Strontium bromatum) или углекислаго стронція (Str. carbonicum). Я прямо называю, что именно купить, ибо между цѣнами есть огромная разница: фунтъ Str. bromatum стоитъ 65 коп., а фунтъ самого стронція около пяти тысячъ рублей. Для спектроскопическаго же анализа совершенно достаточенъ какой-нибудь препаратъ стронція. Всыпемъ щепотку этого порошка въ пламя лампы; обыкновеннаго спектра не будетъ, но не будетъ и свѣтлой линіи поваренной соли; будутъ видны двѣ свѣтлыя линіи, притомъ же не желтыя, а красныя.

Несмотря на свою примитивную простоту, нашъ спектроскопъ совершенно достаточенъ, чтобы позволить это видѣть. Спектръ получается гораздо чище съ призмою, отшлифованною г. Тяжеловымъ. Настоящій же спектроскопъ, такъ называемаго «школьнаго» типа, изображенный на прилагаемомъ рисункѣ, стоитъ отъ 30 до 75 руб. и даетъ возможность продѣлать болѣе тонкіеопыты.

Третья трубка этого снаряда имѣетъ внутри раздѣленную шкалу, видимую вмѣстѣ со спектромъ.

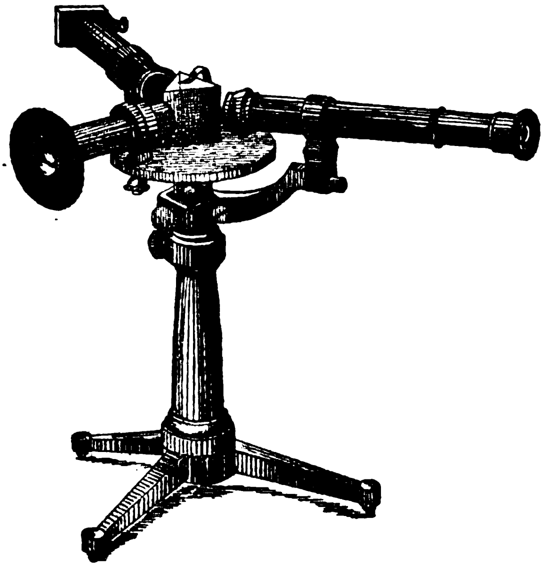


Рис. 4.

Подобные опыты повторялись тысячи разъ во всевозможныхъ видахъ; вездѣ и всегда они приводили къ одному и тому же заключенію, а именно, что раскаленный газъ даетъ спектръ изъ отдѣльныхъ свѣтлыхъ линій, притомъ же эти линіи для каждаго газа особыя по которымъ этотъ газъ и можно отличить отъ всѣхъ другихъ газовъ.

Въ этомъ состоитъ *второе основное положеніе* спектральнаго анализа.

Для тугоплавкихъ тѣлъ, какъ металлы, мы имѣемъ электрическую дугу; въ ней эти тѣла плавятся и затѣмъ превращаются въ раскаленный паръ, дающій свои характерныя линіи. Спектръ паровъ желѣза, напр., состоитъ изъ очень большого числа свѣтлыхъ линій, ихъ болѣе двухъ тысячъ.

Такимъ образомъ найдена возможность, по линіямъ въ спектрѣ, узнавать, съ какимъ химическимъ элементомъ, превращеннымъ въ паръ, мы имѣемъ дѣло, изобрѣтенъ новый *химическій анализъ*, совершенно отличный отъ всѣхъ способовъ извѣстныхъ въ наукѣ. Этотъ анализъ, кромѣ того, въ высшей степени чувствительный; посредствомъ него можно открыть присутствіе извѣстнаго химическаго элемента въ такомъ маломъ количествѣ, которое не можетъ быть обнаружено никакими другими средствами.

Второе положеніе надо дополнить еще очень важнымъ разъясненіемъ: свѣтлыя линіи, характеризующія тотъ или другой элементъ опредѣляются не по ихъ цвѣту, что было бы весьма неточно, а по ихъ числу и положенію или мѣсту въ спектрѣ, что можно сдѣлать при помощи вышеупомянутой шкалы, или, очень точно, посредствомъ особаго спектроскопа приспособленнаго для подобныхъ измѣреній и называемаго *спектрометромъ*. Это же даетъ возможность опредѣлять элементы и по фотографіямъ спектровъ, на которыхъ есть темныя линіи, но нѣтъ никакихъ цвѣтовъ.

Для спектральнаго анализа удобнѣе всего раскаливать или, выражаясь точнѣе, приводить въ состояніе свѣченія газы, заключенные въ гейсслеровыхъ трубкахъ, пропуская черезъ нихъ токъ отъ румкорфова снаряда. Изъ подобныхъ трубокъ былъ первоначально выкачанъ, возможно лучше, воздухъ, а затѣмъ было введено минимальное количество того или другого газа.

Мы разсматривали отдѣльно спектръ раскаленнаго твердаго тѣла и спектръ раскаленнаго газа. Теперь представимъ себѣ такой опытъ: имѣя раскаленное твердое тѣло передъ спектроскопомъ, помѣстимъ между этимъ тѣломъ и щелью нѣкоторую массу газа, но только холоднаго или, по крайней мѣрѣ, имѣющаго сравнительно низкую температуру: такимъ образомъ лучи твердаго тѣла пройдутъ прежде черезъ газъ, а затѣмъ уже попадутъ въ спектроскопъ. Спектръ получитъ вслѣдствіе этого опять особую и неожиданную физіономію: на свѣтломъ фонѣ семицвѣтнаго непрерывнаго спектра появятся темныя линіи, которыя по мѣсту въ спектрѣ будутъ точно совпадать съ тѣми свѣтлыми линіями, какія давалъ этотъ самый газъ въ раскаленномъ состояніи. Это называется превращеніемъ линій и составляетъ *третью основу* спектральнаго анализа.

Появленіе превращенныхъ линій было повѣрено опять-таки сотнями опытовъ, подтверждено теоретическими доказательствами и признается теперь несомнѣнной истиной.

Вышеописанный опытъ осуществимъ простыми средствами довольно трудно, но легко сдѣлать аналогичный опытъ, притомъ же обнаруживающій появленіе темныхъ линій при прохожденіи лучей черезъ газъ, въ чрезвычайно яркой и интересной формѣ. Изъ стекляной трубки, грушевидной формы, выкачивается воздухъ и вводится въ нее нѣсколько кусковъ іода, затѣмъ трубка запаивается. Трубка эта ставится между свѣчой или лампой и щелью спектроскопа. Какъ только поднесемъ спиртовку къ трубкѣ, такъ сейчасъ же іодъ начнетъ испаряться, наполняя ее темно-фіолетовыми парами, и въ спектрѣ замѣтимъ появленіе множества тончайшихъ темныхъ линій поглощенія. Отодвинемъ трубку нѣсколько въ сторону, и всѣ темныя линіи исчезнутъ изъ спектра.

Этотъ опытъ показываетъ намъ также, что въ газахъ есть еще поглощеніе другого рода, вслѣдствіе котораго появляются въ спектрѣ широкія, темныя полосы поглощенія и замѣчается даже потемнѣніе цѣлыхъ частей спектра. Такъ, въ нашемъ случаѣ вся фіолетовая часть спектра потускнѣетъ.

Отнимемъ, наконецъ, спиртовку и будемъ внимательно наблюдать спектръ. По мѣрѣ охлажденія трубки, пары іода осаждаются, всѣ линіи и полосы поглощенія постепенно слабѣютъ и черезъ нѣсколько минутъ совершенно исчезнутъ.

Этотъ важный опытъ можно сдѣлать и еще проще, стоитъ только капнуть въ пробирку одну или двѣ капли обыкновенной іодовой тинктуры, заткнувъ предварительно пробирку ватой, чтобы не дышать парами іода, и затѣмъ слегка подогрѣть спиртовкой; линіи немедленно обнаружатся, хотя и не такія интенсивныя, какъ въ вышеописанной трубкѣ, приготовленной спеціально.

Кто знакомъ съ химическими манипуляціями, тотъ можетъ сдѣлать слѣдующій, тоже весьма поучительный и демонстративный, опытъ. Въ небольшую колбу вливается чайная ложечка крѣпкой азотной кислоты и бросается горошина металлической мѣди; при медленномъ взбалтываніи, колбочка наполняется бурыми парами азотноватаго ангидрида, дающаго замѣчательныя линіи поглощенія. Пары эти вредны для дыханія, а потому колбочка должна находиться подъ тягой.

Поглощаютъ лучи свѣта и даютъ полосы въ спектрѣ не только газы, но и жидкости. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно наполнить обыкновенный флаконъ, съ параллельными стѣнками, напр., растворомъ марганцово-кислаго кали (kali hypermanganicum; хамелеонъ) и помѣстить его между щелью и лампою; нѣсколько широкихъ полосъ поглощенія появится въ средней части спектра.

Нерѣдко самый простой опытъ можно сдѣлать въ болѣе или менѣе содержательной формѣ. Возьмемъ, напр., въ нашемъ случаѣ, флаконъ съ параллельными стѣнками, но не съ квадратнымъ сѣченіемъ, а такой, чтобы его ширина была значительно больше толщины, т.-е. попросту плоскій. Наполнивъ его очень разжиженнымъ растворомъ и помѣстивъ такъ, чтобы лучи проходили черезъ меньшую толщину, мы, можетъ быть, совсѣмъ не замѣтимъ полосъ поглощенія, но стоитъ повернуть флаконъ на четверть оборота, и волосы ясно выступятъ. Такимъ образомъ мы обнаружимъ вліяніе толщины среды на поглощеніе лучей и отъ нашей сообразительности будетъ зависѣть признать потомъ въ явленіяхъ окружающей природы то самое, что мы видѣли въ нашемъ флаконѣ.

Спектральный анализъ въ случаѣ поглощенія свѣта жидкостями тоже весьма чувствителенъ и даетъ возможность обнаружить, напр., присутствіе въ растворѣ чрезвычайно малаго количества крови: даже застарѣлыя кровяныя пятна распознаются этимъ способомъ, если имѣютъ въ себѣ хотя бы самое ничтожное количество красящаго вещества крови.

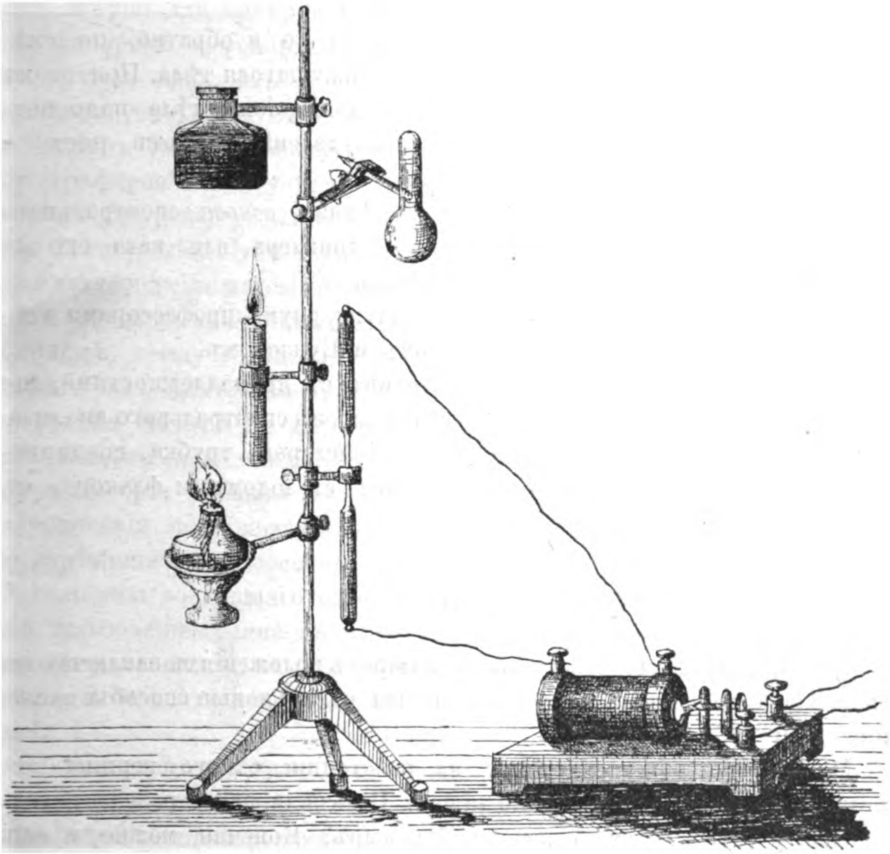


Рис. 5.

Представимъ себѣ наконецъ, что спиртовка съ солью, стоящая передъ нашимъ спектроскопомъ, удаляется отъ насъ съ очень большою коростью, тогда линія натрія смѣстится, сдвинется нѣсколько со своего мѣста. Хотя подобнаго опыта сдѣлать нельзя, потому что скорость должна быть весьма значительна и составлять замѣтную часть скорости свѣта, все-таки и этотъ фактъ смѣщенія можно установить на основаніи непосредственнаго наблюденія, притомъ же чисто эмпирически, не вдаваясь въ глубокое изученіе самаго механизма этого явленія. Въ самомъ дѣлѣ, есть на небѣ не мало движеній, скорость которыхъ мы можемъ точно вычислить, напр., движеніе планетъ и кометъ, скорость вращенія солнца около оси и т. д. Наблюдая спектръ этихъ движущихся тѣлъ и измѣряя смѣщеніе спектральныхъ линій, мы не только можемъ подтвердить существованіе смѣщенія, но и найти величину его для данной скорости свѣтящагося тѣла.

Смѣщеніе будетъ то въ одну, то въ другую сторону, то къ красному, то къ фіолетовому концу спектра, смотря по тому, движется ли свѣтящееся тѣло отъ насъ или къ намъ.

Разъ зависимость отъ скорости найдена, то и обратно, по смѣщенію мы можемъ опредѣлить скорость движущагося тѣла. При этомъ нужно только хорошо помнить, что подъ движеніемъ тѣла надо подразумѣвать приближеніе его къ намъ или удаленіе его отъ насъ, а отнюдь не перемѣщеніе влѣво или вправо.

Въ этомъ состоитъ *четвертая* и послѣдняя *основа* спектральнаго анализа, это такъ называемый принципъ Допплера, или, какъ его зовутъ французы, принципъ Допплеръ-Физо.

Спектральный анализъ введенъ въ науку двумя профессорами гейдельбергскаго университета, Кирхгофомъ и Бунзеномъ.

На рисункѣ 5-омъ изображенъ штативъ съ принадлежностями, необходимыми для повторенія основныхъ опытовъ спектральнаго анализа. На штативѣ имѣются: спиртовка, свѣча, гейслерова трубка, соединенная съ румкорфовымъ снарядомъ, трубка съ іодомъ и флаконъ съ поглощающею жидкостью.

II.

Теперь покажемъ, что въ этихъ четырехъ положеніяхъ заключаются въ высшей степени плодотворныя новыя идеи и новые способы изслѣдованія явленій природы.

Мы ставили нашу спиртовку на разстояніи одного вершка отъ щели спектроскопа, необходимо ли оно? Нельзя ли, напр., разсматривать въ спектроскопѣ весьма отдаленный пожаръ? Конечно, можно, и если въ полѣ нашего инструмента мы увидимъ ту же свѣтлую желтую линію натрія, то навѣрно и безошибочно опредѣлимъ, что тамъ горитъ поваренная соль, или, точнѣе, одна ея составная часть—натрій.

Пламя можетъ быть еще дальше, гдѣ-нибудь въ небесномъ пространствѣ, и все-таки къ нему спектральный анализъ будетъ примѣнимъ такъ же точно, какъ къ пламени лампы на нашемъ столѣ. Только для увеличенія силы нашего зрѣнія, спектроскопъ долженъ быть приставленъ къ зрительной трубѣ.

Отсюда понятно, почему спектральный анализъ сразу пріобрѣлъ такое значеніе именно въ астрономіи. Онъ далъ намъ возможность опредѣлять химическій составъ небесныхъ свѣтилъ, т.-е. разрѣшилъ задачу, которая лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ считалась мыслителями и философами навсегда неразрѣшимою и для насъ недоступною.

Я живо помню, какъ въ маѣ 1882 г. профессоръ Бредихинъ, нынѣ академикъ, наблюдалъ видимую тогда комету *Wells*'а. Спектръ кометъ былъ прежде уже хорошо извѣстенъ; въ тотъ вечеръ, однако, оказалось нѣчто совершенно новое. Въ спектрѣ кометы ярко блистала желтая линія въ томъ хорошо намъ извѣстномъ мѣстѣ, гдѣ должна быть линія натрія. Для повѣрки была всыпана щепотка соли въ пламя ручного фонарика, и фонарикъ поставленъ передъ объективомъ трубы; обѣ желтыя линіи, отъ фонаря и кометы, совпали точно. Такъ, впервые были усмотрѣны въ кометѣ пары натрія.

Спектръ солнца, разсматриваемый въ сильный спектроскопъ или сфотографированный, усѣянъ множествомъ темныхъ линій,—онѣ были названы *фраунгоферовыми*. Мы знаемъ теперь ихъ происхожденіе, это линіи поглощенія. Лучи твердаго или жидкаго солнечнаго ядра гдѣ-то проходятъ черезъ массы сравнительно холодныхъ газовъ; въ этихъ газахъ свѣтлыя линіи превращаются въ темныя. Но гдѣ же эти газы, на солнцѣ, между солнцемъ и землею или на землѣ? Между солнцемъ и землею ихъ нѣтъ, ибо при годичныхъ измѣненіяхъ разстоянія земли отъ солнца спектръ не испытываетъ никакого измѣненія. Часть этихъ линій земного происхожденія и возникла въ нашей атмосферѣ; линіи этой категоріи называются поэтому земными или *теллурическими*. Теллурическія линіи признаются по перемѣнамъ, претерпѣваемымъ ими при измѣненіи высоты солнца надъ горизонтомъ, вслѣдствіе различной толщины воздушнаго слоя, проходимаго лучами, и при спектральномъ наблюденіи солнца съ высоты горъ, поднимающихся надъ нижними, самыми плотными слоями атмосферы. Для такихъ именно изслѣдованій и была, главнымъ образомъ, построена обсерваторія на Монбланѣ.

Оказывается, что громадное большинство темныхъ линій солнечнаго спектра происходитъ отъ поглощенія въ солнечной атмосферѣ, облекающей центральное ядро.

Сравнивая положеніе темныхъ линій спектра съ положеніемъ извѣстныхъ изъ лабораторныхъ опытовъ свѣтлыхъ линій разныхъ газовъ, мы можемъ доказать ихъ присутствіе на солнцѣ. Такимъ образомъ, мы узнали, что на солнцѣ есть 35 извѣстныхъ намъ химическихъ элементовъ.

Самое полное изображеніе солнечнаго спектра сдѣлана фотографически американскимъ профессоромъ Роуландомъ. Фотографія эта имѣетъ имѣетъ видъ полосы длиною въ 18 аршинъ.

Извѣстно, что химики выражаютъ составъ тѣлъ посредствомъ особыхъ химическихъ формулъ; такъ эта длинная полоса, вся покрытая безчисленными темными линіями, есть химическая формула солнца, имъ самимъ написанная. Мы прочитали и поняли пока лишь весьма незначительное число членовъ этой формулы; чѣмъ лучше будемъ знакомиться со спектромъ солнца, тѣмъ яснѣе будетъ становиться его составъ и физическое строеніе.

Знаніе же солнца имѣетъ для насъ огромное значеніе; во-первыхъ, по причинѣ его вліянія на всѣ явленія мертвой и живой природы на землѣ, а во-вторыхъ, потому, что солнце есть единственная во всемъ мірѣ звѣзда, достаточно къ намъ близкая и, слѣдовательно, допускающая болѣе или менѣе основательное ея изученіе. Всѣ наши взгляды на звѣзды вообще въ извѣстной степени обусловлены знаніемъ солнца.

Давно уже было извѣстно, что во время полныхъ солнечныхъ затменій, изъ-за края надвинувшейся луны торчатъ какіе-то огненные языки, названные потомъ *выступами* или *протуберансами.* Одно время ихъ считали оптическою иллюзіею или давали имъ весьма разнорѣчивыя объясненія. Французскій ученый Жанссенъ первый направилъ на нихъ спектроскопъ, въ затменіе 18-го августа 1868 г., и, какъ это повторялось потомъ не разъ, многолѣтній споръ былъ рѣшенъ моментально. Спектръ выступовъ состоялъ изъ отдѣльныхъ свѣтлыхъ линій; слѣдовательно, они представляютъ изъ себя массы раскаленныхъ газовъ, главнымъ образомъ, водорода, окружающихъ солнце.

Тогда же Жанссену бросилась въ глаза яркость линій, и онъ получилъ убѣжденіе, что эти линіи можно будетъ видѣть не только въ короткія минуты затменія, а въ любой моментъ, что и подтвердилъ немедленно тамъ же, на мѣстѣ, въ Индіи, гдѣ наблюдалъ вышеупомянутое затменіе.

Очень скоро оказалось, что можно видѣть каждый день не только свѣтлыя линіи выступовъ, но и самые выступы въ ихъ естественной формѣ, и то безъ всякихъ новыхъ приспособленій, просто раскрывъ пошире щель спектроскопа. Въ образовавшееся такимъ образомъ маленькое окошечко прямо видны выступы; щель при этомъ должна находиться точно въ фокусѣ объектива трубы и быть касательною къ диску солнца, такъ что на нее падаетъ дѣйствительное изображеніе выступовъ, стоящихъ на краю солнца.

Необходимо вполнѣ уяснить себѣ, отчего протуберансы дѣлаются видимы помощью спектроскопа въ ясный день. Прямо въ трубу они днемъ не видны потому, что наша земная атмосфера, особенно близъ краевъ солнца, освѣщена особенно сильно, и за этою ослѣпительно-блестящею вуалью не видны слабо свѣтящіеся выступы, подобно тому, какъ днемъ не видны звѣзды. Но атмосфера свѣтитъ отраженнымъ солнечнымъ свѣтомъ и даетъ семицвѣтный спектръ, который тѣмъ длиннѣе, а слѣдовательно, и тѣмъ слабѣе, чѣмъ больше призмъ въ спектроскопѣ; напротивъ, спектръ выступовъ состоитъ изъ отдѣльныхъ линій, которыя только все болѣе и болѣе раздвигаются при увеличеніи числа призмъ, но не слабнутъ, такъ что, при достаточной силѣ спектроскопа, онѣ ясно выступятъ и днемъ на ослабленномъ фонѣ атмосферы, а если открыть пошире щель спектроскопа, то обрисуется и весь выступъ.

Все это я окончательно разъясняю слѣдующими двумя простенькими, но весьма поучительными опытами.

Сдѣлаемъ пламя спиртовки очень малымъ, такъ чтобы оно свѣтило незамѣтно, внесемъ въ него щепотку соли и поставимъ рядомъ со свѣчой; отойдемъ въ противоположный конецъ комнаты и посмотримъ черезъ призму, держа ее просто рукой. И свѣча, и лампа покажутся сильно сдвинутыми со своихъ мѣстъ, какъ и быть должно; но изображенія свѣчи не будетъ, вмѣсто него увидимъ цѣлый яркій спектръ; спиртовка же будетъ видна неизмѣнно въ своемъ естественномъ видѣ. Для ясности зрѣнія еще лучше смотрѣть не просто глазомъ, а въ небольшой бинокль или трубочку.

Второй опытъ. Устроимъ спиртовку съ очень маленькимъ пламенемъ, въ нѣсколько миллиметровъ, изъ аптечной стклянoчки, для чего вставимъ въ нее оттянутую стеклянную трубочку съ нитью фитиля, введемъ въ пламя зерно соли и поставимъ эту лампочку передъ щелью Затѣмъ, въ нѣкоторомъ разстояніи за нею помѣстимъ обыкновенную лампу, закрытую листомъ сѣрой, слегка желтоватой бумаги.

Пламя маленькой лампочки совершенно незамѣтно на фонѣ освѣщенной бумаги, но въ спектроскопѣ линія натрія видна очень хорошо, а открывъ пошире щель, увидимъ и само пламя.

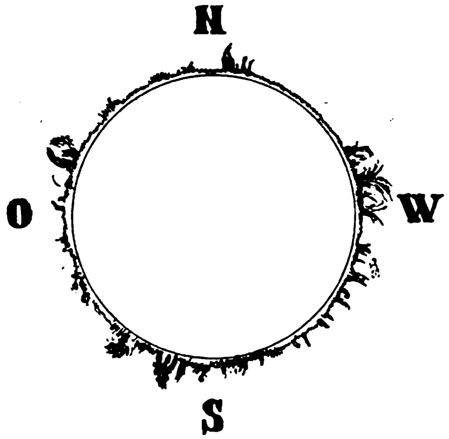


Рис. 6.

Такимъ образомъ началась новая эпоха въ изученіи солнца. Каждый день стали наблюдать и рисовать протуберансы, стоящіе на краю солнца.

На прилагаемомъ чертежѣ (рис. 6) изображено солнце съ окружающими его выступами; оно было бы такъ видно и для простого глаза, если бы не было нашей атмосферы.

Такъ какъ для публикаціи подобныхъ наблюденій неудобно было бы рисовать каждый разъ дискъ солнца, то чертится только его край, только профиль, развернутый въ прямую линію. Вотъ (рис. 7) пять такихъ профилей, снятыхъ въ уменьшенномъ видѣ съ рисунковъ Ѳ. А. Бредихина, которому принадлежатъ первыя у насъ спектроскопическія наблюденія выступовъ. Теперь такія наблюденія производятся въ Одессѣ, а одно время дѣлались и въ Харьковѣ.

III.

Звѣздное небо испоконъ вѣка приковывало къ себѣ взоры и вниманіе людей, но представляло вмѣстѣ съ тѣмъ пытливому уму непреодолимыя трудности въ изученіи.

Система Коперника показывала ясно, что звѣзды нужно считать солнцами, но что эти солнца находятся отъ насъ на такихъ разстояніяхъ, которыя долго казались невообразимыми и невозможными, а изученіе списковъ звѣздъ, составленныхъ древними, подтверждало установившееся убѣжденіе въ ихъ неподвижности.

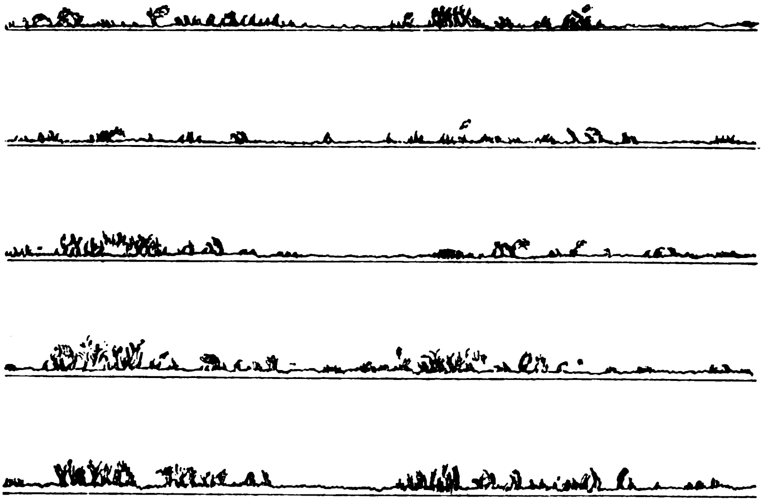


Рис. 7.

Но непрерывное усовершенствованіе инструментовъ и способовъ наблюденія, начиная съ половины восемнадцатаго вѣка, съ Брадлея и громадный, въ высшей степени плодотворный трудъ нѣсколькихъ поколѣній астрономовъ довели науку до современнаго совершенства. Изъ сопоставленія наблюденій за этотъ длинный промежутокъ времени обнаружились для многихъ звѣздъ небольшія смѣщенія съ ихъ мѣстъ, показывающія, что звѣзды не неподвижны, но имѣютъ собственное движеніе, хотя оно въ большинствѣ случаевъ тонетъ въ безграничномъ пространствѣ и дѣлается для насъ неуловимымъ.

Такимъ образомъ впервые міровая жизнь стала обрисовываться въ неясныхъ очертаніяхъ.

Тѣмъ неожиданнѣе были открытія, которыя стали быстро, чуть ли не каждый день, слѣдовать другъ за другомъ, благодаря примѣненію спектральнаго анализа къ явленіямъ звѣзднаго неба.

Спектроскопъ сейчасъ же показалъ, что звѣзды дѣйствительно солнца, что на нихъ находятся знакомыя намъ химическія вещества, что спектры ихъ различаются между собою далеко не такъ значительно, какъ можно было ожидать, и группируются въ три только класса, не считая переходныхъ ступеней.

Къ первому классу принадлежатъ бѣлыя звѣзды: Сиріусъ, Вега, Регулъ, Касторъ и т. д. Въ ихъ спектрахъ бросаются въ глаза темныя водородныя линіи, почти при полномъ отсутствіи какихъ либо другихъ.

Ко второму классу, желтоватыхъ звѣздъ, принадлежитъ прежде всего наше солнце, затѣмъ Арктуръ, Капелла, альфа Лебедя и пр. Ихъ спектръ, аналогичный солнечному, усѣянъ множествомъ металлическихъ линій.

Наконецъ, къ третьему классу принадлежатъ красноватыя звѣзды, альфа Оріона, Антаресъ и т. д., съ темными полосами въ спектрѣ.

Несомнѣнно, разность спектровъ находится въ прямой связи со стадіей развитія звѣздъ.

На ряду со звѣздами на небесномъ сводѣ разсѣяны тысячи туманностей; что представляютъ онѣ изъ себя, газовыя массы или скопленія звѣздъ, столь отдаленныя, что звѣздочки, сливаясь вмѣстѣ, образуютъ слабо свѣтящееся облачко? Споръ этотъ, по крайней мѣрѣ для отдѣльныхъ случаевъ, не можетъ быть рѣшенъ трубою; всегда возможно утверждать, что труба слишкомъ слаба, чтобы разрѣшить туманность на звѣзды. Но одинъ взглядъ черезъ призму, приставленную къ окуляру трубы, показываетъ, что огромное число туманностей даетъ не спектръ, а отдѣльныя свѣтлыя полоски, и состоитъ слѣдотельно изъ газа.

И въ этомъ случаѣ нельзя достаточно надивиться простотѣ рѣшенія этого вопроса первостепенной важности.

Иногда, впрочемъ весьма рѣдко, на небѣ случается особенное, выдающееся явленіе,—вдругъ загорается новая звѣзда. Такой случай, изъ самыхъ замѣчательныхъ, вѣроятно еще въ памяти у всѣхъ, а именно новая звѣзда въ Персеѣ, явившаяся въ февралѣ 1901 г. На ряду съ прежними способами изслѣдованія на сей разъ выдвинулся и занялъ безспорно первое мѣсто спектроскопическій методъ. По нѣсколько разъ каждую ночь снимали спектръ новой звѣзды, и эти снимки могутъ быть точно уподоблены телеграммамъ изъ далекаго пространства. Вѣсти были полны содержанія и почти ежечасно новыя. Удивительныя перемѣны претерпѣвалъ спектръ: вначалѣ онъ былъ безпрерывный, съ темными линіями, потомъ въ немъ появились широкія свѣтлыя полосы водорода, затѣмъ онъ сталъ постепенно гаснуть и превратился въ обыкновенный спектръ туманности. Не все еще мы можемъ вполнѣ уяснить себѣ, но путь въ область, такъ недавно совершенно недоступную, открытъ широкій.

IV.

Выводы, основанные на нашемъ четвертомъ положеніи, на принципѣ Допплера, не менѣе важны и поразительны.

Если на планетѣ, окутанной густою атмосферою, не видно никакихъ пятенъ или темныхъ мѣстъ, то невозможно сказать, вращается ли она вокругъ своей оси или нѣтъ, и только спектроскопъ, если не теперь, то со временемъ, обнаружитъ это вращеніе смѣщеніемъ спектральныхъ линій на противоположныхъ краяхъ диска. Въ такомъ именно положеніи находится по сю пору старинный и пока не рѣшенный споръ о вращеніи Венеры. Самое красивое свѣтило, воспѣваемое издавна поэтами, утренняя звѣзда — планета Венера—весьма неинтересна для астронома; на пустомъ лицѣ ея не видно ничего, и мы не знаемъ ни ея физическаго строенія, ни ея вращенія.

Если имѣется плоскій дискъ, равномѣрно освѣщенный и безъ всякихъ пятенъ, то опять таки только спектроскопъ можетъ показать, вращается ли онъ, а если вращается, то какъ именно.

Кольцо Сатурна представляетъ такую именно загадку. Уже теоретики, начиная съ Лапласа, доказывали, что оно не можетъ быть однимъ цѣлымъ, а состоитъ или изъ отдѣльныхъ колецъ, или изъ отдѣльныхъ частицъ; и дѣйствительно, эти соображенія оказались вѣрными. Кольцо вращается не какъ одно цѣлое, не какъ колесо пролетки, а концентрическими слоями, такъ что, чѣмъ слой ближе къ Сатурну, тѣмъ *быстрѣе* онъ вращается.

Бросивъ на щель спектроскопа дѣйствительное изображеніе Сатурна, даваемое объективомъ трубы, можно получить фотографически спектръ, продольныя полоски котораго будутъ изображать спектры разныхъ частей кольца. Оказывается, что въ такомъ спектрѣ темныя линіи не перпендикулярны къ его длинѣ, какъ это всегда бываетъ, а наклонны; это доказываетъ, что одна и та же темная линія различно смѣстилась въ разныхъ частяхъ кольца, а слѣдовательно, что эти части имѣютъ разныя скорости. Вернемся опять къ звѣздамъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ щели, внутри трубы, въ конусѣ лучей наблюдаемой звѣзды, поставимъ водородную гейсслерову трубку. Тогда на спектрѣ звѣзды увидимъ линію водорода: если эта свѣтлая линія не точно совпадаетъ съ темной линіей водорода въ спектрѣ звѣзды, то значитъ темная линія смѣщена, а если она смѣщена, то звѣзда движется, и по смѣщенію мы опредѣлимъ скорость приближенія или удаленія звѣзды.

Хотя мы отнюдь не знаемъ, на какомъ разстояніи находится отъ насъ наблюдаемая звѣзда, мы все-таки получимъ ея скорость, да при томъ же прямо въ нашихъ земныхъ единицахъ, въ километрахъ или верстахъ. Въ настоящее время мы уже имѣемъ небольшіе списки этихъ, такъ называемыхъ «лучевыхъ», скоростей звѣздъ. Скорости небольшія, 5,10—35 или 40 километровъ въ секунду.

Недавно открыты другого рода перемѣщенія спектральныхъ линій. Напримѣръ, въ спектрѣ весьма извѣстной, видимой простымъ глазомъ, перемѣнной звѣзды Альголь, темныя линіи періодически мѣняютъ свое мѣсто, двигаясь въ спектрѣ то въ ту, то въ другую сторону. Въ спектрахъ нѣкоторыхъ другихъ звѣздъ линіи періодически двоятся. Намъ не трудно теперь понять эти явленія,—они служатъ отраженіемъ движеній звѣздъ. Альголь есть двойная звѣзда, только вторая звѣзда темная и, слѣдовательно, совершенно недоступна прямому наблюденію. По законамъ механики обѣ звѣзды движутся около общаго центра тяжести, и это движеніе свѣтлаго компонента пары отражается въ періодическомъ движеніи спектральныхъ линій. Въ случаѣ двоенія линій, мы имѣемъ дѣло съ двойною звѣздою, состоящею изъ двухъ свѣтящихся компонентовъ, но такихъ близкихъ другъ къ другу, что увидѣть ихъ въ отдѣльности нельзя. Такимъ образомъ возникла недавно астрономія «невидимаго». Но всѣ такія изслѣдованія принадлежатъ къ труднѣйшимъ и удаются лишь немногимъ, особенно искуснымъ наблюдателямъ, имѣющимъ, кромѣ того, подъ рукою громадныя инструментальныя средства.

Особеннымъ успѣхомъ увѣнчалось примѣненіе фотографіи къ этой области; спектры, почти недоступные наблюденію глазомъ, могутъ быть отлично фотографируемы. Мы имѣемъ весьма извѣстнаго спеціалиста по этой части въ лицѣ старшаго астронома пулковской обсерваторіи А. А. Бѣлопольскаго.

V.

Въ безграничномъ небесномъ пространствѣ разсѣяны миріады солнцъ, то въ одиночку, то попарно, то собранные въ богатыя скопленія. Одни изъ нихъ цѣлыя тысячелѣтія блестятъ неизмѣннымъ свѣтомъ, другіе сверкаютъ блескомъ, мѣняющимся впродолженіи короткихъ періодовъ. Рядомъ съ ними слабо мерцаютъ неразгаданными лучами туманности, разсѣянныя по пространству островами неимовѣрной величины.

Всѣ эти тѣла состоятъ изъ одной и той же матеріи, всѣ движутся по однимъ и тѣмъ же механическимъ законамъ, всѣ взаимно связаны силою притяженія, лучами свѣта и тепла.

Надъ небесною бездною носится духъ единства міозданія! Вокругъ звѣздъ, вѣроятно, ходитъ сонмъ невидимыхъ для насъ планетъ; кромѣ лучей свѣта и тепла, пронизываютъ, несомнѣнно, пространство лучи иныхъ еще силъ, а за всѣмъ этимъ чуется другой элементъ, также разлитый въ небесномъ пространствѣ и связанный непонятнымъ для насъ образомъ съ матеріей.

Слабый человѣческій умъ, окрѣпшій въ свѣтлой и здоровой области чистой науки, усмотрѣлъ нѣкоторыя линіи величественной картины и эту частицу безконечности увидѣлъ не въ мечтахъ и угадалъ не волхованіемъ, не апріорнымъ построеніемъ, но изслѣдовалъ, измѣрилъ и завоевалъ столѣтними тяжелыми трудами, непосредственнымъ наблюденіемъ и математическимъ размышленіемъ.

VI.

Въ настоящее время у насъ есть уже не мало любителей астрономіи. Изъ писемъ, получаемыхъ обсерваторіей, видно, что всякое болѣе или менѣе выдающееся явленіе на небѣ было замѣчено кѣмъ-нибудь изъ нихъ. Бывали случаи, когда любителямъ удавалась подмѣтить даже рѣдкія телескопическія явленія; такъ, напр., въ Смоленскѣ, безо всякаго предувѣдомленія, замѣтили и наблюдали 6-го сентября 1903 г. покрытіе Юпитеромъ звѣздочки 6,5 величины.

Весьма желательно, чтобы въ программу своихъ астрономическихъ работъ любители ввели и спектроскопію. Наблюденіе солнечныхъ выступовъ, сравнительно, не трудно, но требуетъ сложнаго спектроскопа и трубы на солидномъ штативѣ. Въ трубу дюйма въ 4, при помощи маленькаго, такъ называемаго *окулярнаго спектроскопа* можно видѣть линіи въ спектрѣ нѣкоторыхъ свѣтлыхъ звѣздъ.

Какихъ результатовъ возможно достигнуть съ самыми скромными средствами, показалъ ассистентъ московской обсерваторіи С. Н. Блажко, получивъ весьма удовлетворительный спектръ новой звѣзды Персея при помощи обыкновенной призмы величиною въ два дюйма, съ преломляющимъ угломъ въ 45°, помѣщенной передъ объективомъ трубы. Для этого можетъ быть употреблена обыкновенная зрительная труба, окуляръ которой замѣненъ маленькою фотографическою камерою.

Не нужно только смущаться скромностью первыхъ работъ; всякое большое дѣло имѣетъ свое маленькое начало и затѣмъ развивается многими послѣдовательными улучшеніями.

Я привелъ нѣсколько примѣровъ изъ области приложенія спектральнаго анализа, ихъ можно было бы привести въ сто разъ больше, но и описанныхъ совершенно достаточно, чтобы показать плодотворность этого новаго ученія и чтобы уяснить себѣ ту огромную разницу, какая существуетъ между техническимъ изобрѣтеніемъ и новою научною идеею.

Недавно изобрѣтена новая электрическая лампа, за которую заплатили изобрѣтателю громадныя деньги; за спектральный анализъ не дали ученымъ ни гроша. И тѣмъ не менѣе изобрѣтеніе лампы не представляетъ никакой особенной важности, ею будутъ торговать очень бойко, но появится другая, съ нѣсколько болѣе удобнымъ расположеніемъ винтиковъ или проводовъ и прежняя исчезнетъ съ рынка немедленно и безслѣдно. Спектральный же анализъ открываетъ новые горизонты, разрѣшаетъ новыя задачи, и всѣ послѣдующія открытія въ этой области лишь увеличиваютъ его значеніе.

Еще одинъ выводъ сдѣлаю изъ сказаннаго. Солнечный спектръ съ древнѣйшихъ временъ извѣстенъ человѣку въ видѣ величественной радуги; спектръ солнца мы видимъ въ каплѣ росы, въ льдинкахъ, въ самоцвѣтныхъ граненыхъ камешкахъ наряда, онъ отовсюду и постоянно глядитъ на насъ, какъ самое обычное и частое явленіе повседневной жизни. И что же, тысячи лѣтъ прошли прежде, чѣмъ человѣкъ понялъ этотъ спектръ и то, что въ немъ заключается.

Такъ и, кромѣ спектра, вездѣ въ непосредственной близости отъ насъ есть чудеса, только мы ихъ еще не видимъ и не понимаемъ.

НИЧЕГО НЕ БЫЛО.

Разсказъ.

I.

Одинцовъ съ шумомъ распахнулъ дверь въ 39-й номеръ «Биржевой гостинницы» и въ густыхъ клубахъ табачнаго дыма увидалъ знакомую компанію. И съ того момента, какъ онъ переступилъ порогъ—онъ хорошо это запомнилъ,—вмѣстѣ съ запахомъ кахетинскаго вина, шашлыка и пива, говоромъ подгулявшихъ пріятелей и стонущими звуками фисгармоніи, его охватилъ порывъ радостно-жуткаго смѣшаннаго чувства.

Въ неизмѣнявшемъ ему въ послѣдній мѣсяцъ ощущеніи тупой житейской скуки, осложненной какимъ-то навязчивымъ анализомъ окружающаго «подъ угломъ», вдругъ зазвучала нотка товарищеской пріязни, слегка повышенной, но искренной беззаботности. Ожиданіе разгула съ невѣдомой, щекочущей нервы, перспективой точно приподняло Одинцова, втолкнуло въ распахнутую дверь, и онъ, сразу впадая въ общій тонъ, закричалъ съ утрированною развязностью:

— Привѣтъ честному кумпанству! Привѣтъ безнравственному имениннику, бездѣльнику и пьяницѣ Володькѣ!

Виновникъ торжества земскій начальникъ Бабичевъ, сидѣвшій за фисгармоніей и съ картиннымъ изгибомъ рукъ игравшій маршъ Буланже, бросился ему навстрѣчу.

— Госпожа судебная палата дорого заплатитъ за свои слова,—закричалъ онъ, цѣлуя Одинцова въ обѣ щеки,—налить ей за это по второй инстанціи!

И пока Одинцовъ переходилъ изъ объятій въ объятія, встрѣчаясь съ разнѣженными, влажными взорами друзей, Бабичевъ налилъ двѣ большихъ рюмки коньяку и, держа ихъ въ обѣихъ рукахъ, торжественно подступилъ къ Одинцову.

— А вотъ это по первой инстанціи,—говорилъ онъ, почти насильно вливая коньякъ въ ротъ Одинцову,—а это, братъ, по второй!

Одинцовъ опоздалъ, и завтракъ былъ въ полномъ разгарѣ, бутылки наполовину выпиты, блюда съ шашлыкомъ опустошены. Посреди стола возвышалась большая ваза съ толченымъ льдомъ, наполнявшимъ также стаканы съ торчащими изъ нихъ изогнутыми стеклянными трубками. Въ промежуткахъ толченаго льда желтѣлъ и золотился хересъ.

Ошеломленный двумя рюмками коньяку, но еще совершенно трезвый, Одинцовъ сидѣлъ за столомъ, тянулъ изъ стекляной трубки холодную влагу и, приходя въ себя, всматривался и слушалъ.

Именинникъ Бабичевъ, попрежнему выворачивая руки, игралъ маршъ Буланже и съ увлеченіемъ напѣвалъ какія-то нелѣпыя слова:

Гвардейца при-ве-ла
Съ собой моя се-стра,
Дочь опиралась горячо
На кирасирское плечо...

Народу было немного: кромѣ Одинцова и Бабичева, всего трое: студентъ-технологъ Гроссъ, молодой военный инженеръ Жуковъ и начальникъ судоходной дистанціи пожилой морякъ Китнеръ. Но всѣ они были безъ сюртуковъ, сидѣли, развалившись въ живописныхъ позахъ, громко говорили, стучали стаканами, и у Одинцова сначала получилось обманчивое впечатлѣніе, будто компанія гораздо больше. Пожилой морякъ обнималъ за плечи студента, а передъ ними стоялъ Жуковъ. Молодой инженеръ, съ торчавшимъ изъ-за жилета широкимъ военнымъ галстухомъ, быстро жестикулировалъ и показывалъ на картахъ замысловатый фокусъ. Маленькіе черные глазки Жукова лукаво смѣялись на неподвижномъ, тщательно выбритомъ лицѣ, а быстро мелькавшіе пальцы съ необычайною ловкостью тасовали и подтасовывали колоду. Потомъ инженеръ жонглировалъ бокалами и тростью, завязывалъ салфетку въ «волшебный узелъ» и все время приговаривалъ съ интонаціей заправскаго фокусника:

— Алле пассе! алле гопъ!

Начальникъ судоходной дистанціи, тянувшій хересъ стаканъ за стаканомъ и усердно подливавшій студенту Гроссу, не мигая смотрѣлъ на инженера бѣлесовато-голубыми острыми глазами морского волка и, всплескивая руками, восхищенно кричалъ:

— То-есть это, я вамъ доложу, поразительно! Клянусъ хересомъ и студентомъ! Ахъ, чортъ его возьми! Шевели ногами!..

А технологъ Гроссъ, съ открытымъ «добролюбовскимъ» лицомъ, пилъ хересъ попеременно съ водкой, стучалъ кулакомъ по столу и говорилъ съ равнодушной разстановкой:

— Ерунда. Брось, инженеръ!.. Вся наша жизнь такой же фокусъ съ тасовкой и подтасовкой. Да, братъ. Лучше выпьемъ. И я тебѣ докажу, какъ дважды два, что ты самъ салфетка, завязанная узломъ...

II.

Номеръ гостинницы, гдѣ остановился и справлялъ именины Бабичевъ, выходилъ на тѣневую сторону улицы, и въ немъ, по контрасту съ зноемъ, ослѣпительно сіявшимъ съ противоположной стороны, казалось не жарко.

Подойдя къ окну, Одинцовъ увидалъ рядъ татарскихъ лавчонокъ. Съ пыльной улицы вѣяло прѣлымъ запахомъ арбузовъ и дынь, наваленныхъ у дверей лавчонокъ цѣлыми грудами. Тутъ же на корточкахъ сидѣли татары въ круглыхъ бархатныхъ ермолкахъ и персы въ высокихъ барашковыхъ шапкахъ. У персовъ были загорѣлыя коричневыя лица, а бороды и ногти окрашены въ рыжевато-красную краску. На знойной улицѣ, переполненной лавками, группами татаръ и персовъ, была почти нѣмая тишина, а изъ номера гостинницы, гдѣ пировало пятеро друзей, вырывался разноголосый шумъ и рѣзкіе, стонущіе звуки фисгармоніи. Но торговцы арбузами были равнодушны къ этому шуму, и только широколицый рябой татаринъ, сидѣвшій какъ разъ противъ Одинцова и смотрѣвшій на него двумя крошечными точками глазъ, улыбался широчайшей улыбкой. Онъ причмокивалъ губами, бормоталъ что-то въ родѣ «тарамъ-барамъ», и Одинцовъ догадался, что татарину за него весело.

И тутъ снова, какъ и по дорогѣ въ гостиннацу, онъ поймалъ себя на мысли, что пришелъ сюда не изъ-за именинъ Бабичева, не ради встрѣчи съ пріятелями, а съ единственною цѣлью напиться пошлѣйшимъ образомъ и что-то заглушить въ себѣ. Онъ даже хорошенько не зналъ, что именно, но ему было ясно, что какая-то струна порвалась въ немъ, и, кромѣ безпричинной скуки, отвращенія къ избитымъ формамъ жизни, въ его мозгу воцарился какой-то новый надоѣдливый и упрямый врагъ. Этотъ врагъ держалъ въ тискахъ его голову и точно снялъ съ его глазъ мутную пелену, замѣнивъ ее увеличительнымъ стекломъ. И та жизнь, съ которой раньше мирился Одинцовъ, находя въ ней какую-то гармонію и вѣрность пропорцій, вдругъ со всѣхъ сторонъ полѣзла ему въ глаза съ рельефными до боли, кричащими деталями уродства, подчеркнутой лжи и вопіющаго неравенства силъ и положеній.

Все это вспомнилось ему лишь на минуту. Рябая татарская рожа, похожая на комическую маску, улыбалась на фонѣ уличной тишины и зноя и точно заявляла о томъ, что все обстоитъ благополучно. И Одинцовъ, какъ бы успокоенный, отошелъ отъ окна.

Инженеръ Жуковъ стоялъ на столѣ между бокалами и старался изобразить «танецъ мечей».

— Браво, капитанъ!—сказалъ Одинцовъ, подходя къ столу,—но тѣмъ не менѣе слѣзайте и будемъ пьянствовать.

И, соединившись тѣсной группой, именинникъ и гости заговорили гулкими, свободными голосами людей, которымъ некого стѣсняться.

— Къ чорту философію!—продолжая начатый споръ, кричалъ морякъ въ лицо студенту.—Поживи съ мое, тогда узнаешь, что жизнь человѣческая на каждомъ шагу зависитъ отъ глупаго случая. А стало быть нечего манерничать и разсуждать: то хорошо, а это не хорошо. Все хорошо, что не мѣшаетъ жить. Шевели ногами!

— Совершенно вѣрно,—сказалъ Бабичевъ,—эхъ ты, миляга Гроссъ, молода—въ Саксоніи не была.

— Ну, и къ лѣшему, не желаю спорить,—сказалъ студентъ,—я пришелъ сюда не узоры разводить, а пить водку.

— А самъ споришь!—намѣренно «тыкая» студента, сказалъ морякъ.

— Да въ чемъ дѣло, господа?—поинтересовался Одинцовъ.

— А вотъ въ чемъ,—сказалъ Жуковъ,—я фокусы показываю, а нашъ милый Гроссъ изобрѣтаетъ тосты, да какіе! «За идею», напримѣръ.

— Вѣрно, за ид-дею!—повторилъ студентъ слегка заплетающимся языкомъ.

— Этого мало—онъ еще лучше придумалъ: «за посрамленіе интеллигенціи», говоритъ.

— И это вѣрно: за посрамленіе и позоръ... урра!—закричалъ Гроссъ.

— Ну вотъ видишь,—притворно сердясь сказалъ морякъ,—да ты самъ-то кто, интеллигентъ, баринъ?

— Не надуешь, стара пѣсня,—уже спокойно говорилъ студентъ,—знаемъ мы, гдѣ раки зимуютъ.

— Послушайте вы, дьяволы!—сказалъ Бабичевъ.—Такъ-то вы меня чествуете, опять антимонію завели...

— Виноватъ, простите,—театрально улыбаясь и поднимая бокалъ, сказалъ Гроссъ,—за здоровье господина земскаго начальника, народнаго радѣтеля, числящагося по болѣзни въ отпуску, пьющаго хересъ со льдомъ и ледъ съ хересомъ, бренчащаго на клавикордахъ и сіяющаго упитанными мордасами... Ура!

— Мерзавецъ!—шаржирующимъ, опереточнымъ тономъ воскликнулъ Бабичевъ.—Онъ мнѣ нравится!

III.

Отъ громкаго смѣха, табачнаго дыма и выпитаго вина Одинцовъ слегка оторопѣлъ, но опьяненіе, котораго онъ ждалъ, какъ на зло не появлялось. И все время у него было какое-то странное чувство утроеннаго вниманія, почти прозорливости, способной подмѣчать мельчайшіе штрихи и детали. Начиная съ людей, трактирной обстановки и кончая узоромъ обоевъ, все вырисовывалось передъ его глазами отчетливо и рѣзко, а слова, интонаціи отчеканивались и звенѣли въ ушахъ. И онъ смотрѣлъ на всѣхъ расширеннымъ, глубокимъ взоромъ.

— Брось наблюдать, неужели не надоѣло?—поймалъ его Бабичевъ,—чортъ васъ знаетъ, господа, точно сговорились. Одинъ лѣзетъ съ идеями разными, другой съ фотографическимъ аппаратомъ. Ну что объективъ навелъ?—снова обратился онъ къ Одинцову,—ужъ лучше прямо вынь записную книжку, да потомъ гдѣ-нибудь тисни: вотъ на что, молъ, уходятъ лучшія силы и прочее. Нѣтъ, государи мои, кто сидитъ со мной, тотъ долженъ спрятать въ карманъ всякіе «позоры интеллигенціи» и фотографическіе аппараты. А то и въ самомъ дѣлѣ придется позвать Карапета.

— Пирикрасная мысилъ,—съ восточнымъ акцентомъ, оттопыривъ губы, произнесъ инженеръ,—Карапэтъ, дюша мой, хароши чилавэкъ...

И когда черезъ минуту явился хозяинъ гостинницы, армянинъ съ юмористически-хитрымъ, но симпатичнымъ лицомъ, Бабичевъ отвелъ его въ сторону и съ таинственнымъ видомъ началъ шептать что-то на ухо. Карапетъ исчезъ, а Бабичевъ вернулся къ столу и сказалъ:

— Противоядіе найдено.

— Шевели ногами,—сказалъ морякъ,—держу пари, что женщины.

— Всего одна, но зато, кажется, общая знакомая—Джульетта... Ну да вы знаете, какъ ее, Наташка или Манька? Только за нею еще нужно послать въ «Аркадію», а пока...

Онъ не договорилъ, какъ распахнулась дверь и снова появился Карапетъ, а за нимъ четыре фигуры кавказскихъ горцевъ въ длиннѣйшихъ черкескахъ. У каждаго было по музыкальному инструменту, въ родѣ мандолины съ шарообразнымъ корпусомъ и длиннымъ-предлиннымъ грифомъ. Двое изъ нихъ были слѣпы, но въ ярко-синихъ, скрывавшихъ ихъ глаза, очкахъ, и шли подъ руку съ товарищами. Такъ и вошли они попарно, дробной, семенящей походкой, церемонно раскланиваясь на всѣ стороны.

Усѣвшись на стульяхъ, разставленныхъ въ квадратъ, они молча настроили инструменты, откинули широкіе рукава черкесокъ и замерли... Потомъ разомъ ударили по струнамъ.

Вмѣстѣ съ музыкой плясовой кавказской пѣсни поднялся страшный шумъ, топотъ ногъ и хлопанье въ ладоши. Именинникъ, гости и даже самъ хозяинъ гостинницы вдругъ пришли въ движеніе. Они слегка приплясывали на мѣстѣ, отбивали ладонями тактъ, и звонкіе хлопки слились въ одинъ грохотъ съ лихими, крутящимися, какъ вихрь, звуками танца. Карапетъ, стоя посреди комнаты, поворачивался на одной ногѣ, плавно разводилъ въ воздухѣ руками и, лукаво подмигивая, дѣлалъ видъ, что вотъ-вотъ пустится въ плясъ.

IV.

Только Одинцовъ неподвижно сидѣлъ и всматривался. Выпитый хересъ попрежнему не опьянялъ его, кровь стучала въ вискахъ и мысль работала съ удвоенною живостью. Ему захотѣлось воздуха, онъ всталъ и подошелъ къ окну. На другой сторонѣ улицы рябой татаринъ съ маской смѣха на лицѣ и нѣсколько другихъ татаръ изъ сосѣднихъ лавокъ, столпившись въ кучку, во всѣ глаза смотрѣли въ окна гостинницы, и было видно, что они жадно ловятъ бодрый, зовущій шумъ, вихремъ вылетающій изъ оконъ. Они тоже слегка приплясывали, и на ихъ лицахъ была написана радость. Увидавъ Одинцова, они любовно закивали ему, и всѣ вмѣстѣ забормотали что-то очень похожее на «тарамъ-барамъ».

Одинцовъ отошелъ отъ окна, невольно улыбаясь, и вдругъ встрѣтился съ глазами одного изъ музыкантовъ. Тотъ сидѣлъ, немного выдавшись изъ группы, и по лицамъ остальныхъ, устремленнымъ къ нему, чувствовалось, что онъ—главный. Глаза, съ которыми встрѣтился Одинцовъ, были глазами птицы, круглыми, безъ зрачковъ, и притомъ на совершенно птичьемъ лицѣ съ узкими сдавленными висками и длиннымъ, напоминающимъ клювъ, носомъ. Маленькая головка горца вращалась во всѣ стороны, скользя пристальнымъ взглядомъ то по товарищамъ, то по гостямъ. А стеклянная непроницаемость взора и быстрое мельканіе руки, ударявшей по струнамъ, придавали этому музыканту видъ большой заводной куклы. Двое слѣпцовъ въ синихъ очкахъ были блѣдны, а ихъ плечи странно опущены. И въ этой опущенности плечъ, въ скорбной складкѣ губъ, въ непроницаемости круглыхъ синихъ стеколъ, отражавшихъ комнату, чувствовалась жуткая сосредоточенность, устремленность въ глубину, какое-то мертвенное вниманіе и тайна. Было похоже на то, что отъ нихъ осталась одна оболочка въ видѣ черкесокъ, блѣдныхъ лицъ и синихъ стеколъ, а отлетѣвшія души ихъ витаютъ далеко въ горахъ Кавказа, среди долинъ и ущелій. Между тѣмъ въ отчаянно-смѣлыхъ и дикихъ надрывахъ струнъ все время тоскливо и назойливо жужжала бѣдная, жалобная нотка. Очевидно, это звучала слабо-натянутая плохенькая струна, но это не вносило диссонанса, не казалось случайностью, а въ соединеніи съ грознымъ, таинственнымъ рокотомъ давало красивый и цѣльный образъ порабощенной народности. Мужественные призывы къ мщенію и безсильныя женскія слезы звучали смѣшаннымъ аккордомъ.

Одинцовъ не слышалъ начальника дистанціи, то и дѣло кричавшаго неизмѣнное «шевели ногами», и все смотрѣлъ въ бездонные черные глаза. И понемногу въ гордомъ поворотѣ птичьей головы музыканта, въ немигающемъ неподвижномъ взглядѣ ему началъ чудиться странный вызовъ. По прежнему въ вискахъ Одинцова тяжелымъ молотомъ стучала кровь, рождавшая въ мозгу напряженную, нудную мысль. И ему уже все было ясно. Да, безъ сомнѣнія, это все та же «оборотная сторона медали», которую весь послѣдній мѣсяцъ рисовало ему упрямое смотрѣніе «подъ угломъ», нервная обостренность вниманія. На каждомъ шагу, въ ежедневныхъ столкновеніяхъ съ такъ называемой низшей массой, онъ ловилъ на себѣ нескрываемые ненавидящіе взоры. И въ птичьихъ глазахъ музыканта, какъ будто безсмысленныхъ и неподвижныхъ, теперь отчетливо пылала та же, знакомая Одинцову, ненависть мрачная, безпросвѣтная, не знающая пощады.

Бабичевъ, инженеръ, студентъ Гроссъ и морякъ продолжали пить, цѣловаться, говорить свободными и гулкими голосами, смѣяться надъ Карапетомъ, а Одинцовъ все сидѣлъ съ неотвязной думой, и кровь стучала у него въ вискахъ. И ему казалось, что въ атмосферу пирующаго барства, благоглупыхъ, обидно-безсодержательныхъ рѣчей какимъ-то протестомъ врывается гордое бряцаніе струнъ подъ пальцами грошовыхъ музыкантовъ. И было что-то ужасное, будящее чувство жгучаго стыда въ блѣдности трезвыхъ слѣпцовъ и чистотѣ синихъ стеколъ, отражавшихъ пьяную комнату.

— Дайте же музыкантамъ вина!—внезапно закричалъ Одинцовъ такимъ надорваннымъ, истерическимъ тономъ, что всѣ къ нему обернулись.

— Ну, и ладно, дадимъ!—сказалъ Бабичевъ, глядя на него съ удивленіемъ.—Что ты орешь, судебная палата?

— И въ самомъ дѣлѣ довольно музыки,—сказалъ студентъ,— а то вы и рады, эксплуататоры!

Карапетъ сдѣлалъ знакъ рукой, и пѣсня умолкла на оборванной, плачущей нотѣ. Птичья, вращающаяся головка тоже остановилась, и ея взоръ странно потухъ. Карапетъ взялъ со стола двѣ бутылки кахетинскаго, передалъ слѣпцамъ, потрепавъ ихъ по плечу, и сказалъ что-то по грузински. И четыре фигуры въ длинныхъ черкескахъ, присѣдая и кланяясь, выплыли изъ комнаты.

V.

Въ ту же дверь черезъ нѣсколько минутъ впорхнула красивая женщина въ огромной свѣтлой шляпкѣ и ажурномъ платьѣ, сквозь которое просвѣчивали мягкіе рельефы плечъ.

Начальникъ судоходной дистанціи, пошатываясь, но стараясь быть галантнымъ и бравымъ, поднялся съ мѣста и, покручивая усъ, вперилъ въ нее свои бѣлесовато-голубые глаза. И въ нихъ уже не было прямоты и суровости морского волка, а сверкали плотоядныя искры.

Бабичевъ откинулся назадъ всѣмъ своимъ полнымъ и статнымъ корпусомъ, разставилъ руки и сказалъ:

— Очаровательна, воздушна и съ ногъ сшибательна, какъ всегда. Но сегодня, Джульетточка, я васъ долженъ предупредить—побольше простоты. Снимайте вашу шляпу... Вотъ такъ. Затѣмъ положите ваши ручки сюда.

Земскій начальникъ положилъ ея руки къ себѣ на плечи и закончилъ:

— Теперь хорошенько поцѣлуйте меня, ибо я именинникъ.

Та, которую звали Джульеттой, не смущаясь, звонко поцѣловала Бабичева, и затѣмъ. повернувшись на высокихъ французскихъ каблукахъ, поздоровалась со всѣми. Одинцовъ зналъ ее олько по открытой сценѣ «Аркадіи» и не могъ не замѣтить, что вблизи, при дневномъ свѣтѣ она и старше, и дурнѣе, чѣмъ на подмосткахъ. Но все же въ ея лицѣ была та раздражающая томность монахини, а въ сѣрыхъ равнодушныхъ глазахъ и строгомъ складѣ губъ та кажущаяся недоступность, которой она покоряла сердца молодыхъ купцовъ и офицеровъ. И онъ самъ невольно приподнялся съ мѣста и, пожимая протянутую руку Джульетты, назвалъ свою фамилію.

— Ахъ, душка-адвокатъ... очень пріятно,—пошловатымъ тономъ произнесла Джульетта, а на ея лицѣ была прежняя строгость, и ея ротъ улыбался недоступно и холодно.

Между тѣмъ Бабичевъ сталъ на стулъ, заскрипѣвшій подъ его полнымъ тѣломъ, и громко заявилъ:

— Теперь всѣ въ сборѣ. Предлагаю на голосованіе: оставаться ли намъ здѣсь, или отдать себя въ распоряженіе нашему милѣйшему, добрѣйшему начальнику дистанціи, хозяину очаровательнаго парохода, стоящаго подъ парами съ утра и ожидающаго насъ, чтобы отплыть въ нѣкоторое волшебное царство?

— Браво! шевели ногами!—сказалъ морякъ.

— Пароходъ такъ пароходъ! — весело произнесъ инженеръ Жуковъ, ловко и изящно становясь вверхъ ногами посреди комнаты.

— А ты, судебная палата?—спросилъ Бабичевъ.

— Я ничего не имѣю противъ парохода,—какъ-то растерянно сказалъ Одинцовъ, только начавшій приходить въ себя отъ музыки горцевъ и появленія Джульетты.

А студентъ съ открытымъ «добролюбовскимъ» лицомъ закончилъ съ разстановкой:

— И я за волшебное царство. Квалифицированное большинство.

VI.

По дорогѣ на казенную пристань, сидя на извозчикѣ рядомъ съ инженеромъ, отуманенный зноемъ и душнымъ запахомъ пыли, татарскихъ лавчонокъ и дынь, Одинцовъ испытывалъ пріятное чувство душевной теплоты, безъ самоугрызенія и крючкотворства.

— Послушай, Жуковъ!—говорилъ онъ инженеру, жонглировавшему палкой на спинѣ у извозчика,—я, кажется, начинаю входить во вкусъ. Тамъ, должно быть, трактирныя стѣны давятъ. А здѣсь хорошо... И, ей-Богу, какъ будто все благополучно. Правду я говорю, извозчикъ?

Обернулось добродушное татарское лицо съ маленькими смѣющимися глазками.

— Гуляй, гуляй, баринъ, зачѣмъ не гуляй, хорошо гуляй,—заговорилъ извозчикъ скороговоркой, въ которой Одинцову послышалось знакомое «тарамъ-барамъ».

Совершенно успокоенный, Одинцовъ началъ оглядываться по сторонамъ. Какъ разъ за спиной у него ѣхали на извозчикѣ морякъ Китнеръ и Джульетта. Вдали виднѣлась студенческая фуражка Гросса. Бѣлый зонтикъ Джульетты весело сверкалъ на солнцѣ, а у моряка былъ разстегнутъ китель, и кортикъ съ бѣлой костяной рукояткой громко стучалъ по крылу пролетки.

Когда выѣхали на Волгу, казенная пристань оказалась тутъ же, окрашенная въ бѣлоснѣжную краску, сіяющая ярко начищенною мѣдью перилъ и дверныхъ ручекъ. Путейскій пароходъ «Стрѣла» также блестѣлъ вычурными украшеніями бортовъ, мѣдными баками котла, обитыми въ мѣдь сходнями, и Одинцову этотъ блескъ почему-то напомнилъ праздничное сіяніе вычищенныхъ самоваровъ.

Съѣхались какъ-то сразу и тѣсной гурьбой спустились на пристань по широкому и покатому трапу. И было что-то общее, какъ показалось Одинцову, въ упругомъ сопротивленіи гибкихъ досокъ трапа и стройной выправкѣ двухъ матросовъ, выбѣжавшихъ навстрѣчу и ставшихъ на вытяжку у входа на палубу «Стрѣлы». Легкія синія рубахи съ широкими бѣлыми воротниками колебались отъ вѣтра и не могли скрыть округлостей здоровой и крѣпкой груди.

— Готово?—начальнически-громко спросилъ Китнеръ.

— Есть!—прозвучалъ отчетливо-согласный отвѣтъ обоихъ матросовъ.

— Шевели ногами!

Подъ вліяніемъ чистаго воздуха, влажнаго волжскаго вѣтра и даже нѣкотораго гипноза этой матросской выправки, Одинцовъ самъ почувствовалъ бодрость, а вмѣстѣ съ нею къ нему внезапно вернулась обычная нервная наблюдательность, способность подмѣчать детали. Но въ то же время ему было какъ-то легко и весело. Морякъ ходилъ по пристани, отдавалъ какія-то распоряженія, и то и дѣло слышалось его «молодцы! шевели ногами!» И несмотря на сумбурную неточность приказовъ, которые поминутно отмѣнялись, на неровность походки и комическую безсмысленность бѣлесовато-голубыхъ глазъ начальника, на умныхъ лицахъ матросовъ была написана самая искренняя почтительность. И это почему-то нравилось Одинцову, и онъ ловилъ себя на чувствѣ легкой зависти къ моряку.

Блестѣла ярко начищенная мѣдь, основательно и красиво построенная пристань непоколебимо противилась прибою волнъ, слышалось здоровое и бравое «есть!», и въ этой казенной подтянутости Одинцовъ съ удивленіемъ не находилъ никакого контраста пьяному начальнику судоходной дистанціи,—напротивъ, чувствовалъ какой-то заботливый оплотъ, какую-то нормальную гарантію и защиту. Въ глазахъ стараго штурмана, вышедшаго на бортъ парохода и съ любовною осторожностью подсаживавшаго поочередно и начальника дистанціи, и гостей, свѣтились искорки благодушнаго смѣха. А въ напускной, преувеличенной почтительности положительно было что-то похоже на бережную заботливость няньки.

На верхней палубѣ «Стрѣлы», подъ широкимъ парусиновымъ тентомъ, былъ накрытъ большой столъ, а на немъ стояла неизмѣнная ваза со льдомъ и бутылки хереса, лимонада и нарзана. Аккуратно сложенныя лежали изогнутыя стеклянныя трубки, а въ сторонѣ со скромной улыбкой на хитромъ армянскомъ лицѣ переминался съ ноги на ногу Карапетъ.

— Молодецъ! Шевели ногами! Ходи дальше, знакомъ будешь!—

крикнулъ ему морякъ, и когда тотъ, раскланявшись во всѣ стороны, сошелъ на пристань,—махнулъ рукой старому штурману.

И черезъ минуту «Стрѣла», сдѣлавъ широкій поворотъ, понеслась по теченію между лѣсистыми, утопавшими въ солнечномъ свѣтѣ берегами.

VII.

Именинникъ Бабичевъ сидѣлъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ и, раскладывая по стаканамъ толченый ледъ, заливалъ его хересомъ. Пѣвица съ открытой сцены жадно глотала вино, смотрѣла на всѣхъ улыбающимися глазами, но въ изгибѣ ея рта и гордомъ наклонѣ шеи попрежнему чувствовалась недоступность. А между тѣмъ Одинцовъ отлично видѣлъ, какъ Джульетта, чокаясь съ начальникомъ дистанціи, въ то же время прижималась плечомъ къ сидѣвшему съ другой стороны Бабичеву. И самого Одинцова дразнили эти равнодушные глаза монахини, смутное чувство досады понемногу прокрадывалось въ его душу, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвращалась острота глаза, придирчивая и злобная. Ему уже было ясно, почему Джульетта тянется къ моряку, несмотря на то, что общество красавца Бабичева ей пріятнѣй. Начальникъ дистанціи былъ богатъ, сорилъ деньгами, въ закулисномъ мірѣ «Аркадіи» пользовался большимъ почетомъ, и много простыхъ хористокъ попало благодаря ему въ «этуали».

— Господа!—поднимая бокалъ, торжественно сказалъ студентъ.

— Знаемъ, знаемъ!—перебилъ его инженеръ.—За идею?

Открытое лицо студента снисходительно улыбнулось, а низкій басъ сказалъ съ обычной разстановкой:

— Заткни фонтанъ.

И продолжалъ:

— Во благовременіи все хорошо. И идеи, и хересъ, и молчаливая судебная палата, и женщины въ пирамидальныхъ шляпахъ. Но такъ какъ мы ѣдемъ въ нѣкоторое волшебное царство, какъ изволилъ выразиться господинъ достоуважаемый именинникъ, то требуются поправки. А именно. Пунктъ первый: пусть молчаливая судебная палата произнесетъ хоть одно слово, и пунктъ второй: обладательница пирамидальной шляпы пусть сниметъ оную шляпу.

И Гроссъ умолкъ при общемъ смѣхѣ.

Стало веселѣе. Всѣ громко заговорили. Джульетта сняла шляпу, но Одинцовъ, пользуясь тѣмъ, что о немъ забыли, не произнесъ ни слова и продолжалъ тянуть вино изъ стеклянной трубки. Хересъ не опьянялъ его, не давалъ забвенія, и онъ, переставъ бороться съ собою, отдался теченію мыслей. Онъ думалъ, желчно обращаясь къ самому себѣ: «Если ты—чужой въ этомъ обществѣ пьянаго моряка, пошлой, продажной женщины, кривляющихся инженера и студента, земскаго начальника, швыряющаго Богъ его знаетъ чьи деньги по трактирамъ, то зачѣмъ же ты здѣсь? Если тебѣ тяжело это наблюденіе подъ угломъ, эти глупыя и, очевидно, никому не нужныя переоцѣнки, то брось ихъ!» Но онъ не могъ бросить, невольно катился по наклонной плоскости, и его обостренный алкоголемъ умъ продолжалъ анализировать съ безпокойнымъ ожесточеніемъ.

Старый штурманъ, стоявшій на капитанскомъ мостикѣ, отдавалъ приказы, смотрѣлъ на пирующую компанію, и на его умномъ, трезвомъ лицѣ свѣтилась добродушная радость, отраженное веселье гостей. Очевидно, его не раздражали ни плоскія шутки моряка, ни звонъ бокаловъ, ни кричащая красота Джульетты. Въ стекляной рубкѣ, держась за ручки большого колеса, стояли двое рулевыхъ и съ холоднымъ спокойствіемъ смотрѣли вдаль. Они тоже были трезвы, сосредоточены и у нихъ были такія же умныя лица, какъ у стараго штурмана и браваго матроса, стоявшаго неподалеку отъ стола на случай приказаній Китнера. И Одинцовъ думалъ: «Да, да, пустая смѣна явленій, безъ непослѣдовательности и контрастовъ. И незачѣмъ гипнотизировать себя. Все очень просто: сегодня мы напиваемся, безчинствуемъ, говоримъ пошлости, а они работаютъ, не чувствуя къ намъ ни малѣйшей злобы; завтра мы помѣняемся ролями, я отправлюсь въ судъ, земскій уѣдетъ въ деревню, а они также напьются и озвѣрѣютъ. Не все ли равно?»

Но эта мысль не успокаивала Одинцова. Было что-то сильнѣе мысли, что то помимо словесныхъ формъ и заѣзженныхъ опредѣленій говорившее о софистически-скрытой ошибкѣ въ этой «смѣнѣ явленій». Была какая-то острая точка въ мозгу Одинцова, совмѣстившая разомъ и компанію пьяныхъ пріятелей, и группу дисциплинированныхъ матросовъ, и яркое, чистое небо, съ равнодушнымъ величіемъ смотрѣвшее сверху. И въ этой болѣзненно-острой точкѣ чувствовалось что-то непримиримое, мучительно созерцающее, какое-то обѣщаніе разгадки.

VIII.

Одинцовъ продолжалъ пить, а острая точка загоралась пожаромъ, жгла и давила его мозгъ

Это былъ какой-то кошмаръ наяву.

Студентъ Гроссъ обнимался съ инженеромъ, облапивъ его за плечи, глядя на него широкимъ, честнымъ «добролюбовскимъ» лицомъ. Сколько любви, искренняго слiянія, хорошей русской от кровенности свѣтилось въ его глазахъ, а Одинцова сверлила мысль о томъ, что вчера этотъ же студентъ Гроссъ, только совершенно трезвый, ходилъ по аллеямъ «Аркадіи» подъ-руку съ женой инженера, говорилъ витіеватымъ слогомъ, и молодая женщина, прижимаясь къ его плечу, слушала съ восторгомъ, съ благоговѣніемъ. И теперь почему-то отношеніе студента къ инженеру казалось Одинцову преступнымъ, лживымъ, и ему хотѣлось истерически засмѣяться и крикнуть въ лицо Гроссу оскорбительное слово.

Бабичевъ, красивый мужчина, свѣжій, цвѣтущій, съ яркими глазами и чувственнымъ ртомъ, наклоняясь къ Джульеттѣ, жегъ ее взоромъ, а она удѣляла ему ровно столько вниманія, чтобы онъ не разсердился, и все время заигрывала съ Китнеромъ, у котораго было красное обвѣтренное лицо и безсмысленные бѣлесовато-голубые глазки.

А Одинцовъ все это видѣлъ, и ему было противно до тошноты.

Вечерѣло. Матросы убрали тентъ, и красные лучи заскользили черезъ палубу, зажигая пламя въ ярко начищенной мѣди пароходной отдѣлки. Закраснѣлись и заискрились льдинки въ стаканахъ съ хересомъ. Пароходъ проходилъ между двумя зелеными островками, обвѣваемый теплымъ запахомъ согрѣтой, какъ бы дышащей листвы. Съ неба глядѣла въ воду тихая вечерняя грусть, а тамъ, въ потаенной глубинѣ, что-то пробуждалось и со слезами просилось на волю.

Джульетта громко хохотала, стараясь снять съ мизинца моряка массивный брилліантовый перстень, а Китнеръ говорилъ заплетающимся языкомъ:

— Д-десять поцѣлуевъ всенародно и десять тысячъ п-поцѣлуевъ потомъ — наличными или въ разсрочку. Чортъ возьми! Шевели ногами!

Перстень не снимался, и рука начальника дистанціи долго покоилась въ обѣихъ рукахъ Джульетты. Морякъ вперялъ взоръ въ полуобнаженныя плечи женщины, и было видно, какъ млѣетъ его красное обвѣтренное лицо. А сидѣвшій съ другой стороны Бабичевъ обнималъ Джульетту за талію и украдкой цѣловалъ ея шею у самыхъ волосъ. Одинцову было до очевиднаго ясно, что Джульетта не замѣчаетъ этихъ поцѣлуевъ. Ея глаза отдавались старому моряку, недоступная складка рта и холодный поворотъ шеи вызывающе грозили Одинцову, а губы Бабичева цѣловали чью-то чужую, не чуткую кожу. Одинцова бѣсила эта змѣиная оболочка, возмутительная многогранность продажной женщины, и въ то же время яркая, подкрашенная и напудренная красота Джульетты дразнила его, заставляла ловить себя на тайныхъ мысляхъ.

Въ другомъ концѣ стола громкій разговоръ студента съ инженеромъ, переходившій въ жаркій споръ, заглушилъ на минуту шумъ пароходной машины и звонкій смѣхъ Джульетты.

— Неправда, студіозусъ, зарапортовался, — кричалъ инженеръ,—ишь куда махнулъ. Хорошо равенство! Я плачу деньги и беру то, что мнѣ слѣдуетъ. Понятно, она продается. И послѣ этого мы равны! Нѣтъ, братъ, какъ хочешь, но тутъ что-то не того...

— Прекрасно,—басилъ Гроссъ,—но вѣдь и ты, въ свою очередь, продаешься, если не ей, то кому-нибудь другому. Она торгуетъ тѣломъ, а ты совѣстью. Вотъ тебѣ и равенство.

— Послушайте, дьяволы!—окрикнулъ ихъ Бабичевъ.—Что у васъ тамъ такое?

— Студентъ жонглируетъ словами, какъ я своею тростью,—сказалъ инженеръ,—и такимъ образомъ, съ большою легкостью, но безъ всякаго успѣха, проповѣдуетъ равенство и братство.

— Опять философія!—притворно-звѣрски зарычалъ морякъ и стукнулъ бутылкой по столу. — На моемъ кораблѣ революцію заводить! Подъ арестъ! Шевели ногами! Иди-ка, скубентъ, сюда. Я тебѣ покажду равенство со льдомъ и хересомъ.

Студентъ захватилъ съ собой бокалъ и очутился на одномъ стулѣ съ Джульеттой, между ней и Китнеромъ. И потомъ Одинцовъ увидалъ, какъ Джульетта началъ переходить изъ объятій Бабичева, въ объятія Гросса, а совершенно осоловѣвшій морякъ тихо дремалъ и клевалъ носомъ. За его спиной вдругъ выросла коренастая фигура матроса, ставшаго на вытяжку, точно это было не безчувственное начальническое тѣло, а, по крайней мѣрѣ, пороховой погребъ.

Рулевые попрежнему равнодушно смотрѣли вдаль и методично вертѣли большое колесо. Острая точка въ мозгу Одинцова, болѣе яркая, чѣмъ мысль, обѣщавшая разгадку мучившей его тайны, перестала обѣщать и погасла. И онъ ничего не видѣлъ передъ собою, кромѣ пьяныхъ лицъ пріятелей и равнодушно-тупыхъ взоровъ матросовъ и рулевыхъ. И въ самомъ пейзажѣ берега, монотонномъ шумѣ пароходнаго винта была какая-то упрямая тупость.

Его стало клонить ко сну. Онъ спустился внизъ по желѣзной винтовой лѣстницѣ и попалъ въ роскошно отдѣланную большую каюту-салонъ. Откинувшись на спинку мягкаго бархатнаго дивана, онъ закрылъ глаза и мгновенно, съ жуткимъ замираніемъ сердца, почувствовалъ, какъ растаяли его мысли и исчезла память.

IX.

Громкій крикъ разбудилъ Одинцова. Открывъ глаза, онъ увидалъ блескъ электрическихъ лампочекъ, оправленныхъ въ сплошной граненый хрусталь, и круглыя черныя пятна оконъ, за которыми была ночь. Машина попрежнему шумѣла; но пароходъ не вздрагивалъ, и было ясно, что онъ стоитъ на мѣстѣ.

То, что увидалъ Одинцовъ, ошеломило его настолько, что онъ не сразу пришелъ въ себя.

На бархатномъ диванѣ лежала Джульетта въ измятомъ платьѣ, съ сбитой прической и торчащими во всѣ стороны роговыми шпильками, а передъ ней стояли инженеръ и земскій начальникъ. Искаженное гнѣвомъ, румяное лицо Бабичева составляло странный контрастъ съ мертвенной блѣдностью инженера. Произошло что-то необычайное. Бабичевъ держалъ Джульетту за полуоторванный воротникъ кофточки, трясъ ее и кричалъ:

— Если ты, негодная тварь, сію же минуту не отдашь перстня, я раздѣну тебя до-гола и велю обыскать матросамъ. Слышишь ты!

Одинцовъ, ничего не понимая, быстро подошелъ къ столу и изъ оставленной кѣмъ-то бутылки залпомъ выпилъ стаканъ нарзана. Между тѣмъ, земскій начальникъ, не замѣчая его пробужденія, кричалъ:

— Я тебѣ русскимъ языкомъ говорю, потаскушка, что съ тобой церемониться не будутъ. Вздумала шутки шутить. Тысячерублевый перстень! Не доводи меня до изступленія. Я не позволю въ моемъ обществѣ швырять тысячу рублей чорту подъ хвостъ. Китнеръ не ронялъ перстня въ воду. Я самъ, понимаешь ли ты, собственными глазами, видѣлъ, какъ ты у него сняла кольцо.

Одинцовъ тихонько подошелъ къ инженеру. Краска бросилась ему въ лицо. Происходящее связалось кошмарной нитью съ обрывками памяти объ утреннемъ пьянствѣ, музыкѣ горцевъ, раздраженныхъ самоугрызеніяхъ. Нервы были натянуты, какъ металлическія струны, а истерическій клубокъ подкатывался къ горлу.

— Ради Бога,—сказалъ онъ, трогая инженера за плечо,—что случилось?

Жуковъ, взволнованный и блѣдный, какъ полотно, сообщилъ ему, что Джульетта взяла у начальника дистанціи бриллiантовый перстень, тотъ самый, который еще днемъ старалась снять у него съ мизинца, и утверждаетъ, что не брала. Сначала это принимали за шутку, но скоро убѣдились, что она не только не шутитъ, но, наоборотъ, еще обидѣлась на обвиненія. При этомъ она обозвала Бабичева и студента прохвостами и даже—что возмутительнѣе всего—намекнула на то, что перстень украденъ кѣмъ-нибудь изъ друзей. Далѣе Одинцовъ узналъ, что морякъ, все время находившійся въ положеніи ризъ, когда ему толкомъ объяснили случившееся, сразу протрезвился, остановилъ пароходъ у пустыннаго берега и наотрѣзъ заявилъ, что дальше не двинется съ мѣста, пока Джульетта не вернетъ бриліанта; въ противномъ случаѣ, онъ задушитъ ее собственными руками и выброситъ на берегъ. Студентъ Гроссъ остался съ Китнеромъ на палубѣ, удерживая и успокаивая его, а Бабичевъ съ инженеромъ рѣшили пустить въ ходъ всю убѣдительность, на какую они способны.

— И вотъ видите!—закончилъ инженеръ, указывая Одинцову на Джульетту.

У нея былъ растерзанный видъ, измяты прическа и платье красныя пятна горѣли на лицѣ, но въ ея глазахъ, къ своему удивленію, Одинцовъ прочиталъ странное упорство, какую-то слишкомъ спокойную, выжидающую злость дикой кошки, готовой вцѣпиться въ горло. Она упиралась обѣими руками въ грудь Бабичеву, и было слышно, какъ хрустятъ ея пальцы.

— Оставь меня, негодяй!—пытаясь подняться съ дивана, говорила она злымъ, но въ то же время металлически-спокойнымъ, леденящимъ голосомъ.—Какъ ты смѣешь меня бить!

Одинцовъ схватилъ Бабичева за руку. Тотъ даже не сразу узналъ пріятеля, но потомъ, повернувшись къ нему, вдругъ отпустилъ Джульетту.

— Володя!—сказалъ Одинцовъ укоризненнымъ дрожащимъ голосомъ и остановился, чувствуя, что нервный клубокъ подступилъ къ самому горлу.

Но онъ овладѣлъ собою, увидавъ, что Джульетта мигомъ поправила волосы, заколола булавками воротникъ кофточки и сидѣла на диванѣ, глядя на всѣхъ и въ томъ числѣ на него, Одинцова, презрительно-холоднымъ взглядомъ.

И въ этомъ взглядѣ Одинцова вдругъ поразило что-то знакомое, мгновенно закружившее его мысли привычнымъ, но попрежнему мучительнымъ водоворотомъ. Да, онъ не могъ ошибиться. И тутъ, и въ этихъ глазахъ, было то же отчужденіе, та же пропасть, которая весь послѣдній мѣсяцъ пугала Одинцова своей темной глубиной, откуда холодной, неумолимой сталью глядѣла жажда мести, расплаты за все. Тутъ была ненависть раба къ владыкѣ, голоднаго къ сытому, лишеннаго правъ къ облеченному ими. Тысячи подобныхъ, неосторожно мелькнувшихъ взоровъ вспомнились Одинцову и глянули на него изъ всѣхъ угловъ большой каюты-салона. И всѣ эти неравные, обдѣленные, озлобленные, вся эта бездна невольнаго, ни въ чемъ неповиннаго паденія въ этомъ нечаянномъ взглядѣ пьяной пѣвички съ открытой сцены вдругъ бросили ему вызовъ.

X.

И ему захотѣлось говорить, какъ иногда въ судѣ, прямо изъ души, внѣ начертанной программы, тѣми пламенными словами, которыя всегда такъ дѣйствовали на присяжныхъ и начинали создавать ему имя. Шатаясь отъ волненія, онъ подошелъ къ Джульеттѣ и взялъ ее за руку.

— Я вижу, что тутъ недоразумѣніе,—сказалъ онъ проникновеннымъ голосомъ, и она не отняла у него руки.—Ну, да, конечно, недоразумѣніе. Разскажите же мнѣ сами, какъ было дѣло?

Джульетта высвободила руку и сухо, не глядя на него, сказала:

— Никакого не было дѣла и нечего мнѣ разсказывать.

— Зачѣмъ же сердиться?—кротко произнесъ Одинцовъ, садясь съ ней рядомъ.—Я ни въ чемъ не собираюсь обвинять васъ. Я понимаю, вы женщина, васъ оскорбила грубость, но я васъ прошу извинить насъ. Ей-Богу, всѣ мои товарищи хорошіе, добрые люди. И я приписываю этотъ шумъ просто нашему общему неумѣнію говорить другъ съ другомъ, подступиться къ чужой душѣ, чужому самолюбію. Вѣдь душа человѣческая, простите меня, не кабакъ, куда можно войти въ шапкѣ и стуча каблуками. Осторожно надо, бережно, съ непокрытой головой и тихимъ голосомъ подходить къ человѣку. Вѣдь правда, Джульетточка? Ну, допустимъ, что вы, дѣйствительно, взяли кольцо; вы только хотѣли пошутить, у васъ и въ мысляхъ не было, упаси Богъ, что-нибудь... А къ вамъ приступили не такъ, какъ нужно, и оскорбили васъ. Ради Бога, я васъ прошу отъ всего моего сердца, кончимъ эту прискорбную исторію. Если вы взяли глупую побрякушку, ну, бросьте ее назадъ! Развѣ она не жжетъ васъ?.! Бабичевъ, Володя!—неожиданно позвалъ онъ земскаго начальника, стоявшаго поодаль и кусавшаго губы.

Бабичевъ нехотя подошелъ, а Одинцовъ продолжалъ, взявъ его за руку:

— Вы видите его—добрый, красивый малый, который еще днемъ такъ нѣжно цѣловалъ вашу шею, смотрѣлъ на васъ влюбленными глазами, ну, могъ ли онъ желать вамъ боли, быть грубымъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, тутъ очевидное недоразумѣніе. И я вамъ скажу, господа, обоимъ. Васъ раздѣляетъ не эта глупая исторія съ кольцомъ, не случайное неумѣніе сговориться, а такъ только, инертное нагроможденіе мелочей, то, что называется—«дальше—больше». А между тѣмъ, рядъ неудачныхъ пріемовъ, ненужныхъ словъ, вся эта условная ложь, дѣлаетъ людей далекими другъ отъ друга; а главное—неравными... Да, да, я начинаю уважать студента Гросса, даже въ пьяномъ видѣ кричащаго о равенствѣ. А вѣдь мы всѣ сознаемъ, глубоко понимаемъ это равенство. Я вамъ больше скажу—это обостренная мысль нашихъ дней, мы уже не можемъ жить безъ нея, и, пожалуй, все наше горе заключается въ невозможности провести эту лучшую, горящую нашу мысль, цѣну жизни нашей, въ самую жизнь. Что мѣшаетъ намъ?—страстно вопросилъ онъ.—Да все та же лавина мелочей, трафаретныхъ пріемовъ... ей-Богу, стыдно сказать, даже такіе пустяки, какъ внѣшность, платье... Мы забываемъ, что никто не покупаетъ и не продается,—мягко обратился онъ къ подошедшему инженеру и продолжалъ торжественнымъ тономъ.—Господа! всѣ люди одинаково откуплены со дня рожденія и до могилы. Мы всѣ откуплены страшной загадкой смерти. Мы всѣ изживаемъ жизнь. И не нужно забывать этого!.. Друзья мои!—говорилъ онъ, поворачиваясь то къ Джульеттѣ, то къ Бабичеву.—Помиритесь, ну, какой смыслъ ссориться, какой смыслъ?

— Ха-ха-ха!—смѣялась Джульетта злымъ, звенящимъ смѣхомъ.—Ха-ха-ха!

Ея смѣхъ на минуту смутилъ, остановилъ Одинцова, но онъ вдругъ словно обрадовался и самъ разсмѣялся.

— Ей-Богу же, господа, все это страшно смѣшно. Ну вотъ, будемъ друзьями. Кончено дѣло, идемъ наверхъ.

— Хорошо-то, хорошо,—сказалъ Бабичевъ.—Все это и убѣдительно, и красиво, но, кажется, напрасныя слова: перстенекъ-то попрежнему у цыпочки въ карманчикѣ.

— Ахъ, ты все про эту мелочь,—почти величественно произнесъ Одинцовъ и обратился къ Джульеттѣ.

— Милая Джульетточка! Отдайте имъ эту дрянь. Ну, что за охота. Пошутили будетъ.

— Послушайте, отстаньте отъ меня, прохвостъ!—холодно, спокойно, отчеканивая каждое слово, сказала женщина.

И въ ея глазахъ молодой адвокатъ прочелъ такое презрѣніе, такой мертвящій холодъ, что у него сразу высохло въ горлѣ и подкосились колѣни.

XI.

Онъ пошелъ къ дивану, сѣлъ и опустилъ голову, безъ мыслей, безъ обиды, безъ горечи. И въ ту же минуту откуда-то сверху раздался неожиданный и страшный, какъ ударъ грома, голосъ моряка Китнера. То кричалъ не начальникъ дистанціи, не благодушный пріятель Бабичева и Одинцова, а настоящій морской волкъ, и слова его гудѣли, какъ команда въ бурю.

— Довольно, студентъ! къ дьяволу! Теперь *я* здѣсь хозяинъ!

Тяжелые, твердые шаги по желѣзной винтовой лѣстницѣ—и въ дверяхъ салона обрисовалась массивная фигура съ высоко поднятой головой. Красное обвѣтренное лицо начальника дистанціи точно окаменѣло и лоснилось, какъ полированный гранитъ, а бѣлесовато-голубые глаза горѣли пронзительно-острымъ блескомъ. Онъ былъ страшенъ, и никто не двинулся съ мѣста ему навстрѣчу.

Черезъ мгновеніе, котораго никогда не забыть Одинцову, морякъ стоялъ противъ Джульетты и кричалъ все тѣмъ же громовымъ голосомъ:

— Довольно! Надоѣло! У меня, въ этихъ стѣнахъ не было и не будетъ воровъ. Эй, отдашь или не отдашь?

Джульетта молчала. Не вѣря своимъ глазамъ, какъ въ невыносимомъ кошмарѣ, Одинцовъ увидалъ широкій размахъ руки, и плоскій, свистящій звукъ пощечины пронзилъ его сердце. Онъ почти потерялъ сознаніе, но его глаза не зажмурились, не отвернулись отъ ужасной картины, и память сохранила навсегда мельчайшія подробности.

Джульетта лежала на полу. Одной рукой она держалась за щеку, а въ пальцахъ другой сіялъ бриллiантъ чистѣйшей воды, преломлявшій блескъ оправленныхъ въ хрусталь электрическихъ лампочекъ. И въ широко раскрытыхъ глазахъ женщины Одинцову почудился другой, какъ бы отвѣтный блескъ волшебному сіянію камня—тайный блескъ зрачковъ испуганной, но не побѣжденной пантеры.

Одинцовъ трясся отъ рыданій, стучалъ зубами о край стакана, который держалъ передъ нимъ инженеръ, хваталъ за руки Бабичева и, какъ въ бреду, слышалъ отчетливо-рѣзкіе слова, Китнера:

— Живо! Шевели ногами! Убрать эту тварь, запереть въ уборную! Приставить стражу!

Бабичевъ одной рукой обнималъ Одинцова за плечи, а другой гладилъ его по волосамъ.

— Ну, что ты, что ты, судебная палата, мамочка, ну успокойся! Эка выдумалъ разрюмиться. Эхъ ты, братъ, молода—въ Саксоніи не была. Да неужели же изъ-за этой потаскушки? Этакая мразь! Да я не вѣрю. Фу, какіе пустяки...

А голосъ Китнера гудѣлъ:

— Ладно! молодцы! шевели ногами! Теперь накрыть столъ, вина сюда, льду, шампанскаго.

И когда матросы начали накрывать столъ въ томъ же салонѣ, гдѣ рыдалъ Одинцовъ, онъ немного пришелъ въ себя и увидалъ передъ собою честное «добролюбовское» лицо студента. Тотъ крѣпко жалъ ему руку и говорилъ:

— Перестаньте, въ самомъ дѣлѣ. Конечно, я не оправдываю насилія, но если это послѣднее средство... Полноте, вѣдь вы же сами видѣли.

У Одинцова было такое чувство, будто его самого избили до полусмерти. Онъ тихо отстранилъ Гросса, ничего не сказалъ, выпилъ стаканъ нарзану и поднялся на палубу.

XII.

Въ стекляной будкѣ по прежнему вертѣлось рулевое колесо и едва вырисовывались силуэты штурмана и подручныхъ. На небѣ сіяли звѣзды, пароходъ обратно летѣлъ къ городу, который былъ еще далеко, но уже виднѣлся въ смутномъ бѣловатомъ заревѣ. И въ тишинѣ ночи, въ монотонномъ шумѣ пароходнаго винта Одинцову послышался безстрастный голосъ самодовлѣющей жизни, текущей впередъ и впередъ, мимо острыхъ моментовъ и столкновеній. Его голова разрывалась на части отъ невыносимаго безпокойства, страстнаго порыванія рѣшить какой-то вопросъ, а въ стекляной будкѣ слышался разговоръ рулевыхъ и кто-то громко грызъ сѣмячки.

И представилось Одинцову, какъ внизу, передъ душной, зловонной клѣткой, гдѣ заперта избитая, опозоренная женщина съ глазами монахини, гордымъ изгибомъ шеи и складкой недоступности на губахъ, какъ передъ этой дверью стоятъ два такихъ же равнодушныхъ матроса и также, можетъ быть, грызутъ сѣмячки.

«Ахъ, какой ужасъ, какой ужасъ,—весь холодѣя думалъ Одинцовъ,—да вѣдь это же гибель наша, начало конца, но что же дѣлать, что дѣлать?»

Весь сегодняшній день вспомнился ему со всѣми мельчайшими подробностями кутежа, запахомъ дынь и пыльной улицы, эпически-мирнымъ, смѣющимся лицомъ рябого татарина, всѣ его мысли и душевные надрывы въ поискахъ за оправданіемъ каждаго своего шага. И даже самыя незначительныя событія дня несмотря на кажущуюся независимость отдѣльныхъ моментовъ, начинали пріобрѣтатъ въ глазахъ Одинцова какую-то связь, неизбѣжно вели къ совершившемуся финалу. Именины, фисгармонія, фокусы и кривлянье инженера, фальшивое резонерство Гросса, музыка горцевъ, появленіе Джульетты, пароходъ,—все вело къ одному концу. И самъ Одинцовъ—такое же живое звено ужасной цѣпи, бросившей Джульетту въ зловонную каморку и приставившей къ этой каморкѣ стражу.

Ему казалось, что въ той жизни, которая сплошь состоитъ изъ мозаичныхъ кусковъ праздности, взаимнаго неуваженія, покупныхъ эффектовъ, и не можетъ не быть такихъ нелѣпыхъ и уродливыхъ финаловъ. И этотъ блескъ безпощадной ненависти, тысячу разъ подсмотрѣнный его случайно обострившимся взоромъ, пересталъ казаться Одинцову необоснованнымъ и непонятнымъ.

А на днѣ души шевелилась смутная мысль о какой-то роковой неизбѣжности и о томъ недалекомъ времени, которое сократитъ какую-то пропасть. И эта мысль наполняла все существо Одинцова гордымъ, успокоительнымъ волненіемъ.

XIII.

Онъ долго простоялъ у перилъ, вглядываясь въ бездонную тьму за пароходнымъ бортомъ, пока голосъ Бабичева не заставилъ его вздрогнуть.

— Эй, госпожа судебная палата, ты гдѣ?

Земскій начальникъ подойдя въ упоръ къ Одинцову, дышалъ ему въ лицо, мялъ въ объятіяхъ своего горячаго, полнаго тѣла и говорилъ:

— Цыпочка ты моя, какъ я тебя люблю! И я всѣмъ скажу, что ты самый порядочный человѣкъ. И я подлецъ, и всѣ они подлецы, а ты бла-ародный человѣкъ. А все-таки ничего не было... Понимаешь ты: рѣшительно ничего не было! Ну, вотъ даю тебѣ честное слово, что ты все видѣлъ во снѣ... И... и... дай я тебя поцѣлую.

Въ объятіяхъ Бабичева Одинцовъ спустился внизъ по винтовой лѣстницѣ.

Въ салонѣ, залитомъ электрическимъ свѣтомъ, бѣлѣла свѣжая скатерть, уставленная бутылками шампанскаго и вазами съ фруктами и льдомъ. Морякъ Китнеръ, инженеръ, студентъ и пѣвица съ открытой сцены сидѣли тѣсной группой, громко хохотали, подливая вино другъ другу. Лицо Джульетты было запудрено. Она сидѣла безъ корсета, въ разстегнутой кофточкѣ, открывавшей красивые рельефы плечъ и шеи. Томное лицо монахини тянулось и къ инженеру, и къ студенту, а болѣе всего къ начальнику дистанціи.

Увидавъ Одинцова, Джульетта порывисто поднялась съ мѣста, обвила его шею руками, и онъ почувствовалъ на губахъ горячій, тающій поцѣлуй.

Черезъ полчаса совершенно опьянѣвшій Одинцовъ плакалъ, колотилъ себя въ грудь и кричалъ:

— Боже, какъ мы пали! Мы всѣ одинаково пали: и я, и ты, Джульетточка, и ты, студентъ Гроссъ!.. Не перебивайте меня. Я вамъ все сейчасъ объясню... Я нашелъ разгадку. Пропасти нѣтъ... Всѣ люди одинаково сильны и одинаково слабы. Нѣтъ борьбы и ненависти, ничего нѣтъ. Жизнь равнодушно бѣжитъ мимо!.. Вѣрно, господа, вы не смѣйтесь: смѣна явленій!.. Вотъ я вамъ сейчасъ докажу. Не перебивайте, господа! Студентъ, перестань. Да замолчите же, не перебивайте...

Но его перебивали, и онъ не могъ докончить своей рѣчи.

А. Каменскій.

ПОСЛѢДНІЕ ЛИСТЬЯ.

Болье.

Переводъ съ нѣмецкаго **В. П.**

Вѣтеръ и пыль, и желтые, носящіеся въ воздухѣ, листья...

Только нѣсколько путешествующихъ коммерсантовъ да толстый хромой носильщикъ ждали на платформѣ, когда подошелъ поѣздъ «Тале—Берлинъ», Сезонъ уже кончился, и движеніе на маленькихъ станціяхъ было незначительное.

Въ одномъ изъ вагоновъ поѣзда, у окна, стоялъ стройный господинъ и мечтательно смотрѣлъ на немногихъ людей, бродившихъ по платформѣ съ соннымъ видомъ и лѣнивыми движеніями, на крыши домовъ съ выдающимися башенками, вправо отъ вокзала, и на замокъ, который своимъ гордымъ, величественнымъ видомъ придавалъ особую, своеобразную прелесть маленькому городу.

— Маленькій городъ!—нѣжно прошепталъ онъ.—Маленькій городъ!

Взоры его искали, но не находили крутой, имѣвшей форму чепца, крыши, которая должна быть видна направо отъ церковной колокольни. Неужели же новыя зданія заслонили собой эту крышу.

Онъ высунулся изъ окна, но напрасно...

Въ эту минуту къ нему, прихрамывая, подбѣжалъ толстый носильщикъ и предложилъ свои услуги.

Ульрихъ Лейтхольдъ протянулъ ему свой саквояжъ и плэдъ и выпрыгнулъ изъ вагона. Въ Берлинъ вѣдь шелъ еще одинъ поѣздъ, а ему во что бы то ни стало хотѣлось отыскать эту красную крышу.

Прежде всего, онъ прошелъ въ буфетъ и заказалъ себѣ кофе.

Въ залѣ было душно и пахло кухней. Нѣсколько человѣкъ, сидѣвшихъ тамъ, имѣли безнадежно скучающій видъ. Безъ сомнѣнія, добровольно здѣсь никто не останавливался, и собственно онъ поступилъ глупо. Но поѣздъ уже ушелъ...

Такъ какъ поданный ему кофе оказался слишкомъ горячимъ, то Ульрихъ Лейтхольдъ занялся пока перелистываніемъ старыхъ, покрытыхъ жирными пятнами журналовъ, предназначенныхъ для развлеченія пассажировъ.

«Семейное счастье» назывался романъ. «Папинъ любимецъ»—оригинальный рисунокъ съ большими претензіями на чувство. На всемъ здѣсь лежала печать маленькаго провинціальнаго города.

Изъ-за журнала Ульрихъ Лейтхольдъ украдкою разсматривалъ даму, сидящую у окна. Въ этой залѣ она была единственнымъ человѣкомъ, заслуживающимъ вниманія, хотя видна была только ея спина, золотистый узелъ волосъ и иногда неясная линія профиля.

Если бы только онъ могъ хорошо разглядѣть лицо этой дамы. Навѣрное, сходство исчезло бы тогда. Здѣсь все ему напоминало бѣлокурую дѣвочку, жившую когда-то вмѣстѣ съ нимъ подъ красной, высокой крышей. И настроенное этими воспоминаніями воображеніе рисовало ему ея образъ въ каждой миловидной блондинкѣ.

Но эта элегантная дама не могла быть пасторскою дочерью—Евой. Гдѣ-то она теперь, бѣлокурая Ева? Жаль, если она больше не живетъ здѣсь; она такъ подходила къ патріархальной обстановкѣ этого провинціальнаго нѣмецкаго города. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ случайно узналъ о смерти ея отца и о томъ, что его преемникъ взялъ себѣ весь домъ.

Не спросить ли ея адресъ? Въ маленькомъ городѣ это было бы не трудно. Но, можетъ быть, съ его стороны неблагоразумно стараться отыскать ее? Ему хотѣлось увидать ее, и онъ надѣялся встрѣтить ее гдѣ-нибудь въ городѣ.

Можетъ быть, блуждая по улицамъ, онъ увидитъ за окномъ какого-нибудь дома уже отцвѣтшую, но все еще миловидную головку, склоненную надъ работой. Изъ-за миртъ и розъ, украшающихъ окно, онъ, можетъ быть, встрѣтитъ грустный, мечтательный взоръ, выражающій безропотную покорность судьбѣ одинокой, старѣющей дѣвушки, живущей только своимъ узкимъ духовнымъ міромъ. Можетъ быть, онъ тогда зайдетъ къ ней, чтобы поболтать до отхода поѣзда... можетъ быть...

Уже было время идти. Но сначала онъ хотѣлъ попытаться разсмотрѣть лицо дамы, заинтересовавшей его. Линіи плечъ, головы и щекъ возбудили въ немъ желаніе посмотрѣть ея глаза. Какимъ образомъ попала на станцію А-ера эта изящная, красивая женщина. Она, какъ и онъ, казалась заброшенной сюда изъ другого міра...

Въ одно время съ нимъ поднялась и дама.

— Такъ это все-таки ты, Ева!—пролепеталъ Ульрихъ, совершенно пораженный.

Дама прищурила свои глаза, что придало имъ немного презрительное выраженіе, и сказала удивленно, но очень привѣтливо:

— Ульрихъ Лейтхольдъ! Какъ это странно, что мы встрѣтились именно здѣсь. Прости, что я тебя не сразу узнала. Я близорука.

— Ты больше не живешь здѣсь?—спросилъ онъ неувѣренно.

— Боже сохрани! Да развѣ это возможно?—воскликнула Ева.

Нѣтъ, это было невозможно. Эта свѣтская женщина, у которой очертанія рта и глазъ говорили объ очень интенсивной внутренней жизни, а ея внѣшній видъ объ утонченномъ вкусѣ и привычкахъ, конечно, не могла жить въ этомъ маленькомъ городѣ.

— Я возвращаюсь изъ Г.,—продолжала она, — гдѣ должна была хорошенько поскучать, что я и выполнила очень добросовѣстно. На возвратномъ пути меня вдругъ охватило, въ сущности, немного глупое желаніе, посмотрѣть старое гнѣздо. Со смерти отца я вѣдь не была здѣсь ни разу. Но ты? Какъ попалъ ты сюда? Пропустилъ поѣздъ? Но вѣдь здѣсь не нужно выходить.

— По той же причинѣ, что и ты,—отвѣтилъ онъ быстро.—Четырнадцать дней я провелъ въ Талѣ.

— Такъ въ душѣ ты еще остался нѣмцемъ,—подсмѣялась Ева.— А я предполагала, что ты тогда же уѣхалъ за границу.

— Конечно. Я былъ заграницей почти все время и теперь скоро уѣзжаю въ Японію, чтобы строить тамъ пороховыя мельницы. За границей живется легче, чѣмъ у насъ; но, по временамъ, охватываетъ тоска по родинѣ, хочется снова подышать нѣмецкимъ воздухомъ, освѣжить воспоминанія. Можетъ быть, это и глупо!

— О, это зависитъ! Освѣжить воспоминанія, значитъ вдохнуть ихъ ароматъ. А это можетъ быть умно или глупо, смотря по обстоятельствамъ. Но мнѣ хочется пройтись, такъ какъ я уже два часа сижу безъ движенія.

— Такъ что ты мнѣ позволяешь?

— Я очень рада.

Ульрихъ Лейтхольдъ все еще не могъ придти въ себя отъ удивленія, не могъ понять, какъ могла провинціалка Ева превратиться въ эту увѣренную въ себѣ свѣтскую даму. Но эта ея увѣренность и непринужденность помогли ему скрыть свое удивленіе и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжать разговоръ съ нею.

Они направились къ городу. Садъ, разбитый передъ вокзаломъ, значительно увеличился теперь. А вмѣсто немощеной дороги съ картофельными полями по сторонамъ, были проведены новыя красивыя аллеи, украшавшія улицы, ведущія въ городъ. Однако, все новое было имъ непріятно. Оно вносило рѣзкій диссонансъ въ гармонію ихъ воспоминаній. Въ большихъ городахъ, въ которыхъ они жили, постоянно происходили перемѣны, иногда даже цѣлыхъ кварталовъ. Но здѣсь, гдѣ были заключены ихъ дѣтскія воспоминанія, каждая перемѣна была для нихъ чѣмъ-то въ родѣ личнаго оскорбленія.

Въ старомъ городѣ было лучше. Тамъ были еще узкіе, высокіе дома съ фронтонами и множествомъ оконъ. Роскошные гераніумы и фуксіи все такъ же цвѣли на окнахъ, отнимая у жителей нижняго этажа и безъ того небольшое количество свѣта и воздуха. Мостовая была все такая же скверная. Дѣти шумѣли попрежнему, наполняя крикомъ и гамомъ узкія улицы. Новое поколѣніе, но оно играло все въ тѣ же игры. А въ окнѣ одной маленькой булочной на рынкѣ они даже увидали тотъ самый хлѣбъ, который продавался тогда обыкновенно по пятницамъ. Сегодня какъ разъ была пятница. Они зашли въ булочную и купили этотъ хлѣбъ, но теперь онъ совсѣмъ не такой вкусный, какъ тогда.

При видѣ узкой, крутой тропинки, идущей отъ рынка, они оба вспомнили, что по ней они всегда поднимались къ старой крѣпости, пренебрегая длинной, но болѣе удобной дорогой, и теперь они тоже пошли по ней. Но въ ихъ воспоминаніяхъ она была не такая крутая. Они совсѣмъ запыхались и, смѣясь, признались другъ другу въ этомъ.

— До чего опускаешься съ годами, стыдно даже! Тогда мы шутя взбѣгали по этой тропинкѣ,—замѣтилъ Ульрихъ.

— Да! Намъ уже не по пятнадцати лѣтъ теперь! Когда старѣешься, то начинаешь любить комфортъ и дѣлаешься менѣе подвижнымъ,—замѣтила Ева.

— Ты!

Онъ посмотрѣлъ, улыбаясь, на нее. Взглядъ его выражалъ откровенное восхищеніе и удивленіе. Онъ встрѣчалъ много женщинъ во время своихъ странствованій въ обоихъ полушаріяхъ и долженъ былъ признать, что его спутница была бы всюду замѣтнымъ явленіемъ. И все-таки онъ не могъ побороть въ себѣ удивленія. Ева была всегда красива, то тогда ея красота была слишкомъ проста, неинтересна, а теперь яркая дѣйствительность затмила блѣдную пастель, нарисованную его воображеніемъ.

— Не правда ли, я очень перемѣнилась?—спросила она въ отвѣтъ на его взглядъ.

Это звучало очень смѣшно, почти наивно. Но это была вполнѣ сознательная наивность.

Онъ засмѣялся.

— Если бы я отвѣтилъ утвердительно, то это было бы оскорбленіемъ прошедшаго. Какъ будто тебѣ нужно было измѣняться!

— О, мнѣ это было необходимо!—горячо перебила его Ева.—Первое, чему я научилась въ мастерской, было превращеніе моего внѣшняго вида. Вѣдь простота съ безвкусіемъ всегда соперничали въ моемъ костюмѣ, какъ во всемъ, что выходило изъ рукъ тети Августины, а я этого даже не подозрѣвала. Здѣсь знали дочь пастора Еву и ея причудливый нарядъ съ дѣтства, и потому не смѣялись, да, впрочемъ, они и сами не знали вкуса. Но въ парижской мастерской художника «La petite allemande» была предметомъ добродушныхъ насмѣшекъ. Она должна была научиться и... научилась!

— Значитъ, ты рисуешь?—спросилъ Ульрихъ.

— Я художница.

Она сказала это просто, но сколько гордости звучало въ этихъ простыхъ словахъ!

— Ты должна извинить меня,—сказалъ онъ поспѣшно,—если я оказываюсь варваромъ относительно искусства. Но у меня такъ мало времени! Когда я случайно бываю въ Берлинѣ, то попадаю иногда вечеромъ въ концертъ, но на художественныхъ выставкахъ я уже никогда не успѣваю бывать.

Ева засмѣялась.

— Ты можешь не извиняться. Мое имя не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя долженъ знать каждый образованный человѣкъ. Но мое содержаніе обезпечено, и я зарабатываю мой хлѣбъ.

— И немного масла,—замѣтилъ Ульрихъ, улыбаясь.

— Конечно, и немного масла. И говоря откровенно, я цѣню больше послѣднее, чѣмъ первое. На хлѣбъ мнѣ бы хватило и небольшого капитала, оставленнаго мнѣ отцомъ.

— Это меня очень радуетъ. Пріятно видѣть старыхъ друзей, но еще пріятнѣе, когда знаешь, что имъ хорошо живется.

Онъ говорилъ не совсѣмъ искренно. Что ея жизнь была такъ полна, такъ содержательна, непріятно задѣвало что-то въ его душѣ. Изъ ея словъ онъ понялъ, впрочемъ, что она не замужемъ, и это доставило ему нѣкоторое удовлетвореніе.

— Я не могу сказать, чтобы я была вполнѣ довольна своей жизнью, но вѣдь этого и нельзя желать. А ты? Впрочемъ, мнѣ не нужно спрашивать! Когда строятъ пороховыя мельницы,—и она посмотрѣла на него сверху внизъ, немного зло улыбаясь,—имѣются налицо всѣ признаки довольства. Англійскій портной и причитающееся embonpoint...

Она коснулась его самаго больного мѣста. Передъ Тале онъ ѣздилъ въ Киссингенъ, именно чтобы похудѣть.

При ея словахъ онъ безсознательно выпрямился и сказалъ:

— Embonpoint—это немного преувеличено. Но, конечно, я уже больше не стройный юноша.

— Нѣтъ, мы положительно старѣемся,—сказала она и комично вздохнула.—Мои мюнхенскіе знакомые считаютъ меня моложе, чѣмъ я есть, по крайней мѣрѣ, они говорятъ это. Но передъ другомъ дѣтства не имѣетъ смысла питать себя иллюзіями. Въ сущности, другъ дѣтства—это живое «memento mori».

— Очень благодаренъ. Но скажи мнѣ, пожалуйста, почему ты должна была скучать въ Г., какъ ты говорила?

— Мой докторъ вбилъ себѣ въ голову, что у меня нервы. Каждый хорошій врачъ теперь считаетъ себя обязаннымъ констатировать нервы. Можетъ быть, я и дѣйствительно немного слишкомъ напрягала свои силы. Во всякомъ случаѣ, я доставила ему это удовольствіе и проскучала полныхъ четыре мѣсяца. Но теперь назадъ въ жизнь, на всѣхъ парусахъ!

Ея глаза сверкали энергіей, когда она говорила это.

Жизнь, о которой разсказывала Ева, была инстинктивно антипатична Ульриху. А этотъ блескъ ея глазъ, говорящій объ очень интенсивной умственной жизни, смутилъ его.

Они уже миновали послѣдній подъемъ и стояли теперь на выдающейся площадкѣ крѣпости.

Оба они въ своей жизни видѣли красивѣйшія мѣста земного шара и все-таки своеобразная прелесть ландшафта, разстилавшагося теперь у ихъ ногъ, снова захватила ихъ.

Изъ-за спутанной массы крышъ узкаго стараго города съ живописными изгибами и поворотами видны были маленькіе, густые садики, которые извивались между домами и развалинами старой городской стѣны. По серединѣ возвышалась церковь св. Георгія съ проломленной зеленой башней, а недалеко отъ нея высокая чепцеобразная крыша. Надъ всѣмъ этимъ гордо возвышался старый замокъ, какъ будто подымаясь изъ нѣдръ скалы, а на его полуразрушенныхъ стѣнахъ группами росли деревья съ разнообразною зеленью. Дальше тянулись холмы, покрытые лѣсомъ, а еще дальше, почти на горизонтѣ, виднѣлись неясныя очертанія другого города.

Этотъ далекій городъ игралъ большую роль въ ихъ дѣтскомъ воображеніи. Онъ казался имъ идеаломъ всего прекраснаго. Тамъ, думали они, была настоящая жизнь, полная для нихъ еще тогда таинственной прелести.

Теперь они знали, что этотъ фантастичный городъ былъ интересенъ только по своимъ памятникамъ старины и его единственное значеніе заключалось въ довольно развитой промышленности.

И все-таки они и теперь поддались былому очарованію и, забывая то, что знали, не могли оторвать глазъ отъ его туманныхъ очертаній.

Этотъ ландшафтъ былъ имъ безконечно дорогъ, такъ какъ съ нимъ были тѣсно связаны ихъ дѣтскія воспоминанія.

Они долго стояли, неговоря ни слова...

Потомъ они спустились по большой дорогѣ; здѣсь они встрѣтили гуляющихъ: стариковъ, останавливающихся каждую минуту; супружескихъ паръ, съ буржуазно-довольнымъ видомъ, медленно поднимавшихся по дорогѣ, въ сопровожденіи молоденькихъ дочерей, которыя потихоньку зѣвали и всегда шли впереди своихъ родителей. Всѣ эти люди имѣли какое-то безжизненное, заспанное и скучающее выраженіе лица, что дѣлало ихъ всѣхъ похожими другъ на друга. На нихъ на всѣхъ лежалъ «мѣстный отпечатокъ», какъ назвала это Ева. При видѣ этихъ людей, она даже вздрогнула, какъ человѣкъ, который вспоминаетъ объ опасности, избѣгнутой имъ съ большимъ трудомъ.

— Посмотри только, какое существованіе!—сказала Ева, указывая глазами на женщину, сидящую съ работой у окна.—Такъ сидитъ эта женищна навѣрное каждое послѣобѣда, не потому, что ей это нужно, такъ какъ, повидимому, она изъ зажиточной семьи, а потому, что она не знаетъ ничего лучшаго. Такъ сидѣла каждый день и тетя Августина и это же ожидало бы и меня современемъ.

— Но эта женщина, можетъ быть, вполнѣ счастлива и довольна своей тихой жизнью,—возразилъ Ульрихъ.

— Что она счастлива, этому я охотно вѣрю! Но это-то и есть самое ужасное! Это—жалкое существованіе, прозябаніе, но не жизнь! Ты очень вѣрно назвалъ это «тихая жизнь»; французы говорятъ nature morte. И какъ много еще людей влачатъ такое существованіе!

Ульрихъ закусилъ губу.

«Если бы только она знала»!

Они проходили мимо цвѣточнаго магазина, въ которомъ были выставлены только одни вѣнки.

— Сегодня 2-е ноября,—сказалъ кто-то около нихъ.

— Боже мой, я совсѣмъ забыла!—вскрикнула Ева.—Этотъ день я всегда ходила на кладбище въ Парижѣ.

Взгляды ихъ встрѣтились въ нѣмомъ согласіи. Они вошли въ магазинъ, купили по вѣнку и пошли на кладбище.

«Іоганнъ Мейнхардъ, пасторъ при церкви св. Георгія», было написано на могилѣ, на которую Ева положила свой вѣнокъ. Ульрихъ положилъ свой на сосѣднюю могилу. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Ева снова заговорила:

— Посѣщая могилы усопшихъ, думаютъ отдать этимъ долгъ піэтизму, а вмѣстѣ съ тѣмъ эти могилы такъ мало говорятъ душѣ. По крайней мѣрѣ, моей душѣ они ничего не говорятъ. Да и какія чувства можетъ возбуждать эта мокрая масса земли?

— Да, но это единственное, что намъ остается.

— Печально, если это все, что намъ остается. Добрый, старый человѣкъ! Онъ былъ слишкомъ старъ, чтобы понять мои стремленія. Но по своему онъ все-таки любилъ меня.

— Да, онъ желалъ намъ добра! И тетка Августина въ сущности тоже желала намъ добра, хотя она часто мучила насъ, а мы ее,—сказалъ Ульрихъ.

— Ну, конечно, всѣ желали намъ добра! — возразила Ева съ легкой ироніей,—но все-таки очень хорошо, что мы взяли свою судьбу въ собственныя руки, не полагаясь на нашихъ доброжелателей!

Какъ сурово было выраженіе ея лица при этихъ словахъ, какъ мрачно блестѣли глаза. Теперь было замѣтно, что это была уже не молоденькая дѣвушка, а женщина, много выстрадавшая въ жизни.

— Это стоило тебѣ много борьбы, Ева?—спросилъ Ульрихъ сочувственно.

— Ты можешь себѣ представить это!—При воззрѣніяхъ моего отца и тети Августины, въ Парижъ—въ самое гнѣздо грѣха! Весь нашъ городокъ взволновался; жалѣли моихъ родныхъ! О, если бы ты только зналъ! Но здѣсь не мѣсто для выраженія моей горечи. Такими, какими они были, они не могли иначе чувствовать и поступать! Уйдемъ отсюда. Мы не нужны мертвымъ. Мы только нарушаемъ ихъ покой, или они нашъ,—прибавила она тихо.

Они пошли. Всюду виднѣлись черныя, колѣнопреклоненныя фигуры и повсюду лежали свѣжія цвѣты.

— Кажется есть такая пѣсня: «Одинъ день въ году для мертвыхъ»,—сказалъ Ульрихъ.

— Да, но эта сентиментальная пѣсня не для меня. Мертвые умерли, и только тотъ слѣдъ, который они оставили въ нашей душѣ, будетъ жить вѣчно.

Она сказала это съ такой энергіей, какъ будто хотѣла защитить себя отъ чего-то.

— Теперь къ дому?—онъ сказалъ это нерѣшительно.

— Ну, конечно!—она произнесла эти слова энергичнѣе, чѣмъ это было нужно.

Они вышли черезъ другую дверь. Отсюда вела липовая аллея кругомъ города къ дому пастора.

— Однако, липы стали гораздо больше, чѣмъ были тогда,—замѣтилъ Ульрихъ.

Ева кивнула головой въ знакъ согласія.

— Да, но на нихъ такъ мало осталось листьевъ. Впрочемъ, вѣдь теперь осень.

И имъ обоимъ вспомнился одинъ вечеръ, когда они шли по этой же аллеѣ, но только тогда была весна.

Они уже не говорили больше другъ съ другомъ. Что-то тяжелое, мучительное и непріятное встало между ними и мѣшало имъ.

Какъ безконечно долго тянулась дорога къ дому!

— Старый домъ совсѣмъ не измѣнился,—сказалъ Ульрихъ немного глухимъ голосомъ, когда они наконецъ пришли къ нему.—Вотъ тамъ наверху комнатка, въ которой мы рѣшали великія проблемы о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ и гдѣ мы строили планы о нашемъ будущемъ!

— То-есть ты строилъ планы насчетъ своего будущаго, а я только слушала. О моемъ будущемъ никогда не было рѣчи,—замѣтила Ева.

Ульрихъ пожалъ плечами.

— Мы оба объ этомъ не думали тогда. Но теперь ты, кажется, вполнѣ искупила свое молчаніе!

Они вошли въ маленькій проходъ, въ которомъ была дверь въ садъ пасторскаго дома. Этимъ выходомъ они всегда пользовались тогда. Ева остановилась у палисадника и печальными задумчивыми глазами смотрѣла на домъ и садъ, и внезапно по ея щекамъ скатились двѣ прозрачныя слезинки.

При видѣ ея слезъ, всѣ старыя чувства воскресли въ сердцѣ Ульриха. Онъ обнялъ Еву и съ его губъ сорвались примитивныя слова нѣжности, которыя онъ говорилъ когда-то на этомъ самомъ мѣстѣ, утѣшая плачущую дѣвочку.

Ева оттолкнула его руку и удивленно посмотрѣла на него. Она уже больше не плакала. .

— Ты въ заблужденіи, въ страшномъ заблужденіи,—сказала она съ удареніемъ.—Ты жалѣешь меня, думая, что я сама себя жалѣю. Но не себя жалѣю я, а другую глупую восемнадцатилѣтнюю дѣвочку, которая много лѣтъ тому назадъ, стояла на этомъ самомъ мѣстѣ и смотрѣла съ тоской на дорогу. Со страстной, снѣдающей тоской, какой я уже не могу испытывать теперь! И мнѣ жаль ту бѣдную, неопытную маленькую дурочку, считавшую себя твоей невѣстой.

— Боже мой! — вскрикнулъ Ульрихъ. — Этого я не подозрѣвалъ. Очевидно, я дѣйствовалъ безразсудно, говорилъ слова, которыя не долженъ былъ говорить. Но вѣдь я самъ былъ тогда еще глупымъ мальчишкой!

— Не думай же, прошу тебя, что я хотѣла упрекнуть тебя! — горячо перебила его Ева.—Наоборотъ. Я уже сказала, что тогда я была еще глупымъ, не знающимъ жизни ребенкомъ, и къ тому же, воспитанная въ самыхъ строгихъ правилахъ, дочь пастора. Онъ долженъ написать отцу, думала я. И я ждала... о, какъ я ждала! Потомъ я думала: онъ самъ придетъ, и стояла здѣсь и смотрѣла на дорогу и ждала, опять ждала...—И въ ея глазахъ появилось выраженіе мрачнаго отчаянія, отблескъ пережитыхъ тогда страданій.

— Но я ничего этого не зналъ! — прошепталъ Ульрихъ, потрясенный.

— Этому я вѣрю,—сказала Ева.—Вы, мужчины, никогда ничего не подозрѣваете. Своимъ поцѣлуемъ вы пробуждаете въ молоденькой, неопытной дѣвушкѣ дремлющіе любовные инстинкты, и тогда уходите, оставляя ее во власти демоновъ. А угрызенія совѣсти, если только они, вообще, мучаютъ васъ иногда, вы топите въ водоворотѣ жизни.

— Нѣтъ, Ева, я много думалъ о тебѣ и упрекалъ себя. Но я не зналъ, что я долженъ былъ тебѣ написать. Слова, котораго ты ждала, я не имѣлъ права сказать тебѣ, и я боялся увеличить несправедливость, поддерживая надежды, которыя не могли осуществиться тогда. Я надѣялся, что ты меня забудешь.

— Я забыла тебя,—рѣзко сказала Ева,—но для этого я употребила мои лучшіе юношескіе годы!

Ульрихъ потупилъ голову. Только сегодня онъ понялъ, какую огромную несправедливость онъ совершилъ надъ страстной, юной душой. Только сегодня онъ сознаъ какое великое, чудное было это прошлое, а онъ, глупый юноша, пренебрегъ имъ! Тупая злоба на самого себя охватила его.

Ева и тогда была очаровательна въ своей наивной свѣжести, но онъ самъ былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы вполнѣ оцѣнить ея прелесть. Но еще очаровательнѣе была зрѣлая, сознающая свою привлекательность женщина, вполнѣ расцвѣтшая красота которой выдѣлялась еще болѣе въ рамкѣ утонченной культуры.

И эта женщина,—исключительно интересная и оригинальная, воспламеняющая, навѣрное, не мало мужчинъ,—любила его настоящей полной любовью, которая такъ рѣдка, что ее нужно принимать колѣнопреклоненнымъ, какъ самый драгоцѣнный, чудный даръ. Но тогда онъ былъ еще недостаточно зрѣлъ, чтобы понять это.

Всѣ инстинкты собственника проснулись въ немъ теперь. Онъ хотѣлъ ей сказать, что всѣ тѣ годы, которые онъ молчалъ, онъ все-таки любилъ ее. Онъ самъ почти вѣрилъ этому. Его трогало, что она столько выстрадала изъ-за него; ея гордая манера привлекала его, а ея красота возбуждала—онъ любилъ ее.

— Хотя прошлое и поздно исправлять теперь, Ева, но, все-таки, не слишкомъ поздно!—сказалъ Ульрихъ съ чувствомъ.—Въ эти долгіе годы я не забывалъ тебя.

— Но я забыла тебя!—сказала Ева холодно.

Онъ не слушалъ ее. Или, если онъ и слышалъ ея слова, то они еще болѣе возбудили его. Конечно, гордая женщина не могла такъ скоро простить столь долгое пренебреженіе.

— Сегодня я могу предложить тебѣ то, на что не имѣлъ права тогда,—поспѣшно продолжалъ Ульрихъ.—По нѣмецкимъ понятіямъ, я почти богатъ и ты увидала бы еще много интереснаго въ свѣтѣ. Вѣдь ты свободна, какъ и я, хотя, навѣрное, не разъ имѣла возможность выйти замужъ. Не ждали ли мы, хотя и безсознательно, другъ друга?

Ева молчала. Она была такъ поражена, что не могла сразу овладѣть собой и была близка къ тому, чтобы разразиться судорожнымъ смѣхомъ Наивность этого человѣка была просто колоссальна! Свою интересную жизнь, кружокъ испытанныхъ друзей, святое призваніе— все это она должна была бросить теперь, въ угоду мужчинѣ, который. когда-то давно, былъ ея юношескою любовью! Нѣтъ, это было наивно до смѣшного. И его полуразстроенное, полуразстроганное лицо при этомъ! Но она чувствовала, что ни въ какомъ случаѣ не должна была смѣяться, и она была сердита на себя за то, что такъ глупо вела себя и почти вызвала это предложеніе.

— Очень достойно съ твоей стороны желать искупить, столь активнымъ образомъ, мнимую, и, во всякомъ случаѣ, уже давно совершенную несправедливость, — сказала Ева. — Я боюсь, что я сама вызвала это, я, должно быть, совсѣмъ невѣрно выразилась. Но мнѣ помнится, что я тебѣ говорила, что я не дѣлаю тебѣ упрековъ,—наоборотъ...

— Наоборотъ! Что это значитъ?—перебилъ ее Ульрихъ.

— Это значитъ, что я имѣю всѣ основанія быть тебѣ благодарной,—сказала она, гордо откинувъ головку.—Да, если я впродолженіи этихъ лѣтъ когда-нибудь и вспомнила о тебѣ, а воспоминанія моей юности такъ тѣсно связаны съ тобой, то всегда съ благодарностью. Если бы не ты и то ужасное разочарованіе, которое постигло меня въ моей ранней юности и изъ веселаго ребенка преобразовало въ серьезнаго человѣка, у меня никогда не хватило бы мужества разорвать домашніе путы и преодолѣть всѣ трудности, связанныя съ этимъ шагомъ. Относительно счастливый человѣкъ, можетъ быть, не перенесъ бы того, что я перенесла, но такой несчастный, какъ я была тогда, стоически выдерживаетъ домашнія бури, которыя такъ ничтожны въ сравненіи съ ураганами жизни. Раннее разочарованіе—хорошій панцырь для жизни. Я такъ ужасно страдала тогда, всѣмъ своимъ существомъ страдала, что въ сравненіи съ этимъ страданіемъ, всѣ послѣдующія казались мнѣ пустыми, или, можетъ быть, моя способность страдать притупилась въ этой ранней сердечной бурѣ. И вотъ еще. Во время моего ученія на моемъ пути встрѣчались мужчины, которые объяснялись мнѣ въ любви. Я не увѣрена, что извѣстное романическое предрасположеніе не побудило бы меня выслушать ихъ. Я и выслушивала иногда, но это былъ только флиртъ, не нарушающій моего душевнаго покоя. Любовь меня страшила. Мой первый опытъ былъ такъ ужасенъ, онъ стоилъ мнѣ годовъ моей жизни — а могъ стоить и еще больше!—что я уже не хотѣла повторять его. И это было очень хорошо. Нужно все испытать въ жизни, а что я прошла этотъ искусъ еще очень молодой, принесло мнѣ пользу впослѣдствіи. При моей опасной особенности переходить всякую мѣру въ чувствахъ, любовь помѣшала бы, пожалуй, моему призванію, и я ничего не достигла бы. Такъ что и за это я благодарна тебѣ.

— Ты жестока,—пролепеталъ Ульрихъ.

Она улыбнулась. Можетъ быть, и было немного женской жестокости въ томъ удовольствіи, съ которымъ она говорила ему все это. Но она видѣла въ фіолетовыхъ сумеркахъ осенняго вечера грустное видѣніе, свою въ тоскѣ проведенную юность, и поэтому усмѣхнулась его упреку.

— То, что я сказала, было, конечно, очень странно,—сказала Ева уже мягко. — По крайней мѣрѣ, что я сказала это тебѣ. Но тебя не долженъ мучить разсказъ о моей любви и о моей тоскѣ; вѣдь это уже давно принадлежитъ прошедшему. И только потому я могу говорить объ этомъ.

— Благодарю!—прошепталъ Ульрихъ.—Скажи лучше, что ты меня вообще никогда не любила.

Ева вздохнула.—Не знаю! Любила я такъ безумно, съ такой страстной тоской, какой не пожелаю и врагу своему. Но тебя ли! Такое юное созданіе любитъ, въ концѣ концовъ, самую любовь, которую она чувствуетъ къ первому мужчинѣ, появившемуся на ея горизонтѣ. Въ сущности, ты даже не виноватъ въ моихъ юношескихъ разочарованіяхъ. И почему, дѣйствительно, я любила такъ чрезмѣрно. Съ сотнями дѣвушекъ случается, что ихъ цѣлуетъ молодой мужчина и затѣмъ уходитъ, а онѣ, проливъ двѣ, три слезинки, утѣшаются съ другимъ. Если бы не ты, то явился бы другой и, можетъ быть, не во время!

Его мужское самолюбіе было задѣто ея словами, и онъ не повѣрилъ имъ. Это была мелкая женская месть. Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, она трепетала и плакала въ его объятіяхъ. Онъ силою долженъ былъ оторвать ея руки отъ своихъ плечъ, въ его ушахъ звучалъ еще ея отчаянный возгласъ: «Возьми меня съ собой!» И это предназначалось не ему... Она могла бы такъ же обнимать другого? Нѣтъ, эта мысль была ему невыносима! Онъ не хотѣлъ, не могъ повѣрить этому.

Ея женской мелочности онъ желалъ противопоставить мужское величіе и благородство и сказалъ, вѣря собственнымъ словамъ:

— Въ такомъ случаѣ, Ева, я тебѣ ничего не долженъ, но, можетъ быть, ты мнѣ. Я не отказываюсь отъ своихъ словъ. Я открыто признаю, что я любилъ тебя, не фантастическій образъ, а тебя, Еву, съ твоими золотистыми косами, и, видитъ Богъ, я и теперь еще люблю тебя!

Онъ дышалъ съ трудомъ и послѣднее сказалъ почти угрожающе. Онъ ожидалъ, что теперь произойдетъ что-то великое, чудное, что она опять упадетъ въ его объятья и скажетъ: «И я тоже люблю тебя!» Онъ не могъ видѣть выраженіе ея лица, такъ какъ было уже темно. Но она не упала въ его объятья, и когда начала говорить, то не такъ, какъ человѣкъ растроганный, а какъ непріятно пораженный.

— Но, милѣйшій! Вѣдь это же минутный самообманъ, результатъ ложнаго великодушія. Это невозможно, что, любя когда-то маленькую Еву, ты любишь меня теперь. Мы вѣдь называемся старыми знакомыми, старыми друзьями. Но старые знакомые мы только здѣсь, на этомъ мѣстѣ, гдѣ мы стоимъ сейчасъ, въ границахъ нашихъ дѣтскихъ воспоминаній. Выступая изъ этого круга, мы дѣлаемся чужими другъ другу, какъ пассажиры, которыхъ случай соединилъ вмѣстѣ на полчаса. Мы вѣдь совсѣмъ не знаемъ другъ друга. Подумай только, между нашимъ «тогда» и «теперь» лежатъ годы духовнаго развитія. Если бы мы теперь узнали другъ друга, то еще вопросъ, много ли бы у насъ нашлось точекъ соприкосновенія. Такъ что будь счастливъ, что я не оказалась старою дѣвою, жаждущею выйти замужъ, и не приняла серьезно твое самоотверженное предложеніе! — сказала Ева, стараясь обратить все въ шутку и смягчить мучительность положенія.

Ульрихъ злобно молчалъ.

Вдругъ Ева испуганно вскрикнула.

— Мой Богъ, который часъ теперь? Уже такъ темно!

Онъ посмотрѣлъ на часы. Это маленькое движеніе облегчило его. Благодаря своему острому зрѣнію, онъ могъ еще различить время.

— Ради Бога!—сказала Ева, когда онъ назвалъ время. — Черезъ двадцать минутъ идетъ поѣздъ, а до вокзала довольно далеко.

— Времени болѣе, чѣмъ достаточно,—возразилъ Ульрихъ.—И въ худшемъ случаѣ, вѣдь городъ цивилизовался, я видѣлъ здѣсь нѣсколько новыхъ отелей.

— Но я хочу и должна уѣхать сегодня вечеромъ! — взволнованно продолжала Ева. — Завтра вечеромъ у меня назначено свиданіе съ моимъ учителемъ, который, возвращаясь съ юга, хочетъ проѣхать черезъ Мюнхенъ. Если я его не увижу изъ-за сентиментальной прихоти, я буду въ отчаяніи.—Она чуть не плакала отъ огорченія.

Они быстро направились къ вокзалу. Ева почти бѣжала. Ульрихъ шелъ рядомъ съ ней. Онъ желалъ, чтобы она пропустила поѣздъ. Не для того, чтобы удержать ее побольше здѣсь, о нѣтъ! Минутное увлеченіе любви уже прошло. Онъ ненавидѣлъ эту женщину, которая, когда-то пылая любовью, лежала въ его объятіяхъ, а теперь совершенно освободилась изъ-подъ обаянія этого чувства. Онъ сознавалъ, что слабая связь, поддерживаемая ихъ взаимными воспоминаніями, порвалась теперь окончательно. У этой женщины, которая шла рядомъ съ нимъ, тревожно устремляя взоръ въ пространство, ни одна мысль, ни одно чувство не принадлежало больше ни ему, ни прошлому. Все ея существо интенсивно стремилось къ той новой жизни, которой онъ не зналъ. Въ его душѣ поднялась злоба. Зачѣмъ эта торопливость, это волненіе? Конечно, оттого, что она любитъ другого хотя и отрицаетъ это. Всѣ женщины похожи другъ на друга, а любовь во всѣ времена была для нихъ смысломъ жизни. Вотъ поэтому и старая любовь не имѣетъ больше власти надъ нею.

Когда они подошли къ вокзалу, то увидѣли, что времени до отхода поѣзда было еще много. Ева облегченно вздохнула и стала снова бодрой и привѣтливой.

Но Ульрихъ не могъ скрывать больше своего сквернаго настроенія. — Ты, повидимому, очень дружна со своимъ бывшимъ профессоромъ,—спросилъ онъ ее подозрительно.

— Очень!—отвѣтила Ева.—Но, къ сожалѣнію, наша дружба должна питаться сама собой, такъ какъ я уже два года не была въ Парижѣ, а онъ не любитъ писать писемъ. Но тѣмъ больше цѣны имѣетъ для меня предстоящее свиданіе.

— Онъ, должно быть, еще молодъ? — продолжалъ допрашивать Ульрихъ, почти увѣренный, что она не отвѣтитъ на его нескромные вопросы.

Но она отвѣчала очень привѣтливо, только немного зло улыбаясь:—Ну, это зависитъ отъ точки зрѣнія. У мужчинъ вообще граница молодости весьма неопредѣленная. Но я думаю, что ему должно быть между шестидесятью и семидесятью годами. Я никогда не интересовалась этимъ вопросомъ. На головѣ у него еще осталось нѣ-

*

сколько волосъ, но онъ сгорбился и доходитъ мнѣ до плечъ. Mais n'importe, c'est un vrai artiste et je l'adore. Но вотъ и поѣздъ.

— Ты не можешь дождаться момента отъѣзда,—сказалъ Ульрихъ съ упрекомъ.

— Прости! Это невѣжливо! Но ты не можешь себѣ представить, какъ важно мнѣ видѣть моего профессора. Я покажу ему мои послѣднія работы. Ты долженъ навѣстить меня, если будешь когда-нибудь въ Мюнхенѣ. Тебѣ навѣрное не понравятся мои картины, но это ничего.

— Ты думаешь, что у меня такой дурной вкусъ?

— Конечно, нѣтъ, но мои произведенія не очень пріятны. Кажется, поѣздъ уже подходитъ. До свиданія!—Она протянула ему руку.

— До свиданія,—сказалъ Ульрихъ.

Имъ больше не о чемъ было говорить другъ съ другомъ и они чувствовали, что больше никогда не увидятся.

Ева кивнула еще разъ изъ окна вагона и была довольна, что Ульрихъ имѣетъ такой строгій, изящный видъ. Было бы очень непріятно, если бы пришлось краснѣть за свою юношескую любовь. На минуту она снова погрузилась въ прошедшее и легкое сожалѣніе какъ будто охватило ее. Но она энергично сказала себѣ: «Хорошо, что все кончено. До сихъ поръ я все еще волочила за собой кусочекъ цѣпи, и только теперь я вполнѣ свободна. Мы должны отдавать себѣ отчетъ во всемъ, и въ нашихъ воспоминаніяхъ, и только тогда можемъ считать себя свободными, когда старыя воспоминанія, случайно налетая на насъ, не поднимаютъ никакихъ чувствъ въ нашей душѣ». И съ этими словами она углубилась въ чтеніе Рёскина.

Ульрихъ Лейтхольдъ тѣмъ временемъ медленно шагалъ по платформѣ. Онъ высоко поднялъ воротникъ пальто и засунулъ руки въ карманъ. Порывъ вѣтра пронесъ мимо него нѣсколько желтыхъ листьевъ. Ульрихъ почувствовалъ ознобъ и ему захотѣлось уѣхать отсюда какъ можно скорѣе...

ДОСТОЕВСКІЙ И БѢЛИНСКІЙ

Почти всѣ замѣчательные русскіе писатели второй половины XIX вѣка испытали на себѣ благотворное вліяніе Бѣлинскаго. Почти всѣ они воспитались на сочиненіяхъ великаго русскаго критика, а нѣкоторые изъ нихъ не только испытали на себѣ вліяніе его критическихъ статей, но имѣли счастье пользоваться его личными совѣтами и указаніями. Почти всѣ эти ученики Бѣлинскаго остались на всю жизнь болѣе или менѣе восторженными поклонниками своего учителя и оставили намъ болѣе или менѣе подробныя воспоминанія или, по крайней мѣрѣ, отзывы о его личности и сочиненіяхъ. Достаточно назвать Тургенева, Гончарова, Некрасова, Салтыкова, Писемскаго, Хвощинскую, Григоровича, Полонскаго, Никитина, Плещеева, чтобы видѣть, какія имена находятся въ спискѣ почитателей Бѣлинскаго. А списокъ этотъ можно еще значительно увеличить менѣе громкими именами. Къ сожалѣнію, въ этотъ списокъ почитателей Бѣлинскаго нельзя внести имени одного изъ крупнѣйшихъ дѣятелей русской литературы—Достоевскаго.

Хотя Достоевскій въ ряду учениковъ Бѣлинскаго занимаетъ выдающееся мѣсто, но его никоимъ образомъ нельзя включить въ число почитателей великаго критика. Подробныя воспоминанія Достоевскаго о Бѣлинскомъ, написанныя въ 1867 году, затерялись; но въ печатныхъ сочиненіяхъ Ѳедора Михайлавича и въ его письмахъ довольно часто упоминается о Бѣлинскомъ, и эти отзывы Достоевскаго о своемъ учителѣ нерѣдко прямо возмутительны. Едва ли будетъ преувеличеніе, если сказать, что никто, даже такіе беззастѣнчивые враги Бѣлинскаго, какъ Ѳадей Булгаринъ, не взводили на Бѣлинскаго такихъ обвиненій и не прилагали къ его имени такихъ эпитетовъ, какіе вырвались изъ-подъ пера Достоевскаго. Не можетъ быть спору, что если бы всѣ отзывы Достоевскаго о своемъ учителѣ были такого характера, какъ тѣ ругательства, которыми онъ осыпаетъ его въ письмахъ къ Страхову, или тѣ обвиненія, которыя находятся въ романѣ «Бѣсы» и въ «Дневникѣ читателя» за 1873 годъ, то изложеніе отношеній великаго русскаго романиста къ величайшему русскому критику представляло бы самую мрачную страницу въ біографіи Достоевскаго. Но къ чести Достоевскаго надо сказать, что на этой мрачной страницѣ его біографіи можно найти несомнѣнно болѣе свѣтлыя строки, которыя въ значительной степени ослабляютъ крайне непріятное впечатлѣніе, производимое упомянутыми ругательствами и обвиненіями. Какъ ни мало имѣется матеріаловъ для исторіи взаимныхъ отношеній Бѣлинскаго и Достоевскаго, эти отношенія въ общихъ чертахъ могутъ быть изображены уже и въ настоящее время. Правильное пониманіе этихъ отношеній необходимо какъ для почитателей Бѣлинскаго, оклеветаннаго Достоевскимъ, такъ и для почитателей Достоевскаго, на памяти котораго лежатъ ругательства и клевета по адресу одного изъ лучшихъ русскихъ людей.

I.

Личное знакомство Достоевскаго съ Бѣлинскимъ началось въ маѣ 1845 года. Въ это время Достоевскій кончилъ своихъ «Бѣдныхъ людей» и собирался ихъ отдать въ «Отечественныя Записки», гдѣ въ то время сотрудничалъ Бѣлинскій. «Бѣлинскаго—говоритъ Ѳедоръ Михайловичъ въ своихъ воспоминаніяхъ—я читалъ уже нѣсколько лѣтъ съ увлеченіемъ, но онъ мнѣ казался грознымъ и страшнымъ». И Достоевскій боялся, что этотъ грозный и страшный критикъ осмѣетъ его «Бѣдныхъ людей». Но опасенія молодого писателя не оправдались. Бѣлинскій, прочитавъ «Бѣдныхъ людей» еще въ рукописи, пришелъ отъ нихъ въ восторгъ и пожелалъ познакомиться съ «новымъ Гоголемъ». Подробности этого очень важнаго въ жизни Достоевскаго событія сохранены для потомства въ воспоминаніяхъ самого Ѳедора Михайловича, а также въ воспоминаніяхъ И. Панаева, Анненкова и Григоровича. Въ этихъ воспоминаніяхъ много противорѣчій, но они касаются мелочей; главные же факты передаются почти одинаково. Судя по этимъ воспоминаніямъ, дѣло было приблизительно такъ. По совѣту Григоровича, Достоевскій отдалъ свою повѣсть не Краевскому, издателю «Отечественныхъ записокъ» а Некрасову, предпринявшему изданіе «Петербургскаго сборника». «Бѣдные люди» привели Некрасова въ восторгъ, и онъ не замедлилъ съ рукописью отправиться къ Бѣлинскому. «Новый Гоголь явился!» закричалъ Некрасовъ, входя къ нему съ «Бѣдными людьми». «У васъ Гоголи-то какъ грибы растутъ», строго замѣтилъ ему Бѣлинскій, но рукопись взялъ. Въ тотъ же день, по разсказу Достоевскаго, или черезъ нѣсколько дней, какъ передаетъ Панаевъ, Бѣлинскій, ложась спать, взялъ «Бѣдныхъ людей», думая прочесть немного, но съ первой же страницы рукопись заинтересовала его. «Онъ увлекался ею болѣе и болѣе, не спалъ всю ночь и прочелъ ее разомъ, не отрываясь. Утромъ (у Достоевскаго—вечеромъ) Некрасовъ—продолжаетъ Панаевъ—засталъ Бѣлинскаго уже въ восторженномъ, лихорадочномъ состояніи. Въ такомъ положеніи онъ обыкновенно ходилъ по комнатѣ въ безпокойствѣ, въ нетерпѣніи, весь взволнованный. Въ эти минуты ему непремѣнно нуженъ былъ близкій человѣкъ, которому бы онъ могъ передать переполнявшія его впечатлѣнія... Нечего говорить, какъ Бѣлинскій обрадовался Некрасову. «Давайте мнѣ Достоевскаго!» были первыя слова его. Потомъ онъ, задыхаясь, передалъ ему свои впечатлѣнія; говорилъ, что «Бѣдные люди» обнаруживаютъ громадный, великій талантъ, что авторъ ихъ пойдетъ далѣе Гоголя и прочее».

Наконецъ произошло свиданіе Бѣлинскаго и Достоевскаго. Достоевскій говоритъ, что его привели къ Бѣлинскому на другой день послѣ того, какъ Некрасовъ отнесъ ему рукопись «Бѣдныхъ людей». Но принимая во вниманіе приведенные разсказы Панаева и Анненкова, это свиданіе, по всей вѣроятности, произошло нѣсколько позже. «Когда къ нему (Бѣлинскому)—говоритъ Панаевъ—привезли Достоевскаго, онъ встрѣтилъ его съ нѣжною, почти отцовскою любовью и тотчасъ же высказался передъ нимъ *весь*, передалъ ему вполнѣ свой энтузіазмъ».—«Онъ встрѣтилъ меня чрезвычайно важно и сдержанно—говоритъ Достоевскій объ этомъ свиданіи:—но не прошло, кажется, и минуты, какъ все преобразилось... Онъ заговорилъ пламенно, съ горящими глазами: «Да вы понимаете-ль сами-то,—повторилъ онъ мнѣ нѣсколько разъ и вскрикивая по своему обыкновенію,—что это вы такое написали?.. Вы только непосредственнымъ чутьемъ, какъ художникъ, это могли написать, но осмыслили-ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы намъ указали? Не можетъ быть, чтобы вы въ ваши двадцать (пять) лѣтъ ужъ это понимали... Мы, публицисты и критики, только разсуждаемъ, мы словами стараемся разъяснить это, а вы, художникъ, одною чертой, разомъ въ образѣ выставляете самую суть, чтобъ ощупать можно было рукой, чтобъ самому не разсуждающему читателю стало вдругъ все понятно! Вотъ тайна художественности, вотъ правда въ искусствѣ! Вотъ служеніе художника истинѣ! Вамъ правда открыта и возвѣщена, какъ художнику, досталась, какъ даръ, цѣните же вашъ даръ и оставайтесь вѣрнымъ и будете великимъ писателемъ!»—Все это онъ тогда говорилъ мнѣ и многимъ другимъ», прибавляетъ Достоевскій.

Восторженныя похвалы Бѣлинскаго необыкновенно сильно подѣйствовали на такую впечатлительную натуру, какъ Достоевскій. «Я вышелъ отъ него—вспоминалъ Достоевскій въ 1877 году—въ упоеніи. Я остановился на углу его дома, смотрѣлъ на небо, на свѣтлый день, на проходившихъ людей и весь, всѣмъ существомъ своимъ, ощущалъ, что въ жизни моей произошелъ торжественный моментъ, переломъ навѣки, что началось что-то совсѣмъ новое, но такое, чего я и не предполагалъ тогда даже въ самыхъ страстныхъ мечтахъ моихъ. (А я былъ тогда страшный мечтатель). «И неужели вправду я такъ великъ», стыдливо думалъ я про себя въ какомъ-то робкомъ восторгѣ. О, не смѣйтесь—спѣшитъ прибавить Ѳедоръ Михайловичъ—никогда потомъ я не думалъ, что я великъ, но тогда—развѣ можно было это вынести!»

Прежде Достоевскій читалъ «съ увлеченіемъ» статьи Бѣлинскаго, но самого критика считалъ «грознымъ и страшнымъ»; теперь этотъ «грозный и страшный» критикъ превратился въ его восторженнаго поклонника. И Достоевскій не остался въ долгу передъ «неистовымъ Виссаріономъ».—«Какіе люди, какіе люди! Вотъ, гдѣ люди!—мысленно восклицалъ онъ по адресу кружка Бѣлинскаго.—О, я буду достойнымъ этихъ похвалъ... Я заслужу, постараюсь стать такимъ же прекраснымъ, какъ они, пребуду вѣренъ!.. У нихъ однихъ истина, а истина, добро, правда всегда побѣждаютъ и торжествуютъ надъ порокомъ и зломъ, мы побѣдимъ; о, къ нимъ, къ нимъ!»—Въ эти минуты Бѣлинскій былъ для Достоевскаго такой свѣтлой, высоконравственной личностью, что послѣдній стыдился и боялся своего восторженнаго цѣнителя. «О, какъ я легкомысленъ, и если бы Бѣлинскій только узналъ, какія во мнѣ есть дрянныя, постыдныя вещи!» «Я все это думалъ,—вспоминалъ Достоевскій потомъ о своей первой встрѣчѣ съ Бѣлинскимъ,—я припоминаю ту минуту въ самой полной ясности. И никогда потомъ я не могъ забыть ее. Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни. Я въ каторгѣ, вспоминая ее, укрѣплялся духомъ. Теперь еще вспоминаю ее каждый разъ съ восторгомъ» *).

II.

Увлеченіе съ обѣихъ сторонъ было вполнѣ искренно, но непродолжительно, да и не могло быть продолжительнымъ у такихъ страстныхъ натуръ, какъ Достоевскій и Бѣлинскій.

«Бѣдные люди» ввели Достоевскаго въ кружокъ Бѣлинскаго, куда попасть было не легко; но болѣе близкое знакомство молодого писателя съ Бѣлинскимъ произошло только осенью 1845 г. по возвращеніи Достоевскаго изъ Ревеля, гдѣ онъ провелъ, кажется, все лѣто у брата. «Я бываю весьма часто у Бѣлинскаго»,—писалъ Ѳедоръ Михайловичъ своему брату 8-го октября 1845 г. Въ эти посѣщенія происходили тѣ оживленныя и горячія бесѣды и споры, содержаніе которыхъ Достоевскій въ 1873 г. передавалъ въ такомъ видѣ: «Въ первые дни знакомства, привязавшись ко мнѣ всѣмъ сердцемъ, онъ (Бѣлинскій) тотчасъ же бросился, съ самою простодушною торопливостью, обращать меня въ свою вѣру... Я засталъ его страстнымъ

---

*) Сочиненія Ѳ. М. Достоевскаго, XI, 29—33. Изд. Маркса. Панаевъ. „Литературныя воспоминанія“, сс. 404—405, Спб. 1876.—Сочиненія Д. В. Григоровича, XII, 272. Изд. Маркса.—Анненковъ. „Воспоминанія и критическіе очерки“, III, 138.

соціалистомъ, и онъ прямо началъ со мной съ атеизма». Нѣкоторыя антирелигіозныя выходки «неистоваго Виссаріона» возмущали и оскорбляли Достоевскаго до слезъ, но это не помѣшало ему сдѣлаться послѣдователемъ и ученикомъ Бѣлинскаго. «Я страстно принялъ тогда все ученіе его»,—говоритъ самъ Достоевскій въ «Дневникѣ писателя» за 1873 г.*).

Бѣлинскій съ своей стороны на первыхъ порахъ полюбилъ Достоевскаго, и какъ человѣка, и какъ писателя, въ которомъ онъ видѣлъ *«доказательство передъ публикой* и оправданіе мнѣній своихъ» (слова и курсивъ Достоевскаго) о созданіи Гоголемъ новаго направленія въ русской литературѣ.

«Въ припадкѣ отеческой нѣжности къ новонародившемуся таланту,—говоритъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—Бѣлинскій относился къ нему (Достоевскому), какъ къ сыну, какъ къ своему «дитяткѣ». И дѣйствительно, Бѣлинскій заботился о матеріальныхъ средствахъ Достоевскаго, о доставленіи ему новыхъ знакомствъ и т. д. Въ письмахъ Достоевскаго къ его брату Михаилу мы встрѣчаемъ рядъ указаній на это любовное, отеческое отношеніе Бѣлинскаго къ молодому автору. «Бѣлинскій двѣ недѣли тому назадъ прочелъ мнѣ полное наставленіе, какимъ образомъ можно ужиться въ нашемъ литературномъ мірѣ, и въ заключеніе объявилъ мнѣ, что я непремѣнно долженъ, ради спасенія души своей, требовать за мой печатный листъ не менѣе 200 руб. асс... Онъ ко мнѣ до-нельзя расположенъ... Бѣлинскій любитъ меня какъ нельзя болѣе... Надняхъ Тургеневъ и Бѣлинскій разбранили меня въ прахъ за безпорядочную жизнь. Эти господа ужъ и не знаютъ, какъ любить меня, влюблены въ меня всѣ до одного... Бѣлинскій охраняетъ меня отъ антрепренеровъ» **).

Всѣ эти отзывы относятся къ осени 1845 г, которая является медовымъ мѣсяцемъ дружбы Бѣлинскаго и Достоевскаго. Въ это время Достоевскій писалъ свою вторую повѣсть «Двойникъ», которая на первыхъ порахъ встрѣтила со стороны Бѣлинскаго самое восторженное отношеніе. Знаменитый критикъ, узнавъ отъ Достоевскаго идею и содержаніе повѣсти, «понукаетъ» автора «дописывать Голядкина», разглашаетъ о новомъ произведеніи въ литературномъ мірѣ и, охраняя Достоевскаго отъ «антрепренеровъ», чуть не запродаетъ повѣсть Краевскому. Повѣсть эта была окончена въ концѣ января 1846 г., но еще «въ началѣ декабря 1845 г. Бѣлинскій настоялъ,—говоритъ Достоевскій въ «Дневникѣ писателя»,—чтобы я прочелъ у него хоть двѣ-три главы этой повѣсти. Для этого онъ устроилъ даже вечеръ

---

*) Достоевскій, IX, 172, 175.

**) Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго. Спб. 1883. Томъ I. (Матеріалы для жизнеописанія Достоевскаго. Стр. 1—332. Письма Достоевскаго. Изъ записной книжки Достоевскаго. Стр. 1—375. Приложенія. Стр. 1—122). Письма, стр. 38—43.

(чего почти никогда не дѣлывалъ) и созвалъ своихъ близкихъ... Три или четыре главы, которыя я прочелъ, понравились Бѣлинскому чрезвычайно». «Бѣлинскій,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Григоровичъ,—невѣрно указывая мѣстомъ чтенія квартиру Некрасова,—сидѣлъ противъ автора, жадно ловилъ каждое его слово и мѣстами не могъ скрыть своего восхищенія, повторяя, что одинъ только Достоевскій могъ доискаться до такихъ изумительныхъ психологическихъ тонкостей».

Иного рода воспоминанія сохранилъ объ этомъ чтеніи Анненковъ. «Бѣлинскому,—по словамъ автора «Замѣчательнаго десятилѣтія»,—нравился и этотъ разсказъ по силѣ и полнотѣ разработки оригинально-странной темы, но мнѣ показалось, что критикъ имѣетъ еще заднюю мысль, которую не считаетъ нужнымъ высказать тотчасъ же. Онъ безпрестанно обращалъ вниманіе Достоевскаго на необходимость *набить руку*, что называется, въ литературномъ дѣлѣ, пріобрѣсти способность легкой передачи своихъ мыслей, освободиться отъ затрудненій изложенія. Бѣлинскій, видимо, не могъ освоиться съ тогдашней, еще расплывчатой манерой разсказчика, возвращавшагося поминутно на старыя свои фразы, повторявшаго и измѣнявшаго ихъ до безконечности, и относилъ эту манеру къ неопытности молодого писателя, еще не успѣвшаго одолѣть препятствій со стороны языка и формы. Но, Достоевскій,—прибавляетъ Анненковъ,—выслушивалъ наставленія ритика благосклонно и равнодушно. Внезапный успѣхъ, полученный и его повѣстью, сразу оплодотворилъ въ немъ тѣ сѣмена и зародыш высокаго уваженія къ самому себѣ и высокаго понятія о себѣ, какія жили въ его душѣ. Успѣхъ этотъ болѣе чѣмъ освободилъ его отъ сомнѣній и колебаній, которыми сопровождаются обыкновенно первые шаги авторовъ: онъ еще принялъ его за вѣщій сонъ, пророчившій вѣнцы и капитоліи» *).

Восторженное отношеніе Бѣлинскаго и его друзей къ «Бѣднымъ людямъ» настолько вскружило голову Достоевскому, что онъ не шутя вообразилъ себя не только первымъ среди тогдашнихъ молодыхъ писателей, но даже выше Гоголя. Да и какъ бы не закружиться такой горячей и самолюбивой головѣ, какая была у Достоевскаго? О «Бѣдныхъ людяхъ» еще до выхода ихъ въ свѣтъ «говоритъ уже полъ-Петербурга... Всюду почтеніе неимовѣрное, любопытство насчетъ меня страшное. Я познакомился съ бездной народу самаго порядочнаго. Князь Одоевскій проситъ меня осчастливить его своимъ посѣщеніемъ, а графъ С(оллогубъ) рветъ на себѣ волосы отъ отчаянія. Панаевъ объявилъ ему, что есть талантъ, который ихъ всѣхъ въ грязь втопчетъ... Всѣ меня принимаютъ, какъ чудо. Я не могу даже раскрыть рта, чтобы во всѣхъ углахъ не повторяли, что Достоевскій то-то сказалъ, Достоевскій то-то хочетъ дѣлать... Тургеневъ влюбился въ меня... У меня бездна идей; и нельзя мнѣ разсказать что-нибудь изъ нихъ хоть Тургеневу, напр., чтобы назавтра во всѣхъ углахъ Петербурга не знали, что Достоевскій пишетъ вотъ то-то и то-то».

---

*) Достоевскій, XI, 358.—Григоровичъ, XII, 273.—Анненковъ, III, 138—139.

Все это собственныя слова Достоевскаго въ его письмахъ къ брату. А тутъ еще Бѣлинскій, который любитъ Достоевскаго «какъ нельзя болѣе», и который, прослушавъ зауряднѣйшее его произведеніе: «Романъ въ девяти письмахъ», сказалъ автору, что онъ, первый критикъ, совершенно въ немъ увѣренъ, что онъ можетъ «браться за совершенно различные элементы». Тотъ же самый Бѣлинскій говоритъ, что молодой писатель «профанируетъ себя», помѣщая свои статьи въ «Зубоскалѣ», юмористическомъ альманахѣ Некрасова. Все это Достоевскій слышитъ во второй половинѣ 1845 года, до выхода въ свѣтъ «Бѣдныхъ людей». Но вотъ выходятъ «Бѣдные люди». Посыпались страшныя ругательства и не менѣе страшныя похвалы. «Публика въ остервенѣніи... Дебаты пошли ужаснѣйшіе. Ругаютъ, ругаютъ, ругаютъ, а все-таки читаютъ. Альманахъ расходится неестественно, ужасно. Есть надежда, что черезъ 2 недѣли не останется ни одного экземпляра». «Зато какія похвалы слышу я, братъ!—восторженно продолжаетъ Достоевскій.—Представь себѣ, что наши всѣ, и даже Бѣлинскій, нашли, что я даже далеко ушелъ отъ Гоголя... Во мнѣ находятъ (Бѣлинскій и прочіе) новую оригинальную струю, состоящую въ томъ, что я дѣйствую анализомъ, а не синтезисомъ, т.-е. иду въ глубину и, разбирая по атомамъ, отыскиваю цѣлое, Гоголь же беретъ прямо цѣлое и оттого не такъ глубокъ, какъ я». А вотъ отзывы друзей Достоевскаго и мнѣніе его самого о «Двойникѣ». «Голядкинъ,—пишетъ Достоевскій брату въ томъ же письмѣ отъ 1-го февраля 1846 года,—въ десять разъ выше «Бѣдныхъ людей». Наши говорятъ, что послѣ «Мертвыхъ душъ» на Руси не было ничего подобнаго, что произведеніе геніальное и чего-чего ни говорятъ они! Съ какими надеждами они всѣ смотрятъ на меня! Дѣйствительно, Голядкинъ удался мнѣ до-нельзя. Понравится онъ тебѣ, какъ не знаю что! Тебѣ онъ понравится даже лучше «Мертвыхъ душъ», я это знаю» *).

Если въ ноябрѣ 1845 года Достоевскій заявилъ брату, что онъ «теперь *почти* упоенъ собственной славой своей», то въ началѣ 1846 года, послѣ выхода въ свѣтъ «Бѣдныхъ людей», онъ былъ *вполнѣ* упоенъ этой славой. «У меня будущность преблистательная», вырвалось у Достоевскаго въ томъ же февральскомъ письмѣ, послѣднемъ восторженномъ письмѣ молодого писателя. Послѣ устныхъ дифирамбовъ, которые слышалъ Достоевскій по поводу «Бѣдныхъ людей» и «Двойника», послѣдовала критика ихъ въ печати, и молодой писатель, самолюбіе котораго достигло крайней степени, которому уже грезились «вѣнцы и капитоліи», не могъ не замѣтить разницы между словесными и печатными отзывами.

---

*) „Письма Достоевскаго“, стр. 41—44.

III.

«Петербургскій сборникъ», гдѣ впервые были напечатаны «Бѣдные люди», вышелъ 15-го января 1846 года. Слухи «о новомъ Гоголѣ» и о его повѣсти давно уже циркулировали въ литературныхъ кружкахъ Петербурга, и имя Достоевскаго было по слухамъ знакомо столичному интеллигентному міру. Но Бѣлинскій не утерпѣлъ, чтобы и своимъ провинціальнымъ читателямъ не сообщить о новомъ писателѣ! «Наступающій годъ,—мы знаемъ это навѣрное,—писалъ Бѣлинскій въ январской книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1846 годъ по поводу романа Жоржъ-Зандъ «Мельникъ»,—долженъ сильно возбудить вниманіе публики однимъ новымъ литературнымъ именемъ, которому, *кажется*, суждено играть въ нашей литературѣ одну изъ такихъ ролей, какія даются слишкомъ немногимъ. Что это за имя, чье оно, чѣмъ замѣчательно, обо всемъ этомъ мы пока умолчимъ, тѣмъ болѣе, что все это сама публика узнаетъ на-дняхъ». Въ февральской книгѣ Бѣлинскій посвятилъ «Петербургскому сборнику» небольшую рецензію, гдѣ опять сказано о Достоевскомъ, что ему, «*какъ кажется*, суждено играть значительную роль въ нашей литературѣ», и прибавлено еще, что «такими произведеніями, какъ «Бѣдные люди» и «Двойникъ», обыкновенные таланты не начинаютъ своего поприща». А въ «Журнальной всячинѣ» Бѣлинскій заявилъ, что такими произведеніями «для многихъ было бы славно и блистательно даже и закончить свое литературное поприще; но такъ начать—это, въ добрый часъ молвить, что-то ужъ слишкомъ необыкновенное» *).

Всякаго начинающаго писателя подобныя отзывы, да еще такого критика, какъ Бѣлинскій, привели бы въ восторгъ. Но Достоевскій слышалъ и не такіе отзывы отъ того же самаго Бѣлинскаго. Въ интимныхъ бесѣдахъ онъ слышалъ, что онъ «далеко ушелъ отъ Гоголя», а такъ какъ авторъ «Мертвыхъ душъ» былъ объявленъ геніемъ, то и Достоевскій считалъ себя уже геніемъ. Да и самъ Бѣлинскій одно время не прочь былъ считать его геніемъ. «Надулись же мы, другъ мой, съ Достоевскимъ-геніемъ!» такъ писалъ онъ впослѣдствіи Анненкову. И вдругъ въ печатныхъ отзывахъ вмѣсто *генія* только *талантъ*, правда, талантъ необыкновенный, но все-таки талантъ. Достоевскій думалъ и брату писалъ, что у него «будущность преблистательная»; а Бѣлинскій, говоря объ этой будущности, два раза подрядъ употребилъ слово «кажется». Для Достоевскаго, самолюбіе котораго «расхле-

---

**) „Сочиненія Бѣлинскаго“, X, 374, 386, 426. Изд. 1860 г.

сталось» (его собственное выраженіе) до крайней степени, эти, повидимому, ничтожныя оговорки значили очень многое. Но впереди предстоялъ еще подробный разборъ «Бѣдныхъ людей», обѣщанный Бѣлинскимъ въ упомянутой рецензіи.

Наконецъ, появился и этотъ разборъ, и Достоевскій нашелъ тамъ очень много лестныхъ отзывовъ о своемъ талантѣ и о своихъ первыхъ повѣстяхъ. Талантъ у него «необыкновенный и самобытный». Онъ «глубоко знаетъ à priori» жизнь и сердце человѣческое. У него необыкновенное умѣнье «смѣшить и потрясать душу читателя въ одно и то же время». «Такого неисчерпаемаго богатства фантазіи не часто случается встрѣчать и въ талантахъ огромнаго размѣра». «Бѣдные люди» и «Двойникъ»—«произведенія необыкновеннаго размѣра». Отношенія Дѣвушкина къ Варенькѣ обрисованы «съ удивительнымъ искусствомъ, съ неподражаемымъ мастерствомъ». Вообще, частности «Бѣдныхъ людей»—«превосходны и этихъ частностей такъ много, что легче перечесть весь романъ, нежели пересчитать все, что въ немъ превосходнаго, потому что онъ весь въ цѣломъ превосходенъ». Направленіе автора самое симпатичное: «честь и слава молодому поэту, муза котораго любитъ людей на чердакахъ и въ подвалахъ и говоритъ о нихъ обитателямъ раззолоченныхъ палатъ: «вѣдь это тоже люди, ваши братья!» Такіе же лестные отзывы были и о «Двойникѣ». Мысль сдѣлать героемъ романа сумасшедшаго—«смѣлая и выполненная авторомъ съ удивительнымъ мастерствомъ!» Въ «Двойникѣ» еще больше творческаго таланта и глубины мысли, нежели въ «Бѣдныхъ людяхъ», и т. д., и т. д.

Все это очень лестные отзывы, но все это было не то, чего ожидалъ Достоевскій. Но что всего ужаснѣе, эти лестные отзывы были пересыпаны многочисленными оговорками, съ которыми самолюбію Достоевскаго было крайне больно согласиться. Талантъ Достоевскаго самобытный, его «нельзя назвать подражателемъ Гоголя», тѣмъ не менѣе въ обоихъ его романахъ замѣтно «сильное вліяніе Гоголя даже въ оборотѣ фразы; Гоголю онъ обязанъ болѣе, чѣмъ Лермонтовъ Пушкину». Хотя вліяніе Гоголя на Достоевскаго не будетъ продолжительно, но все-таки «Гоголь навсегда останется, такъ сказать, его отцомъ по творчеству» и «Колумбомъ той неизмѣрной и неистощимой области творчества, въ которой долженъ подвизаться Достоевскій». Такъ, какъ Достоевскій, «еще никто не начиналъ изъ русскихъ писателей». Но отсюда вовсе не слѣдуетъ,—спѣшитъ оговориться Бѣлинскій,—чтобы Достоевскій по таланту былъ выше своихъ предшественниковъ. Мысль, что Достоевскій выше Гоголя, Бѣлинскій прямо назвалъ «нелѣпой». Романъ «Бѣдные люди» и въ цѣломъ и въ частностяхъ превосходенъ, однакожъ «лицо Вареньки какъ-то не совсѣмъ опредѣленно и неоконченно», а журналъ ея «по мастерству изложенія нельзя сравнить съ письмами Дѣвушкина: замѣтно, что авторъ тутъ былъ не совсѣмъ, какъ говорится, у себя дома». «Двойникъ»—превосходное произведеніе; но «почти всѣ лица въ немъ... говорятъ почти одинаковымъ языкомъ», мѣстами въ немъ встрѣчается «вовсе ненужное повтореніе однѣхъ и тѣхъ же фразъ». Бѣлинскій старается защитить «Двойникъ» отъ упрековъ, что этотъ романъ «несносно растянутъ и оттого ужасно скученъ»; онъ старается доказать, что это не растянутость, а «излишняя плодовитость», что «каждое отдѣльное мѣсто въ этомъ романѣ—верхъ совершенства»; но все-таки, въ концѣ концовъ, критикъ долженъ былъ сознаться, что упреки въ растянутости справедливы не только по отношенію къ «Двойнику», но и по отношенію къ «Бѣднымъ людямъ». Вообще,—по отзыву перваго критика,—талантъ Достоевскаго огромный и сильный, но еще молодой и неопытный, который не можетъ высказаться опредѣленно.

Всѣ приведенныя оговорки сдѣланы Бѣлинскимъ въ высшей степени мягко и деликатно: видимо, онъ старался щадить «расхлеставшееся» самолюбіе Достоевскаго; зная, какъ возгордился молодой писатель своимъ талантомъ и необычайнымъ успѣхомъ «Бѣдныхъ людей», знаменитый критикъ сдѣлалъ ему необходимое предостереженіе: «Да спасетъ его богъ вдохновенія отъ гордой мысли презирать мнѣніе даже профановъ искусства, когда они всѣ говорятъ одно и то же!» Наконецъ, для ободренія Достоевскаго, талантъ котораго по выходѣ «Двойника» начали развѣнчивать, Бѣлинскій написалъ слѣдующія пророческія строки: «Его талантъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которые постигаются и признаются не вдругъ. Много въ продолженіи его поприща явится талантовъ, которыхъ будутъ противопоставлять ему, но кончится тѣмъ, что о нихъ забудутъ именно въ то время, когда онъ достигнетъ апогея своей славы».

Статья Бѣлинскаго о «Петербургскомъ сборникѣ» произвела на Достоевскаго самое удручающее дѣйствіе. Давно-ли ему говорили, что «Двойникъ» — «произведеніе геніальное», а теперь не только общій голосъ читателей рѣшилъ, что это произведеніе крайне скучное, но и первый критикъ, несмотря на всѣ свои оговорки, въ глубинѣ души раздѣляетъ общее мнѣніе. Въ устныхъ бесѣдахъ друзья Достоевскаго были съ нимъ гораздо откровеннѣе, чѣмъ въ печати. И вотъ результатъ этихъ откровенныхъ бесѣдъ. «Слава моя,—пишетъ Достоевскій брату 1-го апрѣля 1846 года,—достигла до апогеи (!). Въ два мѣсяца обо мнѣ, по моему счету, было говорено около 35 разъ въ различныхъ изданіяхъ. Въ иныхъ хвала до небесъ, въ другихъ съ исключеніями, а въ третьихъ руготня напропалую. Чего лучше и выше? Но вотъ что гадко и мучительно: свои, наши, Бѣлинскій, и всѣ мною недовольны за Голядкина. Первое впечатлѣніе было безотчетный восторгъ, говоръ, шумъ, толки. Второе—критика. Именно: всѣ, всѣ съ общаго говору, т.-е. *наши* и вся публика, нашли, что до того Голядкинъ скученъ и вялъ, до того растянутъ, что читать нѣтъ возможности». Неудача «Двойника» сильно потрясла Достоевскаго: онъ нашелъ въ своемъ «геніальномъ произведеніи» огромные недостатки, впалъ въ уныніе и даже заболѣлъ съ горя. «Идея о томъ,—писалъ онъ брату,—что я обманулъ ожиданія и испортилъ вещь, которая могла бы быть великимъ дѣломъ, убивала меня. Мнѣ Голядкинъ опротивѣлъ. Многое въ немъ писано наскоро и въ утомленіи... Рядомъ съ блистательными страницами, есть скверность, дрянь, изъ души воротитъ, читать не хочется» *).

Если самъ Достоевскій такъ сильно, хотя и на время, разочаровался въ своемъ «Двойникѣ», то, понятно, онъ не могъ особенно негодовать и на своихъ друзей, въ частности, на Бѣлинскаго, который, вопреки своему характеру такъ мягко старался, говоря словами Анненкова, «высвободить его талантъ отъ резонерскихъ наклонностей и сообщить ему сильные, такъ сказать, нервы и мускулы, которые помогли бы овладѣвать предметами прямо, сразу, не надрываясь въ попыткахъ» **). Въ 1846 году Достоевскій поддерживаетъ самыя близкія отношенія съ Бѣлинскимъ и его семьей и старается оказывать ему услуги. Онъ пишетъ для задуманнаго Бѣлинскимъ альманаха двѣ повѣсти: «Сбритыя бакенбарды» и «Повѣсть объ уничтоженныхъ канцеляріяхъ» — «обѣ съ потрясающимъ трагическимъ интересомъ», по отзыву Достоевскаго. Услугу эту Достоевскій могъ считать очень важной. Слава его въ это время достигла апогея. «Публика ждетъ моего съ нетерпѣніемъ», писалъ онъ брату. Самъ Бѣлинскій былъ такого же мнѣнія. Высказывая желаніе получить вторую часть повѣсти «Кто виноватъ?», онъ писалъ Герцену: «такія повѣсти (если 2 и 3 часть не уступаютъ первой) являются рѣдко, и въ моемъ альманахѣ она была бы капитальной статьей, раздѣляя восторгъ публики съ повѣстью Достоевскаго («Сбритыя бакенбарды»), а это было бы больше, нежели сколько можно желать издателю альманаха даже и во снѣ, не только на яву» ***). Въ маѣ того же года, когда Бѣлинскій предпринялъ со Щепкинымъ путешествіе на югъ Россіи, а семья Бѣлинскаго уѣхала въ Ревель, Достоевскій пишетъ брату письмо, въ которомъ проситъ его и его жену встрѣтить жену и свояченицу Бѣлинскаго какъ можно любезнѣе: «Пожалуйста, прими хорошенько, и если можно, то даже не худо бы было пригласить ихъ къ обѣду — и m-me Бѣлинскую и ея интереснѣйшую сестрицу... Попитай ихъ дамскій эгоизмъ какъ можно болѣе участіемъ къ нимъ, и разумѣется, какъ можно менѣе толкуй о литературѣ» ****). Въ концѣ лѣта Достоевскій привозитъ жену и свояченицу

---

*) „Письма Достоевскаго", стр. 46.

**) Анненковъ, II, 138.

***) „Письма Бѣлинскаго", стр. 86. Изд. Зинченко. „Сбритыя бакенбарды" были написаны, но не удовлетворили автора и не были напечатаны.

****) „Письма Достоевскаго", стр. 48.

ченицу Бѣлинскаго изъ Ревеля въ Петербургъ и потомъ часто заходитъ къ нимъ справляться, не возвратился ли Виссаріонъ Григорьевичъ.

По возвращеніи Бѣлинскаго въ Петербургъ, Достоевскій попрежнему посѣщаетъ его квартиру, но отношенія ихъ далеко уже не носятъ прежняго интимнаго характера. Положеніе автора «Бѣдныхъ людей» въ это время было довольно тяжелое. Недавніе поклонники его таланта теперь всячески раздражали его самолюбіе, писали на него юмористическіе стихи, вовлекали его въ щекотливые разговоры и т. д. Бѣлинскому не нравилось такое неделикатное отношеніе къ болѣзненно-самолюбивому писателю, и онъ старался останавливать своихъ друзей. Достоевскій не могъ не видѣть и не чувствовать деликатности Бѣлинскаго и сохранилъ съ нимъ отношенія долѣе, чѣмъ съ остальными членами кружка. Съ Некрасовымъ у Достоевскаго еще въ ноябрѣ 1846 года произошла «грязная исторія» на почвѣ денежныхъ счетовъ. «Я разругалъ Некрасова въ пухъ», сообщалъ Достоевскій брату. Приблизительно тогда же разошелся Достоевскій съ Тургеневымъ. «Только съ нимъ (Бѣлинскимъ) я сохранилъ прежнія добрыя отношенія. Онъ человѣкъ благородный». Такъ писалъ Достоевскій брату 26-го ноября 1846 года. «Бываю у Бѣлинскаго», сообщаетъ Достоевскій брату и въ письмѣ 17-го декабря 1846 года. Но какія холодныя отношенія были въ это время между Достоевскимъ и Бѣлинскимъ, можно видѣть изъ слѣдующаго незначительнаго факта. Въ только что упомянутомъ письмѣ Достоевскій сообщилъ брату, что жена Бѣлинскаго родила, а когда братъ Достоевскаго полюбопытствовалъ, кто родился, мальчикъ или дѣвочка, то получилъ такой отвѣтъ въ постскриптумѣ слѣдующаго письма: «не знаю, что родила m-me Бѣлинская. Слышалъ, что кричитъ за двѣ комнаты ребенокъ, а спросить какъ-то совѣстно и странно». Значитъ, самъ счастливый отецъ не счелъ нужнымъ подѣлиться съ Достоевскимъ своею семейною радостью. Достоевскій, конечно, не могъ не обидѣться такою холодностью своего прежняго восторженнаго поклонника. Не могъ также не обижаться онъ и тѣмъ предпочтеніемъ, которое Бѣлинскій оказывалъ другимъ своимъ знакомымъ и друзьямъ, въ томъ числѣ Тургеневу и Некрасову, съ которыми Достоевскій поссорился *).

IV.

Не могъ также Достоевскій не замѣтить, что Бѣлинскій еще больше охладѣлъ къ нему, какъ къ писателю. Явное недовольство великимъ критикомъ звучитъ въ письмѣ Достоевскаго къ брату: «Что же касается до Бѣлинскаго, то это такой слабый человѣкъ, что даже въ

---

*) „Воспоминанія Головачевой-Панаевой“, стр. 159. „Письма Достоевскаго“ стр. 60, 63.

литературныхъ мнѣніяхъ у него пять пятницъ на недѣлѣ» *). Всякія сомнѣнія на этотъ счетъ должны были кончиться, когда появился въ печати обзоръ русской литературы 1846 года. Въ этомъ обзорѣ уже безъ всякихъ обиняковъ указаны недостатки первыхъ произведеній Достоевскаго. «Почти всѣ единогласно—писалъ Бѣлинскій,—нашли въ «Бѣдныхъ людяхъ» Достоевскаго способность утомлять читателя, даже восхищая его, и приписали это свойство одни—растянутости, другіе—неумѣренной плодовитости. Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что если бы «Бѣдные люди» явились хотя десятой долей въ меньшемъ объемѣ, и авторъ имѣлъ бы предусмотрительность поочистить ихъ отъ излишнихъ повтореній однѣхъ и тѣхъ же фразъ и словъ,—это произведеніе явилось бы безукоризненно-художественнымъ». «Въ «Двойникѣ»,—говорится дальше, — авторъ обнаружилъ огромную силу творчества, характеръ героя концепированъ глубоко и смѣло, ума и истины въ этомъ произведеніи много, художественнаго мастерства тоже; но вмѣстѣ съ этимъ тутъ видно страшное неумѣніе владѣть и распоряжаться экономически избыткомъ собственныхъ силъ. Все, что въ «Бѣдныхъ людяхъ» было извинительными для перваго опыта недостатками, въ «Двойникѣ» явилось чудовищными недостатками». «Мы убѣждены,—прибавляетъ Бѣлинскій — что если бы Достоевскій укоротилъ своего «Двойника», по крайней мѣрѣ, цѣлой третью, повѣсть его могла бы имѣть успѣхъ». Другой существенный недостатокъ «Двойника», по указанію Бѣлинскаго,—«фантастическій колоритъ» повѣсти. «Фантастическое въ наше время—писалъ Бѣлинскій, — можетъ имѣть мѣсто только въ домахъ умалишенныхъ, а не въ литературѣ, и находиться въ завѣдываніи врачей, а не поэтовъ». О третьей повѣсти Достоевскаго «Господинъ Прохарчинъ» сказано, что она «всѣхъ почитателей таланта Достоевсваго привела въ непріятное изумленіе. Въ ней сверкаютъ искры таланта, но въ такой густой темнотѣ, что ихъ свѣтъ ничего не даетъ читателю... Не вдохновеніе, не свободное и наивное творчество породило эту странную повѣсть, а что-то вродѣ... какъ бы это сказать?—не то умничанья, не то претензіи... иначе она не была бы такой вычурной, манерной, непонятной, болѣе похожей на какое-нибудь истинное, но странное и запутанное происшествіе, нежели на поэтическое созданіе». Въ заключеніе своихъ отзывовъ критикъ давалъ Достоевскому благой совѣтъ еще поучиться у Гоголя.

Если Достоевскій остался недоволенъ разборомъ «Петербургскаго сборника», то еще болѣе непріятно было для него читать обзоръ литературы 1846 года. Разочарованіе автора относительно «Двойника» было временное; скоро самолюбіе Достоевскаго опять «расхлесталось». «О Голядкинѣ я слышу исподтишка (и отъ многихъ),—писалъ онъ брату,—такіе слухи, что ужасъ. Иные прямо говорятъ, что это про-

---

*) „Письма Достоевскаго“, стр. 58.

изведеніе *чудо* и не понято, что ему страшная роль въ будущемъ, что еслибъ я написалъ одного Голядкина, то довольно съ меня». А Бѣлинскій не только не отказался отъ своихъ прежнихъ оговорокъ при оцѣнкѣ этого «чуда», но даже прибавилъ къ нимъ новыя, еще болѣе обидныя для авторскаго самолюбія, тогда какъ благопріятные отзывы критика о талантѣ Достоевскаго въ обзорѣ литературы 1846 года были значительно ослаблены редакціонными поправками. Такъ, напримѣръ, вмѣсто словъ Бѣлинскаго: «въ «Двойникѣ» авторъ обнаружилъ *огромную* силу творчества; характеръ героя принадлежитъ къ числу *самыхъ глубокихъ и смѣлыхъ концепцій*, какими только можетъ похвалиться русская литература; ума и истины въ этомъ произведеніи *бездна*, художественнаго мастерства также»—въ «Современникѣ» было напечатано: «въ «Двойникѣ» автора обнаружилъ *замѣчательную* силу творчества; характеръ героя концепированъ *глубоко и смѣло*, истины въ этомъ произведеніи *много*». Въ отзывѣ Бѣлинскаго о «Господинѣ Прохарчинѣ», вмѣсто напечатанныхъ въ «Современникѣ» словъ: «искры таланта», въ рукописи Бѣлинскаго стоитъ: «яркія искры большого таланта» и т. д.

По свидѣтельству Головачевой-Панаевой, «Достоевскій оскорбился этимъ разборомъ» и пересталъ бывать у Панаева и даже кланяться при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ. Въ это же время, по всей вѣроятности, Достоевскій пересталъ посѣщать и Бѣлинскаго *).

Въ оправдательной запискѣ по дѣлу Петрашевскаго Достоевскій объясняетъ свой разрывъ съ Бѣлинскимъ несогласіемъ въ вопросѣ о направленіи литературы. «Въ мірѣ литераторовъ—говоритъ Ѳедоръ Михайловичъ въ этомъ недавно опубликованномъ и крайне интересномъ документѣ **),—очень многимъ небезызвѣстны мой споръ и мой окончательный разрывъ съ Бѣлинскимъ въ послѣдніе годы его жизни. Извѣстна также причина этого разлада: дѣло шло о взглядахъ на литературу и о направленіи ея. Мои взгляды были діаметрально противопротивоположны взглядамъ Бѣлинскаго. Я упрекалъ его въ томъ, что онъ старается дать литературѣ особое, недостойное ея назначеніе, низводя ее *только* до описыванія, если можно такъ выразиться, *газетныхъ фактовъ* или скандальныхъ происшествій. Я именно возражалъ ему, что желчью никого къ себѣ не привлекаютъ и что смертельно можно надоѣсть всѣмъ и каждому, если останавливать перваго попавшагося на дорогѣ, если хватать за пуговицу сюртука всякаго прохожаго, чтобы насильно прочитать ему проповѣдь и научить лучшему. Бѣлинскій сдѣлался золъ на меня, и такъ мы дошли, наконецъ, начиная съ охлажденія, до полнаго разрыва, такъ что въ теченіе послѣдняго года его жизни мы ни разу не видѣлись».

---

*) „Письма Достоевскаго“. с. 63. „Семь статей Бѣлинскаго“, ст. 138—141. М. 1898. воспоминанія „Голавачевой-Панаевой“, с. 197.

**) Записка эта извлечена изъ архива бывшаго „третьяго отдѣленія“ г-жою Ниною Гофманъ, написавшею на нѣмецкомъ языкѣ біографію Достоевскаго. Записка эта напечатана въ газетѣ „Бержевыя Вѣдомости“, хотя, къ сожалѣнію, въ переводѣ съ нѣмецкаго перевода (1899 года №№ 215—217), и въ журналѣ „Космополисъ“ 1898 г., № 9.

Приведенное заявленіе крайне подозрительно. Въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ Достоевскаго говорится, что Бѣлинскій съ первыхъ же дней своего знакомства съ авторомъ «Бѣдныхъ людей» началъ обращать его въ свою вѣру и проповѣдовать атеизмъ, причемъ «ругалъ Христа». Изъ тѣхъ же воспоминаній мы знаемъ, что «бѣшеныя выходки» «неистоваго Виссаріона» приводили Достоевскаго въ негодованіе и оскорбляли его до слезъ. Но религіозныя разногласія не помѣшали сближенію и даже дружбѣ вѣрующаго и религіознаго Достоевскаго съ «атеистомъ» Бѣлинскимъ. Можно ли повѣрить, что споръ объ искусствѣ и о направленіи литературы вызвалъ разрывъ Достоевскаго со знаменитымъ критикомъ? Очевидно, дѣло было не совсѣмъ такъ, какъ говоритъ Достоевскій въ своей оправдательной запискѣ.

Не разногласія въ вопросахъ о задачахъ искусства были причиной разрыва, а нѣчто другое. Въ «Дневникѣ писателя» 1873 года Достоевскій сдѣлалъ уже совершенно иное заявленіе о своемъ разрывѣ съ Бѣлинскимъ. «Мы разошлись, — говорится тамъ,—*отъ разнообразныхъ причинъ*, весьма, впрочемъ, *неважныхъ во всѣхъ отношеніяхъ*». Мы едва ли ошибемся, если этими «неважными причинами» будемъ считать охлажденіе Бѣлинскаго къ таланту Достоевскаго и разрывъ послѣдняго съ друзьями великаго критика. Можно указать, за что именно Бѣлинскій и «не взлюбилъ» Достоевскаго. «Я страстно принялъ тогда все ученіе его», заявилъ самъ Достоевскій тотчасъ же вслѣдъ за упоминаніемъ, что Бѣлинскій не взлюбилъ его. Слѣдовательно, Бѣлинскій не взлюбилъ его не за различіе убѣжденій. Не взлюбилъ онъ его за «чудовищное самолюбіе», за то самолюбіе, подъ вліяніемъ котораго Достоевскій сказалъ Тургеневу, что «никто изъ нихъ ему не страшенъ, что дай только время, онъ всѣхъ ихъ въ грязь затопчетъ». Не могли нравиться Бѣлинскому и тѣ слухи, которые доходили до него о Достоевскомъ, будто бы онъ «страшно бранитъ всѣхъ и не хочетъ ни съ кѣмъ изъ кружка продолжать знакомства, что онъ разочаровался во всѣхъ, что это все завистники, безсердечные и ничтожные люди». Мы знаемъ, что, по крайней мѣрѣ, до конца 1846 года, Достоевскій дѣлалъ исключеніе для Бѣлинскаго и считалъ его «благороднымъ человѣкомъ»; но Бѣлинскій-то этого не зналъ и могъ думать, что Достоевскій, дѣйствительно, считаетъ охлажденіе къ его таланту слѣдствіемъ зависти или неспособности оцѣнить его «геніальныя» произведенія *).

---

*) „Сочиненія Достоевскаго“, IX, 172. „Сочиненія Григоровича“, XII, 274.— „Воспоминанія Головачевой-Панаевой“, стр. 160.

*

V.

«Двойникъ» и «Господинъ Прохарчинъ» повели къ «разложенію славы» Достоевскаго въ журналахъ. У автора «Бѣдныхъ людей» стали отрицать всякій талантъ и при этомъ не упускали случая задѣть Бѣлинскаго, который-де захвалилъ молодого писателя. «Сѣверная Пчела» печатала цѣлые фельетоны, гдѣ доказывалось, что у Достоевскаго нѣтъ ни искорки таланта. А извѣстный поэтъ Губеръ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» нападалъ на «новую критику», которая «пожаловала молодого литератора въ геніи первой степени и вознесла его на такую высоту, на которой поневолѣ голова закружится». Впослѣдствіи Григоровичъ въ своихъ воспоминаніяхъ тоже высказалъ, что «неумѣренно-восторженныя похвалы Бѣлинскаго положительно вредно отразились на Достоевскомъ», и что еще болѣе сильное впечатлѣніе произвелъ на автора «Бѣдныхъ людей» «рѣзкій поворотъ на его счетъ въ мнѣніи Бѣлинскаго и его кружка». «Неожиданность перехода—говоритъ Григоровичъ—отъ поклоненія и возвышенія автора «Бѣдныхъ людей» чуть ли не на степень генія къ безнадежному отрицанію въ немъ литературнаго дарованія могла сокрушить и не такого впечатлительнаго и самолюбиваго человѣка, какимъ былъ Достоевскій. Онъ сталъ избѣгать лицъ изъ кружка Бѣлинскаго, замкнулся весь въ себя еще больше прежняго и сдѣлался раздражительнымъ до послѣдней степени» *).

Губеру Бѣлинскій могъ отвѣтить, что «критика, на которую онъ мѣтитъ и которая, по его словамъ, превознесла автора «Бѣдныхъ людей» на головокружительную высоту, явилась въ печати ровно черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ «Двойникъ» (Приключенія господина Голядкина) былъ уже напечатанъ. Слѣдовательно, автору «Бѣдныхъ людей» не было никакой возможности испортить своей второй повѣсти вслѣдствіе головокруженія отъ похвалъ первой. Но Григоровича такой отвѣтъ не удовлетворилъ бы: онъ зналъ отъ Достоевскаго, жившаго съ нимъ на одной квартирѣ, что еще прежде печатнаго разбора «Бѣдныхъ людей» и «Двойника» авторъ этихъ произведеній былъ провозглашенъ въ кружкѣ Бѣлинскаго геніемъ и что «Двойникъ» писался подъ впечатлѣніемъ «неумѣренно-восторженныхъ похвалъ», если не печатныхъ, то устныхъ. Григоровичу Бѣлинскій могъ бы отвѣтить, что «рѣзкаго поворота» въ мнѣніи насчетъ Достоевскаго у него, критика, не было, а было только медленное охлажденіе къ таланту молодого автора, не оправдавшаго общихъ ожиданій, возбужденныхъ «Бѣдными людьми». Всѣмъ же, кто склоненъ былъ обвинять печатно или устно Бѣлинскаго въ разложеніи славы Достоевскаго, знаменитый критикъ

---

*) „Сочиненія Григоровича“ XII, 273—274.

могъ сказать то же самое, что онъ сказалъ Губеру: «Мы и теперь считаемъ Достоевскаго человѣкомъ съ рѣшительнымъ талантомъ, и на основаніи этого-то мнѣнія и думаемъ, что ни похвала, ни брань не могутъ имѣть на него никакого вліянія; въ противномъ же случаѣ мы считали бы этотъ талантъ и нерѣшительнымъ и ничтожнымъ». Къ этому самооправданію Бѣлинскій могъ бы прибавить, что если бы у Достоевскаго не было «чудовищнаго самолюбія», если бы ему не грезились «вѣнцы и капитоліи», если бы онъ внимательнѣе слушалъ совѣты «набить руку», прежде чѣмъ вдаваться въ неизвѣданныя еще области искусства, — тогда послѣдовавшія за «Бѣдными людьми» повѣсти молодого писателя не потерпѣли бы такого фіаско, какое выпало на ихъ долю вполнѣ заслуженно.

Какъ ни непріятно было Бѣлинскому принимать участіе въ «разложеніи славы» Достоевскаго и подавать лишній поводъ къ нападкамъ на «новую критику», онъ не могъ пройти молчаніемъ новую его повѣсть «Хозяйка». «Будь подъ нею подписано какое-нибудь неизвѣстное имя, мы бы не сказали о ней ни слова». Такъ начинаетъ Бѣлинскій свой отзывъ объ этой повѣсти въ обзорѣ русской литературы 1847 года. Изъ всѣхъ длинныхъ, патетическихъ монологовъ этой повѣсти критикъ не понялъ «ни единаго слова». «Не только мысль, даже смыслъ этой повѣсти,—говоритъ Бѣлинскій,—остается и останется тайной для нашего разумѣнія, пока авторъ не издастъ необходимыхъ поясненій и толкованій на эту дивную загадку его причудливой фантазіи». «Авторъ хотѣлъ—говорится дальше—попытаться помирить Марлинскаго съ Гофманомъ, подболтавши сюда немного юмору въ новѣйшемъ родѣ и сильно натеревши лакомъ русской народности. Удивительно ли, что вышло что-то чудовищное?.. Во всей этой повѣсти нѣтъ ни одного простого и живого слова или выраженія: все изысканно, натянуто, на ходуляхъ, поддѣльно и фальшиво».

Легко представить, какъ подѣйствовалъ на самолюбиваго Достоевскаго этотъ отзывъ авторитетнаго критика. «Я пишу мою «Хозяйку» сообщалъ онъ брату зимою 1846—1847 года:—уже выходитъ лучше «Бѣдныхъ людей». Это въ томъ же родѣ. Перомъ моимъ водитъ родникъ вдохновенія, выбивающійся прямо изъ души». И вдругъ оказалось, что новая повѣсть не только не лучше «Бѣдныхъ людей», но ниже всякой критики. «Мнѣ все кажется,—писалъ Достоевскій еще раньше—что я завелъ процессъ со всею нашею литературою, журналами и критиками» *). Вопросъ шелъ объ установленіи Достоевскимъ своего первенства среди тогдашнихъ русскихъ писателей. Заявленія такого рода неоднократно встрѣчаются въ его письмахъ. И вдругъ вмѣсто признанія первенства самый пренебрежительный отзывъ перваго критика.

---

*) Письмо Достоевскаго, сс. 59, 63.

Интимные отзывы Бѣлинскаго о новомъ произведеніи Достоевскаго еще пренебрежительнѣе, чѣмъ печатные. Въ концѣ 1847 года онъ писалъ Анненкову о «Хозяйкѣ», что «повѣсть до того пошла, глупа и бездарна, что на основаніи ея начала ничего нельзя (какъ ни бейся) развить». А въ письмѣ къ тому же Анненкову отъ $^{15}/_{27}$ февраля 1848 года Бѣлинскій писалъ слѣдующее: «Достоевскій написалъ повѣсть «Хозяйка»—ерунда страшная! Въ ней онъ хотѣлъ помирить Марлинскаго съ Гофманомъ, подболтавъ немного Гоголя. Онъ и еще кое-что написалъ послѣ того, но каждое его новое произведеніе—новое паденіе. Въ провинціи его терпѣть не могутъ, въ столицѣ отзываются враждебно даже о «Бѣдныхъ людяхъ». Я трепещу при мысли перечитать ихъ,—такъ легко читаются они! Надулись же мы, другъ мой, съ Достоевскимъ-геніемъ! О Тургеневѣ не говорю: онъ тутъ былъ самимъ собою, а ужъ обо мнѣ, старомъ чортѣ, безъ палки нечего и толковать. Я, первый критикъ, разыгралъ тутъ осла въ квадратѣ». Далѣе, въ томъ же письмѣ, заявивъ о своемъ «сильнѣйшемъ омерзѣніи» къ Руссо, Бѣлинскій продолжаетъ: «Онъ такъ похожъ на Достоевскаго, который убѣжденъ глубоко, что все человѣчество завидуетъ ему и преслѣдуетъ его» *).

Письмо, откуда сдѣланы приведенныя выдержки, было продиктовано Бѣлинскимъ за два мѣсяца до своей смерти. Съ такими крайне нелестными мнѣніями о Достоевскомъ, какъ писателѣ и человѣкѣ, великій критикъ, по всей вѣроятности, и умеръ. Даже къ прежнимъ произведеніямъ Достоевскаго, которыя когда-то нравились Бѣлинскому, онъ теперь рѣшительно охладѣлъ. Прочитанный осенью 1845 года въ кружкѣ Бѣлинскаго «Романъ въ девяти письмахъ»—«произвелъ фуроръ». А въ 1848 году Бѣлинскій насилу дочиталъ этотъ разсказъ, занимающій менѣе печатнаго листа. Только къ однимъ «Бѣднымъ людямъ» отношеніе Бѣлинскаго почти не измѣнилось до конца его жизни. Въ рецензіи, написанной по поводу выхода этого романа отдѣльнымъ изданіемъ, критикъ называетъ его лучшимъ произведеніемъ Достоевскаго и однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы.

Подводя итоги критическимъ отзывамъ Бѣлинскаго о Достоевскомъ, нельзя не признать, что великій русскій критикъ первый провидѣлъ въ авторѣ «Бѣдныхъ людей» геніальнаго писателя и первый предсказалъ ему блестящую будущность, хотя и оговорился, что «его талантъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которые постигаются и признаются не вдругъ». Бѣлинскій же вѣрно указалъ и на отношеніе Достоевскаго къ Гоголю; онъ отмѣтилъ «сильное вліяніе» автора «Шинели» въ первыхъ произведеніяхъ Достоевскаго и предсказалъ, что авторъ

---

*) „Анненковъ и его друзья“, ст. 598, 610. Спб. 1890.

«Бѣдныхъ людей» пойдетъ «дальше Гоголя» и глубже его проникнетъ въ ту область искусства, которую открылъ Гоголь. Бѣлинскій же вѣрно опредѣлилъ и характерныя особенности таланта Достоевскаго, сказавъ, что его талантъ «не сатирическій, не описательный, но въ высокой степени творческій». Сначала, въ первомъ разборѣ «Бѣдныхъ людей» Бѣлинскій заявилъ, что юморъ—преобладающій характеръ таланта Достоевскаго, но впослѣдствіи онъ поправился и указалъ, что главная сила и оригинальность этого таланта въ «глубокомъ пониманіи и художественномъ воспроизведеніи трагической стороны жизни». Не могъ Бѣлинскій не замѣтить и не оцѣнить и гуманныхъ тенденцій, которыя руководили авторомъ «Бѣдныхъ людей», его глубокаго сочувствія къ «униженнымъ и оскорбленнымъ» «бѣдностью и несовершенствомъ нашей жизни». «Многіе могутъ подумать,—писалъ Бѣлинскій, разбирая «Петербургскій сборникъ»,—что въ лицѣ Дѣвушкина авторъ хотѣлъ изобразить человѣка, у котораго умъ и способности придавлены, приплюснуты жизнью. Была бы большая ошибка думать такъ. Мысль автора гораздо глубже и гуманнѣе: онъ въ лицѣ Макара Алексѣевича показалъ намъ, какъ много прекраснаго, благороднаго и святого лежитъ въ самой ограниченной человѣческой натурѣ»...

Бѣлинскій уже по первымъ произведеніямъ Достоевскаго указалъ и тѣ его недостатки, отъ которыхъ онъ не освободился въ теченіе всей своей литературной дѣятельности, а именно: «многословность и растянутость, иногда утомляющія читателя, нѣкоторое однообразіе въ способѣ выражаться, частыя повторенія фразъ въ любимыхъ авторомъ оборотахъ, мѣстами недостатокъ въ обработкѣ, мѣстами излишество въ отдѣлкѣ, несоразмѣрность въ частяхъ». «Вообще легкость и текучесть изложенія не въ его талантѣ, что много вредитъ ему», писалъ Бѣлинскій въ 1848 году. Но всѣ эти недостатки выкупаются, по мнѣнію Бѣлинскаго, «поразительной истиной въ изображеніи дѣйствительности, мастерской обрисовки характеровъ и положеній дѣйствующихъ лицъ и... глубокимъ пониманіемъ и художественнымъ... воспроизведеніемъ трагической стороны жизни».

Позднѣйшая литературная критика почти ничего не прибавила къ сдѣланной Бѣлинскимъ оцѣнкѣ первыхъ повѣстей Достоевскаго, какъ художественныхъ произведеній. «Бѣдные люди», по общему признанію, являются лучшимъ произведеніемъ Достоевскаго въ первый періодъ его дѣятельности, а послѣдующія его повѣсти признаются наиболѣе слабыми его произведеніями. Впослѣдствіи эти неудачныя и осужденныя Бѣлинскимъ произведенія интересовали публицистическую и научную критику, которая нашла тамъ не мало интереснаго. Такъ, Добролюбовъ пользовался «Двойникомъ» и «Господиномъ Прохарчинымъ» для своей характеристики «забитыхъ людей». Н. К. Михайловскій нашелъ въ этихъ повѣстяхъ матеріалъ для характеристики «жестокаго таланта» Достоевскаго. Профессоръ Чижъ въ своемъ очеркѣ «Достоевскій, какъ психопатологъ» *), пользовался «Двойникомъ», «Господиномъ Прохарчинымъ» и «Хозяйкой» для доказательства своихъ крайне интересныхъ выводовъ. Г. Вл. Случевскій нашелъ въ «Двойникѣ» и «Хозяйкѣ» матеріалы для своей статьи: «Достоевскій и внушеніе» **). Но и лица, пользовавшіяся для своихъ спеціальныхъ цѣлей указанными произведеніями Достоевскаго, не могли не замѣтить ихъ крупныхъ недостатковъ. Добролюбовъ не имѣлъ силы прочитать всего «Двойника». Н. К. Михайловскій вслѣдъ за Бѣлинскимъ отмѣтилъ въ этой повѣсти обиліе мелочей. Для профессора Чижа въ «Двойникѣ» «основная тема представляется затемненною»; «картина развитія помѣшательства Голядкина не полна»; кромѣ того, даже для психіатра «достоинство этой повѣсти значительно уменьшается... введеніемъ рѣдкаго случая—появленія двойника». «Хозяйка», даже съ психіатрической точки зрѣнія, слабѣйшее изъ мелкихъ произведеній Достоевскаго, «такъ какъ въ ней совсѣмъ не очерчено, въ чемъ состояла болѣзнь двухъ дѣйствующихъ лицъ (хозяйки и старика)».

Совершенно иначе относится къ этой повѣсти г. Случевскій. Приступая къ ея анализу со своей спеціальной точки зрѣнія, онъ высказалъ сожалѣніе, что «повѣсть эта не получила и по настоящее время удовлетворительной литературной оцѣнки». «Теперь,—говоритъ г. Случевскій по поводу отзыва Бѣлинскаго о «Хозяйкѣ»,—эпитеты: «чудовище», «страшная, непонятная вещь...» никого удовлетворить не могутъ». Взявъ подъ свою защиту эту неудачную повѣсть, г. Случевскій, очевидно, смѣшиваетъ двѣ различныхъ точки зрѣнія. Съ точки зрѣнія внушенія повѣсть Достоевскаго становится понятной и представляетъ нѣкоторый интересъ. Но какъ художественное произведеніе, это одна изъ самыхъ неудачныхъ повѣстей Ѳедора Михайловича. «Достоевскій взялся въ ней,—говоритъ профессоръ Буличъ,—за лица, какихъ онъ никогда не видалъ, за изображеніе совершенно незнакомой ему жизни; его фантазія, опиравшаяся на знакомый ему міръ бѣднаго петербургскаго чиновничества, оказалась въ этомъ случаѣ совершенно безсильною, а странный языкъ въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ—безжизненною поддѣлкою подъ народную рѣчь» ***). Приведенный отзывъ гораздо мягче отзыва Бѣлинскаго, но сущность обоихъ мнѣній, отдѣленныхъ другъ отъ друга болѣе, чѣмъ тридцатью годами, одинакова. Теперь уже нельзя сказать, вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, что смыслъ этой повѣсти—тайна для нашего разумѣнія, но сама повѣсть все-таки остается и останется слабѣйшимъ изъ слабыхъ произведеній Достоевскаго *).

---

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1884 г., май и іюнь, а также отдѣльно.

**) „Книжки Недѣли“ 1893 г., январь и февраль.

***) Зелинскій. „Критическій комментарій къ сочиненіямъ Достоевскаго“, I 204—205.

Самъ Достоевскій, несмотря на свое самолюбіе, не могъ не согласиться, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми замѣчаніями своего учителя. Бѣлинскій скоро охладѣлъ къ «Двойнику», и Достоевскій, какъ было упомянуто, тоже нашелъ въ немъ «скверность и дрянь». Бѣлинскій находилъ необходимымъ сократить «Двойникъ» на одну треть, а «Бѣдныхъ людей» на одну десятую, и Достоевскій сокращаетъ свою первую повѣсть въ отдѣльномъ изданіи и мечтаетъ издать «Двойникъ» въ исправленномъ видѣ. Но и передѣланнымъ «Двойникомъ», появившимся въ собраніи сочиненій 1865 года, Достоевскій остался недоволенъ. «Повѣсть эта,—говоритъ Достоевскій въ «Дневникѣ писателя» за 1877 годъ,—мнѣ положительно не удалась, но идея ея была довольно свѣтлая, и серьезнѣе этой идеи я никогда ничего въ литературѣ не проводилъ. Но форма этой повѣсти мнѣ не удалась совершенно. Я сильно исправилъ ее потомъ, лѣтъ пятнадцать спустя, для тогдашняго «Общаго собранія» моихъ сочиненій, но и тогда опять убѣдился, что это вещь совсѣмъ неудавшаяся, и если бы я теперь принялся за эту идею и изложилъ ее вновь, то взялъ бы совсѣмъ другую форму; но въ 46 году этой формы я не нашелъ и повѣсти не осилилъ» **).

VI.

Гораздо сильнѣе сказалось вліяніе Бѣлинскаго на міросозерцаніи молодого писателя. Самъ Достоевскій въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ, въ «Дневникѣ писателя» за 1873 г., заявилъ: «я страстно принялъ тогда *все* ученіе его». «Ученіе» же Бѣлинскаго въ то время, по свидѣтельству Достоевскаго, состояло въ соціализмѣ и атеизмѣ. «Я засталъ его,—говоритъ Ѳедоръ Михайловичъ,—страстнымъ соціалистомъ, и онъ прямо началъ со мной съ атеизма». Въ другомъ мѣстѣ того же «Дневника», говоря о петрашевцахъ, Достоевскій вспоминаетъ: «Мы заражены были идеями тогдашняго теоретическаго соціализма...

«Всѣ эти тогдашнія новыя идеи намъ въ Петербургѣ ужасно нравились, казались въ высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловѣческими, будущимъ закономъ всего безъ исключенія человѣчества. Мы еще задолго до парижской революціи 48 года были охвачены обаятельнымъ вліяніемъ этихъ идей. Я уже въ 46 году былъ посвященъ во всю *правду* этого грядущаго «обновленнаго міра» и во всю *святость* будущаго коммунистическаго общества еще Бѣлинскимъ» *). Если бы Достоевскій захотѣлъ быть справедливѣе къ своему учителю, онъ несомнѣнно упомянулъ бы не только о томъ, что Бѣлинскій сдѣлалъ его «соціалистомъ» и старался сдѣлать «атеистомъ», но также и о томъ, что онъ, Достоевскій, усвоилъ многіе взгляды критика на явленія тогдашней русской дѣйствительности.

---

*) Насколько Бѣлинскій былъ близокъ къ тому пониманію „Хозяйки", которое предложилъ г. Случевскій, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ критика о купцѣ Муринѣ: „Въ глазахъ у него столько электричества, гальванизма и магнетизма, что иной физіологъ предложилъ бы ему хорошую цѣну за то, чтобы онъ снабжалъ его по временамъ, если не глазами, то хоть молніеносными, искрящимися взглядами, для учебныхъ наблюденій и опытовъ".

**) „Сочиненія Достоевскаго", I. 358.

Переходъ Достоевскаго изъ кружка Бѣлинскаго въ кружокъ Петрашевскаго былъ явленіемъ вполнѣ естественнымъ. Авторъ «Бѣдныхъ людей» явился туда не только съ «идеями тогдашняго теоретическаго соціализма», но и съ готовой почти программой внутреннихъ реформъ, причемъ освобожденіе крестьянъ стояло у него, такъ же, какъ и у Бѣлинскаго, на первомъ планѣ. Сходился Достоевскій съ своимъ учителемъ и въ способѣ осуществленія этой реформы. Бѣлинскій, какъ извѣстно, ждалъ освобожденія крестьянъ отъ самодержавной власти, и Достоевскій въ отвѣтъ на сомнѣніе въ возможности освобожденія крестьянъ легальнымъ путемъ, по свидѣтельству А. П. Милюкова, «рѣзко возразилъ, что ни въ какой иной путь онъ не вѣритъ». Правда, существуетъ другое показаніе, идущее отъ петрашевца Пальма, будто бы Достоевскій въ пылу спора о способахъ освобожденія крестьянъ воскликнулъ, что крестьяне должны быть освобождены, «хотя бы черезъ возстаніе»; но въ этомъ восклицаніи, если оно дѣйствительно вырвалось у Достоевскаго, нельзя не видѣть минутной вспышки **). Въ своей оправдательной запискѣ онъ говоритъ, что «все хорошее, бывшее когда-либо въ Россіи, начиная съ Петра Великаго, всегда шло сверху внизъ, съ престола, а снизу ничего еще не всплыло, кромѣ эгоизма и грубости». Это мнѣніе,—прибавляетъ Достоевскій,—извѣстно многимъ, которые его знаютъ, потому что приведенныя слова онъ часто повторялъ въ собраніяхъ петрашевцевъ.

Кромѣ освобожденія крестьянъ, «самыми живыми современными національными вопросами въ Россіи» для Бѣлинскаго были «отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе, по возможности, строгаго исполненія тѣхъ законовъ, которые уже есть», распространеніе образованія, ослабленіе «татарской цензуры» и т. д. И въ воспоминаніяхъ о Достоевскомъ мы встрѣчаемъ указанія, что «въ особенности возмущали его злоупотребленія, отъ которыхъ страдали низшіе классы и учащаяся молодежь», что въ кружкѣ петрашевцевъ онъ производилъ сильное впечатлѣніе своими разсказами о жестокихъ наказаніяхъ солдатъ и о жестокомъ обращеніи помѣщиковъ со своими крѣпостными *). О цензурѣ же, отравлявшей существованіе Бѣлинскаго, мы находимъ очень смѣлыя строки въ оправдательной запискѣ Достоевскаго. Достоевскій сознается, что онъ жаловался въ кружкѣ Петрашевскаго на «чрезмѣрную строгость» цензуры, которая сдѣлала положеніе русской литературы невыносимымъ и унизила званіе писателя, относясь къ нему, «какъ къ врагу верховной власти еще прежде, чѣмъ онъ написалъ что-нибудь», и собираясь калѣчить рукописи еще прежде, чѣмъ онѣ будутъ просмотрѣны. Подобное «недоразумѣніе» Достоевскій называлъ «гибельнымъ» и протестовалъ «всѣми силами» противъ того неразумнаго и подозрительнаго отношенія къ писателю, когда у него «въ самой невинной и чистой фразѣ ищутъ преступной мысли», созданной запуганнымъ воображеніемъ цензора.

---

*) „Сочиненія Достоевскаго“, IX, 172, 175, 337—338. Курсивъ Достоевскаго.

**) А. П. Милюковъ. „Литературныя встрѣчи и знакомства“, стр. 177. Спб. 1790 „Матеріалы для жизнеописанія Достоевскаго“, стр. 85.

Послѣ только что указанной солидарности взглядовъ Достоевскаго и Бѣлинскаго на многіе вопросы внутренней политики, насъ не должно удивлять отношеніе Достоевскаго къ знаменитому письму Бѣлинскаго о «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями» Гоголя. Получивъ отъ поэта Плещеева изъ Москвы это письмо, Достоевскій въ мартѣ 1849 года прочелъ его у Петрашевскаго, потомъ читалъ его на собраніяхъ у Дурова и, наконецъ, отдалъ Момбелли для списанія копіи. Эти факты установлены офиціальнымъ слѣдствіемъ по дѣлу петрашевцевъ. Милюковъ прибавляетъ къ этому, что Достоевскій, кромѣ того читалъ письмо «въ разныхъ знакомыхъ домахъ и давалъ списывать съ него копіи» **). Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что Достоевскій читалъ этотъ знаменитый обвинительный актъ дореформенной Россіи «съ полнымъ сочувствіемъ», какъ выразился Орестъ Миллеръ. Сочувствіе это, конечно, не могло распространяться на рѣзкія антирелигіозныя выходки Бѣлинскаго и вообще на рѣзкія выраженія письма, но основному содержанію этого документа Достоевскій не могъ не сочувствовать вполнѣ.

Слѣдуетъ оговориться, что мнѣніе Ореста Миллера не подтверждается показаніями самого Достоевскаго въ его оправдательной запискѣ; но надо имѣть въ виду, при какихъ условіяхъ была написана эта записка. Главными обвиненіями, выставленными противъ Достоевскаго слѣдствіемъ по дѣлу петрашевцевъ, были, во-первыхъ, непозволительные разговоры о политикѣ, о цензурѣ и т. д., во-вторыхъ, чтеніе и распространеніе письма Бѣлинскаго, которое въ дѣлѣ названо «полнымъ дерзкихъ выраженій противъ православной церкви и верховной власти». Достоевскій не могъ не понимать, что второе изъ этихъ обвиненій самое опасное, и не могъ въ силу этого не приложить особыхъ стараній для того, чтобы, насколько возможно, ослабить эти обвиненія. Достоевскій сознается, что давно хотѣлъ прочесть письма Бѣлянскаго и Гоголя, такъ какъ переписка такихъ выдающихся лицъ представляетъ «довольно замѣчательный литературный памятникъ». Но обвиненіе въ публичномъ чтеніи и распространеніе этого письма Достоевскій старается по возможности ослабить: онъ старается доказать, что если письмо было прочитано у Петрашевскаго, то произошло это почти вопреки его, Достоевскаго, желанію. «Петрашевскій,— говоритъ Ѳедоръ Михайловичъ въ своей оправдательной запискѣ,— случайно замѣтилъ у меня въ рукахъ это письмо и спросилъ: «Что это такое?» Такъ какъ у меня не было времени показать ему тотчасъ же, то я обѣщалъ принести его въ пятницу. Я самъ вызвался сдѣлать это и долженъ былъ сдержать слово». Вынужденный публично прочесть письмо, Достоевскій воздержался отъ всякихъ комментаріевъ и даже отъ выраженія своего одобренія или неодобренія. «Можетъ ли тотъ, кто указалъ на меня,—спрашиваетъ Достоевскій,—сказать, на сторонѣ кого изъ обоихъ переписывавшихся я сталъ? Пусть онъ вспомнитъ, было ли въ моихъ взглядахъ (которыхъ, впрочемъ, я не высказывалъ), или въ моихъ намѣреніяхъ, въ моихъ жестахъ что-нибудь такое, которое могло бы свидѣтельствовать, что я пристрастенъ къ тому или другому изъ нихъ! Конечно, онъ этого не скажетъ». «Статью эту я прочиталъ,—говоритъ Достоевскій въ другомъ мѣстѣ оправдательной записки,—какъ литературный памятникъ, ни больше, ни меньше, твердо убѣжденный, что она никому не придется по вкусу, хотя она не лишена нѣкотораго литературнаго значенія. Что касается меня, то я не согласенъ буквально ни съ однимъ изъ заключающихся въ немъ преувеличеній».

---

*) Милюковъ, стр. 182. „Матеріалы“, стр. 90—91.

**) „Матеріалы“, стр. 97. Миклюковъ, стр. 184.

Но если Достоевскій не былъ во всемъ согласенъ съ авторомъ знаменитаго письма, то почему же онъ воздержался отъ какихъ бы то ни было замѣчаній? Свою сдержанность Достоевскій объясняетъ, во-первыхъ, уваженіемъ къ Бѣлинскому, во-вторыхъ, своимъ разладомъ съ нимъ. «Изъ уваженія,—говоритъ Достовскій, — къ умершему уже человѣку, имѣвшему большое значеніе въ свое время, къ человѣку, сужденія котораго цѣнятся благодаря его нѣкоторымъ литературно-эстетическимъ статьямъ, дѣйствительно, написаннымъ съ большимъ знаніемъ литературы; наконецъ, изъ щекотливаго чувства, вызваннаго во мнѣ именно моимъ разладомъ съ нимъ (который многимъ извѣстенъ) изъ-за этихъ идей,—я прочиталъ все письмо, воздерживаясь отъ всякаго замѣчанія и съ полною безпристрастностью». Да это письмо, по заявленію оправдательной записки, и и не нуждалось въ опроверженіи. «Письмо Бѣлинскаго,—говорится тамъ, — слишкомъ странно написано, чтобы оно могло встрѣтить симпатію съ чьей-либо стороны. Ругательства отталкиваютъ сердца вмѣсто того, чтобы привлекать, а все письмо исполнено ругательствъ и желчи». Далѣе Достоевскій указываетъ, что письмо это было написано Бѣлинскимъ вь болѣзненномъ состояніи, подъ вліяніемъ истощенія физическихъ и умственныхъ силъ, а также подъ вліяніемъ «раздражительнаго и чувствительнаго самолюбія», которое къ тому же будто бы было оскорблено тѣмъ, что «редакція («Современника») связала ему руки и не давала ему писать слишкомъ уже серьезныя статьи». «Сталъ ли бы, я—патетически восклицаетъ Достоевскій, — выставлять статью человѣка, съ которымъ какъ разъ я вступилъ въ споръ изъ-за идей (это не тайна, это всѣмъ извѣстно), къ тому же написанную въ состояніи болѣзни, въ состояніи умственной и душевной расшатанности,—сталъ ли бы я выставлять эту статью въ качествѣ образца, въ качествѣ формулы, которой необходимо держаться?»

Оправдательная записка, какъ извѣстно, не достигла цѣли. Судьи Достоевскаго никакъ не могли повѣрить, чтобы можно было неоднократно и въ разныхъ мѣстахъ читать письмо ради одного только литературнаго его значенія или ради одного имени Бѣлинскаго. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ такое явленіе: человѣкъ читаетъ письмо въ разныхъ домахъ, даетъ списывать съ него копіи, вообще, старается всячески распространять его среди знакомыхъ и въ то же время твердо убѣжденъ, что письмо никому не придется по вкусу, а впослѣдствіи отрекается отъ всякой солидарности съ содержаніемъ этого письма? Такъ можно было поступать только съ цѣлью дискредитировать письмо Бѣлинскаго въ глазахъ общества. Но подобнаго заявленія въ оправдательной запискѣ Достоевскаго мы не находимъ.

Не повѣрили Достоевскому его судьи полвѣка тому назадъ; не повѣритъ ему и современный читатель. Не все въ знаменитомъ письмѣ Бѣлинскаго «ругательства и желчь», не подъ вліяніемъ оскорбленнаго самолюбія оно написано, и не имѣлъ Достоевскій права отрекаться отъ солидарности, если не со всѣми, то, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми взглядами, выраженными въ этомъ письмѣ.

Въ своей оправдательной запискѣ Достоевскій заодно съ письмомъ Бѣлинскаго не пощадилъ и самого автора. Было уже упомянуто о томъ, какъ невѣрно Достоевскій объясняетъ въ этой запискѣ причину своего разрыва съ Бѣлинскимъ—несогласіемъ во взглядахъ на задачи и направленіе литературы. Но Достоевскій не ограничился обвиненіемъ Бѣлинскаго въ стараніи низвести литературу до голаго протоколизма. Онъ высоко цѣнитъ Бѣлинскаго, какъ человѣка, и считаетъ его однимъ изъ лучшихъ людей; онъ признаетъ «большое значеніе» литературной дѣятельности великаго критика; и отдаетъ должное «нѣкоторымъ» статьямъ его, «дѣйствительно написаннымъ съ большимъ знаніемъ литературы». Но въ то же время Достоевскій находитъ въ литературной дѣятельности своего учителя коренной недостатокъ, «отъ котораго Бѣлинскій никогда не могъ отрѣшиться въ своихъ критическихъ статьяхъ и который постепенно увеличивался по мѣрѣ истощенія его физическихъ и умственныхъ силъ подъ вліяніемъ болѣзни». Недостатокъ этотъ—чрезмѣрная догматичность статей Бѣлинскаго и безапелляціонность его приговоровъ *). Знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю для автора оправдательной записки — «примѣръ безъ доказательствъ». Точно также смотритъ Достоевскій и на всю критическую дѣятельность Бѣлинскаго, въ особенности на его послѣднія, лучшія, статьи. Кромѣ того, въ запискѣ до крайности преувеличено вліяніе болѣзни Бѣлинскаго. «Какъ человѣкъ, — писалъ Достоевскій о Бѣлинскомъ,—онъ былъ однимъ изъ лучшихъ. Но болѣзнь, которая его сломила, сломила въ немъ также и человѣка. Она сдѣлала его умъ жестокимъ и рѣзкимъ и переполнила желчью его сердце. Его разстроенное, чрезмѣрное воображеніе увеличивало все до гигантскихъ размѣровъ и показывало ему только такія вещи, которыя онъ самъ былъ въ состояніи видѣть. У него появились недостатки и ошибки, которыхъ и слѣда не было въ здоровомъ состояніи. Между прочимъ, обнаруживалось чрезвычайно раздражительное и чувствительное самолюбіе».

Не одинъ Достоевскій оставилъ намъ свидѣтельства о крайней нетерпимости и раздражительности Бѣлинскаго, а также о его чувствительномъ самолюбіи. Объ этихъ недостаткахъ не считаютъ нужнымъ умалчивать такіе друзья великаго критика, какъ Тургеневъ и Анненковъ. Разница только въ томъ, что люди, для которыхъ память Бѣлинскаго была священна, объяснили намъ, что всѣ крайности, въ которыя впадалъ «неистовый Виссаріонъ», исходили изъ его «великаго сердца».

VII.

Вліяніе каторги сказалось на Достоевскомъ неизгладимыми физическими и нравственными послѣдствіями. Припадки падучей, которыми Достоевскій страдалъ еще до ареста, усилились во время пребыванія въ Сибири. Тамъ же было положено начало и тому измѣненію міросозерцанія Достоевскаго, которое обнаружилось уже въ эпоху изданія «Времени», а особенно рѣзко выразилось въ «Дневникѣ писателя». Но въ отношеніяхъ Достоевскаго къ памяти Бѣлинскаго вліяніе каторги на первыхъ порахъ почти незамѣтно. Даже напротивъ, онъ относится къ своему бывшему учителю и другу гораздо лучше, чѣмъ можно было ожидать, судя по отзывамъ оправдательной записки. Въ далекой Сибири Достоевскій часто вспоминалъ о великомъ критикѣ и, вспоминая свою первую встрѣчу съ нимъ, «укрѣплялся духомъ». Объ этой «самой восхитительной минутѣ во всей жизни своей» Достоевскій напомнилъ и въ романѣ «Униженные и оскорбленные», появившемся въ журналѣ «Время» за 1861 годъ. Иванъ Петровичъ, отъ лица кото-

---

*) Этотъ взглядъ на Бѣлинскаго Достоевскій усвоилъ отъ Валеріана Майкова.

раго разсказывается романъ,—это самъ Достоевскій, а первое литературное произведеніе разсказчика, внѣ всякаго сомнѣнія,—«Бѣдные люди». «Б. обрадовался, какъ ребенокъ, прочитавъ мою рукопись», разсказываетъ Иванъ Петровичъ. Этотъ Б., конечно, Бѣлинскій. Въ семьѣ Ихменевыхъ Иванъ Петровичъ читалъ свой романъ и много разсказывалъ о Бѣлинскомъ. Разсказы эти были такого свойства, что старикъ Ихменевъ «началъ читать критическія статьи Б(ѣлинскаго), котораго онъ почти не понималъ, но говорилъ до восторга и горько жаловался на враговъ его, писавшихъ въ «Сѣверномъ Трутнѣ» (т.-е. въ «Сѣверной Пчелѣ» Булгарина). «Онъ былъ человѣкъ хорошій, великодушный, симпатичный, съ чувствомъ, съ сердцемъ», говоритъ Достоевскій о Бѣлинскомъ устами того же Ихменева.

Одновременно съ романомъ «Униженные и оскорбленные» Достоевскій напечаталъ въ журналѣ «Время» статью «Г—бовъ (Добролюбовъ) и вопросъ объ искусствѣ». Въ началѣ этой статьи, защищая «блестящую дѣятельность Бѣлинскаго» отъ нареканій со стороны «Отечественныхъ записокъ», Ѳедоръ Михайловичъ, между прочимъ, заявилъ, что, «въ двухъ страницахъ Бѣлинскаго сказано больше объ исторической части русской литературы, чѣмъ во всей дѣятельности «Отечественныхъ записокъ»; съ 48 года до нашихъ временъ», то-есть до 1861 года. Сочувственный отзывъ о Бѣлинскомъ находится и въ объявленіи о подпискѣ на журналъ «Время» 1862 года. «Еслибъ Бѣлинскій—говорится въ этомъ объявленіи, составленномъ Достоевскимъ,—прожилъ еще годъ, онъ бы сдѣлался славянофиломъ, т.-е. попалъ бы изъ огня въ полымя; ему ничего не оставалось болѣе; да сверхъ того онъ не боялся, въ развитіи своей мысли, никакого полымя. *Слишкомъ ужъ много любилъ человѣкъ*». Наконецъ, мы имѣемъ письмо Достоевскаго отъ 5 января 1863 года къ вдовѣ Бѣлинскаго. Письмо это представляетъ очень цѣнный документъ, такъ какъ показываетъ намъ, какія чувства питалъ Достоевскій къ памяти своего учителя въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. «Письмо ваше—писалъ между прочимъ Достоевскій въ отвѣтъ на письмо Марьи Васильевны Бѣлинской—произвело на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Я до того *любилъ и уважалъ вашего незабвеннаго мужа* и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ такъ пріятно было припомнить все то *лучшее время моей жизни*, что я отъ души мысленно поблагодарилъ васъ за то, что вамъ вздумалось написать ко мнѣ... Признаюсь, когда я прошлаго года былъ дней пять въ Москвѣ, мнѣ приходила мысль быть у васъ и напомнить вамъ о себѣ и о прошломъ... Намъ вѣдь много есть о чемъ переговорить, многое припомнить» *).

Очень характерно также для отношеній Достоевскаго къ памяти

---

*) Сочиненія Достоевскаго, IX, 45.—Приложенія, стр. 26.—„Русскія Вѣдомости“ 1894 г. № 241.

Бѣлинскаго и помѣщеніе во «Времени» статей Аполлона Григорьева съ очень сочувственными, иногда даже прямо восторженными отзывами о Бѣлинскомъ. Такъ, напримѣръ, въ одной изъ этихъ статей Соловьевъ, Кавелинъ и г. Чичеринъ называются ни болѣе ни менѣе какъ учениками Бѣлинскаго, «разработавшими по частямъ общія мысли учителя» относительно русской исторіи. Въ той же самой статьѣ говорится, что Бѣлинскому «по вліянію его на наше умственное, нравственное и даже общественное развитіе принадлежитъ роль столь же первостепенная, какъ Карамзину». А заслуги Карамзина Аполлонъ Григорьевъ ставилъ такъ высоко, что находилъ сопоставленіе съ Петромъ Великимъ болѣе умѣстнымъ для Карамзина, чѣмъ для Ломоносова *).

Во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ въ отношеніяхъ Достоевскаго къ Бѣлинскому поисходитъ рѣзкій переломъ. Въ 1876 году за границей, куда Ѳедоръ Михайловичъ уѣхалъ съ молодой женой, спасаясь отъ кредиторовъ, онъ пишетъ свои воспоминанія о Бѣлинскомъ для сборника «Чаша», задуманнаго бывшимъ сотрудникомъ «Времени» и «Эпохи» Бабиковымъ, авторомъ романа «Глухая улица». Воспоминанія эти были окончены въ Женевѣ въ сентябрѣ 1867 года и оттуда пересланы Аполлону Майкову, но напечатаны не были и затерялись вмѣстѣ съ другими статьями, предназначавшимися для сборника. Написано было всего на два печатныхъ листа, но, несмотря на такой незначительный объемъ, воспоминанія о Бѣлинскомъ отняли у Достоевскаго массу времени и труда. «Десять листовъ романа было бы легче написать, чѣмъ эти два листа»—писалъ Достоевскій Майкову 15 сентября 1867 года. Дѣло въ томъ, что Достоевскій, по собственному признанію, «взялся за такую статью сдуру». Онъ предполагалъ писать «все», но лишь только онъ приступилъ къ своимъ воспоминаніямъ, тотчасъ же убѣдился, что нѣтъ возможности написать все, что онъ хотѣлъ сказать о Бѣлинскомъ. «Изъ всего этого вышло,—говоритъ Достоевскій въ упомянутомъ письмѣ къ Майкову—что эту растреклятую статью я написалъ, если все считать въ сложности, разъ пять, и потомъ все перекрещивалъ и изъ написаннаго опять передѣлывалъ. Наконецъ, кое-какъ вывелъ статью,—но до того дрянная, что изъ души воротитъ. Сколько драгоцѣннѣйшихъ фактовъ я принужденъ былъ выкинуть! Какъ и слѣдовало ожидать, осталось все самое дрянное и золотосрединное. Мерзость!»—Статья эта до того измучила Достоевскаго, что онъ кончилъ ее «со скрежетомъ зубовнымъ» **).

Какая рѣзкая разница съ приведенными выше заявленіями Достоевскаго, что ему пріятно было вспомнить «лучшее время» своей жизни, время знакомства съ «незабвеннымъ» критикомъ! Читая рѣзкія выраженія Достоевскаго, нельзя не вспомнить также, съ какими чувствами» годъ спустя, писалъ свои воспоминанія о Бѣлинскомъ Тургеневъ. «Я писалъ старательно, два раза все переписывалъ и умиленіе испытывалъ не малое... пришли и стали воспоминанія». «Эта вещь мнѣ ближе приросла къ сердцу, чѣмъ многія другія, и мнѣ было бы больно думать, что я не умѣлъ передать очеркъ лица, столь для меня дорогого» Таковы собственныя признанія Тургенева въ письмѣ Анненкову. «Я вызвалъ его дорогую тѣнь... я уже доволенъ тѣмъ, что онъ побылъ со мной, въ моемъ воспоминаніи...» «Человѣкъ онъ былъ!» Таковы заключительныя строки воспоминаній Тургенева о Бѣлинскомъ. А Достоевскій пишетъ свои воспоминанія о Бѣлинскомъ «со скрежетомъ зубовнымъ» и называетъ ихъ «растреклятой статьей». Не нужно думать, что причиною этого «скрежета» является одна невозможность писать «цензурно». Главною причиною «скрежета зубовнаго» были воспоминанія о Бѣлинскомъ, который изъ «незабвеннаго» человѣка въ глазахъ Достоевскаго превратился въ родоначальника школы «либералишекъ и прогрессистовъ», которые «ругать Россію находятъ первымъ своимъ удовольствіемъ и удовлетвореніемъ». Такой отзывъ о Бѣлинскомъ находится въ письмѣ Достоевскаго къ Майкову отъ 16-го—28-го августа 1867 года.

---

*) Сочиненія Аполлона Григорьева, с. 499, 546, 547. Спб. 1776.

**) Письма Достоевскаго, стр. 178.—Матеріалы, стр. 295.

Одного этого отзыва достаточно, чтобы составить понятіе о характерѣ затерявшихся воспоминаній Достоевскаго. Но мы имѣемъ еще болѣе ужасные отзывы въ письмахъ къ Страхову, настолько ужасные, что издатели не нашли возможнымъ напечатать эти письма цѣликомъ. Но и напечатаннаго вполнѣ достаточно, чтобы видѣть, что вражда къ Бѣлинскому выводила Достоевскаго, по крайней мѣрѣ, по временамъ изъ нормальнаго состоянія. Только въ ненормальномъ состояніи можно было написать, что Бѣлинскій «былъ немощенъ и безсиленъ талантишкомъ, а потому и проклялъ Россію и принесъ ей сознательно столько вреда». Страховъ, въ письмѣ къ которому находятся эти строки, счелъ своимъ долгомъ вступиться за великаго критика. Но заступничество человѣка, котораго Достаевскій ставилъ очень высоко и считалъ «единственнымъ критикомъ въ наше время», только подлило масла въ огонь. «Это было самое смрадное, тупое и позорное явленіе русской жизни», пишетъ Достоевскій о Бѣлинскомъ въ слѣдующемъ письмѣ Страхову. Далѣе Достоевскій увѣряетъ Страхова, что Бѣлинскій объяснилъ бы неудачу французской коммуны «заразой національности», призналъ бы русскій народъ наиболѣе способнымъ для осуществленія утопіи коммунизма «и съ пѣной у рта бросился бы вновь писать поганыя(!!) статьи свои, позоря Россію, отрицая великія явленія ея (Пушкина),—чтобъ окончательно сдѣлать Россію *вакантною* націею, способною стать во главѣ общечеловѣческаго дѣла». Достоевскій не ограничился возмутительными и въ то же время курьезными предположеніями о томъ, что было бы съ Бѣлинскимъ, если бы онъ дожилъ до французской коммуны 1871 года. Онъ старается окончательно развѣнчать Бѣлинскаго и объяснить перемѣну въ своихъ отношеніяхъ къ знаменитому критику, котораго онъ за границей «осмыслилъ вполнѣ». До ссылки Бѣлинскій былъ для Достоевскаго, какъ видѣлъ читатель, однимъ изъ лучшихъ людей, хотя и не чуждымъ самолюбія и раздражительности, въ 1863 году Достоевскій заявляетъ о своей любви къ этому «незабвенному» человѣку; а въ 1871 году у лучшаго изъ людей оказывается «мелкое самолюбіе, злоба, нетерпѣніе, раздражительность, подлость, а, главное самолюбіе». «Онъ никогда, — говоритъ Достоевскій,—не задумался надъ тѣмъ, что онъ самъ гадокъ; онъ былъ доволенъ собой въ высшей степени, и это была уже личная, смрадная, позорная тупость».

Не зная Бѣлинскаго лично, Страховъ защищалъ его, главнымъ образомъ, какъ критика, и Достоевскій, «обругавши» Бѣлинскаго, какъ человѣка, приводитъ доказательства своего мнѣнія, что «Бѣлинскій былъ немощенъ и безсиленъ талантишкомъ». Доказательства эти слѣдующія: «Онъ (Бѣлинскій) до безобразія поверхностно и съ пренебреженіемъ относился къ типамъ Гоголя и только радъ былъ до восторга, что Гоголь обличалъ... Онъ обругалъ Пушкина, когда тотъ бросилъ свою фальшивую ноту и явился съ «Повѣстями Бѣлкина» и съ «Арапомъ». Онъ съ удивленіемъ провозгласилъ ничтожество «Повѣстей Бѣлкина». Онъ въ повѣсти Гоголя «Коляска» не находилъ художественнаго цѣльнаго созданія и повѣсти, а только шуточный разсказъ. Онъ отрекся отъ окончанія «Евгенія Онѣгина». Онъ первый выпустилъ мысль о камеръ-юнкерствѣ Пушкина. Онъ сказалъ, что Тургеневъ не будетъ художникомъ». «Я бы могъ вамъ,—продолжаетъ Достоевскій,—набрать такихъ примѣровъ сколько угодно для доказательства неправды его критическаго чутья и «воспріимчиваго трепета», о которомъ вралъ Григорьевъ (потому что самъ былъ поэтъ)» *).

Нѣтъ надобности останавливать вниманіе читателя на приведенныхъ обвиненіяхъ и разбирать, сколько правды и лжи въ утвержденіяхъ Достоевскаго; но нельзя опять не сравнить его отзывовъ о Бѣлинскомъ съ воспоминаніями Тургенева. Сравнивая отзывы Достоевскаго и Тургенева о Бѣлинскомъ, можно даже подумать, что первый изъ нихъ точно задался цѣлью опровергнуть всѣ утвержденія второго. Для Тургенева Бѣлинскій—«идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ слова», для Достоевскаго — «самое смрадное, тупое и позорное явленіе русской жизни». По свидѣтельству Тургенева, «Бѣлинскій любилъ Россію», онъ былъ «даже патріотъ»; по мнѣнію Достоевскаго, онъ воспитывалъ ненависть къ Россіи. По заявленію Тургенева, «Бѣлинскій былъ не слишкомъ высокаго мнѣнія о самомъ себѣ... Скромность его была не-

---

*) „Письма Достоевскаго“, стр. 310, 312—313.

притворна и чистосердечна». Достоевскій увѣряетъ Страхова, что Бѣлинскій «былъ доволенъ собой въ высшей степени», и что самолюбіе было преобладающей чертой его характера. Тургеневъ говоритъ, что эстетическое чутье Бѣлинскаго было «почти непогрѣшительно»; для Достоевскаго это прославленное чутье — предразсудокъ. Нѣтъ надобности доказывать, на чьей сторонѣ правда: безпристрастное потомство вѣритъ больше Тургеневу, чѣмъ Достоевскому, возмутительные отзывы котораго лишній разъ заставляютъ вспомнить его же собственныя слова: «Натура моя... слишкомъ страстная. Вездѣ-то и во всемъ я до послѣдняго предѣла дохожу, всю жизнь за черту переходилъ *).

Письма Достоевскаго къ Страхову сдѣлались извѣстными только въ 1883 г. Но отраженіе того настроенія великаго писателя, которое продиктовало ему возмутительные отзывы о Бѣлинскомъ, можно найти и въ романѣ «Бѣсы», написанномъ заграницей, и въ «Дневникѣ писателя», печатавшемся въ «Гражданинѣ» за 1873 г., когда Достоевскій былъ редакторомъ этого журнала. Хотя отзывы Достоевскаго въ романѣ и въ «Дневникѣ», по сравненію съ письмами къ Страхову, и не столь возмутительны, но цѣль ихъ клонилась во всякомъ случаѣ къ дискредитированію Бѣлинскаго, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ читателей «Русскаго Вѣстника» и «Гражданина». Читателямъ романа «Бѣсы» устами Степана Трофимовича Верховенскаго сообщалось, что Бѣлинскій въ извѣстномъ своемъ письмѣ горячо укорялъ Гоголя за то, что тотъ вѣруетъ «въ какого-то Бога». Шатовъ, устами котораго говоритъ самъ Достоевскій, доказываетъ, что Бѣлинскій не любилъ ни Россіи, ни русскаго народа, что онъ, подобно любопытному въ баснѣ Крылова, «не примѣтилъ слона въ кунсткамерѣ (т.-е. русскаго народа), а все вниманіе свое устремилъ на французскихъ соціальныхъ букашекъ». Въ томъ же самомъ романѣ гимназистъ проповѣдуетъ безнравственность пятой заповѣди и ссылается на авторитетъ Бѣлинскаго, а его учитель заявляетъ, что ему «достовѣрно извѣстно», будто бы Бѣлинскій «проводилъ цѣлые вечера со своими друзьями, дебатируя и предрѣшая заранѣе даже самыя мелкія, такъ сказать, кухонныя подробности въ будущемъ соціальномъ устройствѣ».

Если у кого-нибудь и могло явиться сомнѣніе, что, вкладывая подобные отзывы въ уста своихъ персонажей, Достоевскій былъ далекъ отъ обвиненія Бѣлинскаго въ атеизмѣ и соціализмѣ, то всякія сомнѣнія должны были исчезнуть, когда въ первомъ номерѣ «Гражданина» появился «Дневникъ писателя». Во второй главѣ этого «Дневника» сообщалось, что Бѣлинскій былъ и атеистъ и соціалистъ и что, какъ безавѣтно-восторженный человѣкъ, онъ бросился обращать въ свою вѣру и Достоевскаго. Въ проповѣди атеизма Достоевскій усматриваетъ «удиви-

---

*) „Письма Достоевскаго", стр. 173.

тельное чутье» Бѣлинскаго и «необыкновенную способность его глубочайшимъ образомъ проникаться идеей». «Онъ зналъ,—объясняетъ далѣе Достоевскій, — что основа всему—начала нравственныя. Въ новыя нравственныя основы соціализма... онъ вѣрилъ до безумія и безо всякой рефлексіи; тутъ былъ одинъ лишь восторгъ. Но какъ соціалисту, ему прежде всего слѣдовало низложить христіанство; онъ зналъ, что революція непремѣнно должна начинать съ атеизма. Ему надо было низложить ту религію, изъ которой вышли нравственныя основанія отрицаемаго имъ общества. Семейство, собственность, нравственную отвѣтственность личности—онъ отрицалъ радикально». Отрицаніе Бѣлинскаго, по заявленію Достоевскаго, не остановилось и передъ христіанствомъ и даже передъ личностью Христа. «Ученіе Христово онъ, какъ соціалистъ, необходимо долженъ былъ разрушать, называть его ложнымъ и невѣжественнымъ человѣколюбіемъ, осужденнымъ современною наукой и экономическими началами». «Вашъ Христосъ,—сказалъ однажды Бѣлинскій Достоевскому,—если бы родился въ наше время, былъ бы самымъ незамѣтнымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ; такъ и стушевался бы при нынѣшней наукѣ и при нынѣшнихъ двигателяхъ науки... или примкнулъ бы къ соціалистамъ и пошелъ за ними».

Достоевскій предвидѣлъ, а можетъ быть, и слышалъ уже отъ почитателей Бѣлинскаго, что увлеченіе великаго критика соціализмомъ и атеизмомъ могло быть явленіемъ временнымъ, что въ будущемъ Бѣлинскому пророчили даже переходъ въ лагерь славянофиловъ. Самъ Достоевскій, какъ мы видѣли выше, когда-то раздѣлялъ это мнѣніе. Въ отвѣтъ на подобное предположеніе и въ опроверженіе собственнаго мнѣнія Достоевскій вноситъ въ «Дневникъ писателя» слѣдующія строки: «О, напрасно писали потомъ, что Бѣлинскій, если бы прожилъ дольше, примкнулъ къ славянофильству. Никогда бы не кончилъ онъ славянофильствомъ. Бѣлинскій, можетъ быть, кончилъ бы эмиграціей, если бы прожилъ дольше и если бы удалось ему эмигрировать, и скитался бы теперь маленькимъ и восторженнымъ старичкомъ съ прежнею теплою вѣрой, не допускающей ни малѣйшихъ сомнѣній, гдѣ-нибудь по конгрессамъ Германіи и Швейцаріи, или примкнулъ бы къ какой-нибудь нѣмецкой m-me Геггъ, на побѣгушкахъ по какому-нибудь женскому вопросу». Подобное же заявленіе сдѣлалъ Достоевскій еще въ концѣ 1868 г. въ письмѣ къ Аполлону Майкову, прибавивши тамъ, что Бѣлинскій «разучился бы говорить по-русски, не выучившись все-таки по-нѣмецки».

Не остановившись передъ публичнымъ обвиненіемъ Бѣлинскаго въ соціализмѣ и атеизмѣ, Достоевскій не рѣшился повторить въ «Дневникѣ писателя» своихъ мнѣній о личности и талантѣ великаго критика. О Бѣлинскомъ, какъ критикѣ, не говорится вовсе; о Бѣлинскомъ же, какъ человѣкѣ, сообщается, что эта была «беззавѣтно восторженная личность» въ теченіе всей своей жизни, что это былъ «самый торопившійся человѣкъ въ цѣлой Россіи», что медленность прогресса заставляла его часто грустить, что «выше всего» онъ цѣнилъ разумъ, науку и реализмъ, но въ то же время зналъ, что «основа всему—начала нравственныя». Наконецъ, по свидѣтельству Достоевскаго, Бѣлинскій «былъ хорошимъ мужемъ и отцомъ» *). Нельзя не замѣтить рѣзкой разницы между только что проведенными отзывами Достоевскаго о личности Бѣлинскаго и тѣми, которые мы читали въ письмахъ къ Страхову. Очевидно, «Дневникъ» писался въ болѣе спокойномъ состояніи, чѣмъ письма, вслѣдствіе чего Достоевскій могъ отнестись къ своему учителю болѣе объективно, чѣмъ заграницей. Это болѣе спокойное отношеніе къ Бѣлинскому заставило Достоевскаго сдѣлать такія заявленія, на которыя можно сослаться для опроверженія его же собственныхъ отзывовъ о «неистовомъ Виссаріонѣ». Но, конечно, далеко не всѣ обвиненія, взведенныя на Бѣлинскаго Достоевскимъ, могутъ быть опровергнуты его же собственными показаніями. Отъ нѣкоторыхъ обвиненій Достоевскій не только не отказался, но даже повторялъ ихъ при удобныхъ случаяхъ.

Кромѣ печатныхъ обвиненій въ атеизмѣ, въ соціализмѣ и даже въ коммунизмѣ, Достоевскій въ частныхъ письмахъ и разговорахъ взвелъ на своего учителя такія обвиненія, которыя не могутъ быть даже обнародованы вполнѣ. Въ письмахъ къ Страхову Достоевскій упоминаетъ, что Бѣлинскій «ругалъ Христа». «О той же самой бѣшеной выходкѣ Бѣлинскаго съ тѣмъ же негодованіемъ» говорилъ Достоевскій и Оресту Миллеру года за три до своей смерти. Еще неопредѣленнѣе обвиненіе, о которомъ упоминается въ воспоминаніяхъ г. Всеволода Соловьева о Достоевскомъ. Послѣ выхода въ свѣтъ перваго номера «Гражданина» Достоевскій въ разговорѣ съ г. Соловьевымъ высказалъ сожалѣніе, что онъ не могъ сказать о Бѣлинскомъ всего, что хотѣлъ, между прочимъ, не могъ привести его собственныхъ словъ. «Онъ передалъ мнѣ—говоритъ г. Соловьевъ—одинъ разговоръ съ Бѣлинскимъ, который, дѣйствительно, напечатать нельзя и который вызвалъ съ моей стороны замѣчаніе, что вѣдь отъ слова до дѣла еще далеко, что у каждаго человѣка могутъ быть самыя чудовищныя быстролетныя мысли, и, однако, эти мысли никогда не превращаются въ дѣло, и только иные люди, въ извѣстныя минуты, любятъ съ напускнымъ цинизмомъ какъ бы похваляться какой-нибудь дикой мыслью». Достоевскій не согласился со сдѣланнымъ ему возраженіемъ, заявивъ, что «у Бѣлинскаго слово не расходилось съ дѣломъ, что онъ если что сказалъ, то могъ и сдѣлать» **).

---

*) Сочиненія Достоевскаго, XI, 170—174.—Письма Достоевскаго, с. 201.

**) „Матеріалы", с. 77. Сочиненія Вс. Соловьева, т. VI „Большой человѣкъ" стр. 53. Спб. 1887.

VIII.

На приведенныхъ обвиненіяхъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться не столько потому, что они нуждаются въ опроверженіи, сколько потому, что они очень характерны для отношеній Достоевскаго къ Бѣлинскому.

Обличая Бѣлинскаго съ соціализмѣ и коммунизмѣ, Достоевскій забываетъ, что ему самому эти идеи «ужасно нравились, казались въ высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловѣческими, будущимъ закономъ всего безъ исключенія человѣчества». Забываетъ Достоевскій въ обличеніи Бѣлинскаго упомянуть и о томъ, что тотъ соціализмъ, который увлекалъ Бѣлинскаго и его друзей, былъ мечтательный и сентиментальный соціализмъ (*бараній*—по рѣзкому выраженію Карла Маркса), что идеи этого соціализма считались непримѣнимыми къ Россіи, что тогдашніе русскіе «соціалисты» и, главнымъ образомъ, Бѣлинскій ждали обновленія Россіи не отъ соціализма, а отъ мирныхъ реформъ *сверху*. Достоевскій не могъ не знать всего этого, и нельзя не пожалѣть, что враждебныя чувства заставили его выступить съ обличеніемъ Бѣлинскаго какъ разъ тогда, когда со словомъ «соціалистъ» связывались самыя ужасныя представленія.

Своими воспоминаніями и отзывами о Бѣлинскомъ Достоевскій наталкивалъ читателя на мысль, что Бѣлинскій—родоначальникъ русскаго нигилизма со всѣми его крайностями и прискорбными проявленіями. Если подобное мнѣніе не вполнѣ утратило своего значенія и до настоящаго времени, то вина этого прискорбнаго заблужденія въ значительной степени падаетъ и на Достоевскаго. Съ отзывами Достоевскаго о Бѣлинскомъ неизбѣжно должны были считаться защитники великаго критика. Между прочимъ, обличенія Достоевскаго имѣлъ въ виду Анненковъ, когда писалъ въ защиту Бѣлинскаго слѣдующія строки: «Ни одно изъ его увлеченій, ни одинъ изъ его приговоровъ, ни въ печати, ни въ устной бесѣдѣ, не даютъ права узнавать въ немъ, какъ того сильно хотѣли его ненавистники, любителя страшныхъ соціальныхъ переворотовъ, свирѣпаго мечтателя, питающагося надеждами на крушеніе общества, въ которомъ живетъ. Тѣ вспышки Бѣлинскаго, на которыя указывали диффаматоры его для подтвержденія своихъ словъ, всегда были произведеніемъ ума и сердца, обиженныхъ въ своемъ нравственномъ существѣ, въ своей *идеалистической* природѣ. Ими онъ только облегчалъ душевныя страданія и мстилъ подчасъ за грубое прикосновеніе къ какому-либо гуманному чувству своему; но одно недоразумѣніе или одна злая подозрительность могли предполагать за всѣмъ этимъ еще жажду скорыхъ расправъ, внезапныхъ потрясеній и простора для личной мести. Никогда и мысленно не принималъ онъ защиты тѣхъ разрушительныхъ явленій, которыя проходятъ иногда черезъ исторію и дѣйствуютъ въ ней со слѣпотой стихійныхъ силъ, не имѣя подъ собой часто никакихъ моральныхъ основъ, и составляя какъ бы страшную и вмѣстѣ нелѣпую импровизацію жизни, раздраженной до послѣдней степени несчастіями и страданіями... У Бѣлинскаго не было первыхъ, элементарныхъ качествъ революціонера и агитатора, какимъ его хотѣли прославить, да и прославляютъ еще и теперь люди, ужасающіеся его честной откровенности и внутренней правды всѣхъ его убѣжденій» *).

Обвиненіе Бѣлинскаго во враждебномъ отношеніи къ христіанству носитъ у Достоевскаго такой же злостный характеръ, какъ и обвиненіе въ соціализмѣ. Достоевскій, перечитавшій за границей сочиненія Бѣлинскаго, не могъ не видѣть, что та перемѣна, которая подъ вліяніемъ извѣстной книги Фейербаха произошла въ религіонныхъ воззрѣніяхъ критика, не отразилась, да и не могла отразиться въ печатныхъ его статьяхъ. Именно на основаніи печатныхъ произведеній Бѣлинскаго въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ книгѣ, составленной по порученію министра народнаго просвѣщенія, сдѣланы были такія заявленія: «Бѣлинскій ни на шагъ не отступилъ отъ того, что говоритъ нравственный законъ и чего требуетъ откровенное ученіе. Начало, положенное имъ въ основаніе его воззрѣнія и ученія,—то же высокое начало чистой и благородной любви къ человѣчеству, которое ведетъ міръ къ счастію и блаженству, къ братскому единенію... Низшая братія можетъ по праву видѣть въ Бѣлинскомъ самаго краснорѣчиваго своего защитника и адвоката, а высшіе классы могутъ принимать его наставленія безъ боязни за свои чины и ранги. . Нечего, бояться, наконецъ, ученія Бѣлинскаго и проповѣдникамъ евангелія. Они могутъ быть убѣждены, что онъ въ развитіи своего начала сойдется съ ними. Рѣдко у кого изъ свѣтскихъ писателей можно еще встрѣтить такое благоговѣніе къ слову евангелія, какъ у него» **).

Если бы и послѣ приведенныхъ словъ у кого-нибудь еще осталось сомнѣніе насчетъ отношенія Бѣлинскаго къ христіанству и его основателю, тогда можно указать на статью о русской литературѣ 1847 года. Защищая «натуральную школу» отъ упрековъ за предпочтительное изображеніе низшихъ сословій, Бѣлинскій написалъ горячую страницу, отъ которой не отказался бы ни одинъ вѣрующій человѣкъ. «Искупитель рода человѣческаго,—писалъ Бѣлинскій,—приходилъ въ міръ для всѣхъ людей; не мудрыхъ и образованныхъ, а простыхъ умомъ и сердцемъ рыбаковъ призвалъ Онъ быть «ловцами человѣковъ»; не богатыхъ и счастливыхъ, а бѣдныхъ и страждущихъ, падшихъ искалъ Онъ, чтобы однихъ утѣшить, другихъ ободрить и возстановить. Гнойныя язвы на едва прикрытомъ нечистыми лохмотьями тѣлѣ не оскорбляли Его исполненнаго любви и милосердія взгляда. Онъ—Сынъ Бога—человѣчески любилъ людей и сострадалъ имъ въ ихъ нищетѣ, грязи, позорѣ, развратѣ, порокахъ, злодѣйствахъ; Онъ разрѣшилъ бросить камень въ блудницу тѣмъ, которые ничѣмъ не могли упрекнуть себя въ совѣсти, и устыдилъ жестокосердыхъ судей, и сказалъ падшей женщинѣ слово утѣшенія; и разбойникъ, испуская духъ на орудіи заслуженной имъ казни, за одну минуту раскаянія услышалъ отъ Него слово прощенія и мира... А мы—сыны человѣческіе—мы хотимъ любить изъ нашихъ братій только равныхъ намъ, отворачиваемся отъ низшихъ, какъ отъ парій, отъ падшихъ, какъ отъ прокаженныхъ... Какія добродѣтели и заслуги дали намъ на это право? Не отсутствіе ли всякихъ добродѣтелей и заслугъ!.. Но божественное слово любви и братства не втунѣ огласило міръ. То, что прежде было обязанностью только призванныхъ на служеніе алтарю лицъ или добродѣтелью немногихъ избранныхъ натуръ,—это самое дѣлается теперь обязанностью обществъ, служитъ признакомъ уже не одной добродѣтели, но и образованности частныхъ лицъ. Посмотрите, какъ въ нашъ вѣкъ вездѣ заняты всѣ участью низшихъ классовъ, какъ частная благотворительность всюду переходитъ въ общественную, какъ вездѣ основываются хорошо организованныя, богатыя вѣрными средствами общества для распространенія просвѣщенія въ низшихъ классахъ, для пособія нуждающимся и страждущимъ, для отвращенія и предупрежденія нищеты и ея неизбѣжнаго слѣдствія—безнравственности и разврата».

---

*) Анненковъ, III, 204--205.

**) „Бѣлинскій, какъ моралистъ", стр. 73, 78. Спб. 1862.

Кто, прочитавъ эти строки, повѣритъ Достоевскому, что Бѣлинскій, какъ соціалистъ, долженъ былъ стремиться къ разрушенію христіанства, какъ «ложнаго и невѣжественнаго человѣколюбія»? Можно обвинять Бѣлинскаго (на основаніи, между прочимъ, его письма къ Гоголю) въ томъ, что онъ сближалъ или даже отожествлялъ ученіе Христа съ тогдашнимъ соціализмомъ, но обвинять его въ неуваженіи къ христіанству рѣшительно невозможно. Правда, Орестъ Миллеръ объяснялъ приведенныя слова Бѣлинскаго въ обзорѣ литературы 1847 года вліяніемъ Достоевскаго, бесѣды съ которымъ будто бы заставляли великаго критика «подвергать пересмотру такъ страстно усвоенныя имъ анти-христіанскія заключенія» *). Но вмѣсто этой мало-правдоподобной догадки можно высказать болѣе правдоподобное предположеніе, что именно Достоевскій своими противорѣчіями во время бесѣдъ о христіанствѣ вызывалъ тѣ «бѣшеныя выходки», на основаніи которыхъ авторъ «Дневника писателя» обвинилъ своего учителя во враждебномъ отношеніи къ ученію и личности Христа.

Болѣе правды въ заявленіи Достоевскаго, что Бѣлинскій былъ атеистъ. Дѣйствительно, великій критикъ, ознакомившись съ помощью

---

*) „Матеріалы“, стр. 77.

своихъ друзей съ главнымъ сочиненіемъ Фейербаха, сдѣлалъ крайніе выводы изъ его идей о субъективномъ происхожденіи религіозныхъ представленій. Мы не знаемъ, какъ долго находился Бѣлинскій подъ вліяніемъ Фейербаха, но изъ воспоминаній Тургенева извѣстно, цѣною какихъ страшныхъ мученій купилъ Бѣлинскій разрѣшеніе своихъ религіозныхъ сомнѣній. «Сомнѣнія мучили его,—говоритъ Тургеневъ—лишали его сна, пищи, неотступно грызли и жгли его». «Пока онъ не добился удовлетворительнаго, по его мнѣнію, разрѣшенія своихъ сомнѣній, онъ былъ въ лихорадкѣ, ни о чемъ другомъ говорить не могъ, не понималъ даже, какъ можно говорить о чемъ-нибудь другомъ, пока вопросъ такой важности не разрѣшенъ, и упрекалъ меня въ легкомысліи, какъ только я позволялъ себѣ малѣйшее уклоненіе» *). Достоевскому не могли остаться неизвѣстными воспоминанія Тургенева, а что такое религіозныя сомнѣнія, онъ зналъ по собственному опыту. Вотъ интересная, хотя и грубая, замѣтка изъ его записной книжки: «Мерзавцы дразнили меня *необразованною* и ретроградною вѣрою въ Бога. Этимъ олухамъ и не снилось такой силы отрицаніе Бога, какое положено въ Инквизиторѣ и въ предшествовавшей главѣ, которому отвѣтомъ служитъ *весь романъ*. Не какъ дура́къ же (фанатикъ) я вѣрую въ Бога. И эти хотѣли меня учить и смѣялись надъ моимъ неразвитіемъ! Да ихъ глупой природѣ и не снилось такой силы отрицаніе, которое перешелъ я. Имъ ли меня учить!» И дѣйствительно, Иванъ Карамазовъ развиваетъ идею несовмѣстимости милосердаго и справедливаго Бога съ человѣческими страданіями и неотмщенными преступленіями, а въ главѣ «Великій инквизиторъ» подвергаются критикѣ такія основы христіанства, какъ грѣхопаденіе, искупленіе и возмездіе. «Въ столь мощномъ видѣ, какъ здѣсь,—говоритъ г. Розановъ въ своей книгѣ «Легенда о великомъ инквизиторѣ»,—діалектика никогда не направлялась противъ религіи». «И въ Европѣ такой силы атеистическихъ *выраженій* нѣтъ и *не было*», записалъ Достоевскій въ своей записной книжкѣ **).

Если самъ Достоевскій, несмотря на весь свой мистицизмъ до конца жизни мучился религіозными сомнѣніями, то не ему, конечно, было обличать религіозныя заблужденія реалиста Бѣлинскаго. Точно также не дѣло Достоевскаго было составлять обвинительный актъ Бѣлинскому на основаніи его «бѣшеныхъ выходокъ» и «дикихъ мыслей». Такихъ «выходокъ» у Достоевскаго не меньше, чѣмъ у «неистоваго Виссаріона», и на основаніи этихъ «выходокъ», сдѣлавшихся достояніемъ печати, можно было бы обвинять автора «Преступленія и наказанія» въ самыхъ ужасныхъ вещахъ.

---

*) „Сочиненія Тургенева“, XII, 24, 363. Изд. Маркса.

**) „Изъ записной книжки Достоевскаго“, стр. 368—369. В. Розановъ. „Легенда о великомъ инквизиторѣ Ѳ. М. Достоевскаго“, стр. 64. Спб. 1902. Еще въ 1870 г. Достоевскій писалъ Ап. Майкову: „Главный вопросъ... которымъ я мучился сознательно и безсознательно всю жизнь—существованіе Бога“ („Письма“, стр. 233).

Вообще, отзывы Достоевскаго о Бѣлинскомъ нуждаются не столько въ опроверженіи, сколько въ объясненіи ихъ происхожденія. Какимъ образомъ «благородный», «незабвенный» человѣкъ превратился въ глазахъ Достоевскаго въ «самое смрадное, тупое и позорное явленіе русской жизни»—объяснить это очень не легко, да едва ли и возможно сдѣлать это удовлетворительно въ настоящее время. Но какъ ни скудны біографическіе матеріалы о Достоевскомъ, въ нихъ можно найти весьма цѣнныя указанія по интересующему насъ вопросу. Прежде всего необходимо напомнить, что во вторую половину шестидесятыхъ годовъ Достоевскій печатаетъ свои романы въ «Русскомъ Вѣстникѣ», что «Московскія Вѣдомости» Каткова для него лучшая русская газета, а самъ Катковъ чуть ли не идеалъ благороднаго человѣка и публициста-патріота; враги же Каткова—«либералишки», для которыхъ первое удовольствіе ругать и безчестить Россію. Полный разрывъ Достоевскаго съ «либералишками» не могъ не отразиться и на его отношеніяхъ къ тому человѣку, котораго онъ считалъ родоначальникомъ этихъ «либералишекъ». Составляя свои воспоминанія о Бѣлинскомъ и перечитывая его сочиненія, Достоевскій «вполнѣ осмыслилъ» великаго критика, то-есть понялъ всю противоположность своего новаго міросозерцанія съ тѣмъ «ученіемъ», которое онъ усвоилъ въ кружкѣ Бѣлинскаго и которое нѣкогда исповѣдывалъ со всѣмъ увлеченіемъ неофита. Не могъ не припомнить Ѳедоръ Михайловичъ и тѣхъ оскорбленій, которыя были нанесены его «расхлеставшемуся» самолюбію и самимъ критикомъ, и его друзьями.

Между тѣмъ, условія, среди которыхъ Достоевскій писалъ свои воспоминанія о Бѣлинскомъ и перечитывалъ его статьи, нерѣдко были прямо ужасны. Онъ уѣзжаетъ за границу «спасать не только здоровье, но даже жизнь», но страшные припадки падучей преслѣдуютъ его и за границей. Уѣхавъ изъ Россіи отъ долгового отдѣленія, Достоевскій испытываетъ за границей по временамъ страшную нужду. Эта нужда обострялась до того, что Ѳедоръ Михайловичъ несъ въ закладъ послѣднее бѣлье, закладывалъ штаны, чтобы послать телеграмму, не имѣлъ денегъ даже для отправки рукописи въ редакцію. А тутъ еще изнурительная срочная работа, чтобы доставить во-время рукопись Каткову, и такія потрясенія, какъ смерть дочери Сони, для спасенія которой Достоевскій соглашался принять «крестную муку». И въ довершеніе всего этого подозрительное отношеніе русской полиціи, помнившей, что Достоевскій былъ политическимъ преступникомъ, и вскрывавшей его письма. «Каково это вынести человѣку чистому, патріоту, предавшемуся имъ до измѣны своимъ прежнимъ убѣжденіямъ», писалъ глубоко-оскорбленный Достоевскій Аполлону Майкову.

Если принять во вниманіе всѣ указанныя обстоятельства и вспомнить еще собственное заявленіе Достоевскаго, что вездѣ и во всемъ онъ всю жизнь «за черту переходилъ», то можно до нѣкоторой степени понять происхожденіе возмутительныхъ отзывовъ о Бѣлинскомъ въ письмахъ къ Страхову. Въ письмахъ изъ-за границы «многострадальный писатель» срывалъ свою злобу на чемъ попало: онъ ругаетъ нѣмцевъ, ругаетъ французовъ, ругаетъ швейцарцевъ, ругаетъ поляковъ, ругаетъ всю Европу, ругаетъ либеральныя газеты и русскихъ «либералишекъ», ругаетъ литературный фондъ, ругаетъ людей сороковыхъ годовъ, въ томъ числѣ Тургенева, Грановскаго и Герцена, ругаетъ, наконецъ, самого себя («натура моя подлая и слишкомъ страстная»). Удивительно ли, что Достоевскій не пощадилъ и Бѣлинскаго и, встрѣтивъ отпоръ со стороны Страхова, въ своихъ ругательствахъ переступилъ границу вмѣняемости? *).

Совершенно иначе приходится смотрѣть на обличеніе Бѣлинскаго въ «Бѣсахъ» и въ «Гражданинѣ». Тутъ имѣемъ дѣло не съ ругательствами, вырвавшимися изъ-подъ пера человѣка, раздраженнаго до крайней степени; тутъ обдуманное намѣреніе обвинить Бѣлинскаго въ атеизмѣ и соціализмѣ и такимъ образомъ представить его родоначальникомъ тогдашняго нигилизма. Выступая съ подобными обвиненіями противъ основателя «школы либералишекъ», Достоевскій давалъ выходъ накопившемуся въ его душѣ раздраженію противъ своихъ враговъ и противъ самого Бѣлинскаго, а съ другой стороны предъявлялъ публичное доказательство «измѣны своимъ прежнимъ убѣжденіямъ». Только такими соображеніями и можно объяснить сожалѣніе Достоевскаго о томъ, что по цензурнымъ условіямъ оказалось невозможнымъ очернить великаго критика болѣе, чѣмъ это было сдѣлано въ романѣ «Бѣсы» и въ журналѣ «Гражданинъ».

IX.

Въ послѣдніе годы своей жизни Достоевскій относился къ памяти Бѣлинскаго болѣе спокойно, чѣмъ въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Въ «Дневникѣ писателя» за 1876 и 1877 годы имя Бѣлинскаго упоминается довольно часто, и отзывы Достоевскаго въ большинствѣ случаевъ такого рода, что могутъ служить для опроверженія нѣкоторыхъ его же собственныхъ прежнихъ заявленій о великомъ критикѣ. Такъ, напримѣръ, въ 1876 году Достоевскій взялъ назадъ свое заявленіе, что Бѣлинскій никогда не сдѣлался бы славя-

---

*) „Усвоивъ себѣ извѣстную точку зрѣнія,—говоритъ К. К. Арсеньевъ,—можно не видѣть пользы, принесенной Бѣлинскимъ, можно, пожалуй, признавать его вліяніе безусловно вреднымъ,—но для того, чтобы отрицать въ немъ даже талантъ, даже критическій тактъ, чтобы видѣть въ немъ „личную, смрадную, позорную тупость“, нужно потерять всякое чувство справедливости, всякую способность здраво смотрѣть на вещи. Такая потеря—въ человѣкѣ съ дарованіемъ Достоевскаго—возможна только подъ условіемъ временной невмѣняемости, въ пароксизмѣ нравственной и умственной боли, доводящемъ до ослѣпленія, до самозабвенія“. („Вѣстникъ Европы“ за 1884 годъ, январь, стр. 388).

нофиломъ. Теперь во враждѣ славянофиловъ и западниковъ онъ видитъ одно «великое недоразумѣніе съ обѣихъ сторонъ». Теперь Достоевскій признаетъ и у Бѣлинскаго такое же «русское чутье», какъ и у славянофиловъ. Соціалистомъ и революціонеромъ, по заявленію Достоевскаго, Бѣлинскій былъ только по отношенію къ Европѣ. По отношенію же къ Россіи онъ былъ «самый крайній боецъ за русскую правду, за русскую особь, за русское начало», хотя боецъ безсознательный, потому что все это онъ отрицалъ и «считалъ басней». Бѣлинскій теперь для Достоевскаго даже «въ нѣкоторомъ смыслѣ... консерваторъ и именно потому, что въ Европѣ онъ соціалистъ и революціонеръ». «Славянофилы,—говоритъ Достоевскій о Бѣлинскомъ,—могли бы счесть его своимъ самымъ лучшимъ другомъ», и въ предположеніи Аполлона Григорьева, что если бы Бѣлинскій прожилъ долѣе, то навѣрно бы примкнулъ къ славянофиламъ,—по мнѣнію Достоевскаго,—«была мысль». Однимъ словомъ, «европеецъ Бѣлинскій, отрицавшій въ то же время Европу, оказался въ высшей степени русскимъ, несмотря на всѣ провозглашенныя имъ о Россіи заблужденія» *).

Какъ ни парадоксальны приведенныя заявленія Достоевскаго (они и взяты изъ той главы «Дневника», которая имѣетъ заглавіе: «Мой парадоксъ»), но въ нихъ, конечно, болѣе правды, а главное, болѣе безпристрастнаго и спокойнаго отношенія къ Бѣлинскому, чѣмъ въ тѣхъ обличеніяхъ, которыя находятся въ «Бѣсахъ» и въ «Гражданинѣ».

Еще болѣе сочувственно относится Достоевскій къ Бѣлинскому въ «Дневникѣ писателя» за 1877 годъ. Въ январскомъ номерѣ Ѳедоръ Михайловичъ прямо съ восторгомъ разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ Бѣлинскимъ и называетъ первое свиданіе съ великимъ критикомъ «самой восхитительной минутой» во всей своей жизни,—минутой, воспоминанія о которой подкрѣпляли его духъ на каторгѣ, а теперь наполняютъ его сердце «восторгомъ». Въ ноябрьскомъ номерѣ Достоевскій, разсказывая исторію глагола «стушеваться», пользуется случаемъ, чтобы упомянуть о томъ, что Бѣлинскій устроилъ вечеръ, на которомъ читались первыя главы «Двойника», гдѣ впервые было употреблено слово «стушеваться», очень понравившееся хозяину. Эти любовно разсказанные эпизоды изъ исторіи знакомства Достоевскаго съ Бѣлинскимъ даютъ право думать, что отношеніе Ѳедора Михайловича къ своему учителю, какъ человѣку, послѣ 1871 года рѣзко измѣнилось. Въ самомъ дѣлѣ, не сталъ бы Достоевскій съ любовью и даже «съ восторгомъ» вспоминать о своемъ личномъ знакомствѣ съ Бѣлинскимъ, если бы смотрѣлъ на него черезъ очки той злобы и ненависти, которой пропитаны его заграничныя письма, и если бы выступленіе на литературное поприще было для него «грустнымъ, роковымъ временемъ», какъ сказано въ «Гражданинѣ».

---

*) Достоевскій, X, 216—220.

Эта рѣзкая перемѣна въ отношеніяхъ Достоевскаго къ личности великаго критика не была слѣдствіемъ измѣненія міросозерцанія Ѳедора Михайловича. Міросозерцаніе великаго писателя въ большинствѣ пунктовъ осталось прямо противоположно задушевнымъ убѣжденіямъ Бѣлинскаго. Попробовалъ было Достоевскій, какъ мы видѣли, въ 1876 году завербовать Бѣлинскаго въ ряды славянофиловъ, но уже въ слѣдующемъ году онъ отказался отъ этой мысли и впалъ, по своему обыкновенію, въ другую крайность, заявивъ, что для великаго критика славянофильство заключалось только въ квасѣ и рѣдькѣ *).

Высказывая свои мнѣнія по всевозможнымъ вопросамъ внутренней и внѣшней политики и даже дѣлая экскурсы въ область литературной критики, авторъ «Дневника писателя» не могъ не видѣть рѣзкой разницы своихъ взглядовъ со взглядами Бѣлинскаго. Но въ это время настроеніе Достоевскаго было настолько спокойно, что онъ могъ уже «уважать человѣка, расходясь съ нимъ въ мнѣніяхъ радикально». Теперь Достоевскій могъ отнестись спокойнѣе не только къ Бѣлинскому, но и къ его друзьямъ. Въ 1871 г. Грановскій вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ былъ обозванъ непечатнымъ словомъ, а черезъ пять лѣтъ тотъ же самый Грановскій оказался «незабвеннымъ профессоромъ и незабвеннымъ русскимъ человѣкомъ», «безупречнымъ и прекраснымъ». Тургеневъ, какъ извѣстно, выведенъ въ «Бѣсахъ» въ довольно непривлекательномъ образѣ Кармазинова, а во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ Достоевскій говоритъ объ авторѣ «Записокъ охотника» не иначе, какъ съ уваженіемъ. Наконецъ, въ это же время Достоевскій настолько сближается съ Некрасовымъ, что помѣщаетъ свой романъ «Подростокъ» на страницахъ тѣхъ самыхъ «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ былъ помѣщенъ рѣзкій разборъ «Бѣсовъ» и воспоминаній о Бѣлинскомъ **). Въ послѣдніе годы своей жизни Достоевскій относится къ памяти Бѣлинскаго до того деликатно, что, полемизируя съ его мнѣніями, не упоминаетъ даже его имени. Особенно характерна въ въ этомъ отношеніи знаменитая рѣчь Достоевскаго о Пушкинѣ.

Перемѣна, происшедшая въ отношеніяхъ Достоевскаго къ Бѣлинскому, отразилась не только въ публицистическихъ, но и въ художественныхъ его произведеніяхъ. Въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», послѣднемъ романѣ Достоевскаго, Коля Красоткинъ со словъ Ракитина заявляетъ, что Христосъ былъ «вполнѣ гуманная личность и живи въ наше время, онъ бы прямо примкнулъ къ революціонерамъ и, можетъ быть, игралъ бы видную роль». «Это еще старикъ Бѣлинскій... говорилъ»,—прибавляетъ Коля. Слова, вложенныя въ уста Коли Красоткина, очень характерны по сравненію съ прежними заявленіями Достоевскаго объ отношеніи Бѣлинскаго къ Христу. Раньше Достоевскій взводилъ на Бѣлинскаго обвиненіе, что онъ «ругалъ Христа» и обрекалъ Его на незамѣтную роль, если бы Онъ явился въ наше время. Теперь оказывается. что Бѣлинскій считалъ Христа «гуманною личностью» и предоставлялъ ему «видную роль». И что всего удивительнѣе, такое мнѣніе идетъ отъ Ракитина, личности, изображенной въ романѣ самыми непривлекательными чертами. Но еще характернѣе заявленіе Алеши, что Бѣлинскій «этого нигдѣ не написалъ». Такимъ образомъ, какъ бы для ослабленія своихъ прежнихъ обвиненій, Достоевскій не только смягчилъ свои прежніе отзывы объ отношеніи Бѣлинскаго къ Христу, но даже подвергъ эти отзывы сомнѣнію. Разъ Бѣлинскій «этого нигдѣ не написалъ», значитъ заявленіе Коли могло быть и выдумкой не разборчиваго на средства Ракитина. Къ такому мнѣнію долженъ былъ придти читатель «Братьевъ Карамазовыхъ».

---

*) Соч. „Достоевскаго“, XI, 240.

**) См. сочиненія Н. К. Михайловскаго, I, 840—872. Спб. 1896.

Нельзя пройти молчаніемъ и того факта, что Алеша Карамазовъ оказывается такимъ хорошимъ знатокомъ сочиненій Бѣлинскаго, что можетъ категорически заявить Колѣ: «онъ этого *нигдѣ* не написалъ». Трудно сказать опредѣленно, сознательно или безсознательно Достоевскій заставилъ своего любимца прочитать *всѣ* сочиненія Бѣлинскаго, но нигдѣ въ романѣ мы не находимъ указаній, чтобы это чтеніе помѣшало Алешѣ сдѣлаться тою прекрасною личностью, какою изобразилъ его Достоевскій.

Даже болѣе, въ романѣ нѣтъ никакихъ указаній, которыя помѣшали бы думать, что, хотя отчасти, вліяніе Бѣлинскаго сдѣлало Алешу «раннимъ человѣколюбцемъ» и правдолюбцемъ, готовымъ за правду пожертвовать даже жизнью. Одно, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» отношеніе Достоевскаго къ Бѣлинскому совершенно иное, чѣмъ въ «Бѣсахъ» *).

Болѣе спокойное и терпимое отношеніе къ Бѣлинскому дало Достоевскому возможность понять и основную черту въ характерѣ «неистоваго Виссаріона». Незадолго до смерти Достоевскаго въ его записной книжкѣ сдѣланъ такой отзывъ о Бѣлинскомъ: «Необычайная стремительность къ воспріятію новыхъ идей съ необычайнымъ желаніемъ каждый разъ, съ воспріятіемъ новаго, растоптать все старое, съ ненавистью съ оплеваніемъ, съ позоромъ. Какъ бы жажда отмщенія старому». Указанная черта въ характерѣ Бѣлинскаго помогла Достоевскому объяснить многое, что раньше казалось ему страннымъ, непонятнымъ и даже возмутительнымъ въ «бѣшеныхъ выходкахъ» критика. Теперь не было уже надобности для объясненія подобныхъ выходокъ приписывать Бѣлинскому разнаго рода низменныя чувства. Вообще, Достоевскій сталъ относиться къ личности Бѣлинскаго съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ раньше, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, несмотря на рѣзкое различіе въ ихъ убѣжденіяхъ, несмотря на то, что нѣкоторыхъ выходокъ Бѣлинскаго Ѳедоръ Михайловичъ не могъ забыть до конца своей жизни. О томъ, что Бѣлинскій «ругалъ Христа», Достоевскій всегда говорилъ съ негодованіемъ. «Этимъ объяснилось для меня,—говоритъ Орестъ Миллеръ,—до тѣхъ поръ казавшееся мнѣ страннымъ крайнее нерасположеніе его къ Бѣлинскому». Но это нерасположеніе не мѣшало Достоевскому, какъ мы видѣли, въ спокойныя минуты называть Бѣлинскаго благороднымъ и незабвеннымъ человѣкомъ, однимъ изъ лучшихъ людей, а первое знакомство съ нимъ считать лучшимъ временемъ всей своей жизни, воспоминанія о которомъ подкрѣпляло его на каторгѣ и наполняло его сердце восторгомъ на закатѣ его жизни. Эти отзывы тѣмъ дороже для почитателей великаго критика, что они исходятъ отъ человѣка, крайне не расположеннаго къ его «многострадальной тѣни». Пусть въ минуты крайняго раздраженія, въ минуты невмѣняемаго, патологическаго состоянія у Достоевскаго вырывались возмутительные отзывы о Бѣлинскомъ, пусть въ эпоху «Бѣсовъ» великій писатель не остановился даже передъ клеветой по адресу Бѣлинскаго,—въ болѣе спокойномъ состояніи Ѳедоръ Михайловичъ совершенно иначе относился къ памяти Бѣлинскаго и вспоминалъ о знакомствѣ съ нимъ даже «съ восторгомъ». Сочувственные отзывы Достоевскаго о своемъ прежнемъ учителѣ и другѣ имѣютъ для потомства несравненно болѣе важное значеніе, чѣмъ письма, написанныя въ припадкѣ злобы и раздраженія, и воспоминанія, цѣль которыхъ была очернить человѣка, столь дорогого для ненавистныхъ автору «либералишекъ и прогрессистовъ». Самъ Достоевскій не могъ впослѣдствіи не жалѣть о тѣхъ выходкахъ противъ Бѣлинскаго, которыя онъ допустилъ въ «Бѣсахъ» и въ «Гражданинѣ». Прямыхъ указаній на это мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ, но подобное мнѣніе нельзя считать далекимъ отъ истины, если принять въ соображеніе, что впослѣдствіи Достоевскій напечаталъ восторженныя воспоминанія о своей первой встрѣчѣ съ Бѣлинскимъ и взялъ назадъ нѣкоторыя свои заявленія о великомъ критикѣ или же значительно ослабилъ ихъ, напримѣръ, заявивъ, что Бѣлинскій былъ соціалистомъ и революціонеромъ только по отношенію къ Западной Европѣ. Вообще, сопоставленіе и оцѣнка рѣзко-противоположныхъ отзывовъ Достоевскаго о Бѣлинскомъ даетъ право думать, что если бы въ лицѣ великаго романиста мы не имѣли человѣка съ болѣзненной психической организаціей, тогда ничто не помѣшало бы украсить его именемъ блестящій рядъ почитателей великаго русскаго критика.

---

*) Нужно также замѣтить, что еще въ 1870 г. у Достоевскаго явилась мысль написать романъ на тему объ атеизмѣ. Въ этомъ романѣ предполагалось вывести Грановскаго и Бѣлинскаго, которые должны были пріѣхать въ монастырь къ заключенному тамъ Чаадаеву. Легко вообразить, къ какомъ отвратительномъ видѣ былъ бы изображенъ Бѣлинскій, если бы задуманный романъ былъ написанъ тотчасъ же послѣ „Бѣсовъ“. Подъ перомъ ослѣпленнаго ненавистью Достоевскаго „неистовый Виссаріонъ“, навѣрное, перещеголялъ бы въ кощунствѣ самого Ѳедора Павловича Карамазова.

С. Ашевскій.

АЛЬБАТРОСЪ.

Усталый бѣлый альбатросъ,
Вдали отъ береговъ пустынныхъ,
Летѣлъ за мной на крыльяхъ длинныхъ
Навстрѣчу шкваловъ, бурь и грозъ.

Крылами грузно шевеля,
Борьбой измученный жестокой,
Спустился хищникъ одинокій
На бортъ могучій корабля.

Невольный, нелюдимый гость,
Онъ былъ не плѣнникъ и не нищій.
Когда ему я бросилъ пищи,
Въ зрачкахъ его сверкнула злость.

Подачки брать онъ не привыкъ.
Изъ бездны онъ хваталъ добычу,
Внимая грозной бури кличу,
Сливая съ нею рѣзкій крикъ.

Онъ вдаль глядѣлъ передъ собой,
Угрюмый, гордый, недвижимый,
Какъ я, безуміемъ гонимый,
Какъ я—обманутый судьбой.

И можетъ быть, какъ я, впередъ
Летѣлъ онъ къ цѣли неизвѣстной
Прочь отъ борьбы земли безчестной
Въ родное царство непогодъ.

Лишь только неба темный край
Заря слегка позолотила,
Къ нему опять вернулась сила,
И я сказалъ ему: «Прощай.

Меня, товарищъ, не забудь
И не забудь мою услугу.
Случайно встрѣченному другу
Ты отплати когда-нибудь.

Когда къ землѣ прибьетъ мой трупъ,
Ты вырви острымъ клювомъ очи,
Чтобъ мнѣ не видѣть въ вѣчной ночи
Предательски лобзавшихъ губъ».

А. Ѳедоровъ.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

(Годы 1850 и 1851).

ОТЪ РЕДАКЦИИ. Предлагаемыя вниманію читателя „Воспоминанія“ Д. Ахшарумова составляютъ продолженіе „Воспоминаній“, помѣщенныхъ имъ въ ноябрьской и декабрьской книгахъ „Вѣстника Европы“ за 1901 г. Выдержки изъ нихъ были напечатаны у насъ въ отдѣлѣ „Изъ русскихъ журналовъ“ въ декабрѣ 1901 г. и январѣ 1902 г. Арестованный по дѣлу Петрашевскаго 23-го апрѣля 1849 г., авторъ былъ черезъ 8 мѣсяцевъ приговоренъ вмѣстѣ съ другими къ смертной казни, которая, уже на мѣстѣ исполненія приговора, была замѣнена для него 4-хъ лѣтнимъ заключеніемъ въ Херсонской каторжной тюрьмѣ и затѣмъ отдачею въ солдаты на Кавказъ. Въ 1857 г. авторъ получилъ полное помилованіе. Вернувшись съ Кавказа, авторъ поступилъ въ медицинскую академію и затѣмъ по настоящее время занимался врачебной практикой у себя на родинѣ.

Приводимыя ниже воспоминанія начинаются съ того момента, когда осужденныхъ съ Семеновскаго плаца привезли снова въ Петропавловскую крѣпость. (Подробности исполненія приговора см. въ январѣ 1902 г. „М. Б.“).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

(2-го апрѣля 1891 года).

Рукопись эта составляетъ продолженіе моихъ воспоминаній 1849 г., которыя написаны мною шесть лѣтъ тому назадъ и, вѣроятно, будутъ напечатаны уже какъ мои посмертныя записки. Какъ тогда, принимаясь за описаніе давно минувшаго, я чувствовалъ себя безсильнымъ къ исполненію задуманнаго труда и съ неувѣренностью приступалъ къ начинанію его, много разъ бросая, уничтожая написанное и послѣ нѣкотораго времени вновь принимаясь за него,—такъ и теперь, приступая къ изложенію послѣдующихъ, но совершенно иныхъ отъ описанныхъ уже событій въ моей жизни, я нахожусь въ такомъ же затрудненіи и замѣшательствѣ: сухое изложеніе фактовъ никогда не привлекало меня, а полное описаніе пережитыхъ впечатлѣній, съ живыми образами, требуетъ особаго настроенія, забвенія всего затѣмъ послѣдовавшаго и настоящаго, столь поглощающаго живыя силы, и перенесенія себя въ иной, давно исчезнувшій міръ совсѣмъ особыхъ впечатлѣній. Закрывъ глаза и оглохнувъ ко всему окружающему, только и возможно прозрѣть давно минувшее и въ яркихъ цвѣтахъ возстановить поблекшіе, чуть замѣтные образы, занесенные пылью и пепломъ сгорѣвшихъ, прожитыхъ четырехъ десятковъ лѣтъ. Они лежатъ какъ бы зарытые глубоко въ землѣ, захлопнутые тяжелою, едва ли приподнимаемою моею слабою рукою крышкою гроба, запечатаннаго навѣки...

Давно это было, очень давно!

I.

Нашъ утренній, возвратный поѣздъ, сопровождаемый вооруженнымъ конвоемъ, въѣхалъ во дворъ Петропавловской крѣпости. Былъ уже часъ десятый дня. Карета, въ которой я сидѣлъ съ солдатомъ, остановилась, и, по открытіи дверцы, я увидѣлъ подъѣздъ знакомой мнѣ тюрьмы. Какъ бы встрѣчая насъ, стоялъ у самой дверцы кареты знакомый мнѣ крѣпостной офицеръ—тотъ самый рыжій, всегда кашлявшій, описанный мною въ первой части моихъ записокъ, но въ этотъ разъ онъ былъ не похожъ на себя: лицо его было покраснѣвшее, заплаканное, и слезы текли изъ глазъ. Увидѣвъ его такимъ, я спросилъ:

— Вы плачете!.. О чемъ же это?

— Объ васъ,—отвѣчалъ онъ взволнованнымъ голосомъ,—что сдѣлали съ вами!...—Онъ, казалось, совсѣмъ забылъ и крѣпость, и свои обязанности и едва говорилъ. Этотъ человѣкъ, казавшійся мнѣ безчувственнымъ, произвелъ на меня неизгладимое впечатлѣніе...

Я вошелъ на подъѣздъ и былъ отведенъ въ свою прежнюю келью и запертъ въ ней. На мнѣ былъ мерзѣйшій тулупъ. Сбросивъ его, я остался въ своемъ платьѣ. Вскорѣ потомъ обходилъ насъ, въ сопровожденіи дежурнаго офицера, докторъ, освѣдомляясь у каждаго о здоровьѣ—забота крѣпостного начальства о нашемъ состояніи послѣ произнесеннаго надъ нами приговора съ обрядомъ смертной казни...

Спрошенный о здоровьѣ, я отвѣчалъ, что здоровъ. Три или четыре дня прожилъ я еще въ крѣпости. Черезъ нѣсколько минутъ пребыванія моего въ запертой теплой комнатѣ я почувствовалъ удушливый запахъ грязной шерсти отвратительной шубы, пожалованной мнѣ на дорогу. Запахъ этотъ былъ мнѣ невыносимъ—и при первомъ же отвореніи двери для подачи пищи, я просилъ дежурнаго офицера принять отъ меня куда-либо эту вонючую шубу, пока она не понадобится для дороги. Но куда ссылаютъ меня, мнѣ не было еще извѣстно, и я не могъ этого узнать отъ входившихъ ко мнѣ по службѣ офицеровъ. Какое-то спокойствіе вдругъ водворилось въ душѣ,—все исполнилось по моему желанію: главныя опасенія—быть прощеннымъ или быть снова одиночно заключеннымъ снялись съ моихъ плечъ. Во весь этотъ день мысли мои часто возвращались къ вопросу, увижу ли я, прежде отъѣзда, моихъ братьевъ и тетушку. Вечеромъ поздно было хожденіе по корридору въ неурочный часъ, и изъ нѣсколькихъ келій выводимы были по одиночкѣ заключенные товарищи. Я смотрѣлъ въ фортку и видѣлъ впотьмахъ подъѣзжавшія къ крыльцу кибитки и затѣмъ сейчасъ же уѣзжавшія;—ихъ было немного въ эту ночь; слышались отчасти и голоса.

Я легъ поздно въ постель, и при засыпаніи два вопроса смѣнялись во мнѣ: куда меня повезутъ, будетъ ли дозволено свиданье съ родными?

Я ссылался куда-то, въ какія-то арестантскія роты,—слѣдовательно, я выйду изъ этой проклятой одиночной тюрьмы и буду все же жить съ людьми—съ арестантами. По моему образу мыслей я считалъ ихъ жертвами нашего общественнаго строя, не считалъ ихъ дурными и говорилъ себѣ: я буду не одинъ, но съ людьми, можетъ быть, ничуть не худшими тѣхъ, которые окружали меня въ минувшей моей жизни, даже я чувствовалъ къ нимъ какое-то влеченіе, какъ къ людямъ страждущимъ, несчастнымъ, загнаннымъ судьбою и во многомъ подходящимъ къ моему душевному состоянію; я желалъ ихъ увидѣть скорѣе и размышлялъ о моемъ сближеніи съ ними. Веселая, смѣющаяся компанія, по совершившемся со мной, была уже мнѣ не по душѣ, тогда какъ сообщество людей, душевно отягченныхъ, привлекало меня. И чѣмъ болѣе думалъ я объ этомъ, тѣмъ болѣе отдыхалъ ото всѣхъ тягостныхъ мыслей, столь долго меня отягчавшихъ, и въ думахъ объ этомъ я заснулъ спокойно послѣ впечатлѣній дня...

Утромъ, проснувшись, я былъ пріятно пораженъ моимъ новымъ положеніемъ: да, вчерашній день внесъ въ жизнь мою спокойствіе и совершенно новые элементы размышленія. Онъ разрѣшилъ столь долго мучившіе меня грозные вопросы, и именно такъ, какъ я желалъ, и я чувствовалъ себя какъ бы счастливымъ.

Утромъ этого дня было необычное хожденіе въ корридорѣ, и ко мнѣ вошелъ дежурный офицеръ и принесъ мнѣ распечатанный уже конвертъ. Тамъ были письма всѣхъ моихъ братьевъ, сестры и тетушки, и я съ жаромъ накинулся читать ихъ. Въ письмахъ этихъ, въ словахъ самыхъ задушевныхъ, выражалась скорбь за меня и горячее желаніе и надежда возвращенія моего въ прежнюю жизнь. Я читалъ ихъ съ особеннымъ чувствомъ любви и дружбы... и плакалъ, читая. Въ особенности растрогала меня какъ бы пламенная, со слезами обращенная ко мнѣ рѣчь брата Николая, которою онъ напутствовалъ меня, утѣшая, ободряя и обѣщая всюду найти меня, куда бы ни завезла меня курьерская тройка. Письма эти хранились у меня всю послѣдующую жизнь, и на нихъ была надпись моею рукою: «письма самыя дорогія для меня». Они хранились у первой жены моей. По смерти ея въ 1882 году, находясь въ особомъ настроеніи, при глубокомъ упадкѣ духа, я рѣшился сжечь многія дорогія мнѣ письменныя воспоминанія, какъ никому ненужныя, меня же только всегда волновавшія до слезъ. И эти письма, вмѣстѣ съ прочими моими драгоцѣнностями, были похоронены кремацiей, и пепелъ ихъ хранится въ моемъ сердцѣ, какъ святыня.

Не помню, какъ провелъ я этотъ день, но вечеромъ, поздно, возобновились вновь хожденія по корридору и было отправленіе новой группы ссылаемыхъ товарищей. Подъѣзжали вновь къ крыльцу санныя кибитки, скользившія по снѣгу полозьями, и слышались вновь голоса, къ которымъ я прислушивался, стоя у открытой фортки. «Неужели уѣзжаютъ они, не простившись одинъ съ другимъ, неужели никто не зайдетъ ко мнѣ проститься?»

Между голосами у подъѣзда услышалъ я и мнѣ хорошо знакомый голосъ Ипполита Дебу. Имъ сказано было кому-то: «прощайте». Удивленный, огорченный такимъ съ его стороны забвеніемъ, я закричалъ ему: «Ипполитъ! ты уѣзжаешь, не простившись со мною?» Отвѣта не было, полозья заскрипѣли, и кибитки двинулись. Я сошелъ съ окна. Много огорченій и обидъ перенесено было мною въ минувшіе мѣсяцы, но все это было наносимо мнѣ людьми чужими, которыхъ я до того и не зналъ вовсе, а въ этотъ разъ я былъ глубоко оскорбленъ забвеніемъ моего лучшаго, столь любимаго мною друга. Да что же это, развѣ онъ съ ума сошелъ?... Несчастный! Потерялъ разсудокъ! «Не зайти ко мнѣ, чтобы проститься, можетъ быть, навсегда!...»

Я подошелъ къ двери, сталъ стучать изъ всей мочи, чтобы освѣдомиться, кто уѣхалъ. Когда поднялась тряпка и я увидѣлъ безсмысленную рожу сторожа,—я понялъ тогда, что вопросы мои о личности уѣхавшаго будутъ напрасны, и я отошелъ вновь отъ двери, не сказавъ ничего.... Такъ кончился этотъ день.

На другой день, утромъ, мнѣ принесено было платье и возвѣщено о дозволеніи свиданія съ родными, которые уже пришли и ждутъ меня. Я поспѣшно одѣлся и спѣшилъ къ нимъ съ горячимъ чувствомъ увидѣть и обнять ихъ. Въ томъ самомъ бѣломъ домѣ, куда водимъ я былъ на допросы, въ одной изъ комнатъ, увидѣлъ я у стола сидѣвшими всѣхъ моихъ братьевъ (ихъ было четверо), сестру и старушку тетушку.... и, крѣпко прижавъ къ груди, обнималъ я ихъ!... Офицеръ, сопровождавшій меня, удалился, оставивъ насъ,—по крайней мѣрѣ, его присутствіе, въ ближней, вѣроятно, комнатѣ, не было ощущаемо никѣмъ изъ насъ, и мы говорили, не стѣсняясь. Я жилъ съ ними неразлучно всю жизнь, и восемъ мѣсяцевъ разлуки съ ними, независимо отъ тюремнаго заключенія, казались мнѣ безконечными. Взаимнымъ разспросамъ не было конца, и много домашнихъ новостей узналъ я отъ нихъ,—но, наконецъ, спохватился спросить: «Да куда же меня ссылаютъ?»—не знаютъ ли они? Имъ это было извѣстно, и я получилъ отвѣтъ: «Въ Херсонъ». Новость эта меня очень обрадовала: къ берегамъ

Чернаго моря! Это хорошо; я очень интересовался югомъ Россіи, никогда еще мною невиданнымъ. Присутствіе при свиданіи моей сестры Любови Димитріевны, которую я вовсе не надѣялся видѣть, такъ какъ она жила въ Ковно, придало свиданію нашему еще большую полноту и сердечное довольство. Ихъ лица казались мнѣ необыкновенно милыми, драгоцѣнными, и, вглядываясь въ нихъ, я отдыхалъ взоромъ отъ чужихъ, безучастно окружавшихъ меня лицъ, но съ горестнымъ чувствомъ о томъ, что я потеряю ихъ вновь, на неизвѣстное, быть можетъ, весьма долгое время, быть можетъ, навсегда!... Да, этотъ часъ, проведенный мною съ ними (кажется, 24 декабря 1849 года), живо сохраняется въ памяти моей и составляетъ едва ли не самое драгоцѣнное воспоминаніе изо всей моей жизни! Радость такого свиданія можетъ измѣрить сердцемъ, почувствовать только тотъ, кто вытерпѣлъ долгую, мучительную разлуку съ людьми горячолюбимыми, разлуку, отягчаемую ежеминутно безнадежностью свиданія!... Но часъ этотъ скоро прошелъ, и офицеръ, провожавшій меня, какъ вѣстникъ судьбы, пришелъ меня разлучить, можетъ быть, навсегда съ людьми мнѣ милыми. Такъ пишу я, а между тѣмъ это былъ, — я помню хорошо — тотъ самый добрый офицеръ, который плакалъ объ насъ. Казнить смертью онъ не былъ бы въ состояніи, хотя бы это было поставлено ему въ обязанность службы—въ этомъ я вполнѣ увѣренъ, но придти и объявить мнѣ: «время уже вамъ пожаловать обратно въ тюрьму,—тамъ я васъ запру на ключъ, да и все тутъ»,—это для него было ничего незначущимъ дѣломъ, и никто не можетъ его обвинить въ томъ, что онъ занимаетъ должность крѣпостного офицера, пока существуютъ, для порядка людскихъ дѣлъ, крѣпости. Нечего было дѣлать — надо было уходить; обнявъ крѣпко моихъ милыхъ друзей, я простился съ ними и, уходя со слезами на глазахъ, обернулся еще разъ взглянуть на нихъ и затѣмъ, выйдя на дворъ, еще разъ обернулся посмотрѣть на окно той комнаты, гдѣ оставилъ ихъ.

Вечеромъ въ этотъ день мнѣ принесены были дорожныя вещи: чемоданъ, шуба, теплая шапка, рукавицы и теплые сапоги. Въ чемоданѣ было старательно уложено мое бѣлье и разныя нужныя для жизни вещицы, чай и сахаръ для дороги и на первое время по прибытіи на мѣсто въ особомъ пакетѣ. Видъ этихъ вещей, столь заботливо приготовленныхъ, погружалъ меня въ глубокую грусть, о разлукѣ, можетъ быть, навсегда съ милыми мнѣ людьми, и я предавался изліяніямъ моихъ чувствъ, говоря заочно то со всѣми вмѣстѣ, то съ каждымъ въ отдѣльности. Мысли мои были съ ними, и я нашелъ возможнымъ написать имъ письмо помимо крѣпостной цензуры, на поляхъ большой книги, тѣмъ же самымъ гвоздемъ, который былъ еще при мнѣ. И я сажусь и пишу, тихо бесѣдую съ ними, и плачу. Окончивъ письмо, я сталъ отбирать немногія книги, которыя полагалъ взять съ собою, прочія же всѣ сложилъ вмѣстѣ на окно для возвращенія ихъ роднымъ и книгу съ оттискомъ гвоздя положилъ въ середку. Впослѣдствіи уже узналъ я, что это клинообразное письмо мое достигло своего назначенія и было разобрано и воспроизведено чернилами на бумагѣ рукою брата моего Николая. Рукопись эта хранилась у меня съ вышеупомянутыми письмами, какъ дорогое воспоминаніе, и раздѣлила общую съ ними судьбу, о чемъ я теперь очень горюю. Это были живые оттиски пережитыхъ въ то время излiяній взаимныхъ мыслей и чувствъ разлучаемыхъ старыхъ друзей. Въ этотъ вечеръ, поздно, уже къ ночи, было вновь хожденіе въ корридорѣ, бѣготня съ ключами и отвореніе дверей келій, и выводимы были по одиночкѣ заключенные товарищи. Отправка насъ была въ ночное время, неторопливая, небольшими группами, и, надо полагать, отправители руководились глубокомысленнымъ соображеніемъ—именно тѣмъ, что по одной дорогѣ отправляемые не должны были встрѣтиться, а потому вывозимы были сутками раньше или позже. Ночное же время отправки объясняется скрытностью, вообще негласностью дѣйствій правительства.

Мнѣ не было извѣстно, когда, по ихъ разсчету, я долженъ былъ быть отправленъ, между тѣмъ вдругъ, во время хожденія, остановка у моей кельи: открылась дверь, и я увидѣлъ входящаго ко мнѣ Алексѣя Николаевича Плещеева. Онъ былъ одѣтъ въ шубу и съ шапкою въ рукѣ. Его я зналъ давно, какъ товарища по университету; встрѣчи съ нимъ и бесѣды наши въ жизни были недолгія, но многочисленныя, и между нами сохранялись самыя искреннія товарищескія чувства. Его посѣщеніе передъ отъѣздомъ, съ желаніемъ проститься, отозвалось въ сердцѣ моемъ самымъ дружескимъ привѣтствіемъ и сочувствіемъ. Свиданіе было минутное, но сердечное,—мы обнялись, и, когда онъ ушелъ и шумъ шаговъ его замолкъ въ корридорѣ, я заплакалъ и со слезами провожалъ его, стоя у фортки. «Но почему же не зашелъ ко мнѣ Ипполитъ Дебу,—когда можно было проститься?!» Это огорченіе стало чувствоваться еще живѣе послѣ посѣщенія меня Плещеевымъ.

Впослѣдствіи, уже по истеченіи многихъ лѣтъ, когда увидалъ я вновь Ипполита Дебу и сдѣлалъ ему этотъ упрекъ, онъ отвѣтилъ мнѣ: «Ахъ, другъ мой! да развѣ мы были тогда въ состояніи вмѣняемости. Всѣ мы потеряли голову, я и съ братомъ моимъ не простился,—развѣ ты не помнишь, въ какомъ состояніи мы были?!..—Вѣдь я же тебя не переставалъ любить и теперь люблю, какъ прежде!?..»

Такъ разрѣшаются многія загадки въ жизни. Но еще осталась неразрѣшенною другая загадка, касающаяся нашего дѣла: встрѣтившіеся впослѣдствіи въ жизни товарищи, разсказывая о своихъ странствіяхъ, неохотно касались времени заключенія въ крѣпости, какъ бы избѣгая этого, ничего не распрашивали одинъ другого объ этомъ періодѣ времени,—какъ они проживали въ одиночныхъ заключеніяхъ и каковы были ихъ отношенія къ суду. Они, конечно, были столь же различны, какъ и характеры каждаго, смотря по впечатлительности, переносчивости и степени умственной зрѣлости, возрастающей не всегда равномѣрно съ годами.

Въ первое время, пока всѣ были еще не измучены, по всей вѣроятности, сохранялась бодрость духа и самообладаніе, а послѣ, судя по читанной уже на Семеновскомъ плацу о каждомъ конфирмаціи, этого нельзя было сказать, по крайней мѣрѣ, о большей части подсудимыхъ. Что касается меня, то на моемъ сердцѣ тяжкимъ упрекомъ легло, какъ въ послѣдніе мѣсяцы пребыванія моего въ крѣпости, такъ и во все послѣдующее время,—отреченіе мое отъ своихъ убѣжденій въ надеждѣ на помилованіе (т. е., избавленіе отъ смерной казни), каковое, какъ я узналъ впослѣдствіи, было заявлено почти всѣми, въ различнѣйшихъ выраженіяхъ,—этимъ, можетъ быть, объясняется и неоставленіе никѣмъ изъ насъ какихъ либо мемуаровъ по нашему дѣлу, несмотря на то, что многіе могли бы это исполнить и въ болѣе совершенной формѣ, чѣмъ я теперь стараюсь воспроизвести пережитое мною. Я говорю «*можетъ быть*», потому что навѣрное этого сказать не могу.

Эти послѣдніе дни пребыванія моего въ крѣпости безпрестанно мысли мои вращались въ соображеніяхъ и догадкахъ о предстоящей мнѣ жизни въ Херсонѣ, и всегда сожалѣя о несостоявшемся путешествіи въ Сибирь, я утѣшался мыслью, что мѣстомъ ссылки назначена мнѣ не сѣверная, а южная окраина Россіи и городъ примыкающій—такъ полагалъ я—къ Черному морю, которое интересовало меня, какъ любителя природы, и притомъ мною еще невиданной. О Кавказѣ, куда я назначенъ былъ по минованіи срока пребыванія въ арестантской ротѣ, я почти не помышлялъ,—такъ назначенные четыре года казались мнѣ долгими и неизвѣстно какъ еще переживаемыми.

II.

Наконецъ настала ночь и моего отправленія, и я переступилъ на всегда порогъ запиравшей меня двери и вышелъ изъ стѣнъ душной тюрьмы. Это было, сколько мнѣ помнится, 27 декабря. Я сѣлъ въ стоявшія у крыльца крытыя сани и съ сопровождавшимъ меня крѣпостнымъ конвоемъ подвезенъ былъ черезъ крѣпостную площадь въ знакомый мнѣ бѣлый домъ. Я введенъ былъ не вверхъ, какъ прежде, а въ помѣщеніе нижняго этажа, въ комнату полную людьми. Тамъ было все крѣпостное начальство съ комендантомъ, нѣсколько фельдъегерей, незнакомыя мнѣ лица, казалось, генералы, и нѣсколько статскихъ, тоже незнакомыхъ мнѣ людей.

За маленькимъ столомъ, къ которому я былъ подведенъ, сидѣлъ чиновникъ и записывалъ что-то. Насъ сдавали фельдъегерямъ; они получали инструкціи и запечатанные конверты. Въ это время подошелъ ко мнѣ одинъ изъ статскихъ и, привѣтствуя меня, назвалъ по фамиліи. Взглянувъ на него я увидѣлъ лицо мнѣ знакомое, бывавшее на собраніяхъ Петрашевскаго, но фамиліи его не могъ вспомнить; тогда онъ сказалъ мнѣ: «Я Щелковъ». Этимъ именемъ онъ мнѣ сказалъ все, возбудивъ во мнѣ рядъ воспоминаній: это былъ мой сосѣдъ по тюремной кельѣ, въ равелинѣ перваго моего помѣщенія, съ которымъ удалось мнѣ обмѣняться черезъ окно только нѣсколькими словами—пѣвецъ, столь привлекавшій и развлекавшій меня своими пѣснями въ мрачномъ уединеніи нашего общаго помѣщенія—онъ былъ настоящій «пѣвецъ любви, пѣвецъ своей печали». Привѣтствіе его отозвалось въ моемъ сердцѣ самымъ живымъ отголоскомъ благодарности и удовольствіемъ видѣть его на свободѣ.

Мы обмѣнялись нѣсколькими словами сочувствія и участія и простились съ нимъ сердечно. Онъ былъ выпущенъ изъ крѣпости 23 іюля, со многими другими, по слѣдствію оказавшимися невиновными,—какъ это описано въ первой части моихъ воспоминаній. Съ тѣхъ поръ опустѣла келья, въ которой на весь корридоръ раздавались столь звучныя, столь задушевныя русскія пѣсни, и наступила совершенная тишина, порою прерываемая только громкими вздохами и другими наводившими уныніе звуками. Гдѣ теперь Щелковъ и живъ ли еще? Встрѣча съ нимъ теперь была бы для меня несказанно желательна и пріятна. Въ эти 1/4 часа я былъ еще представленъ какому-то генералу, который молча разсматривалъ меня. Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ Игнатьевъ—дежурный генералъ главнаго штаба, принимавшій въ судьбѣ моей участіе. Въ этомъ же помѣщеніи я увидѣлъ еще одного изъ отправляемыхъ товарищей, съ которымъ я лично не былъ знакомъ прежде, это былъ Дуровъ.

Безъ всякаго напутствія и участія, я былъ выведенъ изъ этой передаточной станціи и сѣлъ въ кибитку. Фельдъегерь помѣстился со мною рядомъ, и въ это время замѣтилъ я, что что-то тяжелое, желѣзное, опущено было къ ногамъ ямщика. Было тёмно, и я не могъ разглядѣть, что это, но мнѣ показалось, что это были кандалы, какъ впослѣдствіи я и убѣдился въ этомъ...

Начались новыя и еще неизвѣданныя мною душевныя отягченія. Ахъ, ихъ такъ много въ жизни, они безконечно разнообразны, и нѣтъ числа измышленнымъ пыткамъ, истязаніямъ и злодѣйствамъ всякаго рода, которыми отягчилъ свою собственную жизнь человѣкъ!

III.

Мы двинулись и выѣхали изъ крѣпости. Я сидѣлъ молча, погруженный въ смутную думу. На заставѣ была остановка у существовавшаго прежде шлагбаума, а затѣмъ, со звономъ колокольчика курьерская тройка вынесла меня на чистый воздухъ. Зимняя, темная ночь блистала звѣздами, и воздухъ отъ быстрой ѣзды обдавалъ меня свѣжею волною и сдувалъ послѣднюю тюремную пыль и гниль. Петербурга я не жалѣлъ болѣе, такъ какъ въ немъ мнѣ жить можно было только въ тюрьмѣ. Мысли мои, какъ и глаза, были устремлены въ даль, и я съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на блиставшія звѣзды, которыми такъ обильно усыпано было все небо. Давно я не видѣлъ такой картины,—свиданіе съ природой, послѣ долгой разлуки съ нею, для человѣка столь же драгоцѣнно, какъ съ своею родиною, съ родною средою, съ милыми сердцу людьми. И она приняла меня вновь въ свои объятія, и я полною грудью вдыхалъ ея живительную силу и роскошное приволье. Она неожиданно поразила меня и здѣсь, какъ на Семеновскомъ плацу, и заставила забыть душевныя тягости. Видъ дали и просторъ снѣжныхъ полей, замѣнившихъ тѣсныя стѣны тюрьмы, былъ мнѣ сладостно пріятенъ. Колокольный звонъ Петропавловскаго собора, столь часто пробуждавшій меня по ночамъ, звонъ ключей и другіе однообразно смѣнявшіеся тюремные звуки исчезли навсегда и замѣнились тишиной и тихимъ звукомъ скользящихъ по снѣгу санныхъ полозьевъ. Это было успокоеніе, ни съ чѣмъ несравнимое.

Упиваясь новыми впечатлѣніями, сидѣлъ я молча, безъ желанія произнести слово. Сосѣдъ мой былъ къ тому же молчаливъ. Скоро доскакали мы до станціи, и тутъ я увидѣлъ, что за нами ѣхала еще другая тройка, везшая жандарма. Это былъ солдатъ, совсѣмъ еще юный, одѣтый жандармомъ, съ пистолетомъ за поясомъ, готовый, конечно, выстрѣлить безъ размышленія, въ кого прикажутъ, но онъ былъ воинъ николаевской арміи, взятый на 25-лѣтнюю службу, запуганный строгостью начальства, выдержавшій уже церемоніальное фронтовое ученіе со всѣми его тягостями и побоями, но умѣвшій стрѣлять только холостыми зарядами. Фельдъегерь вышелъ на станцію, жандармъ оставался при мнѣ. Лошади были сейчасъ же впряжены. Фельдъегерь вышелъ и приказалъ жандарму сѣсть въ тѣ же сани, рядомъ съ ямщикомъ, слѣдовавшій же за нами экипажъ былъ отмѣненъ (это имѣло особое значеніе, которое мнѣ выяснилось позже), и мы двинулись сразу вскачь.

Дорога была гладкая, сосѣдъ мой былъ неразговорчивъ, мнѣ даже показалось, что онъ дышетъ какъ сонный. Мнѣ было тепло въ моей хорошей шубѣ и теплыхъ сапогахъ, тулупъ же, пожалованный мнѣ на Семеновскомъ плацу, долженъ былъ находиться при мнѣ, какъ собственность арестанта, также и теплыя сапоги; и они лежали у меня въ ногахъ. Мы ѣхали, вѣроятно, по бѣлорусскому тракту; станціи смѣняли одна другою. Сосѣдъ мой спрашивалъ меня, хорошо ли я сижу, совѣтовалъ мнѣ заснуть и, садясь въ экипажъ, сейчасъ же впадалъ въ сладкій сонъ; мнѣ показалось даже, что онъ пьянъ.

Настало утро, разсвѣло, и я увидѣлъ вновь поднявшееся солнце и освѣщенныя его блескомъ бѣлыя поля и мелькавшіе кое-гдѣ лѣса, привлекавшіе мой взоръ своимъ просторомъ. Дневной блескъ былъ ослѣпителенъ для глазъ, привыкшихъ къ полусвѣту тюрьмы, и заставлялъ меня прищуриваться. Погода была ясная и морозная; мы скакали. Отъ быстрой ѣзды сгущеннымъ воздухомъ обдувало мнѣ лицо и отъ копытъ летѣла снѣжная пыль и комки. Я закрывался отъ нихъ. Не было болѣе мыслей, тяготившихъ меня въ тюрьмѣ; сомнѣнія и мучительныя думы разрѣшились, согласно моему горячему желанію—я вышелъ изъ тюрьмы сосланнымъ. Я чувствовалъ себя удовлетвореннымъ и въ нѣкоторой степени даже счастливымъ. Въ такомъ настроеніи сидѣлъ я молча и не чувствовалъ желанія вступить въ разговоръ съ моимъ дремлющимъ сосѣдомъ, но сидѣвшій передо мной жандармъ часто привлекалъ мое вниманіе, — онъ былъ одѣтъ не по зимнему и, стараясь укрыться въ свое недостаточно теплое платье, ворочался, жался и отворачивалъ отъ вѣтра лицо, — онъ сильно мерзнулъ. Тогда пришла мнѣ счастливая мысль: улучивъ минуту, я обратилъ вниманіе моего сосѣда на трудное положеніе нашего спутника и на безполезно лежавшее у меня въ ногахъ теплое платье.

— Тебѣ холодно?—спросилъ онъ жандарма.

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе.

— Если вамъ угодно дать ему вашу шубу, то я ничего не имѣю противъ этого, вы желаете?

— Да, я этого желаю, а то вѣдь онъ можетъ замерзнуть,—отвѣтилъ я ему рѣшительно. Онъ велѣлъ остановиться и приказалъ жандарму вытащить изъ-подъ моихъ ногъ теплую шубу и надѣть на себя. Приказаніе было исполнено съ радостнымъ удивленіемъ.

— Тутъ еще есть сапоги, ты ихъ можешь тоже надѣть.

— Это уже онъ надѣнетъ на станціи,—пошелъ!

Но вотъ, доѣхали и до станціи.

— Будемъ здѣсь пить чай,—сказалъ фельдъегерь. Я былъ очень радъ его предложенію, такъ какъ, изъ тюремнаго затворничества перейдя вдругъ въ пассивное, быстрое, безостановочное движеніе по морозному воздуху, я чувствовалъ себя утомленнымъ ѣздою и голодомъ.

IV.

Мы вошли; я съ удовольствіемъ снялъ шубу, и скоро всѣ мы предались общему природному чувству отдохновенія отъ лежавшихъ на каждомъ своихъ обязанностей, и насыщенія себя пищею и теплымъ, пріятнымъ напиткомъ, котораго я не былъ лишенъ и въ крѣпости.

Отдохнувъ, не торопясь, мы вновь пустились въ путь. Сопутствующій меня фельдъегерь сталъ болѣе привѣтливъ, и мы вступили въ разговоръ. Я спрашивалъ его о Херсонѣ, былъ ли онъ тамъ и не знаетъ ли людей, съ которыми я буду имѣть дѣло.

— Въ Херсонѣ я не былъ,—отвѣтилъ онъ,—но бывалъ во многихъ городахъ и возилъ ссылаемыхъ въ Сибирь. Вездѣ имъ оказываемы были снисхожденія, тѣмъ болѣе въ россійскихъ губерніяхъ; я полагаю, вамъ не будетъ такъ дурно, какъ это вамъ, можетъ быть, кажется. Вѣроятно, вы даже не будете посылаемы на работы.

Слова его меня успокоили, и я видѣлъ въ нихъ нѣкоторое участіе и деликатность въ обращеніи со мною. Родомъ онъ былъ финляндецъ и человѣкъ уже не молодой, много ѣздившій и видѣвшій—блондинъ, высокаго роста, полный. Онъ интересовался и нашимъ дѣломъ и моею виновностью, но былъ сдержанъ и коротокъ въ своихъ вопросахъ и, начиная ихъ, скоро замолкалъ. Я тоже остерегался сказать что-либо лишнее, не довѣряясь искренности его бесѣды.

Погода благопріятствовала, и мы быстро мчались по гладкому санному пути. Станціи смѣнялись, и не было недостатка въ остановкахъ на станціяхъ, болѣе снабженныхъ запасами пищи. Жандармъ служилъ мнѣ, какъ лакей; при остановкахъ соскакивалъ быстро и меня высаживалъ и при отъѣздахъ усаживалъ въ экипажъ подъ руки. Забота обо мнѣ была большая, такъ какъ я былъ самою цѣнною вещью въ пути, которую нужно было доставить въ сохранности цѣлою и невредимою. О прогонахъ, составлявшихъ большую заботу въ прежнихъ моихъ поѣздкахъ, въ этомъ путешествіи я не имѣлъ никакихъ заботъ—словомъ, поѣздка моя сама по себѣ была безупречна, и я не помню въ моей жизни болѣе беззаботнаго и быстраго путешествія. Но каждая дорога оцѣнивается прежде всего и главнымъ образомъ цѣлью ею достигаемою, и всѣ неудобства и тягости пути переносятся легко, когда ими достигается счастіе прибытія въ желаемое мѣсто,—на родину, къ милымъ друзьямъ, но этого то главнаго утѣшенія у меня и не было. Я ѣхалъ поневолѣ и въ мѣсто мнѣ неизвѣстное, гдѣ ожидала меня новая тюрьма, именуемая острогомъ, и все спокойствіе и удобства пути нарушались мыслью прибытія. Солдатикъ, провожавшій насъ, одѣтый тепло и кушавшій вдоволь, сдѣлался моимъ усерднѣйшимъ слугою и болѣе пріятнымъ мнѣ спутникомъ, чѣмъ сосѣдъ, съ которымъ, несмотря на его кажущееся добродушіе, существовали натянутыя отношенія, да кромѣ того онъ на станціяхъ угощалъ себя порядочно спиртными напитками и дорогою часто спалъ. Мы ѣхали рождественскими праздниками, заготовленной пищи было вдоволь, а проѣзжихъ почти не было,—всѣ старались къ праздникамъ быть дома.

Такъ мы проѣхали уже трое сутокъ и въѣхали въ хвойные лѣса

Могилевской губерніи. Не помню въ точности, какъ у насъ произошелъ разговоръ о ночлегѣ, но помню, что я поставлялъ ему на видъ нашу безъ надобности торопливую и утомительную ѣзду и говорилъ ему:

— Зачѣмъ спѣшить? Ни васъ, ни меня въ Херсонѣ никто не ждетъ, теперь же праздники и всѣ люди отдыхаютъ, а мы безъ отдыха все ѣдемъ,—безо всякой надобности!

— Да, это правда, конечно,—отвѣтилъ онъ,—но знаете, такая ужъ фельдъегерская ѣзда, отъ насъ тоже требуется поспѣшность, но мы вѣдь и не особенно торопимся. Если хотите, можно и остановиться переночевать.

И вотъ, доскакавъ ночью до станціи болѣе удобной, мы расположились на ночлегъ. Тогда были еще большія столбовыя дороги, какъ единственные пути сообщенія, и станціи съ двумя, тремя комнатами, хорошо выстроенныя изъ камня, поддерживались въ порядкѣ; мебель для ночлега удобная, большіе диваны и стулья, покрытые черной клеенкой, и столъ обыкновенно достаточной величины, печи были изразцовыя, жарко нагрѣваемыя.

На одной изъ такихъ станцій мы остановились и помѣстились всѣ втроемъ въ одной просторной комнатѣ. Поданъ былъ самоваръ и ѣда съ водкой и пивомъ. Я пилъ чай и ѣлъ съ большимъ аппетитомъ. При временныхъ выходахъ изъ комнаты фельдъегеря я угощалъ нашего солдатика водкою, и на его долю было достаточно пищи. Мы всѣ были сыты и улеглись спать. Мнѣ не спалось, мои же спутники заснули скоро крѣпкимъ сномъ. Нѣсколько позже, подъ слышнымъ, храпящимъ дыханіемъ фельдъегеря заснулъ и я. Уставшіе отъ дороги, мы спали всѣ, какъ спятъ наработавшіеся здоровые люди, но я проснулся прежде всѣхъ. Мнѣ снилось послѣднее мое свиданье съ родными, и оно стояло передъ моими глазами. Въ комнатѣ было темно, и я чувствовалъ потребность выйти. Не зная куда, я подошелъ къ выходной двери, но она была заперта ключомъ, и ключъ былъ вынутъ. Какъ бы найти его, думалъ я, но въ темнотѣ искать было нельзя, я сталъ ощупывать столъ и нашелъ сѣрнички (тогда другихъ спичекъ еще не было). Освѣтивъ комнату, я увидѣлъ и ключъ, лежавшій на столѣ. Я надѣлъ пиджакъ, отворилъ дверь и вышелъ въ корридоръ, а оттуда и на подъѣздное крыльцо станціи.

Выйдя на чистый воздухъ, я медлилъ возвратиться на свое мѣсто;— чудесная ночь и уединеніе отъ надзора обворожили меня, и я стоялъ, наслаждаясь чистымъ воздухомъ и созерцаніемъ природы. Я былъ тогда молодъ, здоровъ и за три дня ѣзды уже окрѣпшимъ порядочно отъ въѣвшейся въ меня тюремной гнили и не чувствовалъ холода. Въ это время со двора станціи выѣхали сани и изъ корридора вышелъ какой-то проѣзжій въ шубѣ, готовый сѣсть въ нихъ, мужчина очень высокаго роста. Онъ сказалъ нѣсколько словъ людямъ, стоявшимъ у его саней, и въ звучномъ и низкомъ голосѣ его послышалось мнѣ что-то знакомое. Есть такія наружности, которыя съ перваго взгляда навсегда остаются въ памяти, и голоса столь своеобразно звучащіе, что они всюду сразу узнаваемы. Общій обликъ проѣзжаго и его высокій ростъ возобновили въ моей памяти человѣка, со мною нѣсколько знакомаго.

— Позвольте васъ спросить,—сказалъ я ему,—не Іевлевъ ли вы?

— И весьма Іевлевъ,—былъ рѣшительный его отвѣтъ.—А вы кто же?—спросилъ онъ меня.

— Я одинъ изъ братьевъ Ахшарумовыхъ, бывшихъ съ вами на кавказскихъ водахъ въ Пятигорскѣ.

— Ахшарумовъ?!. Такъ это вы ѣдете съ фельдъегеремъ?

Тутъ у насъ завязался разговоръ.

— Кончилось, наконецъ, это дѣло, которымъ васъ обвиняли Богъ знаетъ въ чемъ!... Вѣдь васъ всѣ сожалѣютъ въ Петербургѣ... Что же это? Вы ссылаетесь? Куда?... Куда же это? За что? — говорилъ онъ своимъ звучнымъ басомъ.

Запуганный уже всѣмъ предшествовавшимъ и опасаясь, чтобы не произошла какая тревога, по случаю моего тайнаго ночного свиданія съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, я просилъ его говорить потише. Разговоръ мой на крыльцѣ былъ сдержанъ и не вполнѣ искрененъ. Я просилъ его передать нашимъ общимъ знакомымъ мои поклоны и разсказать о нашей встрѣчѣ.

Вернувшись въ нашу спальню, я засталъ тамъ спавшихъ сладкимъ сномъ моихъ спутниковъ. Но мнѣ было уже не до сна. Ясная ночь и безнадзорное уединеніе манили меня какъ бы на свободу. Посмотрѣвъ еще разъ на крѣпко спавшихъ моихъ тѣлохранителей, я надѣлъ шапку и шубу и вышелъ вновь съ мыслью: «Пойду я, погуляю на волѣ,— Богъ знаетъ, когда я этого дождусь, да и дождусь ли еще!..»

Я вышелъ вновь на крыльцо. Не было никого, зимняя ночь казалась мнѣ чудесной, звѣзды блистали. Лѣса, обвисшія хлопьями снѣга, спали зимнимъ сномъ; мѣсяцъ плылъ въ облакахъ. Ничто не нарушало этой величественной тишины—я былъ одинъ и, сойдя на дорогу, стоялъ и смотрѣлъ кругомъ, то на звѣзды, то на лежащій передъ глазами дальній путь и на стоявшіе по бокамъ его темные стволы густыхъ лѣсовъ, обвисшіе зелено-снѣжными вѣтвями. Мой путь лежалъ на югъ, гдѣ блисталъ Оріонъ, но взоръ мой болѣе обращался къ сѣверу,—тамъ осталось все дорогое, все любимое мною. Созерцаніе природы смѣнялось чувствомъ тоски и полнаго одиночества, но особую прелесть имѣло для меня и это минутное безнадзорное уединенье. Если нельзя быть съ друзьями, то ужь лучше быть одному и среди природы! Такъ прогуливаясь вблизи станціи по большой дорогѣ, у самаго лѣса, въ особомъ, то грустномъ, то восторженномъ настроеніи, говорилъ я громко самъ съ собою, какъ бы въ бреду, восхищенный то природою, то своимъ уединеніемъ, то тоскующій объ отсутствіи всего любимаго и предаваясь этому чувству, я обращался къ небесамъ и, жалуясь на жестокія мои скорби земныя,—говорилъ то стихами, то прозою. (Стихи эти воспроизведены были впослѣдствіи).

Судьба жестокая свершилась надо мной.
Отъ смертной казни я едва освобожденный,
Стою среди снѣговъ, одинъ въ странѣ чужой,
Въ острогѣ, какъ въ тюрмѣ, погибнуть осужденный.

—

Прощай, мой милый край, семья родная!
Все лучшее, что въ жизни я любилъ,
И родина моя, столица дорогая!
Я съ вами счастливъ былъ, но счастья не цѣнилъ.

—

Васъ больше нѣтъ при мнѣ, судьбы рукой суровой
Въ изгнанье дальнее влекусь я—скорбь въ душѣ!
Такъ вихремъ сорванный отъ дерева родного,
Летитъ зеленый листъ увянуть вдалекѣ!..

—

Свободы я лишенъ, и въ бѣгствѣ нѣтъ спасенья;
Въ обители снѣговъ одинъ я здѣсь стою...
Кому я выскажу тяжелыя мученья,
Которыя тѣснятъ и давятъ грудь мою?

—

Услышьте-жъ вы меня, дремучіе лѣса!
Одни свидѣтели и жалобъ, и страданья,
И съ жизнью моего послѣдняго прощанья;
И вы, горящія святыя небеса!

Я стоялъ одинъ на дорогѣ, кругомъ лежали снѣга, и слезы текли изъ глазъ, и я говорилъ вновь, засматриваясь на звѣзды:

Ахъ, сколько звѣздъ на небесахъ,
И какъ они горятъ!
Есть жизнь вдали,—въ другихъ мірахъ,—
Они намъ говорятъ:

—

Земля ничто,—смотри кругомъ,
Какъ блещетъ все живымъ огнемъ,
Тебя мы ждемъ, тебя мы ждемъ,
Тебя зовемъ, тебя зовемъ!

Какъ описать эту ночную прогулку—это мое полное освобожденіе не только отъ передвижной фельдъегерской тюрьмы, но и отъ всѣхъ земныхъ тягостей.—Я былъ высоко улетѣвшимъ на недосягаемой высотѣ, и я бы желалъ сбросить мою тѣлесную оболочку, но мнѣ еще суждено было жить!.. Гулялъ я, не заботясь о времени моего отсутствія. Не хотѣлось мнѣ возвращаться на станцію. Я сѣлъ на пень и вдругъ почувствовалъ, что дремлю, и, вскочивъ, поспѣшно направился вновь къ крыльцу. Дѣлать нечего,—надо добровольно предать себя вновь въ руки стражи. Тихо вошелъ я въ корридоръ и тихо отворилъ дверь комнаты и заперъ ее на ключъ. На станціи повсемѣстно былъ мертвый сонъ. На часахъ было 7 утра, и я, снявъ платье, вновь улегся на диванъ и заснулъ.

V.

Утромъ не очень рано, сѣли мы по своимъ мѣстамъ въ дорожную кибитку и скакали вновь и день и ночь, останавливаясь только для ѣды. И вотъ, мы уже въ степяхъ Малороссіи. Тутъ днемъ случилось одно происшествіе, которое обнаружило грубый нравъ моего спутника, и оно совпало съ особымъ біологическимъ явленіемъ, комически присоединившимся къ нашему государственному поѣзду. Фельдъегерь выходилъ изъ саней почти на каждой станціи и при возвращеніи, садясь въ сани, былъ напутствуемъ смотрителемъ станціи пожеланіемъ благополучія. Видно было, что онъ уѣзжалъ со станцій въ добрыхъ отношеніяхъ съ смотрителями ихъ, но въ этотъ разъ онъ вышелъ недовольный, въ крупномъ разговорѣ съ хозяиномъ станціи и, какъ мнѣ показалось, болѣе обыкновеннаго выпившій; нахмуренный, сердито взглянулъ онъ на запряженную тройку, которой пристяжныя едва были сдерживаемы за уздцы стоявшими по бокамъ людьми, а коренную притягивалъ вожжами сильный ямщикъ. Тройка мощныхъ лошадей рвалась скакать. Смотритель провожалъ насъ; фельдъегерь, поспѣшно сѣвъ въ кибитку, сказалъ ему: «Будете помнить меня! Пошелъ»! Люди сразу бросили пристяжныхъ, и тройка рванулась и понесла... Мы мчались, дорога была ровная, гладкая,—степь и даль безъ конца.

Какъ утлый чёлнъ, подхваченный бурнымъ вѣтромъ, неслась, то колеблясь, то слегка подскакивая, наша кибитка. Такъ быстро мы не скакали ни разу. Ямщикъ, опасаясь за благополучіе ѣзды, сталъ сдерживать разгоряченныхъ скакуновъ, но фельдъегерь, полусонный, кричалъ: «Пошелъ!» Въ это-то время столь быстрой ѣзды вдругъ поражены мы были страннымъ явленіемъ—присоединеніемъ къ намъ четвертаго спутника,—и не съ дороги присѣлъ онъ къ намъ, а слетѣлъ съ небесъ и помѣстился у меня въ ногахъ. Большой, дикій, бѣлый гусь, догнавъ насъ своимъ поспѣшнымъ полетомъ, бросился къ намъ въ кибитку. Мы всѣ были поражены такимъ страннымъ явленіемъ, одинъ ямщикъ, занятый дѣломъ, не замѣтилъ его. Фельдъегерь, изумленный, закричалъ: «Стой», но нелегко было остановить несшихъ насъ коней. «Стой!» кричалъ онъ: «что это такое?!» Ямщикъ не могъ остановить лошадей, и онъ билъ его,—такъ вымѣщалъ онъ свой гнѣвъ на смотрителя—и ничѣмъ неповинный въ людскихъ отношеніяхъ гусь подвергался вліянію его озлобленнаго настроенія. Я выглянулъ изъ кибитки и увидѣлъ большую хищную птицу—степного орла, перелетавшаго дорогу. Такъ вотъ разгадка страннаго явленія: дикій гусь, не зная куда дѣваться, искалъ спасенія отъ настигшаго его орла въ кибиткѣ нашей,—подъ кровомъ человѣка, которому рѣшился ввѣрить свою жизнь, спасаясь отъ вѣрной грозившей ему кровавой смерти. Любя природу и животныхъ, я очень заинтересовался такимъ рѣдкимъ біологическимъ явленіемъ и принялъ къ сердцу поступокъ гуся, ввѣрившаго намъ свою жизнь, фельдъегерь-же, узнавъ, въ чемъ дѣло, хотѣлъ немедленно вышвырнуть незваннаго спутника и выталкивалъ уже его изъ подъ моихъ ногъ, но я воспротивился тому рѣшительно и не давалъ ему распоряжаться судьбою гуся. Я защищалъ его обѣими руками.

— Онъ не мѣшаетъ мнѣ,—оставьте его въ покоѣ, пусть улетитъ орелъ, тогда мы его спустимъ.

— Что же вы хотите привезти его на станцію?!—Фельдъегерь возитъ гусей! Этого еще не бывало!...—Онъ снова хотѣлъ его выпихнуть, но я всѣми силами защищалъ гуся и готовъ былъ на драку изъ-за него.

— Да оставьте же его, вѣдь его заклюетъ орелъ,—до станціи еще далеко, мы его долго держать не будемъ.

Таковы были наши разговоры. Ямщикъ, увидѣвъ гуся, тоже отвлекся отъ своего дѣла, и фельдъегерь вновь набросился на него: онъ сердито кричалъ вновь «пошелъ!» и билъ его въ спину и въ шею, забывъ о гусѣ. Такъ скакали мы съ гусемъ; фельдъегерь продолжалъ погонять ямщика, желая загнать лошадей, но лошади были не таковы—они мчались и несли насъ. Проскакавъ нѣсколько верстъ, мы выпихнули изъ саней обезумѣвшаго отъ страха гуся.

Читатель догадался, быть можетъ, о причинѣ гнѣва моего обыкновенно тихаго и больше дремавшаго и спавшаго спутника. Смотрители станцій боятся фельдъегерей и не берутъ съ нихъ прогонныхъ денегъ, лишь бы они лошадей оставили въ цѣлости, но смотритель упомянутой станціи не захотѣлъ сдѣлать этой уступки фельдъегерю. Послѣднему, однако же, не удалось въ этотъ разъ, благодаря крѣпости лошадей, нанести ему желаемый вредъ. Мы прибыли на станцію благополучно, съ рискомъ повредить скорѣе экипажъ или себя, но не лошадей, которыя, проскакавъ верстъ 20, остановились послушно у подъѣзда новой станціи. Слава Богу, мы прибыли благополучно и спасли еще гуся, который обязанъ своею жизнью всецѣло и единственно политическому дѣлу Петрашевскаго. Во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ былъ бы сжаренъ на станціи или на кухнѣ какого-либо помѣщика или казака.

VI.

Мы ѣхали на праздникахъ, какъ уже извѣстно читателю. Въ дальнѣйшемъ пути нашемъ, въ Кіевской или Черниговской губерніи, поздно ночью подъѣзжая къ одной изъ большихъ станцій, мы увидѣли ее освѣщенною и, приближаясь къ ней, услышали музыку.

— Это новый годъ встрѣчаютъ,—сказалъ фельдъегерь.

И въ самомъ дѣлѣ было 31 декабря 1849 года. Когда мы вошли на станцію и въ корридорѣ повернули въ правую, пустую, незанятую половину ея, фельдъегерь поспѣшно ушелъ отыскать смотрителя, а я съ жандармомъ оставался въ этой комнатѣ. Въ другой половинѣ играла музыка, въ отворенной двери корридора появились одѣтыя по праздничному дамы; ихъ было много, и онѣ съ особеннымъ любопытствомъ смотрѣли на меня и на жандарма: не входя въ комнату, онѣ столпились въ дверяхъ, смотрѣли и шептались. Какъ видно, онѣ сейчасъ же поняли, что везутъ какого-то политическаго ссыльнаго, и это возбудило ихъ любопытство и, повидимому, сочувствіе и участіе. Черезъ нѣсколько секундъ замолкла музыка, и хозяинъ, войдя поспѣшно, просилъ гостей удалиться въ другіе комнаты и заперъ дверь на ключъ. Водворилась полная тишина; запрягли лошадей, и мы уѣхали поспѣшно.

Путешествіе наше продолжалось безостановочно день и ночь, и мы были уже въ Херсонской губерніи. Фельдъегерь загонялъ еще на одномъ перегонѣ лошадей, но и тутъ лошади выдержали испытаніе.

Насталъ день моего прибытія къ мѣсту назначенія. Отношенія мои къ пьяному спутнику были вообще хорошія. Онъ заботился объ удобствахъ поѣздки и въ бесѣдахъ со мною все обнадеживалъ меня относительно благополучія предстоящей мнѣ жизни въ Херсонѣ.

Утромъ, рано напившись чаю, часовъ около 12-ти мы закусили на станціи и затѣмъ безостановочно спѣшили прибыть на мѣсто. Я былъ очень легковѣренъ: обнадеживаемый, убаюкиваемый словами фельдъегеря, въ которыя мнѣ хотѣлось вѣрить, я желалъ уже скорѣе прибыть въ Херсонъ—тамъ можно будетъ отдохнуть и утолить свой голодъ; не стоитъ уже останавливаться на станціяхъ; завтра же, даже сегодня хорошо бы сходить въ баню, вѣдь болѣе 8 мѣсяцевъ я не имѣлъ этого привычнаго омовенія. Такъ убаюкивая себя совсѣмъ несбыточными, какъ оказалось впослѣдствіи, мечтами, я прибылъ на мѣсто назначенія. Мы въѣхали въ Херсонскую крѣпость и остановились на большой площади, у дома коменданта,—это было уже вечеромъ, когда начинало темнѣть.

Войдя въ домъ коменданта, я долженъ былъ остаться въ передней, съ охраняющимъ меня жандармомъ, а фельдъегерь вышелъ въ другія комнаты. Черезъ ¼ часа я былъ позванъ войти въ пріемную, большую комнату. Ко мнѣ вышелъ худой, сѣдой старикъ, средняго роста. Онъ сначала молча остановился, подойдя ко мнѣ и, казалось, осматривалъ меня. Я былъ одѣтъ въ моемъ статскомъ платьѣ, въ которомъ былъ арестованъ 23-го апрѣля; волосы, нестриженные въ теченіе 8—10 мѣсяцевъ, нисходили на шею и на плечи. Лицо, отъ дороги уже поправившееся отъ тюремнаго сидѣнья, пролетѣвшее сквозь двухтысячеверстное протяженіе морознаго воздуха. Посмотрѣвъ на меня, какъ бы желая удовлетворить свое любопытство, быть можетъ, и не лишенное участія ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Вы молодой, мнѣ жаль васъ, но я долженъ исполнить, что предписано, и не могу сдѣлать вамъ никакихъ послабленій. Вы должны будете раздѣлить общую жизнь съ арестантами.

Онъ сказалъ мнѣ подождать и вышелъ изъ комнаты. Фельдъегеря я уже болѣе не видѣлъ. Минутъ черезъ пять явился крѣпостной офицеръ, и комендантъ снова вошелъ и, сдавъ меня ему, приказалъ отвести въ ордонансъ-гаузъ.

VII.

Тутъ пришлось мнѣ увидѣть еще никогда не виданное мною зрѣлище и испытать на себѣ всю тягость измышленныхъ людьми пріемовъ мнимой деградаціи человѣка на уровень арестанта. Я былъ введенъ въ просторную комнату, имѣвшую видъ канцеляріи: за столомъ сидѣло нѣсколько писарей. Въ дверяхъ сосѣдней комнаты стоялъ высокаго роста пожилой человѣкъ въ военномъ мундирѣ,—брюнетъ, лицо его было выразительно, своеобразно-красиво,—съ уставленнымъ на меня серьезнымъ, непривѣтливымъ взглядомъ (это былъ плацъ-майоръ Червинскій). Онъ ко мнѣ подошелъ и сказалъ: «У *тебя* много вещей?» Его обращеніе со мною на *ты* поразило меня. До сихъ поръ въ жизни моей еще никто изъ чужихъ людей не говорилъ мнѣ *ты*. Я молча перенесъ это оскорбленіе. Не было надобности говорить мнѣ такъ грубо—тутъ были все его подчиненные, но онъ счелъ долгомъ показать свое плацъ-майорское усердіе въ грубомъ, безучастномъ обращеніи со мною, какъ съ арестантомъ.

— У тебя много вещей?—спросилъ онъ меня, смотря на мой чемоданъ, стоявшій въ этой комнатѣ, на хорошую шубу и мѣховую шапку и, можетъ быть, золотую цѣпочку часовъ. Въ этихъ словахъ выразился весь его хищническій характеръ, каковъ онъ въ дѣйствительности и былъ. И ничего лучшаго не нашелъ онъ сказать прилично, какъ онъ, одѣтому интеллигентному человѣку, сосланному по политическому дѣлу, впервые представшему передъ его глазами! На вопросъ его я не отвѣтилъ, а онъ, бросивъ еще взглядъ на мое маленькое дорожное имущество, вышелъ изъ комнаты. Тутъ же сейчасъ пришелъ еще одинъ изъ оскорбителей въ военномъ сюртукѣ, но этотъ былъ низшаго сорта—совершенный хамъ, преждевременно отъ пьянства состарившійся служака—командиръ военной арестантской роты, капитанъ, псевдо-итальянецъ Петрини. Онъ былъ роста средняго, смуглъ и нечистъ лицомъ; большой, толстый, синеватый носъ его, казалось, обнюхивалъ что-то, во рту его было немного гнилыхъ зубовъ, руки у него были грязныя, съ черною каймою ногтей. Онъ заговорилъ сиплымъ, шепелявымъ голосомъ:

— А ну, что тутъ? Что за арестантъ? Э! да сколько у него вещей! А ну-ка, раскрывай его чемоданъ.

Служитель сталъ раскрывать чемоданъ, на меня онъ не смотрѣлъ, а набросился съ любопытствомъ на содержавшееся въ чемоданѣ, столь заботливо о моемъ благополучіи уложенное моими братьями и тетушкой имущество: тамъ было фунта три чая, сахаръ, бѣлье, книги, которыя я отобралъ себѣ въ дорогу изъ бывшихъ при мнѣ въ казематѣ. Не помню всѣхъ, какія это были, но помню только два большихъ сочиненія—«Geographie» de-Balbi и Плутарха «La vie des hommes illustres de l'antiquitè».

Затѣмъ тамъ были разныя мелкія вещицы, письменныя принадлежности и т. п.

На все это смотрѣлъ онъ съ особеннымъ любопытствомъ.

— Это что у тебя тутъ? А это что? Чай, сахаръ! Этого не полагается у насъ въ ротѣ, мы тебѣ покажемъ, какъ живутъ арестанты... Эти-то всѣ книги ни къ чему тебѣ, да и намъ что въ нихъ! Развѣ ты не зналъ, что бралъ ихъ съ собою?! Мы тебя научимъ, какъ у насъ живутъ!

Произнося эти слова, онъ тыкалъ всюду свое хамское рыло, жадными глазами разсматривалъ разныя дорогія мнѣ вещицы. Нѣкоторыя онъ кидалъ съ пренебреженіемъ, другія же клалъ отдѣльно, какъ бы обрадованный находкою. Окончивъ осмотръ чемодана, онъ принялся за мою персону.

— А ну раздѣвайся.

Я снялъ съ себя верхнее платье.

— Гдѣ цирюльникъ? Позвать его!

Цирюльникъ былъ уже наготовѣ, съ ножницами и бритвою.

— А ну стриги и брей его!—(Я говорю его языкомъ, и голосъ его до сихъ поръ слышится мнѣ).—Ишь какіе волосы отпустилъ!

Цирюльникъ поставилъ мнѣ стулъ, и я сѣлъ. Онъ запустилъ свою грязную гребенку въ мои волосы, вплотную съ кожею, и сталъ рѣзать какъ попало, лишь бы поскорѣе обстричь меня подъ гребенку, потомъ вынулъ мыло, грязную кисть и бритву. Я думалъ, что онъ будетъ брить мнѣ еще пушистую мою бороду и усы, но, взмыливъ кисть, онъ сразу намылилъ мнѣ лобъ, темя и всю переднюю половину головы, отъ уха до уха. Тяжело отозвались въ сердцѣ моемъ грубыя слова и совершаемыя надо мною нахальныя дѣйствія мнимаго посрамленія, но бритья головы вынести я не могъ: я вскочилъ со стула, закричавъ: «Что это?» и выбѣжалъ въ другую комнату, куда ушелъ плацъ-майоръ, надѣясь найти въ немъ, какъ въ человѣкѣ болѣе образованномъ, защиту отъ такого насилія, и, увидя его стоящимъ у окна, сказалъ:

— Развѣ нужно мнѣ брить голову?—Прошу васъ, остановите ихъ!

Плацъ-майоръ, увидѣвъ меня съ намыленной головою и услышавъ обращенную къ нему просьбу, вышелъ изъ комнаты и, казалось, принялъ мою сторону.

Не помню, что онъ сказалъ командиру, наложившему на меня свои поганыя руки, но тотъ отвѣтилъ:

— Я иначе не приму его въ роту.

Плацъ-майоръ, какъ видно, былъ не только хищенъ, но и труслнвъ; онъ не нашелся ничего сказать и вышелъ снова изъ комнаты, предоставивъ меня моей судьбѣ. Я долженъ былъ снова сѣсть, и мнѣ обрили переднюю половину головы отъ уха до уха, потомъ принесли казенное арестантское платье. Я снялъ часы, жилетъ и брюки; оставили на мнѣ только бѣлье, въ которомъ я пріѣхалъ, и обувь. Я долженъ былъ надѣть сѣрые арестантскіе штаны, сѣрую куртку съ квадратной, темной заплатой на спинѣ, изношенный полушубокъ и сѣрую шапку, безъ козырька, съ двумя темными полосами на крестъ. Затѣмъ вошли унтеръ-офицеръ съ нашивками и конвойный солдатъ съ ружьемъ, и приказано было меня отвести въ арестантскую роту.

Такъ исполнился надо мною приговоръ—я обращенъ былъ, по наружности, въ арестанта...

VIII.

Я вышелъ на большую площадь крѣпости въ сопровожденіи моихъ спутниковъ. Было уже темно. Мы шли съ полверсты по ровному мѣсту и затѣмъ прошли по отлогому спуску и, нисходя, подошли къ гауптвахтѣ, откуда вышли стоявшій въ караулѣ офицеръ и съ нимъ солдатъ съ ключомъ. Мы спустились еще ниже (это былъ высокій правый берегъ Днѣпра), подошли къ каменной стѣнѣ острога и остановились у его входной калитки.

Меня впустили съ унтеръ-офицеромъ на небольшой дворъ, обнесенный стѣною. Толстая калитка захлопнулась съ шумомъ. Поднявшись нѣсколько ступенекъ отъ земли, мы вошли въ просторныя сѣни и оттуда въ общую арестантскую камеру. Она имѣла видъ большого корридора съ высокимъ потолкомъ. Посрединѣ былъ проходъ и по сторонамъ нары въ два этажа.

Полумракъ и говоръ многочисленной толпы со всѣхъ сторонъ, какъ бы жужжаніе пчелъ въ большомъ ульѣ, при звукахъ болтающихся на ногахъ цѣпей и движенія во всѣхъ углахъ, поразили мой взоръ и слухъ и при этомъ воздухъ спертый обдалъ меня вдругъ. Я остановился, переступивъ порогъ, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ представившагося мнѣ никогда еще невиданнаго мрачнаго жилища людей, и сколькихъ людей,—живущихъ, движущихся, говорящихъ и смѣющихся въ этой обители скорби и неволи!

Я стоялъ, пораженный этимъ зрѣлищемъ. Унтеръ-офицеръ, меня сопровождавшій, увидѣвъ, что я не иду за нимъ, сказалъ: «идите сюда». Я пошелъ. Дойдя почти до половины камеры, онъ остановился съ лѣвой стороны и указалъ мнѣ мѣсто на нарахъ. Я взошелъ на нары, и такъ какъ рядомъ съ указаннымъ мнѣ мѣстомъ стояла какая-то кровать, то я сѣлъ на нее; унтеръ-офицеръ сѣлъ внизу на нарахъ, и я осматривался кругомъ. Вниманіе мое привлекала многочисленная движущаяся толпа, мимо меня проходящая и смотрящая на меня съ любопытствомъ. Нѣкоторые останавливались, готовые со мною заговорить, но унтеръ-офицеръ мой, какъ сторожевой песъ, лаялъ на нихъ: «чего стоишь,—кричалъ онъ,—иди, куда шелъ»! Тѣ уходили, но они замѣнялись все новыми, наконецъ, уставъ кричать, онъ замолкъ. Вотъ идетъ высокаго роста, плечистый арестантъ, въ кандалахъ, бѣлый, какъ альбиносъ. Онъ медленно подходитъ и, поровнявшись со мною и наклонившись ко мнѣ на край кровати, говоритъ:

— Вы откуда, землячокъ,—позвольте спросить?

— Я изъ Петербурга, а почему вы называете меня землячкомъ?

Тутъ подошелъ другой и, услышавъ мой вопросъ, сталъ рядомъ съ предыдущимъ и сказалъ:

— А это, видите, онъ такъ спроста всѣхъ новыхъ знакомыхъ готовъ принять за земляковъ.

— А! я не зналъ, что тутъ такъ говорятъ,—по благорасположенію.

— Такъ, такъ! Видите, сударь,—у насъ вѣдь народъ разный и разно расположенъ. Другой ни съ кѣмъ не говоритъ, какъ звѣрь, а другіе добродушны, любятъ болтать...

Тутъ мой церберъ опять разсвирѣпѣлъ и разогналъ останавливавшихся около меня. Набросившись, какъ собака, онъ кричалъ:

— Вонъ пошелъ, ишь дьяволы, сбродъ каторжный, а, проклятые!..

Нѣкоторые, уходя, огрызались:

— Ишь какой сердитый сегодня,—говорилъ одинъ,—что ты, объѣлся чего?! Толкается еще,—я те толкну, такъ съ ногъ слетишь,—тутъ было крѣпкое, для печати неудобное, ругательство.

Посидѣвъ еще нѣсколько минутъ и видя людей все подходящихъ и отгоняемыхъ, я подумалъ: «Да что это за напасть! Сидѣлъ я 8 мѣсяцевъ въ казематахъ, людей не видѣлъ, а тутъ съ людьми вмѣстѣ, и ихъ отъ меня гонятъ!» Я всталъ и пошелъ въ толпу вдоль комнаты. Такъ прохаживаясь, я наталкивался въ узкомъ проходѣ, останавливался и говорилъ то съ тѣмъ, то съ другимъ. Унтеръ-офицеръ слѣдилъ за мной и все отгонялъ отъ меня людей.

— Скажите, пожалуйста, для чего вы ихъ отъ меня отгоняете?—спросилъ я его. Онъ остановился, посмотрѣлъ на меня и какъ будто не зналъ, что отвѣчать, потомъ сказалъ:

— Приказано смотрѣть за вами...Тутъ народъ каторжный,—потомъ, обернувшись, продолжалъ кричать на останавливающихся. Но какъ онъ ни кричалъ, все подходили и говорили со мной, а я все разсматривалъ вокругъ.

Двойныя нары—нижнія и верхнія на толстыхъ столбахъ, съ глубокими зарубками, по которымъ люди влѣзали наверхъ. Освѣщеніе было самое плохое: къ столбамъ, которые были безъ зарубокъ, прибиты были полочки, и на нихъ горѣли какіе-то грязныя, масляныя, первобытнаго устройства лампы.

Посрединѣ камеры была положена поперечная, лежавшая концами на верхнихъ нарахъ, широкая, толстая, деревянная полка—съ возвышенною досчатою спинкою, на уровнѣ съ верхними нарами, и на ней установлены были образа, между ними стоялъ въ серединѣ большой образъ, и передъ нимъ горѣла лампада. Вѣроятно, образа эти были подарены арестантской ротѣ благотворителями. Мѣстами на нарахъ постланы были грязные тюфяки изъ толстаго подкладочнаго холста, ничѣмъ не покрытые, на нѣкоторыхъ лежали полураздѣтые люди. Всюду грязь, народу много. Арестанты сидѣли кучками, разговаривая, иные прохаживались, сталкиваясь, нѣкоторые съ синеватыми клеймами на лбу и на скулахъ,—на ногахъ ихъ звенѣли кандалы.

Унтеръ - офицеръ, которому я былъ, какъ видно, порученъ для особаго надо мною надзора и для моего благополучія, въ охрану отъ назойливыхъ арестантовъ, усталъ уже кричать и ходить за мной. Но и я усталъ и сѣлъ на мое прежнее мѣсто. Тутъ мой надзиратель спросилъ меня:

— Можетъ быть, вы хотите покушать? Арестанты уже повечеряли.

Я былъ голоденъ, такъ какъ, въ надеждѣ на отдыхъ по прибытіи въ Херсонъ, съ 12 часовъ дня, послѣ послѣдней закуски въ дорогѣ, ничего не ѣлъ, и потому попросилъ дать мнѣ, что есть. Мнѣ принесли въ посудѣ какую то жидкость въ родѣ супа и большой кусокъ чернаго хлѣба. Я попробовалъ: это была теплая похлебка съ какою-то крупою, отбивавшая особымъ вкусомъ и запахомъ свиного сала. Съѣвъ нѣсколько ложекъ, я не могъ больше ѣсть по сальному, показавшемуся мнѣ съ непривычки противному вкусу, и набросился на хлѣбъ, который былъ хорошо выпеченный, ржаной, и я наѣлся имъ порядочно. Захотѣлось пить, и, освѣдомившись, гдѣ вода, я нашелъ въ сѣняхъ въ кадкѣ свѣжую воду и ковшъ. Деревянную ложку и чашку, изъ которыхъ я ѣлъ супную кашицу, сказано было мнѣ сохранить для себя и поставить на полочку у стѣны. Затѣмъ я спросилъ унтеръ-офицера:

— А гдѣ же я буду спать,—на этой кровати?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—это моя кровать...А вотъ здѣсь около меня на нарахъ.

Нары были голыя, и постели на нихъ не было никакой. Слова его меня смутили не столько суровостью ночлега, сколько новымъ нравственнымъ оскорбленіемъ: у него въ ногахъ на полу!—Но постель его, назначенная не для меня, была поганая, на ней былъ жесткій тюфякъ, прикрытый какою-то грязною дерюгою.

Здѣсь надо мнѣ пояснить недосказанное: при пріемѣ меня въ плацъ-майорской канцеляріи вещи мои собственныя у меня были всѣ отобраны, но, какъ уже упомянуто было выше, надѣтое на мнѣ бѣлье и обувь были оставлены, а также и моя небольшая кожаная дорожная подушка. Она стояла внизу, прислоненная къ задней ножкѣ кровати. По отвѣтѣ унтеръ-офицера, я сошелъ сейчасъ же съ кровати, взялъ мою подушку, прислонилъ ее къ стѣнѣ и сѣлъ на свое мѣсто на нары.

Въ это время за кроватью я услышалъ разговоръ арестантовъ на турецкомъ языкѣ. Турецкій языкъ былъ мнѣ какъ бы чѣмъ-то роднымъ; я вѣдь окончилъ курсъ въ университетѣ оріенталистомъ, и турецкій языкъ, мнѣ знакомый, былъ для меня пріятнымъ воспоминаніемъ. Я отчасти понималъ ихъ народное нарѣчіе и содержаніе ихъ разговора: обо мнѣ, съ участіемъ, говорилось приблизительно слѣдующее:

— Должно быть, онъ издалека... Молодъ еще и совсѣмъ не похожъ на здѣшній людъ... Что-нибудь особенное случилось... Такихъ сюда не привозили.

Услышавъ эту рѣчь и ихъ разговоръ обо мнѣ, я всталъ, подошелъ къ нимъ и увидѣлъ сидящихъ на нарахъ нѣсколькихъ турокъ, различнаго возраста. Одинъ былъ въ чалмѣ, какъ мулла, другіе—съ непокрытыми и бритыми до половины, какъ у меня, головами. Они сидѣли на нарахъ съ поджатыми ногами. Лица ихъ были красивыя, смуглыя, восточнаго типа, видъ ихъ былъ болѣе опрятный, чѣмъ прочихъ арестантовъ. Присутствіе ихъ здѣсь меня обрадовало, и, остановившись передъ ними, я громко привѣтствовалъ ихъ на родномъ ихъ языкѣ:

— Эс-селамунъ-алейкумъ (поклонъ вамъ)!

При этихъ словахъ они всѣ разомъ отвѣтили мнѣ обычнымъ для мусульманина возвращеніемъ привѣтствія: «Ве Алейкумъ Эс-селамунъ!» (т.-е. и вамъ поклонъ). Затѣмъ они пригласили меня сѣсть промежъ нихъ, посторонившись и давъ мнѣ лучшее мѣсто. Турокъ въ чалмѣ обратился ко мнѣ съ вопросомъ на турецкомъ языкѣ, откуда я и какъ я знаю ихъ языкъ?

Я объяснилъ имъ, что я изъ Петербурга и очень радъ встрѣтить ихъ и слышать ихъ родной языкъ.

— Развѣ тамъ говорятъ на нашемъ языкѣ? — спросилъ меня мулла.

Я отвѣтилъ, что тамъ никто не говоритъ по-турецки, но есть большое училище, гдѣ учатъ разнымъ наукамъ и языкамъ, и турецкому тоже, и я учился ихъ языку въ этомъ училищѣ.

Они обошлись со мною очень привѣтливо и участливо. Я самъ былъ радъ этой находкѣ (люди эти впослѣдствіи стали моими добрыми товарищами и вѣрными слугами, окружавшими меня своею предупредительностью).

— Ну ты, Мустафа!..—закричалъ вдругъ унтеръ-офицеръ, увидѣвъ меня среди нихъ, да еще и говорящимъ по-турецки!...—Слышь ты, Махмедъ!.. Я тебя вытурю отсюда!

— Зачѣмъ? Мы про тебя не говоримъ...

— Вонъ отсюда!—закричалъ онъ, набросившись, но никто не тронулся съ мѣста...—Вишь, собачьи пятки, еще по-турецки—вонъ пошли!...

— Будемъ по-русски говорить,—отвѣчалъ Махмедъ, смѣясь.—Тутъ вмѣшался мулла:

— Развѣ мы что дурное дѣлаемъ, что ты кричишь?—мы по-турецки говоримъ всегда.

— Не смѣть по-турецки говорить, вонъ отсюда!—Онъ началъ разгонять ихъ, стаскивая съ мѣстъ и тумаками,—турки упирались, хватали его то за одну, то за другую руку и сдерживали буйство.

Я сидѣлъ на нарахъ среди турокъ съ поджатыми, какъ они, подъ себя ногами, и съ любопытствомъ смотрѣлъ на глупое бѣшенство моего надзирателя и на деликатное сопротивленіе толкаемыхъ турокъ, но скоро случилось особое обстоятельствое, повліявшее на дальнѣйшій ходъ дѣла.

Вошелъ въ камеру какой-то новый человѣкъ въ полушубкѣ, тоже арестантъ, уже немолодой, средняго роста, полный, съ красивымъ лицомъ. Онъ подошелъ прямо къ нашей компаніи и обратился ко мнѣ, что отвлекло унтеръ-офицера отъ турокъ.

— Я видѣлъ уже васъ въ канцеляріи,—сказалъ онъ,—когда васъ обезображивали! Это вѣдь изверги, глупцы все...

Я вспомнилъ, что видѣлъ его въ канцеляріи, сидѣвшимъ за письменнымъ столомъ... Унтеръ-офицеръ опять встревожился, но новопришедшій закричалъ на него:

— Что ты, съ ума сошелъ, что ли? Чего ты пристаешь! Убирайся!..

Слова эти, сказанныя громко и рѣшительнымъ тономъ, видимо, смутили и привели въ замѣшательство усердствующаго по службѣ нарушителя тишины, и онъ притихшимъ голосомъ сказалъ:

— Антонъ Николаевичъ! Вѣдь вы сами слышали, какъ мнѣ приказано смотрѣть?

— Ну да! Я слышалъ, что тебѣ приказано смотрѣть, а не ругаться тутъ и шумѣть. Дурачина! И безъ тебя уже довольно тутъ горя новому человѣку!—Унтеръ-офицеръ замолкъ и какъ бы образумился. Онъ пересталъ надоѣдать, и его надзора я больше не чувствовалъ. Пришедшій назвалъ меня по имени и отчеству и сказалъ мнѣ:

— Я поторопился пораньше вернуться сюда, чтобы познакомиться съ вами и, сколько могу, утѣшить васъ въ этой судьбѣ вашей, приведшей васъ сюда, какъ и меня.

— Позвольте узнать, кто вы,—спросилъ я его,—отъ кого слышу я такое участіе?

— А я арестантъ, какъ и прочіе, и уже давно здѣсь и привыкъ, а вамъ-то трудно! Да дѣлать нечего, скрѣпите свое сердце и живите съ нами. Будемъ жить вмѣстѣ.—Таковы были приблизительно сказанныя имъ мнѣ слова.

Все происшедшее поглотило мое вниманіе и заинтересовало меня.

— Сядьте здѣсь,—сказалъ мнѣ тотъ же пришедшій. Турки посторонились и дали мѣсто другимъ подошедшимъ сюда же и подсѣвшимъ къ намъ.

— Вотъ рекомендую,—Глущенко, храбрый воинъ русскаго царя, посадившій на штыкъ ротнаго... За правду въ штыки вѣдь можно?

Я поклонился и подалъ руку Глущенкѣ.

— А вотъ Менщиковъ—капельмейстеръ, первый музыкантъ въ мірѣ!

Передо мною стояли два богатыря: Глущенко—ростомъ выше средняго, коренастый мужъ, во цвѣтѣ лѣтъ, въ кандалахъ, съ обритой продольно съ бока до темянной макушки всей половиной головы, смуглый, рябоватый, съ красивыми закругленными чертами лица и горбатымъ носомъ. Подробности совершеннаго имъ дѣйствія мнѣ мало извѣстны, но послѣдствія жестокаго надъ нимъ тѣлеснаго наказанія запечатлѣлись на его глубоко исполосованной шпицрутенами спинѣ (объ этомъ будетъ упомянуто въ дальнѣйшемъ описаніи). Богатырь душою и тѣломъ, онъ былъ тихъ и кротокъ, какъ овца, никогда не выражалъ сожалѣнія о совершившемся и не вымаливалъ себѣ прощенія, но былъ бодръ, веселъ и склоненъ къ побѣгу. Нельзя не упомянуть теперь же, что въ арестантскихъ пляскахъ онъ выступалъ лучшимъ танцоромъ и кандалы придавали его пляскѣ особую прелесть.

Другой былъ мужчина очень высокаго роста, съ большой головой. Онъ былъ обритъ въ поперечномъ направленіи, какъ и я. Черты лица—крупныя, правильныя, лобъ большой и широкій, съ выдающимися висками. Преступленіе, имъ совершенное, было противъ военной дисциплины: будучи помощникомъ капельмейстера въ полковомъ оркестрѣ, онъ возненавидѣлъ своего начальника за его бездарность, поправлялъ его, останавливалъ оркестръ во время репетиціи и, наконецъ, нанесъ ему оскорбленіе при исполненіи имъ служебной обязанности. Въ острогѣ онъ былъ тихъ, спокоенъ, бѣденъ, молчаливъ. Музыкальныхъ инструментовъ у него не было. При случаѣ выпивалъ.

Занялись приготовленіемъ въ глиняной чашѣ какого-то холоднаго жидкаго кушанья. Это была тюря съ чернымъ хлѣбомъ, квасомъ и лукомъ. Квасъ былъ мнѣ пріятенъ, и эта кислая похлебка была гораздо вкуснѣе принесеннаго мнѣ жидкаго супа. Я ѣлъ вмѣстѣ съ ними, чувствуя себя уже не одинокимъ, а съ людьми мнѣ доброжелательствующими. Не помню, что тутъ было говорено, но печали не было замѣтно ни на лицахъ, ни въ бесѣдахъ раздѣлявшихъ со мною вечернюю трапезу,—они болтали, смѣясь и остря.

Наступала ночь, движеніе, ходьба уменьшались, шумъ и говоръ смолкали; бо̀льшая часть лежала на нарахъ. Одинъ изъ сосѣдей предлагалъ мнѣ свой тюфякъ, и меня къ принятію его уговаривали со мною ужинавшіе, но я отказался вѣжливо отъ оказанной мнѣ любезности и соединеннаго съ нею одолженія и предпочелъ досчатыя нары. У меня была подушка и больше ничего для ночлега, но я былъ молодъ, здоровъ и достаточно уже окрѣпъ въ дорогѣ отъ быстраго движенія по морозному воздуху. Все же, однако, къ тому небывалому еще въ моей жизни ночлегу надо было какъ-нибудь приловчиться; я снялъ толстые сѣрые брюки и подложилъ ихъ подъ себя, вмѣсто постели, а полушубкомъ, который, по моему малому росту, былъ для меня достаточно длиненъ, я закрылся и усталый растянулся. Унтеръ-офицеръ мой скоро захрапѣлъ на своей кровати. Вдругъ вижу я, идетъ вновь уже вышеупомянутый высокій, бѣлобрысый арестантъ, назвавшій меня землячкомъ, останавливается передъ образами и, ставъ на колѣни, поднявъ обѣ руки и запрокинувъ голову, полголоса говоритъ: «Господи! прости, прости меня грѣшнаго!» Постоявъ такъ неподвижно съ поднятыми къ образамъ руками, онъ творитъ земной поклонъ и остается тоже нѣкоторое время въ этомъ положеніи, приникши къ землѣ головой. Потомъ встаетъ тихо и удаляется на свое мѣсто. Это была его вечерняя передъ сномъ молитва. Она привлекла меня своею простотою и глубокимъ чувствомъ. Арестантъ этотъ именовался Морозовымъ и былъ одинъ изъ интересовавшихъ меня все время и расположенныхъ ко мнѣ людей. Я привсталъ и смотрѣлъ на него съ любопытствомъ, потомъ легъ, но долго не могъ заснуть: такъ много новаго и дающаго матеріалъ совсѣмъ инымъ, чѣмъ прежде, размышленіямъ, представилось глазамъ моимъ.

Не знаю, долго ли я спалъ, но былъ разбуженъ крикомъ и громкимъ ругательствомъ одного изъ спящихъ на нижнихъ нарахъ, противъ меня. Другіе тоже пробудились и сидѣли на своихъ ложахъ, не понимая сначала, какъ и я, что случилось: арестантъ, поднявшій крикъ, вскочилъ съ мѣста и, смотря на верхнія нары, осыпалъ самыми грубыми, самыми отвратительными ругательствами лежавшихъ на нихъ.

— Ты что ругаешься?—спросилъ кто-то сверху...

— А! Проклятые! Течетъ сверху...

Онъ бросился по столбу наверхъ и, схвативъ одного лежавшаго, выпихнулъ его внизъ. Тотъ свалился и сталъ ругаться и кричать, послѣ чего началась драка.

Проснулись всѣ, и дежурный унтеръ-офицеръ, спавшій преспокойно до сихъ поръ, вмѣшался въ крикъ и въ драку, своими кулаками успокаивая дравшихся; свалка сдѣлалась еще бо́льшая. Со всѣхъ сторонъ послышался говоръ, ругательства и смѣхъ. Несчастнаго, сброшеннаго внизъ и, вѣроятно, сильно ушибшагося, молившаго уже о пощадѣ, заставили уйти на ночлегъ въ сѣни.

Послѣ этого все успокоилось, и заснули вновь. Второй разъ я проснулся, все было тихо, слышенъ былъ храпъ, всѣ спали—также и дежурный. Я всталъ, вышелъ въ сѣни—тамъ спалъ въ уголкѣ провинившійся; я вышелъ на дворъ. Было темно и холодно и дулъ сильный вѣтеръ; я былъ въ одной курткѣ, безъ штановъ и безъ шапки и хотѣлъ было вернуться за полушубкомъ и шапкою, но думалъ: «А! все равно, беречься не для чего!» Вернувшись обратно, я снова заснулъ крѣпкимъ сномъ.

IX.

Утромъ я былъ разбуженъ барабаннымъ боемъ,—били утреннюю зарю. Уже начинало свѣтать, арестанты вставали, унтеръ-офицеры кричали и торопили выходить. Всѣ шли сначала въ сѣни, гдѣ мылись у общей круговой умывалки, — не помню уже, какая она была, кажется, мѣдная; вытирались тряпками,—у каждаго была своя,—у нѣкоторыхъ были полотенца. Подойдя къ умывалкѣ, я былъ окруженъ турками, которые дали мнѣ мыло и полотенце, и я умылся хорошо, въ первый разъ послѣ дороги.

Арестантскія роты, какъ я послѣ узналъ, должны были содержаться въ большой чистотѣ, но этого не соблюдалось, и во всемъ было неряшество. Бѣлье должно было перемѣняться еженедѣльно и отдаваться въ стирку на счетъ казны, но этого не дѣлалось. Всѣ были грязны, въ заношенномъ бѣльѣ. Въ замѣну чистоты и порядка дарованы были нѣкоторыя льготы распущенности. Каждый содержалъ себя по своему. Прежде, разсказывали мнѣ арестанты, въ арестантскихъ ротахъ жить было «далеко лучше»: были у каждаго, по положенію, постели и вся обстановка и все содержаніе, вообще, было несравненно лучше настоящаго, но однажды, въ какомъ-то году, говорятъ, Императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ одну арестантскую роту и, увидѣвъ такое тихое и мирное житіе, нашелъ, что имъ лучше, чѣмъ въ полкахъ солдатамъ, и тутъ же вызывалъ охотниковъ на службу, но таковыхъ не нашлось! Тогда онъ велѣлъ отнять постели и содержаніе ихъ сдѣлать суровымъ. Охотниковъ же не нашлось не потому, чтобы въ арестантскихъ ротахъ жить кому-либо было желательно,—уже одна неволя отнимаетъ всякое желаніе, но въ полкахъ было ужъ очень скверно, — 25-ти-лѣтняя служба и постоянная муштровка съ побоями были хуже неволи.

Шумъ, говоръ, смѣхъ, порою ругательства, звонъ кандаловъ, хожденіе туда и сюда людей, отъ тѣсноты сталкивающихся и обмѣнивающихся разными непривѣтными словами, были началомъ дня. Затѣмъ раздавались крики начальствующихъ: «Выходи, выходи... На работу,—чего стоишь? пошелъ!..» и т. п. Всѣ торопились, выходили на дворъ. Камера опустѣла, остались немногіе, въ томъ числѣ и я, такъ какъ я не былъ побуждаемъ къ выходу. Я вышелъ, однако же, на дворъ; тамъ толпились арестанты, ожидая выхода. Отворилась калитка.—За нею видна была стоявшая вооруженная стража съ гауптвахты, которая принимала выходящихъ и должна была сопровождать ихъ при работахъ.

Вскорѣ дворъ опустѣлъ, и я остался одинъ. Каменная стѣна, высокая и толстая, замыкавшая оба конца острога, окружала этотъ небольшой дворъ. На немъ были два строенія, примкнутыя къ стѣнѣ, противоположной крыльцу,—кухня порядочной величины—справа, а у лѣваго угла стѣны солидное для столькихъ жителей ретирадное мѣсто. Земляная площадь раковистаго известняка имѣла небольшой склонъ отъ острога, стоявшаго на высокомъ берегу надъ Днѣпромъ. Зданіе острога, какъ и строенія на дворѣ, были каменныя, обветшалыя — «временъ очаковскихъ и покоренія Крыма». На дворѣ стояло одно большее дерево, по стволу и вѣтвямъ котораго, хотя и лишеннымъ листьевъ, я могъ полагать, что это бѣлая акація, душистая, столь пріятная мнѣ, видѣнная мною въ другое время моей жизни. Я вошелъ посмотрѣть кухню, тамъ два рослыхъ арестанта, безъ кандаловъ, бритыя, какъ я—спереди назадъ,—затопляли печи и наливали воду въ котлы. Они посмотрѣли на меня съ любопытствомъ и заговорили со мною:

— Вы, сударь, еще не ѣдали нашей пищи—она плохая, да ужъ не отъ насъ,—варимъ, что даютъ. Приходите попозже, дадимъ попробовать. Уже какая есть, такую и ѣдимъ. Если голодны будете, то кушайте больше.

Не помню, какой у меня былъ съ ними дальнѣйшій разговоръ, но они обошлись со мною весьма привѣтливо. (Вообще первое впечатлѣніе обхожденія со мною арестантовъ было для меня ободряющимъ). Побродивъ по двору, я вошелъ опять въ сѣни, но, къ удивленію, не дойдя до входа помѣщенія нашего, я увидѣлъ налѣво другое, точно такое же помѣщеніе, параллельно съ описаннымъ. Оно было полно народомъ. Нѣкоторые арестанты лежали еще, другіе же сидѣли на нарахъ за ручными работами. Повидимому, они всѣ оставались дома, безъ выхода на работы. Я постоялъ у входа, посмотрѣлъ и вошелъ. Тамъ были тоже двойныя нары.

Всѣ были старики, имѣли слабый, болѣзненный видъ. Когда я проходилъ по продольному между двумя рядами наръ проходу, одинъ изъ арестантовъ, въ полушубкѣ, роста выше средняго, полный, сѣдой, съ серьезнымъ лицомъ, подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Вы вчера прибыли къ намъ?

— Да, я прибылъ вчера.

— Позвольте узнать, откуда?

— Изъ Петербурга.

— Какъ ваша фамилія?

Я сказалъ ему мою фамилію.

— Вы, вѣроятно, никогда не видѣли такого жилища людей?

— Да, я не видѣлъ никогда... А вы давно здѣсь находитесь?

— Я то ужъ тринадцатый годъ... Ну, пожалуйте, будьте у насъ гостемъ.

Онъ просилъ меня сѣсть. Я сѣлъ на нары и спросилъ у него, что это за отдѣленіе и отчего отсюда никто, повидимому, не вышелъ на работы.

— Это отдѣленіе неспособныхъ, мы уже отработались и сидимъ дома.

Мало-по-малу завязался у насъ разговоръ; оказалось, что его фамилія Кельхинъ, зовутъ его Александромъ Петровичемъ. Ему было лѣтъ уже около 60-ти, довольно высокаго роста, полный, крѣпкаго тѣлосложенія, красивый мужчина съ короткими, бѣлокурыми волосами, уже почти посѣдѣвшими. Выраженіе лица его серьезное и очень грустное. Съ первой моей встрѣчи съ нимъ онъ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе и, обмѣнявшись съ нимъ нѣсколькими словами, я былъ обрадованъ его близкимъ со мною сожительствомъ. Чѣмъ чаще я его видѣлъ, тѣмъ болѣе онъ меня привлекалъ своимъ тихимъ, спокойнымъ характеромъ и своимъ, превосходящимъ всѣхъ прочихъ моихъ острожныхъ сожителей, умственнымъ развитіемъ. Находка такого человѣка была для меня драгоцѣнна. Узнавъ, что я сосланъ по политическому дѣлу, съ первыхъ же дней пожелалъ онъ узнать о причинѣ моей ссылки изъ Петербурга, и я поинтересовался совершившеюся надъ нимъ жестокою судьбою, приведшею его къ отбыванію 15-лѣтняго срока заключенія въ томъ же острогѣ, въ который я только что прибылъ.

Разсказъ его о внезапно разразившемся надъ нимъ несчастіи представляетъ собою одно изъ характерныхъ явленій того времени, вѣроятно разрушившихъ жизнь весьма многихъ его современниковъ.

Уроженецъ С.-Петербурга, воспитывавшійся въ морскомъ корпусѣ или, можетъ быть, въ одномъ изъ училищъ при немъ, онъ занималъ должность штурмана въ дальнихъ плаваніяхъ. Возвратившись изъ путешествія въ 1825 году, онъ вышелъ въ отставку. Свидѣтель восшествія на престолъ Николая I-го и событія 14 декабря, онъ проживалъ въ столицѣ съ своею матерью, пріискивая себѣ другое мѣсто. Въ 1826 году, безъ всякаго съ его стороны повода, ему приказано было выѣхать изъ столицы. Это было, какъ онъ мнѣ говорилъ, время усиленныхъ строгостей, время подозрѣній, опасеній, причемъ многіе, не имѣвшіе или не успѣвшіе пріискать себѣ опредѣленныхъ занятій, также и отставные, временно проживавшіе безъ оффиціальнаго дѣла, были на всякій случай, для безопасности и охраны престола, высылаемы изъ столицы. Такъ было и съ нимъ; ему приказано было выѣхать изъ Петербурга, но, удивленный такимъ распоряженіемъ полиціи, онъ сталъ разузнавать о причинѣ неожиданно состоявшагося надъ нимъ, безъ всякой его провинности, рѣшенія и хлопоталъ объ отмѣнѣ его. Такъ прошло нѣсколько дней, а затѣмъ надъ нимъ, какъ ослушавшимся Высочайшаго повелѣнія, состоялось другое административное распоряженіе— онъ былъ арестованъ и отправленъ на жительство въ гор. Черниговъ.

Мать его, оставшись въ Петербургѣ, безуспѣшно хлопотала о его возвращеніи и высылала ему пособіе впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, а потомъ онъ вдругъ пересталъ получать отъ нея извѣстія. Она умерла! Лишенный этой небольшой помощи, онъ съ трудомъ жилъ разными занятіями, для которыхъ долженъ былъ и отлучаться иногда изъ города, за что, однако, не подвергался взысканіямъ знавшей его уже полиціи. Полиція смѣнялась, и по временамъ усиливались строгости, и вотъ однажды за самовольную отлучку онъ былъ арестованъ и посаженъ въ тюремный замокъ. Будучи по природѣ горячаго характера, онъ съ трудомъ переносилъ обрушившіяся на него безъ всякаго повода гоненія. При посѣщеніи черниговскимъ губернаторомъ тюрьмы онъ искалъ въ немъ защиты и объяснялъ ему свое дѣло, но губернаторъ обошелся съ нимъ сурово и грубымъ отвѣтомъ на его жалобы вызвалъ въ немъ взрывъ долго превозмогаемаго негодованія: Кельхинъ ударилъ его въ лицо и осыпалъ его ругательствами. Послѣ этого возникло новое дѣло. Оно окончилось конфирмаціей императора Николая, которою повелѣно было сослать его въ херсонскую арестантскую роту военнаго вѣдомства на 15 лѣтъ.

Такова была судьба бѣднаго Кельхина, выведеннаго изъ терпѣнія притязаніями полиціи и беззащитнымъ его положеніемъ. Я засталъ его прожившимъ уже 13 лѣтъ въ херсонскомъ острогѣ, куда и меня судьба занесла случайно подъ фирмою нѣсколько другой провинности.

Съ великимъ любопытствомъ и участіемъ я слушалъ его разсказъ. Съ первой моей встрѣчи съ нимъ и до послѣдняго моего съ нимъ прощанія мы были близкими друзьями, и все время моего пребыванія въ арестантской ротѣ я находилъ утѣшеніе въ бесѣдахъ съ нимъ, но послѣ одиннадцатилѣтней административной ссылки и затѣмъ тринадцатилѣтней жизни въ острогѣ онъ состарился и въ періодѣ уже моей съ нимъ встрѣчи былъ молчаливъ, вялъ и угрюмъ. Прежде онъ работалъ—портняжничалъ, но въ теченіе всего времени моего пребыванія въ острогѣ я не помню, чтобы онъ сидѣлъ за какой-либо работою. Зрѣніе его было уже слабо, онъ прохаживался, какъ бы въ размышленіяхъ, или лежалъ на своемъ мѣстѣ, упавшій уже духомъ и питавшійся только казенною пищею. Чаю никто не пилъ, а водка была въ большомъ ходу.

Ѿ Кельхинѣ я буду часто говорить въ дальнѣйшемъ описаніи. Въ этотъ первый день моего знакомства съ нимъ мы говорили немного.

Камера, въ которую я попалъ случайно, была не столь шумна, но совершенно такая же, какъ и та, въ которую я помѣщенъ былъ на жительство.

Я вышелъ въ сѣни и, пройдя нѣсколько шаговъ, увидѣлъ нашу камеру, расположенную рядомъ, въ параллель съ тою, и вошелъ въ нее. Тамъ оставалось только нѣсколько человѣкъ: одинъ изъ арестантовъ подметалъ жилище и поднималъ большую пыль. Этою же метлою онъ выметалъ и досчатыя нары, а также и грязные тюфяки, которые оставались незавернутыми.

У всѣхъ были изголовья въ видѣ подушекъ. Надъ нарами у изголовій прибиты были къ стѣнѣ полки, и на нихъ лежали куски чернаго хлѣба, большею частью прикрытые тряпками, возлѣ нихъ стояли деревянныя супныя чашки. Дневное освѣщеніе было тоже не достаточное. Окна были только съ одной стороны, на площадь крѣпости, маленькія, низкія, съ мелкими перегородками для вставленія стеколъ. Снаружи желѣзныя перекладины, съ просвѣтомъ не болѣе четвертной доли листа бумаги, отнимали тоже часть свѣта. Пріютившись у этихъ оконъ коегдѣ, сидѣли немногіе арестанты, оказавшіеся больными или задобрившіе унтеръ-офицеровъ для изъятія ихъ въ этотъ день отъ наряда на работу. Иные шили платье, другіе—сапоги. Всюду замѣтна была грязь, особенно на стѣнахъ—онѣ были какъ бы закоптѣлыя. Потолокъ тоже закоптѣлый висѣлъ надъ этою обителью многочисленной толпы. У входа, слѣва, вмѣсто наръ, была большая русская печь, въ которой, какъ я увидѣлъ послѣ, дня черезъ 3, пеклись хлѣбы.

Я спалъ эту ночь отъ усталости, послѣ дороги и столь разнообразныхъ впечатлѣній, довольно хорошо, и не было у меня желанія прилечь теперь.

Справа отъ входа было особое обгороженное досчатое помѣщеніе, пространствомъ около трехъ наръ, съ тѣснымъ проходомъ посрединѣ—это была канцелярія. Я заглянулъ туда, тамъ стоялъ столъ и на нарахъ спалъ дежурный унтеръ-офицеръ. Рота имѣла фельдфебеля, который безпрестанно отлучался, и я его еще не видѣлъ или не зналъ.

Это былъ высокій, жирный, но блѣдный «держиморда», въ солдатской сѣрой шинели. Я называю его такъ не потому, чтобы онъ билъ кого, —этого на моихъ глазахъ не случалось,—но, должно быть, онъ былъ привыченъ къ тому по службѣ, такъ какъ нерѣдко приходилъ съ улыбкою и, потирая руки, говорилъ: «Эхъ! Прекрасная погода, да бить некого». И дѣйствительно бить было некого: арестанты держали себя хорошо и сами наблюдали за порядкомъ. Фамилія фельдфебеля была Савельевъ; звали его, сколько помнится, Григорій Матвѣевичъ, и всѣ обращались съ нимъ почтительно. Онъ былъ непосредственный начальникъ надъ обѣими камерами, и унтеръ-офицеровъ, ему подчиненныхъ, было человѣкъ восемь. Мой надзиратель, Керсанфовъ, въ эту пору отсутствовалъ, я былъ безъ особаго присмотра, запертый почти въ пустой камерѣ.

X.

Возвратившись въ мое отдѣленіе, я ходилъ, не зная, что дѣлать. Все видѣнное съ перваго взгляда было еще ново и неизвѣстно мнѣ въ подробностяхъ. Я останавливался и разсматривалъ нары и оставшееся на нихъ имущество. Нижнія нары были не сплошныя, наглухо вдѣланныя, но ряды поднимающихся досокъ, подъ которыми было пустое пространство. Онѣ были высоты обыкновенныхъ стульевъ, для возможности сидѣнья. На извѣстномъ разстояніи, обнимающемъ 8—10 отдѣльныхъ помѣщеній ночлега, стояли толстые столбы, и въ нихъ сдѣланы были глубокія зарубки для влѣзанія на верхнія нары. Дойдя до послѣдней стѣны камеры, я полюбопытствовалъ заглянуть въ верхній этажъ помѣщеній и влѣзъ по столбу на верхнія нары. Онѣ были точно такія же, но подъ низкимъ потолкомъ, такъ что, войдя туда, нельзя было выпрямиться, не стукнувшись головой въ потолокъ, надо было, даже при моемъ маломъ ростѣ пригнуться, чтобы пройти далѣе. Посмотрѣвъ съ одного конца, я удовольствовался этимъ и спустился внизъ. Здѣсь, видя человѣкъ трехъ работавшихъ, я подошелъ къ нимъ и познакомился съ каждымъ. Они объяснили мнѣ, что остались для работы; работа эта ихъ собственная, которую они сбываютъ на базарѣ знакомымъ имъ торговцамъ и торговкамъ за очень дешевую цѣну, и деньги заработанныя остаются у нихъ; они справляютъ себѣ различныя надобности въ бѣльѣ и пищѣ. Одинъ изъ нихъ, маленькій ростомъ, худой, лѣтъ сорока, съ обритою продольно одною половиною головы и въ кандалахъ, сидѣлъ углубленный въ башмачную работу. Я подошелъ къ нему и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Онъ обошелся со мною привѣтливо и, минутно прерывая спѣшную, повидимому, работу, бесѣдовалъ со мною; фамилія его была Дамскій. Онъ находился въ острогѣ уже 8-й годъ. Неловко какъ-то показалось мнѣ спрашивать объ обстоятельствахъ, приведшихъ его сюда, и я ничего объ этомъ не говорилъ, но освѣдомлялся о его прежнемъ мѣстѣ жительства, объ успѣшности его работъ и т. п.

Впослѣдствіи, какъ я узналъ, такіе вопросы и не были въ обычаѣ между арестантами,—мало ли кто за что провинился, и Богъ знаетъ, что ему въ жизни пришлось продѣлать и перенести. Иному тяжело на сердцѣ и вспомнить свои прежніе проступки, о которыхъ онъ не желаетъ говорить. Все уже прошлое, можетъ быть, и давно минувшее и прежнія его дѣянія, если были укоряющія совѣсть, давно осуждены имъ самимъ и искуплены тягостью послѣдовавшей жизни. Вопросъ о винѣ изгнанъ изъ разговоровъ арестантовъ. Многіе, не стыдящіеся своей вины, даже гордящіеся ею, сами разсказываютъ о ней товарищамъ, но о томъ не спрашивается. Таковы деликатные, благочестивые обычаи неписаннаго, но молчаливо соблюдаемаго всѣми арестантами кодекса. Вина Дамскаго, однако же, разсказана была мнѣ впослѣдствіи, и она не была изъ числа срамящихъ человѣка, но могла бы быть разсказана всенародно.

Родомъ донской казакъ, не довольствуясь обыкновенными дѣлами, онъ нашелъ болѣе выгодный способъ пріобрѣтенія себѣ имущества, давая имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и жизнь множеству по тогдашнему времени безпріютныхъ странниковъ—большею частью бѣглыхъ изъ крѣпостной зависимости. Онъ снабжалъ людей паспортами своего произведенія, искусно выдѣлываемыми. Онъ являлся на ярмарку, и къ нему стекались всѣ нуждающіеся и обремененные заботою жизни, не имѣющіе покоя, и онъ успокаивалъ ихъ. Такъ дѣло велось многіе годы. Неимущихъ онъ снабжалъ паспортами за малую плату, а съ состоятельныхъ бралъ большія деньги, но такихъ было мало.

— Ко мнѣ приходило множество людей,—говорилъ онъ, — бѣглые, просрочившіе, не желавшіе вернуться на мѣста ихъ жительствъ. Крѣпостная наша Русь полна бѣглыми, и бѣгутъ они все болѣе въ наши края, — въ Донщину, Черноморье, Ростовъ, Таганрогъ... У каждаго были приведены свои причины, — ихъ вѣдь много, всякаго рода... Я уже не разбиралъ причинъ, а кто просилъ, тому и давалъ: мало ли кто почему желаетъ гдѣ жить или не жить. Всякій, видите ли, воленъ жить, гдѣ хочетъ, а тутъ ему говорятъ: «живи здѣсь!»

Таковъ былъ Дамскій, всегда молчаливый, его не было слышно, и онъ усердно работалъ.

Всѣ арестанты, какъ я узналъ, раздѣлялись на вѣчныхъ и срочныхъ. Вѣчными назывались осужденные на 15 лѣтъ. Названіе это, конечно, несоотвѣтственно — оно употребляется въ смыслѣ пожизненности. Послѣ 15-ти-лѣтней жизни въ арестантской ротѣ люди, конечно, уже настолько измѣняются, что послѣдующую жизнь ихъ, если кто переживетъ этотъ срокъ, нельзя и считать продолженіемъ прежней. И дѣйствительно, прожившій 15 лѣтъ въ острогѣ едва ли на что-либо годится. Вѣчные арестанты носили кандалы и были бриты боковой половиной всей головы, что сильно обезображивало видъ, гораздо болѣе, чѣмъ бритыхъ со лба. Ихъ куртки и штаны были съ одной половины сѣрыя, съ другой—темно-бурыя. Дамскій принадлежалъ къ числу такихъ вѣчныхъ.

Въ этотъ же день я познакомился съ упомянутымъ фельдфебелемъ Савельевымъ. Несмотря на свою природную и пріобрѣтенную на службѣ грубость, онъ обошелся со мною вѣжливо, называлъ меня «Вы» и по имени и отчеству. Онъ подошелъ ко мнѣ и сообщилъ, что обо мнѣ спрашивали его комендантъ и плацъ-майоръ.

Вскорѣ послышался шумъ, говоръ и шаги входящей толпы, со звономъ цѣпей. Наряды, вышедшіе отдѣльными партіями, возвращались въ роту для обѣда и получасового затѣмъ отдыха. Придя, они побрели по своимъ мѣстамъ и сейчасъ же каждый бралъ свою посуду и шелъ въ кухню, гдѣ наливалась каждому пища; они были голодны, наработавшись и съ вечера ничего не ѣвши. И я то же послѣдовалъ общему шествію, отправился со своею посудой и получилъ большую порцію сваренной кашицы. Всѣ усѣлись на нары по своимъ мѣстамъ и стали ѣсть. Обѣдъ, состоявшій въ будніе дни изъ одного кушанья, скоро былъ съѣденъ. Проголодавшись порядочно, и я ѣлъ. Унтеръ-офицеры, сопровождавшіе рабочихъ, тоже ѣли. Они почти всѣ были женатые и въ свободное отъ службы время уходили домой и были угощаемы домашнею пищею. Потомъ, послѣ кратковременнаго отдыха, приготовлялись всѣ вновь къ отходу и раздавались вновь крики: «Выходи, выходи...»—и всѣ ушли, и я остался опять въ почти пустой казармѣ. Не помню въ точности, что я дѣлалъ до вечера. Я зашелъ опять къ неспособнымъ и бесѣдовалъ съ Кельхинымъ и узнавалъ все болѣе о жизни и жителяхъ острога. Онъ познакомилъ меня съ нѣкоторыми изъ своихъ сожителей, между которыми остались въ памяти немногіе, и между ними стоитъ передъ моими глазами, какъ живой, старикъ высокаго роста, худой, съ бѣло-блѣднымъ лицомъ, сѣдой, по прозванію Вороновъ—объ немъ будетъ многое разсказано ниже.

Неспособныхъ уже не брали, и я не помню, чтобы между ними былъ кто-либо въ кандалахъ. Тамъ былъ народъ большею частью уже слабый, не только по отношенію къ работамъ, но и отъ долгаго сидѣнія потерявшій всю энергію жизни и маломыслящій. Они были неразговорчивы, много спали и ровно ничего не дѣлали. Посидѣвъ въ камерѣ неспособныхъ, я вышелъ вновь на дворъ, но было холодное зимнее время, оставаться на дворѣ было невозможно, снѣгу не было, погода была вѣтряная и гололедица, и я долженъ былъ возвратиться въ нашу камеру. Меня еще интересовала новая обстановка моей жизни, но уже на второй день къ вечеру я не зналъ, что дѣлать, и началъ томиться въ моей новой просторной тюрьмѣ, да еще меня озадачивала уже находка на мнѣ вшей, начинавшихъ по мнѣ ползать. Эта новая пакостная бѣда, еще не испытанная и въ одиночномъ заключеніи, къ которой надо было привыкнуть. Я былъ безъ всякаго дѣла и безъ малѣйшаго развлеченія, ходилъ, сидѣлъ, ложился и вновь вставалъ и ходилъ,—такъ дожито было до вечера. Въ сумеркахъ послѣдовало возвращеніе арестантовъ съ работы—опять шумъ, говоръ, бряцаніе цѣпей, вечерняя ѣда той же самой жидкой кашицы. Позже уже вернулся изъ канцеляріи вчера столь неожиданно представшій передо мною человѣкъ. Онъ вновь привлекъ меня своимъ участіемъ и пригласилъ сѣсть на нары, имъ занимаемыя.

Фамилія его была Биліо, имя Антонъ Николаевичъ, онъ былъ человѣкъ средняго роста, лѣтъ 40 отъ роду, съ головой почти лысой на лбу и темени, окаймленной сзади и по сторонамъ вьющимися прядями бѣлокурыхъ волосъ. Бритъ онъ не былъ, вѣроятно, для приличія въ канцеляріи между писцами. Кожа лица и рукъ бѣлая, черты лица не лишенныя красоты, глаза голубые и взглядъ большею частью серьезный. Онъ имѣлъ нѣкоторый образовательный цензъ, превышавшій всѣхъ прочихъ, кромѣ Кельхина, жителей острога, и начальство пользовалось имъ, какъ хорошимъ исполнителемъ дѣловыхъ бумагъ. Отношенія мои къ этому человѣку были самыя лучшія. Мысли его были либеральныя, и онъ не стѣснялся высказывать ихъ въ кругу арестантовъ и унтеръ-офицеровъ; если же что либо желалъ сказать мнѣ особенное, то выражался ломаннымъ французскимъ языкомъ. Его вечерніе приходы и приносимыя имъ часто городскія новости меня интересовали и были ожидаемы мною, какъ развлеченіе отъ однообразія дня, и его постоянное ко мнѣ вниманіе все болѣе располагало меня къ нему. Такъ было въ первые мѣсяцы моей жизни въ острогѣ. Предшествующую свою жизнь онъ мнѣ никогда не разсказывалъ, и я, конечно, о томъ не спрашивалъ, но по нѣкоторымъ его разговорамъ можно было полагать, что онъ былъ родомъ полякъ. Кельхинъ о происхожденіи его ничего не зналъ, но между арестантами было мнѣніе, что онъ былъ въ Сибири, бѣжалъ оттуда, и что имя и фамилія его были ненастоящія. Какова бы ни была его предыдущая жизнь, но онъ привлекалъ меня своимъ добродушіемъ и участіемъ ко мнѣ. По приходѣ его началась шумная бесѣда, разговоры, разсказы о дѣлахъ дня и встрѣчахъ съ людьми на работахъ.

Турки по временамъ, то тотъ, то другой, подходили ко мнѣ со словами «*ахшамынызъ хайръ-олсунъ*» (добрый вечеръ), освѣдомлялись о моемъ здоровьѣ и приглашали зайти къ нимъ побесѣдовать, и я посѣщалъ ихъ компанію. Они всѣ сидѣли вмѣстѣ. Всѣ были порядочно уставшими и послѣ недолгихъ разговоровъ укладывались спать.—Все смолкло, наступила тишина. На гауптвахтѣ билась вечерняя заря. Я улегся тоже, какъ и въ предыдущую ночь. Меня обсыпали блохи и вши; я чесался и ловилъ ихъ, но не было счета и конца этой ловлѣ. Когда все успокоилось и люди въ большинствѣ уже спали, я услышалъ вновь тихо идущаго въ кандалахъ. Это былъ тотъ же несчастный Морозовъ. Остановившись передъ образами, онъ сталъ на колѣни и произнесъ тѣже самыя мною уже вчера слышанныя слова и затѣмъ, совершивъ продолжительный земной поклонъ, всталъ и ушелъ на свое мѣсто. Что совершилъ онъ въ жизни, что его такъ тяготило и за что онъ такъ усердно молилъ Бога о прощеніи, осталось мнѣ не вполнѣ извѣстнымъ, но короткая и глубокопрочувственная вечерняя его молитва вновь отозвалась въ моемъ сердцѣ особымъ смиряющимъ скорби впечатлѣніемъ, и я лежалъ спокойно и старался заснуть.

Такъ началась моя новая жизнь, и былъ день первый и ночь вторая пребыванія моего въ херсонской арестантской ротѣ.

Д. Ахшарумовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ОПЕЧАТКИ.

Въ статьѣ Л. Н. Яснопольскаго „Развитіе дворянскаго землевладѣнія въ современной Россіи“ „Міръ Божій“ (декабрь 1903 г.) авторъ проситъ исправить слѣдующія главнѣйшія, искажающія смыслъ, типографскія погрѣшности.

Къ цифрамъ стр. 217 пропущена сноска съ указаніемъ источника ихъ: „Цифровыя данныя о поземельной собственности въ Европейской Россіи“. Изд. Мин. Фин. Спб. 1897 г., стр. 16—19“. Въ этой же таблицѣ должно быть: „Псковская губ. 61%, Гродненская 18%“.

Къ таблицѣ на стр. 219: „вычислено по Цифровымъ даннымъ“, стр. 16—19“

					Напечатано:	*Должно быть:*
Стр.	220	4	строка	снизу	—4,8	—1,8
„	„	2	„	„	17.954	17.594
„	224	8	„	„	—%	34%
„	225	7	„	сверху пропущено: (см. таблицу 2 на предыдущей страницѣ)		
„	225	21	„	снизу	155%	145%
„	226	11	„	сверху пропущ.: нечерн. сѣверн.		
„	„	17	„	„	2.100	1.100

Л. Яснопольскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Прошлый годъ въ литературѣ.—Сравнительная бѣдность выдающихся произведеній.—Новое произведеніе А. П. Чехова „Невѣста“.—Драматическія произведенія кн. Сумбатова „Измѣна“ и г. Юшкевича „Чужая“.—Окончательная эволюція г. Меньшикова, или конецъ „мудрой кротости“.

Въ недавно изданныхъ «Очеркахъ развитія русской печати» г. Н. Энгельгардтъ указываетъ, какъ на признакъ паденія «толстой журналистики», на преждевременную смерть цѣлаго ряда журналовъ, ни однимъ словомъ не упомянувъ о причинахъ, обусловившихъ прекращеніе такихъ журналовъ, какъ «Новое Слово», «Начало» и «Жизнь». Какой-нибудь «добрый иностранецъ», который пожелалъ бы по очеркамъ г. Энгельгардта составить себѣ представленіе о развитіи русской журналистики, и въ самомъ дѣлѣ пришелъ бы къ выводу, что внутри самой журналистики есть нѣкій органическій порокъ, не дающій ей развиваться и губящій ее въ самомъ началѣ. Очень вѣроятно, что таково и было, дѣйствительно, намѣреніе автора упомянутыхъ очерковъ — «втереть очки», если не «доброму иностранцу», то россійскому обывателю, до сихъ поръ не утратившему вѣры въ печатное слово. Въ данномъ случаѣ слишкомъ еще свѣжа память о гибели названныхъ журналовъ, но, какъ пріемъ, это умолчаніе quasi-историка очень значительно и поучительно не голько для историка ново-временской школы.

Намъ невольно вспомнилось это умолчаніе, когда, оглядываясь на истекшій годъ въ литературѣ, мы, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, пожелали дать читателю краткую характеристику того, что же далъ этотъ годъ въ нашей литературѣ? «Добрый иностранецъ», мало знающій наши свычаи и обычаи, пришелъ бы къ выводу, мало чѣмъ отличающемуся отъ энгельгардтовскаго: его поразила бы молчаливая и какая-то угрюмая картина, которую представляетъ журналистика истекающаго года. Столько, казалось бы, вопросовъ, самыхъ волнующихъ, столько событій, безпримѣрно громкихъ, столько движенія въ самыхъ застоявшихся уголкахъ нашего обширнаго отечества, — и что же? Въ журналистикѣ,—мы имѣемъ въ виду исключительно «толстые журналы»,—гробовое молчаніе, которое легкомысленные современные историки русской печати могутъ поставить на счетъ упадка журналистики, исключительно занятой, по ихъ словамъ, взаимными перекорами. Но будущій историкъ той же печати, навѣрное, придетъ къ иному выводу.

Оставимъ, однако, исторію историкамъ. Въ качествѣ современника, все же нельзя не подчеркнуть эту щемящую сердце грустную картину — молчаливой литературы на фонѣ мятущейся жизни, той литературы, въ самыя святыя задачи которой входитъ освѣщеніе жизни. Слово — наше орудіе и оружіе въ борьбѣ за благо жизни, и отсутствіе его въ житейской борьбѣ наноситъ огромный ущербъ прежде всего жизни. Въ концѣ концовъ послѣдняя возьметъ свое, но сколько лишнихъ усилій можно бы избѣжать, сколько ненужныхъ страданій и жертвъ можно бы устранить путемъ честнаго, откровеннаго слова, взаимнаго обмѣна мыслей и фактовъ. Вѣдь только наивность (не подберемъ болѣе подходящаго слова) можетъ допустить, что въ такомъ «парламентѣ мнѣній», какъ «Новое Время»,—по опредѣленію бывшаго «мудро-кроткаго» г. Меньшикова,—что-нибудь и для кого-нибудь выясняется. Не встрѣчая противовѣса, лишенное возможности всесторонне и открыто обсуждать текущія явленія, общество больше всего страдаетъ отъ подобнаго «парламента», гдѣ оно встрѣчаетъ все, что угодно, кромѣ дѣйствительно всесторонняго развитія истины.

Какъ ни сѣроватъ и монотоненъ итогъ истекшаго года въ литературѣ, но нельзя не отмѣтить общаго, количественнаго роста послѣдней. Если въ свое время правъ былъ Пушкинъ, говоря, что у насъ нѣтъ литературы, хотя есть выдающіеся литераторы, то теперь мы видимъ скорѣе обратное. Литература выросла и растетъ, расширяетъ постепенно область своего распространенія и вліянія и слагается въ опредѣленныя формы и группы. Вырабатываются новыя формы, совершенствуются старыя и каждое теченіе въ области мысли и искусства находитъ и своихъ яркихъ представителей, и своихъ послѣдователей, и, что въ особенности важно, свою публику. Это разнообразіе придаетъ современной литературѣ нѣсколько пестрый видъ, смущающій иныхъ критиковъ, привыкшихъ къ прежней, уже отходящей въ исторію упрощенной схематичности, къ немногимъ строго опредѣленнымъ типамъ, или лучше сказать—видамъ искусства. Трудно подвести подъ опредѣленныя рубрики всю ту массу изящной словесности, какую далъ одинъ истекшій годъ. Въ драмѣ — «На днѣ» г. Горькаго, въ повѣсти—произведенія г. Короленки «Нестрашное» и «Невѣста» г. Чехова, «Честнымъ путемъ» г. Вересаева и «Человѣкъ» г. Юшкевича, рядъ очерковъ и разсказовъ гг. Куприна («Конокрады»), Серафимовича, Федорова («Земля»), повѣсти и романы гг. Боборыкина, Альбова, Потапенки, Крестовской, и на ряду съ ними масса менѣе видныхъ произведеній новыхъ авторовъ, еще не выяснившихъ своей литературной физіономіи, — таково обширное поле беллетристики въ этомъ году. Не все здѣсь равноцѣнно, есть вещи прямо неудачныя и даже странныя. Таковъ, напр., очеркъ г-жи Догановичъ «Питерячка», повѣствующій на страницахъ «Русской Мысли», какія бываютъ нехорошія кухарки въ Петербургѣ,—очеркъ, который лучше было бы назвать «Преступная питерская кухарка и добродѣтельная московская редакція». Или романъ г. Будищева «Солнечные дни», въ которомъ сдѣлана неудачная попытка примѣнить ничшеанскія идеи къ русской жизни. Заканчивается романъ еще страннѣе—форменнымъ позаимствованіемъ изъ «Идіота» Достоевскаго, именно цѣликомъ взята послѣдняя ужасная сцена, гдѣ Рогожинъ и князь Мышкинъ ночуютъ у трупа

Настасьи Филипповны. Насколько у Достоевскаго эта сцена является необходимымъ мрачнымъ концомъ трагедіи, насколько же повтореніе ея (почти буквальное) въ романѣ г. Будищева является неожиданнымъ и ничѣмъ не мотивированнымъ.

Не менѣе обильна была беллетристика въ видѣ цѣлаго ряда новыхъ сборниковъ и старыхъ, и новыхъ авторовъ. Одно перечисленіе ихъ заняло бы страницу, почему упомянемъ только о нѣкоторыхъ, обратившихъ на себя особое вниманіе. Вышелъ третій томъ разсказовъ г. Короленки, потребовавшій черезъ нѣсколько мѣсяцевъ второго изданія; его же повѣсть «Безъ языка», тоже вышедшая вторымъ изданіемъ въ теченіе года. Сборники гг. Куприна, Серафимовича, Телешова, Юшкевича, Елеонскаго, третье изданіе сочиненій Потапенки, полное собраніе сочиненій Ан. Чехова. Не менѣе обильны были сборники поэзіи, какъ, напр., Бунина (второе изданіе), А. Ѳедорова, рядъ сборниковъ Бальмонта, Гиппіусъ, Мережковскаго, Сологуба, Брюсова и др. Вышли новые переводы сочиненій Гауптмана, Зудермана, Шницлера; новые переводы «Манфреда» Байрона и «Каина». Мы не можемъ привести массы переводовъ менѣе видныхъ авторовъ, которыми отличалась переводная литература въ этомъ году. Нельзя не отмѣтить еще перевода романа Жеромскаго «Пепелище», очень интереснаго по замыслу и по конструкціи, видимо написаннаго подъ сильнымъ вліяніемъ Л. Толстого, именно его «Войны и мира». Хотя какая огромная разница въ исполненіи! Какъ и Толстой, авторъ поставилъ себѣ задачу—нарисовать огромную бытовую картину старой Польши, переноситъ читателя то въ усадьбу стараго шляхтича, то на поля сраженій, гдѣ принималъ участіе польскій легіонъ временъ Наполеона, то въ тайныя общества массоновъ, то къ салоны магнатовъ,—но въ общемъ все это мало связано, отрывочно и часто напоминаетъ не художественную бытовую картину, а скорѣе—романы приключеній съ ихъ самыми неожиданными завязками и развязками.

Этотъ бѣглый обзоръ беллетристики истекшаго года даетъ такіе внушительные результаты, что постоянныя жалобы нѣкоторыхъ критиковъ, особенно среди «журнальныхъ обозрѣвателей» провинціальной печати, намъ представляются мало понятными. Не о бѣдности и скудости литературы приходится говорить, а скорѣе объ отсутствіи объединяющаго начала, синтеза, который выяснилъ бы читателю сложность текущей жизни и тѣмъ помогъ бы ему разобраться въ ней. Такого синтеза нѣтъ, дѣйствительно, и этотъ недостатокъ ощущается все настоятельнѣе. Но причина здѣсь не въ недостаткѣ творческихъ силъ, а въ самой жизни, которая вся находится въ броженіи, въ періодѣ роста и движенія, in statu nascendi, какъ говорятъ химики. Въ такіе моменты всѣ явленія получаютъ особую остроту, яркость и силу, но слить ихъ въ одну, всеобхватывающую картину, возсоздать типъ, главенствующій надъ жизнью, уясняющій ее или направляющій—не по силамъ самому великому художнику, потому что и онъ творитъ только изъ матеріала, доставляемаго жизнью, а этотъ послѣдній недостаточенъ для такого творчества. И художники, и читатели чувствуютъ, что чего-то не хватаетъ въ этой массѣ очерковъ, разсказовъ, повѣстей, драматическихъ сценъ, и обѣ стороны испытываютъ чувство неудовлетворенности и разочарованія. Трудно пока надѣяться, что это состояніе скоро пройдетъ. Великій періодъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, создавшій не менѣе великую литературу, такихъ гигантовъ творчества, какъ Толстой и Достоевскій, и цѣлую плеяду художниковъ въ различныхъ областяхъ искусства, былъ завершителемъ огромной, почти вѣковой работы, начатой еще Новиковымъ и Радищевымъ. А мы стоимъ еще у порога новой работы, органически продолжающей старую, но при совершенно измѣнившихся условіяхъ, не менѣе, если не болѣе сложныхъ, выдвинувшихъ тоже рядъ искателей и аналитиковъ—художниковъ, уже создавшихъ въ общемъ огромную литературу. Каждый изъ нихъ по своему подходитъ къ жизни и ищетъ въ ней отвѣта на мучительные запросы, и не ихъ вина, если жизнь пока не даетъ этого отвѣта.

Но они его ищутъ...

Литература и общество только что отпраздновали двадцатипяти-лѣтній юбилей работы одного изъ такихъ искателей, В. Г. Короленко. Въ наступающемъ году предстоитъ юбилей другого огромнаго художника, А П. Чехова, и только что появившееся новое произведеніе его «Невѣста» говоритъ самымъ убѣдительнымъ и яркимъ образомъ о неутомимой работѣ духа надъ запросами жизни,—работы, которая неустанно совершается въ самомъ художникѣ.

Его «Невѣста» (напечатанная въ декабрьской кн. «Журн. для всѣхъ»)—это прелестный, чудно выписанный образъ, который намъ представляется символомъ глубокаго значенія, далеко выходящимъ за рамки простого разсказа о томъ, какъ Надя мечтала о замужествѣ и чѣмъ окончились ея мечты.

Эти мечты, кажется, такъ близки къ осуществленію, она—невѣста, скоро свадьба, но что-то мѣшаетъ ей отдаться всецѣло настроенію ликованія и счастья. На дворѣ весна: «Чувствовался май, милый май! Дышалось глубоко и хотѣлось думать, что не здѣсь, а гдѣ-то подъ небомъ, надъ деревьями, далеко за городомъ, въ поляхъ и лѣсахъ развернулась теперь своя весенняя жизнь, таинственная, прекрасная, богатая и святая, недоступная пониманію слабаго, грѣшнаго человѣка. И хотѣлось почему-то плакать».

Такое окружающее настроеніе избытка жизни, радости бытія и таинственнаго счастья, которое кроется гдѣ-то, вотъ-вотъ близко, стоитъ только протянуть руку и насладиться имъ вполнѣ,—не вызываетъ, однако, отвѣтнаго настроенія въ душѣ невѣсты. «Ей, Надѣ, было уже 23 года; съ 16 лѣтъ она страстно мечтала о замужествѣ, и теперь, наконецъ, она была невѣстой Андрея Андреевича, того самаго, который стоялъ за окномъ; онъ ей нравился, свадьба была уже назначена на седьмое іюля, а между тѣмъ радости не было, ночи спала она плохо, веселье пропало... Изъ подвальнаго этажа, гдѣ была кухня, въ открытое окно слышно было, какъ тамъ спѣшили, какъ стучали ножами, какъ хлопали дверью на блокѣ; пахло жареной индѣйкой и маринованными вишнями. И почему-то казалось, что такъ теперь будетъ всю жизнь, безъ перемѣны, безъ конца!»

Ко всему этому она привыкла давно, къ этой праздной, сытой, неподвижной жизни, но теперь она начинаетъ испытывать съ непонятой ей остротой ощущеніе пустоты и неподвижности. Прежде ее смѣшили нападки на эту жизнь со стороны воспитанника ея бабушки Саши, неудавшагося художника, работающаго въ Москвѣ въ литографской мастерской. Теперь слова этого больного, добродушнаго и хорошо, какъ свои пять пальцевъ, ей знакомаго человѣка будятъ въ ней смутное раздраженіе: они выражаютъ то, что она сама переживаетъ, но для чего у нея нѣтъ еще выраженія, и что тѣмъ мучительнѣе и неотвязнѣе не даетъ ей покоя и убиваетъ чувство радости. «Когда Надя проснулась, было, должно быть, часа два, начинался разсвѣтъ. Гдѣ-то далеко стучалъ сторожъ. Спать не хотѣлось, лежать было очень мягко, неловко. Надя, какъ и во всѣ прошлыя майскія ночи, сѣла въ постели и стала думать. А мысли были все тѣже, что въ прошлую ночь, однообразныя, ненужныя, неотвязчивыя, мысли о томъ, какъ Андрей Андреевичъ сталъ ухаживать за ней и сдѣлалъ ей предложеніе, какъ она согласилась и потомъ мало-по-малу оцѣнила этого добраго, умнаго человѣка. Но почему-то теперь, когда до свадьбы осталось не больше мѣсяца, она стала испытывать страхъ, безпокойство, какъ будто ожидало ее что-то неопредѣленное, тяжелое.—«Тикъ-токъ, тикъ-токъ... лѣниво стучитъ сторожъ.—Тикъ-токъ»... Въ большое старое окно видѣнъ садъ, большіе кусты густо цвѣтущей сирени, сонной и вялой отъ холода; и туманъ бѣлый, густой тихо подплываетъ къ сирени, хочетъ закрыть ее. На далекихъ деревьяхъ кричатъ сонные грачи. — «Боже мой, отчего мнѣ такъ тяжело!»— Быть можетъ, то же самое испытываетъ передъ свадьбой каждая невѣста. Кто знаетъ! Или тутъ вліяніе Саши? Но вѣдь Саша уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ говоритъ все одно и то же, какъ по писанному, и когда говоритъ, то кажется наивнымъ и страннымъ. Но отчего же все-таки Саша не выходитъ изъ головы? отчего?»

Такъ постепенно невѣста начинаетъ углубляться въ суть окружающей жизни, въ себя, въ свои отношенія къ жениху, къ матери, къ бабушкѣ. Мысль, разъ проснувшаяся подъ вліяніемъ тяжелаго, не отвѣчающаго ожиданіямъ настроенія, уже не даетъ покоя и двигаетъ работу анализа все дальше и глубже. Она замѣчаетъ то, чего не видѣла ранѣе, что мать не понимаетъ ея, что она и сама равнодушна къ ней, къ жениху, ко всей этой постылой, сѣрой, скучной и мертвой, какъ стоячая вода, жизни, — и слова Саши, на которыя она прежде не обращала вниманія, начинаютъ все сильнѣе волновать и овладѣвать ею.

«— Ахъ, милая Надя,—началъ Саша свой обычный послѣобѣденный разговоръ,—если бы вы послушались меня! если бы!

«Она сидѣла глубоко въ старинномъ креслѣ, закрывъ глаза, а онъ тихо ходилъ по комнатѣ, изъ угла въ уголъ.

«— Если бы вы поѣхали учиться!—говорилъ онъ.—Только просвѣщенные и святые люди интересны, только они и нужны. Вѣдь чѣмъ больше будетъ такихъ людей, тѣмъ скорѣе настанетъ царствіе Божіе на землѣ. Отъ вашего города тогда мало-по-малу не останется камня на камнѣ,—все полетитъ вверхъ номъ, все измѣнится, точно по волшебству. И будутъ тогда здѣсь громадные, деликолѣпнѣйшіе дома, чудесные сады, фонтаны, необыкновенные, замѣчательные люди... Но главное не это. Главное то, что толпы въ нашемъ смыслѣ, въ какомъ она есть теперь, этого зла тогда не будетъ, потому что каждый человѣкъ будетъ вѣровать и каждый будетъ знать, для чего онъ живетъ, и ни одинъ не будетъ искать опоры въ толпѣ. Милая, голубушка, поѣзжайте! Покажите всѣмъ, что эта неподвижная, сѣрая, грѣшная жизнь надоѣла вамъ. Покажите это хоть себѣ самой!»

Наивныя мечты чудака Саши больше не смѣшатъ ея, напротивъ, волнуютъ, и «почему-то въ его наивности, даже въ этой нелѣпости столько прекраснаго, что едва она только вотъ подумала о томъ, не поѣхать ли учиться, какъ все сердце, всю грудь обдало холодкомъ, залило чувствомъ радости, восторга.—Но лучше не думать, лучше не думать.,. шептала она.—Не надо думать объ этомъ». А въ отвѣтъ на эти думы слышится унылый, однообразный, какъ окружающая жизнь, стукъ сторожа: «Тикъ-токъ.. стучалъ онъ гдѣ-то далеко.—Тикъ-токъ... тикъ-токъ»...

Борьба двухъ настроеній—стараго, не дающаго ей думать, требующаго не думать, ибо отъ этихъ думъ все сразу шатается и рушится, какъ карточный домикъ,—и новаго проснувшейся жажды жизни, какой бы то нибыло, лишь-бы жизни,—длится долго, напряженно, мучительно. А женихъ, мать, бабушка ничего даже не замѣчаютъ, имъ и невозможно замѣтить, такъ какъ сѣрая, скучная жизнь—вѣдь это они сами. Представить себѣ что либо иное, новое, подумать объ отказѣ отъ такой праздной жизни значило бы для нихъ перестать существовать. Невѣста не выдерживаетъ этого безконечнаго, безвыходнаго томленія и рѣшительно заявляетъ Сашѣ: «Не могу... Какъ я могла жить здѣсь раньше, не понимаю, не постигаю! Жениха я презираю, себя презираю, презираю всю эту праздную безсмысленную жизнь... Эта жизнь опостылѣла мнѣ, я не выживу здѣсь и одного дня. Завтра же я уѣду отсюда. Возьмите меня съ собой, Бога ради!» Саша приходитъ въ восторгъ отъ такого рѣшенія и одобряетъ ея намѣреніе порвать сразу, быстро, безъ колебаній. «Клянусь вамъ, вы не пожалѣете и не раскаетесь. Поѣдете, будете учиться, а тамъ пусть васъ носитъ судьба. Когда перевернете вашу жизнь, то все измѣнится. Главное перевернуть жизнь, а все остальное не важно».

И слова чудака сбываются съ буквальною точностью. Исчезъ страхъ, исчезло томленіе, разсѣялось безпокойство, отравлявшее жизнь, мѣшавшее отдаться радости бытія. «Прощай, городъ! и все ей вдругъ припомнилось: и Андрей, и его отецъ, и новая квартира, и все это уже не пугало, не тяготило, а было наивно, мелко и уходило все назадъ и назадъ. А когда сѣли въ вагонъ и поѣздъ тронулся, то все это прошлое, такое большое и серьезное, сжалось въ комочекъ, разворачивалось громадное, широкое будущее, которое до сихъ поръ было такъ мало замѣтно. Дождь стучалъ въ окна вагона, было видно только зеленое поле, мелькали телеграфные столбы да птицы на проволокахъ, и радость вдругъ перехватила ей дыханіе: она вспомнила, что она ѣдетъ на волю, ѣдетъ учиться, а это все равно, что когда-то очень давно называлось уходить въ казачество»...

И черезъ годъ, когда она пріѣзжаетъ навѣстить родныхъ, все уже не наводитъ на нее ни тоски, ни страха, а кажется тѣмъ, чѣмъ оно и есть на самомъ дѣлѣ: мелкимъ, будничнымъ, скучнымъ и никому ненужнымъ, сѣрымъ и провинціальнымъ. Даже и Саша, энергичному вмѣшательству котораго она все же обязана тѣмъ, что и ее не засосало провинціальное болото, представляется ей въ своемъ настоящемъ видѣ—больного неудачника, въ которомъ и было одно хорошее—неумирающая способность мечтать и относиться къ будничной жизни, какъ она того заслуживаетъ,—безъ страха и томленія, а просто съ презрѣніемъ. Онъ вырвалъ ее изъ этой скучной жизни, «перевернулъ ея жизнь», передалъ ей свою способность вѣрить и мечтать, а это самое главное. «И Надя ходила по саду, по улицѣ, глядѣла на дома, на сѣрые заборы, и ей казалось, что въ городѣ все давно уже состарилось, отжило и все только ждетъ не то конца, не то начала чего-то молодого, свѣжаго. О, еслибы поскорѣе наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будетъ прямо и смѣло смотрѣть въ глаза своей судьбѣ, сознавать себя правымъ, быть веселымъ свободнымъ. А такая жизнь рано или поздно настанетъ! Вѣдь будетъ же время, когда отъ бабушкина дома, гдѣ все такъ устроено, что четыре прислуги иначе жить не могутъ, какъ только въ одной комнатѣ, въ подвальномъ этажѣ, въ нечистотѣ,—будетъ же время, когда отъ этого дома не останется и слѣда, и о немъ забудутъ, никто не будетъ помнить. И Надю развлекали только мальчишки изъ сосѣдняго двора; когда она гуляла по саду, они стучали въ заборъ и дразнили ее со смѣхомъ:—Невѣста, невѣста!» И даже извѣстіе о смерти Саши не внесло диссонанса въ ея умиротворенную, полную радостныхъ надеждъ душу. «Прощай, милый Саша!» думала она, и впереди ей рисовалась жизнь новая, широкая, просторная, и эта жизнь, «еще неясная, полная тайнъ, увлекала и манила ее»,—и она «живая, веселая, покинула городъ,—какъ полагала, навсегда».

Бодрый сильный аккордъ, заканчивающій эту прелестную вещь, звучитъ въ душѣ читателя, какъ побѣдный кличъ, какъ торжество жизни надъ мертвой скукой и пошлостью сѣрой и однообразной обыденности. Невѣста исчезла, явился человѣкъ, и читателю за него не страшно. Что-бы ни ожидало Надю, она уже не вернется въ старый бабушкинъ домъ, не станетъ вещью, которою Андрей Андреичъ украситъ новый домъ, какъ украсилъ его картиной, изображающей голую даму съ вазой. И легко это въ сущности, и правъ бѣдный Саша, что самое главное—перевернуть жизнь. Не только главное, а и единственный исходъ для тысячи тысячъ невѣстъ, которымъ грозитъ та же участь, та же судьба и то же жалкое назначеніе. Переверните вашу жизнь,—говоритъ авторъ устами своей «невѣсты», и станете людьми, отъ которыхъ зависитъ строить жизнь себѣ самимъ, не подчиняясь обычаямъ стараго бабушкина дома, гдѣ все грязно, скучно и мертво, гдѣ вещи занимаютъ мѣсто живыхъ людей, а живые люди превращены въ вещи. И кто не хочетъ быть вещью, пусть не колеблясь перевернетъ жизнь. Это гораздо проще и легче, чѣмъ всю жизнь ныть и хныкать, не замѣчая, какъ жизнь уходитъ и человѣкъ превращается въ никому ненужную ветошь.

«Невѣста» г. Чехова—это живой и яркій символъ всего живого, протестующаго, не укладывающагося въ устарѣлыя рамки сѣрой провинціальной жизни. «Въ Москву, въ Москву!»—мечтаютъ три сестры въ знаменитой пьесѣ того же автора, и остаются на мѣстѣ, не въ силахъ порвать съ окружающимъ. «Главное перевернуть жизнь, а все остальное не важно!» отвѣчаетъ имъ «Невѣста»,—и что бы ни случилось потомъ, это будетъ лучше уже потому, что оно будетъ новое, не связанное безконечными страхами, безцѣльной тоской и всякимъ ненужнымъ устарѣлымъ хламомъ. И развѣ это такъ трудно—перевернуть то, что изжито, опустошено и истлѣло, какъ старое дерево съ выѣденной сердцевиной, которое держится только корой? «Это все равно, что когда-то называлось уходить въ казачество», замѣчаетъ про себя Надя, и въ этомъ сравненіи много вѣрнаго. Какъ уходившіе въ казачество порывали съ прошлымъ навсегда, такъ и уходящіе изъ стараго «бабушкина дома» тоже порываютъ со всѣми его традиціями и уже никогда не вернутся къ нимъ. Но есть и большая разница. Уходившіе въ казачество ничего не приносили назадъ, они или оставались на новыхъ вольныхъ мѣстахъ, или гибли въ безконечныхъ бояхъ на окраинахъ. А Надя и ея подруги, всѣ, что рѣшили перевернуть жизнь, несутъ съ собой новую культру, новые устои для «бабушкина дома», куда они вносятъ свѣтлыя надежды, желаніе по иному устроить этотъ домъ и знаніе, какъ это сдѣлать. Это не только уходъ въ казачество, а походъ «за золотымъ руномъ», за новой культурой—работа, свѣтлая, живая и радостная, хотя и трудная, очень тягостная подчасъ борьба, не всѣмъ сулящая побѣду. «Даромъ ничто не дается, судьба жертвъ искупительныхъ проситъ», но русской ли женщинѣ бояться ихъ? Вся жизнь ея—сплошная жертва. Такъ лучше принести себя въ жертву свѣтлому богу новой жизни, чѣмъ медленно исчахнутъ подъ гнетомъ невыносимыхъ условій отжившаго, все равно пасть жертвой его, даже безъ надежды отстоять то, что осуждено и должно погибнуть.

Таковы заключенія и выводы, сами собой напрашивающіеся послѣ чтенія новаго произведенія А. П. Чехова. Мажорный конецъ повѣсти снова подчеркиваетъ тотъ внутренній переворотъ, который совершился во взглядахъ писателя на жизнь. Нѣтъ больше тоски и отрицанія, призывомъ къ жизни и радостью проникнуто все произведеніе, хотя оно довольно рѣзко распадается на двѣ части: въ первой томленіе «невѣсты», чувствующей свою отчужденность отъ окружающаго, во второй—чувство свободы и удовлетворенія, что свобода завоевана. Тѣмъ не менѣе, охватывающее читателя съ первыхъ строкъ живительное майское настроеніе «таинственной, прекрасной, богатой и святой, весенней жизни»—не покидаетъ его, все время усиливаясь и переходя подъ конецъ въ бодрое и торжествующее чувство побѣды. Не такъ бы закончилъ авторъ эту повѣсть въ тотъ періодъ своего творчества, когда явились «Скучная исторія» или «Именины». Но то было время иное, когда не чувствовалось и въ жизни этой бодрящей жизнерадостной ноты, которая теперь все ярче звучитъ въ каждомъ новомъ произведеніи А. П. Чехова.

Въ мажорномъ тонѣ, хотя и совершенно иного рода, написана и новая драма кн. Сумбатова «Измѣна», напечатанная въ «Рус. Мысли». Какъ художественное произведеніе, пьесу кн. Сумбатова нельзя, конечно, сопостовлять съ такимъ выдержаннымъ и высоко-художественнымъ произведеніемъ, какъ «Невѣста» г. Чехова, и при чтеніи его надо отрѣшиться отъ той мѣрки, къ которой насъ пріучилъ этотъ огромный художникъ. Пьеса принадлежитъ къ циклу такъ называемыхъ героическихъ драмъ и на сценѣ, благодаря большому знанію авторомъ условій сценичности, должна производить впечатлѣніе. Въ драмѣ много движенія, яркихъ моментовъ, сильныхъ положеній, интересъ дѣйствія все время наростаетъ, что вмѣстѣ съ колоритностью обстановки должно производить извѣстное впечатлѣніе на зрителей.

Въ чтеніи, однако, драма не захватываетъ, благодаря примитивности сюжета и недостатку поэзіи и яркости въ обрисовкѣ характеровъ, но интересъ, какой возбужденъ съ перваго дѣйствія въ читателѣ борьбой небольшого, героическаго народа съ угнетателями, поддерживается, не ослабѣвая, все время. Борьба ведется за національность и вѣру, элементы примитивные, доступные пониманію самыхъ простыхъ людей и всегда волнующіе скрытой въ нихъ правдой. Героиней пьесы является царица Грузіи, покоренной персами и угнетаемой ими со всею мусульманско-восточною жестокостью и прямолинейностью, не отступающей ни передъ чѣмъ. Бывшая царица Тамара, нынѣ Зейнабъ, вышла замужъ за покорителя Грузіи Солейманъ-хана и въ теченіе двадцати лѣтъ таила въ душѣ надежды на освобожденіе родины и мщеніе угнетателямъ. У нея есть сынъ Георгій, спасенный преданнымъ грузиномъ Ананіемъ Глахою, который для его спасенія пожертвовалъ своимъ роднымъ сыномъ и воспитывалъ царевича, какъ родного, въ глуши Грузіи. Двадцать лѣтъ униженія, муки и безсильнаго страданія закаляютъ царицу, всѣ силы которой сосредоточены на одной надеждѣ—выждать и подготовить мигъ свободы и мести. Сильный, страстный характеръ Зейнабъ не вполнѣ выдержанъ въ драмѣ, и лучше удался автору типъ стараго и пылкаго воителя Отаръ-бега, тоже грузина, измѣнившаго въ свое время родинѣ, въ которомъ просыпается старый левъ, когда Зейнабъ, наконецъ, видитъ приближеніе давно жданнаго момента и открываетъ ему свой планъ. Измѣна, обдуманная въ долгіе годы униженія, взлелѣянная въ душѣ Зейнабъ въ тиши долгихъ ночей, находитъ опору въ народѣ, гдѣ угнетатели, несмотря на всѣ насилія и жестокости, не смогли вытравить ни религіозной вѣры, ни мечты о свободѣ родины. Отаръ-бегъ становится во главѣ возстающихъ, а сынъ Зейнабъ вмѣстѣ со своимъ воспитателемъ Ананіемъ берутся взорвать Метехскій замокъ, твердыню Солейманъ-хана. Хорошо подготовленный планъ чуть не рушится, благодаря слабости царевича Георгія, который увлеченный красотою одной изъ невольницъ хана, передается на сторону враговъ и измѣняетъ дѣлу родины въ главный моментъ. Зейнабъ, при видѣ гибели такъ долго лелѣемой мечты, отказывается признать въ немъ сына, который только въ эту минуту понимаетъ, что онъ сдѣлалъ, и въ отчаяніи бросается на персовъ, ища не побѣды, а смерти. Но старый Ананія спасаетъ дѣло Грузіи, онъ одинъ пробирается въ пороховые склады Метехскаго замка и взрываетъ ихъ. Персы побѣждены, Солейманъ-ханъ взятъ въ плѣнъ и Грузія свободна, но Зейнабъ не въ силахъ вынести удара, нанесеннаго ея материнской гордости сыномъ, и убиваетъ себя въ моментъ полнаго торжества.

Пьеса хорошо задумана и, при всей простотѣ и несложности мотивовъ драмы, можетъ захватить зрителя, для котораго въ лицѣ Зейнабъ выступаетъ мать-героиня, готовящая борца и жертвующая имъ для родины. «Грузинки,— говоритъ авторъ въ краткомъ предисловіи,—готовили сыновей къ подвигу освобожденія. Онѣ пѣли имъ пѣсни ихъ родины, разсказывали имъ подвиги и геройскую гибель отцовъ, осѣняли ихъ крестомъ,—и все это оглядываясь и прислушиваясь, подъ страхомъ смерти и мученичества, не только своего, а главное—своихъ дѣтей, близкихъ не только уже по крови, но по духу, по всему будущему. Эти женщины готовили *людей*. Другія женщины готовили *событія* также долго, также осторожно, подъ тѣмъ же ежеминутнымъ страхомъ, что всѣ ихъ многолѣтніе труды будутъ истреблены однимъ грубымъ прикосновеніемъ, какъ паутина. Ихъ роль была гораздо труднѣе и сложнѣе. Это были женщины, попавшія въ гаремъ, предназначенныя къ существованію на чужую потребу, какъ откармливаемая птица... Для достиженія своей цѣли имъ приходилось мириться съ униженіемъ, поруганіемъ своей чести и своего человѣческаго достоинства. Третій типъ женщинъ были мученицы. Ихъ было неисчислимое количество. Эти готовили *духъ* народа, какъ первыя готовили людей, а вторыя—событія». И въ минуту, казалось, полнаго униженія родины и торжества угнетателей «женщина начинаетъ свою созидательную работу и вынашиваетъ въ себѣ будущее какъ ребенка, долго, заботливо, съ любовью, считая себя только сосудомъ, хранящимъ въ себѣ высшее благо».

Благодаря именно женщинѣ маленькая Грузія сохранила свою вѣру и національность среди самыхъ тяжкихъ условій, и этотъ примѣръ героической борьбы дѣйствуетъ освѣжающимъ образомъ на читателя. Въ каждой борьбѣ есть нѣчто чарующее и возвышающее, такъ какъ въ ней, и только въ ней, заключается весь смыслъ жизни, которая безъ борьбы теряетъ окраску, становится сѣрой и скучной. И потому пьеса, ярко и сильно изображающая такую борьбу, не можетъ не вліять благотворно на зрителя, какъ бы ни казался далекъ самый объектъ борьбы. Мы думаемъ, что на народной сценѣ въ особенности «Измѣна» должна имѣть успѣхъ, и лицамъ, озабоченнымъ составленіемъ репертуара для народной сцены, слѣдуетъ обратить на нее особое вниманіе.

Отъ «Измѣны» съ ея героическимъ подъемомъ, съ величіемъ борьбы и гибели во имя идеи, нѣсколько страненъ переходъ къ появившейся въ декабрьской книжкѣ «Журнала для всѣхъ» пьесѣ г. Юшкевича «Чужая», которая представляетъ ей полную противоположность. Но намъ хочется остановить на ней вниманіе читателя, какъ на произведенія молодого автора, до сихъ поръ извѣстнаго своими художественными очерками изъ жизни еврейской массы и рабочаго люда большихъ городовъ. «Чужая»—это своеобразная попытка творчества въ совершенно иномъ родѣ, отчасти и то очень отдаленно напоминающая другой опытъ въ томъ же родѣ и того же автора—«Студентъ Павловъ» (напечатанный у насъ въ 1900 г.). «Студентъ Павловъ»—это психологическій очеркъ, рисующій типъ истерика, постепенно доходящаго до полнаго безумія. Въ «Чужой» его напоминаетъ героиня пьесы Ирина, тоже типъ ненормальный, изломанный жизнью, до извѣстной степени и продуктъ, и жертва этой жизни. Она всю жизнь прожила въ прислугахъ, она еще молода, она красива, и она—вся чужая. «Все за работой да за работой... А жить-то когда? Жить когда будешь, спрашиваю?» говоритъ она.—«Не знаешь? Вчера построчила, пригладила, убрала, сегодня построчила, пригладила, убрала, и ничего новаго не будетъ ни завтра, ни чрезъ десять лѣтъ... До самой могилы сиди и пикнуть не смѣй». Правда, другія («вонъ Пашка, Грушка»), тѣ «выбились», пошли по извѣстной дорогѣ, но въ Иринѣ есть что-то, что не позволяетъ идти по той же дорогѣ, хотя все толкаетъ ее на этотъ путь: и баринъ, дѣлающій ей весьма недвусмысленныя предложенія, и его гости, на потѣху которыхъ онъ заставляетъ Ирину танцовать канканъ, и подруги, соблазняющія ее легкостью житья, и особый сортъ богобоязненныхъ старушекъ, устраивающихъ эти дѣла. Словомъ, Ирина, «гдѣ была, гдѣ жила, гдѣ служила, только и слышала о тѣлѣ да о тѣлѣ. И молодые, и старые, и богатые, и бѣдные—всѣ на одно били и цѣлили. Я бы уже вонъ гдѣ была, коли бы захотѣла. Но не хотѣла захотѣть. Я своего все ждала, да не дождалась. Тутъ и вся жизнь моя». Ибо у нея «свой Богъ въ душѣ есть»; глубоко скрытая надежда на лучшую участь женщины, вѣра въ судьбу женщины, какъ ни доказательны обратные примѣры. Ирина придавлена, она лежитъ на днѣ жизни, но въ ней бьется что-то, чего не можетъ задавить вся тяжесть, на ней лежащая. Когда ей становится не подъ силу эта борьба изъ-за ея тѣла, она въ истерическомъ припадкѣ бѣжитъ на улицу, готовая отдаться первому встрѣчному, лишь бы отъ нея отвязались, оставили ее въ покоѣ. Но и истерика не можетъ заглушить въ ней голосъ «моего Бога», и съ улицы она возвращается назадъ и кончаетъ съ собой обычнымъ способомъ—петлей на шею.

Такою намъ представляется схема типа, задуманнаго авторомъ. Но тутъ остается еще много неяснаго, во второмъ и третьемъ дѣйствіи, и мы отнюдь не стоимъ за свое пониманіе пьесы г. Юшкевича, въ которой реализмъ и фантазія удивительно перепутаны. Все второе дѣйствіе, происходящее на улицѣ, мало понятно. Разговоры, разговоры и разговоры встрѣчающихся Иринѣ лицъ, гоняющихся за нею охотниковъ за уличными интрижками и собственныя ея истерическіе вопли—ничего не выясняютъ ни въ характерѣ Ирины, ни въ ситуаціи. А третій актъ—сплошной бредъ Ирины, которой представляются и разныя лица, встрѣченныя ею только что на улицѣ, и ея подруги, и баринъ, и «Неизвѣстный», странное лицо, въ которомъ Ирина чувствуетъ какъ бы отображеніе своего «бога», что не позволялъ ей «захотѣть». Весь третій актъ напоминаетъ «Ганеле» Гауптмана и потому мало оригиналенъ и въ сущности ничего не прибавляетъ къ двумъ первымъ. Это—томительная агонія Ирины, борющейся съ жаждой смерти, пока, наконецъ, Неизвѣстный властно не приказываетъ ей—вбить гвоздь въ стѣну и повѣситься.

Такая подражательность вмѣстѣ съ недостаточной опредѣленностью всего замысла лишаютъ пьесу цѣльности и оригинальности. Мѣстами этѣ уже не типъ загнанной женщины, это какъ бы общій протестъ всего забитаго, угнетеннаго и затравленнаго жизнью. Напр., вотъ разговоръ Ирины съ однимъ прохожимъ. Ирина съ испугомъ спрашиваетъ его: «Чего смотрите? По своей охотѣ стою, и никому дѣла нѣтъ», — на это прохожій разражается страстной репликой по поводу общественной несправедливости и общественныхъ противорѣчій. Онъ бѣднякъ, потерявшій работу, а дома жена, дѣти и ни откуда помощи.

Ирина. *(Слушая внимательно).* Вотъ и меня довели. Спросите меня, зачѣмъ я теперь на улицѣ, по какому дѣлу? Полюбопытствуйте и спросите. Вѣдь стыдно сказать. Камнями бы меня забросали.

«Второй прохожій. *(Продолжая волноваться).* Потому что чепуха все. Почему, напримѣръ, я голодать долженъ? Скажите, почему? Есть человѣчество, общество, группы и чортъ тамъ знаетъ, какъ васъ еще называютъ,—дай отвѣтъ! Почему я голодать долженъ? Дѣвочки мои, которыхъ я безумно люблю и жалѣю, почему голодать должны? Не въ лѣсу же я живу и вѣдь наконецъ это вредно, слышите? вредно человѣку больному, измученному жизнью, по три дня шляться на холодѣ по улицамъ, и имѣя больную грудь, спать въ ночлежкѣ. Но вы спросите, почему я, больной, надорвавшійся человѣкъ, не имѣю права на мѣсто въ больницѣ какой-нибудь, чтобы хоть немного, немного поправить свое здоровье! Сколько разъ пробовалъ!.. Но прогоняли, ибо на ногахъ еще держусь. Вѣдь непремѣнно, непремѣнно чумой какой-нибудь заболѣй, чтобы подобрали тебя. *(Вдругъ свирѣпо и жестикулируя).* Не о чемъ толковать... Между прочимъ и лобъ разбей отъ поклоновъ во всѣ стороны—не поможетъ. Ну, такъ, коли вы жестокіе, безжалостные, равнодушные, и я такимъ же буду... Разрѣшите слѣдующее, полюбуйтесь, позлитесь и разрѣшите. Вотъ заверните въ эту улицу. Сколько тамъ, напр., свѣта и простого, и искусственнаго, и всяческаго волшебнаго свѣта! Вѣдь на тѣ деньги, что стоитъ онъ, я высчиталъ, можно сотню семей ежедневно прокормить. Ну-съ, такъ нѣтъ. Вы извольте голодать съ вашими дѣвочками, издыхайте тутъ подлѣ него, а онъ будетъ сіять и освѣщать грязныя улицы, и окна магазиновъ. А прежде обходились керосиновымъ освѣщеніемъ. *(Повторяетъ).* А прежде обходились керосиновымъ освѣщеніемъ, да. Посмотрите, что въ витринахъ дѣлается. Вѣдь страшно подумать, какъ они тамъ изо всѣхъ силъ старались все это живописнѣе и заманчивѣе разложить,—молъ, пожалуйте, ради Бога, какъ-нибудь загляните къ намъ! Сколько богатствъ въ каждомъ окнѣ подумайте, сколько богатствъ! Брилліанты, золото, одежда, бѣлье,—а я тутъ стой, чуть что не босой, и всѣ дома у меня оборванные. И не обозлиться, и не кричать послѣ этого?».

И въ такомъ тонѣ ведется вся сцена, ничѣмъ не связанная съ предыдущей и послѣдующей, какъ, впрочемъ и всѣ остальныя сцены, въ которыхъ нѣтъ ни развитія характеровъ, ни страсти, ни дѣйствія. Повидимому, авторъ задумалъ нѣчто и очень большое, и очень глубокое, хотѣлъ создать въ лицѣ Ирины какое-то символическое изображеніе человѣческой жизни со всѣми ея противорѣчіями, несообразностями, муками и зломъ. Но въ результатѣ не получилось ни цѣльнаго образа, такъ какъ Ирина—безплотное существо, которое лишено индивидуальности, и мы ее не можемъ себѣ представить,—ни драмы въ принятомъ смыслѣ, а рядъ отрывочныхъ и подражательныхъ сценъ, написанныхъ подъ сильнымъ вліяніемъ «Ганеле» Гауптмана.

Въ отвѣтъ на статьи, посвященныя у насъ и въ «Русскомъ Богатствѣ» г. Меньшикову, онъ разразился въ «Новомъ Времени» такимъ фельетономъ, отъ котораго должны были придти въ восторгъ всѣ враги г. Меньшикова и смутиться всѣ его друзья. Не принадлежа ни къ первымъ, ни къ послѣднимъ, ибо къ особѣ этого писателя и судьбѣ его мы болѣе чѣмъ равнодушны,—не можемъ, тѣмъ не менѣе, обойти молчаніемъ это замѣчательное его произведеніе, какъ такое, которое рѣшаетъ навсегда судьбу писателя. Если еще у кого-нибудь были сомнѣнія относительно литературной физіономіи этого «мудро-кроткаго» словоточиваго проповѣдника бывшей «Недѣли», то теперь г. Меньшиковъ уничтожилъ ихъ, продѣлавъ быструю и окончательную эволюцію во вкусѣ самаго заядлаго, патентованнаго нововременскаго «аристократа духа».

Началъ онъ свой фельетонъ съ того, что раскрылъ псевдонимъ одного изъ своихъ противниковъ,—фактъ, даже и на страницахъ «Новаго Времени» не часто встрѣчающійся. Затѣмъ онъ счелъ нужнымъ «сочинить», будто этотъ противникъ—«семитъ» и состоитъ секретаремъ редакціи «Русскаго Богатства» и что у него-то Н. К. Михайловскій позаимствовалъ (!) свои аргументы. И то, и другое чистѣйшая выдумка: и не семитъ (сынъ православнаго священника), и никогда секретаремъ редакціи «Русск. Богатства», этотъ авторъ не былъ. Далѣе, забывъвсю «мудрость кроткихъ», г. Меньшиковъ, впадая въ неистовый ражъ, возражаетъ, что онъ не Іуда и никогда не измѣнялъ «Недѣлѣ», а ушелъ изъ этого органа, когда тотъ закрылся. Но, во-первыхъ, никто г. Меньшикова и не называлъ Іудой, а только его многословныя писанья сравнивали съ рѣчами Іудушки Головлева, что по существу составляетъ огромную разницу. Въ измѣнѣ «Недѣлѣ» никто г. Меньшикова и не укорялъ, ибо для всѣхъ ясное дѣло, если «Недѣля» закрылась, то и оставаться въ ней нечего было. Выражали не то что удивленіе, а скорѣе недоумѣніе, по поводу перехода въ «Новое Время», казалось бы, г. Меньшикову, какъ старому публицисту, органъ достаточно извѣстный. Отвѣчая на этотъ полу-скрытый упрекъ, «мудро-кроткій» философъ «Недѣли» заявляетъ, что онъ, прежде чѣмъ сдѣлать этотъ шагъ, обратился къ г. Суворину съ запросомъ, какого тотъ мнѣнія о своей газетѣ. И когда оказалось, что г. Суворинъ прекраснаго мнѣнія, то г. Меньшиковъ счелъ для себя вполнѣ умѣстнымъ писать въ этомъ «парламентѣ мнѣній», какъ онъ называетъ «Новое Время». Г. Суворинъ разрѣшилъ ему писать о чемъ угодно и какъ угодно, и это показалось г. Меньшикову «либеральнымъ». «Скажите, многія ли редакціи настолько либеральны?» восторгается онъ дальше по поводу «свободы мнѣній», допускаемой въ «Новомъ Времени», гдѣ подчасъ на одной и той же страницѣ одно и то же событіе передается самымъ противорѣчивымъ образомъ (напр., во время суда надъ Дрейфусомъ). «Нельзя выше всего ставить постоянство убѣжденій, иначе какой же былъ бы возможенъ прогрессъ?»—спрашиваетъ г. Меньшиковъ. Для писателя вообще, а для публициста въ особенности задавать подобный вопросъ значитъ поставить крестъ надъ собой. Ибо какую же вѣру можно имѣть къ человѣку, который самъ открыто заявляетъ, что не считаетъ нужнымъ «постоянство убѣжденій?» Г. Меньшиковъ съ «кроткой» наивностью смѣшиваетъ мнѣнія съ убѣжденіями, подкрѣпляя себя ссылкой на примѣръ Бѣлинскаго. Но это—клевета на знаменитаго критика, который дѣйствительно мѣнялъ мнѣнія и, напр., изъ поклонника Гегеля превратился въ яраго его противника. Пусть бы, однако, указалъ г. Меньшиковъ, когда Бѣлинскій измѣнилъ убѣжденію, напр., въ томъ, что крѣпостное право надо уничтожить, что просвѣщеніе великое благо для народа, что литература должна быть святымъ служеніемъ народу, а не пустословіемъ, и т. п.

Самъ г. Меньшиковъ тутъ же торопится не только поставить крестъ надъ собой, какъ надъ мертвымъ отнынѣ писателемъ, но и подкрѣпить этотъ актъ доказательствами. Онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы быть убитымъ «г.г. радикалами», которые въ свое время «не оставили ни одной славы русской безъ попытки утопить ее въ помояхъ». Сопричисливъ себя къ «славѣ русской» и поставивъ себѣ такимъ образомъ еще при жизни «монументъ», какъ Ѳома Опискинъ у Достоевскаго, г. Меньшиковъ тутъ же себѣ и «прообразъ» для монумента сочинилъ. Сравнивъ радикаловъ съ Хамомъ, сыномъ Ноя, который насмѣялся надъ наготой отца своего, увидѣвъ его пьянымъ, г. Меньшиковъ уподобляетъ себя Симу и Іафету, которые «взяли одежду и, положивъ ее на плечи свои, пошли задомъ и покрыли наготу отца своего». Такъ поступаетъ нынѣ и онъ, г. Меньшиковъ, который, пятясь задомъ, прикрываетъ «наготу старика»... «Россія безобразна и обнажена,—пишетъ г. Меньшиковъ,—она нуждается, чтобы не скрыли, а покрыли это безобразіе», что и взялся исполнять г. Меньшиковъ въ пику радикаламъ, которыхъ тутъ же уже совсѣмъ не прикровенно обвиняетъ въ томъ, что они два раза въ одно столѣтіе остановили русское возрожденіе—14-го декабря и 1-го марта»...

Дальше г. Меньшикову «пятиться задомъ» некуда: онъ дошелъ до той точки, гдѣ попытка всякой полемики прекращается. Даже если въ своемъ «задопятномъ» направленіи онъ допятится и до «Гражданина», то новаго въ немъ онъ уже ничего не скажетъ.

А. Б.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ЗИБЕРЪ.

(По поводу пятнадцатилѣтія со дня смерти).

Въ настоящее время чувствуется замѣтный упадокъ въ области *экономическихъ* вопросовъ. Насколько это такъ, объ этомъ можно судить, сравнивъ нынѣшнюю русскую литературу съ литературой девяностыхъ годовъ. Тѣ сомнѣнія, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ напрягали мысль людей, даже не привыкшихъ къ экономическимъ абстракціямъ, въ настоящее время не выдвигаются даже спеціалистами. Удивительно ли, если такая оригинальная фигура въ исторіи *нашей* экономической мысли, какъ Н. И. Зиберъ, до сихъ поръ остается полузабытой? Правда, его имя трепалось не мало. Но и за всѣмъ тѣмъ, если не считать два-три некролога, двѣ-три статьи о немъ являются, можетъ быть, единственнымъ изъ всего того, что было посвящено ему. Въ 1900 году одна фирма затѣяла изданіе полнаго собранія сочиненій Зибера. И что же? Вышло два тома статей: томъ I. «Вопросы землевладѣнія и промышленности» и т. II. «Право и политическая экономія», но ни опытной редакторской руки, которая познакомила бы насъ съ программой изданія, ни указаній на то, къ какому году относится та или иная статья, гдѣ она была напечатана, почему статьи автора располагаются въ такомъ порядкѣ, въ какомъ расположены первые два тома.. Попытка эта не снабжена даже самыми краткими біографическими свѣдѣніями объ авторѣ...

Вотъ почему—думается намъ—умѣстно воспользоваться хотя бы недавно минувшимъ пятнадцатилѣтіемъ со дня смерти покойнаго экономиста, чтобы возобновить въ нѣскольких словахъ память о томъ, кто, можетъ быть, первый пріобщилъ русскую экономическую науку къ общеевропейской научной традиціи, знакомство съ которымъ было бы сущимъ благодѣяніемъ не для одного интеллигента нашего смутнаго времени.

Не богата была фактами жизнь этого въ высшей степени симпатичнаго труженика родной литературы.

Отецъ покойнаго былъ швейцарецъ, переселившійся въ Россію, здѣсь же женившійся на русской, отъ брака съ которой и родился Николай Ивановичъ. Уроженецъ Таврической губерніи, онъ кончилъ симферопольскую гимназію, затѣмъ поступилъ въ университетъ св. Владиміра, который и кончилъ въ 1867 или 1868 году. Уже въ университетѣ онъ обращалъ на себя вниманіе своею талантливостью и серіозной начитанностью: ему предложили остаться при университетѣ, подготовиться къ каѳедрѣ политической экономіи и статистики. Николай Ивановичъ принялъ это предложеніе, но осуществленіе его, тѣмъ не менѣе, на время отложилъ. Дѣло въ томъ, что Зиберъ—подобно всей кіевской молодежи—тогда увлеченъ былъ положеніемъ крестьянскаго дѣла въ юго-западномъ краѣ. Тогда практически осуществлялся законъ о пересмотрѣ надѣловъ и платежей. Зиберъ и взялъ мѣсто мирового посредника въ Волынской губерніи, предполагая поработать на «народной нивѣ». Но генералъ-губернаторъ Безакъ умеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ отношеніе мѣстной власти къ крестьянскому вопросу измѣнилось и Зиберъ оставилъ мѣсто посредника.

Онъ вернулся въ университетъ. Выдержавъ магистерскій экзаменъ, онъ защитилъ диссертацію подъ заглавіемъ «Теорія цѣнности и капитала Рикардо въ связи съ позднѣйшими разъясненіями», появившуюся впервые въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» 1871 г., №№ 1—2, 3—11. Подъ этимъ скромнымъ заглавіемъ скрывался трудъ, обнаружившій въ молодомъ авторѣ—Зиберу тогда было около 25 лѣтъ—и значительнуы силу мысли, и выдающуюся эрудицію, трудъ, впослѣдствіи значительно переработанный, о которомъ Карлъ Марксъ писалъ: «еще въ 1871 году Н. Зиберъ, профессоръ политической экономіи въ кіевскомъ университетѣ, доказалъ, что моя теорія цѣнности, денегъ и капитала въ основныхъ началахъ является необходимымъ развитіемъ ученій Смита и Рикардо. Что является неожиданнымъ для западнаго европейца при чтеніи его цѣннаго труда—это послѣдовательная выдержанность чисто теоретической точки зрѣнія». Естественно, Зиберъ получилъ степень магистра, былъ командированъ за границу. Въ 1873 г. университетъ предоставилъ ему и каѳедру. Но новый доцентъ не долго занималъ ее. Кіевскій университетъ въ то время являлся ареной постоянныхъ раздоровъ между профессорами. Въ одну изъ такихъ исторій, лично стоявшій въ сторонѣ отъ этихъ интригъ, но все же являвшійся ихъ невольнымъ свидѣтелемъ, Н. И. Зиберъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Швейцарію. Къ этому времени относится его женитьба на женщинѣ, съ которой онъ жилъ до самаго своего трагическаго конца, докторѣ медицины и ассистентѣ при бернской клиникѣ.

Съ этого времени Зиберъ посвятилъ себя исключительно литературной дѣятельности. Сюда относится рядъ его статей въ «Знаніи» о теоріи Карла Маркса, въ то время совершенно неизвѣстной въ Россіи. Послѣ того какъ прекратилось «Знаніе», онъ одно время сотрудничалъ въ «Словѣ», гдѣ напечаталъ рядъ очерковъ о тогдашнемъ экономическомъ положеніи западной Европы. Когда же прекратилось «Слово», Зиберъ работалъ почти во всѣхъ прогрессивныхъ журналахъ того времени—«Отечественныхъ Запискахъ», «Дѣлѣ», «Русской Мысли», «Юридическомъ Вѣстникѣ» и пр. Статьи были и текущія, касавшіяся экономической злобы дня, и теоретическія, представлявшія большою частью анализъ новыхъ экономическихъ ученій и трактатовъ. Къ общему удивленію, статьи его—еще за нѣсколько лѣтъ до смерти—стали поражать неясностью и сбивчивостью, качествами, которыя менѣе всего характеризуютъ покойнаго; недоумѣніе это, однако, въ скоромъ времени разъяснилось самымъ грустнымъ образомъ: Николая Ивановича привезли къ роднымъ въ Ялту въ состояніи психическаго разстройства. Читателю, привыкшему къ экономисту-публицисту—къ его неизмѣнной преданности взглядамъ молодости, къ широкой терпимости къ чужимъ, если они не шли въ разрѣзъ съ основными началами общественности—не хотѣлось вѣрить, что разбилась эта интеллектуальная сила, что весь колоссальный запасъ знанія, скопившійся въ головѣ этого труженника, жившаго, казалось, исключительно своею умственною жизнью, становится ненужнымъ, безполезнымъ... Такъ или иначе, пришлось убѣдиться въ истинѣ—Николай Ивановичъ, безвозвратно потерянный для литературы, вскорѣ сталъ потерянъ и для жизни. Жестокій недугъ, обнаружившійся лѣтомъ 1884 года, когда ему было всего 38 лѣтъ, былъ признанъ психіатрами неизлѣчимымъ Скончался онъ 42 лѣтъ, въ апрѣлѣ 1888 года...

Такова была эта жизнь, бѣдная внѣшними фактами. Зато сколько энергіи, сколько внутренней работы!

«Наша научная производительность,—писалъ пять лѣтъ тому назадъ одинъ русскій публицистъ,—характеризуется тѣми же чертами, что и вся культурно-общественная жизнь. У насъ нѣтъ или очень мало научныхъ традицій, но зато очень много quasi—научныхъ предразсудковъ и противо-научныхъ переживаній» *). Если эти слова прежде всего справедливы къ той эпохѣ, въ которую жилъ и писалъ покойный экономистъ, то тѣмъ выгоднѣе, тѣмъ ярче выдѣляется на ея фонѣ рѣдкая по своей цѣльности фигура Н. И. Зибера. Ясность мысли, сила доводовъ, чисто европейская эрудиція,—благодаря всему этому, онъ не только безъ труда защищалъ основные принципы классической экономіи, но поистинѣ пріобщалъ русскую экономическую науку къ общеевропейской.

Какъ теоретикъ, Зиберъ явился у насъ самымъ раннимъ «правовѣрнымъ» послѣдователемъ системы Маркса. Его работы въ этомъ направленіи, вызвавшія, какъ мы видѣли, одобреніе самого Маркса, далеко еще не использованы надлежащимъ образомъ ни русской экономической литературой, ни европейской, для которой онѣ прошли безслѣдно. Работы эти замѣчательны по основному стремленію, проникающему ихъ, стремленію установить необходимую связь между теоріями англійской классической школы и теоріей Маркса, какъ прямымъ ихъ продолженіемъ. Въ настоящее время трудно спорить противъ нея, но во времена Зибера нужно было не мало ума и таланта для ея обоснованія. Наибольшую извѣстность въ этой области доставила Зиберу упомянутая книга о теоріи цѣнности и капитала, самое полное не только на русскомъ языкѣ, но и въ иностранной литературѣ, сведеніе теорій и опредѣленій цѣнности и капитала. Д. Рикардо, имя котораго выдвинуто въ заглавіи этой книги, является, такъ сказать, центральнымъ пунктомъ, около котораго группируются всѣ другіе экономисты. Чрезвычайно высоко цѣня заслуги этого изслѣдователя—полное собраніе сочиненій Рикардо, въ переводѣ на русскій языкъ, Зиберъ издалъ особой книгой въ 1882 году,—онъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ рѣдкою научною ясностью изображаетъ естественную эволюцію теоріи Рикардо въ ученіе Маркса, раскрывая при этомъ весь процессъ развитія капиталистическаго производства, всѣ три основные фазиса этого развитія—ремесло, мануфактуру, фабрику. И дальнѣйшая его работа значительною частью лежитъ въ области абстрактной теоріи. Въ русской литературѣ—и не въ одной русской—Родбертусу, какъ извѣстно, удѣлено весьма мало вниманіе, и о его трудахъ читающая публика

---

*) Струве. „Научная исторія русской крупной промышленности“. „Научное Обозрѣніе“ 1898 г.

имѣетъ скудное представленіе. Статья Зибера «Карлъ Родбертусъ-Ягецовъ и его экономическія изслѣдованія» даетъ полное представленіе о важнѣйшихъ сторонахъ ученія нѣмецкаго экономиста. Мысль Зибера обращалась и къ вопросамъ юридическаго характера. Таковы, напр., статьи «Сравнительное изученіе первобытнаго права», «Одна изъ попытокъ въ области соціологіи» (по поводу книги Летурно «Соціологія, какъ этнографія»), «Общественная экономія и право», «Мысли объ отношеніи между общественной экономіей и правомъ» и пр. Изъ двухъ послѣднихъ очерковъ, представляющихъ особый интересъ,—они трактуютъ вопросъ, такъ еще недавно волновавшій умы,—позиція Зибера выясняется съ особою ясностью. «Относительно Маркса,—пишетъ онъ,—мы замѣтимъ, что именно ему принадлежитъ совершенно опредѣленное и исключающее всякія недоразумѣнія рѣшеніе вопроса объ отношеніи экономіи къ праву, которое, по его мнѣнію, представляетъ нечто иное, какъ надстройку надъ зданіемъ общественной продукціи» *). Пробѣгая статьи и изслѣдованія этого рода, прямо поражаешься разносторонностью этого человѣка, такъ безпощадно отнятаго у науки. Развѣ не благодаря только трудамъ Зибера теорія Рикардо-Маркса—марксова схема экономическаго развитія—получила впервые твердую и прочную постановку въ русской экономической наукѣ? Первый большой трудъ Маркса, напечатанный еще въ 1859 году—«Критика политической экономіи» (Zur Kritic» etc.), остался въ Россіи совершенно неизвѣстнымъ. Въ іюлѣ 1867 года вышелъ первый томъ «Капитала». Конечно, при той связи, которая всегда существовала и существуетъ до сихъ поръ между русско-германскою общественною мыслью, книга Маркса не могла долго оставаться незамѣченной: однако, потребовалось четыре года, прежде чѣмъ явился трудъ Зибера, еще недавно переизданный,—и это лучшее доказательство его крупнаго значенія,—чтобы впервые вызвать интересъ къ Марксу, возбудить то, что тщетно пытались замолчать представители буржуазныхъ теченій. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ же году появляется первый русскій переводъ «Капитала», вышедшій въ 3.000 экземплярахъ, имѣвшій такой успѣхъ, что книга стала въ скоромъ времени библіографическою рѣдкостью. И Марксъ, и Лассаль, памфлеты котораго содержали въ себѣ развитіе идей Маркса, привлекаютъ общее вниманіе къ себѣ, конечно, не только со стороны политико-экономической. И вотъ—свыше ста страницъ—двѣ статьи подъ заглавіемъ «Нѣмецкіе экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина»,—это отвѣтъ на двѣ же статіи г. Чичерина о Лассалѣ и Марксѣ, помѣщенныя въ «Сборникѣ государственныхъ знаній» Безобразова, статьи противъ Ю. Жуковскаго и пр. Въ свое время эта полемика имѣла не столько научное, сколько крупное общественное значеніе.

Помимо чистой теоріи,—большинство статей, какъ любятъ это подчеркивать современные экономисты, носили характеръ изложенія и истолкованія Маркса, Зиберъ не мало сдѣлалъ для выясненія исторіи экономическаго быта. Живя впродолженіи многихъ лѣтъ въ Швейцаріи, покойный ученый усердно знакомилъ русскую публику не только съ новѣйшими произведеніями экономической литературы,

---

*) „Собраніе сочиненій", т. I, стр. 342.

но и съ условіями соціально-политическаго быта западно-европейскихъ народовъ на страницахъ «Слова», «Знанія», «Отечественныхъ Записокъ» и пр. Онъ писалъ объ общинномъ владѣніи въ нидерландской Индіи, о состояніи землевладѣнія и земледѣлія въ Англіи, Ирландіи, Бельгіи и Голландіи, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америкѣ, о фабричномъ законодательствѣ въ Швейцаріи, о фабричномъ законодательствѣ въ Великобританіи, о берлинскихъ грюндерахъ и пр. Конечно, степень интереса, представляемаго этими статьями, различна. Если статьи, посвященныя индустріи, носятъ большей частью, текущій характеръ, то, наоборотъ, статьи, касающіяся аграрнаго вопроса, большей частью выходятъ за предѣлы даннаго момента, вполнѣ сохранивъ интересъ и для современнаго читателя. Эти послѣднія представляютъ для насъ тѣмъ большій интересъ, что изъ нихъ мы знакомимся со взглядомъ на столь жгучій въ настоящее время вопросъ стараго русскаго марксиста. «Мелкая крестьянская собственность,—читаемъ мы,—уже отживаетъ свое существованіе вмѣстѣ со своимъ основаніемъ, мелкимъ хозяйствомъ» *). «Мелкое хозяйство, подобно мелкому ремеслу, должно быть сочтено достояніемъ исторіи». **). Очевидно, передъ нами то, что на принятомъ у насъ языкѣ называется «ортодоксіей». Излюбленной идеей Зибера было доказательство универсальности общинныхъ формъ, пережитыхъ разными народами въ опредѣленныя эпохи ихъ развитія. Зиберъ обогатилъ русскую литературу мало до сихъ поръ оцѣненнымъ трудомъ—«Очерки первобытной экономической культуры». Имѣя подъ рукой богатый литературно-этнографическій матеріалъ, касающійся какъ дикихъ народовъ, такъ и первобытнаго состоянія культурно-историческихъ народовъ, онъ пытается обобществить первобытныя формы общественной жизни. Конечно, центральное мѣсто отведено явленіямъ экономическимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ передъ нами проходятъ и всѣ другіе виды жизни первобытнаго общества. Основная идея книги—общинныя формы хозяйства, въ ихъ постепенномъ развитіи, представляютъ универсальныя формы экономической дѣятельности на разныхъ ступеняхъ развитія—иллюстрируется анализомъ самыхъ разнообразныхъ сторонъ этой хозяйственной дѣятельности—охоты, рыбной ловли, пастушества, земледѣлія, работъ по выжиганію лѣсовъ, орошенію, постройкѣ жилищъ. Первобытные виды и понятія собственности, первобытныя формы обмѣна, формы брачныхъ и семейныхъ отношеній, процессъ развитія общественно-должностной дѣятельности общинъ, кастъ, корпорацій—все это находитъ въ книгѣ всестороннее освѣщеніе. Въ области теоріи Зиберъ обнаруживаетъ изумительное знаніе предмета,—онъ, по всей справедливости, можетъ быть названъ лучшимъ знатокомъ классической англійской экономіи, ея предшественниковъ и продолжателей; такъ же и въ области исторіи. Кто внимательно вчитывался въ эти работы, не можетъ не замѣтить и здѣсь слѣдовъ самаго тщательнаго, самаго детальнаго изученія, массы тонкихъ замѣчаній, являющихся результатомъ долгаго размышленія. Какъ ни цѣнны теоретическія изслѣдованія покойнаго, крупный памятникъ въ русской экономической литературѣ онъ воздвигъ себѣ прежде всего сейчасъ изложеннымъ трактатомъ по первобытной культурѣ, являющимся въ своемъ родѣ единственнымъ не только въ русской, но и въ европейской литературѣ.

---

*) Собраніе сочиненій т., II стр. 366

**) Ibidem, стр. 429.

Итакъ, и какъ теоретикъ, и какъ историкъ Зиберъ выступалъ, вооруженный обширной эрудиціей. И тамъ, и здѣсь, какъ послѣдователь Маркса, какъ бытописатель первобытныхъ и современныхъ формъ экономическаго развитія, Зиберъ такъ ставилъ свои вопросы, такъ ихъ рѣшалъ, что и ихъ постановка, и ихъ рѣшеніе имѣло не только научное, но и общественное значеніе. Но историкъ русской научно-общественной мысли не пройдетъ мимо Зибера прежде всего потому, что за нимъ остается честь перваго указанія на значеніе соціально-экономической системы Маркса, системы, коренным образомъ измѣнившей физіономію русскаго интеллигента. Какъ извѣстно, буржуазность англійской политической экономіи была вскрыта въ Россіи не только задолго до появленія Зибера, но даже до появленія «Капитала». Но могла ли критика Чернышевскаго проникнуть въ самую глубь капиталистическихъ отношеній? Безъ сомнѣнія, это была крупная умственныя сила: его примѣчанія къ русскому переводу «Основаній политической экономіи Милля» дали *отчасти* матеріалъ для критики капиталистическихъ отношеній. Но лишь отчасти. Да и могло ли быть иначе? Вспомнимъ натуральныя отношенія того времени, примитивные пути сообщенія, отсутствіе капиталистической промышленности и общественныхъ классовъ, ее выражающихъ, тѣхъ противорѣчій, которыя стояли передъ лицомъ европейскаго экономиста, экономическая жизнь Россіи того времени была такъ примитивна, что едва ли доставила бы и Марксу какой-либо матеріалъ для его обобщеній и построеній. Послѣ же Чернышевскаго—до самаго появленія диссертаціи Зибера—въ русской литературѣ не появилось ни одного сколько-нибудь значительнаго труда. Къ числу лучшихъ работъ того времени, справедливо замѣтилъ М. М. Филипповъ, принадлежали такія изслѣдованія, какъ статья Ю. Жуковскаго «Смитовское направленіе и позитивизмъ въ экономической наукѣ» (Современникъ 1864 года) *).

Значеніе Зибера очевидно.

Онъ былъ первымъ по времени русскимъ марксистомъ; наслѣдство, имъ оставленное, весьма значительно, и мѣсто его въ исторіи русской научно-общественной мысли вполнѣ опредѣленное.

Л. Клейнбортъ.

---

*) М. Филипповъ. Современные экономисты. Научное Обозрѣніе, 1899 г. № 8.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Двадцати-пятилѣтній юбилей Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Петербургѣ. 21-го ноября состоялось свѣтло и торжественно празднованіе двадцати-пятилѣтія съ основанія Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Петербургѣ. Въ актовомъ залѣ зданія Курсовъ собралось въ 2 ч. дня масса публики самаго разнообразнаго состава: высшія лица учебной администраціи (министръ народнаго просвѣщенія, его товарищъ, попечитель и другіе), академики, профессора, видные представители литературы и общественные дѣятели, курсистки, бывшія и учащіяся теперь, студенты—представители депутацій отъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, депутаты отъ рабочихъ, отъ всѣхъ ученыхъ обществъ, многіе изъ провинціи, и пр. и пр. Въ виду тѣснаго помѣщенія входъ былъ по билетамъ, и присутствовало до 2.000 чел. Послѣ рѣчей А. П. Философовой, В. П. Тарновской,—старѣйшихъ членовъ Комитета Общества для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ,—директора Курсовъ и проф. Боргмана,—начался пріемъ депутацій и чтеніе адресовъ, что продолжалось до 7 ч. вечера. Всѣхъ адресовъ было получено 76. Въ нихъ, а также въ устныхъ привѣтствіяхъ, отмѣчалось общественное значеніе высшаго женскаго образованія и выражались пожеланія дальнѣйшаго процвѣтанія Курсамъ.

Общественное значеніе этого торжества было уже выяснено на страницахъ нашего журнала (см. декабрь 1903 г., статья Ѳ. Батюшкова «Женскій Свободный Университетъ»). Поэтому приведемъ только нѣкоторыя поучительныя цифровыя данныя, лучше словъ свидѣтельствующія о томъ огромномъ культурно-общественномъ значеніи, какое имѣютъ въ настоящее время Высшіе Женскіе Курсы.

За 25-лѣтіе окончило курсъ 2.229 курсистокъ. Изъ нихъ живутъ въ Петербургѣ 959, въ Москвѣ 43, въ провинціи 817, за границей—58 (объ остальныхъ свѣдѣній, къ сожалѣнію, нѣтъ, почему число живущихъ въ столицѣ выше, чѣмъ въ провинціи; вѣроятно, не откликнувшіяся 352 проживаютъ именно въ самой глухой провинціи). По роду занятій—995 занимаются педагогической дѣятельностью; изъ нихъ—35 состоятъ асистентками, преподавательницами и руководительницами практическихъ занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; 20—начальницы гимназій и прогимназій; учительницъ гимназій, прогимназій, инспектрисъ, помощницъ и т. д.—375; сельскія, городскія и низшихъ школъ учительницы—390; остальныя—разнаго рода частная педагогическая дѣятельность. Врачебной дѣятельностью (врачи—54)—86. Литературной дѣятельностью—123. Работаютъ въ лабораторіяхъ, въ ученыхъ учрежденіяхъ, при обсерваторіяхъ—39; завѣдуютъ библіотеками, книжными складами и читальнями—25 и т. д., и т. д Вышло замужъ 840 (и здѣсь приходится отмѣтить, что свѣдѣнія далеко не полныя, такъ какъ относительно многихъ нѣтъ, вообще, никакихъ свѣдѣній). Сравнительно немногія занимаются частной и казенной службой въ желѣзнодорожныхъ бюро, банкахъ или конторахъ. Какъ и слѣдовало ожидать, дѣятельность женщинъ съ высшимъ образованіемъ захватываетъ преимущественно области умственнаго, интеллигентнаго труда, гдѣ женщина теперь идетъ рука объ руку съ мужчиной—въ педагогической, литературной и научной.

Чествованіе В. Г. Короленко. 14-го ноября состоялось чествованіе В. Г. Короленко по случаю 25-ти-лѣтняго юбилея его литературной дѣятельности. Выработанная юбилейнымъ комитетомъ программа празднества должна была состоять изъ двухъ частей: въ часъ дня предполагался въ залѣ Тенишевскаго училища пріемъ (не состоявшійся затѣмъ) депутацій и чтеніе привѣтственныхъ адресовъ, а въ 7 часовъ долженъ былъ состояться обѣдъ въ ресторанѣ Контана.

На обѣдѣ была прочитана масса адресовъ и говорились устныя привѣтствія гг. П. И. Вейнбергомъ, Ѳ. Д. Батюшковымъ, І. В. Гессеномъ, В. М. Гессеномъ, М. И. Кулишеромъ, Ѳ. И. Родичевымъ, П. Якубовичемъ, О. А. Волькенштейномъ, Е. И. Аничковымъ, Я. Г. Гуревичемъ, В. Д. Кузьминымъ-Караваевымъ, М. К. Бларамбергъ-Черновой и др... Наиболѣе сочувственно были встрѣчены привѣтствія, въ которыхъ особенно ярко было подчеркнуто общественное значеніе литературной дѣятельности... В. Г. Шумные аплодисменты вызвало своеобразное по формѣ привѣтствіе Ф. И. Родичева, воспользовавшагося стихотвореніемъ М. Ю. Лермонтова «Я зналъ его», посвященнымъ А. И. Одоевскому. Очень сочувственно были встрѣчены также привѣтствія пом. прис. пов. О. А. Волькенштейна говорившаго отъ имени молодой русской интеллигенціи, адресы отъ учащихся въ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и т. д. Но едва ли не съ наибольшимъ сочувствіемъ было принято небольшое стихотвореніе П. Ф. Якубовича...

Обширное помѣщеніе въ ресторанѣ Контана было совершенно переполнено обѣдъ былъ разсчитанъ на 450 человѣкъ, но явилось гораздо больше, такъ что въ залѣ почти не было возможности двигаться. Среди присутствующихъ были представители различныхъ интеллигентныхъ профессій, а также учащейся молодежи. Кромѣ постоянныхъ жителей Петербурга, было много лицъ, спеціально пріѣхавшихъ ради юбилея изъ Москвы и изъ далекой провинціи.

Объ избирательныхъ правахъ женщинъ. Елецкій предводитель дворянства А. А. Стаховичъ, членъ орловской земской коммиссіи «о цензовыхъ нормахъ», внесъ «особое мнѣніе» по вопросу объ избирательныхъ правахъ женщинъ, полагая, что вопросъ этотъ самъ собою вытекаетъ изъ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 10-го октября 1902 г., которымъ, какъ извѣстно, было предложено земствамъ высказаться объ измѣненіи цензовыхъ нормъ.

«Мы поступили бы неправильно,—говоритъ г. Стаховичъ въ своемъ докладѣ,—если бы, толкуя циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ въ слишкомъ буквальномъ смыслѣ, не сочли нужнымъ, на ряду съ пересмотромъ цензовыхъ нормъ, подвергнуть тщательному анализу и всю дѣйствующую организацію избирательной системы, которая вслѣдствіе крупныхъ измѣненій въ экономической и культурной жизни страны перестала выражать собой основные принципы представительства мѣстныхъ пользъ и нуждъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя также игнорировать вопросъ объ избирательныхъ правахъ лицъ женскаго пола, такъ какъ женщины-землевладѣлицы, заинтересованныя въ силу своего положенія въ томъ или иномъ направленіи земской дѣятельности и платящія вмѣстѣ съ тѣмъ на равныхъ условіяхъ съ землевладѣльцами-мужчинами суммы земскаго сбора, не фикція или малозначущее явленіе, а фактъ, вполнѣ реальный, и къ тому же весьма замѣтный по своему объему. Въ Елецкомъ уѣздѣ по избирательнымъ спискамъ на 1903 г. числилось 288 лицъ съ 95.020 десятинами, изъ коихъ 208 мужчинъ (72%) съ 62 т. десятинъ (65 проц.) и 80 женщинъ (28%) съ 32.760 десятинами (35%). На сколько мнѣ извѣстно, въ Дмитровскомъ уѣздѣ % женщинъ-землевладѣлицъ значительно больше; мнѣ думается, что въ среднемъ по Орловской губерніи % этотъ будетъ весьма близокъ къ 33, т.-е. женщинъ $^1/_3$ часть всѣхъ землевладѣльцевъ,—это, очевидно, составляетъ весьма замѣтную величину, съ которой нельзя не считаться. Между тѣмъ, земское положеніе 1890 г. предоставляетъ лицамъ женскаго пола только право уполномочивать на участіе въ избирательныхъ собраніяхъ своихъ родственниковъ и то ближайшихъ. Въ этомъ отношеніи нынѣ дѣйствующая въ земствѣ выборная система сдѣлала большой шагъ назадъ по сравненію съ земскимъ положеніемъ 1864 г., ст. 18, въ силу которой лица женскаго пола имѣли право уполномачивать на участіе въ выборахъ помимо ближайшихъ родственниковъ, всякихъ лицъ вообще, снабженныхъ надлежащими довѣренностями и отвѣчающихъ имущественнымъ условіямъ, предъявляемымъ закономъ къ избирателямъ. При этомъ родственники могли участвовать, даже если они лично не подходили подъ послѣднее требованіе закона. Такое ограниченіе правъ лицъ женскаго пола, сокращая и безъ того уже слишкомъ незначительное число голосовъ на выборахъ, создало, разумѣется, весьма ненормальное положеніе Значительная по своимъ размѣрамъ часть земли, обложенной земскимъ сборомъ, оказалась фактически исключенной изъ сферы земскаго представительства».

Указавъ затѣмъ на общеизвѣстные успѣхи русской женщины на всѣхъ доступныхъ ей хотя сколько-нибудь поприщахъ, А. А. Стаховичъ заключаетъ свой докладъ опроверженіемъ доводовъ противниковъ равноправности женщинъ и предоставленія имъ избирательныхъ правъ.

«Они обыкновенно и не даютъ себѣ труда подробно мотивировать свое отрицательное отношеніе къ этому вопросу. Можно ли говорить о такомъ безразсудномъ «новшествѣ»? Слыханное ли это дѣло, чтобы женщинамъ предоставить тѣ же права, что ихъ повелителямъ-мужчинамъ, чтобы и онѣ выбирали гласныхъ. Да это невозможно; можно ли это допустить... и только: доводовъ основательныхъ не выставляютъ, критическаго отношенія къ вопросу не высказываютъ. Говорятъ развѣ о легкомысленности женщинъ, объ ихъ неподготовленности къ серьезной работѣ (а мы, гласные-мужчины, всегда ли серьезно относимся къ нашему дѣлу? Не многіе ли изъ насъ весьма грѣшны въ этомъ отношеніи?), что допущеніе ихъ въ избирательныя собранія внесетъ множество интригъ. Послѣднее положеніе совершенно голословно. Неизвѣстно, у кого болѣе склонности къ интригамъ—у мужчинъ или у женщинъ. Забывается при этомъ, что въ избирательныхъ собраніяхъ большинство будетъ все-таки изъ мужчинъ; что если и выберутъ женщину въ гласные, то потому, что найдутъ ее вполнѣ способною къ тому. Относиться къ нимъ будутъ, особенно въ первое время, очень сурово. Попадать въ гласные будутъ лишь самыя дѣловитыя и работоспособныя. Пристрастнаго, въ положительномъ смыслѣ, со стороны мужчинъ-избирателей къ нимъ отношенія никакъ нельзя будетъ ожидать. Нѣтъ, главный доводъ противъ женскихъ правъ все-таки лишь таковъ: что «такъ нельзя», и «никогда этого не было», «это слишкомъ радикальное новаторство», во имя «здоровыхъ охранительныхъ началъ» этому слѣдуетъ воспротивиться.

«Я очень уважаю истинный, здравый консерватизмъ. Но консерваторы и «охранители» бываютъ разные. Одни берегутъ лучшія культурныя завоеванія человѣческаго духа и любовно передаютъ этотъ драгоцѣнный кладъ послѣдующимъ поколѣніямъ. Такой консерватизмъ понятенъ, достоенъ уваженія. Другіе же мечтаютъ остановить поступательное движеніе жизни, сознательно или безсознательно закрывая глаза на послѣдствія такой остановки. Съ такимъ консерватизмомъ я согласиться не могу. Не могу признать правильнымъ только во имя его не предоставлять женщинамъ правъ, которыхъ онѣ безусловно достойны. Не слѣдуетъ забывать, что со времени «Домостроя» и «Русской Правды» и ихъ порядковъ прошло много вѣковъ и ихъ не вернуть. Если ссылаться лишь на прошедшее и отказываться отъ формы только изъ за отсутствія смѣлости порвать съ этимъ отжившимъ прошлымъ—это будетъ не консерватизмъ, а лишь слабость и предразсудокъ. Съ предразсудками же надо бороться, а не поддерживать ихъ.

«На основаніи всего вышесказаннаго я убѣжденно полагаю, что слѣдуетъ предоставить женщинамъ-землевладѣлицамъ избирательныя права, какъ активныя (быть избирателями), такъ и пассивныя (быть избираемыми) на одинаковыхъ основаніяхъ съ мужчинами.»

Жестокій проектъ. «Восточное Обозрѣніе» приводитъ ходатайство владивостокской думы, которое лишній разъ подчеркиваетъ наши «жестокіе нравы». «16-го октября въ засѣданіи владивостокской думы обсуждался проектъ докладной записки намѣстнику. Изъ всѣхъ ходатайствъ больше всего насъ заинтересовалъ проектъ воспрещенія ссыльному элементу водворяться въ городѣ Владивостокѣ. «Ссыльный элементъ, поселяющійся во Владивостокѣ послѣ отбытія наказанія на Сахалинѣ,—говорится въ проектѣ деморализующе дѣйствуетъ на городскую жизнь. усиливая въ ней порочные элементы. Никакое благоустроенное общество не можетъ помириться съ этимъ явленіемъ, и вредное вліяніе ссылки въ этомъ отношеніи безповоротно признано самимъ правительствомъ. Помимо всего, допускъ порочныхъ сахалинскихъ элементовъ во Владивостокъ ненормаленъ уже потому, что городъ является, вмѣстѣ съ тѣмъ, крѣпостью и военнымъ портомъ, которые въ особенности должны быть свободны отъ нихъ». По этому поводу «Восточное Обозрѣніе» говоритъ:

«Кажется, о безопасности и благонадежности въ крѣпости и военномъ портѣ призваны заботиться не городскіе гласные, а соотвѣтствующія военныя власти, которыя не нуждаются въ указаніяхъ городской управы, какимъ образомъ блюсти крѣпость и военный портъ. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, какимъ безсердечнымъ эгоизмомъ вѣетъ отъ этого проекта «воспрещенія». Затаеннымъ сокровеннымъ желаніемъ всякаго сахалинца является—выбраться съ ужаснаго острова на материкъ. Тутъ каждый изъ нихъ мечтаетъ возродиться къ новой жизни, честной, трудовой. И мы видимъ, что очень многіе изъ нихъ осуществляютъ свои мечты въ дѣйствительности и становятся дѣльными трудящимися членами общества. Чувство гуманности подсказываетъ, что должно по мѣрѣ силъ облегчить сахалинцу возможность стать на честный путь. И вотъ, городская дума Владивостока хочетъ закрыть сахалинцамъ доступъ въ самый богатый въ краѣ городъ, гдѣ до сихъ поръ легче, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, найдти заработокъ и кусокъ хлѣба.

«Если Владивостоку удастся оградить себя отъ сахалинцевъ, то его примѣру не замедлятъ послѣдовать и другіе города. Напримѣръ, маленькій Николаевскъ-на-Амурѣ ежегодно лѣтомъ подвергается нашествію тысячъ людей, временныхъ пришельцевъ съ о. Сахалина, отпускаемыхъ на материкъ, на лѣтніе заработки. Непріятности отъ водворенія преступнаго элемента выражаются въ Николаевскѣ въ гораздо сильнѣйшей степени, чѣмъ во Владивостокѣ. Значитъ, и Николаевскъ имѣетъ право воспрещать водвореніе несчастныхъ каторжанъ въ чертѣ города. Сельскія общества порочныхъ членовъ могутъ не принимать въ свою среду. Что же тогда остается дѣлать тѣмъ изъ ссыльно-поселенцевъ, которые, отбывши каторгу, захотятъ выбраться въ люди? Имъ остается одна тайга, гдѣ они и будутъ жить по образу звѣриному, гонимые своими братьями изъ городовъ и селъ. Хотя проектъ управы не былъ подкрѣпленъ никакими статистическими данными, которыя доказывали бы тѣсную связь между преступностью и проц. отношеніемъ сахалинцевъ къ остальному населенію, онъ встрѣтилъ сочувствіе у малокультурной части нашихъ гласныхъ—богатыхъ мѣщанъ. Большинствомъ голосовъ дума рѣшила ходатайствовать о «воспрещеніи». Конечно, вмѣсто головоломнаго исканія истинныхъ причинъ сложныхъ соціальныхъ недуговъ гораздо проще и легче сваливать все на безотвѣтную голову сахалинца».

Коммиссія домашняго чтенія. При московской коммиссіи по организаціи домашняго чтенія, уже нѣсколько лѣтъ существуетъ особое лекціонное бюро, которое поставило себѣ цѣлью содѣйствовать осуществленію въ нашихъ провинціальныхъ городахъ публичныхъ лекцій по разнымъ вопросамъ науки и литературы. Являясь посредникомъ между лекторами и всякаго рода обществами и учрежденіями, организующими съ просвѣтительной и благотворительцѣлью публичныя лекція, бюро устроило въ послѣднее время не только рядъ отдѣльныхъ чтеній, но и цѣлые курсы, посвященные систематическому обзору основаній той или другой научной дисциплины. Такъ, при его участіи и помощи въ нѣсколькихъ городахъ были и скоро будутъ прочитаны состоящіе изъ 6—10-ти лекцій курсы по психологіи, юриспруденціи, исторіи литературы, политической экономіи, ботаникѣ, химіи, физіологіи, зоологіи, исторіи музыки и т. д. Къ услугамъ бюро прибѣгаютъ нѣкоторыя земства, которыя, организуя общеобразовательные курсы для своихъ учителей, обращаются къ нему съ просьбой рекомендовать соотвѣтственныхъ лекторовъ. Общій духовный ростъ провинціи, съ каждымъ годомъ усиливая ея потребность въ образованіи, приводитъ въ связи съ этимъ и къ тому, что возрастаютъ ея запросы на живое слово лектора. Стараясь идти навстрѣчу этому просвѣщенному стремленію провинціальнаго общества, лекціонное бюро встрѣчаетъ, однако, невольныя затрудненія именно въ самомъ возрастаніи предъявляемыхъ къ нему требованій. Дѣло въ томъ, что оно располагаетъ услугами только ограниченнаго числа лекторовъ, большей частью связанныхъ съ московскимъ университетомъ, занятыхъ своими учеными и учебными трудами и потому не имѣющихъ возможности въ теченіе академическаго года отлучаться на болѣе или менѣе продолжительное время изъ Москвы; между тѣмъ запросы на лекторовъ бюро получаетъ изъ самыхъ разнообразныхъ и отдаленныхъ угловъ провинціи, не только изъ губернскихъ, но и уѣздныхъ городовъ, со всѣхъ концовъ Россіи, отъ Керчи и Симферополя до Уфы и Перми, отъ Самары до Новочеркаска и Армавира, отъ Каменецъ-Подольска, Витебска, Минска до Твери, Нижняго, Воронежа и Вологды. Обслуживая по преимуществу центральную русскую провинцію, бюро, къ своему глубокому сожалѣнію, нерѣдко отвѣчаетъ вынужденнымъ отказомъ на идущія изъ болѣе далекихъ городовъ симпатичныя и заслуживающія всяческаго одобренія просьбы о научно-популяризаторской и образовательной помощи. Вотъ почему бюро въ послѣднее время озабочено тѣмъ, чтобы привлечь къ своей дѣятельности провинціальныхъ лекторовъ, которые могли бы читать въ районѣ, примыкающемъ къ данному своему университету, такимъ образомъ для многихъ городовъ исчезла бы необходимость обращаться къ лекторамъ отдаленной Москвы, и это между прочимъ значительно уменьшило бы тѣ расходы по устройству лекцій, которые несутъ теперь провинціальныя Общества и учрежденія.

Въ наиболѣе отдаленные провинціальные города, куда поѣздки самихъ лекторовъ были бы во всѣхъ отношеніяхъ очень затруднительны, бюро посылаетъ имѣющіеся въ его распоряженіи готовые тексты нигдѣ еще не напечатанныхъ лекцій—для прочтенія ихъ въ данномъ городѣ кѣмъ-нибудь изъ представителей мѣстной интеллигенціи. Къ сожалѣнію, лишь немногіе лекторы пишутъ свои лекціи, и потому бюро располагаетъ очень небольшимъ количествомъ готовыхъ текстовъ. Вотъ ихъ перечисленіе. Алферовъ, А. Д.: 3—4—«Лермонтовъ и его поэзія». Н. Мировичъ: 1 — «Женщина во французскомъ обществѣ въ XVIII вѣкѣ», 1—«Женщина и семья въ соч. гр. Л. Н. Толстого». Ремезовъ, Ѳ. Н.: 1 — «О питаніи», 1 — «О кровообращеніи», 1 — «О дыханіи» 1 — «Каково должно быть жилище, чтобы не вредить здоровью», 1 — «Невидимые друзья и враги человѣка», 1 — «Кровь и ея великое значеніе въ борьбѣ съ болѣзнями у человѣка», 1 — «Жизнь и труды Пастёра». Рожковъ, Н. А., прив.-доц. московскаго университета: 2 — «Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи». 2—«Реформы Петра Великаго», 1—«Происхожденіе и устройство государственнаго совѣта и министерствъ при Александрѣ I (къ юбилею этихъ учрежденій)», 1—«Психологія общества и хозяйственный строй въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ». Рыбаковъ, Ѳ Е.: 1—«Психическая зараза и ея роль въ общественной жизни». Тарасовъ, Н. Г.: 1—«О катакомбахъ. Тексты оплачиваются, независимо отъ разстоянія, однообразнымъ гонораромъ въ 15 рублей за двухчасовую лекцію (изъ нихъ 10 рублей поступаютъ въ пользу автора, а 5 рублей идутъ на возмѣщеніе расходовъ лекціоннаго бюро). Списки лекторовъ и правила лекціоннаго бюро, содержащія въ себѣ указанія относительно порядка устройства лекцій, а также условія гонорара, разсылаются въ провинціальныя общества и организаціи и всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя интересуются лекціоннымъ дѣломъ.

Въ Тверскомъ земствѣ. Все образованное русское общество было поражено осенью газетнымъ сообщеніемъ, что тверское уѣздное земское собраніе постановило передать свои школы въ вѣдѣніе духовенства. Вполнѣ естественно поэтому, что въ первый же день тверскаго губернскаго земскаго собранія былъ возбужденъ вопросъ о томъ, какія мѣры можетъ принять губернское земство для противодѣйствія такому вполнѣ неземскому рѣшенію.

По принятому обычаю, предсѣдатель собранія, губернскій предводитель дворянства М. В. Всеволожскій, при открытіи засѣданія предложилъ почтить память усопшихъ губернскихъ гласныхъ А. А. Головачева, Сназина и др. и затѣмъ хотѣлъ приступить къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ докладовъ губернской управы. Но гласный С. В. де-Роберти просилъ позволенія указать еще одного покойника—тверское уѣздное земство, постановленіе котораго о передачѣ школъ въ духовное вѣдомство равносильно самоубійству.

Губернское земское собраніе не можетъ пройти молчаніемъ фактъ такого громаднаго общественнаго значенія и должно выразить свою полную несолидарность съ рѣшеніемъ тверского уѣзднаго земства. Чтобы отнестись къ этому вопросу съ должною серьезностью и разсмотрѣть его всесторонне, гласный де-Роберти предложилъ передать его на предварительное обсужденіе редакціонной коммиссіи и просить ее представить докладъ земскому собранію. Гласный В. Н. Трубниковъ, одинъ изъ участниковъ знаменитаго рѣшенія, старался доказать, что губернскому земскому собранію нѣтъ основанія заниматься этимъ вопросомъ, такъ какъ окончательнаго постановленія о передачѣ школъ въ духовное вѣдомство не было, а было только дано порученіе управѣ собрать свѣдѣнія, на какихъ условіяхъ духовное вѣдомство могло бы принять школы въ свое завѣдываніе, и представить по этому вопросу докладъ къ земскому собранію будущаго года,

Послѣ горячихъ преній, въ которыхъ сторонники рѣшенія тверского уѣзднаго земскаго собранія старались доказать, что губернское земское собраніе не имѣетъ даже права вмѣшиваться въ это дѣло, что такое вмѣшательство нарушаетъ автономныя права уѣздныхъ земствъ, громаднымъ большинствомъ собранія было рѣшено передать этотъ вопросъ на обсужденіе редакціонной коммиссіи.

Наконецъ, въ засѣданіи 2-го декабря редакціонная коммиссія представила свой докладъ земскому собранію. Все засѣданіе этого дня было посвящена докладу коммиссіи; пришлось дѣлать два перерыва засѣданія. Публики набралось масса: многіе пріѣхали изъ уѣздовъ и даже изъ Петербурга, чтобы послушать, какъ отнесется губернское земское собраніе къ рѣшенію, взволновавшему все образованное русское общество.

Редакціонная коммиссія, прежде всего, занялась вопросомъ, имѣетъ-ли губернское земское собраніе юридическое право разсматривать постановленія уѣзднаго земскаго собранія, и нашла, что пунктъ 10-й ст. 63 положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ предоставляетъ это право, т. к. въ этой статьѣ, при перечисленіи дѣлъ, представленныхъ губернскимъ земскимъ собраніямъ, въ указанномъ пунктѣ сказано: «разсмотрѣніе постановленій уѣздныхъ земскихъ собраній, вносимыхъ по свойству дѣлъ въ губернское земское собраніе». Затѣмъ комиссія подробно указала на тѣсную связь мѣропріятій губернскаго земства по народному образованію съ дѣятельностью уѣздныхъ земствъ. На средства губернскаго земства содержится женская учительская школа, поставляющая главный контингентъ учащихъ въ уѣздныя земства. Для всѣхъ учащихъ, по очереди, губернское земство устраиваетъ лѣтніе общеобразовательные курсы. Учащіе въ земскихъ школахъ состоятъ участниками эмеритальной кассы для служащихъ въ земствѣ. Губернское земство выдаетъ ссуды крестьянскимъ обществамъ, подъ поручительствомъ уѣздныхъ земствъ, на постройку школьныхъ зданій, содержитъ въ Твери книжный складъ, снабжающій уѣздныя земства учебниками и книгами для внѣкласснаго чтенія, оказываетъ денежныя пособія при устройствѣ школьныхъ и народныхъ библіотекъ, наконецъ, при губернскомъ земствѣ была организована особая коммиссія по вопросу о введеніи всеобщаго обученія въ губерніи и составлены карты уѣздовъ съ показаніемъ желательной сѣти школъ. Передачею своихъ школъ въ духовное вѣдомство тверское уѣздное земство нарушило бы единство дѣятельности по народному образованію во всей губерніи, а потому, если бы оно не отмѣнило своего рѣшенія, то коммиссія признала возможнымъ принять противъ тверскаго уѣзднаго земства съ 1-го января 1905 года рядъ репрессивныхъ мѣръ: лишить его кредита изъ капиталовъ губернскаго земства, какъ на постройку школьныхъ зданій, такъ и на другія нужды. Кромѣ того, потребовать немедленнаго возвращенія полученныхъ ссудъ (около 64 тыс. рублей) и эмсритурныхъ взносовъ учащихъ, которые должны будутъ уйти со службы тверскаго уѣзднаго земства въ случаѣ перехода школъ въ духовное вѣдомство. Необходимо еще указать тверскому уѣздному земству, что оно не имѣетъ права передавать школы, принадлежащія губернскому земству, каковыхъ двѣ въ Тверскомъ уѣздѣ: въ память Императора Александра II-го и въ память А. М. Унковскаго. Нельзя также передавать и школьныя зданія, построенныя на средства крестьянъ безъ ихъ согласія.

Докладъ редакціонной коммиссіи вызвалъ цѣлую бурю у сторонниковъ пресловутаго рѣшенія тверского уѣзднаго земства. Они настаивали на томъ, что никакого окончательнаго рѣшенія еще не принято, а высказано было только предположеніе о другомъ направленіи въ дѣлѣ народнаго образованія, что уѣздное земское собраніе имѣетъ право давать порученія своему исполнительному органу, управѣ, собрать и представить тѣ или другія свѣдѣнія къ будущему земскому собранію, что, наконецъ, не подобаетъ губернскому земскому собранію принимать предлагаемыя коммиссіею репрессивныя мѣры, подъ угрозою которыхъ предлагается тверскому уѣздному земству отказаться отъ мысли передавать свои школы въ духовное вѣдомство.

Въ защиту доклада редакціонной коммиссіи были сказаны прекрасныя рѣчи гласными И. И. Петрункевичемъ и В. Д. Кузьминымъ-Караваевымъ. Первый изъ нихъ, прежде всего, остановился на справкѣ губернской управы, что до сихъ поръ было 7 случаевъ, когда уѣздныя земства передали свои школы въ духовное вѣдомство, но эти земства или вовсе не открывали своихъ школъ, или постоянно субсидировали значительными суммами церковно-приходскія школы, или, наконецъ, тратили на земскія школы незначительныя суммы. Тверское же уѣздное земство находится въ совершенно иномъ положеніи: въ 1903—1904 учебномъ году содержалось на счетъ земства 113 начальныхъ школъ; кромѣ того, земство имѣетъ 35 народныхъ библіотекъ и ведетъ чтенія въ 36 пунктахъ уѣзда. Для завершенія полной сѣти школъ оставалось открыть еще только 19 училищъ. На 1904 годъ ассигновка на народное образованіе утверждена въ суммѣ 110.338 рублей, что составляетъ 42% всей смѣты уѣздныхъ расходовъ. Результаты усилія земства привели къ тому, что въ начальныхъ училищахъ уѣзда обучается 100% мальчиковъ (изъ нихъ 86% въ земскихъ школахъ) и 56% дѣвочекъ школьнаго возраста; число неграмотныхъ новобранцевъ сократилось до ничтожной цифры, составляющей 6% всего числа принятыхъ на военную службу въ 1902 году. Что же могло заставить тверское уѣздное земство отказаться отъ самостоятельнаго управленія школами при такомъ прекрасномъ положеніи дѣла? Необходимость экономіи? Но почему же тогда уѣздное земство не обратилось въ губернское земское собраніе? Можетъ быть, послѣднее взяло бы на свой счетъ расходы на народное образованіе въ Тверскомъ уѣздѣ! Кромѣ того, тверское уѣздное земство совершенно забыло о своихъ 178-ми учащихъ, которые добросовѣстно работали въ школахъ, отдавая имъ не только свой трудъ и время, но и вкладывая въ дѣло свою душу. Всѣ эти труженики выбрасываются, какъ ненужная ветошь! Далѣе г. Петрункевичъ указалъ, что благодаря печати, постановленіе Тверского уѣзда облетѣло всю Россію, и теперь губернское земство обязано передъ лицомъ своей родины высказать осужденіе такому постановленію.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ указалъ, что рѣшеніе Тверского уѣзда вноситъ элементъ внутренняго разложенія въ земскую среду. Это обстоятельство обязываетъ губернское земство принять энергичныя мѣры, чтобы въ зародышѣ уничтожить появившуюся смуту.

Обѣ рѣчи вызвали громъ рукоплесканій собравшейся публики, и звонокъ предсѣдателя тщетно старался прекратить выраженіе всеобщей радости по поводу блестящей оцѣнки «предположенія» тверского уѣзднаго земства.

При послѣдовавшемъ затѣмъ голосованіи большинствомъ всѣхъ противъ 8-ми были приняты предложенія редакціонной коммиссіи.

Некрологъ С. М. Переяславцевой. 1-го декабря въ Одессѣ скончалась одна изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ женщинъ, Софья Михайловна Переяславцева. Пользуемся біографическимъ очеркомъ, составленнымъ г. Кожевниковымъ и напечатаннымъ въ «Русск. Вѣд.», чтобы привести слѣдующія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности покойной.

С. М. Переяславцева происходила изъ дворянской семьи и родилась въ 1851 г. Отецъ ея былъ полковникъ. Окончивъ курсъ въ курской женской гимназіи, покойная провела одну зиму въ Петербургѣ, посвящая свое время самообразованію. Съ 1870 до 1872 г. С. М. прожила въ Харьковѣ, зарабатывая деньги переводами и въ то же время занимаясь изученіемъ инфузорій, результатомъ чего явилась ея первая работа «Нѣкоторыя свѣдѣнія объ инфузоріяхъ, встрѣчающихся въ окрестностяхъ Харькова», напечатанная въ «Трудахъ харьковскаго Общества естествоиспытателей». Тамъ же и въ томъ же году появилась и вторая ея работа по фаунѣ бабочекъ Воронежской губерніи.

Въ томъ же 1872 году она—уже въ цюрихскомъ университетѣ на естественномъ факультетѣ, который окончила черезъ три года, защитивъ диссертацію на степень «доктора философіи» на тему «Строеніе органа обонянія у рыбъ». Работа эта, напечатанная сперва отдѣльнымъ изданіемъ въ Цюрихѣ, появилась затѣмъ въ болѣе полномъ видѣ въ 1878 г. въ «Трудахъ С.-Петербургскаго Общества естествоиспытателей».

1878 годъ принесъ крупную перемѣну въ судьбѣ Софьи Михайловны: по предложенію новороссійскаго Общества естествоиспытателей она была назначена временно завѣдующей недавно передъ тѣмъ основанной севастопольской біологической станціей, которая находилась тогда въ весьма стѣсненномъ положеніи, такъ какъ, не имѣя собственнаго помѣщенія, имѣла на *всѣ* расходы, въ томъ числѣ и на наемъ квартиры и на вознагражденіе завѣдующаго, всего 1.500 руб. Временное завѣдываніе перешло затѣмъ въ постоянное, и всего на этомъ посту покойная С. М. провела 12 лѣтъ, до 1890 г., когда завѣдующимъ былъ назначенъ А. А. Остроумовъ (нынѣ профессоръ казанскаго университета). За время завѣдыванія севастопольской біологической станціей С. М. наглядно и убѣдительно доказала, къ какой высокой и интенсивной научно-общественной дѣятельности способна русская женщина. Избалованные хорошей лабораторной обстановкой изслѣдователи съ трудомъ могутъ себѣ представить, насколько трудно было работать въ убогихъ условіяхъ старой севастопольской станціи, а между тѣмъ за время завѣдыванія С. М. станція выпустила цѣлый рядъ серьезныхъ научныхъ изслѣдованій, и смѣло можно сказать, что бо̀льшаго отъ станціи нельзя было тогда и требовать. Съ 1889 года бюджетъ станціи былъ увеличенъ до 2.500 р., съ 1892 года она перешла въ вѣдѣніе Императорской академіи наукъ, въ 1897 году перешла въ собственное роскошное помѣщеніе и, конечно, теперь, въ новую эпоху своего существованія, можетъ гораздо шире, чѣмъ раньше, развить свою дѣятельность, но въ исторіи науки и Общества надо съ особой благодарностью вспоминать труды тѣхъ піонеровъ, которые работали при тяжелыхъ условіяхъ, при неблагопріятной обстановкѣ.

За время своего пребыванія на станціи Софья Михайловна напечатала рядъ работъ о развитіе коловратокъ, о простѣйшихъ Чернаго моря, о пищевареніи турбеллярій, дополненія къ фаунѣ Чернаго моря, исторію развитія Gammarus poecilurus, исторію развитія Caprella ferox (оба названныя животныя принадлежатъ къ ракообразнымъ) и написала обширную монографію рѣсничатыхъ червей Чернаго моря, которая появилась въ печати уже послѣ ухода Софьи Михайловны со станціи въ 1892 году и была на слѣдующій годъ удостоена кесслеровской преміи на IX съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ.

Послѣ ухода со станціи вся жизнь Софьи Михайловны попрежнему проходила въ научной работѣ. Въ 1892 году она получила командировку отъ московскаго общества испытателей природы для занятій на неаполитанской зоологической станціи и, кромѣ этой поѣздки, пробыла еще за границей 2—3 года, преимущественно въ Парижѣ, работая по зоологіи въ ботанической лабораторіи Фанъ Тигема. За этотъ періодъ вышли ея работы: анатомія червя Nerilla antennata и исторія развитія паукообразныхъ Phrynus (обѣ на французскомъ языкѣ), и была представлена въ рукописи на конкурсъ въ общество любителей естествознанія и удостоена преміи имени Е. К. Кандинской работа по исторіи развитія скорпіоновъ.

Нужда въ деньгахъ заставляла Софью Михайловну заниматься и переводами, и даже сейчасъ готовится къ выходу въ свѣтъ ея переводъ англійской ботаники Гукера. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ она получала небольшую пенсію отъ коммиссіи для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, состоящей при академіи наукъ, и не имѣла никакихъ иныхъ средствъ къ существованію. До назначенія ей пенсіи у нея бывали періоды острой нужды, которую она переносила съ рѣдкимъ стоицизмомъ.

Софья Михайловна представляла собою крайне рѣдкій типъ человѣка, всецѣло и беззавѣтно преданнаго наукѣ. Среди женщинъ такіе типы рѣдки прежде всего потому, что лишь ничтожный процентъ ихъ занимается вообще наукой, среди мужчинъ—потому, что у нихъ служебная и общественная дѣятельность почти всегда совмѣщается съ занятіями наукой и часто заслоняетъ интересы послѣдней. Для Софьи Михайловны въ жизни была одна цѣль: производить научныя изслѣдованія, и она отдавалась съ самозабвеніемъ работѣ.

бывшей для нея родной стихіей. Работала она часто до изнеможенія силъ, въ буквальномъ смыслѣ слова забывая о пищѣ и снѣ, что не могло не отозваться вредно на ея здоровьѣ.

Напряженная умственная работа не убила, однако, въ Софьѣ Михайловнѣ способности наслаждаться искусствомъ. Она любила музыку, особенно классическую, сама играла на рояли и въ эстетическихъ эмоціяхъ находила лучшее отдохновеніе отъ научной мысли.

Представляя рѣдкій типъ человѣка, для котораго интересы чистой науки стояли на первомъ планѣ, Софья Михайловна являла также рѣдкій среди женщинъ примѣръ замѣчательной твердости и непреклонности характера. Для лицъ, мало ее знавшихъ, эти качества казались даже непривлекательными, рѣзкими. Неспособная ни на какіе компромиссы и сдѣлки съ совѣстью, Софья Михайловна не проявляла той уступчивости, которая, къ сожалѣнію, часто считается почти обязательной въ современномъ обществѣ. Характеру ея были совершенно чужды подражательность, признаніе общепринятыхъ взглядовъ, увлеченіе модными идеями. Это была совершенно самобытная, своеобразная натура, рѣзко выдѣлявшаяся изъ нивеллированной толпы современной интеллигенціи.

ДЕСЯТИЛѢТІЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ НИЖЕГОРОДСКАГО ОБЩЕСТВА ВЗАИМОПОМОЩИ УЧАЩИМЪ.

Лѣтъ 11 тому назадъ въ кружкѣ нижегородскихъ учительницъ воскресныхъ и городскихъ школъ возникла мысль о необходимости образованія учительскаго общества. Энергичный молодой кружокъ немедленно принялся за осуществленіе своей идеи, ознакомился съ имѣвшимися уставами существовавшихъ тогда обществъ;—Казанскаго, Петербургскаго и Рязанскаго и выработалъ свой Уставъ, подвергшійся сначала мѣстной критикѣ, которая отрицательно отнеслась къ названію «взаимопомощи», замѣняя его вспомоществованіемъ, и къ составу общества изъ педагоговъ всѣхъ типовъ, настаивая, чтобы это было общество учащихъ начальныхъ школъ, а члены сотрудники не имѣли бы право быть членами правленія.

Иниціаторши Общества твердо отстаивали свои положеніяи на утвержденіе былъ посланъ Уставъ, подписанный 64 лицами, съ губернаторомъ во главѣ, въ желательной для кружка редакціи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Уставъ былъ возвращенъ, къ счастью, для мелкихъ несущественныхъ исправленій, и къ январю 1894 года полученъ уже оффиціально утвержденнымъ.

Это было большое торжество: удалось провести принципъ взаимопомощи между лицами, занимающимися педагогическою дѣятельностью всѣхъ категорій, хотя бы и частною, прошелъ параграфъ о духовной взаимопомощи, общество имѣло право на открытіе филіальныхъ отдѣленій по уѣздамъ и на выдачу, кромѣ пособій, безпроцентныхъ ссудъ.

Тотъ же кружокъ лицъ предложилъ учредительному собранію 23-го января 1894 г. изъ 153 лицъ, пожелавшихъ быть членами, избрать правленіе общества

Предсѣдателемъ его выбрали всѣми уважаемаго присяжнаго повѣреннаго С. С. Баршева, который сразу поставилъ общество на извѣстную высоту, соотвѣтствующую его задачамъ и благородной, независимой личности самого предсѣдателя, до конца своей жизни дѣятельно работавшаго въ немъ. Секретаремъ согласилась быть извѣстная писательница, живущая теперь въ Петербургѣ, А. Н. Анненская. Товарищемъ предсѣдателя членъ Губернской Земской Управы Г. Р. Килевейнъ, состоящій имъ и понынѣ. Также удачно были выбраны и остальные члены правленія изъ мѣстныхъ учительницъ и учителей.

За 10 лѣтъ Общество имѣетъ третьяго предсѣдателя, нѣкоторые члены правленія работаютъ съ основанія, но большинство мѣняется; несмотря на эту смѣну лицъ, направленіе дѣятельности Общества то же, что и вначалѣ. Общество объединило учащихъ Нижегородской губерніи и, разумѣется, оно особенно цѣнно и важно для сельскихъ учителей.

Къ 1-му января 1903 г. въ Обществѣ было три почетныхъ члена (въ числѣ ихъ Ѳ. И. Шаляпинъ), 4 пожизненныхъ, 923 дѣйствительныхъ и 323 сотрудника, а всего 1.262 чел. 56% числа дѣйствительныхъ членовъ, т.-е. около 500, проживаютъ въ уѣздахъ. Капиталъ Общества къ 1-му января 1903 г. считая суммы, находящіяся въ долгу за членами, равнялся 12.761 руб. 76 коп.

Самые крупные расходы Общества: 1) по содержанію общежитія для дѣтей сельскихъ учителей, 2) на выдачу пособій, 3) на выдачу ссудъ и 4) по содержанію библіотеки и ея филіальныхъ отдѣленій.

Приводимъ изъ отчета за 1902 г. нѣкоторыя данныя, характеризующія дѣятельность Общества и источники его средствъ.

Въ видѣ безвозвратныхъ пособій на воспитаніе дѣтей Обществомъ выдано 1.992 р.; въ видѣ бозпроцентныхъ ссудъ—5.432 р.; отъ земства Общество получило на общія нужды 3.675 р. и на общежитіе для дѣтей учащихъ—4.400 р.

Спеціально на постройку общежитія поступило отъ губернскаго земства 1.500 руб. и отъ Арзамасскаго 100 руб. По смѣтамъ, утвержденымъ очередными губернскимъ и уѣзднымъ земскими собраніями, на пособіе Обществу на 1903 г. назначено 1.980 р.

Дѣятельность общества развивалась постепенно и въ началѣ выражалась, главнымъ образомъ, въ заботахъ о пополненіи средствъ, въ выдачѣ пособій, безпроцентныхъ ссудъ и устройствѣ центральной библіотеки въ Нижнемъ, дѣлившейся на части и постепенно пересылавшейся по уѣзднымъ пунктамъ; завѣдывали ею и въ Нижнемъ, и въ уѣздахъ сами учителя, а по составленію ея первоначальнаго каталога работала спеціальная коммиссія воглавѣ съ покойнымъ теперь М. А. Плотниковымъ и Правленіе общества. Въ настоящее время библіотека, обладая 1.617 томами въ 840 названіяхъ, находится въ 16 пунктахъ въ уѣздахъ; въ Нижнемъ же открытъ для членовъ общества кабинетъ для чтенія газетъ и журналовъ.

Стремясь обезпечить матеріальныя условія жизни членовъ, Правленіе исхлопотало льготы для дѣйствительныхъ членовъ общества при проѣздѣ на пароходахъ, простирающіяся до 50%; льготы при пользованіи врачебною помощью и аптеками; устроило безплатныя квартиры для пріѣзжающихъ на каникулярное время въ Нижній уѣздныхъ дѣйствительныхъ членовъ; льготное пользованіе газетами; учредило бюро для пріисканія занятій дѣйствительнымъ членамъ на лѣтнее время. При устройствѣ лекцій давало право безплатнаго или льготнаго ихъ посѣщенія учителямъ и заботилось, чтобы они происходили въ свободное отъ занятій время.

Несмотря на большія затрудненія при устройствѣ лекцій въ провинціи, Общество въ 1895 г. обратилось въ московское лекціонное бюро и пригласило проф. И. И. Иванова и П. Н. Милюкова, прочитавшихъ рядъ выдающихся лекцій: первый—«Просвѣтительное движеніе прошлаго вѣка», П. Н. Милюковъ—«Русскія общественныя настроенія XVIII и XIX вѣка» и «Распространеніе университетскаго образованія въ Англіи и Америкѣ».

Также удачна была лекція В. А. Гольцева: «Литературная характеристика В. Г. Короленко». Затѣмъ послѣдовали лекціи проф. А. А. Кизеветтера по исторіи русскаго общества прошлаго вѣка, З. С. Ивановой-Мировичъ — «Объ Ибсенѣ», П. И. Вейнберга: «О поэтахъ міровой скорби—Байронѣ, Гейне, Леопарди», доктора философіи М. В. Безобразовой 4 лекціи: 1) «Что такое психофизіологія», 2) «Что такое психологія», 3) «Изъ области метафизики» и 4) «О злѣ».

Всѣ эти лекціи вмѣстѣ съ духовной пользой принесли обществу и матеріальный успѣхъ. Въ 1899, 1900 и 1901 г.г., несмотря на сдѣланныя попытки, не удалось организовать ни одной лекціи. Въ 1902 г. состоялись лекціи Н. А. Рожкова: «Городъ и деревня въ русской исторіи» и г. Крубера: «Очерки географіи и культуры Китая». О результатахъ дѣятельности правленія въ 1903 г. автору очерка извѣстно, что изъ числа приглашенныхъ, 3 лектора дали согласіе и предложили 5 темъ для лекцій. Правленіе въ своемъ отчетѣ за 1902 г. указываетъ на трудность получить разрѣшеніе отъ Учебнаго Округа и на позднія разрѣшенія, когда уже всѣ сроки, назначенные лекторомъ, прошли. По этому поводу Общество намѣрено возбудить ходатайство передъ надлежащимъ вѣдомствомъ совмѣстно съ другими учительскими обществами.

Во время выставки 1896 г. Общество организовало дешевыя квартиры для учащихъ, посѣщавшихъ Нижній, съ платою по 1 р. 50 к. за десять дней. Квартирами воспользовались, кромѣ 262 учащихъ Ниже-городской губ.,— учащіе 80 губерній и областей всей Россіи, включая Кавказъ, Сибирь и проч. (изъ Забайкальской области было 5 человѣкъ). Общее количество лицъ, воспользовавшихся квартирами, 4.518 чел.: учителей 1.843, учительницъ 2.266. Въ распоряженіе особой коммиссіи, организованной при обществѣ для устройства этихъ квартиръ, поступило всего съ пособіями 9.199 р. 48 к., израсходовано-же было 7.684 р. 83 к., остатокъ 1.514 р. 65 к. наличными и на 150 р. имуществомъ. Остатокъ и имущество составили первоначальный фондъ устроеннаго общежитія для дѣтей. Организовать дешевыя квартиры возможно было потому, что Нижегородское Городское Общество Управленіе предоставило для нихъ безплатно 18 училищъ, вмѣщавшихъ одновременно до 700 человѣкъ. Несмотря на нѣкоторыя шероховатости и ошибки при организаціи этого труднаго дѣла, ревизіонный отчетъ заканчиваетъ свой отзывъ о дѣятельности выставочной коммиссіи словами одной изъ посѣтительницъ выставки—черниговской учительницы: «Всякій, вносящій что-нибудь новое въ умственный и нравственный багажъ народныхъ просвѣтителей, тѣмъ, самымъ служитъ на благо и пользу народа».

Въ 1895 году 2-ое очередное Собраніе, желая возбудить ходатайство передъ правительствомъ и губернскимъ земствомъ объ улучшеніи положенія учителей, постановило просить Правленіе собрать свѣдѣнія о положеніи всѣхъ учащихъ и особенно семейныхъ и разработать вопросъ о формѣ, въ какой общество можетъ придти имъ на помощь. Правленіемъ былъ составленъ вопросникъ при участіи земскихъ статистиковъ, разосланный, съ помощью Губернской земской управы, учителямъ. По полученіи на него отвѣтовъ, Правленіе представило общему Собранію 1896 г. докладъ о семейномъ составѣ учащихъ Нижегородской губ. и формахъ помощи общества своимъ дѣйствительнымъ членамъ при воспитаніи дѣтей. Результатомъ этой работы явилось устройство общежитія для дѣтей уѣздныхъ членовъ, учащихся въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Въ настоящее время помощь семейнымъ учащимъ распадается на 5 видовъ: а) пользованіе общежитіемъ (помѣщается по послѣднимъ свѣдѣніямъ 31 мальчикъ и 18 дѣвочекъ), б) пособія единовременныя, в) пособія періодическія, г) земскія стипендіи, д) освобожденіе отъ платы за ученіе.

Считая пріобрѣтеніе собственнаго благоустроеннаго зданія для общежитія и помѣщенія въ немъ другихъ учрежденій существенно необходимымъ, общество достигло слѣдующихъ результатовъ: къ 1-му января 1903 года имѣло на постройку 7.256 руб. 91 коп. денегъ, дарованные Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ 700 деревьевъ Керженскаго лѣса, предоставило Правленію пріобрѣсти у города, отказавшаго въ безплатномъ отводѣ земли, участокъ въ 400 кв. сажень, съ платою по 5 р. за саж. Планъ постройки общежитія составленъ на 72 чел.; къ веснѣ 1904 г. Правленіе надѣется возвести стѣны и кровлю, внутреннюю же отдѣлку зданія произвести весною 1905 г. Живущія въ общежитіи дѣти пользуются безплатно медицинскою помощью врачей-сотрудниковъ общества; занятіями ихъ руководятъ нѣсколько дѣйствительныхъ членовъ общества, по очереди посѣщающихъ въ учебные часы дѣтей ежедневно.

По постановленію общаго Собранія, въ пользу строящагося общежитія, предполагается Правленіемъ издать литературный сборникъ съ 2-мя отдѣлами: Отдѣлъ I. Общелитературный: а) беллетристика и критика; в) статьи историческаго и этнографическаго содержанія. Отдѣлъ II. Народное образованіе: а) современная начальная школа въ Россіи; в) начальная школа заграницей.

Участвовать въ сборникѣ дали свое согласіе: А. М. Пѣшковъ (Горькій), Н. Ѳ. и А. Н. Анненскіе, Д. Н. Жбанковъ, проф. С. Ф. Платоновъ, прив.-доц. Н. А. Рожковъ, Л. Андреевъ, И. Бунинъ, Ан. П. Чеховъ и другія лица.

*

Въ 1902 г. открылось два новыхъ учрежденія Общества: Справочное бюро по юридическимъ вопросамъ, имѣющее своимъ юрисконсультомъ присяжнаго повѣреннаго, и учрежденная по особому Уставу касса взаимопомощи.

Для періодическаго ознакомленія своихъ членовъ съ дѣятельностью общества, Правленіе издаетъ, кромѣ отчетовъ, бюллетени нѣсколько разъ въ годъ.

Наконецъ, дѣятельность общества въ уѣздахъ дополняется 4-го мая уѣздными отдѣленіями: Арзамасскимъ, Макарьевскимъ, Нижегородскимъ и Горбатовскимъ, дающими возможность уѣзднымъ членамъ тѣсно объединиться и проявить свою инициативу въ дѣлѣ улучшенія жизни учащихъ, а слѣдовательно улучшенія дѣла народнаго образованія.

Въ 1899 году общество содержало (неурожайный годъ) столовую на 60 школьниковъ въ 2-хъ селахъ Сергачскаго уѣзда. Въ 1903 г. Общество приняло дѣятельное участіе въ Московскомъ Съѣздѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ и отчеты, и его бюллетени.

Представленный краткій очеркъ достаточно рисуетъ дѣятельность Нижегородскаго общества, ставящую его въ ряду наиболѣе выдающихся послѣ Московскаго учительскаго общества. Единственная слабая сторона его: малое объединеніе имъ учащихъ средне-учебныхъ заведеній.

Самостоятельность учащихъ, проявившаяся въ учительскихъ обществахъ, подобныхъ Нижегородскому, много способствовала выработкѣ взаимныхъ отношеній учителей и русскаго общества и завоевала учителямъ общественное вниманіе, какого не было 10 лѣтъ тому назадъ.

Н. Румянцева.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Русская Старина"—декабрь. „Вѣстникъ Европы"—декабрь.)

Въ ноябрьской книжкѣ «Русской Старины» началось, а въ декабрьской продолжается печатаніе весма интересной статьи г. Дубровина, посвященной изложенію нѣкоторыхъ событій въ Россіи въ началѣ XIX вѣка и носящей названіе «Послѣ отечественной войны». Историческій моментъ, выбранный г. Дубровинымъ для изслѣдованія, полонъ самого живого интереса и детальное ознакомленіе съ нимъ представляется много поучительнаго. Громадное напряженіе всѣхъ силъ русскаго государства въ войнѣ съ Наполеономъ привело въ концѣ концовъ къ разгрому Франціи и вступленію нашихъ войскъ въ самое ея сердце, но эти же событія вскрыли до полной наглядности черты внутренняго устройства Россіи и настойчиво указывали всѣмъ сознательнымъ элементамъ земли русской на необходимость широкихъ реформъ. И реформъ этихъ ждала съ довѣріемъ къ власти вся мыслящая часть русскаго общества.

На основаніи строго провѣренныхъ и извлеченныхъ изъ официальныхъ источниковъ данныхъ, г. Дубровинъ рисуетъ яркую картину безграничныхъ злоупотребленій, которыя практиковались почти сто лѣтъ тому назадъ въ Россіи. Губернаторы,—говоритъ г. Дубровинъ, извлекая нижеслѣдующія строки изъ архива собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, «мало-по-малу присвоили себѣ всю мѣстную власть и едва не сравнялись съ бывшими воеводами. Самое высшее правительство смотрѣло на вещи не иначе, какъ ихъ токмо глазами и не смѣло ни въ чемъ имъ противорѣчить». Когда же злоупотребленія администраціи стали выходить изъ всякихъ границъ, то сенатъ призналъ, наконецъ, необходимымъ напомнить губернаторамъ, что Высочайшимъ указомъ, даннымъ сенату 16-го августа 1802 года повелѣно: 1) губернаторамъ управлять губерніями именемъ императора посредствомъ губернскихъ правленій, а не своимъ однимъ лицомъ; 2) не простирать власти своей за предѣлы законовъ; 3) не вмѣшиваться въ судныя дѣла, а дожидаться представленія ихъ имъ на утвержденіе и 4) не заводить никакихъ переписокъ съ частными лицами, а только съ учрежденіями. Сенатъ считаетъ долгомъ подтверждать, чтобы губернаторы, подъ страхомъ строгаго взысканія, исполняли указъ 1802 года.

«Угроза эта не дѣйствовала,—пишетъ г. Дубровинъ,—губернаторы самовольничали и злоупотребляли своею властью». Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Костромской губернаторъ Пасынковъ, при содѣйствіи губернскаго предводителя дворянства князя Козловскаго, взялъ 13.000 рублей изъ дворянской кассы, а затѣмъ разложилъ платежъ этой суммы на всѣ состоянія въ губерніи въ видѣ земскихъ повинностей.

Тульскій губернаторъ Богдановъ продавалъ въ свою пользу порохъ и снаряды, доставленные для тульскаго ополченія и отличался многими другими столь же патріотическими подвигами.

«Надобно быть въ Тулѣ, — писалъ посланный туда на ревизію сенаторъ Мясоѣдовъ,—чтобы слышать ропотъ народный на бывшихъ правителей и теперешнюю ихъ радость (губернаторъ Богдановъ и нѣсколько высшихъ чиновниковъ были отрѣшены отъ должностей по постановленію комитета министровъ). Одинъ совѣтникъ казенной палаты Поповъ дѣлалъ здѣсь чудеса: всѣ казенные крестьяне были какъ бы его собственные. Сіи послѣдніе въ самомъ жалкомъ положеніи: всѣ и за все, и за дѣло и безъ дѣла, брали съ нихъ деньги съ крайнимъ вынужденіемъ; жаловаться было некому, все было на откупу».

Въ другихъ губерніяхъ дѣло обстояло еще хуже.

Псковскій губернаторъ князь Шаховской «сѣкъ дворянъ, утверждалъ постановленія уголовной палаты 1811 года только въ 1815 году, а обвиняемые все это время сидѣли въ тюрьмахъ» и т. д.

Казанскій губернаторъ графъ Толстой «вмѣстѣ съ губернскимъ правленіемъ бралъ взятки, забиралъ и удерживалъ у себя казенныя суммы, самопроизвольно продалъ домъ мѣщанина Крашенинникова» и пр., и пр.

Тамбовскій губернаторъ Безобразовъ «требовалъ увѣковѣченія своего имени и памяти въ Тамбовѣ поднесеніемъ ему отъ дворянства портрета его во весь ростъ и выбитія медали. Онъ желалъ помѣстить ихъ въ залѣ дворянскаго собранія съ надписью: «Избавителю города Тамбова отъ злодѣевъ, съ изображеніемъ его тушащимъ злодѣйственный пожаръ губернскаго города».

Подольскій губернаторъ требовалъ, чтобы «таможня пропускала для него безпошлинно вино, портеръ и другія заграничныя вещи».

Назначенный въ Казань вмѣсто графа Толстого, губернаторъ Николаевъ «распоряжался въ губерніи, какъ въ своемъ имѣніи. Онъ смотрѣлъ на чиновниковъ, какъ на своихъ крѣпостныхъ и даже рабовъ, которымъ давалъ чины, отставлялъ по своему произволу отъ должностей и предавалъ суду, когда хотѣлъ. При такихъ условіяхъ чиновники были слѣпыми исполнителями воли начальника и участниками во всѣхъ его нарушеніяхъ закона и власти».

«Казанская губернія,—пишетъ г. Дубровинъ,—стонала подъ игомъ трехъ губернаторовъ и подвѣдомственныхъ имъ управленій. Въ губернскомъ правленіи, въ палатахъ уголовной и гражданской не заносились въ реестръ указы сената и никто не слѣдилъ за ихъ исполненіемъ. Въ этихъ учрежденіяхъ не было никакого наблюденія за подчиненными имъ мѣстами. Жалобы на разнаго рода притѣсненія оставлялись безъ вниманія и нарушители закона не преслѣдовались».

Относительно Тульской губерніи сенаторъ Мясоѣдовъ писалъ и такія строки: «небреженіе начальства къ страждущему человѣчеству раздираетъ сердце». Въ полицейскомъ управленіи онъ нашелъ «полный хаосъ: не только не сообщалось никакихъ свѣдѣній губернскому правленію, но безъ его вѣдома полиція опредѣляла къ себѣ чиновниковъ. Въ губернскомъ правленіи было не лучше докладнаго и настельнаго реестровъ не было, а резолюціи писались на отдѣльныхъ лоскуткахъ бумаги и никѣмъ не подписывались. Журналы составлялись не во время рѣшенія дѣлъ, а гораздо позже и часто безъ чиселъ. Уѣздные и земскіе суды, а въ особенности городская полиція, не слушали указовъ губернскаго правленія и по два года не отвѣчали на запросы. Полицеймейстеръ Кашинцевъ въ буквальномъ смыслѣ грабилъ народъ, не платилъ никому денегъ и назначалъ даромъ рабочихъ для постройки своего дома».

Въ особенно стонавшія подъ игомъ гнета губерніи иногда посылались для ревизіи сенаторы, но это мало помогало горю. Такъ, когда въ Вятскую губернію были посланы для этой цѣли сенаторы князь Алексѣй Долгоруковъ и Дурасовъ, то они встрѣтились съ чрезвычайными препятствіями на пути къ выясненію истины: «полиція застращивала жителей, удаляла даже изъ предѣловъ губерніи лицъ, могущихъ быть свидѣтелями». Но даже и при такихъ условіяхъ сенаторы «открыли полный безпорядокъ въ правленіи и громаднѣйшіе поборы. Съ казенныхъ крестьянъ брали отъ 2 до 6 рублей незаконныхъ поборовъ, что въ теченіе трехъ лѣтъ составило нѣсколько милліоновъ».

А вотъ что писалъ Аракчееву Магницкій, знаменитый Магницкій, человѣкъ, котораго уже окончательно трудно заподозрить въ сгущеніи красокъ (письмо относится къ тому времени, когда Магницкій занималъ должность воронежскаго вице-губернатора):

«Я надорвался внутренно, видя пять лѣтъ сряду и особливо теперь здѣсь (въ Воронежѣ), что у насъ дѣлается въ губерніяхъ. Ежели бы иностранецъ могъ найтиться (письмо воспроизводится буквально), не зная, что онъ въ Россіи, въ одной изъ губерній нашихъ, повѣрилъ ли бы онъ, что это Россія, въ благословеннѣйшее изъ всѣхъ земныхъ царствованій? Повѣрилъ ли бы онъ, что это та самая Россія, за спасеніе и славу которой столько разъ самъ боготворимый ею государь несъ и великодушно подвергалъ безцѣнную жизнь свою величайшимъ опасностямъ? Сія Россія въ тысячѣ верстахъ отъ столицы его угнетена и раззоряется, какъ *турецкая провинція* (курсивъ подлинника). Горестная истина сія столь положительна и зло такъ глубоко укоренилось, что никто изъ здравомыслящихъ мѣстныхъ начальниковъ не можетъ надѣяться ее исправить и никто изъ искренно преданныхъ государю и славѣ его царствованія не можетъ согласиться имѣть ежедневно предъ глазами плачевную сію картину, иначе какъ въ видѣ самаго тяжкаго наказанія».

Спустя три недѣли тотъ же Магницкій писалъ графу Аракчееву и такое письмо: «Ваше сіятельство изволите, можетъ быть, припомнить, что въ первомъ письмѣ моемъ назвалъ я здѣшній край *турецкою провинціею*. Положительная истина. Начальникъ здѣшней губерніи велъ себя точно какъ паша. Окруженъ будучи славою прежняго безкорыстія и увѣренъ, что онъ пользуется за сіе добрымъ мнѣніемъ государя, смѣло и открыто попиралъ онъ всякій порядокъ и самые законы. Одинъ духъ неограниченнаго самовластія руководствовалъ имъ. Всѣ самыя важныя просьбы и доносы на чиновниковъ и дворянъ, часто въ преступленіяхъ ихъ обличающіе, собиралъ онъ не для преслѣдованія, но для совершеннаго господства надъ виновниками. При малѣйшемъ сопротиленіи его власти или желанію, многимъ изъ нихъ показывалъ онъ просьбы на нихъ, у него хранящіяся, и тѣмъ покарялъ ихъ себѣ навсегда. Такимъ образомъ все его управленіе было не что иное, какъ продолжительная и непрерывная интрига. Всѣ мѣста, ему подчиненныя, загромождены дѣлами, по личностямъ, пристрастіямъ или мщенію заведенными».

Въ Воронежской губерніи, — пишетъ по этому поводу г. Дубровинъ,—наборы превысили всякую мѣру. Въ сентябрѣ 1816 года казенные крестьяне Нижнедѣвичскаго уѣзда Воронежской губерніи жаловались Д. П. Трощинскому, что земскіе исправники Кологривовъ, Уткинъ и Харневичъ грабятъ ихъ, а земскій стряпчій прикрываетъ грабителей. Крестьяне просили прислать ревизора изъ сената и не довѣрять никому изъ чиновниковъ Воронежской губерніи столь важное изслѣдованіе, которые «насъ не только обвинятъ, но и въ тюрьмѣ невинно заморятъ, и мы на нихъ никому не осмѣлимся ни единаго слова правды сказать». Произведенное слѣдствіе вполнѣ подтвердило слова крестьянъ, причемъ оказалось, что Харневичъ своими поборами дѣлился съ губернаторомъ.

Суды были въ то время, поистинѣ, «полны неправдой черной», а для улучшенія ихъ рѣшительно ничего не предпринимались. Тутъ царило самое безпощадное и до цинизма откровенное лихоимство. Этому,—пишетъ г. Дубровинъ,—«помогла канцелярская тайна. Законъ повелѣвалъ содержать въ секретѣ производство и теченіе тяжебныхъ дѣлъ и тѣмъ прикрывалъ лихоимство, предоставляя дѣльцамъ возможность запутывалъ дѣла какъ угодно и сколько угодно. Кто подкупалъ, для того не было тайны; онъ всегда имѣлъ копіи со всѣхъ бумагъ и документовъ соперника, со всего, что ему нужно знать, и даже самое рѣшеніе суда проходило часто черезъ его цензуру прежде, чѣмъ оно было написано». Отсюда вытекала, разумѣется, масса самыхъ вопіющихъ беззаконій несправедливостей и правонарушеній. Чѣмъ можно было остановить подобное зло? Разумѣется, только гласностью судопроизводства, но объ этой мѣрѣ не смѣли и заикаться. Слабая попытка бросить мысль въ этомъ направленіи, сдѣланная сенаторомъ барономъ Искулемъ, встрѣтила рѣшительное несочувствіе самого императора Александра. Искуль подалъ императору Александру 9-го іюня 1816 года слѣдующую любопытную записку:

«Всѣмъ извѣстно, что высочайшая воля Вашего Императорскаго Величества есть, дабы сильному и богатому ни въ чемъ не было потворствуемо, и чтобы бѣдный и беззащитный не былъ стѣсняемъ и лишаемъ своихъ правъ и даже, чтобы жалобы его могли достигнуть и до престола Вашего Величества.

«Но для исполненія такой Высочайшей воли нужно было бы, чтобы каждый судья, каждый служащій дѣйствовалъ согласно намѣренію своего государя—вещь невозможная по общественнымъ сношеніямъ. Разстояніе, отдѣляющее государя отъ притѣсняемаго, и невозможность, дабы каждая жалоба могла быть подвергнута Высочайшему рѣшенію, позволяютъ пристрастію и несправедливости возвышаться и угнетать неимѣющаго защиту.

«Не можно ли было бы въ прегражденіе сего прибѣгнуть къ способу, употребляемому въ чужихъ краяхъ и весьма дѣйствительному по вліянію своему на свойства человѣческихъ соотношеній? Способъ сей состоитъ въ томъ, дабы каждый, почитающій себя по суду обиженнымъ, имѣлъ право рѣшеніе онаго публиковать на свой счетъ, со всѣмъ производствомъ дѣла, но безъ всякихъ, однако-жъ, отъ себя примѣчаній, и такимъ образомъ черезъ напечатаніе подвергнуть общему сужденію дѣло, съ указаніемъ подписи всѣхъ судей. Быть можетъ, что одно уже опасеніе безпристрастнаго строгаго разбора достаточно къ тому, чтобы правосудіе получило надлежащее направленіе и достигло, той степени совершенства, какую только допускаетъ общественное образованіе людей.

«Публика судитъ строго; она не потворствуетъ. Нѣкоторая часть оной, конечно, можетъ быть увлечена пристрастіемъ, но всеобщій голосъ всегда будетъ слышенъ.

«Сужденія публики заключаютъ въ себѣ безпристрастное разсмотрѣніе, посредствомъ коего можно дознать какъ всѣ тайныя причины, подавшія поводъ къ судебному рѣшенію и превратному толкованію закона, такъ равно обнаружить всякое неправильное рѣшеніе, съ намѣреніемъ сдѣланное. Съ другой стороны, каждый будетъ страшиться, чтобы всеобщее порицаніе не достигло до Вашего Величества, чтобы не возникло новаго строжайшаго разсмотрѣнія и чтобы съ судьями, оказавшимися виновными въ пристрастіи, не было поступлено по всей строгости законовъ. Сужденіе публики придаетъ всеобщему осужденію каждаго, кто бы, хотя и втайнѣ, употребилъ себя на неправильное дѣло. Оно заставляетъ каждаго судью со вниманіемъ разсматривать всякое дѣло и не полагаться изъ лѣности на другихъ».

На письмѣ этомъ рукою Аракчеева сдѣлана такая надпись: «Высочайше повелѣно оставить безъ движенія. 27-го іюня 1819 года».

Въ своей интересной статьѣ г. Дубровинъ цитируетъ извлеченныя имъ изъ государственнаго архива показанія нѣкоторыхъ декабристовъ, т.-е., собственно говоря, даже не показанія, а изложенія ими своихъ взглядовъ на современное имъ положеніе Россіи. Такіе документы имѣютъ огромную историческую цѣнность, а между тѣмъ они-то всего менѣе и извѣстны. Опубликованіе ихъ полностью пролило бы много свѣта на разсматриваемую эпоху, но и за частичное ихъ воспроизведеніе нельзя не быть благодарнымъ г. Дубровину.

«Законы не ясны,—писалъ П. А. Каховскій,—не полны и указъ указу противорѣчитъ. Мы не только терпимъ физически (т.-е. отъ налоговъ, бѣдности и пр.), но пусть вникнутъ сильные, какой моральный вредъ націи отъ неимѣнія законовъ».

«Проѣхавъ отъ сѣвера на югъ Россіи, старался я вникнуть въ положеніе различныхъ классовъ людей. Отовсюду слышалъ ропотъ на правительство и правителей, имъ поставленныхъ».

«У насъ нѣтъ закона, нѣтъ денегъ, нѣтъ торговли; у насъ внутренніе враги терзаютъ государство; у насъ тяжкіе налоги и повсемѣстная бѣдность».

«Покойный императоръ (Александръ), объѣзжая области, встрѣчалъ повсюду радость и привѣтствіе; но были ли они искренны? Клянусь Богомъ, нѣтъ».

А вотъ, приводимый г. Дубровинымъ, совершенно новый отрывокъ изъ показаній А. А. Бестужева:

«Словомъ, во всѣхъ углахъ видѣлись недовольныя лица; на улицахъ пожимали плечами, вездѣ шептались, всѣ говорили: къ чему это приведетъ? Всѣ элементы были въ броженіи. Одни судебныя мѣста блаженствовали, ибо только для нихъ Россія была обѣтованною землею. Лихоимство ихъ дошло до неслыханной степени безстыдства. Писаря заводили лошадей, повытчики получали деревни, и только возвышеніе цѣнъ взятокъ отличало высшія мѣста. Въ столицѣ, подъ глазами блюстителей, производился явный торгъ правосудіемъ. Хорошо еще платить бы за дѣло, а то брали, водили и ничего не дѣлали. Прибыльныя мѣста продавались по таксѣ и были обложены оброкомъ. Центральность судебныхъ мѣстъ, привлекая каждую бездѣлицу кверху, способствовала апелляціямъ, справкамъ, переѣздамъ, и десятки лѣтъ проходили прежде рѣшенія, т.-е. раззаренія обѣихъ сторонъ. Однимъ словомъ, въ казнѣ, въ судахъ, въ коммиссаріатахъ, у губернаторовъ, у генералъ-губернаторовъ—вездѣ, гдѣ замѣшивался интересъ, кто могъ, тотъ грабилъ, кто не смѣлъ—тотъ кралъ. Всюду честные люди страдали, а ябедники и плуты радовались».

Въ этомъ же духѣ показывали Кюхельбекеръ, баронъ Штейнгель и другіе.

Статья г. Дубровина еще не окончена и мы надѣемся имѣть случай къ ней вернуться.

Помѣщенное въ декабрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» окончаніе статьи А. Н. Пыпина «Н. А. Некрасовъ» даетъ важные документы, хотя и мало новаго для біографіи какъ самого поэта, такъ и другихъ лицъ, находившихся съ нимъ въ болѣе или менѣе тѣсномъ общеніи. Изъ большого количества помѣщенныхъ въ статьѣ г. Пыпина писемъ Некрасова къ

Тургеневу лишь немногія содержатъ сколько нибудь новыя данныя для характеристики лицъ и событій второй половины пятидесятыхъ и первой шестидесятыхъ годовъ. Къ таковымъ относится письмо Некрасова къ Тургеневу, датированное въ 1857 годахъ и проливающее нѣкоторый свѣтъ на неразъясненную исторію, касающуюся денежныхъ дѣлъ Огарева. Нашлись люди, которые не постѣснялись швырять камнями въ память Некрасова за эту «исторію» и во время недавнихъ «некрасовскихъ дней», но камни эти, какъ и слѣдовало ожидать, не достигали своей цѣли. Вотъ что писалъ Некрасовъ Тургеневу:

«Вчера получилъ твое письмо. Въ Лондонъ едва ли поѣду, хотя все еще окончательно не рѣшился не ѣхать. Правду сказать, въ числѣ причинъ, по которымъ мнѣ хотѣлось поѣхать, главная была удивить Герцена, но, какъ кажется, онъ противъ меня возстановленъ,—чѣмъ, не знаю, подозрѣваю, что извѣстной исторіей огаревскаго дѣла. Ты лучше другихъ можешь знать, что я тутъ столько же виноватъ и причастенъ, какъ ты, напримѣръ. Если вина моя въ томъ, что я не употребилъ моего вліянія, то прежде всего надо бы знать, имѣлъ ли я его—особенно тогда, когда это дѣло разрѣшалось. Если оно и могло быть, то гораздо прежде. Мнѣ просто больно, что человѣкъ, котораго я столько уважаю› который, кромѣ того, когда то оказалъ мнѣ личную помощь который былъ первымъ послѣ Бѣлинскаго, привѣтствовавшимъ добрымъ словомъ мои стихи (его записочку ко мнѣ по выходѣ «Петербургскаго сборника» до сей поры берегу), что этотъ человѣкъ нехорошо обо мнѣ думаетъ. Скажи ему это (если найдешь удобнымъ и нужнымъ—ты лучше знаешь нынѣшняго Герцена) и прибавь къ этому, что если онъ на десять минутъ обѣщается зайти ко мнѣ въ гостинницу (къ нему мнѣ неловко, потому что я положительно знаю лютую враждебность Огарева ко мнѣ), то я, ни минуты не колеблясь, пріѣду къ одиннадцатому числу, чтобы шестнадцатаго вмѣстѣ съ тобою уѣхать обратно».

Врядъ ли возможно допустить, чтобы Некрасовъ могъ написать подобное письмо, если бы онъ могъ чувствовать себя виновнымъ хотя бы въ небольшой долѣ тѣхъ тяжкихъ обвиненій, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ господъ, составляютъ несомнѣнный фактъ его жизни.

Въ томъ же письмѣ Некрасовъ сообщаетъ Тургеневу нѣкоторыя подробности освобожденія изъ Шлиссельбурга извѣстнаго М. А. Бакунина. «Сначала, — пишетъ онъ, — о прощеніи его (Бакунина) докладывалъ Долгорукій, по просьбѣ родныхъ. Государь наотрѣзъ отказалъ, послѣ многихъ совѣщаній и раздумья. Прошло мѣсяца три. Ковалевскій тѣмъ временемъ дѣйствовалъ на Горчакова, выписалъ сестру Бакунина (бывшую сестрой милосердія при Севастополѣ), повелъ ее къ Горчакову, общими силами они разжалобили его, и онъ рѣшился вновь доложить государю, опираясь на то, что поступокъ Бакунина имѣлъ отношеніе къ иностранному министерству. Государь и тутъ отказалъ, сказавъ, что не видитъ со стороны Бакунина раскаянія. Тогда убѣдили Бакунина написать письмо къ Горчакову. Горчаковъ это письмо показалъ государю—и государь простилъ. Резолюція: Бакунина освободить, жить ему въ Омскѣ, съ дозволеніемъ проживать до излеченія въ деревнѣ у матери въ Тамбовской губерніи и съ правомъ поступить на службу».

Послѣднее не совсѣмъ точно: Бакунинъ, какъ извѣстно, былъ сосланъ не въ Омскъ, а въ Томскъ, откуда переѣхалъ въ Восточную Сибирь и затѣмъ, отправившись въ Амурскій край, бѣжалъ черезъ Америку въ Европу.

Изъ другихъ писемъ Некрасова къ Тургеневу нельзя не обратить вниманіе на тѣ, въ которыхъ Некрасовъ сообщаетъ о появленіи на литературной аренѣ новаго выдающагося таланта. Этимъ Некрасовъ обнаружилъ огромное чутье, ибо никому не вѣдомый тогда писатель, о которомъ шла рѣчь, былъ никто иной, какъ Л. Н. Толстой. Заслуживаетъ также большого вниманія несомнѣнная *убѣжденность* Некрасова въ правильности взятаго передовой журналистикой того времени тона. «Какого *новаго* (курсивъ Некрасова) направленія они хотятъ?—писалъ онъ по этому поводу Тургеневу. Есть ли другое—живое и честное—кромѣ обличенія и протеста? Его создалъ не Бѣлинскій, а среда, отчего оно пережило Бѣлинскаго»...

Это очень характерное для уясненія взглядовъ Некрасова мѣсто изъ его переписки съ Тургеневымъ.

Въ той же книжкѣ «Вѣстника Европы» помѣщена статья г. Кони «Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ». Статья г. Кони подъ такимъ же названіемъ уже появлялась на страницахъ «Вѣстника Европы» еще въ 1897 году и потому на статью настоящую надо смотрѣть лишь какъ на дополненіе къ прежней. Но и дополненіе—яркое и талантливое—читается съ захватывающимъ интересомъ. Отъ этого дополненія, содержащаго не столько изложеніе отдѣльныхъ фактовъ изъ жизни Гааза (этому посвящена была по преимуществу статья первая), сколько обрисовку обстановки, среди которой ему пришлось жить и дѣйствовать, личность «святого доктора» выступаетъ предъ нами еще ярче еще выпуклѣе.

Чѣмъ были у насъ мѣста заключенія въ то время, когда въ качествѣ тюремнаго врача посвятилъ имъ всѣ свои силы докторъ Гаазъ, про то мы знаемъ изъ свидѣтельствъ многихъ современниковъ той эпохи.

Мы приводили уже изъ статьи г. Дубровина изображенія положенія вещей въ Россіи въ двадцатыхъ годахъ нѣсколькихъ декабристовъ и въ томъ числѣ П. А. Каховскаго. Этотъ же Каховскій написалъ въ своемъ показаніи слѣдственной коммиссіи и такія по занимающему насъ въ данную минуту вопросу строки.

«Въ нашихъ тюремныхъ острогахъ, гдѣ всѣ преступленія смѣшаны вмѣстѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ занятій, ни трудовъ, ни порядка, ни чистоты, гдѣ обитаетъ развратъ, гдѣ самый воздухъ зараженъ смрадомъ, гдѣ содержащіеся, истлѣвая душой и тѣломъ, питаются лишь мірскимъ подаяніемъ, гдѣ часто надзирающіе за преступниками сами еще большіе преступники,—въ таковыхъ заведеніяхъ, конечно, не исправится заключенный, но лишь ожесточится или развратится совершенно».

Но это показаніе декабриста, и стало быть склоннаго «чернить» дѣйствительность. Допустимъ ли однако, на самомъ дѣлѣ, подобный «отводъ» показаній Каховскаго, на это можно найти точный отвѣтъ если сравнить ихъ съ слѣдующими строками изъ статьи г. Кони:

«Положеніе тюремныхъ лазаретовъ еще въ концѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго (XIX) столѣтія было у насъ совершенно невозможное. Только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ заболѣвшихъ арестантовъ переводили въ лазаретъ, мало чѣмъ отличавшійся отъ мѣста ихъ обыденнаго содержанія. Притомъ, за совершеннымъ недостаткомъ мѣста, туда сажались и здоровые. Такъ Венингъ нашелъ въ подвальномъ мужскомъ лазаретѣ при рабочемъ домѣ тридцать шесть человѣкъ, помѣщенныхъ «за тѣснотою» съ больными; князь Голицынъ, ревизовавшій московскую пересыльную тюрьму въ 1828 году, видѣлъ заразныхъ больныхъ, а также привезенныхъ послѣ «торговой казни» и приготовляющихся идти въ сылку, ночующими въ одной общей комнатѣ, а сенаторъ Озеровъ, осматривавшій въ то же время губернскій замокъ, нашелъ больныхъ «горячками и сыпью» по трое на одной постели. Чѣмъ и какъ лечили арестантовъ, можно себѣ представить, хотя бы отмѣтивъ, что въ 1827 г. въ больницѣ московскаго губернскаго замка, для «утишенія» крика сошедшей съ ума арестанки, ей вкладывали въ ротъ деревянную распорку... Содержаніе больныхъ въ тюремныхъ лазаретахъ того времени достаточно характеризуется донесеніемъ доктора Стринявскаго, вступившаго въ 1815 году въ завѣдываніе лечебною частью тамбовскаго—рабочаго и смирительнаго—домовъ и нашедшаго, что въ больницѣ нѣтъ необходимѣйшихъ медакаментовъ, бѣлье *не мыто* (курсовъ подлинники) съ открытія больницы, т.-е. *съ прошлаго столѣтія* и т. д.»

Вышеупомянутый Венингъ нашелъ «въ петербургскомъ рабочемъ домѣ колодниковъ, прикованныхъ за шею, и женщинъ въ желѣзныхъ рогаткахъ, устроенныхъ такъ, что, благодаря острымъ спицамъ въ восемь дюймовъ длины, нельзя было лечь, а въ одномъ изъ съѣзжихъ домовъ—пять тяжелыхъ стульевъ, прикованныхъ къ арестантамъ цѣпью съ ошейникомъ»....

Вотъ съ какими условіями содержанія арестантовъ пришлось бороться знаменитому филантропу. Отдавая всѣ силы своей души на облегченіе положенія этихъ воистину «несчастныхъ», какъ зоветъ русскій народъ арестантовъ, Гаазъ, конечно, былъ безсиленъ сдѣлать что-либо существенное въ этой области, ибо корень всѣхъ частичныхъ безобразій русской жизни лежалъ въ самомъ ея фундаментѣ, въ крѣпостническомъ принципѣ, на которомъ она покоилась.

«Чѣмъ и какъ только могъ—старался Гаазъ смягчить роковое осуществленіе почти безграничныхъ правъ помѣщика на измѣненіе всего существованія, на расторженіе всѣхъ естественныхъ узъ и привязанностей своихъ крѣпостныхъ. Онъ былъ неутомимъ въ ходатайствахъ—личныхъ и черезъ тюремный комитетъ—объ «утишеніи гнѣва» господъ, ссылавшихъ въ Сибирь своихъ «рабовъ», отнимая у нихъ достигнувшихъ работоспособности дѣтей. Когда его настойчивыя попытки смягчить тяжкое крѣпостное иго путемъ измѣненія закона, по ходатайству тюремнаго комитета, оказались совершенно тщетными и на его исполненныя сдержаннаго негодованія и душевной боли представленія было отвѣчено лишь отмѣткой «читано»—онъ обратился къ отысканію возможности подавать помощь въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ. Тогда, спасая крѣпостныя души, онъ выдвинулъ на сцену «одно благотворительное лицо», широкая щедрость котораго въ денежныхъ сдѣлкахъ съ помѣщиками, у которыхъ выкупались дѣти ссылаемыхъ за «продерзостные поступки и нетерпимое поведеніе» крестьянъ, страннымъ образомъ развивались въ тѣсной связи съ окончательнымъ исчезновеніемъ личнаго имущества самого Гааза. Нельзя безъ чувства скорби читать многочисленныя представленія Гааза комитету съ мольбами поднять свой голосъ въ отмѣну или смягченіе мрачныхъ законовъ, отдававшихъ совершенно безправныхъ людей и ихъ семейства въ жертву холодному бездушію, ослѣпленію гнѣва или—иногда—мстительной ревности ихъ господъ».

Увы, все это оставалось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Лишь тамъ, на самыхъ низахъ общества, среди его отверженныхъ членовъ, знали Гааза и по своему очень его цѣнили. Изъ достовѣрнаго источника сообщаетъ г. Кони о такомъ, имѣвшемъ мѣсто въ жизни Гааза, эпизодѣ:

«Въ морозную зимнюю ночь онъ долженъ былъ отправиться къ бѣдняку—больному. Не имѣвъ терпѣнія дождаться своего стараго и кропотливаго кучера Егора и не встрѣтивъ извозчика, онъ шелъ торопливо, когда былъ остановленъ въ глухомъ и темномъ переулкѣ нѣсколькими грабителями, взявшимися за его старую волчью шубу, надѣтую, по обычаю, «въ накидку». Ссылаясь на холодъ и старость, Гаазъ просилъ оставить ему шубу, говоря, что онъ можетъ простудиться и умереть, а у него на рукахъ много больныхъ и притомъ бѣдныхъ, которымъ нужна его помощь. Отвѣтъ грабителей и ихъ дальнѣйшія внушительныя угрозы понятны. «Если вамъ такъ плохо, что вы пошли на такое дѣло,—сказалъ имъ тогда старикъ,—то придите за шубой ко мнѣ, я велю вамъ ее отдать или прислать, если скажете—куда, и не бойтесь меня, я васъ не выдамъ; зовутъ меня докторомъ Гаазомъ, а живу я въ Маломъ Казенномъ переулкѣ.... а теперь пустите меня, мнѣ надо къ больному»....—«Батюшка, Өедоръ Петровичъ!—отвѣчали ему неожиданные собесѣдники.—Да ты бы такъ и сказалъ кто ты! Да кто же тебя тронетъ! Да иди себѣ съ Богомъ! Если позволишь, мы тебя проводимъ!..»

Зато среди другихъ элементовъ общества было и другое къ Гаазу отношеніе.

«Въ 1839 году Өедоръ Петровичъ былъ, вслѣдствіе жалобъ мѣстнаго московскаго начальства и нареканій главнаго начальника пересыльной тюрьмы генерала Капцевича, послѣ дознанія о его «утрированной филантропіи», удаленъ, къ великой для себя обидѣ, отъ завѣдыванія освидѣтельствованіемъ ссыльныхъ»... Иначе, конечно, и быть не могло, пока корень зла оставался неприкосновеннымъ. А что касается корня, то на этотъ счетъ считалось весьма авторитетнымъ мнѣніе адмирала Шишкова, противопоставлявшаго «спокойствіе» Россію «смятенію» Европы и писавшаго по этому поводу такія строки:

«Внутренняя, среди неустройствъ Европы, тишина не показываетъ ли, что благословенное отечество наше больше благоденствуетъ и больше благополучно, нежели всѣ другіе народы? Не есть ли это признакъ добродушія и незараженной еще ничѣмъ чистоты нравовъ? На что же перемѣны въ законахъ, въ обычаяхъ, въ образѣ мыслей? И откуда сіи перемѣны? Изъ училищъ и умствованій тѣхъ странъ, гдѣ сіи волненія, сіи возмущенія, сія дерзость мыслей, сіи, подъ видомъ свободы ума, разливаемыя ученія, возбуждающія наглость страстей, наиболѣе господствуютъ!.»

Какія знакомыя и понынѣ, какія «истинно-русскія» мысли, слова, рѣчи... Такъ какъ же было терпѣть «на службѣ» во времена еще болѣе мрачныя, такую, совсѣмъ ужъ «не къ двору» приходившуюся личность, какъ докторъ Гаазъ?..

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Продолженіе чэмберленовской кампаніи.—Смерть Герберта Спенсера. Съ октября 1899 года по май 1902 г. каждый, кто только не раздѣлялъ взгляда Чэмберлена на африканскій вопросъ, заклейменъ былъ его приверженцами именемъ «про-бура» (pro-boer), а теперь тотъ, кто не раздѣляетъ его взгляда на фискальный вопросъ, именуется «ничтожнымъ англичаниномъ» («litle Englander»). Органы Чэмберлена постоянно открываютъ новыхъ лицъ, заслуживающихъ такой эпитетъ, и въ послѣднее время они занесли въ свой списокъ «Little Englanders» герцога Девонширскаго и лорда Розберри. Герцогъ Девонширскій, пользующійся въ Англіи очень почтенною репутаціей, какъ политическій и государственный дѣятель и человѣкъ, никогда не мѣнявшій своихъ убѣжденій, патріотизмъ котораго не можетъ быть подвергнутъ сомнѣнію, навлекъ на себя страшный гнѣвъ чэмберленовской печати своею рѣчью, сказанною на митингѣ «Free Food League». Семидесятилѣтній герцогъ, вышедшій три мѣсяца тому назадъ изъ состава британскаго кабинета, продолжаетъ занимать выдающееся положеніе въ англійскомъ политическомъ мірѣ и поэтому Квинсголлъ, гдѣ происходилъ митингъ, былъ переполненъ, причемъ приверженцы Чэмберлена составляли далеко немалую часть слушателей. Неудивительно поэтому, что упоминаніе въ рѣчи имени Чэмберлена сопровождалось одновременно и аплодисментами, и свистками. Но ораторъ не обращалъ ровно никакого вниманія ни на свистки, ни на аплодисменты, ни на какія бы то ни было восклицанія одобренія или порицанія и продолжалъ говорить, развивая далѣе свои взгляды. О Чэмберленѣ онъ отозвался съ самаго начала, какъ о врагѣ, съ которымъ надо бороться до конца. Что же касается Бальфура, то онъ довольно ѣдко посмѣялся надъ его брошюрой, выразилъ подозрѣніе насчетъ искренности его рѣчей и затѣмъ довольно ясно далъ понять, что Бальфуръ выпустилъ возжи изъ своихъ рукъ, т.-е. передалъ ихъ Чэмберлену, и государственная колесница, управляемая имъ, катится теперь подъ гору съ ужасающею быстротою.

Эти слова герцога вызвали шумное одобреніе не только со стороны оппозиціи; въ министерской партіи тоже находятся люди, съ неудовольствіемъ взирающіе на то, что министръ-президентъ въ сущности является лишь простою игрушкою въ рукахъ эксъ-министра колоній Чэмберлена. Но дальнѣйшая аргументація герцога, утверждавшаго, что всѣ, представленныя Чэмберленомъ, доказательства промышленнаго упадка Англіи невѣрны и основаны на ложномъ толкованіи и освѣщеніи фактовъ, вызвала шумныя заявленія протеста со стороны приверженцевъ фискальной политики Чэмберлена. Однако герцогъ справедливо указалъ на то, какъ трудно спорить съ Чэмберленомъ, который отличается необычайною перемѣнчивостью и въ каждой своей новой рѣчи становится на новую точку зрѣнія. Въ брошюрѣ, которую онъ недавно издалъ и въ которой собралъ всѣ свои рѣчи по фискальному вопросу, онъ, напр., исключилъ тѣ, гдѣ говорилось о пенсіяхъ рабочимъ, которыя можно будетъ уплачивать, благодаря прибыли, доставляемой фискальными реформами и т. д. Но зато онъ всячески старается соблазнить колоніи разными заманчивыми обѣщаніями и краснорѣчиво распространяется о неизбѣжномъ упадкѣ англійской торговли и промышленности, если страна не откажется отъ своихъ заблужденій и отъ своей приверженности къ отжившимъ принципамъ свободы торговли.

Несмотря на свои годы, Чэмберленъ обнаруживаетъ чисто юношескую пылкость въ преслѣдованіи своей цѣли; какъ агитаторъ, онъ не имѣетъ себѣ подобнаго въ Англіи и обладаетъ способностью увлекать за собою толпу. Тѣ ветераны и доктринеры старой школы, хладнокровные и благоразумные, которые выступаютъ противъ него со своими аргументами, не могутъ производить такого впечатлѣнія, какое производитъ Чэмберленъ, хотя его доказательства часто не выдерживаютъ компетентной критики. Чэмберленовская печать особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что ни одинъ изъ представителей торговли и промышленности, которыхъ должны ближе всего касаться фискальныя реформы, проектируемыя Чэмберленомъ, не высказался окончательно и категорически противъ нея. Но зато, съ другой стороны, это вѣрно—какъ замѣчаютъ англійскія газеты,—что лишь очень немногіе изъ перворазрядныхъ англійскихъ политиковъ рѣшались открыто поддерживать и защищать идеи Чэмберлена въ публичныхъ собраніяхъ. Этотъ фактъ тоже не мѣшаетъ отмѣтить.

Въ послѣднее время нѣкоторое впечатлѣніе произвела статистика, опубликованная центральнымъ кооперативнымъ обществомъ («Cooperative wholesale Society»),—очень вліятельною федераціей, объединяющей 1.168 мѣстныхъ обществъ и насчитывающей полтора милліона членовъ. Эта статистика направлена противъ Чэмберлена и его проектовъ, такъ какъ она доказываетъ, что торжество его политики должно будетъ на 15% увеличить расходы общества и на половину уменьшить его барыши. Но Чэмберленъ не обращаетъ ровно никакого вниманія на такія статистики и даже не пытается ихъ опровергать, стараясь подѣйствовать на англійскимъ избирателей другими доводами и блескомъ своей аргументаціи, то рисующей Англію на краю пропасти, то изображающей тѣ блага, которыя должны посыпаться на страну, когда будетъ введена фискальная реформа. И до сихъ поръ еще не существуетъ ни одного положительнаго признака, на основаніи котораго можно было бы предсказывать побѣду или пораженіе Чэмберлена.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Брайтонѣ умеръ Гербертъ Спенсеръ. Онъ умеръ 83-хъ лѣтъ отъ роду, сохранивъ до конца ясность ума и спасобность трудиться, что онъ доказалъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи «Faets and Comments», вышедшемъ въ прошломъ году, въ которомъ онъ, точно угадывая свою скорую кончину, прощается со своими читателями и заявляетъ, что «это его послѣдняя книга» и что онъ «навсегда кладетъ свое перо».

Гербертъ Спенсеръ въ полномъ смыслѣ этого слова «Self made man», но только не въ области практической дѣятельности, какъ многіе изъ его соотечественниковъ а въ области мысли. Онъ родился въ Дерби въ Апрѣлѣ 1820 года. Отецъ его былъ школьный учитель и самъ занимался съ нимъ. Но такъ какъ маленькій Гербертъ росъ очень слабымъ ребенкомъ, то отецъ не неволилъ его ученіемъ и обучалъ его лишь самому необходимому и тому, что могло заинтересовать ребенка. Память у Герберта была очень плоха и ему давалось съ трудомъ обученіе языкамъ, исторіи и всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые требуютъ главнымъ образомъ заучиванія наизусть, но зато у юнаго Спенсера рано обнаружились способности къ математикѣ и естественнымъ наукамъ. Онъ скоро и хорошо научился чертить и охотно занимался математикой. Когда ему минуло 13 лѣтъ, его отправили къ дядюшкѣ Томасу Спенсеру, священнику англиканской церкви, который долженъ былъ приготовить его въ университетъ. Бѣднаго мальчика посадили за латынь и греческій языкъ, но, просидѣвъ надъ этими предметами три года, Гербертъ наконецъ категорически заявилъ своему дядюшкѣ, что онъ не питаетъ ни малѣйшей склонности къ университетской наукѣ и не хочетъ поступать въ Оксфордъ. Вернувшись къ отцу, онъ сначала помогалъ ему въ школѣ и оказался очень искуссным преподавателемъ, но затѣмъ поступилъ на службу при постройкѣ желѣзной дороги, гдѣ его познанія въ механикѣ и строительномъ искусствѣ нашли широкое примѣненіе. Желѣзнодорожный кризисъ, наступившій въ 1846 году, вынудилъ его бросить эту профессію и искать работы въ журналѣ «Economist», гдѣ онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ. Вскорѣ послѣ этого Спенсеръ уже окончательно посвятилъ себя писательской дѣятельности. Однако еще раньше, работая въ качествѣ гражданскаго инженера и архитектора, Спенсеръ писалъ философскія статьи. Ему было 22 года, когда онъ написалъ свою статью «On the proper Sphere of government», которая впослѣдствіи была издана въ видѣ отдѣльной брошюрки. Его первый большой трудъ «Social Statics» появился послѣ того, какъ онъ сдѣлался помощникомъ редактора Журнала «Economist». Вслѣдъ за «Соціальною статикой» появился въ 1855 году другой большой трудъ Спенсера «Основанія Психологіи» (principles of psychology), гдѣ онъ развиваетъ свою идею эволюціи, положенную имъ въ основаніе всей своей философской системы.

Сдѣлавшись сотрудникомъ выдающихся англійскихъ журналовъ, «North British» «British, Quaterli» и «Westminster Review», гдѣ появился цѣлый рядъ его блестящихъ очерковъ, Спенсеръ занялъ видное мѣсто въ избранномъ литературномъ кругу и сблизился съ Гексли, Джорджъ Элліотъ и Льюисомъ. Къ величайшему труду всей своей жизни, «Синтетической философіи» онъ приступилъ въ 1860 году, и закончилъ его въ 1896 году. Вначалѣ, въ особенности, ему пришлось преодолѣвать большія трудности, зависящія главнымъ образомъ отъ недостатка матеріальныхъ средствъ и равнодушія публики, съ которыми Спенсеру приходилось бороться. Онъ работалъ до нервнаго переутомленія и въ 1865 году даже вынужденъ былъ публично заявить, что пріостанавливаетъ свою работу и откладываетъ выполненіе своего великаго замысла до болѣе благопріятнаго времени. Къ счастью для всего читающаго и образованнаго человѣчества, это благопріятное время скоро наступило, такъ какъ Спенсеръ получилъ небольшое наслѣдство, которое дало ему возможность полечиться и отдохнуть. Впрочемъ, это наслѣдство было все таки слишкомъ незначительно и не могло бы обезпечить Спенсера, и еслибъ не матеріальная поддержка со стороны одного американца,—приверженца научныхъ взглядовъ Спенсера, много содѣйствовавшаго также распространенію его взглядовъ въ Америкѣ,—то врядъ ли Спенсеръ могъ бы продолжать работать. Замѣчательно, что этотъ человѣкъ, могучій умъ котораго оказалъ такое громадное вліяніе на современное мышленіе и который создалъ цѣлое философское направленіе, всю жизнь свою былъ боленъ. Сильный духомъ, не взирая на свою физическую немощь, онъ закончилъ въ 1896 году свой огромный трудъ, объединившій всѣ явленія неорганическаго и органическаго міра въ одно стройное цѣлое и представившій синтезъ философскаго пониманія мірозданія.

Вслѣдствіе своего крайне слабаго здоровья, а также и по причинѣ стѣсненныхъ матеріальныхъ средствъ, Спенсеръ велъ очень уединенный образъ жизни. Въ теченіи долгихъ лѣтъ онъ жилъ въ одномъ дешевенькомъ пансіонѣ въ предмѣстьи Бейсуотеръ и только, когда его матеріальное положеніе нѣсколько улучшилось, онъ завелся собственнымъ хозяйствомъ, а самые послѣдніе годы жилъ въ Брайтонѣ, гдѣ и умеръ. Онъ работалъ постоянно, когда его слабое здоровье позволяло ему это. Обыкновенно съ 10 часовъ утра онъ садился у камина и принимался диктовать. Если онъ чувствовалъ себя хорошо, то диктовалъ безъ перерыва до часу, и рѣчь такъ и лилась у него, по-видимому, безъ всякаго напряженія и лишь съ короткими паузами. Никогда онъ не пропускалъ ни одного слова, не измѣнялъ начатаго періода или фразы и диктовалъ такъ, какъ будто передъ его глазами находился совершенно готовый текстъ его собственныхъ мыслей. Продиктовавъ такъ двѣ недѣли безъ перерыва, онъ посвящалъ день на просмотръ написаннаго. Обыкновенно онъ измѣнялъ очень мало, и рукопись могла быть тотчасъ же отдана въ печать. Въ хорошіе дни, когда онъ чувствовалъ себя совсѣмъ здоровымъ, онъ могъ продиктовать 1000 словъ, но это бывало рѣдко. Очень часто ему приходилось прерывать свою работу вслѣдствіе приступа головной боли, и онъ тогда уже цѣлый день не принимался за нее.

Несмотря на свои крайне стѣсненныя матеріальныя обстоятельства, Спенсеръ упорно отказывался отъ какихъ бы то ни было пособій отъ государства и пенсіи, точно также онъ низачто не хотѣлъ принимать никакихъ почетныхъ званій и вообще былъ врагъ всякихъ почестей. Когда онъ узнавалъ, что какой нибудь заграничный университетъ или академія хотятъ преподнести ему почетный титулъ, то онъ начиналъ сильно волноваться и успокаивался только тогда, когда получалъ увѣдомленіе, что это желаніе не будетъ приведено въ исполненіе, принимая во вниманіе его нелюбовь къ отличіямъ. Такимъ образомъ этотъ великій англійскій философъ, имя котораго извѣстно всему образованному міру и сочиненія котораго переведены на всѣ европейскіе языки, до конца дней своихъ оставался просто Гербертомъ Спенсеромъ, безъ всякаго прибавленія, безъ единаго знака отличія, медали или ордена, безъ всякаго диплома и академическаго званія и притомъ даже безъ значительнаго матеріальнаго обезпеченія, такъ какъ того, что онъ имѣлъ, ему хватало только на жизнь въ очень скромной обстановкѣ. Такъ умеръ величайшій мыслитель нашего вѣка, строго проводившій и въ частную жизнь свою идею индивидуализма, свой взглядъ на свободу личности.

Возобновленіе дѣла Дрейфуса и націоналисты. Знаменитыя слова Золя: «La vérité est en marche», вызвавшія шесть лѣтъ тому назадъ такую бурю во Франціи и навлекшія на него столько преслѣдованій, начинаютъ подтверждаться. Правительство офиціально заявило, что министръ юстиціи, по изслѣдованіи нѣкоторыхъ представленныхъ ему военнымъ министромъ документовъ по дѣлу Дрейфуса, передалъ ихъ для разсмотрѣнія кассаціонному суду и предсѣдателю комиссіи пересмотра въ министерствѣ юстиціи, Дюрану. Такимъ образомъ начинается третій и послѣдній актъ драмы, волновавшей Францію столько лѣтъ подрядъ. Никто уже не сомнѣвается въ окончательномъ торжествѣ справедливости, и вопросъ заключается лишь въ томъ, передастъ ли кассаціонный судъ это дѣло снова въ военный совѣтъ, для того чтобы дать возможность самимъ военнымъ возстановить попранную справедливость, или же, въ виду того, что теперь уже ничего не остается отъ прежняго обвиненія, кассаціонный судъ ограничится простою отмѣною приговора Ренскаго суда? Противъ послѣдняго сильно возстаютъ многіе изъ видныхъ писателей и общественныхъ дѣятелей во Франціи. Между прочимъ Анатоль Франсъ недавно открыто высказался противъ отмѣны, сказавъ, что «эта шекспировская трагедія не должна окончиться буржуазною комедіей» и дѣло должно быть передано военному суду. Такъ или иначе, но теперь общественное мнѣніе Франціи снова волнуется, хотя и не такъ какъ прежде, по поводу предстоящаго пересмотра.

Между тѣмъ сообщеніе министра юстиціи ни для кого не могло быть сюрпризомъ во Франціи. Еще въ апрѣлѣ этого года Жоресомъ былъ снова выдвинутъ на сцену въ палатѣ депутатовъ вопросъ о пересмотрѣ. Правда, палата отклонила тогда его требованіе назначенія парламентской слѣдственной комиссіи для пересмотра документовъ, но военный министръ заявилъ, что по долгу службы онъ подвергнетъ тщательному пересмотру съ помощью судебныхъ чиновниковъ всѣ документы по дѣлу Дрейфуса, не вдаваясь въ обсужденіе вопроса о его виновности, но желая лишь установить истину относительно преступныхъ махинацій въ реннскомъ судѣ. Результаты своего изслѣдованія военный министръ представилъ въ совѣтъ министерства, а это послѣднее уполномочило министра юстиціи передать документы въ комиссію пересмотра. Ужъ это одно доказываетъ, что въ представленныхъ документахъ заключаются новые факты, на основаніи которыхъ можно приступить къ пересмотру дѣла. Безъ важныхъ основаній кабинетъ, конечно, никогда бы не рѣшился на такой шагъ, такъ какъ, безъ сомнѣнія, возобновленіе дѣла Дрейфуса заключаетъ въ себѣ опасные элементы новой политической борьбы и новаго взрыва партійныхъ страстей. Серьезные органы печати, вродѣ «Temps» и «Debats», предостерегаютъ французскую публику отъ новаго увлеченія партійными раздорами. Въ сущности вѣдь этотъ послѣдній актъ, который долженъ закончиться реабилитаціей справедливости, не заключаетъ въ себѣ ничего новаго. Уже въ первомъ приговорѣ кассаціоннаго суда невинность Дрейфуса была установлена, такъ что въ настоящее время никто не можетъ сомнѣваться въ исходѣ пересмотра и можно спокойно ожидать осуществленія пророчества Золя, предоставляя высказаться суду. Таково по крайней мѣрѣ рѣшеніе всѣхъ друзей пересмотра; въ такомъ духѣ высказываются Жоресъ въ «Petite République» и Клемансо въ «Aurore». Очевидно, этой части французской публики не желательно возобновленіе той агитаціи, которая такъ сильно волновала Францію раньше. Для цѣлей справедливости теперь это не нужно. Націоналистская печать, очевидно ошеломленная неожиданнымъ рѣшеніемъ, въ первый моментъ какъ будто растерялась и въ сущности напечатанный ею протестъ заключаетъ въ себѣ не что иное, какъ плохо замаскированную покорность судьбѣ, и отказъ націоналистовъ отъ парламентскаго запроса по этому поводу отчасти является сознаніемъ собственнаго безсилія. Въ другихъ лагеряхъ царитъ полное спокойствіе и поэтому можно надѣяться, что на этотъ разъ пересмотръ процесса не вызоветъ никакихъ особенныхъ волненій во Франціи.

Матеріалы, давшіе поводъ къ новому пересмотру, будутъ обнародованы позднѣе, но нѣкоторыя указанія на нихъ можно найти въ рѣчи Жореса, въ воспоминаніяхъ Бриссона, напечатанныхъ въ «Siècle», и въ новыхъ томахъ изданной Жозефомъ Рейнакомъ исторіи дѣла Дрейфуса. Одинъ изъ редакторовъ газеты «Siècle», Рауль Алльё, издалъ въ видѣ брошюры критическое изслѣдованіе новыхъ матеріаловъ по дѣлу Дрейфуса. Жоресъ доказалъ самымъ неопровержимымъ образомъ, что главное оружіе, которымъ Мерсье воспользовался противъ Дрейфуса, былъ оригиналъ бордеро съ поддѣланными помѣтками императора Вильгельма, въ которыхъ упоминается имя Дрейфуса. Рауль Алльё приводитъ въ своей брошюрѣ выдержки изъ статей газетъ генеральнаго штаба отъ 1894 года, изъ которыхъ видно, что эта поддѣлка существовала уже тогда, до ареста Дрейфуса, и, очевидно, было сдѣлана съ цѣлью служить противъ него оружіемъ. Подъ предлогомъ, что обнародованіе императорской помѣтки можетъ повести къ войнѣ съ Германіей, къ судебнымъ актамъ присоединили только копію съ этого бордеро, а оригиналъ остался въ карманѣ

Мерсье, который тотчасъ же вытаскивалъ его оттуда, какъ только замѣчалъ, что судьи начинаютъ колебаться или же обнаруживается желаніе подвергнуть дѣло пересмотру. Такимъ образомъ, онъ по очереди оказывалъ давленіе въ 1894 г. на предсѣдателя военнаго суда, на генерала Бийльо, и на всѣхъ другихъ военныхъ министровъ, и въ особенности на Кавеньяка, и, наконецъ, на реннскихъ судей. Рядомъ съ этимъ кардинальнымъ преступленіемъ генерала Мерсье имѣетъ значеніе роль генерала Буадефра и полковника Анри. Генералъ Пеллье также жалуется въ своемъ прошеніи объ отставкѣ, которое было опубликовано Жоресомъ, что его начальники заставляли его работать съ подложными документами. Рауль Аллье приводитъ, кромѣ того, показаніе офицеровъ въ Монъ Валерьенъ, куда былъ привезенъ Анри, разсказывавшихъ, что онъ исписалъ нѣсколько листовъ бумаги, однако этихъ листовъ потомъ не нашли и полагаютъ, что они были унесены офицеромъ, который приходилъ изъ военнаго министерства къ арестованному Анри и принесъ ему бритву съ благимъ совѣтомъ перерѣзать себѣ горло. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ думать, что Анри былъ только орудіемъ Мерсье и Буадефра и что эти два генерала организовали дѣло Дрейфуса. Кассаціонный судъ теперь уже окончательно распутаетъ всѣ эти нити, и хотя послѣдній актъ этой драмы и не представляетъ уже такого жгучаго, какъ прежде, политическаго и юридическаго интереса, но тѣмъ не менѣе въ психологическомъ и общественномъ отношеніи новый пересмотръ дѣла Дрейфуса имѣетъ общечеловѣческое значеніе, онъ указываетъ, прежде всего, на силу общественнаго мнѣнія и слова въ свободной странѣ, заставившихъ, въ концѣ концовъ, восторжествовать истину и справедливость, несмотря на всѣ препятствія и трудность борьбы съ лицами, занимавшими такое положеніе, какъ Мерсье, Буадефръ и др.

Македонское движеніе и его вожди. Новая программа реформъ для Македоніи не возбуждаетъ, повидимому, особенныхъ надеждъ въ Европѣ, и европейская печать интересуется ею не столько съ точки зрѣнія пользы, которую эти реформы должны принести провинціи, сколько въ связи съ вопросами внѣшней политики отдѣльныхъ европейскихъ государствъ и той выгоды, которую имъ можетъ принести паденіе турецкаго господства въ Европѣ. Въ этихъ толкахъ европейской печати о нарушеніи равновѣсія силъ въ восточной части Средиземнаго моря, въ случаѣ появленія новыхъ государственныхъ образованій на Балканскомъ полуостровѣ, или разсужденіяхъ о раздѣлѣ европейскихъ владѣній Турціи, ясно проглядываетъ все-таки соперничество интересовъ различныхъ державъ. Въ Софіи и Аѳинахъ, поэтому, не очень-то довольны предлагаемыми реформами, а въ Англіи къ нимъ относятся весьма скептически. Въ Италіи же не вполнѣ сочувствуютъ русско-австрійской дѣятельности, такъ какъ тамъ давно уже имѣются виды на Албанію, которая нужна Италіи, чтобы укрѣпить свое господство на берегахъ Адріатики. Однимъ словомъ въ этой борьбѣ интересовъ судьба собственно Македоніи отодвигается, въ сущности, совершенно на задній планъ. Между тѣмъ, по всѣмъ признакамъ, весною надо ожидать возобновленія македонскаго движенія. Вожди его, Сарафовъ и Цончевъ, совершили поѣздку по Европѣ и побывали въ Англіи, какъ говорятъ, съ цѣлью раздобыть средства для поддержанія македонскаго возстанія. Генералъ Цончевъ руководилъ возстаніемъ въ одной части македоніи въ теченіе полгода, и въ то время, какъ Сарафовъ оперировалъ на западѣ, въ области Монастыря, Цончевъ оперировалъ на востокѣ, въ долинѣ Струмы, въ Салоникскомъ вилайетѣ. Сколько разъ уже появлялось въ газетахъ извѣстіе о смерти того или другого македонскаго вождя и не проходило нѣсколькихъ дней, какъ уже снова распространялись слухи о ихъ подвигахъ, и благодаря такимъ разсказамъ всѣ македонскіе вожди, Сарафовъ, Цончевъ, Груевъ и Дельчевъ окружены въ глазахъ народа ореоломъ легендарныхъ героевъ.

Проѣздомъ черезъ Парижъ генерелъ Цончевъ бесѣдовалъ съ нѣсколькими французскими журналистами. Каждому изъ нихъ онъ сказалъ, что не надѣется на какую-либо перемѣну въ положеніи вещей. «Нашъ образъ дѣйствій также не измѣнится, сказалъ онъ. Возстаніе возобновится весной съ еще большею силой и будетъ всеобщимъ, такъ какъ число борцовъ должно возрасти. Изъ 40.000 македонскихъ бѣглецовъ, которые собираются провести зиму въ Болгаріи, нѣсколько тысячъ, конечно, присоединятся къ намъ. Терять имъ больше нечего, деревни ихъ разграблены, дома разрушены; турки сами постарались сдѣлать изъ нихъ добрыхъ революціонеровъ! Болгарское же правительство можетъ принимать какія угодно мѣры, чтобы помѣшать имъ переходить границу,—все будетъ тщетно! Если бы даже вся болгарская армія выстроилась вдоль границы, то и тогда я берусь все-таки провести черезъ нея сколько угодно македонскихъ бандъ. Никто и ничто не можетъ насъ остановить. Мы добиваемся свободы для нашихъ македонскихъ братьевъ и добьемся ея... или сами погибнемъ. Македонскій крестьянинъ не смѣетъ послать свою дочь за триста метровъ отъ своего дома, не смѣетъ пустить свою жену въ сосѣднюю деревню, а самъ, когда выѣзжаетъ въ поле съ плугомъ, то постоянно осматривается по сторонамъ, опасаясь нападенія; чуть только появится вдали какая-нибудь человѣческая фигура, какъ онъ уже бросаетъ работу и со всѣхъ ногъ удираетъ».

Цончевъ, какъ и Сарафовъ, заявляетъ, что главная цѣль путешествія—привлечь симпатіи Европы на сторону Македоніи. «Очень сомнительно, знаютъ ли македонцы что-нибудь вообще о реформахъ,—сказалъ Сарафовъ бесѣдовавшему съ нимъ англійскому журналисту.— Впрочемъ, вообще никто, не думаетъ, чтобы эти реформы могли кому нибудь угодить, Портѣ или македонскому населенію. Но если, противъ ожиданія, македонское населеніе окажется довольнымъ тѣми реформами, которыя предлагаютъ обѣ договорившіяся державы, то тогда причины продолжать возстаніе прекратятся и все будетъ спокойно, однако на это никто не разсчитываетъ и поэтому македонцы приготовляются къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ».

По поводу организаціи македонскаго движенія Сарафовъ разсказалъ слѣдующее: «Организація эта началась еще при Паницѣ, слѣдовательно въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. Тогда по странѣ разъѣзжали проповѣдники и всюду находили послѣдователей. Эти проповѣдники организовали подвозъ оружія и раздѣлили мѣстность на повстанческіе округи. Затѣмъ были избраны воеводы, которые за нѣсколько мѣсяцевъ до возстанія должны были заниматься военными упражненіями. Собирались обыкновенно въ какихъ-нибудь малодоступныхъ мѣстахъ въ горахъ, среди непроходимаго лѣса, куда ни одинъ турокъ обыкновеннно не заглядывалъ. Тамъ устраивалось настоящее военное ученіе, стрѣляли въ цѣль, обучались развѣдочной службѣ, обращенію съ динамитомъ и т. д. Упражненія продолжались два мѣсяца, послѣ чего пятьдесятъ собравшихся воеводъ, обсудивъ дальнѣйшія подробности возстанія и выработавъ законы, которымъ должны были подчиняться инсургенты, возвращались въ свои деревни и тамъ уже организовали банды. Основными правилами для всѣхъ воеводъ были слѣдующія: 1) никогда не давать себя окружать; 2) при численномъ превосходствѣ непріятеля стараться во-время ускользнуть; 3) стараться всегда нападать врасплохъ; 4) никогда не сдаваться и не класть оружія. Эти правила выполнялись македонцами съ величайшею добросовѣстностью. Македонскіе инсургенты всегда и вездѣ выказывали величайшую рѣшительность и энергію и неудача никогда не лишала ихъ мужества. Правда, особенные геройскіе подвиги составляли рѣдкое явленіе, но зато въ мужествѣ и выносливости никогда не было недостатка».

О поведеніи турецкихъ войскъ Сарафовъ отозвался слѣдующимъ образомъ: «Только арнаутскіе отряды, да македонскіе илаве дѣйствовали по собственному побужденію и грабили и разоряли всегда и вездѣ, гдѣ только имъ представлялся случай, но низамы и редифы никогда не дѣлали этого, а македонскіе редифы очень рѣдко. Анатолійскіе же редифы иногда даже выказывали большое добродушіе. Однажды, въ одну деревню пришелъ батальонъ редифовъ и начальникъ его потребовалъ, чтобы крестьяне выдали ему мѣстопребываніе одной македонской банды. Крестьяне, какъ всегда, увѣряли, что они ничего объ этомъ не знаютъ. Тогда, возмущенный ихъ упрямствомъ, турецкій командиръ приказалъ перестрѣлять всѣхъ мужчинъ въ деревнѣ. Разумѣется женщины и дѣти тотчасъ же подняли вой и ихъ слезы и мольбы такъ подѣйствовали на редифовъ, что ни у одного изъ нихъ не поднялась рука, чтобы застрѣлить крестьянина; а нѣкоторые даже украдкой вытирали слезы. Въ концѣ концовъ отрядъ такъ и ушелъ изъ деревни, не причинивъ зла ни одному человѣку. Но разумѣется, бывали и другіе случаи, когда удалявшійся турецкій отрядъ оставлялъ послѣ себя только дымящіяся развалины...»

По словамъ Сарафова, македонское движеніе вовсе не имѣло въ виду побѣду надъ турецкою арміей. Македонцы только хотѣли показать міру, что они готова умереть за свое дѣло и побудить Европу вступиться за Македонію и въ интересахъ человѣчества ввести въ ней либеральныя учрежденія. Нѣкотораго успѣха они все-таки добились, и не будь возстанія, то македонцы ничего бы ровно не достигли. Зима пріостановила движеніе, но не уничтожила его. Въ Македоніи, въ каждомъ округѣ, остались вожди и возстаніе снова возобновится, какъ только наступитъ для этого благопріятный моментъ.

Сарафовъ самымъ категорическимъ образомъ отрицаетъ свое участіе въ динамитномъ покушеніи въ Салоникахъ. Онъ не одобряетъ этого покушенія и находитъ его необдуманнымъ поступкомъ, сгубившимъ и силы и много жизней. Онъ отрицаетъ также и всѣ разсказы о какихъ либо насиліяхъ и жестокостяхъ со стороны македонскихъ повстанцевъ. Конечно, война уже сама по себѣ представляетъ жестокость и легко вызываетъ наружу звѣрскіе инстинкты человѣка, но такіе факты и проявленія жестокости составляютъ все-таки исключенія. Въ сущности македонцы ничего не имѣютъ противъ турокъ, а только противъ ихъ администраціи, съ которою они намѣрены бороться до послѣдней капли крови.

О боевыхъ способностяхъ турецкой арміи и Сарафовъ, и Цончевъ даютъ одинаковый отзывъ. Турецкое войско очень мало подвижно и маневрируетъ всегда плохо и медленно. Стрѣляетъ также плохо и часто безъ всякаго толку. Турки рѣдко прямо атакуютъ македонскую банду; они всегда предпочитаютъ произвести нападеніе на деревню, такъ какъ это безопаснѣе и большею частью турецкіе солдаты идутъ одни, подъ командою унтеръ-офицеровъ, или даже безъ нихъ; офицеры же предпочитаютъ въ отдаленіи наблюдать ихъ подвиги. Вообще, по мнѣнію обоихъ македонскихъ вождей, партизанская война въ Македоніи можетъ затянуться надолго, и она не прекратится, пока цѣль освобожденія не будетъ достигнута.

Открытіе рейхстага и др. германскія дѣла. Въ этомъ году открытіе парламентской сессіи новаго рейстага совершилось при необычныхъ условіяхъ. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ Вильгельмъ II вступилъ на престолъ, онъ не присутствовалъ самъ на этомъ открытіи и не читалъ самъ своей тронной рѣчи. Осужденный на молчаніе вслѣдствіе болѣзни голосовыхъ связокъ, бѣдный ораторъ, такъ любящій произносить рѣчи, долженъ былъ конечно испытывать настоящія муки Тантала, воздерживаясь отъ нихъ. Вслѣдствіе отсутствія императора Вильгельма оффиціальное торжество открытія, по словамъ консервативныхъ газетъ, уже не носило прежняго блестящаго характера. Впрочемъ, по мнѣнію другихъ органовъ берлинской печати, отпечатокъ меланхоліи, который лежалъ на этомъ торжествѣ, отчасти вызывался смутнымъ предчувствіемъ тѣхъ трудностей, которыя теперь наступаютъ для германской имперіи. Въ коментаріяхъ націоналъ-либеральныхъ газетъ явно сквозитъ нѣкоторая разочарованность. Въ самомъ дѣлѣ, если вспомнить тѣ блестящія надежды, которыя возбудило въ сердцахъ націоналъ-либераловъ возрожденіе германской имперіи, то станетъ понятно разочарованіе, которое они должны теперь испытывать, видя съ одной стороны полновластное господство католическаго центра въ протестантскомъ государствѣ, а съ другой возростаніе соціалъ-демократіи. Политическое ультрамонтанство и соціализмъ—вотъ двѣ силы, которыя руководятъ судьбами имперіи въ данный моментъ. Германское правительство занято теперь разрѣшеніемъ необычайно трудной задачи. Надо отыскать способъ удовлетворить претензіи прусскихъ дворянъ землевладѣльцевъ и въ то же время заключить торговое соглашеніе съ Россіей. Такая задача, по мнѣнію одной изъ германскихъ газетъ, представляетъ нѣчто вродѣ знаменитой квадратуры круга, и канцлеру Бюлову придется таки ни мало поломать голову, чтобы отыскать способъ, какъ выйти изъ этого затрудненія. Затѣмъ бюджетъ также представляетъ не мало камней преткновенія. Дефицитъ повидимому окончательно укрѣпился въ финансахъ имперіи, и новый бюджетъ уже представляетъ огромный излишекъ расходовъ сравнительно съ прежнимъ (около 5 милліоновъ). Разумѣется, придется прибѣгнуть къ кредитамъ, и это обстоятельство, конечно, много содѣйствуетъ пессимистическому настроенію германской печати, съ грустью констатирующей, что процвѣтаніе германской имперіи какъ будто приближается къ концу и наступаетъ періодъ всевозможныхъ затрудненій. Очень понятно, поэтому, что въ германскомъ обществѣ и печати съ большимъ интересомъ ожидали рѣчи новаго министра финансовъ Штенгеля, въ первый разъ выступавшаго въ рейхстагѣ. Правда, финансовое положеніе Германіи далеко не таково въ настоящее время, чтобы оно могло облегчить министру, отвѣтственному за бюджетъ, его задачу. Но Штенгель, даже какъ ораторъ, успѣха не имѣлъ, такъ какъ рѣчь у него была написана на клочкахъ бумаги, которые онъ перепуталъ, посредственность же формы въ этой рѣчи не могла, конечно, искупиться пессимистической сухости. Во всякомъ случаѣ всѣ германскія газеты признаютъ, что нельзя уже больше обманывать себя никакими иллюзіями, и никто не видитъ способа облегчить бюджетъ, который долженъ одновременно удовлетворить все возрастающимъ требованіямъ на содержаніе огромнаго флота и огромной арміи и нуждамъ соціальнаго законодательства. Такимъ образомъ дебютъ новаго министра нельзя назвать особенно удачнымъ и въ результатѣ получилась какая то всеобщая неудовлетворенность. Столь же неудачной оказалась и рѣчь новаго военнаго министра генерала Эйнема, хотя по формѣ ее и можно было назвать блестящей, особенно въ сравненіи съ рѣчью Штенгеля. Генералу Эйнему пришлось говорить о разоблаченіяхъ гарнизонной жизни, сдѣланныхъ поручикомъ Бильзе въ его книгѣ, и о жестокомъ обращеніи унтеръ-офицеровъ съ солдатами. Военный министръ пожелалъ смягчить впечатлѣніе, произведенное книгою Бильзе, и до нѣкоторой степени оправдать поступки унтеръ-офицеровъ, доказывая, что иногда побои даже приносятъ пользу въ дѣлѣ воспитанія рекрутъ и внушенія имъ понятія о дисциплинѣ. Разумѣется, эти слова произвели какъ разъ обратноѐ впечатлѣніе чѣмъ то, на которое, вѣроятно, разчитывалъ новый министръ. Протесты послышались со всѣхъ скамей Рейхстага, со всѣхъ сторонъ раздались негодующія восклицанія, и министръ долженъ былъ понять, что при первомъ же дебютѣ въ парламентѣ онъ сдѣлалъ промахъ.

Гораздо большій интересъ, даже съ точки зрѣнія ораторскаго искуства, представилъ словесный поединокъ—«Rededuell» какъ говорятъ нѣмецкія газеты—между Бебелемъ и Бюловымъ. Бебель говорилъ два раза и оба раза рѣчь его продолжалась около двухъ съ половиною часовъ. Бюловъ также не отставалъ отъ него, и противники обмѣнялись многими язвительными замѣчаніями и насмѣшками. Благодаря ораторскому таланту Бебеля, его длинная рѣчь не вызвала утомленія слушателей, хотя его прерывали нѣсколько разъ восклицаніями и даже предсѣдатель сдѣлалъ ему выговоръ за нѣкоторыя его «неосторожныя выраженія». Бюловъ же старался высмѣять соціалъ-демократію съ ея идеаломъ будущаго государства. «Напрасно г. имперскій канцлеръ такъ озабоченъ вопросомъ, кого изберутъ соціалъ-демократы министромъ иностранныхъ дѣлъ въ своемъ «государствѣ будущаго» (Zukunftsstaat)», замѣтилъ ему Бебель и прибавилъ, что безъ сомнѣнія, даже многіе изъ теперешнихъ тайныхъ совѣтниковъ г. Бюлова не откажутся поступить на службу «государства будущаго», конечно, за хорошее вознагражденіе! Бюловъ не остался въ долгу и въ свою очередь выдвинулъ на сцену разногласія дрезденскаго конгресса соціалистовъ и партійные раздоры. Затѣмъ онъ, по обыкновенію, началъ упрекать соціалъ-демократовъ въ томъ, что у нихъ не хватаетъ «добрыхъ нѣмецкихъ качествъ» патріотизма, чувствительности, нѣжности, чувства собственнаго достоинства и т. д. и т. д. Онъ закончилъ воззваніемъ ко всѣмъ бюргерскимъ партіямъ, приглашая ихъ не давать соціалъ-демократіи превзойти себя въ отношеніи дисциплины, единенія и самоотверженія.

Этими словесными турнирами закончилась предрождественская парламентская сессія. Настоящая работа начнется уже только послѣ новаго года и, судя по настроенію печати, парламентскимъ дѣятелямъ предстоятъ трудныя времена

Кураторъ боннскаго университета фонъ Роттенбургъ возбудилъ противъ себя сильнѣйшее негодованіе консервативной печати. На ректорскомъ обѣдѣ онъ произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу «прусской школьной политики».—«Какъ! Онъ осмѣлился критиковать эту политику, да еще въ присутствіи молодого принца! восклицаетъ съ паѳосомъ «Kreuzzeitung».—Ту самую политику, которая съ давнихъ поръ ведется въ Пруссіи и въ которой, какъ заявляетъ отвѣтственный министръ, не предполагается вводить никакихъ измѣненій». Другія газеты упрекаютъ фонъ Роттенбурга въ безтактности, такъ какъ онъ въ присутствіи высокопоставленныхъ лицъ порицалъ школьную политику отвѣтственнаго лица состоящаго совѣтникомъ германскаго монарха въ этомъ дѣлѣ. Впрочемъ консервативная печать и всѣ «старопрусскія сердца», какъ замѣчаетъ франкфуртская газета, утѣшаютъ себя тѣмъ, что вѣдь кураторъ университета не занимаетъ никакой политической должности, связанной съ отвѣтственною дѣятельностью! Однако, хотя консервативная печать и требуетъ воздержанія отъ всякой критики дѣйствій отвѣтственныхъ министровъ и въ особенности беретъ подъ свою защиту министра просвѣщенія, тѣмъ не менѣе вопросъ о школьной реформѣ постоянно выдвигается либеральною печатью, требующею введенія болѣе раціональной системы воспитанія германскаго юношества для того, чтобы всѣ, силы заключающіяся въ народѣ, могли бы приносить посильную пользу странѣ. Между прочимъ, на предстоящемъ международномъ конгрессѣ школьной гигіены, который соберется на Пасху въ Нюрнбергѣ, учреждается отдѣльная секція для обсужденія вопроса объ устройствѣ при школахъ одѣльныхъ классовъ для слабыхъ и отсталыхъ дѣтей. Школьная статистика указываетъ, что въ сущности лишь небольшой процентъ дѣтей проходитъ безпрепятственно черезъ всѣ классы; обыкновенно очень многіе застреваютъ въ какомъ нибудь классѣ и лишь съ большимъ трудомъ достигаютъ старшихъ классовъ. Германскія газеты особенно обращаютъ вниманіе на это прискорбное обстоятельство и вопросъ о выработкѣ болѣе раціональной системы преподаванія въ народныхъ школахъ поставленъ теперь на очередь, также какъ и вопросъ объ увеличеніи числа этихъ школъ, въ виду ихъ постояннаго переполненія.

Ученое супружество. Назначеніе преміи Нобеля супругамъ Кюри, которые уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ открыли радій и его изумительныя свойства, было въ то же время открытіемъ и для парижской публики, не подозрѣвавшей, какъ оказывается, что эти скромные супруги — французскіе ученые. По словамъ французской газеты «Temps», лишь тѣ, кто близко соприкасается съ лабораторнымъ міромъ, знали, кто такіе Кюри; большая же публика, прочтя ихъ фамиліи въ спискѣ ученыхъ, получившихъ премію, подумали, что это были англичане. «Еслибъ это были французскіе ученые, то мы бы, конечно, о нихъ знали», говорили разныя лица французскому журналисту, такъ что еслибъ шведская академія не выдала нобелевской преміи этимъ необычайно скромнымъ ученымъ, которые даже не имѣли хорошей лабораторіи и должны были работать урывками, потому что имъ приходилось учительствомъ зарабатывать средства къ жизни, то, пожалуй, парижане такъ и остались бы въ неизвѣстности, что супруги Кюри — французскіе ученые, и что Парижъ можетъ гордиться ими.

Теперь, разумѣется, благодаря нобелевской преміи, супруги Кюри сразу сдѣлались знаменитостью. Уже французское правительство внесло въ палату законопроектъ объ учрежденіи при факультетѣ естественныхъ наукъ спеціальной каѳедры по общей физики для г. Кюри. Въ скромную же квартиру супруговъ Кюри стали являться журналисты, чтобы познакомиться съ ними и интерьвюировать ихъ. Сотрудникъ газеты «Temps», Гастонъ Рувье, также сдѣлалъ имъ визитъ. Онъ съ трудомъ дозвонился у дверей маленькаго домика на бульварѣ Келлерманнъ. Служанка, пріотворившая двери, отвѣтила, что г. Кюри въ лабораторіи, а г-жа Кюри на урокѣ. Она впустила посѣтителя въ комнату, главнымъ убранствомъ которой была лампа, стоявшая на каминѣ, да два очень старыхъ, но огромныхъ дивана. Въ сосѣдней комнатѣ служанка упрашивала маленькую дѣвочку, которую она называла «m-elle Irène», сѣсть са столъ: «Начинайте свой завтракъ,—говорила она.—Вѣдь когда ваша мамаша придетъ, то у нея не будетъ времени васъ дожидаться!»

«M-elle Irène должна была завтракать одна, для того, чтобы ея мать имѣла возможность получать преміи Нобеля!» замѣчаетъ французскій журналистъ. Больше онъ ничего не прибавляетъ, предоставляя читателю самому догадываться, что должно означать это замѣчаніе.

Пришелъ г. Кюри, и французскій журналистъ могъ удовлетворить своему любопытству, но онъ замѣчаетъ, что скромный ученый не имѣетъ привычки быть интервьюированнымъ и не умѣетъ разсказывать о себѣ, такъ что журналисту пришлось запастись терпѣніемъ и самому задавать ему вопросы, на которые Кюри отвѣчалъ большею частью односложно. Но журналистъ узналъ въ концѣ концовъ, что г-жа Кюри полька, уроженка Варшавы. Фамилія ея Склодовская. Она пріѣхала въ Парижъ учиться и обратила на себя вниманіе своими способностями. Ея мужъ познакомился съ нею въ лабораторіи муниципальной школы физики и химіи, гдѣ онъ завѣдывалъ практическими работами. Молодая студентка постоянно помогала ему въ его работахъ, и вскорѣ онъ такъ привыкъ къ ея сотрудничеству, что уже не могъ безъ него обходиться. Это все, что могъ добиться журналистъ отъ интервьюированнаго ученаго, прихода же г-жи Кюри онъ такъ и не дождался.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Журнальный пролетаріатъ во Франціи.—Соціальныя внушенія и государственное вмѣшательство.—Характеръ корейскаго народа.—Русско-японскія отношенія.—Феминизмъ и германскій императоръ.—Бирманскія женщины.

«Во Франціи существуетъ цѣлая категорія людей, которые говорятъ обо всемъ, но никогда не говорятъ о себѣ, это—журналисты. Они то защищаютъ рабочихъ, эксплуатируемыхъ капиталомъ, то вступаются за дѣтей, подвергающихся истязаніямъ, за вдовъ и сиротъ, обобранныхъ недобросовѣстными опекунами, за несправедливо осужденныхъ, отправляемыхъ на каторгу и т. п.; среди массы дѣлъ подобнаго рода имъ конечно не хватаетъ времени подумать о себѣ, а между тѣмъ ихъ профессіональное положеніе весьма плачевное.»

Такими словами начинаетъ свою статью о журнальномъ пролетаріатѣ во Франціи Поль Помье въ «La Revue». Онъ говоритъ о нелѣпой легендѣ, изображающей профессію журналиста въ привлекательномъ свѣтѣ, вслѣдствіе чего многіе юноши уже на школьной скамьѣ мечтаютъ о томъ, чтобы сдѣлаться журналистами. Помье старается разрушить эти иллюзіи. Было время, когда газета служила трибуной, но теперь, во Франціи, она представляетъ коммерческое предпріятіе. Современная французская пресса уже не заботится ни о качествѣ своихъ статей, ни о качествѣ своихъ читателей, а только о количествѣ. Такая перемѣна отразилась и на судьбѣ журналистовъ; они превратились въ интеллигентныхъ пролетаріевъ, такъ какъ спросъ въ журнальной профессіи тотчасъ же превысилъ предложеніе, какъ только на первый планъ была выдвинута репортерская часть и интервью, а литературныя статьи перестали цѣниться издателями. Въ послѣдніе годы, по словамъ автора, заработокъ журналиста сильно понизился и огромное большинство едва можетъ заработать столько, чтобы вести болѣе или менѣе приличное существованіе. Гонораръ огромнаго большинства пролетаріевъ печати не превышаетъ 150—200 франковъ въ мѣсяцъ. Авторъ устанавливаетъ бюджетъ такого пролетарія печати. Зарабатывая 5 фр. въ день, онъ долженъ истратитъ не менѣе 2 фр. 70 сант. на свое пропитаніе, завтракъ и обѣдъ, включая и пурбуары. Затѣмъ, не имѣя ни времени, ни денегъ, чтобы посѣщать театры, журналистъ обыкновенно послѣ обѣда отправляется въ кафе на бульваръ, такъ какъ видъ освѣщенной залы, наполненной посѣтителями, доставляетъ ему необходимое развлеченіе. На это онъ тратитъ еще франкъ, такъ что у него остается всего лишь 1 ф. 30 на всѣ остальные расходы, квартиру, освѣщенiе и т. п. Притомъ же онъ долженъ быть всегда прилично одѣтъ и поэтому, чтобы хоть что нибудь съэкономить на одежду, онъ помѣщается въ мансардѣ, хуже чѣмъ какой нибудь рабочiй. Вообще онъ вѣчно терпитъ нужду и, описывая всевозможныя прелести парижской жизни, роскошные праздники, развлеченiя и т. п., онъ самъ влачитъ печальное существованiе впроголодь, съ вѣчною заботою о кускѣ хлѣба. Разумѣется, тѣ, которые получаютъ 200—250 фр. находятся въ нѣсколько лучшихъ условiяхъ, хотя, получая больше, журналистъ вынужденъ и больше работать и больше расходовать на свой обѣдъ, такъ какъ его обязанности не дозволяютъ ему обѣдать въ опредѣленный часъ и онъ не можетъ поэтому ходить въ дешевые рестораны, очень часто онъ можетъ идти обѣдать только тогда, когда эти рестораны бываютъ заперты. Такой неправильный образъ жизни конечно отзывается и на его бюджетѣ, и на его здоровьѣ. Но тѣ, которые состоятъ постоянными сотрудниками какой нибудь большой газеты, должны все таки почитать себя счастливыми въ сравненiи съ настоящими пролетарiями печати, пробивающимися работой въ разныхъ газетахъ, имѣющихъ крайне эѳемерное существованiе, и никогда не платящихъ аккуратно своимъ сотрудникамъ. Этимъ послѣднимъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ удавалось сполна получить свой гонораръ и обыкновенно они получали его по сантимамъ, да и то порою съ помощью судебнаго пристава.

Однако самую многочисленную фракцiю пролетарiевъ печати составляютъ журналисты, не имѣющiе постоянныхъ занятiй. Въ Парижѣ, по словамъ Помье существуетъ не болѣе шестисотъ постоянныхъ мѣстъ при различныхъ редакцiяхъ на 2500—3000 журналистовъ, да и то мѣста эти плохо оплачиваются. Журналистъ, не имѣющiй постоянныхъ занятiй, находится въ самомъ безвыходномъ положенiи. Ему труднѣе чѣмъ какому бы то нибыло другому профессiональному рабочему найти себѣ заработокъ. Большинство изъ тѣхъ, которымъ надоѣло прозябать въ Парижѣ, отправляются въ провинцiю и тамъ иногда имъ удастся создать себѣ болѣе или менѣе прочное положенiе, т. е. не голодать.

Такими мрачными красками рисуетъ авторъ положенiе французскихъ журналистовъ. Онъ объясняетъ это печальное явленiе тѣмъ, что французская пресса страдаетъ отъ безденежья. Положенiе большинства органовъ печати весьма непрочное. Измѣнивъ свой прежнiй характеръ и отведя хроникѣ самое большое мѣсто, газеты увеличили свои расходы. Между тѣмъ увеличилась также и конкурренцiя, такъ какъ вслѣдствiе развитiи мѣстной провинцiальной печати, парижскiя газеты, мало по малу, начали терять своихъ провинцiальныхъ абонентовъ.

Весьма подробно разобравъ всѣ темныя и свѣтлыя стороны журнальной профессiи во Францiи, авторъ приходитъ къ заключенiю, что у французскихъ журналистовъ не достаетъ профессiональной солидарности. Только такая солидарность могла бы помочь имъ выбиться изъ своего подневольнаго положенiя. Вѣдь ихъ «патроны»—издатели образовали уже могущественный синдикатъ печати—«Syndicat de la Presse», который можетъ оказывать давленiе на общетвенныя власти и бойкотировать журналистовъ, высказывающихъ духъ неповиновенія деспотизму патроновъ. Этому синдикату журналисты должны были бы противопоставить свой собственный «синдикатъ журналистовъ», который, соединившись съ синдикатомъ типографскихъ рабочихъ, могъ бы положить конецъ эксплуатаціи и нѣсколько упрочить положеніе журнальныхъ работниковъ.

Въ томъ же номерѣ «Revue» докторъ Реньо помѣщаетъ статью о вредномъ соціальномъ внушеніи и пользѣ общественнаго вмѣшательства для противодѣйствія ему. Во всякомъ человѣческомъ обществѣ, говоритъ онъ, внушеніе играетъ далеко не послѣднюю роль. Индивиды дѣйствуютъ другъ на друга, внушаютъ другъ другу и могутъ имѣть общія мысли и работать сообща. Эта способность внушенія, столь необходимая для образованія и сохраненія общества, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ сдѣлаться вредной и тогда именно человѣческая община должна вступаться для защиты своихъ членовъ. Авторъ разсматриваетъ въ своей статьѣ нѣкоторые случаи соціальныхъ внушеній, являющихся настоящимъ бѣдствіемъ, угрожающимъ нашей цивилизаціи. Къ числу такихъ бѣдствій онъ причисляетъ, между прочимъ, страсть къ игрѣ, которая достигаетъ высшаго развитія подъ дѣйствіемъ вліянія среды и обстановки. Многіе, входя въ игорный залъ, начинаютъ играть часто изъ подражанія другимъ и постепенно поддаются внушенію, которое, заставляя добиваться во что бы то ни стало выигрыша, лишаетъ ихъ всякой воли и дѣлаетъ жертвою страсти, внезапно развившейся подъ вліяніемъ соотвѣтствующей обстановки. Это взаимное безсознательное внушеніе, которое оказываютъ другъ на друга игроки вокругъ игорнаго стола, подтверждается наблюденіями надъ ними. Стоитъ взглянуть на людей въ игорномъ залѣ, тамъ, гдѣ идетъ игра въ рулетку, или въ «trente et quarante», чтобы убѣдиться въ этомъ. Тутъ вредное взаимное вліяніе агломераціи индивидовъ, обуреваемыхъ одною и тою же страстью, не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, поэтому то въ законодательствахъ всѣхъ государствъ существуютъ законы, направленные противъ игорныхъ притоновъ, и д-ръ Реньо настаиваетъ на мѣропріятіяхъ противъ всякаго рода азартныхъ игръ, на скачкахъ и въ другихъ мѣстахъ и на закрытіи казино, гдѣ процвѣтаетъ рулетка. Тутъ общество обязано вмѣшаться, чтобы оградить своихъ членовъ отъ вреднаго соціальнаго внушенія.

Такимъ же вреднымъ свойствомъ оказывать внушеніе обладаетъ, по мнѣнію Реньо, и всякаго рода безнравственная литература, которая теперь свободно распространяется вездѣ и т. д. Реньо думаетъ, что разумное вмѣшательство общества могло бы принести пользу, ограничивъ распространеніе этой вредной литературы и преслѣдуя уличный развратъ, который также можетъ дѣйствовать путемъ внушенія. Расмотрѣвъ далѣе другіе виды соціальнаго внушенія, къ которымъ онъ причисляетъ и алкоголизмъ, авторъ переходитъ къ роли періодической печати.

Эта роль очень велика. Книгъ читаютъ мало, еще меньше читаются журналы, но нѣтъ ни одного буржуа, ни одного рабочаго, ни даже крестьянина, который бы не читалъ аккуратно свою газету. Конечно, при такихъ условіяхъ, печать должна обладать огромною силою внушенія. Она можетъ принести громадное зло распространеніямъ лжи, вредныхъ идей, неправильныхъ взглядовъ и даже простымъ печатаніемъ подробныхъ отчетовъ о разныхъ преступленіяхъ и т. д. Но, по мнѣнію автора, внушеніе тутъ ограничивается. При обиліи и разнообразіи мнѣній, внушеніе теряетъ свою силу и легко исчезаетъ при свободѣ обмѣна мысли. Поэтому роль общества въ этомъ случаѣ заключается въ невмѣшательствѣ.

Роль внушенія на выборахъ также не подлежитъ сомнѣнію. Реньо разсказываетъ слѣдующій случай: одинъ изъ его друзей побился объ закладъ, что онъ самымъ кореннымъ образомъ измѣнитъ взгляды бонапартистскихъ избирателей своего округа, не прибѣгая ни къ собраніямъ, ни къ увѣщаніямъ, а дѣйствуя только путемъ афишъ, причемъ на афишѣ будетъ всегда находиться только одна фраза, заключающая въ себѣ или совѣтъ, или утвержденіе. Въ теченіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ онъ приказалъ расклеивать на всѣхъ стѣнахъ афиши со слѣдующими изреченіями: «Да здравствуетъ республика!» «Вотируйте за республиканскаго кандидата!» «Республика обогащаетъ земледѣльца» и т. д. И за недѣлю передъ выборами онъ поставилъ свою кандидатуру и ограничился только тѣмъ, что напечаталъ на афишѣ свое имя, съ прибавленіемъ словъ: «Республиканскій кандидатъ». И этого оказалось вполнѣ достаточно—онъ выигралъ пари.

Всѣ эти факты и наблюденія заставляютъ доктора Реньо придти къ выводу, что теорія «laisser faire, laisser passer» не годится, и общество, не могущее существовать безъ здоровыхъ и сильныхъ индивидуальностей, должно оградить ихъ отъ вредныхъ внушеній, сохраняя въ то же время у нихъ способность подчиняться внушенію, такъ какъ безъ этого не можетъ образоваться соціальной души. Это — трудная задача, которую надо выполнить обществу, не переступая границъ и не нарушая свободы личности, потому что средство можетъ, пожалуй, оказаться даже хуже болѣзни.

Интересъ, возбужденный въ послѣднее время событіями на Дальнемъ Востокѣ, особенно сильно отразился на англійскихъ журналахъ. Почти въ каждомъ изъ нихъ можно найти статью, относящуюся къ восточно-азіатскому вопросу. Въ «Ninitenth Century» напр., напечатана статья о Кореѣ, авторъ которой говоритъ о ненависти корейцевъ къ японцамъ и заявляетъ, что японцы могутъ только насильственнымъ путемъ, т. е. путемъ завоеванія, связать Корею съ Японіей, такъ какъ никакой другой связи между обоими народами существовать не можетъ. По словамъ автора, корейцы самый глупый, но въ тоже время и самый счастливый народъ на свѣтѣ. Характеръ корейцевъ представляетъ загадку. Эта раса, повидимому, вполнѣ индифферентная ко всякимъ перемѣнамъ своей земной жизни. Они относятся къ жизни и смерти съ одинаковымъ равнодушіемъ и никогда не выказываютъ ни малѣйшаго признака возмущенія. Что жъ удивительнаго, что націи востока всегда обращались съ корейцами, какъ со скотомъ. Несмотря на то, что кореецъ статенъ и силенъ, онъ безпрекословно позволяетъ себя бить и связать маленькому японцу, который едва достаетъ до его уха. Ни любовь, ни ненависть не могутъ заставить корейца выйти изъ его пассивнаго состоянія. Единственное его удовольствіе въ жизни—это сидѣть съ трубкою въ зубахъ гдѣ нибудь на вершинѣ холма цѣлый день, не проронивъ ни слова.

Корейскій императоръ промѣнялъ свое подданство Китаю на болѣе сложное рабство, въ которомъ теперь находится у большинства европейскихъ представителей на Дальнемъ Востокѣ. Его окружаетъ толпа совѣтниковъ, назначаемыхъ почти каждою европейскою державою и происходящихъ изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества. Корейское правительство представляетъ деспотизмъ въ чистѣйшей формѣ. Хищничество и взяточничество распространены среди министровъ, не гнушающихся никакими подачками. Пытки и наказанія носятъ чрезвычайно варварскій характеръ. Литература и искусство никогда не существовали въ Кореѣ въ болѣе или менѣе развитой формѣ, и единственныя художественныя произведенія представляютъ бѣлыя фарфоровыя издѣлія, удивительно тонкой работы, которыя были находимы въ гробницахъ королей. Однимъ словомъ, корейскій народъ остается такимъ, какимъ онъ былъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, и съ точно такимъ же равнодушіемъ относится къ жизни, къ благосостоянію и ко всѣмъ источникамъ богатства и рессурсамъ страны, которыми онъ не стремится пользоваться, даже имѣя на это полную возможность.

Русскояпонскія отношенія также служатъ предметомъ обсужденія въ статьяхъ англійскихъ журналовъ. Политическое обозрѣніе въ «Contemporary Review» исключительно занимается вопросомъ, будетъ ли война между Россіей и Японіей? Авторъ этого обозрѣнія Диллонъ не вѣритъ, однако, въ неизбѣжность вооруженнаго конфликта. Онъ называетъ теперешнее положеніе дѣлъ лишь «новымъ обостреніемъ хронической ссоры» и полагаетъ, что она будетъ улажена. Японія не такъ безумна, чтобы рисковать своимъ положеніемъ. Въ настоящее время это имперія въ миніатюрѣ, но лѣтъ черезъ пятьдесятъ Японія въ состояніи будетъ потягаться съ цѣлымъ міромъ. Трудное экономическое положеніе страны является въ данный моментъ главнымъ, если не единственнымъ, препятствіемъ къ войнѣ.

Въ «Strand Magazine» печатаются воспоминанія Елены Вакареску, бывшей статсъ-дамы румынской королевы. Воспоминанія эти касаются разныхъ коронованныхъ лицъ, съ которыми г-жѣ Вакареску приходилось встрѣчаться. Между прочимъ, она передаетъ свой разговоръ съ германскимъ императоромъ Вильгельмомъ II, высказавшимъ слѣдующій взглядъ на феминизмъ:

«Для меня женщина-писательница — это смѣшное существо, — сказалъ онъ.—Умныя женщины, вообще, опасны; на нихъ надо надѣвать намордники раньше, чѣмъ онѣ начнутъ кусаться. Но скажите мнѣ, неужели вы думаете, что женщина должна быть непремѣнно умна, чтобы сдѣлаться писательницей? По моему наоборотъ, умная женщина всегда избѣгаетъ всего, что дѣлаетъ ее смѣшной, и очень заботится о своей наружности. А развѣ женщина, которая пишетъ, можетъ оставаться хорошенькой? Положеніе пишущей женщины, всѣ ея тѣлодвиженія, когда она усердно занимается бумагомараніемъ, уничтожаютъ въ ней всякое эстетическое стремленіе. Развѣ можетъ женщина казаться хорошенькой, когда лобъ у нея наморщенъ, и она съ серьезнымъ видомъ, свойственнымъ каждому, занятому какою-нибудь важною умственною работою, обдумываетъ какую-нибудь идею или сюжетъ своего произведенія? Однако, я готовъ уступить вамъ въ одномъ или двухъ пунктахъ, хотя и вижу, что вы не придаете особеннаго значенія моимъ взглядамъ на женскій вопросъ. Музыка и живопись могутъ сдѣлать счастливымъ существованіе женщины и даже принести пользу ея семьѣ, и, наконецъ, я готовъ даже допустить, что занятіе поэзій не лишаетъ женщину ея женственности. Женщины вообще не отличаются благоразуміемъ, также какъ и поэты, и, какъ поэты, онѣ также существуютъ только для того, чтобы украшать жизнь и придавать ей блескъ и веселье».

Припомнимъ читателямъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одной изъ своихъ безчисленныхъ рѣчей, Вильгельмъ II сказалъ, что жизнь и дѣятельность женщины должны исчерпываться «тремя К»—«Küche, Kinder, Kirche». То, что онъ говорилъ г-жѣ Вакареску, только подтверждаетъ высказанный имъ публично взглядъ на женскій вопросъ. Такой взглядъ вообще преобладаетъ въ высшихъ германскихъ сферахъ и въ бюргерскихъ кругахъ, и тамъ передовыя женщины не могутъ разсчитывать на сочувствіе.

«Review of Reviews» приводитъ выдержки изъ статьи, помѣщенной въ журналѣ «Buddhism» и написанной одною бирманскою дамой. По ея словамъ, положенію бирманской женщины можетъ позавидовать любая европейская женщина. «Я много путешествовала по различнымъ странамъ Востока и Запада,—говоритъ бирманская писательница — и видѣла жизнь женщинъ въ другихъ странахъ, познакомилась я съ ихъ стремленіями, съ ихъ желаніями и огорченіями. И я пришла къ убѣжденію, что лучше быть бирманскою деревенскою дѣвушкой, нежели принадлежать къ одной изъ самыхъ гордыхъ націй Запада!» Далѣе бирманская леди изображаетъ въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ положеніе бирманской женщины и приписываетъ это исключительно вліянію буддизма: «Лишь очень мало найдется бирманскихъ женщинъ, даже въ самыхъ отдаленныхъ деревняхъ, которыя бы не умѣли читать и писать. Впрочемъ, грамотность необходима женщинамъ, такъ какъ почти вся мелочная торговля въ странѣ находится въ ихъ рукахъ. Буддизмъ и только буддизмъ способствовалъ образованію характера женщины и сдѣлалъ ея жизнь счастливой, дѣятельной и придалъ ей умственный интересъ, такъ какъ научилъ ее вникать въ сложныя проблемы буддійской философіи и находить наслажденіе въ обдумываніи этихъ проблемъ. Женщина въ Бирмѣ свободна. Бракъ въ Бирмѣ не имѣетъ религіознаго характера, это—свѣтское учрежденіе. Мужъ и жена заключаютъ договоръ въ присутствіи старшинъ деревни, и договоръ этотъ всегда можетъ быть нарушенъ по желанію. Несходство характера, пьянство, куреніе опіума и вообще какіе-нибудь предосудительные поступки одного изъ супруговъ служатъ достаточною причиною для развода, который и произносится старшинами деревни. Впрочемъ, надо прибавить, что, несмотря на такую легкость развода, на господствующую въ Бирмѣ свободу мужчинъ и женщинъ, процентъ разведенныхъ супруговъ очень невеликъ, и семейная жизнь бирманцевъ большею частью могла бы служить примѣромъ для другихъ націй.»

Дѣйствительно, если вѣрить безпристрастію бирманской писательницы, то въ Бирмѣ живется недурно какъ женщинамъ, такъ и мужчинамъ. Впрочемъ, такіе же восторженные отзывы о Бирмѣ даетъ англійскій писатель Фильдингъ въ своей книгѣ «Душа народа» (есть на русскомъ языкѣ), гдѣ онъ также восхваляетъ бирманцевъ и рисуетъ положеніе бирманской женщины очень радужными красками.

ПРУССКІЕ ВЫБОРЫ.

(Письмо изъ Берлина).

Какъ извѣстно, компетенціи общегерманскаго законодательнаго института, рейхстага, подлежатъ далеко не всѣ важные вопросы гражданской и публичной жизни нѣмецкаго народа. Цѣлый рядъ законодательныхъ проблемъ до сихъ поръ изъятъ изъ его вѣдѣнія и подлежитъ регулированію парламентовъ отдѣльныхъ государствъ германскаго союза, такъ называемыхъ ландтаговъ. Вѣдѣнію послѣднихъ подлежатъ: народное образованіе, прямые налоги, фабричная инспекція, желѣзныя дороги, городское самоуправленіе и т. д. Все это вопросы кардинальной важности, и потому составъ того или другого ландтага имѣетъ для нѣмецкихъ государствъ далеко не послѣднее значеніе. Но если составъ гессенскаго или саксонскаго или какого либо другого ландтага имѣетъ значеніе главнымъ образомъ для Гессена, Саксоніи и т. д., мало касаясь остальной Германіи, то того нельзя сказать о ландтагѣ прусскаго королевства. Изъ 475.087 квадратныхъ верстъ, которыя заняты въ Европѣ германскимъ союзомъ, 306.087 падаютъ на Пруссію, а изъ 52 милліоновъ жителей, населяющихъ германскую имперію, 32 находятся подъ защитой прусскаго орла. Пруссія занимаетъ, такимъ образомъ, около $^2/_3$ всей территоріи и имѣетъ много болѣе половины всего населенія Германіи. Уже по одному этому можно представить себѣ, какое значеніе имѣетъ для всей Германіи одно изъ высшихъ правительственныхъ учрежденій Пруссіи. Для всей имперіи не можетъ быть безразлично, какъ живетъ и управляется большая половина ея гражданъ, ибо отъ этого зависитъ въ той или другой мѣрѣ существованіе другой ея половины. Значеніе Пруссіи и прусскаго ландтага, однако, еще усиливается, если припомнить, что Пруссія есть руководящее королевство всего германскаго союза, что прусскій король въ то же время и германскій императоръ, а имперскій канцлеръ— министръ-президенттъ Пруссіи.

Отсюда понятно, какой интересъ представляетъ для всѣхъ интересующихся духовной политической и соціальной жизнью нѣмецкаго народа недавно состоявшіеся выборы въ прусскій ландтагъ. Этотъ интересъ еще усиливается благодаря тому, что въ первый разъ за все время существованія прусскаго ландтага въ выборахъ принимала участіе самая многочисленная изъ германскихъ политическихъ партій—соціалъ-демократическая. До сихъ поръ она воздерживалась отъ такого участія, считая его съ одной стороны для себя безплоднымъ, а съ другой—несовмѣстимымъ съ принципами демократической партіи. Демократія признаетъ лишь парламенты съ равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ, въ то время, какъ прусское избирательное право основано на привиллегіяхъ имущихъ классовъ. Толстая мошна при прусскихъ выборахъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ образованіе и служебный постъ. Невѣжественный милліонеръ имѣетъ большее вліяніе, чѣмъ ученый профессоръ или даже имперскій канцлеръ. Вообще, изъ всѣхъ избирательныхъ правъ, которыя различны въ различныхъ государствахъ германскаго союза, прусское даже по мнѣнію покойнаго Бисмарка является самымъ жалкимъ и отвратительнымъ. Какъ я уже замѣтилъ, прусская конституція не знаетъ прямыхъ выборовъ, какъ общегерманская. Избиратели выбираютъ не депутатовъ, а выборщиковъ (Wahlmänner'овъ). Послѣдніе выбираютъ уже потомъ депутатовъ.

Помимо того, что прусское избирательное право не прямое, оно еще, кромѣ того, и *неравное*: въ зависимости отъ богатства, или вѣрнѣе, въ зависимости отъ количества *прямыхъ* налоговъ, взимаемыхъ съ даннаго лица, лицо это пользуется большимъ или меньшимъ избирательнымъ правомъ, его голосъ имѣетъ при выборѣ большій или меньшій вѣсъ и значеніе. Впрочемъ, прусская система настолько нелѣпа, что и послѣднее не совсѣмъ вѣрно. Въ двухъ разныхъ избирательныхъ участкахъ два лица, уплачивающія одинъ и тотъ же налогъ, могутъ пользоваться, однако, различными избирательными правами. Чтобы вы могли понять эту нелѣпую систему, вамъ придется набраться немного терпѣнія и прослѣдить внимательно слѣдующее ниже описаніе ея. Въ общихъ чертахъ она представляется въ такомъ видѣ.

Активнымъ избирательнымъ правомъ пользуется каждый прусскій гражданинъ въ возрастѣ отъ 24 лѣтъ и болѣе, если онъ не получаетъ никакихъ пособій изъ общественныхъ суммъ и ничѣмъ не опороченъ. Пассивнымъ же пользуется онъ по достиженіи 30-лѣтняго возраста. Выборы происходятъ, какъ я уже отмѣтилъ, не прямымъ голосованіемъ, а посредствомъ выборщиковъ (Wahlmänner). Послѣдніе избираются избирателями (Urwähler) по одному на каждые 250 человѣкъ населенія. Для избранія выборщиковъ избирательный округъ дѣлится на участки такимъ образомъ, чтобы число избираемыхъ въ немъ выборщиковъ могло дѣлиться на 3. Это необходимо въ виду того, что избиратели даннаго участка выбираютъ выборщиковъ не вмѣстѣ, а по «классамъ»; каждый «классъ» особо по одному выборщику. Раздѣленіе на «классы» производится по слѣдующему принципу. Берутъ сумму *прямыхъ* налоговъ, уплачиваемыхъ всѣми избирателями даннаго участка, и дѣлятъ на 3. Тогда самые крупные налогоплательщики, уплачивающіе вмѣстѣ первую треть налоговъ, попадаютъ въ первый классъ, средніе—во второй, а самые мелкіе въ третій. Такъ, напр., предположимъ, что въ участкѣ находятся 111 избирателей, уплачивающихъ вмѣстѣ 3.000 марокъ годовыхъ налоговъ. Предположимъ, что 1 изъ нашихъ избирателей единолично уплачиваетъ 1.000 марокъ, 10 платятъ по 100 и 100 избирателей по 10 марокъ. Такъ какъ 3.000, раздѣленныя на три, дадутъ 1.000, то, значитъ, каждый классъ долженъ уплачивать по 1.000 марокъ. Но одинъ изъ нашихъ 111 избирателей самъ уплачиваетъ сполна эту сумму, слѣдовательно, онъ одинъ и будетъ избирателемъ въ первомъ «классѣ». Слѣдующіе затѣмъ десять плательщиковъ, уплачивающихъ каждый по 100, а вмѣстѣ 1.000 марокъ, составятъ второй классъ, а остальные 100 человѣкъ избирателей третій. Такъ какъ каждый изъ этихъ трехъ классовъ выбираетъ по одному выборщику, то получается, что 1=10=100, т.-е. что одинъ голосъ крупнаго налогоплательщика равняется 10 среднимъ и 100 мелкимъ. Но это еще не все. Съ извѣстной точки зрѣнія еще допустимо, что человѣкъ, обладающій большимъ состояніемъ, можетъ считаться въ то же время и болѣе зрѣлымъ политически, чѣмъ бѣднякъ, а потому ему или его голосу приличествуетъ дать большій вѣсъ и значеніе при выборахъ. Но прусское право настолько нелѣпо, что даже и эта точка зрѣнія не примѣнима къ нему. Чтобы понять это, перенесемся въ какой-нибудь сосѣдній съ нашимъ участокъ, гдѣ избиратели побогаче и вмѣстѣ уплачиваютъ въ годъ налоговъ не 3.000, а 30.000 марокъ. Предположимъ дальше, что избирателей столько же, сколько въ первомъ участкѣ и что одинъ изъ нихъ выплачиваетъ 10.000, десять по 1.000 и сто по 100 марокъ въ годъ прямыхъ налоговъ. Тогда получится, что въ то время, какъ въ первомъ участкѣ господинъ Шульце, уплативъ 1.000 марокъ, считается настолько политически зрѣлымъ, что удостоенъ единолично господствовать надъ всѣмъ первымъ «классомъ», во второмъ онъ попадаетъ въ среднюю группу и его голосъ ослабляется въ десять разъ. То же самое можетъ произойти съ господиномъ Мейеромъ, живущимъ сегодня въ первомъ участкѣ и голосующимъ во второй группѣ, если онъ завтра переѣдетъ во второй участокъ, гдѣ онъ попадаетъ въ третій «классъ». Такимъ образомъ одинъ и тотъ же налогъ даетъ различныя права, и въ зависимости отъ случая я попадаю то въ первый, то во второй, то въ третій классъ.

Но и это еще не все. Прусское избирательное право имѣетъ еще цѣлый рядъ другихъ прелестей, которыя для малосостоятельныхъ лицъ дѣлаетъ участіе въ выборахъ почти невозможнымъ. Такъ, оно содержитъ предписаніе, что голосованіе должно быть открытымъ и обставлено такими формальностями, что нерѣдко избиратель принужденъ терять день, а иногда и два, если онъ желаетъ принимать участіе въ выборахъ.

Понятно, что всѣ эти избирательные крючки и заковычки не остаются безъ вліянія на составъ прусскаго парламента, что собственно и имѣлось въ виду составителями прусской конституціи. Для того, чтобы ясно представить себѣ, какое громадное вліяніе имѣетъ на составъ ландтага очерченная выше система, достаточно сопоставить результаты выборовъ въ ландтагъ съ результатами выборовъ въ рейхстагъ, которые совершаются посредствомъ прямого, равнаго и тайнаго голосованія.

При послѣднихъ выборахъ въ ландтагъ въ 1898 г. изъ 433 депутатовъ было:

Нѣмецкихъ консерваторовъ (Deutschkonservativ).	145	или	35,5	проц.
Вольныхъ консерваторовъ (Freikonservativ) . .	59	»	13,6	»
Націоналъ-либераловъ	71	»	15,4	»
Свободомыслящихъ обѣихъ фракцій	35	»	8,1	»
Поляковъ	13	»	3,0	»
Членовъ центра	100	»	23,1	»
«Дикихъ»	10	»	2,3	»

Въ томъ же 1898 году состоялись выборы въ рейхстагъ—и изъ 236 депутатовъ, падающихъ на Пруссію было:

Нѣмецкихъ консерваторовъ.	47	или	19,9	проц.
Вольныхъ консерваторовъ	18	»	7,6	»
Націоналъ-либераловъ	24	»	10,2	»
Свободомыслящихъ обѣихъ фракцій	31	»	13,1	»
Членовъ центра	60	»	25,4	»
Поляковъ	14	»	5,9	»
Соціалъ-демократовъ.	22	»	9,3	»
Остальныхъ.	20	»	8,5	»

Въ первомъ случаѣ народная воля стоитъ за консерваторовъ, имѣющихъ въ ландтагѣ почти абсолютное большинство; въ другомъ та же воля, но выраженная болѣе естественнымъ оброзомъ, даетъ совершенно другіе результаты.

Пока рабочая партія въ Германіи была слаба и обладала небольшимъ количествомъ сторонниковъ, участіе ея въ каррикатурныхъ прусскихъ выборахъ было бы совершенно безплоднымъ. Рекрутируясь, главнымъ образомъ, изъ лицъ, попадающихъ при выборахъ въ третій классъ, партія не могла надѣяться провести въ ландтагъ одного изъ своихъ кандидатовъ. Поэтому всѣ въ партіи согласны, что противъ прусской избирательной системы нужно тѣмъ или инымъ способомъ протестовать, но отъ участія въ избирательной кампаніи слѣдуетъ совершенно отказаться. Придти къ такому заключенію было тѣмъ легче, что нѣкоторымъ противовѣсомъ феодально-капиталистическому прусскому ландтагу могъ служить демократическій рейхстагъ, въ который доступъ не былъ особенно затрудненъ. Но партія росла, а вмѣстѣ съ тѣмъ росла потребность въ расширеніи круга ея вліянія. Постепенно стала пробиваться мысль, что необходимо оставить старую тактику воздержанія и попытаться завоевать хоть нѣсколько мѣстъ въ ландтагѣ. Въ 1893 году, когда партія насчитывала при выборахъ 1.787.000 голосовъ и 44 мѣста въ рейхстагѣ были заняты ея избранниками, извѣстный теперь писатель и депутатъ рейхстага, Эдуардъ Бернштейнъ, поставилъ этотъ вопросъ передъ партіей ребромъ. Состоявшійся въ томъ же году партійный съѣздъ не проявилъ, однако, большого сочувствія къ мысли завоевать ландтагъ и почти безъ дебатовъ единогласно принялъ резолюцію, которою рѣшительно отказывался отъ всякаго участія въ прусскихъ выборахъ. Взамѣнъ этого съѣздъ рекомендовалъ предпринять энергичную агитацію въ пользу отмѣны несправедливой выборной системы и замѣны ея прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ.

Резолюція, однако, такъ и осталась резолюціей, и въ слѣдующіе годы объ «энергичной агитаціи» не было ни слуху, ни духу. Такъ дѣло тянулось бы вѣроятно, еще очень долго, если бы обсужденіе въ 1897 году въ прусскомъ ландтагѣ одного проекта, который грозилъ уничтоженіемъ свободы союзовъ и собраній, не показало партіи, какое большое значеніе при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ имѣть для нея и для всей Германіи прусская палата депутатовъ. Когда помянутый проектъ не прошелъ лишь благодаря ничтожному большинству въ 3 или 4 голоса, тогда для многихъ стало ясно, что̀ можетъ сдѣлать ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняемая буржуазно-феодальная клика засѣдающая въ ландтагѣ. Началась быстрая и радикальная переоцѣнка цѣнностей. Тѣ самыя лица, которыя еще въ 1893 году энергично возставали противъ участія въ прусскомъ ландтагѣ, теперь, четыре года спустя, такъ же яро выступили за участіе. Послѣ жаркихъ схватокъ очередной партійный съѣздъ большинствомъ 145 голосовъ противъ 64 рѣшилъ старое постановленіе отмѣнить и рекомендовать всѣмъ товарищамъ по возможности принять участіе въ въ предстоящихъ выборахъ въ прусскую законодательную палату. Такъ какъ новое постановленіе не было обязательнымъ, то произошедшіе въ слѣдующемъ, 1898 году выборы прошли въ общемъ безъ участія рабочей партіи, въ которой большинство оказалось все-таки противъ участія. Потребовались еще съѣздъ и еще одно постановленіе, обязавшее всѣхъ членовъ партіи отправиться къ избирательной урнѣ, чтобы ихъ участіе сдѣлалось замѣтнымъ и важнымъ факторомъ, съ которымъ остальнымъ партіямъ приходится считаться.

Хотя толчкомъ къ рѣшенію принять участіе въ выборахъ послужило сознаніе грозящей отъ господства въ ландтагѣ реакціонной клики, однако, вскорѣ сознаніе это притупилось. Если бы партія имѣла въ виду только эту опасность и всѣми силами стремилась сломить реакціонное большинство прусской палаты, она тогда должна была бы не считаться съ поведеніемъ либераловъ и ихъ тактикой по отношенію къ ней и всюду заботиться лишь о томъ, чтобы выбить изъ ландтага консерваторовъ и центръ. Кѣмъ будутъ замѣнены ихъ мѣста—это должно было стоять на второмъ планѣ. Если можно соціалъ-демократомъ, если нѣтъ то членомъ либеральной партіи. Интересы страны должны были стоять выше интересовъ партіи, а для страны безусловно лучше, если десятокъ другой консерваторовъ уступили бы мѣсто членамъ лѣвыхъ партій: эти все таки прогрессивнѣе. Но, какъ я уже сказалъ, сознаніе опасности притупилось и ея мѣсто заняло стремленіе занять нѣсколько мѣстъ въ прусской палатѣ депутатовъ.

Вслѣдствіе этого было принято рѣшеніе, по которому члены партіи лишь тогда обязывались содѣйствовать выбору того или другого изъ кандидатовъ либеральныхъ партій, если послѣднія, въ свою очередь, обязуются голосовать за нѣкоторыхъ, имѣющихъ шансы быть выбранными, соціалъ-демократовъ. Въ томъ же случаѣ, если либеральныя партіи откажутся войти въ какое-либо соглашеніе съ соціалъ-демократами, послѣдніе должны воздерживаться отъ всякаго содѣйствія либераламъ, хотя бы это грозило усиленіемъ реакціоннаго большинства ландтага. Такимъ образомъ, партійное самолюбіе и интересы партіи были поставлены на первомъ планѣ, а ужъ на второмъ интересы страны.

Несмотря на энергичную агитацію нѣсколькихъ видныхъ либеральныхъ дѣятелей въ пользу соглашенія съ соціалъ-демократіей, большинство избирателей либераловъ было противъ него. Въ виду этого соціалъ-демократы, вѣрные принятому рѣшенію, отказались отъ всякой поддержки либеральныхъ кандидатовъ, и выбранный снова ландтагъ оказался почти неизмѣнившимся.

По офиціальнымъ даннымъ было выбрано:

Нѣмецкихъ консерваторовъ	148	202
Вольныхъ консерваторовъ	54	
Націоналъ-либераловъ	79	
Свободомыслящихъ рихтеровскаго толка (Freisinnige Volkspartei)	23	31
Свободомыслящихъ бартовскаго направленія (Freisinnige Vereinnigung)	8	
Поляковъ	13	
Членовъ центра	27	
Датчанъ	2	
Членовъ Союза сельскихъ хозяевъ (Bund der Ladwirte)	2	
Партіи реформъ	2	
Безпартійныхъ	5	

Все остается такимъ образомъ по старому и прусская реакція вновь на 5 лѣтъ утвердила свое господство. Хорошо ли поступили соціалъ-демократы, придерживаясь своей описанной выше тактики? Не лучше ли, не благоразумнѣе ли было не считаться съ заносчивостью либераловъ и все-таки содѣйствовать ихъ выбору въ интересахъ ослабленія реакціонной партіи? Не пострадаютъ ли, благодаря такой тактикѣ, самыя насущные интересы трудящихся массъ? На эти вопросы пока трудно отвѣтить. Возможно, что реакціонная клика заставитъ соціалъ-демократовъ пожалѣть о принятой ими тактикѣ; но, во всякомъ случаѣ, вина въ господствѣ прусской реакціи падаетъ не только на ихъ счетъ, а и даже, главнымъ образомъ, на счетъ узкосердечнаго и неумнаго поведенія либеральныхъ массъ и нѣкоторыхъ изъ ихъ вожаковъ, въ особенности Евгенія Рихтера. Отказываясь отъ всякаго соглашенія съ соціалъ-демократами, они тѣмъ самымъ признали, что имъ милѣе дюжина реакціонеровъ, губящихъ Пруссію, чѣмъ одинъ представитель рабочей партіи.

Теперь передъ послѣдней опять всталъ вопросъ: стоитъ ли принимать еще разъ участіе въ такихъ каррикатурныхъ выборахъ, или же какимъ-нибудь другимъ путемъ постараться добиться лучшихъ нормъ избирательнаго права? Каутскій и главный органъ партіи высказались за дальнѣйшую выборную агитацію, кое-кто изъ второстепенныхъ членовъ партіи противъ. Нужно думать, что верхъ возьмутъ сторонники участія, и при слѣдующихъ выборахъ мы опять увидимъ соціалъ-демократовъ за агитаціонной работой. Увѣнчается ли она большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ этотъ разъ,—покажетъ будущее

S.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Леченіе растеній.

(Объ одномъ русскомъ открытіи).

Всѣмъ извѣстно, что растенія, какъ и животныя, подвержены разнымъ заболѣваніямъ, нерѣдко угрожающимъ ихъ существованію. Причины этихъ заболѣваній могутъ быть также, какъ и у животныхъ, сведены къ двумъ основнымъ категоріямъ: — болѣзни причиняются или неблагопріятными внѣшними вліяніями (холодомъ, отсутствіемъ влаги и т. п.), или паразитами изъ растительнаго или животнаго царства. Для животныхъ и человѣка особенно опасны самые незначительные по размѣрамъ паразиты—болѣзнетворные микроорганизмы: они забираются въ организмъ невидимкой, размножаются въ безчисленномъ множествѣ, разрушаютъ различные органы и, если съ ними не справятся спеціально предназначенныя для борьбы съ ними клѣтки—«фагоциты», то организмъ ничего уже съ ними не можетъ подѣлать и погибаетъ, даже не отдавая себѣ отчета въ томъ, кто его губитъ. Съ паразитами крупными, видимыми глазами, животныя въ большинствѣ случаевъ успѣшно справляются, и такіе паразиты въ относительно рѣдкихъ случаяхъ бываютъ опасны для жизни.

Не то мы находимъ у растеній: болѣзнетворные микроорганизмы играютъ у нихъ второстепенную роль, и если наблюдается иногда загниваніе той или другой части растенія, то обыкновенно такое болѣзненное явленіе можетъ быть скорѣе сведено къ вліянію какого либо неблагопріятнаго внѣшняго обстоятельства, которое заставляетъ отмирать данную часть растенія, послѣ чего уже въ ней и разводятся гнилостные микроорганизмы. Бактеріальныя заболѣванія растеній въ той формѣ, какъ у животныхъ, если и наблюдаются, то развѣ въ какихъ либо исключительныхъ случаяхъ. Трудно сказать—почему, быть можетъ, причина тому бо̀льшая изолированность клѣтокъ растеній: каждая клѣтка у нихъ представляетъ изъ себя мѣшочекъ, плотно замкнутый со всѣхъ сторонъ стѣнками изъ клѣтчатки, чрезъ которыя не проникнуть микроорганизмамъ; послѣдніе могутъ найти для себя пристанище развѣ лишь въ межклѣточныхъ промежуткахъ, гдѣ для нихъ недостаточно пищи.

Какъ бы то ни было, но гораздо болѣе фатальное значеніе имѣютъ для растеній крупные паразитическіе организмы—многоклѣточные грибки и плѣсени, мелкія насѣкомыя и паукообразныя, круглые черви и т. п. Не обладая активными органами защиты, растеніе не въ силахъ бороться съ нападающими на него паразитами, волей-неволей оно принуждено терпѣть ихъ присутствіе и оказывать гостепріимство непрошеннымъ гостямъ, нерѣдко губящимъ окончательно пріютившаго ихъ хозяина. Правда, нѣкоторыя растенія умудряются (если можно такъ сказать про растенія) защититься отъ незваныхъ гостей—они вырабатываютъ ядовитые соки, вредные для послѣднихъ, но такой способъ защиты все же не можетъ быть универсальнымъ: то, что вредно для одного паразита, не производитъ часто никакого впечатлѣнія на другого.

Насколько великъ вредъ, причиняемый паразитами растеніямъ, а черезъ нихъ и человѣку, видно хотя бы изъ того, какіе громадныя опустошенія среди виноградниковъ производитъ филлоксера. Этотъ едва замѣтный врагъ виноградной лозы появился во Франціи въ 1860 году и въ какіе нибудь 30 лѣтъ уничтожилъ болѣе чѣмъ милліонъ гектаровъ виноградниковъ, причинивъ убытковъ болѣе чѣмъ на 8 милліардовъ франковъ и разоривъ въ конецъ населеніе цѣлыхъ обширныхъ областей. У насъ на югѣ Россіи филлоксера появилась всего лишь лѣтъ 20 тому назадъ и съ тѣхъ поръ также успѣла произвести страшныя опустошенія въ Крыму, въ Бессарабіи и на Кавказѣ, причинивъ винодѣламъ и населенію многомилліонные убытки.

Правда, филлоксера считается однимъ изъ наиболѣе ужасныхъ опустошителей, другіе паразиты не такъ страшны, но за то они берутъ численностью,—ихъ безконечное множество. Нѣтъ растенія, въ особенности среди воздѣлываемыхъ человѣкомъ, которое не подвергалось бы нападенію какого либо паразита—въ большинствѣ случаевъ ихъ не одинъ, а нѣсколько, иногда даже много.

Между насѣкомыми всѣ отряды содержатъ такихъ вредителей, нападающихъ съ особымъ рвеніемъ на наши хлѣбныя и огородныя растенія, на наши плодовые сады и лѣса. Вполнѣ естественно, что культурныя растенія подвергаются болѣе ожесточенному нападенію паразитовъ, чѣмъ растенія, находящіяся въ естественныхъ условіяхъ: разводя въ большомъ количествѣ на ограниченномъ пространствѣ одно какое нибудь растеніе, человѣкъ тѣмъ самымъ создаетъ и особенно благопріятныя условія для развитія и размноженія живущихъ на немъ паразитовъ—они получаютъ гораздо большую возможность переходить съ одного растенія на другое, легче находятъ себѣ пріютъ и пищу, а потому и могутъ сильнѣе увеличиваться въ численности. Нерѣдко человѣкъ помогаетъ еще развитію паразитовъ, уничтожая ихъ естественныхъ враговъ, напр. насѣкомоядныхъ птицъ, или создавая безсознательно различными другими способами благопріятныя условія для ихъ существованія.

Съ того времени, какъ хозяйство вышло изъ первобытнаго состоянія, человѣкъ позналъ на горькомъ опытѣ, какихъ страшныхъ враговъ онъ имѣетъ въ лицѣ этихъ мелкихъ вредителей изъ животнаго и растительнаго царства, и направилъ свои силы, свой умъ и знанія на борьбу съ ними. Борьба съ паразитами растеній и до сихъ поръ ведется ожесточенная, и если, съ одной стороны, миріады вредителей уничтожаютъ все же часто посѣвъ на корню, оголяютъ лѣса, истребляютъ огородныя овощи и уже наливающіеся плоды, то съ другой—милліоны рублей затрачиваются на уничтоженіе всѣми способами такихъ враговъ какъ саранча, жукъ-кузька, шелкопрядъ-монашенка, филлоксера и грибокъ-мильдіу; сотни ученыхъ и практиковъ занимаются изысканіями лучшихъ средствъ борьбы, устраиваются опытныя станціи, предпринимаются дорогіе опыты.

Разумѣется, самое важное при борьбѣ съ паразитами—это хорошо знать ихъ самихъ, познакомиться во всѣхъ деталахъ съ ихъ образомъ жизни и привычками, чтобы такимъ путемъ подмѣтить ихъ слабыя стороны. Въ этомъ отношеніи ужъ много сдѣлано и еще болѣе—дѣлается. Жизнь многихъ паразитовъ мы знаемъ теперь съ большою точностью и во всѣхъ подробностяхъ, литература по вреднымъ насѣкомымъ громадна, и если бы собрать, напримѣръ, въ одно мѣсто все, что написано, положимъ, о филлоксерѣ, то получилась бы обширнѣйшая библіотека.

Однако, знаніе жизни паразита далеко не всегда даетъ въ руки пригодный способъ борьбы съ нимъ, и, напр., съ той же самой филлоксерой, которую мы такъ хорошо знаемъ, мы до сихъ поръ не можемъ справиться. Приходится примѣнять методы борьбы грубые, можно сказать варварскіе—истреблять зараженные виноградники, вырубать лѣса, выжигать поля. Иногда человѣкъ бываетъ даже вынужденъ совсѣмъ бросить культуру даннаго сорта растенія и замѣнить его другимъ,—такъ это произошло, напр., съ виноградомъ: наиболѣе раціональнымъ способомъ борьбы оказалась замѣна европейской виноградной лозы американскою, которая хотя и даетъ виноградъ нѣсколько низшаго достоинства, но зато совсѣмъ не страдаетъ отъ филлоксеры. Такая борьба граничитъ, однако, съ безсиліемъ—человѣку приходится разрушать плоды своихъ собственныхъ трудовъ, длившихся въ теченіе многихъ вѣковъ, когда выводились драгоцѣнныя породы винограда; къ тому же и эти способы борьбы не всегда примѣнимы: американская лоза, напр., погибаетъ на известковой почвѣ.

Вполнѣ естественно, что при такомъ положеніи вещей нерѣдко приходила людямъ въ голову мысль: нельзя ли *лечить* растеніе отъ паразитовъ такъ, какъ мы лечимъ животныхъ? Леченіе животныхъ, ветеринарія, сдѣлало за истекшій вѣкъ такіе же успѣхи, какъ и медицина, въ то время какъ *фитотерапіи*, какъ можно назвать науку о леченіи растеній, до послѣдняго времени совершенно не существовало. Нельзя сказать, чтобы не дѣлалось попытокъ лечить растенія,—однако, всѣ онѣ, коль скоро дѣло касалось *внутренняго* леченія, были безуспѣшны, и лишь наружные способы леченія, въ родѣ опрыскиванія растенія какими-либо вредными для паразитовъ растворами, приносили нѣкоторую пользу въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось бороться съ паразитами легко доступными, напр., сидящими на листьяхъ. Самые страшные враги, однако, сидятъ въ трудно доступныхъ мѣстахъ: филлоксера на корняхъ лозы, короѣды—подъ корой и въ древесинѣ и т. п. Какъ добраться до нихъ съ лекарствами? До сихъ поръ это не удавалось, такъ какъ не было достаточно удобнаго и надежнаго способа введенія лекарствъ въ растеніе.

Дѣйствительно, животнымъ можно ввести въ организмъ лекарство тремя способами: чрезъ кожу—путемъ втиранія, чрезъ кишечникъ и путемъ подкожнаго впрыскиванія. У растеній первый способъ не примѣнимъ, такъ какъ кожа ихъ не проускаетъ лекарственныхъ веществъ и послѣднія не проникаютъ чрезъ нее; не помогаетъ и впрыскиваніе. Попытки вводить лекарственныя вещества съ пищею, т.-е. въ растворенномъ состояніи черезъ корни, дѣлались неоднократно, но первое время не удавались, и предполагалось, что корень принимаетъ изъ почвы лишь то, чего естественно требуетъ растеніе, а вреднаго или даже безразличнаго не принимаетъ вовсе. Позднѣе Пфефферъ доказалъ опытами, что это не такъ и что если взять растворъ достаточно разжиженный, то онъ будетъ хотя и въ очень маломъ количествѣ всасываться въ растеніе. Это наблюденіе не измѣнило, однако, положенія вещей,—лечить растеніе такимъ способомъ отъ паразитовъ все же на практикѣ очень трудно и даже невозможно: чтобы ввести въ растеніе какое-либо вещество, необходимо пропитать землю на нѣсколько аршинъ кругомъ растворомъ этого вещества и поддерживать этотъ разжиженный растворъ вокругъ корней, что, разумѣется, практически трудно осуществимо.

Попытки лечить растенія отъ паразитовъ введеніемъ чрезъ корни ихъ ядовитыхъ веществъ дѣлались неоднократно. Итальянскій ученый Пики насыщалъ почву слабымъ растворомъ мѣднаго купороса; другой итальянскій ученый, Пирозино, вводилъ въ растеніе сухой ціанистый кали, наконецъ, проф. Берлезе пытался ввести разныя вещества чрезъ надрѣзы въ корѣ и чрезъ отрѣзанныя вѣтви, а позднѣе обнажалъ въ почвѣ корень растенія, перерѣзывалъ его и надѣвалъ на корень гуттаперчевую трубку, соединенную съ изогнутой стеклянной трубкой, которая выходила на поверхность почвы. Въ трубку наливалась жидкость, которая послѣ того всасывалась корнемъ и распространялась по растенію,—однако, и этотъ способъ, какъ и оба предыдущіе, не привелъ къ удовлетворительнымъ результатамъ—по всей вѣроятности, жидкость слишкомъ мало распространялась по растенію.

И вотъ, за самое послѣднее время одинъ изъ русскихъ ученыхъ сдѣлалъ замѣчательное открытіе—открытіе, все значеніе котораго даже едва ли еще можетъ быть въ настоящее время правильно оцѣнено—онъ открылъ очень легкій способъ вводить въ растеніе какое угодно вещество, пользуясь естественнымъ движеніемъ соковъ въ растеніи. Какъ это ни странно, но открытіе это было сдѣлано не ботаникомъ, какъ бы этого можно было ожидать, а зоологомъ *И. Я. Шевыревымъ*, спеціалистомъ по вреднымъ лѣснымъ насѣкомымъ.

Изучая короѣдовъ, сильно вредящихъ лѣсу, И. Я. Шевыревъ сталъ изыскивать средство, при помощи котораго можно было бы добраться до опасныхъ вредителей, прячущихся подъ корою и въ древесинѣ стволовъ и совершенно недоступныхъ никакимъ внѣшнимъ воздѣйствіямъ. Наиболѣе простымъ, казалось бы, способомъ должно было бы быть введеніе въ стволъ дерева растворовъ различныхъ вредныхъ веществъ путемъ надрѣзовъ или чрезъ высверленныя отверстія. Извѣстно, что если поставить свѣже-срѣзанную вѣтвь въ воду или въ какой бы то ни было растворъ, то растворъ этотъ будетъ подниматься по вѣтви, вслѣдствіе возникающаго въ ней восходящаго тока, обусловливаемаго испареніемъ жидкости въ листьяхъ. Можно было бы предполагать, что то же самое произойдетъ и въ цѣломъ деревѣ, если, напр., просверлить въ стволѣ его отверстіе и налить въ него какой-либо жидкости.

Оказалось, однако, что такіе опыты давно уже производились Гартигомъ, но безъ особаго успѣха. Гартигъ просверливалъ стволъ дерева двумя каналами крестообразно и затѣмъ вводилъ въ эти каналы какую либо красящую жидкость. Она, дѣйствительно, всасывалась сосудами дерева, но въ очень ограниченномъ количествѣ. На разрѣзахъ, проведенныхъ черезъ стволъ, ясно вырисовывалась выше каналовъ фигура креста, соотвѣтствующаго каналамъ,—это указывало на то, что красящая жидкость на всемъ протяженіи ствола шла только по тѣмъ перерѣзаннымъ при сверленіи сосудамъ, въ которые вошла первоначально, а въ сосѣдніе, прилежащіе къ нимъ сосуды не вошла вовсе; отсюда былъ сдѣланъ выводъ: поперечнаго сообщенія между сосудами древесины нѣтъ. На разрѣзахъ ствола, сдѣланныхъ ниже каналовъ, окрашенной фигуры нигдѣ не оказалось и отсюда вытекалъ второй выводъ, что сила, поднимающая жидкость по сосудамъ древесины, обусловливается испареніемъ влаги листьевъ, а потому введенная жидкость не можетъ идти въ корни, такъ какъ въ нихъ не дѣйствуетъ эта сила.

Еще ранѣе французскій ученый Бушери также пытался пропитывать древесину дерева различными растворами, предупреждающими гніеніе, «par aspiration vitale». Онъ дѣлалъ неглубокую вырѣзку въ корѣ и отчасти въ древесинѣ дерева кольцомъ по всей окружности ствола, обвязывалъ ее непромокаемымъ полотномъ и въ образовавшуюся между полотномъ и вырѣзкой полость проводилъ жидкость при помощи трубки, идущей изъ бочки, — наблюдалось, дѣйствительно, при извѣстныхъ условіяхъ, во время сильнаго поднятія соковъ въ стволѣ, всасываніе жидкости. Однако, жидкость распространялась лишь надъ вырѣзкой, мѣстами не пропитывала древесины вовсе, къ тому же пользоваться этимъ способомъ можно было лишь весной или осенью, въ зависимости отъ породы дерева, когда движеніе соковъ было особенно интенсивно. Вообще, способъ Бушери не давалъ вполнѣ надежныхъ результатовъ.

И. Я. Шевыревъ первоначально пытался пропитать дерево различными жидкостями также чрезъ надрѣзы и получилъ такіе же отрицательные результаты. Тогда ему пришла мысль, можно сказать, геніальная по своей простотѣ и никому ранѣе въ голову не приходившая: именно, онъ подумалъ, не виноватъ ли въ неуспѣхѣ всасыванія жидкости растеніемъ *воздухъ*, который входитъ въ перерѣзанные сосуды дерева ранѣе жидкости, образуетъ тамъ пробки и препятствуетъ движенію жидкости.

Дѣйствительно, токъ соковъ въ стволѣ обусловливается испареніемъ воды въ листьяхъ; благодаря испаренію, въ сосудахъ развивается отрицательное давленіе, и какъ только перерѣзать такой сосудъ на воздухѣ, онъ сейчасъ же наполняется воздухомъ. Представьте себѣ, что вы всасываете ртомъ воду изъ стакана чрезъ каучуковую трубочку,—образуется восходящій токъ жидкости. Перерѣжьте теперь трубочку ножницами,—тотчасъ же въ нее войдетъ воздухъ, и если вы даже моментально опустите оставшуюся часть трубочки въ воду, все же внутри ея образуется большій или меньшій по размѣрамъ воздушный пузырь. При достаточно сильной тягѣ ртомъ, этотъ пузырь не помѣшаетъ жидкости подниматься, но при слабой тягѣ и очень тонкой трубочкѣ (какою является сосудъ дерева) воздушный пузырь можетъ образовать пробку, совершенно не пускающую жидкость вверхъ.

Придя къ такому заключенію, Шевыревъ рѣшилъ, что должно попробовать, не будетъ ли всасываніе сильнѣе, если произвести разрѣзъ или высверлить отверстіе *безъ доступа воздуха*, т.-е. проще всего, разумѣется, подъ водою или подъ тою жидкостью, которую желаютъ ввести въ растеніе. Ему удалось осуществить это очень простымъ способомъ, или, вѣрнѣе, двумя способами. Онъ или бралъ металлическую полуванночку, примазывалъ ее къ стволу дерева замазкой и прикрѣплялъ кнопками, наливалъ жидкостью (для наглядности опыта—какимъ-либо растворомъ краски, напримѣръ, эозина) и стамеской дѣлалъ въ корѣ насѣчки подъ поверхностью жидкости, такъ чтобы воздухъ совсѣмъ не могъ проникнуть въ насѣчку; или же пользовался стальною трубкой со сверломъ; этотъ инструментъ оказался особенно удобнымъ и полезнымъ и потому стоитъ описать его подробнѣе. Стальная трубка, возможно болѣе твердой стали, имѣетъ на одномъ концѣ острый край, которымъ онъ вбивается въ кору и древесину. Противоположный конецъ ея закупоривается каучуковой пробкой съ отверстіемъ, въ которое плотно вставлено стальное сверло, находящееся внутри трубки. Кромѣ того, съ двухъ сторонъ въ трубку вставлены двѣ трубочки—приводящая и отводящая жидкость, на нихъ надѣваются каучуковыя трубочки съ зажимами. Приводящая каучуковая трубка проведена въ бутыль съ жидкостью, такъ что послѣдняя идетъ по ней при всасываніи, какъ по сифону, въ стальную трубку.

При началѣ опыта вбиваютъ стальную трубку колотушкой въ дерево, закупориваютъ ее пробкой со вставленнымъ сверломъ, наполняютъ чрезъ проводящую трубочку жидкостью, такъ чтобы былъ вытѣсненъ весь воздухъ, и тогда начинаютъ сверлить. Послѣ того, какъ сверло проникло достаточно глубоко, начинаютъ вертѣть его въ обратномъ направленіи и слегка тянуть за ручку,—сверло выходитъ изъ отверстія и въ то же время туда входитъ жидкость, воздуха же не попадаетъ ни одного пузырька! Когда такимъ образомъ отверстіе готово, пробку со сверломъ осторожно замѣняютъ обыкновенной и жидкость безпрепятственно продолжаетъ поступать изъ бутыли чрезъ каучуковую и стальную трубочки въ сдѣланное отверстіе въ стволѣ.

Результаты ряда опытовъ, предпринятыхъ Шевыревымъ при такой простой постановкѣ, превзошли всѣ ожиданія. Оказалось, что не только деревья всасываютъ любую жидкость такимъ путемъ въ большомъ количествѣ, но что и распространяется эта жидкость по стволу замѣчательно легко. Удивительнѣе всего, что, какъ это показали первые же опыты, окрашенная жидкость распространяется не только вверхъ по стволу, въ вѣтви и листья, но и внизъ—въ корни, хотя ботаники и отрицаютъ существованіе обратнаго тока жидкости въ стволѣ. Далѣе было найдено, что жидкость движется и по боковымъ лучамъ и въ случаѣ, напримѣръ, введенія красящей жидкости чрезъ перекрещивающіеся ходы, какъ въ вышеприведенныхъ опытахъ Гартига, получался надъ этими ходами не крестъ, а сплошное окрашиваніе ствола—жидкость, слѣдовательно, безпрепятственно распространялась во всѣ стороны.

Какъ значительно количество всасываемой деревомъ жидкости, показываютъ слѣдующія цифры. Береза 4 вершковъ діаметромъ всасывала днемъ въ среднемъ 33 куб. сантиметра раствора эозина въ часъ и ночью—11 куб. сант. въ часъ. Другая береза всосала въ 2$^1/_2$ сутки 7 фунтовъ раствора. Еще сильнѣе было всасываніе на югѣ, напр., въ Крыму, яблоня всасывала изъ 2 полуванночекъ 1200 куб. сант. раствора эозина въ часъ, а дубъ 7 верш. въ діаметрѣ, въ Бессарабской губерніи, всосалъ черезъ 14 насѣчекъ съ ванночками въ сутки 2$^1/_2$ ведра раствора.

Красящая жидкость въ нѣкоторыхъ случаяхъ не только проникала въ корки и окрашивала ихъ, но и поднималась въ вѣтви и окрашивала даже листья. Были сдѣланы также многочисленные опыты съ виноградными лозами,—въ одномъ изъ нихъ красная краска окрасила не только жилки листьевъ, но и образовала красныя сѣточки на ягодахъ. Въ другомъ опытѣ были взяты три лозы, соединенныя между собою корнями—онѣ представляли изъ себя отводки отъ одного общаго корня: въ двѣ лозы была введена черезъ насѣчки синяя краска (метиленблау), всасывавшаяся растеніемъ въ теченіе трехъ сутокъ въ большомъ количествѣ. Когда затѣмъ лозы были выкопаны, оказалось, что краска по корнямъ проникла и въ третью лозу и окрасила также сильно ея стволъ, вѣтви и жилки въ листьяхъ. «Главные корни этихъ лозъ, разсказываетъ Шевыревъ, лежали на глубинѣ аршина. Имеретинъ, хозяинъ виноградника, помогавшій мнѣ въ раскапываніи корней постепенно вскрывалъ для меня ножомъ корни, чтобы видѣть и говорить мнѣ, есть ли въ нихъ краска. Когда онъ дошелъ такимъ образомъ до третьей лозы и увидѣлъ краску во всѣхъ ея корняхъ, онъ снялъ шапку, перекрестился и поцѣловалъ вскрытые имъ корни, сказавъ: Это чудо, отъ котораго погибнетъ филлоксера! Но, увы! пришлось объяснить ему, что это лишь простая, безвредная краска, а «чудо еще впереди».

Такимъ образомъ способъ вводить въ растенія, по крайней мѣрѣ въ деревянистыя или обладающія толстымъ стеблемъ, постороннія вещества въ растворенномъ видѣ открытъ. Явилась возможность напитывать растенія любымъ растворомъ помимо корней, притомъ оказалось, что растворъ этотъ проникаетъ во всѣ части растенія, не исключая даже корней и плодовъ. Само собою ясно, что это открытіе можетъ имѣть громадное значеніе въ дѣлѣ леченія растеній: мы можемъ теперь добраться до самыхъ укромныхъ уголковъ, въ которыхъ прячутся вредоносные паразиты—до мелкихъ корней, на которыхъ обитаетъ филлоксера, до древесины и луба, гдѣ гнѣздятся короѣды, до листьевъ, цвѣтовъ и плодовъ, гдѣ поселяются губительные грибки, червецы и т. п. Вся задача сводится теперь къ тому, чтобы найти такія вещества и такія пропорціи ихъ, чтобы при введеніи ихъ черезъ стебель они были безвредны для растенія, но убивали бы паразитовъ, вредящихъ ему. «Нѣтъ сомнѣнія,—говоритъ Шевыревъ,—что найдется цѣлый рядъ веществъ, которыя въ большей или меньшей степени будутъ удовлетворять поставленному требованію. Для отравленія насѣкомыхъ, грызущихъ листья снаружи, мы примѣняемъ теперь съ успѣхомъ цѣлый рядъ внѣшнихъ инсектисидовъ, болѣе или менѣе высокаго достоинства; точно также мы будемъ имѣть и для отравы сосущихъ насѣкомыхъ, для короѣдовъ и прочихъ внутреннихъ паразитовъ цѣлый рядъ внутреннихъ инсектисидовъ, одинаково губительно дѣйствующихъ на всѣхъ, вкусившихъ даннаго яда. Мнѣ кажется, что эти внутренніе инсектисиды, которые будутъ пригодны для уничтоженія надземныхъ тлей, будутъ пригодны и для уничтоженія филлоксеры и прочихъ корневыхъ тлей. Едва ли для послѣднихъ придется искать спеціальнаго инсектисида. По отношенію къ грибнымъ паразитамъ отвѣтъ уже теперь напрашивается самъ собою; многіе грибки не могутъ развиваться въ присутствіи самыхъ ничтожныхъ количествъ солей мѣди и замираютъ даже при слѣдахъ ея, а другіе обнаруживаютъ такое же отношеніе къ желѣзному купоросу. Нѣтъ сомнѣнія, что введеніе ничтожныхъ количествъ этихъ солей въ организмъ растенія не повредитъ ему, но грибнымъ паразитамъ придется тогда плохо, ибо они въ этомъ случаѣ несравненно чувствительнѣе своего хозяина».

Самою собою разумѣется, что для различныхъ растеній придется брать и различныя вещества, въ зависимости отъ природы растенія и свойствъ его соковъ. Нельзя, напримѣръ, вводить въ растеніе съ кислыми соками такое вещество, которое отъ кислоты осаждается, такъ какъ въ такомъ случаѣ можетъ произойти закупорка сосудовъ. Выборъ веществъ для борьбы съ различными паразитами у различныхъ растеній—дѣло будущихъ опытовъ и изслѣдованій. Этой стороны вопроса Шевыревъ совершенно не касается. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что такія вещества будутъ найдены и вопросъ о нихъ имѣетъ уже второстепенное значеніе. Важно то уже, что мы располагаемъ теперь такимъ методомъ введенія ихъ въ организмъ растенія, какого не имѣли ранѣе.

Методъ этотъ важенъ еще и въ томъ отношеніи, что онъ можетъ быть превращенъ въ методъ *внѣкорневого питанія*. Если, напр., дерево по какимъ-либо причинамъ чахнетъ отъ недостаточнаго питанія, его можно оживить, вливая ему чрезъ насѣчки жидкость, подходящую по составу къ его питательнымъ сокамъ.

Теперь открывается также и обширное поле для научныхъ изысканій: мы получили возможность вліять различными веществами на всевозможные органы растенія, начиная съ корней его и кончая плодами и сѣменами. Является чрезвычайно интересными выяснить, какъ отнесется растеніе къ различнымъ воздѣйствіямъ со стороны состава соковъ, нельзя ли путемъ введенія различныхъ веществъ замедлять или ускорять развитіе, деформировать различныя части, не отразятся ли нѣкоторыя вещества на органахъ размноженія растенія, не повліятъ ли они на передачу наслѣдственныхъ свойствъ и т. д. Новый методъ порождаетъ, какъ всегда, цѣлую вереницу новыхъ вопросовъ, за которыми, безъ сомнѣнія, послѣдуютъ и еще и еще новые!

Намъ приходитъ въ голову также слѣдующее соображеніе: не поведетъ ли это открытіе ко введенію въ ботаническую практику еще одного новаго метода, оказавшагося столь плодотворнымъ по отношенію къ животному царству,— именно, метода прививки соковъ. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что между соками животнаго и соками растительнаго организма нѣтъ коренного различія—и тѣ и другіе являются результатами дѣятельности живой плазмы, имѣющей много общихъ свойствъ. Между тѣмъ мы знаемъ, что у животныхъ при введеніи въ одинъ организмъ соковъ другого организма, подвергавшагося извѣстнымъ измѣненіямъ, этотъ первый организмъ нерѣдко пріобрѣтаетъ нѣкоторыя свойства второго. Если взять лимфу животнаго, которое путемъ постепенныхъ прививокъ сдѣлано невоспріимчивымъ къ какому-нибудь бактеріальному яду, и привить ее другому животному, то и это послѣднее дѣлается невоспріимчивымъ къ данному яду. Не удается ли то же самое и по отношенію къ растеніямъ? Мы знаемъ, напримѣръ, что американская виноградная лоза невоспріимчива къ филлоксерѣ,—вѣроятно, въ сокахъ ея содержится какое-либо вещество, непріятное или вредное для этого паразита. Если бы теперь попробовать ввести въ обыкновенную лозу черезъ насѣчку, вмѣсто раствора краски вышеописанныхъ опытовъ, сокъ американской лозы — не пріобрѣла ли бы онъ той же невоспріимчивости, сохранивъ всѣ свои остальныя свойства? Нельзя ли вообще передавать такой прививкой соковъ (какъ бы «переливаніемъ крови») нѣкоторыя качества, которыя передаются обычной прививкой растеній?

Всѣ подобные вопросы, нарождающіеся теперь у каждаго, кто вдумается въ значеніе описаннаго, на первый взглядъ маленькаго, открытія, ждутъ своего разрѣшенія путемъ опыта и наблюденія. Трудно предвидѣть теперь, каковы будутъ результаты этихъ опытовъ, но думается, что они будутъ имѣть не маловажное значеніе и, быть можетъ, дадутъ намъ въ руки новое мощное орудіе для борьбы съ мало замѣтными, но подчасъ опаснѣйшими врагами земледѣлія, а слѣдовательно, и всего благосостоянія человѣчества.

П. Ю. Шмидтъ.

† ЕГОРЪ ЕГОРОВИЧЪ ВАГНЕРЪ.

(Некрологъ).

14-го ноября скончался деканъ химическаго отдѣленія варшавскаго политехническаго института, профессоръ *Егоръ Егоровичъ Вагнеръ*. Смерть ученаго съ европейскимъ именемъ, человѣка, занимавшаго видное положеніе въ академическомъ мірѣ, разумѣется, не могла остаться незамѣченной: съ разныхъ концовъ Россіи и изъ-за границы полетѣли въ Варшаву сочувственныя телеграммы, множество лицъ и учрежденій возложило на его гробъ вѣнки, говорились рѣчи, печатали некрологи.

Но среди этого хора голосовъ, обычнаго въ такихъ случаяхъ, часто слышались нотки, заставлявшія даже не причастныхъ къ ученой корпораціи людей прислушаться къ нимъ и ближе вдуматься въ смыслъ совершившагося факта. Получалось впечатлѣніе дѣйствительно крупной, невознаградимой потери: большого человѣка не стало!

Е. Е. Вагнеръ родился въ Казанской губерніи въ 1849 году. Высшее образованіе онъ получилъ въ казанскомъ университетѣ, гдѣ началъ работать подъ руководствомъ проф. А. М. Зайцева. Блестящія способности молодого химика обратили на себя вниманіе: по окончаніи курса Вагнеръ былъ избранъ университетскимъ стипендіатомъ. Оставалось позаботиться о его дальнѣйшемъ научномъ усовершенствованіи, для чего въ 1875 году молодой ученый получаетъ командировку въ петербургскій университетъ.

Въ тѣ счастливыя времена такая поѣздка стоила заграничной. Благодаря обаятельной личности Александра Михайловича Бутлерова, совмѣщавшей въ себѣ качества выдающагося ученаго съ рѣдкимъ педагогическимъ талантомъ, химическая лабораторія петербургскаго университета пріобрѣла значеніе научнаго центра. Оттуда, изъ убогаго, плохо обставленнаго помѣщенія старой лабораторіи выходили работы, ложившіяся въ основу науки; туда многочисленные ученики Бутлерова слали своихъ учениковъ. Въ школѣ ихъ былъ и Е. Е. Вагнеръ.

Въ петербургской лабораторіи Е. Е. скоро занялъ мѣсто лаборанта при одномъ изъ отдѣленій; черезъ нѣсколько лѣтъ мы уже видимъ его занимающимъ самостоятельную каѳедру въ Ново-Александровскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства.

Въ скоромъ времени онъ блестяще защитилъ магистерскую диссертацію и получилъ профессуру въ Варшавскомъ университетѣ. Черезъ три года послѣ магистерской появилась столь же блестящая докторская диссертація Е. Е. Вагнера. Наконецъ, въ послѣдніе годы, онъ покинулъ университетъ и перенесъ свою дѣятельность въ варшавскій политехническій институтъ.

Таковы внѣшніе факты жизни Е. Е. Ватнера. Они, какъ видно, немногочисленны и, если хотите, шаблонны. Но какое богатое внутреннее содержаніе скрывается за этой внѣшностью! Е. Е. Вагнеръ—натура стихійная, не знающая препятствій, страстная, прямолинейная. Во всѣхъ лабораторіяхъ, гдѣ онъ появлялся, начиналась неугомонная научная дѣятельность, движимая тою не поддающейся опредѣленію внутренней силой, которая сразу выдвигаетъ впередъ ея носителя и которой названіе—талантъ.

Въ выборѣ темъ Е. Е. Вагнеръ не стѣснялся авторитетомъ прежнихъ изслѣдователей. Разъ вопросъ его интересовалъ и разъ онъ, по его мнѣнію, былъ рѣшенъ неправильно или не вполнѣ, онъ перерѣшалъ его по своему, не считаясь ни съ временемъ, ни съ трудностью эксперимента. И учитель, и ученики,—а ихъ было у Вагнера не мало,—всѣ засаживались за работу. Тутъ Е. Е. Вагнеръ былъ безпощадно требователенъ, «давилъ», какъ про него говорили. Но за то съ какою благодарностью вспоминали потомъ этотъ нелегкій искусъ тѣ, которые выдерживали его до конца! И было что вспомнить: постоянное общеніе съ профессоромъ, отсутствіе другихъ интересовъ, кромѣ научныхъ, постоянный обмѣнъ мыслей, постоянное совершенствованіе въ техникѣ эксперимента... Лабораторія въ полномъ смыслѣ слова жила.

Что касается собственныхъ работъ Е. Е. Вагнера, то ихъ не стоитъ здѣсь перечислять въ виду малой доступности для неспеціалистовъ. Достаточно лишь указать, что даже въ самыхъ элементарныхъ учебникахъ органической химіи постоянно приводятся его методы, его реакціи. Много ли найдется такихъ работъ?

Съ Вагнеромъ-ученымъ вполнѣ гармонировалъ Вагнеръ-человѣкъ. Чуткій и зоркій, безпощадно прямолинейный въ личныхъ отношеніяхъ, онъ тщательно выискивалъ въ своихъ ученикахъ проблески таланта, старался помочь, направить, развить индивидуальность. Въ широкомъ размахѣ его натуры уживалась необычайная сердечность съ почти жестокой рѣзкостью.

Достойнымъ памятникомъ общественной дѣятельности Е. Е. Вагнера остается прекрасная новая лабораторія варшавскаго политехникума—настоящій дворецъ химіи, устройство которой всецѣло принадлежитъ ему. Отмѣтимъ еще одну черту: Е. Е. Вагнеръ все время профессорствовалъ на окраинѣ и не измѣнилъ своимъ исключительно научнымъ идеаламъ. Въ его лабораторіи не было дѣленія на эллиновъ и іудеевъ: предъ алтаремъ науки національный вопросъ отсутствовалъ. Это понимали и цѣнили...

Умеръ Вагнеръ, живы его идеи, его ученики. Но осталась ли его бодрость и мощь? Хватитъ ли силы уберечь зажженное имъ чистое пламя науки отъ тлетворныхъ вѣяній нашего безвременья? Отвѣтъ принадлежитъ будущему...

Д. М.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Январь. 1904 г.

Содержаніе:—Беллетристика.—Публицистика.—Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія и соціологія.—Философія.—Естествознаніе. География. Этнографія.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

З. Гиппіусъ. „Собраніе стиховъ“.—*Д. Мережковскій.* „Собраніе стиховъ“.—*Ѳ. Сологубъ.* „Собраніе стиховъ“.—„Къ правдѣ“, сборникъ.—*А. Луговой.* „Безумная“, драма.

З. Н. Гиппіусъ. Собраніе стиховъ. Изд. «Скорпіонъ». 1904 г. Москва. Ц. 1 р. 50 к.

Д. С. Мережковскій. Собраніе стиховъ. Изд. «Скорпіонъ». 1904 г. М. Ц. 1 р. 50 к.

Ѳ Сологубъ. Собраніе стиховъ. Изд. «Скорпіонъ». 1904 г. М. Ц. 1 р. 50 к.

Отдѣльное изданіе своихъ стихотвореній, появлявшихся прежде на страницахъ журналовъ или изданныхъ раньше вмѣстѣ съ сборникомъ разсказовъ, г-жа Гиппіусъ нашла необходимымъ снабдить предисловіемъ, въ которомъ излагаетъ свой взглядъ на стихотворенія вообще. Она находитъ, что «собраніе, книга стиховъ въ данное время есть самая безцѣльная, ненужная вещь». Это не значитъ, что стихи сами по себѣ не нужны. Они необходимы, но только для самого поэта, для котораго они являются формой его молитвы, а потребность молитвы есть необходимѣйшая потребность человѣческой природы вообще. Но поэты, какъ и другіе ихъ современники, въ наши дни стали утонченно субъективны, обособились, и потому стали не понятны, чужды читателю. Насколько дорога и понятна своя молитва каждому, настолько она чужда и не понятна другому. Прежде было иначе. Поэтъ пѣлъ, или молился, общему всѣмъ Богу и объ общемъ, всѣхъ касавшемся, живо трогавшемъ. Теперь «исчезла возможность общенія именно въ молитвѣ, общность молитвеннаго порыва»! Отсюда отчужденность поэта и ненужность его стихотвореній для другихъ. «Молитвенны стихи и прежнихъ стихотворцевъ, тѣхъ, въ свое время принятыхъ, понятныхъ. Былъ и будетъ Пушкинъ; онъ принятъ навсегда, онъ былъ и будетъ нуженъ; его пѣсни, онъ самъ — какъ солнце; онъ вѣченъ, всепроникающъ, но, какъ солнце, неподвиженъ. То, что есть молитвы Пушкина, не утоляетъ нашего порыва, не уничтожаетъ нашего исканія». Пѣсни Некрасова, тоже въ свое время нужныя, теперь отзвучали, «замолкли и не воскреснутъ, какъ молитвословія. Но они звучали широко и были нужны, были—общими». Есть и изъ прежнихъ одинъ поэтъ, «ненужный всѣмъ», Тютчевъ, «намъ (т.-е. современнымъ г-жѣ Гиппіусъ) поэтамъ подобный», съ которымъ они чувствуютъ общее, но и то лишь до извѣстнаго предѣла, ибо «и его Богъ не всегда, не всей полностью — нашъ Богъ». И «пока мы не найдемъ общаго Бога, или хоть не поймемъ, что стремимся всѣ къ Нему, Единственному, до тѣхъ поръ наши молитвы, наши стихи,—живые для каждаго изъ насъ,—будутъ непонятны и ненужны ни для кого».

Всѣ эти мысли далеко не новы, — ново развѣ сравненіе стихотворенія съ молитвой, да и то оно не разъ употреблялось самими поэтами, — и тѣмъ не менѣе въ объясненіи г-жи Гиппіусъ есть невѣрная посылка, приводящая къ невѣрному выводу. Индивидуальность поэзіи—это необходимое условіе, безъ чего нѣтъ поэта, который постольку и поэтъ, поскольку онъ вѣренъ себѣ, не подражаетъ, а поетъ «какъ птица межъ вѣтвей». И у каждаго настоящаго поэта есть этотъ основной фонъ, свое неотъемлемое, что рѣзко выдѣляетъ его изъ ряда другихъ. Но отсюда очень далеко до «обособленности» отъ прочаго человѣчества. Такая обособленность, всѣмъ чуждая и непонятная, уже перестаетъ быть поэзіей, а является тѣмъ, что она и есть по существу — чудачествомъ, ломаніемъ, манерничаніемъ и даже въ худшемъ случаѣ фиглярничаніемъ и гаерствомъ. И видѣть въ каждомъ такомъ чудачествѣ — молитву, не значитъ ли это слишкомъ своеобразно, тоже «обособленно», понимать самую молитву? Когда (въ одномъ изъ раннихъ своихъ стихотвореніяхъ) г-жа Гиппіусъ заявляетъ: «Я люблю себя какъ Бога», или — въ одномъ изъ послѣднихъ (посвященномъ Д. В. Философову), что «сердце у насъ острое, какъ алмазъ», то это—все, что угодно, только не молитва и ничего общаго съ молитвеннымъ настроеніемъ не имѣетъ. Или такіе ея стихи, какъ «Числа», «13» (тринадцать)—просто вздоръ, шутка, дѣйствительно никому не понятная и не нужная. И всѣ «обособленные» до полной вздорности стихи г-жи Гиппіусъ не имѣютъ въ себѣ ничего поэтичнаго, молитвеннаго или оригинальнаго: это просто фиглярство, доведенное иногда до неприличнаго издѣвательства надъ читателемъ. Таковы, напр., кромѣ указанныхъ: «Зеленое, желтое, голубое», или «Что есть грѣхъ», въ которомъ простая, обыденная мысль облечена въ смѣшную и уродливо-шутовскую форму. Вотъ для образчика начало: «Грѣхъ — маломысліе и малодѣяніе, самонелюбіе—самовлюбленность, и равнодушное саморазсѣянье, и успокоенная упоенность» и т. д., все въ томъ же «молитвенномъ» родѣ.

Разница между прежними поэтами и современными заключается, между прочимъ, въ томъ, что первые отличались строгостью къ себѣ, иной разъ поистинѣ безпощадной. Лучшимъ образцомъ такого отношенія къ себѣ служатъ черновики Пушкина, въ которыхъ можно видѣть, какъ работалъ поэтъ, вычеркивая цѣлыя строфы и стихотворенія, бросая иной разъ, казалось бы, вполнѣ законченную вещь, но не удовлетворявшую его формой или недостаточною ясностью мысли. Нѣчто иное замѣчается у современныхъ декадентствующихъ представителей поэзіи: они спѣшатъ выбросить на рынокъ каждое малѣйшее проявленіе своего «я», какъ бы опасаясь, чтобы не остылъ ихъ «молитвенный» жаръ и человѣчество не утратило возможности полюбоваться новымъ великимъ творцомъ. Никто такъ много, велерѣчиво и многообразно не кричитъ о презрѣніи къ толпѣ, какъ они, о надзвѣздныхъ высяхъ и прочихъ уединенныхъ мѣстахъ, гдѣ только и могутъ чувствовать себя хорошо гг. Гиппіусы, Сологубы и Мережковскіе, и никто въ то же время такъ усиленно не старается, чтобы привлечь вниманіе толпы къ себѣ. Самовлюбленность и полное отсутствіе самокритики доводятъ ихъ до шутовства, лишь бы непройти, незамѣченнымъ, лишь бы занять своей особой толпу хоть на мигъ. Развѣ не шутовство самыя названія ихъ издательствъ, эти «Скорпіоны», «Грифы» «Вѣсы», заглавія ихъ сборниковъ, въ родѣ «Urbi et orbi», и тому подобныя кричащія и малопонятныя названія? Это не мѣшаетъ имъ, не замѣчая глубокаго внутренняго противорѣчія, уподоблять себя Тютчеву, который свои «странные лунные гимны записывалъ на клочкахъ, стыдился говорить о нихъ». Сами же дѣлаютъ игрушку изъ слова и не только не стыдятся своихъ глупостей, но носятся съ ними и, кривляясь и ломаясь, не знаютъ, какъ блеснуть другъ передъ другомъ «еще страннѣй, еще чуднѣй». И при этомъ какая заботливость: каждый стишокъ помѣченъ, когда, гдѣ и при какихъ условіяхъ былъ онъ сотворенъ. Точно Иванъ Ивановичъ Перерепенко, отмѣчаютъ они: «дыня сія была съѣдена тогда-то», а если кто присутствовалъ, то и «присутствовалъ такой-то». Напримѣръ, у г-жи Гиппіусъ— «Алмазъ. Д. В. Философову 29. 3. 02», дабы читатель ни на минуту не усомнился, что 29-го марта 1902 г. авторша въ «молитвенномъ» порывѣ изволила скушать «дыню сію» купно съ такимъ-то.

Не молитвенное настроеніе диктуетъ все это, а скорѣе своеобразное фарисейство. Какъ фарисеи на перекресткахъ и людныхъ мѣстахъ старались отправлять всѣ обряды, дабы мимоидущіе видѣли ихъ святость и приверженность—не духу, а формѣ, такъ и наши поэтики и поэтессы, съ рѣдкой, близкой къ цинизму, откровенностью выносятъ на торжища малѣйшія движенія своей души и томно любуются собой и тщательно изучаютъ свои позы и то впечатлѣніе, какое они производятъ на окружающихъ. Они кричатъ: «*Я* томлюсь, я сгораю, и чего желаю, сама не знаю», а сами холодны, какъ камень. Они взываютъ къ невидимому Богу, а сами эгоисты до мозга костей и откровенны развѣ въ одномъ—въ чудовищной любви къ себѣ. Они дѣлаютъ грозный видъ, то и дѣло клянутся дьяволомъ, а сами поминутно дрожатъ отъ холода и трусливой похоти.

Возвращаясь къ сборникамъ г-жи Гиппіусъ, Мережковскаго и Сологуба, что сказать въ отдѣльности о каждомъ? Выбросивъ добрыхъ девять десятыхъ твореній г-жи Гиппіусъ, какъ жалкій хламъ, можно отобрать въ остальной десятой два-три недурныхъ стихотворенія, въ родѣ «Гризельды», два-три стиха, удачныхъ по формѣ, двѣ-три мысли, не банальныхъ и не шаблонныхъ. Остальные—одно манерничанье и жеманство.

Не лучшее впечатлѣніе производитъ и сборникъ г. Мережковскаго, это не столько поэзія, сколько размышленія на разныя темы, облеченныя въ форму стиха. Разсудочность, холодная и разсчетливая, преобладаетъ въ сборникѣ г. Мережковскаго. Его поэмы—это холодные очерки чисто историческаго содержанія. Лучшая изъ нихъ «Аввакумъ», но кто читалъ дневникъ самого Аввакума, тотъ не найдетъ здѣсь ни силы духа, ни страсти, которыми проникнуто это знаменитое произведеніе русскаго творчества. Аввакумъ г. Мережковскаго скорѣе богобоязненный старецъ, ничѣмъ не напоминающій великаго борца раскола съ его потрясающимъ: «сице азъ вѣрую, сице исповѣдую, съ симъ живу и умираю». Таковъ Францискъ Ассизскій г. Мережковскаго: слащавость и приторное наивничаніе вмѣсто дѣтски-чистой вѣры и простоты великаго западнаго подвижника, возлюбившаго жизнь и нищету, свободу и царство духа, радость и веселье души, ничего не ищущей, не борющейся, не стремящейся, не вожделѣющей, а все возлюбившей, все принимающей, всему сорадующейся, ибо такова истинная любовь. Нѣтъ, не г-ну Мережковскому вмѣстить въ себѣ двѣ такія противоположности, какъ страстный и непримиримый борецъ Аввакумъ и олицетвореніе кроткой любви—Францискъ. Именно страсти нѣтъ въ душѣ г-на Мережковскаго, какъ нѣтъ и кротости, ибо эта душа не холодная и не горячая, а тепловатая, душа лаодикійскаго ангела, и напрасно онъ силится убѣдить себя въ противномъ.

Вотъ любовную страсть ему удается иногда изобразить, почему изъ всѣхъ образовъ ему удалась только Леда, изображенію которой онъ не мало посвятилъ труда (напр., въ «Воскресшихъ богахъ»).

„Крикъ и шумъ пронзительный,
Словно плескъ могучихъ рукъ:
Это—Лебедь ослѣпительный,
Бѣлый Лебедь—мой супругъ!

Съ грозной нѣжностью змѣиною,
Онъ обвивъ меня, ласкалъ,
Тонкой шеей лебединою
Влажныхъ устъ моихъ искалъ...
Крылья воду бьютъ,
Грозенъ темный прудъ,—
На спинѣ его щетиною
Перья блѣдныя встаютъ,—
Такъ онъ гордъ своей побѣдою.
Гдѣ я, что со мной—не вѣдаю:
Это—смерть, но не боюсь,
Вся блѣднѣя,
Страстно млѣя,
Какъ въ ночной грозѣ лилея,
Ласкамъ бога предаюсь"...

Если г-жа Гиппіусъ—декадентъ кокетливый, манерный и игривый, г. Мережковскій—холодный и разсудочный, то г. Сологубъ—унылый декадентъ. Лучше всего онъ самъ себя охарактеризовалъ въ слѣдующемъ стихотвореніи, которое могло бы служить эпиграфомъ къ его сборнику:

На сѣрой кучѣ сора
У пыльнаго забора
По улицѣ глухой
Цвѣтетъ въ исходѣ мая,
Красою не прельщая,
Унылый звѣробой.
Въ скитаніяхъ ненужныхъ,
Въ страданіяхъ недужныхъ,
На скудной почвѣ золъ,
Внѣ свѣтлыхъ впечатлѣній
Безрадостный мой геній
Томительно расцвѣлъ.

«Печальный», «грустный», «больной», «слабый», «безвольный» и т. п.—вотъ преобладающіе эпитеты, которыми пестрятъ стихи г. Сологуба. «Я шелъ безнадежной дорогой», «Я здѣсь одинъ—жестокъ мой рокъ», «Я душой умирающей жизни радъ и не радъ»—и такъ до утомительности скрипитъ г. Сологубъ. Вѣрный обѣту декадентства, г. Сологубъ, конечно, не можетъ обойтись безъ чорта, но и тотъ у него какой-то унылый, съ поджатымъ хвостомъ, словно побитая дворняга. Въ минуту жизни трудную къ нему взываетъ скорбящій поэтъ:

Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ,
И мой корабль пошелъ ко дну,
Я такъ воззвалъ:—Отецъ мой, Дьяволъ!
Спаси, помилуй,—я тону.
Не дай погибнуть раньше срока
Душѣ озлобленной моей,—
Я власти темнаго порока
Отдамъ остатокъ черныхъ дней.

И дьяволъ выслушалъ молитву и спасъ погибающаго, за что г. Сологубъ поклялся ему:

Тебя, отецъ мой, я прославлю
Въ укоръ неправедному дню,
Хулу надъ міромъ я возставлю,
И соблазняя соблазню.

Но не такъ страшенъ чортъ г. Сологуба, какъ онъ ни старается, и вмѣсто соблазна со всей его устрашающей прелестью у него получается... «недотыкомка сѣрая», «лающіе лѣшіи», «опьянѣлыя блудницы» и среди нихъ «унылый звѣробой». Врядъ ли кого можно соблазнить такими средствами.

Столько о г. Сологубѣ. Что же касается декадентовъ, скорпіоновъ, грифовъ и прочей нечисти, забравшейся на Парнасъ, то не нужно быть пророкомъ, что предвидѣть, что дни ихъ сочтены. Все, что было у нихъ болѣе или менѣе талантливаго, уже мѣняется, бросаетъ уродливости и смѣшныя побрякушки, и очень возможно, что кое-что и выработается серьезное и достойное, что и останется въ литературѣ. Остальное, обычная накипь и соръ, выброшенная на берегъ волной, догниваетъ на солнцѣ, пока его не замететъ морскимъ пескомъ и не развѣетъ вѣтромъ. Новая общественная волна, идущая на смѣну, живая и сильная, несетъ и новыхъ пѣвцовъ, и скоро, быть можетъ, мы ихъ услышимъ. *А. Б.*

«Къ правдѣ». Литературно-публицистическій сборникъ. Изд. магаз. «Книжное дѣло». Москва. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к. Бѣлая обложка съ символическимъ рисункомъ, изображающимъ гору, на которую по узкой, извивающейся тропѣ шествуютъ съ посохами «искатели правды», какъ надо думать, авторы произведеній, вошедшихъ въ «литературно-публицистическій сборникъ», гг. Бѣлоусовъ, Залетный, Вентцель, Ковальскій, Мандельштамъ, Гославскій, и др. Самъ по себѣ сборникъ, какъ сборникъ: всего понемножку,—и стихи, и разсказы, и разсужденія на разныя темы. Что же, однако, объединило всѣхъ этихъ «искателей правды?» Въ чемъ видятъ они таковую и гдѣ найти ее, какъ думаютъ почтенные авторы? Къ сожалѣнію, отвѣта на эти вопроса мы не находимъ въ сборникѣ, содержаніе котораго ничѣмъ не оправдываетъ столь громкаго и претенціознаго заглавія. Въ стихотвореніи г. Бѣлоусова, открывающемъ сборникъ, говорится о какомъ-то лозунгѣ и взывается къ подвигу, но лозунгъ такъ и остается не открытымъ, а въ заключеніе поэтъ лишь обѣщаетъ, что «когда-нибудь кто-нибудь вспомнитъ за истину смѣлыхъ борцовъ». Дай Богъ! Всегда утѣшительно думать, что правда восторжествуетъ и служители ея будутъ достойно вспомянуты. Тѣмъ не менѣе, мы, скромные читатели, все же въ правѣ знать, въ чемъ и гдѣ обѣщаютъ намъ правду гг. авторы, ибо «назвавшись груздемъ, полѣзай въ кузовъ», назвавшись искателемъ правды, указуй дорогу,—или не берись за гужъ.

Оставивъ въ сторонѣ вопросъ объ общей тенденціи сборника, которой нѣтъ, приходится довольствоваться разборомъ каждаго изъ произведеній. Но такая мелочная и кропотливая работа не окупается результатомъ. Среди этихъ разсказовъ, статей и переводовъ нѣтъ ни одного произведенія, которое выдѣлялось бы особымъ интересомъ, формой или глубиной мысли. Все прилично, и какъ это часто бываетъ въ приличномъ обществѣ—сѣро и скучно, потому что безталанно. Лучшая вещь по беллетристикѣ—переводъ разсказа Жеромскаго «Сильная». увы!—вещь далеко не новая, напечатанная на страницахъ нашего журнала еще въ 96 г. подъ заглавіемъ «Подвижница». Среди серьезныхъ статей заслуживаетъ вниманія историко-литературный этюдъ г. Тухомицкаго «Прототипы Базарова», въ которой авторъ не дѣлаетъ открытій, но даетъ добросовѣстную сводку матеріала. Нѣсколько крикливая статья г. Мандельштама «Этическіе идеалы Ницше» не даетъ ни одной новой черты въ характеристикѣ этого философа, а лишь храбро повторяетъ то, что уже достаточно навязло въ зубахъ читателя отъ всѣхъ комментаторовъ Ницше.

Перебирать остальное содержаніе сборника не будемъ. Повторяемъ—все прилично, сѣро, безталанно и скучно. И къ чему оно—неизвѣстно. До сихъ поръ мы были глубоко убѣждены, что время альманаховъ 40-хъ годовъ прошло безвозвратно, думаемъ и теперь также и потому совершенно не понимаемъ, какакое значеніе могутъ имѣть подобные сборники. Развѣ какъ прибѣжище для авторовъ, произведенія которыхъ не нашли себѣ мѣста, по тѣмъ или инымъ причинамъ, въ ежемѣсячныхъ журналахъ. Пожалуй. этотъ поводъ, достаточно вѣскій для авторовъ. Но есть еще читатели. А такъ какъ подобный сборникъ ничего не говоритъ ихъ уму и сердцу, то—выводъ ясенъ: сборники статей, отвергнутыхъ или устарѣлыхъ, тѣмъ самымъ уже осуждены на равнодушіе публики, подъ какимъ бы соусомъ ни преподносить ихъ. *А. Б.*

«Безумная», пьеса въ 4 хъ дѣйствіяхъ А. Луговкого. Изд. тов-ва «Общественная Польза». Пьеса г. А. Луговкого появилась въ печати уже послѣ постановки ея на сценѣ Александринскаго театра въ Петербургѣ, гдѣ, увы, она не имѣла успѣха. Однако, сама по себѣ, какъ литературное произведеніе, она далеко не заслуживаетъ того плоскаго вышучиванія, которымъ нѣкоторые театральные рецензенты думаютъ замѣнить пріемы серьезной оцѣнки даннаго произведенія. Авторъ какъ то заявилъ въ повѣсти, появившейся года два тому назадъ («Умеръ талантъ»), со словъ одного своего пріятеля-драматурга, будто бы «въ нашихъ театральныхъ кружкахъ сложилась поговорка, что для того, чтобы написать пьесу, нуженъ талантъ,—для того, чтобы поставить ее на Императорской сценѣ, нужна геніальность». Кажется, г-ну Луговому не пришлось прибѣгнуть къ исполненію такого непосильнаго требованія, чтобы достичь желаемой имъ постановки своей пьесы именно на Императорской сценѣ, но въ то же время оказалось недостаточнымъ и того повѣствовательнаго таланта, которымъ авторъ несомнѣнно обладаетъ, чтобы обезпечить не тольк сценическій успѣхъ, но и художественную законченность задуманной имъ драмы Фабула ея очень проста: у богатой купеческой вдовы, тяготѣющей къ свѣтской жизни и желающей создать у себя «салонъ», куда съѣзжались бы постоянно гости, въ шумной и безсодержательной обстановкѣ великосвѣтскаго обихода, единственная дочь, которая отнюдь не раздѣляетъ вкусовъ матери.

Это дѣвушка съ серьезными наклонностями, уже на возрастѣ (26—27 лѣтъ), увлекавшаяся однимъ изъ своихъ преподавателей, который сталъ извѣстнымъ писателемъ и лекторомъ (онъ какъ разъ во время хода пьесы пріѣзжаетъ въ Петербургъ читать публичную лекцію въ частномъ домѣ), неудовлетворенная въ личномъ чувствѣ и не находящая удовлетворенія въ интересахъ окружающихъ ее людей; она относится критически къ окружающему ее, и въ особенности тяготится тѣмъ, что ее постоянно заставляютъ разыгрывать какую-то роль для представительства «фирмы дома» (Тантыгиныхъ), исполнять свѣтскія обязанности и т. д. въ то время, когда ее влечетъ къ живымъ людямъ, къ живымъ интересамъ, къ осмысленной и разумной жизни. Софья Алексѣевна,—такъ зовутъ героиню пьесы,—рѣшается уйти изъ дому, чтобы заодно отдѣлаться и отъ непріятнаго для нея сватовства человѣка, который ищетъ тольк ея состоянія и даже не интересуется ея личными чувствами. Но мать, по уговору съ докторомъ-психіатромъ, человѣкомъ откровенно-циничнымъ и своекорыстнымъ, объявляетъ ее «ненормальной» и Софью Алексѣевну запираютъ подъ присмотромъ двухъ сидѣлокъ изъ больницы, какъ настоящую «безумную». Въ своемъ заключеніи Софья Алексѣевна проявляетъ припадки буйнаго характера, за что ее сажаютъ въ нарочно устроенный въ ея апартаментахъ «изоляторъ», но въ концѣ концовъ выпускаютъ, когда въ дѣло вмѣшивается молодой врачъ, пригрозившій судомъ психіатру за то, что, подкупленный матерью, онъ призналъ сумасшедшимъ вполнѣ здороваго человѣка. Развязка и все послѣднее дѣйствіе, вообще, весьма неудачны, какъ неудачно было со стороны автора избрать типъ дѣвушки, хотя и съ возвышеннымъ и благороднымъ характеромъ, но не умной, и это отсутствіе настоящаго ума въ Софьѣ Алексѣевнѣ значительно расхолаживаетъ симпатіи къ ней не только зрителей, но и читателей. Характеръ взятъ ниже средняго, не возбуждающій самостоятельнаго интереса и вся суть лишь въ столкновеніи съ обстановкой. Очень можетъ быть, что у болѣе рѣшительной натуры, ясно сознающей, чего она хочетъ,—сразу явственнѣе представились бы и способы, какъ добиться искомаго, и тогда не было бы никакой пьесы. Между тѣмъ, Софья Алексѣевна,—переживъ пеопредѣленно-мечтательный романъ со своимъ учителемъ, пассивно-протестующая противъ всякихъ выѣздовъ и train свѣтской жизни, въ которой она все же до 26 лѣтъ постоянно участвовала, рѣшительная только въ отказахъ женихамъ, въ общемъ—натура, склонная скорѣе разсуждать и говорить, чѣмъ дѣйствовать,—помогаетъ оттѣнить вліяніе «среды». А все-таки разыгрывать настоящее безуміе потому лишь, что васъ хотѣли представить ненормальной, точно въ оправданіе тѣмъ, кто оказалъ насиліе надъ вашей волей,—это доводить пассивность слишкомъ далеко. И весь интересъ пьесы не въ самой Софьѣ Алексѣевнѣ, а въ возбужденномъ по поводу ея вопросѣ. Дѣйствительно, въ нивеллирующей средѣ свѣтской обстановки, усвоенной высшей буржуазіей, первымъ правиломъ является требованіе «быть какъ всѣ». Будьте, если угодно, даже безнравственны, порочны, лишенными всякаго духовнаго содержанія, но съ внѣшней стороны не выдѣляйтесь отъ другихъ, вторьте тому, что кругомъ говорятъ. «Чужія мнѣнія, — чужія слова, — чужія правила!.. восклицаетъ Софья Алексѣевна—своего только и есть, что жадность и тщеславіе. Да вотъ еще эгоизмъ свой, это желаніе подчинить всѣхъ какому-то призраку чести фирмы Таптыгиныхъ!» Героиня,—или вѣрнѣе, въ данномъ случаѣ, авторъ ея устами—сравниваетъ изображаемый буржуазный міръ съ зеркальными шарами, какіе бываютъ «на глупыхъ петербургскихъ дачахъ: въ нихъ все отражается, а сами—пустота... хорошій щелчекъ и отъ нихъ останутся одни черепки». И вотъ, когда возникаетъ стремленіе къ личной жизни, къ заявленію требованій индивидальности, въ которой пробуждается сознаніе, выступаетъ на сцену вопросъ о пресловутыхъ «нормахъ», переступивъ которыя человѣкъ признается близкимъ къ помѣшательству, если не вполнѣ уже помѣшаннымъ. «Геній и безуміе—рядышкомъ ходятъ»—напоминаетъ докторъ Качка, который не прочь зачислить и всѣхъ идеалистовъ въ кругъ своихъ паціентовъ. Однако, тотъ же Качка, въ III д., когда Таптыгина съ точки зрѣнія свѣтскаго кодекса пытается доказать, что ея дочь «дѣйствительно» ненормальна, не безъ ехидности напоминаетъ молодящейся старухѣ, что вѣдь и ее самою можно подвести подъ категорію «ненормальныхъ». «Вамъ пятьдесятъ лѣтъ, а какъ вы сохранились?.. Ни единаго сѣдого волоса, румянецъ, зубы—прелесть что такое!—какъ у отроковицы». Таптыгина: «Изъ Берлина, докторъ, все изъ Берлина!»—Качка: «Вотъ я и говорю—развѣ это нормально?» Этотъ разговоръ указываетъ лишь, что самъ Качка ни на минуту не сомнѣвается въ полной «нормальности» Софьи Алексѣевны и только изъ корыстныхъ видовъ вступаетъ въ гнусную сдѣлку. А мать—вѣритъ ли она своимъ подозрѣніямъ? Въ томъ и дѣло, что наполовину сама вѣритъ и только этимъ обстоятельствомъ можно объяснить все ея дальнѣйшее обращеніе съ дочерью. Вообще, обличительные черты быта довольно удачно изображены авторомъ, и въ другой обстановкѣ, въ средѣ писателей и учащихся, но тоже съ нѣкоторыми обличительными штрихами недурно очерчена имъ сцена II дѣйствія (у Рябинина, управляющаго конторой журнала). Три акта читаются съ интересомъ, но въ нихъ нѣтъ элементовъ настоящаго драматическаго произведенія, а избранная авторомъ форма точно помѣшала ему съ достаточной полнотой вырисовать намѣченные имъ характеры и лица. Пьеса г. Лугового есть какъ бы повѣсть въ разговорахъ, къ которой, къ сожалѣнію, придѣланъ четвертый актъ, для завершенія интриги, но безъ пользы для сценической полноты впечатлѣнія и въ ущербъ художественной правдѣ повѣсти.

Ѳ. Бат—овъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Мелкая земская единица". Вып. I, изд. второе—„Мелкая земская единица". Вып. II.—*Толмачевъ*. „Крестьянскій вопросъ по взглядамъ земства и мѣстныхъ людей".

Мелкая земская единица. Сборникъ статей. Второе изданіе. переработанное и дополненное. Изданіе кн. П. Д. Долгорукова и кн. Д. И. Шаховскаго при участіи редакціи газеты «Право». Ц. 2 р. 50 к.

Мелкая земская единица въ 1902—1903 гг. Сборникъ статей. Выпускъ второй. Изданіе кн. П. Д. Долгорукова и кн. Д. И. Шаховскаго при участіи редакціи газеты «Право». Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к. Два сборника статей, посвященныхъ мелкой земской единицѣ, представляютъ итоги серьезной общественной работы, вызванной необходимостью коренныхъ преобразованій въ современномъ строѣ земской жизни. О первомъ выпускѣ, который разошелся менѣе чѣмъ въ годъ, мы уже писали при его выходѣ (Міръ Божій, январь 1903 г.). Это освобождаетъ насъ отъ обязанности снова разсматривать его содержаніе. Мы должны только отмѣтить, что составители сдѣлали дополненія, которыя, несомнѣнно, увеличиваютъ цѣнность сборника. Статьи г. Солнердаля о мѣстномъ самоуправленіи въ Норвегіи и г. Кудрина о французской коммунѣ даютъ новый и поучительный матеріалъ для ознакомленія съ опытомъ западноевропейскаго государства въ сферѣ областныхъ учрежденій. Статья же г. В. Гессена о сельскомъ обществѣ и волости въ трудахъ коммиссіи статсъ-секретаря Каханова возобновляетъ въ памяти читателей одну изъ неудачныхъ попытокъ привести наше мѣстное управленіе въ стройную систему, согласованную съ жизненными потребностями пореформенной Россіи. Кромѣ того, составители перепечатали замѣчательную статью покойнаго профессора Градовскаго о «всесословной мелкой единицѣ», появившуюся впервые въ половинѣ 1882 г., но до настоящаго момента полную самаго живого интереса. Эти добавленія, какъ и первоначальныя статьи перваго выпуска, распространяютъ значеніе сборника далеко за предѣлы исключительно земской среды. Первый выпускъ будетъ полезною книгою не только для земцевъ практиковъ; онъ займетъ почетное мѣсто и среди пособій для изученія соотвѣтствующихъ вопросовъ государственнаго права.

Второй выпускъ носитъ болѣе спеціальный характеръ и отвѣчаетъ, главнымъ образомъ, на потребности текущаго момента русской земской жизни. Наиболѣе общій интересъ представляетъ въ немъ обширная статья г. Шрейдера: «Мелкая земская единица въ условіяхъ русской жизни». Какъ извѣстно, вопросъ о мелкой земской единицѣ вызвалъ разногласія даже между людьми, вообще, принципіально единомыслящими. Въ то время какъ одни видѣли въ самоуправляющейся и близкой къ народу земской организаціи почти единственное средство вывести многомилліонную крестьянскую массу изъ ея нынѣшняго положенія «на границѣ человѣчества», другіе указывали, что, наоборотъ, при современныхъ условіяхъ русской жизни, вообще, и правовой ограниченности крестьянства, въ частности,—мелкая земская единица не только не внесетъ ничего свѣтлаго въ крестьянскую массу, но создастъ возможность еще новыхъ и неблагопріятныхъ воздѣйствій на обремененную всякими бѣдами деревню. «Какъ можно въ безправное или съ крайне ограниченными правами положеніе вдвинуть учрежденіе, обладающее правами самоопредѣленія и самоуправленія?» говорилъ въ тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласный г. Кузьминъ-Караваевъ. Съ этой же точки зрѣнія другой гласный тверского собранія г. С. де-Роберти, утверждалъ, что для него гораздо важнѣе «не раздробленіе общественныхъ функцій, а ихъ суммированіе». Поэтому, многіе земскіе дѣятели высказывали мнѣніе, что мелкая земская единица только тогда принесетъ дѣйствительную пользу населенію, когда уже существующія земскія учрежденія будутъ поставлены въ болѣе благопріятныя условія работы. Но такая точка зрѣнія, очевидно, заключаетъ вопросъ въ роковой кругъ. Благопріятныя условія земской работы ставятся въ зависимость отъ правового подъема крестьянства; правовой подъемъ обусловливается благопріятнымъ положеніемъ земства. Выхода, очевидно, нѣтъ, если не считать таковымъ траги-комическія упованія, опровергнутыя уже достаточно долгой земской исторіей. Совершенно иная картина, какъ видно изъ статьи г. Шрейдера, рисуется сторонникамъ мелкой земской единицы. Авторъ подходитъ къ вопросу съ точки зрѣнія объективной необходимости и пытается доказать, что деревня сама «рвется вонъ изъ тисковъ своего сословно-бюрократическаго строя». На основаніи многочисленныхъ свидѣтельствъ, г. Шрейдеръ отмѣчаетъ, что въ деревнѣ на смѣну старому крѣпостному поколѣнію, съ его идеалами и традиціями, явилось новое, выросшее при существенно измѣнившейся обстановкѣ, «поколѣніе прошедшее уже черезъ земство, чрезъ судъ присяжныхъ, чрезъ всеобщую воинскую повинность, наконецъ, частью «выварившееся въ фабричномъ котлѣ». Цѣлый рядъ проявленій крестьянской самодѣятельности, внимательно собранныхъ авторомъ, убѣждаетъ, что за деревенской околицей накопилось замѣтное количество работоспособныхъ силъ, что тамъ уже начинается борьба за право, уже опредѣлились потребности, удовлетворить которыя наиболѣе доступно при помощи мелкой земской единицы Эта форма элементарной самодѣятельности, отвѣчая запросамъ момента, вмѣстѣ съ тѣмъ является и залогомъ будущаго. Тотъ зародышъ дальнѣйшаго развитія, который заключается въ каждой общественной организаціи, устоитъ предъ временными неблагопріятными вліяніями; раздробленіе общественныхъ функцій, такимъ образомъ, послужитъ средствомъ къ ихъ суммированію. Г. Шрейдеръ съ сочувствіемъ цитируетъ слова Мориса Вотье о томъ, что изъ англійскихъ общинныхъ сходовъ «безъ всякаго потрясенія, нѣкоторымъ образомъ силою правильнаго и постояннаго роста возникло наиболѣе славное изъ представительныхъ собраній міра». Во всякомъ случаѣ, и въ данный моментъ участіе крестьянства въ мелкой земской единицѣ, по справедливому замѣчанію автора, формально превратитъ сельскихъ обывателей въ крупную общественную силу, съ которою уже нельзя будетъ не считаться.

Мы не станемъ разбирать намѣчаемыя г. Шрейдеромъ функціи мелкой земской единицы: онѣ уже достаточно выяснены. Но проектъ избирательной системы, выработанный г. Шрейдеромъ въ сотрудничествѣ съ І. В. Гессеномъ и нѣкоторыми земскими людьми, заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться, такъ какъ онъ вноситъ новое и цѣнное теченіе въ земскую среду. Авторы проекта не раздѣляютъ постоянно высказываемаго недовѣрія къ общественной работоспособности крестьянства; они полагаютъ, что коллективный умъ деревни съумѣетъ справиться съ дѣлами мѣстнаго хозяйства; также отрицательно относятся они и къ стремленіямъ нѣкоторыхъ группъ перенести въ мелкую единицу сословныя и имущественныя привилегіи. Право участія въ выборахъ, равно какъ и право быть избираемымъ, должно принадлежать всѣмъ лицамъ обоего пола, въ какомъ-либо размѣрѣ и по какому-либо основанію въ теченіе не менѣе одного года платящимъ земскій налогъ. Выборы должны происходить подъ предсѣдательствомъ избраннаго уѣзднымъ земствомъ лица въ одномъ избирательномъ сходѣ, въ которомъ совмѣстно участвуютъ и голосуютъ всѣ избиратели, независимо отъ ихъ сословной и классовой разнородности; никто не имѣетъ никакихъ преимуществъ; всѣ голоса равны другъ другу, имѣютъ одинаковый вѣсъ и одинаковое значеніе. Что касается возможности нарушенія интересовъ отдѣльныхъ группъ населенія, о которой такъ много говорили на земскихъ собраніяхъ крупные землевладѣльцы, то авторы проекта совершенно устраняютъ эту опасность очень широкою и принципіально правильною постановкою вопроса. Они указываютъ, что на вниманіе и защиту отъ деспотизма большинства въ правѣ претендовать не только одна какая-либо категорія избирателей, но и всякое вообще меньшинство, по какому бы признаку оно ни складывалось. Такая защита достигается только однимъ путемъ—системою пропорціональныхъ выборовъ, которая имѣетъ цѣлью дать представительство всѣмъ, даже мельчайшимъ группамъ интересовъ. Для этого система пропорціональныхъ выборовъ отказывается отъ абсолютнаго большинства голосовъ и требуетъ для избранія полученія только такого количества голосовъ, которое не менѣе избирательнаго знаменателя, т.-е. числа, опредѣляющаго отношеніе избирающихъ къ избираемымъ. Согласно проекту, количество волостныхъ гласныхъ опредѣляется *minimum* въ 25 человѣкъ на первыя пять тысячъ населенія, затѣмъ на каждую тысячу душъ населенія прибавляется по три гласныхъ, пока количество ихъ не достигнетъ *maximum*'а въ 60 человѣкъ. Такимъ образомъ, для избранія достаточно будетъ получить 150—200 голосовъ. Эта избирательная система представляется намъ наиболѣе удовлетворительнымъ разрѣшеніемъ вопроса, такъ какъ проектированныя до сихъ поръ земскими собраніями ограниченія однихъ группъ избирателей и преимущества другихъ явно недопустимы въ учрежденіи, вызванномъ къ жизни неотложною необходимостью покончить съ разнаго рода привилегіями и правовымъ неравенствомъ. Отношенія между уѣзднымъ земствомъ и мелкою единицею, право исполнительнаго органа волостнаго земства, основанія обложенія и проч. проэктированы въ статьѣ г. Шрейдера съ тою же заботливостью объ интересахъ крестьянской массы, какъ и изложенная избирательная система. Статья г. Шрейдера и приложенный ко второму выпуску сводный проэктъ организаціи мелкой земской единицы даютъ всѣмъ заинтересованнымъ лицамъ вполнѣ конкретный образъ предполагаемаго учрежденія, законченный законопроектъ, который нуждается только въ осуществленіи.

Остальныя статьи сборника: «Вопросъ о мелкой земской единицѣ въ земствахъ, комитетахъ о сельскохозяйственной промышленности и общественныхъ собраніяхъ за 1902 г. и начало 1903 г.» г. Блеклова и «Вопросъ о мелкой земской единицѣ въ литературѣ» г. Ипполитова представляютъ очень живые, продуманные обзоры литературныхъ и общественныхъ мнѣній, высказанныхъ въ послѣднее время, но такъ какъ и земскія собранія и печать не внесли ничего новаго сравнительно съ тѣми взглядами, которые мы разсматривали въ отзывѣ о первомъ выпускѣ, то мы на нихъ останавливаться не будемъ. И земская, и литературная мысль продолжала работать надъ вопросомъ о мелкой единицѣ съ большою энергіею, но преимущественно въ области конкретныхъ подробностей предполагаемой организаціи, стараясь воплотить общую идею въ опредѣленныя практическія указанія. Цѣль эта въ настоящее время достигнута. Громадная общественная работа закончена. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда, быть можетъ, печатались послѣдніе листы второго тома «Мелкой земской единицы», выяснилось съ полною опредѣленностью, что произведенный трудъ не принесетъ непосредственныхъ практическихъ результатовъ. Въ сущности говоря, этотъ исходъ не является неожиданнымъ, хотя на многихъ онъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе, работа общественной мысли по вопросу о мелкой земской единицѣ не останется безплодной: она способствовала выясненію одного изъ главнѣйшихъ пунктовъ программы, усвоеніе которой необходимо для каждаго земскаго дѣятеля въ переживаемое нами время. *Ник. Іорданскій.*

Толмачевъ. Крестьянскій вопросъ по взглядамъ земства и мѣстныхъ людей. Москва. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к. Предлагаемый читателямъ трудъ г. Толмачева содержитъ краткій обзоръ мнѣній мѣстныхъ людей и земства по крестьянскому вопросу, начиная съ 1864 года. Въ немъ перечислены существенныя ходатайства земскихъ собраній, упомянуто о работахъ кахановской коммиссіи, изложены отвѣты губернскихъ совѣщаній министерству внутреннихъ дѣлъ въ 94 г. и земскихъ собраній министерству земледѣлія въ 94—98 гг., отмѣчены мнѣнія кустарнаго и агрономическаго съѣзда и подведены, наконецъ, итоги постановленіямъ уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Авторъ указываетъ, что побудительною причиною появленія его труда явилась ясно сознанная имъ во время работъ въ сельскохозяйственномъ комитетѣ потребность имѣть подъ руками исторію правительственныхъ и общественныхъ начинаніи въ области крестьянскаго вопроса. Такимъ образомъ, предъ нами—рядъ простыхъ историческихъ справокъ, сырой матеріалъ, приведенный въ сжатый конспективный видъ, но не слитый въ органическое цѣлое планомѣрною разработкою. Сухая дѣловитость изложенія еще болѣе усиливаетъ этотъ основной недостатокъ труда г. Толмачева.

Тѣмъ не менѣе, авторъ, какъ онъ нѣсколько высокопарно и наивно выражается въ предисловіи, можетъ «считать себя удовлетвореннымъ въ томъ, что имѣлъ счастіе внести свою лепту въ сокровищницу всѣхъ творческихъ духовныхъ силъ страны, на содѣйствіе которыхъ разсчитываетъ правительство». Практическое значеніе труда г. Толмачева несомнѣнно. Онъ обстоятельно и безпристрастно напоминаетъ исторію крестьянскаго вопроса всѣмъ, кто за минутнымъ миражемъ забываетъ опытъ вчерашняго дня, и даетъ фактическую опору тѣмъ, кто способенъ сдѣлать выводы изъ прошлаго. Въ настоящее время, когда крестьянскій вопросъ снова стоитъ во весь ростъ предъ русскимъ обществомъ, когда снова слышатся старыя пѣсни,—трудъ г. Толмачева является вполнѣ своевременныхъ и умѣстнымъ. Уже съ первыхъ страницъ матеріалъ, собранный г. Толмачевымъ, наводитъ на поучительныя и плодотворныя размышленія. Мы привыкли говорить, что за сороколѣтіе, протекшее со времени паденія крѣпостного права, законодательство о крестьянахъ переживало періодъ полнаго затишья. Фразы о томъ, что «деревня забыта», что «для народа ничего не дѣлается», стали шаблонными и повторяются всѣми и повсюду. Въ дѣйствительности оказывается, что только перечисленіе узаконеній, относящихся къ устройству крестьянъ, изданныхъ въ добавленіе положеній 1861 г., и новыхъ, занимаетъ въ указателѣ министерства внутреннихъ дѣлъ цѣлый томъ. По подсчету г. Толмачева, за 40 лѣтъ было издано 1.589 узаконеній, такъ или иначе касающихся устройства сельскаго состоянія. Въ тотъ же періодъ послѣдовало 1.474 рѣшеній и толкованій правительствующаго сената по различнымъ вопросамъ крестьянскаго землепользованія и управленія. Трудно требовать болѣе интенсивнаго законодательнаго творчества...

Однако, обычное представленіе о заброшенности деревни подтверждается положительными фактами. Какъ извѣстно, возъ и нынѣ тамъ, гдѣ его оставили въ шестидесятыхъ годахъ, и даже, пожалуй, нѣсколько отодвинулся назадъ. Разгадку этого явленія надо искать въ отзывахъ мѣстныхъ людей, тщательно сгруппированныхъ г. Толмачевымъ. Несмотря на отсутствіе необходимыхъ формъ для выраженія общественнаго мнѣнія, земская среда и въ отдѣльныхъ ходатайствахъ, и въ общихъ отвѣтахъ на запросы правительства успѣла нарисовать полную картину крестьянскихъ нуждъ и намѣтить опредѣленный путь для ихъ удовлетворенія. При этомъ невольно обращаетъ на себя вниманіе то единодушіе и постоянство, съ которымъ мѣстные люди въ теченіе сорока съ лишнимъ лѣтъ отмѣчаютъ одни и тѣ же неустройства нашей жизни. Еще въ шестидесятыхъ годахъ, къ сожалѣнію, не затронутыхъ г. Толмачевымъ, въ дворянскихъ собраніяхъ и губернскихъ комитетахъ неоднократно возбуждались ходатайства о томъ, чтобы дореформенное законодательство было согласовано съ потребностями новой жизни при дѣятельномъ участіи представителей всѣхъ сословій, такъ какъ бюрократическій порядокъ разрѣшенія основныхъ вопросовъ народной жизни не можетъ принести удовлетворительныхъ результатовъ. Въ 1881 г., послѣ извѣстнаго циркуляра графа Игнатьева, гдѣ было сказано, что «правительство приметъ безотлагательныя мѣры, чтобы установить правильные способы, которые обезпечивали бы наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія Высочайшихъ предначертаній», земскія желанія выразились съ новою силою, хотя, по существу, они ничѣмъ не отличались отъ ходатайствъ шестидесятыхъ годовъ. «Упадокъ экономическаго благосостоянія всѣхъ классовъ общества; неравномѣрная податная тягость, препятствующая накопленію какихъ бы то ни было сбереженій недостаточными классами: неопредѣленность правъ и обязанностей управляющихъ и управляемыхъ; формально канцелярскіе порядки, тормозящіе всякое дѣлнизкій; уровень образованія массы; шаткость понятій о долгѣ и собствеености, усиливающаяся безнаказанность преуспѣвающаго на всѣхъ путяхъ охищнія и затруднительность свободнаго обсужденія мнѣній...» Въ такихъ выраженіяхъ характеризуетъ положеніе вещей херсонское губернское земское собраніе 1881 года. «Новыя начала,—продолжаетъ оно,—введенныя въ русскую жизнь великою работою прошлаго царствованія, видимо, оказываютъ свое дѣйствіе: ненормированному обществу становится тѣсно въ экономическихъ и духовныхъ путахъ, составляющихъ наслѣдіе дореформеннаго времени. Общественная мысль требуетъ самодѣятельность, а здравыя народныя силы, сдерживаемыя неблагопріятными условіями, свободнаго ихъ приложенія. Общество ожидаетъ, что именно въ такомъ направленіи проведены будутъ возвѣщенныя правительствомъ преобразованія; что оно не ограничится поверхностнымъ исправленіемъ частностей, а представитъ собою измѣненіе системы, въ основѣ которой лежало недовѣріе къ обществу и, какъ слѣдствіе такого недовѣрія, подозрительная опека всѣхъ отраслей общественной жизни и тщательное устраненіе всякаго проявленія самодѣятельности» (стр. 88). Мы сдѣлали эту длинную выписку потому, что она можетъ служить формулой, въ которую отливаются общественныя пожеланія съ шестидесятыхъ годовъ и вплоть до настоящаго времени. Сознаніе, что «въ попечительномъ вниманіи къ нуждамъ населенія недостаетъ самой существенной части—голоса самого народа, устраняемаго системою недовѣрія», что частичныя поправки безсильны исцѣлить язвы русской жизни, проникаетъ всѣ земскіе отзывы. «Единственнымъ способомъ... къ успѣшному разрѣшенію крестьянскаго и связанныхъ съ нимъ вопросовъ,—заявляло новоторжское земское собраніе въ 1880 г.,—представляется участіе въ обсужденіи разрѣшенія этихъ вопросовъ представителей самихъ заинтересованныхъ лицъ и въ особенности крестьянъ, какъ огромнаго большинства населенія» (стр. 86). Когда, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Игнатьевъ сдѣлалъ попытку создать общеніе правительства и земства въ формѣ особыхъ коммисій такъ называемыхъ «свѣдущихъ людей»,—земская мысль отнеслась къ этому начинанію отрицательно, какъ къ частичной мѣрѣ. Двѣнадцать губернскихъ земскихъ собраній въ той или другой формѣ высказались за необходимость установленія такого порядка приглашенія свѣдущихъ людей, при которомъ они являлись бы дѣйствительными представителями общества (стр. 87). Тѣ же мысли и почти тѣ же слова услышало русское общество отъ уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности въ 1902 г. Курскій губернскій комитетъ, отмѣчая, что работы правительственныхъ коммиссій, земскихъ собраній и мѣстныхъ комитетовъ, предпринимаемыя въ области крестьянскаго вопроса за послѣднія 15—20 лѣтъ, или прерывались безъ всякаго положительнаго результата, или, въ лучшемъ случаѣ, заканчивались частичными заключеніями и приводили къ частичнымъ мѣропріятіямъ, указываетъ на необходимость широкаго участія общественныхъ силъ для обезпеченія дѣйствительной успѣшности работъ особаго совѣщанія о нуждахъ сельскаго хозяйства (стр. 89). «Нельзя себѣ представить ни одной глубокой коренной реформы безъ дѣятельнаго участія всѣхъ живыхъ силъ народа въ ея начертаніи и проведеніи, и это возможно только черезъ общественныя учрежденія», пишетъ нижегородскій уѣздный комитетъ (стр. 91). Наряду съ расширеніемъ общественной самодѣятельности, мѣстные люди постоянно подчеркивали неотложную необходимость точнаго опредѣленія правъ личности на незыблемыхъ и ясныхъ основаніяхъ. Г. Толмачевъ весьма умѣстно вспоминаетъ слова Сперанскаго: «къ чему гражданскіе законы, когда скрижали ихъ каждый день могутъ быть разбиты о первый камень самовластія», и тщательно прослѣживаетъ развитіе этой мысли въ общественномъ сознаніи за послѣднее сорокалѣтіе. Развитіе это, однако, заключается почти исключительно въ расширеніи сферы вліянія гуманныхъ правовыхъ идей. Желанія и стремленія, свойственныя въ шестидесятые годы немногочисленнымъ верхамъ общества, въ настоящее время мощно охватываютъ самые широкіе слои русскаго народа. Это новое и чреватое послѣдствіями явленіе русской жизни не входило въ задачу г. Толмачева, но оно чувствуется, какъ почва тѣхъ стремленій, внѣшнему выраженію которыхъ авторъ посвятилъ свой трудъ. Такимъ образомъ, работа г. Толмачева является полезнымъ пособіемъ не только для земцевъ практиковъ, но и для всѣхъ, кто пожелаетъ ознакомиться съ общественными настроеніями послѣднихъ десятилѣтій, поскольку эти движенія отражались въ земской средѣ. *Ник. Іорданскій.*

ИСТОРІЯ РУССКАЯ.

„Главные дѣятели освобожденія крестьянъ“.—*В. О. Икономовъ.* „Наканунѣ реформы Петра Великаго“.

Главные дѣятели освобожденія крестьянъ. Подъ редакціей С. А. Венгерова. Спб. 1903 Цѣна 2 р. Первый выпускъ «Галлереи русскихъ дѣятелей», издаваемой въ качествѣ преміи къ «Вѣстнику и Библіотекѣ самообразованія», посвященъ дѣятелямъ, принимавшимъ болѣе или менѣе видное участіе въ величайшемъ изъ событій русской исторіи XIX вѣка—въ освобожденіи крестьянъ, положившемъ начало новой эпохѣ нашего политическаго и общественнаго развитія. Въ этомъ выпускѣ помѣщены частью фотогравюры, частью фототипіи, частью литографированные портреты, какъ ближайшихъ участниковъ въ разрѣшеніи вѣковой неправды русской исторіи: императора Александра II, великаго князя Константина Николаевича, великой княгини Елены Павловны, Николая Милютина, Ростовцева, кн. Черкасскаго, Юрія Самарина, Кавелина, такъ и тѣхъ лицъ, которыя могли послужить великому дѣлу освобожденія путемъ печатнаго слова: Радищева, Николая Тургенева, Герцена, Некрасова, Григоровича, И. С. Тургенева. Конечно, этими четырнадцатью лицами далеко не исчерпываются главные дѣятели освобожденія крестьянъ, но передъ нами пока только первый выпускъ, посвященный этимъ дѣятелямъ. Къ прекрасно воспроизведеннымъ портретамъ указанныхъ дѣятелей приложены небольшіе очерки, составленные такими лицами, какъ К. К. Арсеньевъ (о Некрасовѣ), А. К. Бороздинъ (о Герценѣ), А. И. Браудо (о Милютинѣ), С. А. Венгеровъ (о Григоровичѣ и И. С. Тургеневѣ), А. А. Кизеветтеръ (объ Александрѣ II) А. Ѳ. Кони (о В. К. Еленѣ Павловнѣ и Кн. Черкасскомъ), Н. П. Павловъ-Сильванскій (о В. К. Константинѣ Николаевичѣ), В. И. Семевскій (о Н. И. Тургеневѣ), Л. З. Слонимскій (о Кавелинѣ), В. Е. Якушкинъ (о Радищевѣ) и др. Очерки эти разной величины и неодинаковаго достоинства и характера. Одни изъ нихъ представляютъ краткія біографіи, другіе—характеристики, третьи говорятъ только объ участіи даннаго лица въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, наконецъ послѣдній очеркъ, посвященный И. С. Тургеневу, говоритъ о немъ, только какъ объ авторѣ «Записокъ охотника». Но главное вниманіе во всѣхъ этихъ очеркахъ обращено на степень участія того или другого дѣятеля въ освобожденіи крестьянъ или въ подготовкѣ этого великаго дѣла.

Недостатокъ мѣста не позволилъ составителямъ отдѣльныхъ очерковъ использовать весь тотъ матеріалъ, который могъ бы быть въ ихъ распоряженіи. Но все-таки нѣкоторые пропуски и умолчанія нельзя признать умѣстными даже и въ короткихъ очеркахъ. Такъ, напримѣръ въ очеркѣ г. Павлова-Сильванскаго ни единымъ словомъ не упоминается о вліяніи на юнаго великаго князя Константина Николаевича переписки съ Жуковскимъ, о которой Джаншіевъ вполнѣ справедливо замѣтилъ: «эта переписка можетъ дать будущему біографу великаго князя очень интересныя данныя для уясненія характера его и его политической дѣятельности». Въ очеркѣ, посвященномъ Ростовцеву, слѣдовало бы упомянуть о его поведеніи въ дѣлѣ 14-го декабря, тѣмъ болѣе, что онъ характеризуется въ этомъ очеркѣ, какъ «энтузіастъ лоялизма». Слѣдовало бы также отмѣтить и враждебное его отношеніе къ розгѣ, сторонниками которой въ редакціонныхъ коммиссіяхъ оказались даже Милютинъ, Самаринъ и Кн. Черкасскій. Говоря о Юріи Самаринѣ нельзя не вспомнить письма полученнаго, имъ отъ Н. Милютина; гдѣ, между прочимъ было сказано: «идя въ комиссію (редакціонную), я *болѣе всего* разсчитывалъ на ваше сотрудничество, на вашу опытность, на ваше знаніе дѣла». Письмо это, правда, цитируется въ очеркѣ, посвященномъ Милютину, но приведенныхъ словъ и тамъ нѣтъ. Авторъ очерка о Кавелинѣ не воспользовался крайне характерными письмами его къ Погодину. Особенно кратокъ очеркъ, посвященный Герцену. Изъ беллетристическихъ его произведеній, задѣвающихъ крѣпостное право, упомянута одна только «Сорока воровка»; изъ заграничныхъ его статей о крѣпостномъ правѣ, написанныхъ до изданія «Колокола», говорится только о «Крещеной собственности». Не воспользовался авторъ этого очерка и дневникомъ Герцена, гдѣ встрѣчаются цѣлыя страницы, изображающія безотрадное положеніе крѣпостныхъ крестьянъ.

Наиболѣе подробнымъ и интереснымъ очеркомъ является, безспорно, очеркъ А. Ѳ. Кони, посвященный великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая вмѣстѣ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ поддерживала императора Александра II въ его рѣшеніи освободить крестьянъ и покровительствовала главнѣйшимъ дѣятелямъ освобожденія, напримѣръ: Милютину, Самарину, кн. Черкасскому, Кавелину и др. Въ особенную заслугу должна быть поставлена великой княгинѣ поддержка, оказанная ею Н. Милютину, къ которому императоръ Александръ II относился крайне недовѣрчиво. «Напрасно заступаетесь,—сказалъ государь Горчакову, единственному человѣку, рѣшившемуся въ комитетѣ министровъ сказать свое слово въ защиту Милютина,—онъ уже давно имѣетъ репутацію краснаго и вреднаго человѣка». «Мнѣнія по поводу Милютина,—говорилъ государь Ростовцеву,—очень разнорѣчивы и очень дурны; хотя нѣкоторые считаютъ его человѣкомъ весьма даровитымъ, но большинство признаетъ самымъ вреднымъ человѣкомъ въ Россіи». «Одни говорятъ,—сказалъ государь Ланскому,—что онъ ненавидитъ дворянство, другіе, что онъ хочетъ конституцію» (стр. 25—26).

Если Милютинъ при такомъ отношеніи къ нему государя все же могъ столь благотворно послужить великому дѣлу, то этимъ мы обязаны, по всей вѣроятности, не столько отзыву Ланского, который сказалъ императору Александру II, что онъ ручается за Милютина, какъ за самого себя, сколько вліянію великой княгини Елены Павловны, всегда защищавшей и ободрявшей «кузнеца-гражданина».

Встрѣчаются въ очеркахъ неточности и противорѣчія. Такъ, напримѣръ, о Бѣлинскомъ сказано, что онъ редактировалъ «Современникъ», чего на самомъ дѣлѣ не было. О Меркелѣ совершенно невѣрно сказано, что онъ *впервые* поднялъ въ литературѣ вопросъ о злоупотребленіяхъ прибалтійскихъ бароновъ крѣпостнымъ правомъ (стр. 51). Объ этихъ злоупотребленіяхъ говорилось еще въ XVI вѣкѣ, въ «Космографіи» Себастіана Мюнстера, вышедшей въ 1544 г., и въ хроникѣ Балтазара Рюссова, напечатанной въ 1584 году. И въ XVIII вѣкѣ о безотрадномъ положеніи латышей и эстовъ пасторъ Эйзенъ писалъ болѣе чѣмъ за тридцать лѣтъ до появленія знаменитой книги Меркеля «Латыши въ исходѣ философскаго столѣтія». Напрасно также авторъ очерка о Юріи Самаринѣ называетъ Меркеля пасторомъ, онъ былъ только сыномъ пастора.— Относительно личнаго знакомства Милютина и Самарина въ одномъ очеркѣ сказано, что оно произошло только въ 1857 году, а въ другомъ очеркѣ они оказываются не только знакомыми, но даже друзьями, еще въ сороковыхъ годахъ (стр. 25, 56).

Нельзя пройти молчаніемъ и мнѣніе г. Венгерова объ исторической роли «Антона Горемыки» и «Записокъ охотника». «Слезы, пролитыя надъ «Антономъ Горемыкой»—говорится, въ предисловіи,—фактически сыграли самую рѣшающую роль въ подготовленіи реформы, а умиленіе, охватившее всѣхъ при созерцаніи трогательныхъ фигуръ, нарисованныхъ Тургеневымъ, были убѣдительнѣе всякихъ цифръ и государственныхъ соображеній».

Въ очеркахъ, посвященныхъ Григоровичу и Тургеневу, это мнѣніе повторено еще въ болѣе категорической формѣ. Не можетъ быть никакого спора о томъ, что заслуги русской литературы въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ были очень велики, но отводить ей «первенствующую» роль въ разрѣшеніи этого вопроса едва ли возможно. Освобожденіе крестьянъ было подготовлено всею исторіею русскаго общества, а не одной только литературой. Необходимость уничтожить крѣпостное право была сознана еще императоромъ Николаемъ, который, какъ извѣстно, былъ мало доступенъ литературнымъ вліяніямъ. Да и главные дѣятели освобожденія крестьянъ вдохновлялись не столько «слезами», пролитыми надъ «Антономъ Горемыкой, и гуманными чувствами, возбужденными чтеніемъ «Записокъ охотника», сколько реальными нуждами государства. «Въ моихъ глазахъ,—писалъ Кавелинъ,—рѣшить умно и основательно и честно... этотъ (крестьянскій) вопросъ—значитъ спасти насъ отъ безсмысленной рѣзни и на пятьсотъ лѣтъ дать Россіи внутренній миръ и возможность правильнаго, спокойнаго преуспѣянія безъ скачковъ и прыжковъ. Ибо только въ этомъ горестномъ крѣпостномъ правѣ я и вижу возможность возстаній и насильственныхъ переворотовъ. Не будетъ перваго, не будетъ и послѣднихъ». Не слѣдуетъ забывать, что и самъ императоръ Александръ II сказалъ московскому дворянству 30-го марта 1856 года: «лучше отмѣнить крѣпостное право *сверху*, чѣмъ дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться *снизу*». Существуетъ, правда, мнѣніе, что именно главный виновникъ освободительнаго акта 19-го февраля находился подъ вліяніемъ «Записокъ охотника». «Есть прямыя свидѣтельства,—говоритъ Венгеровъ,—о сильномъ впечатлѣніи, которое «Записки охотника» произвели на наслѣдника престола, будущаго освободителя крестьянъ» (стр. 74). Но всѣ эти «прямыя свидѣтельства» идутъ отъ самого Тургенева, и наиболѣе достовѣрное изъ нихъ—запись въ дневникѣ Гонкуровъ—приписываетъ автору «Записокъ охотника» такія слова: «Императоръ Александръ приказалъ мнѣ сказать (m'a fait dire), что чтеніе моей книги было *однимъ изъ главныхъ мотивовъ* его рѣшимости». Есть показаніе другого рода. Въ варшавской первой гимназіи на панихидѣ по Тургеневѣ законоучитель протоіерей Ливчакъ, между прочимъ, упомянулъ, что онъ слышалъ отъ хорватскаго публициста Лукшича заявленіе самого Тургенева въ 1867 году о томъ, что императоръ Александръ II сказалъ ему *лично*: «съ тѣхъ поръ, какъ я прочелъ «Записки охотника», меня ни на минуту не оставляла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ» [1]). Но этому свидѣтельству, дошедшему до насъ такимъ кружнымъ путемъ, очень трудно повѣрить, особенно при сравненіи съ указанной записью въ дневникѣ Гонкуровъ. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, отводить «Запискамъ охотника» «первое мѣсто въ ряду подготовительныхъ теченій эпохи реформъ» нѣсколько рискованно.

С. Ашевскій.

В. Ѳ. Икономовъ. Наканунѣ реформъ Петра Великаго. Очерки государственнаго, общественнаго и частнаго быта московской Руси XVII вѣка. М. 1903. 8-in. 8-vo. Стр. XXIV+304. Ц. 1 руб. **25 коп.** Книжка г. Икономова составляетъ XXVII-ой томикъ «Библіотеки для самообразованія», издаваемой т-вомъ И. Д. Сытина и преслѣдующей опредѣленную цѣль «дать рядъ основныхъ пособій, предназначенныхъ для постояннаго употребленія». Я очень затрудняюсь высказаться относительно названной книжки, ибо редакція «Библіотеки для самообразованія» въ сущности подвела г. Икономова, который много потрудился надъ своею книжкой. Затѣмъ я сильно сомнѣваюсь въ томъ, что редакція «Библіотеки для самообразованія» справедливо утверждаетъ въ своемъ предисловіи, что книжка г. Икономова принадлежитъ къ разряду тѣхъ пособій, которыя признаны московскою коммиссіей по организаціи домашняго чтенія необходимыми для усвоенія ея систематическихъ программъ. Ни по тону изложенія, ни по пріемамъ обработки историческаго матеріала, ни по глубинѣ анализа, книжка г. Икономова не подходитъ подъ типъ основнаго пособія въ строго выдержанномъ стилѣ научно-популярной работы; въ ней отсутствуетъ живость стройнаго и проработаннаго до сути вещей историческаго разсказа, и на читателя, знакомаго съ обычными томиками «Библіотеки для самообразованіе», книга производитъ непріятное впечатлѣніе манерностью автора въ пріемахъ выражаться популярно. Излагая очень ужъ доступно, авторъ проигрываетъ въ ясности и точности: строго выдержанный стиль научно-популярной работы дается, по моему мнѣнію, только при одномъ условіи,—при условіи самостоятельной научной переработки прочитаннаго; однихъ добрыхъ желаній и стремленія выполнить получше здѣсь далеко не достаточно. Вредитъ книжкѣ также мѣстами диѳирамбическій, мѣстами нѣсколько морализирующій характеръ разсказа. Авторъ обо всемъ говоритъ слегка, его не всегда можно попрекнуть невѣрнымъ представленіемъ, и, быть можетъ, по той причинѣ, что часто не знаешь, какое онъ хочетъ дать представленіе. Авторъ пишетъ введеніе къ своей основной темѣ, т.-е. къ исторіи московской Руси XVII вѣка: въ этомъ введеніи изложена на протяженіи 59 страницъ *вся* русская исторія до времени царя Михаила, изложена такъ, какъ нельзя говорить въ научно-популярной книжкѣ. Каковъ былъ порядокъ княжескаго владѣнія въ южной Руси XI—XII вѣковъ — это изложено на 9-й стр. Я, конечно, не могу приводить многихъ выписокъ, но позволяю себѣ утверждать въ данномъ случаѣ, что это изложеніе лишено опредѣленнаго содержанія. Ярославъ, оказывается, *подѣлилъ* русскую землю между своими сыновьями, но послѣдніе «владѣли не постоянно, не по праву частнаго неотъемлемаго владѣнія: смерть великаго князя сопровождалась *передвижкой* (sic!) князей изъ одной области въ другую», а дальше совершенно неожиданное заключеніе: «такъ сообща владѣли русской землей Рюриковичи». Идея порядка у автора пропала: свой источникъ онъ до конца не использовалъ, а самъ изложить не съумѣлъ. Позволю себѣ дать добрый совѣтъ: при компиляціи вовсе нѣтъ нужды церемониться съ литературными источниками, лишь были бы только эти источники указаны въ предисловіи. Характерно изложеніе политическаго строя Новгорода; все какъ будто на мѣстѣ: есть и вѣче, и князь, и другія учрежденія... Но что же это былъ за политическій порядокъ, читатель такъ и не уясняетъ себѣ изъ разсказа г. Икономова. «Новгородъ отстраняетъ вліяніе князей на внутреннія дѣла... законодательная власть принадлежитъ вѣчу, а исполнительная—избранникамъ народа... съ теченіемъ времени въ новогородской самоуправляющейся общинѣ вся власть перешла въ руки немногочисленнаго класса богатыхъ... Новгородъ не въ состояніи былъ сохранить своей самобытности» и т. д. Какъ много словъ и какъ мало дѣла! Читатель такъ и не представляетъ себѣ ясно по изложенію г. Икономова, что это за государство Новгородъ.

---

*) „Историческій Вѣстникъ“, т. XIV, ст. 457.

Я особенно подчеркиваю эту недопустимую въ популярной книжкѣ игру словами, не соединяя съ ними никакого опредѣленнаго содержанія: новгородская «*самоуправляющаяся община*»—что означаетъ такое выраженіе въ устахъ г. Икономова, мы не знаемъ; какъ претворится это выраженіе въ сознаніи неопытнаго читателя, тоже не знаемъ. При попыткѣ автора изобразить удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія, читатель совершенно неожиданно узнаетъ, что въ южной Руси существовалъ порядокъ «*родового старшинства*»: ранѣе это выраженіе и не встрѣчалось, да и плохо вяжется со всѣмъ предыдущимъ разсказомъ. Мы такъ привыкли къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ терминамъ, что прямо рѣжетъ глазъ, когда читаешь, напр., у г. Икономова, что «удѣльное княжество московское» превратилось «въ огромное Великороссійское государство» (стр. 29), что «отъ *вотчиннических* порядковъ» переходили къ «взглядамъ *чисто* государственнымъ». Можно попрекнуть автора большимъ неряшествомъ изложенія: описывая политическій бытъ Новгорода, онъ не называетъ его по имени, а при описаніи московскаго великаго княженія у него вдругъ прорывается новгородская «*республика*»; описывая бытъ славянъ на восточно-европейской равнинѣ,онъ говоритъ, что они «селились отдѣльными поселками, состаявшими изъотдѣльныхъ семей»; перебравшись въ московское княжество, авторъ вдругъ вспоминаетъ давно покинутый сюжетъ и говоритъ о «патріархальной общинѣ», разложившейся «на зарѣ русской исторіи». Надо замѣтить, что злоупотребленіе автора терминомъ община очень чувствительно во многихъ другихъ случаяхъ. Судебникъ у г Икономова безъ всякихъ поясненій превращается въ сводъ законовъ. Но скучно все это перечислять. Авторъ, несомнѣнно, много перечиталъ, но въ передачѣ его какъ-то все утратило жизнь и превратилось въ какую-то чисто механическую связь предложеній и словъ.

Излагая затѣмъ въ рядѣ очерковъ бытъ московскаго государства XVII вѣка, г. Икономовъ любитъ впадать въ простыя перечисленія: стр. 60—70 особенно любопытны въ этомъ отношеніи. Все изложеніе г. Икономовымъ основной темы отрывочно и лишено внутренняго единства: очеркъ за очеркомъ слѣдуетъ вполнѣ произвольно. Авторъ описываетъ границы московскаго государства XVII вѣка, «классы и сословія русскаго общества» (?), устройство управленія и народной обороны, государственное и народное хозяйство, сношенія съ иностранными государствами, образованность русскаго общества, домашній бытъ и нравы. По неизвѣстнымъ намъ основаніямъ авторъ происхожденіе русскаго раскола изображаетъ въ четвертой, а вопросъ о московской образованности въ восьмой главѣ. Но развѣ можно описать расколъ, минуя культурный фонъ московскаго государства XVII вѣка? Или: развѣ можно представить московскую образованность XVII вѣка, не связавъ ее съ расколомъ? Авторъ обнаружилъ здѣсь нѣкоторое пристрастіе къ старому шаблону: расколъ непремѣнно долженъ былъ попасть у него въ главу «устройство церковнаго управленія, религіозный бытъ народа и расколъ въ русской церкви». Происхожденіе раскола, частью вслѣдствіе нескладнаго плана всей книги, частью вслѣдствіе игнорированія новѣйшихъ изображеній этого вопроса, извѣстныхъ нашему автору, описано односторонне, и роль Стоглава, а равно исторія всего процесса такъ называемаго исправленія богослужебныхъ книгъ у г. Икономова пропали. О расколѣ мы узнаемъ изъ его книги ровно столько, сколько можно узнать изъ учебника по русской исторіи.

О дикости, отсталости, непросвѣщенности русскихъ людей XVII вѣка, объ ихъ изолированности отъ западной культуры говорится г. Икономовымъ не мало, словно его книга писалась въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка. Но съ какой стати на тысячу ладовъ надо пересказывать одинъ и тотъ же трюизмъ? Ужъ если пересказывать, такъ надо и объяснять. Въ современной научно-популярной книгѣ надо не старье пересказывать и описывать, не мудрствуя лукаво,—нѣтъ, надо объяснять и анализировать. Говоря о пересказѣ старья, я вовсе не имѣю въ виду попрекать автора незнакомствомъ съ новой исторической литературой, отнюдь нѣтъ. Чѣмъ же объясняется и откуда проистекаетъ эта отсталость и эта дикость?—на этотъ вопросъ не ищите у нашего автора отвѣта. Въ главѣ, посвященной образованности московскаго общества XVII вѣка, вы найдете у г. Икономова простой каталогъ фактовъ изъ исторіи культуры въ узкомъ смыслѣ этого слова. Мнѣ думается, что г. Икономовъ, приступая къ составленію своей книжки, руководился самыми благими намѣреніями, но онъ совершенно не подумалъ о томъ, какимъ основнымъ требованіямъ должна удовлетворять научно-популярная книжка по русской исторіи въ началѣ XX вѣка. «Библіотека для самообразованія», приступая къ изданію этой книжки, забыла, въ свою очередь, для чего она существуетъ, и по старой привычкѣ сослалась на несуществующее пока одобреніе Коммиссіи по организаціи домашняго чтенія. Можетъ быть, произошло это съ отчаянія: по русской исторіи такъ много пишутъ и такъ мало дѣльнаго. Даже программа систематическаго чтенія по русской исторіи въ изданіи названной Комиссіи поневолѣ хромаетъ на одну ногу, ибо нѣтъ подходящей литературы предмета, которую еще предстоитъ создать. Когда г. Икономовъ компоновалъ свою работу, неужели онъ думалъ, что ея главная цѣль должна заключаться въ томъ, чтобы заполнить головы его читателей возможно большимъ количествомъ историческихъ данныхъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ? Выше отмѣчено, что г. Икономова нельзя попрекнуть незнакомствомъ съ работами новѣйшаго типа по русской исторіи. Можно признать еще больше: г. Икономову хорошо извѣстно, какіе факты и какія данныя подлежатъ теперь преимущественному научному изученію, а стало быть и популяризаціи среди русскаго общества. Зато идея единства историческаго процесса представляется автору въ слишкомъ туманныхъ очертаніяхъ, точнѣе говоря, вовсе не представляется. Книжка «Наканунѣ реформъ Петра Великаго» представляется любопытной въ томъ смыслѣ, что наша литература рѣшительно начинаетъ переходить отъ историческаго анекдота къ историческому факту. Зачѣмъ только продолжается это старое и довольно безсодержательное противопоставленіе восточной Европы западной,—зачѣмъ эти кислыя гримасы при изображеніи древне-русской темноты,—зачѣмъ, наконецъ, эти восторженные вздохи передъ реформами и кажущимся своеобразіемъ русскаго историческаго процесса? Выписки изъ первоисточниковъ заимствуются г. Икономовымъ обыкновенно изъ тѣхъ литературныхъ пособій, которыми онъ пользовался. Я позволю себѣ утверждать, что для компиляціи по древней русской исторіи необходимо непосредственное знакомство съ нѣкоторыми первоисточниками, что придаетъ извѣстный колоритъ разсказу и способствуетъ конкретности изображенія. Пусть авторъ не сѣтуетъ на сдѣланныя выше замѣчанія, такъ какъ они исходятъ также изъ области добрыхъ пожеланій, которыми вдохновлялся г. Икономовъ при составленіи своей книги. *В. Сторожевъ.*

---

*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СОЦІОЛОГІЯ.

Орженцкій. „Ученіе объ экономическомъ явленіи“.—*Уго Раббено.* „Аграрный вопросъ въ Австралійскихъ колоніяхъ“.—*А. Метенъ.* „Аграрный и рабочій вопросъ въ Австраліи и Новой Зеландіи“.

Орженцкій. Ученіе объ экономическомъ явленіи. Введеніе въ теорію цѣнности. Одесса, 1903, Цѣна 2 руб. Есть книги, которыя на первый взглядъ представляютъ видъ ученыхъ трактатовъ, излагающихъ предметъ въ систематическомъ видѣ, съ массой цитатъ и ссылокъ, даже съ оригинальными положеніями, но при ближайшемъ ознакомленіи оказываются лишенными всѣхъ требованій, предъявляемыхъ къ научнымъ изслѣдованіямъ. Къ числу таковыхъ принадлежитъ и трудъ г. Орженцкаго «объ экономическомъ явленіи». Въ предисловіи авторъ ставитъ своей задачей «правильное рѣшеніе вопроса о природѣ экономическаго явленіи, которое сразу дало бы критерій для оцѣнки прилагаемыхъ методовъ и получаемыхъ результатовъ и подвело бы прочный фундаментъ подъ теорію экономической науки». Посмотримъ же, какое «правильное» рѣшеніе даетъ авторъ и какъ онъ подводитъ прочный фундаментъ для экономической науки.

Книга распадается на 3 части. Въ первой излагаются взгляды экономистовъ на предметъ политической экономіи съ критическими на нихъ замѣчаніями, во второй подробно излагается рядъ психологическихъ проблемъ—о человѣкѣ, какъ субъектѣ, о причинности или цѣлесообразности, о волѣ и ея причинахъ, объ оцѣнкѣ, о чувствѣ, какъ элементѣ оцѣнки, о качествѣ и измѣримости чувства; въ третьей части дается опредѣленіе экономическаго явленія.

Въ первой части авторъ прямо приступаетъ къ разсмотрѣнію взглядовъ на предметъ изученія политической экономіи, отожествляя это съ обозрѣніемъ существующихъ взглядовъ на экономическое явленіе (феноменъ), что едва ли можно признать правильнымъ. Авторъ подошелъ бы ближе къ цѣли, если бы, не перебирая разныхъ опредѣленій экономической науки, проанализировалъ рядъ экономическихъ трактатовъ по ихъ содержанію и изъ этого анализа выяснилъ взгляды экономистовъ на сущность экономическихъ явленій. Уже въ этой части труда мы встрѣчаемся съ болѣе, чѣмъ странными взглядами. По мнѣнію автора, въ этической сферѣ всегда имѣетъ мѣсто обмѣнъ услугъ, возданіе за оказанную услугу, отличное отъ экономическаго воздаянія только степенью. Это доказывается тѣмъ, что обида, составляющая нравственный ущербъ, можетъ быть возмѣщена денежнымъ штрафомъ. «Если обиженный заслуживаетъ особаго почтенія, вознагражденіе должно быть больше; такимъ образомъ неэкономическое воздаяніе за услуги искуственно таксируется.» (стр. 22—23). Хороша услуга въ формѣ пощечины или иного обиднаго дѣйствія! Особенно поразительны для экономиста разсужденія о томъ, что сотрудничество есть техническій процессъ, а не общественно-экономическое отношеніе: «Представимъ себѣ машину, состоящую изъ многихъ частей; связь ихъ техническая и процессъ работы машинъ есть процессъ техническій. Онъ остается таковымъ, когда функціи какой-либо части машины исполняетъ человѣкъ; связь человѣка съ остальными частями машины исполняетъ человѣкъ; связь человѣка съ остальными частями машины есть та же связь техническая. Если всѣ части машины замѣнены людьми, общая ихъ работа есть та же техническая работа; связь между ихъ функціями такая же, какъ прежде между частями машины, т.-е. техническая; но это не части машины, а люди, отношенія которыхъ суть отношенія общественныя. Тотъ фактъ, что отношенія между частями общаго техническаго процесса суть отношенія между людьми, дѣлаетъ эти отношенія общественными, но не можетъ дѣлать ихъ не техническими. Или представимъ себѣ, что человѣкъ поднимаетъ тяжесть (техническій процессъ): если тяжесть удвоится, для поднятія ея нужна двойная сила, техническій процессъ останется техническимъ, хотя и исполняется двумя людьми; ничего не прибавилось къ явленію, что могло бы измѣнить его техническій характеръ, сдѣлать его экономическимъ; единственно въ области техники возникло отношеніе между людьми, т.-е. общественное отношеніе». И этой-то логической эквилибристикой авторъ хочетъ опровергнуть мысль, что экономика составляетъ совокупность общественныхъ отношеній на почвѣ производства. Онъ говоритъ: «На почвѣ производства, на почвѣ опредѣленной технической организаціи производственныхъ пріемовъ существуютъ общественныя отношенія, которыя будутъ исключительно техническими (?!)... Опредѣленіе экономики, какъ общественной стороны производства, невѣрно, такъ какъ общественная сторона существуетъ и въ области техники». Авторъ, очевидно, совершенно не понимаетъ соотношенія техники и экономики, того именно, что эти двѣ стороны сосуществуютъ во всякомъ производственномъ дѣйствіи людей, что поднятіе тяжести двумя людьми есть со стороны опредѣленныхъ усилій, извѣстнаго воздѣйствія на внѣшнюю природу, техника, а съ точки зрѣнія отношеній между людьми есть экономика, есть простое сотрудничество. Такая путаница прямо непозволительна для ученаго экономиста.

Разсмотрѣвъ опредѣленія предмета политической экономіи посредствомъ понятія богатства, понятія обмѣна, экономической дѣятельности, общественности, авторъ признаетъ ихъ всѣ неудовлетворительными и приступаетъ къ обоснованію собственнаго опредѣленія.

Для этого введена вторая часть психологическаго характера. Подробно на ней нѣтъ надобности останавливатся прежде всего потому, что она представляетъ собой сплошную компиляцію изъ разныхъ сочиненій, по психологіи и философіи. Можно только задать себѣ вопросъ, зачѣмъ понадобилось занимать 180 страницъ психологическими изысканіями о томъ, что такое воля, чувство, разбирать мнѣніе Штаммлера о принципѣ цѣлесообразности и причинности и пр., тѣмъ болѣе, что, какъ мы увидимъ далѣе, всѣ эти вопросы совершенно не нужны для конечнаго вывода автора о сущности экономическаго явленія.

Послѣдняя часть начинается краткимъ изложеніемъ теоріи предѣльной полезности. Въ концѣ главы авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «Что измѣримость посредствомъ денегъ является характерной особенностью экономическихъ цѣнностей и явленій, хорошо извѣстно на практикѣ; это вѣрный симптомъ того, что вещь по природѣ своей относится къ категоріи экономическихъ явленій, либо стала таковой, въ какомъ-либо отдѣльномъ случаѣ. Всѣ товары, всякое удовольствіе, всякій убытокъ, если ихъ можно точно оцѣнить на деньги, безспорно относятся всегда и всѣми къ экономическимъ объектамъ. Въ особенности характерно выступаетъ безошибочность этого критерія въ тѣхъ случаяхъ, когда деньгами начинаютъ измѣрять цѣнность объектовъ, которые обыкновенно нельзя считать экономическими. Такъ случается, что продаютъ за деньги совѣсть, честь и очень часто любовь; какъ только подобная оцѣнка имѣетъ мѣсто, соотвѣтствующія блага теряютъ свой этическій характеръ и становятся экономическими товарами. Такимъ образомъ въ современныхъ условіяхъ жизни мы можемъ опредѣлить понятіе экономическаго явленія посредствомъ понятія экономической цѣнности, какъ цѣнности, подчиняющейся волѣ субъекта и точно измѣримой посредствомъ конечной цѣнности, матеріальнымъ выраженіемъ которой являются деньги» (стр. 337).

Таковъ итогъ всей работы г. Орженцкаго. Поистинѣ, гора родила мышь. Впервые мы слышимъ, что честь и совѣсть могутъ быть экономическимъ явленіемъ, что въ современныхъ условіяхъ жизни экономическое явленіе составляетъ одно, а въ прошломъ и будущемъ человѣчества—другое, что экономическое явленіе все равно, что экономическая цѣнность, да еще къ тому же измѣряется деньгами. Какъ будто синдикаты, кризисы, сотрудничество, рабочіе союзы, будучи несомнѣнно, экономическими явленіями, могутъ измѣряться деньгами и имѣть цѣнность?! Интересно отмѣтить, что въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ смѣшиваетъ въ одно и экономическое благо, и экономическое явленіе, и экономическія цѣнности, такъ какъ употребляетъ ихъ безъ всякаго различія (стр. 337). Совершенно неудачно вводитъ авторъ терминъ «конечная цѣнность»—невозможное съ точки зрѣнія теоріи предѣльной полезности понятіе.

Заключительная глава сочиненія посвящена вопросу объ общественномъ характерѣ экономическихъ явленій, хотя въ первой части авторъ въ § 5 подробно уже разсматривалъ тотъ же вопросъ. Здѣсь авторъ излагаетъ взгляды Лацаруса, Вундта, Спенсера, Штаммлера и др. и приходитъ къ слѣдующему выводу о сущности общественныхъ явленій: «Соціальное и индивидуальное явленія представляютъ собой психическія состоянія и дѣйствія того же индивида; разграничивающій ихъ признакъ заключается въ общепризнанной объективности, внѣ и сверхъ-индивидуальности соціальнаго въ противоположность индивидуальному... Конкретно взятое дѣйствіе индивида всегда остается дѣйствіемъ индивида; но въ однихъ случаяхъ оно и не можетъ быть разсматриваемо никакъ иначе, какъ только въ видѣ дѣйствія индивида, и остается индивидуальнымъ; въ другомъ случаѣ оно въ то же время является конкретнымъ осуществленіемъ болѣе, чѣмъ индивидуальнаго поведенія, частнымъ случаемъ объективно существующаго способа поведенія... Такимъ образомъ соціальнымъ явленіемъ будетъ дѣйствіе индивида, осуществляющимъ собой объективно существующую форму или норму поведенія... Объективная типичность формъ поведенія составляетъ какъ бы преддверіе къ переходу индивидуальныхъ дѣйствій въ соціальное поведеніе. Для того, чтобы фактическое однообразіе поведенія превратилось въ соціальное явленіе, необходимо, по крайней мѣрѣ, чтобы отдѣльные поступки проецировали изъ себя въ сознаніи типичную форму поведенія и стали конкретными случаями ея осуществленія. До момента такой проекціи, поведеніе остается либо естественно-индивидуальнымъ, либо находится въ стадіи объективной типичности, непосредственно предшествующей его соціализаціи. Соціальное явленіе представляетъ собой лишь проекціи индивидуальныхъ сознательно-производныхъ дѣйствій и послѣдующее подведеніе конкретнаго дѣйствія подъ эту проекцію». Не будемъ уже говорить о неясности мыслей автора, говорящаго то о поведеніи, то о дѣйствіе, то объ отношеніи, то о явленіи, какъ будто все это одно и то же. Все изложеніе автора настолько оригинально, что граничитъ съ абсурдомъ. Какъ будто бы не можетъ быть общественныхъ явленій, вовсе не повторяющихся въ типичныхъ формахъ? Говоря о соціальныхъ явленіяхъ и отношеніяхъ, авторъ все время думаетъ объ индивидѣ и разныхъ его «проекціяхъ», но забываетъ одно существенное условіе,—что соціальное отношеніе имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ есть нѣсколько человѣкъ. По автору же выходитъ, что типичная форма поведенія индивида, напримѣръ, въ способахъ жеванія пищи или способахъ гулянья можетъ оказаться соціальнымъ явленіемъ.

Въ результатѣ мы должны признать, что по пріемамъ работа г. Орженцкаго является компиляціей, сдобренной неудачными логическими измышленіями и упражненіями; въ ней обнаруживается неясность взгляда автора на самый предметъ изложенія, ошибочность воззрѣній на многія установившіяся въ наукѣ истины, а въ отношеніи результата книга даетъ такой выводъ, который не имѣетъ никакого научнаго значенія. *М. С—ъ.*

Уго Раббено. Аграрный вопросъ въ австралійскихъ колоніяхъ. Переводъ съ итальянскаго А. Ульяновой. Спб. 1903 г. Стр. 267. Ц. 2 р. Издательство О. Н. Поповой.

Альбертъ Метенъ. Аграрный и рабочій вопросъ въ Австраліи и въ Новой Зеландіи. Переводъ Л. П. Никифорова. М. 1904 г. Стр. 439. Ц. 1 р. 50 к. Изд. В. Нѣмчинова. Къ чести нашихъ издателей и писателей можно сказать, что они съ достаточной быстротой и вниманіемъ постарались удовлетворить законному интересу читающей публики къ замѣчательнымъ соціально-политическимъ реформамъ, предпринятымъ въ послѣднее время въ Австраліи и въ Новой Зеландіи. Самыя замѣчательныя изъ этихъ реформъ, возбудившія удивленіе и горячій интересъ общественныхъ дѣятелей всего міра, были проведены только въ 90-хъ годахъ. А между тѣмъ въ настоящее время мы уже имѣемъ на русскомъ языкѣ цѣлый рядъ переводныхъ и оригинальныхъ сочиненій, посвященныхъ внутренней жизни молодыхъ австралазійскихъ государствъ. Фирмою Л. Ф. Пантелѣева изданы переводныя сочиненія: *Пьеръ Леруа-Болье.* «Новыя англо-саксонскія общества». Спб. 1898 г.. Стр. 342. Ц. 2 р. (Около половины книги посвящено Австраліи и Новой Зеландіи, остальное—Южной Африкѣ и «Проектамъ организаціи британской имперіи») и *Генри де-Уокеръ.* «Развитіе австралійской демократіи». Переводъ съ англ., со вступительной статьей и дополненіями *Д. Сатурина.* Спб. 1901 г. Стр. XL+311. Ц. 1 р. 80 к. Русскимъ авторамъ, кромѣ нѣсколькихъ журнальныхъ статей, принадлежатъ отдѣльно изданныя работы: «Австралія и Новая Зеландія». *Л. Купріяновой.* Спб. 1901 г. Стр. 227. Ц. 1 р, и «Передовая демократія современнаго міра. Англійская колонія Новая Зеландія». *П. Г. Мижуева.* Спб. 1902 г. Стр. 209. Ц. 1 р. 50 к. Названныя нами въ заглавіи книги Раббено и Метена являются новымъ полезнымъ вкладомъ въ литературу вопроса.

Живой всеобщій интересъ къ новѣйшей исторіи Австралазіи объясняется тѣмъ, что въ этой странѣ нашли себѣ наиболѣе полное удовлетвореніе общія требованія рабочаго класса. Соціалистическіе проекты нигдѣ и никогда не осуществлялись такъ широко, какъ въ Австраліи и особенно въ Новой Зеландіи. Но это вовсе еще не значитъ, что только соціалисты могутъ съ торжествомъ указывать на Австралазію, какъ на образецъ для подражанія и на прообразъ нашего будущаго. Наоборотъ, именно потому, что Австралазія—страна практическихъ реформъ, а не теоретическихъ программъ, она можетъ служить живымъ источникомъ поученія и ободренія для людей самыхъ различныхъ направленій и настроеній. Какъ всякое жизненное историческое явленіе, своеобразный австралазійскій соціализмъ не можетъ быть только простымъ подтвержденіемъ существовавшихъ до него доктринъ. Онъ одновременно и подтверждаетъ, и опровергаетъ прежнія формы соціализма. Онъ одновременно доставляетъ аргументы и соціалистическимъ, и буржуазнымъ партіямъ. У него могутъ учиться съ пользою для себя и для своихъ программъ и прогрессисты и консерваторы, и противники частной собственности и ея защитники, и «катедеръ-соціалисты», и наши народники, и наши марксисты. Правда, на первый взглядъ кажется, что удобнѣе всего ссылаться на австралійскія колоніи соціалистамъ, и особенно защитникамъ такъ называемаго «государственнаго соціализма». Дѣйствительно, развѣ опытъ нашихъ антиподовъ не оправдалъ блистательно самыхъ смѣлыхъ законодательныхъ мѣръ въ пользу рабочихъ и противъ капиталистовъ? Въ Новой Зеландіи уже нѣсколько лѣтъ благополучно дѣйствуетъ обязательный третейскій судъ, опредѣляющій на долгіе сроки впередъ заработную плату и другія условія то для отдѣльныхъ предпринимателей, то для цѣлыхъ отраслей промышленности; правительство явно помогаетъ рабочимъ союзамъ въ борьбѣ съ капиталистами, и тотъ же третейскій судъ заставляетъ предпринимателей оказывать предпочтеніе членамъ союзовъ передъ неорганизованными рабочими. Въ Викторіи въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности (по опредѣленію правительства, получившаго эти полномочія по закону 1896 г.) дѣйствуютъ «спеціальные совѣты», съ равнымъ числомъ выборныхъ представителей отъ рабочихъ и предпринимателей, устанавливающіе минимумъ заработной платы и максимальное число учениковъ по отношенію къ взрослымъ рабочимъ. Въ Новой Зеландіи всѣ неимущіе старше 65 л., удовлетворяющіе извѣстнымъ условіямъ, получаютъ пенсіи отъ государства. Въ Южной Австраліи и въ Новой Зеландіи кромѣ прогрессивнаго подоходнаго налога существуетъ прогрессивный поземельный налогъ, отъ котораго освобождены мелкіе собственники, и котораго процентъ повышается вмѣстѣ съ размѣромъ собственности; въ Новой Зеландіи изъ 90 тысячъ земельныхъ собственниковъ уплачивали поземельный налогъ только 13 тысячъ наиболѣе крупныхъ, остальные же совершенно отъ него свободны. Желѣзныя дороги вездѣ въ Австраліи принадлежатъ государству, которое пользуется этимъ для безплатной перевозки безработныхъ и для разныхъ другихъ покровительственныхъ мѣръ. Правительство южной Австраліи организовало на свой счетъ замораживаніе, перевозку въ Европу и сбытъ мясныхъ продуктовъ. Вездѣ правительства организуютъ дешевый кредитъ для мелкихъ собственниковъ и арендаторовъ. Вездѣ государство является собственникомъ огромныхъ земельныхъ пространствъ. Въ Новой Зеландіи государство имѣетъ столько же рабочихъ, сколько всѣ остальные предприниматели колоніи. И всѣ эти признаки обобществленія и нормированія производства, казавшіеся всегда такими страшными въ Старомъ Свѣтѣ, не только не повлекли за собой никакихъ особыхъ несчастій, но наоборотъ, сопровождались замѣчательными матеріальными и культурными успѣхами. Матеріальное положеніе австралійскихъ рабочихъ, въ общемъ, выше, чѣмъ положеніе западно-европейскихъ рабочихъ. При этомъ, Новая Зеландія, обнаружившая наибольшую смѣлость въ соціальныхъ реформахъ, можетъ похвастаться и наибольшимъ благополучіемъ своихъ жителей. Развѣ все это не живое опроверженіе всѣхъ опроверженій соціализма?

Однако, съ другой стороны, и буржуазныя партіи могутъ радоваться, глядя на Австралію и Новою Зеландію, ибо на этихъ странахъ можно видѣть, что торжество рабочихъ вовсе не означаетъ смерти для буржуазіи. Смѣлыя соціальныя реформы предпринимались здѣсь не во имя далекаго лучшаго будущаго, а ради практическихъ соображеній текущей минуты. По словамъ Метена, австралазійскіе рабочіе союзы «нисколько не интересуются вопросомъ о томъ, ведетъ ли общественная эволюція къ коллективизму или къ коммунизму, и не стараются, какъ наши соціалисты, ускорить ея ходъ» (115). Только очень незначительная часть австралазійскихъ рабочихъ прониклась враждой къ капиталистическому строю и къ частной собственности. Большинство рабочихъ, посылая своихъ собственныхъ представителей въ парламенты, поддерживаютъ черезъ этихъ представителей правительственную политику и только въ Квинслэндѣ рабочая партія стоитъ въ открытой оппозиціи къ правительству. Замѣчательно, что слабѣе всего рабочая партія въ Новой Зеландіи, гдѣ либеральное правительство проявляетъ наибольшее вниманіе къ нуждамъ рабочаго класса. Метенъ особенно настаиваетъ на трезвомъ, дѣловомъ характерѣ соціальныхъ реформъ въ Астралазіи: «политика является дѣломъ точно опредѣленныхъ, но очень ограниченныхъ и узкихъ интересовъ» (70). Во французскомъ подлинникѣ книга Метена носитъ и соотвѣтствующее заглавіе: «Соціализмъ безъ доктрины» («Le Socialism sans doctrines«). Самый терминъ «соціализмъ», по словамъ Метена, не пользуется симпатіей у австралазійскихъ рабочихъ (115). И по духу своему, по желаніямъ, вѣрованіямъ и предразсудкамъ, рабочіе Австраліи и Новой Зеландіи, какъ думаетъ Метенъ, представляютъ лишь повтореніе и продолженіе типа англійскаго буржуа. Все ихъ честолюбіе, повидимому, сводится къ тому, чтобы сдѣлаться какъ можно болѣе похожими на «вполнѣ приличныхъ» людей, на настоящихъ «джентльменовъ». И эта цѣль мало-по-малу достигается. «Всѣ внѣшнія различія между рабочими и буржуа все болѣе и болѣе стушевываются» (397). Радикальнѣйшія реформы мирно уживаются въ Австраліи съ перенесеннымъ изъ Англіи консерватизмомъ. Австралазійскій рабочій, по словамъ Метена, «проявляетъ самую искреннюю приверженность къ монархіи и самое глубокое уваженіе къ коронованной особѣ царствующаго дома. На банкетахъ трэдъ-юніоновъ первый тостъ всегда за здоровье королевы или короля» (397). Всѣ писатели свидѣтельствуютъ о великой силѣ религіи въ Австраліи и Новой Зеландіи. Правда, во имя вѣротерпимости, Законъ Божій исключенъ изъ числа предметовъ преподаванія въ государственныхъ школахъ; но вотъ что разсказываетъ Пьеръ Леруа-Болье: «мнѣ пришлось быть въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ во время сильной засухи; я былъ пораженъ, услыхавъ, что радикальное министерство съ г. Рейдомъ во главѣ просило священниковъ всѣхъ исповѣданій устроить общественныя молитвы о дарованіи Богомъ дождя. Нельзя, конечно, назвать это министерство реакціоннымъ и обскурантнымъ: вѣдь оно включило въ свою программу прогрессивные подоходные налоги, реформу и уменьшеніе власти верхней палаты, *referendum* и цѣлую серію демократическихъ мѣръ, оно одержало верхъ на выборахъ благодаря поддержкѣ рабочей партіи, голоса которой были ему нужны въ парламентѣ. Фактъ, о которомъ я говорю, произошелъ во время законодательной сессіи, и ни одинъ изъ депутатовъ не протестовалъ; только одна газета позволила себѣ подсмѣяться... Но эта насмѣшка не нашла отклика въ ежедневной прессѣ». («Новыя англо-саксонскія общества», стр. 138).

Если бы марксисты и народники вздумали ссылаться на Австралію для обоснованія своихъ противоположныхъ программъ, то и они, подобно радикаламъ и кенсерваторамъ, могли бы одновременно утѣшаться новыми краснорѣчивыми аргументами въ пользу обѣихъ изъ двухъ программъ. Марксисты могутъ указать, что современное торжество и благосостояніе рабочаго класса въ Австралазіи достигнуто путемъ упорной классовой борьбы. Реформы прошли не при содѣйствіи капиталистовъ, а наоборотъ—вопреки ихъ отчаянному противодѣйствію. И до сихъ поръ предприниматели враждебно настроены по отношенію къ политикѣ радикальныхъ министерствъ. Капиталисты вовсе не примирились ни съ третейскими судами, ни съ минимумомъ заработной платы, ни съ привиллегіями рабочихъ союзовъ. Далѣе, марксисты могутъ сослаться на то, что своею смѣлой политикой и блестящимъ прогрессомъ австралійскія колоніи обязаны не мелкимъ собственникамъ, не крестьянамъ, не самостоятельнымъ производителямъ, а именно безземельнымъ пролетаріямъ. Чрезвычайно высокій процентъ городского населенія въ Австралазіи тоже подходитъ подъ программу марксистовъ. Въ 1891 г. въ одномъ только Мельбурнѣ, столицѣ Викторіи, жило 43% всего населенія колоніи, а въ Сиднеѣ, столицѣ Новаго Южнаго Уэльса, 34% населенія.

Но и народники имѣли бы полное основаніе ссылаться на опытъ Австраліи для подтвержденія своей доктрины или своихъ доктринъ. Прежде всего бросается въ глаза огромное значеніе аграрнаго вопроса въ соціальной исторіи австралійскихъ колоній. Метенъ удѣляетъ ему сравнительно немного мѣста (стр. 30—85). Но по его собственнымъ словамъ, аграрный вопросъ, вопросъ о томъ, на какихъ условіяхъ государство предоставляетъ населенію землю, «былъ и по настоящее время останется самымъ главнымъ спорнымъ вопросомъ австралійской колоніи; немыслимо писать исторію колоніи, не выдвигая его на первый планъ» (32). Раббено же спеціально задался цѣлью приложить къ исторіи Австралазіи извѣстную теорію своего соотечественника Лоріа о капиталистическомъ захватѣ земли, какъ основномъ факторѣ соціальной исторіи новаго времени. Раббено доказываетъ, что монополія крупныхъ земельныхъ собственниковъ и арендаторовъ, преградившихъ народу свободный доступъ къ землѣ, является главнымъ фактомъ, основою всей исторіи австралійскихъ колоній и въ то же время величайшимъ зломъ, источникомъ многихъ бѣдствій въ прошломъ и великихъ опасностей въ будущемъ. Его критика капиталистическаго земледѣлія въ Австраліи во многомъ похожа на критику капиталистическаго земледѣлія въ Россіи, представленную нашей народнической литературой. Онъ говоритъ, что капитализмъ въ области сельскаго хозяйства повелъ не къ повышенію, а къ пониженію производительности труда. Онъ доказываетъ, что исключительное развитіе скотоводства въ ущербъ воздѣлыванію хлѣбовъ объясняется не столько естественными условіями страны, сколько искусственной монополіей собственниковъ. Онъ иногда впадаетъ въ преувеличенія. Но взгляды его во многомъ подтверждаются новѣйшей исторіей аграрнаго законодательства въ Австралазіи: мы видимъ, что колоніальныя правительства давно уже охвачены заботой о насажденіи мелкихъ и среднихъ хозяйствъ въ деревнѣ, о надѣленіи землей безземельнаго пролетаріата. Раббено думаетъ, что эти работы являются слишкомъ запоздалыми: лучшія земли уже давно попали въ цѣпкія руки богачей-монополистовъ и командующіе классы могутъ теперь съ легкимъ сердцемъ предоставить народу самыя либеральныя условія для использованія жалкихъ остатковъ, уцѣлѣвшихъ въ рукахъ государства. Но какъ бы то ни было, серьезное желаніе создать или облегчить созданіе новаго класса независимыхъ крестьянъ и фермеровъ показываетъ, что относительно дальнѣйшаго прогресса австралійскихъ колоній нельзя возлагать всѣхъ надеждъ только на возрастающую силу безземельнаго пролетаріата. По отношенію къ Новой Зеландіи даже мрачный пессимизмъ Раббено долженъ былъ отступить передъ яркостью благопріятныхъ фактовъ новѣйшеей исторіи этихъ «счастливыхъ острововъ». Всюду усматривая только эгоистическую борьбу классовыхъ интересовъ, фатальное торжество богатыхъ надъ бѣдными, лицемѣрность или безплодность всѣхъ благонамѣренныхъ законовъ,—Раббено, однако, слѣдующимъ образомъ выражается о принятой новозеландскимъ правительствомъ системѣ «улушенныхъ фермерскихъ поселеній»: «Надо признаться, что нельзя было сдѣлать больше для того, чтобы дать возможность людямъ лишеннымъ средствъ производства, устроиться независимо на землѣ; вслѣдствіе этой системы трудъ за заработную плату сталъ хорошимъ временнымъ срдествомъ для рабочихъ, чтобы достигнуть самостоятельности, ибо наиболѣе трудолюбивые и счастливые изъ нихъ могли извлечь изъ заработка средства для дальнѣйшей расчистки своей земли и скопить безъ помощи государства небольшой капиталъ на первоначальное обзаведеніе» (214). Въ другомъ мѣстѣ Раббено говоритъ: «Что въ Новой Зеландіи образовался постепенно классъ мелкихъ независимыхъ земледѣльцевъ и скотоводовъ, и что онъ относительно больше, чѣмъ въ другихъ колоніяхъ,—это не подлежитъ сомнѣнію» (242). А Метенъ, болѣе оптимистически настроенный, заканчиваетъ главу объ аграрномъ вопросѣ слѣдующими словами: «Господствующимъ классомъ въ теченіе долгаго времени были крупные овцеводы; теперь же власть находится подъ контролемъ рабочихъ, будущность, можетъ быть, принадлежитъ фермерамъ»... (Метенъ, 85). Итакъ, народники могли бы найти въ Австраліи, вопервыхъ, подтвержденіе своей вѣры въ крестьянство, въ земледѣльцевъ. Вовторыхъ, въ жизни тѣхъ же австралійскихъ колоній есть живые аргументы и въ пользу артельнаго начала, такъ зло осмѣяннаго нашими марксистами. Австралазійскій «соціализмъ безъ доктринъ» уже организуетъ и артельный трудъ наемныхъ рабочихъ, и осѣдлый: сельскія общины съ круговой порукой и съ широко проведеннымъ коммунизмомъ. Въ Новой Зеландіи почти всѣ общественныя работы (а онѣ тамъ производятся въ большихъ размѣрахъ) производятся при помощи артельнаго труда: добровольно организующіяся артели, съ выборными старостами во главѣ, получаютъ отъ правительственныхъ инженеровъ подряды на отдѣльныя части работъ и свободно распредѣляютъ между собой трудъ и вознагражденіе. Въ Южной Австраліи нѣсколько сотъ безработныхъ пролетаріевъ получило отъ правительства землю и денежную ссуду, и организовало земледѣльческій трудъ на коммунистическихъ началахъ: каждая деревенская община имѣетъ утвержденный правительствомъ уставъ, опредѣляющій обязанности каждаго члена по отношенію къ общимъ работамъ и къ лично присвоенному участку, а также права каждаго на вознагражденіе изъ общественныхъ средствъ; всѣ члены общины отвѣчаютъ совмѣстно передъ правительствомъ за данную имъ ссуду; переходъ къ полной частной собственности допускается только послѣ уплаты всего долга, полученнаго отъ правительства. Съ этими общинами было много неудачъ, отчасти похожихъ на неудачи южнорусскихъ артелей, организованныхъ г. Левитскимъ. Но правительство южной Австраліи и многіе безпристрастные наблюдатели полагаютъ, что эти неудачи носятъ временный характеръ и, во всякомъ случаѣ, съ лихвой окупаются той пользой, которую извлекли и извлекутъ наиболѣе удачливые и наиболѣе достойные члены новыхъ земельныхъ общинъ.

Если и радикалы, и консерваторы, и марксисты, и народники имѣютъ одинаковое основаніе искать въ Австралазіи, этой «лабораторіи соціальныхъ экспериментовъ», новыхъ аргументовъ для подтвержденія своихъ разнообразныхъ программъ, то какой же общій выводъ, какую общую пользу можно извлечь изъ наблюденія надъ жизнью смѣлыхъ австралійскихъ новаторовъ? Общій выводъ напрашивается самъ собой. Разнообразныя программы и направленія гораздо менѣе мѣшаютъ другъ другу, чѣмъ принято думать въ Старомъ Свѣтѣ и у насъ въ Россіи. Въ непосредственномъ столкновеніи съ природой, освободившись отъ деспотической власти традицій и рутины, люди стали менѣе бояться неизбѣжныхъ общественныхъ разногласій и разномыслій. Соціализмъ оказался не такимъ страшнымъ для буржуазіи, какъ это казалось европейской буржуазіи; буржуазія оказалась не такой страшной для соціализма, какъ это казалось европейскимъ соціалистамъ; и такъ далѣе... Если людямъ Стараго Свѣта можно извлечь изъ этого практически полезный урокъ, то, конечно, прежде всего, урокъ заключается въ необходимости большей вѣротерпимости—вѣротерпимости въ самомъ широкомъ смыслѣ: меньше споровъ, больше дѣла! Меньше злобы къ чужимъ программамъ и страха передъ чужими направленіями, больше работы надъ внутренними задачами своей партіи, своей программы, своего направленія.

Всѣмъ есть достаточно работы, и примиреніе существующихъ противорѣчій, паденіе препятствій для гармонической работы всѣхъ и каждаго наступитъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ менѣе каждая партія будетъ тратить силъ на уничтоженіе противоположныхъ партій...

Что касается особенностей новыхъ 2 книгъ, сравнительно съ прежними работами, то книги Метена и Раббено нужно признать безусловно полезными уже потому, что до сихъ поръ на русскомъ языкѣ были только общія сочиненія объ Австраліи и Новой Зеландіи, но не было спеціальныхъ книгъ по рабочему и аграрному вопросу. Книга Метена не имѣетъ строго научнаго характера: это безыскусственный разсказъ внимательнаго и безпристрастнаго наблюдателя, лично посѣтившаго описываемыя страны и добросовѣстно изучившаго обширный оффиціальный матеріалъ. Метенъ посѣтилъ Австралію по порученію парижскаго университета на средства особаго «фонда кругосвѣтныхъ путешествій», основаннаго неизвѣстнымъ жертвователемъ. Можно пожалѣть, что Метенъ не очень заботится въ своей книгѣ о точной передачѣ законодательныхъ актовъ, ограничиваясь иногда слишкомъ общими выраженіями. Въ русскомъ изданіи прибавлены краткія извлеченія изъ другихъ авторовъ (Вигуру, Зигфридъ, Пьеръ Леруа-Больё), въ которыхъ сообщаются нѣкоторыя общія свѣдѣнія объ Австралазіи, опущенныя Метеномъ въ виду спеціальнаго характера его книги.

Книга Раббено, какъ показываетъ ея заглавіе, носитъ еще болѣе спеціальный характеръ. Она гораздо научнѣе и оригинальнѣе, чѣмъ книга Метена. Раббено задумалъ дать подробную исторію и подробную критику аграрныхъ отношеній и аграрнаго законодательства въ Австралазіи съ самаго начала колонизаціи до послѣдняго времени. Ему не удалось довести свой трудъ до конца. Онъ умеръ въ 1897 г., на 34 году жизни, въ самомъ разгарѣ блестящей и плодотворной научной дѣятельности. Краткій, горячо написанный очеркъ его жизни помѣщенъ въ началѣ книги. Кромѣ того, въ особомъ обращеніи къ читателямъ проф. Лоріа даетъ нѣкоторыя объясненія по поводу предлагаемой книги, изданной уже послѣ смерти автора. Проф. Лоріа и проф. Конильяни рѣшили сначала выпустить въ свѣтъ только первую часть труда, окончательно обработанную самимъ Раббено. Эта часть, переведенная теперь на русскій языкъ, содержитъ шесть главъ: въ 3 первыхъ дается общая исторія колонизаціи и аграрныхъ отношеній до 1860 г., а 3 послѣднія (наиболѣе значительныя) посвящены послѣдовательно Викторіи, Новому Южному Уэльсу и Новой Зеландіи и излагаютъ исторію аграрнаго законодательства въ каждой изъ этихъ колоній отъ 1860. г. до нашего времени. До нѣкоторой степени Раббено является тенденціознымъ. Въ немъ все время сказывается обличитель капиталистическаго строя; онъ слишкомъ много приписываетъ значенія хищническому, монопольному характеру землевладѣнія и землепользованія въ Австраліи. Но сколько и правды въ его обличеніяхъ! Трудно придумать болѣе тяжкое обвиненіе противъ цивилизаціи XIX в., чѣмъ популярность среди цивилизаторовъ и культуръ-трегеровъ колонизаціонной теоріи Векфильда, которой Раббено посвящаетъ столько глубоко интересныхъ страницъ. Эта теорія, примѣнявшаяся на практикѣ въ Австраліи, требовала, чтобы правительственная власть въ новыхъ странахъ искусственно затрудняла народнымъ массамъ доступъ къ свободной землѣ и отдавала землю только капиталистамъ, предусмотрительно обезпечивая послѣднихъ дешевымъ трудомъ безземельныхъ пролетаріевъ! Векфильдъ основывался на томъ соображеніи, что свободный доступъ къ землѣ повелъ бы къ разсѣянію населенія, къ системѣ изолированнаго одиночнаго труда, и слѣдовательно къ замедленію прогресса, тогда какъ власть капитала надъ безземельными пролетаріями ведетъ къ концентраціи и организаціи труда и къ повышенію производительности страны. Внѣшній культурно-цивилизаторскій лоскъ этой безчеловѣчной въ сущности доктрины имѣлъ такое обаяніе для фанатиковъ прогресса, что теорію Векфильда защищали даже такіе искренніе радикалы и демократы, какъ Дж. Ст. Милль. Въ данномъ случаѣ мы имѣли примѣръ того, какъ скрытыя внутреннія противорѣчія опредѣленнаго міросозерцанія неожиданно приводятъ, по какому-либо отдѣльному частному поводу, къ явному абсурду, и этотъ абсурдъ, бросая новый свѣтъ на все казавшееся стройнымъ міросозерцаніе, заставляетъ искать болѣе глубокаго пониманія и болѣе критической оцѣнки данной системы идей и идеаловъ. Глубокій интересъ книги Раббено въ томъ и заключается, что авторъ пытается уловить въ аграрной исторіи Австралазіи отраженіе общихъ тенденцій капитализма. И хотя въ этихъ исканіяхъ онъ, какъ намъ кажется, не свободенъ отъ преувеличеній, все же чтеніе его книги ничуть не опровергаетъ, а скорѣе подтверждаетъ хвалебный отзывъ о немъ проф. Конильяни, какъ о безупречно честномъ искателѣ истины. *А. Рыкачевъ.*

ФИЛОСОФІЯ.

Н. Мальбраншъ. „Разысканіе истины".

Труды с.-петербургскаго философскаго общества.—Выпускъ II. Розысканія истины Николая Мальбранша. Переводъ съ французскаго Е. Б. Смѣловой, подъ редакціею Э. Л. Радлова. Томъ I. С.-Петербургъ. Изданіе

К. Л. Риккера. Въ настоящее время, когда интересъ къ философіи все болѣе и болѣе овладѣваетъ интеллигентными сферами русскаго общества, систематическое изданіе въ переводахъ твореній великихъ мастеровъ философіи, предпринятое С.-Петербургскимъ философскимъ обществомъ, является вполнѣ своевременнымъ. Оно своевременно уже по одному тому, что основательное изученіе философіи возможно лишь при надлежащемъ знакомствѣ съ исторіею философіи: вѣдь философія тѣснѣе, чѣмъ какая-либо другая наука, связана съ своею исторіею. Едва-ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію, что такое основательное изученіе философіи нынче болѣе, чѣмъ когда-либо, желательно. Нашъ вѣкъ—при все возрастающемъ интересѣ къ философіи, — вѣкъ упадка истинной философіи, истиннаго идеализма, вѣкъ возрожденія эмпирической философіи, эмпирической метафизики. Какъ иначе можно бороться съ этой нефилософской философіею, какъ не переводами твореній великихъ умовъ, проникнутыхъ истинно-философскимъ, идеалистическимъ духомъ? Съ этой стороны намъ кажется особенно удачнымъ выборъ философскимъ обществомъ для своихъ первыхъ выпусковъ произведеній главныхъ представителей картезіанской школы. Если философія Платона представляетъ въ исторіи человѣчества рожденіе философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ истинная философія—идеализмъ, рожденіе идеализма, то картезіанская философія есть возрожденіе этого идеализма въ новое время. Выступая, съ одной стороны, противъ теологической догматики средневѣковья, съ другой,—противъ эмпиризма Бэкона, философія въ этой системѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, выставляетъ на видъ свое идеалистическое существо. Въ противоположность средневѣковой дагматикѣ здѣсь провозглашается свобода философскаго изслѣдованія, въ противоположность эмпиризму Бэкона—недостовѣрность опытнаго познанія. Такимъ образомъ провозглашается необходимость—въ качествѣ исходнаго пункта—знанія принципа, который былъ бы достовѣренъ самъ по себѣ, непосредственно, могъ бы вынести пробу свободной философской критики и изъ котораго могли бы быть обоснованы всѣ наши познанія. Повергнувъ въ пучину сомнѣнія всѣ церковныя догмы на томъ основаніи, что онѣ не обладаютъ непосредственною достовѣрностью; всѣ эмпирическія познанія на томъ основаніи, что наши чувства и мышленіе очень часто обманываютъ насъ, философская мысль находитъ такой коренной принципъ, обосновывающій все наше познаніе, лишь въ самосознаніи. Съ этимъ ясно выставляется на видъ, что философія необходимо идеалистична, ея задача состоитъ въ открытіи тѣхъ основныхъ принциповъ, которые служатъ предпосылкою научнаго опыта, обосновываютъ его; что эти принципы, конечно, не могутъ быть добыты изъ опыта, и что, слѣдовательно, всякая попытка создать эмпирическую философію заранѣе обречена на неудачу. Наиболѣе яркое выраженіе это возрожденіе идеализма нашло себѣ у перваго представителя картезіанской школы, у Декарта. Заслуга Мальбранша, автора разбираемой нами книги, въ этомъ отношеніи заключается въ дальнѣйшемъ развитіи и разработкѣ этихъ идеалистическихъ ростковъ. Его главное произведеніе «Разысканія истины» главнымъ образомъ посвящено доказательству того, что всякое опытное знаніе, поскольку въ его основѣ не лежатъ основные принципы, гарантирующіе ему достовѣрность, не обладаетъ истиною, и что истинный источникъ всякаго познанія—самосознаніе. Это ясно сказывается какъ тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ обманахъ нашихъ чувствъ и воображенія (книги 1 и 2, которыя вмѣстѣ съ первою $^1/_2$ третьей книги вошли въ I томъ настоящаго выпуска), такъ и тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ обманахъ нашего чистаго разума, поскольку надъ нимъ господствуютъ наклонности и страсти, (4 и 5 книги), и наконецъ, тамъ, гдѣ онъ устанавливаетъ методъ для отысканія истины (кн. 6). Въ нѣкоторомъ диссонансѣ съ этимъ находятся лишь тѣ мѣста, гдѣ онъ провозглашаетъ ограниченность нашего разума, его неспособность понять истинное безконечное (первая $^1/_2$ книги 3). Но это частью составляетъ отголосокъ догматико-схоластическихъ воззрѣній, отъ которыхъ священникъ Мальраншъ не могъ вполнѣ отрѣшиться; частью же коренится въ самой системѣ картезіанской философіи и составляетъ ея собственное внутреннее противорѣчіе, проявившееся съ особенною силою еще разъ въ ученіи Спинозы о безконечности субстанціи и о нашей способности понимать ее только подъ двумя аттрибутами.

Однако, какъ-бы ни велико было значеніе картезіанской философіи въ указанномъ отношеніи, оно превосходитъ значеніе другихъ системъ въ этомъ лишь по степени той яркости, въ которой отражается въ ней идеалистическій духъ, въ существѣ присущій всякой философской системѣ. Но картезіанская философія имѣетъ и другое значеніе для нашего времени; это значеніе какъ разъ совпадаетъ съ ея специфизическимъ значеніемъ въ исторіи философіи вообще. Въ сферѣ этой послѣдней она является носительницею тѣхъ принциповъ, которые составляютъ основу современнаго научнаго зданія и которые въ области науки нынче переживаютъ кризисъ, словомъ, тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ принциповъ субстанціональности и причинности, какъ міровыхъ принциповъ, послѣднихъ принциповъ, лежащихъ въ основѣ всякаго научнаго опыта. Чисто-механическое пониманіе природы, распространеніе принциповъ причинности и субстанціональности на все мірозданіе, наконецъ, критически-выросшій отсюда психо-физическій параллелизмъ въ концѣ концовъ имѣютъ свой истинный источникъ, свое чисто-философское выраженіе въ картезіанской философіи. Ходъ развитія этой послѣдней и представляетъ собою имманентное развитіе указанныхъ принциповъ: въ философіи Декарта они находятъ свое основаніе, въ философіи Мальбранша—дальнѣйшее проведеніе, и, наконецъ, полное систематическое развитіе—въ философіи Спинозы. «Солнце безконечной субстанціи, восходящее въ Декартѣ, въ слѣдующихъ системахъ совершаетъ свое дневное теченіе, на это свѣтило слѣдующіе за Декартомъ философы направляютъ свои телескопы. Когда оно достигнетъ зенита, мы будемъ смотрѣть на мірозданіе глазами Спинозы: въ системѣ этого философа субстанція достигнетъ своей кульминаціонной точки». Въ такой поэтической формѣ выражаетъ Куно-Фишеръ высказанную только что мысль. Мы не будемъ прослѣживать имманентный ходъ развитія этихъ принциповъ въ картезіанской школѣ. Это не дѣло короткой журнальной рецензіи. Мы не станемъ поэтому также выяснять обстоятельно значеніе философіи Мальбранша въ ходѣ этого имманентнаго развитія. Укажемъ лишь на то, что философія Мальбранша представляетъ необходимое звено въ развитіи этихъ принциповъ: безъ нея совершенно не понятенъ спинозизмъ—эта философская основа современнаго психо-физическаго параллелизма. Безконечная субстанція, которая мелькала у Декарта на заднемъ планѣ, у Мальбранша выступаетъ впередъ. Передъ ней меркнутъ двѣ другія еще самостоятельныя у Декарта субстанціи. Она становится сосредоточеніемъ, съ одной стороны, духа, ибо только въ ней для него возможно познаніе природы, съ другой,—тѣлесныхъ вещей, ибо въ безжизненной механической природѣ нигдѣ нельзя найти истиннаго источника движенія, такимъ источникомъ во всѣхъ случаяхъ является безконечная субстанція. Съ этимъ мы вступаемъ въ систему Спинозы, гдѣ уже причинность и субстанціональность возводятся въ міровые, абсолютные принципы. Изъ всего сказаннаго ясно вытекаетъ, что, если мы хотимъ надлежащимъ образомъ и критически оцѣнить господствующее механическое міросозерцаніе, подвергающееся въ настоящее время разрушительной критикѣ со стороны представителей динамическаго воззрѣнія, то мы должны погрузиться въ серьезное изученіе картезіанской философіи. Ибо какимъ инымъ путемъ можно выяснить себѣ значеніе этихъ принциповъ, какъ не переживаніемъ ихъ имманентнаго развитія и ихъ внутренней самокритики въ чистомъ видѣ въ великихъ философскихъ системахъ, необдуманно заклейменныхъ нынче кличкой «догматическія»? Какимъ инымъ путемъ мы можемъ критически оцѣнить и взвѣсить споръ, возгорѣвшійся нынче между механическимъ и динамическимъ міропониманіями, если не пожелаемъ спуститься къ его прототипу въ сферѣ философіи—къ спору между лейбницевскимъ динамизмомъ, вызваннымъ имманентнымъ ходомъ развитія самой картезіанской философіи, и этой послѣдней,—къ тому спору, который нашелъ также и свое истинное идеалистическое разрѣшеніе въ самомъ ходѣ философской мысли? Пора оставить то пренебреженіе, съ которымъ мы еще до сихъ поръ не перестаемъ относиться къ до-кантовской, такъ-называемой догматической философіи! Такое пренебреженіе служитъ лишь препятствіемъ для правильнаго пониманія задачи и существа философіи, оно даже донынѣ мѣшаетъ надлежащему пониманію Канта и послѣ-кантовской философіи.

Что касается перевода разбираемой нами книги, то за него ручается имя редактора. Нужно лишь замѣтить, что въ стилистическомъ отношеніи можно бы желать большаго, Изъ корректурныхъ опечатокъ надо обратить вниманіе на вкравшуюся на стр. 133: начиная съ 16 строки снизу: «не поразительна ли...» вплоть до конца главы все надо вычеркнуть, такъ какъ это мѣсто перепечатано совершенно изъ другой главы. *N. N.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ. ГЕОГРАФІЯ. ЭТНОГРАФІЯ.

А. Ященко. „Хрупъ. Воспоминанія крысы-натуралиста“.—*Д. Кайгородовъ.* „Изъ родной природы“. — *К. Носиловъ.* „На Новой Землѣ“. — *В. Львовичъ.* „Народы русскаго царства“.—*А. Г. Клинге.* „Сборникъ избранныхъ прописей (рецептовъ) по фармацевтическимъ и техническимъ производствамъ“.

Хрупъ. Воспоминанія крысы-натуралиста. Сообщилъ А. Л. Ященко, учитель естествовѣдѣнія и географіи въ спб. александровскомъ и ксеніинскомъ институтахъ и въ женской гимназіи Лохвицкой-Скалонъ. Иллюстрировано 305 ориг. рис. перомъ и 6 автотипіями художника И. Ф. Никонова. Въ редактированіи принимали участіе учителя: художнихъ А. М. Грушинъ, К. В. Дубровскій, Л. Н. Звериновъ, Я. И. Ковалевскій, П. П. Мироносицкій, д-ръ зоол. А. М. Никольскій, Л. Н. Никоновъ, А. Е. Петровъ, М. И Полянскій, Л. С. Севрюкъ, Ѳ. Е. Туръ и М. В. Усковъ. С. Петербургъ. 1903. Цѣна 2 р.

Книга, заглавіе которой мы выписали, въ формѣ фантастической автобіографіи крысы, повѣствующей о своихъ интересныхъ и поучительныхъ похожденіяхъ, знакомитъ юныхъ читателей съ природой, жизнью и нравами животныхъ, наблюдаемыхъ, главнымъ образомъ, въ условіяхъ ихъ естественной среды и обстановки.

Въ рядѣ живыхъ занимательныхъ сценъ изъ жизни животнаго міра нашихъ лѣсовъ, полей, степей и горъ авторъ сообщаетъ не мало интересныхъ и строго провѣренныхъ наблюденій относительно образа жизни, обычаевъ, борьбы съ врагами и средствъ защиты животныхъ. При этомъ онъ не упускаетъ случая выяснить читателю смыслъ и значеніе собщаемыхъ имъ фактовъ, навести его мысль на основные законы (вліянье среды, борьба за существованіе, приспособляемость и т. д.), которымъ подчинена жизнь всѣхъ живыхъ существъ вообще. Книга обильно иллюстрирована рисунками перомъ, исполненными настолько удачно, что многіе изъ нихъ могутъ быть названы художественными.

Къ сожалѣнію, языкъ, которымъ написана книга, ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть отнесенъ къ числу ея достоинствъ. Онъ тяжелъ и притомъ даже не всегда правиленъ. Встрѣчаются напр. фразы въ родѣ слѣдующе: «Вся моя снаровка, развившаяся до совершенства наблюдательность нужны были, чтобы постигнуть этотъ языкъ, *казавшійся мнѣ неособенно труднѣе изуче-*

нія такихъ же явленій у людей» (стр. 82). Такія выраженія, казалось бы, не должны встрѣчаться въ книгѣ, которая, по заявленію автора, подвергалась въ рукописи неоднократному коллективному обсужденію и исправленію. Непріятное впечатлѣніе производитъ также неестественность разговорной рѣчи, переходящая иногда въ приторную сентиментальность. Натуралистъ (Николай Сергѣевичъ), собирающій зоологическую коллекцію въ Средней Азіи, говоря о своей добычѣ, выражается напр. въ такомъ родѣ: «Вотъ-съ эта стенолазочка, а по иностранному тиходрома, мнѣ сегодня дороже туго набитой охотничей сумы—онъ поцѣловалъ добычу.—Не такъ-то легко сбить выстрѣломъ эту птицу-бабочку, которая бѣгаетъ по крутымъ бокамъ скалъ, цѣпляясь своими лапками, или порхаетъ, подмахивая своими чудными мотыльковыми крылышками... Ахъ, ты тиходромочка, тиходромочка! Славная ты моя. Набьемъ мы тебя, привеземъ и разберемъ, сколько-то окошечекъ у тебя, сколько перушекъ, чтобы знать, новое ли ты твореніе, или рѣдкая сестрица тѣмъ, что я добывалъ ранѣе въ другихъ мѣстахъ». И закончивъ эту рѣчь, Николай Сергѣевичъ вновь поцѣловалъ свою маленькую добычу (стр. 366),—или: «Ахъ ты моя славная скороцеркочка!—говорилъ онъ иногда, поглаживая обработанную имъ шкурку крошечной птички.—Или вотъ хоть бы эта филосконочка—онъ бралъ другую птичку. Какъ ихъ трудно разглядѣть въ вѣтвяхъ высокой джидды, несмотря на постоянное пи-ю пи-ю, раздающееся въ вѣтвяхъ. Только истинный любитель природы пойметъ насъ съ вами, рѣшающихся четвертными зарядами сбивать этихъ птахъ съ ихъ родныхъ вѣтокъ, ради желанія имѣть нѣсколько экземпляровъ какъ памятку о милой съ ними встрѣчѣ, о ихъ родинѣ и ихъ интересной, таинственной жизни» (стр. 339.). Мы не думаемъ, чтобы такими причитаніями можно было возбудить въ юныхъ читателяхъ «истинную любовь» къ природѣ или даже примирить ихъ съ печальной необходимостью «четвертныхъ зарядовъ».

Указанные недостатки книги г. Ященко не мѣшаютъ все-таки признать ее полезнымъ вкладомъ въ нашу популярную литературу и пожелать распространенія среди молодыхъ читателей. *Г. Б.*

Дм. Кайгородовъ. Изъ родной природы. Хрестоматія для чтенія въ школѣ и семьѣ. Часть II. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1903 г. Цѣна 1 р. Вторая часть «Хрестоматіи», г. Кайгородова имѣетъ совершенно тотъ же характеръ, что и первая, о которой мы уже говорили на страницахъ нашего журнала въ прошломъ году *). Порядокъ статей, наполовину принадлежащихъ самому составителю, совершенно произвольный, позволяющій читать то, что въ данную минуту наиболѣе интересно. Стихотворенія болѣе или менѣе пріурочены къ статьямъ и принадлежатъ перу самыхъ разнообразныхъ русскихъ поэтовъ—отъ Пушкина до г. Величко включительно. Общій тонъ книги попрежнему слащавый и неестественный. Внѣшность изданія прекрасная, рисунки и виньетки хорошія. *Д. М.*

К. Д. Носиловъ. На Новой Землѣ. Очерки и разсказы. Съ 38 рис. въ текстѣ. Спб. 1903. Изд. А. С. Суворина. Стр. 327, ц. 1 р. 75 к. Эта книга представляетъ собою сводъ избранныхъ очерковъ русскаго дальняго сѣвера, помѣщенныхъ авторомъ, извѣстнымъ корреспондентомъ-туристомъ, въ продолженіи послѣднихъ 20 лѣтъ преимущественно на страницахъ «Нов. Вр.». Г. Носиловъ дѣлаетъ описанія явленій внѣшней природы, особенно характерныхъ для сѣвера: полярной пурги, захватившей его въ открытой тундрѣ (9—15), сѣвернаго сіянія (36—38), продолжительной и страшной полярной бури, едва не уничтожившей самый домикъ автора въ Кармакульской колоніи на Новой Землѣ («Полярная буря»), тундры лѣтомъ («Два дня въ полярной тундрѣ»), чудныхъ, задумчивыхъ

---

*) См. „Міръ Божій“ за іюль 1903 г., стр. 106.

«бѣлыхъ» ночей въ тундрѣ («Бѣлыя ночи»), торжественной, трогательной «Встрѣчи солнца» на Новой Землѣ послѣ многомѣсячной ночи... Полярная природа даетъ такъ мало свѣтлыхъ радостныхъ моментовъ, притомъ съ такими необычайными своеобразными оттѣнками, что они сообщаетъ вдумчивому наблюдателю особое настроеніе, хорошо передаваемое г. Носиловымъ. Авторъ сжился съ сѣверной природой, полюбилъ ее, какъ и мѣстнаго аборигена, кроткаго, добродушнаго самоѣда, къ которому относится съ живой и глубокой симпатіей. Самоѣды сохранили много такихъ высокихъ нравственныхъ качествъ, которыя даются лишь непосредственнымъ общеніемъ съ природой и которыя уже утрачены въ практической жизни почти всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ.

Природа и человѣкъ сѣвера въ ихъ отдѣльныхъ, конкретныхъ проявленіяхъ—центръ тяжести книги г. Носилова. Это не ученый путешественникъ съ широкимъ кругозоромъ, не Нансенъ, не Стэнли, а туристъ, даже иногда не совсѣмъ разборчивый. Въ очеркѣ «Таинственное въ жизни самоѣдовъ» онъ увѣряетъ, напр., что одноглазая «веселая бабушка» самоѣдка вполнѣ успѣшно открываетъ будущее по огню очага; такимъ же ясновидящимъ оказывается и еще одинъ самоѣдъ, Вылка, не разъ удивлявшій автора своимъ искусствомъ. Но изъ другого очерка—«Исторія одного самоѣда», въ которомъ дѣйствующимъ лицомъ является тотъ же Вылка, со всѣмъ не усматривается его ясновидящихъ свойствъ. Эта несогласованность набрасываетъ тѣнь и на все «таинственное въ жизни самоѣдовъ». Не приняты ли г. Носиловымъ за дѣйствительность легендарные разсказы туземцевъ? Собственно Новой Землѣ изъ всѣхъ 17 очерковъ книги посвящено только 6; остальные касаются вообще береговъ Карскаго моря, полуострова Ялмала, низовьевъ Оби и Обдорска. Тамъ, гдѣ автору приходится касаться болѣе сложныхъ явленій экономическлго характера, онъ становится вялымъ, мало интереснымъ и не сообщаетъ ничего поваго; таковъ очеркъ «На баркѣ рыбака», гдѣ не достаточно ярко обрисованы мелкіе рыбопромышленники и ихъ рабочіе въ низовьяхъ Оби. Помѣщенные въ книгѣ рисунки нельзя назвать удовлетворительными по исполненію: въ большинствѣ случаевъ они блѣдны, подслѣповаты, не даютъ возможности разсмотрѣть мелкія, характерныя подробности. Для нѣкоторыхъ рисунковъ нѣтъ пояснительнаго текста: напр., «князь самоѣдскій Я-мала» и «Абукрская ярмарка» не соотвѣтствуютъ тексту. Видъ самоѣдской церкви въ Обдарскѣ повторенъ почему-то 2 раза, только съ разныхъ сторонъ (стр. 175 и 293) Авторъ очень часто упоминаетъ въ своей книгѣ, что онъ «снималъ на желатинъ» все, что представлялось ему интереснымъ; стало быть, онъ долженъ былъ бы испытывать скорѣе embarras de richesse въ рисункахъ, а не повторять одни и тѣже и не воспроизводить такихъ, которыя не соотвѣтствуютъ тексту.

П. Г—въ.

В. Львовичъ. Народы русскаго царства. Сборникъ статей по этнографіи. Книга для чтенія дома и въ школѣ. 599 стр. въ 8⁰. Съ рисунками въ текстѣ. Изданіе книгопродавца М. В. Клюкина. Москва (годъ изданія не обозначенъ). Цѣна 2 рубля. Подъ такимъ громкимъ заглавіемъ намъ доставлена книга, которая отличается цѣлымъ рядомъ крупныхъ особенностей, сразу обращающимъ на себя вниманіе читателя. Въ предисловіи къ книгѣ издатель справедливо жалуется на недостатокъ у насъ популярнаго сборника, гдѣ было бы собрано «изложенное простымъ и общедоступнымъ языкомъ описаніе возможно большаго количества населяющихъ наши страну племенъ и народовъ. Объ отдѣльныхъ народахъ существуютъ изображенія, но къ нимъ издатель почему-то относится съ пренебреженіемъ, называя ихъ дешевыми «книжками» «брошюрами». Настоящая «книга» назначена издателемъ для пополненія этого пробѣла. Дѣло, конечно, хорошее но если издатель говоритъ, что въ ней (т.-е. въ изданномъ имъ сборникѣ статей) «собраны *почти всѣ народы* (курсивъ нашъ), населяющіе территорію Россію, начиная отъ главенствующихъ по численному составу и своей жизнедѣятельности народностей и кончая мелкими инородцами и отживающими уже свою міровую жизнь племенами далекихъ окраинъ», то такое утвержденіе служитъ только свидѣтельствомъ ложнаго представленія о дѣйствительномъ племенномъ составѣ народонаселенія россійской имперіи. Не почти всѣ народы, а лишь часть ихъ, примѣрно одна половина, упоминается въ сборникѣ, и среди отсутствующихъ есть даже нѣкоторыя очень извѣстныя племена. Впрочемъ, дѣло не въ безусловной полности, когда книга назначается для школьнаго и домашняго чтенія. Важнѣе, чтобы то, что излагается въ книгѣ, было безусловно вѣрно и соотвѣтствовало бы фактически установленнымъ даннымъ. Въ научныхъ трактатахъ умѣстны гипотезы и анализъ противорѣчивыхъ взглядовъ; въ популярной книгѣ, предназначенномъ для большого круга читателей, нужно давать лишь одни прочно установленные факты. Нельзя сказать, чтобы издатель всюду руководствовался этимъ естественнымъ требованіемъ при выборѣ своего матеріала. Не вѣрно, напримѣръ, чтобы русскій крестьянинъ былъ «большею частью» блондиномъ, какъ говорится на 5-ой стр. сборника, и даже къ ярославцамъ это не примѣнимо. Мы знаемъ въ настоящее время, что среди русскихъ, значительно преобладаютъ смуглые, темнорусые типы. Если, затѣмъ, на стр. 66-ой, насъ серьезно увѣряютъ что «латыши-мужчины въ Лифляндіи и Курляндіи не носятъ ни усовъ, ни бороды», то это не болѣе, чѣмъ курьезная ошибка: извѣстно, что латыши отличаются большимъ обиліемъ растительности на лицѣ и что они, вообще говоря, рѣдко брѣютъ бороду. Неправда также, чтобы латышъ имѣлъ плоскую спину и грудь, длинную шею и неширокія плечи; фактически среди латышскаго народа, отличающагося прекраснымъ физическимъ развитіемъ, наблюдаются признаки, какъ разъ противоположные тѣмъ, которые имъ приписываются въ «Сборникѣ статей по этнографіи». Тутъ же обращаетъ на себя вниманіе замѣтка по поводу того, что у латышей длинные, большею частью свѣтлые волосы «не закрываютъ ушей». Зачѣмъ же имъ непремѣнно закрывать уши? На стр. 65-ой говорится, что съ латышами слились не только ливы, но и куры и др.; а между тѣмъ племя такъ называемъ куровъ, какъ извѣстно, является продуктомъ смѣшенія латышей съ ливами, а не особеннымъ самостоятельнымъ народомъ. Откуда почерпнуты данныя относительно психологіи латышей (стр. 65), было бы весьма любопытно узнать; между прочимъ указывается, что этому племени недостаетъ только одного—предпріимчивости, «которою въ столь высокой степени одаренъ русскій народъ» (sic!).

Въ отношеніи *происхожденія* народовъ «Сборникъ» даетъ весьма сбивчивое изложеніе. Что я долженъ представить себѣ, читая, напр. (на стр. 103), что латыши происходятъ отъ литовцевъ, когда съ одинаковымъ правомъ я могъ бы сказать, что литовцы происходятъ отъ латышей? А производить эстовъ отъ чуди, которая будто бы подъ названіемъ зырянъ, пермяковъ и проч. населяетъ «весь сѣверозападъ» Россіи, прямо-таки удивительно. Неужели издателю Сборника неизвѣстно, что понятіе «чуди» основано на *сказаніи*? Весьма возможно, что многіе эсты въ настоящее время питаютъ ненависть къ нѣмцамъ; вѣроятно, у нихъ есть на то серьезныя основанія; но исторія трогательной участи эстовъ подъ владычествомъ германцевъ (стр. 104) изложена въ «Сборникѣ» какъ намъ кажется, далеко не безпристрастно и не съ тою объективностью, которая должна имѣть мѣсто въ популярной книгѣ общаго характера. Неточны также данныя по *исторіи и географическому распространенію* народовъ. На 109 стр. говорится напр., что ливы когда-то въ прежнія времена занимали всю Курляндскую губернію, а между тѣмъ доказано, что область ливовъ даже во времена высшаго ихъ процвѣтанія ограничивалась узкою прибрежною полосою на востокѣ Курляндскаго полуострова. Въ статьѣ о евреяхъ, которая написана умѣлою рукою, авторъ утверждаетъ, будто бы въ другихъ странахъ евреи почти исчезъ и слился съ туземцемъ наружностью, нравами и образомъ жизни. По отношенію къ нравамъ это, можетъ быть, и вѣрно; но о сглаживаніи типичной еврейской наружности не можетъ быть и рѣчи ни въ Россіи, ни въ какомъ-либо изъ другихъ государствъ, гдѣ встрѣчаются представители этого народа. Точно также относительно физическаго типа русскихъ евреевъ, изложеннаго на стр. 585, можно, пожалуй, поспорить; правильнѣе было бы приписывать имъ «темные» волосы, вмѣсто черныхъ, которые во многихъ областяхъ Россіи встрѣчаются у евреевъ лишь изрѣдка. Иногда «Сборникъ» не останавливается и передъ наиболѣе трудными вопросами. Вопросъ: видоизмѣнился ли первоначальный славянскій типъ (?) русскаго народа отъ воспринятія имъ «чуждыхъ» элементовъ, рѣшается въ утвердительномъ смыслѣ, причемъ предполагается, что эти инородцы должны были участвовать въ образованіи всѣхъ существующихъ русскихъ типовъ. Но есть, какъ извѣстно, еще другое, болѣе вѣроятное объясненіе: туземцы, о которыхъ идетъ рѣчь, *вымерли*, будучи не въ состояніи вести борьбу за существованіе со славянскими племенами; какихъ-либо прочныхъ слѣдовъ въ возникновеніи великорусскаго народнаго типа они не оставили.

Нельзя также не указать и на рядъ грамматическихъ ошибокъ и неловкихъ выраженій, разбросанныхъ по книгѣ. *Р. Вейнбергъ.*

Сборникъ избранныхъ прописей (рецептовъ) по фармацевтическимъ и техническимъ производствамъ. Составилъ А. Г. Клинге, редакторъ «Фармацевтическаго Журнала». Третье, значительно дополненное изданіе. Выпуски I, II и III, цѣна по 70 к.; выпуски IV и V—1 р. 40 к. Изданіе К. Л. Риккера. Спб. 1903 г. Выходъ въ свѣтъ третьимъ изданіемъ книги г. Клинге уже говоритъ въ ея пользу. Дѣйствительно, мы имѣемъ громадное собраніе рецептовъ для изготовленія всякаго рода составовъ, зачастую необходимыхъ во всякомъ обиходѣ. О качествѣ всѣхъ этихъ рецептовъ безъ опытной повѣрки судить, конечно, трудно, но, повидимому, авторъ серьезно отнесся къ своей задачѣ и пользовался лишь заслуживающими довѣрія источниками. Одно неясно; для кого предназначается эта книга, только ли для спеціалистовъ, или и для большой публики? Любитель, напримѣръ, купившій книгу г. Клинге, можетъ быть поставленъ въ затрудненіе отсутствіемъ въ ней латинской номенклатуры, которая ему неизвѣстна, но безъ которой иногда очень трудно бываетъ обойтись при покупкѣ не особенно ходкихъ препаратовъ въ аптекарскомъ складѣ. Съ другой стороны русская номенклатура, вообще мало выработанная, порядочно-таки запутана авторомъ. Напримѣръ, на стр. 27 II выпуска желѣзный купоросъ почему-то названъ сѣрнокислой закисью желѣза: названіе и химически, и коммерчески неправильное. Такихъ примѣровъ можно привести много. Издана книга хорошо. Раздѣленіе ея на выпуски по группамъ производствъ облегчаетъ покупку и пользованіе книгой. *Д. М.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

отъ 15-го декабря по 15-е января.

А. Луговой. Безумная. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

Онинъ. Морзистъ. Очеркъ. Баку. 1903 г. Ц. 30 к.

Его-же. Филиппъ Степановичъ. Очеркъ. Баку. 1902 г. Ц. 20 к.

В. Величко. Арабески. Новыя стихотворенія. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

В. Илличъ-Свитычъ. Старый молитвенникъ. Повѣсть. Владивостокъ. 1903 г.

Уайзненъ. Фабіола или церковь въ катакомбахъ. Пер. съ англ. А. Каррикъ. Изд. Поповой. Спб. 1904 г. Ц. 80 к.

М. Могилянскій. Тина. Драма въ 3-хъ дѣйст.

Гр. Л. Толстой. Ассирійскій царь Ассархадонъ. Три вопроса. Съ 9-ю рис. Н. И. Живаго. Изд. «Посредника». Москва. 1903 г. Ц. 20 к.

Бретъ-Гартъ. Степной найденышъ. Пер. Е. Н. Москва, 1902 г. Ц. 60 к.

О. Коржинская. Индійскія сказки. Сборникъ сказокъ для дѣтей средн. возр. Съ предисловіемъ С. Ольденбурга. Изд. Девріена. Спб. 1903 г.

Ѳ. Пріютянинъ. Счастье и горе сѣренькихъ людей на провинціи. Вып. I. Херсонъ. 1903 г. Ц. 8 к.

«Въ поискахъ свѣта». Сборникъ подъ редакціей П. А. Травина. Москва. 1904 г. Ц. 20 к.

Вас. Брусянинъ. Ни живые—ни мертвые (Очерки петербург. жизни). Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

И. Гривскій. Записки рабочаго. Спб. 1904 г. Ц. 80 к.

Лика. Гирлянда розъ и др. разсказы. Москва. 1903 г. Ц. 50 к.

С. Рафаловичъ. Противорѣчія. Спб. 1903 г.

В. Анучинъ. По горамъ и лѣсамъ. Повѣсть изъ жизни маленькихъ искателей приключеній въ Сибири. Изд. О. Поповой. Спб. 1903 г. Ц. 60 к.

Изабелла Гриневская. Стихотворенія. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

С. Минцловъ. Въ грозу. Историч. повѣсть изъ эпохи Петра В. Спб. Изд. О. Поповой. Ц. 1 р.

В. Андреевъ. Шарлатанство въ бухгалтеріи. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ахшарумовъ. Измѣненіе климата и ледниковые періоды. Вольскъ. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. Риттихъ. Зависимость крестьянъ отъ общины и міра. Спб. 1903 г.

И. Катаевъ. Императоръ Александръ I. Очеркъ. Москва. 1903 г. Ц. 30 к.

Его же. Богданъ Хмельницкій. Очеркъ. Москва. 1903 г. Ц. 15 к.

Его же. Царь Алексѣй Михайловичъ и его время. Очеркъ. Москва. 1903 г. Ц. 12 к.

С. Васюковъ. «Край гордой красоты» Кавказское побережье Черномора. Съ рис. Спб. Изд. Девріена. 1903 г. Ц. 2 р.

И. Замотинъ. Романтизмъ 20-хъ годовъ XIX столѣтія въ русской литературѣ. Варшава. 1903 г. Ц. 2 р.

Вл. Львовъ. Русская Лапландія и русскіе лопари. Географ. и этнограф. очеркъ. Москва. 1903 г. Ц. 25 к.

Э. Шульце. Общедоступныя библіотеки, народныя библіотеки и читальни.

Ѳ. Булгаковъ. Сто шедевровъ искусства. Лучшія картины первоклас. художествъ. Спб. 1903 г.

Ев. Богрова. Персія и Персы. Москва. 1903 г. Ц. 20 к.

Ир. Скворцовъ. О воспитаніи и нравственности. Спб. 1903 г.

Г. Коварскій. Какъ защитить себя отъ заразныхъ болѣзней? Вильна. 1903 г. Ц. 25 к.

Э. Танонъ. Эволюція права и общественное сознаніе. Пер. А. Фитингофъ. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Н. Энгельгардтъ. Очеркъ исторіи русской цензуры въ связи съ развитіемъ печати (1703 — 1903). Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

В. Гагенъ. Безработица въ Германіи и мѣры борьбы съ нею (соц.-полит. этюдъ). Спб. 1904 г. Ц. 70 к.

А. Іонинъ. По Южной Америкѣ. Въ обр. для юношества. Е. Лазаревской. Спб. 1903 г. Ц. 3 р. 50 к.

И. Книжникъ. Смыслъ пьесы «На днѣ». Горькаго. Криминальные намеки въ пьесѣ «На днѣ». Одесса 1903 г. Ц. 20 к.

Ганзенъ. Пьянство излѣчиваемая болѣзнь. Пер. съ нѣм. Коровина. Москва. 1903 г. Ц. 20 к.

В. Кеннингемъ. Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія (средніе вѣка и новое вр.). Пер. съ анг. П. Канчаловскаго. Москва. 1903 г. Ц. 1 р. 40 к.

П. Стрѣльцовъ. О высшемъ учеб. заведеніи въ сѣв.-зап. краѣ. Витебскъ. 1903 г. Ц. 30 к.

Россія. Полн. геогр. описаніе нашего отечества. Подъ общ. руков. П. П. Семенова. Т. XVIII. Киргизскій край. Изд. Девріена. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Н. Вырубовъ. Задачи обществ. попеченія о душевно-больныхъ. Воронежъ. 1903 г.

Его же. Организація психіатр. помощи въ Воронеж. губ. въ связи съ вопросомъ о децентрализаціи ея. Воронежъ. 1903 г.

С. Гюнтеръ. Вѣкъ великихъ открытій. Пер. П. Ю. Шмидтъ. Изд. А. Девріена. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

И. Алибеговъ. Народное образованіе на Кавказѣ. Тифлисъ. 1903 г.

П. Лощиловъ. О профессіональномъ трудѣ волжскихъ грузчиковъ. Н.-Новгородъ. 1903 г. Ц. 25 к.

Э. Циммерманъ. Путешествіе вокругъ свѣта. 2-ое испр. и дополн. изд. Москва. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

П. Шмидтъ. Страна утренняго спокойствія. Корея и ея обиратели. Изд. Поповой. Спб. 1904 г. Ц. 40 к.

Эд. Страсбургеръ. Краткій практическій курсъ растительной гистологіи. Пер. съ 4-го нѣм. изд. В. Буткевича. Съ пред. К. Тимирязева. Москва. 1903 г. Ц. 3 р.

Г. Риккертъ. Границы естественно-научнаго образованія понятій. Логическое введеніе въ историч. науки. Пер. съ нѣм. А. Водена. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.

А. И. Даринскій. Семья у кавказскихъ горцевъ. Варшава. 1903 г.

Н. К. Помяловскій и Горькій (Критич. парал.). Спб. 1903 г. Ц. 15 к.

В. Литвиновъ-Фалинскій. Новый законъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабовъ. Изд. 2-я допол. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Э. Реклю. Исторія горы. Пер. Д. Коропчевскаго. Изд. В. Тихомірова. Москва. 1903 г. Ц. 50 к.

А. Гудванъ. Приказчики въ Одессѣ (Результаты спеціальнаго изслѣдованія). Одесса. 1903 г. Ц. 20 к.

Періодическая печать на Западѣ. Сборникъ статей. Изд. ред. журнала «Образованіе». Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. Глаголева. Государственный строй и политическія партіи въ Зап. Европѣ и Сѣв.-Амер. Соед. Штатахъ. Въ 4-хъ т. Редакц. Смирнова. 16 пор. и 4 рис. на отд. листахъ. Т. I. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к. Подп. цѣна 5 р. на 4 т.

Краинскій. Экономическія и техническія основы для орган. сред. и мелкихъ хозяйствъ. Ч. II. Черниговъ. 1903 г.

Фридманъ. Общество сельскихъ хозяевъ въ деревнѣ. Москва. 1903 г. Ц. 6 к.

Ѳ. Тищенко. Какъ учитъ писать гр. Л. Н. Толстой? Съ 6-ю новыми письмами Л. Н. Толстого о писательствѣ. Москва. 1903 г. Ц. 20 к.

В. Бинштокъ. Какъ охранять себя отъ заразныхъ болѣзней. Спб. 1904 г. Ц. 30 к.

З. Рагозина. Исторія Мидіи. Съ 90 рис. и картой. Спб. Изд. Маркса. 1903 г. 2 р. 50 к.

М. Комаровъ. Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. Одесса. 1903 г. Ц. 75 к.

Треплевъ. Молодое сознаніе. Этюдъ о Вл. Г. Короленко. Москва. 1904 г. Ц. 40 к.

Э. Вандервельде. Бѣгство изъ деревни и возвращеніе къ полямъ. Пер. съ фр. Д. Горшкова съ пред. проф. А. Фортунатова. Москва. 1904 г. Ц. 1 р.

Ф. Мартинъ. Три царства природы. Научно-популярное руководство по естествовѣдѣнію. Пер. съ нѣм. И. Эйзена, подъ ред. проф. А. Никольскаго. Съ раскраш. табл. и гравюр. въ текстѣ. Спб. 1904 г. Изд. Маркса. Ц. 8 р., въ перепл. 8 р. 75 к. Въ отд. 10 выпускахъ цѣн. по 80 к. за каждый, съ перес. по 1 р.

Э. Шмейль. Человѣкъ. Основы ученія о человѣкѣ и его здоровьи. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. Н. и В. В. Половцовыхъ. Спб. 1903 г. Ц. 50 к.

Линниченко. Высшее образованіе. Вступит. лекція на Жен. Педаг. Курсахъ въ Одессѣ.

Кабардинъ. Уставъ-образецъ для трудов. артелей. 3-ье изд. Спб. 1903 г. Ц. 20 к.

А. Шейнъ-Фогель. О происхожденіи славянскихъ полугласныхъ. Тифлисъ. 1903 г.

П. Шестаковъ. Образовательныя учрежденія и грамотность рабочихъ на ман-рѣ т-ства «Э. Циндель». Москва. 1904 г. Ц. 15 к.

Отчетъ тифлисской коммиссіи народн. чтеній за 1901—1902 г. и 1899—1900 г.

Отчетъ за 1902—1903 г. комиссіи по учрежденію въ г. Вѣрномъ об-ства ревнителей просвѣщенія.

Отчетъ по устройству народн. чтеній въ г. Тамбовѣ за 1902 г.

Отчетъ о дѣятельности комиссіи по составленію коллекцій тѣневыхъ картинъ за 1902 годъ.

Отчетъ. Варшавское 7-миклассное Коммерческое училище. Варшава. 1903 г.

Очеркъ. Къ 25-ти-лѣтію Глазовской женской гимназіи. 1876—1901 г. Вятка. 1903 г.

Статистическій сборникъ по Ярославской губ. Вып. XII. Яросл. 1903 г.

Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ за 1901 г. Вып. II. Спб. 1903 г.

Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. VII и вып. X. Спб. 1903 г.

Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губ. за 1902 г. Съ 6-ю картограммами. Полтава. 1903 г.

М. Острогорскій. Хронологія всеобщей и русской исторіи съ картами и рис. Пособіе и справочная книга при изученіи исторіи въ средн. учебн. заведеніяхъ. 3 выпуска: Древняя. средняя и новая исторія. 18-ое изд. исправл. и допол. Спб. 1903 г. Цѣна кажд. вып. 25 к.

Сборникъ литературно-художественный. Стихотворенія студентовъ Спб. университета подъ ред. Б. В. Никольскаго, съ иллюстр. студентовъ Имп. акад. худож. подъ ред. И. Е. Рѣпина. Спб. 1903 г.

Атласъ Маркса подъ ред. Э. Ю. Петри и Ю. М. Шокальскаго. 68 глав. и 148 дополн. картъ на 53 больш. двойныхъ таблицахъ in folio. Выход. въ 12 ежемѣс. выпускахъ. Вып. I. Спб. 1903 г.

Атласъ картинъ по русской исторіи. Вып. I. Картины испол. автотипіей по оригиналамъ художника А. Максимова. Изд. журнала «Дѣтскій Отдыхъ».

И. Божеряновъ и Н. Карповъ. Иллюстрированная исторія русскаго театра XIX вѣка. Вып. I. Т. I. Спб. 1903 г. Подпис. цѣна за 8 вып.—12 р., съ перес. 14 р., 1-й вып. для ознакомленія высыл. за 1 р.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Ireland under the English Rule» a Plea for the Plaintiff. By Thomas Addis Emmet. Two vols. 21 s. (*Putnam's Sons*) (*Ирландія подъ англійскимъ управленіемъ*). Книга издана въ защиту Ирландіи, но тѣмъ не менѣе авторъ ея старается быть безпристрастнымъ и, какъ указываетъ самое названіе книги, стремится доказать различіе между англійскимъ народомъ и англійскимъ правительствомъ, несправедливо поступающимъ съ Ирландіей. Свои доводы авторъ подкрѣпляетъ документальнымъ образомъ.

(Bookseller).

«Queer things about Japan» by Doüglas Sladen. Price 21 s. (*Anthony Treherne*) (*Смѣшныя вещи о Японіи*). Чрезвычайно занимательное описаніе различныхъ оригинальныхъ сторонъ японской жизни. Книга иллюстрирована японскими художниками и нѣкоторые изъ рисунковъ представляютъ точное воспроизведеніе красками снимковъ съ натуры.

(Bookseller).

«Asia and Europe» by Meredith Townsend. Price 5 s. (*Archibald Constable*) (*Азія и Европа*). Очень подробное изслѣдованіе отношеній между Азіей и Европой, къ которому приложенъ очеркъ, посвященный авторомъ положенію негритянскаго вопроса въ Америкѣ.

(Athacneum).

«Pompei, as it was and as it is» by Bagot Molesworth (*Skeffington*). *Price 25 s.* (*Помпея, какова она была и какова она есть*). Въ книгѣ заключается много цѣнныхъ свѣдѣній о жизни въ Помпеѣ въ прежнія времена. На основаніи тѣхъ указаній, которыя даютъ развалины, являющіяся безмолвными свидѣтелями былого великолѣпія, авторъ пытается представить картину жизни этого города. Не только люди, занимающіеся изученіемъ античнаго міра, но и вообще самый широкій кругъ образованныхъ читателей съ интересомъ прочтетъ эту книгу, снабженную притомъ прекрасными иллюстраціями, а для туристовъ она можетъ даже служить прекраснымъ руководителемъ среди развалинъ древняго города.

(Bookseller).

«The Founder of Mormonism» a psychological study of Joseph Smith, by J. Woodbridge Riley. With Portrait. Price 10 s. (*Heinemann*) (*Основатель мормонизма*). Мормонское ученіе давно уже служитъ предметомъ всеобщаго интереса и любопытства. Въ своемъ психологическомъ очеркѣ авторъ изслѣдуетъ жизнь и изучаетъ характеръ основателя этого ученія и тѣ побудительныя причины, которыя руководили его поступками, пытаясь такимъ образомъ представить въ истинномъ свѣтѣ секту христіанскихъ полигамистовъ и ихъ вождей.

(Athaeneum).

«A Social History of ancient Ireland» 2 vols. By P. W. Loyrce (*Gongmans and C⁰*) (*Соціальная исторія древней Ирландіи*). Книга изобилуетъ множествомъ интересныхъ свѣдѣній и фактовъ, при помощи которыхъ авторъ старается доказать, что древняя ирландская цивилизація превосходила ту, которая существовала въ Европѣ вплоть до X столѣтія, и что эта цивилизація была первобытнаго арійскаго происхожденія. Авторъ прекрасно изображаетъ древній соціальный бытъ Ирландіи.

(Bookseller).

«The Responsabilities of the Novelist» by Frank Norris (*Grant Bichardy*) (*Отвѣтственность беллетриста*). Въ книгѣ заключаются около тридцати коротенькихъ очерковъ, посвященныхъ разнымъ литературнымъ вопросамъ. Названія этихъ очерковъ, напр., «Истинная награда беллетриста», «Необходимость имѣть литературную совѣсть» и т. п., указываютъ на общую тенденцію автора, разсуждающаго объ отвѣтственности беллетриста, всегда имѣющаго передъ собою самую большую аудиторію, прислушивающуюся къ тому, что онъ говоритъ, и часто вѣрящую ему на слово.

(Athaeneum).

«Légendes de mort et d'amour» par M. Gaston-Routier. 1 vol. (*Dujarric*) (*Легенды смерти и любви*). Подъ такимъ заглавіемъ авторъ издалъ описаніе своего путешествія по Испаніи, во время котораго ему удалось собрать много легендъ, разсказанныхъ ему жителями Арагона и Андалузіи. Легенды эти большею часть но-

сятъ очень мрачный характеръ, особенно арагонскія легенды; это преимущественно легенды смерти, легенды же любви происходятъ изъ Андалузіи. Веселую ноту въ эти мрачные разсказы вносятъ очерки городовъ и изображеніе типовъ мѣстнаго населенія. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ носятъ даже юмористическій характеръ.

(Temps).

«Muslim Theology», Semitie Series, by Duncan B. Macdonald (*George Boutledge*) (*Мусульманская теологія*). Безъ знанія ислама трудно составить себѣ истинное понятіе о востокѣ и восточномъ вопросѣ, поэтому прекрасное изслѣдованіе автора исторіи мусульманской мысли и мусульманскаго законодательства, даетъ возможность глубже вникнуть въ душу восточныхъ народовъ и понять восточную проблему. Прежде всего авторъ старается разрушить ложное убѣжденіе, что исламъ пересталъ рости. Онъ доказываетъ, что исламъ представляетъ въ высшей степени живучій организмъ, который можетъ выдержать сравненіе съ христіанствомъ.

(Daily News).

«The Geography of Commerce» by Spenser Trotter. Price 5 s. (*Macmillan*) (*Географія торговли*). Авторъ дѣлаетъ попытку установить связь между физическою наукой и экономикой. Съ этой точки зрѣнія авторъ разсматриваетъ физическую географію и общественныя организаціи. Книга иллюстрирована.

(Daily News).

«Lebensgeschichte der Erde» von Willy Pastor (*Diederichs*). *Leipzig* (*Біографія земли*). Замѣчательная книга, которую должны прочесть съ огромнымъ интересомъ даже тѣ, кто совершенно не раздѣляетъ взглядовъ автора. Авторъ—послѣдователь идей Фехнера и Прейера, но онъ разсматриваетъ естественно-историческія проблемы, такъ сказать, съ художественной точки зрѣнія и съ большимъ искусствомъ проводитъ свои идеи въ такую область, которая касается великаго вопроса о происхожденіи органической жизни и развитія богатствъ и производительныхъ силъ нашей планеты.

(Francfurt. Zeit.).

«Der rechte Weg ins Leben oder die Neue Ethik» von Otto Spielberg (*Pierson*) (*Правильный путь въ жизни или новая этика*). Въ своей этикѣ авторъ обнаруживаетъ какъ будто нѣкоторую склонность къ философіи Ницше, но тѣмъ не менѣе возвращается все-таки на путь моралистовъ хотя проповѣдь его свободна отъ предразсудковъ и нетерпимости. Онъ говоритъ, что истинная религія должна заключаться въ томъ, чтобы «жить и давать жить другимъ».

(Berliner Tag.).

«Die sociale Frage im Lichte der Philosophie» von prof. Ludwig Stein. Stuttgart. Zweite Auflage (*Ferd. Enke*) (*Соціальный вопросъ въ философскомъ освѣщеніи*). Книга разсчитана на широкій кругъ читателей, такъ какъ философскія и соціальныя идеи изложены авторомъ въ популярной формѣ. Авторъ старается подвести подъ общую точку зрѣнія всѣ главные отдѣлы соціологіи и соціальной науки.

(Francfurt. Zeit).

«Kultur und Presse» von D-r Emil Löbls (*Duncker und Humblat*). *Leipzig* (*Культура и печать*). Книга представляетъ первую попытку систематической обработки богатаго матеріала современнаго журнализма. Авторъ изслѣдуетъ положеніе печати въ современномъ общественномъ организмѣ, причемъ высказываетъ весьма оригинальные взгляды. Въ печати онъ видитъ Habeas Corpus человѣческаго духа, обезпечивающаго полную свободу всѣмъ умственнымъ, политическимъ и соціальнымъ стремленіямъ человѣчества. Въ давно прошедшія времена заблужденія существовали цѣлыя столѣтія, пока, наконецъ, книги не уничтожили ихъ. Но благодаря періодической печати весь эволюціонный процессъ человѣчества совершается гораздо быстрѣе и печать уже отстранила много золъ, хотя и принесла въ то же время нѣкоторый вредъ, вслѣдствіе своей способности все нивеллировать. Самую интересную и самую блестящую часть книги составляетъ та, въ которой авторъ говоритъ о взаимныхъ отношеніяхъ печати и общественнаго мнѣнія.

(Berliner Tag.).

«Vers la paix» par M. E. Duplessix 1 vol (*Guillaumin et Co*) (*Къ миру*). Въ этой маленькой книгѣ авторъ резюмируетъ стремленія народовъ къ миру и излагаетъ программу, которая можетъ способствовать достиженію ими желаемыхъ результатовъ. Въ предисловіи авторъ дѣлаетъ историческій обзоръ развитія идеи третейскаго суда и подвергаетъ подробному анализу тѣ способы, которые могли бы ускорить разоруженіе и содѣйствовать укрѣпленію идеи третейскаго суда.

(Journal des Débats).

«Zur Jüngsten deutschen Vergangenheit» von M. Lamprecht (*Heyfelder*) (*Недавнее прошлое Германіи*). Авторъ этой книги, профессоръ лейпцигскаго университета, написавшій очень пространную исторію Германіи, описываетъ современную эволюцію своего отечества и изслѣдуетъ причины того глубокаго антагонизма, который возникъ между Вильгельмомъ II и Бисмаркомъ. Эти причины онъ отыскиваетъ, главнымъ образомъ въ глубокой разницѣ характеровъ обоихъ лицъ, такъ что изслѣдованіе канфликта между императоромъ и же-

лѣзнымъ канцлеромъ, такъ сильно волновавшаго въ свое время современную Германію, въ сущности является изслѣдованіемъ проблемы политической психологіи. По словамъ автора, Бисмаркъ былъ воплощеніемъ натурализма и реализма, восторжествовавшаго во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка во всѣхъ областяхъ германской жизни. Но въ 1890 г. началась реакція, и Германія вернулась къ идеализму, воплощеніемъ котораго авторъ считаетъ Вильгельма II. Такимъ образомъ императоръ и его канцлеръ «говорили на разныхъ языкахъ» и столкновеніе между ними было неизбѣжно.

(Berlin. Tag.).

«*Histoire des classes ouvrières et de l'Industrie en France de 1783 à 1870*» (*tome I·re*) *par E. Levasseur*, *membre de l'Institut* (*Arthur Rousseau*) (*Исторія рабочихъ классовъ и промышленности во Франціи съ 1783 по 1870 г.*) Это вторая часть чрезвычайно цѣннаго изслѣдованія, представляющаго настоящую исторію промышленнаго труда во Франціи, начиная отъ покоренія Галліи Цеваремъ до нашихъ дней. Первая часть доходитъ до эпохи революціи, которая разсматривается во второмъ только что вышедшемъ томѣ, обнимающемъ сравнительно короткій, но богатый переворотами періодъ французской исторіи.

(Journal des Débats).

«*Durch die Urwälder Südamerikas*» *von Albert Perl. Mit 60 Jllustrationen im Text und einer Karte* (*Verlag von Dietrich Beimer*). *Berlin* (*По дѣвственнымъ лѣсамъ Южной Америки*). Авторъ этой книги былъ посланъ по дѣламъ одной торговой фирмы въ Боливію и долгое время проживалъ въ кордилльерскихъ горахъ. Затѣмъ онъ отправился въ область Амазонки и часто, съ опасностью для жизни, путешествовалъ по нѣкоторымъ, до сихъ поръ почти неизвѣстнымъ притокамъ этой рѣки, проѣзжая ихъ на утломъ челнокѣ или же пробираясь по тропинкамъ дѣвственнаго лѣса. Обладая большимъ даромъ наблюдательности и пониманіемъ природы, авторъ даетъ въ своей книгѣ прекрасное описаніе красотъ первобытной дѣвственной природы. Само собою разумѣется, что путешествіе, при такихъ условіяхъ, должно было изобиловать разнаго рода приключеніями и разсказъ объ этихъ приключеніяхъ въ значительной мѣрѣ увеличиваетъ интересъ книги.

(Berliner Tag.).

«*Clémbs and Exploration in the Canadian Rockies*» *by Hugh E. M. Stutfield an I. Norman Collie* (*Longman*) (*Восхожденіе на скалистыя горы Канады и изслѣдованіе ихъ*). Очень интересная книга, описывающая странствованія по Скалистымъ горамъ и знакомящая читателя съ горною природой и ея красотами, а также съ опасностями, которыя приходится преодолѣвать горнымъ туристамъ.

(Daily News).

«*La Conquête du Pôle*». *Histoire des Missions arctiques depuis les temps les plus reculés* jusqu'à *nos jours, par M. Charles Benard, Jllustré de 190 gravure. Prix 20 fr.* (*Librairie Hachette*) (*Завоеваніе полюса*). Описанія экспедицій къ сѣверному полюсу всегда полны драматизма. Опасности и трудности, съ которыми сопряжены полярныя путешествія, требуютъ отъ изслѣдователей огромнаго мужества, самоотверженія и выносливости, поэтому разсказы о подвигахъ полярныхъ героевъ всегда читаются съ животрепещущимъ интересомъ. Авторъ поставилъ себѣ задачей резюмировать всѣ наиболѣе замѣчательныя экспедиціи къ сѣверному полюсу, вплоть до самыхъ послѣднихъ путешествій и безумно смѣлой попытки безслѣдно исчезнувшаго воздухоплавателя Андре. Читатель можетъ прослѣдить шагъ за шагомъ, какъ постепенно расширялась область полярныхъ изслѣдованій и совершенствовались ихъ способы. Превосходныя иллюстраціи, изображенія типовъ, сценъ, полярныхъ пейзажей, служатъ очень хорошимъ дополненіемъ къ тексту.

(Journal des Débats).

«*La Route de L'Jnde*» *par E. Gekénin. Prix 8 fr.* (*Librairie Hachette*) (*Дорога въ Индію*). Прекрасно написанная исторія героическихъ усилій европейцевъ, стремившихся водвориться въ Индіи, соблазнявшей ихъ своими сказочными богатствами.

(Journal des Débats).

«*La Renaissance catholique en Angleterre au dix-neuvième siècle*» *par Thureau Dangin* (*Plon, Nourrit et Co*) (*Возрожденіе католицизма въ Англіи въ IX-мъ вѣкѣ*). Авторъ изслѣдуетъ то вліяніе, которое имѣютъ религіозныя идеи въ жизни англійскаго народа, что объясняется складомъ и особенностями національнаго характера и темперамента. Ни одно интеллектуальное, литературное, философское или политическое теченіе не могло бы взволновать англійскую націю, если бы ему не предшествовало и не сопровождало его религіозное движеніе. Въ своей книгѣ авторъ изучаетъ современное католическое движеніе въ Англіи, которое находится въ связи съ литературнымъ романтизмомъ.

(Journal des Débats).

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова.** Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ.**

Годъ XIII-й. **№ 2-й.**

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ФЕВРАЛЬ.

1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28-го января 1904 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫИ.

стр.

1. ТЕОДОРЪ МОММЗЕНЪ (1817—1903 г.). **М. Ростовцева.** 1
2. ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. (Годы 1850—1851). (Продолженіе). **Д. Ахшарумова** 13
3. СТИХОТВОРЕНІЕ. УТРО. **А. Лукьянова** 42
4. ДУНЕЧКА. Разсказъ. **Ольги Шапиръ** 43
5. НА КРАЙНІЙ СѢВЕРЪ. (Изъ русской полярной экспедиціи барона Э. В. Толля). Часть 2-я (Продолженіе). **В. Н. Катинъ-Ярцева** 90
6. ПОТОКЪ. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. **Макса Гальбе.** Перев. съ нѣмецкаго **Д. Борисова** и **М. Григорьева** . . 111
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. ЭПИЛОГЪ. **Ив. Тхоржевскаго** 173
8. ИСТОРИЧЕСКІЕ МОТИВЫ ВЪ СТИХОТВОРЕНІЯХЪ ГР. А. К. ТОЛСТОГО. **Н. Котляревскаго** 174
9. ЗА ОКЕАНОМЪ. Повѣсть изъ жизни русскихъ въ Америкѣ. (Продолженіе). **Тана** 196
10. ИРЛАНДІЯ ОТЪ ВОЗСТАНІЯ 1798 ГОДА ДО АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ НЫНѢШНЯГО МИНИСТЕРСТВА. (Продолженіе). **Евг. Тарле** 235
11. ТРУДЪ. Романъ **Ильзы Фрапанъ.** Переводъ съ нѣмецкаго **Э. Пименовой.** (Продолженіе) 258
12. ОБЪ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ И ИНДИВИДУАЛИЗМѢ. **В. Агафонова** 282
13. СТИХОТВОРЕНІЕ. ЗАКАТЪ. **Г. Галиной** 298

ОТДѢЛЪ ВТОРОИ.

14. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Очерки исторіи русской цензуры въ связи съ развитіемъ печати» Н. Энгельгардта.—«Самобытный» взглядъ «аристократа духа» на «пользу» цензуры, или «задачи просвѣщенной цензуры».—Въ защиту культуры и интеллигенціи, по поводу книги «Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи» Н. М. Соколова. **А. Б.** 1
15. БАРОНЪ Э. В. ТОЛЬ. (Къ послѣднимъ извѣстіямъ о розыскахъ, произведенныхъ лейт. Колчакомъ). **В. К.** 10
16. ЖИВАЯ ВѢРА. *Г. Т. Хохловъ.* Путешествіе уральскихъ казаковъ въ «Бѣловодское царство», съ предисловіемъ *В. Г.*

стр.

Короленко. Записки Императорскаго русскаго географическаго Общества, по отдѣленію этнографіи. Спб. 1903.—*А. Агаевъ.* «Горькій и мусульманство». Баку. 1903. **Ѳ. Батюшкова** . . 15

17. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Два съѣзда.—В. Д. Брайанъ у Л. Н. Толстого.—Въ смоленскомъ земствѣ.—Среди нижегородскихъ земцевъ.—Высшіе женскіе курсы въ Казани.—Необыкновенная больничная исторія въ Севастополѣ.—Вопросъ о печати въ харьковской думѣ.—«Знамя» въ Харьковской библіотекѣ.—За мѣсяцъ 22
18. † ДМИТРІЙ АНДРЕЕВИЧЪ КОРОПЧЕВСКІЙ. (Некрологъ). **Н. Могилянскаго** 38
19. ИЗЪ ОБЛАСТИ БЛАГИХЪ ПОЖЕЛАНІЙ. (3-й съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію). **Л. Клейнборта** 42
20. **Изъ русскихъ журналовъ.** («Русская Старина»—январь. «Историческій Вѣстникъ»—январь. «Русское Богатство»—декабрь. «Образованіе»—декабрь) 52
21. **За границей.** Въ Англіи.—Южноафриканскія затрудненія.—Германскія общественныя дѣла.—Гербертъ Спенсеръ и японскій прогрессъ.—Русско-японскій конфликтъ.—Двѣ зимы въ южнополярныхъ льдахъ.—Государство будущаго 62
22. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** Патріотизмъ и любовь къ человѣчеству.—Японскій путешественникъ въ Тибетѣ.—Японія и Россія 74
23. НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. АСТРОНОМІЯ ВЪ 1903 ГОДУ. **К. Покровскаго** 79
24. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ.» Содержаніе: Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Исторія всеобщая и русская.—Соціологія и политическая экономія.—Естествознаніе, географія и антропологія.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію 95
25. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 128

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

26. ІЕНА ИЛИ СЕДАНЪ? Романъ **Адама фонъ-Бейерлейна.** Переводъ съ нѣмецкаго **Т. Богдановичъ** 33
27. ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ И ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ. Со мног. рис. въ текстѣ. Составлено по Лекорню, Линке, Поморцеву, Тисандье и др. Подъ редакціей **В. К. Агафонова** 29

ТЕОДОРЪ МОММЗЕНЪ.

(1817—1903 г.).

Говорить о Моммзенѣ—значитъ говорить о судьбахъ изученія античности за послѣднія три четверти вѣка въ Германіи, въ той странѣ, которая была въ концѣ XVIII-го и въ XIX-мъ вв. носительницей такъ называемаго германскаго возрожденія, не менѣе плодотворнаго въ своихъ результатахъ, чѣмъ то, носительницами котораго были Италія и Франція. Одной изъ основныхъ частей этого возрожденія было болѣе глубокое и болѣе полное пониманіе античности: Востока, Греціи и Рима, т.-е. тѣхъ сѣмянъ, изъ которыхъ выросъ могучій лѣсъ современной культуры, понимая подъ этимъ словомъ и государственность, и соціальный строй, и науку, и нравственность. Это пониманіе въ свою очередь открываетъ намъ глаза на самихъ себя и на современность, сталкиваетъ насъ съ основами и элементами нашего бытія, съ тѣми эмбріанами, изъ которыхъ выросло наше внутреннее я, даетъ стройный и прозрачный набросокъ тѣхъ устоевъ и идей, на которыхъ покоится современность, или лучше—даетъ намъ контуры той богатой формами и красками картины, которая ежедневно частями проходитъ передъ нами и носитъ имя эволюціи современности. Только зная, какъ и почему входили элементы и идеи античности въ современность, какъ перерабатывалъ и впитывалъ ихъ нашъ міръ, какъ постепенно или внезапно выдѣлялись одни и отходили на задній планъ другія, и съ другой стороны, зная, какъ постепенно научались мы улавливать эти идеи въ нашемъ преданіи объ античномъ мірѣ, только зная это, мы въ правѣ будемъ сказать, что дѣйствительно идемъ къ пониманію современности совершенно также, какъ только зная и понимая жизнь протоплазмы мы въ правѣ говорить объ организмахъ и законахъ ихъ бытія.

Правда, Моммзенъ занимался спеціально только одной эпохой въ жизни античности и однимъ изъ античныхъ государственныхъ образованій—Римомъ, но его геній царилъ и въ другихъ ея областяхъ, его методы находили себѣ примѣненіе и въ области изученія греческаго міра, его энергія руководила рядомъ научныхъ предпріятій, выходившихъ за предѣлы его спеціальности. Онъ являлся лучшимъ доказательствомъ единства античнаго міра, соединяя въ своемъ научномъ синтезѣ явленія эллинства и романизма въ ихъ взаимодѣйствіи на пути созданія античной культуры.

Центромъ жизни Моммзена всегда была научная дѣятельность, ею онъ главнымъ образомъ воодушевлялся, она руководила имъ въ его взглядахъ и міровоззрѣніи; говорить о Моммзенѣ значитъ прежде всего говорить о полной, богатой и многосторонней научной жизни, значитъ говорить о самой наукѣ въ ея поступательномъ движеніи.

Но, говоря о Моммзенѣ, все-таки нельзя говорить только о наукѣ и только о далекомъ прошломъ. Значительной частью своего бытія Моммзенъ стоялъ въ руслѣ современнаго движенія, какъ общественный дѣятель и работникъ первостепеннаго значенія. То, что онъ узналъ, изучая корни современности въ антикѣ, онъ не хранилъ про себя и не сообщалъ въ видѣ теоретическихъ построеній, а стремился приложить къ окружавшей его жизни, желая направить ее туда, куда звали ее по его мнѣнію законы міровой эволюціи.

Моммзенъ былъ дѣтищемъ того бурнаго періода въ жизни германства, когда оно сбрасывало съ себя цѣпи абсолютизма путемъ революцій и дѣятельной ежедневной оппозиціонной работы, и онъ навсегда остался противникомъ абсолютизма и борцомъ противъ него, опредѣленнымъ сторонникомъ демократіи въ формахъ народнаго представительства. Эту тенденцію проявлялъ онъ и въ своей парламентской дѣятельности и еще сильнѣе въ первый періодъ своей жизни, когда благодаря борьбѣ съ абсолютизмомъ онъ временно принужденъ былъ покинуть каѳедру на родинѣ и искать пріюта и мѣста для дѣятельности въ Швейцаріи. Эта тенденція сквозитъ и въ его произведеніяхъ, главнымъ образомъ, въ наиболѣе индивидуальномъ и художественномъ изъ нихъ—въ его римской исторіи.

Не менѣе тѣсно связанъ былъ Моммзенъ и съ другой идеей эпохи созданія великой Германіи, съ идеей необходимости созданія единаго національнаго германскаго государства, которое должно было сдѣлаться, въ представленіяхъ создававшихъ его, носителемъ великой германской культуры, именно германской, а не нѣмецкой, такъ какъ Моммзенъ, по крайней мѣрѣ, ни на минуту не исключалъ изъ великой Германіи будущаго равноправной англо-саксонской сестры. Эта идея великой германской культуры и государства, созданная германствомъ эпохи борьбы за государство и культуру, сдѣлала Моммзена, если хотите, націоналистомъ и закрыла ему глаза на возможность смѣны германства другой націей и на призракъ далекаго будущаго—единое денаціонализованное культурное человѣчество. Романскія націи отжили, славянство—для Моммзена, ученаго по преимуществу,—не внесло въ міровую науку новаго творческаго элемента, и Моммзенъ, воспитанный на крови и желѣзѣ Рима и Германіи, не видѣлъ всего ужаса примѣненія ихъ къ устраненію препятствій съ дороги, по которой побѣдоносно двигалась культурная Германія.

Но націоналистомъ узкимъ и близорукимъ Моммзенъ никогда не былъ, и политика постояннаго насилія была ему глубоко антипатична. Не даромъ онъ, будучи депутатомъ въ рейхстагѣ, упорно боролся съ Бисмаркомъ, и не одна смѣлая и прямая рѣчь его открыто осуждала политику желѣзнаго канцлера; не даромъ въ моменты разгара антисемитизма онъ, лучшіе ученики котораго принадлежали еврейской національности, открыто выступалъ въ бесѣдахъ и брошюрахъ противъ враговъ еврейства, не только осуждая ихъ политику насилія, но и высказываясь за необходимость и желательность сліянія элемента арійскаго съ семитическимъ.

Вездѣ передъ нимъ прежде всего стоялъ культурный идеалъ, всегда онъ боролся и ратовалъ за свободу—свободу гражданства, свободу мысли, свободу слова и пера, рѣзца и кисти. Уже маститымъ старцемъ поднялся онъ на защиту этихъ идеаловъ, когда имъ грозила опасность отъ повышенной стыдливости нѣкоторыхъ вліятельнѣйшихъ руководителей германской политики.

Политическая дѣятельность Моммзена, которой мы должны были коснуться, желая возсоздать образъ Моммзена, какъ человѣка, а не только какъ научнаго фактора, стояла, однако, какъ было сказано, далеко не въ центрѣ его дѣятельнности. Не центромъ была для него и другая форма общественнаго служенія—передача знаній съ профессорской каѳедры: учениковъ у него было много, слушать его съѣзжались со всей Германіи, болѣе—со всего культурнаго міра, лекціи его и въ особенности практическія занятія были полны обаятельности, но не онѣ все-таки были главнымъ стимуломъ его жизни. Болѣе дома чувствовалъ онъ себя, насколько я могу судить по бесѣдамъ съ его друзьями и учениками, въ академіи, чѣмъ въ университетѣ, за своимъ письменнымъ столомъ или среди камней и монетъ музеевъ, чѣмъ на каѳедрѣ. Наука и научный прогрессъ захватывали его цѣликомъ и приковывали десятками часовъ къ книгамъ, памятникамъ, перу и бумагѣ. Характеристика Моммзена должна поэтому исходить изъ его научной дѣятельности и къ ней же возвращаться. Исчерпывающей она, однако, быть не можетъ, такъ какъ неисчерпаемъ запасъ научныхъ идей и новыхъ точекъ зрѣнія, неисчерпаема и неуловима подчасъ тонкость и сила его научнаго анализа, безконечно разнообразіе его комбинаторскаго таланта. То, что здѣсь будетъ сказано, заранѣе обречено въ силу этого быть лишь намекомъ на характеристику безъ всякой претензіи ни на внутреннюю, ни на внѣшнюю полноту.

По образованію Моммзенъ былъ юристомъ, юристомъ той школы, которая сблизила юриспруденцію съ исторіей, примѣнивъ къ ней историческій методъ. Основателемъ этой школы былъ Savigny и по его пути пошелъ съ первыхъ шаговъ и Моммзенъ. Изученіе римскаго гражданскаго права—основы права всѣхъ почти современныхъ державъ—было и осталось главнымъ объектомъ изученія ученыхъ юристовъ: въ этой области работали крупнѣйшіе изъ плеяды юристовъ исторической школы (въ области римскаго права) и самъ Savigny, и Пухта, и Рудорфъ, и Пернисъ, и Митуейсъ. Область права государственнаго и даже уголовнаго издавна находилась въ вѣдѣніи историковъ, филологовъ и антикваровъ. Острота и точность юридическаго анализа, глубина и прозрачность опредѣленій и терминологіи, систематизація явленій подъ опредѣленныя юридическія понятія — все это было достояніемъ юристовъ и гражданскаго Права Рима, и всего этого не было среди филологовъ и антикваровъ, создававшихъ изъ обломковъ государственное и отчасти уголовное право римской республики и имперіи. А между тѣмъ эта точность и прозрачность были настоятельно необходимы для пониманія основъ римскаго государственнаго строя, безъ чего Римъ и его міровая задача оставались почти полной загадкой, оставалось загадкой, какъ и почему Римъ объединилъ около себя міръ, какъ и почему на развалинахъ и основахъ римской государственности выросли и развились новыя государственныя образованія западной Европы. Необходима была такая же точная система римскаго государственнаго права, какая создана была и создавалась для права гражданскаго. Дѣло созданія такой системы было, однако, безконечно сложно и трудно. Для гражданскаго права существовалъ разнообразный юридическій матеріалъ, уже приведенный въ систему римскими юристами съ ихъ удивительной точностью и полнотою, ничего подобнаго государственное право не имѣло, матеріалъ приходилось собирать отовсюду по отдѣльнымъ крупинкамъ, искать его тамъ, гдѣ на первый взглядъ его и быть не могло. Въ гражданскомъ правѣ существовала благодаря усиліямъ и римскихъ юристовъ, и ученыхъ новѣйшаго времени опредѣленная строгая терминологія—для государственнаго права ее надо было еще создать. Гражданское право, хотя и стоитъ въ тѣснѣйшей связи со всѣмъ укладомъ соціальной, экономической и государственной жизни, эволюціонируя вмѣстѣ съ ними, все же изучалось и можетъ изучаться и чисто теоретическимъ путемъ, и изученіе это можетъ быть полезнымъ и плодотворнымъ для выработки основныхъ гражданско-правовыхъ понятій — государственное право такъ тѣсно связано съ исторіей государства—политической, соціальной, экономической и культурной—что теоретическое изученіе его немыслимо.

Несмотря на указанную колоссальную трудность заданія, Моммзенъ, пройдя строгую юридическую школу и одновременно съ этимъ школу филолого-антикварную, берется за ея разрѣшеніе. Съ первыхъ шаговъ его дѣятельности, какъ можно видѣть по содержанію его первыхъ работъ, она направляется на разработку отдѣльныхъ государственно-правовыхъ вопросовъ.

Но уже первые шаги показали, что для успѣшнаго разрѣшенія великой задачи нужно многое и многое. Нужно было прежде всего собрать, провѣрить и очистить отъ сора вѣковъ матеріалъ, и притомъ матеріалъ не только государственно-правовой, но и историческій. Съ первыхъ моментовъ ясно было, что, только прослѣдивъ шагъ за шагомъ за эволюціей римскаго государства и римскаго общества, можно будетъ думать о созданіи системы и выдѣленіи основъ римскаго государственнаго права: надо было создать исторію Рима, т.-е. пересоздать то, что было сдѣлано, но съ новыхъ точекъ зрѣнія и на основаніи новаго матеріала.

Тотъ, кому когда-либо приходилось имѣть дѣло съ историческими построеніями, знаетъ, что, какъ ни велика геніальность строящаго, постройка, возведенная имъ, рискуетъ остаться воздушнымъ замкомъ, если она не стоитъ на прочномъ фундаментѣ достовѣрнаго и критически провѣреннаго матеріала. Мало того, самая солидная на первый взглядъ постройка, если только окажется, что два три основныхъ камня въ ней не твердый гранитъ, а легко вывѣтривающійся песчаникъ, или что ключевые камни сводовъ обладаютъ внутреннимъ недостаткомъ, лопаются и разсыпаются, неминуемо должна рушиться и погибнуть. То же и въ исторіи: первымъ дѣломъ историка является собрать возможно большее количество матеріала, вторымъ—разсортировать его по степени достовѣрности въ зависимости отъ времени возникновенія и большей или меньшей документальности, третьимъ—подвергнуть каждый фактъ ряду строжайшихъ критическихъ опытовъ, и только тогда начинается сопоставленіе однороднаго, созданіе общихъ схемъ эволюціи и какъ отдаленная и наиболѣе трудно достижимая цѣль,—выдѣленіе законовъ историческаго развитія. Не мѣняется дѣло и тогда, когда изслѣдователь идетъ обратнымъ путемъ, создавая на основаніи небольшого запаса извѣстныхъ ему фактовъ общее построеніе. Только тогда имъ можно будетъ пользоваться, когда оно будетъ провѣрено указаннымъ путемъ, т.-е. собраніемъ, сортировкой и критической повѣркой матеріала.

Намѣченные принципы критицизма впервые выработаны были въ области изученія римской исторіи; создателемъ ихъ является величайшій критико-историческій умъ начала XIX в.—Нибуръ. Отъ него изъ области римской исторіи критицизмъ разлился широкой волною по всѣмъ областямъ историческаго знанія и сдѣлался его незыблемымъ принципомъ. Всецѣло стоялъ на точкѣ зрѣнія Нибура и Моммзенъ.

Итакъ первымъ требованіемъ, которое Моммзенъ себѣ поставилъ, было тщательное собираніе и провѣрка матеріала. Такъ какъ матеріаломъ для историка служатъ преимущественно тексты литературные и документальные, то требовалось и тщательнѣйшее изученіе языка или языковъ, на которыхъ эти тексты написаны.

Вторымъ отправнымъ пунктомъ—и въ этомъ дорогу показалъ

Нибуръ—было изучать Римъ не въ его изоляцiи, а въ тѣсной связи со всей Италiей, которая дала мощь его государственности, и странами эллинскаго востока, которыя создали его культуру.

Въ этихъ рамкахъ Моммзенъ и принялся за собиранiе и провѣрку матерiала. Одна часть этого матерiала—литературная—была болѣе или менѣе обработана и использована: большинство произведенiй римскихъ историковъ было издано, многiя оцѣнены критически; новыхъ путей пролагать было нечего, надо было идти по торной, хотя и трудной дорогѣ выдѣленiя первоисточниковъ литературныхъ и документальныхъ и оцѣнки ихъ.

Иначе обстояло дѣло въ области матерiала документальнаго, цѣнность котораго въ римской исторiи впервые была въ надлежащей мѣрѣ понята и выяснена Моммзеномъ по почину великаго итальянскаго ученаго маркиза Боргези. Документальный матерiалъ по исторiи Рима и Италiи хранится не въ архивахъ и библiотекахъ, а въ музеяхъ и руинахъ древнихъ городовъ; это по большей части не бумажные и пергаментные оригиналы и рукописныя копiи документовъ разнообразнаго характера, начиная отъ закона и кончая купчей крѣпостью, а мраморныя плиты и бронзовыя доски, на которыхъ публиковались во всеобщее свѣдѣнiе тѣ документы, которые теперь лежатъ въ архивахъ и публикуются при посредствѣ книгъ и газетъ; это такъ называемыя *надписи*.

«Каменный архивъ» древняго мiра, начиная отъ востока и кончая Италiей и Римомъ, издавна интересовалъ и внимательныхъ путешественниковъ, и пытливыхъ любителей и знатоковъ старины. Со времени итальянскаго возрожденiя, когда все античное прiобрѣло въ глазахъ тогдашняго человѣчества такую огромную цѣнность, и эти мраморы и бронзы, покрытые буквами и словами, дававшими связные тексты, гдѣ жители итальянскихъ городовъ въ своемъ городскомъ патрiотизмѣ искали и находили связь между собой и своими предками, гражданами могучаго Рима, сдѣлались предметомъ общаго вниманiя и собиранiя, ихъ читали, списывали, собирали въ сборники безъ провѣрки и критики, какъ попало, вычитывали изъ нихъ то, что хотѣлось вычитывать путемъ искаженiй и добавленiй, а если и этому упрямые камни не поддавались, фальсифицировали документы и на камнѣ, и на бумагѣ, указывая въ послѣднемъ случаѣ на фантастическiя бронзы и мраморныя доски, съ которыхъ яко бы списанъ документъ.

Въ такомъ видѣ находился каменный и бронзовый архивъ Грецiи, Италiи и Рима впродолженiи болѣе 4-хъ вѣковъ, и можно себѣ представить, что это были за Авгiевы конюшни. Провѣрка архива была крайне трудна. Камни лежали повсюду: ими украшали стѣны дворцовъ и сельскихъ хижинъ, грудами валялись они на дворахъ и поляхъ, многое было уничтожено—пошло на грандiозныя постройки ренессана или въ печи для известки средневѣковья и возрожденiя. Въ лучшемъ случаѣ камни спали мирнымъ сномъ въ такъ называемыхъ музеяхъ, въ дворцахъ и виллахъ знати, монастырей и церквей и всѣхъ городовъ Италіи, начиная отъ Рима и Флоренціи и кончая какимъ-нибудь Vico Equense.

А между тѣмъ какія сокровища хранилъ этотъ архивъ! Тутъ были и памятники прошлаго отдѣльныхъ италійскихъ общинъ на ихъ языкахъ: этрусскомъ, осскомъ, умбрскомъ, фалисскомъ и т. д., ихъ законы свѣтскіе и духовные, ихъ календари, ихъ договоры. Но преобладалъ, конечно, Римъ и латинскій языкъ. Начиная съ VI в. до Р. X., постепенно увеличиваясь въ числѣ и разнообразіи, двигаются ряды законовъ, магистратскихъ распоряженій, совѣтовъ, которые давалъ сенатъ магистратамъ, религіозно-сакральныхъ предписаній, календарей, хроникъ, уставовъ тѣхъ или другихъ соціальныхъ группъ, ихъ постановленій, ихъ петицій, почетныхъ декретовъ тому или другому государственному дѣятелю и т. д., и т. д.

Такое богатство матеріала не было и не могло быть использовано тѣми, кто искалъ и полноты, и достовѣрности: характеръ случайности, недостатокъ аналогій для первичнаго даже объясненія и вѣчное сомнѣніе въ подлинности лишали матеріалъ половины его значенія. Необходима была, и настоятельно, провѣрка, не менѣе необходимо было и методическое собираніе. Задача была колоссальной трудности.

Надо было: 1) собрать и списать всѣ оригиналы, гдѣ бы они ни были, 2) отдѣлить настоящее отъ поддѣльнаго, 3) объѣздить и изучить всѣ библіотеки и отыскать въ нихъ старыя копіи, 4) сличить эти копіи съ оригиналами, 5) выбросить фальсификаціи и искаженія. Только тогда можно было сгрупировать матеріалъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ, для чего опять таки необходимо было установить историческую географію Италіи. И, наконецъ, только послѣ этого можно и должно было опредѣлить время, установить содержаніе и опредѣлить значеніе документа. И только тогда можно было приступить къ конструкціи на основаніи матеріала, вводя его въ общее зданіе исторической эволюціи.

Моммзенъ не испугался колоссальности задачи. Чтобы сказать новое слово, нуженъ былъ новый матеріалъ. Для исторіи Рима, гдѣ все такъ темно и такъ спорно, каждая документальная крупинка была крупинкой чистаго золота, сравненіе съ которой ярко показывало и то, чего мы не знаемъ, и то, какъ мало мы знаемъ якобы установленное и достовѣрное.

Юношей еще взялся Моммзенъ за дѣло, сначала одинъ, затѣмъ съ нѣсколькими друзьми, наконецъ, съ фалангой учениковъ, и къ году его смерти весь матеріалъ былъ собранъ. Въ 30 съ лишнимъ огромныхъ томахъ in folio лежатъ передъ нами критически провѣренные и сведенные матеріалы, болѣе 100.000 документовъ самаго разнообразнаго характера.

Съ этимъ матеріаломъ въ рукахъ впервые явилась возможность говорить не только о политической, но и объ экономической и соціальной исторіи Рима, заполняя ее не гаданіями и фантазіей, а строгими и точными данными. Являлась надежда на то, что можетъ быть когда нибудь можно будетъ приступить и къ Риму съ тѣмъ методомъ который далъ и обѣщаетъ дать столько крупнаго и хорошаго въ изученіи современности—съ методомъ статистическимъ.

Но надписи не поглотили Моммзена даже какъ собирателя и первоизслѣдователя матеріала. Въ библіотекахъ рылся онъ, не только отыскивая старыя копіи съ надписей, въ музеяхъ искалъ онъ не однихъ камней. Не одинъ документъ поздняго времени важный для исторіи эпохи паденія римской имперіи, не одна серія рукописей, дававшая вмѣсто полуфантастическаго провѣренный текстъ, прошла черезъ руки геніальнаго изслѣдователя, и результатомъ было появленіе критическаго твердо обоснованнаго текста нашихъ юридическихъ источниковъ, источниковъ, иллюстрирующихъ аграрную эволюцію, и ряда источниковъ чисто историческихъ.

Въ музеяхъ вниманіе Моммзена привлекали послѣ надписей прежде всего—монеты, этотъ важнѣйшій показатель экономической жизни того народа, которому онѣ принадлежатъ, это средство, которое впервые создало возможность мірового обмѣна и міровой торговли, этотъ свидѣтель политическаго роста государства въ ущербъ другимъ ранѣе самостоятельнымъ, это отраженіе—въ надписяхъ и изображеніяхъ—политической исторіи народа, его религіи, его легендарнаго прошлаго, его художественнаго умѣнья и хотѣнья. Моммзенъ было первымъ послѣ Экхеля, который поставилъ нумизматику на твердую базу изученія не только съ исторической, но и съ экономической точки зрѣнія. Въ широкихъ рамкахъ его историческаго пониманія монеты заговорили и сказали намъ столько, сколько мы отъ нихъ и ожидать не могли. И эти памятники занимали Моммзена до послѣднихъ дней его жизни. Когда ему въ день 80-лѣтней годовщины со дня его рожденія друзьями и почитателями поднесенъ былъ довольно значительный капиталъ, онъ отдалъ эти деньги на дѣло созданія такого же общаго сборника монетъ, каковъ былъ его Corpus надписей. Около этого дѣла желѣзная энергія геніальнаго старца сплотила академія всѣхъ народовъ, и Моммзенъ умеръ, увѣренный, что дѣло пойдетъ впередъ въ рукахъ его учениковъ и коллегъ.

Все это нагроможденіе и первообработка матеріала были для Моммзена лишь средствомъ для достиженія высшихъ цѣлей. Изученіе языка Рима и языковъ Италіи, изученіе документальнаго матеріала, изданіе памятниковъ литературы, изслѣдованіе вопросовъ хронологическихъ, метрологическихъ, грамматическихъ, юридическихъ, военныхъ, административныхъ, религіозныхъ, литературныхъ вело его къ одной главной цѣли—возстановленію въ могучемъ синтезѣ прошлаго Рима въ рамкѣ его предшественниковъ и съ проницательнымъ взглядомъ въ будущее.

Этимъ мы переходимъ отъ характеристики анализа Моммзена къ попыткѣ дать хотя бы намекъ на силу и остроту его синтеза.

Результатами синтеза были его «Исторія Рима» и его «Римское государственное право».

Первое произведеніе въ 4 томахъ (I—III и V) выдержало уже восемь изданій. Рѣдко встрѣчаешь человѣка, интересующагося исторіей не только въ Германіи, который бы не читалъ этого произведенія, нѣтъ, кажется, языка (конечно изъ языковъ культурныхъ), на который оно не было бы переведено. Это одно доказываетъ, что «Римская исторія» не только великое научное произведеніе, но и крупное литературное созданіе. Нѣтъ, можетъ быть, на нѣмецкомъ языкѣ другого такого труда, гдѣ бы сочетались такъ гармонично мастерство литератора, истиннаго художника слова, съ колоссальнымъ даромъ научнаго синтеза и анализа. Врядъ ли найдется такое историческое произведеніе, въ которое при полной научности построенія влито было столько художественной индивидуальности и творчества и въ картинахъ, и въ сравненіяхъ, и въ характеристикахъ. Живыми были для Моммзена великіе дѣятели Рима, живыми были для него и великіе историческіе процессы, живы они и для читателя «Римской исторіи». Кто разъ прочелъ характеристику жизни и дѣятельности колосса—Цезаря, тотъ не забудетъ ея никогда, хотя бы образъ Цезаря и показался ему инымъ при дальнѣйшемъ изученіи его дѣятельности *). Какъ къ живымъ современникамъ относится Моммзенъ къ дѣятелямъ минувшаго: хула и хвала обычный его пріемъ, ѣдкая иронія и сарказмъ обычное его оружіе, и кажется, что не только Фабіевъ, Цицероновъ, Помпеевъ и Цезарей видитъ передъ собой Моммзенъ, но и дѣятелей современнаго ему міра и Германіи.

Эта индивидуальность и художественность сдѣлали то, что по книгѣ Моммзена учились не только исторіи Рима, но почерпали изъ нея и политическія идеи, и многія замѣчанія его объ абсолютизмѣ и демократіи, объ олигархіи и аристократіи и теперь еще звучатъ, особенно для насъ, живымъ упрекомъ и глубокимъ поученіемъ.

Но все это не въ ущербъ научности и полнотѣ содержанія. Впер-

---

*) Интересно свидѣтельство въ этомъ отношеніи одного изъ самыхъ крупныхъ историковъ древности O. Hirschfeld'а въ его рѣчи по поводу 80 лѣтняго юбилея Моммзена, рѣчи, напечатанной только теперь послѣ смерти Моммзена (Der Zeitgeist (Beiblatt къ Berl. Zageblatt отъ 30 ноября): „Не могу забыть я того глубокаго впечатлѣнія, которое оставило на насъ учениковъ чтеніе намъ нашимъ учителемъ исторіи характеристики Цезаря изъ только что появившагося третьяго тома „Римской исторіи". Исторія Рима сразу перенеслась для насъ изъ тумана прошлаго въ яркій свѣтъ современности: она сдѣлалась для насъ, я бы сказалъ, событіемъ".

вые изъ рукъ мастера вышла *вся* исторiя Рима. Его матерiалъ обязывалъ его къ полнотѣ, а современная жизнь съ новыми запросами и вопросами требовала ея отъ него. Его великiй предшественникъ Нибуръ и современная ему историческая наука властно указывали ему, что историкъ долженъ знать и понимать все: и политику, и государственное право, и политическую экономiю, и основы соцiальной науки. Создать всѣ эти рубрики и для Рима было не трудно, трудно было заполнить ихъ надлежащимъ содержанiемъ. Изъ современниковъ Моммзена этимъ содержанiемъ обладалъ одинъ онъ и онъ наполнилъ этимъ содержанiемъ полупустыя до него рубрики соцiальной, экономической, культурной и государственно-правовой исторiи Рима.

Цѣльный образъ предсталъ благодаря ему передъ нами—образъ города на Тибрѣ, города неустанно идущаго впередъ, сливающагося съ Италiей, затѣмъ со всѣмъ тогдашнимъ мiромъ, и мы начинаемъ понимать, какъ и почему это было такъ.

Исторiи разложенiя этого могучаго организма подъ бременемъ императорскаго абсолютизма Моммзенъ не далъ; рядъ картинъ жизни отдѣльныхъ провинцiй есть то единственное цѣльное, что далъ онъ намъ въ области исторiи римской имперiи. Но если исторiя римской имперiи будетъ когда-нибудь написана, то этимъ мы будемъ обязаны тому же Моммзену. Онъ не далъ цѣльнаго образа, но элементы этого образа найдутся у него полностью. Вся почти жизнь римской имперiи разсказана имъ въ сотняхъ отдѣльныхъ статей: тутъ и аграрный строй, тутъ и военная организацiя, тутъ и исторiя соцiальныхъ группъ—сословiй, обществъ и т. п., тутъ и администрацiя въ ея эволюцiи отъ Августа до Византiи, тутъ и литература въ лицѣ отдѣльныхъ ея корифеевъ, тутъ и отдѣльные носители власти и характеристика отдѣльныхъ эпохъ, тутъ и исторiя религiи въ связи съ государствомъ отъ культа императоровъ вплоть до христiанства и его мучениковъ. Синтеза всего этого, правда, Моммзенъ не успѣлъ или не хотѣлъ дать, и намъ остается только преклониться либо предъ желѣзной рукой рока, либо передъ волей генiальнаго работника.

Свои взгляды на исторiю вообще Моммзенъ набросалъ особенно ярко въ одной своей ранней работѣ о Швейцарiи въ римское время. «Нѣтъ исторiи безъ фантазiи, но и не все то исторiя, о чемъ угодно было фантазировать александрiйскимъ и современнымъ филологамъ. Настоящее историческое изслѣдованiе не стремится возстановить въ возможной полнотѣ мiровой дневникъ и не желаетъ снабдить примѣрами кодексъ нравственности: оно ищетъ высотъ и общихъ взглядовъ и со счастливыхъ пунктовъ въ счастливые часы ему удается взглянуть внизъ на неизмѣнные законы необходимости, которые вѣчно и твердо стоятъ, какъ Альпы; удается взглянуть и на разнообразныя страсти людей, которыя окутываютъ эти Альпы, какъ облака, не измѣняя ихъ. Эту картину трудно передать тому, кто не взошелъ съ вами на гору и не осмотрѣлся самъ въ этомъ чуждомъ ему мірѣ; въ лучшемъ случаѣ ее можно воспроизвести неясно и неполно. Дерево науки приноситъ, какъ дерево Гесперидъ, свои золотыя яблоки только тѣмъ, кто самъ ихъ срываетъ для себя; другимъ можно ихъ показать, но не дать».

Исторія Рима была, однако, только одной частью дѣла жизни Моммзена и, можетъ быть, даже только подготовительной частью. Его главный трудъ—это «Система римскаго государственнаго права». Здѣсь Моммзенъ развернулъ все то колоссальное знаніе, которымъ онъ обладалъ, здѣсь онъ показалъ и школу строгаго юриста, и пытливость и комбинаціонный даръ глубокаго лингвиста, и пониманіе великаго историка. Въ трехъ томахъ его «Системы» возстаетъ и оживаетъ передъ нами весь строй Рима глубоко неизмѣнный въ его основахъ, но окрашивающійся то въ тотъ, то въ другой цвѣтъ подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ условій. Какъ вѣхи стоятъ въ римской государственности понятія магистратуры, магистратской власти—духовной и свѣтской, сакральной и политической городской черты, концентрируются на нашихъ глазахъ функціи сената и магистратуръ, функціи революціоннаго трибуната съ разрушительной, но оплодотворяющей властью, функціи народа въ его собраніяхъ, и результатомъ этой концентраціи является не теоретическая схема, а жизненный обзоръ римской конституціи, которая такъ органически выросла изъ римскаго народа съ его исторіей, экономическимъ и соціальнымъ укладомъ.

Но наступаетъ грозная эпоха революціи, трещитъ и ломится устарѣвшій остовъ республиканской конституціи, монархическій востокъ навязываетъ свою государственность, міръ ищетъ единства государственности и власти. Упругій организмъ римской вѣковой конституціи не подается, много брешей, много щелей, вода хлещетъ въ нихъ, но традиція сильна и спасти ее надо. И создается компромиссъ, компромиссъ старой конституціи съ новымъ въ Римѣ монархическимъ началомъ, компромиссъ, сущность котораго первый уловилъ Моммзенъ, которому онъ далъ имя принципата.

Снопъ свѣта палъ на всю римскую исторію, лишь только открылись наши глаза на это государственно-правовое образованіе. Мы поняли, откуда шли эти потоки крови, залившіе римскую имперію, мы поняли, чѣмъ были обязаны принципату провинціи и чѣмъ онъ держался, мы поняли, какъ временная двойственность должна была мирно или насильственно перейти въ единство, мы поняли также, почему это единство было только единствомъ власти, а не единствомъ культуры, почему міръ раскололся надвое и создались съ одной стороны романскія государства Европы и съ другой Византія съ ея преемницей. Теорія принципата была откровеніемъ и какъ таковое она и сознается болѣе вдумчивыми и добросовѣстными историками Рима.

Нечего и говорить, что основныя идеи великаго государственноправового синтеза Моммзена такъ обставлены анализомъ, такъ искусно составлены изъ массы аналогичнаго матеріала, такъ строго-логически проведены при посредствѣ точныхъ и яркихъ терминовъ и понятій, такъ ясно и сжато изложены чисто юридическимъ конкретнымъ языкомъ, что всѣ 5 томовъ стоятъ передъ нами, какъ одно цѣлое, какъ одинъ великій памятникъ геніальнаго творчества.

Для довершенія дѣла Моммзена—выясненія всего, что характеризовало бы римскую жизнь, какъ жизнь государства по преимуществу, не хватало еще одного—полнаго и яснаго опредѣленія отношенія государства къ тому изъ его гражданъ, кто нарушалъ его интересы и признанные имъ нравственные законы,—не хватало системы римскаго уголовнаго права. Закончивъ систему государственнаго права, Моммзенъ, уже въ возрастѣ болѣе 70-ти лѣтъ, когда большинство думаетъ о покоѣ и могилѣ, берется за новый колоссальный трудъ—систему римскаго уголовнаго права; въ 1899 г. и этотъ трудъ—томъ въ 1.000 съ лишнимъ страницъ—былъ законченъ и далъ намъ такую же стройную, прозрачную, научно живую картину, какъ и прежнія работы.

Послѣдней великой работой синтеза, за которой застала его смерть, была попытка возстановить совмѣстно съ А. Гарнакомъ рядъ образовъ важнѣйшихъ дѣятелей поздне-римской исторіи. Одновременное изданіе важнѣйшаго юридическаго памятника поздняго Рима—Ѳодосіева кодекса—показываетъ, что эти характеристики должны были возникнуть въ рамкѣ изученія поздне-римской государственности, что подтверждаютъ и послѣднія статьи Моммзена и краткій очеркъ этой государственности въ краткомъ изложеніи Моммзеномъ своего «Государственнаго права».

До послѣднихъ часовъ своей жизни Моммзенъ не переставалъ работать и творить; за всю свою жизнь онъ не написалъ ни одной строчки, гдѣ бы не было творчества и самостоятельнаго труда, изъ 30.000 написанныхъ имъ страницъ, въ болѣе чѣмъ 1.000 трудахъ нѣтъ ни одной, которая не обогатила бы нашего знанія или міра нашихъ идей. Передъ такой жизнью и такою дѣятельностью намъ, скромнымъ рядовымъ, можно только преклониться, преклониться передъ этой сѣдовласой тонкой и рѣзкой головой, передъ этимъ тщедушнымъ, теперь мертвымъ тѣломъ, въ которомъ жило безсмертное творчество, безсмертныя идеи и желѣзная беззавѣтная энергія, соединенная съ проникновенной любовью къ свободѣ, культурѣ и наукѣ.

М. Ростовцевъ.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

(Годы 1850 и 1851).

(*Продолженіе* *).

XI.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни стало повторяться то же самое. Я все вникалъ въ жизнь моихъ новыхъ сожителей и товарищей по заключенію и знакомился все болѣе съ особенностями ихъ жизни.

Новоприбывшихъ не посылали сейчасъ же на работы, но давали имъ отдохнуть нѣсколько дней отъ путешествія, потому и мнѣ сдѣлано было это снисхожденіе. Люди уходили на работу, возвращались на короткое время для обѣда, и до самаго вечера я ихъ не видѣлъ. Вечеромъ же они приходили усталые и скоро укладывались спать. Разговоры мои съ ними были короткіе. Нѣсколько новыхъ личностей обратили на себя вниманіе. По вечерамъ нѣкоторые, имѣвшіе кое-какую пищу, принесенную ими изъ города, видя меня мимо идущимъ, обращались ко мнѣ со словами: «Не хотите ли повечерять съ нами вмѣстѣ», но я благодарилъ, неособенно дорожа пищею, привыкнувъ уже къ воздержанію въ казематѣ, и говорилъ, что я сытъ. «А ну же, еще попробуйте, можетъ быть, скушаете». Вообще обхожденіе ихъ со мною было очень привѣтливое. Турки были со мною особенно любезны и угощали меня иногда гороховыми пирогами, въ родѣ лепешекъ, покупаемыми ими въ городѣ. Кельхинъ былъ моимъ утѣшителемъ во время дня, Биліо возвращался позднѣе другихъ, и вечернія мои бесѣды были большею частью съ нимъ. Онъ говорилъ мнѣ между прочимъ, что имущество мое, привезенное со мною, плацъ-майоръ заявилъ намѣреніе продать съ аукціона, имѣя въ виду купить нѣкоторыя вещи (дорожную шапку, часы и т. п.) самому подъ чужимъ именемъ. Читатель помнитъ вопросъ этого человѣка при моемъ первомъ свиданіи съ нимъ—«*много ли у тебя вещей* ?»—въ этомъ высказался весь его хищническій характеръ,—у него тогда уже появилась мысль о возможности поживиться чужимъ добромъ. Биліо говорилъ, что вещи эти, по закону, принадлежать моимъ наслѣдникамъ, если я самъ ими не могу владѣть. Права эти меня мало интересовали. Тутъ дѣло уже было не о вещахъ, а о томъ, чтобы какъ нибудь сохранить жизнь свою и достоинство. Я бы голый бѣжалъ, еслибы могъ изъ этого жилища скорби, неволи грязи, и мнѣ было уже не до вещей моихъ.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 1, январь 1904 г.

— Но онъ подлецъ,—говорилъ Биліо про плацъ-майора.—Онъ, образованный человѣкъ, могъ бы, кажется, понять всю безнравственность такого поступка—васъ лишить вещей, имѣя возможность сохранить ихъ до вашего выхода!

— Чортъ его возьми!—говорилъ я. Пусть дѣлаютъ, что хотятъ. Тамъ же есть комендантъ,—онъ же долженъ за ними смотрѣть.

— Комендантъ?—говорилъ Биліо.—Этотъ старый трусъ вѣритъ во всемъ Червинскому, а этотъ картежникъ, игрокъ!

— Ну Богъ съ ними! Не будемъ говорить объ нихъ!—И затѣмъ мы переходили къ обыкновеннымъ разговорамъ.

Ужаснѣйшая нечистота, неопрятность были для меня трудно переносимы, насѣкомые осыпали меня, и я горько жаловался на эту нечисть, поддерживаемую еще болѣе тюфяками арестантовъ. На эти жалобы мои новый мой пріятель Биліо говорилъ мнѣ:

— Ахъ! это одна изъ самыхъ малыхъ тягостей, которыми мы обсыпаемы здѣсь!—Онъ уже сдѣлался безчувственъ къ такого рода впечатлѣніямъ.—Не блохи, не вши тяжелы,—онѣ не заѣдятъ человѣка, а люди невыносимы!

Также тяготился я страшно духотою спертаго воздуха по ночамъ. Въ помѣщеніи были кое-какія отдушины, которыя открывались по временамъ помощью висячихъ веревокъ. Между арестантами было много уже старѣющихъ, которые еще, однакоже, не признаны были неспособными къ работамъ. Между ними были слабые, боявшіеся простуды. Они не любили этихъ душниковъ и старались ихъ держать закрытыми. «Вишь опять открылъ душникъ, проклятый!» говоритъ одинъ, слѣзая съ наръ и, потянувъ веревку, захлопываетъ вентиляторъ. Черезъ нѣсколько времени подходитъ другой арестантъ, тоже слабый, и, потянувъ веревку въ другую сторону, съ гнѣвомъ произноситъ: «Этакая духота!.. Спать нельзя! Тутъ задохнешься скоро! Чучело заморское!..»

Мое помѣщеніе было какъ разъ близъ этого вентилятора, и я, съ своей стороны, вскакивая съ наръ, потихоньку отворялъ его, сколько могъ.

XII.

Настало 6 января, праздничный день—Крещеніе. Утреннюю зарю пробили, какъ обыкновенно, но никто не торопился вставать. Медленно поднимались арестанты, шли мыться, и большая часть ихъ одѣвалась болѣе чисто,—у кого было что надѣвать; на нѣкоторыхъ были цвѣтныя рубахи. Многіе передъ образами молились, не торопясь, ставъ на колѣни и прижимая пальцы къ груди, ходившіе мимо сторонились. Затѣмъ начались разговоры, болтовня, шутки, смѣхъ, движеніе прохаживавшейся взадъ и впередъ многочисленной толпы, безпрестанно сталкивающихся людей, между которыми нѣсколько десятковъ ступали тяжеловѣсно, гремя кандалами... Бряцающій звукъ этихъ цѣпей у каждаго имѣлъ свой особый, ему одному свойственный звукъ (timbre). По этому характерному звуку, соединенному всегда съ однимъ и тѣмъ же темпомъ походки, я скоро сталъ узнавать каждаго близь меня идущаго по звону его кандаловъ. Сомкнутыя заклепанными гвоздями, желѣзныя плоскія кольца, вышиною съ вершокъ и толщиною съ мѣдный пятакъ, свободно обхватывали нижніе концы голеней. На нихъ висѣли съ каждой стороны удобно-подвижные, соединенные тремя звеньями 4 желѣзные прута, толщиною съ писчее перо. Въ срединное, соединяющее прутья обѣихъ сторонъ, кольцо вдѣвался ремень, который и былъ носимъ поясомъ или же, вмѣсто этихъ прутьевъ, были сплошныя цѣпи съ обѣихъ сторонъ сходившіяся въ одно большое кольцо, въ которомъ и продѣтъ былъ поясной ремень. Такимъ образомъ весь этотъ гремучій желѣзный аппаратъ поддерживался въ висячемъ положеніи и, болтаясь, издавалъ своеобразный звонъ. Подъ кольцами же на голеняхъ, которыя обхватывали голое тѣло и причиняли боль, подшивались уже арестантомъ особаго рода ремни—подкандальники (поджильники).

Въ это утро гремѣлъ цѣлый оркестръ цѣпныхъ инструментовъ. Музыка эта,—тихія колебанія разно звучавшихъ звеньевъ цѣпей, какъ бы звуки природы, шумъ волнъ или пѣніе птицъ, не имѣла ничего шумнаго, непріятно раздражающаго.

Одинъ другого арестанты поздравляли съ праздникомъ, говорили, шутили и, повидимому, отдыхали отъ обыкновеннаго будничнаго дня. Они любили праздники, соблюдали и чтили ихъ.

Но вотъ на середину прохода выносится узкій длинный столъ и на немъ ставится разнаго рода пища—хлѣбы, булки, крендели, гороховые пироги, куски сала и свинины,—все это благотворительныя приношенія несчастнымъ заключеннымъ. Нарѣзанные куски хлѣба и пищи положены въ обиліи кучами,—общая трапеза для всѣхъ арестантовъ, и двое изъ нихъ, артельщики, раздаватели пищи всѣмъ подходящимъ, соблюдаютъ порядокъ и безобидно надѣляютъ каждаго по мѣрѣ количества запаса. Подходящіе берутъ пищу, садятся на свои мѣста и начинаютъ ѣсть. Тутъ, откуда ни возьмись, многіе вытаскиваютъ шкалики съ водкой, иные и порядочные запасы спиртнаго напитка—полуштофики и, взаимно угощаясь отдѣльными группами, вкушаютъ полученную пищу. Между тѣмъ, подходитъ и обѣденный часъ, и посуды наполняются свареннымъ въ кухнѣ супомъ съ крупою, и, кромѣ того, еще второе праздничное кушанье—пшенная каша съ саломъ. Все смолкло и усердно предалось насыщенію своихъ живущихъ всегда въ проголодь утробъ. Даже и въ острогѣ оправдалось мудрое изреченіе Brillat-Savarin: «La table est le seul endroit où l'on ne s'ennuie jamais pendant la premiére heure».

Запрещенный напитокъ циркулировалъ къ тому же обильно, и унтеръ-офицеры и фельдфебель, щедро угощаемые, предавались общему отдохновенію. Кто покраснѣлъ весь, начинаетъ ругаться, буянитъ и замахивается въ драку, но остановленный смиряется, хмурясь, кто сидитъ грустный, въ раздумьи и молчаньи, кто изливаетъ чувства объятіями всѣхъ встрѣчныхъ и слюнявыми лобзаніями. Одинъ, бѣлобрысый, высокій, знакомый уже читателю, испивъ водки, сидитъ, поникнувъ головой, крѣпко задумавшись, и вздохнувъ произноситъ: «Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи твоемъ»!

Близъ него находящійся говоритъ, смѣясь:

— Ты чего разнюнился? Днесь со мною будеши въ аду!

Тотъ вскакиваетъ съ мѣста и, окинувъ его презрительнымъ взоромъ, восклицаетъ:—Безстыдный!... Не боишься ты Бога! Чьи слова произносишь и коверкаешь?!... и, плюнувъ, отходитъ отъ него. Разсердившій его былъ высокаго роста, лѣтъ 40 мужчина, худой, съ большимъ носомъ—бывшій, какъ я послѣ узналъ, псаломщикъ, по прозванію Ефимовъ—по природѣ своей большой комикъ, о которомъ я имѣю еще кое-что разсказать впослѣдствіи.

— Эхъ! Вы, ребята!—восклицаетъ порядочно уже хлебнувшій горѣлки фельдфебель, выйдя на средину.—Пьяницы вы, бродяги!.. Ну, у кого еще есть водка?..

— Всю выпили,—отвѣчаетъ кто-то поодаль за спиною его.

— Кто сказалъ?.. кто это?.. выходи!.. Никто не отвѣчаетъ и не обращаетъ на него вниманія. Шумъ, говоръ, звонъ цѣпей, пѣсни, то хоромъ, то по одиночкѣ, всякій предается веселью по своему. Нѣкоторые сидятъ осовѣвши или ложатся на нары.

Не всѣ, однако же, пили, не у всѣхъ была водка, да многіе были и непьющіе, отрекшіеся отъ нея и соблюдавшіе воздержаніе. Я былъ угощаемъ многими, но, обмочивъ губы, удалялся и вновь былъ угощаемъ.

Уставъ глядѣть на это невиданное мною зрѣлище, я подсѣлъ къ туркамъ, непьющимъ по ихъ закону и сидѣвшимъ отдѣльною группою. Затѣмъ пошелъ я въ казарму неспособныхъ, посѣтить Кельхина и нашелъ его тоже выпившимъ.

Такъ проходилъ день Крещенія, — первый видѣнный мною въ острогѣ праздникъ. Читатель понимаетъ, что послѣ слишкомъ сорока-лѣтней давности, въ памяти моей сохранилась только общность всего видѣннаго и слышаннаго мною въ дни моей молодости. Поблекли живые образы, голоса и рѣчи отдѣльныхъ личностей, которыхъ имена напрасно силюсь я вспомнить. Но и въ этой туманной картинѣ выступаютъ еще нѣкоторыя черты и слышанныя мною въ то время слова и изреченія. Ихъ стараюсь я теперь возстановить, по возможности, въ цѣлости ихъ подлинника. Голосъ мой слабъ для разсказа или пѣсни, и перо непривычно къ литературному повѣствованію. Съ трудомъ выискиваются слова для описанія этого дѣйствительнаго и нынѣ существующаго еще въ жизни человѣка особаго рода *дантовскаго ада*, сокрытаго какъ бы въ подземныхъ жилищахъ отъ взоровъ сотней милліоновъ свободно проживающаго населенія городовъ и деревень, не имѣющаго о немъ никакого понятія.

Не знаю, какъ я буду продолжать, не знаю, что писать — такъ много скучившихся вмѣстѣ, роящихся и мелькающихъ въ памяти разнообразнѣйшихъ, но оборванныхъ въ живой цѣлости впечатлѣній. Какъ разобраться въ этомъ хаосѣ элементовъ скорби и мученій человѣка, представшихъ однажды въ жизни и быстро, какъ все прочее, промелькнувшихъ передъ моими глазами? Потому писаніе это такъ медленно и такъ туго подвигается, и я нахожусь въ большомъ сомнѣніи, справлюсь ли я съ предпринятымъ мною трудомъ.

Ахъ! вѣдь это было давно, очень давно!

XIII.

Проживъ недѣли двѣ подъ ошеломляющимъ вліяніемъ совсѣмъ новыхъ для меня впечатлѣній, я сталъ все болѣе подумывать о крайней надобности мнѣ разъяснить мою дальнѣйшую жизнь относительно самыхъ необходимыхъ нуждъ. Первое, что дало себя почувствовать это, что я былъ съ самаго моего пріѣзда все въ одномъ и томъ же бѣльѣ,— не зная, какъ это будетъ далѣе, я счелъ нужнымъ переговорить съ ближайшимъ моимъ начальствомъ, помимо приставленнаго ко мнѣ глупаго надсмотрщика, прямо съ фельдфебелемъ, при приходѣ его. Онъ приходилъ два раза въ день—утромъ и вечеромъ. Его всѣ именовали по имени и отчеству, и я поступилъ такъ же: объяснивъ ему, что я, по пріѣздѣ моемъ, хожу въ одномъ своемъ бѣльѣ, я просилъ его приказать дать мнѣ казенную чистую рубаху, чулки и подштаники, на что онъ отвѣтилъ мнѣ:

— Здѣшнее, у насъ въ цехгаузѣ, бѣлье грубое, для васъ неудобное. Арестанты всѣ, кто можетъ, носятъ свое бѣлье, и вамъ дозволятъ носить ваше собственное, въ которомъ вы пріѣхали; надо доложить о томъ ротному. Я это сдѣлаю сегодня же, но, вѣдь надо же вамъ будетъ и стирать бѣлье; арестанты большею частью отдаютъ здѣшнимъ дешевымъ прачкамъ или стираютъ сами. Надо будетъ доложить ротному, и онъ это устроитъ. Объ васъ спрашиваютъ меня каждый день ротный командиръ и плацъ-майоръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ была выражена мною и другая просьба относительно выхода моего на работу вмѣстѣ съ прочими арестантами. Въ тотъ же день вечеромъ фельдфебель принесъ мнѣ и отвѣтъ:

— Все бѣлье ваше, привезенное вами съ собою, по приказанію коменданта взято на храненіе для васъ ротнымъ командиромъ, и онъ, и жена его поручили мнѣ вамъ передать, что они будутъ каждую недѣлю вамъ выдавать одну смѣну чистаго бѣлья, черное же, снятое вами, будетъ относиться къ нимъ для стирки.

Такой отвѣтъ былъ для меня неожиданностью: этотъ человѣкъ, столь грубо обошедшійся со мною въ день постриженія и побритія меня арестантомъ, будетъ надѣлять меня хранящимся у него моимъ бѣльемъ! На другой день подошелъ ко мнѣ одинъ изъ арестантовъ, на котораго я прежде не обращалъ вниманія,—высокій, полный, съ жирнымъ лоснящимся лицомъ. Въ рукахъ у него былъ узелокъ—онъ принесъ мнѣ отъ ротнаго командира чистое бѣлье и заявилъ, что возьметъ у меня чёрное. Я очень удивился этому,—отчего передается мнѣ бѣлье не черезъ унтеръ-офицера, а черезъ арестанта какого-то мнѣ неизвѣстнаго? Я спросилъ его имя и фамилію, онъ назвался Ляпинымъ. Тѣмъ не менѣе обмѣнъ бѣлья состоялся, и онъ ушелъ. Это мнѣ показалось страннымъ и возбудило во мнѣ сомнѣнья и думы. Въ скоромъ времени оказалось, что это было новымъ тайнымъ надо мною надзоромъ въ средѣ арестантовъ. Первое время моего пребыванія въ острогѣ начальство очень опасалось, чтобы чего либо со мною не случилось среди бродягъ и разбойниковъ, къ сожительству съ которыми я присужденъ былъ; оно должно было сохранить меня въ продолженіи 4-хъ лѣтъ и выпустить цѣлымъ и невредимымъ для исполненія дальнѣйшаго надо мною по приговору наказанія. Это, полагаю, и было причиною, побуждавшею начальство относиться столь заботливо ко мнѣ. Упомянутый арестантъ не долго приносилъ мнѣ бѣлье: своими неумѣстными разспросами, съ желаніемъ отъ меня вывѣдать объ отношеніяхъ моихъ къ нѣкоторымъ арестантамъ, онъ возбудилъ во мнѣ сомнѣнія, и я не захотѣлъ болѣе говорить съ нимъ и получать черезъ него мое бѣлье, для этого есть у меня унтеръ-офицеръ,—и шпіонскіе вопросы его и заботы обо мнѣ прекратились.

Въ слѣдующій затѣмъ день исполнена была и другая моя просьба черезъ фельдфебеля: мнѣ разрѣшено было выходить на работу вмѣстѣ съ прочими. Тутъ тоже видно было какъ бы заботливое обо мнѣ въ этомъ отношеніи распоряженіе—посылать меня на работы легкія. Но легкія въ смыслѣ начальства были физически нетяжелыя, а въ моихъ желаніяхъ были работы въ болѣе людныхъ мѣстахъ. Большая часть работъ однако же производилась не въ городѣ, а въ крѣпости, да и всѣ работы вообще, назначавшіяся арестантамъ, были, можно сказать, нетяжелыя.

XIV.

Въ предыдущемъ разсказѣ моемъ я часто упоминалъ о туркахъ. Группа иностранцевъ этихъ, мною столь неожиданно встрѣченныхъ въ арестантскомъ острогѣ, раздѣляющихъ со всѣми прочими суровое заключеніе, не могла не поразить меня несоотвѣтственностью ихъ мѣстонахожденія. Удивленный и, какъ оріенталистъ, обрадованный такою находкою, я сейчасъ же, какъ читатель уже знаетъ, обратился къ нимъ съ горячимъ привѣтствіемъ на ихъ родномъ языкѣ. Это мое обращеніе къ нимъ, громко, какъ бы внезапно отъ сердца излившееся въ первый же вечеръ моего вхожденія въ острогъ, удивило ихъ и сразу привлекло ихъ ко мнѣ. Дальнѣйшее сближеніе мое съ ними послѣдовало быстро, и они мнѣ, новичку въ новой и трудной для меня обстановкѣ, оказывали постоянную помощь. Они были мои вѣрные друзья и слуги, которыхъ я съ самаго начала оцѣнилъ и которые въ продолженіе всей моей жизни въ острогѣ радовали мое сердце. Объ нихъ считаю моимъ долгомъ разсказать подробно теперь же, чтобы не прерывать дальнѣйшій разсказъ. Ихъ было 6 человѣкъ.

Ибрагимъ-ибнъ-Джамиль—мулла, уже немолодой, съ посѣдѣвшими волосами, но бодрый, лѣтъ 40, ростомъ ниже средняго, кожа лица и рукъ смуглая; черты лица правильныя, выраженіе серьезное, вдумчивое. У нихъ у всѣхъ оно было таковое подъ гнётомъ совершившейся надъ ними судьбы. Голова его была всегда покрыта шапочкою, опоясанною небольшою чалмою свѣтлаго цвѣта изъ простой ткани. Онъ представляется мнѣ и нынѣ въ болѣе обычной его позѣ сидящимъ на нарахъ, съ поджатыми подъ себя ногами, среди своихъ земляковъ, разсказывающимъ имъ что либо — поученіе или сказку. Онъ говорилъ своимъ народнымъ языкомъ, который скоро сталъ и мнѣ понятенъ. Его плавная, красивая, спокойная рѣчь разсказа перемѣшивалась нерѣдко ритмованнымъ размѣромъ. Изъ сказокъ этихъ только нѣкоторыя выраженія остались у меня въ памяти. Я вовсе не думалъ тогда, что теперь они были бы мнѣ такъ дороги, я передалъ бы на русскомъ эти живые разсказы, которые врядъ ли существуютъ въ печати и которые мнѣ посчастливилось слушать въ такомъ исключительномъ положеніи. Онъ любилъ передавать разсказы путешественниковъ, съ описаніемъ природы, — въ нихъ были сады, поля, лѣса, горы и моря, трудности путешествія: описывалось населеніе разныхъ мѣстностей, опасныя и забавныя встрѣчи, длинные утомительные походы и странствія, пріятный отдыхъ и неторопливые переходы, гдѣ срывались цвѣты—нарциссы, тюльпаны, душистая сумбуль, при угощеніи кофе и куреніи ароматнаго табака.

Лицо его было привѣтливо, оно оживлялось улыбкою, но смѣющимся я его не помню. Онъ ходилъ всегда на работу наравнѣ съ прочими и всегда въ кругу своихъ земляковъ. Онъ часто жаловался мнѣ на судьбу свою и своихъ соотечественниковъ, и что при нихъ даже нѣтъ молебной книги—алькорана, которая въ настоящее время, при неволѣ, была бы для всѣхъ ихъ большимъ утѣшеніемъ. Я слушалъ его разсказы, бесѣдовалъ со всѣми ими по братски. Часто произносилъ онъ любимыя всѣми правовѣрными мусульманами слова: «Инша Аллахъ, инша Аллахъ!» (дастъ Богъ, дастъ Богъ) будемъ на волѣ вновь, но теперь надо сохранить намъ свои силы и душу отъ упадка, отъ грѣха,—и заключалъ словами:—Альхамду Лиллаги (хвала Богу). Ихъ обычаи по религіи внушали имъ всѣмъ чистоту, омовеніе ногъ передъ молитвою, трезвую жизнь. Разсказы муллы были только въ свободные праздничные дни.

Другіе члены этой замкнутой въ себѣ какъ родной семьи были: 2) Мустафа-Халиль-оглу. Это былъ коренастый мужъ, выше средняго роста, смуглый, съ круглымъ лицомъ, полный собой, мускулистый матросъ или земледѣлецъ, лѣтъ 35, кроткій, тихій характеромъ. Я помню его большей частью сидящимъ или медленно прохаживающимся въ молчаніи, съ выраженіемъ лица добродушнымъ, задумчивымъ, грустнымъ: и было надъ чѣмъ задумываться и о чемъ грустить! 3) Джамиль-Джурга, былъ харатеромъ противоположенъ предыдущему: небольшого роста, худой, живой, лѣтъ 30, лицомъ слегка рябоватый, горячій, оживленный. Исторія его жизни отличалась отъ прочихъ его земляковъ совершеннымъ имъ неудачнымъ побѣгомъ. Онъ былъ вмѣстѣ съ другими своими земляками первоначально въ военномъ острогѣ въ Севастополѣ, потомъ со всѣми вмѣстѣ переведенъ въ крѣпость Кинбурнъ, при устьѣ Днѣпра, нынѣ упраздненную; тамъ онъ одинъ изъ всѣхъ отважился совершить побѣгъ, но былъ пойманъ, преданъ суду и по военнымъ законамъ прогнанъ сквозь строй; все это ничѣмъ не заслуженное страданіе сдѣлало его еще болѣе задумчивымъ, молчаливымъ. (Портретъ его, мною нарисованный позже, сохранился у меня). 4) Мехмедъ Инглизъ (англичанинъ): лѣтъ 23, высокаго роста, тонкій, стройный, рыжій, характера веселаго, живого, подвижной, отличался ловкостью и хитростью. Выходя на работу и проходя съ другими по базарамъ города, онъ не считалъ грѣхомъ украсть, что могъ, и всего чаще приносилъ онъ куски мяса или плоды, овощи—все, что попадалось подъ руку, что можно было стащить. Онъ дѣлалъ это такъ ловко и проворно, что ни разу не попадался. Мулла говорилъ про него:—«Онъ не былъ такой на родинѣ, а здѣсь имѣетъ будто бы оправданіе въ нашей бѣдности, мы всѣ его срамимъ, но онъ смѣется, говоритъ, что это не онъ крадетъ, а неволя и голодъ!» Объ немъ существуетъ разсказъ, переданный мнѣ не имъ самимъ, а его земляками. Года три тому назадъ Мехмедъ заболѣлъ какою-то болѣзнью съ жаромъ и бредомъ. Онъ былъ немедленно отправленъ въ военный госпиталь, въ арестантскую палату. Это было лѣтомъ, въ августѣ мѣсяцѣ, и съ нимъ случилось происшествіе, оставившее по себѣ память на весь го спиталь: госпиталь былъ, какъ и острогъ, на крутомъ берегу Днѣпра. Мехмеду, въ жару и бреду, удалось какъ-то выскочить, на виду караула, изъ госпиталя. За нимъ бросились въ погоню, но пока произошла тревога, онъ бѣгомъ сбѣжалъ съ крутизны и, бросившись въ Днѣпръ, поплылъ на ту сторону и скрылся въ камышахъ... Можетъ быть, такая холодная ванна его привела въ сознаніе. Это было вечеромъ, въ августѣ, и онъ былъ голый. Между тѣмъ въ госпиталѣ сдѣлалась тревога:—«Бѣжалъ арестантъ!» Посланы были за нимъ двѣ лодки, которыя переѣхали на другую сторону, и тутъ люди, бывшіе въ лодкахъ, услышали громкіе стоны и крики, призывавшіе на помощь. Идя по направленію голоса, они нашли Мехмеда лежавшимъ на пескѣ, обсиженнымъ комарами по всему тѣлу. Онъ уже выбился изъ силъ отгонять ихъ, лежалъ и стоналъ, его подняли, прикрыли и доставили обратно въ госпиталь. Побѣгъ этотъ не имѣлъ для него никакихъ послѣдствій, такъ какъ онъ былъ совершенъ не въ полномъ сознаніи. 5) Старикъ Османъ—былъ въ числѣ уже неспособныхъ, но иногда ходилъ вмѣстѣ съ другими на работу. 6) Абу-Турабъ—большой дылда, очень высокаго роста, простой матросъ или феллахъ (земледѣлецъ), лѣтъ 35, личность безцвѣтная, обладалъ большой силою.

Такова была группа турокъ, отличавшаяся отъ нашей русской братіи, какъ уже выше сказано, чистотою, трезвостью и честностью. Всѣ они были бѣдны, никто изъ нихъ не зналъ никакого ремесла, носили казенное бѣлье. Не помню, чѣмъ они добывали себѣ вещи необходимыя для жизни, но у нихъ были всегда мыло и полотенце. Между собою они дѣлились всѣмъ. При видѣ этихъ чужестранцевъ иного племени и подданства невольно рождается вопросъ, какъ они попали къ намъ въ Россію и угодили въ военный острогъ!?

Вопросъ этотъ разрѣшается конвенціею двухъ сосѣднихъ государствъ—Россіи и Турціи относительно турецкихъ контрабандистовъ, сбывавшихъ свои товары на черноморскомъ кавказскомъ берегу. Турецкое правительство предоставило полную власть россійскому надъ пойманными контрабандистами, ея подданными, и послѣднее, захвативъ ихъ на самомъ дѣлѣ контрабанды, посадило сначала въ севастопольскій военный острогъ, а оттуда перевело въ херсонскій, безъ опредѣленія срока ихъ заключенія, и затѣмъ какъ бы забыло объ нихъ, а мѣстное начальство само не рѣшилось ходатайствовать объ ихъ освобожденіи, и они сидѣли уже годы въ этомъ острогѣ, куда я привезенъ былъ арестантомъ въ 1850 г. Такова была жестокая судьба, постигшая ихъ. Разсказъ ихъ о томъ, какъ это все случилось, представляетъ большой интересъ.

Они, выѣхавъ изъ одного изъ черноморскихъ портовъ Анатоліи, кажется, изъ Арзерума, на большомъ морскомъ парусномъ суднѣ, съ грузомъ товаровъ всякихъ мелочей изъ издѣлій Малой Азіи, отправились открытымъ моремъ къ черноморскому берегу Кавказа. Тамъ продали все береговымъ черкесамъ, черезъ которыхъ привозимые ими предметы распространялись по ауламъ Кавказа. Эти, нынѣ плѣнные турки, были смѣлые, опытные моряки, вооруженные на случай битвы контрабандисты, умѣвшіе пользоваться и темнотою ночи и туманами. Путешествія эти они совершали нѣсколько лѣтъ благополучно и, забравъ мѣстные продукты Кавказа (лѣсъ), возвращались на свою родину, но счастье измѣнило имъ и вотъ однажды, не помню, въ которомъ изъ сороковыхъ годовъ, сдавъ благополучно товаръ, они отплыли уже въ открытое море, какъ вдругъ застигнуты были военнымъ крейсеромъ.

Они попробовали защищаться, но сейчасъ же убѣдились, что это было невозможно. Ихъ всѣхъ съ судномъ забрали, и они доставлены были въ Севастополь, гдѣ и были посажены въ военный острогъ, наравнѣ съ прочими заключенными. Все имущество ихъ было отобрано кромѣ бѣлья и платья. Такъ началась ихъ подневольная жизнь, и они уже были тамъ не первыми плѣнными.

Незадолго до ихъ прибытія, въ Севастополѣ была большая партія турокъ, которая, однако же, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, спаслась отъ своего плѣненія бѣгствомъ моремъ, уплывъ на рабочемъ парусномъ суднѣ къ берегамъ Турціи. Вскорѣ послѣ этого происшествія въ Севастополь привезены были и тѣ турки, которыхъ я засталъ въ Херсонѣ. Вслѣдствіе возможности легкаго побѣга изъ Севастополя, послѣдовало распоряженіе о высылкѣ ихъ въ крѣпость Кинбурнъ при устьѣ Днѣпра, а потомъ, по упраздненіи этой крѣпости, они были перевезены въ херсонскую арестантскую роту. Они разсказывали, что жизнь ихъ въ севастопольскомъ острогѣ была несравненно легче, главнымъ образомъ по близости моря, любимой ихъ стихіи, съ которой они сроднились съ малолѣтства. Побѣгъ, совершенный ихъ предшественниками, разсказанъ мнѣ былъ ими съ особеннымъ увлеченіемъ и заслуживаетъ быть упомянутымъ въ этомъ описаніи.

Партія турокъ, заключенная въ севастопольскомъ острогѣ, была больше ихъ числомъ; они прожили тамъ нѣсколько лѣтъ, оказались хорошими работниками и, по своей спокойной и трезвой жизни, пользовались довѣріемъ начальства. Въ городѣ были работы, соединенныя съ привозомъ матеріала (песку, глины и пр.) съ береговыхъ, но не въ самой близи лежащихъ острововъ. Турокъ, какъ матросовъ, назначали на эти поѣздки. Приготовившись къ побѣгу, взявъ пищи и все необходимое, утромъ рано сѣли они въ большую, рабочую, парусную лодку. Ихъ сопровождали, какъ обыкновенно, два конвойныхъ съ ружьями и унтеръ-офицеръ съ тесакомъ. Разстояніе отъ берега было не очень близкое, и, отчаливъ, они натянули парусъ. По проѣздѣ порядочнаго уже разстоянія унтеръ-офицеръ замѣтилъ, что лодка идетъ не къ мѣсту назначенія, а прямо въ открытое море. Онъ сказалъ рулевому держать къ острову, но въ это время всѣ турки встали и, обезоруживъ конвойныхъ и унтеръ-офицера, объявили, что они плывутъ въ Турцію. Изумленные проводники ихъ закричали и стали просить о возвращеніи, но лодка вѣтромъ уносилась все далѣе въ море. Тогда турки запѣли священныя пѣсни, поздравляли другъ друга и своихъ русскихъ спутниковъ считали уже своими товарищами по отплытію въ безбрежное море и дѣлились съ ними запасами пищи, утѣшали и уговаривали ихъ, что, Богъ дастъ, они привезутъ ихъ въ свою родину, гдѣ жить людямъ лучше, вольнѣе, а они избавятся отъ 25-ти лѣтней солдатчины. Отважные мореплаватели плыли весь день и ночь, уносимые попутнымъ вѣтромъ, къ берегамъ Турціи. Унтеръ-офицеръ плакалъ и жаловался на свою судьбу. Наступила ночь, руководителемъ направленія были однѣ звѣзды. Къ утру, на разсвѣтѣ, они увидѣли вдали берегъ и, подъѣхавъ ближе, узнали крѣпость Варну. Проѣхавъ въ отдаленіи, они приблизились къ берегамъ Балканскаго полуострова и къ утру другого дня увидѣли Константинополь. Когда они пристали, то, покинувъ лодку, всѣ ушли и съ ними вмѣстѣ ушли и двое конвойныхъ, а унтеръ-офицеръ, оставшись одинъ въ лодкѣ, заявилъ о себѣ и о случившемся въ русскомъ посольствѣ. Тамъ, конечно, въ немъ приняли участіе и при первой возможности посадили на пароходъ въ Севастополь. Высадившись на родинѣ, онъ явился своему начальству, и тутъ пошли для него терзанія—онъ былъ арестованъ, отданъ подъ судъ и лишился унтеръ-офицерскаго чина, такъ что было и о чемъ сожалѣть впослѣдствіи. Таковъ былъ разсказъ турокъ объ этомъ славномъ побѣгѣ ихъ земляковъ.

— Теперь уже,—говорилъ мулла,—убѣжать нельзя, надо ждать, что Богъ дастъ!

Разсказъ же обо всемъ ихъ плаваніи и прибытіи въ Константинополь былъ сообщенъ вернувшимся оттуда унтеръ-офицеромъ.

О дальнѣйшей судьбѣ описанныхъ мною турокъ въ херсонскомъ острогѣ я узналъ впослѣдствіи, по прошествіи болѣе 20 лѣтъ послѣ выхода моего изъ острога. Они были освобождены изъ ихъ безсрочнаго заключенія по окончаніи Крымской кампаніи, вмѣстѣ съ прочими плѣнными турками.

XV.

Нѣтъ возможности разсказывать все въ послѣдовательности, какъ и что было со мною и совершалось на моихъ глазахъ впродолженіи всего моего пребыванія въ этой многострадальной обители. Первые дни, о которыхъ я разсказывалъ, запечатлѣлись въ моей памяти сильнѣе послѣдующихъ. Житье мое въ новой моей обстановкѣ съ каждымъ днемъ становилось мнѣ все болѣе обыкновеннымъ, и вся послѣдующая жизнь какъ бы стушевалась въ моей памяти, остались въ ней только общность, сущность всего видѣннаго: обычныя явленія арестантской жизни и нѣкоторыя только чѣмъ-либо выдававшіяся происшествія—по отношенію къ общей жизни обитателей острога или же ко мнѣ лично.

Попробую представить живущихъ со мною въ острогѣ картинами въ различное время дня и ночи.

Воскресный день, восьмой часъ утра, разсвѣтаетъ, на гауптвахтѣ у самаго острога бьется утренняя заря: люди просыпаются, но не вскакиваютъ торопливо, какъ въ будніе дни, нѣкоторые дремлютъ, иные встаютъ. Праздничный день цѣнится ими, какъ спокойный, безъ криковъ и торопливыхъ понуканій. Каждому дозволено дѣлать, что онъ хочетъ, въ замкнутомъ пространствѣ острога,—въ предѣлахъ, конечно, ничегонедѣланія. Арестанты, когда не торопятся, въ праздничные дни дѣлаютъ тоже туалетъ очень простой, но у кого есть чистое бѣлье, тотъ надѣваетъ его, и моются они въ этотъ день почище будняго дня. Въ казармѣ тишина и нѣтъ еще никакой толкотни въ срединномъ, узкомъ по числу жителей проходѣ; иные подходятъ къ образамъ—шепчутъ молитвы. Затѣмъ начинается день: чаю ни у кого въ заводѣ не было, и никто о немъ не упоминалъ. Люди прохаживались взадъ и впередъ или садились на нары кучками бесѣдующихъ, но о чемъ говорить? Новостей извнѣ не приходитъ, внутри все безсмѣнно одно и то же, книгъ ни у кого нѣтъ, большинство безграмотны. Это совершенное бездѣйствіе оторванныхъ отъ жизни людей, въ запертомъ, тѣсномъ жилищѣ, лишенныхъ всякаго развлеченія, въ совершенно однообразной, изо дня въ день повторяющейся обстановкѣ, въ праздникъ еще считающихъ грѣхомъ всякую работу, если бы у кого и была такая, оказываетъ притупляющее вліяніе на душевное состояніе. Этимъ положеніемъ они обречены, повидимому, на полное безмысліе—это безцѣльно-движущіеся автоматы. Но размышленіе это вѣрно только съ перваго взгляда. Такая жизнь, конечно, не изощряетъ, а притупляетъ всякую умственную дѣятельность, но у каждаго изъ этихъ несчастныхъ, лишенныхъ свободы, обреченныхъ на годы безжизнія, есть свое прошедшее,—оно, по утратѣ, стало еще милѣе прежняго и глубоко врѣзалось въ памяти, какъ драгоцѣнное, незабвенное, неувядаемое. Оно всегда при нихъ, какъ живое, но постоянно оплакиваемое. Настоящее, какъ бы ни было скверно, можетъ заслонить его только временно, но отнять его отъ насъ оно не можетъ. Прожитое прошедшее оставляетъ неотъемлемую часть нашей жизни, и вотъ, въ свободные дни, въ праздники, никѣмъ не понукаемые жители острога могутъ всего легче предаваться естественному ходу мыслей, влекующихъ ихъ въ воспоминанія. Эти-то воспоминанія и составляютъ предметъ ихъ размышленій наиболѣе въ праздничные дни и въ дообѣденное время, когда они сидятъ молча или прохаживаются въ одиночку, раздумывая, какъ бы ничего не видя. И вотъ, передъ глазами такого погруженнаго въ думу встаетъ его родной уголокъ, деревня, село, городъ, семья, люди, въ средѣ которыхъ онъ жилъ, любимые имъ. Воспоминанія людей безконечно разнообразны, и они-то у заключенныхъ составляютъ самую лучшую часть жизни, а сонъ, съ его сновидѣніями, нерѣдко открываетъ намъ и то, что нами было совсѣмъ забыто. Позднѣе, на моихъ же сожителяхъ, я удостовѣрился въ томъ, что сидящіе въ одиночку въ молчаніи уносятся въ міръ видѣній прошлаго. Примѣромъ тому вспоминаются мнѣ многіе, отвѣчавшіе мнѣ на вопросъ: о чемъ задумались? «Такъ ничего,—задумался о прошломъ!» И это было большею частью въ праздникъ и въ дообѣденное время. Въ такое время они наиболѣе расположены были вести съ кѣмъ-либо тихую бесѣду о быломъ въ своей жизни, подѣлиться своимъ горемъ. Рѣдко случалось мнѣ отъ нихъ слышать что либо жестокое, противное нравственнымъ чувствамъ; подробности разсказаннаго о какомъ либо совершенномъ преступленіи сглаживаютъ, смягчаютъ вину,—особенно если примѣшивается къ тому горькое сожалѣніе и сознаніе заслуженнаго наказанія. Въ праздничный день всего удобнѣе бесѣдовать съ ними о прошломъ и вызвать откровенный разсказъ. Въ этомъ отношеніи вспоминаются мнѣ бесѣды со многими изъ числа описанныхъ.

Морозовъ разсказывалъ мнѣ о своемъ прегрѣшеніи, нѣмецъ колонистъ—о своемъ убійствѣ изъ ревности, Еремѣевъ—о своихъ странствіяхъ въ Анатоліи; Глущенко—о совершенномъ имъ убійствѣ злодѣя ротнаго командира; Степанъ Колюжный—о своей невинности въ совершенномъ убійствѣ его пріятелями.

Также въ праздничные дни жители острога бываютъ наиболѣе расположены и къ другого рода теченію мыслей: какъ бы ни были жестоки людскіе суды, назначающіе нерѣдко и пожизненныя наказанія, обрекающія на вѣчную неволю, но никто въ сердцѣ своемъ не можетъ вѣрить въ исполненіе того, а хранитъ надежду на освобожденіе раньше срока такъ или иначе, и если теряетъ ее, то замышляетъ, обдумываетъ побѣгъ, какъ единственное спасеніе, и совершаетъ его нерѣдко при самыхъ неожиданныхъ обстоятельствахъ, немыслимыхъ для глазъ и ушей самыхъ бдительныхъ сторожей острога.

Но вотъ настало обѣденное время. Всякій спѣшитъ за своею порціей, которая въ праздникъ нѣсколько питательнѣе—болѣе крѣпкій мясной отваръ, и болѣе въ немъ крупы. Въ эти дни кто имѣетъ возможность, выпиваетъ. Обѣдъ скоро кончается, во многихъ уголкахъ бесѣда оживленнѣе, громче; слышны смѣхъ, возгласы, порою шутливыя ругательныя слова. Въ срединномъ проходѣ движенія учащаются, люди сталкиваются и отпускаютъ другъ другу непривѣтливыя слова; кандалы бренчатъ повсюду. Въ эти дни мнѣ было наиболѣе скучно, такъ какъ выходъ на работу, какая бы она ни была, доставлялъ мнѣ развлеченіе и отдыхъ отъ казармы. Многіе изъ жителей острога послѣ обѣда ложились на нары и засыпали, и я отъ скуки ложился. Въ утреннее время я большею частью бесѣдовалъ съ арестантами и всегда нѣкоторую часть утра проводилъ среди турокъ и посѣщалъ стариковъ (въ сравненіи съ тогдашнею моею молодостью) Кельхина и Воронова. И здѣсь, какъ въ тѣсномъ казематѣ, повторилось безпріютное *верченіе* въ самомъ себѣ, но оно было все же не столь однообразно, и меня окружали не голыя стѣны, а люди, также страдающіе, какъ и я, и это мирило меня съ обстановкой, И жилище мое было просторнѣе, съ возможностью всегда выйти подышать воздухомъ на дворѣ.

Въ средѣ сожителей моихъ, съ которыми пришлось мнѣ жить въ такомъ общеніи, не было людей талантливыхъ или любителей чего либо,—это была обыкновенная безцвѣтная людская толпа. Пѣсней я почти не слышалъ за все время, кромѣ иногда одиночныхъ и мало характерныхъ. Пѣвцовъ не было вовсе, скучно было — очень скучно!

Въ январѣ темнѣло рано,—часа въ четыре съ половиною. Зажигались мерцавшіе огнями деревяннаго масла свѣтильники—маленькія и рѣдкія лампы. У арестантовъ были въ запасѣ свѣчи и свѣчку или огарокъ можно было всегда купить для вечерней работы, игры въ карты или для какого-либо другого дѣла.

Вечеромъ послѣ ѣды допивалась водка—если оставалось что отъ обѣда, а то и новая приносилась унтеръ-офицерами, которые пили тоже. Бесѣды отдѣльными групами оживлялись. Движенія въ срединномъ проходѣ учащались еще болѣе, а съ ними и тихое бряцанье цѣпей. Этотъ тихій перезвонъ желѣзныхъ колецъ нисколько не безпокоилъ меня, но при общей тишинѣ навѣвалъ на меня особаго рода думы о безуміи людскомъ, налагавшемъ на своихъ ближнихъ тяжелыя цѣпи и позорныя клейма! Позднѣе уже появлялся Биліо—личность оставшаяся мнѣ и по сю пору загадочною. По приходѣ онъ всякій разъ окруженъ былъ арестантами и разсказывалъ имъ мѣстныя новости. Я вновь возлежалъ съ нимъ на нарахъ. Каковъ бы онъ ни былъ, но ко мнѣ онъ былъ искренно расположенъ. Болтали, смѣялись и затѣмъ расходились по своимъ мѣстамъ. А на верхнихъ нарахъ слышны были разговоры за игрою въ карты. Такова была печальная жизнь заключенныхъ херсонскаго военнаго острога. Сонъ успокаивалъ все, и безсонницы, кажется, ни у кого не было,—несмотря на неудобное ложе—жесткое и грязное.

Большіе праздники отличались обиліемъ пищевыхъ приношеній благотворителей. Между ними преобладали бѣлыя булки, пироги съ кашею, горохомъ. Свинина, иногда говядина подавались разрѣзанными порціями. На свѣтломъ праздникѣ, конечно, были творогъ, пасха, куличи, яйца и другія яства. Ими заставлялся узкій, длинный столъ, состоявшій просто изъ досокъ, клавшихся на перекладины, приносимыя къ обѣденному часу, и затѣмъ убираемый—для освобожденія прохода. За супомъ и за кашей съ саломъ ходили сами въ кухню. Ко мнѣ пищевары были особенно благосклонны при раздачѣ порцій. Послѣ, и даже за обѣдомъ, уже появлялись бутылки съ водкою, пьянство было порядочное, въ казармѣ громкіе разговоры, шумъ и споры—до драки не доходило.

Объ упомянутыхъ въ этой главѣ новыхъ личностяхъ (колонистѣ, нѣмцѣ, Колюжномъ и Еремѣевѣ) не было ничего сообщено на предъидущихъ страницахъ, потому считаю нелишнимъ, въ виду послѣдующаго разсказа, дополнить недостающее.

Колонистъ нѣмецъ — Іоганъ Куммеръ былъ человѣкъ лѣтъ 45, средняго роста, брюнетъ, съ крупными чертами лица. Онъ держалъ себя сосредоточенно былъ задумчивъ и молчаливъ, прохаживался медленно. Однажды, въ праздничный день онъ разсказывалъ мнѣ тревожнымъ голосомъ, по-нѣмецки, о своемъ злоключеніи, когда онъ изъ ревности убилъ человѣка.

Несмотря на тягость совершеннаго имъ преступленія, онъ былъ изъ числа срочныхъ и отбывалъ свои годы въ надеждѣ возвращенія къ свободной жизни—въ свою колонію.

Еремѣевъ Дементій (Еремка-пьяница), человѣкъ этотъ хорошо сохранился въ моей памяти: средняго роста, лѣтъ 40, лицомъ рябоватый; къ спокойной бесѣдѣ не склонный. Онъ умѣлъ шить обувь и тѣмъ зарабатывалъ себѣ кое-что. По праздникамъ принаряжался, но сильно запивалъ и любилъ картежную игру. Откуда онъ родомъ, мнѣ осталось неизвѣстнымъ, да онъ, кажется, скрывалъ свое происхожденіе отъ всѣхъ, и откровенная бесѣда съ нимъ была бы невозможна. Онъ былъ въ Сибири, оттуда бѣжалъ и пойманный вновь уходилъ и наконецъ для безопасности ушелъ въ азіатскую Турцію, гдѣ странствовалъ нѣсколько лѣтъ и научился турецкому языку, но, соскучившись по родинѣ, возвратился въ Россію и, какъ бѣглый, послѣ разныхъ странствій попалъ въ херсонскій острогъ. Попадался онъ черезъ свое пьянство. Арестанты болѣе опытные замѣчали на его лбу и скулахъ слѣды клеймъ, которые выступали слегка красными линіями при всякомъ его разгоряченіи въ пьяномъ видѣ и послѣ бани. Ближайшее начальство, вѣроятно замѣчало то же, но поведеніе его все же не подавало повода къ возбужденію противъ него никому не нужнаго дѣла. Онъ одинъ, кромѣ меня, говорилъ съ турками на ихъ родномъ языкѣ и говорилъ бойко, простонароднымъ языкомъ. Турки отзывались о немъ, какъ о пьяницѣ, много крутившемъ жизнью.

Степанъ Колюжный (Степа молодчикъ): маленькаго роста, юный, круглолицый блондинъ,—красавчикъ, съ голубыми глазами. Онъ привлекалъ меня своею наружностью и тихимъ, кроткимъ нравомъ, а между тѣмъ онъ, несмотря на свою молодость, былъ отягченъ кандалами. Онъ былъ извѣстный въ острогѣ плясунъ. Глядя на него, невольно возникалъ вопросъ, что могъ онъ совершить, чтобы быть присужденнымъ къ такому тяжелому наказанію?! Изъ разговора съ нимъ о его дѣлѣ я ничего не могъ выяснить. Онъ не считалъ себя виновнымъ. Теперь только пришлось мнѣ впервые уразумѣть, какое огромное упущеніе было съ моей стороны пренебречь выясненіемъ тогда же возникавшихъ во мнѣ вопросовъ,—по отношенію стольких на моихъ глазахъ проходившихъ фактовъ.

XVI.

На работу выходили обыкновенно съ разсвѣтомъ во всякое время года и возвращались съ закатомъ солнца. Уже не разъ описаны были пробужденіе отъ сна и поспѣшное вставаніе арестантовъ съ уходомъ на дворъ. За стѣною люди, выведенные на работу, становились въ рядъ, одинъ подлѣ другаго, за ними стояла вооруженная стража. При этомъ присутствовало ближайшее начальство — фельдфебель, унтеръ-офицеры и командированное какое-либо лицо отъ инженернаго управленія, со спискомъ въ рукѣ, въ которомъ написаны требованія на предстоящія работы извѣстнаго числа рабочихъ. Затѣмъ, однимъ изъ унтеровъ отсчитывались по означеннымъ числамъ рабочіе на каждую группу, къ которой тутъ же назначалось нужное число конвойныхъ съ острожнымъ унтеръ-офицеромъ, причемъ число вооруженной стражи назначалось всегда, по крайней мѣрѣ, втрое менѣе числа рабочихъ. Каждая группа, отсчитанная, отправлялась сейчасъ же. Большая часть работъ производилась въ границахъ крѣпости, но окружавшій ее валъ обнималъ большое пространство, и населеніе его было не малое. Зимою производились работы печныя, рубка дровъ, переноска строительнаго матеріала, расчистка улицъ отъ снѣга, если былъ таковой, что случалось рѣдко, такъ какъ большею частью стояли вѣтры, небольшіе морозы и гололедица. Какія еще были работы — не помню. Арестанты всѣ были въ полушубкахъ, конвой же въ однихъ своихъ солдатскихъ шинелькахъ. Таковые порядки были при Николаѣ I: военное министерство держалось строгаго, суроваго режима: русскій солдатъ долженъ переносить все, и холодъ и зной, долженъ быть сытъ безъ достаточной пищи, совершать безъ усталости походы и переносить безропотно всѣ тягости службы и побои въ теченіе 25 лѣтъ.

Въ первый разъ, когда я вышелъ со двора въ общій арестантскій нарядъ, встрѣтилось недоразумѣніе, въ какую группу назначить меня. Имѣлось въ виду, по заботливости обо мнѣ начальства, посылать меня на работу болѣе мелкую и чистую. Таковою оказалась рубка дровъ, и я изъявилъ желаніе стать въ числѣ назначенныхъ на рубку дровъ. Начальство не возражало, и я отправился съ прочими на инженерный дворъ. Нарядъ былъ небольшой — человѣкъ 8. Распредѣлялось, кому пилить, кому рубить, розданы были пилы и топоры. Я взялъ топоръ, но какой-то начальствующій инженерными работами, одѣтый по формѣ инженернаго вѣдомства, молодой человѣкъ, можетъ быть, нѣсколькими годами старше меня, средняго роста, красивый, стройный мужчина, поговоривъ съ унтеръ-офицеромъ, подошелъ ко мнѣ и предложилъ мнѣ оставить топоръ, такъ какъ «рабочихъ рукъ, — сказалъ онъ,—довольно, а вамъ такая работа непривычна».

Это былъ первый, на свободѣ живущій, человѣкъ въ Херсонѣ, который показалъ мнѣ свое сочувствіе и участіе, — первый, который привлекъ меня къ себѣ — Александръ Михайловичъ Бушковъ. Онъ имѣлъ непосредственное наблюденіе надо всѣми инженерными работами и подъ своимъ начальствомъ цѣлую команду такъ называемыхъ военно-рабочихъ. (Въ числѣ ихъ были и выпущенные уже на волю изъ числа арестантовъ). Я поупрямился оставить работу и выражалъ желаніе и даже необходимость мнѣ, въ моемъ положеніи, хорошей проходки и тѣлодвиженія,—тѣмъ не менѣе, по просьбѣ его, я въ этотъ разъ оставилъ работу и вступилъ съ нимъ въ разговоръ, который меня интересовалъ. Онъ мнѣ сказалъ, что здѣсь, въ этомъ домѣ, живетъ инженеръ Николай Евстафіевичъ Рудыковскій, который желалъ бы познакомиться со мною, но — прибавилъ онъ — «крѣпостное начальство имѣетъ объ васъ строгія предписанія и всякій вашъ шагъ будетъ извѣстенъ ему, потому надо нѣсколько подождать». Онъ ушелъ со двора, и я принялся было вновь за рубку дровъ, но арестанты смѣялись и тоже пригласили меня не браться за топоръ и вовсе не думать о томъ. «Никому не нужна ваша работа, и безъ васъ она будетъ сдѣлана». Тѣмъ не менѣе я началъ рубить дрова, для освѣженія застоявшейся крови, и, порубивъ немного, оставлялъ и потомъ опять рубилъ — я хотѣлъ привыкнуть рубить дрова. Другого дѣла не было у меня, и это было первое мое дѣло въ арестантской ротѣ. Рубка дровъ начинала меня интересовать, и я, не утруждая себя, съ отдыхами производилъ ее и тѣмъ былъ доволенъ собою. Арестанты смѣялись.

Запасы дровъ были большіе, и рубка ихъ продолжалась нѣкоторое время. Я назначаемъ былъ на эту работу всегда, когда требовался на то нарядъ.

Другая работа моя, или лучше работа, при которой я присутствовалъ, которая мнѣ вспоминается, это кладка печей. Она производилась печниками, и я былъ въ сторонѣ отъ этой работы, но это производилось въ комнатахъ и въ нихъ мнѣ удавалось встрѣчаться съ жильцами квартиры. Всѣ мимо проходящіе смотрѣли на меня съ любопытствомъ, но никто не отважился заговорить съ сосланнымъ по политическому дѣлу арестантомъ. Въ работѣ этой я не участвовалъ, но все же было лучше, чѣмъ сидѣть безвыходно въ казармѣ. Во-первыхъ, проходка, а во-вторыхъ я увидѣлъ и нѣкоторыхъ новыхъ людей, кромѣ тѣхъ, которые меня каждый день окружали. Изъ другихъ работъ были переноски строительнаго матеріала, при которыхъ я только присутствовалъ, такъ какъ арестанты не допускали меня браться за тяжести. Однажды, помню я, поднимали цѣлое утро наверхъ ордонансъгауза большой гербъ — желѣзнаго двуглаваго орла. Съ этимъ была большая возня, требовалось умѣнье, чтобы вся эта тяжесть не грохнулась на землю и не убила кого-нибудь. Теперь по истеченіи 52 лѣтъ, я, къ сожалѣнію, не могу вспомнить, какія еще работы производились въ моемъ присутствіи зимою, кромѣ упомянутыхъ здѣсь. Изъ нихъ рубка дровъ была для меня самая подходящая и желательная, на которой я впервые и встрѣтился съ инженеромъ Н. Е. Рудыковскимъ, что имѣло для меня самыя благотворныя послѣдствія.

XVII.

Прерываю описаніе арестантскихъ работъ и моего въ нихъ участія въ зиму 1850 года; скажу только, что я выходилъ на работу ежедневно и, по возвращеніи въ казарму, чувствовалъ себя нѣсколько освѣженнымъ прогулкою и встрѣчами съ новыми лицами, которыя случайно проходили мимо партіи арестантовъ. Тягость моего положенія, однако же, чувствовалась постоянно. Немногіе изъ жителей острога доставляли мнѣ нѣкоторое развлеченіе, ихъ было очень мало, и они всѣ, проведя годы острожной жизни, уже привыкли, приспособились къ оной, и на нихъ уже былъ отпечатокъ покорности своей судьбѣ, хотя въ тайникѣ души у каждаго тлилась искра надежды на освобожденіе—окончаніемъ ли недолгаго уже срока или царскимъ манифестомъ, или же, наконецъ, постоянно замышляемымъ и обдумываемымъ побѣгомъ.

Я томился, скучалъ полнымъ бездѣліемъ, оторванный ото всѣхъ моихъ привычныхъ занятій. Читать и писать что-либо было немыслимо; надсмотрщики надо мной отняли бы у меня всякій къ тому матеріалъ. Кромѣ этой скуки, которой я томился, оторванный отъ всего свѣта, тяготила меня ежеминутно страшная, совсѣмъ непривычная мнѣ нечистота, которую я не испытывалъ и при всѣхъ лишеніяхъ одиночнаго заключенія въ крѣпости, — я, какъ уже сказано, былъ осыпаемъ блохами и вшами; первыя совались повсюду, даже скакали въ ротъ. Все это не могло быть безропотно переносимо, и я страдалъ и мучился. Въ первые мѣсяцы моей жизни въ острогѣ, терпя столь тяжелое горе, я все болѣе проникался мыслью о несоразмѣрности наложеннаго на меня жестокаго наказанія съ моею ничтожною провинностью, если таковою можно назвать найденныя между моими бумагами случайныя мысли, набросанныя перомъ или карандашомъ на одиночныхъ листкахъ.

И мнѣ все чаще, въ первые мѣсяцы, приходило на мысль, что ссылка моя въ арестантскую роту была только для устрашенія: обстригли подъ гребенку, побрили головы и заставили надѣть арестантскія куртки и шапки, на нѣкоторыхъ даже навѣсили кандалы. Мнѣ казалось, что это не можетъ продлиться долго. Въ назначенный мнѣ четырехлѣтній срокъ я никогда не вѣрилъ, и въ первые мѣсяцы мнѣ казалось, что ежедневно я могу быть возвращенъ въ мою прежнюю жизнь. Объ этомъ тайномъ моемъ помышленіи я неговорилъ никогда никому, но оно было во мнѣ и поддерживалось несоразмѣрно большимъ наказаніемъ. Проходили, однако же, мѣсяцы, и я все сидѣлъ въ острогѣ, все ждалъ, наконецъ, прошло уже болѣе полугода, и я убѣдился въ томъ, что это не шутка, а ссылка настоящая— дѣйствительная, неотмѣняемая. Что жъ дѣлать? Оставалось терпѣть.

Между тѣмъ настала масляница, великій постъ — дни благочестія, молитвы и раскаянія. И великіе грѣшники, жители острога, допускаемы были тоже къ посѣщенію храмовъ. Они водились въ соборную церковь не большими партіями по обыкновеннымъ воскресеніямъ, а въ великій постъ они допускаемы были и къ говѣнію. Я всегда старался бывать за обѣдней, въ числѣ партіи, назначенной въ церковь, человѣкъ двадцать числомъ и болѣе, въ сопровожденіи одного унтеръ-офицера и многихъ конвойныхъ, которые, оставивъ ружья при входѣ въ церковь, входили въ нее тоже и становились возлѣ арестантовъ, которые всѣ вмѣстѣ занимали всегда одно и то же мѣсто—справа по входѣ въ соборъ, въ небольшомъ углубленіи капитальной стѣны, позади вольныхъ мірянъ Я былъ среди нихъ и старался бывать сколь возможно часто.

И вотъ, на первой недѣли великаго поста я стоялъ въ соборѣ между арестантами, мы говѣли. Въ предыдущей моей жизни я пересталъ совсѣмъ бывать въ церкви, считая это тратою времени, но тогда, при безвыходномъ моемъ заключеніи въ казармѣ, это было для меня отдыхомъ и развлеченіемъ. Мои сожители внимали церковному пѣнію и усердно молились, нѣкоторые съ колѣнопреклоненіемъ. Мы ходили два раза въ день и возвращались по окончаніи вечерняго служенія, нѣсколько позже обыкновеннаго по отношенію къ закату солнца. Въ пятницу вечеромъ арестанты допущены были къ исповѣди. Они подходили, входили и выходили одинъ за другимъ довольно скоро; выйдя, молились подъ образами и становилися на свои мѣста. Очередь дошла до меня, и я вошелъ въ завѣшанное исповѣдное мѣсто. Въ немъ сидѣлъ старый, сѣдой протоіерей собора. Когда я подошелъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Ну, какіе твои грѣхи, говори!

Я затруднялся, что ему сказать; въ тонѣ словъ его выражалась торопливость, я медлилъ отвѣтомъ, не зная, что сказать, и онъ продолжалъ:

— Ну, говори, что ты сдѣлалъ, за что ты арестантомъ... обманулъ, обокралъ, убилъ, можетъ быть, кого?

Я еще больше смутился и тихо отвѣтилъ:

— Батюшка! Я ничего такого никогда не дѣлалъ.

— За что же ты здѣсь съ арестантами?

Отвѣтъ мой былъ:

— Я не знаю.

— Откуда ты и по суду за что обвиненъ,—спрашиваю я?

— Я изъ Петербурга и сосланъ сюда за участіе въ политическомъ дѣлѣ, но по совѣсти скажу вамъ на исповѣди—я ни въ чемъ не виноватъ... хотя и просилъ со страха прощенія.

Тутъ онъ задумался, посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Такъ это ты, что присланъ сюда,—недавно изъ Петербурга! Фамилія ваша какъ?

— Моя фамилія Ахшарумовъ.

— Да, такъ вотъ что!.. Жаль, жаль мнѣ васъ... Стало быть, вышло какое недоразумѣніе, когда вы не чувствуете себя виновнымъ! Грѣха, стало быть, нѣтъ? (Я молчалъ). Ну и утѣшьтесь этимъ—бываютъ и по суду ошибки... Все тайное обнаружится, и вы будете вознаграждены за страданіе... Какъ же вы живете, въ острогѣ,—со всѣми прочими.?

— Да, я живу въ острогѣ, съ арестантами.

— Дозволяется ли вамъ чѣмъ заниматься?.. Есть ли у васъ книги?

— Я ничѣмъ не занимаюсь, книгъ у меня нѣтъ.

— О! это тяжело, очень тяжело!

— Батюшка! позвольте васъ просить — дайте мнѣ что-нибудь читать.

— Дамъ,—какую бы книгу вы желали? Если у меня есть, конечно.

— Можетъ быть, у васъ есть проповѣди какого-либо извѣстнаго проповѣдника?.. Іоанна Златоуста или другаго?..

— Есть, и я вамъ дамъ ее, придите ко мнѣ.

— Меня никуда не выпускаютъ, и мнѣ не повѣрятъ, что къ вамъ. Вы сами меня потребуйте къ себѣ, тогда меня должны будутъ отпустить въ сопровожденіи конвойнаго.

— Такъ вотъ какъ!.. Хорошо, я скажу коменданту, и васъ отпустятъ.

— Прошу васъ, сдѣлайте это.

Онъ положилъ мнѣ на голову эпитрахиль и прочиталъ надо мною молитву, затѣмъ отпустилъ.

Какъ только я вышелъ и присоединился къ своей средѣ, меня встрѣтили всѣ вопросомъ:

— Что это онъ васъ такъ долго держалъ, развѣ грѣховъ такъ много?

Тутъ нашъ арестантъ псаломщикъ Иванъ Ефимовъ, смѣясь, добавилъ про меня:

— О! злоба его велика, и беззаконіямъ его нѣтъ конца... сердце его твердо, какъ камень, и жестко, какъ нижній жерновъ—съ полунагихъ снималъ онъ платье...

— Перестань врать,—сказалъ тутъ же близъ него стоящій,—вѣдь мы въ церкви!

— Слова мои изъ библіи, какое тутъ вранье.

— Такъ они къ намъ неподходящія — понимаешь ты?! Голова твоя пустая, а языкъ, какъ мельница!..

Разговоръ этотъ продолжался вполголоса, и стоявшій подлѣ меня сказалъ мнѣ: «Этотъ человѣкъ не злой, любитъ сболтнуть и посмѣяться».

Мы оставались, пока всѣ арестанты поисповѣдались, и вернулись въ казарму позже обыкновеннаго.

XVIII.

Великій постъ 1850 года прожитъ былъ мною однообразно, печально. Съ арестантами встрѣчаясь ежеминутно и сталкиваясь въ срединномъ проходѣ, я перезнакомился почти со всѣми, хотя и не зналъ каждаго по имени. Всѣ они были со мною привѣтливы, иные даже услужливы. Пища была постная, но по вкусу она мнѣ болѣе приходилась, такъ какъ сала не клалось болѣе въ нее, хлѣбъ остался тотъ же самый, а квасъ приготовлялся чаще прежняго.

Вскорѣ я замѣтилъ, что въ праздничные дни, по утрамъ въ срединномъ проходѣ проходилъ иногда медленно солдатъ, смотря на полки надъ нарами, и останавливаясь, спрашивалъ что-то. Это не замедлилось объясниться. Солдаты приходили покупать у арестантовъ хлѣбъ—вѣроятно, онъ былъ лучше испеченъ. Ежедневный хлѣбный паекъ былъ 4 фунта, и не всѣ съѣдали его до конца. Несъѣденное сбывалось солдатамъ. Отъ моей ѣды оставался всегда порядочный излишекъ, и куски эти охотно покупались по копейкамъ.

Наше русское воинство въ различныхъ полкахъ и мѣстностяхъ Россіи, по количеству и качеству пищи, кормится весьма различно. Это зависитъ, конечно, всецѣло отъ командующихъ ими начальниковъ. Въ тѣ времена, 50 лѣтъ тому назадъ, при Николаѣ I, извѣстно было и ему самому, что командиры обогащались и должность эта даже давалась для поправленія средствъ жизни. Этотъ же, какъ бы добрый, старый обычай переходилъ и на подвѣдомственные имъ низшіе отдѣлы полка,—батальонные, ротные командиры, и фельдфебели дѣлали себѣ сбереженія на счетъ солдатской пищи и вообще всего содержанія солдата, сколько могли, такъ что оно было всюду неудовлетворительно. Недаромъ образовалась всѣмъ извѣстная поговорка, даже бывшая уже въ печати, сколько мнѣ помнится, въ «Русской Старинѣ» въ 80-хъ годахъ: «Русскій солдатъ голъ, какъ соколъ, голоденъ, какъ песъ, остеръ, какъ бритва».

Въ 1850 году, въ Херсонѣ стоялъ виленскій пѣхотный полкъ, который впослѣдствіи, въ 1854 году, участвовалъ въ закавказской дѣйствующей арміи—въ Азіатской Турціи и бóльшая часть его пала при штурмѣ Карса. Я знаю это потому, что въ 1854 году и я былъ переведенъ въ этотъ самый полкъ. Имъ-то, будущимъ моимъ сослуживцамъ, я и продавалъ хлѣбъ. Деньги эти, собираемыя мною по копейкамъ, употреблялись на покупку крайне нужнаго мнѣ мыла, что и дѣлалось съ помощью турокъ.

Въ казармѣ, какъ уже извѣстно читателю, была большая печь, она топилась зимою каждый день. Ее топили матеріаломъ, растущимъ въ большомъ обиліи по ту сторону отлогаго берега Днѣпра, поросшаго высокими камышами. Я въ первый разъ въ жизни въ 1850 году узрѣлъ это отопленіе. Большія, необъятныя руками связки камышинъ волоклись по земляному полу сѣней и втягивались въ казарму по мѣрѣ надобности. Втолкнутыя въ печь и зажженныя, онѣ быстро загорались большимъ огнемъ, сгорали и были безостановочно замѣняемы другими. Большая, толстая печь становилась, какъ жаркое горнило; стѣны ея нагрѣвались сильно, и теплота отъ нихъ распространялась по всей казармѣ. Меня эта новость занимала въ первое время, и я смотрѣлъ, какъ камыши вспыхивали большимъ пламенемъ. Въ иные дни топленіе это соединено было съ печеніемъ хлѣба. Пекли хлѣбъ два арестанта, которые варили пищу и жили въ кухнѣ. Хлѣба пеклось большое количество, на двѣ казармы, потому это дѣло продолжалось нѣсколько часовъ. По окончаніи печенія оставалась пустая жаркая печь и тутъ, къ удивленію моему, хлѣбопеки предлагали всѣмъ, кто хотѣлъ, очищеніе жаромъ носимыхъ арестантами рубахъ, онучъ и портковъ. Охотниковъ всегда было много, и, снявъ съ себя всѣ свои покровы, они, голые, приносили ихъ для очищенія, и вещи эти партіями вводились въ духовую печь: клопы, блохи и вши лопались отъ жара, и затѣмъ всякій бралъ свою одежду и надѣвалъ ее уже очищенной. Меня удивляла такая находчивость русскаго человѣка, до которой наши ученые додумались настоящимъ образомъ только въ 60-хъ годахъ минувшаго вѣка, и я могу сказать, какъ врачъ, что первую дезинфекціонную камеру жаромъ я видѣлъ въ 1850 году, въ херсонскомъ военномъ острогѣ, гораздо прежде, чѣмъ изобрѣтены были аппараты Шиммельбуша и другихъ гигіенистовъ въ лабораторіяхъ Европы.

XIX.

Жизнь моя въ острогѣ продолжалась однообразно-томительно, скучно,—безъ всякаго интересовавшаго меня умственнаго дѣла. Я все ближе знакомился съ моими сожителями, то съ тѣмъ, то съ другимъ, и примѣнялся къ моей новой жизни. По вечерамъ возвращался изъ ордонансъ-гауза Биліо и приносилъ нѣкоторыя городскія новости о людяхъ мнѣ незнакомыхъ, о распоряженіяхъ начальства и о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и о ихъ страсти къ картамъ. Въ одинъ изъ вечеровъ, въ теченіе великаго поста, онъ мнѣ принесъ новость о беззаконныхъ, какъ онъ говорилъ громко, намѣреніяхъ плацъ-майора относительно привезенныхъ мною въ Херсонъ вещей. «Онъ вознамѣрился продать ихъ съ аукціона, на томъ основаніи, что арестантъ не имѣетъ права имѣть имущества; все должно быть продано и вырученныя отъ продажи деньги обращены на улучшеніе пищи арестантовъ». Я объ этихъ правилахъ не имѣлъ никакого понятія, потому и считалъ нужнымъ безропотно покориться этому. Биліо, однако же, высказывалъ другое мнѣніе, быть можетъ, слышанное имъ отъ другихъ,— что это относится только къ бродягамъ, не имѣющимъ родства, мое же имущество, за невозможностью мнѣ владѣть имъ, подлежитъ отдачѣ моимъ роднымъ. Я не рѣшался претендовать на что-либо, такъ уже я отягченъ былъ всѣмъ со мною случившимся. Биліо, однако же, совѣтовалъ мнѣ увидѣть коменданта и просить его не допускать этой продажи, но лишеніе свободы до такой степени превышало лишеніе вещей, которыя когда-то въ будущемъ могутъ мнѣ понадобиться, что я былъ равнодушенъ къ потерѣ ихъ. Дальнѣйшія свѣдѣнія о положеніи этого дѣла я получалъ ежедневно. Биліо, ругая плацъ-майора, говорилъ, что это картежникъ, играющій на большую ставку, и что продажа моихъ вещей съ аукціона затѣяна была имъ съ цѣлью пріобрѣсть посредствомъ подставного лица нѣкоторыя изъ моихъ вещей. Наконецъ, продажа эта совершилась, и плацъ-майоръ захватилъ себѣ часы, мѣховую шапку и нѣкоторыя другія вещицы.

Ближайшимъ моимъ начальникомъ былъ ротный командиръ Петрини. Ему ввѣрено было исполненіе всего строжайшаго обо мнѣ предписанія, врученнаго коменданту привезшимъ меня фельдъ-егеремъ. Читатель отчасти уже знакомъ съ нимъ по описанію моего пріема въ арестанскую роту. Онъ былъ человѣкъ старый, изношенный жизнью, и въ немногія кратковременныя мои съ нимъ встрѣчи производилъ на меня впечатлѣніе—испитого, жалкаго больнаго; руки его, всегда грязныя, тряслись, голосъ его былъ слабый, грудной, сиплый. Его именовали капитаномъ, но въ умственномъ отношеніи онъ производилъ впечатлѣніе человѣка какъ бы вовсе неразвитого. Онъ приходилъ въ роту раза два въ недѣлю, прохаживался, какъ бы осматривая все, причемъ дежурный унтеръ-офицеръ сопровождалъ его, отвѣчая на его вопросы. Иногда онъ садился въ описанной досчатой канцеляріи и требовалъ къ себѣ нѣкоторыхъ арестантовъ.

При приходѣ онъ считалъ, кажется, своею служебною обязанностью увидѣть меня и освѣдомиться, какъ я тутъ живу, причемъ всегда говорилъ мнѣ «ты». Разговоры были короткіе; онъ не зналъ, что сказать; я молчалъ, и онъ уходилъ. Между прочимъ я счелъ нужнымъ поблагодарить его за сохраненіе моего бѣлья и его заботы обо мнѣ. Онъ казался довольнымъ этимъ и сказалъ, что это не онъ, а его жена, и что она желаетъ меня видѣть. Я съ удивленіемъ услышалъ это и молча смотрѣлъ на него. «Ну, это мы устроимъ... Можно тебѣ будетъ придти къ намъ съ работы поблизости», сказалъ онъ.

Однажды, по приходѣ, онъ позвалъ меня въ канцелярію и сказалъ, что унтеръ-офицеръ Керсанфовъ жаловался на меня, что я на него кричу, на что я отвѣтилъ, что онъ не даетъ мнѣ говорить съ арестантами, и что это такой человѣкъ, что выводитъ меня изъ терпѣнія.

— Ну, я тебѣ назначу другого унтеръ-офицера... надо будетъ сказать плацъ-майору.

— Зачѣмъ же нуженъ для меня особый человѣкъ?—спросилъ я.

— Ну, такъ приказалъ комендантъ и отмѣнить совсѣмъ его приказаніе я не могу!

Я привелъ эти разговоры, чтобы показать читателю обращеніе со мною этого человѣка, каковаго я никакъ не могъ ожидать по первоначальному его пріему; онъ ко мнѣ, видимо, благоволилъ, и я чувствовалъ, что долженъ быть въ моихъ словахъ съ нимъ сдержанъ и все же почтителенъ къ его капитанскому чину.

XX.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего разговора съ капитаномъ Петрини подошелъ ко мнѣ вечеромъ одинъ изъ унтеръ-офицеровъ по фамиліи Матвѣевъ, нравившійся мнѣ по своему обращенію съ арестантами. Онъ объявилъ мнѣ, что назначенъ начальствомъ для присмотра за мной,—вмѣсто Керсанфова. Сказавъ мнѣ это, онъ вызвалъ меня въ сѣни и спросилъ меня:

— Скажите, пожалуйста, что случилось, развѣ вы что нибудь сказали или сдѣлали что-либо?

— Я? Нѣтъ, ничего не сдѣлалъ и не сказалъ.

— Такъ отчего же меня потребовалъ плацъ-майоръ и, смѣнивъ Керсанфова, приказалъ мнѣ смотрѣть за вами и день, и ночь?!

Я объяснилъ ему, что все это случилось помимо моего вѣдома, что я только просилъ капитана принять отъ меня Керсанфова и не назначать для меня никакого особаго надзора,—потому что нечего смотрѣть за мною... меня здѣсь всѣ видятъ.

— А больше этого ничего вы не говорили и обо мнѣ тоже?

— Ничего не говорилъ.

— Такъ это, значитъ, плацъ-майоръ самъ выдумалъ Богъ знаетъ что. Нашъ ротный капитанъ сказалъ мнѣ только, что онъ назначаетъ меня, вмѣсто Керсанфова, и ничего болѣе не прибавлялъ, что если вамъ нужно что, то чтобы вы сказали мнѣ, это для меня не трудно, и я этимъ нисколько не тягощусь, но плацъ-майоръ приказывалъ и днемъ, и ночью наблюдать за вами—это уже Богъ знаетъ что и зачѣмъ?

— Я также думаю, что плацъ-майоръ самъ не знаетъ, чего опасается. Васъ только тревожитъ напрасно!

— Да чего мнѣ за вами смотрѣть?!.. Васъ всѣ знаютъ, всѣ видятъ; да объ васъ никто дурного слова не сказалъ; еще буду я по ночамъ уходить въ казарму?!.. Я недавно женился!

— Такъ чего же вамъ свою жизнь портить... Я увѣряю васъ, что за мною не надо вовсе смотрѣть, и прошу васъ, идите спокойно домой. Мы всѣ будемъ спать преспокойно, и плацъ-майоръ тоже!

— Ну я такъ и сдѣлаю—пойду домой и буду ночевать дома, меня и пушками не разбудитъ плацъ-майоръ!

Этимъ кончился этотъ забавный разговоръ, показавшій мнѣ, что одинъ только грубый плацъ-майоръ чего-то опасается.

Все послѣдовало, какъ мы переговорили, и я почувствовалъ особое расположеніе къ этому молодому, еще не испорченному унтеръ-офицеру.

Тутъ же вскорѣ случилось и другое обстоятельсто, облегчившее нѣсколько мою жизнь въ острогѣ. Въ одинъ изъ дней—это было уже на страстной недѣлѣ, прибѣжалъ ко мнѣ одинъ изъ турокъ—молодой Мехмедъ Инглизъ и сообщилъ мнѣ, «что старикъ, сосѣдъ его по ночлегу на верхнихъ нарахъ, переведенъ въ отдѣленіе неспособныхъ, и его мѣсто осталось пустымъ, хорошо бы вамъ занять это мѣсто, —сказалъ онъ,—и я бы желалъ, чтобы вы, а никто другой помѣстились подлѣ меня». Мнѣ хотѣлось самому перейти на верхнія нары, чтобы не быть внизу посрединѣ казармы—на самомъ видномъ мѣстѣ для всѣхъ проходящихъ, и его приглашеніе стало вдругъ моимъ самымъ лучшимъ, горячимъ желаніемъ въ эту минуту, и неисполненіе его было бы для меня уже очень прискорбно.

«И въ самомъ дѣлѣ для меня,—думалъ я,—самый лучшій, уютный уголокъ!» Я боялся только, чтобы ротный Петрини этому не воспротивился, но что будетъ послѣ,—это неизвѣстно, а мѣсто освободившееся могутъ занять, и я сейчасъ же перемѣстился туда. Въ тотъ же день объ этомъ я сообщилъ унтеръ-офицеру Матвѣеву, который противъ такого моего перемѣщенія ничего не имѣлъ, и вопроса объ этомъ болѣе никто не поднималъ. Верхнія нары, куда я перешелъ, были четвертыя или пятыя по счету, считая отъ замыкавшей острогъ капитальной задней стѣны,—противоположной входу изъ сѣней.

Вечеромъ Мехмедъ и я тамъ улеглись, какъ близкіе пріятели. Это положеніе мое наверху было несравненно лучше прежняго—низкаго, гдѣ по срединному проходу безпрерывно мимо меня туда и сюда ходили люди,—тамъ же наверху я былъ уединенъ въ своемъ уголкѣ и чувствовалъ себя какъ бы пріютившимся въ самомъ для меня лучшемъ мѣстѣ казармы. Одного мнѣ недоставало—я болѣе не слышалъ уже вечерней молитвы Морозова, которою какъ бы кончался мой день и которая производила на меня особое умиротворяющее дѣйствіе.

XXI.

Была страстная недѣля въ концѣ. Работы не производились болѣе. Арестанты бывали чаще въ церкви, и любимая молитва молящихся

«Господи и владыко живота моего...» творилась ими усердно,—со слезами и колѣнопреклоненіемъ.

Всѣ церковные праздники чтутся арестантами, и свѣтлѣйшій праздникъ, наиболѣе возбуждающій воображеніе темнаго люда,—ожидаемъ былъ всѣми жителями острога съ радостнымъ чувствомъ высокаго благоговѣнія. Звонъ колоколовъ, пушечные выстрѣлы и пасхальныя пѣсни—все содѣйствуетъ къ усиленію торжества. Но арестанты въ ночное время не были допущены къ заутренѣ. Тѣмъ не менѣе они не спали въ ожиданіи Воскресенія Господня въ полночь. Не раздѣляли этого настроенія только мои друзья турки—да колонистъ-нѣмецъ, да наши два застарѣлые нигилиста—Кельхинъ и, конечно, на все свысока смотрящій и надо всѣмъ смѣющійся Биліо. Когда я зашелъ провѣдать перваго, онъ мнѣ сказалъ:

— Сегодня они всѣ въ бреду, какъ бы сумасшедшіе, а завтра будетъ большое пьянство.

Биліо въ этотъ вечеръ пришелъ позднѣе обыкновеннаго. Хотя и не было въ этотъ день присутствія въ ордонансъ-гаузѣ, но онъ выходилъ съ конвойнымъ и, возвращаясь, зашелъ на гауптвахту къ своему знакомому, въ этотъ день стоявшему на посту, офицеру, который его угощалъ чаемъ и водкою Придя въ казарму, онъ разсказывалъ свою откровенную бесѣду съ прекраснымъ человѣкомъ офицеромъ. Они оба, выпившіе, конечно, договорились до того, что офицеръ изъявлялъ готовность, въ день его дежурства, снять постъ часового, для облегченія побѣга Биліо, какъ бы давно уже имъ замышляемаго, но теперь онъ болѣе расположенъ, чѣмъ когда-либо, исполнить свое намѣреніе и думаетъ бѣжать съ наступленіемъ полной весны. На мой вопросъ, какъ онъ совершитъ побѣгъ, онъ объяснялъ мнѣ, какъ именно это возможно,—пробраться черезъ чердакъ въ новостроющуюся казарму, примыкающую къ этому дому, и затѣмъ у него есть люди въ городѣ, которые его примутъ, снабдятъ платьемъ, но что онъ уйдетъ не одинъ, а съ нимъ вмѣстѣ бѣжитъ и Менщиковъ, да и меня онъ не оставитъ здѣсь одного. Изъ города онъ имѣлъ въ виду бѣжать въ Галицію къ польскимъ помѣщикамъ, которые его примутъ радостно, и мое съ нимъ прибытіе, какъ политическаго эмигранта, заинтересуетъ ихъ.

Галиція, говорилъ онъ, это чудная страна, ему давно знакома, и помѣщики ея несомнѣнно окажутъ намъ помощь и содѣйствіе во всемъ.

Я слушалъ его разсказъ, но не вѣрилъ ничему, что онъ говорилъ, такъ какъ онъ былъ подъ вліяніемъ спиртныхъ паровъ, и я радъ былъ, когда онъ кончилъ.

Нѣкоторые арестанты зажигали лампадку подъ образами, крестились и отходили. Было по всей казармѣ тихое, благочестивое, безцѣльное хожденіе взадъ и впередъ, въ ожиданіи наступленія великаго завтрашняго дня.

Турки сидѣли въ отдѣльности и тихо бесѣдовали съ чувствомъ глубокой тоски объ отдаленности ихъ отъ родины и ото всѣхъ своихъ народныхъ праздниковъ, обреченные отбывать безмѣрно великую, безсрочную ссылку въ чужой странѣ, въ херсонской военной тюрьмѣ, по жестокому договору такъ называемыхъ дружественныхъ государствъ.

Но вотъ насталъ и столь ожидаемый великій день Свѣтло-Христова воскресенья. Ночью спали всѣ спокойно. Пробужденіе было медленное. Вставъ, всѣ одѣлись въ чистое бѣлье, одинъ другого поздравляли, христосовались. Часовъ около 11 внесенъ былъ складной длинный столъ и поставленъ въ срединѣ казармы, въ проходѣ, такъ что по обѣимъ сторонамъ его оставалось достаточно мѣста для прохода. Установленный столъ покрытъ былъ небѣленою грубою скатертью, и затѣмъ приносились всѣ имѣвшіеся въ обиліи запасы пищи,—здѣсь были яйца, куличи, творогъ, пасхи, куски нарѣзанной говядины свинины, пироги,—все это были приношенія благотворителей къ свѣтлому празднику.

Кромѣ того, въ кухнѣ приготовлена была лучшая, болѣе сытная пища.

Опять же за ѣдою появились бутылочки съ водкою, и затѣмъ началось уже разъ описанное, почти поголовное опьяненіе, перемѣнившее настроеніе заключенныхъ,—болтовня, разговоры болѣе громкіе, порою возгласы... Боюсь прикоснуться къ описанію картины этого праздничнаго кажущагося отдыха,— такъ она разнообразна по проявленіямъ въ отдѣльныхъ личностяхъ этой оживившейся толпы; иные сидѣли въ раздумьѣ и шептали что-то. Исчезла изъ памяти моей за 52 года окружавшая меня рѣчь арестантская, съ ея характерными выраженіями, но лица нѣкоторыхъ стоятъ передо мной, какъ живыя, также какъ и голоса нѣкоторыхъ слышатся мнѣ. Еремѣевъ былъ очень подвиженъ, перемѣнялъ мѣста, заговаривалъ съ разными кучками сидѣвшихъ, ища забвенія своей неволи, не находя ни въ чемъ покоя. При мнѣ подошелъ онъ къ туркамъ:

— Мустафа, Мехмедъ! убѣжимъ изъ неволи за Дунай или въ Анатолію... тамъ лучше живется, тамъ люди лучше... тутъ жить нельзя... пропадемъ мы всѣ!..

— Анатолія!.. это наша родная страна! Инша Аллахъ, инша Аллахъ! (Богъ дастъ...), но тамъ водку не пьютъ, зачѣмъ ты пьешь?

— Радъ бы оставить, да не могу теперь,—отвѣчаетъ онъ и уходитъ.

Колонистъ-нѣмецъ то сидѣлъ одинъ, то прохаживался въ раздумьѣ. Я подошелъ къ нему:

— Вы, кажется, не пьете?

— Я не пью,—Gott bewahre (Боже сохрани!), отъ водки еще хуже. А вы пьете?

— Я? Нѣтъ, я совсѣмъ не привыченъ—меня угощаютъ, но я мочу только губы.

— Я совѣтую вамъ не привыкать вовсе.

— Конечно, конечно,—я не пилъ никогда и не буду пить... Позвольте спросить, надѣетесь вы выйти скоро изъ острога?

— Охъ, я уже прожилъ 5 лѣтъ, осталось еще 3 года. Богъ знаетъ, какъ нибудь доживу ихъ!

Разговаривалъ я съ Глущенко и съ Менщиковымъ, и со многими другими... Большая часть были навеселѣ. Вертясь туда и сюда, не зная, куда примкнуться отъ скуки, я взобрался въ мой высокій пріютъ и прилегъ уснуть. Я спалъ недолго; проснувшись, спустился внизъ и тамъ увидѣлъ туже картину,—казалось, было еще болѣе шума.

Подъ вечеръ этого дня, еще засвѣтло, въ помѣщеніи неспособныхъ, куда я пришелъ побесѣдовать съ Кельхинымъ и Вороновымъ, случилось происшествіе, врѣзавшееся глубоко въ моей памяти.

Кельхинъ и Вороновъ въ отдѣленіи неспособныхъ помѣщались одинъ противъ другого на нижнихъ нарахъ близъ срединной части казармы: Кельхинъ—справа отъ входа съ сѣней, у внутренней стѣны, примыкавшей къ отдѣленію, гдѣ жилъ я, а Вороновъ—слѣва, у наружной стѣны, выходившей окнами на дворъ. Посрединѣ казармы неспособныхъ, какъ я уже упоминалъ, была отлогая, лѣстница для всхода на верхнія нары, такъ какъ старые, слабые жильцы этого отдѣленія не могли взлѣзать по зарубкамъ на столбахъ, какъ это дѣлалось въ нашемъ отдѣленіи. Кельхинъ и Вороновъ были два товарища, раздѣлявшіе постоянно между собою тяжелую подневольную жизнь Оба они были малопьющіе.

Я вошелъ въ отдѣленіе ихъ и засталъ Кельхина сидящимъ на нарахъ помѣщенія Воронова; оба они меня встрѣтили привѣтливо, и мы расположились втроемъ. Мы бесѣдовали о дѣлахъ текущаго дня, о томъ, что видѣли и слышали въ нашихъ казармахъ, ни газетъ, ни книгъ у насъ не было, и мы жили вполнѣ однимъ настоящимъ, для насъ столь тяжелымъ временемъ; оторванные отъ жизни, мы были какъ бы въ одиночномъ заключеніи.

Во время нашей бесѣды мы стали замѣчать, что противъ насъ на верхнихъ нарахъ какой-то несчастный говорилъ самъ съ собою, повидимому въ пьяномъ бреду. Онъ лежалъ на животѣ, головою къ срединному проходу и по временамъ приподнималъ голову. Бредъ его становился все сильнѣе и громче и все болѣе привлекалъ вниманіе проходившихъ.

— Кто это?—спрашивали нѣкоторые.

— Это старый Савва Баламутенко.

— Что же это онъ во снѣ говоритъ?

— Нѣтъ, лежитъ и все вретъ что-то.

Бредъ становился все сильнѣе, слышались отдѣльныя слова—то ругательства, то молитвенныя. «Господи! помоги!.. Сподоби меня грѣшнаго!»

За тѣмъ онъ высунулъ голову сверху и, смотря на внизу сидѣвшихъ, произносилъ озлобленно сквернословія.

— Савва, Савва! что ты это?—сказалъ кто-то.

— Я васъ, антихристы, адово племя, всѣхъ уложу тутъ!

Всѣ перестали говорить, проходившіе останавливались и съ удивленіемъ смотрѣли, что съ человѣкомъ сдѣлалось.

Онъ выдвинулся головой еще болѣе и излился цѣлымъ потокомъ страшныхъ ругательствъ.

— Ироды! лиходѣи, костогрызы, отродье дьявола, сонмище нечестивыхъ... Я васъ всѣхъ утихомирю...—онъ произносилъ ужасныя ругательства и окончилъ ихъ словами:—теперь насталъ судъ Божій,—моею рукою я уложу васъ всѣхъ...

При этомъ онъ всталъ и съ ножомъ въ рукѣ, потрясая имъ, съ верхнихъ наръ бросился по лѣстницѣ внизъ, держа въ правой рукѣ поднятый ножъ.

Сидѣвшіе и стоявшіе внизу только въ эту минуту поняли угрожавшую всѣмъ опасность и вскочили со своихъ мѣстъ, но яростный, разскраснѣвшійся безумецъ застрялъ на лѣстницѣ съ поднятой, державшей ножъ, рукой. Она была крѣпко обхвачена у самой кисти болѣе сильною рукою за нимъ стоявшаго старика въ чалмѣ,—это былъ его сосѣдъ по нарамъ—турокъ Османъ, помѣщавшійся, по старости лѣтъ, въ отдѣленіи неспособныхъ. Другой сосѣдъ его разжалъ пальцы, стиснувшіе ножъ, и онъ выпалъ на лѣсницу. Покушавшійся на жизнь всѣхъ безумецъ обезоруженный упалъ внизъ, и на него накинулись близъ него стоявшіе и стали его немилосердно бить кулаками, проталкивая далѣе, какъ бы прогоняя его сквозь строй кулаковъ; онъ упалъ на полъ. Сейчасъ закричали:

— Давайте веревку, свяжемъ его,—и черезъ минуту онъ былъ привязанъ въ сидячемъ на полу положеніи къ одному изъ столбовъ, поддерживавшихъ верхнія нары.

Надзиравшаго за порядкомъ начальства не нашлось въ цѣлой казармѣ, и когда пришелъ унтеръ-офицеръ и узналъ обо всемъ случившемся, то одобрилъ совершившуюся надъ виновнымъ расправу.

Жаль было смотрѣть на этого несчастнаго, не пришедшаго еще въ полное сознаніе совершившагося надъ нимъ суда. Старикъ этотъ былъ средняго роста, смуглый, полный лицомъ, съ прямымъ носомъ и большими глазами, чертами и складомъ лица походившій на фотографію философа Эммануила Канта. Жаль было смотрѣть на него, но никто не предлагалъ его развязать... «Пусть выдохнется изъ его глупой башки спиртъ».

Д. Ахшарумовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

УТРО.

Солнце!.. Сіяетъ, пронизанъ лучами,
Утренній блѣдный туманъ!
Скрашена жизнь золотыми мечтами,
Сладокъ минутный обманъ!

Сѣрыя стѣны и темныя крыши—
Грустно-томительный видъ,
Что мнѣ до нихъ, когда выше ихъ, выше
Яркое солнце горитъ!

Горечь заботъ и тоску, и тревоги,
Все въ этотъ мигъ я забылъ,
Солнце и жажда широкой дороги
Вызвали силы и пылъ!

Вотъ уже снова подходитъ день сѣрый,
Съ холодомъ прожитыхъ бѣдъ!
Но не разстанусь я съ пылкою вѣрой,—
Въ сердцѣ и утро, и свѣтъ!

А. Лукьяновъ.

ДУНЕЧКА.

Разсказъ.

По росписанію на N станціи поѣздъ стоитъ двадцать минутъ; однако, прошло тридцать минутъ и больше, а все еще не было замѣтно никакихъ признаковъ движенія.

Даже на локомотивѣ, давно набравшемъ воду, вмѣсто машиниста, вертѣлся какой-то мало внушительный молодецъ въ кожаной курткѣ и отъ скуки перебранивался съ двумя подростками изъ мастерскихъ, зазѣвавшимися около поѣзда.

Подъ вагонами давно проползли черные смазчики и прозвучало зловѣщее постукиваніе ихъ молотковъ—это непріятное напоминаніе о всегда близкой опасности.

Въ буфетѣ пассажиры успѣли истребить весь запасъ котлетъ съ горошкомъ и штуфата съ макаронами и по второму разу принимались пить чай. Съ прилавка исчезли подсохшіе буттерброды, окоменѣлые пряники и засиженныя мухами пестрыя коробочки съ шоколадомъ.

Русскіе пассажиры, какъ извѣстно, закусываютъ на станціяхъ ровно столько, сколько времени стоитъ поѣздъ, и ничто ихъ такъ не возмущаетъ въ пути, какъ слишкомъ короткія остановки.

На этотъ разъ и буфетный ларь на платформѣ расторговался на славу. Особенный успѣхъ имѣли горячія сдобныя пышки. Высокая старуха, таскавшая ихъ откуда-то въ ведрѣ подъ жирнымъ полотенцемъ, чуть что не плакала отъ обиды, зачѣмъ не догадалась замѣсить вдвое больше.

— Небось! въ другорядъ не промахнусь... дай срокъ!—утѣшала она себя вслухъ, разсовывая теплыя пышки въ протянутыя руки и собирая пятаки.

— Ишь, вѣдьма—наколдовала!—злился ея конкурентъ саечникъ, коренастый мужичонко на деревянной ногѣ, съ огромной корзиной на ремнѣ.—Гляди, ребята... кабы она не замѣсила эти свои пули на конинномъ салѣ?.. Не спроста, поди, старая корга у татаръ на фатерѣ-то стоитъ...

— Ахъ... ахъ... аспидъ!—заголосила старуха.—И не постыдится же поганить Божій даръ дорожному человѣку!.. ахъ ахъ... А еще убогій человѣкъ на свѣтѣ живетъ...

— Да чтой-то, право, и въ самомъ дѣлѣ! Да я ихъ вовсе послѣ этого и кушать не могу?—обидилась на такую брань краснощекая купеческая дѣвица, только было вонзившая свои острые зубки въ румяную корочку.

— Пустое дѣло, Гликерія Сидоровна... кушайте на здоровье! Нѣшто всѣхъ охальниковъ переслушаешь!—успокаивалъ барышню сопровождающій молодой приказчикъ.

— Нѣтъ ужъ, какъ хотите, Парменъ Ивановичъ, а только маменькѣ я ихъ послѣ этого не понесу.

Дѣвица взяла у него изъ рукъ запасныя пышки и стала кушать, облизывая жирныя губки.

И Парменъ Иванычъ тоже получилъ одну пышку и тоже скушалъ ее, посмѣиваясь на дѣвичье лукавство.

— Слухай ты, бабка! Чтобы мнѣ безпремѣнно были эти твои пышки, какъ я назадъ отъ Челябина оборочусь... Къ заговѣнью жди вѣрно!—крикнулъ издали высокій человѣкъ въ бараньей шубѣ и перебросилъ черезъ сосѣдей двугривенный прямо бабѣ въ ведро.

— Будемъ ждать, господинъ купецъ... милости просимъ! Много благодарны вашему степенству...—кланялась въ поясъ высокая старуха.

Русскимъ добродушіемъ и дешевымъ русскимъ досугомъ вѣяло надъ этой картиной случайно застрявшаго поѣзда.

Волновались только два какихъ-то француза изъ спальнаго купе второго класса, объяснявшіеся на совершенно непостижимомъ для другихъ русскомъ языкѣ. Каждыя пять минутъ французы выскакивали на платформу, гдѣ находили все такъ же беззаботно разгуливающую публику. Они бѣжали въ телеграфъ—единственное мѣсто, гдѣ можно было найти не могущаго отлучиться чиновника. «Опозданіе» ничего не разъясняло нетерпѣливымъ европейцамъ и они сговаривались писать что-то въ жалобную книгу.

Французы горячо старались подбить на жалобу и молоденькаго офицера; но офицерикъ—совсѣмъ еще мальчикъ—жестоко конфузился своею корпусного французскаго языка, такъ что даже вовсе не вникалъ въ то, что тѣ ему запальчиво разъясняли, перебивая другъ друга. Офицерикъ припоминалъ грамматику, краснѣлъ и тутъ же рѣшилъ пересѣсть отъ нихъ въ другой вагонъ.

. . . .

— Пышечки-съ? изволили запастись? дорожное дѣло!—заговорилъ молодой человѣкъ, догоняя на платформѣ свою спутницу изъ некурящаго отдѣленія для чистой публики.

Барышня несла пару пышекъ въ обрывкѣ сѣрой бумаги.

— Не себѣ... для моей паціентки взяла. Ничего, вкусныя,— сказала барышня и вздохнула:—кабы знали, до чего боюсь... не разболѣлась бы она въ дорогѣ! Вотъ горе-то...

— Спаси Богъ! Это хоть кому бѣда, а не то что женскимъ дѣломъ... Спасибо, при васъ есть лекарства всякія на первый случай...

— И то я сама себя за нихъ похваливаю,—засмѣялась мило дѣвушка:—не думала, что моя салицилка такъ скоро понадобится! Вотъ, еще бѣда-то, Господи...

— Богъ милостивъ. Главное, при васъ теперь ужъ страху того нѣтъ.

Дѣвушка сдѣлала строгое лицо и смѣрила его своими блестящими глазами.

— Да вы вообразили, кажется, что я докторъ?

— Хоть побожиться—сейчасъ захворать готовъ безо всякаго страху!—крикнулъ онъ съ увлеченіемъ.

— Что-жъ, вы думаете, я и васъ тоже лечить стала бы? Какъ бы ни такъ! Выдумаете тоже!

Дѣвушка засмѣялась и полѣзла на высокія ступеньки третьеклассного вагона.

Этотъ молодой человѣкъ былъ, однако, не слишкомъ молодъ, а, что называется, въ самой порѣ. Былъ онъ весь какъ сбитый— съ крѣпкими румяными щеками, бѣлыми зубами и веселыми сѣрыми глазами. Темная бородка, словно бы только для степенности, подстрижена клиномъ, а все такъ же непокорно курчавится. Видно, что человѣкъ выросъ на вольномъ воздухѣ, на сытныхъ хлѣбахъ, въ легкой работѣ. Одѣтъ онъ былъ, какъ одѣваются зажиточные молодые купцы или мелкіе заводчики, кому и въ городѣ бывать часто приходится, да и Москва тоже не въ диво.

А миловидная барышня — въ дешевенькой мерлушковой шапочкѣ и въ шубкѣ суконной городского фасона, вовсе не для сибирскаго путешествія.

Ѣдетъ одна, Богъ ее знаетъ куда.

Барышня съ самой Москвы на виду у цѣлаго вагона: еще и отъѣхать не успѣли, какъ у нея завязался скандалъ съ кондукторомъ изъ-за багажа.

Онъ не доглядѣлъ, когда носильщики перетаскали ей такую пропасть вещей. И всѣ, какъ одна, зашиты аккуратненько въ сѣрую парусину; квадратные да длинные тючки разной величины понадѣланы. Основательно барышня куда-то перебирается.

Сначала и пассажиры тоже недовольно между собой переговаривались: «Помилуйте, если каждый такую пропасть багажа натащитъ — вѣдь даже и положить некуда... Съ какой же стати у кого одна, двѣ корзины, да узелочекъ какой-нито, а тутъ посчитайте-ка! Да все тяжелыя, претяжелыя».

Барышня ужасно волновалась, сдѣлалась вся красная.

...Что-жъ теперь дѣлать? Она не можетъ ничего сдать въ багажъ, потому что нѣтъ лишнихъ денегъ. Дорога большая.

Женщины, какъ водится, первыя стали ворчать. Но, какъ только разгорѣлся споръ съ начальникомъ, такъ онѣ сейчасъ же и поддались присущей большинству женщинъ страстишкѣ не подчиняться установленнымъ правиламъ, а хоть что-нибудь да сдѣлать на даровщинку—не себѣ, такъ другому.

Полная старая барыня, занявшая уютный уголъ за дверью и тоже обложенная цѣлой горой корзинокъ, свертковъ и мѣшковъ, сейчасъ же взяла подъ свою защиту незнакомую дѣвицу. Коль скоро ея багажъ имѣетъ вполнѣ приличный видъ и не возбуждаетъ жалобъ другихъ пассажировъ -- это выходитъ одно пустое притѣсненіе.

— Смотрѣли бы сами во-время! Что-жъ теперь, высаживаться, что ли по вашей милости?—вступился рѣшительно и молодой человѣкъ.

Кондукторъ воевалъ добрую четверть часа, и не то, чтобы онъ сдался на аргументы, но взглянулъ нечаянно въ боровшіеся со слезами испуганные молодые глаза и вдругъ махнулъ рукой съ смущенной усмѣшкой.

— А-а ну! одному всѣхъ не переспорить. Сами и отвѣтите, ежели контроль обратитъ вниманіе. Моя, что ли, дорога и въ самомъ дѣлѣ!

Ему отвѣтили дружнымъ смѣхомъ одобренія.

Въ маленькомъ отдѣленіи послѣ этого сразу стало оживленно. Всѣ между собой перезнакомились; стали припоминать разныя непріятныя приключенія и ругать желѣзнодорожные порядки—не замѣтили, какъ и промелькнули первые перегоны. Потомъ всѣ почувствовали приступъ голода,—того своевольнаго дорожнаго голода, который точно спѣшитъ отпраздновать временное освобожденіе отъ всѣхъ установленныхъ правилъ и расписаній.

Полная дама вынула изъ дорогой камышевой корзинки нѣсколько свертковъ и бутылочку съ наливкой; накрыла цвѣтной салфеткой плоскую корзинку и усѣлась такъ, чтобы хозяйство ея было не слишкомъ на виду.

Сосѣдка пострадавшей барышни, худенькая пожилая женщина, болѣзненная или, быть можетъ, просто очень зябкая, долго возилась со своимъ туалетомъ. Бережно повѣсила у окошка старинную лисью шубу съ выношеннымъ рыжимъ воротникомъ и стала на себя наматывать безъ конца вязанныя фуфайки, шарфы и напульсники. Поверхъ всего завернулась въ толстѣйшій плэдъ, а ноги засунула въ мѣшокъ. Сибирское путешествіе наводило на нее ужасъ.

Завтракъ она ѣла точно крадучись, уходя для этого съ головою въ свой пледъ.

Молодой человѣкъ помѣщался на другомъ концѣ. Сразу виденъ человѣкъ, которому приходится много ѣздить; все у него приспособлено удобно и на видъ аккуратно, хоть багажъ небольшой. Ѣды своей не было. Онъ сходилъ въ буфетный вагонъ и оттуда ему принесли нѣсколько бутербродовъ съ солониной и бутылку пива. Молодой человѣкъ, закусывая, не прятался, какъ дамы.

У противоположныхъ оконъ сидѣли двѣ закутанныя простыя женщины въ платкахъ, съ румяными лицами. Онѣ переговаривались шопотомъ и все время жевали бублики.

Въ дальнемъ углу спалъ высокій старикъ, накрывшись бараньей шубой, и болѣзненно охалъ во снѣ. Противъ него мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, въ тщедушномъ дѣтскомъ польтишкѣ, забрался съ ногами на скамейку и смотрѣлъ въ окно.

Женщины окликнули мальчика:

— Отецъ, что ли? Хворый?

И дали ему бубликовъ.

Послѣ этого мальчикъ снялъ съ полки маленькій узелокъ и тоже растянулся спать.

Въ некурящемъ отдѣленіи никого больше не было.

Барышня, поднявшая шумъ, долго сидѣла красная и хмурая. Она не притрагивалась къ своимъ вещамъ, какъ будто все еще не вѣрила, что ее оставили въ покоѣ; можетъ быть, боялась контроля. Такъ и сидѣла, какъ вошла въ вагонъ—въ застегнутой шубкѣ и барашковой шапочкѣ. Пока было свѣтло, смотрѣла въ окно и въ разговорахъ не принимала участія. И до самаго вечера не ѣла.

Молодой человѣкъ каждую минуту на нее взглядывалъ и ему было ее жаль. Куда она ѣдетъ одна? Брала досада на старухъ: болтаютъ безъ умолку невѣсть о чемъ, не могутъ приласкать одинокую дѣвушку.

Самъ онъ заговорить не смѣлъ. Сидитъ, не ѣвши. До какихъ же это поръ она такъ будетъ сидѣть?

Молодой человѣкъ такъ и не услѣдилъ—поѣла ли дѣвушка передъ сномъ, или нѣтъ. Старухи улеглись спать и фонарь закрыли занавѣской. Не сразу послѣ того и барышня стала укладываться.

Темно... не разберешь. Возится чего-то тихонько, какъ мышка И куда ѣдетъ одна?..

Ему не спалось. Вышелъ постоять на тормазъ. Про дѣла подумалъ, про Иркутскъ... А въ груди словно какая-то неловкость которой раньше не было.

Вернулся въ вагонъ. Укладывался чуть дыша, чтобы н нашумѣть. Спятъ всѣ, кажется. На той скамейкѣ кто-то вздохнулъ... не она ли?

...Небось тоже, поди, тоска беретъ. Куда одна ѣдетъ? Сирота, пожалуй... Ну, не то, чтобы робкая очень. Молчитъ...

Молодой человѣкъ заснулъ и увидѣлъ сонъ: заводскій приказчикъ въ Иркутскѣ прокутилъ деньги, тысяча рублей... Онъ метался по совершенно пустой квартирѣ и не могъ найти ни одного человѣка—всѣ разбѣжались. Что теперь отъ отца будетъ! Какъ вдругъ на порогѣ столкнулся съ барышней. Торопился—бѣжалъ пароходъ захватить, а она стоитъ въ дверяхъ въ мерлушковой шапочкѣ, смотритъ на него и смѣется. Такъ вотъ куда она одна ѣхала!..

На утро въ некурящемъ отдѣленіи для чистой публики царило благодушное настроеніе только что начавшагося длиннаго пути. Ночь на вагонныхъ скамьяхъ показалось отдыхомъ, въ сравненіи съ только что пережитой суетой и волненіями далекихъ сборовъ. Каждый чувствуетъ въ себѣ неистощимый запасъ терпѣнія и безсознательно старается обзавестись пріятными интересами.

Даже барышня сидѣла не такая ужъ хмурая, какъ вчера, и съ шапочкой своей разсталась. Не отрываясь, все въ окно глядитъ.

Публика вѣжливо поздоровались между собой, какъ знакомые.

Женщины въ платкахъ позвали мальчика къ себѣ пить чай изъ большого жестяного чайника. И больному старику тоже налили кружку.

Двѣ пожилыя спутницы, отдохнувъ, стали еще разговорчивѣе. Начался обмѣнъ біографическихъ свѣдѣній, безъ которыхъ многіе, а въ особенности дамы не могутъ и допустить никакого общенія съ ближнимъ. Почему-то имъ подозрителенъ каждый незнакомецъ, еще не успѣвшій отрекомендоваться чиновникомъ, купцомъ или учителемъ. Каждая женщина, въ особенности же молодая, обязана сообщить, гдѣ именно находятся въ эту минуту ея супругъ или родители, какъ и почему она здѣсь одна?

Но странно! При такой подозрительности, рѣдко кому приходитъ въ голову отнестись съ недовѣріемъ къ подобнымъ автобіографіямъ.

Въ некурящемъ отдѣленіи разговоры были самые безобидные.

Полная дама—настоящая барыня, бывшая помѣщица. Ѣздила въ Москву по старому тяжебному дѣлу, теперь возвращается къ женатому сыну, у котораго живетъ седьмой ужъ годъ. Сынъ служитъ по акцизу, средства небольшія. Невѣстка женщина легкомысленная—мужа плохо бережетъ, дѣтей балуетъ, за богатыми тянется. Одна дѣвочка косенькая. Московскій адвокатъ изъ своей выгоды тянетъ процессъ годами. Противная сторона закупила свидѣтелей взятками. Сынъ ничего въ дѣлахъ не понимаетъ и т. д., и т. д.

Сосѣдка молчаливой барышни тоже оказалась далеко не такой скромницей, какъ казалось на первый взглядъ. Она еще дальше, чѣмъ полная барыня, разсказывала семейныя исторіи—но только не свои, а богатыхъ и благороднѣйшихъ фамилій, гдѣ она воспитывала дѣтей и была совсѣмъ, какъ родная. Тутъ были и свадьбы, и семейныя ссоры, и страшныя болѣзни, и самоубійства, и разореніе.

...И вотъ, на старости лѣтъ приходится тащиться на новое мѣсто, въ Иркутскъ. Она боится Сибири—суроваго климата, людей... Еще разъ въ незнакомую семью, опять привыкать и сживаться, только на этотъ разъ уже совсѣмъ одной безъ немногихъ старыхъ связей. Пожалуй, никогда больше не увидитъ родной Москвы!

Старенькая гувернантка не плакала, но глубоко волновалась, такъ что жаль слушать.

Барыня утѣшала ее тѣмъ, что у всякаго свое горе, никто безъ горя не проживетъ! Какихъ ужъ радостей ждать на старости лѣтъ!

Тогда молодой человѣкъ началъ разсказывать про Сибирь, и изъ его разсказовъ выходило, что это первое мѣсто на земномъ шарѣ: живи, работай да богатѣй! Во всемъ раздолье, всего непочатой край! Климатъ здоровый, природа красивая, земля всѣмъ богатая.

Отецъ хоть и не коренной сибирякъ (заводикъ свой небольшой у нихъ), да товаръ весь за Уралъ пошелъ. Ему мало и жить дома приходится. Онъ увлекся: принялся объяснять ничего не понимающимъ женщинамъ, что по нынѣшнимъ временамъ около такого пустяшнаго дѣла вовсе и путаться-то не стоитъ. Прямая выгода—продать все и заведенье за что ни то, чтобы окончательно на ту сторону перекинуться. Тамъ и небольшіе капиталы дорогого стоютъ! Дѣловъ всякихъ и-и-и Боже мой! Только зѣвать нельзя, потому что народу всякаго валомъ валитъ... Рвутъ!

— Ну, такъ зачѣмъ же вы зѣваете?!—крикнула вдругъ молчавшая до этой минуты барышня.

Разсказы старухъ ее вовсе не интересовали; а съ него не сводитъ засвѣтившихся любопытствомъ глазъ. Звонко такъ это восклицаніе у нея вырвалось.

Молодой человѣкъ, по живости, все время кружился въ узкомъ проходѣ, а тутъ ужъ и вовсе очутился на ихъ скамейкѣ.

Не замѣтилъ, какъ гувернантка, недовольная такой фамильярностью, переложила подальше свои подушки.

— Господи, Боже мой! Такъ нѣшто со старымъ человѣкомъ можно сговорить?—воскликнулъ онъ оскорбленно.—Да мы съ отцомъ три ужъ года не живемъ, а надо сказать грыземся денно и нощно! Только вотъ, коли по дѣлу уѣдешь—немножко будто сердце отойдетъ. Видишь—нечего съ него взять-то! И правда, старый человѣкъ.

— Однако! не очень нынче почтительно объ родномъ отцѣ выражаются,—отнеслась неизвѣстно къ кому язвительно гувернантка.

Купчикъ обиженно вскинулся:

— Ничуть, помилуйте! Что вы это! И сейчасъ даже говорю: старый человѣкъ. Дѣло свое, кровное. Отъ родителя принялъ, да и самъ втрое больше за свой вѣкъ нажилъ—кому не жалко! Своихъ трудовъ жалко — родныхъ мѣстовъ — могилокъ — всего жалко. Мы этого развѣ не понимаемъ? А только надо впередъ жить — вотъ объ чемъ разговоръ. Закипитъ дѣло со всѣхъ концовъ—петлей захлестнетъ—ну и задушитъ! Очень просто. Сбытъ-то у насъ куда? То-то вотъ и есть! Заводовъ своихъ разведется, словно грибовъ послѣ дождика, такъ куда мы съ нашимъ подвозомъ да тарифами годимся? То-то вотъ и есть!

Барышня иронически засмѣялась:

— Небольшая хитрость разсчитать! Стало быть, вашъ папаша самъ себѣ врагъ?

— И врагъ! именно что врагъ! Себѣ врагъ. Вотъ ужъ лучше нельзя, какъ вы сказали!—восклицалъ онъ, съ безсильной злобой взмахнувъ обѣими руками.

— Ахъ, что это—на родного отца! Слушать даже неловко,—волновалась гувернантка.

Полная дама тоже вступилась:

— А вы, молодой человѣкъ, чѣмъ папашу огорчать — лучше бы взяли, да собственное дѣло какое-нибудь и завели... коли это такъ ужъ тамъ легко, по вашимъ разсказамъ. А то у дѣтей всегда родители виноваты: не понимаютъ... не уступаютъ... Вотъ и я: процессъ не такъ веду, какъ надо—адвоката неудачно выбрала... время пропустила... Всегда во всемъ родители виноваты.

Веселые глаза предпріимчиваго заводчика были уже не веселые, а колючіе, и какъ будто даже не сѣрые, а черные. Слова вылетали у него жестко, съ присвистомъ, напоминающимъ лязгъ желѣза.

— Позвольте, сударыня! Это довольно странно говорить, когда вы чужихъ дѣлъ не можете знать... Свое дѣло начать... чего ужъ лучше! Какой дуракъ откажется!.. А только зачѣмъ же меня до какихъ лѣтъ на старой зарубкѣ продержали?.. Я сколько выгодныхъ случаевъ упустилъ! Денегъ голыми руками изъ земли не вырвешь, хоть и много золота у насъ въ Сибири.

Видно было, что барышня его жадно слушаетъ и понимаетъ каждое слово, тогда какъ вовсе не желали или не могли понимать тѣхъ же словъ двѣ старшія слушательницы.

— Ну да, это всегда ужъ такъ,—сказала вдругъ дѣвушка совершенно спокойно, какъ человѣкъ, у котораго все давно окончательно рѣшено:—«Погоди, да посиди... Не огорчай, да не груби... Вотъ я помру, тогда дѣлай что хочешь». Извѣстное дѣло, какіе съ дѣтьми разговоры! Жизнь-то насъ дожидаться будетъ, должно быть.

— Вотъ, вотъ! такъ какъ разъ и есть! Что же мнѣ смерти желать родному отцу, что ли?.. При дѣлѣ толкусь—хозяинъ не хозяинъ, приказчикъ не приказчикъ... Думаю, что слѣдуетъ одно сдѣлать, а намѣсто того долженъ совсѣмъ противное исполнять!

Барышня посмѣивалась и кивала головой. Старыя дамы молчали, не желая вступать въ дерзкія пререканія, и только выразительно переглядывались.

Женщины на другой сторонѣ тоже любопытно слушали, склоняясь другъ къ дружкѣ головами, и обмѣнивались какими-то замѣчаніями.

И больной старикъ проснулся; сидѣлъ, накинувъ на плечи баранью шубу, опустивъ на грудь больное темное лицо подъ шапкой спутанныхъ волосъ и вытянувъ на колѣняхъ изсохшія руки. Дремалъ или слушалъ, кто его знаетъ... Мальчикъ спалъ.

На станціи барышня и заводчикъ, точно сговорившись, встали оба разомъ и вышли.

— Одного поля ягоды! — сказала вслѣдъ язвительно гувернантка.

Полная дома вздохнула:

— Оно, пожалуй, и всегда въ томъ же родѣ было... рази что нынче еще откровеннѣе пошло—не церемонятся. Охъ дѣтки, дѣтки, того не помнятъ, что родительскій конецъ не за горами! Въ землю съ собою ничего не унесемъ... все ихнее будетъ...

— Господи... прежде и подумать не смѣли бы! Я разсказывала, какое это прекрасное семейство Пестуновы—такой почтительности къ отцу съ матерью я и не видывала: праздникъ ли, именины, день свадьбы—съ утра начинаются у насъ депеши, подарки, сюрпризы. На лѣто со всѣхъ концовъ и съ семьями съѣзжались къ отцу въ подмосковную.

Слушательница ея горько улыбалась и сочувственно кивала головой; извѣстно, молъ, все это, слишкомъ извѣстно! Голосъ разсказчицы началъ дрожать:

— Ахъ... даже и сейчасъ не могу безъ слезъ вспомнить. Точно какъ все, все только однимъ человѣкомъ держалось!.. Умеръ онъ и ужасъ начался съ этимъ дѣлежомъ. Боже мой... точно вдругъ совсѣмъ другіе люди сдѣлались!.. Всѣ перессорились: братья, сестры, мать, родня вся...

— Матушка, да отчего же это? Развѣ завѣщанья не было?

— То-то не было завѣщанья—развѣ онъ думалъ умереть въ одну минуту! И вдругъ долги оказались во всѣхъ концахъ. Закладныя, что ли, какія-то... письма. Вѣдь какъ богато жили! Никто, ну никто ничего не понималъ: признавать или не признавать—кто виноватъ—когда что было—ничего неизвѣстно! Я не могу вамъ объяснить—какихъ-то большихъ денегъ не оказалось. Искали, искали... всѣхъ подозрѣвали. Просто адъ былъ, а не жизнь! И мои два билета такъ и пропали.

— Что-о?.. ваши билеты?! вотъ такъ благородное семейство!—всплеснула руками полная дама.

Но старушка страшно огорчилась:

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ не говорите такъ — Богъ съ ними! я и думать давно забыла. Никто вѣдь не знаетъ. Аркадій Николаевичъ взялъ у меня эти билеты, чтобы обмѣнять—срокъ какой-то выходилъ, а онъ какъ разъ и умеръ... Гдѣ ужъ тутъ въ такой путаницѣ!..

— Да развѣ вы-то молчали?! Отчего же вы не объяснили?..—допытывала та запальчиво.

Но отчего-то старушкѣ не удавалось объяснить, чего собственно тогда нельзя было разобрать и кто именно ей не повѣрилъ... Она мучилась и уклонялась отъ нечаянно поднятыхъ разспросовъ.

— Увѣряю васъ... и вспоминать давно перестала... не состояніе вѣдь! не прожила бы я сложа ручки на эти два билетика. У нихъ и не столько пропало!...

...Бываютъ же такіе неудачные разговоры. Не о себѣ вовсе завела, не для того, чтобы осудить когда-то горячо любимыхъ людей... Всплакнула противъ воли скупой, короткой слезой стариннаго горя.

. . . .

Тѣмъ временемъ знакомство молодыхъ единомышленниковъ туго подвигалось впередъ. Одно — именами обмѣнялись, могли теперь звать другъ друга Авдотьей Ивановной и Семеномъ Никаноровичемъ.

Барышня, какъ только вышла изъ вагона, такъ сейчасъ же и сдѣлалось опять неприступная. «Да» да «нѣтъ», смотритъ въ сторону и разговора не поддерживаетъ.

А купчикъ совсѣмъ другого ожидалъ, ему хотѣлось завязать настоящее знакомство. Дорога дальняя, а дѣвицъ такихъ, какъ эта Авдотья Ивановна, онъ еще сроду не встрѣчалъ. Казалась она ему до необыкновенности умной и серьезной.

И наружностью очень ему нравилась. Глаза такіе внимательные да спокойные—безъ ласки и безъ игры, какъ обыкновенно оно у дѣвицъ принято. Оттого, должно быть, ихъ взглядъ словно какъ безпокоитъ его—хочется, чтобы взглянула ласковѣе. Лицо свѣжее, какое-то ясное, хоть не улыбается. Смѣется съ насмѣшкой. Не должно быть, чтобы очень добрая!

...Куда только одна ѣдетъ?

...Какая надобность скрывать—понять невозможно.

И отъ старухъ въ вагонѣ все шуточкой отдѣлывается: «Далеко!» да «край свѣта!» Тѣ обидѣлись и перестали спрашивать. Билетъ до Иркутска—этого-то ужъ не скроешь, но только ѣдетъ дальше куда-то... Изъ Петербурга.

«...Ну, зато и сама ни о чемъ не распрашиваетъ... не любопытно, стало быть!—замѣчалъ онъ съ обидой.—Хошь для ловкости, для разговору спросила бы о чемъ-нибудь... такъ нѣтъ, готова хошь цѣлый часъ молча по платформѣ гулять» . . . . . .

Такъ и тянулись первые дни путешествія, пока странная таинственность Дунечки не привела къ неожиданной непріятности.

Не сразу, правда, но все-таки молодые люди замѣтили наконецъ, что двѣ главныя пассажирки некурящаго отдѣленія совсѣмъ перемѣнили свое обращеніе: поглядываютъ подозрительно, между собой говорятъ вполголоса...

За молодой спутницей неотступно слѣдятъ — дуракъ и тотъ догадается, о чемъ шушукаются. Авдотья Ивановна, когда не спитъ, на всѣхъ станціяхъ изъ вагона выходитъ, и онъ слѣдомъ. Глядишь—непремѣнно ужъ которая-нибудь изъ старухъ у окошка дежуритъ.

Само собой, молодому человѣку немудрено догадаться, что у нихъ на умѣ:

«Ну, наплевать—очень мнѣ нужно! Судачьте, пожалуй, отъ нечего дѣлать... Хочу слѣдомъ ходить и хожу», думалъ съ досадой. Семенъ Никаноровичъ и ни на іоту не измѣнялъ своего поведенія.

На повѣрку, однако-жъ, оказалось, что его проницательность немногого стоила. Полная барыня, наконецъ, рѣшилась—остановила у двери, когда онъ собирался выскользнуть вслѣдъ за Дунечкой. Тутъ онѣ вдвоемъ и принялись его образумливать:

...Кто такая? куда эта дѣвица одна отправляется?

...Водой не разольешь, а онъ до сихъ поръ и не узналъ ничего! Дѣло дорожное... Съ чего бы, кажется, молодой дѣвицѣ дичиться да скрываться отъ почтенныхъ людей?.. Нѣтъ ужъ, не изъ добра тайны-то дѣлаютъ! Сибирь вѣдь,-не какое-нибудь другое мѣсто... Мало ли куда тутъ народъ пробирается... Кого понесетъ сюда зря, безъ роду безъ племени? Да и не отпустятъ никогда одну, молоденькую... Нѣтъ ужъ, тутъ видно дѣла особенныя какія-нибудь... Богъ съ ней совсѣмъ!..

...Онѣ изъ сочувствія... Молодость опрометчива... долго ли впутаться, самъ радъ не будешь...

Когда Семенъ Никаноровичъ взялъ, наконецъ, въ толкъ, какія подозрѣнія волнуютъ почтенныхъ попутчицъ, онъ, не долго думая, на слѣдующей же остановкѣ все это и приподнесъ Авдотьѣ Ивановнѣ; пусть же она казнится! до чего своей гордостью довела.

Дунечка побѣлѣла вся отъ оскорбленія. Кто хорошо зналъ Дунечку, тотъ понялъ бы, что она даже вся растерялась отъ обиды. Для ея юной отваги это былъ еще первый урокъ; кромѣ довѣрія и похвалъ, она до сихъ поръ ничего отъ людей не испытала. Училась она легко, вездѣ ее отличали, начальство ею гордилось... Она и не понимала даже, что это значитъ бояться чего-нибудь. Дунечка привыкла говорить, посмѣиваясь: «мнѣ везетъ!».

Привыкла Дунечка, что ей одни завидуютъ, а другіе словъ не находятъ, какъ ее и расхвалить,—а тутъ вдругъ какія-то нестоющія старушонки посмѣли наводить на нее тѣнь!..

Теперь изъ гордости Дунечка и подавно ничего про себя говорить не хотѣла. А чтобы въ вагонѣ не оставаться, они уговорились напиться чаю вмѣстѣ на большой станціи.

Семенъ Никаноровичъ распорядился. Чай простывалъ, но Дунечки все нѣтъ какъ нѣтъ изъ дамской комнаты. Онъ и самъ не пьетъ, ждетъ.

Ужъ и пассажиры выходить стали... Сейчасъ звонокъ дадутъ... Что такое значитъ?..

Такъ и остался на этотъ разъ Семенъ Никаноровичъ безъ чаю. Дунечка выглянула изъ двери и крикнула его:

— Бѣгите въ вагонъ скорѣе—принесите мой мѣшокъ черный!.. Скорѣе, скорѣе...

— Помилуйте, когда же теперь?! Звонокъ...

— Бѣгите, коли вамъ говорятъ! Что вы время тратите?!.

Даже ногой топнула отъ нетерпѣнія. Онъ бросился, какъ мальчишка, кондуктора на бѣгу спросилъ, сколько минутъ осталось. Принесъ мѣшокъ.

— Пять минутъ! ради Бога... Авдотья Ивановна... еще останемся тутъ, что тогда дѣлать!.. Только-только поспѣть.!.

Будто не ей говорятъ; возится около какой-то дѣвицы.

— На те! накапайте двадцать капель скорѣе...—сунула ему маленькую скляночку:—ахъ Господи... да все равно куда!.. вонъ чашка стоитъ—не видите?.. ну, на полъ выплесните, чего вы боитесь!.. ахъ, Господи, что за люди!

Командуетъ, тормошитъ, а у него руки трясутся, гдѣ ему двадцать капель накапать!..

Выхватила изъ рукъ склянку, плеснула какъ попало въ чашку и стала той въ ротъ вливать. Барышня, бѣлая точно бумага, закрыла глаза, лежитъ на стульяхъ. Все съ нея поснимала, платье разстегнула—ну, какъ такую на морозъ вести!

Стали одѣвать вдвоемъ.

— Ну, ну!.. Голубушка... Милочка... Минуточку!.. Семенъ Никаноровичъ, вина рюмку скорѣе въ буфетъ достаньте—крѣпкаго..! скорѣе!..

Едва-едва въ поѣздъ попали; спасибо кондукторъ свистка не давалъ, пока они волокли свою больную. Дунечка сѣла съ нею въ вагонъ.

Такъ и кончилась Дунечкина тайна; волей-неволей теперь пришлось сознаться во всѣхъ своихъ дипломахъ: фельдшерица она и акушерка, недавно курсы всякіе кончила.

Послѣ того Семенъ Никаноровичъ съ торжествомъ влетѣлъ въ отдѣленіе и накинулся на старухъ.

Пристыженныя его упреками, дамы встрѣтили Дунечку очень ласково, но она явилась только для того, чтобы забрать свой багажъ.

— Барышня уговорила пересѣсть къ ней. Да и самой мнѣ нельзя такую больную оставить. Дурнота можетъ легко повториться...

...А сама-то радехонька отъ несносныхъ старухъ отдѣлаться! Теперь ужъ и вовсе вцѣпятся выспрашивать. Положимъ, сидѣть тамъ не важно, не отдѣленіе... Народу всякаго больше... ну, зато барышня милая, славная. То ли дѣло вдвоемъ-то!

Семенъ Никаноровичъ прямо оторопѣлъ отъ такого сюрприза. Какъ, помилуйте, рази возможно? Общій вагонъ! Лучше же барышню эту сюда переправить...

Но Дунечка не слушала, только бросала ему на руки одну вещь за другой:

— Несите, несите... некогда спорить!

...Ничего! кавалеръ услужливый, и изъ другого вагона все равно на побѣгушкахъ при ней останется. Дунечкѣ стало отъ всего этого весело, превесело...

Ему дипломы Дунечкины окончательно вскружили голову. Слыхалъ и онъ, само собой, что нынче молодыя дѣвицы всему могутъ обучиться, которая захочетъ, — однако, ученую женщину воочію увидѣть довелось еще впервые.

Плохо Семенъ Никаноровичъ разбирался въ собственныхъ ощущеніяхъ...

Чувствовалъ почтеніе... боязнь, какъ бы невзначай глупости какой не ляпнуть—то-то на смѣхъ подниметъ! Но въ то же время, какъ будто и жалость...

...Образованная дѣвица, молодая, а вѣдь работа не легкая; не на себя вѣдь, а на другихъ работа...

Купеческій аршинъ давалъ себя знать: хозяинъ ты или не хозяинъ, это во всякомъ дѣлѣ сразу видать.

. . . .

Въ общемъ вагонѣ дѣвушки помѣстились тѣсно, но такъ другъ дружкѣ обрадовались, что и не чувствовали этого. Проболтали всю ночь до разсвѣта, пока, наконецъ, барышня изъ силъ выбилась и задремала.

А Дунечка такъ разволновалась — сна ни въ одномъ глазу. Воздухъ въ вагонѣ тяжелый... Въ сумракѣ завѣшанныхъ фонарей отовсюду несется сонное дыханіе. Кто храпитъ, кто носомъ свиститъ, гдѣ бормочутъ спросонья. Ворочаются съ тяжелыми вздохами.

Душно. Стекла замерзли. Дунечка протаяла себѣ чистый кружочекъ и глядитъ въ него.

Мимо бѣгутъ все тѣ же снѣжныя равнины, лѣса, горы вдали. Сколько ужъ дней! Кажется, будто все одно и тоже чередуется: будто и раньше проносился мимо этотъ самый лѣсъ, такія именно горы на горизонтѣ. Вниманіе, любопытство — все притуплено... Богъ съ ней и съ красотой!

Растетъ въ душѣ одно чувство оторванности, и отъ него какъ-то особенно подбираются силы. Зоркость. Опаска. Надѣяться не на кого—держи ухо востро.

Каждаго человѣка Дунечка пронизываетъ зоркими взглядами, ни на кого не глядитъ, какъ бывало, дома — все равно какъ на стѣну Ей это чувство нравится. И спится въ полъ-уха, точно какъ бывало въ палатахъ на дежурствѣ...

...Ухъ, далеко все это! Хорошо, беззаботно... Всѣ, знай похваливаютъ—и способная то она, и усердная. Доктора ласково улыбаются... профессора хвалятъ... Старшія фельдшерицы слѣдятъ, съ глазъ не спускаютъ... Мужчины увиваются, только позволь... Студенты шутятъ, какъ товарищи.

...Хорошо! А все-таки не жалко, что кончилось. Было и довольно... дальше пора. Вотъ что-то за одиннадцать тысячъ верстъ Богъ пошлетъ?.. Только бы на безчестныхъ людей не наскочить, а больше чего же бояться? Усердная она будетъ по-прежнему. Дѣла тамъ, небось, и не передѣлаешь. Женщинъ тамъ мало, а такихъ-то и вовсе нѣтъ...

Барышня закашлялась во снѣ и со стономъ перевернулась на другой бокъ.

«Ахъ, Господи! Вотъ какъ такая несчастная справится?» думаетъ Дунечка.

Блѣдная, худенькая... Кашляетъ... Ѣдетъ учительницей къ переселенцамъ какимъ-то подъ Иркутскомъ.

...Съ такими-то силенками! Не понимаетъ...

Волнуютъ Дунечку ея медицинскія познанія.

...Чахотка, у барышни, должно быть! И неужели отговорить было некому? Не одна же во всемъ свѣтѣ...

Нетерпѣніе беретъ разспросить барышню хорошенько. Этой неожиданной подругѣ сама она рѣшилась, наконецъ, выговорить: *Портъ-Артуръ*.

Никому до сихъ поръ Дунечка не говорила, куда ѣдетъ: «про себя отнюдь ничего не разсказывать»—она еще дома рѣшила себѣ за правило и видѣла въ этомъ особенно тонкую дипломатію.

...Да очень ужь барышня эта симпатичная! И такъ тепло разспрашиваетъ, дивится ея предпріимчивости. Ну, да и намолчалась она тоже довольно! Когда проводы-то были въ Петербургѣ? Батюшки, далеко какъ! А вдругъ и никогда вернуться не придется? Развѣ знаешь...

Станція... да, кажется, не маленькая?..

...Вотъ и слава Богу!

Дунечка чувствовала потребность уйти отъ расшевелившихся мыслей... Не зачѣмъ унылость на себя зря напускать? Наколола поскорѣе свою шапочку и вышла подглядѣть на тормазъ.

Холодно!.. Чай пить рано еще... а хочется! Нѣтъ, надо свою барышню подождать.

— Сбитень горячій! Сбитеню горяченькаго кому угодно! Сби-итень!

— Молочка парного! Молочка тепленькаго, сударушка, не возьмешь ли?

«Ишь какъ славно!» подумала сударушка и взяла у женщины горлончикъ молока за пятакъ. Въ дорогѣ все нравится, все вкусно. Деньжонокъ только хоть малость бы побольше... бѣда!

— Авдотья Ивановна! вотъ неожиданность! Что это вы рань какую поднялись?

Семенъ Никаноровичъ такъ весь и просіялъ, завидя свой предметъ на тормазѣ.

— А для васъ будто не рань? Безсонница у васъ, что ли?—кокетничаетъ Дунечка.

Головой кивнула—руки заняты, прихлебываетъ молоко изъ высокаго горлончика.

— Наше дѣло привычное. Я вѣдь не барышня! А вамъ надо себя беречь. Отдыхать.

— Отъ чего отдыхать-то, на лавочкѣ сидя? Я и не понимаю даже, во что это люди столько спать могутъ. Съ боку на бокъ, знай, переворачиваются. И какъ не противно!

И правда, лицо у нея ничуть не усталое. Зарозовѣлось на морозѣ. На верхней губкѣ усики бѣлые отъ молока.

— Двадцать шесть градусовъ. Не простудитесь!

Давно ужъ Семенъ Никаноровичъ поглядываетъ жалостливо на дрянную ватную шубку.

— Что за бѣда, я зябнуть люблю!

...А-ахъ, штучка! Ну что за дѣвушка! И зачѣмъ врутъ, будто питерскія всѣ дохлыя да зеленыя? Такую вездѣ поискать. «Зябнуть люблю!»

Сѣрые глазки все больше разгораются. Стоитъ на ступенькѣ, глазъ съ нея не сводитъ.

— Авдотья Ивановна, да уговорите вы свою барышню въ нашъ вагонъ перебраться. Ну, какъ возможно вамъ въ общемъ столько времени ломаться?! Я мигомъ распоряжусь, вещи перетащимъ. Я свою всю скамейку вамъ уступлю. Мнѣ что! Я съ тѣмъ мальчикомъ устроюсь.

Смѣется:

— Что вы, что вы! Вотъ выдумали. Стану я взадъ да впередъ перетаскиваться!

— Помилуйте, что за бѣда такая? Не сами же вы потащите. Дозвольте только, я сейчасъ.

— Да вы совсѣмъ рехнулись, кажется! Моя барышня спитъ сладкимъ сномъ. Мы съ нею всю ночь проболтали.

— Ну, вотъ видите! А у насъ бы вы почивали во время.

— Спите себѣ на здоровье, мы вамъ не завидуемъ!

Засмѣялась и скрылась въ вагонѣ со своимъ горлончикомъ.

Дальше, черезъ двѣ станціи, Семенъ Никаноровичъ угощалъ обѣихъ барышень кофеемъ и до того присталъ къ учительницѣ, что пришлось, чтобы отвязаться отъ него, влить въ чашку ложечку его рому.

Эта ни въ какое сравненіе не пойдетъ съ Дунечкой. И куда тоже такая странствуетъ? Чудно! Заведены у господъ дворянъ порядки, нечего сказать! Купеческую дѣвицу да ни въ жизнь изъ хорошаго дома одну блуждать не отпустятъ, даромъ что необразованіе. А тутъ больная... тысячи верстъ... Пропадетъ гдѣ-нибудь.

И сквозь такое свое благородное негодованіе что же слышитъ Семенъ Никаноровичъ?

— Знаете, Дунечка?—говоритъ учительница прихлебывая съ ложечки кофе:—въ Портъ-Артурѣ вашемъ, говорятъ, сливокъ ни за какія деньги не достанете. Сметана рубль фунтъ стоитъ.

Онъ такъ и подскочилъ на мѣстѣ, даже ложечка оловянная изъ рукъ покатилась.

Дунечка взглянула въ его растерянное лицо и прыснула со смѣху:

— Ну, вотъ, здравствуйте! Ха-ха-ха... Нужно вамъ было тайну мою выдавать... сколько время берегла!

— Почему тайна? Я развѣ знала! Отчего тайна?—заволновалась барышня.

— Полюбуйтесь сами, какъ огорошили человѣка! Старухи тамъ давно ужъ порѣшили—какъ вамъ покажется?—на каторгу я будто пробираюсь къ кому-то... не шучу, не думайте!—и блеснула на него злыми глазами:—Что? Стыдно теперь, небось?

Семенъ Никаноровичъ побогровѣлъ отъ незаслуженной обиды:

— Помилуйте! Такъ рази же это черезъ меня? Кто и предупредилъ-то васъ, коли не я!? Извѣстно... Старухи-сплетницы, такая ужъ по всему свѣту привычка. Я у васъ, Авдотья Ивановна, какъ ни повернись, во всемъ виноватъ выхожу!

Учительница, опустивъ чашку, съ интересомъ слушала.

— Что-жъ, вамъ это очень ужъ обидно кажется?..—спросила она своимъ тихимъ, неспокойнымъ голоскомъ.

— Это вы меня спрашиваете? Благодарю покорно!—вспыхнула отъ самолюбія Дунечка.

— Говорится: отъ сумы да отъ тюрьмы не зарекайся.

— Ну это вольному воля.

— Помилуйте! Какая ужъ воля, коли тюрьма!—хихикалъ Семенъ Никаноровичъ.

— Очень просто. Можно вѣдь и своей косой удавиться, когда веревки взять негдѣ.

— Ого! Да вы вотъ какая!

Барышня покачала головой и принялась допивать свой кофе.

— Да ужъ живой въ руки никому не далась бы... Что это за глупый разговоръ завели!

— Вѣдь про васъ, сколько я понимаю, тѣ старушки подумали, что вы, можетъ быть, къ близкому человѣку куда-нибудь ѣдете— продолжала спокойно выяснять дѣвушка, будто и не слыхала Дунечкинаго восклицанія.

— Да за близкаго-то развѣ нѣтъ стыда?! Ужъ кто туда угодилъ, тому поздно помогать... бѣжать развѣ! Вотъ это я понимаю...

— Ахъ, батюшки... слушать даже страхъ беретъ!—ерзалъ восторженно купчикъ.

Дунечка вдругъ разсердилась и крикнула:

— Ну, чего вы притворяетесь, будто всего боитесь? Ничуть это не интересно, не воображайте!

— Я ничего не воображаю, а вотъ вы-то что такое говорите? Въ Сибирь попали, такъ думаете, что тутъ и закона нѣту?

— Опять глупости говорите. Ну что мнѣ законъ? Я полезное дѣло дѣлаю, и для меня вездѣ одинаково.

— Ну, а коли кто-нибудь возьметъ, да и помѣшаетъ вамъ дѣлать ваше полезное дѣло, тогда что?—спросила съ усмѣшечкой Юлія Николаевна.

— Какъ помѣшаетъ... кто? Лечить-то? Да у меня дипломы, что вы это!

— Лечить, лечить! Первый попавшійся урядникъ. Вотъ, Семенъ Никанорычъ разскажетъ, что у васъ мысли вредныя, замысли опасные—кому-то бѣжать помочь готовы,—вотъ и довольно! Поворачивайте-ка, сударыня, откуда пожаловали. Возвращайтесь въ Питеръ правоту свою доказывать...

— Ха-ха-ха—ловко подвели, ей-Богу!—хлопнулъ себя по колѣну купчикъ.—Думаете не бываетъ? сколько угодно! У насъ такъ въ приходѣ учителя высадили лучшимъ манеромъ... Ни душой, ни тѣломъ, вѣрьте совѣсти! Писарь приревновалъ къ вдовушкѣ—лавочница тамъ у насъ одна... Вотъ какъ разъ этакъ же: поѣзжай, миляга, прокатайся въ губернію, тамъ ужъ разберутъ! Коли ты не виноватъ—оправятъ. Только ужъ къ намъ-то назадъ не поворотили. Такимъ манеромъ и убрали человѣка въ три дня.

— Звонокъ!.. Бѣжимъ... бѣжимте, Юлинька! Семенъ Никанорычъ, заплатите за насъ да приходите въ вагонъ считаться!—крикнула, убѣгая Дунечка.

. . . .

На другой день учительница совсѣмъ разнемоглась; сильно кашляла и вся разслабла.

Дунечка давала ей свою салицилку и поглядывала озабоченно. На станціи, гдѣ поѣздъ неожиданно застрялъ, Дунечка купила для нея пару пышекъ и понесла въ вагонъ, пока теплыя.

Въ ихъ вагонѣ никого еще не было, кромѣ двухъ мужиковъ, и пахло скверно ржавой селедкой, которой они закусывали.

Юлія Николаевна лежала, накрывшись съ головой своимъ шотландскимъ плэдомъ.

...Простынутъ пышки, невкусныя будутъ... Дунечка сѣла на свое мѣсто, не зная, будить ее или нѣтъ?..

Но та сейчасъ же почувствовала и открыла голову.

— Ахъ, славно задремала безъ тряски... Мы все еще стоимъ? Или другая станція?

— Та самая, стоимъ безъ малаго часъ... Впереди задержка какая-то... французы бѣсятся, смѣхъ смотрѣть! Будто помогутъ этимъ... Это хорошо, что вы поспали. Нате, вотъ, пышки... Ѣшьте скорѣе—простыли.

— Спасибо. Не страшно? не сальныя?

Захватила пышку кончиками пальцевъ и оглядываетъ брезгливо со всѣхъ сторонъ.

— Да будетъ ужъ вамъ гримасничать! Ѣшьте. Въ деревнѣ и такихъ не будетъ.

— Отчего? въ деревнѣ я возьму дѣвочку и выучу ее стряпать по своему.

— Ну-у? Неужели вы умѣете? А у меня, вотъ, и мать кухарка, да я ничего не понимаю. Я хотѣла бы въ гостинницѣ жить, еслибы не дорого. Ужасно люблю въ гостинницѣ, безъ заботъ Всегда бы такъ жила.

— Вотъ странный вкусъ!—подивилась барышня:—Развѣ гостинница домъ? Грязно... Лакеи... противно.

— Ну, это безъ денегъ. Съ деньгами все чудесно. Я лѣтомъ при дѣтяхъ въ Крымъ ѣздила, въ отелѣ жили... вотъ прелесть! Чуть-чуть тогда не вышло мѣсто за границу—подумайте!—на одинъ всего часъ опоздала.. вотъ обида-то! Барыня сама ужасно жалѣла... Не повезло. Теперь ужъ раньше въ Америку попаду.

Юлія Николаевна расхохоталась отъ неожиданности.

— Экъ васъ дергаетъ, Дунечка! Еще до мѣста не дотащилась, а ужъ объ Америкѣ мечтаетъ!

Дунечка не понимала ея удивленія:

— Не буду же я на одномъ мѣстѣ сидѣть—какая мнѣ неволя! Не велика невидаль Портъ-Артуръ... воображаю! Дыра, небось, порядочная.

— Такъ зачѣмъ же вы въ столицѣ не остались, коли дыры боитесь?

— Не у чего оставаться, оттого и не осталась. Грошъ платятъ. Сгніешь у нихъ въ больницѣ на одномъ мѣстѣ. Такъ и не увидишь ничего дальше своего носа. На то и голова на плечахъ, чтобы разсудить.

— И отчего это, Дунечка, вы такъ любите путешествовать?..—спросила задумчиво учительница.—Я ненавижу вагоны... А на пароходѣ страшно больна всякій разъ... Въ экипажѣ, можетъ быть, и я любила бы.

— Гдѣ вамъ! Въ экипажѣ всю растрясло бы,—подсказала Дунечка и засмѣялась:—удивительно, право, какъ это вамъ барская жизнь въ прокъ не идетъ... Ну, какъ мы растемъ? Теперь, когда сама понимаешь, такъ даже вспомнить страшно. А я, вонъ, и больна ни разу не была!

— А статистика что говоритъ, Дунечка? Цифры статистическія? Учили васъ, небось...

Она замахала руками:

— Знаю, знаю! Молчите!

Смахнула крошки съ шотландскаго плэда и нѣжно запахнула его на худенькихъ колѣняхъ дѣвушки. Такъ вотъ и притягиваетъ ее эта милая барышня!..

Худенькая... бѣленькая... съ печальными глазами... Волосики каштановые тонкіе, тонкіе, какъ паутина. И мягкій англійскій плэдъ съ его клѣтками... и малиновая канаусовая наволочка на пуховой подушкѣ... и старый кожаный сакъ изъ дорогого магазина... И тихій голосъ, и мягкій говоръ—все, все выдѣляло ее нѣжнымъ красочнымъ пятномъ среди темнаго досчатаго вагона и толпы грубыхъ лицъ и неуклюжихъ, безцвѣтныхъ одеждъ...

Юлія Николаевна устремила въ окно задумчивый взоръ. Тонкія брови поднялись, бѣлый лобъ собрался длинными морщинками.

«Сколько ей лѣтъ?» спросила себя мысленно Дунечка и въ первый разъ увидѣла такъ ясно, что тутъ уже нѣтъ первой молодости. Нѣтъ непочатыхъ силъ, бьющихъ ключомъ въ ней самой. Не одно плохое здоровье, кашель... Нѣтъ, еще что-то неподвижное... унылое глядитъ изъ этихъ печальныхъ молодыхъ глазъ.

— Вамъ бы на югъ куда-нибудь мѣста поискать, а не въ Сибирь,—сказала Дунечка своимъ убѣжденнымъ тономъ «почти доктора».—И кто только пустилъ сюда... удивительно!

— Пустить... не пустить... некому, Дунечка, слава Богу...

Дунечка договорить не дала, ее развлекла собственная мысль:

— Знаете, я думаю иной разъ, какъ это прежде-то жили женщины, дѣвушки?.. Боже мой! Даже морозъ по кожѣ подеретъ... А ужъ въ нашемъ-то быту и до самой смерти никуда не выбиться бы—только къ муженьку богоданному подъ кулаки! Юлинька, вы это думаете когда-нибудь?.. Вѣдь жили же! Сколько народу жило... Такъ и померли!

— Живутъ все такъ же и посейчасъ. Вы сами избавились, такъ думаете и все кончилось?..—нахмурилась та.

Смѣлыя черты Дунечки затуманились, легкій вздохъ приподнялъ грудь...

Народъ входилъ въ вагонъ. На платформѣ плоско и назойливо звякалъ колокольчикъ. Въ дверь вошли клубы морознаго воздуха.

— Закройтесь, закройтесь! Ноги подожмите! Да затворяйте вы дверь, рукъ у васъ нѣтъ, что ли?!.—командовала сердито Дунечка.

Юлинька кашляла и вся сжалась подъ своимъ клѣтчатымъ платкомъ. Пахнуло и дегтемъ, и рыбой, и водкой.

— И правда, не перебраться ли намъ въ тотъ вагонъ? Все-таки свинства такого нѣтъ, почище публика,—сказала сердито Дунечка.

— Ахъ, нѣтъ... съ мужиками лучше. Что-жъ дѣлать!.. Мы хоть тутъ сами по себѣ... А тамъ эти ваши старухи пристанутъ съ совѣтами... Не хочу.

— Мать-то жива у васъ?—спросила вдругъ Дунечка, когда суета улеглась, и вагонъ зажилъ привычной жизнью.

И странное дѣло! Юлію Николаевну не задѣлъ неожиданный вопросъ въ ея устахъ.

— Мать ко мнѣ пріѣдетъ, когда я устроюсь... Если сносно будетъ,—отвѣтила она, помолчавъ.

— Н-ну??. вотъ и моя тоже!—воскликнула радостно Дунечка: Мѣсто получу, первымъ дѣломъ къ себѣ мать выпишу. Только собьютъ ее, пожалуй, пріятельницы... Забоится!

— Да вы же сами долго на мѣстѣ не усидите? Вы вѣдь въ Америку? Или это еще не навѣрное?—пошучивала барышня.

— Какъ не навѣрное?! Напротивъ, сидѣть да не собраться, такъ когда же еще! Я вѣдь не по билету, я также фельдшерицей на пароходъ поступлю, мнѣ же деньги заплатятъ. Какъ же мнѣ не съѣздить? Вотъ, одна бѣда, англійскому языку сколько-нибудь выучишься не скоро, пожалуй... Трудно ужъ очень.

— Ну, вотъ... гдѣ же матери за вами угоняться! Однако, должно быть, Дунечка, умная она, ваша мать?

Дунечка вертѣлась на скамейкѣ. Когда подняла голову, глаза ея влажно блестѣли.

— Еще бы не умная! Свое кровное отдавала, что прикоплено за цѣлую жизнь... въ нянькахъ прежде служила въ богатыхъ домахъ. А вѣдь сама скупущая! Откуда иначе-то и деньги бы? Въ баню гривенникъ истратить жалѣетъ, до старости въ пятикопеечную бѣгаетъ. А все-таки повѣрила же, что умнѣе на ученье истратить, чѣмъ приданое для пьяницы какого-нибудь копить. Ну, на курсахъ-то вовсе мало платить пришлось—первый годъ только, а то меня вездѣ отъ платы освобождали. Да не одна вѣдь плата—жить, одѣться, все надо. Книги... Умная!.. Ну, только и упрямая!.. Характерная, бѣда!

— А моя... какъ ангелъ, кроткая!—прошептала Юлинька и вся согнулась впередъ, такъ что виденъ былъ только тонкій проборъ да блѣдный лобъ съ длинными морщинками.

Дѣвушки замолчали. Съ дальнаго конца вагона долеталъ пѣвучій голосъ жирнаго монаха, разглагольствовавшаго съ утра до ночи передъ скучающими спутниками: описанія святынь и богомолій, душеспасительный гнѣвъ передъ мірскими беззаконіями и газетные отчеты о грабежахъ и убійствахъ.

— Хорошо, коли мать къ вамъ пріѣдетъ... За вами кому-нибудь да надо ходить, я ужъ вижу. Неосторожная вы изъ рукъ вонъ!—сказала угрюмо Дунечка.

Дѣвушка вздохнула и выпрямилась.

— Не стоитъ. Надоѣла осторожность. Все равно, ничего не перемѣнишь! А мать это огорчаетъ... Вотъ, и не знаешь сама, чего желать... Пусть лучше отдохнетъ безъ меня.

— Ну, что пустяки говорить! Какой для матери отдыхъ, если она за васъ безпокоиться должна. И какъ это только вы поѣхали...

Дунечка вдругъ запнулась и начала краснѣть.

— Юлія Николаевна... да вы не обижаетесь ли, что я такъ спрашиваю?.. Что-жъ, мы обѣ дѣвушки... попали Богъ знаетъ куда, никогда больше и не встрѣтимся... Вы не подумайте — я вѣдь тоже смерть не люблю про себя болтать, а, вотъ, съ вами..

сама не знаю—говорить хочется... право! а вамъ, пожалуй, непріятно, что чужая лѣзетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... ничего! нѣтъ, ничего...—заспѣшила Юлія Николаевна и стала часто мигать глазами.

Завозилась на скамейкѣ.

— Ахъ какъ сидѣть жестко—спину всю разломило! и подушка не помогаетъ...

— Постойте-ка, я вамъ одну штуку достану!—крикнула обрадованнымъ голосомъ Дунечка.—Есть у меня... и чего я, дура этакая, раньше-то не вспомнила!..

Въ одинъ мигъ вскочила на скамейку и стала тащить съ полки сѣрый тюкъ.

— Что вы дѣлаете—не надо! Бросьте... не хочу я!—сопротивлялась барышня.

— Ахъ, Господи... да не мѣшайте вы мнѣ!—отмахнулась сверху, Дунечка.—Сами не знаете, про что говорятъ, а не хотите...

— Не стоитъ распаковывать!

Сѣрый тюкъ колыхался надъ ихъ головами. Дунечка вся покраснѣла, какъ розанъ.

Мужики сидѣли вокругъ, поднявъ любопытные глаза, и ждали—свалится ли имъ на головы сѣрый тюкъ, или дѣвушка справится. Видно было, что ихъ это добродушно занимаетъ отъ скуки, но никакая догадка не шевелится въ головахъ.

— На̀-земь теперь! на̀-земь скачи! такъ не удержать... а-ахъ!—крикнулъ испуганный голосъ мальчика.

Дунечка и сѣрый тюкъ одновременно мелькнули въ воздухѣ. Кругомъ засмѣялись. Мальчикъ подскочилъ и сталъ поднимать.

— Говорилъ не сдержать... рази можно!

— А ты, умникъ, гдѣ раньше-то былъ?—крикнула со злостью Дунечка.—Ну и народъ, провославные! Двадцать мужиковъ, разиня ротъ, сидятъ, а помочь женщинѣ не догадаются. Какъ есть кавалеры!

— Дунечка! съ ума вы сошли? перестаньте!—крикнула на нее тревожно учительница.

— А ты, барышня, не нѣмая—быдто какъ разговариваешь... Языкъ-то не отвалится помочи попросить...

— Ишь выговоръ какъ строго дала!

— Другая-то посмирнѣе будетъ... Козыриста больно!.. Кавалеровъ ей, вишь, подай...

Дунечка, красная и злая, вытянулась въ струнку и на всѣхъ оглядывалась:

— Мнѣ никого не надо, а я на васъ дивлюсь. Коли изъ васъ который-нибудь руку себѣ порубитъ или палецъ занозитъ, такъ меня, небось, звать не понадобится. Я свое дѣло знаю! Такъ и каждый долженъ.

— Твоя правда, красавица... не вдомёкъ, не взыщи,—засмѣялся тихонько маленькій старичекъ и съ удовольствіемъ покрутилъ совсѣмъ бѣлой головой.

— Дунечка... да не связывайтесь вы... Что съ вами!?—волновалась Юлія Николаевна; даже лицо у нея покраснѣло пятнами отъ испуга...

Дунечка сѣла и сразу успокоилась.

— А вы не трусьте—не медвѣди, не укусятъ.

И точно, волноваться было нечего. Отсутствіе кавалерскаго духа сказалось и дальше: всѣ сейчасъ же вернулись къ прерваннымъ дѣламъ и разговорамъ; двѣ дѣвушки не занимали больше ничьего вниманья. Только любопытный мальчуганъ застрялъ въ проходѣ.

Дунечка достала изъ тюка кожаную подушку, набитую волосомъ, и заставила учительницу сѣсть на нее.

— Одна наша роженица, больная, на память мнѣ подарила... Генеральша...

— Больная?—переспросила Юлинька, и въ лицѣ ея мелькнула брезгливость, но она уже сидѣла на подушкѣ и чувствовала невозможность бороться съ Дунечкиной распорядительностью.

. . . .

Ночь. Юлія Николаевна не спитъ. Растрясло, все тѣло болитъ... Ноги тоскуютъ, нельзя больше лежать. Душно!

Она отказалась отъ надежды уснуть и сидѣла, покорно съежившись въ уголкѣ.

Дунечка давно сладко спитъ.

Качка вагона расколыхала голову. Сознаніе дѣйствительности смутно, точно неживое... Такое же, какъ этотъ сѣрый жесткій вагонъ, съ неумолкающимъ грохотомъ дерева и желѣза... Кажется, и никогда больше не будетъ ничего мягкаго, свѣтлаго, тихаго...

Какъ искры, пронизываютъ ее внезапныя вспышки страха: что, если неудача?.. Если не выйдетъ ничего хорошаго тамъ, въ этомъ Большомъ Логу?..

«Заболѣю... Не справлюсь... Просто, сжиться не съумѣю съ чужимъ... Вѣдь ни съ чѣмъ, ни съ чѣмъ я никогда не умѣла сживаться!—думаетъ съ раскаяніемъ Юлія Николаевна.—Чулковы мои, какіе-то они стали теперь? Нельзя судить по письмамъ. Что, коли и они тоже чужіе?.. Много времени прошло. Господи... какая безобразная даль!.. Еще шесть дней ѣхать. Въ эту ли субботу? Кажется, вѣрно: шестнадцатаго суббота въ три часа восемнадцать минутъ. Опозданіе есть. Сегодня девятое?.. Навѣрное ли сегодня девятое?..»

Она вдругъ теряла нить и не могла ясно возстановить въ памяти сдѣланной дороги. Точно роешься въ осколкахъ, изъ которыхъ надо склеить разбитую вещь.

Только обморокъ и знакомство съ молодой фельдшерицей, ѣдущей въ Портъ-Артуръ, выступаетъ отчетливымъ реальнымъ фактомъ. Раньше точно и не было ничего, кромѣ мучительной смуты воспоминаній... Только теперь, уцѣпившись за эту жизнерадостную Дунечку, она всплыла на поверхность.

Дорожныя впечатлѣнія больше не скользятъ по ней безотчетно. Зато дорога теперь кажется длиннѣе и тягостнѣе. А ночью опять пересиливаетъ усталость, опять она безпомощно барахтается въ безцѣльныхъ думахъ о прошломъ...

Опять она подъѣзжаетъ съ матерью къ вокзалу по ужасной московской распутицѣ. Идетъ снѣгъ. Къ вечеру стало морозить, крупныя пушистыя хлопья медленно падаютъ въ неподвижномъ воздухѣ. Послѣ вьюги и сырости послѣднихъ дней, въ этой свѣжей тишинѣ была какая-то печальная покорность. Падаютъ... падаютъ бѣлыя хлопья... Какъ засыпаютъ могилу.

...Мать не плачетъ больше. Только мучительно суетится и говоритъ безъ передышки.

Въ сумракѣ вагона всплываетъ измученное лицо, съ выплаканными, растерянными глазами... Разстегнутая ротонда ползетъ съ плечъ, она каждую минуту поправляетъ ее дрожащими руками. подъ ротондой домашняя сѣрая кофта, бѣлый воротничокъ вокругъ сморщенной тонкой шеи... Эта морщинистая шея—самое жалкое.

Она старается представить себѣ мать иначе, спокойнѣе и не можетъ. Не можетъ увидѣть этого лица раньше—въ тяжкой орьбѣ послѣднихъ мѣсяцевъ. Не хотѣли отпустить въ Сибирь.. Тамъ одна смута отчаянной борьбы! Слезы, обиды, споры. Слезы, слезы...

Все кончилось, но сухіе, растерянные глаза несутся вмѣстѣ съ нею въ черную даль.

«Зачѣмъ они боролись со мной, вѣдь они же видѣли, что я умираю отъ московской жизни! Медленно умираю,—думаетъ съ волненіемъ дѣвушка, точно надѣется на этотъ разъ объяснить все кому-то, кто тамъ, за чернымъ стекломъ, летитъ рядомъ съ поѣздомъ и требуетъ къ отвѣту.—Какъ, какъ не видѣть, что ѣтъ настоящей жизни въ этой бездушной суетѣ! въ безумной жестокой роскоши на трескучихъ улицахъ, залитыхъ фальшивымъ свѣтомъ! Нѣтъ больше у людей отдыха темной божьей ночи».

...Мечутся отъ тревоги что-то упустить... гдѣ-то прозѣвать... Бьются, изъ силъ выбиваются все за этотъ безсмысленный блескъ, высасывающій изъ нихъ душу! И не замѣчаютъ, какъ жизнь уходитъ безъ смысла.

...Зачѣмъ, зачѣмъ?..

...Никто не знаетъ, оттого всѣ и рвутся учить... Съ паѳосомъ провозглашается каждая мелькнувшая догадка. Сколько пророковъ! Бѣгутъ слушать каждаго, кто влѣзъ на каѳедру, даже не спросятъ: что сдѣлалъ въ своей жизни этотъ человѣкъ, чтобы имѣть право учить другихъ?

...О! какая страшная усталость! Она давно бросила ходить на лекціи, не читала ничьихъ проповѣдей, все неудержимѣе отставала отъ несущагося потока. Пока осталась совсѣмъ одна и ее охватилъ ужасъ.

...Вѣдь и такъ тоже жизнь уходитъ безслѣдно, какъ вода въ рѣкѣ!

...Прочь... дальше куда-нибудь — туда, гдѣ сурово и тихо. Тогда въ успокоенной душѣ, какъ въ устоявшейся водѣ, проступятъ невидныя тѣни—родятся собственныя, свободныя мысли. Съ ними жизнь перестанетъ быть страшной... Ей казалось, что она бѣжитъ изъ плѣна. Она спѣшила, лихорадочно спѣшила...

...«Я не знаю,—говоритъ она кому-то за стекломъ,—можетъ быть, у меня ни на что не хватитъ ужъ силъ... Но чтобы жить въ тишинѣ... не спѣша переливать свое маленькое знаніе въ нетронутыя души—вѣдь на это немного потребуется силъ? Только отдохнуть—надо отдохнуть».

Каждый день она твердитъ эту свою вѣру, чѣмъ жила весь послѣдній годъ,—но отчего же какая-то новая тревога въ ея душѣ?

...«Оттого что грудь болитъ... я больна! Нѣтъ, нѣтъ, я ничего не боюсь. Это отъ усталости»,—оправдывается тревожно Юлія Николаевна.

Отъ усталости ли? Не оттого ли тревога, что въ разступившемся передъ нею просторѣ невѣдомой новой жизни она уже не одна?

Звонкимъ эхо летитъ въ этотъ просторъ звучный и смѣлый голосъ Дунечки, чужой дѣвушки, въ чьихъ ловкихъ рукахъ она очнулась отъ своего глубокаго обморока. Этотъ голосъ говоритъ не о покоѣ и тишинѣ...

Въ N*** поѣздъ стоитъ полчаса. Дунечка слетала въ аптеку за Доверовымъ порошкомъ для своей паціентки.

Семенъ Никаноровичъ сопровождалъ; погонялъ извозчика, хоть маленькая сибирская лошадка и безъ того летѣла, какъ вѣтеръ.

Купчикъ все пристаетъ съ некурящимъ отдѣленіемъ; а Дунечка и безъ того сердитая сегодня. Скучно стало. И свои-то дѣльныя мысли точно какъ завалились куда-то.

— Да не приставайте вы, что это, право!—осадила она его наконецъ.—Не на рукахъ же мы стащимъ туда мою Юлію Николаевну. Не хочетъ она ни за что къ старухамъ, сказано вамъ по русски!

— Помилуйте, да съ какой же стати такое безпокойство терпѣть? Неужели образованная дѣвица и вдругъ понять не можетъ.

— Мы съ вами такъ понимаемъ, а она совсѣмъ иначе. Ей, можетъ быть, очень даже нравится мучиться. Не нужда вѣдь и въ Сибирь погнала. Мать старуху бросила...

— Тсс... Отъ бездѣлья придумываютъ!

Дунечка сверкнула на него глазами.

— Ну, да! Небось, вы отъ бездѣлья запьете да безобразничать пуститесь? То же да не то, должно быть! Я вотъ и сама въ Портъ-Артуръ рѣшилась, и у меня тоже мать осталась. Такъ я зато вѣдь знаю твердо, что стану тамъ дѣлать. А ей все равно—что,—какъ—ни о чемъ вовсе не заботится! Больная совсѣмъ,—а будто какъ не понимаетъ—точно ребенокъ! Я ее какъ родную полюбила, а только понять ничего нельзя.

— Вѣрьте слову—понимать-то нечего, коли здраваго смыслу нѣту. Всякій умный человѣкъ старается, чтобы лучше для себя сдѣлать.

— Ну, объ этомъ-то и дуракъ всякій тоже старается. Однако, скажу я вамъ, какой дрянной городишко! Ни за что тутъ жить не стала бы. Точно весь пустой!

— Дома хорошіе. Ишь хоромина какая выведена! Извозчикъ, это чей домъ будетъ, по правую руку?

— Купца, чей еще... Кожевенникъ у насъ, Масловъ Провъ Петровичъ.

— Провъ!—засмѣялась Дунечка.—Извозчикъ! А дѣвушки красивыя есть по вашимъ мѣстамъ?

Семенъ Никаноровичъ такъ и взыгралъ отъ радости—слава тебѣ Господи, разгулялась Дунечка!

Извозчикъ обернулся и поглядѣлъ на нее хмурыми глазами:

— Небось, думаешь, сама ты всѣхъ бойчѣй на свѣтѣ?

— Ха, ха, ха!—сердитый какой, дяденька! И не старикъ еще... Что-жъ ты такъ рано построжѣлъ?

Дунечкѣ вдругъ захотѣлось смѣяться—шалить. Пріятно такъ щекочетъ въ груди, щиплетъ пальцы и уши. Но тихо, тихо... Точно и не холодно... Блѣдная заря въ небѣ...

Мужикъ величественно отвернулся къ своему дѣлу и ничего ей не отвѣтилъ. Стегнулъ легонько лошадь подъ горку.

— А-ахъ славно! Кататься смерть люблю!

Купчикъ издалъ презрительный звукъ губами.

— Это развѣ катанье? Вотъ у насъ въ городѣ, послѣ обѣдни, въ праздникъ молодые купцы своихъ женъ катаютъ—ну! Это оно дѣйствительно есть что поглядѣть!

— И у васъ есть лошади? Свою жену тоже катать будете?

Лукаво поглядываетъ на него бочкомъ Дунечка.

— Чѣмъ мы хуже людей,.. съ какой это стати! Я за рысака ничего не пожалѣю. Эхъ, Авдотья Ивановна, Авдотья Ивановна!

— Ха, ха, ха! что вамъ имя мое понравилось? Гадкое имя, терпѣть его не могу. Крестили, меня не спрашивали.

— Чѣмъ же-съ? Вовсе напрасно хулите. Имя самое коренное— Дунечка....

— Ахъ, вы! Да какъ вы это смѣете?!

. . . .

А пришла въ вагонъ—опять сѣро, глухо, скучно.

Юлинька молчитъ; сидитъ глаза закрывши.

Дунечка сообразила, что, должно быть, она надоѣла барышнѣ своими нотаціями. Бросить надо спорить съ ней.

Вытащила свои дѣловыя, портъ-артурскія мысли и уныло погрузилась въ нихъ.

...Деньги къ концу подходятъ, а пути то еще сколько впереди! Да во что еще иркутская остановка обойдется, даже и разсчитать впередъ невозможно... вотъ ты тутъ и вертись! А ну, какъ недохватка? Что тогда? Бѣда....

...Чудная мать, ей-Богу!.. Не могла дать четвертную лишнюю, чтобы безъ страху быть... Кабы не было, а то не дала. Разсердилась. «Куча денегъ». Одиннадцать тысячъ верстъ—мѣсяцъ пути—гдѣ ей это разсчитать! Вотъ теперь и умудряйся, какъ знаешь...

...Гостинницы, навѣрно, дороги въ Иркутскѣ... Ѣда, это пустое: на чаѣ съ булками недѣлю прожить хоть бы что безъ работы! Въ номерахъ, извѣстно, летятъ деньги. Скука какая!

Можно бы у Семена Никаноровича спросить, не знаетъ ли онъ, куда заѣхать подешевле—на квартиру къ кому-нибудь... Какъ ему не знать!

...Нѣтъ... Стыдно... Не хочется. Онъ, противный, и такъ все высматриваетъ глазами своими купеческими...

Шубейку свою Дунечка изъ-за него давно уже возненавидѣла, а въ Петербургѣ совсѣмъ за приличную считала. Годъ всего какъ и справлена. И частенько ни для чего она на станціяхъ чаи съ нимъ распиваетъ въ компаніи, чѣмъ бы свой чай въ чайникѣ заварить. Уговариваетъ... Пристаетъ... Догадается какъ разъ, что каждый гривенникъ на счету... А ужъ самъ-то сколько денегъ проѣдаетъ, просто страхъ! На каждой станціи что-нибудь пьетъ да закусываетъ. Житье господамъ купцамъ! Женъ на рысакахъ въ перегонку катаютъ... Наряды на ярмаркѣ покупаютъ...

Ничего, не злой, хорошій мужъ будетъ, не скупой... А глупъ, небось, ни объ чемъ нѣтъ понятія! Вовсе малограмотный, должно быть, по разговору видно...

...Однако, Дунечка-голубушка, гдѣ же это ты денегъ украдешь, коли своихъ капиталовъ не хватитъ? Нищета проклятая! Есть ли что хуже на свѣтѣ?....

Даже голова у Дунечки заболѣла отъ натуги, пока она свою бѣду обдумывала. А перестала думать—сразу и позабыла. На станціи опять весело со своимъ кавалеромъ вдоль поѣзда взадъ и впередъ бѣгала.

Пирожки вкусные торговка носила; только она не взяла, побоялась: «буду терпѣть, дѣлать нечего!».

А Семенъ Никаноровичъ что-то особенно увивается сегодня... А ужъ голосъ-то... Такъ въ душу и льется!.. Краснѣетъ поминутно... Взгляды умильные... Намеки... Влюбился, совсѣмъ какъ надо быть.

Дунечка давно это видитъ, а теперь ужъ и вовсе какъ будто начинаетъ что-то... Даже самой безпокойно сдѣлалось.

Публика тоже любопытно поглядываетъ, какъ молодой купчикъ около петербургской барышни увивается. Пассажиры давно приглядѣлись другъ къ другу—улыбаются, будто знакомые, которые и не разговариваютъ. Старухи изъ некурящаго отдѣленія отъ оконъ не отходятъ, провожаютъ ихъ негодующими взглядами. Спасибо, въ ихъ вагонѣ все мужички да бабы, тѣ хоть въ чужія дѣла не мѣшаются.

Дунечка почувствовала себя неловко и раньше времени прекратила прогулку. А въ вагонъ влетѣла съ задорнымъ смѣхомъ.

— Ха-ха-ха... Поздравьте меня, Юлинька! Не сегодня-завтра объясненіе въ любви предстоитъ... Это называется—времени даромъ не терять!..

— А... а!.. давно видно было... совсѣмъ плѣнили!—приглядывалась къ ней съ улыбкой учительница.—А вы порядочная кокетка, Дунечка.

— Ну, что вы это! Не гнать же безъ причины. Онъ любезный... не лишнее въ дорогѣ! Какая бѣда, кто меня здѣсь знаетъ? На службѣ, само собой, сохрани Богъ себя неосторожно повести, а тутъ всѣ вольныя птицы... Не большой грѣхъ въ кои-то вѣки повеселиться на досугѣ.

— Кошкѣ игрушки, да мышкѣ слезки... Или, можетъ быть, онъ вамъ тоже нравится?

— Мнѣ!? Да что вы, что вы! вотъ выдумали...

Покраснѣла своимъ красивымъ яркимъ румянцемъ.

«Вотъ она, свободная-то душа!..—думала, любуясь ею, Юлія Николаевна.—Такой бѣжать не отъ чего: никакая ноша за плечами не тянетъ. Просто—стоитъ на крылечкѣ только что проснувшійся человѣкъ яснымъ утречкомъ, на солнышко жмурится—

выбираетъ, по которой дорожкѣ побѣжать... Ахъ, какая счастливица!..»

— Вы развѣ замужъ вовсе не собираетесь?.. Зарокъ?.. —спросила она ласково.

Дунечка не сразу отвѣтила. Сняла свою шубку, шапочку и завернулась въ теплый платокъ.

— Коли я замужъ зря выскочу — ну, тогда, значитъ, душа коротка оказалась. Сборы только большіе.

— Это какъ же понимать надо—*зря?*.. Безъ любви, что ли?

Усмѣхнулась и снисходительно поглядѣла на барышню.

— Можно и по любви, да зря. Не изъ-за чего жизнь-то ломать. Развѣ для любви стоитъ ломать, что ужъ сдѣлано?.. Сколько труда, усилій... Надолго ея хватаетъ, любви этой!

— Ну... разная тоже любовь бываетъ, это вы напрасно,—возразила Юлинька.

— Ничего не разная. У васъ это, у дворянъ, о любви невѣсть что воображаютъ... да чего только и не натерпятся черезъ нее! Воображаютъ, будто она сильнѣе всего на свѣтѣ.

— Да вы, Дунечка, вѣрно и влюблены-то никогда еще не были?.. Недосугъ... отъ большаго прилежанія.

Дунечка нахмурилась и помолчала нѣсколько минутъ.

— Была, не безпокойтесь... Въ студента. Давно ужъ...

«Удивительное дѣло! Даже и про это говорить охота. Говоримъ сейчасъ, а больше никогда и не встрѣтимся... Все равно, что самой себѣ сказала», подумала Дунечка. Вздохнула печально.

— Гдѣ-то онъ теперь мыкается, несчастный? Вотъ ужъ кому тоже нянька нужна, все равно какъ вамъ!..

— Отчего же такъ?—подсказала Юлія Николаевна.

— Выслали его тогда. Больной... за душой ни гроша... Нигдѣ ни души... Умеръ, должно быть. Да и лучше.

— Фу, что говоритъ, а еще любила!

Дунечка вспыхнула и насупилась.

— Потому и говорю, что жалѣю. Кромѣ мученья всякаго, этотъ человѣкъ ничего для себя въ жизни не найдетъ. Горе его обойдетъ, такъ онъ и самъ въ догонку за нимъ пустится. Тутъ люби не люби—все одно.

— Вотъ что! Такихъ людей не мало, Дунечка, для которыхъ жизнь мученье. Неужто всѣхъ ихъ въ гробъ заколотить?..

Дунечка сердито дергала бахрому сѣраго платка.

— Не понимаете, что я говорю... Странно даже!

— Понимаю, понимаю! Благополучные люди—прекрасные люди. А кто мучается, тотъ и другимъ жизнь портитъ... Зрѣлище непріятное! Не вы одна такъ думаете, Дунечка! Вамъ Богъ проститъ... совсѣмъ вы юная. Не потому, сколько лѣтъ, а всѣмъ... сырая еще вы совсѣмъ! Мнѣ оттого на васъ смотрѣть весело—весной вѣетъ. А только слушать васъ жутко подчасъ.

Дунечка, смущенная, напряженно силилась понять. Не въ первый разъ она такое слышитъ... Пусть хоть разъ бы одинъ человѣкъ объяснилъ понятно: почему точно какъ *стыдно* быть счастливой?.. Коли ты всего сама добилась, повезло тебѣ, неужто это все равно, будто ты чужое отняла?!. Да съ какой же стати, Господи, кто это выдумываетъ!

Дунечка не могла успокоиться. Облокотилась локтями въ колѣни, легла лицомъ на руки и крѣпко задумалась, съ наивнымъ усиліемъ на цвѣтущемъ лицѣ. Даже подушечки надъ бровями вспухли.

— Вотъ, и васъ не понимаю... для чего въ дикую глушь пропадать тащитесь черезъ силу? въ Сибирь...

— Тамъ у меня знакомые живутъ. Къ хорошимъ людямъ поближе.

— Да жизнь-то какая же тамъ съ вашимъ-то здоровьемъ? Какъ ужъ тогда и жить, не понимаю. По моему, каждый человѣкъ долженъ все выше да выше карабкаться, коли силы хватаетъ,—только это и жизнь. Тогда всѣмъ хорошо и будетъ, когда на худое никто соглашаться не захочетъ, развѣ не правда?.. Ну, осталась бы я въ Петербургѣ. Ничего, кромѣ мѣста при больницѣ, не высидѣла бы, сколько ни сиди! А работы столько за свои гроши навалятъ, что о частной практикѣ и думать позабудь. Ну, вотъ, коли я могу иначе устроиться, такъ для чего я мириться на этомъ должна?!

Юлія Николаевна разсмѣялась наивной убѣдительности этихъ интонацій.

— Вы же и не должны вовсе, Дунечка! Развѣ я вамъ это совѣтую? Портъ-Артура не побоялись и отлично. Тамъ навѣрно и докторовъ, и фельдшерицъ мало.

— То-то и есть!—подхватила Дунечка съ одушевленіемъ.—А доктора, мужчины и женщины, все наровятъ въ Питерѣ или въ Москвѣ, сбившись какъ овцы, сидѣть безъ хлѣба. Да и учительницы все равно также. Вотъ и вы—поѣдемте-ка со мною въ Портъ-Артуръ, а? Вотъ бы чудное дѣло! Открыли бы себѣ собственную школу... ребятъ небось всякому учить нужно. Зажили бы себѣ безбѣдно. Юлинька! душечка...

Юлія Николаевна смѣялась тихимъ, искреннимъ смѣхомъ, такъ что слезы на глазахъ выступили.

— Ну чего вы все смѣетесь? Я не шучу нисколько. То ли дѣло вдвоемъ! Давайте-ка вдвоемъ жизнь завоевывать! а?

— Завоюете, одна завоюете! Ну, а дѣло-то свое вы, Дунечка, любите?

— Какъ же не любить!

— Да вѣдь веселаго въ немъ ничего нѣтъ...

— Какого же отъ дѣла веселья надо? Наработаешься, тогда и веселись. Тоже и тамъ, я думаю, со скуки не умираютъ. Я и платье бѣлое съ собой везу! Для нашего вечера выпускного сшито... досталось ради него полгода скряжничать, впроголодь сидѣть... Охъ, чего не хочу, такъ это каждый грошъ считать! Я не скупая, не въ мать.

— Будутъ у васъ и деньги!

— Само собой, будутъ. Этого ужъ я давно не боюсь, чтобы вовсе безъ денегъ биться. Я хочу, чтобы твердо на ноги стать и впередъ ничего не страшиться. Болѣзни... старость... Думать надо во-время.

Юлія Николаевна всматривалась въ ея лицо, какъ созерцаютъ чужую безсознательную силу.

А Дунечка смотрѣла въ окно, и ея спокойныя черты точно подернулись дымкой. Дунечка вздохнула протяжно и глубоко.

— Да! скоро какъ все перевернулось, коли подумаешь,— всего-то какихъ-нибудь шесть лѣтъ! А каково было начинать— мать уломать?.. Въ голову ей это втиснуть насильно, что не страшно, что берусь по силамъ... Не пропадутъ ея кровные гроши. Да, всего было! Съ простымъ человѣкомъ вѣдь чѣмъ трудно: то она тебѣ вѣритъ, то опять вдругъ раздумала. Безъ всякой причины. Застарѣлый страхъ въ душѣ.

— Всякому свое...—уронила съ горечью учительница.—Навѣрное, каждую мать легче уговорить, чтобы она помогла вверхъ карабкаться—тутъ каждая собственную грудь подставить готова. Другое мудренѣе, Дунечка!

Въ эту минуту на другомъ концѣ вагона, въ аудиторіи словоохотливаго монаха, поднялся какой-то споръ. На нѣсколько минутъ перекрикивающіе другъ друга голоса и стучащіе колеса вагона отняли охоту вступать съ ними въ состязаніе. Пока не прошелъ черезъ вагонъ кондукторъ, безцеремонно прикрикнувъ на публику.

Голоса сейчасъ же загудѣли сдержаннѣе, на низкихъ нотахъ; и у Дунечки точно вырвалось неожиданное восклицаніе:

— А вѣдь несчастная ваша мать, Юлинька! Не для того она васъ ростила да воспитывала, чтобы вы съ какими-то переселенцами горе мыкали. Тифомъ или оспой тамъ заразитесь и умрете безъ помощи. Каково ей? Вы слишкомъ какъ-то мудрено жить хотите, оттого вамъ и тошно все на свѣтѣ. О смерти думаютъ... О смерти пишутъ—это молодые-то! Стихи нынче, и то все больше про смерть сочиняютъ. Чудаки, ей-Богу! А для меня смерть—первый и есть врагъ.

— Да, да, да! такъ и надо—такъ и живите!..—воскликнула горячо Юлинька.

— А вы сами иначе? Это отчего же?

— Я другое дѣло! Какъ бы мнѣ вамъ это объяснить покороче? Оттого что *для себя* мнѣ ничего добиваться не пришлось... Понимаете? Даромъ все досталось.

Дунечка звонко расхохоталась.

— И правда! Богачиха какая,—восемь тысячъ верстъ, больная, въ третьемъ классѣ катитъ! Въ мужицкой избѣ зарыться... Чудаки, ей Богу.

«А ты на крылечкѣ стоишь яснымъ утречкомъ, на солнышко щуришься, въ путь собираешься... Счастливица, счастливица!»

И вѣдь, навѣрное, на дѣлѣ Дунечка гораздо добрѣе своихъ эгоистическихъ разсужденій. Юлія Николаевна думала о томъ, какъ заботливо эта чужая дѣвушка за нею ухаживаетъ. Въ неудобный вагонъ къ ней перебралась, слѣдитъ за каждымъ шагомъ, точно какъ за маленькой, пристаетъ. Навѣрно и для всякаго больного то же самое сдѣлаетъ. Много, много эта Дунечка за свой вѣкъ дѣла передѣлаетъ, хоть и на балахъ танцовать тоже поспѣетъ, и щеголять будетъ напропалую на свои трудовыя денежки. Безотчетно—безъ пышныхъ словъ. Энергія трудовая заложена въ ея мускулахъ, выращенная поколѣніями. Охъ, хорошо это—дѣлать безъ словъ!..

...Сами мы не замѣчаемъ, какъ слова впередъ уже берутъ силы, разряжаютъ порывъ. Покипятилась и отвела душу! Мало развѣ этого бывало?..

...Оттого и надо бѣжать туда, гдѣ совсѣмъ безъ словъ... Послѣднія силы экономить. Немного силъ остается...

Встрѣча съ Дунечкой встряхнула усталую апатію, въ какой начался для нея далекій путь. Все рѣшено. Сотни разъ вывернуто на лицо и на изнанку—больше мудрить не надъ чѣмъ. Поздно.

Самое надежное спокойствіе вливала ей въ душу эта увѣренность, что жизни впереди остается только небольшой клочокъ. Можно ужъ теперь все, все постороннее откинуть и повиноваться только одному сокровенному голосу... Съ нимъ и кончить лицомъ къ лицу.

Ей казалось, что не она одна это понимаетъ, а и другіе всѣ тоже понимали, изъ Москвы провожая ее. Мать...

Но вотъ встрѣча съ интересной задорной попутчицей снова всколыхнула весь остатокъ силъ.

...Въ путь, въ схватку съ жизнью, въ молодую безпечную схватку! Съ этими проносящимися вихорьками молодого задора—съ радостнымъ ощущеніемъ жизни въ собственныхъ жилахъ—въ чудномъ кипѣніи пылкихъ мыслей въ мозгу—въ тревожно спѣшащихъ впередъ ударахъ сердца! Молодость!!.

...Боже мой... да развѣ она на много моложе ея, эта Дунечка?.. Какихъ-нибудь пять лѣтъ!..

. . . .

Подъ вечеръ слѣдующаго дня Дунечка стала подолгу исчезать изъ вагона. Въ пути, между станціями, несмотря на морозъ, она стояла на тормазѣ, уступая мольбамъ влюбленнаго купчика.

Завтра—Иркутскъ. Не для чего, казалось бы, и слушать Дунечкѣ любовныя признанія чужого человѣка, да, видно, не такъ легко побороть въ себѣ жуткое дѣвичье любопытство. Было что-то особенное, точно пророческое, въ этой быстрой побѣдѣ надъ проѣзжимъ купчикомъ... Что-то, поднимавшее въ душѣ новую волну веселаго задора.

...Только успѣла въ путь тронуться, до мѣста не добралась еще, а судьба уже выкинула крупный жребій: выбирай, красавица! Не пожелаешь ли лучше зажить барыней въ крѣпкомъ купеческомъ домѣ, на готовыхъ хлѣбахъ? Простишься разъ навсегда со всѣми бѣдами и заботами трудовой женской доли.

...Не польстишься ли поработить это рвущееся къ тебѣ молодое сердце? Не тянетъ ли тебя перевѣдаться съ истинной мужской страстью, не скованной никакими мудреными тонкостями?..

Чувствуетъ Дунечка, кабы не это странное мѣсто на тормазѣ, не грозящее ежеминутно появленіе кондуктора... чего добраго, давно ужъ схватилъ бы ее Семенъ Никаноровичъ въ охапку, чтобы отогрѣть своими поцѣлуями. Взываютъ они къ ней, эти скованные поцѣлуи на его упругихъ яркихъ губахъ... и въ мерцающихъ глазахъ... и въ судорожныхъ, безцѣльныхъ движеніяхъ рукъ...

...А ей жутко и весело!

Весело, что хоть на минуту можно поддаться искушенію: безъ страха взглянуть за ограду строгаго благоразумія, какимъ она всю напередъ, точно крѣпкимъ заборомъ, обнесла свою жизненную дорожку. Дома Дунечка никакого риска себѣ не позволила бы; а тутъ соблазняетъ дорожная мимолетная свобода... Точно, право, помолодѣла она съ той минуты, какъ сѣла въ вагонъ!.. Даже и забота досаднаго безденежья безсильна побѣдить радостное предвкушеніе ожидающихъ впереди успѣховъ.

...Вотъ, еще и до Иркутска не доѣхала!.. А что будетъ дальше за тѣмъ чужимъ, такъ загадочно звучащимъ именемъ? Тамъ... тамъ, что только ей вздумается, все и будетъ! Женихи, либо трудовая безбѣдная свобода. Какъ самой захочется! Только ужъ скуки, петербургской скуки, навѣрное, не будетъ.

Никакъ не можетъ Дунечка обуздать какой-то безразсудной, опьяняющей самоувѣренности, какъ нельзя остановить горячую молодую лошадку, закусившую удила.

...Что такое Семенъ Никаноровичъ?—такъ себѣ, купчикъ необразованный... въ третьемъ классѣ ѣздитъ безъ нужды...

Поѣздъ летитъ, пошатывая тормазъ. Мимо мелькаютъ точно картины заколдованнаго сна... Непривычныя очертанія далекихъ горъ (она думала сначала, что это облака), необозримо синѣющіе лѣса, охваченные разлившимся бѣлымъ океаномъ. Въ вышинѣ быстро темнѣетъ безоблачное небо... Сгущается синева морозной дали, какъ будто все тяжелѣе становится неподвижный воздухъ.

Позади поѣзда густой черно-бурый свитокъ медленно развертывается крутыми клубами... Поѣздъ оставляетъ за собою между небомъ и землей фантастическую дорогу.

А другая, узенькая стальная дорожка перерѣзала бѣлый океанъ... Дико, непонятно, какъ это могло сдѣлаться!.. Какая сила споритъ дерзко съ бѣлой стихіей, не даетъ ей поглотить двѣ стальныхъ черточки, еле замѣтно намѣченныя геройскими усиліями?..

Да! Не стоять бы предпріимчивой Дунечкѣ на этомъ покачивающемся тормазѣ, еслибъ не работали для нея многія поколѣнія тѣхъ самыхъ «чудаковъ», кого понять ей такъ мудрено. Но все же, безсознательно, она стремится уже примкнуть къ нимъ, хоть и вѣритъ Дунечка въ своей наивности, что она сдѣлаетъ все какъ-то иначе, *по своему*. Вѣритъ, что навсегда останется такой же безмятежной, будетъ такъ же твердо знать, чего хочетъ, что нужно, чего нельзя... Дунечка увѣрена, что и науку жизни она постигнетъ такъ же легко, какъ всѣ свои учебники, за которые она всегда получала полный баллъ.

Дрожь поѣзда непріятно отдавалось у нея въ ногахъ, и назойливое физическое ощущеніе мало-по-малу разогнало очарованіе. Дунечка перестала стоять смирно,—пожаловалась на холодъ.

Семенъ Никаноровичъ разсказывалъ ей свою семейную исторію безъ утайки. Этимъ онъ надѣялся доказать ей неопровержимо всю серьезность своихъ намѣреній. Дѣло видимое, что никакой порядочный человѣкъ не будетъ болтать зря про свое семейство первому встрѣчному.

Переломивъ свою гордость, онъ признался ей даже и въ томъ, что было у нихъ въ семьѣ самаго досаднаго, стыднаго—въ неудачной женитьбѣ старшаго брата, Ильи: жена сбѣжала съ заѣзжимъ актеромъ, не пожалѣла ни дѣтей, ни его, ни стариковъ.

— Вотъ и судите сами—старикъ, хоть ворчунъ, а не безжалостной души человѣкъ. Въ другой семьѣ, думаете, потерпѣли бы?—небось, вернули бы силкомъ такую безстыдницу! На скандалъ пошли бы, только чтобы въ своемъ правѣ настоять.

— Не очень, видно, свободно у васъ женамъ-то живется!—вставила задорно Дунечка, пожимаясь плечиками отъ мороза.

— Какъ-съ? Такой свободы и нигдѣ быть не можетъ. Законъ одинъ.

— На арканѣ притащить—тоже вѣдь не находка! Не тѣ ужъ нынче времена, чтобы съ женщинами, какъ съ рабами поступать.

Семенъ Никоноровичъ сейчасъ же испугался побѣдоноснаго тона.

— Для того и разсказывалъ... Семейнаго секрета не пожалѣлъ, только чтобы вы, Авдотья Ивановна, довѣриться вполнѣ могли! Такое дѣло на чистоту надо... Не одинъ вѣдь человѣкъ, тутъ вся семья...

Дунечка все больше труситъ такихъ рѣчей, хоть и выдерживаетъ шутливый тонъ.

— Да, что вы... о чемъ это вы, Семенъ Ниакноровичъ! Лучше бы ужъ вы секретовъ своихъ вовсе и не разсказывали. Вовсе ни къ чему это!

— Авдотья Ивановна!.. Чтожъ...—только вѣдь самыхъ главныхъ словъ не сказалъ еще—не смѣю!—Однако для васъ и такъ довольно ясно ..

— Богъ съ вами... Я лучше уйду! Не держите меня. Вы вѣсть что придумаете, а послѣ меня же обвинять станете.

Онъ изо всей мочи тискалъ себѣ грудь руками, впиваясь въ нее восторженными и страдающими глазами. Шуба распахнута, а у самого шея вся мокрая на тридцатиградусномъ морозѣ.

— Да что это, Господи... За кого вы считаете меня, Авдотья Ивановна?.. Я рази не понимаю! Съ бухта барахта, не сходя съ поѣзда, рази возможно! Только и прошу васъ объ одномъ, чтобы не сомнѣваться... Вотъ, Богъ дастъ, въ Иркутскъ благополучно прибудемъ...

— Семенъ Никаноровичъ... да вы и правда рехнулись совсѣмъ! Точно какъ вы купили меня—я ужъ и слушаться васъ должна!.. Ха, ха, ха—смѣшно, право! Пріѣдемъ въ Иркутскъ—счастливо оставаться. Мнѣ направо, а вамъ налѣво. Очень вамъ благодарна за любезную компанію.

Ушла . . . .

Дунечка вернулась въ вагонъ красная и хмурая. Слава Богу, хоть барышня досады ея не видитъ—лежитъ съ закрытыми глазами. Она тихонечко усѣлась на своемъ мѣстѣ.

Руки и ноги зашлись отъ холода. На сердцѣ безпокойно...

...Завела пріятельство отъ скуки. Дальше да больше... Теперь вотъ и отвяжись отъ него въ Иркутскѣ! Сѣлъ на извозчика да поѣхалъ слѣдомъ—какъ она запретитъ ему?!. Онъ-то у себя дома—а она что? Въ пустомъ карманѣ грошъ болтается!..

...Собственными руками, кажется, побила бы себя. Что надѣлала! Точно дѣвчонка допрыгалась. Пуще всего стыдно: въ такую ли серьезную минуту пустяками забавляться! Чужому проѣзжему мужчинѣ позволила за собой ухаживать.

...Ужъ *позволила*, нечего тутъ вилять!—прикрикнула на себя Дунечка, кусая до боли губы, горѣвшія отъ мороза.—Жениха въ вагонѣ подцѣпила—можно поздравить!

Отъ ея недавняго побѣдоноснаго настроенія теперь не оставалось и слѣда. Незнакомый страхъ, точно холодъ, волнами вливается въ сердце... Никогда дома Дунечка такъ не потеряла бы головы. Смиренный влюбленный Семенъ Никаноровичъ вдругъ потерялъ свою прежнюю физіономію и превратился въ какого-то безличнаго, символическаго ловца, раскидывающаго сѣти... Вотъ онѣ, любезности-то ,мужскія—дадутъ себя знать!

Собственное привычное благоразуміе грызло ее, какъ упрекъ. Отличаться на 12 балловъ привыкла Дунечка во всемъ, а не такіе промахи давать! И Портъ-Артуръ какъ-то сразу померкъ въ ея воображеніи и не манилъ уже радужными лучами быстрыхъ успѣховъ.

— Что это? Кажется, вы плачете?

Снизу, съ малиновой шелковой подушечки за нею нѣсколько минутъ уже слѣдили усталые ласковые глаза.

Дунечка съ досадой обмахнула глаза.

— Вотъ еще выдумаете! Не доставало... Намерзлась съ дуру. Сижу да злюсь на себя.

— Да, долго. Я ужъ боялась, не свалились ли вы съ поѣзда, долго очень...

Дунечка не расположена откровенничать. Лицо ея, когда она крѣпко задумается, всегда странное дѣлается,—тревожное и недовольное. Видно, что ей хочется сбросить это съ себя, какъ можно скорѣе.

Юлія Николаевна тоже поднялась — потянулась... мучительно зѣвнула. Внутри все точно горитъ отъ наростающей усталости... Кажется, что совсѣмъ больше не спишь, хоть и видятся тягостные, взволнованные сны. . Охъ, хоть бы денекъ одинъ остановки!

Она вынула изъ сака флаконъ съ одеколономъ, смочила себѣ виски и руки и молча протянула его сосѣдкѣ.

Дунечка только качнула мрачно головой.

— Ну, кажется, и вы, наконецъ, усталость почувствовали? У меня живого мѣста не осталось... Никогда это не кончится! Такъ и будетъ вѣчно толочь насъ въ деревянной ступѣ... Не думала я, что такая мука. Въ ребрахъ боль—вздохнуть нельзя. Тутъ и въ цѣлый мѣсяцъ не отдышишься. А вамъ то еще даль какую тащиться!

— Мнѣ ничего. Нигдѣ не болитъ. Только голова, должно быть, глупая стала, пробурчала Дунечка сквозь зубы.

Въ слѣдующую остановку Дунечка въ первый разъ еще не вышла изъ вагона. Осталась сидѣть, не поворачиваясь къ окну, какъ будто и не замѣтила, что подъѣхали къ станціи.

Дверь хлопаетъ каждую минуту. Ходятъ взадъ и впередъ, холоду напустили...—вотъ несносно! Она, и не оборачиваясь, все-таки видитъ, какъ Семенъ Никаноровичъ нѣсколько разъ прошелъ подъ окномъ. Глядитъ на нихъ...

Вдругъ Юлинька кивнула ему головой.

— Да вы никакъ его сюда позвали?—встрепенулась испуганно Дунечка.

А въ отвѣтъ ей Семенъ Никаноровичъ уже входитъ въ вагонъ, благодарно улыбаясь, и часто, часто мигая взволнованными глазами.

— Вы зачѣмъ мою Дунечку на тормазѣ заморозили, а?—шутитъ строго Юлія Николаевна.

Дунечка вспыхнула, какъ зарево, прыгнуть готова, чтобы ей ротъ зажать...

— Я и самъ... вѣрьте совѣсти—мѣста себѣ не найду! до того безпокоюсь за нихъ,—заволновался купчикъ.—Отлично теперь чаю горячаго съ ромомъ, Авдотья Ивановна!.. Дозвольте, ради Господа, прислать, я однимъ духомъ!

— Никто васъ не проситъ, успокойтесь пожалуйста. Коли я озябла, такъ сама и знаю, что мнѣ дѣлать,—оборвала грубо Дунечка.

Но голосъ предательски дрогнулъ. Она прижалась лицомъ къ стеклу.

Семенъ Никаноровичъ растерянно топтался на мѣстѣ, громко дышалъ и мялъ въ рукахъ шапку.

— Сколько еще станцій до Иркутска?—спросила учительница, чтобы вывести изъ неловкаго молчанія.

И не поняла, почему и этотъ невинный вопросъ еще пуще прогнѣвалъ Дунечку. Она метнулась отъ окна и уставилась злыми глазами въ страдальческое лицо своего кавалера.

— Вамъ идти пора. Тутъ сейчасъ толкотня начнется — звонокъ...

Купчикъ покорно откланялся въ нѣсколько пріемовъ.

. . . .

— Н-ну? Что же, однако, произошло у васъ? — начала дружески разспрашивать барышня, когда вагонъ пришелъ въ порядокъ, и снова заработала деревянная ступа. — За что вы его, бѣднаго, такъ шугаете, Дунечка?

Дунечка еще немного помаялась, какъ маются характерные дѣти, прежде чѣмъ сдаться чужой волѣ. Наконецъ, созналась все-таки.

...Зарвалась она съ этимъ купчикомъ. Теперь и сама не знаетъ, какъ ей отъ него отдѣлаться... вотъ оно, бездѣлье-то до чего доводитъ! Сроду такихъ глупостей за ней не водилось... Въ дорогѣ въ опасное положенiе сама себя поставила! Вдругъ да ему вздумается ее преслѣдовать... куда податься безъ денегъ въ чужомъ мѣстѣ?

...Онъ—взглянуть вѣдь довольно—совсѣмъ какъ ошалѣлъ! Ничего не разузнавъ, ни въ чемъ не увѣрившись, — женихомъ заговорилъ! И того даже не знаетъ, можетъ быть, она про свои дипломы все наврала. Не показывала вѣдь она ихъ ему! Всему такъ и повѣрилъ по первому слову...

Совсѣмъ расходилась Дунечка. И не разберешь—самолюбiе ли, или другое что въ ней бушуетъ. Обижена она, испугана или тронута такимъ благороднымъ довѣрiемъ?

Призадумалась и Юлiя Николаевна.

...Случай-то оригинальный ужъ очень. Кто же его знаетъ, на что такой рьяный уралецъ способенъ, ошалѣвъ отъ внезапной страсти!

...Положимъ, подозрительность Дунечкина только наивна — ее ни одинъ мужчина за искательницу приключенiй не приметъ, на это глазъ у нихъ безошибочный. И въ томъ, какъ храбрая Дунечка вдругъ перетрусила, сказалась только вся ея чистота и неопытность. Но за всѣмъ тѣмъ—сватовство къ одинокой проѣзжей дѣвушкѣ не могло не казаться подозрительнымъ...

...Вѣдь женихомъ сдѣлаться не трудно... Чего добраго, ему того только и хочется! Время весело провести въ Иркутскѣ. Развѣ и того хуже не случается съ одинокими женщинами? Даль... дичъ... глушь...

Вотъ и сидѣли онѣ теперь обѣ хмурыя, скупыя на слова, переворачивая въ умѣ тревожныя мысли и пряча ихъ, отъ стыда, даже другъ отъ друга... Мелькнула передъ ними специфическая *опасность*, окружающая женскую молодость повсюду, гдѣ только она отважится выйти изъ-подъ охраны, положиться на собственныя силы. И обѣ дѣвушки, такiя разныя во всемъ, одинаково ощущали въ эту минуту свое одиночество. Почувствовалось смутное вѣянiе темныхъ угрозъ...

. . . .

Тѣмъ временемъ за окномъ стало совсѣмъ ужъ черно.

Какъ вдругъ онѣ были поражены совершенно неожиданнымъ появленiемъ въ ихъ вагонъ самого виновника всѣхъ этихъ волненiй.

Дунечка коротко и ясно постановила до самаго Иркутска носа не высовывать изъ вагона. Но Семенъ Никоноровичъ, никоимъ образомъ не ощущая въ себѣ ничего устрашительного,—

напротивъ, исполненный тревоги, смущенія и безпокойства, не простудилась бы его барышня по его милости—могъ ли Семенъ Никаноровичъ понять истинный смыслъ такой внезапной перемѣны въ ея обращеніи?..

«Находодалась... распростудилась... расхворалась», носилось въ его смятенномъ воображаніи.

Тому, какъ Дунечка отшучивалась отъ его любовныхъ признаній, онъ не придавалъ никакого значенія. Обыкновенное дѣло, дѣвица должна себя повести достойно, не обрадоваться же ей сразу незнакомому человѣку.

Дунечка пусть свою линію ведетъ—онъ отъ того не терялъ еще надежды покорить ее своимъ безкорыстіемъ. Дѣвица все равно замужъ должна выйти, а чѣмъ же онъ, помилуйте, не партія для такой новомодной невѣсты, коли у нея всего и за душой что одни какіе-то дипломы.

На этотъ разъ Дунечка приняла его не такъ грубо, какъ давеча. Она какъ-то безпомощно притихла, предоставляя подругѣ вести разговоръ.

А Юлія Николаевна сразу повеселѣла, какъ только взглянула въ напряженно-робкое лицо злополучнаго жениха. Экъ, занеслись онѣ куда съ Дунечкой! Вотъ, ужъ именно-то у страха глаза велики!

Купчикъ, убѣдившись, что, пока что, все слава Богу благополучно, скромно удалился.

Дѣвушки устроились на ночь привычнымъ уже способомъ, какъ онѣ устраиваются каждый вечеръ, повторяя съ точностью всѣ малѣйшіе пріемы; однако имъ не спалось. Юлія Николаевна попробовала осторожно позондировать почву.

...Право, этотъ купчикъ славный малый, повидимому. И предстоитъ ему, пожалуй, не весело расплачиваться за ея мимолетное развлеченіе... Что объ этомъ думаетъ Дунечка?

— Не было печали заботиться!—буркнула она сердито.—Вѣрьте вы имъ больше. Небось, у самого цѣлая семейка гдѣ-нибудь припрятана, а прикидывается смирненькимъ. Безобразники всѣ они.

— Ай-ай упрямица какая! Сама же кругомъ виновата, а на него не знаетъ ужъ что и взвести... Хорошо это развѣ?

Дунечка завозилась на скамейкѣ.

— Безъ васъ знаю, что скверно, да вовсе не объ немъ забота.

Еще разъ Юлія Николаевна почувствовала все коренное различіе ихъ психологій. Ничего отъ человѣка не видала Дунечка кромѣ хорошаго, но и не сомнѣвается въ своемъ правѣ вовсе не считаться съ нимъ: влюбился такъ влюбился—твое дѣло, самъ не будь плохъ. Странное какое-то безсердечіе!

«Очень ужъ на *насъ* не похоже. Изъ насъ каждая на ея мѣстѣ давно угрызалась бы и считала своей обязанностью *нянчиться* и лечить отъ любви—раздумывала барышня:—но вѣдь вылечить-то несомнѣнно гораздо вѣрнѣе именно такая, ничѣмъ не прикрашенная трезвость!»

...А ей все-таки было не по себѣ. Оголенность какая-то безотрадная...

А Дунечка лежала, хмуро глядя въ круглую дыру вентилятора на потолкѣ, и дѣйствительно думала все время только о себѣ. Сама съ собой помириться никакъ не могла за все это легкомысліе.

— Знаете что, Юлинька?—заговорила она вдругъ, приподнимаясь на локтѣ отъ внезапнаго оживленія:—Я теперь поняла, откуда это взялось, что барыни только объ одной любви и думаютъ! Даже встрѣтиться просто съ чужимъ мужчиной для нихъ нельзя. Одно ухаживаніе. А коли нѣтъ этого, тогда скука.

Она злорадно засмѣялась и легла опять на подушку.

— Будто ужъ всѣ женщины объ любви думаютъ, что вы это!

— Всѣ, всѣ! Которыя ничего другого не задумали. Это-то я и хочу сказать. Вотъ и я!.. Всего второй мѣсяцъ, какъ руки сложила, и ужъ готово дѣло! Романъ въ вагонѣ, гадость этакая! Небось прежде, когда зубрила да дежурила, да на массажъ бѣгала, да еще и обшивать себя должна была, тогда, небось, и настоящая любовь меня одолѣть не могла. Думаете, не хотѣлось мнѣ все кинуть да за моимъ бѣдненькимъ студентомъ на край свѣта броситься? Не хотѣлось?

...Такъ вотъ оно что!—встрепенулась обрадованно ея собесѣдница.—Пожалуй, она его и до сихъ поръ любитъ? Какъ это я сразу же не догадалась.

А Дунечка точно на эту ея мысль отвѣтила:

— Нѣтъ ужъ... Коли я тогда для него своего дѣла не бросила... Вотъ я вамъ что скажу: не нужно, чтобы одинъ человѣкъ для другого всю свою жизнь перепортилъ, все равно изъ этого толку никакого не выйдетъ... пожалѣетъ когда-нибудь! Я и тогда знала, что пожалѣю, оттого и не сдѣлала. И онъ зналъ. И не звалъ даже. Какъ будто трудно отказаться отъ всего на свѣтѣ, когда влюблена! А какъ помѣшать этому потомъ вернуться, вотъ чего люди не помнятъ..

«Не надо, надо, не надо», подхватилъ кто-то тамъ, за тонкой деревянной стѣнкой и выбивалъ безъ конца сухимъ мелкимъ стукомъ: «Не надо, надо, не надо»...

Тяжелая желѣзная волна съ грохотомъ прокатилась подъ поѣздомъ и встряхнула темную головку на красной подушкѣ.

Дунечка вздохнула. Что-то и къ ней тоска подкрадывается.

— Еще Богъ одинъ знаетъ, что меня тамъ ждетъ, въ Портъ-

Артурѣ этомъ!.. Хочу то я въ Америку попасть... а какъ бы вмѣсто того въ какіе-нибудь китайскіе безпорядки не угодить.

— Ну, вотъ и выходите-ка лучше замужъ за этого купчика! А дѣло ваше всегда при васъ будетъ.

— Вспомнили! Да что это моя барышня больно нынче его расхваливаетъ?.. Ужъ самой ей Сенечка не приглянулся ли?..

— Какія глупости!

— Ха, ха, ха, ха!..

— Господи, воля твоя... спать людямъ не даютъ до какого часа... Полуночницы! —крикнулъ вдругъ сердитый старческій голосъ съ середины вагона.

— За день не настрекочутся... какой ужъ тутъ сонъ!.. охъ-хо-хо... Помяни господи царя Давида...

Дѣвушки переглянулись и опять расхохотались въ подушки.

Вокругъ опять сейчасъ же воцарился сонъ. Усталый и оттого такой тяжелый сонъ придавилъ всѣхъ въ этой трясущейся клѣткѣ съ каждымъ днемъ все усталѣе и тяжелѣе. Вздыхаютъ, охаютъ, храпятъ, бормочутъ и тяжело ворочаются на деревянныхъ доскахъ люди раздавленные усталостью, одурѣвшіе отъ непрерывной тряски.

. . . .

— Спите?..

— И не начинала!..

— Тсс... говорите шопотомъ. Дунечка, вотъ что... Хотѣлось бы вамъ еще разъ полюбить кого-нибудь?..

— Что вздумала!.. Да съ какой стати?..

— Такъ не хотите?..

. . . .

— Братцы!.. держи его, держи!.. Братцы!.. помоги-и-те!..

— Гдѣ?.. что такое?!.

— Кто кричитъ?!.

— Господи, твоя воля.. гдѣ?.

— Спите, спите себѣ... ничего!.. Мальчонка во снѣ крикнулъ... Привидилось... Спите съ Богомъ! урезонивалъ старческій голосъ.

Мальчикъ плакалъ. Кто-то его бранилъ сердито...

Съ фонаря отдернули занавѣску. Неряшливая картина человѣческихъ тѣлъ, кое-какъ распростертыхъ на доскахъ въ грудахъ тряпья и ситцевыхъ подушекъ, все, что было затушовано таинственно полумракомъ, теперь рисовалось во всемъ своемъ уродствѣ.

Мчитъ человѣческія тѣла, стуча и содрогаясь, тѣсная клѣтка, проносясь ежесекундно надъ смертельной опасностью...

. . . .

— Такъ, значитъ, вы не хотите?.. Дунечка?—продолжаетъ спрашивать задумчиво тихій голосъ.

— Не знаю сама...—шепчетъ въ недоумѣніи Дунечка.—Хорошо коли любить во всю жизнь только одного!.. Ужъ тогда все равно, хорошо придется или худо... Все равно какъ судьба.

— Ну, да. Вы хоть разузнали бы, живъ ли тотъ студентъ... Какъ это вы можете, право!..

Дунечка не откликнулась.

...Это она правду сказала: надо, чтобы времени не оставалось томиться—говоритъ себѣ строго Юлинька:—Ну, никого, такъ никого Не надолго вѣдь... Одна простуда покрѣпче и finita la comedia. Такъ не все ли равно?

...Все равно совсѣмъ хорошо никогда не могло бы быть. Никогда... Надо душу здоровую, какъ у этой завоевательницы... Ну и значить все равно. Уйти въ самую глушь, гдѣ вся эта мучительная нескладица жизни проносится гдѣ-то поверхъ тебя, не задѣвая.

...А вдругъ дотащишься, да и разболѣешься серьезно?.. Бррр... Нѣтъ, вздоръ! Пройдетъ... Пустяки это. Грудь болитъ отъ тряски. Расколотило всю.

...Боже мой, что за блаженство—пріѣхать! Ну, вотъ и испытаешь блаженство... Спина перестанетъ болѣть.

Мысль вяло, но все-таки напряженно кружится на одномъ мѣстѣ, точно на привязи... А позади все сливается въ безформенное тусклое пятно.

...Кажется тамъ ничего и не было, кромѣ мучительнаго метанья отъ одного къ другому...

Вспыхиваютъ и погасаютъ надежды...

...Какъ спичками чиркаютъ, освѣщая темноту. И кидаютъ... Въ мгновенныхъ вспышкахъ совершается движеніе. Потухшія спички больше не нужны.

...Еслибъ можно было безстрастно созерцать, и только. Измученный путникъ сбросилъ на землю опустошенную котомку и любуется издали на прекрасный, богатый городъ. Жить въ этомъ городѣ ему не придется, онъ даже и не войдетъ въ него. Но хорошо любоваться съ горы, издали слушать мощный гулъ жизни.

...Тамъ, можетъ быть... въ пустыняхъ, впервые заселяемыхъ человѣкомъ, не тамъ ли и есть эта гора, откуда возможно только созерцать?.. И ничего для себя не желать.

Дунечка сладко спала.

. . . .

На утро Дунечка совершенно измѣнила свою тактику; она опять начала выходить изъ вагона на всѣхъ станціяхъ.

Юлія Николаевна оставалась лежать подъ шотландскимъ пледомъ среди общаго дѣлового оживленія, какое настаетъ въ вагонахъ въ послѣдніе часы длиннаго пути.

Люди встряхнулись, собрали остатки силъ и рвутся нетерпѣливо впередъ всѣми своими помышленіями. Одни наскоро распрашиваютъ, другіе особенно дружелюбно дѣлятся своими свѣдѣніями. Рѣчистый монахъ, всю дорогу игравшій въ вагонѣ первую роль и собиравшій цѣлый клубъ въ своемъ углу, теперь былъ совсѣмъ забытъ. Его витіеватыя рѣчи слишкомъ далеки отъ насущныхъ требованій минуты; мистическіе разсказы, волновавшіе досужную душу, въ эту минуту совершенно безполезны передъ чисто практическими затрудненіями, встающими въ той или иной формѣ для каждаго третьеклассмаго пассажира.

А въ некурящемъ отдѣленіи изъ старыхъ пассажировъ подъ Иркутскомъ оставались только Семенъ Никаноровичъ да старая гувернантка.

Старушка сидѣла уже совсѣмъ одѣтая и обложенная аккуратно завязаннымъ багажомъ. Весь путь привычная наблюдательница была развлечена дорожнымъ романомъ, разыгравшимся между ея бывшей сосѣдкой и пріятнымъ молодымъ человѣкомъ, котораго они съ толстой помѣщицей такъ напрасно старались предостеречь во-время отъ ея коварства; но въ эти послѣднія минуты ничто не могло уже отвлечь отъ собственныхъ печальныхъ заботъ.

Она не выпускала изъ рукъ носового платка, скатаннаго въ трубочку, чтобы незамѣтно обмахивать имъ сочившіяся изъ глазъ слезы... Не обильныя и горячія слезы молодого протеста, всегда облегчающія душу, а нѣмыя и безсильныя жалобы усталости, передъ новой тягостной задачей...

Старушка тихонько вытирала маленькія холодныя слезинки и твердила мысленно имена своихъ будущихъ питомцевъ...

Дунечка побѣгала на станціяхъ и, повидимому, вызнала все, что ей было нужно знать. Въ вагонъ она возвращалась молчаливая и озабоченная...

Юлинька, больная, еле живая, ничего не замѣчала и не разспрашивала. Не до того ей! Она почти и глазъ не открывала всѣ послѣднія станціи. Въ ней только растетъ апатія, по мѣрѣ того, какъ силы уходятъ.

Но вотъ Дунечка вернулась въ вагонъ, солидно усѣлась на свое мѣсто и сама заговорила:

— Слушайте-ка, Юлія Николаевна, что я теперь говорить буду. Будетъ ужъ вамъ спать все, право!

Какимъ-то особеннымъ тономъ сказала—пригнулась вся къ ней, точно не надо, чтобъ ихъ другіе слышали.

Учительница невольно встрепенулась отъ своей лихорадочной дремоты.

— Не очень вѣдь вамъ, я думаю, въ иркутскую-то больницу лечь охота? а?

Отъ Дунечки еще вѣяло морозомъ. Щеки пылаютъ, глаза блестятъ. Удивительное дѣло! Точно вчера сѣла въ поѣздъ.

Юлія Николаевна поднялась съ подушки. Она чувствовала въ этой шуткѣ что то серьезное, что необходимо сейчасъ разсудить... Но было такъ мучительно трудно собрать мысли... Что она выдумываетъ въ послѣднюю минуту! Мучительница.

Долго она не могла усвоить себѣ хорошенько, что же толкуетъ Дунечка. Несообразное... невѣроятное... Зачѣмъ?

...Вмѣстѣ съ нею собирается въ Большой Логъ свернуть... что за вздоръ такой!? Большой Логъ — когда она ѣдетъ въ Портъ-Артуръ! Отдыхать? Кто же повѣритъ ей, съ такимъ лицомъ?

— Не шутите теперь со мной, Дунечка. Я не могу! — взмолилась она жалобно.

Дунечка начала раздражаться.

...Ну какое же тутъ диво такое, что ужъ и понять нельзя? Никто вѣдь не командировалъ ее въ Партъ-Артуръ, и мѣста готоваго для нея тамъ не припасено пока.

— Сейчасъ только вы это открыли, должно быть!?—крикнула Юлинька.

— Не открыла, а деньги всѣ растранжирила, коли хотите знать! Чѣмъ въ Иркутскѣ въ конецъ разориться, лучше же я отдохну съ вами хорошенько, да, можетъ быть, еще и подвезетъ заработать сколько-нибудь. Авось и тамъ тоже ребята родятся! Поняли теперь?

Но Юлинька упрямо трясла головою и твердила свое:

— Въ Портъ-Артуръ вчера еще! Сегодня утромъ въ Портъ-Артуръ ѣхала!

— Вотъ и неправда!—зазсмѣялась Дунечка.—Я это вчера ужъ вечеромъ придумала.

— Не врите! Нечего тутъ придумывать, смысла никакого нѣтъ. Это вы изъ-за меня хотите, точно я не понимаю! Меня оставить боитесь.

Дунечка открыто и ясно поглядѣла ей въ глаза.

-- Вовсе не для васъ. А разумѣется, я рада, что такъ и вамъ будетъ лучше, вдвоемъ на первое время... Будете моя первая паціентка Сибирская! Не бойтесь, я осторожная. Чего не знаю и соваться не стану. А немножко все-таки знаю.

— Ахъ, милая... Славная...

Юлинька закрыла глаза, чтобы задержать нахлынувшія слезы...

Дунечка развеселилась. Сама не знаетъ, отчего такъ вдругъ показалось жутко остаться одной .. То ли дѣло вдвоемъ-то! Хоть на край свѣта вдвоемъ весело.

До станціи, на которой выходить, оставалось всего два часа. Дунечка живо уложилась за обѣхъ; а барышня отъ неожиданно охватившаго теплаго чувства душевнаго успокоенія, вдругъ уснула глубокимъ сномъ.

Дунечка какъ увидала, что она спитъ, сейчасъ же бросила возню и присѣла тихонько.

Изъ-за шотландскаго пледа бѣлѣетъ осунувшееся лицо. Глаза стали огромные въ темныхъ впадинахъ. Бѣлый лобъ голубѣетъ на на вискахъ, сухія губы болѣзненно сжаты.

...Ну, вотъ и слава Богу. Каково бы это теперь бросить ее въ такомъ состояніи? Возни ей всякой, небось, пропасть цѣлая предстоитъ. Стужа страшная. Ее и изъ избы выпускать нельзя первое время, далъ бы Богъ только добраться безъ большой простуды

«Это я хорошо выдумала... со страху, а хорошо! — размышляетъ все довольнѣе Дунечка.—Просто сдѣлать для чужого человѣка небось поскупишься, а какъ будто не все равно? Не поспѣю въ Портъ-Артуръ забраться! Вотъ небось, какъ самой-то круто пришлось, тогда живо рѣшилась... По крайней мѣрѣ, отъ той глупости сразу отдѣлалась... Береженаго Богъ бережетъ».

Довольна Дунечка, что «вывернулась», но брови снова хмурятся и вспухаютъ надъ ними некрасивыя подушечки.

. . . .

На N*** станціи Семенъ Никаноровичъ внезапно былъ огорошенъ непонятнымъ зрѣлищемъ: кондукторъ сталъ таскать изъ вагона слишкомъ знакомые ему аккуратные сѣрые тюки и складывалъ ихъ тутъ же на платформѣ, вокругъ желѣзной колонки.

Дунечка выносила на тормазъ вещи помельче и подавала ихъ ему.

Семенъ Никаноровичъ бросился разспрашивать.

— Не мѣшайте! Послѣ!..

— Какъ, помилуйте! Что такое случилось? Авдотья Ивановна... Юлія Николаевна!..

Втискался въ дверь навстрѣчу тюкамъ, мѣшаетъ выйти.

— Да что въ самомъ дѣлѣ мѣшаете, глазъ у васъ нѣтъ, что ли?—крикнула Дунечка, краснѣя отъ досады.—Видите—выходимъ, торопиться надо, а вы мѣшаете!

Юлія Николаевна сжалилась и объяснила ему: Авдотьѣ Ивановнѣ вздумалось проводить ее въ Большой Логъ, тамъ отдохнуть нѣсколько дней вмѣсто города

Такъ все просто, резонно, хорошо. Словечка противъ сказать нельзя.

А его лихорадка колотитъ отъ внезапнаго волненія. Въ головѣ такая сумятица пошла—двухъ мыслей не можетъ связать... Что дѣлать-то теперь!?

— Авдотья Ивановна! Авдотья Ивановна!

Звонокъ звенитъ.

— Авдотья Ивановна... не по-божески это! За что такое оскорбленіе человѣку... чѣмъ я такъ провинился противъ васъ?! Кажется, всей душой...

— Господи твоя воля... да отвяжитесь хоть теперь-то! Ни въ чемъ я васъ не виню. съ чего вы это выдумали? Очень даже благодарна за всѣ ваши услуги, желаю вамъ всякаго счастья въ жизни. Прощайте, Семенъ Никаноровичъ!—Что-жъ, и руки подать не хотите?—Всего, всего вамъ хорошаго.

Темные глаза, полные жуткаго грознаго огня, впиваются въ ея лицо.

Дунечка въ смущеніи нагибается къ своимъ тюкамъ.

— Семенъ Никаноровичъ!—зоветъ его учительница.—Когда будете опять въ Иркутскѣ, милости просимъ ко мнѣ въ гости, въ Большой Логъ. Спасибо вамъ большое за ваше вниманіе...

Смотритъ на нее, точно спросонья.

— Благодарю покорно... Сочту за долгъ... Что-жъ, я вѣдь и въ Портъ-Артуръ махну—этимъ вы меня не испугаете, Авдотья Ивановна! Я вѣдь не шутки шутилъ—не на вѣтеръ увѣрялъ..

Хлопаютъ тяжелыя двери... Щелкаютъ засовы... Точно прямо въ грудь ему ударяютъ...

Дунечка улыбается:

— Ну, гдѣ ужъ! Слишкомъ далеко въ Портъ-Артуръ—хлопотать не стоитъ. Счастливаго пути, Семенъ Никаноровичъ!

— Господи, да кабы одно словечко только сказали мнѣ вовремя, рази я и самъ не слѣзъ бы здѣсь?!. Хошь проводилъ бы васъ самъ, по крайности... Провались они совсѣмъ всѣ мои и дѣла... Богъ вамъ судья, Авдотья Ивановна!—кричитъ уплывающій въ морозномъ туманѣ Семенъ Никаноровичъ...

— Уфъ!. Вывернулась!—не очень, однако, беззаботно смѣется Дунечка.—Не даромъ я Иркутска трусила..

— Правда. Умница вы...—похвалила озабоченно Юлія Николаевна.

— Хороша умница! Набѣдила да въ кусты.. Кто же его зналъ!..

Дунечка сердито двигала сѣрые тюки.

— Еще что̀ въ голову лѣзетъ: чего добраго... не прискакалъ бы завтра слѣдомъ въ Большой Логъ?.. Вотъ исторія! И зачѣмъ вамъ нужно было приглашать его...

— Изъ-за васъ же пожалѣла бѣднягу. Распинался всю дорогу... Ну, не бѣда, довольно вамъ трусить! Доѣдетъ въ Иркутскъ и въ ту же минуту купцомъ обернется вашъ Сенечка. Такъ отъ бездѣлья только дурятъ.

Дунечка вздохнула съ облегченіемъ.

— Правда... Не сунется, коли не вовсе дуракъ. Авось разсудитъ по умному... Фу, надоѣло какъ! Пора, пора...

Да! пора къ своимъ дѣламъ! Къ маленькимъ, невзрачнымъ и затруднительнымъ дѣламъ одинокихъ женщинъ съ тощими карманами. Э-э э... все не бѣда! Пусть только минуютъ ихъ непрошенные услужливые благодѣтели.

Дунечка распоряжалась:

— Ступайте вы теперь въ буфетъ, кофейку намъ спросите. А я пойду лошадей рядить.

— Съ какой же стати вы одна... Вмѣстѣ и пойдемте,—сопротивлялась барышня.

Но Дунечка не пустила. Не у чего тутъ двоимъ хлопотать, мерзнуть только зря...

— Ваше одно дѣло: Боже васъ сохрани, простудиться у меня не смѣйте! Я все за васъ сдѣлаю.

Однако, не успѣли еще подать кофе, какъ Дунечка уже разыскала ее, красная и озабоченная.

— Слушайте-ка, вотъ еще сюрпризъ! Не совѣтуютъ намъ теперь ѣхать въ Логъ—поздно.

— Какъ поздно?.. Что за вздоръ!

— Черезъ часъ темнѣть начнетъ. Говорятъ, здѣсь надо переночевать, завра съ утра выѣхать.

— Пятнадцать-то верстъ?.. Что вы их ъ слушаете!

— То-то не пятнадцать, а тридцать двѣ версты. Да все время лѣсомъ ѣхать.

— Не можетъ быть! Мнѣ же писали, что пятнадцать верстъ.

— Смѣшная вы... учить мы ихъ, что ли, будемъ? Когда говорятъ, что тридцать...

— Да какъ же писали?..

— Почемъ же я знаю! Схожу къ начальнику станціи, что-нибудь посовѣтуетъ...

Юлія Николаевна раскашлялась отъ волненія.

— Постойте... погодите! Боже мой... какъ же теперь?.. вотъ еще недоставало!..

Но Дунечка отъ ея волненія только скорѣе успокоилась.

— Да что за бѣда такая? Чего вы тутъ испугались? Заночуемъ гдѣ-нибудь, за деньги вездѣ пустятъ... Вдвоемъ не страшно. Разумѣется, лучше выѣхать съ утра... Что и тамъ-то вечеромъ сдѣлаешь!.. А я схожу, поговорю все-таки.

Сложила на скамейкѣ около нея свой сѣрый платокъ и ручной мѣшокъ и налегкѣ отправилась за справками. Юлія Николаевна взволнованно смотрѣла ей вслѣдъ...

...Со своей дороги середи пути свернула... зачѣмъ ей Большой Логъ? Въ Иркутскѣ оставаться не хотѣла, такъ могла бы дальше ѣхать. Денегъ грошъ... все ни по чемъ!..

...Цѣль одна—и оглядываться ей не на что. Гнета на душѣ никакого... На крылечкѣ стоитъ яснымъ утречкомъ, выбираетъ, по какой ей дорожкѣ побѣжать.

...Счастливица!

Ольга Шапиръ.

НА КРАЙНІЙ СѢВЕРЪ.

(Въ Русской полярной экспедиціи барона Э. В. Толля).

ЧАСТЬ 2-я.

*(Продолженіе *).*

I.

Задачи русской полярной экспедиціи.—Перемѣна первоначальнаго плана.—Общій видъ мѣста послѣдней зимовки экспедиціи: лагуна Нерпалахъ, постройки на косѣ.—Судно.—Судовая жизнь.—Каютъ-компанія и нижняя палуба.—Инородцы.—Порядокъ дня.—Дежурства и вахты.—Собаки; враждебные лагери; неблагородство псовъ; аборигены „Зари“.—„Грозный“. — Отъѣздъ А. А. Бялыницкаго—Бирули.—Баня.—Медицинскій осмотръ.—Мои обязанности.—Somateria spectabilis.—Погода.—Геологическія прогулки.—Кочевники тундры.—Охотничьи экскурсіи.—Почта.

По первоначальному плану русская полярная экспедиція, послѣ зимовки на восточномъ Таймырѣ, должна была прослѣдовать далѣе на востокъ и остановиться для второй зимовки у предполагаемой земли Санникова **). Кромѣ географическихъ задачъ, цѣлью экспедиціи было по возможности всестороннее изслѣдованіе природы и климата полярныхъ странъ. По этому плану послѣ второй зимовки экспедиціи предстояло пройти черезъ Берингов проливъ. Изслѣдованіе морской—по преимуществу глубоководной—фауны части Ледовитаго океана, соприкасающейся съ Великимъ океаномъ, и сѣверныхъ водъ этого послѣдняго, а также и гидрографическихъ свойствъ упомянутыхъ морей, составляло одну изъ важныхъ задачъ экспедиціи.

Но, какъ показалъ опытъ прошлаго, исходъ полярныхъ экспедицій почти никогда не соотвѣтствуетъ первоначальному плану. При ничтожныхъ средствахъ, которыми располагаетъ человѣкъ въ борьбѣ съ природой крайняго сѣвера, послѣдняя въ большинствѣ случаевъ остается побѣдительницей. Хотя иногда, благодаря благосклонному вмѣшательству стихій, и открываются неожиданно цѣлые архипелаги острововъ (земля Франца-Іосифа, открытая въ 1872 г. австрійской экспедиціей Вильчека-Пайера на суднѣ «Tegetthoff»), но бываетъ и такъ, что отторгнатая отъ судна часть состава экспедиціи носится болѣе полгода по морю на льдинѣ (американская экспедиція Hall'я на суднѣ «Polaris») или—вынужденная покинуть разбитое судно—тащится среди льдовъ на шлюпкахъ, чтобы погибнуть на негостеріимномъ берегу (De-Long).

---

*) См. „Міръ Божій“, № 1, январь 1904 г.

**) Еще спутникъ Геденштрома, мѣщанинъ Санниковъ, видѣлъ въ 1810 г. на сѣверо-востокѣ отъ острова Котельнаго высокія скалы, которыя, по его оцѣнкѣ, находились верстахъ въ 70-ти отъ сѣвернаго берега острова. То же видѣлъ впослѣдствіи баронъ Толль.

«Зарѣ»—судну русской полярной экспедиціи—пришлось зимовать не на Восточномъ, а на Западномъ Таймырѣ, сравнительно болѣе изслѣдованномъ. Отсюда былъ откомандированъ начальникомъ экспедиціи командиръ судна лейтенантъ Н. Н. Коломейцевъ, на мѣсто котораго назначенъ лейтенантъ Ѳ. А. Матисенъ.

Во время навигаціи слѣдующаго 1901 года «Заря» достигла острова Беннета, но Санниковой земли, не смотря на сравнительно свободное ото льда море, не нашла. Весьма вѣроятно, что это былъ одинъ изъ тѣхъ миражей, которые неоднократно вводили въ заблужденіе полярныхъ путешественниковъ.

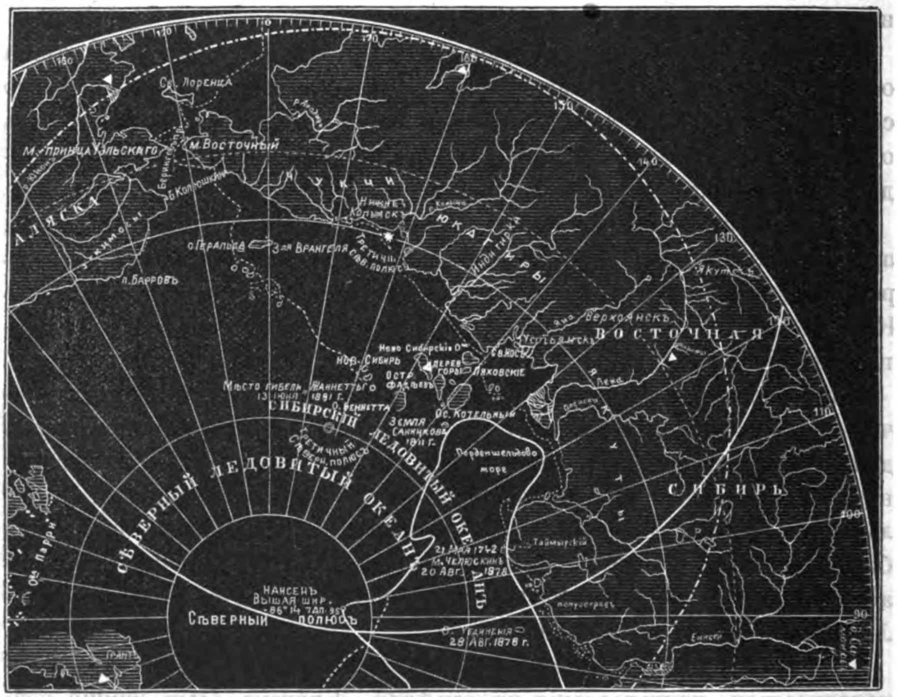
Такъ какъ зимовка у Беннетта, при отсутствіи подходящей бухты, представляла большія затрудненія, а кромѣ того на Котельномъ островѣ работалъ вспомогательный отрядъ экспедиціи подъ начальствомъ К. А. Воллосовича, то «Заря» пошла туда и нашла въ лагунѣ Нерпалахъ хорошую гавань.

На основаніи свѣдѣній о количествѣ каменнаго угля на суднѣ начальникъ экспедиціи пришелъ къ заключенію, что угля не хватитъ для плаванія черезъ Беринговъ проливъ, а потому рѣшилъ перемѣнить планъ экспедиціи. По новому плану зоологъ экспедиціи А. А. Бялыницкій-Бируля долженъ былъ отправиться на Новую Сибирь для біологическихъ и геологическихъ работъ, а самъ баронъ Толль съ астрономомъ Ф. Г. Зебергомъ—на островъ Беннетта, открытый Де-Лонгомъ и почти не изслѣдованный.

Когда я пріѣхалъ на судно, А. А. Бялыницкій-Бируля уже оканчивалъ свои приготовленія къ отъѣзду. Кругомъ былъ зимній пейзажъ. Не совсѣмъ еще откопанная изъ снѣга шхуна «Заря» издали красовалась своими стройными мачтами. Она стояла, плотно вмерзшая въ ледъ, неподалеку отъ входа въ лагуну Нерпалахъ, узкія косы которой, отдѣленныя одна отъ другой проливомъ всего шаговъ въ 100 шириной, сливались съ моремъ подъ общимъ снѣжнымъ покровомъ. На одной изъ косъ, именно на западной, словно затерявшійся въ далекой сѣверной глуши хуторокъ, выдѣлялись экспедиціонныя постройки: поварня К. А. Воллосовича, магнитный домъ, метеорологическая станція; поближе къ проливу, почти у самаго конца косы,—баня. Нѣсколько знаковъ—столбовъ стояло на берегахъ лагуны.

«Заря»—пріобрѣтенная въ Норвегіи китобойная шхуна—до своего новаго крещенія носила имя «Harald». Приспособленіе ея для надобностей экспедиціи состояло, главнымъ образомъ, въ перестройкѣ жилыхъ помѣщеній.

Экипажъ судна состоялъ изъ начальника экспедиціи, двухъ офицеровъ, двухъ ученыхъ, врача и 12-ти человѣкъ команды. Въ носовой части судна, подъ рубкой и командирскимъ мостикомъ находилась каютъ-компанія, въ которую выходили четыре каюты съ лѣваго и три съ праваго борта. Въ этихъ каютахъ помѣщались: начальникъ экспедиціи баронъ Толль, командиръ «Зари» Ф. А. Матисенъ, я, Ф. Г. Зебергъ, А. А. Бялыницкій-Бируля—рядомъ съ пустой каютой, которую занималъ бывшій командиръ судна лейтенантъ Н. Н. Коломейцевъ и гдѣ впослѣдствіи помѣщалась часть библіотеки и лейтенантъ А. В. Колчакъ. Наши каютки всѣ были одинаковы. Въ каждой—небольшой столикъ, высокая койка съ ящиками подъ ней, умывальникъ, каждая освѣщалась небольшимъ круглымъ иллюминаторомъ, въ просторѣчіи называемымъ окномъ. Каютъ-компанія—довольно большая комната, въ которую свѣтъ проникалъ сверху—черезъ люкъ со стекляной рамой, поднимавшейся для вентиляціи. По серединѣ каютъ-компаніи стоялъ большой обѣденный столъ; у передней стѣны—піанино, подарокъ Великаго Князя; вблизи піанино—софа. Въ простѣнкахъ между каютами были устроены полки для библіотеки экспедиціи. Портреты—патрона экспедиціи, Великаго Князя Константина Константиновича и


150
120
170
160
150
140
130
120
110
100
90
Св. Лоренца
М. принца Уэльскаго
м. Восточный
Берингов пр.
б. Коцебу
АЛЯСКА
Эскимосы
п. Барровъ
Чукчи
Нижне-Колымскъ
Юкагиры
Индигирка
о. Геральда
Зля Врангеля
Третичн. сѣв. полюсъ
Ново Сибирскіе о-ва
Нов.-Сибирь
Дерев. горы
Остр. Фадѣевъ
Ляховскіе
Святой Носъ
Устьянскъ
Верхоянскъ
Яна
Якутскъ
ВОСТОЧНАЯ
Лена
Мѣсто гибели Жаннетты
13 Іюня 1881 г.
о. Беннетта
Земля Санникова 1811 г.
Ос. Котельный
Третичный сѣвер. полюсъ
СИБИРСКІЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАНЪ
СѢВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАНЪ
Норденшельдово море
Таймырскій
21 Мая 1742 г.
м. Челюскинъ
20 Авг. 1878
Нансенъ вышая шир.
86° 14' 7 Ап. 95
СѢВЕРНЫЙ ПОЛЮСЪ
о. Уединенія
28 Авг. 1878 г.
полуостровъ
Енисей
Якуты
СИБИРЬ
Грант

Карта части сѣвернаго полушарія, гдѣ находятся Ново-Сибирскіе острова.

д-ра Нансена, въ широкополой шляпѣ и плащѣ болѣе похожаго на испанскаго гидальго, чѣмъ на полярнаго путешественника,—украшали каютъ-компанію. Черезъ маленкую переднюю каютъ-компанія сообщалась со шканцами (средняя часть судна, около гротъ-мачты). Другая дверь вела въ крошечный корридорчикъ, а оттуда—на бакъ (носовая часть палубы) и на нижнюю палубу, гдѣ помѣщалась команда.

Въ чистомъ и свѣтломъ помѣщеніи нижней палубы вдоль стѣнъ были устроены койки, на которыхъ размѣщались матросы, кромѣ машинной команды: боцманъ Бѣгичевъ, Толстовъ, Желѣзниковъ, Евтихѣевъ, Стрыжовъ, Безбородовъ. Рядомъ находился камбузъ (кухня) съ поворомъ Ѳомой. Небольшія сѣнцы соединяли помѣщеніе команды и камбузъ съ нижнимъ трюмомъ, гдѣ были сложены съѣстные припасы, коллекція и часть багажа экспедиціи. Люкъ изъ этого трюма, сообщавшагося еще съ ниже его находившимся, выходилъ на шканцы.

Кормовую часть верхней палубы занимала лабораторія. Лабораторія состояла изъ четырехъ комнатъ. Первая — собственно передняя, сообщавшаяся съ отдѣленіемъ трюма, служила для склада коллекцій и т. п. и выходила на корму. Въ слѣдующей лейтенантъ Колчакъ работалъ по гидрологіи, о чемъ свидѣтельствовали глубинные термометры, градуированные цилиндры, приборъ для титрованія соли морской воды etc. Здѣсь же лежали на полкахъ коробки для коллекцій, въ ящикахъ—банки съ коллекціями морской фауны.

Эта комната сообщалась съ двумя остальными. Камни на столѣ въ лабораторіи барона Толля, книги на полкѣ краснорѣчиво говорили о спеціальности хозяина. Тутъ же маленькая каморка для фотографіи, которой занимался лейтенантъ Матисенъ, а отчасти баронъ и А. А. Бялыницкій-Бируля. Послѣдняя комната въ лабораторіи была отведена для зоологическихъ и ботаническихъ работъ. Здѣсь занимался А. А. Бялыницкій-Бируля и мой предшественникъ д-ръ Вальтеръ.

Подъ лабораторіей находилось машинное отдѣленіе съ темнымъ помѣщеніемъ, которое избрала себѣ мѣстомъ жительства машинная команда, предпочитавшая его «нижней палубѣ». Здѣсь помѣщались: машинистъ Огринъ, помощникъ его — Шервинскій, кочегары: Пузыревъ, Носовъ и Клюгъ.

Въ отдѣльномъ помѣщеніи хранился пиронафтъ, который употреблялся для освѣщенія, керосинъ, спиртъ и т. д.

Экспедиція была всесторонне снаряжена, а для измѣренія глубинъ и работъ на большихъ глубинахъ обставлена много богаче нансенской. Къ сожалѣнію, работать на большихъ глубинахъ экспедиціи такъ и не пришлось.

За время стоянки судна у острова Котельнаго экипажъ его увеличился нѣсколькими инородцами, которые въ обычныхъ разговорахъ именовались у насъ якутами, хотя среди нихъ были юкагиры и тунгусы (ламуты?). Такъ какъ они, дѣйствительно, объякутѣли почти до полной потери своей національности, то въ этомъ отожествленіи ихъ съ якутами и мѣстный элементъ—въ лицѣ Стрыжова — не находилъ большой неправильности. Инородцевъ было шесть человѣкъ. Трое изъ нихъ уѣзжали съ А. А., двое должны были ѣхать съ барономъ.

Однообразно и несложно протекала жизнь на суднѣ. Часовъ съ 7-ми утра «каютъ-компанія» начинала просыпаться. Это былъ часъ метеорологическихъ наблюденій, которыя производились 3 раза въ сутки (раньше были ежечасныя): въ 7 ч. утра, въ 1 ч. пополудни и 9 ч. вечера. Въ наблюденіяхъ участвовала поочередно вся каютъ-компанія, а завѣдующимъ метеорологіей былъ лейтенантъ Матисенъ.

Одинъ за другимъ поднимались члены каютъ-компаніи. Кофейникъ и чайники съ чаемъ и кипяткомъ перемѣщались со стола на керосинку и обратно, пока всѣ встанутъ. Послѣ чая каждый занимался своимъ дѣломъ: баронъ у себя въ лабораторіи; астрономъ Зебергъ или возился на вольномъ воздухѣ съ астрономическими наблюденіями, или тщательно занимался приготовленіями къ далекому путешествію; лейтенантъ Матисенъ, если не былъ занятъ въ лабораторіи фотографіей, пользовался освободившимся въ каютъ-компаніи столомъ для черченія карты. Я или снималъ шкурки съ птицъ, или читалъ, или практиковался, какъ новичокъ, въ ходьбѣ на лыжахъ.

Въ полдень мы снова сходились въ каютъ-компаніи для завтрака. Къ завтраку почти всегда имѣлось мясное блюдо—изъ оленины. За завтракомъ слѣдовалъ чай и пріятная бесѣда. Затѣмъ опять каждый принимался за свою работу—до 3-хъ часовъ, когда въ каютъ-компаніи сервировался five, или, вѣрнѣе, three o'clock tea. Въ 6 часовъ мы обѣдали. Какао и сгущенное молоко для желающихъ находились постоянно подъ обѣденнымъ столомъ.

Изрѣдка послѣ вечерняго чая устраивалось коротенькое музыкальное soirée. Ф. А. Матисенъ сыграетъ что-нибудь изъ Чайковскаго, Шуберта... Иногда заводили грамофонъ, у котораго инструментальные номера выходили недурно. Ф. А. Матисеномъ было записано пѣніе матросовъ «Зари» и наша декламація.

У команды пока было немного работы, и нерѣдко въ часы досуга раздавались съ нижней палубы звуки гармоники или тренканье гитары. Обѣдала команда въ 12 час., а въ 6 час. вечера ужинала.

Всѣ члены каютъ-компаніи поочередно дежурили. Дежурство продолжалось сутки. На обязанности дежурнаго, кромѣ метеорологическихъ наблюденій, лежалъ присмотръ за порядкомъ на суднѣ. Дежурный долженъ былъ наблюдать за уборкой жилыхъ помѣщеній, присутствовать при вечерней молитвѣ на нижней палубѣ, дѣлать обходъ судна въ ночное время въ предупрежденіе пожара, на случай ночной тревоги спать одѣтымъ. Матросы и поваръ несли двухчасовую вахту. На обязанности вахтеннаго лежало бдѣніе и неустанное смотрѣніе. Покажется ли медвѣдь, или стадо оленей на горизонтѣ, произойдетъ ли вообще что-нибудь экстраординарное, онъ долженъ былъ доложить. По праздникамъ, обыкновенно черезъ воскресенье, на нижней палубѣ совершалось передъ завтракомъ богослуженіе, состоявшее изъ

Баронъ Э. В. Толль по портрету, снятому во время экспедиціи 1893 г.

чтенія и пѣнія молитвъ. За священника былъ лейтенантъ Колчакъ, а въ его отсутствіе—квартирмейстеръ Толстовъ.

Видную роль въ судовой жизни играли собаки. Онѣ были разбиты на два лагеря: часть собакъ, преимущественно молодыя, появившіяся на свѣтъ на суднѣ во время экспедиціи, жили возлѣ «Зари» на льду, остальныя на косѣ, гдѣ метеорологическая станція и поварня Воллосовича, въ которой поселились инородцы. Между обоими лагерями не существовало даже и вооруженнаго мира, а отношенія носили явно враждебный характеръ. Если туда или сюда попадалъ непрошенный гость изъ противнаго лагеря, его встрѣчалъ дружный лай, а если онъ не спѣшилъ ретироваться, хорошая трепка. На сторонѣ молодого поколѣнія было важное преимущество: щенки не были привязаны, тогда какъ бо́льшая часть собакъ, находившихся на косѣ, были на привязи.

Въ средѣ каждаго лагеря зачастую происходили и внутреннія междоусобія, поводовъ къ чему всегда находилось достаточно. Правила рыцарской вѣжливости рѣдко соблюдались въ ратоборствахъ между псами, большею частью цѣлая орава накидывалась на слабѣйшаго; такъ, бѣдный «Бобка» чуть не сталъ жертвой кроваваго междоусобія: нѣсколько псовъ на него набросилось и плохо бы пришлось бѣднягѣ, если бы ихъ не разогнали.

Молодые псы, родившіеся и выросшіе на суднѣ, отличались малымъ ростомъ. Только каштановые «Мальчикъ» и «Тугутъ», да черный «Кочегаръ» достигли почти нормальныхъ размѣровъ ѣздовой собаки. По старой памяти всѣхъ молодыхъ псовъ звали щенками. Каждый «щенокъ» имѣлъ своего патрона. Такъ, напр., нашъ поваръ, воспитавшій въ камбузѣ глупаго «Кочегара», предпочтительно ему отдавалъ наиболѣе вкусные кухонные остатки. Смышленый «Таймыръ»—черный съ пятнами песъ — былъ любимцемъ покойнаго Носова, который пріучилъ его прыгать на руки. Щенки, вообще, были много ласковѣй къ людямъ, чѣмъ ихъ индигирскіе коллеги, не видавшіе никогда въ жизни ласки отъ своихъ хозяевъ.

Общимъ любимцемъ на суднѣ былъ самоѣдскій песъ «Грозный», часто сопровождавшій меня при ходьбѣ на лыжахъ. Крупный песъ съ остроконечными ушами, темной, неопредѣленнаго цвѣта шерстью и узкими монгольскими глазами, «Грозный» уже попалъ въ печать, но пока анонимно (въ письмѣ А. А. Бялыницкаго-Бирули, напечатанномъ въ «St-Petersburger Zeitung»). Каждый найдетъ, что поразсказать о его подвигахъ. Разскажутъ, какъ онъ таскалъ изъ моря тюленей (нерпъ), какъ воевалъ съ медвѣдями, причемъ чуть не палъ жертвой своей храбрости. Остальныхъ собакъ онъ терроризировалъ, давъ хорошую трепку каждой въ отдѣльности, но впослѣдствіи его самого оттрепала цѣлая собачья коалиція, рѣдкій случай собачьей солидарности: псы довольно туго понимаютъ общность интересовъ. Къ людямъ «Грозный» былъ ласковъ, но не любилъ, чтобы ласкали другихъ собакъ: онъ ревновалъ. Однимъ изъ проявленій его нѣжности бывала попытка лизнуть въ лицо. Страстный охотникъ, «Грозный» неизмѣнно увязывался, если видѣлъ, что кто-нибудь пошелъ съ ружьемъ. Предупреждая репрессіи въ видѣ привязыванія на веревку, онъ умчится впередъ и уже не подбѣжитъ на зовъ. Но стоило только присѣсть и покопаться въ снѣгу, какъ бы что-то отыскивая, какъ онъ мчался со всѣхъ ногъ, начиналъ ожесточенно скрести передними лапами, нюхать и лаять, пока не убѣдится въ обманѣ и снова не умчится впередъ, чобы снова попасться на ту же удочку. При всей своей охотничьей страсти «Грозный» портилъ охоту, благодаря отсутствію чутья и дрессировки. Полезенъ онъ былъ только при охотѣ на медвѣдя.

Первые дни по пріѣздѣ на «Зарю» я отдыхалъ... Сходилъ въ баню. Банька, маленькая и уютная, хотя и не очень комфортабельная, останется надолго однимъ изъ памятниковъ экспедиціи въ безлюдныхъ странахъ. Темный передбанникъ, крошечное оконце въ самой банѣ, досчатый, съ нѣкоторымъ изъяномъ полъ; большія жестянки изъ-подъ консервовъ вмѣсто шаекъ... все же лучше, чѣмъ болѣе просторная баня въ селѣ Казачьемъ, гдѣ ноги мои буквально примерзали къ ледяному полу.

Черезъ четыре дня послѣ моего пріѣзда мы проводили А. А. Бялыницкаго-Бирулю съ промышленниками на Новую Сибирь, а еще черезъ пять дней лейтенантъ Колчакъ отправился въ экскурсію къ Бѣльковскову острову.

По порученію начальника экспедиціи я произвелъ медицинскій осмотръ экипажа «Зари». Всѣ съ понятнымъ любопытствомъ ждали результатовъ осмотра. Большинство, очевидно, не успѣвшее отдохнуть отъ долгой зимней ночи, оказалось блѣдными, нѣкоторые — слегка одутловатыми, но больныхъ не было, если не считать помора Евтихѣева, еще не вполнѣ оправившагося отъ цынги, да повара, страдавшаго въ незначительной степени мышечнымъ ревматизмомъ, а главное—ипохондріей. Освидѣтельствовалъ я и собиравшихся въ далекій трудный путь. Баронъ Толль отъ освидѣтельствованія отказался, увѣряя, что чувствуетъ себя вполнѣ здоровымъ. Ф. Г. Зебергъ оказался здоровымъ.

Хирургическіе инструменты, лѣкарства и перевязочный матеріалъ я нашелъ въ довольно жалкомъ состояніи. Массу бинтовъ мягкой марли пришлось выбросить за бортъ, до того они пропитались сыростью и краской оберточной бумаги. Объ асептикѣ не могло быть и рѣчи, не смотря на асептичность полярной атмосферы. Салициловый натръ въ огромной банкѣ стоялъ на обѣденномъ столѣ и его ѣли, сколько находили нужнымъ. Инструменты заржавѣли... Изъ лѣкарствъ пользовались антипатіей листья наперстянки (folia Digitalis), которые нѣкоторые считали причиной смерти д-ра Вальтера. Симптомы болѣзни его, о которыхъ передавалъ мнѣ баронъ Толль, особенно сильно взволнованный смертью доктора, были слишкомъ недостаточны для посмертнаго діагноза. Повидимому, было какое-то сердечное страданіе, быть можетъ, аневризма аорты.

Покойный докторъ завѣдывалъ хозяйствомъ на суднѣ, работалъ по орнитологіи и бактеріологіи. Занятія орнитологіей, къ которой я раньше не имѣлъ никакого отношенія, были сопряжены для меня съ нѣкоторыми затрудненіями. Бактеріологію, по недостатку времени и руководствъ, я упразднилъ.

Скоро представился мнѣ случай снимать птичью шкурку. 3-го мая собаки совсѣмъ было поймали самца somateria spectabilis, по мѣстному туркана (видъ гаги: Prachteiderente понѣмецки.) Его спасъ отъ растерзанія матросъ Желѣзниковъ. Красивая птица—въ прелестномъ брачномъ нарядѣ, съ мясистымъ, оранжеваго цвѣта наростомъ на головѣ, съ нѣжно-зелеными, синими и иными перьями, величиной съ домашнюю утку,—турканъ былъ сфотографированъ. Это былъ первый представитель своего вида за лѣто 1902 года. Очевидно, негостепріимный сѣверъ еще не приготовилъ достаточно пищи для своихъ залетныхъ гостей: птица почти не могла летать, погибая отъ истощенія. Желудокъ ея, по вскрытіи, оказался совершенно пустымъ.

Погода въ концѣ апрѣля и началѣ мая стояла прекрасная. Хотя бывалъ и туманъ, и снѣгъ, но часто небо бывало бирюзовое, безоблачное, воздухъ прозрачности удивительной. Температура поднималась за день до—4° R, опускаясь къ ночи до—10° R.

Баронъ Толль читалъ мнѣ лекціи по геологіи съ демонстраціей на своихъ коллекціяхъ, которыя онъ окончательно упаковывалъ передъ отъѣздомъ. Пользуясь хорошей погодой, мы дѣлали небольшія геологическія прогулки къ Сѣверному мысу—верстахъ въ 7-ми отъ судна. Сначала мы натолкнулись на «нѣмые» слои, но дальше пошли ископаемые остатки: раковины, кажется, девонскаго періода, растенія. Но болѣе интересны остатки третичнаго періода, упоминаемые еще старинными путешественниками и—въ видѣ мамонтовой кости—издавна эксплуатируемые промышленниками. Странно какъ-то представить себѣ, что по этой мерзлой пустынѣ когда-то, рядомъ съ третичнымъ оленемъ, разгуливалъ длинношерстый мамонтъ, ощипывая листья и молодые побѣги ольхи и ивы,—деревьевъ, достигавшихъ порядочныхъ размѣровъ, скитался мускусный быкъ... Дѣла давно минувшихъ дней, записанныя на каменныхъ скрижаляхъ великой книги природы. Нынѣ только стада дикихъ оленей тянутся къ сѣверу да перелетныя птицы на время оживляютъ пустынные острова. Граница лѣсовъ лежитъ болѣе, чѣмъ на три градуса южнѣе, чѣмъ въ третичную эпоху, когда она достигала приблизительно 75° с. ш.*).

Очень пріятно было прогуливаться по начавшей уже оживать тундрѣ. Такъ легко дышалось свѣжимъ морознымъ воздухомъ. Тундра кое-гдѣ начинала чернѣть. Бѣлыя куропатки, которыхъ здѣсь два вида,—повидимому, постоянные жители здѣшней тундры: ихъ видѣли на островахъ и зимой. Во время весенняго переселенія оленей онѣ любятъ слѣдовать за стадомъ, пользуясь пищей, выкапываемой изъ-подъ снѣга оленьими копытами, а можетъ быть питаясь и какими-либо оленьими паразитами.

---

*) Ново-Сибирскіе острова расположены между 73-мъ и 76° с. ш.

Около 10-го мая на тундрѣ, а преимущественно на скалахъ около моря, появилось немного чаекъ и кайръ (Cephus Mandti),—послѣднія почти исключительно у крутыхъ обрывовъ. Это небольшія водяныя птицы, черныя съ бѣлымъ, съ ярко-красными лапками. Черные гуси (bernicla brenta) потянулись на сѣверъ. Любопытствующая куропатка сѣла на мачту и, спугнутая выстрѣломъ, поспѣшно улетѣла на родную тундру.

Стадо за стадомъ перекочевывали на сѣверъ олени, нерѣдко становясь добычею охотниковъ. А охотники у насъ всѣ страстные. Равнодушныхъ почти не было. Свѣжее мясо не переводилось. Къ сожалѣнію, жертвами нерѣдко являлись вотъ-вотъ готовыя разрѣшиться отъ бремени самки. Съ одного такъ называемаго выпоротка я снялъ его бархатистую шкурку. Эти выпоротковыя шкурки употребляются на сѣверѣ для мелкихъ мѣховыхъ издѣлій, напр., шапокъ.

Я долго не рѣшался одинъ углубляться въ тундру, въ которой не могъ оріентироваться.

Охота далеко не всегда бывала удачной. Нерѣдко охотники, пробродивъ нѣсколько часовъ, возвращались съ пустыми руками. Отправляясь на охоту въ первый разъ, я взялъ съ собою лучшаго изъ стрѣлковъ — Алексѣя. Исходили мы съ нимъ верстъ двадцать, а видѣли только одну куропатку, которая такъ и улетѣла, не дождавшись моего выстрѣла. Несмотря на половину мая, почти вся тундра была покрыта снѣгомъ... Кое-гдѣ снѣгъ сталъ и на чернѣющей пятнами тундрѣ виднѣлись сухія клочья прошлогодней растительности или мелкіе камни. Идти было тяжело, особенно мѣстами, гдѣ попадался глубокій снѣгъ. Прилегъ отдохнуть,—спина примерзла къ землѣ. Пришелъ на судно усталый и съ волчьимъ аппетитомъ, т.-ч. не наводилъ ни малѣйшей критики на Ѳому.

Вскорѣ я поѣхалъ на собачьей нартѣ съ однимъ изъ нашихъ охотниковъ за убитымъ имъ наканунѣ оленемъ. День былъ облачный, но не туманный. Собаки оказались не на высотѣ призванія и недолго везли насъ рысью.

Сравнительно скоро нашли мы двѣ первыя вѣхи, поставленныя охотникомъ. Здѣсь наше вниманіе привлекло пасшееся верстахъ въ двухъ стадо оленей. Охотничье сердце не выдержало, и мой спутникъ сталъ къ нимъ подкрадываться, а я остался съ каюромъ и сдѣлалъ маленькую рекогносцировку въ другую сторону. Тишину тундры одинъ за другимъ огласили пять выстрѣловъ. Каюръ издали наблюдалъ за результатомъ. Упалъ одинъ олень послѣ перваго выстрѣла, остальные выстрѣлы, направленные въ бѣжавшее стадо, не попали въ цѣль. Убитой оказалась беременная важенка. Быстро,—поперечнымъ разрѣзомъ—содралъ проворный якутъ шкуру съ добычи, быстро выпустилъ внутренности, быстро слопали проголодавшіеся псы рѣдкое лакомство въ видѣ кишекъ, послѣда и пр.

Такъ какъ отъ убитаго ранѣе оленя, который и былъ собственно цѣлью поѣздки, мы вовсе не хотѣли отказываться, то поиски продолжались. Во время этихъ разъѣздовъ по тундрѣ и я два раза имѣлъ случай пропуделять — въ куропатокъ. Хотя онѣ подпускали меня довольно близко, но такъ перепугались выстрѣла, что не имѣли мужества дождаться его повторенія.

У собакъ при видѣ звѣря или птицы являлась необыкновенная прыть: онѣ неслись, сломя голову, впередъ, лая и подвизгивая. Одинъ песъ былъ привязанъ у насъ позади нарты. Когда я направился къ сидѣвшей на тундрѣ парѣ куропатокъ, вся свора рванулась впередъ. Мой спутникъ, не ожидавшій толчка, потерялъ равновѣсіе и упалъ назадъ. Веревка, которой была привязана собака, захлестнулась у него вокругъ шеи, но, къ счастью, разорвалась, а освобожденый песъ, перегоняя меня, пустился къ куропаткамъ съ радостнымъ лаемъ, чѣмъ далъ мнѣ поводъ свалить свою неудачу на его непрошенное вмѣшательство.

Поколесивъ еще по тундрѣ, мы, наконецъ, нашли убитаго наканунѣ оленя. Около трупа было много свѣжихъ песцовыхъ слѣдовъ, но трупъ оленя, къ нашему удивленію, не былъ тронутъ этими мародерами.

Намъ встрѣчалось много оленьихъ стадъ отъ шести до восьми штукъ въ каждомъ, но мы не стрѣляли, т. к. и два оленя представляли достаточный грузъ. Впрочемъ, одинъ разъ мой спутникъ соблазнился. Изъ-за пригорка, когда уже судно было у насъ въ виду, показалась пара вѣтвистыхъ оленьихъ роговъ. Соблазнительно! По всѣмъ правиламъ охотничьяго искусства сталъ онъ подкрадываться къ оленю, а я, въ качествѣ профана, слѣдилъ за его пріемами въ цѣляхъ назиданія. Вдругъ присматривавшійся нѣкоторое время каюръ всталъ на нарту и возгласилъ: «кыл сох!» (оленя нѣтъ!) Я дернулъ его за полу, увѣщевая не мѣшать. Но и охотникъ поднялся на ноги и сдѣлалъ досадливый жестъ рукой. Оказалось, что великолѣпные рога были жалкими остатками давно убитаго или погибшаго естественной смертью животнаго.

Неровная поверхность. Небольшія, но иногда довольно крутыя горки, и собаки чуть не кубаремъ скатывались внизъ. Тихо. Запоетъ гдѣ-то вдали скрытая отъ нашихъ взоровъ пуночка—и опять все смолкнетъ.

Проѣздили мы часовъ восемь, а такъ какъ не захватили ни провизіи, ни табаку, то сильно соскучились о суднѣ. Появились уже съѣдобнаго характера мечтанія... Наконецъ, наступилъ вожделѣнный моментъ. Вкусный разсольникъ и пирожки съ грибами и кашей стояли на столѣ.

Послѣ нѣсколькихъ охотничьихъ неудачъ я сталъ посвящать нѣкоторое время стрѣльбѣ въ цѣль, въ чемъ, однако, преуспѣвалъ гораздо меньше, чѣмъ въ ходьбѣ на лыжахъ. Хорошо было скользить на лыжахъ по твердому снѣгу лагуны, летѣть съ горы или мчаться подъ парусомъ.

11-го мая вернулся съ экскурсіи А. В. Колчакъ. Онъ объѣхалъ кругомъ Бѣльковскій островъ и открылъ вблизи него новый островокъ, названный, по имени его спутника, островомъ Стрыжова.

13-го мая въ нашей жизни случилось великое событіе: пришла почта, которую уже перестали ожидать. Пришла она въ 5 час. утра, когда всѣ спали, кромѣ вахтеннаго. Первымъ проснулся Ф. А. Матисенъ, а услышавъ разговоръ, и я скоро одѣлся и вышелъ въ каютъкампанію. Но, увы! писемъ мнѣ не было: вѣроятно, почта вышла изъ Якутска «яко тать въ нощи».

«Новыя» газеты, телеграммы Россійскаго агентства, печатающіяся въ Якутскѣ съ конца 1901 г., вскорѣ послѣ открытія телеграфа; Petermann's Miitheilungen», «Geographical Journal»—и ни одного «толстаго» журнала. Почта пополнила нашу библіотеку количественно, но не качественно. Въ библіотекѣ экспедиціи имѣлась богатѣйшая полярная литература на пяти языкахъ, съ рѣдкими и дорогими экземплярами, много беллетристики — и ничего по исторіи, философіи, соціологіи.

Получилъ я съ почтой маленькую, завернутую въ бумагу посылочку. На бумажкѣ надпись: «Катинъ—Ярцеву отъ ямщика Дмитрія». Развертываю: презентъ въ видѣ подержаннаго уже («прокуреннаго») мундштука изъ мамонтовой кости, выкрашеннаго «для красоты» фуксиномъ или чѣмъ-то вродѣ этого.

Привезшіе почту инородцы,—мой знакомецъ Семенъ и Гаврило, такой же маленькій и невзрачный, но—въ противоположность своему товарищу—съ тупымъ, равнодушнымъ лицомъ,—разбили палатку, или тардохъ (та же ураса) на льду лагуны возлѣ судна и улеглись въ ней спать, предпочитая ее и нижней палубѣ, и поварнѣ. Возлѣ палатки расположились усталыя собаки...

II.

Приготовленія къ путешествію на островъ Беннета.—Сниманіе птичьихъ шкурокъ.—Метеорологическія наблюденія.—Медицинская практика.—Гастрономическія тонкости.—Dolce far niente—Моя каюта.—Полярные миражи.—Ясный день.—Куропаточьи слѣды.—Послѣдняя прогулка.—Бѣлый медвѣдь.—Отъѣздъ лейтенанта Колчака.—Инструкція начальника экспедиціи.—Отъѣздъ барона Э. В. Толля и Ф. Г. Зеберга.

Еще до моего пріѣзда начались приготовленія Э. В. Толля и Ф. Г. Зеберга къ поѣздкѣ въ «Америку», какъ шутя назвалъ баронъ въ разговорѣ съ промышленниками открытые американцами острова Беннета.

Отъѣзжавшимъ предстояло прежде всего ликвидировать текущія дѣла: упаковать геологическія коллекціи, оставить инструкціи, закончить и сдать командиру судна письма и телеграммы, кончить астрономическія наблюденія и выкладки.

Скоро начались и активныя приготовленія къ путешествію. Пускаясь въ такое рискованное предпріятіе, слѣдовало все предусмотрѣть и, не обременяя себя лишнимъ грузомъ, не забыть ничего необходимаго. Изъ пищевыхъ продуктовъ предпочтеніе отдавалось, разумѣется, такимъ, въ которыхъ при наименьшемъ вѣсѣ было больше питательности. Въ списокъ вошли: пеммиканъ (мясной порошокъ), бульонъ въ плиткахъ, шоколадъ, мясной шоколадъ, сгущенное молоко, датское масло, сухари въ видѣ галетъ и т. д. По составленному заранѣе списку я выдавалъ Ф. Г. Зебергу провизію вмѣстѣ съ лейтенантомъ Колчакомъ, завѣдывавшимъ продовольствіемъ послѣ смерти д-ра Вальтера до моего пріѣзда. Начался сборъ инструментовъ (анероидъ, термометры, астрономическіе инструменты), оснащиванье байдарокъ, или каноэ*). Заготовлялись нарты съ нейзильберными полозьями, которыя въ теплое время года легче на ходу, чѣмъ съ деревянными. Нарты при переправахъ черезъ полыньи должны были служить скрѣпленіемъ между байдарками, которыя баронъ предполагалъ для большей устойчивости связывать вмѣстѣ. Былъ приготовленъ и общій парусъ для байдарокъ. При путешествіи на собакахъ поставленныя на нарты байдарки могли служить вмѣстилищемъ багажа. Въ лабораторіи, въ трюмѣ, возлѣ судна на льду кипѣла работа. «Заря» представляла изъ себя самоудовлетворяющуюся трудовую ячейку. Портняжное, сапожное, слесарное, кузнечное, плотничье, столярное и иныя ремесла имѣли здѣсь иногда очень искусныхъ представителей.

Баронъ, очень заботившійся о томъ, чтобы не было лишняго груза, просилъ составить ему самую крошечную дорожную аптечку. Составилъ я на дорогу коротенькое наставленіе о пользованіи вывиховъ и переломовъ, относительно чего устно далъ болѣе подробныя разъясненія.

По плану барона Толля взятой съ собой провизіи должно было хватить до Беннета, отчасти на продовольствіе тамъ и на обратный путь, если бы судну не удалось подойти къ Беннету. Тюлени, моржи, бѣлые медвѣди и птицы должны были обезпечить существованіе путешественниковъ на мѣстѣ, а депо провіанта на островахъ (см. 1-ю часть)— обратный путь.

---

*) Взятыя въ экспедицію байдарки—небольшія просмоленныя лодки, закрытыя сверху просмоленной матеріей съ однимъ или двумя круглыми отверстіями для гребцовъ. Весла у нихъ—двухлопастныя. Одномѣстныя байдарки вѣсили 50 фунт., двухмѣстныя—90 фунт. Эти байдарки, обладая всѣми достоинствами Нансенскихъ, тоже имѣвшихся на „Зарѣ“, представляли даже преимущества: были не такъ вертки. Главный недостатокъ ихъ—низкій носъ, благодаря чему носомъ байдаркы зарывалась въ волнѣ, что нѣсколько замедляетъ передвиженіе.

Готовившіеся къ отъѣзду инородцы-промышленники, безстрашные въ скитаніяхъ по родной тундрѣ, въ столкновеніяхъ съ медвѣдемъ, искусные и опытные охотники, робѣли передъ страннымъ для нихъ путешествіемъ. Дикарь, по всей организаціи своей болѣе приспособленный къ жизни среди дикой природы, съ болѣе всестороннимъ развитіемъ органовъ чувствъ, достигающимъ поразительной остроты, пасуетъ передъ культурнымъ человѣкомъ въ новой для обоихъ обстановкѣ. На амплуа проводниковъ они, конечно, не годились, но баронъ очень цѣнилъ ихъ, какъ опытныхъ каюровъ и искусныхъ стрѣлковъ. При этомъ онъ считался съ возможностью, что «якуты» струсятъ при видѣ воды, и предлагалъ въ такомъ случаѣ отпустить ихъ обратно отъ первой-же полыньи. Баронъ Толль умѣлъ прекрасно ладить съ инородцами, не прибѣгая къ мѣрамъ принужденія.

Пока шли эти приготовленія, обычныя занятія на суднѣ продолжались. Пользуясь отчасти указаніями барона, я приступилъ къ препаровкѣ птицъ. Дебютировалъ я на somateria spectabilis и не могу похвалиться, что дебютъ былъ удачнымъ. За турканомъ послѣдовали кайры (Cephus Mandti).

На каждую птицу вначалѣ я тратилъ по цѣлому дню, и нельзя сказать, чтобы результатъ вполнѣ окупалъ потраченныя усилія. Велъ я и орнитологическій журналъ.

Завѣдывавшій метеорологіей лейтенантъ Матисенъ посвятилъ меня въ нехитрую технику наблюденій. Имѣлось у насъ и краткое руководство главной физической обсерваторіи. Порядокъ наблюденій былъ таковъ. Запишешь показанія барометра и запасного анероида, висѣвшихъ въ каютъ-компаніи, смѣришь атмосферные осадки, отмѣтишь направленіе и силу вѣтра по флюгеру, устроенному на мачтѣ судна и идешь на косу. Тамъ, въ метеорологической будкѣ, висѣли минимальный и максимальный термометры, термометръ обыкновенный, психрометръ. Изъ самопишущихъ приборовъ дѣйствовалъ барографъ. Вблизи будки 4 термометра служили для измѣренія температуры почвы: одинъ на поверхности и три на различныхъ глубинахъ. Наблюденія заносились въ книжку установленнаго Главной Физической Обсерваторіей образца.

На суднѣ всѣ интересовались метеорологическими наблюденіями. Съ любопытствомъ поглядывали на наблюдателей инородцы, которыхъ забавлялъ механизмъ наблюденія.

Полярная весна наступала очень медленно. 14-го мая въ первый разъ температура поднялась выше 0°, на палубѣ было +0.5° R, а преимущественно держалась на —2°—4°, послѣ полудня опускаясь до —6° и ниже; а на глубинѣ 40—80 снт. держалась на —17°—18° C. Снѣгъ началъ рыхлѣть, но процессъ таянія все еще оставался незамѣтнымъ.

Было время самое благопріятное для прогулокъ. Всѣ розовѣли на моихъ глазахъ. Больныхъ не оказывалось. Иногда только кто-нибудь изъ матросовъ, поднявши изъ удальства тяжесть не по силамъ, приходилъ пожаловаться на боль въ спинѣ. Попросишь освободить его на время отъ работъ, въ чемъ пока не было затрудненія, такъ какъ и работы пока не много—и послѣ отдыха боль проходитъ. Да мой неизмѣнный паціентъ—судовой поваръ время отъ времени приходилъ пожаловаться на свои недуги. Вырвалъ нѣсколько зубовъ. Иной разъ голова у кого-нибудь разболится послѣ бани, что и со мной случалось. Поспишь плохо, если это случится въ дежурство—и все.

Поваръ Ѳома, съ которымъ меня сближала медицина и кулинарія, часто бывалъ моимъ собесѣдникомъ. Разъ въ недѣлю я выдавалъ провизію ему и уполномоченному отъ команды, каковымъ обыкновенно бывалъ Толстовъ; иногда его замѣнялъ Носовъ. Каждый день я заказывалъ обѣды и завтраки, причемъ Ѳома наводилъ критику на наши вкусы и на имѣвшуюся на суднѣ провизію. Стараясь разнообразить столъ, мы съ Ѳомой придумали дѣлать творогъ изъ неподслащеннаго консервнаго молока, которое у насъ потреблялось не очень охотно. Первое время творогъ былъ плохъ, но потомъ выходили прекрасныя ватрушки. Охотники, убивая иногда, противъ желанія, беременныхъ важенокъ, обыкновенно брезговали плодомъ. Но скоро у насъ стали появляться «отбивныя котлеты» изъ выпоротка. Появленіе ихъ на обѣденномъ столѣ нѣкоторыми было встрѣчено неодобрительно, однако вскорѣ «отбивныя котлеты à la Ѳома» пріобрѣли права гражданства.

Анекдоты о нашей гастрономіи нерѣдко циркулировали у насъ за столомъ, на ряду съ разсказами изъ полярнаго быта и критикой полярныхъ авторовъ. Послѣ обѣда, который у насъ начинался въ 6 час. и состоялъ въ будни изъ двухъ, а по праздникамъ иногда изъ трехъ блюдъ, у насъ часъ-другой проходилъ въ безмятежномъ отдыхѣ. Кто, развалясь на софѣ, слушалъ музыку, то легкую и игривую, то грустную и мечтательную; кто, углубясь въ полученныя съ почтой газеты, возмущался коварной англійской политикой или разсказывалъ веселый газетный анекдотъ; кто сообщалъ что-либо новое изъ «Петермана» или «Geographical Iournal». Съ интересомъ мы слѣдили за ходомъ экспедиціи Свердрупа, дѣлая предположенія о вѣроятномъ ея исходѣ. Иногда завязывались интересные споры. Произведенія Боборыкина и Лѣскова, имѣвшіяся въ нашей, богатой беллетристикой, библіотекѣ, также служили темой для разговора.

Вечеромъ я любилъ почитать въ своей каютѣ и подвести итогъ дня. Моя маленькая каютка казалась мнѣ очень уютной, когда я расположилъ медицинскіе инструменты и фотографіи на покрытомъ клеенкой столѣ... Каюта моя была обращена на сѣверъ. Косые лучи полуночнаго солнца проникали ко мнѣ сквозь небольшой иллюминаторъ. Полночь была самымъ свѣтлымъ временемъ дня въ моей каютѣ.

Очень интересное явленіе, на которомъ не разъ останавливалось вниманіе полярныхъ путешественниковъ, это—миражи, зависящіе отъ своеобразнаго преломленія лучей полярнаго солнца. Стебли сухой травы вершка въ три вышиной кажутся кустами и деревьями, песецъ или собака принимаютъ видъ медвѣдя. Со мной случился такого рода анекдотъ. Въ облачную, но не туманную погоду я поѣхалъ съ матросомъ Безбородовымъ за убитымъ имъ наканунѣ оленемъ. Пока онъ отыскивалъ уже убитаго оленя и увлекался преслѣдованіемъ новой добычи, я бродилъ по тундрѣ, забрелъ куда-то въ сторону и, не надѣясь встрѣтиться со своимъ спутникомъ, взялъ по компасу направленіе и пошелъ къ судну. Шелъ и оглядывался: не увижу ли Безбородова. И увидѣлъ... прямо на меня бѣжавшаго медвѣдя. Я былъ вооруженъ трехстволкой, съ двумя дробовыми и однимъ винтовочнымъ стволомъ, но такъ какъ стрѣлокъ я плохой, то сердце у меня екнуло. Однако, ничего не оставалось, какъ идти навстрѣчу непріятелю, что я и сдѣлалъ, скрѣпя сердце. Разстояніе между нами быстро уменьшалось. Любопытство, впрочемъ, проснулось и въ этотъ критическій моментъ. Мнѣ захотѣлось получше разглядѣть хозяина снѣжной пустыни, родственнику котораго—бурому медвѣдю робкіе якуты юга при встрѣчахъ говорятъ съ почтительнымъ поклономъ: «баратур, тойонъ, мей міеха, колеймя!» (ступай, господинъ, не трогай меня, проходи мимо!) Я навелъ бинокль... и что-же увидѣлъ? Представьте себѣ: собаку. Это былъ одинъ изъ щенковъ, оторвавшійся отъ нарты и взявшій прямой курсъ къ судну. Досадно! Но обрадовавшійся встрѣчѣ песъ такъ добродушно помахивалъ хвостомъ и, какъ мнѣ казалось иронически поглядывалъ, что мнѣ и самому стало смѣшно. «Что же? вмѣсто вурдалака—вы представьте Вани злость—въ темнотѣ предъ нимъ собака на могилѣ гложетъ кость», вспомнилось нелестное для меня сопоставленіе изъ стихотворенія Пушкина.

Начиналась пора любви у куропатокъ. Какъ-то пошли мы съ А. В. Колчакомъ въ тундру въ сладкой надеждѣ на ихъ мясо. Увязавшійся за нами страстный промышленникъ «Грозный» покатилъ впередъ, пугая, надо полагать, все, что встрѣчалось на его пути, и испортилъ охоту. Небо было обложено облаками. Вдругъ кто-то словно приподнялъ край завѣсы. Быстро прояснило. Сквозь прозрачный воздухъ было хорошо видно и невооруженнымъ глазомъ находящійся въ 30 верстахъ къ западу Бѣльковскій островъ. Дичи мы не встрѣтили никакой, и только слѣды куропатокъ, песца и мыши-лемминга да норки послѣдней свидѣтельствовали, что тундра живетъ.

На обратномъ пути, когда мы уже примирились съ неудачей и, закинувъ за спину ружья, увлеклись разговоромъ, почти прямо изъ-подъ носа у насъ вылетѣла пара куропатокъ. Немного дальше, на полуобнаженной отъ снѣга проталинѣ, мы увидѣли массу слѣдовъ куропатокъ. Ясные отпечатки лапокъ и крыльевъ расфуфыренныхъ ухажеровъ-самцовъ перекрещивались во всѣхъ направленіяхъ.

Небо все больше прояснивало. На сторонѣ небосклона, противуположной солнцу, осталось небольшое облачко, окруженное двумя концентрическими кольцами радуги. Когда мы вернулись на судно, не оставалось ни облачка на блѣдно-голубомъ небѣ, а на южной сторонѣ горизонта показалось пять большихъ концентрическихъ радужныхъ полукруговъ.

Проталины увеличивались. Снѣжные края ихъ принимали изгрызенно-узорчатыя очертанія. На лыжахъ еще было хорошо ходить, только не по тундрѣ. Я дѣлалъ большіе успѣхи въ этомъ спортѣ, къ которому другіе уже охладѣли. Районъ моихъ прогулокъ на лыжахъ расширился. Свободный отъ торосовъ ледъ лагуны былъ оченъ удобенъ для этой цѣли.

18 мая въ послѣдній разъ мы сдѣлали съ барономъ небольшую геологическую прогулку—все къ тому же сѣверному мысу. Я шелъ на лыжахъ. Разстояніе по шагомѣру, захваченному барономъ, оказалось=$7^1/_2$ километрамъ. Немного за мысомъ есть уютный оврагъ, состоящій повидимому изъ девонскихъ отложеній. Летали и пѣли миловидныя пуночки, у которыхъ наступила «пора любви и грусти нѣжной».

Спустя нѣкоторое время подъѣхалъ на собакахъ А. В. Колчакъ съ каюромъ Алексѣемъ. Баронъ кое-что намъ указывалъ и объяснялъ. Покончивъ съ геологіей, мы поѣхали на «Зарю». Собаки шли ходко, предвкушая пріятное освобожденіе отъ скоро надоѣвшей имъ сбруи.

Температура, еще 17 мая опускавшаяся до—10° R. на палубѣ судна, съ 20 числа нерѣдко поднималась до+1°—+1,5° R, хотя минимумъ вся еще оставался ниже точки замерзанія. У кормы судна очищенной отъ снѣга, выступившая на поверхность вода уже не замерзала. Снѣгъ сталъ рыхлымъ и влажнымъ. Въ трещинахъ льда подъ снѣгомъ проступила вода. Пейзажъ еще оставался зимнимъ, хотя въ ясные дни солнце свѣтило такъ ярко. Черныя кочки оттаивавшей тундры больше и больше выступали сквозь снѣжный покровъ и мякли подъ лучами незаходящаго солнца.

Охотники стали чаще встрѣчать пасшихся на кочковатой тундрѣ куропатокъ. Стада оленей съ беременными, разрѣшающимися и разрѣшившимися уже отъ бремени важенками все еще тянулись къ сѣверу. Стали чаще показываться голубовато-сѣрыя чайки (larus glaucescens u l. affinis). Появился первый отрядъ куликовъ, съ далекаго знойнаго юга прилетающихъ лѣтомъ на прохладный и туманный сѣверъ.

Оживленіе еще не распространилось на ближайшія окрестности судна. Здѣсь природа оставалась мертвой. Скованное прочной ледяной корой зимнимъ сномъ спало полярное море. Медленно дѣлало свою работу сѣверное солнце.

Барометрическое давленіе колебалось. Вѣтеръ съ юга приносилъ тепло и паденіе барометра; вѣтеръ съ сѣвера—холодъ и повышеніе давленія. Стало больше облачныхъ и туманныхъ дней, но иногда вѣтеръ въ какой-нибудь часъ-два разгонялъ и разсѣевалъ облака. Отмѣтишь при утреннемъ наблюденіи облачность 9 или 10, слоистыя или разорвано-слоистыя, а часамъ къ 9 утра на небѣ уже ни облачка... къ слѣдующему наблюденію опять соберутся облака. Вѣтеръ достигалъ 20 метр. въ секунду (23—V: OSO, 20 метр.).

Просматривалъ въ стереоскопъ фотографіи «прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ», а также Таймыра, Карскаго моря и пр. Пейзажи, разумѣется, представляютъ большое сходство. У Ф. А. Матисена—богатая коллекція снимковъ.

Изъ замѣчательныхъ событій было появленіе 21-го мая вблизи судна бѣлаго медвѣдя,—перваго, котораго я видалъ въ родной ему обстановкѣ. Знатный туземецъ былъ усмотрѣнъ изъ рубки въ подзорную трубу. Онъ совершалъ свой променадъ по берегу тундры. Первымъ пустился къ нему Безбородовъ, вооруженный берданкой. За нимъ послѣдовалъ боцманъ, предшествуемый «Грознымъ». Я въ это время демонстрировалъ Ф. Г. Зебергу вправленіе вывиховъ и лѣченіе переломовъ. Съ возможнымъ терпѣніемъ окончивъ свою лекцію, я бросился въ рубку и припалъ къ подзорной трубѣ. Затѣмъ схватилъ винчестеръ и пустился догонять боцмана. «Грозный,» достигнувъ тундры съ поспѣшностью, какую позволяла его тучность, въ недоумѣніи остановился: впопыхахъ онъ потерялъ медвѣдя, который уже былъ далеко. Я былъ слишкомъ легко одѣтъ, чего сгоряча не замѣтилъ, но скоро сталъ мерзнуть, а потому вернулся вспять, предоставивъ другимъ прислѣдовать бѣжавшаго непріятеля. На обратномъ пути я встрѣтилъ промышленниковъ Николая и Василія, которые настолько сохранили хладнокровіе и разсудительность, что запрягли собакъ и на собакахъ ѣхали за медвѣдемъ. Они, конечно, обогнали матросовъ и убили медвѣдя. Вернулись они къ полночи, употребивъ на охоту болѣе 4-хъ часовъ.

Великолѣпный звѣрь, болѣе сажени въ длину, въ теплой бѣлой шубѣ, недавно начавшей линять, лежалъ навзничь на нартѣ. Изъ двухъ ранъ еще сочилась кровь. Одна рана была незначительна: пуля угодила въ лапу, которую и раздробила. Зато другая пуля прошла подъ лопатку: этого было довольно. Возлѣ нарты вертѣлась собака со сдернутымъ и окровавленнымъ лоскутомъ шкуры, ворча на убитаго врага. Безбородова и боцмана очень огорчилъ коварный поступокъ «якутовъ», которые не подсадили въ нарту Безбородова, когда мимо проѣзжали. Когда баронъ купилъ у якутовъ шкуру медвѣдя и подарилъ ее Безбородову, командиръ спросилъ послѣдняго, удовлетворенъ ли онъ. Тотъ отвѣчалъ сконфужено: «Да я, ваше благородіе... да не въ томъ интересъ, ваше благородіе... самому-бы убить... мы для экспедиціи, ваше благородіе»...

На другой день за обѣдомъ былъ бифштексъ изъ медвѣжьей вырѣзки. Съ приправой изъ спаржи и зеленаго горошка съ острымъ подливомъ,—бифштексъ былъ довольно вкусенъ: специфическимъ для бѣлаго медвѣдя привкусомъ рыбы почти не отдавало. Но все-же, не говоря даже объ оленѣ, и бурый медвѣдь гораздо вкуснѣе.

Въ день медвѣжьей охоты мы проводили А. В. Колчака въ далекую экскурсію. Онъ отправлялся для изслѣдованія внутренней части Котельнаго острова, чтобы вдоль рѣки Балыктаха дойти до морского берега, а оттуда изслѣдовавъ землю Бунге, пройти на Ѳаддѣевскій островъ.

Баронъ Толль и Ф. Г. Зебергъ были окончательно готовы къ отъѣзду. Баронъ передалъ командиру «Зари» Ф. А. Матисену слѣдующіе документы:

«— Нерпичья губа. «Яхта Заря» 19/v—1/vi 1902 г.»

«Инструкція командиру яхты «Заря» лейтенанту Матисену.

«Отправляясь на дняхъ съ астрономомъ Ф. Г. Зебергомъ и въ сопровожденіи двухъ промышленниковъ, якута Василія и тунгуса Николая, впередъ на островъ Беннета, предлагаю Вамъ послѣ вскрытія моря выйти на «Зарѣ» изъ настоящей гавани, подойти къ острову Новая Сибирь, гдѣ вы снимите у мыса Высокаго старшаго зоолог. А. А. Бирулю съ его партіей,—оттуда взять курсъ къ острову Беннетта, къ мысу Эмма, лежащему по De Long'у подъ 76° 38′ 17″ ц и 148° 20′ Z. Тамъ я буду ждать прибытія «Зари».

«Изъ важнѣйшихъ дѣлъ, которыя необходимо докончить до открытія навигаціи, позволю обратить Ваше вниманіе на слѣдующее:

1) Сооруженіе на могилѣ покойнаго доктора Германа Эдуардовича Вальтера желѣзнаго креста и ограды, заготовленныхъ во время зимы благодарною командою «Зари» въ память возлюбленнаго ихъ доктора. Крестъ и цѣпочная ограда должны быть сооружены такъ, чтобы не затрудняли въ будущее время вынуть гробъ изъ могилы.

2) Точное измѣреніе при закладкѣ знака экспедиціи его уровня надъ моремъ и разстоянія его отъ морского берега. Такое же измѣреніе разстоянія отъ моря морскихъ знаковъ, которые вы ставите на косѣ у входа въ гавань.

3) Устройство одного депо со слѣдующимъ содержимымъ: провизіи на 23 человѣка на 3 мѣсяца, рыбнаго корму для 60 собакъ на 3 мѣсяца, три ящика съ патронами для берданки, ящикъ керосину, нѣсколько фунтовъ свѣчей, спички въ запаянныхъ жестянкахъ и нѣкоторое количество соли.

4) Желательно побуждать команду, во время охотничьихъ и другихъ экскурсій, искать выходы каменнаго угля около морского берега или по рѣкамъ и собирать остатки ископаемыхъ животныхъ и растеній. Важно было бы сдѣлать нѣсколько взрывовъ въ открытыхъ К. А. Воллосовичемъ мѣстонахожденіяхъ третичныхъ отложеній съ растительными остатками.

«Что касается указаній относительно вашей задачи, снять меня съ партіей съ острова Беннетта, то напомню только извѣстное вамъ правило, что всегда слѣдуетъ хранить за собою свободу дѣйствія судна въ окружающихъ его льдахъ, такъ какъ потеря свободы движенія судна лишаетъ Васъ возможности исполнить эту задачу.

«Предѣлъ времени, когда Вы можете отказаться отъ дальнѣйшихъ стараній снять меня съ острова Беннетта, опредѣляется тѣмъ моментомъ, когда на «Зарѣ» израсходованъ весь запасъ топлива для машины до 15 тоннъ угля.

«Представляя себѣ приблизительно ту же картину, которую мы видѣли въ прошломъ году, именно поясъ непроницаемаго льда около 14 миль, окружающій южный конецъ острова Беннетта, вы, приставая къ границѣ пака, отправите партію нѣсколькихъ опытныхъ и смѣлыхъ людей къ мысу Эмма. Если обстоятельства дозволятъ, то было бы желательно съ ними же отправить нѣкоторое количество консервовъ къ острову Беннетта для устройства депо для будущихъ экспедицій.

«По чертежу De-Long'а восточный мысъ на южной оконечности названъ мысомъ Эмма. По его указанію берегъ здѣсь скалистый и настолько узокъ, что американцы съ трудомъ разбили здѣсь свои палатки; поэтому и кэрнъ экспедиціи Жаннетты поставленъ восточнѣе мыса Эмма.

«Тамъ, вѣроятно, и будетъ нашъ знакъ, который укажетъ людямъ, въ какомъ направленіи насъ искать. Около этого пункта одна часть нашей партіи съ 7-го по 21-е августа стараго стиля будетъ наблюдать за условленными сигналами, о которыхъ Вы до моего отъѣзда представите мнѣ выработанный Вами проектъ. Если поиски нашихъ слѣдовъ приведутъ къ отрицательнымъ результатамъ или Вы, вслѣдствіе неимѣнія болѣе 15 тоннъ угля, будетъ принуждены взять обратный курсъ, не снявъ меня съ партіей, то Вы съ этимъ количествомъ угля дойдетъ на «Зарѣ», по меньшей мѣрѣ, до острова Котельнаго, а идя частью подъ парусами, быть можетъ, и до Сибирскаго материка.

«Къ востоку отъ Быковской протоки устья Лены, между мысами Быковскимъ и Караульнымъ, имѣется въ бухтѣ Тикси хорошая гавань. У мыса Караульнаго вы встрѣтите М. И. Бруснева, ожидающаго нашего прибытія, а въ концѣ августа выйдетъ сюда навстрѣчу «Зарѣ» пароходъ «Лена». При помощи послѣдней «Заря», какъ я надѣюсь, можетъ войти черезъ Быковскую протоку въ рѣку Лену, а затѣмъ вверхъ по рѣкѣ до Жиганска, гдѣ найдете хорошее мѣсто для зимней стоянки судна.

«Для плаванія выше Жиганска придется пользоваться пароходомъ «Лена». Было бы желательно зафрахтовать этотъ пароходъ для членовъ экспедиціи и всего груза экспедиціи на проѣздъ вверхъ по Ленѣ до Усть-Кута, откуда остается около 600 верстъ ѣзды по почтовому тракту до г. Иркутска.

«Если лѣтомъ нынѣшняго года ледъ около Ново-Сибирскихъ острововъ и между ними и островомъ Беннетта совсѣмъ не исчезнетъ и не дастъ такимъ образомъ плавать «Зарѣ», то предлагаю Вамъ оставить судно въ этой гавани и вернуться со всѣмъ экипажемъ судна зимнимъ путемъ на материкъ, слѣдуя извѣстному маршруту съ острова Котельнаго на Ляховскіе острова. Въ такомъ случаѣ вы возьмете съ собою только всѣ документы экспедиціи и важнѣйшіе инструменты, оставивъ здѣсь остальной инвентарь судна и всѣ коллекціи.

«Въ этомъ же случаѣ я постараюсь вернуться до наступленія морозовъ къ Ново-Сибирскимъ островамъ, а затѣмъ зимнимъ путемъ на материкъ.

«Во всякомъ случаѣ твердо вѣрю въ счастливое и благополучное окончаніе экспедиціи.

Бар. Э. Толль».

Командиру яхты «Заря», лейтенанту Ѳедору Андреевичу Матисену.

«Поручая вамъ вести весь личный составъ Русской Полярной Экспедиціи, ученый персоналъ и команду судна экспедиціи на яхтѣ «Заря» или другимъ, указаннымъ мною въ инструкціи отъ 19-го мая, путемъ до сибирскаго берега и дальше на родину, я передаю вамъ, въ пользу единодушнаго исполненія этой задачи, на тотъ случай, если вамъ не удастся снять меня съ острова Беннетта, или на случай моей смерти, всѣ права начальника экспедиціи.

«Бар. Толль».

„Заря“, Нерпичья губа, 20-го мая 1902 г.

Мнѣ баронъ Толль поручилъ уложить сушившіяся въ комнатѣ, сосѣдней съ лабораторіей, третичныя глины и упаковать экспедиціонную библіотеку. Аптека наша пополнилась полбутылкой коньяка и полбутылкой мадеры, переданными мнѣ барономъ передъ отъѣздомъ. Въ пустой каютѣ съ полдюжины бутылокъ шампанскаго дожидались торжественнаго момента встрѣчи съ уѣзжавшими товарищами.

Вечеромъ 23-го мая баронъ Э. В. Толли и Ф. Г. Зебергъ уѣхали на 3-хъ нартахъ, изъ которыхъ одну разсчитывали бросить на Новой Сибири.

Матросы Толстовъ и Евтихѣевъ поѣхали проводить уѣзжавшихъ и вернулись черезъ 4 дня съ массой камней для геологической коллекціи, собранныхъ недалеко отъ стана Дурново, и двумя убитыми чайками.

Ѣзда на деревянныхъ полозьяхъ становилась затруднительной,— рыхлый снѣгъ прилипалъ къ нимъ, а потому баронъ взялъ у провожавшихъ нарту со стальными полозьями,—въ обмѣнъ на третью изъ своихъ нартъ.

В. Катинъ-Ярцевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ПОТОКЪ.

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Макса Гальбе.

Перев. съ нѣмецкаго **Д. Борисова** и **М. Григорьева**.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Филиппина Доорнъ.
Петръ Доорнъ, помѣщикъ и смотритель надъ плотиной.
Генрихъ Доорнъ, инженеръ
Яковъ Доорнъ 17 лѣтъ
} ея внуки.
Рената, жена Петра.
Рейнгольдъ Ульрихсъ.
Анна, служанка.

Дѣйствіе происходитъ на Вислѣ; первый актъ—въ февральскій воскресный день, два послѣднихъ—десять дней спустя, послѣ обѣда и вечеромъ.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Доорновъ. Широкая старинная комната съ низкимъ потолкомъ. Слѣва и въ задней стѣнѣ по два окна съ маленькими стеклами. Справа, ближе къ задней стѣнѣ, печь съ лежанкой. Слѣва, у передняго окна, рабочій столикъ съ кресломъ и скамеечкой для ногъ. Посрединѣ комнаты круглый дубовый столъ и такіе же стулья. Сзади, между окнами, большой коричневый дубовый шкафъ. Одна дверь слѣва, въ серединѣ, выходитъ на плотину, у подножія которой стоитъ домъ, другая, справа, въ глубинѣ ведетъ въ другія комнаты дома. Справа на авансценѣ широкая витая деревянная лѣстница ведетъ въ верхній этажъ дома. Изъ задняго окна видна широкая, покрытая снѣгомъ равнина, у горизонта все глубже спускающаяся къ (невидимому) морю. Въ лѣвое окно видна тянущаяся у самаго почти дома высокая плотина съ расположенной недалеко отъ нея сторожевой будкой. Февральское воскресное утро, на дворѣ густыми хлопьями падаетъ снѣгъ и трещитъ морозъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-ое.

(Ульрихсъ и Яковъ Доорнъ сидятъ на лежанкѣ у печи. Около Якова лежитъ старая книга. Яковъ—семнадцатилѣтній рослый юноша, безъ бороды и усовъ. Ульрихсъ — уже сгорбленныя старикъ, лѣтъ шестидесяти, съ растрепанной бородой и краснымъ лицомъ).

Яковъ. А затѣмъ? Затѣмъ потокъ такъ таки сразу и прорвался? Вдругъ? Въ одну ночь?

Ульрихсъ. Я тебѣ уже не разъ объ этомъ разсказывалъ. Лучше всего совершенно забыть объ этомъ. Такая вещь можетъ каждый день случиться.

Яковъ. Каждый день! Да! Наша Висла точно дикій звѣрь. Какъ тѣ дикіе звѣри, которыхъ на ярмаркѣ показываютъ. Пока желѣзныя рѣшетки, за которыми они находятся, выдерживаютъ, мы со смѣхомъ смотримъ на ихъ разинутую пасть и думаемъ: реви себѣ. Но пусть только хоть одинъ прутъ ослабнетъ! Тогда бѣда!

Ульрихсъ. Погляди-ка, чего только онъ не знаетъ!

Яковъ (*показываетъ рукой*). Вотъ эта плотина, дядя Рейнгольдъ, и есть именно эта рѣшетка...

Ульрихсъ (*съ удивленіемъ*). Смотри-ка...

Яковъ (*прерывая его*). Даже прутъ, который можетъ ослабѣть, и тотъ здѣсь имѣется; это колѣно у сторожки, гдѣ плотина уже разъ чуть не поддалась. И если снова, при разливѣ или ледоходѣ, она когда-нибудь опять поддастся, звѣрь прорвется... и... (*Онъ останавливается, какъ бы самъ ужаснувшись*).

Ульрихсъ. И что, думаешь ты, тогда произойдетъ?

Яковъ. Тогда онъ всѣхъ насъ сожретъ, этотъ звѣрь!

Ульрихсъ (*покачивая головой, смотритъ на него съ удивленіемъ*). И онъ всѣхъ насъ сожретъ.

Яковъ. А развѣ не такъ дядя Рейнгольдъ?

Ульрихсъ. Именно такъ, мой мальчикъ! Я удивляюсь только, откуда ты все это знаешь? Вѣдь не въ деревенской школѣ ты этому научился?

Яковъ. Скверно, что мнѣ пришлось побывать только въ деревенской школѣ. Для тѣхъ двухъ этого было мало. А для меня довольно и свиней пасти.

Ульрихсъ. Кому-нибудь и за свиньями ходить нужно!

Яковъ (*вскакиваетъ*). Придетъ еще день расплаты! Вѣрь мнѣ! Этотъ день настанетъ!

Ульрихсъ. До этого дня еще не мало воды утечетъ. Садись-ка лучше и успокойся! Съ такой вещью можно ждать, пока тебѣ гробъ сколотятъ. Да и въ могилу уйдешь, не получивъ по счету.

Яковъ (*опять садится, дрожа*). Мнѣ холодно. Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь съ собой, дядя? Водки или чего-нибудь другого?

Ульрихсъ (*неувѣренно*). Что за глупость ты несешь, мой мальчикъ? Откуда у меня можетъ быть водка?

Яковъ (*хлопаетъ его по карману сюртука*). Да я, вѣдь, вижу тутъ бутылку! Не разсказывайте мнѣ сказки.

Ульрихсъ. Бѣсенокъ! (*Онъ вытягиваетъ бутылку изъ кармана сюртука и смотритъ кругомъ подозрительно*). Не увидѣлъ бы насъ кто-нибудь!

Яковъ (*задорно*). А кто можетъ увидѣть? Старуха сидитъ наверху въ своей комнатѣ и думаетъ о своихъ грѣхахъ. А пока *онъ* и Рената вернутся изъ церкви...

Ульрихсъ. Они могутъ сейчасъ тутъ быть. Санная дорога теперь хороша. Просто летишь. Особенно при попутномъ вѣтрѣ.

Яковъ. Пусть себѣ приходятъ. Пусть всѣ видятъ, какъ я напиваюсь Да и что другое мнѣ остается дѣлать!

Ульрихсъ (*протягиваетъ ему бутылку*). Ну, пей, мальчикъ! Но оставь и для меня.

Яковъ (*съ поднятой бутылкой*). На здоровье! За любовь! Да здравствуетъ самая прекрасная женщина! (*Онъ пьетъ*). А какъ зовутъ ее?

Ульрихсъ (*подмигивая*). А какъ ее звать будутъ?

Яковъ. Я говорю только, да здравствуетъ самая прекрасная женщина! (*Онъ снова пьетъ*).

Ульрихсъ (*съ безпокойствомъ*). Ну, однако, довольно. Теперь моя очередь. (*Онъ беретъ бутылку у него, съ удареніемъ*). Итакъ, за нашу знакомку! (*Онъ пьетъ*).

Яковъ (*разгорячившись*). Самая прекрасная женщина! Самая прекрасная женщина! (*Онъ вскакиваетъ и ходитъ по сценѣ*). Ахъ, если бы ея не было! (*Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ*). Знаете ли вы, дядя Рейнгольдъ? что значитъ ставить какую-нибудь женщину превыше всего? Испытали ли вы это когда-нибудь?

Ульрихсъ. Испыталъ ли я? Нѣтъ, я тебѣ не проболтаюсь. Это моя тайна.

Яковъ (*съ удивленіемъ*). Я думаю, отъ своего друга ничего не скрываютъ! А вѣдь вы мой лучшій другъ? Развѣ нѣтъ?

Ульрихсъ (*серьезно*). Мальчикъ, каждый человѣкъ имѣетъ свою тайну, въ которую онъ никого не посвящаетъ. Тебѣ это тоже придется еще пережить.

Яковъ (*страстно*). Ахъ, что еще придется пережить! Ахъ, женщины! Женщины! Женщинъ хотѣлъ бы я имѣть! Нѣтъ, одну только хотѣлъ бы я имѣть! Я бы передъ ней молился на колѣняхъ! И ее я не могу имѣть! Никогда въ жизни! Что скажете вы на это, дядя Рейнгольдъ. (*Онъ стоитъ, какъ будто ждетъ отъ него чего-то*).

Ульрихсъ. Что скажу я на это? Я скажу, что вотъ это (*Онъ высоко поднимаетъ бутулку*) лучше, чѣмъ всѣ женщины и всякая любовь! Это водка съ ромомъ! (*Онъ прикладывается къ бутылкѣ и пьетъ*).

Яковъ (*какъ бы вспомнивъ что-то*). Знаете ли вы, что значитъ слово Рената?

Ульрихсъ. Откуда мнѣ знать? Я не французъ.

Яковъ. Это латинское слово. Я справлялся въ книгѣ. Оно значитъ возрожденная... Возрожденная! Какъ красиво звучитъ это! Оно напоминаетъ что-то лучшее, что-то прекрасное. Оно звучитъ, какъ райская пѣснь.

Ульрихсъ *(смотритъ на него опять съ удивленіемъ).* Какія у тебя однако причуды являются! И откуда онѣ только берутся у тебя, мальчикъ?

Яковъ. Я и самъ не знаю. Такъ себѣ въ голову приходятъ. И у васъ, дядя, явятся такія мысли, если вы будете стоять на полѣ и не видѣть кругомъ себя никого, кромѣ нѣсколькихъ батраковъ, которые пашутъ землю. Плугъ взрываетъ землю и звенитъ, какъ будто могилу роетъ. А ребята поютъ что-то печальное, что такъ и хватаетъ за сердце. А съ моря кучами подымаются тучи, густыя и бѣлыя, и дивишься, откуда это вдругъ точно высокія горы выросли... Развѣ вамъ, дядя Рейнгольдъ, тогда не приходятъ въ голову такія мысли?

Ульрихсъ. Нѣтъ. Мнѣ? Никогда. Знаетъ Богъ, что нѣтъ. Если я и думаю, то лишь о томъ, глубоко ли пашутъ работники или нѣтъ, да попаду ли я во-время къ обѣду. А что касается облаковъ, которыя тебѣ кажутся горами, то ихъ приноситъ съ моря сѣверный вѣтеръ. Они предсказываютъ только бурю и больше ничего.

Яковъ. Возможно. Я себѣ представляю все это иначе.

Ульрихсъ. А я тебѣ скажу, откуда у тебя всѣ эти бредни.

Яковъ. Я знаю, вы думаете, изъ старыхъ книгъ, которыя тамъ на чердакѣ лежатъ и которыя я въ свободное время читаю? Не такъ ли?

Ульрихсъ. Именно. Отъ нихъ у человѣка умъ за разумъ заходитъ.

Яковъ *(взволнованный).* Это единственное удовольствіе, которое у меня еще остается! Неужели и его у меня отнимутъ?

Ульрихсъ. Ну, ну! Успокойся! Не горячись! *(съ значительнымъ жестомъ).* Вѣдь это только ради него. Ты знаешь вѣдь, какъ онъ обо всемъ этомъ думаетъ. Онъ уже такой человѣкъ.

Яковъ *(пылко).* Все равно. Онъ мнѣ не господинъ, что бы онъ тамъ изъ себя ни корчилъ. Я такой же сынъ своего отца, какъ и онъ. Чѣмъ я виноватъ, что отецъ думалъ только о немъ и забылъ меня и Генриха! Это вина отца! *(Ходитъ большими шагами взадъ и впередъ)* *(Короткая пауза).*

Ульрихсъ *(указывая на книгу, которая лежитъ на скамьѣ).* Это тоже одна изъ тѣхъ старыхъ книгъ, что на чердакѣ валяются?

Яковъ *(успокоившись, подходитъ къ нему ближе).* Да, это старая хроника Вердера. Въ ней описано, что случилось въ этой странѣ за двѣсти-триста лѣтъ. И даже еще раньше. Всѣ ледоходы, всѣ наводненія и всѣ войны, которыя вели и Густавъ-Адольфъ и ордены рыцарей, убійства, грабежи, постои, кто владѣлъ какимъ имѣніемъ и кто... Никто теперь уже не помнитъ всего этого, но въ книгѣ все это опять оживаетъ. Цѣлыя ночи могъ бы я сидѣть и читать ее.

Ульрихсъ *(задумчиво).* Такъ, такъ! Значитъ, тамъ разсказано и объ Ульрихсахъ и о ледоходѣ 1833 года, когда отецъ мой потерялъ все свое имущество.

Яковъ. Нѣтъ, такъ далеко она не заходитъ. Человѣкъ, который написалъ ее, умеръ задолго до этого времени.

Ульрихсъ. Тогда я скажу, что нужно написать новую книгу, въ которой былъ бы описанъ этотъ ледоходъ. Люди не могутъ запомнить такого большого наводненія. И много времени еще пройдетъ, пока опять будетъ такое наводненіе. На землѣ моего отца песку нанесло до четырехъ футовъ вышины. Вотъ о чемъ нужно было бы книгу написать. И такую книгу я прочелъ бы.

Яковъ. А что бы вы сказали, если бы я написалъ эту книгу?

Ульрихсъ. Отъ тебя этого можно ждать.

Яковъ *(пылко).* Я составлю продолженіе этой хроники. И вы потому должны мнѣ обо всемъ подробно разсказывать. Иначе у меня ничего не останется. Прежде вы уже такъ хорошо начали свой разсказъ...

Ульрихсъ. А гдѣ, бишь, я остановился?

Яковъ. Какъ отецъ вашъ въ такой же точно день, какъ и сегодня... это было тоже какъ разъ въ февралѣ и отецъ вашъ пошелъ на внѣшнюю плотину, чтобы посмотрѣть, каковъ уровень воды и скоро ли начнется ледоходъ. И рѣка спокойно лежала, ледъ былъ крѣпокъ, такъ что возъ съ сѣномъ могъ бы проѣхать. Что же дальше случилось? Неужели вода такъ-таки сразу хлынула?

Ульрихсъ. Сразу! Въ пять часовъ вечера ледъ еще даже и не тронулся, а уже ночью въ три часа вода стояла въ домахъ до самаго чердака. И скажу я тебѣ, паренекъ, вода все поднималась да поднималась, быстрѣе, чѣмъ гусь ныряетъ.

Яковъ. И тогда плотину прорвало? Не такъ ли?

Ульрихсъ. Прорвало! Да, цѣлый кусокъ, какъ отсюда до сторожевой будки. И вся рѣка со льдомъ и всѣмъ, что на ней, прорвалась чрезъ эту дыру и прямо на нашъ домъ. Льдинъ набросало тогда, какъ въ бурю. Онѣ все наголо очистили. Самые толстые стволы были точно срѣзаны. Кто разъ видѣлъ это, тотъ уже никогда не забудетъ. Съ тѣхъ поръ прошло уже шестьдесятъ лѣтъ, а я все помню, точно сегодня это было.

Яковъ. А какъ выглядѣло все послѣ этого?

Ульрихсъ. Словно послѣ потопа. Отецъ мой рыдалъ, какъ ребенокъ. Ничего не помогало. Онъ еще долженъ былъ благодарить Бога, что твой дѣдушка за гроши купилъ разоренный участокъ. Говорили тогда, что изъ жалости да по родству онъ сдѣлалъ это. Такъ домъ Ульрихсовъ перешелъ къ вамъ, Доорнамъ, а отецъ мой ушелъ на чужбину и нашелъ тамъ раннюю смерть. И это называютъ Божьей справедливостью. Прорви плотину полумилей ниже насъ, и мы бы еще сидѣли въ своемъ домѣ и вмѣсто Доорна смотрителемъ надъ плотиной былъ бы Ульрихсъ. А если бы плотину прорвало выше полумилей, тутъ у колѣна, тогда былъ бы разоренъ твой дѣдушка. Тогда ему пришлось бы уйти на чужбину. И это называютъ Божьей справедливостью. И отъ этого зависитъ человѣческая судьба. (*Онъ опять вытаскиваетъ свою бутылку и пьетъ*).

Яковъ (*возбужденный*). Ахъ! Оставьте! Справедливость! Справедливость! Если бы на свѣтѣ была справедливость, то отецъ сдержалъ бы обѣщаніе, которое онъ далъ мнѣ за два дня до смерти. Я больше не вѣрю въ справедливость.

Ульрихсъ (*насторожившись*). Что именно могъ тебѣ обѣщать отецъ? объ этомъ ты мнѣ никогда ни слова не говорилъ.

Яковъ (*тѣсно придвинувшись къ нему таинственно*). Онъ привлекъ меня къ себѣ. Это было въ послѣдніе дни его жизни. Онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ. Вотъ оно тамъ стоитъ, то кресло, въ которомъ онъ сидѣлъ. Онъ взялъ меня за руку. «Ты хорошій мальчикъ, сказалъ онъ мнѣ,—и тебѣ не должно быть хуже, чѣмъ другимъ». И потомъ сказалъ мнѣ совсѣмъ тихо, что, когда онъ умретъ, я получу въ наслѣдство домъ Ульрихсовъ. Онъ напишетъ это въ завѣщаніи, И онъ далъ мнѣ слово. Въ этомъ я готовъ присягнуть.

Ульрихсъ (*пораженный*). И это ты держалъ при себѣ девять лѣтъ?

Яковъ. Я не забылъ этого, вы сами видите.

Ульрихсъ. Плохо только то, паренекъ, что никто тебѣ не повѣритъ, если ты явишься съ этимъ. И плохо тебѣ придется, если кто-нибудь, кромѣ меня, узнаетъ объ этомъ. Не говори *ему* ни слова, вотъ тебѣ мой совѣтъ. Представь себѣ, что все это тебѣ приснилось. Человѣку часто снятся странныя вещи.

Яковъ (*дико*). Я бы ему все это въ лицо крикнулъ. Но я не сдѣлаю этого... Пусть будетъ такъ, до поры до времени.

Ульрихсъ. И мнѣ тоже разъ снилось, что я такой же землевладѣлецъ, какъ мой отецъ до того наводненія, и что я опять имѣю тотъ участокъ, который твой отецъ завѣщалъ тебѣ. Ну, а когда я утромъ проснулся... Пріятнаго аппетита! И какъ бы взглянулъ на меня твой братъ, если бы я пришелъ къ нему и сказалъ: «домъ Ульрихсовъ опять принадлежитъ мнѣ, мнѣ это сегодня приснилось». Видишь, мальчикъ, ужъ такъ на свѣтѣ все ведется. Снамъ ни одинъ человѣкъ не повѣритъ.

Яковъ (*страстно*). Отецъ! Отецъ! Почему ты не сдержалъ своего слова? Ты видишь теперь, что съ твоимъ сыномъ! (*Онъ хватаетъ голову обѣими руками*).

Ульрихсъ (*осторожно*). Можетъ быть, у него не хватило времени? Или завѣщаніе, въ которомъ онъ это сдѣлалъ, потерялось? Или что-нибудь въ этомъ родѣ?

Яковъ (*смотритъ на него пораженный*). Потерялось, говорите вы? (*Онъ хватаетъ его за руку*).

Ульрихсъ (*отбиваясь*). Мало ли что говорятъ, паренекъ.

Яковъ (*въ возбужденіи*). А вы знаете что-нибудь, дядя Рейнгольдъ?

Ульрихсъ (*какъ прежде*). Я ничего не знаю. Оставь меня въ покоѣ. У меня нѣтъ охоты мѣшаться въ петровы дѣла.. Хочешь выпить, мальчикъ?.. На, бери. (*Протягиваетъ ему бутылку*). Ты голый бѣднякъ. Да и съ меня много не возьмешь. Ну, а бѣдняки должны другъ другу помогать на этомъ свѣтѣ. Хотя бы только рюмкой водки.

Яковъ *(пьетъ и отдаетъ бутылку назадъ).* А знаете ли вы, дядя Рейнгольдъ, какая исторія разсказывается въ этой старой хроникѣ?

Ульрихсъ. Ну, какая?

Яковъ. Мы читаемъ тутъ о молодомъ сынѣ владѣльца и о его старшемъ братѣ, который обманомъ лишилъ его наслѣдства. И изъ-за этого между ними возникъ споръ, такъ какъ старшій не хотѣлъ ничего уступить. Да, тутъ это все разсказано. *(Онъ раскрываетъ книгу и, указывая на одно мѣсто, читаетъ).* Въ лѣто отъ Рождества Христова 1647, въ воскресенье, во время Троицы, случилось въ Валдау на рѣкѣ Вислѣ, что младшій сынъ умершаго графа Михаила Доберштейна, именемъ Христіанъ...

ЯВЛЕНІЕ 2-ое.

(Госпожа Доорнъ показывается наверху на лѣстницѣ).

Ульхрисъ (*быстро*). Спрячь книгу, старуха идетъ.

Яковъ (*съеживается, захлопываетъ книгу, прячетъ ее*). И должна же была она какъ разъ теперь придти!

Г-жа Доорнъ (*спускается съ лѣстницы, сердито*). Что ты тамъ въ карманѣ прячешь? Покажи-ка?

Яковъ. Я ему читалъ изъ книги.

Г-жа Доорнъ. Что за книга?.. Покажи ее!

Яковъ (*задорно не трогаясь съ мѣста*). Мнѣ кажется, что хотя бы въ воскресенье я могъ бы почитать.

Г-жа Доорнъ. Возьми Библію, если тебѣ нечего дѣлать (*къ Ульрихсу*). Ну, а ты? Что за исторіи ты опять разсказывалъ мальчишкѣ? (*Останавливается передъ нимъ и подозрительно на него смотритъ*).

Ульрихсъ (*вставъ и смотря ей прямо въ глаза*). Исторіи о временахъ, которыя уже прошли!

Г-жа Доорнъ (*мрачно*). Что было, то прошло. Измѣнить уже ничего нельзя и поправить тоже. Господь нашъ великъ въ своемъ милосердіи (*къ Якову*). Иди, принеси изъ другой комнаты Библію и почитай мнѣ.

Яковъ (*молча уходитъ направо*).

Ульрихсъ (*послѣ короткой паузы*). И кто бы могъ тогда предсказать, Филиппина, что ты будешь сидѣть надъ Библіей! Какъ бы надъ нимъ смѣялись, особенно мы съ тобой! Помнишь, на травкѣ подъ грушей? Не такъ ли?

Г-жа Доорнъ. Это всѣмъ суждено!.. Это будетъ и съ тобой!

Ульрихсъ. Не вѣрю я этому. Да на мнѣ и не лежитъ столько грѣховъ сколько на тебѣ! Чортъ побери!

Г-жа Доорнъ (*съ тревогой*). Кто обо мнѣ скажетъ? Ты, можетъ быть?

Ульрихсъ. Я? Нѣтъ! Навѣрное нѣтъ! Я не брошу въ тебя камнемъ. Я меньше, чѣмъ кто-либо.

Г-жа Доорнъ (*уклоняясь отъ отвѣта*). Есть ли у тебя еще что-нибудь въ карманѣ, или ты уже все пропилъ?

Ульрихсъ. Мелочь у меня не держится, это мое старое горе. А крупныхъ у меня и въ поминѣ не было.

Г-жа Доорнъ (*ищетъ въ карманѣ*). Я вѣдь только въ прошлое воскресенье дала тебѣ талеръ.

Ульрихсъ. Туда ему и дорога!

Г-жа Доорнъ (*вынимаетъ большой карманный платокъ, въ одномъ изъ угловъ котораго завязанъ талеръ*). На, бери, но держи языкъ за зубами! (*Она даетъ ему талеръ*).

Ульрихсъ. Кажется, я сорокъ лѣтъ уже это дѣлаю.

Яковъ (*приходитъ съ Библіей*).

Ульрихсъ (*быстро*). Большое спасибо! Пойду посмотрѣть, что на скотномъ дворѣ дѣлается.

Г-жа Доорнъ. А что на рѣкѣ слышно? Скоро начнется ледоходъ?

Ульрихсъ. Пока все еще снѣгъ да морозъ. А отъ этого вода только прибываетъ!

Г-жа Доорнъ. Въ этомъ году мнѣ чудится что-то недоброе. Съ каждымъ годомъ это становится ближе! А теперь оно уже совсѣмъ недалеко!

Ульрихсъ. Я всегда говорю, рѣкѣ нечего торопиться. Еще не мало можетъ пройти, пока она тронется! Но это не можетъ не быть, и чѣмъ дольше его ждешь, тѣмъ вѣрнѣе оно будетъ. Таково мое мнѣніе.

Г-жа Доорнъ. Кажется, строить должны? Хотятъ вѣдь регулировать рѣку и плотину исправить?

Ульрихсъ (*смѣется*). Регулировать рѣку? Чорта съ два она будетъ считаться съ тѣмъ, регулируютъ ли ее, или нѣтъ! Она дѣлаетъ, что хочетъ! Ба, да мнѣ это все равно! Не правда ли, Яковъ? Намъ это все равно! Такъ или иначе намъ нечего терять. (*Онъ беретъ свою шапку и уходитъ направо. Въ окно видно, какъ онъ идетъ по плотинѣ по направленію къ сторожевой будкѣ*).

Г-жа Доорнъ (*къ Якову*). Садись тамъ у стола и почитай мнѣ! (*Она указываетъ на круглый столъ и сама садится на скамью у печки*).

Яковъ. Что мнѣ читать?

Г-жа Доорнъ. Раскрой Старый Завѣтъ: Экклезіастъ, глава первая и вторая. Тамъ что-то подчеркнуто. Читай это.

Яковъ (*раскрываетъ книгу и читаетъ*). «Суета суетъ,—сказалъ проповѣдникъ:—суета суетъ, все суета. Что за выгода человѣку при всѣхъ трудахъ его, что трудится онъ подъ солнцемъ? Одно поколѣніе отходитъ, другое поколѣніе приходитъ, а земля во вѣки пребываетъ».

Г-жа Доорнъ (*повторяя*). Одно поколѣніе отходитъ, другое поколѣніе приходитъ, а земля во вѣки пребываетъ. (*Вдругъ вся съеживается*). Шш!

Яковъ (*тоже пораженный*). Что случилось? Къ чему вы прислушиваетесь?

Г-жа Доорнъ. Развѣ ты ничего не слышишь? Мнѣ все кажется, что кто-то идетъ!

Яковъ (*спустя мгновеніе*). Я ничего не слышу.

Г-жа Доорнъ (*бормочетъ*). Мнѣ все кажется, кто-то ѣдетъ сюда.

Яковъ (*читаетъ дальше*). «Всѣ слова слабы; не можетъ человѣкъ переговорить всего; не насытится глазъ зрѣніемъ; не наполнится ухо слушаніемъ. Что было, то и будетъ; и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться; и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ»...

Г-жа Доорнъ. И нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ. Замѣть себѣ это и сообразно этому поступай.

Яковъ (*задорно*). Что мнѣ до того, что тутъ написано! Это для старыхъ людей, не для меня.

Г-жа Доорнъ. Молчи и слушай, что я тебѣ говорю! Ты думаешь что съ тобой поступили особенно нехорошо? А я говорю тебѣ: то что съ тобой случилось, случается каждый день. Ты не первый, ты не послѣдній. Слушайся того, кто господинъ тебѣ!

Яковъ (*вспыливъ*). Кто мнѣ господинъ? Хотѣлъ бы я знать это!

Гжа Доорнъ. Петръ—твой господинъ! Такъ рѣшилъ это твой отецъ въ своемъ завѣщаніи, и такъ оно должно быть въ семьѣ, чтобы всѣ держались вмѣстѣ и слушались старшаго. Что станется съ имѣніемъ, если каждый сможетъ отрѣзать себѣ по куску и уйти, куда глаза глядятъ? (*Она останавливается и опять прислушивается*). Пст! Молчи!.. Сани! Совсѣмъ далеко!

Яковъ. У меня не такой тонкій слухъ, какъ у васъ.

Г-жа Доорнъ. Я могла бы слышать, какъ трава растетъ, если бы хотѣла. Я говорю тебѣ, къ намъ ѣдутъ сани.

Яковъ. Ну, да! Петръ и Рената. Кто другой? (*Слышенъ колокольчикъ*). Дѣйствительно, теперь уже слыхать!

Г-жа Доорнъ. Это наши сани?

Яковъ. Я вѣдь знаю нашъ колольчикъ. Теперь они заворачиваютъ съ поля на плотину... Вотъ они! (*Мимо окна налѣво проѣзжаютъ сани и останавливаются*).

Г-жа Доорнъ. Это Петръ и Рената? Видишь ты ихъ?

Яковъ (*всталъ и смотритъ въ окно налѣво*). Рената какъ разъ вылѣзаетъ изъ саней.

Г-жа Доорнъ. А Петръ?

Яковъ. Онъ тоже тутъ.

Г-жа Доорнъ (*складываетъ руки*). Благодареніе Господу (*Опять слышенъ колокольчикъ. Сани опять проѣзжаютъ мимо оконъ и исче-*

заютъ. Тишина. Затѣмъ открывается дверь налѣво, и со двора входятъ Рената, а за нею Петръ, оба въ шубахъ. Петръ — лѣтъ тридцати пяти, высокій и крѣпкій, съ жесткимъ выраженіемъ и рѣзкими чертами лица. Рената лѣтъ тридцати, но, несмотря на серьезное выраженіе лица, выглядитъ гораздо моложе).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Рената. Здравствуйте, бабушка!

Г-жа Доорнъ (*бормочетъ*). Здравствуй!

Рената (*снимая съ себя шубу*). Здравствуй, Яковъ!

Яковъ (*бросается быстро къ ней*). Здравствуй, Рената. Подожди, Рената. Подожди, я помогу тебѣ. (*Онъ помогаетъ ей раздѣваться*).

Рената. Спасибо. Уже.

Петръ (*снимая шубу, язвительно Якову*). Вѣжливъ, какъ оберъкельнеръ!

Яковъ *(вспыхнувъ)*. Развѣ я когда-нибудь тебѣ прислуживалъ?

Петръ *(бросаетъ ему свою шубу)*. На! Повѣсь ее! Покажи свое умѣнье!

Яковъ *(отступаетъ на шагъ назадъ, такъ что шуба падаетъ на полъ)*. Бацъ! Вотъ она лежитъ! *(Какъ будто бы зоветъ собаку)*. Каро! Апортъ!

Петръ *(повелительно)*. Поднять! *(Такъ какъ Яковъ не трогается)*. Поднять, говорю я тебѣ!

Яковъ. Тебѣ придется ждать! Нагнись-ка самъ! *(Онъ поворачивается къ нему спиной)*.

Петръ *(внѣ себя)*. Болванъ! Нахалъ! *(Онъ хочетъ броситься на него)*

Рената *(становится передъ нимъ)*. Прошу тебя, успокойся!

Петръ *(какъ бы укрощенный ея взглядомъ, но ворча)*. Понятно, этого надо было ожидать! *(Онъ отворачивается)*.

Рената *(спокойно)*. Конечно! (*Она нагибается, чтобы поднять шубу*).

Яковъ (*замѣтивъ это бросается къ ней*). Нѣтъ, не ты! Я! Я!

Рената Пусти, я ее повѣшу!.

Яковъ Нѣтъ! Нѣтъ! Ради тебя я это сдѣлаю! Только не для него! *Онъ поднимаетъ шубу, относитъ ее къ шкафу и вѣшаетъ ее тамъ*).

Петръ (*полуобернувшись у окна слѣва)*. Комедія!

Яковъ (*Ренатѣ, которая подошла со своими вещами*). Такъ! Теперь твои вещи!

Рената (*отдаетъ ему свои вещи*). Спасибо Яковъ!

Петръ. Можетъ быть, теперь, когда ты уже выполнилъ свои рыцарскія обязанности, ты сдѣлаешь мнѣ одолженіе и дашь себѣ трудъ отправиться на конюшню и посмотрѣть, выпрягъ ли Іобстъ лошадей и далъ ли онъ имъ кормъ? Напоить ихъ нужно только черезъ четверть часа! Маршъ!

Яковъ. Тебѣ нечего командовать. Я и самъ пойду. Мнѣ все-таки лучше на конюшнѣ со скотиной, чѣмъ дышать съ тобой однимъ воздухомъ въ комнатѣ! (*Онъ быстро уходитъ направо*).

ЯВЛЕНІЕ 4-ое.

(Тѣ же безъ Якова)·

Петръ Посмотри-ка! Этому молодчику слѣдовало бы намордникъ надѣть.

Г-жа Доорнъ. Наказаніе намъ съ этимъ мальчикомъ! Наказаніе!

Петръ. И что тутъ удивительнаго? Онъ видитъ, что у него есть защита.

Рената. Не забывай, что Якову семнадцать лѣтъ. Такъ не обращаются со взрослымъ человѣкомъ. И меньше всего со своимъ же собственнымъ братомъ.

Петръ (*сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, останавливается передъ ней*). Можетъ-быть ты предпишешь мнѣ, какъ обращаться съ этимъ болваномъ?

Рената (*смотритъ ему твердо въ глаза*). Да, я хочу это сдѣлать, Петръ.

Петръ (*наморщивъ лобъ*). Не позволяй себѣ слишкомъ много со мной!

Г-жа Доорнъ. Я всегда говорила, что Господь Богъ намъ этого мальчика послалъ въ наказаніе. Въ наказаніе за наши прегрѣшенія.

Петръ (*мрачно*). Пусть онъ бережется! (*Молчаніе*).

Г-жа Доорнъ (*Петру*). Хорошую ли проповѣдь произнесъ сегодня пасторъ?

Петръ. Не знаю. Я его не слушалъ.

Г-жа Доорнъ. На какую тему была проповѣдь?

Рената (*послѣ нѣкотораго молчанія*). Объ избіеніи дѣтей въ Виѳлеемѣ.

Г-жа Доорнъ. И о чемъ только они теперь не говорятъ проповѣдей!

Петръ. Да! Какъ будто и безъ нихъ мало несчастій на этомъ свѣтѣ! И проповѣдь тоже должна намъ о нихъ напоминать!

Рената. Проповѣдь была очень хороша. Я вспоминала о нашихъ маленькихъ дѣтяхъ, что лежатъ тамъ на кладбищѣ.

Петръ (*мрачно*). А когда ты не думаешь о нихъ?

Рената. Да! Бѣдныя, маленькія дѣти! И почему они должны были погибнуть!

Патръ. Почему ты меня спрашиваешь? Развѣ я всевѣдущъ?

Рената. Ты знаешь это, Петръ! Ты знаешь это такъ же хорошо, какъ и я.

Петръ (*жестко*). Ничего я не знаю. Я ни во что не вѣрю. Я стою на своемъ посту и держусь. До послѣдней капли крови стоять буду. И если мнѣ придется погибнуть, я погибну. Но пока я ни одной пяди не уступлю изъ того, что мнѣ принадлежитъ. Замѣть себѣ это!

Рената. Я, вѣдь, знаю тебя. Я знаю, что ты, какъ кремень. Но и ты знаешь меня.

Петръ. Да, тебя я успѣлъ узнать!

Рената. Я могу быть такъ же тверда, какъ и ты. Мои мертвыя дѣти стоятъ рядомъ со мною. Они защищаютъ меня отъ тебя. (*Она быстро уходитъ въ среднюю дверь направо*).

ЯВЛЕНІЕ 5-ое.

(Тѣ же безъ Ренаты).

Г-жа Доорнъ (*смотря ей вслѣдъ*). Пусть бы она мертвыхъ въ покоѣ оставила! Тѣ уже давно успокоились. Господь Богъ нашъ отнялъ у васъ дѣтей. Господь Богъ можетъ вамъ опять послать ихъ.

Петръ. Нѣтъ, этого онъ не можетъ, пока между нами будутъ продолжаться тѣ отношенія, въ которыхъ мы уже давно находимся.

Г-жа Доорнъ. Она все еще съ тобой, какъ прежде?

Петръ. Все еще! Съ того самаго дня! Ничего не перемѣнилось!

Г-жа Доорнъ. Я всегда тебя считала человѣкомъ, который умѣетъ добиться своего. Теперь я вижу, что ошиблась.

Петръ. Съ нею я не могу справиться. Я безсиленъ противъ нея.

Г-жа Доорнъ. Такой человѣкъ, какъ ты, могъ бы, однако, справиться съ слабой женщиной?..

Петръ. Могу ли я ее заставить?

Г-жа Доорнъ. Она жена твоя. Она въ твоей власти. Ты имѣешь надъ ней права. Ты можешь дѣлать, что угодно.

Петръ. Я не могу этого. Она слишкомъ много знаетъ. Въ этомъ все несчастье.

Г-жа Доорнъ (*раздражительно*). Не стоитъ ли кто за дверьми?

Петръ (*отворяетъ дверь съ правой стороны и опять ее запираетъ*). Никого нѣтъ!

Г-жа Доорнъ (*встаетъ и убѣдившись, что никто не подслушиваетъ у среднихъ дверей съ правой стороны, опять садится*). Всегда лучше, если знаешь это навѣрное!

Петръ (*опять задумавшись*). Она слишкомъ много знаетъ! Да! Если бы не это!

Г-жа Доорнъ. Почему же ты былъ такъ глупъ и выболталъ ей то, что кромѣ насъ двоихъ никто не долженъ былъ знать?

Петръ (*въ мрачномъ раздумьѣ*). Почему я сдѣлалъ это? Теперь я тоже спрашиваю себя объ этомъ! Но въ тотъ день, когда моихъ дѣтей вытащили изъ Вислы и мертвыхъ внесли въ домъ, въ этотъ несчастный день я не могъ иначе поступить! Я долженъ былъ ей тогда сказать это! Долженъ былъ! Иначе это задушило бы меня,—такъ я думалъ. Всего только за полчаса передъ тѣмъ они еще играли на плотинѣ. Богъ знаетъ, какъ ихъ унесло въ воду! Что это была за сила! Точно рѣка сама протянула за ними свою руку! Какъ будто она хотѣла крикнуть мнѣ: «Око за око, зубъ за зубъ!» (*Онъ останавливается и проводитъ рукой по лбу*).

Г-жа Доорнъ. Ты пришелъ бы лучше ко мнѣ и облегчилъ бы свое сердце.

Петръ (*въ затрудненіи*). Чѣмъ могли вы мнѣ помочь, бабушка? Развѣ у васъ совѣсть была чище?

Г-жа Доорнъ (*осматривается боязливо кругомъ*). Глупыя рѣчи! Какъ будто я виновата!

Петръ (*обрывая ее*). Ну, ладно!

Г-жа Доорнъ (*какъ прежде*). Радуйся лучше, что ты сохранилъ цѣликомъ свое прекрасное имѣніе! Что тебѣ не пришлось его дѣлить. Что было бы, если бы ты долженъ былъ Якову отдать домъ Ульрихсовъ, а Генриху выплатить его долю наличными? Наличными деньгами въ такое плохое время? Что было бы тогда?

Петръ. Да, я не вынесъ бы этого. Съ такимъ завѣщаніемъ я былъ бы окончательно разоренъ!

Г-жа Доорнъ (*молчитъ и, приставивъ руку къ уху, прислушивается, вдругъ вздрагиваетъ*). Тише! Тише! Ты ничего не слышишь?

Петръ (*прислушивается*). Нѣтъ! Ни звука не слышно!

Г-жа Доорнъ (*съ ужасомъ*). Къ намъ ѣдетъ кто-то, говорю я тебѣ!

Петръ (*занятый своими мыслями*) Когда подумаешь только—дѣтей нѣтъ! Наслѣдниковъ нѣтъ! Для кого же я надрываюсь? Для кого я работаю? . . . Странно складываются иногда обстоятельства!

Г-жа Доорнъ (*встаетъ*). Уходи лучше! Ты не мужчина! Я уйду наверхъ къ себѣ, въ свою комнату! Я не хочу ничего ни видѣть, ни слышать. Если возможны такія вещи, я не гожусь болѣе для этого свѣта. (*Она беретъ свою библію и медленно направляется къ лѣстницѣ направо*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

(Тѣ же и Рената).

Рената (*опять входитъ въ ту же дверь, въ которую она вышла*). Черезъ полчаса будетъ обѣдъ, бабушка. Хотите ли вы у себя обѣдать, или спуститесь внизъ?

Г-жа Доорнъ. Я уже больше не сойду внизъ, я ничего больше не желаю! Должно быть, наступило другое время, совсѣмъ не похожее на то, когда я была молода. Я бы никогда не повѣрила, что мужчина не есть мужчина! Что возможно хоть что нибудь подобное!

Рената (*приближается къ ней*). Что вамъ нужно? кто васъ обидѣлъ?

Г-жа Доорнъ (*смѣривъ ее враждебнымъ взглядомъ*). Кто меня обидѣлъ? (*Она смѣется злобнымъ отрывистымъ смѣхомъ*). Глупые вопросы! Не гожусь я больше для новомодныхъ людей, какъ вы. Я сдѣлаю то же, что и старый барсукъ. Зароюсь въ свою нору и ужъ больше не покажусь на свѣтъ Божій. *(Она поворачивается къ ней спиной и уходитъ къ себѣ наверхъ).*

Рената *(смотритъ ей вслѣдъ, затѣмъ молча направляется къ своему рабочему столику у окна слѣва).*

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

(Тѣ же безъ госпожи Доорнъ).

Петръ *(отходитъ отъ окна, откуда онъ наблюдалъ предыдущую сцену, и направляется къ Ренатѣ, какъ бы принявъ твердое рѣшеніе).* Рената, слышала ли ты, что сказала бабушка?

Рената. Да.

Петръ *(съ едва сдерживаемымъ возбужденіемъ).* Рената, я достаточно наказанъ. Пойми же это!

Рената. Пойми и ты другихъ!

Петръ. Развѣ я могу вернуть жизнь нашимъ дѣтямъ?

Рената. Нѣтъ! Этого нѣтъ! Этого нельзя вернуть! Но твое . . .

Петръ *(внѣ себя, бросаясь къ ней).* Рената?!

Рената *(смотритъ на него спокойно).* Ну?

Петръ *(овладѣваетъ собой).* Поди уже лучше прямо въ судъ и донеси на меня!

Рената. Вѣдь я твоя жена!

Петръ. Развѣ это такъ? . . . Я думалъ, что ты уже забыла это?

Рената *(твердо).* Я была когда-то твоей женой и ношу твое имя.

Петръ *(ядовито).* Вотъ какъ! Она не хочетъ, чтобы пачкали ея имя. И она еще говорила когда-то о своей любви!

Рената. Я ношу твое имя и потому молчу, какъ молчала всѣ эти годы. И чего мнѣ все это стоило, знаю только я одна.

Патръ *(внѣ себя).* Лицемѣріе! Низкое пошлое лицемѣріе! Ты только потому держала языкъ за зубами, что тебѣ это выгодно было. Потому что жила на мои такъ называемые... *(Онъ останавливается и, такъ какъ она молчитъ, продолжаетъ).* Ну скажи же! Скажи же! Назови это настоящимъ именемъ! Потому что и ты тоже *пользовалась* этимъ! Ты корчила изъ себя добродѣтельную, недоступную женщину и при этомъ очень недурно жила на мой счетъ!

Рената *(вспыхнувъ, но сдерживая себя).* Ты... ты... Лжешь ты! Какъ я тебя умоляла! Годами умоляла! Какъ я тебя упрашивала исправить твою несправедливость!.. Я на колѣняхъ лежала предъ тобой! И теперь!.. теперь..? *(Она ломаетъ въ отчаяніи руки).*

Петръ *(стоитъ предъ ней наружно спокойный).* Рената, выслушай меня!

Рената *(не слушая его).* Какую жизнь вела я съ того самаго дня!

Позволяла ли я себѣ что-нибудь лишнее въ теченіе этихъ годовъ Приняла ли я отъ тебя хоть одинъ грошъ? Я сама платила за все, что мнѣ нужно было! Ничего у меня не было съ тобой общаго! И ты еще упрекаешь меня, что я пользовалась твоими преступными деньгами?!. Ты упрекаешь меня въ этомъ?.. *Ты меня?..* (*Она хочетъ уйти*).

Петръ (*заступая ей дорогу*). Рената, ты должна меня выслушать

Рената. Пусти меня.

Петръ (*рѣшительно*). Не раньше, чѣмъ ты меня выслушаешь!

Рената. Хорошо, я слушаю... Я должна это, конечно, сдѣлать (*стоитъ у средняго стола, скрестивъ на груди руки*).

Петръ. Рената, я не могъ поступить иначе, чѣмъ я поступилъ.

Рената. Такъ говоритъ каждый преступникъ!

Петръ (*дрожа отъ гнѣва*). Рената, не говори такимъ образомъ! Мнѣ хотѣлось бы иногда не сознавать, что я дѣлаю!

Рената Тѣмъ лучше... Тѣмъ лучше...

Петръ (*все еще сдерживаясь*). Рената, ты знаешь, въ какомъ положеніи были наши дѣла послѣ смерти отца. Долгая болѣзнь отца! Кирпичный заводъ началъ строиться! На шеѣ масса долговъ! Къ тому же плохія времена! Мы всѣ вмѣстѣ были бы разорены, если бы все устроилось согласно послѣдней волѣ моего отца!

Рената. Но почему его послѣдняя воля была такова?

Петръ. Потому что онъ былъ не въ полномъ умѣ! Потому что въ своемъ лихорадочномъ бреду онъ не могъ разсчитать, къ чему все это привело бы! Къ разоренію! Къ банкротству! Къ гибели всего, что держалось уже сотни лѣтъ! Я, какъ старшій, несъ за все отвѣтственность. Я былъ капитаномъ, который долженъ былъ за все отвѣчать. Безъ меня судно давно бы уже погибло въ потокѣ, и всѣ, кто былъ бы на немъ, вмѣстѣ съ нимъ! Ты также!

Рената (*мрачно*). А все, что ты выбросилъ за бортъ, все, чѣмъ ты заплатилъ, чтобы потокъ тебя освободилъ, — всего этого ты не считаешь?

Петръ. Я улучшилъ наше имѣніе! Я пустилъ въ ходъ кирпичный заводъ! Я выплатилъ всѣ долги! Сотни и сотни моргеновъ песку изъ ульрихсовскаго участка, которые съ 1833 г. лежали необработанными, я опять обработалъ и сдѣлалъ ихъ плодородными! Какихъ денегъ все это стоило! Кто бы другой справился со всѣмъ этимъ? А я добился своего! Я создалъ пшеничныя поля тамъ, гдѣ мой отецъ ходилъ по колѣна въ песку! Это мое дѣло! Я думаю, государство и правительство могутъ быть мною довольны (*Онъ говоритъ страстно, но сдержанно; вытираетъ потъ со лба*).

Рената. Теперь ты красно говоришь! Но вспомни тотъ часъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, когда ты узналъ о постигшемъ тебя Божьемъ наказаніи. Вспомни о тѣхъ двухъ трупикахъ, предъ которыми ты самъ себя обвинилъ сильнѣе, чѣмъ могъ тебя обвинить кто-нибудь другой.

Петръ Я потерялъ тогда разсудокъ! Меня тогда несчастье съ ума свело! Пора, наконецъ, похоронить это и забыть!

Рената (*страстно*). Мнѣ забыть, что мои дѣти погибли?

Петръ (*съ трудомъ сдерживаясь*). Рената, не доводи меня до крайности! Я несчастный человѣкъ! Слишкомъ дорого заплатилъ я за все! Теперь довольно! Начнемъ новую жизнь!

Рената (*съ широко раскрытыми глазами, точно передъ ней призракъ*). Новую жизнь, мы съ тобой?! Чтобы опять повторилось все то же?!. И чтобы они опять тутъ лежали?!

Петръ (*въ порывѣ дикой страсти*) Рената?!.. (*Хочетъ ее обнять*).

Рената (*отталкиваетъ его съ крикомъ*). Не прикасайся ко мнѣ! Ты заклейменъ!..

Петръ (*отступаетъ назадъ*) Ахъ ты... ты... (*На дворѣ слышенъ звонъ колокольчика, но обѣ они не обращаютъ на него вниманія*).

Рената Не прикасайся ко мнѣ!

Петръ. Ты еще будешь раскаиваться! Ты еще не знаешь меня! Но ты меня узнаешь! Меня и мою власть!

Рената. И твоя власть также имѣетъ предѣлы! Я нахожусь подъ защитой Бога (*Она поворачивается, чтобы уйти направо. Въ это время двери раскрываются настежь*).

ЯВЛЕНІЕ 8-ое.

(Тѣ же и Яковъ).

Яковъ (*врывается, почти задыхаясь*). Знаете ли вы, кто тамъ?. Братъ Генрихъ тамъ! Пріѣхалъ братъ Генрихъ!

Петръ (*быстро поворачивается*). Кто пріѣхалъ? Чортъ подери!

Яковъ. Братъ Генрихъ тутъ. Братъ Генрихъ! Онъ пріѣхалъ на саняхъ съ вокзала. (*Въ раскрытыя двери входитъ Генрихъ подъ руку съ Ульрихсомъ*).

ЯВЛЕНІЕ 9-ое.

(Тѣ же. Генрихъ и Ульрихсъ).

Ульрихсъ (*говоритъ горячо*). Возможно ли это? Голубчикъ! Ты думаешь, что онъ тамъ гдѣ-то далеко на Рейнѣ торчитъ, а онъ вдругъ тутъ.

Генрихъ. Да, да! Только что вывезенъ изъ Дюссельдорфа. Восемь дней назадъ никто объ этомъ и не думалъ. Я меньше всѣхъ.

Ульрихсъ. И ты переведенъ сюда, какъ настоящій инженеръ?

Генрихъ. Какъ настоящій инженеръ.

Ульрихсъ. Откуда ты сани досталъ?

Генрихъ. Я взялъ ихъ на станціи... Ба, вспомнилъ! Надо кучеру заплатить, дядя, а?

Ульрихсъ. Сейчасъ будетъ исполнено. (*Уходя*). Кто бы могъ думать? Такая исторія! (*Исчезаетъ, качая головой*).

ЯВЛЕНІЕ 10-ое.

(Тѣ же, безъ Ульрихса).

Генрихъ (*запираетъ дверь, идетъ къ Петру и протягиваетъ ему руку*). Здравствуй, Петръ!.. Ты удивленъ?

Петръ (*успѣвшій овладѣть собой, протягиваетъ ему механически руку*). Да! Ты умѣешь устраивать сюрпризы. Въ этомъ тебѣ нельзя отказать.

Генрихъ. Спроси объ этомъ у министра, который меня вдругъ сюда перевелъ. Въ прошлый вторникъ я получилъ свое назначеніе на Вислу, въ четвергъ вечеромъ я уже сидѣлъ въ вагонѣ. И сегодня я уже на мѣстѣ Ты видишь, что бюрократія не всегда идетъ черепашьимъ шагами. Иногда и она дѣйствуетъ на курьерскихъ.

Петръ. Да, какъ видно.

Генрихъ. Такая большая рѣка, точно важный баринъ. Разъ онъ зоветъ, нужно сейчасъ же броситься къ нему. Онъ не ждетъ.

Петръ. А что ты будешь тутъ дѣлать? Не хотятъ ли и у насъ регулировать рѣку?

Генрихъ. Именно это. Завтра начинаются измѣренія. И потому я тутъ.

Петръ. Вы, бюрократы, сами не знаете, чего хотите. Сегодня одно, завтра другое.

Генрихъ. Но я-то знаю, чего хочу. Будь въ этомъ увѣренъ. Это не первая рѣка, съ которой мнѣ приходится имѣть дѣло. Моимъ учителемъ была сама Миссисиппи.

Петръ. Во всякомъ случаѣ тебя можно поздравить. Ты быстро сдѣлалъ карьеру.

Генрихъ. Я принималъ участіе въ большихъ работахъ по регулированію Рейна. Мнѣ тогда повезло... Но прежде я еще долженъ засвидѣтельствовать мое почтеніе хозяйкѣ дома. (*Подходитъ къ Ренатѣ*). Здравствуй, Рената!

Рената (*протягиваетъ ему руку*). Здравствуй, Генрихъ!

Генрихъ (*улыбаясь*). Ты, вѣроятно, едва меня узнала?

Рената (*слабо улыбаясь*). У меня все-таки не такая короткая память.

Генрихъ. Какъ-никакъ, но двѣнадцать лѣтъ не шутка. Они могутъ сильно измѣнить человѣка. Особенно три года въ Америкѣ. Всяко бывало! Да!

Рената. И несмотря на это, ты мало измѣнился съ того времени, когда былъ студентомъ.

Генрихъ. И ты тоже съ того времени, когда была невѣстой.

Рената. Ты находишь это?

Генрихъ. Ты была уже невѣстой, когда мы видѣлись въ послѣдній разъ.

Петръ. Ты уѣхалъ какъ разъ въ день нашего обрученія.

Генрихъ (*небрежно*). Такъ? Возможно.

Петръ. Да, такія вещи забываются.

Генрихъ (*обращается къ Якову*). Ну, а ты, Яковъ? Какимъ бравымъ молодцомъ сталъ ты, однако! Тебя я никогда не узналъ бы.

Яковъ (*молчитъ*).

(*Короткая пауза*).

Рената. Не хочешь ли ты раздѣться, Генрихъ?

Генрихъ. Клянусь Богомъ, объ этомъ я и забылъ на радостяхъ. Но можно ли мнѣ? Позволите ли вы это?

Петръ. Оставь, пожалуйста, эти фразы.

Рената. Ты всегда для насъ дорогой гость, Генрихъ.

Генрихъ. Мнѣ стыдно предъ вами. Я пріѣхалъ сюда съ нечистой совѣстью. (*Онъ раздѣвается*).

Рената. Съ нечистой совѣстью? Ты?

Генрихъ. Да я, вѣдь, всѣ эти двѣнадцать лѣтъ ни разу не написалъ вамъ, ни разу не поинтересовался вашей жизнью.

Петръ (*холодно*). Въ такихъ дѣлахъ каждый долженъ самъ съ собой считаться.

Генрихъ. У меня были вполнѣ достаточныя основанія. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось. Конечно, это было глупо и мелочно съ моей стороны. Я уже давно понялъ это. Но, какъ часто случается въ жизни, свою ошибку не удается исправить. Теперь я могу это сдѣлать. Сама судьба даетъ мнѣ указаніе. Я могу сказать тебѣ это, Петръ. Я долженъ у тебя просить прощенія.

Петръ. Ты у меня? За что?

Генрихъ. Ты поймешь меня!

Петръ. Еслибъ я только зналъ, въ чемъ дѣло?

Генрихъ. Развѣ я тебѣ долженъ еще объяснять? Это вышло изъ-за наслѣдства, изъ-за завѣщанія.

Петръ. Вотъ какъ!

Генрихъ. Ты знаешь, я былъ въ Америкѣ, когда умеръ нашъ отецъ и пришло извѣстіе, что мы, младшіе братья, лишены наслѣдства. Въ сущности это было мнѣ безразлично Я отчасти уже былъ вознагражденъ тѣмъ, что получилъ образованіе. Но все же... можетъ быть, это зависѣло отъ тамошней атмосферы... Она дѣлаетъ иногда человѣка жесткимъ и недовѣрчивымъ... И съ моей стороны было глупо и мелочно, что я взвалилъ на тебя всю вину. Какъ будто отецъ не поступалъ по своей волѣ! Теперь я самъ себя въ этомъ упрекаю. Говоря короче, я стыжусь теперь, что такъ долго разыгрывалъ роль обиженнаго. Дай мнѣ твою руку и прости меня. (*Хочетъ протянуть ему руку*).

Рената (*которая слушала съ увеличивающимся волненіемъ, тихо вскрикиваетъ*). Боже мой! (*Хватается за сердце, шатается*).

Яковъ (*не спускавшій съ нея глазъ, бросается къ ней*). Рената, что съ тобой? Ты... ты... ты падаешь! Рената... милая Рената!

Генрихъ (*тоже бросается къ ней*). Ради Бога! Что случилось?

Яковъ (*отталкиваетъ Генриха*). Я! Я!

Рената (*оправляется*). Ничего! Оставьте меня только! (*Она освобождается отъ Якова*).

Генрихъ. Дать тебѣ стаканъ воды?

Рената. Нѣтъ. Нѣтъ... Это только такъ, это сейчасъ пройдетъ.

Петръ (*наблюдавшій эту сцену, стоя у стола, рѣзко*). Когда тебѣ станетъ лучше, ты, можетъ быть, будешь добра и позаботишся объ обѣдѣ. Мы всѣ голодны.

Рената. Да, да, я иду уже. (*Она быстро уходитъ направо въ заднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ 11-ое.

(Тѣ же безъ Ренаты).

Генрихъ (*смотритъ ей вслѣдъ, качая головой*). Развѣ тебя не безпокоитъ это? Часто ли это съ ней бываетъ?

Петръ (*мрачно*). Бабьи капризы! Дурачества! Противъ этого ничего не подѣлаешь! (*Онъ идетъ къ средней двери направо, но еще разъ оборачивается*). Извини! (*Онъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 12-ое.

(Тѣ же безъ Петра).

Генрихъ (*послѣ короткой паузы оборачивается, качая головой, къ Якову, который остался стоять у стола, наполовину повернувшись спиной къ Генриху*). Что тутъ происходитъ, Яковъ?

Яковъ (*строптиво*). А я откуда знаю?

Генрихъ (*дѣлаетъ къ нему шагъ*). Я спрашиваю тебя, что тутъ происходитъ?

Яковъ. А тебѣ что за дѣло? Двѣнадцать лѣтъ ты даже не спрашивалъ о насъ! А теперь ты хочешь сразу получить отвѣтъ? Я не отвѣчу тебѣ!

Генрихъ. Даже въ томъ случаѣ, если я тебя объ этомъ попрошу, Яковъ?

Яковъ. Ты пріѣхалъ и думаешъ, что тебѣ стоитъ только протянуть палецъ и всѣ бросятся къ тебѣ на шею? Но только не я. Тебѣ этого долго придется ждать!

Генрихъ. Что сталось съ нашимъ маленькимъ Яковомъ?

Яковъ. Тебѣ легко корчить изъ себя важнаго барина! Ты хоть что-нибудь получилъ изъ своего наслѣдства. Ты самъ говоришь, что могъ учиться. А я долженъ былъ ходить въ деревенскую школу. И никто даже пальцемъ о палецъ не ударилъ!

Генрихъ. Ты правъ, Яковъ. Я долженъ былъ о тебѣ позаботиться. Но пойми же, у меня самого было не мало хлопотъ. Мнѣ тоже не такъ легко пришлось, какъ ты думаешъ. Итакъ, дай мнѣ руку! Мы, вѣдь, братья. Мы, вѣдь, теперь въ отцовскомъ домѣ! (*Онъ протягиваетъ ему руку*).

Яковъ. Я не знаю никакого брата! Я не знаю отцовскаго дома! (*Онъ разражается страстными рыданіями*).

Генрихъ (*кладетъ ему руку на плечо*). Но Яковъ! Яковъ! Что съ тобой?

Яковъ (*рыдаетъ*). Я ничего не имѣю. И я самъ ничто. Оставь меня въ покоѣ. (*Онъ быстро уходитъ налѣво*).

(*Генрихъ остается въ глубокомъ раздумьѣ*).

(Занавѣсъ).

АКТЪ ВТОРОЙ.

Обстановка перваго дѣйствія. Между первымъ и вторымъ актомъ проходитъ около десяти дней. Послѣ обѣда. Вокругъ дома завываетъ вѣтеръ. Заходящее солнце то появляется изъ-за облаковъ, то опять скрывается за ними Къ концу акта начинаетъ смеркаться. Рената сидитъ на авансценѣ справа, у рабочаго столика, занятая работой. Яковъ стоитъ передъ ней, повернувшись спиной къ дубовому столу.

ЯВЛЕНІЕ 1-ое.

Яковъ. Она меня выгнала. Она говоритъ, что никого не хочетъ видѣть.

Рената (*оставивъ работу, въ раздумьѣ*). Это продолжается уже цѣлую недѣлю.

Яковъ. Съ того времени, какъ Генрихъ тутъ. Съ воскресенья она ни разу не сошла внизъ.

Рената. Да, съ того самаго дня.

Яковъ. Вообще все перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ тутъ.

Рената (*молчитъ*).

Яковъ. Ты тоже другая стала, чѣмъ раньше. Совсѣмъ, совсѣмъ другая.

Рената (*въ затрудненіи*). Какъ это такъ?

Яковъ. Прежде ты всегда меня просила, чтобы я тебѣ читалъ вслухъ! Это были лучшіе часы! Лучшіе часы...

Рената. Все будетъ опять по старому, Яковъ, обѣщаю тебѣ это. Только не теперь! Не теперь!

Яковъ (*страстно*). Когда же? Это я и говорю! Никогда уже больше не будетъ такъ, какъ было. Такъ хорошо уже никогда не будетъ. Никогда, никогда больше... Мнѣ плакать хотѣлось бы! Убить хотѣлось бы мнѣ!

Рената (*въ ужасѣ*). Яковъ! Яковъ!.. (*Она отворачивается*) Нѣтъ! Что вы за люди!

Яковъ (*внезапно бросается къ ней, хватаетъ ея руки, со слезами на глазахъ*). Неужели я такой плохой человѣкъ, Рената? Скажи мнѣ только! Скажи мнѣ только!

Рената. Ты вовсе не плохой человѣкъ, Яковъ. Но ты долженъ владѣть собою.

Яковъ. Но если я не въ состояніи?.. Если я не могу?

Рената. Вамъ, мужчинамъ, легко это сказать! Вспомни насъ, женщинъ! Съ дѣтства намъ проповѣдуютъ: сдерживай себя! Откажись отъ этого, откажись отъ того! Терпи то, чего нельзя вытерпѣть!.. А вы? вы?

Яковъ (*задумавшись о чемъ-то другомъ*). Я говорю тебѣ, Рената, когда они всѣ будутъ бросать въ меня каменьями, ты должна за меня заступиться. Обѣщаешь ты мнѣ это? Когда меня не станетъ?

Рената (*слабо улыбаясь*). О Яковъ, Яковъ! Иногда сама не знаешь, смѣяться ли надъ тобой или плакать.

(Дверь слѣва отворяется, входятъ Петръ и Генрихъ. Оба въ платьяхъ для верховой ѣзды и длинныхъ сапогахъ, съ мѣховыми фуражками. Въ раскрытую дверь врывается шумъ все усиливающейся бури).

ЯВЛЕНІЕ 2-ое

(Тѣ же, Петръ и Генрихъ).

Генрихъ (*снимая фуражку и поправляя свою одежду*). Здравствуй, Рената! Слышишь, какъ завываетъ буря?

Рената. Я люблю, когда такъ воетъ и шумитъ. Такъ и кажется, что что нибудь должно перемѣниться на этомъ свѣтѣ.

Петръ (*бросаетъ свою фуражку на столъ*). Нелѣпость! Міръ всегда останется одинаковымъ. Дуракъ тотъ, кто надѣется на лучшее!

Генрихъ (*весело*). Ого! Развѣ этотъ бурный вѣтеръ не приноситъ намъ весну? Ее-то ты, вѣдь, признаешь?

Петръ. Весна или осень, лѣто или зима— я не вижу никакой разницы! Я вижу только вѣчно одно и то же, изъ года въ годъ, пока не ляжешь въ гробъ. Тогда достигъ того, что нужно.

Генрихъ (*качаетъ головой*). Я знаю, ты всегда былъ пессимистомъ. Но такимъ, какимъ ты *теперь* сталъ.... Нѣтъ, этого нельзя было ожидать. Когда-то ты былъ очень усерднымъ и ловкимъ танцоромъ.

Петръ. Я, кажется, уже съ самой своей свадьбы не танцовалъ.

Генрихъ. Тебѣ бы слѣдовало больше встрѣчаться съ людьми, Петръ. У тебя угрюмый характеръ.

Петръ. Поживи въ этой пустынѣ, такъ сказать, на аванпостѣ! Веди эту борьбу, которую я велъ и которую я все еще веду!

Рената. Для тебя получены телеграммы, Петръ. Кажется, телеграммы о состояніи рѣки.

Петръ. Ты могла бы это раньше сказать. Гдѣ же онѣ?

Рената. Тамъ на подоконникѣ. Ихъ только что принесъ Ульрихсъ.

Генрихъ. Бьюсь объ закладъ, что рѣка уже тронулась.

Петръ (*подходитъ къ окну, беретъ телеграммы, пробѣгаетъ ихъ*). Не легко придется намъ въ эту ночь!

Генрихъ (*подходя къ нему*). Покажи-ка! (*Онъ также просматриваетъ телеграммы*). Сообщеніе черезъ Вислу уже прервано! Вода уже стоитъ высоко и начался ледоходъ. Такъ, такъ! А вотъ телеграмма съ верховьевъ. (*Читаетъ*) «Рѣка только что тронулась, вода быстро поднимается, при южномъ вѣтрѣ». Когда она подана? Полтора часа тому назадъ... Очевидно, у насъ это начнется еще до вечера.

Петръ. Яковъ!

Яковъ (*который отошелъ въ сторону, какъ бы совершенно не интересуясь разговоромъ, оборачивается наполовину*) Въ чемъ дѣло?

Петръ. Пойди сейчасъ же въ сторожку и телефонируй въ Эшенкругъ, чтобы были вызваны всѣ сторожевые посты до самаго Зандкруга. Держать наготовѣ людей и лошадей! Рѣка трогается... Понялъ?

Яковъ. Рѣка трогается, да... Больше ничего?

Петръ. Я уже обо всемъ распорядился! И... вѣрно! Да! если что-нибудь случится, пусть меня позовутъ. Иди!

Яковъ. Хорошо, хорошо! (*Онъ выходитъ налѣво въ главную дверь*)

Петръ (*кричитъ ему вслѣдъ*). Возвращайся сейчасъ же назадъ. Ты можетъ быть, понадобишься...

Яковъ (*молча выходитъ. Видно, какъ онъ уходитъ по плотинѣ налѣво къ сторожкѣ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

(Тѣ же, безъ Якова).

Генрихъ. Я очень радъ, что увижу, наконецъ, настоящій родно, ледоходъ. При этомъ случаѣ многому можно будетъ научиться. Я вѣдь, порядкомъ забылъ здѣшнія условія.

Петръ. И вотъ, теперь ты являешься къ намъ на востокъ съ опытомъ, почерпнутымъ въ Рейнской провинціи, и хочешь просвѣтить насъ, бѣдныхъ пруссаковъ.

Генрихъ. Во всякомъ случаѣ, я сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ. Это мой долгъ.

Рената (*подымаетъ голову отъ своей работы, которой она молча занималась*). Какъ идутъ твои измѣренія, Генрихъ? Доволенъ ли ты своими людьми?

Генрихъ. Превосходно! Все это опытные служащіе. Мы быстро подвигаемся впередъ. Вотъ, посмотри чертежи! (*Онъ вынимаетъ большой свертокъ чертежей и развертываетъ передъ ней*).

Рената (*разсматриваетъ ихъ внимательно*). Если я не ошибаюсь, линія проходитъ здѣсь передъ самымъ нашимъ домомъ, гдѣ плотина дѣлаетъ наибольшій выгибъ, на голомъ колѣнѣ, какъ его тутъ называютъ.

Генрихъ. Совершенно вѣрно! На голомъ колѣнѣ!.. А знаешь ли ты, Петръ, что самое скверное мѣсто всего нижняго теченія находится какъ разъ передъ твоимъ домомъ? Что плотина нигдѣ не подвергается опасности въ такой степени, какъ здѣсь, на голомъ колѣнѣ? Знаешь ли ты все это?

Петръ. Если ты думаешь меня этимъ напугать, то ты ошибаешься. И я повторяю тебѣ въ десятый разъ, все ваше регулированіе вы смѣло могли бы оставить при себѣ. Я не придаю ему большого значенія. Я полагаюсь на наши крѣпкія руки, и больше ни на что!

Генрихъ. Ты думаешь: послѣ тебя хоть потопъ.

Петръ. Та-та-та! Я просто думаю, разъ плотина выдержала до сихъ поръ, она выдержитъ и дальше.

Генрихъ. Сколько же еще?.. А наши дѣти? Наше потомство?

Петръ. Дѣтей у меня нѣтъ. А до потомства какое мнѣ дѣло?

Рената (*разсматривавшая все время чертежи*). Возьми, Генрихъ! Благодарю тебя (*даетъ ему чертежи*). Если у тебя какъ-нибудь найдется свободное время, ты долженъ будешь кое-что мнѣ болѣе подробно объяснить.

Петръ. Что ты смыслишь въ этомъ? Хотѣлъ бы я знать! Что можетъ тебя тамъ интересовать!

Генрихъ (*съ порывомъ*). О, я это вполнѣ понимаю! Рената истая дочь своего отца. Правда, Рената, вѣдь твой отецъ всегда интересовался постройкой плотинъ и подобными вещами?

Рената (*нѣсколько разстроганная*). Ты помнишь еще это, Генрихъ?

Генрихъ. Даже очень хорошо.

Рената. Да, я научилась обращаться съ циркулемъ и чертежной доской. Это былъ любимый конекъ отца. Особенно, когда онъ продалъ землю и жилъ въ городѣ. Я ему часто помогала дѣлать модели плотинъ.

Генрихъ (*раскладываетъ чертежи на среднемъ столѣ, стоитъ около нихъ въ сильномъ возбужденіи*). Ты поймешь теперь, Рената, мое настроеніе съ тѣхъ поръ, какъ я принялъ на себя эту работу. Представь себѣ: новое русло для рѣки! Новую плотину! И ее построить долженъ я! Сама судьба выбрала меня для этого! Пройдутъ цѣлыя поколѣнія, пока снова представится инженеру такая задача.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

(Тѣ же и Анна).

Анна (*входитъ справа по лѣстницѣ останавливается*). Можетъ быть, барыня поднимется наверхъ на минуту?

Рената (*смотря на нее*). Что случилось?

Анна. Старая барыня наверху опять что-то неспокойна. Она такъ много говоритъ съ собою, что ничего нельзя понять. Просто страшно становится.

Рената. Я сейчасъ приду, иди.

Анна (*уходитъ наверхъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

(Тѣ же безъ Анны).

Рената. Извини, Генрихъ.

Генрихъ. Пожалуйста, безъ извиненій!

Рената (*уходитъ также направо по лѣстницѣ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

(Тѣ же безъ Ренаты).

Генрихъ (*къ Петру*). Что такое собственно съ бабушкой? Что у нея за удивительные припадки?

Петръ. Она впадаетъ во второе дѣтство.

Генрихъ. Ты думаешь, она спросила меня хоть бы однимъ словомъ, какъ я поживаю? Ни одного слова!

Петръ. У старыхъ людей свои причуды.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

(Тѣ же и Яковъ).

Яковъ (*входитъ молча слѣва; осматриваетъ работу, которую Рената оставила у швейной машины*).

Генрихъ. Я этому, конечно, не придалъ особеннаго значенія. Раза два я былъ у нея наверху...

Петръ (*прерывая его*). Ты бы лучше этого не дѣлалъ. Она, вѣдь, тебя не узнаетъ.

Генрихъ. Да? Ты думаешь? Съ какихъ поръ она страдаетъ этимъ?

Петръ. Давно уже. Это на нее находитъ вдругъ и также внезапно проходитъ. Иногда въ одной формѣ, иногда въ другой.

Генрихъ. Развѣ этому нельзя помочь?

Петръ (*пожимая плечами*). Мы, вѣдь, всѣ когда-нибудь состаримся.

Генрихъ (*качаетъ головой*). Что это была за женщина, когда я уѣхалъ!

Петръ. Двѣнадцать лѣтъ, вѣдь, не шутка для человѣка.

Генрихъ. Да, только теперь замѣчаешь, какой длинный путь остался позади.

Петръ (*къ Якову*). Телефонировалъ ты въ Эшенкругъ.

Яковъ. Да.

Петръ. Вызваны уже сторожевые посты?

Яковъ. Большая часть уже тамъ, остальные прибудутъ къ вечеру.

Петръ. Что дѣлается съ рѣкой?

Яковъ. Она лежитъ, точно подкрадывается.

Петръ. Все еще спокойно?

Яковъ. Иногда только слышно, какъ что-то во льду трещитъ, лопается. Затѣмъ все опять становится тихо.

Петръ. Это первый признакъ... Что буря уже стихла?

Яковъ. Нѣтъ. Она все еще бушуетъ. На плотинѣ еле-еле можно удержаться. Такъ и срываетъ тебя внизъ.

Петръ. Сегодня каждый можетъ показать себя мужчиной. Сегодня не помогутъ ни громкія слова, ни красивыя фразы.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

(Тѣ же, и Ульрихсъ).

Ульрихсъ (*входитъ слѣва, онъ немного навеселѣ, но владѣетъ собой; обращается къ Петру*). Я хотѣлъ только сказать, что изъ Эшенкруга тебѣ телефонируютъ насчетъ подвоза песку къ плотинѣ. Они не могутъ никакъ сговориться, какъ распредѣлить работу.

Петръ (*вспыливъ*). Не могутъ сговориться?.. Какъ будто я не распорядился уже обо всемъ! Какъ будто доля каждаго не была написана чернымъ по бѣлому!

Ульрихсъ. Рогаль говоритъ, съ него слѣдуетъ только одна подвода. Его дворъ, молъ, никогда не ставилъ больше одной подводы,—говоритъ онъ. А на его домѣ записаны двѣ подводы. Онъ не доставитъ ихъ,—говоритъ онъ. А другіе говорятъ,—что приказано, то исполнять. Онъ, молъ, можетъ потомъ жаловаться, говорятъ они. И если онъ не поставитъ двухъ подводъ, то и другіе только по одной дадутъ,—говорятъ они. Объ этомъ они и спорятъ. Они велѣли сказать, чтобы ты пріѣхалъ. Вотъ, что они велѣли сказать.

Петръ. Чтобы ихъ всѣхъ громомъ побило—всю эту банду! Они заслуживаютъ, чтобы ихъ всѣхъ вмѣстѣ потопили. Осѣдлалъ ли ты уже вороного?

Ульрихсъ. Все готово. Этого подлеца едва можно удержать. Онъ уже вырылъ яму, величиною въ конюшенную дверь. Величиною въ конюшенную дверь!

Генрихъ (*Петру*). Поѣхать мнѣ съ тобой?

Петръ. Покорно благодарю. Я это самъ улажу съ сосѣдями. Мы обойдемся безъ высшаго начальства.

Генрихъ (*пожимая плечами*). Пожалуйста, какъ угодно!

Петръ (*беретъ свою мѣховую фуражку, къ Ульрихсу*). Что дѣлается тамъ, въ сторожкѣ? Смотри, чтобы тамъ не слишкомъ напивались!

Ульрихсъ (*важно*). Да, я смотрю за этимъ. Я уже все устрою.

Петръ (*смотритъ пристально на него*). У васъ уже опять красный носъ?

Ульрихсъ. Ты, можетъ быть, этимъ хочешь сказать, что я пьянъ?

Петръ (*откланиваясь*). Ну, хорошо... Итакъ, ѣдемъ! (*къ Якову*). А ты отъ времени до времени заглядывай въ сторожку, да присматривай за ребятами. Черезъ полчаса я вернусь. Вы, дядя, пока оставайтесь во дворѣ. (*Онъ выходитъ въ сопровожденіи Ульрихса въ заднюю дверь направо*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

(Тѣ же, безъ Петра и Ульрихса).

Генрихъ (*снова наклоняется надъ своими чертежами, углубляется въ нихъ*).

Яковъ (*приближается черезъ нѣсколько мгновеній къ Генриху*). Эти чертежи относятся къ исправленію рѣки?

Генрихъ (*разсѣянно*). Да, по крайней мѣрѣ, часть ихъ.

Яковъ. Итакъ, это рѣшенное дѣло?

Генрихъ (*какъ и раньше*). Какъ такъ? О чемъ ты говоришь?

Яковъ. Что рѣка должна быть отведена? Подальше отсюда?

Генрихъ. Да, это рѣшенное дѣло.

Яковъ. И больше тутъ не будетъ ни разлива, ни ледохода?

Генрихъ (*смотритъ на него съ удивленіемъ*). Развѣ это тебѣ доставляло столько радости, Яковъ?

Яковъ. И больше нельзя будетъ слышать, какъ шумитъ рѣка и грохочутъ льдины? Всему этому придетъ конецъ?

Генрихъ. Да, это все должно прекратиться. Именно для этого я здѣсь.

Яковъ (*вспыливъ*). Въ такомъ случаѣ я желаю тебѣ, чтобы рѣка осрамила тебя со всей твоей пачкотней. Чтобы погибли всѣ твои высокомѣрныя затѣи и дѣла! Вотъ, чего я тебѣ желаю!

Генрихъ (*невольно смѣется*). Спасибо, ты дѣйствительно добрый человѣкъ.

Яковъ. Ты, вѣрно, думаешь, что только ты можешь командовать? Что все должно танцовать подъ твою дудку? Какъ бы не такъ. Тамъ тебѣ хорошенько достанется. Тебѣ тамъ придется испытать не мало. Это не то, что кружить головы бабамъ.

Генрихъ (*становясь серьезнымъ*). Что это значить? Прошу тебя, объяснись.

Яковъ. Объясни это себѣ самъ. Для глухого двухъ обѣденъ не служатъ.

Генрихъ (*пожимаетъ плечами*). Что изъ тебя только стало? Съ тобой и спорить не стоитъ.

Яковъ. Да, да! Разыгрывай изъ себя опять важнаго барина. Жаль, что Ренаты нѣтъ здѣсь. Жаль, что не можешь ей опять пустить пыль въ глаза. (*Онъ идетъ налѣво въ дверь, отворяетъ ее, оборачивается еще разъ къ Генриху*). И если ты хочешь знать, кого ты еще съ ума свелъ? Бабушку свелъ ты съ ума. Ты слышишь? Бабушку!

Генрихъ (*энергично*). Это уже слишкомъ... ты объяснишь мнѣ теперь... (*Онъ идетъ къ нему*).

Яковъ (*съ озлобленіемъ*). Это неправда, что она уже давно въ такомъ положеніи. Петръ тебѣ все это навралъ. Только съ тѣхъ поръ, какъ ты тутъ, она стала такая. Именно съ этого дня она такая. Теперь ты знаешь это, ты виноватъ во всемъ. Запомни это хорошенько. (*Онъ выходитъ, хлопнувъ дверьми*).

Генрихъ (*стоитъ, точно остолбенѣлый, хватается за голову*). Но почему же я виноватъ, я?.. Вѣдь это... (*Тряхнувъ головой*). Нелѣпость. Безсмыслица! (*Онъ подходитъ къ среднему столу, углубляется въ чертежи и дѣлаетъ кое-какія замѣтки. Дверь справа пріотворяется, Ульрихсъ просовываетъ въ дверь свою голову, осторожно осматривается и затѣмъ подходитъ ближе*).

ЯВЛЕНІЕ 10-ое.

(Генрихъ и Ульрихсъ).

Ульрихсъ. Ты? Генрихъ?

Генрихъ (*смотритъ на него*). А, это вы, дядя?

Ульрихсъ. Ты слышалъ, какой онъ мнѣ упрекъ бросилъ?

Генрихъ (*разсѣянно*). Нѣтъ. А что?

Ульрихсъ. Ну, такъ ты узнаешь.

Генрихъ. Ничего не понимаю.

Ульрихсъ (*подходитъ къ нему совсѣмъ близко*). Я пьянствую? Дядя Рейнгольдъ пьянствуетъ... Слышалъ ли ты что-нибудь подобное?

Генрихъ (*улыбаясь*). А, вотъ что? Ну, это было не въ серьезъ сказано.

Ульрихсъ. Ты и не знаешь, что это за человѣкъ. Онъ малѣйшаго удовольствія никому не хочетъ позволить. Какъ будто не всѣ мы любимъ рюмочку выпить. Между нами мы можемъ объ этомъ свободно говорить.

Генрихъ (*какъ прежде*). Развѣ вы его такъ боитесь?

Ульрихсъ. Я боюсь?!. Боюсь! Чего мнѣ бояться? Развѣ я похожъ на человѣка, у котораго совѣсть не чиста, и я долженъ чего-нибудь бояться? А?

Генрихъ. Нѣтъ, нѣтъ, конечно нѣтъ.

Ульрихсъ. Могу тебя увѣрить: такіе люди выглядятъ совсѣмъ иначе.

Генрихъ (*качая головой*). Конечно, конечно. Что это вамъ вдругъ въ голову пришло?

Ульрихсъ (*упрямо*). Ты можешь сказать,—дядя Рейнгольдъ вовсе не ангелъ. Это такъ. Мнѣ пришлось побывать не въ одной • передѣлкѣ. И много я видѣлъ такого, на что я долженъ былъ закрывать глаза. Но чего не сдѣлаетъ человѣкъ, чтобы только имѣть теплый уголъ! Видишь ты, паренекъ, такъ обстоитъ дѣло. По охотѣ, вѣрь мнѣ, никто такихъ вещей не сдѣлаетъ.

Генрихъ (*начинаетъ внимательно прислушиваться къ его словамъ*). Что все это значитъ? За этимъ вѣдь что-нибудь скрывается? Вообще...

Ульрихсъ (*опомнившись и отрезвившись*). Да и что это должно значить? Ничего это не значить. Я это такъ себѣ говорю.

Генрихъ (*съ неудовольствіемъ*). Теперь вы опять увиливаете. Всѣ отъ меня тутъ увиливаютъ. Ни отъ кого я не могу получить ясный отвѣтъ. Что же это носится тутъ въ воздухѣ? Чего нельзя никакъ поймать и схватить и что все-таки таится во всѣхъ углахъ и витаетъ вокругъ тебя?.. Что это такое, дядюшка? Объясните мнѣ это.

Ульрихсъ. Не спрашивай меня, голубчикъ. Въ странное время живемъ мы. Въ такое время, когда все возможно. И здѣсь будетъ то же, что и тамъ вотъ (*указываетъ на рѣку*). Случится то же самое, что съ рѣкой.

Генрихъ. Что вы этимъ хотите сказать, дядюшка?

Ульрихсъ. Что дѣлается съ рѣкой, когда приходитъ ея время?

Генрихъ. Вы хотите сказать, что она разливается?

Ульрихсъ (*хлопаетъ его по плечу*). Именно такъ, паренекъ. Она разливается. И какъ бы крѣпко ее ни держалъ ледъ, разъ пришло время, она разливается. И мнѣ кажется, что этотъ часъ почти насталъ уже.

ЯВЛЕНІЕ 11-ое.

(Тѣ же и Рената).

Рената (*входитъ съ правой стороны и направляется къ своему рабочему столику*).

Ульрихсъ (*торопливо*). Я вотъ все стою тутъ и забываю, что у тебя есть работа. Я не буду больше мѣшать тебѣ...

Рената (*усѣвшись*). Это вы отъ меня убѣгаете, дядя Ульрихсъ?

Ульрихсъ. Эхъ! Куда мнѣ убѣжать... Нѣтъ. Я еще хотѣлъ тебя спросить о чемъ-то, паренекъ...

Генрихъ. О чемъ именно?

Ульрихсъ. Скажи мнѣ голубчикъ: все, что ты тутъ рисуешь, пишешь, вычисляешь—для чего собственно все это нужно? Для чего эта вся работа? Или ты дѣйствительно думаешь, что ты справишься вотъ съ той?

Генрихъ. Я надѣюсь на это, дядя Рейнгольдъ.

Ульрихсъ. Ну, а ты, Рената? Ты вѣдь чертовски умная баба и больше понимаешь въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ десять плотинныхъ присяжныхъ. И вотъ я спрашиваю тебя, вѣришь ты въ это?

Рената. Да, дядя Рейнгольдъ. Я твердо увѣрена, что то, чего хочетъ Генрихъ, правильно.

Ульрихсъ (*качая головой*). Я всегда говорю,—свѣтъ съ каждымъ днемъ все больше съ ума сходитъ. Со времени Адама рѣка текла по своему руслу. Такъ, а не иначе текла она. И вотъ теперь ей хотятъ запретить это. Ей хотятъ дать предписанія. Согласится ли только эта бестія!

Генрихъ (*отрываясь отъ чертежей*). Она дожна будетъ сдѣлать это. Мы будемъ поступать съ ней такъ, какъ и слѣдуетъ въ такомъ случаѣ поступать. Медленно, осторожно, шагъ за шагомъ! Не сразу! Нѣтъ, съ хитростью! Мы, такъ сказать привлечемъ и выманемъ ее. И въ одно прекрасное утро мы поймаемъ ее въ новое русло и уже не выпустимъ оттуда. Видите, такъ оно будетъ сдѣлано. Такъ справился человѣкъ со всѣми хищными животными!

Ульрихсъ. Отчего же прежде не пришла никому въ голову такая мысль? Когда я вспомню только, что несчастья 1833 г. могло бы и не быть! Явись только такой человѣкъ, какъ ты, и все было бы иначе... Голубчикъ ты мой, голубчикъ! (*Онъ хватается за голову, точно она кружится*).

Генрихъ. Да, если бы, если бы! Съ идеями случается то же, что и съ вашимъ льдомъ. Онъ тоже не трогается раньше, чѣмъ пробьетъ его часъ.

Ульрихсъ. А сколько времени понадобится тебѣ для твоей работы?

Генрихъ. Двѣнадцать или тринадцать лѣтъ, думаю я, при такомъ положеніи, какъ теперь.

Ульрихсъ (*чешетъ затылокъ*). Хорошій кусочекъ времени. Знаешь ты, кѣмъ я себѣ теперь кажусь?

Генрихъ. Ну, кѣмъ?

Ульрихсъ. Мнѣ кажется, что я теперь, точно патріархъ Моисей. Стою высоко на горѣ и смотрю на страну, въ которой текутъ млеко и медъ. Но не для меня предназначена эта страна. Вѣдь я не ступлю на нее... Нѣтъ! Мнѣ отъ этого не будетъ ни тепло, ни холодно. (*Онъ нахлобучиваетъ на голову шапку и уходитъ вглубь направо*).

ЯВЛЕНІЕ 12-ое.

(Тѣ же безъ Ульрихса).

Рената (*еще ниже склоняется надъ своей работой*).

(*Продолжительное молчаніе*).

Генрихъ (*разсѣянно роется въ своихъ бумагахъ, потомъ поднимаетъ глаза*) Нашъ старикъ все еще не можетъ забыть прошлое.

Рената (*не смотря на него*). У него живо сохранились въ памяти событія дѣтства. Такія картины остаются навсегда.

Генрихъ (*улыбается*). Испытала ли уже нѣчто подобное ты, старуха?

Рената. Иначе я этого не знала бы.

Генрихъ (*встаетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ*). Ахъ да! Картины изъ временъ юности. Воображеніе всегда ихъ прикрашиваетъ. Въ дѣйствительности онѣ далеко не такъ розовы. Въ дѣйствительности мы были бы не особенно благодарны, если бы намъ пришлось опять ихъ пережить.

Рената. Ты думаешь?

Генрихъ. Вполнѣ убѣжденъ. Большую часть мы все равно забываемъ.

Рената. Не всѣ люди забываютъ такъ скоро, какъ ты, Генрихъ!

Генрихъ. Возможно. У меня просто не было времени вспоминать объ этомъ.

Рената (*серьезно*). А у меня его было много!

Генрихъ (*спустя мгновеніе, смотря на нее*). Кромѣ того важно и то, что нужно вспоминать или забывать. Я по крайней мѣрѣ умно поступилъ, постаравшись все забыть. (*Рената молчитъ*). Развѣ ты со мной не согласна, Рената?

Рената (*спокойно*). Вполнѣ, Генрихъ.

Генрихъ (*съ волненіемъ*). Это была моя обязанность, Рената. Этого требовало чувство самосохраненія. Я погибъ бы въ этой борьбѣ. И поэтому я долженъ былъ уѣхать. Я долженъ былъ выбить это изъ своей головы. (*Онъ ожидаетъ отвѣта. Такъ какъ она молчитъ, онъ опять начинаетъ ходить, останавливается около своихъ чертежей, разсматриваетъ ихъ, затѣмъ опять обращается къ ней*). Ты только что у бабушки была, Рената?

Рената. Да.

Генрихъ. Въ какомъ она положеніи теперь?

Рената. Все въ томъ же.

Генрихъ. Знаешь ли, въ чемъ меня только что упрекнулъ Яковъ?

Рената (*смотритъ на него вопросительно*).

Генрихъ. Что я виноватъ въ болѣзни бабушки. Что скажешь ты на это?

Рената (*въ смущеніи*). Я вѣдь не врачъ, Генрихъ.

Генрихъ. Но почему же вы не приглашаете врача?

Рената (*какъ прежде*). Ты вѣдь знаешь, мы въ деревнѣ предпочитаемъ и жить, и умерать безъ врача.

Генрихъ (*послѣ нѣкотораго молчанія*). Скажи мнѣ, ради Бога, какимъ образомъ могла Якову придти въ голову сумасшедшая мысль приписать вину мнѣ?

Рената (*все еще въ затрудненіи*). У Якова постоянно бываютъ такія странныя причуды.

Генрихъ. Я уже не мало думалъ объ этомъ. И сейчасъ опять...

Рената. Иногда я просто боюсь за него.

Генрихъ. Я не могу скрыть отъ тебя Рената,—по отношенію къ мальчику много согрѣшили...

Рената (*мучаясь*). Я знаю это, Генрихъ.

Генрихъ. Но объ этомъ въ другой разъ. Теперь я хотѣлъ бы только знать... (*Онъ останавливается предъ ней*) Яковъ говоритъ, что бабушка находится въ такомъ положеніи со дня моего пріѣзда.

Рената. Это вполнѣ возможно.

Генрихъ (*въ возбужденіи*). Такъ это вѣрно? Это такъ? (*Онъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и останавливается передъ ней опять*). Почему же Петръ утверждаетъ, что она давно въ такомъ состояніи? Во всякомъ случаѣ задолго до моего пріѣзда?

Рената. Развѣ Петръ утверждаетъ это?

Генрихъ. Конечно! Всего за полчаса предъ этимъ! А за четверть часа Яковъ утверждалъ прямо противоположное! Какъ согласить одно съ другимъ? (*Онъ стоитъ въ ожиданіи предъ Ренатой*).

Рената (*молчитъ, не поднимая глазъ*).

Генрихъ (*настойчиво*). Объясни мнѣ это, Рената!

Рената (*закрывая лицо руками*). О Боже! Какъ ты меня мучаешь! О Боже! Боже мой! (*Она встаетъ и отходитъ къ окну налѣво*).

Генрихъ (*отворачивается*). Опять никакого отвѣта! Опять то самое неизвѣстное, что окружаетъ тебя тутъ со всѣхъ сторонъ! Загадочное, что ложится на тебя, точно кошмаръ!

Рената (*въ отчаяніи*). Сжалься! Я прошу тебя, Генрихъ! Сжалься!

Генрихъ (*съ неудовольствіемъ*) Я уже молчу. (*Онъ опять дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, подходитъ къ ней и смотритъ на нее съ глубокимъ участіемъ*). Рената, ты страдаешь?

Рената (*прячетъ свое лицо въ руки, судорожно и молча всхлипываетъ*).

Генрихъ (*мягко*). Бѣдное дитя! Что только изъ тебя сдѣлали! (*Онъ кладетъ свою руку на ея волосы*).

Рената (*содрогается отъ его прикосновенія*). Оставь меня, Генрихъ! Оставь!

Генрихъ. Бѣдное дитя! (*Снаружи буря шумитъ все глуше, облака бѣгутъ по небу, вдругъ заходящее солнце врывается въ комнату*). Вотъ! Смотри на солнце, Рената! Смотри только, какъ горитъ весь домъ! Не напоминаетъ ли тебѣ это что-нибудь?

Рената. Что именно?

Генрихъ. Наше школьное время въ Маріенбургѣ. Большую комнату подъ аллеями у тети Амаліи. Я часто видѣлъ ее во время захода солнца, когда она вся точно горѣла отъ лучей его.

Рената (*вспоминая*). Большую комнату у тети Амаліи? Да, да!

Генрихъ. Но только въ это время года. Позже солнце казалось инымъ. Только ранней весной, какъ теперь. И потому-то и было такъ прiятно увидѣть его снова. Это было точно предчувствiе, точно надежда.

Рената (*съ трудомъ*). Предчувствiе!.. Надежда!.. Куда все это исчезло?

Генрихъ. Мужайся, Рената! Мужайся! Смотри на солнце нашего дѣтства! Развѣ оно не горитъ такъ же, какъ и прежде?

Рената (*устремивъ взоръ предъ собой*). Какъ и прежде? (*По небу проходитъ облако. Опять становится темно. Рената поднимаетъ глаза и меланхолически улыбается*). Видишь, оно опять ушло! Навсегда!

Генрихъ (*весело*). А я говорю, оно опять вернется.

Рената (*задумчиво*). Никогда, никогда больше, Генрихъ! Что прошло, то не вернется!

Генрихъ (*опускаясь на ручку кресла, стоящаго съ лѣвой стороны*) Знаешь ты, что за день сегодня, Рената?

Рената (*опершись на окно, смотритъ вдаль*) Что за день?..

Генрихъ. Сегодня масляница, Рената! Сегодня тамъ на Рейнѣ все вверхъ ногами ходитъ.

Рената. Совсѣмъ иначе, чѣмъ у насъ тутъ, около сѣраго моря.

Генрихъ. Да! Немного иначе! Тамъ люди легче на подъемъ, чѣмъ мы, тяжеловѣсные сѣверяне. И легкомысленнѣе насъ, и, можетъ быть, счастливѣе.

Рената. Хочется тебѣ назадъ туда?

Генрихъ. Подумай только, я провелъ тамъ на югѣ двѣнадцать лѣтъ своей жизни. И что за годы! Самые лучшiе, самые жизнерадостные, какiе только имѣетъ человѣкъ!.. Теперь, когда я объ этомъ думаю, я знаю, что все это уже прошло. Любовь, дружба, счастье, все это уже пережито! Все это только, какъ далекiй, далекiй сонъ! И развѣ все, что вчера случилось, не было, какъ во снѣ?.. Безумiе! Безумiе! (*Встаетъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, затѣмъ опять возвращается*). Можетъ быть, ты въ самомъ дѣлѣ права, Рената! Можетъ быть, солнце никогда не будетъ намъ такъ свѣтить, какъ свѣтило когда-то.

Рената (*грустно*). И ты тоже такъ теперь думаешь?

Генрихъ. Но есть еще нѣчто другое, Рената, что вноситъ свѣтъ въ темную жизнь. (*Рената смотритъ на него вопросительно*). Это трудъ, Рената! Трудъ во имя великаго дѣла! Онъ даетъ намъ силу и размахъ, когда все уже потеряно! (*Солнце снова врывается въ комнату, покрывая все золотымъ блескомъ*). Смотри, Рената, вотъ оно снова явилось, еще разъ мы видимъ вмѣстѣ, какъ горитъ заходящее солнце!

Рената. Дѣйствительно ли ты все уже пережилъ, Генрихъ?

Генрихъ. Также какъ и ты, Рената.

Рената. Ты и я! Мы, женщины, можемъ только разъ пережить, что вы, мужчины, переживаете нѣсколько разъ.

Генрихъ. Все это глупости, Рената. Старые предразсудки! Мы, современные люди, думаемъ объ этомъ совершенно иначе.

Рената (*колеблясь*). Генрихъ, я хотѣла бы тебя спросить кое о чемъ.

Генрихъ. Пожалуйста.

Рената (*какъ и раньше*). Почему именно ты до сихъ поръ не подумалъ жениться?

Генрихъ (*спокойно*). А, можетъ быть, Рената, я уже женатъ?

Рената (*изумленния*). У тебя... жена?

Генрихъ. Не передъ людьми и закономъ! Пойми меня только правильно! Но передъ самимъ собой! Передъ моей совѣстью!

Рената (*все еще смотритъ на него пристально*). Ты... имѣешь... жену?...

Генрихъ (*серьезно*). Имѣлъ.

Рената. Гдѣ же она?

Генрихъ. Она умерла.

Рената (*опускаетъ голову*). Умерла!

Генрихъ (*встаетъ и ходитъ по комнатѣ*). Да, и она должна была уйти отсюда! И она, такая жизнерадостная! Ничего она такъ не боялась, какъ холодной земли, и бѣдняжка должна была лечь въ эту землю совсѣмъ молодой. И вмѣстѣ съ ней ребенокъ.

Рената (*тихо*). Ребенокъ также?

Генрихъ. Да, она умерла отъ родовъ .

Рената. Давно ужъ это было?

Генрихъ. Скоро три года. (*Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ*). И это уже полузабытый эпизодъ! А между тѣмъ это казалось мнѣ когда то содержаніемъ всей моей жизни. (*Сдѣлавъ опять нѣсколько шаговъ*). Ты можешь мнѣ вѣрить, Рената, я это принялъ такъ близко къ сердцу, какъ это только можетъ принять человѣкъ, потерявшій самое дорогое для него! И все же, если я теперь смотрю назадъ... Не считай меня жестокосердымъ, Рената! Но, быть можетъ, это счастье для нея и для меня, что она должна была преждевремено уйти изъ этого міра. Могла бы ли она мнѣ быть товарищемъ въ жизни? Кто знаетъ?... Кто знаетъ?..

Рената. Долго вы были знакомы?

Генрихъ. Около девяти лѣтъ. Это была еще студенческая любовь. Я сразу влюбился по уши и больше уже не могъ освободиться. Да, да, Рената! Слишкомъ горячая юношеская кровь... А знаешь ли ты, почему я такъ сразу влюбился? (*Рената смотритъ на него вопросительно*). Вслѣдствіе нѣкоего отказа, который нѣкая Рената дала нѣкоему Генриху, когда тотъ былъ такъ глупъ и положилъ къ ея ногамъ свое сердце. (*Рената опускаетъ голову и молчитъ*). Она была тогда увлечена статнымъ Петромъ и ни о комъ другомъ не хотѣла думать. И вотъ, безъ дальнихъ размышленій, я взялъ свое сердце и отдалъ его для излеченія одному милому созданію на берегахъ Рейна... Видишь, Рената, кто родился подъ счастливой звѣздой, тому все въ прокъ идетъ, даже самое тяжелое, даже то, что ему когда-то казалось невыносимымъ!

Рената (*встаетъ, горько*). Неужели ты вѣришь такъ твердо въ свое счастье?

Генрихъ. Безусловно, Рената! И такъ долженъ поступать всякій, кто ведетъ борьбу! Кто хочетъ побѣдить, тотъ долженъ неизмѣнно вѣрить въ свою звѣзду.

Рената (*какъ и раньше*). Даже тогда, когда эта звѣзда означаетъ насчастье другихъ?

Генрихъ (*смущенный*). Рената, о чемъ ты говоришь?

Рената. Вспомни только! Счастье, что твоя подруга умерла?!

Генрихъ (*взволнованный*). Но я, вѣдь, этому не могъ помѣшать, Рената!

Рената (*съ увеличивающимся возбужденіемъ*). И затѣмъ еще большее счастье, что ты получилъ... нѣкій отказъ?! Тебя можно прямо поздравить! Счастье просто преслѣдуетъ тебя!

Генрихъ (*глубоко взволнованный*). Рената! Не хочешь ли ты этимъ сказать, что мое счастье было... твоимъ несчастьемъ?

Рената (*стоитъ въ скорбномъ молчаніи, съ поднятыми, какъ бы для защиты, руками*).

Генрихъ (*приближается къ ней*). Не хочешь ли ты сказать, Рената, что, если бы тебѣ пришлось теперь еще разъ выбирать, твой выборъ палъ бы на другого? (*Онъ схватываетъ ея поднятую, какъ бы для защиты лѣвую руку и страстно жметъ ее*).

Рената (*дрожитъ и конвульсивно всхлипываетъ, не произнося ни одоого слова*).

Генрихъ. Рената! Правда ли это? Это ли ты хотѣла сказать? Вѣрно ли я тебя понялъ?

Рената (*бросивъ взглядъ въ окно, у котораго она стоитъ*). Яковъ идетъ! Милосердое небо! (*Отнимаетъ у него свою руку*).

Генрихъ. Не думай, Рената, что я тебя освобожу отъ отвѣта. (*Отходитъ отъ нея*).

ЯВЛЕНІЕ 13-ое.

(Тѣ же и Яковъ).

Яковъ (*появляется въ двери налѣво, осматриваетъ обоихъ враждебно*).

Генрихъ (*замѣчаетъ это*). Тебѣ нужно что-нибудь?

Яковъ (*оставясь у двери*). Почему ты спрашиваешь?

Генрихъ. Потому что ты на меня такъ смотришь.

Яковъ. Но все-таки мнѣ можно войти въ комнату?

Генрихъ (*овладѣваетъ собой*). Пожалуйста.

Яковъ (*какъ будто внезапно вспоминаетъ*). Тебя тамъ ищутъ,

Генрихъ. Ищутъ? Кто же?

Яковъ. Поринскій и другіе землемѣры нѣсколько разъ уже спрашивали тебя. Они не знаютъ, продолжать ли имъ или прекратить работу.

Генрихъ (*удивленно*). Вотъ тебѣ на! Гдѣ же они теперь?

Яковъ. На внѣшней плотинѣ около перемычки. Они дѣлаютъ измѣренія.

Генрихъ (*испуганно*). До сихъ поръ они еще дѣлаютъ измѣренія на внѣшней плотинѣ? Въ то время, когда каждый моментъ можетъ прорваться потокъ? Я, вѣдь, давно уже приказалъ прекратить работу.

Яковъ. Почемъ я знаю? Я говорю то, что есть. А до другого мнѣ дѣла нѣтъ.

Генрихъ (*беретъ свою мѣховую фуражку*). Они, видно, совсѣмъ съ ума сошли? Если что-нибудь случится, придется мнѣ отвѣчать! Такое легкомысліе! (*Кланяется Ренатѣ*). Сейчасъ, Рената! (*Поспѣшно уходитъ налѣво*).

ЯВЛЕНІЕ 14-ое.

(Яковъ и Рената).

Яковъ (*выжидаетъ немного, потомъ въ дикомъ изступленіи*) Сейчасъ! Сейчасъ! Ты долго будешь искать пока найдешь ихъ! (*Бросается къ Ренатѣ*). Ахъ, ты!.. Ты!.. Ты!.. (*Схватываетъ ея руки и покрываетъ ихъ поцѣлуями*).

Рената (*нѣсколько мгновеній какъ оглушенная, потомъ въ страшномъ ужасѣ*). Яковъ?.. Ты съума сошелъ?.. Яковъ?..

Яковъ (*заикаясь*). Да, сошелъ съ ума! Я сошелъ съ ума! (*Падаетъ передъ ней на колѣни, цѣлуетъ снова руки*).

Рената (*сердито*). Яковъ! Встань! Если кто нибудь тебя такъ увидитъ! Встань! (*Хочетъ отнять у него свои руки*).

Яковъ (*снова схватываетъ ихъ и цѣлуетъ*).

Рената. Ты хочешь, чтобы я кого-нибудь позвала, Яковъ?

Яковъ (*дико*). Сзывай хотя бы всѣхъ! Зови Генриха!

Рената. Если я этого не дѣлаю, то только потому, что мнѣ жаль тебя.

Яковъ. Ты, вѣдь, у меня одна на свѣтѣ! У меня нѣтъ никого, кромѣ тебя!

Рената. Тогда сдѣлай мнѣ одолженіе и уходи.

Яковъ (*умоляя*). Не прогоняй меня, Рената! Не прогоняй меня!

Рената (*сердито*). Я прошу тебя въ послѣдній разъ! Уходи! Иначе я уйду!

Яковъ (*согнувшись*). Я уже ухожу! Я уже спокоенъ! (*Уходитъ медленно, не оглядываясь, направо въ заднюю дверь*).

Рената (*оставшись одна вскакиваетъ, какъ бы охваченная внезанымъ ужасомъ*). Уйти! Лишь бы уйти отсюда! Уйти! Уйти! (*Она жестику-*

лируетъ безсвязно, какъ будто хочетъ летѣть, не зная куда, останавливается направо у стола около софы, смотритъ впередъ, какъ безумная, лепечетъ вполголоса). Спаси меня, Господи!... Спаси меня отъ меня самой! (*короткая пауза*).

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

(Рената и Ульрихсъ).

Ульрихсъ (*входитъ справа, сзади, куда только что вышелъ Яковъ, и приближается, покачивая головой*). Что это такое съ нашимъ отцомъ, Рената?

Рената (*старается овладѣть собой*). Какъ... о чемъ вы говорите, дяденька?

Ульрихсъ (*озабоченно смотритъ на нее*). Голубка, какъ ты выглядишь? Не произошло ли у тебя что съ Яковомъ?

Рената. У меня съ Яковомъ... Нѣтъ!

Ульрихсъ. Онъ такъ бросился изъ комнаты... Я стоялъ во дворѣ около скирды, вдругъ онъ выбѣгаетъ, бѣжитъ, какъ онъ только можетъ бѣжать, черезъ дворъ и какъ сквозь землю провалился! Черезъ заднія ворота въ поле! Онъ уже давно мнѣ что-то не нравится, нашъ мальчикъ! А гдѣ же Генрихъ? Я думалъ, онъ тоже здѣсь.

Рената. Генрихъ пошелъ на внѣшнюю плотину.

Ульрихсъ (*удивленно*). На внѣшнюю плотину? Какъ разъ, когда ворота запирать надо... Чортъ возьми, вотъ тебѣ и разъ.

Рената (*испуганно*). Вы думаете съ нимъ можетъ что либо случиться? Онъ хотѣлъ найти своихъ служащихъ. Бога ради, лишь бы онъ только не слишкомъ поздно...

Ульрихсъ. Пусть онъ только будетъ, остороженъ! И полчаса не пройдетъ, какъ это уже начнется.

Рената (*сильно встревоженная*). Я должна посмотрѣть, гдѣ онъ! Я должна... (*Она бѣжитъ къ двери налѣво, остается стоять, тяжело дыша*). Слава Богу! Вотъ онъ всходитъ на плотину.

Ульрихсъ (*качаетъ головой*). Ай! Ай! Ай! Ай! (*Онъ подходитъ также къ двери, выглядываетъ наружу*). Да, тамъ идетъ кто-то за сторожевой будкой.

Рената. Это Генрихъ! Я его хорошо узнаю! Видите вы теперь, дядя Рейнгольдъ?

Ульрихсъ. Да, теперь его видно.—У тебя должно быть хорошіе глаза, дитя мое.

Рената (*смущенная*). Не знаю. Можетъ быть!

Ульрихсъ. У тебя должно быть хорошіе глаза... Теперь онъ входитъ въ сторожевую будку.

Рената (*глубоко вздыхаетъ*). Да теперь онъ въ безопасности. (*Она запираетъ дверь и возвращается въ комнату*).

Ульрихсъ. Онъ долженъ былъ сначала спросить въ сторожкѣ,—тамъ онъ нашелъ бы своихъ людей. Кто ему навралъ, что они еще на внѣшней плотинѣ?

Рената (*мрачно*). Яковъ!

Ульрихсъ. Я такъ и думалъ!... Да, да, у нашего юнца не все въ порядкѣ, могу я тебѣ сказать. Онъ совсѣмъ внѣ себя. (*Онъ подходитъ къ ней совсѣмъ близко и смотритъ ей прямо въ глаза*). И знаешь ты, почему?

Рената (*опускаетъ голову*). Нѣтъ, я не знаю.

Ульрихсъ. А я знаю, дитя мое.

Рената (*мучаясь*). Зачѣмъ же вы, въ такомъ случаѣ, спрашиваете меня?

Ульрихсъ (*осторожно*). Да, я знаю все это, дитя, и могъ бы съ тобой поговорить объ этомъ. Тебя это еще сильно удивитъ! Я знаю гораздо больше, чѣмъ тебѣ присниться можетъ, повѣрь мнѣ! Гораздо больше, чѣмъ это хотѣлось бы кой-кому! Вѣришь ли ты мнѣ?

Рената (*взволнованная*). Вы, дядя Рейнгольдъ? Вы?

Ульрихсъ. Да, я! я!... Тебѣ нечего на меня такъ смотрѣть! Это все святая правда. У дяди Рейнгольда хорошія уши и хорошіе глаза.

Рената (*въ ужасѣ*). Дядя Рейнгольдъ... Вы... Вы... что-то знаете?

Ульрихсъ. Ну, и если я скажу: да?

Рената (*всматриваясь въ него*). Вы... Вы... знаете объ этомъ?

Ульрихсъ. Такъ оно и есть, дитя мое. Я знаю все.

Рената (*страстно*). Вы знали объ этомъ, дядя Рейнгольдъ, и вы молчали? Если бы вы сказали только одно слово Петру, все было бы иначе!

Ульрихсъ. Чтобы онъ меня вонъ выбросилъ? Чтобы я отправился странствовать по свѣту? Бѣдный странникъ милостыни просить...Нѣтъ, дитя мое! Развѣ у меня были какія нибудь доказательства? Такъ вѣдь каждый можетъ придти и утверждать подобныя вещи. Доказательства, моя голубка, доказательства! Или же держать языкъ на привязи!... А ты развѣ иначе поступила?

Рената. Я была его женой... Или женѣ нужно было пойти и донести на него?

Ульрихсъ (*пожимая плечами*). На этомъ свѣтѣ каждый имѣетъ свои основанія. Никто не можетъ дѣлать другому упреки.

(*Короткая пауза*).

Рената (*съ внутреннимъ мученіемъ*). Почему, дядя Рейнгольдъ, обо всемъ этомъ вы напоминаете мнѣ лишь теперь? Сколько лѣтъ вы не проронили ни одного слова! Почему вы съ этимъ приходите ко мнѣ именно сегодня?

Ульрихсъ. Ибо вижу, что ты на опасной дорогѣ, дитя мое! Ты на дорогѣ, конца которой не можетъ знать ни одинъ человѣкъ. Не можетъ знать ни одинъ человѣкъ. Она можетъ вывести изъ лѣса, но она можетъ завести еще дальше вглубь. А тамъ, въ чащѣ, тамъ такія черныя топи, что если онѣ какъ-нибудь засосутъ человѣка, тогда помилуй его Богъ... Понимаешь, о чемъ говорю?

Рената (*послѣ короткаго молчанія, выходя изъ себя*). А если вы правы? А если я просто не могу больше этого выносить? А если я должна говорить, все равно грозитъ ли это мнѣ несчастьемъ или нѣтъ?

Ульрихсъ. Тогда я спрошу тебя только объ одномъ...

Рената. (*Смотритъ на него вопросительно, съ испугомъ*).

Ульрихсъ. Я спрашиваю тебя: если бы Генрихъ остался тамъ, гдѣ онъ былъ, что тогда? Ты пришла бы тоже къ этой мысли? Отвѣть мнѣ на это!

Рената (*борясь съ собой*). О, Боже мой... Дай мнѣ исходъ! Дай мнѣ только исходъ!

Ульрихсъ. Видишь! Итакъ, ради Генриха ты хочешь обрушить несчастье на своего законнаго мужа! Развѣ это порядокъ, мое дитя? Обдумала ли ты это какъ слѣдуетъ?

Рената (*говоритъ съ трудомъ*). Можетъ быть, вы угадали, дядя Рейнгольдъ! Можетъ быть, я не имѣю больше права сказать правду! Можетъ быть, я виновата больше всѣхъ. (*Она стоитъ, точно сломленная, закрывъ руками лицо, какъ бы разбитая внутренними мученіями*).

Ульрихсъ (*гладитъ ея волосы*). Дитя, возьми себя въ руки! Вонъ идетъ Генрихъ изъ сторожки. Онъ не долженъ знать, что я былъ здѣсь.

Рената (*оправляется*). Хорошо! Благодарю васъ, дядя Рейнгольдъ. (*Протягиваетъ ему руку*).

Ульрихсъ. Ты теперь знаешь, что дѣлать?

Рената. Да, это останется у меня... Я хочу нести свой крестъ до конца.

Ульрихсъ (*хлопаетъ ее по плечу*). Вотъ это хорошо, дитя мое! Такія старыя исторіи нельзя опять подымать: что сдѣлано, того не воротишь. А что будетъ потомъ, ни одинъ человѣкъ не знаетъ. (*Онъ киваетъ ей головой и уходитъ направо вглубь*).

Рената (*стоитъ у средняго стола, смотритъ впередъ съ мрачной рѣшимостью*)

ЯВЛЕНІЕ 16-ое.

(Рената и Генрихъ).

Генрихъ (*входитъ слѣва. Буря, которая одно время уже стихла, снова поднялась. Солнце скрылось изъ комнаты. Мрачныя сумерки. Генрихъ закрываетъ за собой двери и осматривается*). Петръ еще не вернулся?

Рената. Нѣтъ, еще не вернулся.

Генрихъ. Сегодня будетъ ужасная ночь! Буря воетъ, какъ будто приближается конецъ свѣта. Видѣла ли ты заходъ солнца? Оно совершенно кроваваго цвѣта!

Рената. Это значитъ, что буря еще усилится.

Генрихъ. Буря и ледоходъ, да. Ледъ на рѣкѣ продолжаетъ какъ-то ужасно трещать. Ясно слышно, какъ глубоко внизу все волнуется и бурлитъ. Словно готовится что-то ужасное. Приходится закрывать уши и глаза, если выходишь на внѣшнюю плотину.

Рената. Такъ ты дѣйствительно подвергался опасности?

Генрихъ. Да. Я не могъ себѣ представить, что Яковъ меня обманетъ. На внѣшней плотинѣ не было и слѣда моихъ людей. Я нашелъ ихъ въ сторожкѣ, гдѣ они очень уютно играли въ карты. Но оставимъ это. У меня теперь въ тысячу разъ болѣе важное дѣло. (*Приближается къ ней*). Рената, я еще долженъ получить отъ тебя отвѣтъ.

Рената (*съ трудомъ сдерживаясь*). Отвѣтъ? На что?

Генрихъ. На то, о чемъ я тебя раньше спрашивалъ.

Рената (*серьезно и съ удивленіемъ*). Мнѣ нечего тебѣ отвѣчать, Генрихъ... У меня есть только одна просьба къ тебѣ.

Генрихъ. Говори!

Рената (*тяжело дышетъ*). Ты... долженъ... уѣхать... Генрихъ!

Генрихъ (*отступаетъ на одинъ шагъ*). Рената?!

Рената (*беззвучно*). Ты долженъ уѣхать, Генрихъ! Ты долженъ уѣхать!

Генрихъ (*въ глубокомъ смущеніи*). Рената, что случилось?

Рената. Не спрашивай меня! Я не могу тебѣ отвѣчать. И я не хочу тебѣ отвѣчать. Я знаю только одно, ты долженъ уйти отсюда! Ты долженъ уйти! Ты долженъ уйти сейчасъ же!

Генрихъ. А предъ этимъ ты просила меня остаться!

Рената. Я знаю это! Я знаю все! Но я не могу иначе! Богъ мнѣ свидѣтель, что я не могу иначе!

Генрихъ. Я уйду! Но одно я долженъ знать, раньше, чѣмъ я уйду.

Рената (*стоитъ безмолвно, съ большими безумными глазами и полураспущенными волосами*).

Генрихъ (*медленно*). Рената! Ты когда-то любила Петра!

Рената (*въ отчаяніи*). Неужели это было?

Генрихъ. Да! Вѣдь именно поэтому ты меня оттолкнула! Теперь я спрашиваю тебя: любишь ли ты его еще?

Рената (*въ дикомъ изступленіи*). Какъ смерть люблю я его... Какъ смерть!

Генрихъ. Рената?!

Рената (*лихорадочно*). Не правда ли, вѣдь можно любить смерть въ десять разъ пламеннѣе, чѣмъ жизнь... Такъ я люблю своего мужа! Понимаешь ли ты теперь, что ты долженъ уѣхать! Уйди! Уйди! Уйди! Уйди!

Генрихъ (*въ возрастающемъ упоеніи*). Рената! Не говори ни слова! Иначе я не знаю, что я сдѣлаю!

Рената (*съ поднятыми руками*). Не прикасайся ко мнѣ! Я обручена со смертью! (*Опускается на стулъ и разражается страшными рыданіями*).

(*Короткая пауза*).

Генрихъ (*борется съ самимъ собой. Снаружи слышенъ лошадиный топотъ. Онъ застегиваетъ свой сюртукъ*).
Постарайся взять себя въ руки, Рената! Петръ вернулся! (*Уходитъ въ среднюю дверь направо, оборачиваясь еще разъ*). Я иду въ свою комнату и только уложу свои вещи. Сборы отнимутъ не много времени, тогда я скажу послѣднее прости этому дому. (*Онъ быстро выходитъ, сейчасъ же слѣва входитъ Петръ. Во время послѣдующей сцены начинаетъ темнѣть*).

ЯВЛЕНІЕ 17-ое.

(Рената и Петръ).

Рената (*при входѣ Петра подымается со стула*).

Петръ (*отрывисто*). Ты одна?

Рената. Да.

Петръ. Гдѣ Генрихъ?

Рената. Генрихъ укладываетъ свои вещи.

Петръ. Что онъ дѣлаетъ?

Рената. Онъ хочетъ отъ насъ уйти! Онъ перебирается напротивъ въ сторожку.

Петръ. Какъ это такъ? Что это означаетъ?

Рената, Я сама его просила, чтобы онъ отъ насъ уѣхалъ.

Петръ (*медленно и грозно*). Тутъ видно что-то произошло пока меня не было?

Рената (*тяжело дыша*). Что должно было произойти?

Петръ (*приближается къ ней*). Ты вся блѣдна.

Рената. Такая, какъ всегда.

Петръ (*глухо*). Ты... что-то... сказала?

Рената (*все еще, какъ въ столбнякѣ*). Я... боялась... этого... Ты понимаешь? Я боялась... самой себя... боялась! По этому я его удалила...

Петръ. Удалила? На три шага, черезъ улицу! Конечно, дома такія вещи неудобно устраивать!

Рената. Ты самъ не знаешь... что говоришь, Петръ! Я его удалила, потому что... я... еще... твоя жена!

Петръ. Ага! Ты думаешь, что я въ твоей власти? Ты думаешь, что ты можешь командовать?

Рената. Я совершенно спокойна, Петръ! Я совершенно спокойна! Будь же и ты спокоенъ!

Петръ (*смотря ей прямо въ глаза, овладѣваетъ собой*). Какъ прикажешь! (*Онъ оборачивается, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, потомъ возвращается къ ней*). Итакъ, онъ ничего не знаетъ?

Рената. Отъ меня онъ ничего не узнаетъ.

Петръ (*вспыльчиво*). Но отъ кого либо другого?

Рената. И ни отъ-кого другого.

Петръ (*облегченно*). Это правда?

Рената. Я не могу. Есть только одинъ человѣкъ, отъ котораго онъ долженъ это узнать!

Петръ (*съ новымъ, но сдерживаемымъ гнѣвомъ*). Кто это?

Рената. Ты самъ!

Петръ. Я? Отъ меня онъ долженъ? (*Презрительно*). Глупости!

Рената (*выходя изъ себя*). Да, отъ тебя! Отъ тебя онъ долженъ узнать! Теперь же! Сейчасъ... Раньше, чѣмъ онъ выйдетъ изъ дома. Ты слышишь? Ты долженъ сказать ему все, все!

Петръ. За кого ты меня принимаешь? Что я въ твоихъ глазахъ— глупецъ или дуракъ?

Рената (*страстно*). Петръ, послѣдній разъ я тебя прошу объ этомъ. Это послѣдній случай, когда ты можешь все исправить... Петръ, во имя нашихъ двухъ умершихъ дѣтей! Облегчи свое сердце! Или ты погибнешь, и я съ тобой!

Петръ. Ты сошла съ ума! Не достаточно ли дорого заплатилъ я за все? Не стоило ли мнѣ это жены и дѣтей, счастья и покоя? Долженъ ли я еще пожертвовать своею честью и своимъ именемъ? Тогда лучше покончить со всѣмъ!

Рената (*внѣ себя опускается къ его ногамъ*). Петръ... я стою на колѣняхъ предъ тобой. Сознайся Генриху въ своей винѣ раньше, чѣмъ онъ выйдетъ изъ дома!

Петръ (*съ дикой насмѣшкой*). Вотъ какъ! Почему такъ скоро? И почему именно Генриху? Почему не Якову? И почему не раньше? Откуда вдругъ такая поспѣшность? Потому что онъ уходитъ изъ дома? Вотъ какъ! Объясни-ка мнѣ это?

Рената (*въ полномъ отчаяніи*). Убей меня! Убей меня! Я этого больше не перенесу!

Петръ (*съ торжествующимъ злорадствомъ*). Что, присмирѣла? Сорвалъ я съ тебя маску? Итакъ, ты влюбилась въ этого молодца? Въ этомъ вся тайна? И изъ-за этого я долженъ пожертвовать всѣмъ, что у меня осталось? Долженъ самъ подъ ножъ пойти, чтобы развязать ей руки? О нѣтъ, мое золото! Теперь я узналъ тебя въ истинномъ свѣтѣ! Теперь мы скоро съ этимъ покончимъ! Понимаешь ты меня? И если ты будешь долго сопротивляться, знаешь ты, что тогда будетъ? Тогда я у тебя силой свое право возьму!

Рената (*стоявшая, какъ бы оглушенная его обвиненіемъ, неподвижно на колѣняхъ, теперь вскакиваетъ, какъ отъ удара кнутомъ*). Силой?

Петръ (*наполовину теряя сознаніе*). Я не позволю больше дѣлать изъ себя дурака! Я не позволю болѣе сосѣдямъ насмѣхаться надо мной! Я сытъ уже этой болтовней! Этому долженъ быть конецъ!

Рената (*задыхаясь*). Ты хочешь меня силой?

Петръ (*къ ней*). Я хочу воспользоваться своимъ правомъ!

Рената. Ты хочешь воспользоваться своимъ правомъ?

Петръ (*совсѣмъ близко около нея*). Ты передъ Богомъ и людьми моя жена! Я хочу своего права! (*Схватываетъ ее за руки*).

Рената (*отталкиваетъ его*). Ты самъ не знаешь, что дѣлаешь! Ты навѣрное пьянъ!

Петръ. А если я даже пьянъ... Моя жена остается моей женой! И мое право остается моимъ правомъ! (*Онъ наступаетъ снова на нее! Дверь посрединѣ направо отворяется*).

ЯВЛЕНІЕ 18-ое.

(Тѣ же и Генрихъ).

Генрихъ (*входитъ на порогъ и останавливается въ колебаніи*).

Рената (*замѣчаетъ его, внѣ себя*). Генрихъ? Это ты? Тебя самъ Богъ посылаетъ!

Петръ (*дико*). Чего ты хочешь еще здѣсь? Что тебѣ еще тутъ нужно?

Генрихъ (*еще на порогѣ*). Я пришелъ только за тѣмъ, чтобы протянуть тебѣ руку и поблагодарить тебя за пріемъ.

Петръ. Ага! Ее вотъ благодари!

Генрихъ. Это я уже сдѣлалъ! Итакъ, прощай! (*Поворачивается*).

Рената (*съ момента его появленія какъ бы подъ вліяніемъ вдохновенія, для котораго она только теперь находитъ слова*). Генрихъ, Останься!

Петръ (*въ бѣшенствѣ*). Ты съ ума сошла?

Рената (*бросается къ Генриху*). Генрихъ! Вотъ этотъ человѣкъ, хочетъ отъ меня своего права! Генрихъ! Спроси этого человѣка, куда онъ дѣвалъ послѣднее завѣщаніе вашего отца! Спроси этого человѣка, куда онъ дѣвалъ послѣднее завѣщаніе вашего отца! Спроси этого человѣка, который хочетъ своего права, что онъ сдѣлалъ съ вашимъ правомъ!

Петръ (*бросаясь на нее, какъ бѣшеный*). Ты... ты... вѣдьма... Ты! Я убью тебя!

Рената (*съ раскрытыми руками*). Бей! Бей!

Генрихъ (*бросается между ними*). Дальше ни шагу! Эта женщина находится подъ моей защитой! (*Снаружи слышенъ шумъ и крики, дверь налѣво срывается, изъ толпы, которая стоитъ снаружи, бросается Ульрихсъ*).

ЯВЛЕНІЕ 19-ое.

Ульрихсъ (*кричитъ*). Ледоходъ! Ледоходъ! Гдѣ смотритель надъ плотиной? Ледоходъ!

Толпа (*перебивая*). Ледоходъ! Ледоходъ!

Петръ (*сильно выпрямляясь*). Здѣсь онъ! Развѣ потокъ прорвался?

Ульрихсъ. Прорвался, какъ дьяволъ! Въ двѣ минуты вся внѣшняя плотина очутилась подъ водой! И притомъ вода поднимается и поднимается! Да помилуетъ насъ Господь сегодня!

Петръ. Богъ или чортъ! Все равно! Всѣ мужчины наружу! Всѣ на плотину! Посмотримъ, кто сильнѣе, потокъ или мы! (*Хочетъ выйти*).

Генрихъ (*загораживаетъ ему дорогу, сдержанно*). Еще одно слово.

Петръ. Что ты хочешь? Теперь нѣтъ времени для разговоровъ, теперь нужно дѣйствовать!

Генрихъ. И я такъ думаю! Ты смотритель надъ плотиной! Пока есть нужда въ человѣкѣ, я въ твоемъ распоряженіи! Потомъ я потребую отъ тебя отчета!

Петръ. Къ дѣлу! Дай мнѣ справиться съ нимъ, тамъ, а съ тобой я скоро покончу. (*Обратясь къ толпѣ*). За дѣло, ребята! За дѣло! (*выбѣгаетъ*).

(*Генрихъ и другіе слѣдуютъ за нимъ. Дикіе возгласы въ толпѣ:* «Ледоходъ! Да здравствуетъ смотритель! Ура!» *Когда всѣ уходятъ, Рената падаетъ съ судорожными рыданіями. Глубокія сумерки. Слышенъ вой бури и грохотъ потока*).

Занавѣсъ.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Мѣсто дѣйствія тамъ же. Прошло съ четверть часа. Уже совсѣмъ стемнѣло. Рената, въ глубокой задумчивости, сидитъ, согнувшись, съ головой, опущенной на грудь, въ креслѣ налѣво, въ которое она опустилась въ концѣ второго акта. Буря бушуетъ и часто съ страшнымъ грохотомъ обрушивается на домъ. Издалека доносится, точно мелодія, глухой шумъ освободившагося потока. Спустя нѣсколько мгновеній открывается дверь направо сзади.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

(Рената и Анна).

Анна (*входитъ съ горящей лампой и направляется къ дубовому столу. Отъ движенія Ренаты она вздрагиваетъ и оборачивается*). О Боже! Барыня сидитъ въ креслѣ! Какъ я испугалась!

Рената (*молчитъ, не смотря на нее*).

Анна (*поставивъ лампу*). Я думала, вы тоже ушли посмотрѣть на плотину. Вѣдь у насъ теперь ледоходъ.

Рената (*продолжаетъ молчать*).

Анна. Я... я... Я такъ боюсь, барыня! (*Она вздрагиваетъ отъ испуга, такъ какъ сильный ударъ вѣтра потрясаетъ дверь*). Господи помилуй! Все равно какъ передъ днемъ страшнаго суда!

Рената (*задумчиво*). Можетъ быть, это онъ... день страшнаго суда Кто знаетъ!

Анна. Что вы, барыня, говорите! А что, если у насъ вдругъ прорветъ плотину?!

Рената. Тогда мы всѣ должны будемъ умереть, милая Анна!

Анна (*въ ужасѣ*). Должны умереть?... О, Боже мой и Спаситель! И я тоже!

Рената (*твердо*). И ты тоже! Всѣ мы! Развѣ ты никогда не слышала, что всѣ мы во власти Бога?

Анна (*содрогаясь*). Умереть! Когда ни въ чемъ не провинился? Когда еще такъ молодъ?

Рената (*какъ и прежде*). Успокойся! Если небо захочетъ, съ тобой ничего не случится! Для тебя оно сдѣлаетъ исключеніе.

Анна (*идетъ къ двери налѣво и, встрѣчая Якова, который какъ разъ въ это время входитъ, снова пугается*). Боже мой! Молодой баринъ!... Сама не знаю, сегодня меня все пугаетъ! (*Остается у двери, одращаясь къ Якову*). Я пойду закрыть ставни, молодой баринъ! А уже вы будьте такъ добры и завинтите ихъ съ этой стороны.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

(Тѣже и Яковъ).

Яковъ. Хорошо, хорошо. Ты только закрывай.

Анна (*выходитъ и закрываетъ за собою дверь. Слышно, какъ она снаружи захлопываетъ ставни, а Яковъ внутри въ это время завинчиваетъ ихъ. Когда онъ кончаетъ съ задними окнами, слышенъ снаружи голосъ Анны, однако словъ нельзя разобрать. Яковъ говоритъ сквозь ставни*).

Яковъ. Что случилось съ садомъ?... Ахъ, такъ! Да, садъ открытъ, можешь пройти черезъ него. (*Онъ проходитъ медленно впередъ, остается стоять недалеко отъ Ренаты*). Изъ за бури собственныхъ словъ не слыхать! (*Короткая пауза*). Ты на меня сердишься, Рената?

Рената (*молча качаетъ головой*).

Яковъ (*дѣлая шагъ къ ней*). Прости меня, Рената! Я самъ не зналъ, что дѣлалъ. Мнѣ казалось, весь міръ разомъ охваченъ пламенемъ! Прости меня!

Рената (*тяжело*). Намъ всѣмъ простить надо, Яковъ!

Яковъ (*въ волненіи*). Ты... ты... ты святая! (*Хочетъ схватить ея руку*).

Рената (*испуганно защищается*). Не называй меня такъ!

Яковъ (*съ блестящими глазами*). Ты такая славная! Такая сильная! Такая добрая!

Рената (*со слабой улыбкой*). Яковъ! Яковъ! А что ты думалъ обо мнѣ всего часъ назадъ! И что будетъ черезъ часъ?

Яковъ (*въ возбужденіи дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, возвращается и говоритъ таинственно*). А знаешь ли, что со мной случилось?

Рената. Нѣтъ, скажи!

Яковъ. Самая простая вещь, и въ то же время великая. Мнѣ явилось знаменіе!

Рената. Знаменіе?

Яковъ. Да знаменіе свыше! Отъ звѣздъ! Слушай!... Выбѣжавъ изъ дома, я побѣжалъ черезъ поле, все прямо, прямо! Далеко, далеко! Я не видѣлъ ни посѣвовъ, ни пашенъ, ни могилъ! Я бѣжалъ, бѣжалъ... А вѣтеръ все время гнался за мной. Такъ близко, такъ близко, что своимъ остывшимъ дыханіемъ онъ дулъ мнѣ прямо въ затылокъ! До сихъ поръ еще чувствую, какъ по моей спинѣ пробѣгали жаръ и холодъ! Все время я только объ одномъ и думалъ: онъ не долженъ тебя догнать! Ты погибнешь, если онъ тебя догонитъ! И я бѣжалъ, бѣжалъ... Кто его знаетъ, сколько это продолжалось! Вдругъ я обо что то споткнулся... Послѣ только я замѣтилъ, что это былъ сукъ отъ старой ивы. И вотъ я спотыкаюсь, падаю во всю свою длину, а ураганъ несется черезъ меня, какъ сумасшедшій. Мнѣ казалось, что всему наступилъ конецъ, и я потерялъ сознаніе. (*Онъ останавливается, проводитъ по лбу рукой*). Ты слушаешь, Рената?

Рената. Я слушаю, разсказывай дальше.

Яковъ. Когда я спустя немного времени открылъ глаза, я увидѣлъ, какъ прямо около меня, сквозь вѣтви ивы, что то свѣтитъ и блеститъ. Пораженный я смотрю наверхъ. Въ это время сквозь тучи пробивается лучъ луны. Слѣдя за нимъ, я вижу, что рядомъ со мной блеститъ и переливается вода!

Рената (*испуганно*). Вода?

Яковъ. Да. Я вскакиваю, луна уже зашла, но въ темнотѣ я вижу воду, тростникъ, камышъ и снова воду! Тогда только я узналъ Малаурское болото.

Рената. Малаурское болото, гдѣ такъ много людей утонуло... Яковъ! Яковъ!

Яковъ. Ахъ, что! Однимъ меньше, однимъ больше. Въ Малаурскомъ болотѣ хватитъ мѣста. Но ивовый сукъ не пустилъ меня, онъ задержалъ меня. Всего за два шага отъ края! За два шага!

Рената (*тихо*). И это было знаменіе?

Яковъ. Нѣтъ! Когда я отъ болота пошелъ къ плотинѣ, мнѣ вдругъ захотѣлось посмотрѣть на вечернюю звѣзду. Она всегда была моей звѣздой, я ее давно себѣ выбралъ. Недалеко отъ нея—другая звѣзда. Какъ она называется—не знаю. Она тоже красива, хотя далеко не такъ, какъ вечерняя звѣзда. Ищу я ихъ, но ничего не вижу. Небо совсѣмъ темное и мрачное. Тучи несутся куда то вдаль. Только на западѣ свѣтлая полоска. Затѣмъ она начинаетъ увеличиваться. Я говорю себѣ, это не можетъ долго длиться: тучи уйдутъ и тогда будутъ видны обѣ звѣзды. И приходитъ мнѣ въ голову мысль предоставить все звѣздамъ,—пусть онѣ рѣшатъ. Вечерняя звѣзда—моя звѣзда, другая—Генриха, и которая изъ нихъ первая покажется изъ-за тучъ, та побѣдила.

Рената. И твоя появилась раньше?

Яковъ (*гордо*). Да, моя звѣзда побѣдила!

Рената. А звѣзда Генриха?

Яковъ. Она показалась только долго спустя! Ее закрывала такая большая черная туча, которая точно совсѣмъ не хотѣла уходить. А моя звѣзда все время блестѣла и сіяла на западѣ!

Рената. И это было для тебя знаменіемъ?

Яковъ. Да, это было мое знаменіе. Оно мнѣ дано звѣздами. И потому я сталъ такъ спокоенъ. Я теперь внутренне вполнѣ увѣренъ въ себѣ! Все для меня ясно стало! Я знаю, со мною ничего не можетъ случиться... Я долго ходилъ вдоль плотины, какъ разъ въ то время, когда вскрывалась рѣка. Раздался такой трескъ, какъ будто изъ пушки выстрѣлило. Въ одно мгновеніе вода бросилась на внѣшнюю плотину и начала подниматься, все подниматься, ледяныя глыбы грохотали и трещали, лѣзли одна на другую и такъ... одна за другой спускались внизъ по теченію. На одной льдинѣ стояли двѣ лани. Кто знаетъ, какъ и откуда онѣ попали туда! Ихъ несло вмѣстѣ къ морю. И какъ-то странно выглядѣли онѣ при слабомъ лунномъ свѣтѣ, а около меня вода такъ смѣшно клокотала и разъѣдала плотину. Тогда я сказалъ себѣ: «Все, что ты видишь тутъ, имѣетъ свой особенный смыслъ. Потокъ—это жизнь, или судьба, или что нибудь въ этомъ родѣ, а люди—это льдины, которыя одна за другой спускаются къ морю»! И мнѣ стало такъ легко, такъ радостно на сердцѣ! Никогда раньше я не испытывалъ такого чувства, и когда обѣ лани пронеслись внизъ, знаешь ты, о чемъ я подумалъ тогда? (*Черезъ нѣсколько мгновеній, какъ бы всматриваясь въ какое-то видѣніе*). Мнѣ казалось, это король и королева...

Рената (*глубоко задумавшись*). Король и королева?

Яковъ. Да! И король это былъ я, а королева—ты. Что ты скажешь на это? Развѣ это не смѣшно?

Рената. Тогда, вѣдь, потокъ унесетъ насъ въ концѣ концовъ въ море?

Яковъ. Да, къ полночи мы уже были бы на морѣ. (*Дверь слѣва отворяется*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

(Тѣ же и Генрихъ.)

Генрихъ (*входитъ быстро, мгновеніе колеблется, потомъ съ внезапной рѣшимостью*). Ты здѣсь?.. Я долженъ говорить съ Ренатой. Будь такъ добръ, оставь насъ однихъ.

Яковъ (*съ изумленіемъ*). Говорить съ Ренатой?

Генрихъ. Да, объ очень важномъ дѣлѣ, которое, можетъ быть, и тебя касается.

Яковъ (*недовѣрчиво*). И потому я долженъ выйти? Если это касается меня, то я, вѣдь, имѣю право остаться.

Генрихъ. Пока дѣло это не терпитъ никакихъ свидѣтелей, а главное никакой отсрочки...

Яковъ (*возбужденно*). О, это звучитъ совсѣмъ... совсѣмъ... Не знаю какъ... Гдѣ же Петръ?

Генрихъ. Петръ поѣхалъ въ Райеркругъ. Онъ можетъ вернуться каждую минуту. Итакъ, уходи теперь, прошу тебя!

Яковъ (*упрямо*). Ну, а если я не хочу? Если мнѣ все это кажется подозрительнымъ?

Генрихъ. Яковъ, этотъ моментъ слишкомъ серьезный, чтобы намъ ссориться! Будь благоразуменъ и уходи!

Яковъ. Что скажетъ Рената на это? Долженъ я уйти, Рената?

Рената (*тихо*). Да, Яковъ, я прошу тебя.

Яковъ (*опускаетъ голову*). Если ты говоришь это, я долженъ, конечно, повиноваться. (*Идетъ направо вглубь, еще разъ оборачивается*). Рената, вспомни о вечерней звѣздѣ! Неужели она меня обманула? (*Онъ смотритъ нѣсколько мгновеній задумчиво, потомъ быстро уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-ое.

(Тѣ же безъ Якова).

Генрихъ. Ты поняла его, Рената?

Рената. Я думаю, да!

Генрихъ. Что хотѣлъ онъ сказать своей вечерней звѣздой?

Рената (*глубоко задумавшись*). Что она скоро исчезнетъ.

Генрихъ (*съ удивленіемъ*). Исчезнетъ, кто?

Рената. Вечерняя звѣзда.

Генрихъ (*приближается къ ней*). Ты сегодня какая-то особенная Рената.

Рената. Тебя это удивляетъ? Въ такой моментъ?

Генрихъ (*вспомнивъ*). Ты права, я забылъ... Неужели это возможно? Объясни же мнѣ это!

Рената (*мучаясь*). Я, вѣдь, уже сдѣлала это!

Генрихъ. Конечно! Конечно! Но никакихъ подробностей. Это былъ только внезапный взрывъ. Ты мнѣ должна теперь все сказать, Рената. Вспомни, что̀ только поставлено на карту. Теперь нельзя ничего замалчивать. Ты обязана сдѣлать это предъ самой собой, предо мной, предъ всѣми нами... предъ нимъ самимъ!

Рената (*съ трудомъ*). Что мнѣ еще сказать? Развѣ я и такъ уже не сказала слишкомъ много?

Генрихъ (*съ испугомъ*). Слишкомъ много?.. Значитъ больше, чѣмъ было въ дѣйствительности?.. Рената!

Рената (*страстно*). Все это слово въ слово правда! Ни одного слова я не могу взять обратно! Но повторять этого я не хочу! Понимаешь ты меня? Повторять я не хочу!

Генрихъ. Почему же ты вообще заговорила объ этомъ?

Рената (*вскакиваетъ*). Потому что иначе я не могла уже. Для меня это былъ вопросъ жизни! Нѣтъ, не жизни,—ее бы я съ удовольствіемъ отдала! Вопросъ шелъ о томъ, что было для меня дороже всего, выше всего! Пять лѣтъ я молчала и унесла бы тайну въ могилу! Но онъ не хотѣлъ! Онъ принудилъ меня говорить! Я сдѣлала это въ минуту жестокой, страшной, горькой необходимости. У меня вырвалось это въ минуту отчаянія. Это былъ единственный выходъ предъ смертью. И теперъ я должна повторить это хладнокровно? Не могу! Не могу! (*Она ходитъ невѣрными шагами впередъ и назадъ*).

Генрихъ (*съ волненіемъ*). Я понимаю твое состояніе, Рената, и не буду теперь настаивать. Скажи мнѣ только одно: откуда знаешь ты о томъ, что сдѣлалъ Петръ?

Рената (*выкрикивая*). Отъ него самаго я знаю! Вѣришь ты теперь этому? (*опускается, разбитая, на стулъ*).

Генрихъ (*пораженный*). Отъ него самого?.. Тогда, конечно! (*Приближается къ ней, гладитъ ея волосы*). И ты должна была молчать? Должна была молчать всѣ эти годы?.. Бѣдное, бѣдное сердце, что только не пришлось тебѣ вытерпѣть?

Рената (*изъ глубины сердца*). Видишь ты теперь мою жизнь? Понялъ ты ее?

Генрихъ (*въ сильномъ возбужденіи*). Онъ самъ себя выдалъ? Какъ это могло случиться, Рената? Такой желѣзный человѣкъ, какимъ онъ былъ съ молодыхъ лѣтъ... Только что-нибудь страшное могло развязать ему языкъ.

Рената (*съ широко раскрытыми глазами, какъ бы вспоминая*). Что-нибудь страшное? Да! Самое страшное, что есть только на свѣтѣ! Смерть заставила его говорить!

Генрихъ. Смерть, говоришь ты?

Рената (*торжественно*). Да, желѣзный, какъ онъ есть, онъ все таки былъ безсиленъ предъ смертю! Смерть вырвала изъ него это! (*Она поднимается и, какъ бы видя предъ собой что то, указываетъ на полъ около себя*). Здѣсь... здѣсь... здѣсь... они лежали, два маленькихъ трупика. Здѣсь все это случилось. (*Она стоитъ, точно она куда то далеко унеслась*).

Генрихъ (*потрясенный*). При смерти вашихъ дѣтей... случилось это? И тогда онъ сознался?

Рената (*какъ раньше*). Да, наши дѣти должны были умереть, чтобы это раскрылось! Наши дѣти понесли наказаніе за его вину! Этого хотѣло само Провидѣніе.

Генрихъ. И ты этому вѣрила? И этого ты ожидала отъ твоего Провидѣнія?

Рената. Я вѣрю этому еще и сегодня! Вѣрю еще больше, чѣмъ когда либо!

Генрихъ. Это прямо ужасно!.. Ужасно!

Рената (*склоняется совсѣмъ разбитая, но продолжаетъ стоять*).

Генрихъ (*съ трудомъ говоря*). И съ такимъ чувствомъ... жила ты пять лѣтъ, вмѣстѣ съ Петромъ? Жила какъ... какъ его жена?

Рената (*внѣ себя*). Этого... я не дѣлала! (*Падаетъ на стулъ, прижимается лицомъ къ спинкѣ стула*).

Генрихъ (*отступая назадъ*). Рената..!?

Рената. Теперь... ты знаешь... все!

Пауза.

Генрихъ (*стоитъ у средняго стола, опираясь на него рукой, съ опущенной головой и въ глубокомъ раздумьѣ*).

Рената (*садится, вся съежившись, направо къ столу около софы*).

Генрихъ (*вскакиваетъ, обращается къ ней*). А теперь?.. Что будетъ теперь, Рената?

Рената (*медленно выпрямляясь*). Топерь остается только одна дорога!

Генрихъ. А куда она ведетъ?

Рената (*просто*). Она ведетъ къ нему. Теперь мое мѣсто около Петра.

Генрихъ. Я зналъ это. (*Отворачивается*).

Рената (*черезъ мгновеніе*) Развѣ я не права, Генрихъ?

Генрихъ (*молчитъ*).

Рената (*встаетъ, осматривается кругомъ, какъ бы говоря сама съ собой*). Я раскрыла его тайну. Я должна это сдѣлать! Я не могла иначе! Я не виновата въ томъ, что случилось! Но чѣмъ бы я была, если бы я теперь его бросила?

Генрихъ (*мрачно*). И ты вѣришь еще, что онъ измѣнится?

Рената. Да, я вѣрю въ это и надѣюсь.

Генрихъ. Рената, ни одинъ не можетъ стать инымъ, чѣмъ онъ есть. Оставь надежду! Ты его не исправишь.

Рената (*тихо*). Я хочу попробовать.

Генрихъ (*дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, оборачивается и выкрикиваетъ*). Рената, твои планы—это безуміе! Это самоубійство! Это значитъ обречь себя на добровольную смерть!

Рената. Иначе я не могу.

Генрихъ (*страстно, съ горечью*). Рената, ты преувеличиваешь свои силы! Ты хочешь быть героиней!

Рената (*спокойно*). Думай обо мнѣ, какъ хочешь.

Генрихъ (*съ легкимъ поклономъ*). Прощай!

Рената (*пораженная*). Ты хочешь уйти?

Генрихъ. Мнѣ здѣсь нечего больше дѣлать.

Рената. Но, вѣдь, у тебя тутъ еще другая задача?

Генрихъ. Моя задача—тамъ, у потока. Отъ этой я не откажусь. Другой у меня нѣтъ и другой я не знаю.

Рената (*съ силой*). Ты долженъ еще, Генрихъ, посчитаться съ Петромъ! Не забывай этого!

Генрихъ. Петръ можетъ оставить у себя все, что онъ имѣетъ. Я прощаю ему его преступленіе! (*Поворачивается, чтобы уйти*).

Рената (*съ тревогой*). Генрихъ, вспомни о Яковѣ! Кто поможетъ Якову добиться своего права, если ты уѣдешь?..

Генрихъ (*стоитъ съ опущенной головой, затѣмъ обращается къ ней*). Дай мнѣ твою руку, Рената!

Рената (*протягиваетъ ему руку*). Хочешь ты довести это до конца, Генрихъ?

Генрихъ. Да.

Рената (*тяжело вздыхаетъ*). Тогда хорошо!

Генрихъ (*смотря на нее долгимъ взглядомъ*). Рената! Почему мы не сошлись тогда?

Рената (*тихо*). Спроси судьбу!

Генрихъ (*мрачно*). И ты еще вѣришь въ слѣпое Провидѣніе, которое нами правитъ?

Рената (*опускаетъ голову*) Не знаю! Знаю только, что мы должны покориться.

Генрихъ. Рената, мы въ послѣдній разъ видимся наединѣ. И мы должны теперь проститься навсегда!

Рената (*безъ словъ подставляетъ ему лобъ*).

Генрихъ (*цѣлуетъ ее. Они стоятъ молча другъ около друга*).

Рената (*выпрямляется, услышавъ шумъ снаружи, спокойно*). Петръ идетъ. Будь спокоенъ и твердъ. И... не будь жестокъ съ нимъ.

ЯВЛЕНІЕ 5-ое.

(Тѣ же и Петръ).

Петръ (*входитъ слѣва. Когда отворяется дверь, слышны шумъ потока и свистъ вѣтра. Лучъ луны падаетъ черезъ порогъ. Петръ закрываетъ за собою дверь, осматриваетъ ихъ съ мрачною усмѣшкой*). Что? Наговорились?

Генрихъ (*смотря ему прямо въ глаза*). Да!

Петръ. Я вамъ для этого предоставилъ достаточно времени.

Генрихъ. Ты объѣхалъ плотину, нашелъ ли ты все въ порядкѣ?

Петръ. Чего ты безпокоишься? Вѣдь я смотритель надъ плотиной, не ты, и я думаю имъ и остаться!

Генрихъ. По мнѣ, сколько тебѣ угодно! Но теперь я у тебя требую отчета.

Петръ. Въ чемъ?

Генрихъ. Ты знаешь, въ чемъ тебя обвиняютъ?

Петръ (*смѣется*). Въ чемъ же меня обвиняютъ? Ну, говори скорѣе.

Генрихъ. Ты утаилъ послѣднюю волю отца. Признаешь ли ты это?

Петръ (*дико*). Ничего я не признаю. Это все ложь и вранье, что тебѣ наговорили! Ты позволилъ провести себя сумасшедшей, бѣшеной, которая сама не знаетъ, что она дѣлаетъ и что говоритъ!

Рената (*до сихъ поръ неподвижная, теперь, какъ бы очнувшись, дѣлаетъ шагъ къ нему*). И это... ты говоришь мнѣ прямо въ лицо!

Петръ. И я скажу это еще десять разъ! Я повторю это передъ всѣмъ свѣтомъ!

Рената (*подходитъ къ нему близко, дрожа всѣмъ тѣломъ*). Ты хочешь предо мной отрицать то, въ чемъ самъ сознался на этомъ самомъ мѣстѣ? Ты хочешь отрицать то, что стоило намъ жизни нашихъ дѣтей, что исковеркало всю нашу жизнь?

Петръ. Да! Тутъ нѣтъ ни одного слова правды! Ни одного слова!

Рената. (*хватаетъ его за руки, внѣ себя*) Петръ, смотри мнѣ въ глаза! Имѣй мужество посмотрѣть мнѣ въ глаза!—Да или нѣтъ?

Петръ. Брось эту комедію!

Рената (*оставляетъ его руки съ судорогой отвращенія; къ Генриху*). Генрихъ, этотъ человѣкъ преступникъ, какого ты еще никогда не видалъ!

Петръ. Смотри только, не повтори этого публично, вотъ что я тебѣ совѣтую! Думать можешь ты все, что угодно!

Рената (*смотритъ на него пронзительно*). А я думала, что онъ несчастенъ, что онъ прегрѣшившій человѣкъ, который самъ не зналъ, что творилъ. Теперь я вижу, что жила съ преступникомъ! (*Она ломаетъ руки*).

Петръ. Я иду своимъ путемъ. У меня нѣтъ больше охоты возиться съ безумными бреднями и разстроеннымъ воображеніемъ.

Рената (*бросаясь къ нему*). А наши дѣти? Можетъ быть, они совсѣмъ даже не умирали? Развѣ ихъ трупы не лежали тутъ на полу? Можетъ быть, и это я только вообразила себѣ?

Петръ. Хорошо, что ты вспомнила объ этомъ. Съ этого у тебя и началось! Съ этого самаго дня ты потеряла разсудокъ.

Рената. Петръ! Умерли наши дѣти или нѣтъ? Скажи мнѣ, что они не мертвы! И я повѣрю, что все это мнѣ снилось, и на колѣняхъ я буду просить у тебя прощенія за все зло, что мнѣ снилось про тебя!

Петръ (*мрачно*). Наши дѣти умерли, это правда.

Рената (*опускаетъ руки*). Тогда и все остальное правда.

Петръ. Наши дѣти умерли! Но я-то чѣмъ виноватъ? Я такъ же мало виновенъ, какъ и ты! Я скажу тебѣ, въ чемъ моя вина. Я позволилъ тебѣ заразить меня твоими фантазіями. Я позволилъ тебѣ уговорить себя, что Тотъ, Кто тамъ наверху, наказалъ меня за то, что я одинъ наслѣдовалъ отцу. Вотъ съ чего все началось! И эта мысль засѣла у тебя гвоздемъ! Она тебѣ покоя не давала! Вѣдь Тотъ, Кто тамъ наверху, безвиннаго не наказываетъ! И непремѣнно нужно совершить какое-нибудь преступленіе, чтобы у тебя въ одинъ день умерли дѣти. Такимъ образомъ, постепенно, у тебя это обратилось въ idé fixe, и въ концѣ концовъ въ твоемъ воображеніи я превратился въ поддѣлывателя и мошенника. Вотъ какъ все это развилось! Одно зерно истины принесло тысячу плевелъ! Если бы я его во-время вырвалъ, если бы я съ самаго начала выбилъ изъ тебя эту безсмыслицу, все было бы сегодня въ порядкѣ... Вотъ гдѣ моя вина. И теперь не удивляюсь, что мнѣ готовятъ петлю на шею! (*Онъ вытираетъ потъ со лба, тяжело дышетъ*).

Рената (*въ ужасѣ хватается за голову*). Генрихъ, этотъ человѣкъ хочетъ меня съ ума свести! (*Она бѣжитъ къ задней двери направо, отворяетъ ее, зоветъ пронзительныхъ голосомъ*). Ульрихсъ! Дядя Рейнголь, вы тамъ?.. Дядя Ульрихсъ! Гдѣ вы?

Ульрихсъ (*кричитъ снаружи*). Я здѣсь. Что случилось?

Рената (*какъ и раньше*). Дядя Ульрихсъ! Идите сюда! Идите сюда!

Петръ. Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше! Какое дѣло до всего этого Ульрихсу?

Рената. Ты увидишь! (*Она нетерпѣливо дѣлаетъ Ульрихсу знаки*). Скорѣе, дядя Ульрихсъ, скорѣе.

ЯВЛЕНІЕ 6-ое.

(Тѣ же Ульрихъ).

Ульрихсъ (*входитъ*). Иду, иду! Вотъ я тутъ. (*Начиная догадываться*). Что такое случилось?

Рената (*предъ нимъ*). Дядя Ульрихсъ, въ своемъ умѣ я или нѣтъ? О чемъ мы говорили здѣсь часъ тому назадъ?

Ульрихсъ (*вертитъ фуражку въ рукахъ*). О многомъ говорили мы, дитя мое. Кто можетъ все это запомнить! Я вѣдь не ученый. У меня вѣдь память не изъ важныхъ.

Рената (*съ дикой энергіей*). Безъ отговорокъ! (*Смотритъ Ульрихсу прямо съ глаза*). Дядя Ульрихсъ, говорили ли вы, что свекоръ мой передъ смертью составилъ завѣщаніе въ пользу Генриха и Якова, что это завѣщаніе потеряно?

Ульрихсъ (*почесываетъ затылокъ и молчитъ*).

Рената. Говорили ли вы мнѣ объ этомъ или нѣтъ? Намекали ли вы, что Петръ утаилъ это завѣщаніе или нѣтъ? Заклинаю васъ спасеніемъ души вашей! Отвѣчайте мнѣ, да или нѣтъ?

Ульрихсъ. Во имя спасенія души моей спрашиваешь ты меня?.. Проклятая исторія! Могъ бы я еще спасти ее, но упустилъ случай. Ну, если уже дошло до этого дѣло... Да, я объ этомъ говорилъ.

Рената. Вы говорили объ этомъ. Именно это я и хотѣла отъ васъ слышать.

Ульрихсъ. Это уже моя собственная глупость, что я проболтался! Двѣнадцать лѣтъ старался я проглотить это! Но уже таковъ человѣкъ! Его грызетъ, грызетъ, пока совсѣмъ не прогрызетъ! Пока все не выйдетъ на свѣтъ Божій! Но разъ уже это извѣстно стало, то, можетъ быть, это къ лучшему. На этомъ свѣтѣ каждый долженъ самъ отвѣчать за себя. И отъ каждаго потребуютъ отчета.

Рената (*страстно*). Кому вѣришь ты теперь, Генрихъ? Мнѣ или (*указываетъ на Петра*) тому... тамъ?

Генрихъ. Я тебѣ съ самаго начала вѣрилъ, Рената.

Петръ (*до сихъ поръ стоявшій, какъ оглушенный, кричитъ въ порывѣ ярости*). Вотъ какъ! Значитъ, это настоящій заговоръ! Заговоръ брата и собственной жены! И этотъ гусь вмѣстѣ съ ними! И его я поилъ и кормилъ! Съ улицы подобралъ! Безъ меня онъ вѣдь съ голоду умеръ бы! И въ благодарность за все это онъ меня хочетъ утопить! Ну, подожди! (*Онъ грозитъ Ульрихсу кулакомъ*).

Ульрихсъ (*съ возрастающимъ гнѣвомъ*). Ты могъ бы не попрекать меня крохами, которыя я отъ тебя получалъ, ни жалкой конурой на чердакѣ, гдѣ я сплю. По совѣсти говоря, я не даромъ получалъ ихъ. Для кого я, вотъ уже сорокъ лѣтъ, надрываюсь съ пяти часовъ утра до самой поздней ночи? Ради кого высохли мои жилы и сгнили мои кости?.. Отвѣть мнѣ на это, молодчикъ! (*Приближается къ нему вплотную и враждебно его осматриваетъ*). Ну, ты молчишь! Ты думаешь, ты баринъ, а я батракъ! Берегись, голубчикъ! Мнѣ тоже въ колыбели не предсказывали, что меня понесутъ когда-нибудь въ гробу для нищихъ, и гдѣ ты найдешь свой конецъ, ты тоже не знаешь! Можетъ быть, совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ ты это думаешь!

Петръ. Значитъ и вы тоже заразились этимъ безуміемъ? Или весь домъ перепился? Недостаетъ теперь только, чтобы и Якова втянули въ эту исторію...

Генрихъ. Да, это придется сдѣлать. Я думалъ покончить съ тобой добромъ. Но ты не хочешь этого! Что же! Теперь остается только открыть глаза Якову... Дядя Ульрихсъ, не знаете ли вы, гдѣ Яковъ?

Ульрихсъ. Онъ, вѣрно, на плотинѣ у ледохода.

Генрихъ. Позовите его сюда.

Петръ (*быстро оборачивается преграждая дорогу Ульрихсу*). Стой, еще одно слово!

Ульрихсъ (*останавливается, смотритъ на него спокойно*).

Петръ. А знаете ли вы, дядя Ульрихсъ, какую отвѣтственность вы на себя принимаете? Обдумали ли вы хорошо все это?

Ульрихсъ. О чемъ ты меня спрашиваешь? Вѣдь льдинъ, что тамъ, на Вислѣ, никто не спрашиваетъ. Онѣ должны нестись внизъ по теченію,—хотятъ ли онѣ, или нѣтъ.

Петръ. Дядя Ульрихсъ, вы сказали, что мой отецъ говорилъ вамъ о завѣщаніи. Вѣдь завѣщаніе было же?

Ульрихсъ. Но не то, о которомъ онъ мнѣ говорилъ. То, въ которомъ онъ позаботился о Генрихѣ и Яковѣ, то... потеряно.

Петръ. Развѣ не вѣроятно, что онъ *хотѣлъ* написать такое завѣщаніе, но не успѣлъ выполнить свое намѣреніе?

Ульрихсъ. Нѣтъ, это невозможно! Завѣщаніе было уже готово.

Петръ. Но онъ могъ послѣ его уничтожить. Слѣдовательно, это еще ничего не доказываетъ.

Ульрихсъ (*смотритъ пристально на него*). Нѣтъ, этого онъ не могъ сдѣлать. Черезъ нѣсколько минутъ, послѣ того, какъ онъ мнѣ говорилъ, онъ потерялъ сознаніе и оно уже больше къ нему не возвращалось.

Петръ (*съ силой отталкиваетъ его отъ себя*). Вы... вы пьяница, вы... Пьяны вы были, когда вы это слышали! Вамъ приснилось все это! Больше ничего! Хотѣлъ бы я видѣть того судью, который повѣрилъ бы вашей сказкѣ!

Ульрихсъ (*смотря зло на Петра, обращается къ Генриху*). Такъ я пойду поискать Якова.

Генрихъ. Да, приведите его сюда! Но не говорите ему пока ни слова.

Ульрихсъ. Ладно! (*уходитъ налѣво*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

(Тѣ же, безъ Ульрихса).

(*Пауза.*)

Петръ (*стоитъ у средняго стола, спиной къ Генриху и Ренатѣ, кусаетъ нижнюю губу*).

Генрихъ (*черезъ нѣсколько мгновеній*). Еще есть время, Петръ! (*Онъ снова молчитъ, послѣ нѣкоторой паузы*). Петръ, еще есть время

Петръ (*выпрямляется*). Вы не судьи мои, и я не стою здѣсь передъ судомъ присяжныхъ. Если вы хотите меня судить, судите безъ меня! Я долженъ быть тамъ, на своемъ посту. (*Беретъ свою фуражку, и выходитъ, не оборачиваясь, налѣво. Непродолжительное молчаніе*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

(Тѣ же, безъ Петра).

Рената (*стоитъ у окна налѣво, въ глубокой задумчивости*).

Генрихъ. Рената, ты все еще хочешь принести себя ему въ жертву?

Рената (*качаетъ отрицательно головой*). Нѣтъ, я отъ него отказываюсь!

Генрихъ. Ты... ты отказываешься отъ него?

Рената. Да, я теперь съ нимъ не имѣю ничего общаго.

Генрихъ (*подходитъ къ ней*). Какъ ты дрожишь, Рената?

Рената (*беззвучно*). Я отдалась недостойному. Вся моя жизнь была ошибкой, я вижу это теперь.

Генрихъ. Рената, еще не слишкомъ поздно.

Рената. Не говори дальше ни слова, я знаю, что ты хочешь сказать.

Генрихъ (*съ трудомъ овладѣваетъ собой*). Ты права. Теперь не мѣсто и не время.

Рената (*поворачивается молча, чтобы уйти*).

Генрихъ. Что ты намѣрена дѣлать?

Рената. Я хочу собрать самыя необходимыя вещи и затѣмъ уѣхать отсюда.

Генрихъ. Куда ты хочешь уѣхать?

Рената. Я ѣду въ городъ, у меня тамъ родные.

Генрихъ. Ты уѣзжаешь навсегда?

Рената. Сюда я уже никогда не вернусь (*идетъ направо къ средней двери*).

Генрихъ. Ты не хочешь подождать, пока мы все скажемъ Якову? Кажется, онъ уже идетъ съ Ульрихсомъ. Я слышу ихъ шаги.

Рената. Избавь меня отъ этого, Генрихъ! У меня уже больше нѣтъ силъ. (*Она уходитъ усталой, разбитой походкой направо; въ это время открывается дверь налѣво*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

(Генрихъ, Яковъ и Ульрихсъ).

Яковъ (*входитъ съ Ульрихсомъ, осматривается недовѣрчиво кругомъ, оставляетъ двери открытыми*). Ульрихсъ сказалъ мнѣ, что ты хочешь со мной поговорить. Въ чемъ дѣло?

Генрихъ. Ты сейчасъ услышишь. Но сначала... (*онъ подходитъ къ открытой двери, обращаясь къ Ульрихсу*). Что дѣлается тамъ, на дворѣ? Что съ рѣкой?

Ульрихсъ. Развѣ ты не слышишь, какъ она бушуетъ?

Генрихъ (*прислушивается*). Но буря немного стихла?

Ульрихсъ. Чуть-чуть, совсѣмъ немного!

Генрихъ. А уровень воды?

Ульрихсъ. Всего на полфута ниже верхушки плотины.

Генрихъ. Значитъ, она больше не поднялась! Стоитъ на мѣстѣ!

Ульрихсъ. Да, если она останется на этой высотѣ, то мы еще разъ выкрутимся изъ бѣды.

Генрихъ. Петръ теперь на плотинѣ, не правда ли?

Ульрихсъ. Да, я его, кажется, видѣлъ издали.

Генрихъ (*смотритъ снова наружу*). Какъ ярко свѣтитъ мѣсяцъ!

Ульрихсъ. А какъ только облака закрываютъ его, опять наступаетъ черная ночь.

Генрихъ (*прислушивается*). Слушайте только теперь! Слушайте только! Это, должно быть, льдины...

Ульрихсъ. Я тебѣ говорю, тамъ есть такія, которыя въ десять разъ больше этой комнаты. Если онѣ только набросятся на плотину...

Генрихъ. И главный ударъ придется, конечно, сюда въ голое колѣно. Если бы старые рыцари не построили такъ прочно плотины...

Ульрихсъ. А твоя плотина, которую ты хочешь строить, будетъ тоже такъ долго держаться?

Генрихъ. Спросите-ка объ этомъ лѣтъ черезъ шестьсотъ.

Яковъ (*который до сихъ поръ молча осматривалъ обоихъ*). Мнѣ кажется, ты хотѣлъ мнѣ что-то сказать? Если нѣтъ, я опять уйду.

Генрихъ. Нѣтъ, нѣтъ, останься. Я закрою только дверь.

Ульрихсъ (*бросая послѣдній взглядъ наружу*). Смотри, теперь мѣсяцъ скрылся, теперь опять совсѣмъ темно.

Генрихъ (*закрываетъ дверь, подходитъ къ Якову*). Не присядемъ ли мы лучше?

Яковъ. Благодарю! Я предпочитаю стоять.

Генрихъ. Выслушай меня спокойно, Яковъ!

Яковъ (*недовѣрчиво*). Куда ушла Рената?

Генрихъ. Она ушла въ свою комнату... Будь только спокоенъ, Яковъ! Побольше хладнокровія! Оказалось, что завѣщаніе нашего отца было утеряно.

Яковъ (*всматривается въ него*). Завѣщаніе утеряно? Значитъ, это совсѣмъ не настоящее, то... которое они послѣ его смерти нашли?

Генрихъ. Вполнѣ настоящее. Только отецъ позже составилъ второе завѣщаніе, въ которомъ онъ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія. Онъ въ немъ позоботился и о насъ, двухъ младшихъ братьяхъ, и о тебѣ, и обо мнѣ.

Яковъ. Можетъ быть, онъ сдѣлалъ это совсѣмъ передъ своей смертью?

Генрихъ (*съ удивленіемъ*). Почему ты такъ думаешь?

Яковъ. Потому что онъ мнѣ обѣщалъ это передъ смертью. Я знаю отъ него самого, что онъ хотѣлъ обо мнѣ позаботиться, и завѣщать мнѣ домъ Ульрихсовъ. Я, вѣдь, разсказывалъ тебѣ это, дядя Рейнгольдъ!

Генрихъ. Мы имѣли бы новое доказательство, если еще только есть въ нихъ нужда.

Яковъ (*съ возрастающимъ волненіемъ*). Значитъ, я былъ несправедливъ къ отцу? Онъ не забылъ меня?.. Онъ сдержалъ свое слово?.. Какъ же все это могло случиться? Тогда, вѣдь, я долженъ былъ?.. Тогда кто нибудь долженъ былъ?.. (*Сразу потемнѣвъ*). Генрихъ, куда дѣлось завѣщаніе!? (*Онъ схватываетъ его за руки*).

Генрихъ. Побольше спокойствія, Яковъ! Побольше спокойствія! Я же говорю тебѣ, завѣщаніе было утеряно!

Яковъ. Утеряно? Утеряно?.. Украдено оно, говорю я тебѣ, оно украдено! Его скрылъ кто-то! (*Ходитъ разъяренный взадъ и впередъ*).

Генрихъ (*стоитъ молча у средняго стола*).

Яковъ (*бросается къ Генриху*). Это вѣдь не Петръ? Не Петръ же сдѣлалъ это? (*Онъ хватаетъ его за плечи и трясетъ*). Я хочу имѣть отвѣтъ! Кто тотъ негодяй, который сдѣлалъ это? Я хочу знать имя этого негодяя!

Генрихъ. Ты уже знаешь его, ты назвалъ его.

Яковъ (*отпускаетъ Генриха*). Значитъ, въ самомъ дѣлѣ, Петръ? Это былъ Петръ? Петръ скрылъ завѣщаніе! Петръ укралъ у меня мою часть наслѣдства!... А я долженъ былъ служить у него батракомъ?! (*Онъ стоитъ съ широко раскрытыми глазами*).

Генрихъ. Яковъ, вспомни, ты не одинъ пострадалъ, я, вѣдь, тоже лишенъ своей части наслѣдства.

Яковъ (*внѣ себя*). Ты? Ты? Ты уже тогда закончилъ свое образованіе! Ты былъ уже чѣмъ то! А я?.. Я долженъ былъ ходить въ деревенскую школу! Я долженъ былъ свиней пасти!.. Онъ долженъ быть наказанъ! Я отплачу ему за все! Хотя бы весь свѣтъ погибъ! Я отомщу ему.

Гянрихъ. Яковъ! Яковъ! Долженъ ли я дѣйствительно жалѣть, что я сказалъ тебѣ объ этомъ?

Ульрихсъ (*къ Генриху*). Я долго отсовѣтывалъ тебѣ это, дитя мое. Теперь ты самъ видишь. что вышло.

Яковъ (*бросается къ Ульрихсу*). Что такое? Что вы ему отсовѣтывали?

Ульрихсъ Я отсовѣтывалъ?

Яковъ (*продолжаетъ смотрѣть на него пристально*). Неужели вы уже давно объ этомъ знаете, дядя Рейнгольдъ?

Ульрихсъ (*старается освободиться отъ него*). Я не думалъ объ этомъ, паренекъ. Что ты себѣ только воображаешь?

Яковъ (*смотря то на одного, то на другого*). Кто же въ такомъ случаѣ зналъ объ этомъ? Какъ все это обнаружилось? Я хочу знать это!

Генрихъ. Все это выяснится. Довольно тебѣ и того, что этотъ фактъ установленъ.

Яковъ. Установленъ? Установленъ? кѣмъ же установленъ?.. (*Онъ осматривается, снова бросается къ Ульрихсу*). Дядя Рейнгольдъ, посмотрите мнѣ прямо въ глаза!

Ульрихсъ (*отворачивается*). Это я могу вполнѣ спокойно сдѣлать.

Яковъ. Но вы, вѣдь, смотрите въ сторону?

Ульрихсъ. Ахъ, оставь меня въ покоѣ!

Яковъ. Дядя Рейнгольдъ, вы, вѣдь, знали объ этомъ! Вы давно уже знали объ этомъ!

Ульрихсъ (*отворачиваетъ лицо, молчитъ*).

Яковъ (*оставляетъ его*). Вы знали это и даже пальцемъ о палецъ не ударили для меня?!. И я считалъ васъ своимъ другомъ?!. Какимъ я былъ дуракомъ! какъ былъ я глупъ! (*Опускается на стулъ и судо-*

рожно рыдаетъ). Я потерялъ своего друга! Единственнаго друга, котораго я имѣлъ на этомъ свѣтѣ!

Ульрихсъ (*тронутый и смущенный*). И вотъ, что я за все получилъ! На рукахъ носилъ я его, когда онъ былъ маленькимъ! Я ему дѣлалъ лукъ и всякія другія игрушки! Все, что только могъ, я для него дѣлалъ! И вдругъ я долженъ перестать быть его другомъ?.. Почему ты упрекаешь только меня? Какъ будто другіе не знали такъ же хорошо, какъ и я! А теперь я долженъ за все отвѣчать!

Яковъ (*вскакиваетъ*). Кто же еще? Кто же еще? (*Къ Генриху*). Ты, можетъ быть? Но нѣтъ! Это, вѣдь, невозможно! Но кто? Кто?.. Вѣдь не?.. Вѣдь не... Рената?

Ульрихсъ (*со вздохомъ облегченія*). Видишь, дитя мое... Теперь ты угадалъ! О чемъ я тебѣ всегда говорилъ? Каждый на этомъ свѣтѣ имѣетъ свою тайну и каждый имѣетъ свои причины скрывать ее!

Яковъ (*не слушая его*). Значитъ, Рената тоже знала объ этомъ? Рената тоже?.. Значитъ, это Рената все скрыла?.. Ага! Какъ они смотрятъ другъ на друга! Какъ они оба сразу присмирѣли (*къ Генриху*). Значитъ,—это Рената! Рената тебѣ все разсказала! Скажи же! Тебѣ она разсказала объ этомъ, а мнѣ ни слова! Теперь я все знаю! Теперь я знаю также и почему! (*Онъ сжимаетъ голову руками, всхлипываетъ*).

Ульрихсъ. Я лучше уйду себѣ. Я не могу больше видѣть это горе. (*Уходитъ направо. Короткая пауза*).

ЯВЛЕНІЕ 10-ое.

(Тѣ же безъ Ульрихса).

Генрихъ. Яковъ, я желаю тебѣ добра. Выслушай меня спокойно.

Яковъ (*возбужденно*). Тебѣ она разсказала, мнѣ объ этомъ ни слова! Этого достаточно! Вечерняя звѣзда все таки солгала! Будь она проклята! Проклята во вѣки вѣковъ! (*Дверь налѣво отворяется*).

ЯВЛЕНІЕ 11-ое.

(Тѣ же и Петръ).

Петръ (*входитъ, слышитъ послѣднія слова*). Кто долженъ быть проклятъ?

Яковъ (*бросается на него*). Ты здѣсь? Ты? Воръ? Возврати мнѣ мою часть наслѣдства!

Петръ. Вотъ какъ? Скоро же у васъ дѣлается! Уже дѣлите мое имущество и достояніе?

Яковъ (*дрожитъ всѣмъ тѣломъ*). Я требую моей части. Ту, которую ты у меня укралъ! Возврати мнѣ ее или будетъ бѣда!

Петръ. Ступай въ судъ, если ты хочешь ее получить!.. А теперь вонъ изъ моего дома!

Яковъ. Ты... ты... хочешь меня выгнать?

Петръ. Да, я выгоняю тебя изъ моего дома! Тебя и вонъ того, который все это подстроилъ!

Генрихъ. Опомнись, Петръ. Ты не имѣешь никакого права выгонять Якова изъ дома.

Петръ. Тогда я беру себѣ это право! Я никого спрашивать не буду Всеобщій дѣлежъ, вѣдь, не начался еще. Этотъ домъ еще мой, и этотъ дворъ еще мой дворъ. И кто не уйдетъ изъ моего двора, того я выгоню собаками!

Генрихъ. Петръ, ты не знаешь, что дѣлаешь. Ты рискуешь своей головой!

Петръ. А если бы и такъ... Я всю жизнь такъ поступалъ! Я стану на своей землѣ, спиною къ воротамъ и буду сторожить съ оружіемъ въ рукахъ! И кто захочетъ войти въ мой домъ, тотъ умретъ.

Генрихъ. Ты хочешь, значитъ, борьбы,—на жизнь или смерть?

Петръ. На жизнь или смерть да!

Генрихъ. Хорошо, ты будешь ее имѣть! Къ такимъ дикимъ звѣрямъ, какъ ты, не можетъ быть ни сожалѣнія, ни пощады.

Петръ. И я такъ думаю! А теперь я вамъ опять повторяю: убирайтесь вонъ! Оба!

Генрихъ. Сейчасъ! Возьму только свои вещи, тогда ты освободишься отъ насъ... Я сейчасъ же вернусь, Яковъ. Мы уйдемъ вмѣстѣ. *(Выходитъ направо въ заднюю дверь).*

ЯВЛЕНІЕ 12-ое.

(Тѣ же безъ Генриха).

Петръ (*поворачивается къ Якову*). Чего же ты еще стоишь тутъ? Я сказалъ тебѣ—убирайся вонъ! Я не буду больше ждать!

Яковъ (*до сихъ поръ, какъ оглушенный, смотритъ кругомъ безумными глазами*). Ты... хочешь... выгнать меня... изъ моего отцовскаго дома?

Петръ. Тебѣ здѣсь нечего больше ждать... Съ такими молодцами, которые бунтуютъ противъ меня за моей спиной, у меня расправа коротка.

Яковъ (*приближается къ нему вплотную*). Значитъ мало того, что ты укралъ мою часть наслѣдства! Ты хочешь теперь еще выбросить меня, какъ собаку, на улицу! Ты... ты... сатана ты! (*Дѣлаетъ движеніе, какъ будто хочетъ на него броситься*).

Петръ (*выпрямляется*). Ну, попробуй! Я думаю, что еще съумѣю постоять за себя!

Яковъ (*опускаетъ руки*). Я не хочу пачкать свои руки! Я знаю лучшее средство противъ тебя!

Петръ. Хвастунишка!

Яковъ. Ты меня еще вспомнишь... вы всѣ меня вспомните... Если только у васъ для этого будетъ время! (*Уходитъ медленно съ опущенной головой налѣво*).

ЯВЛЕНІЕ 13-ое.

(Петръ одинъ).

Петръ (*остается одинъ, мрачно смотритъ впередъ. Ему что-то вдругъ приходитъ въ голову. Подходитъ къ шкафу у задней стѣны, выдвигаетъ ящикъ, вынимаетъ револьверъ, осматриваетъ его, бормочетъ про себя*). На всякій случай! (*поворачиваясь*). Нѣтъ! къ чему! (*Онъ бросаетъ револьверъ опять въ ящикъ. Въ это время отворяется средняя дверь направо*).

ЯВЛЕНІЕ 14-ое.

(Петръ и Рената)

Рената (*входитъ готовая къ отъѣзду, осматривается*).

Петръ (*оборачивается при ея появленіи, оставляетъ ящикъ открытымъ*). А! Это ты... Ты, кажется, хочешь уѣхать?

Рената (*останавливается*). Да, я уѣзжаю!

Петръ (*подходитъ ближе, хриплымъ голосомъ и тяжело дыша*) Итакъ, нѣчто вродѣ прощанія!

Рената. Совершенно вѣрно.

Петръ. Развѣ ты у меня спросила разрѣшенія?

Рената. Ты мнѣ больше ничего не можешь разрѣшать.

Петръ. Кто сказалъ тебѣ это? Я твой мужъ! И если я тебѣ прикажу, ты останешься здѣсь, и ты не сдѣлаешь ни шагу дальше!

Рената (*спокойно*). Ты больше мнѣ не мужъ. Я отказалась отъ тебя.

Петръ (*подходя къ ней вплотную*). Ты ничего не боишься, мое сердечко?

Рената (*смотритъ пристально на него*). Боюсь? Чего?

Петръ (*съ искривленнымъ лицомъ*). Что съ тобой можетъ что-нибудь случиться?

Рената (*спокойно*). О чемъ ты говоришь?

Петръ (*глухо*). Многіе отправлялись на тотъ свѣтъ раньше, чѣмъ они думали.

Рената. Ага! Теперь я понимаю тебя! Ты хочешь закончить свою работу! Хочешь пойти по своему пути до конца!

Петръ (*тяжело дышетъ*). Тебя удивляетъ это? Такой преступникъ, какъ я... Вѣдь все равно одинъ конецъ!

Рената (*бросая взглядъ на шкафъ*). Ящикъ открытъ. Возьми револьверъ, если его у тебя еще нѣтъ! Стрѣляй! Я готова!

Петръ (*черезъ мгновеніе отворачивается*)... Иди своей дорогой! Я еще не зашелъ такъ далеко! (*Дверь налѣво быстро открывается, слышны шумъ потока и завываніе бури*).

ЯВЛЕНІЕ 15-ое.

(Тѣже и Ульрихсъ).

Ульрихсъ (*появляется на порогѣ, съ дикимъ видомъ, кричитъ*). Тамъ кто-то прорываетъ плотину! Прорываетъ плотину!

Петръ (*дико*). Прорываютъ плотину? Мою плотину прорываютъ?! За это отвѣчаетъ смотритель надъ плотиной! (*Онъ бѣжитъ съ открытой головой къ двери, выглядываетъ наружу, возвращается*). Ничего не видно! Мѣсяцъ скрылся! Гдѣ эта собака, которая прорываетъ мою плотину? Я ее поймаю! Я убью эту собаку или она меня!

Ульрихсъ (*наполовину теряя сознаніе, прислоняется къ двери и бормочетъ*). У голаго колѣна... Онъ стоитъ тамъ и копаетъ... Я видѣлъ изъ конюшни... У голаго колѣна... Бѣги туда... Я не могу!

Петръ (*внѣ себя*). У голаго колѣна? Теперь я покажу вамъ, какъ преступникъ стоитъ и погибаетъ на своемъ посту. (*Онъ выбѣгаетъ и изчезаетъ въ темнотѣ*).

ЯВЛЕНІЕ 16-ое.

(Тѣ же безъ Петра).

Рената (*оправляетея отъ перваго смущенія*). Помогите же ему, дядя Рейнгольдъ, помогите же ему! Бѣгите за нимъ!

Ульрихсъ (*беззвучно*). Я не могу... Я не могу!

Рената. Тогда я сдѣлаю это, я помогу ему! Пропустите меня!

Ульрихсъ (*загораживаетъ ей дорогу*). Я тебя не пропущу... Я не пропущу тебя... Ты не знаешь, кто онъ!

Рената. Все равно, кто онъ... Помогите! Помогите!

Ульрихсъ Это Яковъ! Яковъ... это! Яковъ!

Рената (*бормочетъ*). Яковъ прорываетъ плотину? О Боже! (*Опирается на столъ*).

Ульрихсъ (*поспѣшно*). Я видѣлъ вполнѣ ясно. Онъ нагибается и копаетъ, и копаетъ, какъ безумный!

Рената (*пораженная*). Онъ копаетъ себѣ и всѣмъ намъ могилу... Помогите! Помогите! Гдѣ Генрихъ? На помощь!

Ульрихсъ. Это не можетъ долго продолжаться! Дыра скоро будетъ готова. Тогда потокъ можетъ прорваться! Тогда онъ вернетъ себѣ свои старыя права.

Рената (*кричитъ*). На помощь! На помощь!

ЯВЛЕНІЕ 17-ое.

(Тѣ же и Генрихъ).

Генрихъ (*бѣжитъ сзади съ чемоданомъ и пальто*). Что случилось? Кто кричитъ такъ?

Рената (*указываетъ на рѣку*). Тамъ! Тамъ! У голаго колѣна... Петръ и Яковъ... На помощь!

Генрихъ. Петръ и Яковъ другъ противъ друга? Боже справедливый! Дѣло идетъ о жизни или смерти! Пропустите меня!

Рената (*задыхаясь*). Бѣги! Бѣги! Яковъ прорываетъ плотину! Петръ убьетъ Якова! Бѣги! Бѣги!

Ульрихсъ (*съ поднятыми руками предъ нимъ*). Ни съ мѣста! Это судъ Божій надъ ними обоими! До этого нѣтъ никому дѣла!

Генрихъ (*отталкиваетъ его въ сторону*). Пусти, старикъ! Пусти! (*Выбѣгаетъ*).

Рената (*опускается на стулъ*). Сжалься, Боже милосердый! Пусть онъ еще во-время придетъ! (*Въ это время сквозь облака показывается мѣсяцъ. На дворѣ становится свѣтлѣе*).

Ульрихсъ. Мѣсяцъ! Снова мѣсяцъ! (*Онъ бросается къ двери и смотритъ наружу*). Петръ карабкается на плотину... Яковъ стоитъ наверху съ заступомъ... Онъ сбрасываетъ внизъ землю! Теперь они увидѣли другъ друга! Теперь они стоятъ другъ противъ друга! Яковъ бросаетъ заступъ... Они схватились! Они борятся грудь съ грудью! И все ближе къ краю! Все ближе къ потоку!

Рената (*не можетъ шевельнуться*). А Генрихъ? Генриха еще нѣтъ тамъ?

Ульрихсъ. Генрихъ летитъ, какъ олень... Но онъ придетъ слишкомъ поздно... Они уже на краю плотины! Еще одинъ шагъ! (*Снаружи слышны крики и шумъ*).

Рената. Кто кричитъ? Что случилось?

Ульрихсъ. Они выходятъ изъ сторожки! Они хотятъ помочь... Генрихъ уже недалеко! Можетъ быть, онъ еще... Господи помилуй ихъ... Они схватились на самомъ краю! Они схватили другъ друга за горло. (*Дѣлаетъ шагъ назадъ*) Господи, помилуй ихъ! (*Истощенный, онъ молчитъ, потомъ черезъ мгновеніе*). Я зналъ, что это судъ Божій! (*Слышенъ дикій шумъ и крики. Голосъ Генриха, громкій и ясный*): На помощь всѣ! На помощь! Тащите шесты! Идите къ рѣкѣ!..

Ульрихсъ. Ихъ никто уже не вытащитъ. Братья крѣпко держатся другъ за друга. Въ жизни они ссорились и ненавидѣли другъ друга. Теперь потокъ соединилъ ихъ въ одной могилѣ...

Генрихъ (*появляется на порогѣ, останавливается*).

Рената (*увидѣвъ его, поднимается*). Никакой надежды?

Генрихъ (*качаетъ головой*). Нѣтъ! Надежды нѣтъ! Потокъ унесъ ихъ сейчасъ же...

Рената (*складываетъ безмолвно руки*).

Занавѣсъ.

ЭПИЛОГЪ.

(*Роденбахъ.* „Les vies encloses“).

Здѣсь, въ этой книгѣ, жизнь затаена незримо·
Ее скрываетъ блескъ зеркальнаго стиха!
Такъ блещетъ сонный прудъ, луною серебримый,
Когда нѣмая ночь мечтательно-тиха.

Спокойный, трепетный, весь въ звѣздахъ золотистыхъ,
Прудъ небомъ кажется, безмолвно-голубой...
Но это призракъ, ложь! Тамъ нѣтъ огней лучистыхъ,
Тамъ скорбь насильственно запрятана судьбой!

Подъ гладью спящею, серебряной и лживой,
Вода измучена, черна и холодна;
Такъ въ мертвецѣ живомъ еще всѣ муки живы
И горекъ въ памяти обманъ земного сна...

О, память, память! Ты своей глубокой урной
Все грустнымъ дѣлаешь, богиня темныхъ чаръ!
Звеня, поетъ тростникъ, сверкаетъ прудъ лазурный,
Но слишкомъ дологъ былъ безрадостный кошмаръ!

На днѣ души моей борьба и сожалѣнье;
Тамъ горе темное мучительно дрожитъ
Безумной жалобой погибшаго стремленья,
Тамъ потонувшій колоколъ звучитъ!

Ив. Тхоржевскій.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МОТИВЫ
ВЪ СТИХОТВОРЕНІЯХЪ ГР. А. К. ТОЛСТОГО.

I.

Кто-то съострилъ однажды, назвавъ исторію великой лжесвидѣтельницей; и это въ томъ смыслѣ справедливо, что мы нерѣдко ставимъ наши симпатіи и антипатіи подъ защиту старины, какъ бы отыскивая для нихъ извѣстное право давности, освящающее ихъ законность и истинность. Хоть могилы и прахъ предковъ издавна принято считать чѣмъ-то священнымъ, но именно съ ними допускается нерѣдко самая произвольная расправа, и при обсужденіи разнообразныхъ современныхъ вопросовъ въ числѣ свидѣтелей фигурируютъ очень часто покойники, которые, вѣроятно, пришли бы при жизни въ большое недоумѣніе, а иногда и гнѣвъ, если бы имъ сказали,—защитниками и обвинителями чего и кого они нѣкогда осуждены будутъ выступить. Но они, конечно, покорно сносятъ всѣ такія насилія, предоставляя другимъ, скучнымъ и придирчивымъ людямъ, за нихъ заступаться.

Всего больше приходится страдатьваринѣ отъ тѣхъ особенно привиллегированныхъ людей, которые издавна присвоили себѣ право самовольнаго обхожденія со всѣми законами бытія и явленіями внѣшняго и внутренняго нашего міра, и которыхъ мы такъ чтимъ и уважаемъ, какъ «поэтовъ» и «сочинителей». На совѣсти этихъ людей всего больше преступленій и насилій надъ прошлымъ.

Въ широко развѣтвленной семьѣ поэтовъ есть, однако, одна группа наиболѣе въ этомъ смыслѣ дерзкая. Она отличается особой способностью—выражать *иносказательно* свои мысли и чувства. Она въ своихъ настроеніяхъ и взглядахъ и правдива, и искренна, но она какъ-то боится дневного свѣта дѣйствительности, современнаго костюма и обстановки, и ей легче дышется въ сферѣ чистыхъ видѣній, созданныхъ своевольной мечтой, или въ кругѣ привидѣній, вызванныхъ на свѣтъ Божій забывчивой или не совсѣмъ твердой памятью. Эта семья поэтовъ одна изъ самыхъ симпатичныхъ, и любой ея представитель въ нашъ вѣкъ реализма и натурализма имѣетъ за собой одно безспорное преимущество—онъ всегда очень эффектно одѣтъ и не менѣе эффектно держится; рѣчь его всегда изысканно красива и колоритна, для каждаго чувства и настроенія у него готовъ поэтическій образъ, сравненіе, метафора; онъ передъ нами всегда не въ обыденномъ своемъ одѣяніи, а преимущественно въ историческомъ костюмѣ, который онъ выдаетъ за истинный или археологически вѣрно воспроизведенный.

Но всѣ такія попытки объявить войну «прозѣ даннаго момента», всѣ старанія съ нѣкоторымъ чувствомъ брезгливости отвернуться отъ мелочей будничной суеты—лишь милый самообманъ, которому подпадаютъ эти чуткія музыкальныя и поэтическія натуры. Онѣ въ своемъ творчествѣ остаются въ тѣхъ же границахъ своего времени, въ тѣхъ же тѣсныхъ стѣнахъ современности, и всѣ ихъ видѣнія—не что иное, какъ «современная» имъ истина, въ своеобразномъ лишь одѣяніи. Въ ихъ поэтической концепціи эта истина является только по возможности закругленной, законченной, тогда какъ во всей окружающей ихъ «прозѣ», она находится въ хаотическомъ состояніи боренія и какъ бы раздроблена на части.

Но, однако, какъ часто хвалимъ мы или порицаемъ такихъ поэтовъ за то, что они не живутъ со своимъ вѣкомъ, и тѣмъ самымъ признаемъ за ними какъ будто возможность изъ колеи современной жизни перескочить въ какую-то иную. Всего чаще, впрочемъ, мы ихъ порицаемъ и говоримъ имъ, что они «улетѣли въ даль» или «отстали». Мы руководимся въ данномъ случаѣ ихъ повидимому пренебрежительнымъ отношеніемъ къ тѣмъ вопросамъ, которые насъ задираютъ за живое, и не хотимъ мы простить нашему избалованному собесѣднику того, что онъ живетъ въ мірѣ призраковъ, а потому иногда зѣваетъ, когда мы сердимся или плачемъ. Обида наша въ данномъ случаѣ болѣе понятна, чѣмъ наше порицаніе. Конечно, много есть людей, и въ томъ числѣ поэтовъ, которые, дѣйствительно, тонутъ въ туманной мечтѣ или «отстаютъ» отъ вѣка и плетутся за историческимъ моментомъ, живя идеями и чувствами, которымъ дѣйствительность давно перестала соотвѣтствовать. Но такіе люди сами въ себѣ носятъ свое отрицаніе, такъ какъ никто не замѣчаетъ ихъ присутствія. И, конечно, не по ихъ адресу раздаются наши упреки.

Мы несправедливы въ такихъ упрекахъ, такъ какъ въ видѣніяхъ, аллегоріяхъ, призракахъ, созданныхъ фантазіей истинныхъ поэтовъ, бьется тотъ же пульсъ жизни, что̀ и въ нашихъ повседневныхъ спорахъ. Иной разъ самая господствующая идея историческаго момента—та, которая придаетъ ей міровой смыслъ—и наиболѣе широко разлитое настроеніе переживаемой минуты выражены именно въ такихъ фантастическихъ грезахъ, которыя съ виду находятся въ вызывающемъ и враждебномъ противорѣчіи съ обыденной жизнью и со всѣмъ, въ чемъ мы въ данный моментъ полагаемъ ея наибольшую цѣнность. Обобщить житейскіе факты, возвести ихъ до символа, дать ихъ общую формулу — художественную, образную формулу,—весь этотъ процессъ отвлеченной поэтической мысли, принимаетъ иногда такую произвольную форму, что она кажется какъ бы на зло самой жизни созданной. И она часто сердитъ насъ; и намъ кажется, что творцы этихъ формъ чужды намъ и отстаютъ отъ насъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они идутъ съ нами ровнымъ шагомъ, но только не рядомъ, а нѣсколько поодаль. И если надъ кѣмъ эти поэты-мечтатели, поклонники свободной фантазіи. творятъ истинное насиліе, такъ, во всякомъ случаѣ, не надъ современностью, а надъ тѣмъ прошлымъ, у котораго они всего чаще и охотнѣе заимствуютъ весь внѣшній инвентарь для своихъ разсказовъ и пѣсенъ.

Исторія литературныхъ теченій недавняго нашего прошлаго можетъ подтвердить это. Какъ далека была съ виду отъ дѣйствительной жизни вся наша сентиментальная литература эпохи Карамзина и Жуковскаго, а равно и современная ей классическая школа двадцатыхъ годовъ. Какіе-то пастухи и пастушки, салонные молодые люди на французскій манеръ, крестьяне, живущіе по рецепту Жакъ-Жака, Вертеры въ русскомъ костюмѣ, рыцари и палладины, монахи и трубадуры отшельники и всѣ чины ангельскіе и дьявольскіе,—что они имѣли общаго съ эпохой Александра Перваго, Штейна, Сперанскаго, Мордвинова, и другихъ? Что съ этой эпохой имѣли общаго Катоны и Цинцинаты, Тибуллы и Катуллы, Деліи и Дафны и весь перелицованный Олимпъ? Но ни для кого не тайна, что именно въ этихъ призракахъ, всего чаще и, пожалуй, всего нагляднѣе олицетворялись и воплощались господствующія идеи Александровскаго вѣка, и въ воскресшихъ покойникахъ оказывалось больше жизни, чѣмъ во многихъ живыхъ людяхъ. Нѣжное и жизнерадостное, и къ тому же гуманное сердце и либерально настроенный умъ — весь такъ называемый «паѳосъ» александровской эпохи нашелъ свою поэтическую форму въ этихъ призракахъ, которые стали смѣшны и жалки, какъ только устарѣли тѣ идеи и чувства, которые на время облеклись въ нихъ.

Прошли года, наступило николаевское время, и новая современная идея облеклась въ новую, правда нѣсколько неожиданную, форму, а именно—въ теоремы нѣмецкаго философскаго идеализма, который одновременно изъяснялъ настоящее и творилъ безспорное насиліе надъ прошлымъ, такъ какъ и въ старой Руси хотѣлъ видѣть торжество своей излюбленной схемы. Императоръ Николай Павловичъ, вѣроятно, очень бы осерчалъ, если бы ему сказали, что въ философіи Шеллинга, Фихте и Гегеля нашла себѣ выраженіе «русская» мысль и притомъ самая живучая мысль его царствованія. А на самомъ дѣлѣ это было дѣйствительно такъ. Отвлеченная философская мысль, съ русской жизнью не имѣвшая, повидимому, никакихъ точекъ соприкосновенія, была тѣмъ ковчегомъ, въ которомъ сохранена была для насъ «воля къ жизни»; эта философія была обобщеніемъ всѣхъ гуманныхъ идеаловъ, какими жила самая интеллигентная часть нашего общества, страдавшая отъ разлада этихъ идеаловъ съ фактами жизни, изнывавшая отъ жажды справедливости среди безправія и искавшая въ утвержденіи высшихъ началъ *«міровой»* жизни указанія на то, каково назначеніе *русскихъ* началъ въ мірѣ. Эта самая прогрессивная и плодотворная идея николаевской эпохи закуталась въ туманы нѣмецкой отвлеченной мысли частью изъ предосторожности, но главнымъ образомъ потому, что отвлеченная мысль была наиболѣе полной, удобной и поэтической формой для ея воплощенія.

Съ конца сороковыхъ годовъ въ нашей литературѣ, какъ извѣстно, все сильнѣе и сильнѣе стала сказываться реалистическая тенденція. Художникъ и мыслитель сталъ обращать свое вниманіе преимущественно на отдѣльныя явленія современной ему жизни, сталъ изучать ихъ, изображать ихъ и не торопился ихъ обобщеніемъ. Ему былъ дорогъ самый фактъ и его ближайшій общественный смыслъ. Съ наступленіемъ новой эры со средины пятидесятыхъ годовъ, въ эпоху усиленной общественной работы и кропотливаго детальнаго изученія дѣйствительности, въ эпоху политическихъ бурь, реализмъ въ искусствѣ крѣпъ и развивался; онъ сталъ господствующей литературной силой, потому что выражалъ господствующія позитивныя и утилитарныя идеи. Царствованіе этого реализма длилось долго. Оно длится и до сего дня, когда рядомъ съ нимъ начинаетъ пробиваться новое направленіе въ искусствѣ—видоизмѣненіе старой попытки иносказательно и символически выразить нѣкоторыя основныя идеи и чувства, какими живемъ мы въ настоящее время. Чудачества, уродливость, вычурное оригинальничанье и задоръ современнаго «символизма» и «декадентства» во всѣхъ его видахъ, конечно, можетъ служить предметомъ и нападокъ, и насмѣшекъ. Но это неустановившееся литературное теченіе, и пока еще не нашедшее настоящаго своего выразителя, есть все-таки, съ одной стороны, попытка обобщить накипѣвшее негодованіе противъ буржуазной мелочности и пошлости, съ другой—стремленіе облечь въ образы возрастающій культъ сильной и свободной личности, т.е. попытка символически выразить два характерныхъ признака современнаго культурнаго момента.

II.

Символическая, нереальная поэзія, берущая свои формы гдѣ угодно, только не въ настоящемъ, должна была, конечно, заглохнуть въ эпоху крайняго торжества реализма, столь враждебно относившагося ко всему, что только носило на себѣ хоть слабый отпечатокъ условности; и всѣ мы знаемъ, что въ эпоху пятидесятыхъ и послѣдующихъ годовъ «мечтатели» всѣхъ оттѣнковъ были у насъ въ большомъ загонѣ. Этотъ фактъ должно признать, но отнюдь не нужно на него сердиться: невниманіе къ поэтическимъ обобщеніямъ и символамъ было въ тѣ годы психологической и исторической неизбѣжностью.

Несмотря, однако, на такія неблагопріятныя условія, русскому поэту нереалисту удавалось иногда и въ то время устоять на своей позиціи, правда, съ большимъ трудомъ. Къ числу такихъ принадлежитъ графъ Алексѣй Толстой, поэтъ преимущественно старины—русской и иноземной—любитель всевозможныхъ неземныхъ видѣній, историкъ, мечтатель и фантазеръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ участникъ и зоркій наблюдатель знаменитой эпохи нашего общественнаго обновленія.

III.

У большинства современниковъ поэзія А. Толстого успѣхомъ не пользовалась, и, кромѣ общихъ обвиненій въ недостаточной художественности, поэтъ нерѣдко подвергался нападкамъ за условность его поэтическихъ пріемовъ и за безцеремонное обхожденіе съ русской стариной; а онъ, какъ извѣстно, любилъ воспѣвать старину и, пожалуй, изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ былъ наибольшимъ археологомъ.

Что онъ обращался со стариной безцеремонно, это — правда, и такое обращеніе было умышленное. Тотъ, кто сталъ бы съ былинами, лѣтописями и старыми пѣснями въ рукахъ упрекать А. Толстого въ непониманіи прошлаго, обнаружилъ бы только свое нежеланіе понять поэта.

Для Алексѣя Толстого наше прошлое было вовсе не объектомъ безпристрастнаго изученія или родникомъ поэзіи: онъ искалъ въ немъ лишь внѣшней формы и готоваго убранства для заранѣе сложившихся взглядовъ и для поэтическаго настроенія, возникшаго независимо отъ этой старины.

Нашъ поэтъ былъ именно тѣмъ нереалистомъ, который хотѣлъ воплотить въ символическую форму свое сужденіе о настоящемъ, который желалъ уловленную имъ господствующую идею *своего* времени облечь въ старинное одѣяніе, вставить въ старинную оправу. Зачѣмъ было это дѣлать? Но это была его тайна. Онъ чувствовалъ себя и ловче и свободнѣе въ старомъ костюмѣ, хотя конечно это былъ перекроенный костюмъ, а иногда и совсѣмъ фантастическій.

Алексѣй Толстой въ данномъ случаѣ далеко не былъ новаторомъ. Русскій поэтъ задолго до него привыкалъ смотрѣть на старину, какъ на богатый арсеналъ всевозможныхъ аксессуаровъ и нерѣдко пытался въ старомъ символѣ воплотить современное ему дорогое понятіе, дорогое чувство, излюбленный идеалъ. Писали такъ до Толстого люди самыхъ разнообразныхъ партій и взглядовъ, и каждый хотѣлъ имѣть предковъ на своей сторонѣ. Слѣдя за развитіемъ творчества этихъ поэтовъ, можно было бы, вопреки обычному порядку, написать интересное изслѣдованіе о вліяніи нашего настоящаго на наше прошлое. Вся кіевская Русь и московская, Псковъ и Новгородъ могли бы дать богатый матеріалъ для такой исторіи. Такъ, напримѣръ, либерализмъ александровскаго царствованія тяготѣлъ, разумѣется, къ Новгороду и

Пскову, благонамѣренные патріоты тридцатыхъ годовъ питали, конечно, пристрастіе въ Москвѣ, и это пристрастіе въ эпоху развитія славянофильской доктрины окрасилось даже слегка въ либеральный цвѣтъ. Языческая и кіевская Русь—та оставалась нѣсколько въ тѣни, такъ какъ въ первую половину XIX-го вѣка ее знали мало и настоящее ея изученіе началось лишь съ пятидесятыхъ годовъ, когда вопросъ о «старинѣ и народности» сталъ такъ интересовать нашихъ этнографовъ, историковъ, археологовъ и собирателей народныхъ преданій и пѣсенъ. Но несмотря на скудость знаній и эта кіевская Русь также не избѣгла нашествія, и поэты и романисты—еще съ XVIII-го вѣка—прививали ея полумиѳическимъ героямъ свои патріотическіе и религіозные взгляды.

Когда такимъ образомъ Алексѣй Толстой въ вѣкъ торжества реализма и трезвой критики въ своихъ стихахъ вновь вызвалъ старые историческіе тѣни и призраки, онъ не вводилъ никакого новшества въ поэзію. Онъ слѣдовалъ тенденціи установленной, отнюдь не исчезнувшей даже въ современной ему литературѣ, публицистикѣ и наукѣ.

И онъ стоялъ на своей независимой вышкѣ, наблюдая борьбу современныхъ ему общественныхъ силъ и стараясь закрѣпить ея смыслъ въ какомъ-нибудь общемъ поэтическомъ образѣ.

И онъ нашелъ этотъ образъ: это была наша старая Русь и преимущественно Русь кіевская. Ее пожелалъ поэтъ сдѣлать истолковательницей новаго времени; ея обликомъ постарался онъ символически пояснить всѣ свои самыя современныя мысли объ истинномъ призваніи новой Россіи. Онъ совершилъ великое поэтическое насиліе надъ стариной, но зато вѣрно угадалъ смыслъ настоящаго. Сущность общественной борьбы его времени была имъ уловлена, не въ ея пылу и крайностяхъ, а въ самомъ ея зернѣ и въ архаическихъ образахъ выразилъ онъ тотъ гуманный идеалъ, къ осуществленію котораго должны были привести тогдашніе споры, если бы случайности и страсти его не исказили, и не отодвинули на долгое время его торжество.

Поэзія Толстого есть голосъ молодой Россіи, каковой ее себѣ рисовалъ немолодой человѣкъ, не страстный, не увлеченный борьбой, но гуманный и либеральный.

IV.

Чтобы избрать старину такой заступницей настоящаго, такимъ предлогомъ для его прославленія, нужно было любить ее, и любить не такъ, какъ историкъ любитъ свою науку, въ которой ему историческая истина всего дороже, а любить, какъ поэтъ, который всегда, во всемъ ищетъ самого себя, своей мечты и вѣры. Алексѣй Толстой и былъ такимъ поэтомъ-историкомъ.

Что любишь, достоинства того всегда преувеличиваешь; и въ данномъ случаѣ нашъ поэтъ не только преувеличилъ смыслъ старины, но, конечно, подкрасилъ и внѣшній ея обликъ.

Какъ у него красивы эта любимая имъ легендарная и кіевская Русь и эта Русь московская, къ которой совсѣмъ даже не лежало его сердце. Эффектовъ много; обиліе красокъ поразительное.

Убранство хоро́мъ, блескъ оружія, богатство костюмовъ напоминаютъ волшебную сказку или оперу. И къ этому присоединяется сила и изысканная грамотность рѣчи, мелодичность чувствъ, плавность жестовъ и основной торжественный тонъ, въ которомъ выдержаны всѣ его баллады и пѣсни. Въ этомъ намѣреніи умышленно разукрасить старину нашъ поэтъ и не думалъ извиняться, потому что былъ увѣренъ, что такое нарушеніе правды исторической должно пойти на пользу правды современной. Художникъ придалъ новый блескъ старинѣ, онъ освѣтилъ ее бенгальскимъ огнемъ, она стала походить на причудливый фантастическій міръ западно-европейской романтики, но зато она получила ту гибкость и живость, которыя нужны были поэту, чтобы вложить въ нее современный смыслъ и содержаніе.

Художественное чутье подсказало автору, что блѣдная, туманная языческая миѳологія славянъ едва ли можетъ дать матеріалъ для поэтическаго живого образа; и художникъ уберегъ себя отъ литературнаго шаблона: всевозможнымъ Стрибогамъ, Даждь-богамъ, Чернобогамъ, Ладамъ и Лелямъ онъ отвелъ въ своемъ творчествѣ ровно столько мѣста, сколько нужно было, чтобы они не мѣшали. Всю силу своего воображенія онъ сосредоточилъ на образахъ легендарныхъ и историческихъ, и наша старина, довольно однообразная и однотонная въ своемъ истинномъ историческомъ покровѣ, превратилась подъ перомъ Алексѣя Толстого въ узорную романтическую грезу, которая выдаетъ иногда даже какъ будто не русское, а иностранное свое происхожденіе.

Читаемъ мы какое-нибудь описаніе битвы, гдѣ рядомъ съ княземъ Ярославомъ его своякъ Гаконъ, слѣпой старикъ, разъяренный боемъ, рубитъ направо и налѣво, и своихъ, и чужихъ—и намъ вспоминаются поэтическія страницы пѣсни о Роландѣ. Читаемъ мы какъ князь Ростиславъ лежитъ на днѣ рѣчномъ въ объятіяхъ русалокъ, какъ ихъ веселый рой его цѣлуетъ и расчесываетъ его волосы, какъ просыпается онъ иногда и смотритъ мутными очами, зоветъ жену и брата и вновь засыпаетъ—и мы не можемъ не вспомнить аналогичныхъ нѣмецкихъ балладъ о разныхъ Никсахъ и Лорелеяхъ. Слышимъ ли мы пѣснь стариннаго пѣвца, какъ по лѣсу текутъ ея переливы, видимъ ли мы его, какъ духовнымъ окомъ онъ прозрѣваетъ всѣ явленія міра, какъ взоръ его проникаеть и въ синее море, и въ роскошь земли, и въ «начала цвѣтныхъ каменій»—мы невольно вспомнимъ старинныхъ бардовъ и тѣхъ пѣвцовъ-прорицателей, которымъ вмѣстѣ съ даромъ пѣнія былъ данъ даръ прозрѣнія въ тайны природы. Наконецъ, стоитъ подслушать любовныя рѣчи въ хоромахъ князя Владиміра или тихія любовныя рѣчи Алеши Поповича, и мы забудемъ, что мы въ Россіи. Покажется намъ, что мы въ какомъ-нибудь замкѣ на югѣ Франціи, слушаемъ тенцоны и баллады, и всѣ наши богатыри окажутся переодѣтыми трубадурами.

Много такихъ историческихъ грѣховъ взялъ на свою душу художникъ, но вполнѣ сознательно.

Пересозданная, разукрашенная, въ обновленномъ и подчищенномъ одѣяніи, эта старина должна была воскреснуть, чтобы живымъ говорить о живомъ, современникамъ о современномъ.

И дѣйствительно, какъ сейчасъ увидимъ, самые существенные вопросы современности были объединены, обобщены и символизированы въ этомъ странномъ, необычномъ, эффектномъ творчествѣ художника, котораго никто не желалъ признать своимъ, и который самъ гордился своей самостоятельностью и независимостью отъ всякихъ клятвъ передъ какимъ бы то ни было знаменемъ, за исключеніемъ одного самаго невоинственнаго и безобиднаго—знамени красоты.

V.

И подвиги славитъ минувшихъ онъ дней,
И все, что достойно, вѣнчаетъ:
И доблесть народовъ, и правду князей —
И милость могучихъ онъ въ пѣснѣ своей
На малыхъ людей призываетъ.

Привѣтъ полоненному шлетъ онъ рабу,
Укоръ градоимцамъ суровымъ,
Насилье-жъ надъ слабымъ, съ гордыней на лбу,
Къ позорному онъ пригвождаетъ столбу
Грозящимъ, пророческимъ словомъ.

Талантъ Алексѣя Толстого достигъ своего полнаго цвѣтенія въ эпоху большого народнаго бѣдствія, съ котораго, какъ извѣстно, началась эра нашего общественнаго перерожденія. Мы имѣли тогда полное право гордиться этимъ обновленіемъ и возлагать на него большія надежды, но мы не могли не чувствовать нашего національнаго униженія, и въ сердцѣ каждаго патріота раскаяніе во грѣхахъ было сопряжено съ нѣкоторымъ чувствомъ уязвленнаго національнаго самолюбія. Хоть и смѣшно, и безплодно, послѣ битвы махать кулаками, но человѣкъ какъ-то не можетъ удержаться отъ этого непроизвольнаго движенія, въ которомъ его самолюбію дано хоть призрачное удовлетвореніе.

Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что нашъ мирный поэтъ, одно время самъ участникъ крымской кампаніи, въ своихъ стихахъ допускалъ бранные трубные гласы. Они у него звучали не часто, но довольно громко.

Храбростью и удалью русскихъ сказочныхъ богатырей онъ гордится, какъ подвигами настоящихъ предковъ. Гордится онъ также и нашимъ родствомъ съ храбрыми варягами, съ которыми мы нѣкогда были въ личной уніи. Ихъ суровые, сѣверные рыцарскіе облики онъ помѣщаетъ въ галлереѣ портретовъ славянскихъ или русскихъ витязей, пріобщая ихъ боевую славу къ славѣ нашей родины.

Иной разъ для этой боевой славы онъ готовъ пожертвовать даже своимъ религіознымъ чувствомъ. Въ одной изъ лучшихъ своихъ баладъ онъ съ непритворнымъ бравурствомъ и радостью воспѣваетъ побѣду язычника-славянина надъ нѣмцами-христіанами и на этотъ разъ хороводы поморскихъ дѣвъ вокругъ Перуновой божницы ему милѣй христіанскихъ молебновъ, которые монахи-нѣмцы въ испугѣ служатъ въ своемъ роскильдовскомъ соборѣ («Боривой»). Но, конечно, сочетаніе военной отваги съ христіанской вѣрой имѣетъ для автора двойную прелесть и всегда необычайно сильно дѣйствуетъ на его воображеніе. Подъ наплывомъ воинственно-религіозныхъ чувствъ онъ пишетъ, напр., такія художественныя законченныя картины, какъ «Ночь передъ приступомъ», въ лаврѣ, во время польской осады.

Въ этихъ и подобныхъ имъ (весьма, впрочемъ, немногихъ) стихотвореніяхъ нѣтъ, однако, настоящаго аррогантнаго призыва къ нападенію и поэтъ восхваляетъ лишь отвагу и силу человѣка, вынужденнаго защищаться. Если и случается подчасъ русскому человѣку стать хищникомъ, говоритъ онъ—такъ не отъ злого сердца, а потому что «одолѣваетъ его сила-удаль, не чужая, а своя удаль богатырская, и въ сердцѣ та удаль не вмѣстится и сердце то отъ удали разорвется» («Ушкуйникъ»). Но такая удаль исключеніе; она въ народѣ есть—это безспорно, и пріятно сознавать, что она имѣется на случай, но было бы очень прискорбно, если бы она часто разгуливалась. Въ стихахъ Алексѣя Толстого эта удаль вступаетъ въ свои права только тогда, когда она нужна для самозащиты. Его патріотическая національная политика, если такъ можно выразиться, оборонительная, а не наступательная.

Это очень характерно именно для его времени, когда въ одной части общества, которая желала себя во что бы то ни стало утѣшить въ трудную годину, патріотизмъ принялъ бравурный задорный тонъ и когда другая часть общества совсѣмъ вычеркивала изъ своего міровоззрѣэтотъ военный патріотизмъ, какъ вообще несогласный съ либеральной демократической программой и безусловно вредный для внутренняго нашего развитія. Поэтъ сталъ между этими крайностями и былъ, конечно, правъ, такъ какъ при разгорающейся борьбѣ за существованіе всякая личность и всякій народъ, чувствующій за собой духовную силу, не можетъ не озаботиться о своей силѣ физической, которая должна гарантировать ему возможность спокойнаго развитія. Военный патріотизмъ Алексѣя Толстого былъ именно такимъ сознаніемъ своего права на самозащиту.

VI.

За нашимъ поэтомъ давно установилась слава, какъ за пѣвцомъ религіозныхъ чувствъ и настроеній. Они, дѣйствительно, попадаются часто въ его стихотвореніяхъ. Но характерна - ихъ относительно слабая связь съ мотивами національными. Въ нашей литературѣ эти двѣ темы, патріотическая и религіозная, были издавна связаны, и даже въ эпоху, когда писалъ А. Толстой, было не мало поэтовъ, которые не могли себѣ представить религіозный мотивъ безъ аккомпанимента мотива патріотическаго. У Алексѣя Толстого это сочетаніе, какъ мы сказали, встрѣчается крайне рѣдко — всего два раза: въ легендѣ о Ругевитѣ и въ поэмѣ о крещеніи князя Владиміра. И въ томъ, и въ другомъ стихотвореніи изображена заря восходящей новой вѣры.

Стоялъ этотъ богъ Ругевитъ на своемъ островѣ Ругѣ, зорко глядѣлъ своими семью глазами, грозный и славный. Такъ, по крайней мѣрѣ, вѣрили тѣ, которые его почитали, пока къ ихъ острову не подошла русская сила. И затрещалъ подъ звономъ вражьей стали и рухнулся на землю Ругевитъ... Четырнадцать воловъ повлекли его по лугу и волокли къ морю. Рыдая бѣжали за нимъ и мужи, и старцы, и женщины, и дѣти, и выли въ неслыханной печали. «Встань!» кричали они ему. «Разгроми враговъ нашихъ!»

Но онъ не всталъ. Гдѣ, объ утесъ громадный
Дробясь, кипитъ и пѣнится прибой,
Онъ съ крутизны низвергнутъ безпощадно;
Всплеснувъ, валы его схватили жадно
И унесли, крутя передъ собой.
Такъ поплылъ прочь отъ нашего онъ края
И отомстить врагамъ своимъ не могъ.
Дивились мы, другъ друга вопрошая:
„Гдѣ-жъ мощь его? Гдѣ власть его святая?
Нашъ Ругевитъ ужели былъ не богъ?“
И пробудясь отъ перваго испугу,
Мы не нашли былой къ нему любви
И разошлись въ раздуміи по лугу,
Сказавъ: „Плыви, въ бѣдѣ не спасшій Ругу,
Дубовый Богъ! Плыви себѣ, плыви!“

Если все это стихотвореніе не есть иносказаніе, а именно замаскированный намекъ на необходимость отказа отъ нѣкоторыхъ современныхъ идоловъ и укоренившагося современнаго идолослуженія, то сила религіозной истины выражена въ стихотвореніи необычайно ярко. Съ какой быстротой истинная религія вытѣснила изъ сердецъ людей старую вѣру! На самомъ дѣлѣ, быть можетъ, такъ никогда не бываетъ: старая вѣра имѣетъ свою истину, и люди всегда цѣпко за нее держатся; но именно такимъ можетъ представляться религіозное перерожденіе поэту, для котораго долженствующее становится на мѣсто сущаго; и мы вполнѣ понимаемъ нашего гуманиста, который предпочелъ торжество истины надъ ложью изобразить какъ внутренній *мирный* процессъ перерожденія язычниковъ, сначала плачущихъ и кричащихъ, а затѣмъ въ раздумьи стоящихъ надъ поверженнымъ богомъ, чѣмъ изобразить его какъ слѣдствіе военнаго погрома.

Религіозность Толстого такъ же невоинственна, какъ и его патріотизмъ. Для него область религіозныхъ чувствъ—самая интимная сфера психической дѣятельности человѣка и онъ не любитъ сочетать ее съ проявленіями иныхъ чувствъ, прорывающихся наружу съ шумомъ.

Въ такомъ же мирномъ тонѣ разсказана поэтомъ и исторія обращенія князя Владиміра — актъ, который въ дѣйствительности обошелся, конечно, вовсе не такъ благополучно, какъ этого хотѣлось поэту. Князь Владиміръ въ первой части «Пѣсни о походѣ Владиміра на Корсунь»—былинный удалецъ съ весьма развязными замашками: и пограбить не прочь, и съ царевной Анной мало деликатенъ. Но свершилось крещеніе, и онъ—рыцарь-крестоносецъ:

Свершился въ могучей душѣ переломъ,
И взоръ его миренъ и кротокъ...
И мигъ тишины и молчанья насталъ
И князю, въ сознаніи новыхъ началъ,
Открылося новое зрѣнье:
Какъ сонъ вся минувшая жизнь пронеслась,
Почуялась правда Господня;
И брызнули слезы впервые изъ глазъ...

И палъ на дружину Владиміра взоръ:
— Вамъ, други, доселѣ со мною
Стяжали побѣды лишь мечъ да топоръ,
Но время настало,—и мы съ этихъ поръ
Сильны еще силой иною!

Что смутно въ душѣ мнѣ сказалось моей,
То ясно вы нынѣ познайте:
Дни правды дороже воинственныхъ дней!..

Съ нашей стороны было бы большой наивностью повѣрить, что князь Владиміръ былъ съ Алексѣемъ Толстымъ однихъ мнѣній, но наивно было бы такъ же ставить поэту въ вину эти анахронизмы. Это была опять современная мысль въ старинномъ одѣяніи, и мысль очень характерная для нашего художника.

Въ эпоху, когда въ глазахъ большинства религія была неразрывно связана съ понятіемъ о государственности, когда она для многихъ была дѣломъ чисто оффиціальнымъ, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ для другой части общества она совсѣмъ не существовала и была низведена на степень суевѣрія —нашъ поэтъ отвелъ ей въ своемъ міросозерцаніи принадлежащее ей по праву законное мѣсто. Онъ прославлялъ ее какъ актъ внутренняго просвѣтленія, какъ сердечное общеніе съ божествомъ, какъ нисшествіе Божьей благодати, общительной, мирной, настраивающей человѣка на самыя гуманныя чувства. Именно въ самомъ гуманномъ, а не въ какомъ-либо иномъ — богословскомъ, философскомъ, политическомъ или полицейскомъ смыслѣ понималъ религію нашъ писатель.

VII.

Великій народъ, сильный и стойкій, исповѣдующій гуманную религію имѣлъ, конечно, въ глазахъ поэта и свои нравственныя обязательства въ отношеніи къ своимъ сосѣдямъ. Противопоставленіе міра западнаго и міра восточнаго, вопросъ о степени ихъ обоюднаго вліянія не могъ не тревожить А. Толстого, истиннаго гражданина своего времени—того бурнаго времени, когда понятія «идти впередъ» или идти «назадъ» такъ часто отожествлялись съ понятіями «идти на востокъ» или «на западъ».

Алексѣй Толстой всегда былъ сторонникомъ западной культуры—но и это западничество было необычайно мирнаго нрава, и уже одинъ тотъ фактъ, что онъ такъ любилъ нашу старину—хоть и призрачную—показываетъ, что мысль объ органической связи старой и новой Россіи уберегла его отъ увлеченія всякой крайностью. И, какъ въ другихъ взглядахъ, такъ и въ этомъ взглядѣ на наше общеніе съ западомъ, онъ удержался на самой мирной и гуманной точкѣ зрѣнія.

Мысли разорвать съ западной цивилизаціей, съ нашими западными учителями, не допускалъ, какъ утверждаетъ нашъ поэтъ, еще и мудрый князь Владиміръ. Когда у него на пирѣ Змѣй Тугаринъ сталъ пророчить Россіи и татарскій погромъ, и московское самовластіе; когда Змѣй сталъ говорить, что мы «на честь научимся класть поруху, и всласть наглотавшись татарщины, назовемъ ее Русью», что мы «поссоримся съ честной стариной и на срамъ великимъ предкамъ, не слушая голоса родной крови, повернемся спиной къ Варягамъ, а лицомъ на востокъ, къ Обдорамъ»—Владиміръ отвѣчаетъ за насъ:

Вишь выдумалъ намъ
Какимъ угрожать онъ позоромъ!
Чтобъ мы отъ Тугарина приняли срамъ!..
Чтобъ спины подставили мы батогамъ!
Чтобъ мы повернулись къ Обдорамъ!
Нѣтъ! шутишь! Живетъ наша русская Русь,
Татарской намъ Руси не надо!
Солгалъ онъ, солгалъ, перелетный онъ гусь:
За честь нашей родины я не боюсь...
А еслибъ надъ нею бѣда и стряслась,
Потомки бѣду перемогутъ!
— Бываетъ,—примолвилъ свѣтъ-солнышко князь,—
Неволя заставитъ пройти черезъ грязь,
Купаться въ ней—свиньи лишь могутъ!

Князь Владиміръ былъ вообще очень неравнодушенъ къ своимъ варяжскимъ предкамъ, и эту симпатію раздѣлялъ и его пѣвецъ. Въ своихъ балладахъ А. Толстой отвелъ, какъ мы сказали, нашимъ скандинавскимъ родственникамъ не меньше мѣста, чѣмъ русскимъ богатырямъ и всегда съ особой любовью говорилъ о тѣхъ узахъ дружбы и родства, которые ихъ связывали, т.-е. связывали въ его поэтическомъ представленіи.

Эта частью измышленная, частью разукрашенная имъ дружба и любовь варяговъ и русскихъ должна была какъ будто служить символическимъ прообразомъ нашего истиннаго отношенія къ нашимъ сосѣдямъ. Не склоняться передъ западомъ, не благодѣтельствовать его новой истиной, призваны мы; мы должны на равныхъ правахъ участвовать съ нимъ въ общей битвѣ, въ общей борьбѣ человѣчества за свою жизнь.

И какими нѣжными красками обрисовалъ нашъ поэтъ это варягорусское соглашеніе! Почему же именно варяжское—можемъ мы спросить — куда же дѣлись другія націи? Вопросъ законный, на который однако отвѣтить не трудно, если вспомнить, въ какихъ добрыхъ отношеніяхъ мы находились въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ съ французами, англичанами и итальянцами. Положимъ, и на нѣмцевъ мы были въ тѣ годы въ большой претензіи, но объ этомъ можно было забыть, отдавшись мечтамъ и надеждамъ; варяги лукавили съ нами, но насъ не изранили. Алексѣй Толстой простилъ имъ это лукавство. При случаѣ напоминалъ имъ о томъ, какъ въ старину славянскій мечъ былъ страшенъ ихъ предкамъ, но затѣмъ въ назиданіе сынамъ сталъ пѣть о старой дружбѣ и любви отцовъ, и пѣлъ очень нѣжно и картинно.

Онъ разсказалъ намъ, какъ нашъ князь Ярославъ выручалъ изъ бѣды варяга Гакона. Онъ пѣлъ о любви Гаральда къ «звѣздѣ его Ярославнѣ», Гаральда, который какъ истинный трубадуръ, и въ Греціи, и въ Италіи, среди подвиговъ и битвъ, не могъ забыть спокойныхъ водъ Днѣпра и любезнаго Кіева. Цѣной великихъ подвиговъ и трудовъ купилъ онъ, наконецъ, сердце своей невѣсты, и русская княжна сѣла на норвежскомъ тронѣ. И тѣсно въ мечтахъ поэта были связаны судьбы этихъ двухъ царствующихъ домовъ; и погибли они въ одно время: Гаральдъ былъ убитъ въ Англіи во время своего набѣга на саксовъ, и тогда же погибъ и сватъ его Изяславъ — сынъ Ярославовъ—въ кровавой сѣчѣ съ половцами. («Три побоища»).

Все это, конечно, поэтическія фантазіи, которыя въ свое время, въ эпоху торжествующей и трезвой критики могли вызвать лишь улыбку и недоумѣніе въ виду отсутствія въ нихъ исторической и, повидимому, даже современной правды. Но эта современная правда въ нихъ была. Въ эпоху рѣшительной схватки между славянофилами и западниками, въ годы очень повышенной вражды къ иностранцамъ въ одной части общества и безконтрольной вѣры въ послѣднее слово запада среди другихъ общественныхъ круговъ—поэтическіе образы художника выразили ту истину, которая лежала посреди спорящихъ мнѣній. Они ее выразили, конечно, въ видѣ намека, очень неяснаго, въ которомъ, однако, просвѣчивала основная мысль автора. Это была мысль о любовномъ и дружественномъ сліяніи двухъ міровъ, восточнаго и западнаго, на почвѣ общечеловѣческихъ чувствъ.

VIII.

Мимолетно касается нашъ поэтъ въ своихъ стихахъ и вопроса славянскаго. Славянофиломъ А. Толстой не былъ; онъ даже рѣзко расходился съ славянской партіей въ своихъ антипатіяхъ къ Москвѣ, но при облаченіи своего религіознаго и патріотическаго созерцанія въ живописные старинные костюмы не могъ не столкнуться со славянофилами въ пріемахъ обращенія со старымъ матеріаломъ, не говоря уже о томъ, что какъ славянскій и національный поэтъ—какимъ онъ желалъ быть — онъ могъ при случаѣ раздѣлять съ ними и нѣкоторыя изъ ихъ утопій и кое-какіе восторги.

На такое частичное совпаденіе взглядовъ Алексѣя Толстого со взглядами славянофиловъ было уже обращено вниманіе нашихъ изслѣдователей *) и вопросъ этотъ въ общихъ чертахъ рѣшенъ удовлетворительно. Совпаденія дѣйствительно попадаются, они не указываютъ ни на какое вліяніе или заимствованіе, они получились какъ естественное слѣдствіе одного вполнѣ законнаго желанія—связать необходимой органической связью прошедшее съ настоящимъ и указать, что многое хорошее и цѣнное, что въ этомъ настоящемъ существуетъ, существовало и раньше, что вообще новая эпоха не есть отрицаніе старины, а лишь ея дополненіе и развитіе. Такая уравновѣшенная мысль должна была придти въ голову человѣку, не поглощенному всецѣло борьбой минуты, историку, который имѣлъ досугъ сдѣлать историческія справки, и поэту, который любилъ старину, какъ созерцатель и мечтатель. Между двумя борющимися станами поклонниковъ старины и апостоловъ новизны, Алексѣй Толстой былъ случайнымъ гостемъ, не поклявшимся никому въ вѣрности. Между нимъ и этими станами не было полнаго союза, никто изъ нихъ своей «пристрастной ревностью не могъ купить его» и споръ съ обоими сталъ для него «тайнымъ жребіемъ». Стоялъ онъ между славянофилами и западниками совсѣмъ одиноко, и поэзія его была тѣмъ самымъ колоколомъ, въ который съ налета грянула тяжелая бомба. Не онъ, а она разлетѣлась въ осколки, хотя и заставила его вздрогнуть, и мѣднымъ своимъ звукомъ звать людей на бой. На бой противъ кого?—спросимъ мы. Не противъ одной изъ спорящихъ сторонъ въ

---

*) См. интересную статью *Г. Князева* „Хомяковъ и гр. А. Толстой“. „Русскій Вѣстникъ“ 1901 г., ноябрь.

ихъ цѣломъ, а только противъ тѣхъ крайностей, которыя отдаляли ихъ обѣихъ отъ просвѣщенной и гуманной идеи, которую исповѣдывалъ художникъ.

Полнаго исчерпывающаго изложенія своего отношенія къ западникамъ и славянофиламъ Алексѣй Толстой, конечно, не далъ въ своихъ стихахъ и не могъ дать. Основнымъ догматамъ славянофильскаго ученія онъ оставался чуждъ: ни богословскихъ ихъ размышленій, ни канонизаціи Москвы, ни мечтаній на тему о славянскомъ откровеніи, которое должно обновить міръ новой истиной—онъ не ввелъ въ свое поэтическое міросозерцаніе, и развѣ только когда говорилъ объ отношеніи власти къ народу, онъ въ поэтическихъ образахъ какъ будто припоминалъ славянофильскія теоріи о земщинѣ и дружинѣ. Однажды только, въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, очевидно подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ восточной войны, онъ на очень короткій срокъ сталъ воинственнымъ пѣвцомъ общеславянской идеи.

Невинный поэтическій образъ, наивная картинка природы, некошенная степь съ темноголубыми колокольчиками, грустно качающимися и звенящими въ день веселый мая, почему-то вдругъ заставила поэта настроить свою пѣснь на вызывающе-воинственный ладъ. Снилось ему, что несется онъ по полю верхомъ на конѣ. Летитъ этотъ конь какъ стрѣла, и куда летитъ—не знаетъ. Конь дикій, непокорный славянскій конь — не привыкшій ни къ какой выправкѣ и совсѣмъ неученый. Поэтъ обращается къ нему съ восторженнымъ окликомъ:

Есть намъ, конь, съ тобой просторъ!
Міръ забывши тѣсный,
Мы летимъ во весь опоръ
Къ цѣли неизвѣстной!
Чѣмъ окончится нашъ бѣгъ?
Радостью-ль? кручиной?
Знать не можетъ человѣкъ—
Знаетъ Богъ единый.

И несется онъ на этомъ конѣ въ свѣтлый престольный градъ русскій, и видитъ, какъ братья славяне съ запада идутъ къ русскому царю на поклоненіе. Съ свѣтлымъ лицомъ, въ сіяніи новой славы, встрѣчаетъ ихъ величавый хозяинъ.

„Хлѣбъ да соль! И въ добрый часъ!
Говоритъ державный:
Долго, дѣти, ждалъ я васъ
Въ городъ православный“.
И они ему въ отвѣтъ:
„Наша кровь едина,
И въ тебѣ мы съ давнихъ лѣтъ
Чаемъ господина!“

И кончается эта милая идиллія звономъ колоколовъ и гуслей: пиръ идетъ горой и летитъ отъ него шумъ на дальній югъ, къ туркѣ и къ венгерцу, и въ особенности нѣмцамъ не по нутру становится отъ всей этой славянской суматохи.

Лучшаго боевого стихотворенія въ славянофильскомъ духѣ трудно выдумать, и славянофилы остались имъ очень довольны, не менѣе, чѣмъ и другимъ извѣстнымъ стихотвореніемъ, въ которомъ А. Толстой изображаетъ все славянское племя въ видѣ стоговъ, разсѣянныхъ на широкомъ полѣ. Были эти стога цвѣтами и ихъ покосили, раскидали, и черныя ворòны и галки свили на нихъ гнѣзда.

> Ой орелъ, орелъ, нàшъ отецъ далекій,
> Опустися къ намъ, грозный, свѣтлоокій!
> Ой орелъ, орелъ! Внемли нашимъ стонамъ!
> Долѣ насъ срамить не давай ворòнамъ!
> Накажи скорѣй ихъ высокомѣрье,
> Съ неба въ нихъ ударь, чтобъ летѣли перья!

Какъ восторженно должно было биться славянофильское сердце, внимая этому призыву! Но въ особенно игривое настроеніе могло привести всѣхъ поклонниковъ старой Руси стихотвореніе о государѣ-батюшкѣ, Петрѣ Алексѣевичѣ, который презрѣвъ сорную крупу своей родины, досталъ за моремъ свѣжей крупицы и заварилъ такую кашу, которую дай Богъ расхлебать дѣтушкамъ.

Такіе пѣсни и намеки какъ будто ясно опредѣляли, къ какому стану принадлежалъ нашъ поэтъ, и дѣйствительно либеральный на него косился и, наконецъ, совсѣмъ разсердился, когда поэтъ позволилъ себѣ, впадая въ тонъ буфонной сатиры, высмѣять довольно грубо крайнихъ прогрессистовъ и демократовъ въ извѣстныхъ своихъ шуточныхъ стихотвореніяхъ. Поэтъ былъ, конечно, неправъ, осмѣивая угловатыя внѣшнія проявленія нашего прогрессивнаго движенія и не желая, повидимому, отдать, должное его внутренней цѣнности, но неправы были и хулители поэта, которые увидали въ этихъ памфлетахъ исповѣдь публициста и политика, а не месть обиженнаго эстетика, чѣмъ эти стихотворенія на самомъ дѣлѣ были.

Но въ общемъ, если выдѣлить всѣ славянскіе мотивы въ стихахъ А. Толстого, то ихъ окажется весьма немного и если вспомнить, какъ отрицательно поэтъ относился къ нѣкоторымъ основнымъ догматамъ славянофильскаго ученія и какъ о другихъ умалчивалъ, то и въ данномъ случаѣ мы увидимъ его стоящимъ на независимой позиціи со своими намеками и поэтическими символами, въ которыхъ отражалась его естественная любовь къ славянскому племени, не воинственному по духу, но сильному своимъ національнымъ сознаніемъ въ минуту самообороны.

IX.

Въ намекахъ и символахъ высказалъ нашъ поэтъ свои мысли и о другомъ, самомъ важномъ вопросѣ своего времени, а именно —

вопросѣ объ отношеніи власти къ народу, надъ которымъ она поставлена, и преимущественно къ народу простому.

Алексѣй Толстой никогда политикомъ не былъ, и выразилъ свои взгляды лишь въ самой общей формѣ. Вниманіе свое онъ остановилъ на судьбѣ трехъ основныхъ силъ нашей древней исторіи. Эти силы были—народъ, вѣче и царь.

Въ эпоху, когда простой народъ сталъ предметомъ всесторонняго изученія и когда литература съ особенной добросовѣстностью принялась изображать его современную жизнь, нашъ романтикъ предпочелъ всякимъ реальнымъ типамъ опять условные символы, въ которые, однако, слѣдуя своему правилу, втиснулъ современное содержаніе.

Къ «поклонникамъ» народа А. Толстой не принадлежалъ, хотя въ личныхъ отношеніяхъ съ нимъ былъ образцовымъ гуманистомъ. Онъ былъ однимъ изъ поборниковъ идеи освобожденія, но въ его программу искупленія историческаго грѣха не входило преклоненіе передъ народной массой, какъ таковой, и въ минуту раздраженія поэтъ могъ наговорить много дерзостей либеральнымъ народникамъ и демократамъ, что̀ онъ и дѣлалъ.

Что народъ былъ въ его глазахъ силой, и основной, краеугольной силой, объ этомъ краснорѣчиво говоритъ его извѣстная баллада объ Ильѣ Муромцѣ, въ которомъ, согласно научнымъ теоріямъ своего времени, онъ видѣлъ поэтическое олицетвореніе народной массы.

Подъ броней, съ простымъ наборомъ,
Хлѣба кусъ жуя,
Въ жаркій полдень ѣдетъ боромъ
Дѣдушка Илья...
И ворчитъ Илья сердито:
„Ну, Владиміръ, что-жъ?
Посмотрю я, безъ Ильи-то
Какъ ты проживешь!
Дворъ мнѣ, княже, твой не диво,
Не пировъ держусь;
Я мужикъ неприхотливый,
Былъ бы хлѣба кусъ!..
Всѣ твои богатыри-то,
Значитъ, молодежь—
Вотъ безъ стараго Ильи-то
Какъ ты проживешь!
Не терплю богатыхъ сѣней,
Мраморныхъ тѣхъ плитъ,
Отъ царьградскихъ отъ куреній
Голова болитъ...“
И старикъ лицомъ суровымъ
Просвѣтлѣлъ опять.
Понутру ему здоровымъ
Воздухомъ дышать;
Снова вѣетъ воли дикой
На него просторъ,
И смолой, и земляникой
Пахнетъ темный боръ.

Но не въ одной силѣ спасенье, и однимъ здоровымъ воздухомъ тоже сытъ не будешь... Нашъ поэтъ это понималъ хорошо, но предоставилъ другимъ говорить о томъ, подъ ударами какихъ житейскихъ бѣдъ сломилась и ломится народная сила. Только дважды подошелъ онъ къ этой темѣ поближе и написалъ стихотворенія на гражданскій, какъ тогда говорили, мотивъ. Одно изъ нихъ — извѣстная баллада о богатырѣ, который верхомъ на разбитой клячѣ разъѣзжаетъ по русскому царству и спаиваетъ деревни и села; другое извѣстное шуточное стихотвореніе:

У приказныхъ воротъ собирался народъ
Густо;
Говорилъ въ простотѣ, что въ его животѣ
Пусто etc.—

стихотвореніе, въ которомъ одновременно осмѣяны и плутовство чиновника, и поражающая неразвитость и тупость народа.

Оцѣнка этой печальной стороны народной жизни дана была Алексѣемъ Толстымъ и въ его драмѣ «Посадникъ». Литературныя достоинства этого драматическаго опыта не особенно велики. Въ драмѣ много мелодраматическихъ моментовъ и условныхъ положеній въ псевдо-русскомъ стилѣ. Но эти недостатки искупаются идейностью содержанія. Поэтъ хотѣлъ дать въ своей драмѣ типъ русскаго государственнаго дѣятеля стараго вѣчевого времени, образецъ гражданской республиканской доблести, человѣка, который приноситъ себя, свою честь и счастье въ жертву народному благу. Этотъ новгородскій посадникъ, герой трагедіи,—конечно настоящій римлянинъ, неизвѣстно какъ попавшій на берега Волхова. Онъ—воплощенный историческій анахронизмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и выразитель современныхъ взглядовъ нашего автора на народовластіе. Взгляды эти весьма любопытны.

Будь Алексѣй Толстой чистокровнымъ консерваторомъ, онъ имѣлъ удобный случай сорвать свою злобу на вѣчевомъ порядкѣ и наглядно изобразить всю его безтолочь. Будь онъ крайнимъ либераломъ, онъ наоборотъ могъ воспользоваться этимъ случаемъ для прославленія принципа народовластія. Онъ не сдѣлалъ ни того, ни другого, а пошелъ опять дорогой средней. Симпатіи его остались на сторонѣ вѣча, понимаемаго какъ принципъ, а судъ его надъ участниками этого вѣча, надъ народомъ, вышелъ очень строгій. Народъ выведенъ на сцену какъ стихійная масса, грубая и дикая, не размышляющая, кровожадная, готовая идти безъ оглядки за любымъ интриганомъ, не различающая истиннаго гражданина отъ крикуна и способная убить и истязать того, кому она недавно кланялась. Трудно изобразить въ болѣе мрачныхъ краскахъ толпу, чѣмъ она изображена въ этой свободомыслящей драмѣ—и это сдѣлано, конечно, сознательно. Поэтъ стоитъ на томъ, что народъ не подготовленъ ни къ какой политической роли, что за нимъ нѣтъ ни воспитанія, ни образованія для надлежащаго ея выполненія.

Но несмотря на это, принципъ народовластія остается въ трагедіи нетронутымъ. Поэтъ не вымещаетъ на самомъ принципѣ негодности тѣхъ, кто въ данную минуту призванъ проводить его на дѣлѣ.

Какъ бы въ противовѣсъ неразвитому, но властному народу, поэтъ рисуетъ во весь ростъ фигуру посадника, выросшаго и воспитаннаго именно при этомъ вольномъ режимѣ. Истинный сынъ своей родины, отъ котораго не скрыты ея грѣхи и недостатки, онъ непоколебимо вѣритъ въ святость принципа того порядка, которому онъ служитъ:

Они вольны на вѣчѣ говорить,
А приговоръ когда постановили,
Онъ долженъ быть, какъ Божье слово, святъ!

—говоритъ онъ, отлично освѣдомленный насчетъ того, какія безтолковыя рѣчи ведутся на вѣчѣ. Временный безпорядокъ имѣетъ въ его глазахъ малое значеніе: ему дорогъ самый принципъ.

«Воля» въ его пониманіи есть не та воля, которая шумитъ и горланитъ на площади, а воля, понятая какъ высшій долгъ и самообузданіе личности передъ обществомъ. Воля! — говоритъ онъ своему собесѣднику:

Великое ты выговорилъ слово;
А знаешь ли какой его есть толкъ?
Въ чемъ воля-то? Въ томъ, что чужой мы власти
Не терпимъ надъ собой! Что мы съ князьями
По старинѣ ведемъ свой уговоръ:
Се будь твое, а се будь наше. Въ наше жъ
Ты, княже, не вступайся! А когда
Тотъ уговоръ забудетъ князь, ему
Мы кажемъ путь, другого жъ промышляемъ
Себѣ на столъ. Вотъ наша воля въ чемъ... и чтобы воля эта
Была крѣпка, и чтобъ никто не могъ
Надъ нами государемъ называться—
Мы Новгородъ Великій государемъ
Поставили, и головы послушно,
Свободныя, склонили передъ нимъ.
Вотъ наша воля! Правъ своихъ держаться,
Чужія чтить, блюсти законъ и правду,
Не прихоти княжія исполнять,
Но то чинить безропотно и свято,
Что Государь нашъ Новгородъ велитъ—
Вотъ воля въ чемъ! А чтобы всякій дѣлать
Воленъ былъ то, что въ голову взбредетъ—
Нѣтъ, то была бъ не воля—неурядье
То было бы! Когда бъ такую волю
Терпѣли мы, давно княжой бы стали
Мы вотчиной, иль раздѣлили бъ насъ
Между собой сосѣди!

X.

Самъ Алексѣй Толстой въ политическихъ своихъ убѣжденіяхъ былъ, какъ извѣстно, сторонникомъ монархіи единодержавной и всѣ только что приведенныя его рѣчи о народовластіи не могутъ быть истолкованы какъ исповѣдь или какъ проповѣдь республиканскихъ или конституціонныхъ идей. Въ нихъ высказана только современная поэту мысль о привлеченіи народа и общества къ участію въ дѣлахъ общественнаго управленія—мысль, частью осуществленная реформами императора Александра II, съ которымъ нашъ поэтъ былъ связанъ тѣсной личной дружбой и государственные планы котораго были ему хорошо извѣстны. Какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и въ этомъ, современная мысль поэта облеклась въ архаическую форму, и такъ какъ новгородскіе порядки въ нашей литературѣ издавна служили облаченіемъ для либеральныхъ идей, то и нашему художнику-археологу и либералу—не оставалось иного выбора.

Но либерализмъ Толстого оставался все-таки строго монархическимъ. Князь—и затѣмъ царь—центральная фигура въ его стихахъ съ національной тенденціей.

Идея царской власти, какъ ее понималъ нашъ поэтъ, развита имъ полно и выяснена всесторонне въ его извѣстныхъ историческихъ трагедіяхъ. Но и въ балладахъ и въ пѣсняхъ Алексѣй Толстой часто возвращался къ этому вопросу, и въ немъ, какъ и въ другихъ вопросахъ, обнаружилъ ту умѣренность въ рѣшеніи, которая отличала всѣ его взгляды на современность.

Рѣшеніе въ данномъ случаѣ дано необычайно простое, съ тогдашней исторической истиной вполнѣ согласное. Единодержавный князь представленъ какъ самый либеральный человѣкъ своего времени и потому, конечно, и самый гуманный. Всѣмъ извѣстно, какія рѣзкія слова осужденія были сказаны нашимъ поэтомъ о царскомъ деспотизмѣ, понимаемомъ какъ произволъ державной личности. Не говоря о трагедіяхъ, гдѣ дана настоящая психопатологія деспотизма, и въ балладахъ поэтъ нерѣдко ставитъ его своей мишенью. Змѣй Тугаринъ грозитъ Россіи тѣмъ, что ея владыка станетъ надъ ней «ханомъ»

И въ теремѣ будетъ сидѣть онъ своемъ,
Подобенъ кумиру средь храма...

И Потокъ-Богатырь приходитъ въ ужасъ, когда на улицахъ Москвы видитъ, какъ

...идетъ караулъ,
Гонитъ палками встрѣчныхъ съ дороги;
Ѣдетъ царь на конѣ, въ зипунѣ изъ парчи,
А кругомъ съ топорами идутъ палачи,
Его милость сбираются тѣшить:
Тамъ кого-то рубить или вѣшать...

«Московскій ханъ», какъ понималъ его художникъ, былъ истиннымъ бичомъ Божіимъ за наши грѣхи, и пѣвецъ не упускалъ случая отомстить ему хотя бы и позднимъ мщеніемъ. Онъ посвятилъ цѣлый романъ его злодѣяніямъ, да и въ стихахъ не забылъ его. Разсказалъ онъ, какъ этотъ царь истязалъ Василія Шибанова, какъ убилъ невиннаго старицкаго воеводу, какъ пронзилъ своимъ жезломъ князя Репнина за то, что онъ громогласно проклялъ его опричнину.

Но карая лицо, облеченное высшею властью, поэтъ оставилъ опять нетронутымъ самый принципъ власти. Устами самихъ пострадавшихъ произнесъ онъ этому принципу и оправданіе, и благословеніе. Князя Репнина заставилъ онъ передъ смертью выпить здравицу за православнаго царя, и Шибанова молиться за царя и за святую великую Русь.

На исторической личности московскаго владыки вымещалъ Алексѣй Толстой, какъ видимъ, свою злобу лишь противъ того, кто исказилъ дорогой ему принципъ.

Истиннымъ же носителемъ этого принципа сдѣлалъ онъ столь имъ любимаго князя Владиміра и его словами выразилъ онъ свою собственную мысль. Князь Владиміръ — вотъ тотъ либеральный и гуманный князь, который сумѣлъ сочетать въ себѣ столь трудно примиримые взгляды — взглядъ на власть какъ на силу надъ народомъ и какъ на долгъ передъ нимъ. Всѣми личными и семейными добродѣтелями наградилъ этого князя влюбленный поэтъ, и ему въ уста вложилъ онъ одинъ знаменательный тостъ, который былъ бы совсѣмъ непонятенъ, если бы не заставлялъ насъ подумать о годахъ, отъ блаженныхъ временъ Владиміра очень далекихъ. На пиру, среди русскихъ богатырей, князь сказалъ во всеуслышаніе:

Подайте мнѣ чару большую мою,
Ту чару, добытую въ сѣчѣ,
Добытую съ ханомъ хазарскимъ въ бою—
За русскій обычай до дна ее пью,
За древнее русское вѣчѣ!
За вольный, за честный славянскій народъ,
За колоколъ пью Новограда,
И если онъ даже и въ прахъ упадетъ,
Пусть звонъ его въ сердцѣ потомковъ живетъ—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

И народъ, оцѣнивъ великодушіе своего властителя, отвѣчаетъ ему «какъ плескъ лебединаго стада, какъ лѣтомъ изъ тучи ударившій громъ»:

За князя мы пьемъ!
Да правитъ по-русски онъ русскій народъ!
А хана намъ даромъ не надо!
И если настанетъ година невзгодъ,
Мы вѣримъ, что Русь ихъ побѣдно пройдетъ
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Не есть ли обмѣнъ этихъ дипломатическихъ тостовъ — символическое выраженіе идеи единенія властителя съ народомъ—единенія, юридически конечно не оформленнаго, но такого, при которомъ обѣ стороны «сошлись въ любовь», какъ говорилось на языкѣ далекаго вѣчевого времени?

И такого любовнаго разрѣшенія вопроса, конечно, не было въ тѣ годы, когда эти стихи были написаны: люди спорили о границахъ власти и о правахъ народа, спорили жестоко и кроваво и не могли помириться, и только одинъ поэтъ мирилъ ихъ въ своихъ мечтахъ, отъ жизни очень далекихъ, но все-таки жизненныхъ, такъ какъ они возникали на почвѣ раздумья надъ потребностями современнаго ему порядка.

XI.

Въ такихъ поэтическихъ образахъ, взятыхъ изъ далекаго прошлаго—выражалъ Алексѣй Толстой свои мысли и свои сужденія о современной ему жизни.

Онъ заставлялъ старину давать ложныя показанія—это безспорно, но зато въ этой поэтической лжи была заключена цѣлая оцѣнка современности, всѣхъ ея наиболѣе жгучихъ вопросовъ, которые стояли тогда на очереди: вопросовъ религіозныхъ, національныхъ, общественныхъ и политическихъ.

Эта оцѣнка была сдѣлана не богословомъ, не политикомъ, не ученымъ, но необычайно чуткимъ, гуманнымъ и очень умнымъ человѣкомъ, уже пожившимъ, много видавшимъ и далекимъ отъ всякихъ крайностей.

Тотъ, кто слѣдилъ за страстной схваткой теорій, убѣжденій и программъ дѣйствія въ пятидесятыхъ и въ шестидесятыхъ годахъ,—тотъ согласится, что сужденія высказанныя нашимъ поэтомъ въ такой странной археологической формѣ—были въ основѣ своей либеральными и прогрессивными, а по характеру наиболѣе примиряющими и миролюбивыми. Можно сказать, что они были средней пропорціональной между двумя противоположными направленіями—консервативнымъ и радикальнымъ.

Во вопросахъ религіи—проповѣдь гуманизма и внутренняго религіознаго убѣжденія не воинственнаго, не прикованнаго къ догмѣ и терпимаго...

Въ вопросѣ національномъ—воззваніе къ чувству народнаго достоинства, гордаго своей силой и выносливостью, и вмѣстѣ съ тѣмъ миролюбиваго...

Въ вопросахъ общественныхъ и политическихъ — признаніе сильной и единой власти либерально настроенной, прислушивающейся къ свободному голосу народа...

Развѣ во всѣхъ этихъ общихъ сужденіяхъ нашего поэта не высказана историческая истина его времени—истина, вокругъ которой шли ожесточенные споры, почти всегда ударявшіеся въ крайность?— И не удалось ли именно поэту—съ виду столь чуждому современныхъ волненій—выразить, хоть и иносказательно, ту правду, которая въ силу особыхъ психологическихъ и историческихъ условій тогда никакъ не могла найти себѣ ни въ теоріи, ни въ жизни полнаго исчерпывающаго и яснаго обнаруженія?

Если это такъ, если въ стихотвореніяхъ Алексѣя Толстого съ національной тенденціей дѣйствительно выражена историческая истина его эпохи, свободная отъ крайнихъ толкованій, то нашъ поэтъ имѣетъ всѣ права назваться однимъ изъ пѣвцовъ обновленной или, вѣрнѣе, обновляющейся Россіи.

Н. Котляревскій.

ЗА ОКЕАНОМЪ.

Повѣсть изъ жизни русскихъ въ Америкѣ.

(*Продолженіе* *)

Глава V.

Сочувствіе большинства публики, видимо, было на сторонѣ Косевича. Всѣ они были слишкомъ поглощены мыслью о родинѣ, «настоящей», какъ ее назвалъ Косевичъ, которая осталась за океаномъ на двадцать тысячъ верстъ разстоянія.

— Хорошо жить въ Россіи,—мечтательно сказалъ Швенцеръ,— правда, Рулевой?

Человѣкъ, къ которому онъ обращался, тоже былъ чистой славянской крови. Онъ былъ отставнымъ статистикомъ и происходилъ изъ самыхъ нѣдръ Костромской губерніи. Крушеніе земской статистики выбросило его изъ родной сферы, какъ изверженіе горы Пелея, и добросило его до Америки. Онъ былъ въ Нью-Іоркѣ только три мѣсяца и, какъ бывшій земскій человѣкъ, еще такъ недавно жившій въ глубинѣ той великой и загадочной родины, которая для большинства уже подернулась розовой дымкой, считался важнымъ авторитетомъ по части свѣдѣній о русскихъ порядкахъ и настроеніяхъ. До сихъ поръ онъ сидѣлъ совершенно смирно, положивъ локти на столъ и понуривъ голову. Быть можетъ, онъ вспоминалъ о подворной переписи Балахнинскаго уѣзда, которую онъ такъ и не успѣлъ окончить.

— Жить не худо,—лаконически отвѣтилъ онъ,—а сдохнуть и того лучше!

— Какъ сдохнуть?—спросилъ озадаченный Швенцеръ.—Вы плетете, кажется!..

— Съ голоду!—сказалъ Рулевой.—Очень просто!

— Что голодъ!—легкомысленно сказалъ Швенцеръ.—Мы и тутъ не мало голодали. Да я хоть сейчасъ согласенъ питаться хлѣбомъ да чаемъ, только бы опять жить въ Москвѣ!

---

*) См. „Міръ Божій“, № 1, январь 1904 г.

— Да еще скитайся по свѣту, какъ сукинъ сынъ!—сказалъ Рулевой.—Круто нашему брату приходится. Пріѣхалъ я въ Симбирскъ,—не утвердили. Подалъ прошеніе въ Кишиневъ,—отвѣчаютъ: пріѣзжайте, видно будетъ. Занялъ денегъ на дорогу—пріѣзжаю: сокращеніе штатовъ... Тьфу пропасть! Подался я ажъ въ Новгородъ, попалъ таки на мѣсто, прослужилъ мѣсяцъ,—на тебѣ: опять временное сокращеніе штатовъ. Куда мнѣ ѣхать? Поѣхалъ въ Уфу, опять прослужилъ мѣсяцъ... На тебѣ еще разъ: безвременное сокращеніе!.. Куда, думаю, ѣхать? Развѣ въ Восточную Сибирь? На казенный счетъ не везутъ почему-то... Ахъ, думаю, глаза бы мои васъ не видали! Убѣгу я отъ васъ за тридевять морей, въ Америку, на сѣверный полюсъ!..

— Восточная Сибирь!—передразнилъ Швенцеръ.—И здѣсь тоже Сибирь... Западная..

— И то Сибирь!—подхватилъ Косевичъ.—Поѣзжайте-ка на западъ,—фермеры—тѣ же сибирскіе чалдоны, даже съ лица похожи. Сытые они, краснолицые, три раза въ день ѣдятъ мясо, пьютъ пиво да яблочный квасъ. А дальше что, спрашивается.

— А школа?—сказалъ Спутниковъ.

Простонародные элементы еврейскаго квартала были проникнуты искреннимъ уваженіемъ къ Америкѣ, которое понемногу превращалось въ новый патріотизмъ, и нижегородскій сіонистъ заимствовалъ отъ нихъ болѣе широкое и правильное пониманіе американскихъ отношеній, чѣмъ интеллигенты, упрямо глядѣвшіе назадъ черезъ океанъ.

— Что школа!—сказалъ Косевичъ пренебрежительнымъ голосомъ.—Въ букварѣ правда, да не вся. Вотъ и наши охотнорядцы побывали въ школѣ и даже газеты читаютъ соотвѣтственныя. Ну вотъ, здѣсь сплошная нація охотнорядцевъ. Охотнорядскіе идеалы, газеты и вся культура!..

Въ Косевичѣ говорило разочарованіе, вынесенное имъ изъ встрѣчъ съ американскими литераторами, которые почти поголовно увлечены всеобщимъ духомъ дѣловитости и готовы каждое движеніе своей души исчислить впередъ и продать на корню за наличныя деньги.

Но и остальные члены общества заходили не менѣе далеко въ своемъ осужденіи американской духовной жизни. Эти доктора и адвокаты въ сущности вовсе не знали Америки: они прожили все время въ русско-еврейской средѣ и по роду своихъ занятій имѣли дѣло съ болѣе разжившимися слоями, которые, накопивъ денегъ, немедленно приняли всѣ самые узкіе предразсудки американскаго мѣщанства, смѣшали ихъ съ такимъ же точно матеріаломъ, вывезеннымъ съ родины, и преувеличивали худыя стороны тѣхъ и другихъ.

Молодое поколѣніе, учившееся въ университетахъ и высшихъ школахъ, почти поголовно ушло въ американскій патріотизмъ. Интеллигенты русской школы, вращавшіеся въ этой средѣ, оставались совершенно одиноки и ощущали, что съ каждымъ годомъ волна буржуазнаго самодовольства поднимается все выше и понемногу начинаетъ заражать ихъ самихъ уваженіемъ къ доллару и дѣловой удачѣ.

— А вы что объ этомъ думаете?—обратился Бугаевскій къ Двойнису слегка поддразнивающимъ тономъ.—Вы вѣдь тоже американскій патріотъ!

Онъ хотѣлъ отплатить королю портныхъ за его презрительный тонъ въ недавнемъ спорѣ о Ноксвилѣ.

Двойнисъ презрительно сморщилъ брови.

— Я былъ еврейскій портной,—сказалъ онъ,—и опять могу—портной, еврейскій, американскій, американско-еврейскій, какъ хотите.

Онъ, видимо, затруднялся пріискиваніемъ русскихъ словъ, но сегодня никто не говорилъ по-англійски, и онъ не хотѣлъ нарушать праздничнаго обычая.

— Я знаю, что нужно дѣлать, а онъ нѣтъ.

Онъ безцеремонно кивнулъ головою въ сторону Косевича,—и всѣ эти слова—одна *фантэзія*.

— А сіонисты?—сказалъ Бугаевскій.

— Кто же идетъ въ сіонисты?—равнодушно возразилъ Двойнисъ.—Только хламъ!

Бугаевскій невольно посмотрѣлъ въ сторону Слокума, но докторъ еврейской теологіи не обратилъ вниманія на этотъ новый вызовъ. Онъ сидѣлъ насупившись и въ его умѣ звучалъ тотъ же неотвязный вопросъ куда? и вмѣсто тѣсной, вызженной солнцемъ Палестины ему опять сталъ представляться баснословный Самбатіонъ въ недоступной глубинѣ пустыни.

— Равины, рѣзники, меламеды, приходскіе сторожа...—пересчитывалъ Двойнисъ.—Для меня довольно горя и безъ еврейскаго царства.

— Вотъ вамъ новый Іерусалимъ, если вы можете понимать,—онъ показалъ рукой въ окно, подразумѣвая Ноксвиль.

— Вы забываете молодое поколѣніе—сказалъ директоръ земледѣльческой академіи, Драбкинъ.

Это былъ человѣкъ скромнаго вида, съ благообразнымъ и настолько моложавымъ лицомъ, что его скорѣе всего можно было принять за одного изъ воспитанниковъ школы, чѣмъ за ея главнаго начальника. Земледѣльческая академія существовала лѣтъ десять, но въ первые годы въ ней были довольно странные порядки, какъ во всѣхъ подобныхъ благотворительно воспитательныхъ заведеніяхъ. Наконецъ дѣло разрѣшилось бунтомъ, недокормленные мальчики, которымъ надоѣлъ слишкомъ жидкій кофе за завтракомъ, устроили начальству дерзость во время ревизіи, потомъ разбѣжались по сосѣднимъ деревнямъ, а нѣкоторые ушли пѣшкомъ въ Филадельфію. Тогда комитетъ, не зная, что дѣлать, рѣшилъ пригласить Драбкина, который руководилъ одною изъ городскихъ школъ въ Нью-Іоркѣ и имѣлъ прекрасную педагогическую репутацію.

Съ тѣхъ поръ прошло четыре года и порядки въ академіи радикально измѣнились. Число учениковъ утроилось и доходило до ста пятидесяти. Академія завела обширныя поля, плодовые питомники, пчельникъ, и все это существовало исключительно трудомъ учениковъ. Академія поглощала одну брошенную ферму за другой и нечувствительно превращалась въ земледѣльческій фаланстеръ.

Со временъ Драбкина было два выпуска. Академія выдавала дипломъ со страннымъ именемъ: «бакалавръ земледѣлія» и заботливо опекала своихъ бакалавровъ и пріискивала имъ мѣста. даже заключала за нихъ контракты и вообще всѣми мѣрами старалась удержать ихъ у спеціальныхъ земледѣльческихъ промысловъ, для которыхъ они были воспитаны. Пока большая часть ихъ оставалась въ деревнѣ, занимаясь сыровареніемъ или насажденіемъ фруктовъ, но притягательная сила большихъ городовъ уже понемногу начала привлекать въ свой кругъ самыхъ лучшихъ.

— Молодое поколѣніе растетъ,—продолжалъ Драбкинъ.—Мы временные, а они будутъ дѣлать настоящую жизнь!..

— Пускай дѣлаютъ,—пренебрежительно возразилъ Косевичъ,—сытую, трезвую, самодовольную американскую жизнь. Что имъ Гекуба? Всѣ они ранніе изъ молодыхъ.

— Я знаю своихъ учениковъ,—возразилъ Драбкинъ,—они славные мальчики.

— Да?—возразилъ Косевичъ.—Ваши ученики издаютъ журналъ,—прибавилъ онъ. Въ послѣдней книжкѣ я видѣлъ одну статью: «Разсужденіе о пользѣ дисциплины».

— Дисциплина—необходимое условіе!.. спокойно возразилъ Драбкинъ.

— Конечно,—продолжалъ Косевичъ жесткимъ тономъ.—Дисциплина и атлетическія игры... Вашъ полевой отрядъ выигралъ три приза отъ высшей школы въ Атлантикъ Сити...

Онъ имѣлъ въ виду состязанія въ игрѣ въ мячъ, какія ежегодно устраиваются въ Америкѣ между сосѣдними школами.

— Не только играютъ они,—возразилъ Драбкинъ.—Они учатся работать въ потѣ лица. Посмотрите на наши поля...

— А вашъ кулачный отрядъ разбилъ носы всѣмъ неграмъ изъ «Цвѣтнаго клуба!»—приставалъ Косевичъ.

— Они евреи, не такъ ли?—возразилъ Драбкинъ.—Пусть учатся драться, первый разъ въ жизни. Въ Америкѣ кто не умѣетъ драться, тотъ пропащій человѣкъ.

— Вотъ такъ философія!—сказалъ Косевичъ.—Простите меня, но я не понимаю для чего существуетъ ваша академія?..

— Чтобы пріучать молодыхъ людей къ научному земледѣлію! —сказалъ Драбкинъ.—Мы уже добились удивительныхъ результатовъ.

Косевичъ промолчалъ съ насмѣшливымъ видомъ.

— Мы имѣли два выпуска въ два послѣдніе года!—сказалъ Драбкинъ, задѣтый за живое прямымъ нападеніемъ.—Почти всѣ остались при землѣ...

— Будетъ вамъ, пожалуйста!—сказалъ Косевичъ. Пара ласточекъ не дѣлаетъ весны.

— А сколько ихъ было въ двухъ выпускахъ?—полюбопытствовалъ Бугаевскій.

— Тридцать человѣкъ,—сказалъ Драбкинъ.—Вы знаете, мы пріучаемъ ихъ къ спеціальнымъ отраслямъ хозяйства, молочному, пчеловодству, разведенію фруктовъ...

— Нашихъ учениковъ разобрали самыя богатыя фермы!— прибавилъ онъ не безъ извѣстной гордости.

— А въ городъ ихъ не тянетъ?—легкомысленно спросилъ Косевичъ.

— Не думаю!—возразилъ Драбкинъ.—Мы пріучили ихъ разсматривать земледѣліе, какъ самое благородное и полезное для міра занятіе.

— Адамъ копалъ землю, Ева пряла пряжу!—насмѣшливо повторилъ Косевичъ старую англійскую поговорку.

— Мы получаемъ отъ нихъ письма!—сказалъ Драбкинъ, не обращая вниманія на насмѣшку.—Хотите, я могу вамъ прочесть одно!

Онъ вынулъ изъ кармана толстый бумажникъ, методически развернулъ его и досталъ аккуратно сложенный листокъ бумаги.

— Уважаемый начальникъ!—прочиталъ онъ заголовокъ.—Ну, тутъ личное,—немного замялся онъ,—очень онъ хвалитъ нашу школу. А вотъ дальше онъ пишетъ о себѣ.

«Кажется, хозяинъ мною доволенъ...—снова прочелъ онъ,— говоритъ, что въ прошлый мѣсяцъ маслобойня дала хорошій выходъ». Онъ по маслодѣлію, — коротко объяснилъ Драбкинъ. «Жить здѣсь очень скучно...—прочелъ онъ,—глухо здѣсь. Хозяева всю зиму живутъ въ городѣ. Я совсѣмъ одинъ. Книгъ мало. Здѣшнимъ людямъ нѣтъ дѣла до идей. Рабочихъ на фермѣ девять. Трое пьютъ, другіе копятъ деньги. Чѣмъ зарабатывать—имъ все равно, земледѣліемъ, промысломъ, лавкой, лишь бы прибавлялось въ банкѣ. Я тоже хотѣлъ копить, но приходится посылать мамашѣ. Мамаша прислала письмо, пишетъ, что жалованье маленькое, только тридцать долларовъ, говоритъ: «въ городѣ тебѣ бы дали хорошее мѣсто, ты образованный, непьющій!»

«Отъ этого письма я упалъ духомъ. Но потомъ я вспомнилъ ваши слова, что вы говорили намъ о земледѣліи, что земледѣліе есть наша миссія и самое благородное занятіе, и я опять укрѣпился и рѣшился съ Божьей помощью оставаться на фермѣ и держаться за земледѣліе, а тамъ будетъ, что Богъ дастъ. И неправда ли, дорогой учитель, что земледѣліе основа жизни общества?..»

Письмо было написано по-англійски, но Драбкинъ чрезвычайно искусно переводилъ его на русскій языкъ, сохраняя даже всю наивность и непосредственность юношеской души, выливавшейся изъ этихъ строкъ. Рулевой и еще одинъ недавно пріѣхавшій инженеръ плохо понимали по-англійски. Впрочемъ, почтенный директоръ вообще славился своимъ многоязычіемъ, которое онъ упражнялъ столько лѣтъ во время педагогической дѣятельности среди разношерстныхъ элементовъ нижняго Нью-Іорка. О немъ даже говорили, что онъ одновременно думаетъ на трехъ языкахъ.

— А сколько бы ему дали въ городѣ?—невинно спросилъ Косевичъ.

— Долларовъ шестьдесятъ, я полагаю!—сказалъ Драбкинъ.—Нашихъ молодыхъ людей цѣнятъ вездѣ!—прибавилъ онъ съ прежней гордостью.—А немного погодя и сто дали бы!

— Отлично!—согласился Косевичъ.—Значитъ, по вашимъ совѣтамъ, онъ понижаетъ свой жизненный уровень!—неожиданно прибавилъ онъ.

— Какъ понижаетъ?—съ недоумѣніемъ спросилъ Драбкинъ.

— Конечно, понижаетъ!—сказалъ Косевичъ.—Онъ живетъ въ глуши, безъ книгъ, съ людьми, которымъ нѣтъ дѣла до идей, а получаетъ жалованья вдвое меньше!

— Пускай!—сказалъ Драбкинъ немного упрямымъ тономъ.—Зато онъ ушелъ изъ безплоднаго города къ плодородному труду земли!

— Пустяки!—сказалъ Косевичъ непочтительно.—Что онъ производитъ изъ земли,—масло? А горожанинъ производитъ штаны? Мы масло съѣдимъ, а штаны сносимъ, и все одно къ одному. Но вы сами знаете, что современное направленіе цивилизаціи влечетъ людей изъ деревни въ городъ.

— Въ этомъ великое зло!—сказалъ Драбкинъ.—Рёскинъ говоритъ...

— Рёскинъ человѣкъ крупнаго роста,—перебилъ Косевичъ,—но знаете ли, онъ усѣлся посреди бѣгущаго потока и говоритъ: я плотина! Какой же въ этомъ толкъ? Сидѣть ему мокро, а вода бѣжитъ да бѣжитъ мимо.

— Вы все аллегоріями говорите!—возразилъ Драбкинъ.—Но дѣло вѣдь очень просто. Если бы не было земледѣлія, вѣдь всѣмъ намъ ѣсть было бы нечего...

— А вотъ химія сдѣлаетъ шагъ впередъ и будетъ у насъ искусственная ѣда!—возразилъ Косевичъ.

Онъ взялъ со стола большую румяную грушу и медленно принялся очищать ее отъ кожицы дессертнымъ ножомъ.

Драбкинъ, въ свою очередь, улыбнулся.

— Эти груши говорятъ другое!—сказалъ онъ неожиданно.—Придется вамъ подождать, пока химія сдѣлаетъ вамъ такія груши!

Въ публикѣ засмѣялись. Изъ фруктовъ, лежавшихъ на столѣ, все, что было получше, было прислано изъ сада академіи и составляло наглядное свидѣтельство практическихъ успѣховъ земледѣлія подъ руководствомъ Драбкина.

— Къ чему намъ спорить?—вдругъ обратился къ нему Бугаевскій черезъ столъ.—Вы прочли намъ одно письмо. Но было бы интересно узнать, что думаютъ объ этихъ вопросахъ другіе люди, помоложе?

Глаза всѣхъ присутствующихъ обратились къ окну, гдѣ примостились два человѣка, выдѣлявшихся свѣжестью лицъ, пошибомъ осанки и даже покроемъ одежды. Это были настолько молодые люди, что изъ скромности они не рѣшили искать себѣ мѣста за общимъ столомъ, и, усѣвшись въ сторонѣ, этимъ еще болѣе выдѣлили себя изъ общаго уровня.

Александръ Вихницкій сидѣлъ слѣва. Ему было около двадцати пяти лѣтъ. Онъ былъ высокъ ростомъ и сухощавъ, съ блѣднымъ лицомъ, слегка опушеннымъ кудрявой русой бородкой.

Онъ былъ сыномъ мелкаго торговца изъ Москвы и былъ привезенъ въ Америку десятилѣтнимъ мальчикомъ. Онъ учился въ хорошей американской школѣ, прошелъ университетъ и теперь былъ учителемъ языковъ въ ноксвильской академіи. Въ домѣ его родителей, однако, господствовалъ русскій духъ, и онъ довольно чисто говорилъ по-русски, хотя и съ англійскимъ акцентомъ, и не безъ случайныхъ ошибокъ.

Сосѣду его было немного больше двадцати лѣтъ. Онъ былъ ниже ростомъ, но его широкія плечи и на диво развитая грудь придавали ему видъ настоящаго атлета. По безцеремонной привычкѣ, которую американская деревня и даже городъ практикуютъ въ теплое время года, онъ былъ безъ пиджака, въ полосатой фуфайкѣ, плотно облегавшей его мускулистое тѣло. Когда онъ поворачивался, каждое движеніе его говорило о ранней привычкѣ къ тѣлеснымъ упражненіямъ, придающимъ грацію, увѣренность и силу.

Руки его, лежавшія на колѣняхъ, были облечены несокрушимой кожей, покрыты ссадинами и неизгладимыми слѣдами черной пыли, которой не могло отмыть даже патентованное мыло «Мечта инженера».

Онъ окончилъ курсъ въ ноксвильской академіи, два года тому назадъ, но вмѣсто земледѣлія попалъ механикомъ на небольшой заводъ, снабжавшій силой и свѣтомъ ноксвильскія фабрики и устроенный тѣмъ же благотворительнымъ обществомъ. Теперь онъ пользовался большой популярностью среди ноксвильскаго молодого поколѣнія, какъ лучшій игрокъ въ «большіе городки» и одновременно наиболѣе искусный слесарь во всемъ околоткѣ.

Въ Америку онъ былъ привезенъ шестилѣтнимъ мальчикомъ и почти не говорилъ по-русски, но онъ любилъ посѣщать русскія собранія. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно садился въ уголъ и молча слушалъ русскія рѣчи своихъ старшихъ соплеменниковъ, самъ не зная хорошенько, понимаетъ ли онъ ихъ, или нѣтъ. По временамъ онъ впадалъ въ дремоту и ему казалось, будто что-то полузабытое поднимается въ его памяти, какъ тонкая туманная волна, и воскрешаетъ передъ нимъ тусклые, вѣющіе, наполовину исчезнувшіе образы. Его звали Аркадій Коссъ, въ англійской передѣлкѣ изъ русскаго Коссовскій.

— Что вы намъ скажете, Александръ?—ласково обратился Драбкинъ къ своему ученику. Онъ былъ расположенъ считать, что всѣ молодые люди, связанные съ ноксвильской академіей, находятся подъ его нравственной опекой. На Косса онъ сначала дулся немного за его «измѣну» излюбленному земледѣльческому дѣлу, но молодой механикъ былъ слишкомъ хорошимъ работникомъ, и практическій умъ директора земледѣльческой академіи не могъ не отдавать ему справедливости.

— О чемъ мнѣ сказать?—возразилъ Вихницкій нѣсколько застѣнчивымъ тономъ.

— О томъ, какъ вамъ нравится Америка?—вставилъ Бугаевскій, передразнивъ вопросъ, который вся Америка задаетъ каждому иностранному посѣтителю.

— Я бы хотѣлъ посмотрѣть Россію! — сказалъ Вихницкій просто.

— А вы помните что-нибудь?—спросилъ Косевичъ съ минутнымъ интересомъ.

— Нѣтъ, мало!—съ сожалѣніемъ сказалъ Вихницкій.—Помню маленькій городокъ. Мы съ юга. Еще море помню Черное...

— Вы помните, счастливые!—прибавилъ онъ съ завистью.

Глава VI.

Ѳеня помогла докторшѣ убрать кухню и, перейдя въ переднюю комнату, принялась мыть посуду. Пристроившись въ углу, она перетирала стаканы и безмолвно оглядывала собравшуюся публику. Временами она думала о своихъ собственныхъ дѣлахъ, временами прислушивалась къ разговорамъ, кипѣвшимъ вокругъ стола, какъ гулъ пчелъ въ густо населенномъ ульѣ.

Многое было для нея не совсѣмъ ясно. Но во всякомъ случаѣ она понимала, что большая часть этихъ русскихъ выходцевъ осуждаютъ новую отчизну, пріютившую ихъ и давшую имъ кусокъ хлѣба.

И Ѳеня, которая была поклонницей новой жизни, отнеслась съ рѣшительнымъ осужденіемъ къ придирчивой критикѣ господъ.

— Не нравится, видно,—думала она, иронически посматривая на разношерстное общество.—Работать привелось, мозоли на горбу натирать. Переучиваютъ здѣсь вашего брата!

Ѳеня понимала общественныя отношенія проще, чѣмъ собравшіеся за столомъ интеллигенты, но нельзя сказать, чтобы она была права даже относительно фактической стороны, ибо люди, собравшіеся вокругъ стола, давно перестали натирать мозоли на горбу, и жажда ихъ была не тѣлесная, а духовная.

Внимательнѣе всего Ѳеня прислушивалась къ разговорамъ дамъ, которыя сидѣли всѣ вмѣстѣ, поближе къ самовару, и вели между собою особый женскій разговоръ. Пріѣзжихъ дамъ было четыре и онѣ были настроены совсѣмъ иначе, чѣмъ мужчины.

Группировка сословій въ Америкѣ сильно отличается отъ европейской и люди интеллигентныхъ профессій, не смотря на свои относительно хорошіе заработки, принадлежатъ къ высшему слою рабочаго класса. Средній классъ въ Америкѣ начинается отъ весьма внушительной цифры дохода, которая доступна для разжившагося лавочника, но не для доктора или писателя изъ эмигрантовъ. Мужчины не обращали на это вниманія, тѣмъ болѣе, что матеріальная жизнь рабочаго класса въ Америкѣ все-таки обставлена большими удобствами, чѣмъ даже жизнь зажиточнаго чиновника въ Петербургѣ или Москвѣ, но дамы ни за что не могли съ этимъ помириться. Имъ приходилось вести домашнее хозяйство при условіяхъ совсѣмъ не похожихъ на весь прежній опытъ. Служанки и поденщицы не признавали за ними даже правъ на званіе барыни, ибо для этого требовался болѣе толстый кошелекъ. Онѣ жили среди непрерывной домашней войны и чувства ихъ были болѣе или менѣе враждебны къ тѣмъ мелкимъ людямъ, съ которыми онѣ ежедневно приходили въ столкновеніе.

А между тѣмъ соблазны окружающихъ богатствъ были слишкомъ ярки и манили ихъ сильнѣе и иначе, чѣмъ мужчинъ. На торговыхъ улицахъ магазины блистали богатствомъ женскихъ платьевъ и французскихъ шляпъ, золотыхъ и бриллiантовыхъ украшенiй, рѣзной мебели и шелковыхъ занавѣсей, но все это требовало слишкомъ большихъ денегъ и было недоступно скромному достатку безлошадныхъ докторовъ и страховыхъ агентовъ. Богатыя купчихи и новоиспеченныя банкирши еврейскаго квартала швыряли деньги по сторонамъ, выставляли напоказъ грубую, кричащую роскошь, и отъ всего этого великолѣпiя на долю интеллигентной женщины доставалось только острое чувство зависти и тщетнаго желанiя.

Казовая сторона американской культуры раздразнила ихъ и пробудила въ нихъ неудовлетворенную жажду роскоши. Нервы ихъ были такъ же напряжены, какъ у бѣдныхъ работницъ, и вмѣстѣ со своими служанками онѣ заразились всеобщимъ стремленiемъ выбиться вверхъ, выше прежняго положенiя, которое столь характерно для американской жизни. Но между тѣмъ какъ служанка стремилась скопить немного денегъ на черный день, завести собственное хозяйство, имѣть семью, идеалъ барыни заключалъ домъ особнякъ, собственныхъ лошадей, роскошные наряды, и поэтому онъ былъ грубѣе и не могъ осложниться и украситься идеальнымъ элементомъ, какъ въ душѣ болѣе бѣдныхъ рабочихъ слоевъ.

Докторша присѣла на минуту среди этой небольшой группы, и тотчасъ же встала, собрала со стола остальную посуду и отнесла ее къ Ѳенѣ.

— Если бы я была богаче,—сказала она, возвращаясь на мѣсто,—я никогда бы не мыла посуды. Била бы грязныя тарелки объ полъ или швыряла за окно и сейчасъ же покупала бы новыя!..

Перспектива сложить часть своего домашняго бремени на Ѳенины плечи и имѣть возможность посидѣть за столомъ со своими гостями, участвуя въ ихъ разговорахъ, настолько измѣнила ея обычное настроенiе, что она была способна даже шутить.

Со двора раздался пронзительный дѣтскiй крикъ.

— Пуська кричитъ!—сказала докторша, снова вставая съ мѣста и направляясь къ двери, однако безъ особой стремительности.

Пуська была ея младшая дочь. Ей было только два съ половиной года, но проказы ея были совершенно неистощимы и внушали удивленiе даже болѣе старшимъ дѣтямъ докторскаго дома. Госпожа Косевичъ и Журавская тоже поднялись съ мѣста и послѣдовали за хозяйкой.

У самаго крыльца докторъ устроилъ небольшой цвѣтникъ и въ защиту отъ домашняго скота огородилъ его низенькимъ, но плотнымъ частоколомъ. Пуська, повидимому, приняла эту ограду, какъ личную обиду. Она ежедневно дѣлала отчаянныя попытки перебраться черезъ нее въ цвѣтникъ и разрыть запретныя грядки. Она срывала цвѣты и запихивала себѣ за пазуху, вытаскивала изъ рыхлой земли даже довольно длинные корешки и принималась грызть ихъ, не хуже бѣлки или полевой мыши.

На этотъ разъ Пуська уже успѣла перебраться черезъ завѣтнюю тынъ, но подолъ ея платья запутался въ верхушкѣ частокола, и она повисла надъ землей по ту сторону ограды, крича отъ злости и болтая руками и ногами.

Докторша сняла Пуську съ частокола и хотѣла унести ее въ комнату, но дѣвочка принялась такъ громко кричать, что устрашенная мать поневолѣ спустила ее на землю. Продолжая захлебываться отъ судорожныхъ рыданій, Пуська немедленно подбѣжала къ частоколу и опять принялась карабкаться вверхъ.

— Давидъ!—громко позвала докторша, прибѣгая къ послѣднему средству. Давидъ былъ второй сынъ Павла Харбина. Онъ былъ старше Пуськи на годъ и они были очень дружны. Мальчикъ тотчасъ же прибѣжалъ изъ глубины двора и торопливо ковыляя ножками, подбѣжалъ къ Пуськѣ и недолго думая поймалъ ее за ногу. Пуська опять подняла крикъ, но мальчикъ кричалъ еще громче и не пускалъ ее лѣзть дальше. Изгородь была не выше двухъ аршинъ, но докторъ увѣрилъ Давида, что Пуська рискуетъ разбить себѣ голову во время своихъ акробатическихъ упражненій, и съ тѣхъ поръ мальчикъ сдѣлался наиболѣе бдительнымъ стражемъ завѣтной ограды.

Въ концѣ концовъ дѣвочка уступила, но благополучно спустившись на землю, изо всѣхъ силъ толкнула Давида въ грудь и съ сердитымъ лицомъ взобралась на крылечко и вошла въ комнату.

— Гдѣ Пусечка?..—привѣтствовалъ ее Косевичъ, который былъ бездѣтенъ и поэтому очень любилъ маленькихъ дѣтей.

Лицо Пуськи прояснилось. Она по опыту знала, что въ карманѣ у профессора всегда есть шоколадныя конфекты.

— Вотъ Пуся!—сказала она, останавливаясь передъ Косевичемъ и поднимая вверхъ указательный палецъ.

— Гдѣ Пуся?..—продолжалъ взывать Косевичъ, озабоченно переводя глазами по комнатѣ и дѣлая видъ, что не замѣчаетъ дѣвочки.

Лицо Пуси приняло мистифицированное выраженіе. Она повернула руку и приложила указательный палецъ къ своему лбу.

— *Говоля*!—сказала она убѣдительнымъ тономъ. Она хотѣла сказать: голова и желала обратить вниманіе профессора на самую важную часть своей фигуры.

— Не знаете ли вы, гдѣ Пуся?—взывалъ Косевичъ.—Я ей дамъ конфетку!

Онъ вынулъ изъ кармана узенькую плитку шоколада и поднялъ ее въ воздухѣ.

Пуся немедленно протянула обѣ руки впередъ и сдѣлала стремительное нападеніе на шоколадъ.

— Вотъ Пуся!—сказала она снова, успѣшно овладѣвъ конфеткой и запихивая ее себѣ въ ротъ.—Гамка Пуся!..

Продолженіе этой фразы потерялось въ усиленной работѣ надъ шоколадомъ.

— Какъ хотите,—сказала госпожа Косевичъ, снова усаживаясь возлѣ докторши и продолжая начатый разговоръ,—нельзя ставить на равное мѣсто интеллигентнаго человѣка и простого!

— Конечно! — ядовито подхватилъ Бугаевскій съ другого конца стола.—Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ!

Онъ былъ старый холостякъ и крѣпко не долюбливалъ русско-американскихъ дамъ. Онъ утверждалъ, что онѣ являются въ Америкѣ самыми ревностными хранительницами рабовладѣльческихъ инстинктовъ.

— Мы съ вами не говоримъ!—огрызнулась госпожа Косевичъ.

— Нѣтъ, скажите пожалуйста!—продолжала она уже раздраженнымъ тономъ—Почему она лѣзетъ ко мнѣ въ подруги? Я совсѣмъ иначе устроена. У меня другія потребности, другія мысли. Ей совсѣмъ не къ чему сидѣть со мною за однимъ столомъ!

Она это была вѣчный врагъ американскихъ бѣдныхъ барынь, строптивая и требовательная служанка.

— Богъ съ ней!—сказала докторша примирительнымъ тономъ.—Пусть бы она лѣзла, только бы дѣло дѣлала.

— Ахъ, она негодная!—насмѣшливо подхватилъ Бугаевскій, пародируя Фонвизина.—Лѣзетъ за столъ, словно благородная!

Госпожа Косевичъ окончательно разозлилась.

— Милая мужская грубость!—сказала она, нервно сжимая свои красиво очерченныя губы.—Вы, небось, не хотите ни стряпать, ни половъ мыть!—сердито продолжала она, обращаясь, однако, не къ Бугаевскому, а къ своему мужу.—Вы сидите себѣ надъ вашими книгами, вамъ нуженъ умственный трудъ. А женщина подай, женщина прими!.. Женщина домашняя рабыня...

— Мужчины зарабатываютъ средства къ жизни,—опять вмѣшался Бугаевскій.

Косевичъ ничего не сказалъ. Онъ только посмотрѣлъ на жену съ чуть замѣтной улыбкой, и лицо его внезапно смягчилось.

Они были женаты уже двадцать лѣтъ, и въ его глазахъ эта нервная вся высохшая женщина была той же молодой красавицей, которую онъ нѣкогда покорилъ своимъ блестящимъ краснорѣчіемъ и черными кудрями своей огромной головы. Онъ до сихъ поръ безъ памяти любилъ свою жену и просиживалъ вечера надъ сверхъурочной работой, чтобы она имѣла лишнюю сотню долларовъ на свои личныя траты. Косевичъ зарабатывалъ много, но они тратили деньги не считая, и иногда съ трудомъ сводили концы съ концами.

— Почему я должна портить свои руки стиркой?—спрашивала госпожа Косевичъ патетическимъ голосомъ, продолжая обращаться къ своему мужу и протягивая впередъ маленькія красивыя руки, на которыхъ не было видно никакихъ слѣдовъ стирки.— Я тоже человѣкъ, у меня есть голова. Быть можетъ, я тоже способна на умственный трудъ.

— Стоитъ только попробовать!—вставилъ Бугаевскій ехидно.

Всѣмъ было извѣстно, что госпожа Косевичъ не любитъ чрезвычайныхъ усилій, и предпочитаетъ проводить свою жизнь въ сторонѣ отъ всякой работы.

Ѳеня внимательно смотрѣла на это худое и еще красивое лицо съ тонкимъ профилемъ и сердитымъ огнемъ въ глазахъ

«Небось, и ты не лучше своей прислуги!—мысленно замѣтила она.—Злись, не злись, а здѣсь, что барыня, что мужичка, одна честь всѣмъ».

— Зачѣмъ женщинѣ мыть посуду?—сказала, въ свою очередь, госпожа Журавская.—Женщина можетъ быть профессіональна, не хуже мужчинъ!

Журавская нѣкогда была подающей надежды пѣвицей. Съ тѣхъ поръ прошло лѣтъ пятнадцать, и голосъ ея исчезъ вмѣстѣ съ молодостью, но до сихъ поръ она зарабатывала себѣ карманныя деньги своими вокальными средствами, главнымъ образомъ, отъ компаніи фонографовъ, для которой она выпѣвала въ огромную трубу записывающей машины различныя русскія и малорусскія пѣсни. Фонографъ очень распространенъ въ Америкѣ, и восковые цилиндры съ записями ея напѣвовъ достигали Орегона и Новой Мексики, вмѣстѣ съ разбросанными партіями русско-еврейскихъ переселенцевъ.

Госпожа Журавская, однако, все еще не хотѣла помириться съ своей скромной долей. Она до сихъ поръ мечтала о томъ, чтобы попасть на оперную сцену и въ ожиданіи будущихъ благъ основала женскій музыкальный союзъ въ нижнемъ Нью-Іоркѣ. Русско-еврейское населеніе Дантана весьма музыкально и въ послѣдніе годы поставляетъ солистовъ пѣнія и игры на всю Америку. Знаніе музыки, кромѣ того, считается первымъ признакомъ порядочности, отличающимъ культурную женщину отъ некультурной. Дамы, составлявшія общество вмѣстѣ съ госпожой Журавской, почти всѣ представляли перезрѣлыхъ претендентокъ на музыкальную карьеру. Немудрено, что онѣ правильно пополняли свои взносы и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми силами старались увеличивать доходы и значеніе общества. Въ послѣдній годъ въ обществѣ стали даже поговаривать о необходимости завести собственную сцену, чтобы дать возможность всѣмъ домашнимъ талантамъ выказать передъ міромъ свой природный блескъ.

Докторша Каменская слегка улыбнулась, но не сказала ни слова. Она была женой врача, но имѣла собственный докторскій дипломъ и познакомилась со своимъ мужемъ на выпускномъ курсѣ медицинскаго факультета. Это было тоже около пятнадцати лѣтъ тому назадъ. Потомъ они женились, открыли пріемный кабинетъ на одномъ изъ модныхъ перекрестковъ Дантана и мало-по-малу пріобрѣли хорошую практику. Докторъ былъ спеціалистъ по мужскимъ болѣзнямъ, а докторша по женскимъ, и паціенты разыгрывались, какъ по нотамъ. Постепенно, однако, семья Каменскихъ стала увеличиваться. Съ третьимъ ребенкомъ докторша отошла на задній планъ. Докторъ захотѣлъ получше обезпечить свою семью и сталъ работать за двоихъ. Мало-по-малу онъ увлекся и поставилъ себѣ цѣлью во что бы то ни стало перейти въ разрядъ докторовъ съ лошадью. Съ утра до вечера онъ бѣгалъ на практику, урывалъ часы у сна, въ осенніе мѣсяцы, особенно бойкіе для докторскаго ремесла, завелъ даже привычку спать въ креслѣ, не снимая одежды, чтобы быть готовымъ летѣть къ паціентамъ по первому звонку телефона. Черезъ пять лѣтъ каторжной работы докторъ завелъ-таки лошадь и негра лакея и сталъ разъѣзжать по паціентамъ въ собственномъ экипажѣ, но воспользоваться своимъ благосостояніемъ ему не пришлось. Переутомленная природа внезапно заявила свои права, дѣло окончилось нервнымъ ударомъ, и дѣятельный охотникъ за паціентами почти внезапно превратился въ инвалида, который требовалъ постояннаго ухода за собой, какъ маленькій ребенокъ.

Каменская осталась съ тремя малолѣтними дѣтьми на рукахъ. Въ околоткѣ жалѣли переработавшаго доктора. Паціенты, быть можетъ, въ знакъ сочувствія продолжали посѣщать пріемный кабинетъ и звонить въ телефонъ по ночамъ. Волей-неволей госпожѣ Каменской пришлось положить себѣ на плечи свой домашній крестъ и попробовать идти впередъ по своей жизненной дорогѣ. Она справилась съ этой задачей скоро и легко. Американская выучка не пропала даромъ. Она помѣстила мужа въ дорогой больницѣ, старшую дѣвочку отправила въ Канаду къ двоюродной сестрѣ, мальчика отдала въ образцовую школу-пансіонъ и при себѣ оставила только младшую дѣвочку. Теперь она съ утра до вечера посѣщала паціентовъ, даже сохранила негра и лошадь. Осеннія ночи, по примѣру мужа, она проводила въ креслѣ, въ вѣчномъ ожиданіи телефоннаго звонка. Здоровье госпожи Каменской, однако, было крѣпче, чѣмъ у ея бѣднаго супруга. Лицо ея до сихъ поръ сохранило румянецъ, и выраженіе его было такъ спокойно, что по внѣшнему виду никто не могъ бы заключить, что пять лѣтъ тому назадъ эта уравновѣшенная, хорошо сохранившаяся женщина ломала руки передъ постелью больного мужа, не зная, чѣмъ заплатить накопившіеся счеты.

Госпожа Журавская перехватила улыбку докторши и впала въ минорное настроеніе.

— Трудно бороться съ равнодушіемъ толпы,—сказала она,— особенно женщинѣ и артисткѣ!.. Америка невѣжественна, ей нѣтъ дѣла до искусства!..

— Америка—хорошая страна!..—неожиданно сказала четвертая гостья, которая сидѣла нѣсколько поодаль и сосредоточенно пила блѣдный чай съ блюдечка. Она была непохожа на другихъ. Это была маленькая полуувядшая женщина, со впалыми щеками и большими безцвѣтно-сѣрыми глазами. Неуловимыя подробности ея наряда, манеры, прическа, даже покрой воротничка, изобличали въ ней старую дѣву. Она пріѣхала въ Америку около четверти вѣка тому назадъ и уже больше десяти лѣтъ вела въ нижнемъ Нью-Іоркѣ двѣ школы, дневную для дѣвочекъ и вечернюю для взрослыхъ женщинъ. Мало-по-малу она такъ втянулась въ свое занятіе, что совсѣмъ перестала думать о личной жизни. Она, кажется, и замужъ не вышла потому, что ей некогда было подумать объ этомъ. Она была постоянно въ хлопотахъ, читала безплатныя лекціи, устраивала елки и дѣтскіе праздники, изобрѣтала различныя средства, стараясь настолько заинтересовать своихъ взрослыхъ ученицъ, чтобы онѣ не ушли изъ вечерней школы до конца года. Въ общемъ, она была одной изъ тѣхъ незамѣтныхъ труженицъ Америки, которыя совокупными усиліями совершаютъ огромное культурное дѣло, превращая разношерстную толпу неграмотныхъ и полудикихъ переселенцевъ въ проворныхъ американскихъ гражданъ, искусныхъ на всякую выдумку.

— Прекрасная страна,—повторила учительница,—особенно для бѣдныхъ молодыхъ дѣвушекъ. Онѣ расцвѣтаютъ на глазахъ, какъ человѣческіе цвѣты...

— Американскіе дешевые цвѣты!..—сказала госпожа Косевичъ съ интонаціей, заимствованной у мужа, и брезгливой гримасой.

На поблекшихъ щекахъ учительницы проступилъ легкій румянецъ.

— Мы всѣ не дорогія!—сказала она не безъ ѣдкости въ голосѣ. Она была сдержаннаго нрава, но не могла выносить спокойно, если нападали на ея любимое дѣло.—Знаете ли вы, сколько вечернихъ школъ въ Нью-Iоркѣ? Всѣ биткомъ набиты. Городъ даетъ учителей, книги, бумагу, перья, фортепiано для музыки, даже награды для усердныхъ ученицъ... Гдѣ въ Европѣ вы найдете что-нибудь подобное?..

— А мы вѣдь тоже люди!—сказала госпожа Косевичъ.—Чѣмъ мы виноваты, что наши запросы выше?

— У нихъ ничего не было тамъ,—настаивала учительница,—онѣ благодарны за каждую ласку. Онѣ рвутся сюда, какъ въ обѣтованную страну...

На улицѣ послышался однообразный шумъ легкихъ колесъ, тотчасъ же остановившiйся подъ окномъ. Слышно было, какъ кто-то возится съ велосипедомъ, стараясь поднять его на ступеньки крыльца. Черезъ минуту дверь широко открылась отъ внезапнаго толчка и въ комнату вошелъ маленькiй мальчикъ, катя передъ собой старый велосипедъ съ облинявшими колесами и потертой ручкой. Мальчикъ былъ очень малъ, а велосипедъ несоразмѣрно высокъ. Можно было только удивляться, какимъ образомъ этотъ круглый карапузъ умудряется взбираться на своего желѣзнаго Росинанта.

— Ты зачѣмъ забрался въ комнату съ колесомъ, разбойникъ?—спросилъ Спутниковъ, грозя пальцемъ новому гостю.

— А можетъ, украдутъ!—съ важностью сказалъ мальчикъ.—Велосипедъ не мой!

Въ Америкѣ велосипеды необычайно дешевы, подержанный велосипедъ можно купить за пять долларовъ. Поэтому даже деревенскiе мальчишки знакомы съ желѣзнымъ колесомъ почти такъ же хорошо, какъ съ коньками. Еврейскiе ребятишки Ноксвиля не составляли исключенiя: всѣ мальчишки постарше имѣли «байкъ» и въ праздничные дни даже устраивали гонки съ призами, какъ въ настоящихъ городахъ.

— Вотъ онѣ идутъ!—сказалъ мальчикъ, раскрывая двери еще шире.

Двѣ молодыя дѣвушки поднялись на крыльцо и вошли въ комнату. Онѣ были бѣдно одѣты и платье на нихъ было европейскаго, или даже русскаго покроя. Вся наружность ихъ обличала недавно прiѣхавшихъ эмигрантокъ. Въ складкахъ ихъ одежды какъ будто еще сохранился острый и свѣжiй запахъ соленаго моря.

Онѣ составляли живую иллюстрацiю къ словамъ старой учительницы о молодыхъ дѣвушкахъ изъ Европы.

Обѣ были приблизительно одинаковыхъ лѣтъ и очень красивы. Одна была повыше, съ румянцемъ во всю щеку и полными плечами, которыя рельефно выступали изъ-подъ легкой ситцевой кофточки.

Пышная бѣлокурая коса съ вплетеннымъ въ нее обрывкомъ голубой ленточки висѣла до пояса, большіе голубые глаза смотрѣли весело и простодушно. Руки у нея были большія и загорѣлыя, но грубая кожа ея ладоней какъ-то удивительно шла къ ея здоровой, полной жизни фигурѣ. Она казалась созданной для спокойнаго и добраго труда, и каждое ея движеніе было исполнено красивой и сильной граціи, которая создается десятками преемственныхъ поколѣній, преданныхъ полевымъ работамъ, на открытомъ воздухѣ, въ мирной деревенской обстановкѣ.

Другая дѣвушка была тоньше и стройнѣе. Ея коса была заплетена въ двѣ пряди и обвита вокругъ головы, какъ черный атласный вѣнецъ. Лицо ея имѣло особую матовую бѣлизну, какая бываетъ только у брюнетокъ. Щеки ея были блѣдны, но по временамъ, безъ всякой видимой причины, на нихъ загорался легкій розовый румянецъ, похожій на зарево отдаленнаго пожара и не говорившій о крѣпости здоровья. Когда она дышала, тонкія ноздри ея правильно очерченнаго носа слегка вздрагивали. Ея большіе каріе глаза были близоруки и постоянно щурились, какъ будто съ вѣчнымъ усиліемъ разсмотрѣть ускользающія подробности обстановки.

Обѣ онѣ держали въ рукахъ небольшія сумки съ самыми необходимыми дорожными вещами, которыхъ онѣ не рѣшились оставить вмѣстѣ съ другимъ багажомъ.

При видѣ такого множества незнакомыхъ людей дѣвушки остановились на порогѣ и стали смущенно оглядываться по сторонамъ. Все общество съ любопытствомъ смотрѣло на нихъ. Оба молодые человѣка даже вскочили съ мѣста и безсознательно стали обдергивать свое платье, какъ солдаты передъ смотромъ. Механикъ, впрочемъ, тотчасъ же опомнился и съ легкой улыбкой усѣлся обратно. Его короткая фуфайка была, кромѣ того, слишкомъ примитивна, чтобы поддаваться какому бы то ни было прихорашиванію, но Вихницкій остался стоять на ногахъ и глаза его не отрывались отъ бѣлокурой дѣвушки.

Ѳеня вдругъ всплеснула руками и чуть не разроняла посуды.

— Катюшка, сестричка!—вскрикнула она истерическимъ голосомъ, который совсѣмъ не шелъ къ ея короткой круглой фигурѣ.

Она обѣжала длинный столъ и хотѣла броситься сестрѣ на шею, но тотчасъ же отскочила назадъ и принялась наскоро вытирать свои мокрыя, засученныя по локоть руки передникомъ.

Гости тоже вскочили съ мѣстъ. Возбужденіе этой спокойной и сосредоточенной въ себѣ женщины неожиданно заразило ихъ, и они обступили новопріѣзжихъ широкимъ кругомъ.

— Откуда вы? прямо изъ Россіи? — спрашивали со всѣхъ сторонъ.—Какія новости?

Нѣкоторые задавали такіе вопросы, которые навѣрно не могли быть понятны этимъ простымъ, бѣдно одѣтымъ дѣвушкамъ.

Но Ѳеня не дала времени публикѣ продолжать разспросы, она схватила дѣвушку за плечи и оттащила ее въ свой уголъ.

— Говори, мамка здорова, братъ?—лихорадочно спрашивала она.—Пошто долго ѣхала? Какъ ты выросла, Катюшка!.. Охъ ты, Тверская губернія,—громко сказала она, отстраняя сестру отъ себя и всматриваясь въ ея лицо жаднымъ и внимательнымъ взглядомъ.

Она положила сестрѣ голову на плечо и вдругъ заплакала, громко, по-деревенски, на всю комнату. Эта бѣлокурая дѣвушка, которую она оставила подросткомъ и которая неожиданно успѣла развиться такъ пышно и красиво, дѣйствительно олицетворяла для нея родину, отъ которой она успѣла отвыкнуть и которую мало по малу стала забывать.

Дѣвушка положила на голову сестры свою большую красивую руку и слегка погладила ее по волосамъ.

— А земля есть?—спросила она низкимъ и пѣвучимъ голосомъ.

Мысли ея вращались вокругъ той же самой духовной оси, что и у ея сестры, и она сразу выставила впередъ главный стимулъ, который передвинулъ ихъ изъ Тверской губерніи въ штатъ Нью-Джерси.

Ѳеня тотчасъ же осушила свои слезы.

— Погоди спрашивать!—сказала она, улыбаясь.—Вотъ посмотри лучше, какой сынъ у меня!

Она вынула Тимошу изъ маленькой ручной телѣжки, которая собственно принадлежала Пуськѣ, но теперь была отдана въ его временное пользованіе, и протянула его сестрѣ. Дѣвушка взяла племянника на руки. Тимошка потянулся руками къ ея лицу, потомъ схватился за прядь мелкихъ красныхъ бусъ, обвивавшихъ ея шею, но тотчасъ же выпустилъ ее и радостно закудахталъ. Ему, очевидно, понравилась новая тетя.

— Мужъ на работу ушелъ,—говорила Ѳеня.—До вечера не придетъ. Въ лѣсу онъ робитъ, да и самъ въ родѣ лѣшаго...

Она представила себѣ огромную фигуру своего мужа и засмѣялась довольнымъ смѣхомъ. По невольной ассоціаціи идей она снова обвела взглядомъ молодую дѣвушку.

— Ишь ты какая, Господь съ тобой!—невольно сказала она.— Выровнялась, какъ молодая ясень!

Бо̀льшая часть гостей незамѣтно перешла на ту же сторону комнаты, поближе къ сестрамъ, нисколько не думая о томъ, что разговоры ихъ не назначаются для постороннихъ слушателей.

Вихницкій остался стоять на мѣстѣ но продолжалъ пристально глядѣть на молодую дѣвушку. Эта красавица, которая вышла изъ самыхъ нѣдръ русской деревни, казалась ему въ десять разъ больше, чѣмъ Өенѣ, живымъ олицетвореніемъ далекой и полузабытой родины. Это была Россія, рабочая и сельская, не та захудалая сѣрая страна, которая страдаетъ отъ ежегодныхъ голодовокъ, но другая, молодая, бодрая и прекрасная, которая стелется между шести морей, какъ океанъ спѣлой ржи, великая, сильная и свѣжая народность, которая вся въ будущемъ, и которая растетъ и тянется къ свѣту безчисленными фибрами своихъ безчисленныхъ побѣговъ,—та страна, въ которую вѣритъ каждое хорошее русское сердце и для которой живетъ и умираетъ чреда русскихъ поколѣній.

Дѣвушка съ черными волосами безпомощно осталась стоять у двери. Красныя пятна вспыхнули на ея щекахъ и тотчасъ же снова погасли. Публика такъ заинтересовалась Катюшей, что на ея подругу никто не обратилъ вниманія. Учительница тоже была въ группѣ, окружавшей двухъ сестеръ, но черезъ минуту она вернулась назадъ, взяла другую дѣвушку за руку и подвела ее къ столу.

— Вы, должно быть, устали,—сказала она заботливымъ тономъ.—Выпейте чаю!

— Я привыкла!— сказала дѣвушка, улыбаясь блѣдными губами, однако присѣла на стулъ и положила сумку себѣ на колѣни.

— Мы прямо съ парохода!—сказала она въ поясненіе.—По желѣзной дорогѣ ѣхали всю ночь... Катеринѣ Ивановнѣ ничего, а я жидкая!..

— Какая вы блѣдная!—съ участіемъ сказала учительница.— Укачало васъ, я думаю, на пароходѣ!

— Да укачало!—призналась дѣвушка. Она немного покачивалась на стулѣ, какъ будто продолжая балансировать на зыбкой палубѣ.

Учительница положила два куска сахару въ стаканъ съ чаемъ и пододвинула дѣвушкѣ.

— А откуда вы родомъ?—спросила она заинтересованнымъ голосомъ.

— Изъ Бытоміра,—сказала дѣвушка.—Нечѣмъ жить въ Бытомірѣ!—тотчасъ же прибавила она. Очевидно, эта истина была до такой степени прочно запечатлѣна въ ея умѣ, что при первомъ воспоминаніи о Бытомірѣ тотчасъ же вырвалась наружу.

— Я изъ Козелецъ-Повольска,—сказала учительница.—Должно быть, это одинаково! Городишко глухой, людей мало, а жить тѣсно.

Съ точки зрѣнія четырехмилліоннаго Нью-Іорка, Бытоміръ и Козелецъ-Повольскъ, конечно, являлись глухими городишками.

— Я все пробовала,—сказала дѣвушка,—шила и грамотѣ учила, даже на фабрику ходила. Не хватаетъ на ѣду.

Она отпила изъ стакана, но тотчасъ же поставила его на прежнее мѣсто, закашлялась и схватилась правою рукою за грудь.

— Охъ, какъ вы простудились на пароходѣ!—сказала учительница.

— У меня слабая грудь—сказала дѣвушка,—я къ доктору ходила. Докторъ говоритъ: «вамъ надо ѣхать въ деревню», а я думаю: въ деревню ѣхать нельзя, поѣду я лучше въ Америку!

— Бѣдняжка!—сказала учительница.—А кто вамъ билетъ послалъ?—заинтересовалась она.

— У меня тутъ братъ есть,—сказала дѣвушка.—Двоюродный братъ. Розовыя пятна снова проступили на ея щекахъ и тотчасъ же пропали.—Онъ прислалъ шифъ-карту!

— А гдѣ же вашъ брать?..—спросила учительница съ легкимъ недоумѣніемъ.

Было естественно предполагать, что двоюродный братъ, истратившій сто рублей на билетъ для дѣвушки, позаботится, чтобы встрѣтить ее по пріѣздѣ въ Америку.

Розовыя пятна мелькнули опять.

— Онъ далеко,—сказала дѣвушка.—Въ Санъ-Франциско!

— Значитъ, поѣдете въ Санъ-Франциско?..—сказала учительница.

Дѣвушка покачала головой.

— Это, говорятъ, очень далеко. Я лучше останусь здѣсь.

— А какъ вашъ братъ?.. спросила учительница. Она привыкла разговаривать со своими кліентками самымъ простымъ тономъ о вещахъ въ десять разъ болѣе рискованныхъ.

— Захочетъ, такъ самъ пріѣдетъ...—сказала дѣвушка съ оттѣнкомъ лукавства.—Да у меня и денегъ не хватитъ на билетъ!.. Были, да я истратила!..—коротко прибавила она.

— Вамъ бы замужъ выйти!—настаивала учительница.

Опытъ сдѣлалъ ея умъ настолько широкимъ, что, несмотря на свое дѣвичество, она считала бракъ наиболѣе завиднымъ исходомъ для всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ.

— Кто бы меня взялъ въ Бытомірѣ?..—возразила дѣвушка просто.—Я безприданница. Даже родныхъ у меня нѣтъ настоящихъ.

— А въ Америкѣ?..—подсказала учительница.

— А въ Америкѣ я буду работать!—храбро сказала дѣвушка.—Я сюда пріѣхала, чтобы добывать себѣ кусокъ хлѣба... Здѣсь, въ Америкѣ, говорятъ, много работы.

— Да?—сказала учительница нѣсколько сомнительнымъ тономъ.—А какъ вы сюда попали, въ Ноксвиль?

— А это Катерина Ивановна!—сказала дѣвушка.—Мы на пароходѣ вмѣстѣ ѣхали. Она говоритъ: «я ѣду въ сторону, въ деревню. Русская деревня есть въ Америкѣ, мнѣ, говоритъ, сестра билетъ прислала», и билетъ показала, а на билетѣ написано Ноксвиль. А я про Ноксвиль еще въ Бытомірѣ слышала. Вотъ, думаю, это какъ разъ для меня. И Америка и русская деревня. Поѣду-ка я въ Ноксвиль, авось я тоже не пропаду!

— Что же вы будете здѣсь дѣлать?—сказала учительница.

— Что-нибудь буду дѣлать,—сказала дѣвушка,—бѣлье стирать, шить.—А то мальчикъ сказалъ, что здѣсь фабрика есть, на фабрику пойду наниматься!

Въ ней уже сказалась странная непослѣдовательность городского человѣка, который даже уходя изъ города въ деревню, на лоно природы, уноситъ съ собой свои привычки, вкусы и занятія.

— На что вамъ на фабрику?—сказала учительница.

— А что же мнѣ дѣлать?—возразила дѣвушка.—Деревенской работѣ сразу не научишься. Развѣ бѣлье мыть пойду?

— Здѣсь есть добрые люди, они вамъ помогутъ!—сказала учительница.

— Спасибо, барыня!—сказала дѣвушка. Въ голосѣ ея прозвучала совершенно неожиданная твердость.—Я хочу работать. У насъ говорятъ: свой хлѣбъ хоть въ золѣ уваляй,—все слаще!

— Видишь, вы какая! сказала учительница.

Она привыкла встрѣчать этотъ приподнятый тонъ у молоденькихъ эмигрантокъ, которыя являлись въ Америку изъ Стараго Свѣта съ такимъ чувствомъ, какъ ученица закрытой школы, вступающая въ свѣтъ.

— Мнѣ нужно завтра ѣхать въ Нью-Іоркъ,—сказала учительница,—но я вамъ дамъ свой адресъ. Если вамъ не повезетъ здѣсь или будетъ нужно что-нибудь — вы прямо напишите мнѣ!

— Спасибо, барыня!—повторила дѣвушка.

— Какая я барыня!—сказала учительница съ легкой досадой.—Я—Марья Абрамовна, да и вы тоже не служанка!

Дѣвушка весело улыбнулась.

— Я тоже Абрамовна,—сказала она,—Вѣра Абрамовна, по фамиліи Баскина.—Она хотѣла еще что-то сказать, но движеніе на другомъ концѣ комнаты отвлекло ее.

Ребенокъ изъ рукъ Катюши перешелъ къ матери, и мѣсто у водопровода, гдѣ лежала груда недомытой посуды, освободилось. Не долго думая, Катюша отложила въ сторону сумку, и слегка подсучивъ рукава, принялась перемывать посуду съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто она выросла въ этомъ домѣ съ дѣтства. Со стороны казалось, какъ будто она не работаетъ, а играетъ въ уборку. Мужчины и даже дамы пробовали протестовать, но дѣвушка такъ ловко справлялась со своимъ дѣломъ, что черезъ десять минутъ вся задняя часть комнаты была въ полномъ порядкѣ.

— Мы пойдемъ домой, барыня!—сказала Ѳеня, глядя счастливыми глазами на сестру.—Если надо, я приду поработать, только сестру домой отведу!

— Что меня отводить, я не маленькая,—засмѣялась дѣвушка.

— Если надо, то и я приду вмѣстѣ!—прибавила она ласковымъ голосомъ, слегка поддразнивая сестру.

— Приходите, милая,—сказала докторша,—не поработать, а въ гости!

Ей уже казалось, что она никогда въ жизни не встрѣчала такой ласковой и милой дѣвушки. Это было общее чувство, и Катюша завоевала его въ первую же минуту своимъ спокойнымъ проворствомъ, своимъ яснымъ и веселымъ взглядомъ и всей своей здоровой, стройной и полной жизни фигурой.

Глава VII.

На другой день къ вечеру большая часть ноксвильскихъ гостей подъѣзжала къ дымному Гобокену, который составляетъ преддверіе Нью-Іорка съ зарѣчной стороны. Американская дѣловая горячка не позволяла своимъ служителямъ отлучаться дольше, чѣмъ на день. Рулевой тоже уѣхалъ вмѣстѣ съ другими. Онъ зналъ по-англійски только нѣсколько необходимыхъ словъ и еще не имѣлъ опредѣленныхъ занятій, но нѣсколько дней тому назадъ онъ досталъ работу въ одной предпринимательской конторѣ, которая принимала на себя распространять объявленія американскихъ фабрикантовъ въ Россіи и нуждалась въ переводѣ своихъ рекламъ на русскій языкъ. У компаніи были собственные переводчики, но Рулевой долженъ былъ подчищать ихъ устарѣлый русскій языкъ, который отъ времени вылинялъ и насквозь пропахъ словаремъ Рейфа съ кучей небывалыхъ словъ, выдуманныхъ въ Лейпцигѣ или Дармштадтѣ, въ родѣ *развергать, трусея, собрядный*

Переводъ былъ спѣшный, и пропустить день или два значило потерять всю работу.

Но въ Филадельфіи, при переѣздѣ съ вокзала на вокзалъ по шумной Рыночной улицѣ, онъ какъ-то отбился отъ общей компаніи и остался одинъ. Попавъ снова въ вагонъ, онъ сиротливо пріютился въ уголкѣ за дверью и, машинально прислушиваясь къ грохоту быстро летѣвшаго поѣзда, вспоминалъ разныя подробности двухъ дней, проведенныхъ въ Ноксвилѣ. Они не могли видѣть многаго за однѣ сутки, но видѣннаго было достаточно чтобы убѣдиться, что даже подъ указкой благотворительнаго комитета русско-еврейскіе переселенцы ведутъ болѣе счастливую и достойную человѣка жизнь, чѣмъ на старой родинѣ.

И на заднемъ планѣ картины вставала, какъ шумный лѣсъ широкая, стремительная, буйная американская жизнь. Рулевому стало холодно. Онъ вспомнилъ свою сѣрую, гонимую, полуголодную жизнь, полную незаслуженныхъ и несмытыхъ обидъ, неумолимый фатумъ, который перекидывалъ и его, какъ щенку, изъ Кишинева въ Вологду, изъ Вологды въ Кишиневъ и, наконецъ, вышвырнулъ его за границу, какъ ненужную ветошь. Душа его сжалась отъ тоски.

«Господи, если бы переродиться мнѣ!— подумалъ онъ.—Истребить въ себѣ старыя привычки, воспоминанія и языкъ и возродиться въ этой широкой и тучной странѣ дерзкимъ и зубастымъ американцемъ, который работаетъ и веселится во всю, сколько хватитъ азарта и силы!..»

Поѣздъ летѣлъ съ сумасшедшей быстротой, въ окнахъ мелькали безчисленные фабричные городки и города, расположенные вдоль этой шумной желѣзнодорожной артеріи: Трентонъ, Нью-Брунсвикъ, Патерсонъ, Елисабетъ, Нью-Аркъ. Потомъ загорѣлись яркіе огни рѣчной пристани въ Джерси-Сити. Поѣздъ въѣхалъ подъ стеклянную крышу огромнаго вокзала и остановился у каменной платформы. Это была большая центральная станція. Два десятка другихъ поѣздовъ одновременно приходили и уходили по разнымъ направленіямъ. Толпа дѣлилась на нѣсколько большихъ потоковъ, которые катились на набережную, къ огромнымъ паровымъ паромамъ, перевозившимъ пассажировъ въ Нью-Іоркъ на другой берегъ рѣки Гудсона. Рулевой перешелъ къ перевозу на двадцать третью улицу среди безпорядочно толкавшейся толпы и сталъ дожидаться очереднаго парома. Передъ его глазами открылось чудное, несравнимое ни съ чѣмъ зрѣлище.

Гудсонъ разстилался прямо у его ногъ широкой, черной полосой, которая расширялась въ ночной темнотѣ, какъ большое озеро и слегка рябила у берега, отражая безконечную линію электрическихъ фонарей. Среди этой черной полосы каждую минуту проходили влѣво и вправо огромные пароходы, похожіе на многоэтажные дома и залитые сверху до низу свѣтомъ. Они были наполнены безчисленной человѣческой толпой, которая возвращалась съ загородныхъ гуляній. Всѣ эти люди шумѣли, смѣялись, пѣли и по американскому обычаю махали платками, посылая привѣтъ каждой пристани, выступавшей передъ ними изъ мрака. На каждомъ пароходѣ игралъ оркестръ. Они проплывали, какъ большіе очарованные замки, наполненные веселымъ, торжествующимъ, беззаботнымъ человѣчествомъ. Маленькіе каботажные пароходы проплывали мимо, озабоченно пыхтя и таща за собой флотилію барокъ, растянувшуюся, какъ морской змѣй, и обозначавшуюся въ темнотѣ рядомъ красныхъ фонарей, висѣвшихъ на мачтахъ.

Далеко, на другомъ берегу, можно было различить небольшіе поѣзда городской дороги, пробѣгавшіе высоко въ воздухѣ по сквознымъ рельсамъ.

Электрическіе вагоны, скользившіе по набережной внизу, казались свѣтящимися ящерицами, которыя бѣгутъ по берегу, подскакивая на поворотахъ и разсыпая искры по сторонамъ.

Толпа, ожидавшая паромъ, становилась все гуще и гуще. Все это были прилично одѣтые, увѣренные въ себѣ люди. У каждаго въ рукахъ была свернутая въ трубку газета и въ карманѣ навѣрное звенѣла горсть крупныхъ серебрянныхъ долларовъ. И вдругъ среди этой людской массы Рулевой почувствовалъ острый припадокъ тоски по родинѣ. Онъ почувствовалъ, что ему нѣтъ дѣла до этой сытой и самодовольной толпы, и что эти люди неспособны прочувствовать его обиды и понять его упованія, онъ почувствовалъ, что здѣсь онъ чужой, и что его мѣсто тамъ за двадцать тысячъ верстъ.

Окружавшее богатство, движеніе и веселье внушали ему слѣпое отвращеніе; даже англійскій языкъ раздававшійся кругомъ, пробуждалъ въ немъ стихійную вражду, и глядя на эти рты, раскрывавшіеся квадратно, для произнесенія глухихъ англо-саксонскихъ звуковъ, онъ какъ будто подозрѣвалъ, что они кривляются нарочно, и полубезсознательно спрашивалъ себя, когда же они бросятъ это бормотанье и заговорятъ настоящимъ человѣческимъ языкомъ, по-русски...

Это было чувство стараго московскаго путника, случайно попавшаго въ басурманскую или латинскую землю.

Паромъ присталъ къ берегу. Рулевой сошелъ внизъ, какъ пьяный, не обращая вниманія на толчки пассажировъ. Его тоска была такъ велика и сильна, что она обратилась въ активную страсть и направляла его каждый шагъ и дѣйствіе. Она приказывала ему сейчасъ же найти что-нибудь настоящее русское, чтобы заслониться отъ американскихъ впечатлѣній. Русскіе евреи уже не удовлетворяли его. Выйдя на берегъ въ Нью-Іоркѣ, онъ подошелъ къ станціи воздушной дороги, постоялъ съ минуту, потомъ взялъ билетъ и поѣхалъ вверхъ въ западное предмѣстье, гдѣ около одной русской семьи сгруппировалась первая великорусская ячейка въ Америкѣ.

Черезъ полчаса Рулевой спустился съ лѣстницы у сто шестнадцатой улицы въ Гарлемѣ и пошелъ по поперечной улицѣ, направляясь къ четвертой аллеѣ. Это былъ бѣдный кварталъ, населенный неграми и небогатыми эмигрантами. Огромные дома были наполнены дешевыми квартирами. На улицахъ было грязно. Маленькіе газовые рожки мелькали тускло и уныло. Мелочныя лавки, цирульни, дешевые ресторанчики, все имѣло очень потертый и обтрепанный видъ.

На углу четвертой аллеи, Рулевой поднялся на четвертый этажъ по некрашенной лѣстницѣ, лишенной обычнаго въ Америкѣ ковра, и постучалъ въ дверь, на которой около испорченнаго звонка былъ приколотъ квадратный кусокъ картона съ надписью по-англійски: *Ilya Nikite Usoll*, что должно было обозначать: Илья Никитичъ Усольцевъ.

Высокая женщина въ ситцевой рубашкѣ-косовороткѣ и съ ребенкомъ на рукахъ открыла засовъ и впустила его внутрь.

— Здравствуйте, Алексѣй Алексѣичъ!—сказала она протяжнымъ голосомъ.—Васъ только не хватало!

Квартира была обычнаго въ Нью-Іоркѣ типа рабочихъ жилищъ: полутемная кухня, двѣ темныхъ спальни, ванна, вдѣланная въ стѣнѣ и закрывающаяся сверху, какъ шкафъ, и большая передняя комната съ двумя окнами на улицу; четвероугольнымъ столомъ посрединѣ и кушеткой у стѣны. Наличникъ у камина былъ мраморный. Въ стѣнѣ надъ каминомъ было вдѣлано зеркало. Передъ столомъ стояло мягкое кресло и дубовая гнутая качалка. Въ правомъ углу стояла этажерка съ книгами. Безъ этихъ принадлежностей не обходится ни одна рабочая квартира въ Нью-Іоркѣ.

Дверь въ одну изъ спаленъ была отворена и можно было видѣть три дѣтскія кроватки, поставленныя рядомъ и покрытыя чистыми покрывалами. У Усольцевыхъ было четверо дѣтей и мать уложила всѣхъ спать, но младшій грудной неожиданно проснулся и его нужно было накормить и подержать на рукахъ, пока онъ заснетъ снова.

Въ комнатѣ было человѣкъ десять, считая въ томъ числѣ и хозяевъ. Два мѣсяца тому назадъ Усольцевъ основалъ великорусскій кружокъ и это былъ день обычныхъ собраній. Лица всѣхъ присутствующихъ были такого типично-русскаго вида, что сгоряча можно было подумать, что находишься гдѣ-нибудь на Дмитровкѣ или на Петербургской Сторонѣ. Затрудненіе, однако, было въ томъ, что въ Россіи этихъ людей и квартиру, и всѣ подробности обстановки нельзя было бы отнести ни къ какому общественному классу.

Илья Никитичъ, приземистый блондинъ среднихъ лѣтъ, съ калмыковатымъ лицомъ и длинными усами сидѣлъ у стола и внимательно перелистывалъ маленькую тетрадку, написанную крупнымъ неправильнымъ почеркомъ. Это былъ краткій уставъ, который Усольцевъ самъ составилъ и которымъ не мало гордился. Уставъ былъ совсѣмъ коротенькій. Онъ гласилъ, что русскій кружокъ основанъ для поддержки русскихъ людей въ Америкѣ, и что члены имѣютъ внести одинъ долларъ при поступленіи и пятьдесятъ центовъ въ мѣсяцъ.

Илья Никитичъ былъ полуграмотенъ и даже печатное читалъ неважно. Уставъ былъ вписанъ въ тетрадку его женой, которая была истинной вдохновительницей кружка, но Усольцевъ такъ много разъ перечитывалъ эти крупныя буквы, что теперь онъ могъ совершенно свободно разбирать ихъ смыслъ. Между прочимъ, перечитывая ихъ снова и снова, онъ надѣялся улучшить свое знакомство съ русской грамотой.

Всѣхъ членовъ было семнадцать. Они платили взносы очень исправно и въ кассѣ было около тридцати долларовъ. Нѣсколько человѣкъ пожертвовали книги и Усольцевъ, по ремеслу столяръ, уже подумывалъ о томъ, чтобы сдѣлать первый шкафъ для библіотеки кружка.

Рулевой не принадлежалъ къ кружку. Онъ былъ бѣднѣе рабочихъ и затруднялся дѣлать правильные взносы въ кассу, но этотъ деревенскій интеллигентъ, сынъ дьячка и бывшій народный учитель, невольно тяготѣлъ къ этимъ простымъ, бодрымъ и здоровымъ людямъ и чувствовалъ себя лучше въ ихъ средѣ, чѣмъ со сбитыми съ толку идеалистами интеллигентнаго класса, которые постоянно колебались между русскими мечтами и американской обыденно-буржуазной жизнью.

Плотники и слесари не имѣли никакого резона колоть глаза Америкѣ русскимъ превосходствомъ, но они живо ощущали свое братство съ еврейскими, нѣмецкими и ирландскими рабочими, рядомъ съ которыми они каждый день махали молотомъ и двигали пилой въ одной и той же мастерской.

— Давно вы у насъ не бывали, Алексѣй Алексѣичъ!—сказалъ Илья Никитичъ груднымъ басомъ.

— У насъ, вотъ, новенькій есть, дозвольте познакомить: Лебедевъ, Егоръ Петровъ.

— Лебедевъ, Егорка!—поправилъ маленькій сухощавый человѣкъ съ землистымъ лицомъ и нескладнымъ тѣломъ. Его костлявая фигура почему-то имѣла такой видъ, какъ будто онъ вотъ-вотъ собирается напыжиться и раздуться изо всѣхъ силъ.

— Откуда вы?—съ жадностью спросилъ Рулевой.

Несмотря на свое критическое отношеніе къ русской дѣйствительности, за эти три мѣсяца онъ успѣлъ, такъ сказать, издержать всѣ запасы свѣжихъ воспоминаній о родинѣ, и теперь въ его душѣ начинался такой же самый голодъ, который такъ измучилъ профессора Косевича и его товарищей.

— Я изъ Новаго Лондону,—сказалъ Лебедевъ.—Черезъ Канаду ѣхалъ!

— Зачѣмъ черезъ Канаду?—спросилъ Рулевой.

— Денегъ нѣту,—подмигнулъ Лебедевъ.—Здѣсь въ Нью-Іоркѣ безъ тридцати долларовъ не высаживаютъ, а въ Канадѣ легче! Я же «овсяныя» давно проѣлъ!..

Лебедевъ жилъ долго въ Петербургѣ и употребилъ петербургское словечко. Петербургскіе извозчики называютъ «овсяными» деньги, привезенныя изъ деревни осенью и вырученныя за овесъ.

— А можетъ, пропилъ!—отозвался изъ угла дюжій, черномазый человѣкъ въ запачканной одеждѣ, насквозь пропитанной масломъ и стальной пылью. То былъ рѣзчикъ по металлу, который работалъ въ Бруклинѣ за мостомъ и, торопясь попасть въ собраніе, не успѣлъ зайти домой, чтобы переодѣться послѣ работы.

— А можетъ, и пропилъ!—съ готовностью согласился Лебедевъ. Онъ имѣлъ всѣ ухватки мастерового и въ разговорѣ немного ломался. Быть можетъ также, онъ стремился заранѣе отпарировать насмѣшки надъ своимъ потертымъ платьемъ и окольнымъ въѣздомъ въ Америку.

— Полно врать!—перебилъ его сосѣдъ, столь же высокій и крѣпкій, какъ и Талинъ, съ лицомъ настолько вымазаннымъ въ углѣ, что издали его можно было принять за негра.

Это былъ Тасовъ, желѣзнодорожный кочегаръ, который тоже пришелъ прямо съ поѣзда и вдобавокъ послѣ суточной безсонницы, но упрямо не хотѣлъ идти спать раньше, чѣмъ другіе.

Онъ былъ кочегаромъ перваго разряда и имѣлъ аттестатъ о пятилѣтней успѣшной службѣ. Въ аттестатѣ онъ назывался, впрочемъ, *Тасове*, ибо во время пріема на службу по привычкѣ подписалъ свое имя по-русски, а американцы приняли русскія буквы за латинскія и прочли, вмѣсто Тасова, *Тасове*.

— Онъ изъ Парижа ѣдетъ!—объявилъ Тасовъ.—Мы съ нимъ сосѣди по заводу!—прибавилъ онъ.—По одной улицѣ не ѣвши ходили.

— Ну такъ что, что изъ Парижа?—не унимался Лебедевъ.— А знаете, изъ-за чего я въ Парижъ попалъ?—прибавилъ онъ.— Ни изъ-за чего другого,—только изъ-за гуляцкихъ денегъ.

— Какія гуляцкія деньги?—спросилъ Талинъ изъ своего угла.

Онъ былъ родомъ изъ Херсона, и мудреныя денежныя отношенія великорусской деревни были ему мало знакомы.

— Какъ вамъ сказать?—замялся Лебедевъ.—Шелъ я однажды по Петербургской Сторонѣ, не въ своемъ настоящемъ видѣ, урѣзамши то-есть. Городовой меня и заграбасталъ.—Пойдемъ, говоритъ, въ участокъ!—А я ему сейчасъ полтинникъ.—Ну, говоритъ, ладно, гуляй себѣ, да только въ оба смотри!.. Это гуляцкія деньги...

— Опять заплелся!—сказалъ кочегаръ со смѣхомъ.—Языкъ у тебя, Егорка, чистая флейта!

— Ей-Богу, правда!—побожился Лебедевъ. Гуляцкія деньги прямо къ этому полтиннику схожи. Иди на сторону, гуляй, а въ деревню каждый годъ плати, пока рука не устанетъ въ карманъ лазить...

— Вотъ я вамъ покажу документъ!—Онъ вытащилъ изъ бокового кармана засаленный конвертъ и досталъ оттуда листъ писчей бумаги, сложенной вчетверо.

— Если весь прочитаю, то поневолѣ поймете!—прибавилъ онъ съ шутливой угрозой, поднося къ свѣту листъ, который былъ исписанъ на всѣхъ четырехъ сторонахъ...

— Ловко нашего брата расфуганиваютъ, нечего сказать!—прибавилъ Лебедевъ.—Заплати, говоритъ, десять рублей да четыре рубля, да еще полтора рубля въ мѣсяцъ. Изъ двадцатирублеваго жалованья, говоритъ, это не обременительно. А останется ли чего на жранье, ему дѣла нѣтъ!

— Либо на выпивку!—вставилъ Талинъ изъ угла.

— Пью я не на твои,—грубо сказалъ Лебедевъ,—на свои, на кровныя... Чего ты присталъ, какъ смола?

— Да и я пью на свои!—сказалъ Талинъ съ невозмутимымъ видомъ.

— Ага!—сказалъ Лебедевъ смягченнымъ тономъ.—Товарищи, значитъ... Коли такъ, такъ ладно!..

— Мнѣ тринадцать лѣтъ было, какъ меня изъ деревни въ ученье послали,—продолжалъ онъ свой разсказъ.—Съ той поры я и давай имъ платить этотъ гуляцкій сборъ, черти бы его взяли. Платилъ, платилъ, вижу—сила, не беретъ. Паспортъ прошу, не высылаютъ, да еще и пишутъ: Смотри, молъ, мы и изъ Петербурга достанемъ, у насъ руки долгія. Думаю: ахъ, вы!.. Есть же на свѣтѣ такія мѣста, куда не хватаютъ ваши руки. Сталъ я спрашивать умныхъ людей. Говорятъ, въ книжкахъ, молъ, написано, что изо всѣхъ иностранныхъ городовъ Парижъ всѣхъ лучше. Французы народъ обходительный и русскихъ очень любятъ, а жалованье платятъ франками. Гдѣ у насъ рубль, а у нихъ франка. Вотъ, думаю, поѣду я въ Парижъ огребать франки...

— Трудно ѣхать безъ языка!—сказалъ Рулевой. Онъ вспомнилъ собственныя злоключенія по дорогѣ въ Америку.—А были у васъ знакомые въ Парижѣ?

— На что мнѣ знакомые?—сказалъ Лебедевъ.—Матросикъ былъ французскій. Знаете, когда адмиралъ французскій пріѣзжалъ, мы съ нимъ, признаться, выпивали вмѣстѣ, съ матросомъ этимъ. Парень бойкій, нечего сказать, а только гдѣ же его искать, да я же еще и фамилію забылъ, не то Лебефъ, не то Лебонъ...

— Куда же вы пріѣхали, въ Парижъ?—спросилъ Рулевой.

— Да просто сказать, на улицу!—сказалъ Лебедевъ.—Я, признаться, еще заснулъ въ вагонѣ. Очень я намучался въ Берлинѣ и въ другомъ нѣмецкомъ городѣ, какъ еще онъ называется, Келья, что ли. Пересадки тамъ, билетъ у меня есть, а поѣзда своего не знаю и спросить не умѣю. Вотъ какой поѣздъ подойдетъ, я бѣгу съ билетомъ, не мой ли поѣздъ, а кондукторъ посмотритъ и прогонитъ назадъ. А во французскій вагонъ попалъ,—давай спать, такъ до Парижа проспалъ. Даже меня съ поѣздомъ вмѣстѣ на запасной путь поставили. Потомъ приходитъ служащій съ лампой, видитъ, конечно, человѣка, давай меня въ плечо толкать.—Пари, Пари!—понялъ я: пріѣхали, надо выходить, взялъ свой узелокъ, вышелъ на улицу, такъ мнѣ спать охота, положилъ я узелокъ на панель, сѣлъ возлѣ и ноги опустилъ въ канаву...

Тасовъ шумно разсмѣялся.

— Врешь ты, должно быть, Егоръ!—сказалъ онъ.—Повѣрю я, что человѣкъ на панель сѣлъ въ чужомъ городѣ... Сюда, небось, по моему письму пріѣхалъ...

— Можетъ, вру, а можетъ, правду говорю!—сказалъ Лебедевъ невозмутимымъ тономъ.

— Не говорите!—сказалъ Илья Никитичъ.—У него хоть вещей не было. А меня какъ здѣсь въ Нью-Іоркѣ тоже на панель высадили, да еще съ женой, съ дѣтьми и съ пятью узлами вещей.

Другіе посмотрѣли на него съ удивленіемъ. Всѣ они были въ Америкѣ новыми людьми, но Усольцевъ, пріѣхавшій четыре года тому назадъ, считался старожиломъ. Глядя на этого степеннаго, разсудительнаго человѣка, давно успѣвшаго найти хорошо оплачиваемую работу и устроившаго себѣ такую опрятную и уютную квартиру, такъ трудно было повѣрить, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ сидѣлъ на тротуарѣ съ вещами и семьей.

— Я самъ тульскій,—сказалъ Усольцевъ,—тоже изъ крестьянъ, въ родѣ Лебедева. А жена городская, одесская. Я въ Одессѣ на заработкахъ проживалъ. Женились мы, я знаете, непьющій,—онъ лукаво посмотрѣлъ въ сторону Талина,—и зарабатывалъ не худо, меньше здѣшняго, а по одесскому такъ даже очень хорошо. Мы жили не хуже людей. Конечно, порядокъ для всѣхъ одинъ. Къ хозяину за жалованьемъ пришелъ, шапку снимай. Ты ему: «Здравствуйте, Иванъ Петровичъ», а онъ тебѣ: «Здравствуй, Илья!» Съ другимъ и на улицѣ встрѣтишься, онъ тебѣ: «Эй любезный!», а ты ему: «Чего изволите, ваше высокородіе?» Начали у насъ понемногу заводиться дѣти, одинъ и другой, и третій. Тутъ стала на меня приходить дума. Посмотрю вокругъ себя и станетъ мнѣ страшно, какъ это люди здѣсь живутъ, и не топятся и не вѣшаются. Какъ я мужикъ и мастеровой, стало мнѣ представляться, будто я ниже всѣхъ людей. Какъ будто передо мной высокая лѣстница, а я стою на нижней ступенькѣ. Помощникъ хозяйскаго дворника. и тотъ выше меня. Стало у меня на душѣ собираться зло. Хожу цѣлый день, какъ чумной, все одно на умѣ. Даже съ женой ругаться сталъ! Да спасибо, она надоумила. Говоритъ: «Уѣдемъ лучше отъ грѣха! Люди, говоритъ, уѣзжаютъ. Можетъ, и мы не пропадетъ!» И еще говоритъ: «Дѣти у меня маленькія, я говоритъ, хочу ихъ выучить, пускай они будутъ на людей похожи. А здѣсь нѣтъ такихъ мѣстъ, чтобы нашихъ дѣтей учить, да и денегъ нѣту».

Онъ съ благодарностью посмотрѣлъ на Матрену Ивановну, которая сидѣла въ качалкѣ и тихо покачивала ребенка, уснувшаго у ея груди.

Въ Россіи, когда они думали неодинаково о разныхъ вещахъ, онъ иногда покрикивалъ на нее: «Замолчи ты! Это не бабьяго ума дѣло!» Но съ тѣхъ поръ, когда они пріѣхали въ Америку, онъ открыто призналъ ея превосходство и подчинился ея авторитету. Она была интеллигентнѣе его и онъ откровенно соглашался, что у нея больше развязности въ умѣ, а эмигрантъ въ Америкѣ живетъ тѣмъ лучше, чѣмъ у него больше выдумки.

Рулевой слушалъ и въ душѣ его подымалось горькое чувство, но Усольцевы относились иначе къ своимъ воспоминаніямъ. То было ихъ героическое время, они должны были сдѣлать большое душевное усиліе, чтобы рѣшиться на такой трудный и рискованный шагъ, и самое воспоминаніе о немъ до сихъ поръ приподнимало ихъ надъ будничной рутиной.

— Я ей говорю: «денегъ нѣту!»—продолжалъ Усольцевъ.—А она говоритъ: «продадимъ все!.. Я, говоритъ, шубу продамъ, послѣднее платье, все отдамъ, что еще въ дѣвушкахъ купила, только чтобы уйти отсюда. У меня, говоритъ, маленькія дѣти!..» Что же вы думаете? Стали распродаваться, по пять, да по десять рублей, собрали шестьсотъ рублей!..

— Я одного своего бѣлья продала на двадцать рублей!—сказала Матрена Ивановна съ улыбкой.—Мы въ Одессѣ тоже жили порядочно. У меня были четыре серебряныя ложки, два самовара, лампа, дубовая мебель!..

— Дубовую мебель я самъ сдѣлалъ,—сказалъ Усольцевъ.— Ну, а уѣзжать стали, я ее старшему мастеру за восемьдесятъ рублей отдалъ! Купили мы у агента четыре билета, два цѣлыхъ и двѣ половинки для дѣтей, отъ Одессы и до самаго Нью-Іорка,— сказалъ Усольцевъ,—исправили кое-что для дѣтей и еще больше ста рублей осталось. Поѣхали. Конечно, ничего не знаемъ путемъ. Разспросить хочу, не умѣю, языка нѣтъ, много мы горя набрались. Въ Гамбургѣ у насъ всѣ вещи въ печахъ парили, заразу выжигали, самихъ насъ въ баню, а вещи въ паровую печь,—у дѣтей полушубки были дублененькіе, совсѣмъ скоробило ихъ, на пароходѣ надѣть нечего было. Спасибо, дѣти крѣпенькія были!—прибавилъ онъ.—Да и лѣтомъ къ тому же ѣхали! Пріѣхали сюда здоровенькія, даже докторъ на Эллисъ островѣ сказалъ про старшенькаго: *Nice Russian boy*, славный россійскій парнишка, и по головкѣ его погладилъ.

— Ловко онъ!—сказалъ Тасовъ одобрительнымъ тономъ.

Другіе радостно разсмѣялись.

Усольцевъ давно овладѣлъ общимъ вниманіемъ. Каждый изъ присутствующихъ пережилъ почти такую же эпопею, но никто не умѣлъ такъ складно разсказывать, какъ Илья Никитичъ.

Послѣ эпизода съ докторомъ, каждый какъ будто почувствовалъ себя на мѣстѣ этого русскаго мальчика, который остался здоровъ безъ полушубка, какъ щедринскій «мальчикъ безъ штановъ».

— А выпустили насъ очень свободно!—разсказывалъ Усольцевъ.— Я разсказалъ, что я столяръ, а денегъ у насъ было пятьдесятъ долларовъ съ залишкомъ. Отнесли мы съ Матреной вещи на пристань, думаемъ: куда намъ ѣхать? Былъ у меня адресъ:—портной былъ въ Одессѣ,—я у него платье сшилъ, а онъ потомъ въ Америку уѣхалъ, я у его дяди адресъ взялъ. Думаю, поѣду къ нему. Порядковъ американскихъ не знаю, думаю, надо извозчика нанять, гляжу, ужъ вертится передо мною фурманъ полячокъ. Сталъ наймовать его, показалъ адресъ, спрашиваю: «найдешь этого человѣка», а онъ говоритъ: «знайде, пане, якъ Бога кохамъ!» Сговорились мы за два доллара, чтобы онъ отвезъ насъ съ багажемъ къ тому портному. Карета у него, все какъ слѣдуетъ; сѣли мы въ карету, склали вещи наверхъ, поѣхали. Черезъ полчаса подъѣзжаемъ къ дому. Смотрю, и фурманъ ужъ другой, совсѣмъ молодой парень. Кто ихъ знаетъ, гдѣ они смѣнились, я и не видалъ. Сложилъ онъ вещи на панель, потомъ даетъ мнѣ подержать лошадь, а самъ идетъ въ домъ. Черезъ минуту или двѣ выходитъ, отдаетъ мнѣ адресъ, а самъ головой машетъ, по-русски, значитъ, говорить не умѣетъ. Ну, только я понялъ, что этого портного нѣтъ здѣсь. Посмотрѣлъ я кругомъ себя. Лѣто, тепло, знаю, въ карманѣ немножко денегъ есть.

— Э,—говорю женѣ,—пустяки все это, свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Сгрудили мы вещи на панели, посадили дѣтей и сами стоимъ около. А фурманъ показываетъ два пальца, два доллара, значитъ. «Это, говорю, будетъ для тебя жирно. Хочешь, такъ одинъ долларъ дамъ, какъ ты, значитъ, не розыскалъ моего человѣка!..» Онъ, понятно, не хочетъ. Между тѣмъ, стала вокругъ насъ собираться толпа, бабы, ребятишки. Конечно, какіе такіе люди на панели сидятъ? Говорятъ къ намъ по своему, вижу, спрашиваютъ, какіе люди? Я говорю: «*Russian* мы, русскіе!»

Они чего-то поговорили, немного погодя пришла баба. «Изъ какой вы мѣсто? говоритъ. Русскихъ? Я, говоритъ, еврейскій, зъ Варшава. У меня, говоритъ, тутъ на углѣ рундучокъ, сода-вода!» Плохо такъ говоритъ по-русски, но все-таки она насъ поняла. Я ей объяснилъ: «этотъ фурманъ совсѣмъ другой, ничего не нашелъ, а проситъ два доллара.» А я человѣкъ бѣдный. я не могу такъ деньги зря кидать. Она немного подумала и говоритъ фурману: «Ты, говоритъ, ихъ неправильно взялъ, возьми ихъ опять и вези назадъ на пристань, а на улицѣ оставить не смѣешь!» Ну, онъ ничего, взялъ наши вещи и насъ посадилъ, да и повезъ насъ, только не на пристань, а въ кортъ, по нашему не знаю, какъ сказать, не то мировой судъ, не то полицейскій участокъ. Судья вышелъ, здоровый такой, пузатый, въ одной рубашкѣ и грудь разстегнута. Жарко было. Говоритъ къ намъ по ихнему, а мы не понимаемъ. Онъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, велитъ фурману занести вещи въ кортъ, и двери открылъ передъ нами,—входите, молъ! Немного погодя идетъ человѣкъ, руки по локоть засучены и весь въ синемъ,—красильщикъ, значитъ. Тоже еврей, но только чисто по-русски говоритъ, въ Петербургѣ жилъ. «А, говоритъ, земляки пріѣхали, говоритъ. Вы, говоритъ, какой губерніи?«—«Мы, говорю, изъ Одессы!» Ну и судьѣ, конечно, онъ объяснилъ все какъ слѣдуетъ. Судья говоритъ: «Довольно одинъ долларъ!» и полицейскій сзади показываетъ на пальцахъ: одинъ долларъ.

А фурманъ заспорилъ. Судья какъ топнетъ ногой, да какъ закричитъ, фурманъ кнутъ подхватилъ, да въ двери, только мы его и видѣли.

Потомъ судья говоритъ: Куда же они пойдутъ? У меня для нихъ мѣста нѣтъ. Не возьмете ли вы ихъ къ себѣ? Это красильщику, значитъ. А красильщикъ говоритъ: Я бы съ радостью взялъ, да квартира очень маленькая, мастерская тутъ же и маленькія дѣти! А судья говоритъ: Нѣтъ ли у васъ знакомыхъ, кто взялъ бы ихъ?.. Красильщикъ перевелъ мнѣ, что не знаютъ, куда дѣвать насъ. А я говорю: у меня тоже есть знакомая старуха на углу, куда насъ фурманъ возилъ, соду-воду держитъ, можетъ она бы взяла насъ, только не знаемъ, какъ дойти до нея! Красильщикъ перевелъ судьѣ, а судья говоритъ: Я бы послалъ полисмена, да онъ не сговорится съ нимъ, лучше вы подите, отведите его. А женщину и дѣтишекъ оставьте пока здѣсь! А между прочимъ смотрю, у ребятишекъ уже булки въ рукахъ и пряники. Правда, не ѣли мы ничего съ утра, такъ это полисмены догадались да притащили. Пошли мы къ старухѣ содовой, а красильщикъ по дорогѣ меня про Петербургъ разспрашиваетъ. Я его не видалъ! говорю. Ну все равно, говоритъ, разскажи хоть про Одессу, про что-нибудь, про тамошнее!

Нашли мы эту соду-воду. Она съ перваго слова согласилась, говоритъ: бѣдные люди должны помогать одинъ другому, а насъ съ мужемъ только двоечко. Живите себѣ, не пролежите мѣста спавши! Что же вы думаете? Прожили мы у нихъ три недѣли, пока работу я нашелъ, и ничего они съ насъ не взяли, а сами тоже насилу на свѣтѣ живутъ. А набожные такіе, старикъ каждое утро молится, плачетъ слезами и все себя въ грудь кулакомъ бьетъ. Ну, конечно, моя жена сейчасъ весь порядокъ узнала, купила посуду, стала варить отдѣльно, потому они каширное ѣли, значитъ, чтобы не запоганить одинъ другого.

Сталъ меня старикъ по знакомымъ водить. Грѣхъ сказать, все хорошіе люди, не даромъ говорятъ: Не купи двора, а купи сосѣда! Другой услышитъ, что я русскій, такъ даже затрусится весь. Ой, говоритъ, вѣдь и я тоже оттуда. А потомъ старикъ же мнѣ и работу нашелъ,—прибавилъ Усольцевъ.—Тоже у русскаго еврея, у Парнаха и компаніи, по столярной части. Я у него работалъ три года, сперва получалъ восемь долларовъ въ недѣлю, потомъ одиннадцать, потомъ всѣ четырнадцать, и двухъ товарищей къ нему на работу опредѣлилъ. А самъ взялъ, да ушелъ!—закончилъ онъ съ насмѣшливой нотой въ голосѣ обращаясь къ Рулевому.

— Какъ ушелъ?—переспросилъ Рулевой почти съ испугомъ. Нервы его были напряжены и его воображенію живо представились маленькія ребятишки, спавшія въ бѣленькихъ кроваткахъ въ сосѣдней комнатѣ, которыя завтра, быть можетъ, не будутъ имѣть куска хлѣба.

— Поссорились мы съ Парнахомъ!—спокойно объяснилъ Усольцевъ.—Онъ мнѣ говоритъ:—вы слишкомъ много матеріала изводите. Зло меня разобрало. Давно это онъ такъ пристаетъ. Дѣла у него идутъ плохо, такъ ему, видишь, хочется, чтобы мы ему заказы изъ ничего дѣлали. Паршивая, говорю, мастерская, гдѣ хозяинъ надъ каждымъ кускомъ дерева трясется, какъ Каинъ... Такъ и пошло. Онъ мнѣ слово, а я ему два. Онъ кричитъ: ты русскій немогузнай, я тебѣ работу далъ, безъязыкому. А я ему говорю: подзаборный ты хозяинъ. У тебя инструмента своего нѣтъ, ты изъ нашего жалованья за инструментъ вычитаешь.

— Такъ и надо!—одобрительно сказалъ Лебедевъ.—Что на него смотрѣть? Дай ему повадку, онъ тебѣ на шею сядетъ да и ноги внизъ спуститъ!

Рулевой стоялъ, не зная, что сказать, но внутренно удивляясь безразсудству этого человѣка, который изъ-за минутной ссоры отбросилъ въ сторону кусокъ хлѣба, кормившій его дѣтей.

— А видишь!—сказалъ Усольцевъ, какъ будто угадавъ мысль, промелькнувшую у его собесѣдника.—Я думаю такъ: денегъ у меня нѣтъ. Домовъ и фабрикъ я не нажилъ. Чѣмъ же мнѣ на человѣка быть похожимъ? По крайности, не дамъ себѣ на ногу наступить!

— А дѣти?—невольно спросилъ Рулевой.

— И дѣтей такъ научу,—сказалъ Усольцевъ.—Или вы насчетъ пропитанія?.. Такъ это напрасно. Засидѣлся я у Парнаха. А подъ лежачій камень, знаете, и вода не течетъ...

— Чаще мѣнять мѣста еще лучше,—отозвался Талинъ изъ своего угла ободряющимъ тономъ.—Знакомства больше. Случаи мимо не плывутъ!..

— А нашли вы работу?—спросилъ Рулевой участливымъ тономъ, какъ спрашиваютъ у больного.

— Не то что работу нашелъ, цѣлую исторію!—сказалъ Усольцевъ.—Даже въ юнію попалъ,—прибавилъ онъ, улыбаясь.—Сказано: нужда научитъ и калачи печь!

— А сколько вы теперь получаете?—допытывался Рулевой.

Ему непремѣнно хотѣлось удостовѣриться, не потерпѣлъ ли заработокъ Усольцева ущерба, благодаря независимости его чувствъ.

— Я говорю, исторія,—сказалъ Усольцевъ.—Есть у меня тутъ пріятель Брантъ. русскій полякъ. Конечно, тоже столяръ, хорошо понимаетъ чертежъ, грамотный человѣкъ и въ юніи членомъ. Какъ ушелъ я отъ Парнаха, говоритъ: Иди къ намъ на фабрику, я все равно за старшаго рабочаго, я вамъ дамъ мѣсто. Конечно, я съ радостью пошелъ. Большая фабрика, хорошая, не то что у этого Парнаха,—шесть этажей, вездѣ машины и работать способно, а заказы дорогіе, самая легкая штучная работа. Рабочихъ три сотни, которые получше, все изъ юніи, а кто дешевле, тѣ, конечно, пріѣзжіе, безъ языка, ихъ и юнія не принимаетъ. Сталъ я работать и положили мнѣ шестнадцать долларовъ, значитъ, противъ Парнаха два доллара лишнихъ.

Только прошли три недѣли, рабочіе изъ юніи говорятъ: надо устроить страйкъ, пускай фабрика запишется въ юнію, т.-е., чтобы держать рабочихъ только изъ юніи.

Хозяинъ, конечно, не хочетъ, потому что у юніи такса: восемнадцать долларовъ въ недѣлю и восемь часовъ работы, а въ субботу до обѣда. А изъ рабочихъ тоже, которые американцы, тѣ согласны, а пріѣзжіе, особенно которые безъ языка и привыкли по дешевымъ мастерскимъ ходить, тѣ опасаются, не идутъ на страйкъ. Между тѣмъ подошло время. Прислала юнія делегата, выходите, молъ, на страйкъ, не то объявимъ васъ *скебами*, по нашему сказать, паршивцами, ну которые люди подороже себя цѣнятъ, даже изъ итальянцевъ или изъ поляковъ, вышли на страйкъ. Я тоже, подумалъ: затѣмъ ли я пятнадцать тысячъ верстъ проѣхалъ, чтобы на меня паршивое клеймо положили, пойду, молъ, и я, авось Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ! Да и Бранта стыдно...

Съ тѣмъ мы и ушли изъ фабрики. Ну, конечно, страйкъ отъ юніи, пришлось намъ записаться въ члены, внести взносъ. Брантъ себѣ мѣсто досталъ, тоже на хорошей фабрикѣ и меня перетащилъ, только три дня безъ работы я и гулялъ. Сталъ я получать по правилу восемнадцать долларовъ въ недѣлю за сорокъ четыре часа работы, да тоже не очень долго поработалъ, потому заказовъ стало меньше, хозяинъ взялъ да половину рабочихъ и отпустилъ, и меня въ томъ числѣ.

— Вы, значитъ, опять безъ работы?—спросилъ Рулевой.

— Да видишь,—сказалъ Усольцевъ,—работа есть, сколько хочешь, да только плата дешева, на недѣлю десять-двѣнадцать долларовъ. А я ужъ на такую плату не согласенъ, извините, пожалуйста! Лучше я перетерплю, да получу свое!

— А есть у васъ деньги про запасъ?—невольно спросилъ Рулевой.

— Какія деньги съ четырьмя дѣтьми?—сказалъ Усольцевъ.— Мы живемъ на всѣ! Даже насилу хватаетъ на недѣльные расходы!

— Какъ же вы жить будете?—спросилъ Рулевой.

— Что же,—сдержанно сказалъ Усольцевъ,—вѣчныя мѣста не бываютъ. Сегодня я самъ ушелъ, а завтра меня хозяинъ прогналъ, вотъ мы и квитъ!

Рулевой невольно посмотрѣлъ на хозяйку, но и на ея лицѣ не было видно заботы. Оно играло оживленіемъ и весело улыбалось, какъ будто въ отвѣтъ на его полувысказанное участіе.

Эта женщина, которая была привязана къ своей квартирѣ, какъ будто на короткой цѣпи, и которая для того, чтобы сбѣгать въ лавочку, должна была загораживать печь стульями и тщательно прятать спички, ножи и ломкую посуду отъ своего предпріимчиваго потомства, была совершенно увлечена своей затѣей и въ настоящую минуту, предъ лицомъ молодого русскаго кружка, собиравшагося въ ея жилищѣ, была совершенно не расположена думать о какихъ-то будничныхъ «своихъ дѣлахъ» и грошовыхъ разсчетахъ.

Но Рулевой продолжалъ упорно разматывать клубокъ своихъ безпокойныхъ мыслей, какъ будто именно на немъ лежала обязанность думать и тревожиться за эту беззаботную чету. Онъ вспомнилъ, какой крикъ недавно подняли американскія газеты о медленномъ размноженіи коренного населенія республики, и подумалъ о томъ, какъ криво устроенъ свѣтъ. Природа заставляетъ человѣка стремиться къ продолженію рода, а общество какъ будто наказываетъ его за это. Большая семья хуже каторги: гдѣ много ртовъ, тамъ ѣдятъ впроголодь. Обиліе и комфортъ достаются одинокимъ и неплодороднымъ людямъ, которые, въ концѣ концовъ, отпадаютъ отъ общаго ствола, какъ засохшая вѣтвь. Онъ попробовалъ поставить себя на мѣсто этого бѣднаго мастерового, который постоянно долженъ былъ наполнять ѣдой шесть тарелокъ, покупать шесть паръ платья и обуви, шесть шапокъ или шляпъ и такъ далѣе, и ему стало страшно.

Онъ улучилъ минуту и отвелъ Усольцева въ сторону.

— У меня есть немного денегъ,—предложилъ онъ.—Если хотите, возьмите взаймы!

У него еще оставалось, кромѣ скуднаго заработка, послѣдніе десять долларовъ, привезенные изъ Россіи, и онъ предложилъ ихъ взаймы Усольцеву.

— Будетъ вамъ!—сказалъ Усольцевъ прямо.—Какія тамъ у васъ деньги! Да мнѣ на завтра навѣрное обѣщали найти работу.

Онъ даже посмотрѣлъ на Рулевого съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Такъ въ ненастную ночь жалкія фигуры прохожихъ, мокнущихъ подъ проливнымъ дождемъ, особенно бросаются въ глаза человѣку, который смотритъ на нихъ изъ безопаснаго прикрытія, сквозь плотно притворенное окно, но дайте ему зонтикъ и пустите его на улицу и онъ забудетъ свое жалостливое чувство и начнетъ сосредоточенно шагать впередъ по указанному направленію.

— А у насъ третьего дни тоже новая была,—сказала хозяйка.— Молодая бабочка!..

— Такъ чудно,—подтвердилъ Усольцевъ.—Есть у насъ въ Бруклинѣ наборщикъ знакомый, полякъ, написалъ онъ моей женѣ письмо: «Что, говоритъ получилъ я сегодня теллеграмму съ эмигрантскаго острова: «Придите, выручите меня!»—и подписано Марья Галушка». Ну мы подумали, полтавская, должно быть галушка, русская косточка, насъ люди выручали, надо ее тоже выручить!

— А кто поѣхалъ?—спросилъ Рулевой.

— Да она и поѣхала, Матрена Ивановна, то-есть,—объяснилъ хозяинъ.—Она вѣдь по-англійски здорово привыкла, что хочешь. сказать можетъ.

— А что же!—сказала Матрена Ивановна.—Сосѣдскую дѣвчонку наняла за ребятишками присмотрѣть, четвертакъ посулила, младшаго взяла на руки, поѣхала на островъ Эллисъ. Спрашиваю. «Гдѣ Марья Галушка», они стали копаться въ бумагахъ и говорятъ: «Не Галушка, а Залужска, полька она, галиціянка. Да и ту взяли отцы бенедиктинцы, и увезли съ острова». Поѣхала я въ монастырь. Большой такой монастырь, на людной улицѣ, а внутри тихо, какъ въ колодцѣ. Ворота всегда заперты и человѣкъ у калитки. Насилу меня впустили: видятъ, что я русская, не умѣю по-польски говорить. Нашла я тутъ Залужскую, говорю: «Пойдемъ къ намъ, какъ мы телеграмму твою перехватили,» а отцы бенедиктинцы не пускаютъ, говорятъ: «Дай три доллара за постой»! А какой тамъ постой. Ѣда у нихъ: черный хлѣбъ да каша, а цѣлый день работай, да еще имъ же и плати. Залужская,* однако, не думавши, отдала имъ долларъ. «Вотъ, говоритъ, а больше у меня нѣтъ! Помолитесь Богу за мою грѣшную душу»!

Пріѣхали мы домой, такъ у меня руки совсѣмъ оторваться хотятъ отъ ребенка этого,—закончила хозяйка,—тяжелый, Богъ съ нимъ.—Ну да что же дѣлать. Насъ люди тоже выручали!

— А гдѣ Галушка?—спросилъ Рулевой, невольно оглядываясь по сторонамъ.

— Съѣли ее!—засмѣялась хозяйка.—Сразу на мѣсто попала прислугой. Она, видишь, кухарка хорошая, пріѣхала сюда деньги зароблять, а тамъ бросила мужа хромого, да дѣвчонку, да сестру.

— А я былъ на островѣ за двѣ недѣли,—сказалъ вдругъ Тасовъ.—Двоихъ русскихъ тамъ видѣлъ.

— А гдѣ они?—спросилъ Усольцевъ.

— За рѣшеткой сидятъ,—хладнокровно сказалъ Тасовъ.—Ихъ не пускаютъ на волю. Я и имена узналъ: одинъ Янчукъ изъ Холмщины, а другой Волынщикъ изъ Минска. Ни денегъ у нихъ, ни адресовъ, совсѣмъ дикіе люди. Ихъ, однако, назадъ ушлютъ американцы!

— Экая бѣда!—сказалъ съ упрекомъ Усольцевъ.—Отчего ты намъ ничего не сказалъ? Срамъ, чтобы русскихъ назадъ посылали. Что же для нихъ мѣста нѣтъ въ Америкѣ?

— Да вѣдь это, какъ хочешь,—возразилъ Тасовъ,—они русскіе и не русскіе. Одинъ съ Литвы, другой съ Польши, у нихъ и языкъ иной, они скорѣе къ полякамъ подходящіе!

— А не все равно люди?—возразилъ Усольцевъ.—Почему бы намъ ихъ не выручить? Тоже тебѣ бы не посластило, кабы тебя назадъ послали на казенныхъ хлѣбахъ.

Тасовъ потупился.

— Приравнялъ козу до кобылы!—сказалъ онъ угрюмо.—Я свою дорогу самъ выбралъ, да самъ по ней и вышелъ!

— Какъ хотите,—сказалъ Усольцевъ,—надо намъ очередь завести, что ли, и почаще заглядывать на островъ! Стыдно, вѣдь, намъ: русскія души сидятъ за рѣшеткой, ждутъ, не выручитъ ли кто. Вы подумайте, у евреевъ попечительный агентъ, у поляковъ агентъ, у нѣмцевъ агентъ, только у русскихъ никого нѣту!

— Ну, занесся!—сказала Марья Ивановна съ легкой насмѣшкой.—У евреевъ деньги есть, а у насъ тридцать долларовъ. Не на эти ли деньги агента завести?

— Прутъ-таки они сюда здорово,—сказалъ Тасовъ,—будто муха ихъ укусила. Эти русины да угорцы, да еще эти другіе, изъ Литвы, да изъ Польши. Дома имъ, что ли, не сидится, или имъ еще хуже, чѣмъ нашимъ?

Народу собралось побольше. Пришли Подшиваловъ и Рудневъ, тоже столяры, закадычные пріятели. Рудневъ тоже пріѣхалъ изъ Парижа и ухватками и даже лицомъ смахивалъ на Лебедева. Это было какъ будто исправленное изданіе новопріѣзжаго мастерового, образчикъ того, во что онъ долженъ былъ превратиться черезъ нѣсколько лѣтъ.

Потомъ пришелъ Павелъ Рыбачковъ, огромный и неуклюжій, съ руками, похожими на грабли, и съ головой, торчавшей вверхъ, какъ крупная рѣдька съ сельскохозяйственной выставки. Рыбачковъ былъ такъ великъ, что ему было трудно подбирать себѣ платье даже въ нью-іоркскихъ лавкахъ, разсчитывавшихъ свой товаръ на крупный ростъ американскихъ покупателей. Двѣ недѣли тому назадъ, въ одномъ магазинѣ ему съ отчаянія предложили огромные штаны съ уличной вывѣски. Послѣ всѣхъ пришли двое молодыхъ парней, дѣти русской блинщицы, торговавшей въ еврейскомъ кварталѣ блинами, какъ будто на базарѣ въ Москвѣ. Они были почти совершенно безграмотны, гораздо хуже Усольцева, но въ то же время упорно стремились научиться чему-нибудь. Вмѣсто того, чтобы читать книги, они ходили на всякія чтенія, публичныя и частныя, и старались пополнять свои свѣдѣнія путемъ бесѣдъ. Въ общемъ, несмотря на свою безграмотность, они были по своему интеллигентные люди и имѣли довольно точное представленіе объ общественныхъ отношеніяхъ въ Европѣ и Америкѣ.

Съ ихъ приходомъ разговоръ сталъ еще оживленнѣе прежняго.

Черезъ пять минутъ младшій братъ уже сцѣпился съ длиннымъ Павломъ изъ-за вѣчнаго спора о преимуществахъ Россіи и Америки. Молодой человѣкъ нападалъ на Америку и ставилъ ей въ вину, главнымъ образомъ, ускоренный темпъ жизни, который такъ угнетаетъ почти всѣхъ европейскихъ переселенцевъ.

— Торопно живутъ!—говорилъ онъ,—продохнуть некогда, праздниковъ мало, за работой нельзя и трубку закурить. На улицахъ тамъ стукъ, того, гляди, переѣдутъ, всѣ куда-то спѣшатъ, завтракаютъ стоя, даже дерутся на ходу!

Они съ матерью пріѣхали изъ маленькаго русскаго городка и воспоминаніе о той жизни, идиллически-спокойной и патріархально-бѣдной, постоянно стояло предъ ихъ умомъ, какъ готовый образчикъ для сравненія.

Павелъ защищалъ Америку неуклюжимъ языкомъ, напоминавшимъ его нескладную фигуру, однако, аргументы его были оригинальны и большей частью совершенно убѣдительны для всѣхъ слушателей.

— Главное въ Америкѣ выдумки много,—говорилъ онъ,—люди все добиваются, какъ бы имъ легче было, не стоятъ на мѣстѣ, ищутъ новое и новое. Взять хотя бы въ нашемъ дѣлѣ. Я машину верчу токарную. Положимъ, я хочу ее немного приспособить, чтобы было для меня удобнѣе? Сунься-ка въ русскую мастерскую съ такой выдумкой, такъ тебѣ голову кипяткомъ ошпарятъ!.. Скажутъ: будетъ выдумывать, работай, какъ работаютъ другіе. А въ американской мастерской только я заикнулся, хозяинъ сейчасъ самъ предлагаетъ сдѣлать опытъ, лишь бы вышло какое-нибудь удобство или сокращеніе расходовъ!..

Матрена Ивановна сняла съ полки новую пьесу Горькаго, которую Усольцевъ купилъ въ одномъ изъ русскихъ книжныхъ магазиновъ Дантана, и собиралась читать вслухъ. Публика примолкла и приготовилась слушать. Подшиваловъ и Рудневъ, впрочемъ, о чемъ-то разговаривали между собою тихимъ голосомъ. Шалинъ подсѣлъ къ Павлу и, вынувъ изъ кармана листокъ бумаги, исписанный короткими, неправильными строками, развернулъ его передъ его лицомъ. Павелъ внимательно посмотрѣлъ на листъ и сосредоточенно покачалъ головой.

— Не годится?—со вздохомъ спросилъ Шалинъ.

Дюжій рѣзчикъ сочинялъ чувствительные стихи и выбралъ ихъ постояннымъ цѣнителемъ Павла. Стихи, впрочемъ, были таковы, что Павелъ только хмурился и моталъ головой. Неизвѣстно было даже, читалъ онъ ихъ или только разсматривалъ наружную форму буквъ. Но онъ, по крайней мѣрѣ, не смѣялся, между тѣмъ какъ другіе были гораздо хуже и постоянно поднимали на смѣхъ новаго поэта съ его чувствительными произведеніями.

Рулевой разсматривалъ это пестрое и въ то же время однородное общество и чувствовалъ, какъ будто сердце его оттаиваетъ послѣ мороза. Эти люди были совершенно здоровы, у нихъ не было рефлексовъ и праздныхъ разсужденій. Они брали изъ жизни то, что находили у своего порога, худое и хорошее, но постоянно старались сколько возможно уменьшить первое и увеличить второе. На ихъ умѣ какъ будто лежала печать полезныхъ матеріальныхъ цѣнностей, которыя они производили изо дня въ день, и здѣсь, въ Нью-Іоркѣ, какъ въ Саратовѣ или Ростовѣ-на-Дону, этотъ маленькій кружокъ составлялъ звено всемірнаго естественнаго франкъ-масонства производителей, которое постоянно обволакиваетъ земной шаръ своими самопроизвольно выростающими петлями.

Танъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ирландія отъ возстанія 1798 года до агарной реформы нынѣшняго министерства.

(*Продолженіе* *).

VI.

Не только вслѣдствіе внушеній сознательной политической мысли, но и по инстинкту, похожему на инстинктъ голоднаго человѣка, рвущагося къ пищѣ, Вольфъ Тонъ рвался къ организаціи, къ скорѣйшему ея образованію, ибо онъ смотрѣлъ на это, какъ на такой шагъ, безъ котораго впередъ идти совсѣмъ невозможно. Ему удалось использовать все нароставшее оппозиціонное настроеніе среди городской молодежи, и 18-го октября 1791 года въ Бельфастѣ уже произошло первое засѣданіе «Общества соединенныхъ ирландцевъ», образованнаго Вольфомъ Тономъ. Первый составъ этого сначала легальнаго «Общества» былъ изъ 36-ти человѣкъ, изъ которыхъ на засѣданіи присутствовало двадцать. На этомъ засѣданіи была принята слѣдующая резолюція. Главная, существеннѣйшая мѣра, необходимая для процвѣтанія и свободы Ирландіи, заключается въ равномъ представительствѣ всего ирландскаго народа (въ парламентѣ); для достиженія этой цѣли и основывается настоящее общество. Такъ какъ англійское преобладаніе слишкомъ сильно, то для отпора ему единственнымъ конституціоннымъ средствомъ будетъ полная радикальная реформа парламентскаго представительства на принципѣ совершеннаго уравненія правъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Содѣйствовать этой цѣли всѣми зависящими отъ нихъ средствами и обязались другъ предъ другомъ члены новаго общества. Не теряя времени на подробную выработку непосредственной практической программы, Вольфъ Тонъ отправился въ Дублинъ, чтобы здѣсь основать отдѣленіе новаго общества: для революціи столица не менѣе важна была, чѣмъ для правительства. Здѣсь онъ встрѣтилъ дѣятельныхъ помощниковъ въ лицѣ Неппира Тэнди и Самуэля Нильсона, сына диссидентскаго священника. Оба эти лица еще до выступленія на арену борьбы Вольфа Тона мечтали о проведеніи въ жизнь

См. „Міръ Божій“ № 1, 1904 г.

основной его идеи: объединенія людей всѣхъ вѣроисповѣданій, существующихъ на ирландскомъ островѣ, противъ англійскаго правительства и противъ пресмыкающагося предъ нимъ дублинскаго парламента. Эта идея такъ громко подсказывалась провокаторской дѣятельностью администраціи, ея попустительствомъ и снисхожденіемъ ко всякимъ безобразіямъ «предразсвѣтныхъ парней» и другихъ волонтеровъ добровольнаго протестантскаго сыска, что средній классъ ирландскаго населенія самою логикою жизни былъ приведенъ къ мысли раскрыть глаза своему народу и объединить его противъ общаго врага. Характерно, что первыми адептами, иниціаторами и организаторами «объединенныхъ ирландцевъ» были именно представители буржуазной, диссидентской и, вообще, протестантской молодежи: имъ особенно стыдно и больно было за своихъ соотчичей, столь наивно поддавшихся правительственному науськиванію на католиковъ, а кромѣ того они особенно сильно увлеклись французской революціей, какъ вслѣдствіе болѣе высокаго общаго культурнаго своего уровня, такъ и потому, что, революціонное гоненіе католицизма во Францію совершенно никакихъ струнъ въ ихъ душѣ болѣзненно не затрогивало. Въ началѣ ноября (9-го числа) 1791 г. въ Дублинѣ появилась первая прокламація мѣстнаго отдѣленія «Общества объединенныхъ ирландцевъ» *). Этотъ документъ начинается чрезвычайно характерно: «Въ нынѣшнюю великую эру реформы, когда несправедливыя правительства падаютъ во всѣхъ частяхъ Европы, когда религіозное преслѣдованіе вынуждено отказаться отъ своей тиранніи надъ совѣстью, когда права людей утверждены въ теоріи, а теорія эта осуществляется на практикѣ, когда древнее происхожденіе уже не можетъ болѣе защитить нелѣпыя и притѣснительныя формы противъ здраваго смысла и общихъ интересовъ человѣческаго рода, когда признано, что всякая правительственная власть проистекаетъ отъ народа и обязательна лишь постольку, поскольку она защищаетъ его права и споспѣшествуетъ его благосостоянію,— мы, ирландцы, считаемъ нашимъ долгомъ выступить впередъ и выяснить то, отъ чего мы ощущаемъ тяжкій для себя вредъ, а также то, въ чемъ, по нашему убѣжденію, дѣйствительное противъ него средство. Мы не имѣемъ національнаго правительства. Нами управляютъ англичане и прислужники англичанъ, цѣль которыхъ есть интересъ другой стороны, орудіе которыхъ—подкупъ, сила которыхъ коренится въ слабости Ирландіи, и эти-то люди пользуются полнотою власти и хозяйскаго вліянія въ странѣ, какъ средствами къ соблазну и подчиненію честности и духа ея представителей въ законодательствѣ. Такой внѣшней силѣ, проявляющей однообразное дѣйствіе въ

---

*) „Declaration of the Society of United Irishmen in Dublin 9-th Novembe 1791 г.", напечатанная въ приложеніи къ II-му тому (стр. 304 и сл.) вышеназваннаго сочиненія Madden'a.

направленіи, слишкомъ часто противуположномъ истиннымъ и очевиднымъ нашимъ интересамъ, можетъ быть оказано дѣйствительное сопротивленіе только при помощи единства, рѣшительности и (поднятія) духа въ народѣ,—при помощи качествъ, которыя въ состоянии проявиться вполнѣ легально, конституціонно и дѣйствительно посредствомъ этой великой мѣры, существенной для блага и свободы Ирландіи,—равнаго представителства всего народа въ парламентѣ». Далѣе прокламація развивала основную мысль о необходимости коренной реформы дублинскаго парламента на основѣ полнѣйшаго уравненія всѣхъ вѣроисповѣданій въ политическихъ правахъ, и для достиженія этой цѣли рекомендовалось слѣдующее: «Мы приглашаемъ и самымъ серьезнымъ образомъ увѣщеваемъ нашихъ земляковъ вообще послѣдовать нашему примѣру и образовывать подобныя общества во всѣхъ частяхъ королевства для распространенія конституціонныхъ знаній, изгнанія ханжества въ религіи и политикѣ, и для достиженія

Вольфъ Тонъ.

равнаго распредѣленія человѣческихъ правъ среди ирландцевъ всѣхъ сектъ и наименованій». Въ концѣ прокламаціи былъ прибавленъ текстъ клятвы, приносившейся каждымъ новымъ членомъ общества; клятва обязывала каждаго члена, *насколько отъ него зависитъ*, содѣйствовать братскимъ чувствамъ, сознанію одинаковости интересовъ ирландцевъ всѣхъ религій, «безъ чего всякая парламентская реформа должна выйти партійной, а не національной», должна оказаться несостоятельной и вызвать разочарованіе.

Анализируя содержаніе этой прокламаціи и знакомясь съ первыми шагами общества, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію. Иниціаторы находились подъ несомнѣннымъ и сильнымъ воздѣйствіемъ «Декларація правъ» и, вообще, французскихъ революціонныхъ идей и событій; они рѣшили все свое вниманіе устремить на противодѣйствіе административнымъ провокаціямъ вѣроисповѣдной и національной розни; они хотѣли полной автономіи Ирландіи; и, наконецъ, они боялись испугать своимъ радикализмомъ націю. Это явствуетъ изъ сопоставленія такихъ двухъ фактовъ: въ прокламаціи они, распространяясь о непосредственной цѣли своей дѣятельности, ровно ничего не говорятъ о средствахъ къ полученію желательной парламентской реформы, отдѣлываясь неопредѣленными приглашеніями всѣхъ и каждаго способствовать усиленію братскихъ чувствъ единенія и солидарности, а между тѣмъ общество дѣйствовало (особенно съ 1794 г.) путемъ чисто революціонной агитаціи вполнѣ сепаратистскаго характера,—и вопросъ о парламентской реформѣ вскорѣ отошелъ куда-то совсѣмъ въ сторону. Мы имѣемъ для подтвержденія этого мнѣнія еще и положительное свидѣтельство никого другого, какъ самого Вольфа Тона, который по поводу этой (и ей подобныхъ) прокламаціи писалъ своему другу Росселю:

«Въ предыдущемъ содержится мое дѣйствительное и искреннее мнѣніе о состояніи этой страны (Ирландіи), насколько при настоящихъ обстоятельствахъ можетъ быть рекомендовано его (мнѣніе) обнародовать. Конечно, онѣ (посылаемыя Росселю прокламаціи) немного уклоняются отъ истины, но вѣдь сама истина иногда должна снизойти до сдѣлокъ. Мое неизмѣнное мнѣніе состоитъ въ томъ, что гибель ирландскаго благополучія заключается въ англійскомъ вліяніи: я увѣренъ, что это вліяніе всегда будетъ широко, пока длится связь между обѣими странами; тѣмъ не менѣе, такъ какъ я знаю, что это сужденіе для настоящаго времени слишкомъ смѣло, хотя черезъ весьма короткій срокъ оно можетъ установиться повсемѣстно, я не внесъ его въ резолюціи, я только предложилъ выдвинуть реформу парламента, въ качествѣ оплота противъ этого зла, которое, какъ это можетъ видѣть на всякомъ примѣрѣ каждый честный человѣкъ, желающій открыть свои глаза, подавляетъ интересы Ирландіи. Я не сказалъ ни единаго слова, которое обнаруживало бы желаніе отдѣленія, хотя вамъ и друзьямъ вашимъ я высказываю, какъ самое рѣшительное мое мнѣніе, что такое событіе было бы возрожденіемъ для этой страны».

Положеніе Вольфа Тона было однимъ изъ самыхъ трудныхъ, въ какія только исторія ставитъ людей: это было положеніе революціонера-педагога, революціонера, видящаго себя въ необходимости съ воспитательными цѣлями говорить вполголоса, имѣть заднія мысли въ переговорахъ не только съ чужимъ, но и со своимъ лагеремъ. Для всякаго, изучавшаго хоть сколько-нибудь обстоятельно жизнь и дѣла этого человѣка, даже просто—для читавшаго одинъ только дневникъ его и его процессъ, совершенно ясно, что Вольфъ Тонъ зарѣзалъ бы и жену, и дѣтей, и себя, не поколебавшись ни одного мгновенія, если бы зналъ, что это обстоятельство какъ-нибудь выгонитъ изъ Ирландіи англичанъ. Эта ненависть переливалась за бортъ, душила его и обусловливала всѣ его поступки.

При подобныхъ условіяхъ Вольфъ Тонъ не въ состояніи былъ, повидимому, и примѣнять къ своимъ дѣйствіямъ иной критики, кромѣ, такъ сказать, чисто стратегической: вотъ почему всѣ декламаціи насчетъ іезуитизма его дѣйствій, расточаемыя нѣкоторыми англійскими историками, обличая благородство души своихъ авторовъ, являются, въ то же время, довольно безполезнымъ занятіемъ, если въ видѣ главной задачи ставить себѣ выясненіе общественныхъ условій Ирландіи наканунѣ взрыва. Для насъ тутъ важно установить, *почему* Тонъ не говорилъ всего, о чемъ онъ думалъ, въ 1791—2—3 годахъ? Не говорилъ потому, что боялся внести сразу же разбродъ въ только еще предположенное, еще не начинавшееся дѣло объединенія общенаціональной оппозиціи. Мало того: на обнародованную программу, при всей ея умѣренности, онъ смотрѣлъ, какъ на «пробный камень» для легальной, вигистской оппозиціи, съ давнихъ поръ существовавшей въ дублинскомъ парламентѣ и тоже стоявшей за парламентскую реформу. «Они не искренніе друзья народнаго дѣла»,—писалъ Тонъ въ томъ же письмѣ къ Росселю о клубѣ виговъ: «они боятся народа такъ же сильно, какъ боится его за́мокъ (т.-е. лордъ-намѣстникъ)». Тонъ не вѣрилъ имъ, презиралъ ихъ и думалъ, что если они не примкнутъ къ его программѣ, то, значитъ, въ душѣ они очень довольны своими протестантскими привилегіями и о католикахъ соболѣзнуютъ лишь на словахъ. «Примѣните пробный камень [*]; если они выдержатъ испытаніе—хорошо, если не выдержатъ, то они лживы и притворяются, и чѣмъ скорѣе они будутъ разоблачены, тѣмъ лучше». Тонъ дѣйствовалъ по зрѣло обдуманному политическому методу: искренно желающихъ того же, что и онъ, не распугивать рѣзкими словами и формулировками, слишкомъ рѣшительными для еще не вполнѣ назрѣвшаго революціоннаго чувства, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ всякаго замедленія выяснить этимъ самымъ колеблющимся и нерѣшающимся людямъ, что лучше имъ продолжать колебаться и нерѣшаться, нежели попасть въ руки такихъ дѣятелей, которые въ душѣ желаютъ свести къ ничтожеству всѣ планы политическаго переустройства и которые намѣрены отыграться соболѣзнующими словами и легкою фрондою отъ ненужнаго имъ рѣшенія грозной исторической задачи. Эти-то сознательные противники и казались Вольфу Тону тѣмъ опаснѣе, что они являлись уже вполнѣ сформированной группой, имѣвшею вліяніе и располагавшею громкими именами. Нужно замѣтить, что Тонъ былъ неправъ относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ этой группы, но совершенно справедливъ въ оцѣнкѣ большинства. Напрасно только Тонъ боялся, что громкія имена парламентаріевъ составляютъ серьезную опасность для новаго общества, къ которому они не примкнутъ: онъ тогда, въ концѣ 1791 и началѣ 1792 гг., еще мало зналъ свое поколѣніе, тѣхъ людей, какихъ судьба послала ему въ помощники. Напримѣръ, одинъ Самуэль Нильсонъ, сопутствовавшій Тону съ первыхъ же его шаговъ, самъ по себѣ стоилъ цѣлаго отряда агитаторовъ. Онъ неутомимо разъѣзжалъ по сѣвернымъ и центральнымъ округамъ Ирландіи, гдѣ война между католиками-дефендерами и пресвитеріанами (предразсвѣтными парнями) кипѣла по всей линіи, и не переставалъ увѣщевать дерущихся, указывая имъ на болѣе по его мнѣнію цѣлесообразное употребленіе силъ. Кое-гдѣ Нильсону и Вольфу Тону удавалось, дѣйствительно, умиротворить эти междоусобицы, что и вызвало неодобрительное вниманіе такихъ, казалось бы, патентованныхъ охранителей всеобщаго спокойствія, какъ вице-король, его губернаторы и знатные лорды. Такъ, въ августѣ 1792 г лордъ Дауншайръ, воспользовавшись тѣмъ случаемъ, что Тонъ и Нильсонъ явились къ нему съ прямымъ указаніемъ на безобразія предразсвѣтныхъ парней и на благосклонное къ нимъ отношеніе властей, горько упрекалъ обоихъ своихъ посѣтителей, говоря, что во всемъ виноваты католики, которые сами заводятъ смуту, а потомъ обижаются, когда патріотическіе граждане ихъ колотятъ; что, наконецъ, у католиковъ уже есть цѣлая вооруженная армія (законопреступнымъ образомъ составившаяся). Вольфъ Тонъ не былъ созданъ для успокоенія начальственныхъ тревогъ; онъ подтвердилъ, что, дѣйствительно, вооруженіе у католиковъ имѣется, ибо нужно же имъ защищаться, когда на нихъ нападаютъ, но что если бы правительство на самомъ дѣлѣ хотѣло ихъ защитить отъ насилій предразсвѣтныхъ парней, то порядокъ мгновенно воцарился бы.

---

[*] Apply the touchstone etc.

Тонъ съ Нильсономъ, конечно, и къ лорду Дауншайру ходили исключительно съ агитаціонными цѣлями: понимали же они, что англійское правительство, уже почуявшее слѣды дѣйствій новой организаціи, уже замѣтившее ускореніе темпа революціонизированія страны, не можетъ не обратиться съ удвоеннымъ жаромъ къ своему *дѣйствительно* серьезному, *дѣйствительно* капитальному средству: къ средству натравливанья пресвитеріанъ на католиковъ съ цѣлью помѣшать ихъ объединенію на почвѣ борьбы противъ Англіи. Но имъ было важно разоблачить лорда Дауншайра и ему подобныхъ такъ, чтобы самые слѣпые увидѣли, въ чемъ тутъ дѣло. Это имъ и удалось, и всегда удавалось, ибо нужно же было Дауншайру оправдать какъ-нибудь явное попустительство англійскихъ властей творимымъ безобразіямъ, и, въ виду полной невозможности логически склеить тутъ хоть какое-нибудь извиненіе, онъ либо говорилъ смѣшныя неправдоподобности (что было для его собесѣдниковъ очень хорошо), либо проговаривался (что было еще лучше). Счастливыя времена отсутствія организованнаго противодѣйствія политикѣ натравливанья, времена отсутствія систематическаго ея разоблаченія—проходили. Сознательные, угадывающіе и неустающіе враги вставали предъ Вильямомъ Питтомъ.

VII.

Нильсонъ былъ всегда склоненъ къ литературнымъ занятіямъ и прежде всѣхъ пришелъ къ заключенію, что пока идеи «Общества соединенныхъ ирландцевъ» не имѣютъ для своего распространенія спеціальнаго органа, до той поры дѣло пропаганды не можетъ считаться прочно поставленнымъ. Идея встрѣтила полную поддержку со стороны «Общества» вообще и Вольфа Тона въ частности. Новая газета («Сѣверная Звѣзда» *) стала выходить въ Бельфастѣ съ 4-го января 1792 года, подъ редакціей Нильсона, и сдѣлалась руководящимъ агитаціоннымъ органомъ. Цѣлью газеты, какъ указывалось въ ея програмныхъ статьяхъ, была проповѣдь необходимости коренной парламентской реформы на основѣ общаго избирательнаго права и объединенія ирландцевъ всѣхъ религій, а по мысли Вольфа Тона новый органъ долженъ былъ сдѣлаться главнымъ распространителемъ извѣстій о томъ, что дѣлалось въ эти годы во Франціи, ибо, несмотря на отсутствіе предупредительной цензуры какъ въ Англіи, такъ и въ Ирландіи, о быстро слѣдовавшихъ другъ за другомъ событіяхъ французской революціи подданные Георга III узнавали очень мало, очень поздно, очень плохо и въ очень одностороннемъ освѣщеніи: нѣчто посильнѣе всякой цензуры было тому причиною. Французская революція съ 1792 года стала рѣшительно непопулярна не только въ аристократическихъ кругахъ Англіи, которые ненавидѣли и боялись ея съ самаго взятія Бастиліи, но и въ средѣ буржуазной, и общественное мнѣніе Англіи, подогрѣваемое къ тому же національнымъ чувствомъ ввиду призрака близкой и грозной войны съ Франціей, самымъ демонстративнымъ образомъ обнаруживало свою вражду къ французскимъ дѣламъ и тенденціямъ. Ирландцы же заимствовали, обыкновенно, свои политическія свѣдѣнія изъ англійскихъ источниковъ и, хотя склонны были всякую англійскую точку зрѣнія принципіально отрицать именно въ силу того, что она англійская,—но это мало помогало дѣлу правильнаго и всесторонняго ознакомленія съ революціей и ея принципами. Для Вольфа Тона уже тогда важно было «воздвигнуть Ирландію, какъ независимую отъ Англіи республику», а для воспитанія сраны въ республиканскихъ чувствахъ весьма существеннымъ казалось знакомство съ Франціей, именно тогда превращавшейся въ республиканскую страну.

---

*) „Northern Star“.

Къ великой радости Вольфа Тона передовое ирландское общество съ сочувствіемъ встрѣтило и поддержало пропаганду, и въ этомъ смыслѣ «объединеннымъ ирландцамъ» оказали большія услуги сыновья одного банкира изъ Корка —братья Генри и Джонъ Чирсы. Они много путешествовали по Франціи и успѣли познакомиться съ выдающимися революціонными дѣятелями, напримѣръ съ Роланомъ и Бриссо. Они вернулись въ Ирландію какъ разъ въ то время, когда терроръ во Франціи еще только начинался. Они видѣли самое свѣтлое время революціи, періодъ грандіозныхъ мечтаній о космополитическомъ братствѣ, о полнѣйшемъ возрожденіи общества, о всеобщей освободительной войнѣ «народовъ противъ деспотовъ». Вернувшись въ Ирландію, они примкнули къ «Объединеннымъ Ирландцамъ» и усилили франкофильское теченіе въ обществѣ. Братья Чирсы принесли обществу, въ которое вошли, сво необыденное по тѣмъ временамъ образованіе (библіотека ихъ была изъ лучшихъ въ странѣ), знакомства и связи, свою твердую волю и желаніе быть полезными. Враги сразу обратили на нихъ свое полное вниманіе. Въ 1793 г. лордъ-канцлеръ заявилъ въ палатѣ лордовъ, что братья Чирсы суть члены французскаго якобинскаго клуба и, въ качествѣ якобинскихъ эмиссаровъ, они состоятъ на жалованьи и имѣютъ миссію поддерживать броженіе въ Ирландіи. Генри Чирсъ съ негодованіемъ опровергъ это утвержденіе, а братъ его собирался даже вызвать лорда канцлера на дуэль: подобное обвиненіе не только затрагивало честь ихъ, но оно въ эту эпоху, т.-е. въ первую половину 1790-хъ г.г., могло также скомпрометтировать «Объединенныхъ Ирландцевъ» въ тѣхъ ирландскихъ общественныхъ кругахъ, которые именно и предстояло еще завоевывать, которые колебались, боялись, не рѣшались и гнали отъ себя мысль о союзѣ съ Франціей, мысль, фатально-неустранимымъ призракомъ, съ году на годъ все яснѣе и яснѣе, выроставшую предъ Ирландіей.

Трудные и хлопотливые были эти годы (1792—1795) для Вольфа Тона. Пропаганда шла весьма дѣятельно, но все-таки не могла такъ скоро, какъ это желалось «объединеннымъ ирландцамъ», привести къ окончательному результату. Редакція «Сѣверной Звѣзды» съ Нильсономъ во главѣ продолжала свое дѣло, несмотря на скудость средствъ и правительственныя преслѣдованія, проявляя при всѣхъ злоключеніяхъ и препятствіяхъ ту холодную энергію и упорство, которыя такъ характерны для этого поколѣнія. Временами Вольфу Тону, дѣйствительно, могло повидимому казаться, что вся игра ведется какъ-то въ пустую, что несложные, до азбучности удобопонятные принципы «объединенныхъ ирландцевъ» изо дня въ день толкуются устно и печатно гдѣ-то въ молчаливо-безотвѣтномъ пространствѣ. Подобный періодъ присущъ всякой безъ исключенія пропагандѣ, подобно тому какъ штиль присущъ океанамъ. Въ данномъ случаѣ и штилевой періодъ былъ сравнительно непродолжителенъ, и перенести его съумѣли очень стойко. Съ самаго начала своей политической дѣятельности Вольфъ Тонъ не переставалъ держаться мнѣнія, что Ирландія для своего освобожденія отъ Англіи самымъ серьезнымъ образомъ нуждается во французской помощи. Когда въ началѣ 1793 г. вспыхнула, наконецъ, война между Англіей и Франціей, Вольфъ Тонъ съ обычной трезвостью взгляда рѣшилъ, что его дѣлу можетъ важную услугу оказать не фразеологія французская о братствѣ всѣхъ націй (столь плѣнившая братьевъ Чирсовъ), а то несомнѣнное стратегическое соображеніе, что Ирландія, перейдя на сторону французовъ, сдѣлается для нихъ удобнымъ мѣстомъ высадки, серьезной союзницей и грозной базой для дальнѣйшей наступательной войны противъ Англіи. Продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ сознавать, что говорить объ этомъ вслухъ еще рано, Вольфъ Тонъ рѣшилъ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовалъ бы всякій министръ иностранныхъ дѣлъ, исподоволь начинающій разработку извѣстнаго дипломатическаго плана, но вовсе не считающій необходимымъ оповѣщать объ этомъ urbi et orbi.

Въ началѣ 1794 г. начались сношенія между французской республикой и Вольфомъ Тономъ черезъ посредство нѣкоего Джексона. Французамъ важно было узнать въ точности о состояніи умовъ въ Ирландіи, а Вольфу Тону—о томъ насколько желательная для него высадка входитъ въ военные французскіе планы. Но Вильямъ Питтъ не только говорилъ вдохновенно, мыслилъ вдохновенно, поступалъ вдохновенно,—онъ и шпіонилъ тоже вдохновенно: направляя всю развѣдочную энергію обыкновенно не на тотъ пунктъ, который уже объятъ пламенемъ открытой борьбы, и гдѣ по логикѣ вещей сыскъ уступаетъ мѣсто вооруженной силѣ, а туда, гдѣ даже еще безъ опредѣленныхъ симптомовъ, путемъ чисто апріорныхъ заключеній можно предложить возникающую опасность,—Вильямъ Питтъ уже давно не переставалъ переводить глаза съ Парижа на Дублинъ и обратно. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ превосходно понималъ, гдѣ именно ему слѣдуетъ либо употреблять интеллигентныхъ шпіоновъ, либо совсѣмъ никого, т.-е. при какихъ обстоятельствахъ отъ обыденныхъ сыщиковъ можно ожидать одного только вреда и огорченій. Пріѣхавъ по дѣлу своей тайной франко-ирландской миссіи въ Лондонъ, Джексонъ отправился къ одному юристу Кокэйну, горячо ему рекомендованному, и подѣлился съ нимъ своими планами. Кокэйнъ тотчасъ же передалъ обо всемъ Вильяму Питту, который, воздержавшись отъ немедленнаго заарестованія Джексона, далъ Кокэйну дальнѣйшее порученіе—поѣхать за Джексономъ въ Ирландію, чтобы прослѣдить, съ кѣмъ тотъ будетъ видѣться и войдетъ въ сношенія. Ничего не подозрѣвающій Джексонъ въ сопровожденіи своего молодого спутника отправился въ Ирландію. Здѣсь, за обѣдомъ у общаго друга Леонарда Макъ-Нелли онъ видѣлся съ Вольфомъ Тономъ, который и написалъ для передачи французскому правительству мемуаръ о положеніи Ирландіи; былъ въ сношеніяхъ съ Джексономъ также Гамильтомъ Роуэнъ, одинъ изъ видныхъ пропагандистовъ, хотя сношенія эти и не носили непосредственнаго характера. Кокэйнъ исправно и регулярно доносилъ обо всемъ Вильяму Питту, и въ апрѣлѣ (1794 г.) Джексонъ былъ арестованъ въ Дублинѣ. Роуэну удалось бѣжать изъ ньюгэтской тюрьмы, гдѣ онъ сидѣлъ, судъ надъ Джексономъ, надъ которымъ повисло обвиненіе въ государственной измѣнѣ, былъ отложенъ, а относительно Вольфа Тона до поры до времени никакихъ мѣръ не было принято, вслѣдствіе отсутствія вполнѣ ясныхъ уликъ, ибо была захвачена копія, а не рукопись мемуара. Тѣмъ не менѣе, онъ оставался подъ сильнымъ подозрѣніемъ и могъ ожидать болѣе года ареста со дня на день. Въ это время онъ проявлялъ усиленную агитаторскую дѣятельность, какъ бы боясь, что не успѣетъ сдѣлать до ареста того, что нужно. Правительство, съ своей стороны, рѣшило покончить съ «Объединенными ирландцами», и 4 мая 1794 года полиція напала въ Дублинѣ на собраніе общества, разогнала участниковъ, захватила всѣ бумаги, и затѣмъ начались аресты. Это обстоятельство, въ связи съ дѣломъ Джексона, сильно смутило умѣренную часть «Общества объединенныхъ ирландцевъ». До сихъ поръ они, во-первыхъ, смотрѣли на себя, какъ на ассоціацію, вполнѣ легальную, а на Вольфа Тона, какъ на человѣка, который, подобно братьямъ Чирсамъ, съ негодованіемъ могъ бы опровергнуть всякое обвиненіе въ сношеніяхъ съ французскимъ правительствомъ.

Теперь дѣло круто измѣнилось. Началось отпаденіе болѣе нерѣшительныхъ элементовъ отъ общества, и предъ Тономъ всталъ вопросъ, тѣмъ съ большею настоятельностью требовавшій отъ него разрѣшенія, что онъ висѣлъ надъ агитаторомъ съ самаго начала его дѣятельности, и который заключался вотъ въ чемъ: будетъ ли ирландское общественное мнѣніе на сторонѣ рѣшительной проповѣди союза съ Франціей? Тонъ зналъ, что всякая отстрочка прямой и открытой постановки этой проблемы для него выгодна, ибо даетъ возможность усилить пропаганду въ тѣхъ кругахъ, которые еще къ подобной мысли не привыкли; и онъ, пока могъ, скрывалъ свою программу. Но теперь, въ 1794—1795 гг. обнаружилось ясно, что еще кто-то вполнѣ разгадалъ его программу и спѣшитъ скомпрометтировать *ею* «объединенныхъ ирландцевъ».

Этотъ кто-то былъ Вильямъ Питтъ, который, не довольствуясь разгромомъ митинга 4-го мая, арестомъ и преслѣдованіями «Объединенныхъ ирландцевъ» и всяческимъ раздуваніемъ дѣла Джексона, одновременно, какъ оказалось, озаботился принять и другія мѣры для укрѣпленія раскола среди своихъ враговъ: вдругъ разнеслись слухи, что правительство намѣрено сдѣлать рядъ уступокъ въ пользу католиковъ и уравнять ихъ въ правахъ съ протестантами. Вольфъ Тонъ сознавалъ всю тонкость этого шахматнаго хода Вильяма Питта; вотъ что писалъ ирландскій агитаторъ о главной массѣ населенія, о католикахъ, къ которымъ онъ самъ, протестантъ и республиканецъ, не принадлежалъ ни по религіи, ни по убѣжденіямъ: «Если бы ихъ не раздражала тиранія каждый часъ и въ каждомъ дѣйствіи втеченіе всей ихъ жизни, если бы они были свободно допущены къ равному пользованію ирландской конституціей, они бы сдѣлались, по истинному духу ихъ религіи, самыми мирными, послушными, преданными порядку и благонамѣренными подданными (британской) имперіи. Ихъ гордое и старое дворянство и ихъ духовенство склонялись даже скорѣе къ феодальнымъ, рыцарскимъ и нѣсколько торійскимъ принципамъ, чѣмъ къ демократіи. Но общія страданія теперь соединили ихъ въ общей ненависти къ правительству, въ желаніи его ниспроверженія». Вождь ирландскихъ парламентскихъ виговъ Граттанъ, всѣми силами желавшій предотвратить возстаніе и, вопреки мнѣнію о немъ Вольфа Тона, дѣйствительно, стремившійся къ эмансипаціи католиковъ, посѣтилъ 15-го октября 1794 года Вильяма Питта и услышалъ изъ устъ его обѣщаніе не противиться мѣрамъ, направленнымъ въ пользу католиковъ. Мало того: ирландскимъ вице-королемъ былъ назначенъ графъ Фицвильямъ, котораго Питтъ отпустилъ изъ Лондона съ прямымъ разрѣшеніемъ способствовать уравненію католиковъ въ правахъ съ протестантами. Фицвильямъ, убѣжденный сторонникъ эмансипаціи, только потому и поѣхалъ въ Ирландію въ качествѣ вице-короля, что изъ разговоровъ съ Питтомъ онъ вывелъ вполнѣ опредѣленное заключеніе о желательности для Питта полной эмансипаціи католиковъ: «Иначе я бы никогда не взялъ на себя управленія», писалъ впослѣдствіи Фицвильямъ графу Карлейлю *).

Когда разнеслись по Ирландіи слухи о разговорѣ Граттана съ Питтомъ, и когда былъ назначенъ новый вице-король, Вольфъ Тонъ не могъ не видѣть, что теперь уже его покинутъ не одни только нерѣшительные люди изъ «Общества объединенныхъ ирландцевъ», но милліоны католиковъ, ради которыхъ онъ велъ всю игру и безъ которыхъ онъ былъ безсиленъ. Планъ всеобщаго возстанія съ цѣлью превращенія Ирландіи въ совершенно самостоятельную республику получалъ со стороны Питта весьма серьезный ударъ. Общее ликованіе

---

*) См. „Eighty five Iears ofirish History“, т. I, стр. 22.

встрѣтило новаго вице-короля, и все страшно трудно дававшееся дѣло систематической революціонной агитаціи разомъ увидѣло себя висящимъ какъ-то въ воздухѣ, безъ почвы, безъ голоса. Это было хуже полицейскаго набѣга 4 мая 1794 года, хуже обысковъ и арестовъ, хуже всѣхъ пока бывшихъ репрессалій, хуже потому, что лишало «объединенныхъ ирландцевъ» главныхъ кадровъ ихъ будущей арміи, превращало ихъ изъ представителей общенаціональныхъ чаяній и стремленій въ кучку никому неинтересныхъ франкофильствующихъ теоретиковъ-республиканцевъ. Но Вольфъ Тонъ еще сохранялъ спокойствіе; онъ многое умѣлъ,—въ томъ числѣ умѣлъ и ждать. И судьбѣ угодно было на этотъ разъ сократить его ожиданія и устроить одну изъ тѣхъ волшебно-быстрыхъ перемѣнъ декораціи, когда историческая сцена въ одинъ мигъ становится совершенно неузнаваема и для зрителей, и для актеровъ.

VIII.

Восьмого февраля 1795 года вице-королю Фицвильяму написано было изъ министерства письмо, въ которомъ этого сановника увѣдомляли, что дѣло эмансипаціи католиковъ нужно совсѣмъ отложить для пользы государства. Почти тотчасъ же Фицвильямъ подалъ въ отставку, и Ирландія узнала о непонятнѣйшей неожиданной перемѣнѣ курса, установившагося съ конца 1794 года и съ начала 1795-го. Конечно, смотря на службу не только съ точки зрѣнія формуляра и жалованья, Фицвильямъ и не могъ оставаться въ должности вице-короля послѣ подобнаго неслыханно-крупнаго кризиса, но онъ возмущенъ былъ, главнымъ образомъ, еще и поведеніемъ Питта, который незадолго до того такъ положительно высказывался въ пользу католиковъ и который прекрасно зналъ, что подразнить ирландцевъ надеждою и обѣщаніями и, затѣмъ, вдругъ, безъ всякихъ предисловій и приготовленій, объявить о крушеніи ихъ надеждъ и о лживости собственныхъ обѣщаній, равносильно прямой провокаціи возстанія. Когда вице-король уѣхалъ изъ Дублина, его провожалъ какъ бы траурный кортежъ: вмѣстѣ съ нимъ удалялись всѣ чаянія мирнаго разрѣшенія вопроса, владѣвшія большинствомъ населенія, и улицы столицы покрылись траурными флагами.

Что со стороны Вильяма Питта было *съ самаго начала*, съ посылки либеральнаго вице-короля, опредѣленное желаніе *нарочно* возбудить надежды ирландцевъ, чтобы потомъ ихъ внезапно обмануть и вызвать бунтъ, — это доказать неопровержимо было бы трудно (хотя нѣкоторые ирландскіе историки рѣшительно на томъ настаиваютъ). Но что, отзывая вице-короля, Питтъ уже зналъ, на что онъ идетъ,—въ этомъ тоже сомнѣнія быть не можетъ. Онъ впослѣдствіе утверждалъ, что не хотѣлъ возстанія, и даже сердился на тѣхъ, кого обвинялъ въ давнишнемъ обостреніи англо-ирландскихъ отношеній. Быть можетъ, разгадка лежитъ въ томъ, что Вильямъ Питтъ не желалъ *такого* возстанія, *такой* грозной вспышки, съ высадкою французовъ, съ тысячами труповъ, съ пожарами чуть не во всей странѣ. Отзывая вице-короля, онъ разсчитывалъ вызвать броженіе, подавить его безъ труда — и исполнить то, о чемъ всегда мечталъ, т.-е. уничтожить дублинскій самостоятельный парламентъ, хотя и протестантскій, хотя и англо-фильскій,—но все же бывшій въ его глазахъ помѣхою и могшій стать когда нибудь ячейкою формальнаго отдѣленія Ирландіи отъ Англіи. Но Питту пришлось испытать всѣ неудобства, неизбѣжно вытекающія изъ всякой сложной и имѣющей дѣло съ массами—политической провокаціи. Она была на этотъ разъ хорошо обдумана и поэтому достигла своего конечнаго результата,—но не въ человѣческихъ силахъ предвидѣть будущее во всей его конкретности,—и поэтому цѣну за полученный результатъ пришлось уплатить нѣсколько выше той, какая предполагалась. Вотъ въ какомъ смыслѣ Питтъ, дѣйствительно, былъ правъ, говоря впослѣдствіи, что онъ не желалъ возстанія 1798 года.

Дѣло въ томъ, что опять враждебная ему сознательная сила вышла и встала на его пути. Эта сила упорно мѣшала благимъ для Англіи междоусобіямъ между католиками и пресвитеріанами; она же дѣлала небезопаснымъ всякій опытъ эмансипаціи католиковъ, ибо грозила воспользоваться будущимъ католическимъ (т.-е. значитъ, національнымъ) дублинскимъ парламентомъ, какъ орудіемъ для достиженія сепаративныхъ цѣлей; наконецъ, косвенно вынудивъ Питта, послѣ краткаго колебанія (разговора съ Граттаномъ, назначенія Фицвильяма), уже прямо выступить на путь провокаціи мятежа, она же властно вмѣшалась въ дѣло и страшно его осложнила.

Вольфъ Тонъ къ великой радости увидѣлъ, что никакой эмансипаціи католиковъ отъ англійскаго правительства никто теперь ожидать уже не можетъ. Разомъ и круто все повернулось лицомъ къ революціонерамъ и спиною къ правительству,—но это такъ было сначала больше въ мысли, нежели въ настроеніи: говорили, писали, жаловались, что правительство само гонитъ Ирландію на поле битвы,—и все-таки смотрѣли на Питта, все-таки еще чего-то ждали, не спѣшили перемѣнить позицію. На почвѣ этого сложнаго общественнаго настроенія и возникла идея (тотчасъ же послѣ увольненія вице-короля, въ февралѣ 1795 года) послать въ Лондонъ депутацію съ цѣлью представить англійскому правительству всю невозможность предотвратить мятежъ при подобныхъ условіяхъ и выразить протестъ противъ удаленія Фицвильяма. Въ концѣ концовъ рѣшено было только просить о возвращеніи Фицвильяма отъ имени «Католическаго комитета», вполнѣ лояльной организаціи, которая въ эти годы несравненно сдержаннѣе, чѣмъ «Объединенные ирландцы», но все - таки весьма настойчиво требовала эмансипаціи католиковъ. Вольфъ Тонъ имѣлъ прямыя сношенія съ этимъ комитетомъ. Одна изъ опаснѣйшихъ (для Англіи) чертъ его характера заключалась въ умѣніи быть связью, живымъ мостомъ между умѣренною оппозиціею и революціонерами, если только онъ могъ ожидать отъ тѣхъ или иныхъ представителей умѣренной оппозиціи какихъ-либо демонстративныхъ проявленій ихъ чувствъ. Комитетъ предложилъ ему (протестантская религія его не послужила препятствіемъ) ѣхать въ числѣ другихъ своихъ делегатовъ въ Лондонъ,—и Вольфъ Тонъ согласился, явно имѣя въ виду интересы своего дѣла, т.-е. желая, чтобы его товарищи по поѣздкѣ воочію увидѣли, насколько смѣшно ожидать чего-нибудь отъ Вильяма Питта. Вотъ что писалъ объ этомъ много лѣтъ спустя человѣкъ, не сочувствовавшій его взглядамъ: «Хотя онъ (Вольфъ Тонъ) былъ акредитованнымъ секретаремъ или агентомъ римско-католическаго комитета и отправлялся въ качествѣ такового въ Лондонъ вмѣстѣ съ другими делегатами, Кигомъ и Макъ-Кормикомъ,—я нашелъ, что онъ рѣшительно, съ отвращеніемъ и страхомъ, не хочетъ и боится, чтобы католическіе лидеры не имѣли какихъ-либо сношеній съ Питтомъ и друзьми Питта, и что онъ лишь настолько стоитъ за эмансипацію, насколько это совпадаетъ съ его идеями о реформѣ на основаніи французскихъ принциповъ».

Тотъ же авторъ пишетъ, что по его убѣжденію, Тонъ былъ бы очень недоволенъ, въ сущности, если бы правительство на самомъ дѣлѣ эмансипировало католиковъ, ибо «онъ видѣлъ, что это замедлило бы или сдѣлало бы безуспѣшною большую реформу, которую онъ имѣлъ въ виду», т.-е. отдѣленіе Ирландіи и превращеніе ея въ демократическую республику.

Въ Бельфастѣ, въ домѣ Самуэля Нильсона, издателя «Сѣверной Звѣзды», у автора этого любопытнаго мемуара *) былъ разговоръ съ Вольфомъ Тономъ, причемъ авторъ высказалъ мысль, что ирландцы могли бы освободиться безъ какой бы то ни было помощи со стороны Франціи. «Если вы дѣйствуете, на основаніи подобнаго принципа», возразилъ Вольфъ Тонъ: «то вы можете долго и съ достаточнымъ успѣхомъ продолжать заниматься своими канатными заводами и парусною мануфактурою: ибо безъ вторженія (французовъ) *никогда* въ Ирландіи не будетъ *дѣйствительной* борьбы». При подобныхъ убѣжденіяхъ Вольфъ Тонъ могъ только торжествовать, когда изъ петиціи по поводу отставки Фицвильяма ровно ничего не вышло: Питтъ, являлся въ его глазахъ, въ данномъ случаѣ, товарищемъ и союзникомъ въ трудномъ дѣлѣ революціонизированіи мирно настроенныхъ гражданъ.

Новый вице-король лордъ Кэмденъ прибылъ 31 марта 1795 г. При его встрѣчѣ въ Дублинѣ произошли серьезные уличные безпорядки, въ встрѣчавшихъ вице-короля сановниковъ бросали камнями, дома начальствующихъ лицъ подверглись нападеніямъ, были вызваны войска, произошла стычка, и два человѣка изъ толпы были убиты. Надвигалась уже та эпоха приближенія революціи, когда каждый годъ чудовищно не похожъ на своего предшественника, когда каждый мѣсяцъ несетъ съ собою такія впечатлѣнія, какихъ прежде не было за десять лѣтъ, наконецъ,—когда выступаетъ самая характерная (ибо самая *объективная*) черта революціоннаго періода: господство неожиданностей. Напримѣръ, этой враждебной новому вице-королю демонстраціи никто не подготовлялъ, никто не обдумывалъ ея хода и не настраивалъ ея участниковъ, а она возникла сама собою. Согласно нѣмецкой пословицѣ, «кто сѣетъ вѣтеръ, пожинаетъ бурю». Вѣтеръ былъ посѣянъ въ Ирландіи всѣми условіями ея соціально-политическаго быта, а приблизили бурю «объединенные ирландцы» и англійское правительство. Еще буря не наступала, но когда «сами собою» начинали случаться событія неожиданно даже для ихъ участниковъ,—это стихійное явленіе, очевидно для всѣхъ, было уже не за горами и неслось на Ирландію.

---

*) Написаннаго спеціально для Madden'а и напечатаннаго въ вышеназванномъ его сочиненіи (3-я серія,—томъ I, стр. 130 исл.)

Тотчасъ послѣ прибытія Кэмдена начались репрессаліи, и стало несомнѣнно, что реакція будетъ свирѣпствовать съ давно неслыханной силой. 1795 годъ былъ во многихъ отношеніяхъ поворотнымъ пунктомъ въ ирландской исторіи. Усилія революціонеровъ въ этомъ году раздвоились: Вольфъ Тонъ уѣхалъ изъ Ирландіи и обратился всецѣло къ осуществленію своего плана привлеченія французскихъ войскъ,—а «Объединенные ирландцы» остались въ Ирландіи, продолжая пропаганду и постепенно переходя къ устройству общеирландскаго заговора. Но Тонъ уѣхалъ бы не такъ рано, если бы не былъ принужденъ это сдѣлать: при лордѣ Фицвильямѣ и, вообще, при болѣе или менѣе нормальныхъ условіяхъ, власти его не могли бы тронуть, хотя онъ и былъ замѣшанъ въ дѣлѣ Джексона. Прямыхъ уликъ не было, а показаній предателя Кокэйна было мало. Теперь, при реакціонномъ вице-королѣ, пребываніе въ Ирландіи все-таки начинало казаться небезопаснымъ. Окончательно это выяснилось послѣ процесса Джексона. Судъ надъ Джексономъ, арестованнымъ за годъ слишкомъ,—наконецъ, начался 23 апрѣля 1795 года. Уже давно ясно было, что все погибло, что Кокэйнъ—предатель, что правительству все до мелочей извѣстно, что спасенія нѣтъ. Однимъ изъ его защитниковъ былъ Леонардъ Макъ Нелли, выдающійся юристъ, литераторъ и членъ-учредитель «Общества объединенныхъ ирландцевъ». Втеченіе слѣдствія «Объединенные ирландцы» составили весьма серьезную и удачную комбинацію для спасенія Джексона путемъ бѣгства, но Джексонъ отвергъ этотъ планъ по неизвѣстнымъ причинамъ. Историкъ, наиболѣе обстоятельнымъ образомъ остановившійся на джексоновскомъ эпизодѣ и сопровождающихъ его обстоятельствахъ, о которыхъ у насъ будетъ сейчасъ идти рѣчь, говоритъ, что Джексонъ утомился отъ жизни, и, поэтому, бѣгство его не манило. Процессъ длился нѣсколько дней,—и когда 30 апрѣля его привели въ судъ, его лицо и тѣло судорожно подергивались и блѣденъ онъ былъ, какъ мертвецъ, но взглядъ выражалъ попрежнему непреклонную рѣшительность. Въ самомъ началѣ засѣданія онъ упалъ въ консульсіяхъ на полъ и почти тотчасъ же скончался: утромъ, предъ отправленіемъ на судъ, жена, по его желанію, успѣла незамѣтно передать ему мышьякъ.

Незадолго до процесса, когда его другъ и защитникъ, Леонардъ Макъ-Нелли, сидѣлъ у него въ камерѣ, Джексонъ написалъ нѣсколько писемъ къ людямъ, которые могли бы позаботиться о судьбѣ его семьи, а также составилъ завѣщаніе. На завѣщаніи онъ прибавилъ: «Подписано и запечатано въ присутствіи моего самаго дорогого друга, чье сердце и принципы должны рекомендовать его какъ достойнаго гражданина, — Леонарда Макъ-Нелли». Джексонъ не зналъ (и не узналъ до самой смерти, вскорѣ послѣдовавшей), что въ его камерѣ сидитъ англійскій шпіонъ, который всѣ вручаемыя ему бумаги перешлетъ Вильяму Питту.

Леонардъ Макъ-Нелли, продавшійся англійскому правительству, былъ для ирландскихъ революціонеровъ внѣ всякаго сравненія опаснѣе, нежели даже Кокэйнъ, не говоря уже о шпіонскомъ плебсѣ, о тѣхъ фигурахъ, безъ толку засматривавшихъ въ окна и слонявшихся по Дублину и Бельфасту, которыя больше, такъ сказать, совершали моціонъ по улицамъ и, подъ предлогомъ пользы службы, пьянствовали на казенный счетъ въ посѣщаемыхъ кабакахъ, нежели споспѣшествовали начальственнымъ предначертаніямъ. Леонардъ Макъ-Нелли имѣлъ не случайныя связи съ «Объединенными ирландцами», какъ какой-нибудь Кокэйнъ; его всѣ знали и онъ всѣхъ зналъ, и съ первыхъ же засѣданій общества онъ на нихъ присутствовалъ. Его многіе не любили уже давно, а нѣкоторые чувствовали непобѣдимое отвращеніе, но такъ какъ не было никакихъ явно подозрительныхъ фактовъ, то это не отражалось на его положеніи въ обществѣ. Предателемъ онъ сталъ далеко не сразу; во время джексоновскаго дѣла, увидѣвъ себя скомпрометтированнымъ показаніями Кокэйна и другихъ агентовъ, а также кое-какими иными уликами, Леонардъ Макъ-Нелли и рѣшилъ предложить свои услуги правительству. Вице-король лордъ Кэмденъ, пересылая бумаги покойнаго Джексона Вильяму Питту въ Лондонъ, писалъ, что получилъ эти бумаги отъ Макъ-Нелли, который всецѣло въ рукахъ правительства. Вице-король добавлялъ, что теперь Макъ-Нелли могъ бы поѣхать во Францію слѣдить тамъ за вдовою Джексона, которой французское правительство можетъ помочь, ибо Джексонъ въ своемъ завѣщаніи и послѣднихъ письмахъ выразилъ надежду, что Франція поможетъ его семьѣ. Такъ вотъ, вице-королю и казалось, что хорошо бы, если-бъ Макъ-Нелли прослѣдилъ въ Парижѣ, какія именно будутъ сношенія между вдовою и французскимъ правительствомъ.

Но министерство менѣе вѣрило въ человѣчество, нежели вице-король, и поставило Кэмдену на видъ слѣдующее: боясь за себя, Макъ-Нелли сталъ шпіономъ; а вдругъ, будучи командированъ во Францію, онъ тамъ почувствуетъ себя въ безопасности и поведетъ себя злокачественно, т.-е. перестанетъ шпіонить и опять примется за революціонные происки? Можетъ ли его сіятельство ручаться, что это не произойдетъ? Его сіятельство отвѣтилъ, что не можетъ. Макъ-Нелли остался въ Ирландіи, ему назначенъ былъ окладъ въ 300 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, и здѣсь онъ приступилъ къ исполненію своихъ новыхъ обязанностей. Онъ ужасенъ былъ тѣмъ, что никому и въ голову не приходило, что онъ шпіонъ. Онъ такъ долго былъ юрисконсультомъ «Объединенныхъ ирландцевъ», говорилъ такъ революціонно, казался столь преданнымъ дѣлу, что даже чисто-личныя антипатіи, имѣвшіяся относительно него, не спѣшили проявляться. И онъ продолжалъ вращаться въ самыхъ тѣсныхъ революціонныхъ кружкахъ и въ самыхъ важныхъ салонахъ легальной оппозиціи, и, къ изумленію всѣхъ, постоянно оказывалось, что глаза Вильяма Питта видятъ сквозь стѣны, а уши слышатъ самый тихій шопотъ. И какъ разъ изъ Ирландіи уѣхалъ человѣкъ, у котораго былъ инстинктъ, чтобы заподозрить предателя, неутомимая тонкость ума и хитрость, чтобы открыть его, и желѣзная энергія, чтобы обезвредить.

Въ своемъ отчетѣ, написанномъ для французскаго правительства и найденномъ при арестѣ Джексона, Вольфъ Тонъ изображалъ Ирландію весьма близкой къ возстанію и, слѣдовательно, вполнѣ расположенною принять французскій дессантъ самымъ дружественнымъ образомъ. Послѣ процесса Джексона правительство, не имѣя возможности доказать вполнѣ ясно, что этотъ (переписанный кѣмъ-то) отчетъ принадлежитъ именно Вольфу Тону, дало, тѣмъ не менѣе, понять, что оно будетъ его преслѣдовать. Все-таки (благодаря отчасти вмѣшательству многочисленныхъ и вліятельныхъ друзей Тона) ему позволили выѣхать изъ страны, куда пожелаетъ, но выѣхать во чтобы то ни стало. Въ Дублинѣ онъ видѣлся съ Томасомъ-Эддисомъ Эмметомъ, на котораго (совершенно, какъ увидимъ, справедливо) возлагалъ весьма большія надежды и который достойно замѣнилъ его въ эти годы на родинѣ. Оттуда онъ съ женою, сестрою и тремя дѣтьми поѣхалъ въ Бельфастъ, гдѣ всѣ они сѣли на отходившее въ Филадельфію судно. Предъ самымъ отъѣздомъ онъ прощался съ Нильсономъ, Макъ-Крэкеномъ, Росселемъ и Симсомъ, своими товарищами. Разстававшіеся торжественно поклялись никогда не прекращать борьбы, пока не низвергнутъ англійскаго владычества, никогда не оставлять начатаго дѣла, никогда не полагать оружія до достиженія Ирландіей полной самостоятельности. Когда судно, увозившее Вольфа Тона, пропало въ дали Атлантическаго океана, едва ли бельфастскія власти, на обязанности которыхъ было донести вице-королю о совершившемся отъѣздѣ, могли предполагать, что этотъ человѣкъ еще вернется на родину, приводя съ собою иностранную армію.

IX.

Реакція, съ которой въ 1795 и въ слѣдующіе годы пришлось считаться ирландскимъ революціонерамъ, была не только правительственною, проявлялась не только въ оффиціальныхъ вѣшаніяхъ и публичныхъ засѣканіяхъ и олицетворялась не только чиновниками. Вся англійская исторія пріучила гражданъ къ широчайшей самодѣятельности, а жившіе въ Ирландіи англичане-епископалисты, окруженные всегда враждебнымъ населеніемъ, и подавну привыкли смотрѣть на самопомощь, какъ на дѣло первой необходимости. Подобно правительству, они дѣятельно стравливали ирландцевъ-пресвитеріанъ съ ирландцами-католиками, принимали живѣйшее участіе въ дракахъ между ними,—всегда, конечно, въ рядахъ предразсвѣтныхъ парней противъ католиковъ-дефендеровъ, защищавшихся отъ добровольческихъ домашнихъ обысковъ и другихъ насилій. «Общество объединенныхъ ирландцевъ» въ лицѣ Нильсона, Тилинга и иныхъ своихъ членовъ, дѣятельно вмѣшавшись въ эту борьбу, какъ уже сказано, упорно добивалось примиренія враждующихъ сторонъ. Тогда англичане пришли въ живѣйшую тревогу, которая особенно усилилась со времени слѣдствія по процессу Джексона: французское нашествіе, всеобщее возстаніе, убійства и изгнанія стали грознымъ и близкимъ призракомъ предъ юридически господствовавшей, но численно слабою въ Ирландіи расою. Подъ вліяніемъ систематической революціонной пропаганды, а, быть можетъ, еще болѣе подъ вліяніемъ внезапно обманутыхъ надеждъ, католики, съ весны 1795 года, послѣ отозванія вице-короля Фицвильяма, перешли въ наступленіе гораздо рѣшительнѣе, нежели прежде. Цѣлый рядъ нападеній на протестантскіе дома и помѣстья былъ ознаменованъ грабежемъ и убійствами; цѣлый рядъ арестовъ сопровождался самыми суровыми приговорами, а иногда и расправой безъ всякаго суда. Среди англійскаго общества въ Ирландіи все болѣе и болѣе укрѣплялась мысль дѣйствовать подобно врагамъ, т.-е. какъ Вольфъ Тонъ и его товарищи: отправиться самимъ на пропаганду въ пресвитеріанскіе округи и тамъ дѣйствовать словомъ и убѣжденіемъ. Было разослано много дѣятельныхъ агентовъ съ цѣлью проповѣди религіозной вражды между ирландцами обоихъ вѣроисповѣданій, и такъ какъ эти агенты всюду встрѣчали полное сочувствіе чиновниковъ вице-короля Кэмдена, то кое-что въ желаемомъ направленіи имъ сдѣлать удалось. Въ сентябрѣ рядъ стычекъ въ графствѣ Эрмогѣ окончился кровавымъ столкновеніемъ при Дайемондѣ, гдѣ нѣсколько десятковъ человѣкъ было убито, а еще больше ранено. Побѣда осталась на сторонѣ протестантовъ. Конечно, никакого стратегическаго или политическаго непосредственнаго значенія подобныя побѣды или пораженія не играютъ въ междоусобной гверильѣ, но дайемондское происшествіе сильно подбодрило англичанъ и заставило ихъ, не теряя времени, собрать первое засѣданіе давно уже предположеннаго новаго общества. 21-го сентября 1795 года, вечеромъ, послѣ дайемондской битвы, произошло первое собраніе *«оранжистовъ»*.

Они назвали себя оранжистами въ честь и въ память Вильгельма III Оранскаго, короля Англіи, призваннаго на престолъ послѣ низверженія въ 1688 году Іакова II. Вильгельмъ III усмирилъ въ Ирландіи возстаніе, при немъ огромныя земли были тамъ конфискованы и отданы въ руки англичанъ, при немъ отчасти утверждены, отчасти вновь созданы стѣснительные для католиковъ законы. Его имя всегда вспоминалось ирландскими англичанами съ почтеніемъ и благодарностью, какъ устроителя и завершителя ихъ экономическаго и политическаго преобладанія въ завоеванной странѣ. Но, прикрывшись именемъ Вильгельма III, оранжисты обнаружили не только логичность, а еще и большой тактъ. Дѣло въ томъ, что опрометчивъ и неостороженъ тотъ насильникъ, который откровенно и гласно ведетъ свою родословную отъ другого насильника, ничѣмъ, кромѣ ударной силы, не отличившагося, и только очень ужъ простодушные люди въ исторіи хвалясь говорили, подобно сумароковскому «самозванцу» о себѣ, какъ о злодѣяхъ, а о своихъ собственныхъ дѣлахъ, какъ о преступленіяхъ, и то говорили безсознательно. Съ дѣятелями, за которыми была прожитая ихъ предками многовѣковая политическая культура, ничего подобнаго случиться не могло. Они знали, что Вильгельмъ III былъ не только усмирителемъ Ирландіи, но и олицетвореніемъ побѣды надъ Іаковомъ II, надъ деспотизмомъ; что съ его воцаренія началась уже не прерывавшаяся эпоха строго-конституціонной жизни; что виги его считали живымъ палладіумомъ англійскихъ вольностей. Когда Ирландія вздумала, на свою бѣду, встать для защиты Іакова II, потому что онъ былъ католикомъ и воцареніе протестантскаго короля Вильгельма грозило ирландскимъ интересамъ, — противъ возставшихъ были всѣ англичане, не только обычные враги Ирландіи, но и люди съ самыми свѣтлыми, освободительными взглядами. Усмирить ирланцевъ въ 1688—1689 гг. значило лишить изгнаннаго тирана Іакова II послѣдней надежды на англійскій престолъ. Вильгельмъ III это и сдѣлалъ.

Оранжисты совершенно вѣрно могли разсчитать, что, благодаря стеченію такихъ совсѣмъ исключительныхъ обстоятельствъ, Вильгельмъ остался въ ореолѣ побѣдителя деспотизма и слугъ деспотизма, и что популярнѣе того усмиренія никакое иное быть не можетъ. А имъ нужна была моральная поддержка метрополіи,—не только матеріальная, имъ важно было изобразить себя стоящими на аванпостѣ и стражѣ англійской свободы и самостоятельности, не только борющимися за свои привилегіи и интересы. Тогда, въ XVII вѣкѣ, говорили оранжисты, враговъ Англіи поддерживалъ деспотъ Людовикъ XIV, помогавшій Іакову и ирландцамъ; теперь ирландскихъ бунтовщиковъ хочетъ поддерживать французская директорія, т.-е. тотъ же вѣковѣчный иноземный непріятель. Слѣдовательно, необходимо воскресить традиціи Вильгельма III и дружно, сообща, бороться противъ бунтовщиковъ-католиковъ. Все это искусственное приплетаніе имени Вильгельма было шито бѣлыми нитками, но оранжисты заботились о впечатлѣніи, и его, безспорно, произвели. Это были уже не предразсвѣтные парни, не буянящая пресвитеріанская деревенская молодежь. Представители средняго, а спустя нѣкоторое время и высшаго класса англійскаго населенія Ирландіи примкнули къ оранжистамъ, и новое общество сдѣлалось главной воинствующей организаціей, прямо направленной противъ католическихъ домогательствъ и противъ всѣхъ стремленій «Объединенныхъ ирландцевъ». Предразсвѣтные парни были арміей, а оранжисты главнымъ штабомъ и офицерами, предводителями и вдохновителями, заступниками и адвокатами предъ властями и на судѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда ужасы, производившіеся предразсвѣтными парнями, выходили рѣшительно изъ ряду вонъ. Впрочемъ, съ этихъ поръ самое названіе предразсвѣтныхъ парней понемногу исчезаетъ и замѣняется терминомъ «оранжисты». Страшное время наступило для католиковъ. Шайки оранжистовъ иногда во время ночныхъ нападеній отрѣзывали имъ уши, выкалывали глаза, рубили пальцы, иногда убивали совсѣмъ, не стѣсняясь количествомъ. Напримѣръ (около года спустя послѣ образованія новаго общества) въ одну ночь, безъ всякой причины, были зарѣзаны католики-арендаторы графа Черльмонта, причемъ число ихъ опредѣлялось въ восемнадцать душъ. Подобныхъ событій за 1795—1798 гг. можно насчитать довольно много. Въ первые же недѣли послѣ образованія оранжистовъ пожары католическихъ домовъ стали совершенно обычнымъ явленіемъ, такъ же, какъ насильственный выводъ цѣлыхъ семей изъ жилищъ, часто совершенно нагими для большаго издѣвательства, и изгнаніе ихъ съ арендуемыхъ участковъ, причемъ лендлордъ денегъ не возвращалъ, а власти, въ отвѣтъ на изступленныя жалобы измученныхъ и голодныхъ жертвъ, говорили, что они очень жалѣютъ, но ничего подѣлать не могутъ. Нападенія были ужасны тѣмъ, что рѣшительно ничѣмъ не вызывались, и ихъ могъ ожидать буквально всякій крестьянинъ-католикъ каждый день; нападавшіе были умѣло организованы и вооружены, а власти дѣлали только деликатные упреки руководителямъ оранжистовъ за нарушеніе тишины и спокойствія. Изрѣдка только отдавали подъ судъ очень ужъ явно уличенныхъ убійцъ; такъ въ іюлѣ нѣсколькихъ оранжистовъ судили и двухъ повѣсили, а остальныхъ оправдали, несмотря на тягчайшія улики и гнусныя преступленія, въ которыхъ они обвинялись.

Это была какая-то истребительная война, ведшаяся съ холодною жестокостью. Англиканское духовенство при этомъ случаѣ убѣдительнѣйше доказывало отъ Писанія, что оранжисты наинадлежащимъ образомъ истолковываютъ ученіе Христа, многочисленные голоса въ обѣихъ палатахъ дублинскаго парламента горько упрекали католиковъ въ томъ, что они сами вынуждаютъ оранжистовъ къ такому съ собою обращенію, а потомъ еще преувеличиваютъ свои бѣды и жалуются. И въ литературѣ тоже много и горько упрекали католиковъ въ нежеланіи понять наконецъ, что если оранжисты ихъ рѣжутъ, то, во всякомъ случаѣ, дѣлаютъ это изъ самыхъ похвальныхъ чувствъ. «Оранжисты почти всецѣло состоятъ изъ членовъ господствующей (установленной, англиканской) церкви, они привязаны къ установленному правительству этого королевства, къ связи между этимъ королевствомъ (Ирландіей) и Англіей... и все, что они недавно сдѣлали, проистекало изъ этихъ привязанностей» *), писалъ одинъ изъ этихъ литературныхъ апологетовъ всѣхъ оранжистскихъ неистовствъ. Конечно, если бы оставалась еще хоть тѣнь возможности, что революціи въ Ирландіи не будетъ, то и эта тѣнь при подобныхъ условіяхъ весьма скоро исчезла бы.

Во всѣхъ концахъ Ирландіи съ удивительной быстротой выростали католическія дружины дефендеровъ, имѣвшія спеціальною цѣлью отражать набѣги оранжистовъ, и съ небывалою силою вновь начались упорныя и повсемѣстныя сшибки этихъ двухъ враждебныхъ элементовъ. Теперь уже совершенно открыто интеллигентные руководители становились во главѣ обоихъ лагерей; карты были совсѣмъ раскрыты, и обѣ фракціи знали, что дѣло у нихъ пойдетъ уже не только о католикахъ, но и объ отдѣленіи Ирландіи. Мысль, которую долженъ былъ всего три-четыре года предъ тѣмъ такъ глубоко таить про себя Вольфъ Тонъ, теперь стала на очереди дня.

«Объединенные ирландцы» еще 10-го мая 1795 года, т.-е. за десять дней до отплытія Вольфа Тона въ Америку, закончили нѣкоторыя измѣненія въ программѣ организаціи общества. Что касается программы то въ видѣ конечныхъ цѣлей были выставлены—полное отдѣленіе Ирландіи и введеніе въ этой странѣ распубликанскаго образа правленія, и прежняя схема—требованіе парламентской—реформы на почвѣ уравненія правъ всѣхъ религій и національностей была оставлена сначала вождями, а потомъ и большинствомъ членовъ. Относительно организаціи, также въ соотвѣтствіи съ измѣнившимися условіями, были приняты особыя мѣры. Усилена была конспирація въ виду того, что при лордѣ Кэмденѣ не только увеличился штатъ сыщиковъ, но и оранжисты съ величайшей охотой брали на себя соглядатайство, которому предавались вовсе не по-диллетантски. Каждый отдѣльный кружокъ «Объединенныхъ ирландцевъ» долженъ былъ состоять изъ 12-ти человѣкъ; делегаты отъ этихъ кружковъ, располо-

---

*) „And all they have of late done, has originated from those attachments“, Lecky, l. c., VII, 183.

женныхъ въ извѣстной мѣстности, составляли низшіе комитеты данной мѣстности; уполномоченные отъ низшихъ комитетовъ составляли комитетъ даннаго округа; делегаты окружныхъ комитетовъ составляли собраніе графства, изъ делегатовъ собраній графствъ составлялись провинціальныя деректоріи, а уполномоченные, выбранные провинціальными директоріями, собирались въ Дублинѣ, въ количествѣ 5-ти человѣкъ, и это собраніе, называвшееся главной директоріей, вѣдало и распоряжалось всѣми дѣлами пропаганды и подготовленія открытаго бунта. Имена этихъ пяти человѣкъ были извѣстны лишь очень немногимъ лицамъ въ организаціи, а приказы ихъ передавались по нисходящимъ степенямъ — отъ высшихъ комитетовъ къ низшимъ.

Несмотря на сыскъ, на неразоблаченныхъ шпіоновъ (въ родѣ Макъ-Нелли), на многочисленность членовъ общества, эти мѣры все-таки сильно помогали дѣятельности «объединенныхъ ирландцевъ», и вице-король никакъ не могъ обнаружить сильно имъ подозрѣвавшейся связи между «объединенными ирландцами» и дефендерами. Когда съ осени 1795 г. нападенія и насилія оранжистовъ и слившихся съ ними (de facto) предразсвѣтныхъ парней усилились, отпоръ, данный дефендерами, систематическій и самый рѣшительный, показывалъ ясно, что они тоже не одни, что у нихъ тоже есть наставники и руководители.

Въ 1796 году оба лагеря уже начали открытую войну, съ непрерывными столкновеніями, внезапными нападеніями, убійствами и поджогами. Дефендеры тоже иногда позволяли себѣ самыя свирѣпыя издѣвательства надъ своими жертвами и самыя дикія насилія, напр., надъ плѣнниками. Въ смыслѣ человѣчности обѣ стороны другъ друга стоили. И чѣмъ больше свирѣпѣла эта борьба, тѣмъ болѣе въ глазахъ «Объединенныхъ ирландцевъ» и дефендеровъ становились серьезнѣе слова Вольфа Тона, что борьбы *дѣйствительной*, т.-е. имѣющей окончиться какими-нибудь положительными результатами, безъ французской помощи не будетъ. Не потому, конечно, что милліоны ирландцевъ безсильны предъ полумилліономъ англичанъ, а потому, что метрополія будетъ высылать на островъ одну армію за другою, и съ этими арміями инсургенты не справятся. Когда Питтъ отозвалъ вице-короля Фицвильяма, когда правительство явно покровительствовало оранжистамъ и закрывало глаза на всѣ ихъ безобразія, можно было выставить двѣ гипотезы о мотивахъ англійскихъ дѣйствій: во-первыхъ, не дѣлаетъ ли такъ правительство по необдуманности, не зная, что такая политика грозитъ мятежомъ? Во-вторыхъ, не есть ли это рядъ обдуманныхъ всесторонне политическихъ ходовъ, именно, чтобы вызвать мятежъ? Первая гипотеза, нѣкоторое время нравившаяся парламентской оппозиціи, отпадала сама собою: не таковъ былъ Вильямъ Питтъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ политиковъ всей англійской исторіи, чтобы поставлять матеріалъ для анекдотовъ на тему о непониманіи и недальновидности; это былъ настоящій государственный умъ, а не узенькій, чиновничій, думающій только о сегодняшнемъ днѣ. Значитъ, оставалось второе предположеніе: думая сначала избѣгнуть грозившаго возстанія уступками, онъ во-время для себя увидѣлъ, что эти уступки окончатся либо отдѣленіемъ Ирландіи, либо все-таки возстаніемъ, и рѣшилъ разсѣчь гордіевъ узелъ: вызвать поскорѣе это возстаніе и, подавивъ его, окончательно скрѣпить владычество Англіи надъ Ирландіей. Оставался лишь одинъ пунктъ, не вполнѣ выясненный для «Объединенныхъ ирландцевъ»: принялъ ли въ разсчетъ Вильямъ Питтъ французское нашествіе? Можно было предположить, что принялъ,—и все-таки увѣренъ въ побѣдѣ. Но тутъ уже подобное предположеніе не могло испугать и не пугало ирландскихъ революціонеровъ: война между двумя могущественнѣйшими державами западной Европы могла окончиться побѣдою одной изъ сторонъ,—шансы въ точности высчитать было весьма затруднительно. Близился рѣшительный часъ, когда все зависѣло отъ того или иного рѣшенія французскаго правительства. Вольфъ Тонъ изъ-за границы ободрялъ оставшихся надеждами и примѣромъ собственной изумительной дѣятельности. Въ эту-то эпоху и выступилъ на помощь ему изъ революціонныхъ рядовъ другой герой ирландскаго возстанія — лордъ Фицджеральдъ.

Евг. Тарле.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ТРУДЪ.

Романъ **Ильзы Фрапанъ.**

Переводъ съ нѣмецкаго **Э. Пименовой.**

(*Продолженіе* *).

Съ трудомъ передвигая ноги, Іозефина поднялась по лѣстницѣ. Ею овладѣла какая-то странная слабость и растерянность. Войдя въ первую комнату, ярко освѣщенную луной, она вдругъ испугалась, какъ будто въ ея отсутствіи произошло тутъ что-то таинственное, страшное. Луна освѣщала всѣ комнаты и вездѣ ей казалось, что какая-то непонятная, таинственная сила угрожаетъ ей.

На балконѣ по-прежнему спокойно горѣла лампа въ неподвижномъ воздухѣ и летучія мыши перелетали съ мѣста на мѣсто. На столѣ, вокругъ лампы, образовался вѣнецъ изъ мертвыхъ мотыльковъ, которые покрывали также и раскрытую книгу. Но Іозефинѣ теперь все представлялось измѣненнымъ; какъ будто все вымерло вокругъ! Мысль, что ея тихой спокойной работѣ внезапно пришелъ конецъ, съ такою силою охватила Іозефину, что причинила ей страданіе.

— Нѣтъ покоя! Нѣтъ!—прошептала она.

Вдругъ ей представилось нѣжное личико Нинины; глазки ея были закрыты и губки поблѣднѣли.

— Нини! Нини!—проговорила она молящимъ шопотомъ, но глаза у нея были сухи.

— Нѣтъ надежды? Нѣтъ надежды?...

Она вскочила и дико озираясь бросилась бѣжать, черезъ пустыя комнаты, со стономъ ломая руки:

— Никакой Надежды! Нини! Неужели!...

Но вдругъ у нея явилось сомнѣніе. Она стала искать телеграмму, которую забросила куда-то. Наконецъ она нашла ее и съ трудомъ прочла названіе мѣста, гдѣ была подана телеграмма: «Самптоласъ».

Она снова вернулась на балконъ, закрыла книги и потушила лампу. Но луна свѣтила ярко и обдавала призрачнымъ бѣлымъ свѣтомъ балконъ и всѣ комнаты.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 1, январь, 1904 г.

Іозефина проговорила громко, охрипшимъ голосомъ:

— Она умретъ. Она уже умерла!..

Взявъ съ полки книги, она начала укладывать ихъ одна на другую на столѣ, не зная сама что дѣлаетъ. Въ головѣ у нея было пусто, никакихъ мыслей и только передъ глазами все носился образъ ребенка, съ закрытыми глазками, съ поблѣднѣвшими губками и рядъ домиковъ маленькой деревушки, затерявшейся въ горахъ, тамъ высоко, въ Граубюнденѣ.

— Черезъ Куръ! — вдругъ сказала она и начала, въ потьмахъ, искать путеводитель. Онъ былъ у нея зимой—она знала это навѣрное, только тогда онъ ни на что не былъ ей нуженъ.

Она побѣжала въ кухню и начала чистить башмаки и платье, затѣмъ уложила кое-какія вещи и опять вышла на балконъ. Долго сидѣла она и смотрѣла на озеро, пока на небѣ не появилось облачко, предвѣщавшее наступленіе утра. Теперь, по крайней мѣрѣ, можно было идти на вокзалъ и тамъ уже подождать утренняго поѣзда.

* * *

— Мы принесли ей множество цвѣтовъ, мама; набрали хорошенькихъ голубыхъ колокольчиковъ и красныхъ гвоздичекъ, но Нини ничего не хотѣла, ничего!—разсказывала Рёсли своей матери, смотря на нее вопросительнымъ, тревожнымъ взглядомъ.

— Ни незабудокъ, ни маленькихъ бѣлыхъ лилій, мама! Ничего ей не было нужно! Я знаю, гдѣ растутъ эти цвѣты... Нини тамъ, я это видѣла; въ ямѣ, у церкви. Лаура Анаиза постоянно лжетъ, она увѣряетъ, что Нини на небѣ.

Германнъ нагнулся къ самому уху матери и прошепталъ:

— Но дѣдушка очень грубый, мама; это старый злюка. Онъ все купалъ Нини, а она кричала: «Не надо, умоляю! Я буду умница!» Отъ этого она и умерла мама. Только онъ этого не долженъ слышать... Онъ идетъ, мама, прошу тебя, не говори ему ничего, будь съ нимъ ласкова, чтобы онъ ничего не замѣтилъ...

Вслѣдъ за этимъ мальчикъ бросился навстрѣчу дѣдушки и заговорилъ съ нимъ вкрадчивымъ тономъ:

— Мы нашли маму! Она вышла въ Руэрасѣ, потому что всѣ тамъ вышли. Мы хотимъ сейчасъ же показать мамѣ могилу Нини. Она уже умѣла говорить: «buen di» *), не правда ли, дѣдушка?

Съ плохо скрываемымъ отвращеніемъ старикъ Платтнеръ отстранилъ отъ себя мальчика и взялъ за руку дочь:

— Такъ все это скоро произошло,—сказалъ онъ.—Такой здоровый ребенокъ... Вчера мы ее похоронили... Пойдемъ въ домъ, Іози.

---

*) По-романски: „доброе утро“.

Существуетъ граница для всякаго страданія, за предѣлами которой оно уже не можетъ увеличиваться. Смерть младшаго ребенка вызвала у Іозефины тупое чувство горя. Она не видѣла, какъ страдалъ этотъ ребенокъ, не присутствовала при его смерти и благодарила судьбу за то, что она избавила ее отъ мучительнаго сознанія собственнаго безсилія у постели умирающаго ребенка.

Слова ея отца звучали въ ея ушахъ точно разсказъ посторонняго о страданіяхъ такого же посторонняго лица. Трехдневная болѣзнь ребенка сильно потрясла старика и для него было тяжелымъ испытаніемъ то, что онъ не могъ тотчасъ же добыть врача, здѣсь въ горахъ, въ альпійской деревушкѣ, какъ только заболѣлъ ребенокъ. Это чувство безпомощности было особенно чувствительно для него, жившаго всегда въ большомъ городѣ, гдѣ на каждой улицѣ можно было найти врача.

— Ребенокъ захворалъ ночью; у него вдругъ сдѣлались судороги,—разсказывалъ онъ.—Хозяйка, очень порядочная женщина, приготовила для дѣвочки чай и сдѣлала ей теплую ванну. По ея словамъ, такіе припадки у дѣтей бываютъ нерѣдко. Къ утру дѣвочка успокоилась и заснула. Я спустился внизъ, въ Дизентисъ, но тамъ врача не оказалось, онъ куда-то уѣхалъ. Когда я вернулся, то Нини проснулась и попросила пить. Къ вечеру у нея снова появились судороги. Я отправилъ посланнаго въ Дизентисъ—вверхъ и внизъ это составляетъ 18 километровъ—чтобы онъ немедленно привелъ врача. Посланный вернулся съ отвѣтомъ, что повозка врача опрокинулась, онъ упалъ, сломалъ себѣ руку и разбилъ лицо. Врачъ прислалъ какое-то успокоительное лѣкарство и обѣщалъ побывать утромъ. Я подумалъ: не поѣхать ли мнѣ въ Андерматъ и не привезти оттуда врача? Ѣду въ Андерматъ, нахожу врача и привожу его съ собой. Онъ осмотрѣлъ малютку, но не могъ уяснить себѣ происхожденія судорогъ, тѣмъ болѣе, что въ этотъ моментъ никакихъ судорогъ у нея не было. Онъ далъ лѣкарство и уѣхалъ. Ему, вѣдь, надо было ѣхать черезъ Оберъальпъ, а ты знаешь, Іози, что это за путешествіе! Если бы не было свѣтло какъ днемъ, вслѣдствіе полнолунія, то онъ бы, конечно, не уѣхалъ. Но едва онъ отъѣхалъ, какъ снова начались судороги. «Бѣги, вороти врача»! — закричалъ Лаурѣ Ананзѣ. Она побѣжала и бѣжала до тѣхъ поръ, пока не упала. Но врачъ былъ уже далеко и вернуть его было нельзя. Ужасная ночь, скажу тебѣ, ужасная! Я чувствовалъ себя безпомощнымъ дуракомъ. Ахъ, истинное несчастье! Рано утромъ, въ семь часовъ, явился докторъ паціентъ, съ перевязанною головой и рукой въ лубкахъ. Славный парень, но въ общемъ, нѣсколько глуповатый. Онъ сказалъ, что я бы могъ самъ пріѣхать къ нему съ больнымъ ребенкомъ, потому что, вѣдь, онъ тоже больной, раненый. Но когда онъ увидалъ Нини, то шутка замерла у него на устахъ. «Къ сожалѣнію, тутъ дѣлать больше нечего. Еще одинъ припадокъ и конецъ»,—сказалъ онъ мнѣ. Я былъ такъ ошеломленъ, точно меня ударили по затылку. «Ну, а вчера, можно было бы еще помочь ребенку?»—спросилъ я. Врачъ покачалъ головой и отвѣтилъ:—«Нѣтъ, этотъ родъ болѣзни всегда имѣетъ смертельный исходъ, въ особенности въ такомъ нѣжномъ возрастѣ».—«Четыре съ четвертью года»,—сказалъ я.—«Именно»—замѣтилъ онъ... Славный человѣкъ, только глуповатый... Ну, да вѣдь, онъ самъ былъ раненъ; ударился головой. Онъ оставался со мной и Ниной, пока не наступилъ конецъ.

Со своимъ загорѣлымъ, морщинистымъ лицомъ, обрамленнымъ длинными, бѣлыми волосами, старый Платтнеръ стоялъ передъ дочерью, точно невинноосужденный, который старается оправдаться.

— Ничего не было упущено, повѣрь мнѣ,—говорилъ онъ.—Прими этотъ ударъ съ покорностью, съ терпѣніемъ.

Старикъ съ чувствомъ пожалъ руки дочери и его свѣтлые, голубые глаза затуманились.

Іозефина, дѣйствительно, «терпѣливо» отнеслась къ своей потерѣ. Она была такъ спокойна, что всѣ удивлялись въ деревнѣ. Тамъ существовало убѣжденіе, что городскіе жители вообще не умѣютъ собою владѣть и поэтому всѣ были увѣрены, что городская «мамаша» непремѣнно будетъ кричать и плакать.

Но Іозефина не плакала и не кричала. Ей кланялись, заговаривали съ нею и она всѣмъ отвѣчала, просто и коротко, по-романски. Крестьяне и крестьянки, спокойные и серьезные, съ умными лицами, смотрѣли на эту городскую жительницу и ея также спокойное, строгое и умное лицо нравилось имъ. Они видѣли, что эта худая, высокая женщина, одѣтая въ черное, съ темными кругами около глазъ, понимаетъ, что жизнь не шутка и что надо умѣть приспособляться къ ней. Они то всегда хорошо понимали это. Высокія и дикія горы окружаютъ ихъ, а домики у нихъ такіе маленькіе! Лавины, каменные обвалы устремляются внизъ съ этихъ горъ и уничтожаютъ все на своемъ пути, лѣса, людей и животныхъ. Наступаетъ непогода и всѣ ручьи превращаются въ бурные потоки, низвергающіеся со страшною силой и уносящіе съ собой цѣлые обломки скалъ. Бѣшено несется потокъ, разрушаетъ мосты и заливаетъ поля, а крестьяне склоняютъ голову передъ бѣдствіемъ и также спокойно переносятъ его. А на утро, послѣ опустошенія, когда небо прояснится, грозный потокъ перестаетъ бушевать и снова превращается въ мирный, горный ручеекъ, отражающій голубыя небеса. Опять вся природа ликуетъ кругомъ и только бѣдные людишки, стоя на опустошенномъ полѣ, поливаютъ его своими слезами, преклоняясь передъ грозною силой и величіемъ природы, которая единовременно губитъ и восхищаетъ ихъ своею могучею красотой. Даже самая смерть представляется имъ не такой страшной среди этой красоты и величія природы.

Истомленной душѣ Іозефины все окружающее представлялось точно во снѣ. Зеленая долина съ маленькимъ, быстро несущимся и пѣнящимся потокомъ—Рейномъ и крутыми, поросшими сосновымъ лѣсомъ, предгорьями, позади которыхъ возвышались причудливые бѣлые рубцы высокихъ горъ, окружающихъ ее, хорошенькіе, маленькіе деревянные домики со своими сѣрыми крышами, съ наложенными на нихъ для тяжести камнями—все это казалось Іозефинѣ картиною, а не дѣйствительностью.

Она сидѣла около маленькой церкви, стараясь укрыться въ ея тѣни отъ палящихъ лучей полдневнаго солнца, а около нея играли дѣти. Церковь стоитъ на скалѣ, открытой со всѣхъ сторонъ и тутъ на маленькомъ кладбищѣ погребена ея Нини. Въ Самистоласѣ, вѣдь, нѣтъ кладбища.

Вотъ снова приближается похоронная процессія. Впереди идетъ причетникъ и несетъ черное траурное знамя, за нимъ два священника и славный, старый, сѣдовласый, капланъ изъ Руэраса. Мужчины несутъ простой, деревянный, безъ всякихъ украшеній, безъ единаго цвѣтка и вѣнка гробъ, а за ними двигается длинная, длинная вереница провожающихъ женщинъ, въ черныхъ, безформенныхъ юбкахъ, сгорбленныхъ и шепчущихъ молитвы, и дѣтей, въ такой же черной одеждѣ, но съ красными, веселыми личиками. Женщины перебираютъ своими загорѣлыми и огрубѣлыми отъ работы руками четки, въ то время какъ губы ихъ бормочутъ поминовенія, а яркіе солнечные лучи играютъ на пестрой каймѣ головныхъ платковъ и передниковъ.

Процессія пошла въ церковь, и Іозефина примкнула къ ней. Она такъ же страдаетъ, какъ и другіе. Вѣдь когда хоронили Нини, то вся деревня также провожала ее!

И Іозефинѣ показалось, будто теперь хоронятъ ея ребенка.

Процессія раздѣлилась. Гробъ поставили передъ главнымъ алтаремъ, а крестьянки, одна за другой, направились въ боковой придѣлъ, гдѣ на алтарѣ горѣла одинокая свѣча. Онѣ зажгли отъ нея принесенныя съ собою свѣчки, заслонивъ рукою дрожащее пламя, что бы оно не потухло, каждая изъ нихъ возвращалась потомъ на свое мѣсто въ холодной, темной и пропитанной запахомъ ладона церкви.

Началось продолжительное бормотаніе молитвы вполголоса и такое же продолжительное пѣніе хриплыми, неумѣлыми голосами, а затѣмъ длинная, однообразная проповѣдь около чернаго, лишеннаго всякихъ украшеній, гроба.

Какъ печально мерцаетъ огонекъ догорающихъ въ рукахъ молящихся свѣчей! Всѣ стоятъ на колѣняхъ. Свѣчи трещатъ и гаснутъ, но это не бѣда—другія имѣются въ запасѣ. Молитва будетъ продолжаться долго и даже онѣ успѣютъ догорѣть.

Іозефина молится по книгѣ своей сосѣдки. Ей не хочется здѣсь никого обижать; всѣ, вѣдь, ходили провожать Нинину.

— Развѣ мы всѣ не одинаково созданы изъ плоти и крови?—сказали ей, когда она благодарила за это вниманіе.

Да, она не хочетъ тутъ никого огорчать и будетъ молиться со всѣми вмѣстѣ.

Наконецъ обѣдня кончилась. Всѣ вышли. Друзья умершаго, несшіе его гробъ, снова подняли его на руки, чтобы отнести къ могилѣ.

На кладбищѣ молитва опять продолжалась долго, каждый изъ провожающихъ считаетъ своимъ долгомъ поклониться могилѣ кого-нибудь изъ своихъ близкихъ, друзей, родственниковъ. Тутъ ихъ много.

Небо сверкаетъ лазурью и точно грозные великаны стоятъ кругомъ горы, а тутъ на маленькой земной скалѣ, надъ пропастью, стоитъ на колѣняхъ у новой открытой могилы утомленное, но привыкшее къ страданіямъ человѣчество.

«И такъ вездѣ, въ цѣломъ мірѣ,—думаетъ Іозефина. — Маленькая земная скала, за которую цѣпляется жизнь, безцѣльная, безполезная и кратковременная... Нини умерла! Покойся, мое дитя! Ты была такъ мала и уже должна была страдать. Теперь ты больше не страдаешь. Покой — это лучшее въ мірѣ».

Платтнеръ съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на дочь, когда она вернулась.

— Отчего ты не пошла со мною въ Кіамуттъ?—сказалъ онъ недовольнымъ тономъ. — Смотри, какіе я нашелъ кристаллы, а парень, провожавшій меня, поразсказалъ мнѣ много интереснаго.

Іозефина разсѣянно кивнула головой.

— Ну какъ ты, Іози? Плохо чувствуешь себя, а? — Онъ взялъ ее за руку и заглянулъ ей въ глаза.

— Хорошо, отецъ, совсѣмъ хорошо,—отвѣчала она. — Но я бы хотѣла вернуться, работа ожидаетъ меня.

Платтнеръ вынулъ трубку изъ рта и проговорилъ:

— Уже? Ты бы могла немного отдохнуть.

— Мнѣ нуженъ трудъ; больше мнѣ ничего не нужно, - возразила она рѣшительнымъ тономъ. — Отпусти меня поскорѣе.

Старикъ покачалъ головой и съ стѣсненнымъ сердцемъ пробормоталъ, смотря на дочь:

— Только бы все шло хорошо!

Наканунѣ отъѣзда Іозефины, послѣ обѣда, началась сильная гроза. Только что кончился сѣнокосъ, и воздухъ былъ наполненъ ароматомъ свѣжескошеннаго сѣна. Іозефина отправилась съ дѣтьми въ лѣсъ, растущій на крутизнѣ, гдѣ дѣти собирали бруснику. Вдругъ небо потемнѣло; черныя тучи съ разорваными краями закрыли солнце и надъ темною долиной растянулся какой-то странный желтоватый туманъ. Горы заволокло облаками, такъ что едва можно было различить ихъ вершины.

— Домой, домой, скорѣе, дѣти!—крикнула Іозефина.

Удивленные и недовольные, дѣти неохотно повиновались матери; имъ такъ нравилось рвать зеленыя вѣточки, покрытыя красивыми бѣлыми и зелеными ягодками. Іозефина взяла за руку Ресли, а Германъ и Ули послѣдовали за ней. Надо было спуститься по крутой тропинкѣ между соснами, къ маленькому мостику, перекинутому черезъ Рейнъ. Зеленая вода потока пѣнилась и бѣшено крутилась около столбовъ, поддерживающихъ мостикъ, который дрожалъ отъ напора набѣгающихъ волнъ. Раздались первые удары грома.

Іозефина бросилась бѣжать черезъ мостикъ и потомъ мимо почернѣвшей мельницы, по узкой скалистой тропинкѣ, къ деревнѣ, дома которой уже были недалеко.

— Вы тутъ!—крикнулъ Платтнеръ, вышедшій къ нимъ навстрѣчу.— Я тоже только что вернулся. Черезъ Крюцлипасъ отправились туристы, но погода не благопріятствуетъ; имъ придется, вѣроятно, повернуть назадъ. Въ Седрунѣ уже разразилась гроза; скоро придетъ сюда.

Сверкнула молнія и съ колокольни маленькой Седрунской церкви раздался тревожный звонъ, которому вторили колокола въ Руэрасѣ и Сельвѣ. Въ гостинницѣ началась суматоха. Хозяинъ торопливо закрывалъ конюшни и сараи, а хозяйка поспѣшно убирала горшки цвѣтовъ, украшавшихъ веранду. Точно призрачное видѣніе, пронеслась мимо, по дорогѣ горная почтовая карета, запряженная пятеркою лошадей. Раздался шлепающій звукъ копытъ, ступающихъ по мокрой почвѣ. Передняя лошадь отпрянула назадъ, когда небо освѣтилось яркимъ голубоватымъ свѣтомъ молніи, а высокая фигура почтальона, съ развѣвающимся бичомъ въ поднятой рукѣ, казалось, будто висѣла въ воздухѣ.

Но дѣти не боялись грозы. Они стояли у окна гостиной и съ большимъ интересомъ смотрѣли на бѣгущее мимо по дорогѣ стадо коровъ, погоняемыхъ маленькими дѣвочками пастушками, съ красивыми платками на головѣ. Спасаясь отъ проливного дождя, коровы сбивались въ кучу на одной сторонѣ улицы, а колокольчики, висѣвшіе у нихъ на шеѣ на широкихъ разноцвѣтныхъ лентахъ, раскачиваясь во всѣ стороны, громко звонили. Рядомъ съ коровами бѣжали странныя, маленькія, тощія свиньи красно-коричневаго цвѣта и сердито похрюкивали.

Іозефина помогла хозяйкѣ убрать цвѣты и теперь, вернувшись въ комнату, остановилась возлѣ дѣтей у окна и устремила взглядъ на улицу. Съ тѣхъ поръ какъ она пріѣхала сюда, она чувствовала какое-то странное волненіе. Она давно не дышала воздухомъ горъ и онъ подѣйствовалъ на нее какъ возбуждающее питье. Она спала плохо; сонъ у нея былъ неспокойный прерывистый, съ массою сновидѣній, которыя волновали ее. Она никогда не чувствовала усталости и все время находилась въ какомъ-то напряженномъ состояніи, словно ожидля чего то. Гроза, разумѣется, только увеличила ея нервность. Неподвижнымъ взоромъ смотрѣла она на стекавшія по стеклу окна капли дождя и на садикъ, сильно пострадавшій отъ бури. Это былъ совсѣмъ маленькій садикъ, но, видно, за нимъ былъ хорошій уходъ. Нѣсколько грядокъ съ цвѣтами и съ овощами и у самой стѣны, которая служила защитой, вишневое дерево, покрытое красными плодами, вотъ и все, что можно было найти въ немъ. Внизу, въ Трунеѣ и Иланцѣ, вишневыя деревья встрѣчаются въ большомъ количествѣ, но здѣсь, въ горахъ, фруктовое дерево представляло большую рѣдкость и поэтому хозяинъ очень гордился своимъ вишневымъ деревцомъ, покрытымъ плодами.

Іозефина съ странною, непонятною для нея самой тревогой слѣдила широко-раскрытыми глазами за деревцомъ, которое вѣтеръ рвалъ и металъ во всѣ стороны. Столбъ, къ которому было привязано деревцо, трещалъ и сгибался, и казалось, вотъ-вотъ деревцо оторвется отъ него.

— Еще и градъ въ придачу!—пронеслось въ головѣ Іозефины.

Гроза разразилась со страшною силой. Молнія сверкала почти непрерывно, такъ что потемнѣвшая комната была все время освѣщена голубоватымъ, дрожащимъ свѣтомъ. Въ стекло стучалъ градъ, въ воздухѣ носились клочья сѣна, куски вѣтвей, листья и т. п., и среди неистоваго рева бури временами раздавался протяжный, жалобный звонъ колоколовъ Седруна, Руэраса и Сельва.

Дѣти убѣжали къ дѣдушкѣ; Германъ и Рёсли уткнули головы въ подушки и по временамъ вскрикивали, но Ули сидѣлъ на колѣняхъ старика, повидимому нисколько не испуганный грозой, которая даже возбудила его болтливость.

Іозефина стояла одна у окна. Она видѣла, какъ сорвало крышу съ сосѣдняго дома, какъ закружилась въ воздухѣ и свалилась на землю сорванная съ петель оконная ставня въ лавочкѣ напротивъ и вѣтеръ началъ рвать и теребить пестрыя бумажныя занавѣски. Цвѣты были точно раздроблены въ мелкіе кусочки, а клумбы покрылись сверху бѣлымъ ледянымъ слоемъ. Вишневое деревцо, съ надломленною кроной, вздрагивавшей словно отъ боли, лишенное листьевъ и плодовъ, превратилось въ голый обрубокъ. Іозефина смотрѣла на эту картину разрушенія и невыразимая грусть овладѣвали ею. И вдругъ изъ глазъ ея хлынулъ потокъ слезъ, независимо отъ ея воли.

О несчастное поле! Только успѣла зацвѣсти рожь и уже погибла! Сколько погибло тяжелаго труда и заботы. Сѣно разсѣяно бурей и громомъ и клочья его носятся въ воздухѣ. А этотъ бѣдный домикъ! Съ какою любовью и искусствомъ была обтесана каждая дощечка на его крышѣ, а теперь она изломана въ щепки! А маленькое вишневое деревцо! Листья, плоды—все погибло!

Іозефинѣ казалось, что колокола молятъ о пощадѣ. Горы какъ будто собирались рушиться и наступалъ конецъ всему.

Лаура-Анаиза стремительно вбѣжала въ комнату. Съ волосъ у нея капала вода и мокрое платье прилипало къ ногамъ.

— Знаете-ли вы,—вскричала она — потокомъ снесло мостъ и двухъ людей, вмѣстѣ съ нимъ двухъ горныхъ косарей изъ Сурргейна. Говорятъ, что цѣлыя скалы унесены водой... Но что это? Ты плачешь, Іозефина? Отчего?

Она бросилась къ Іозефинѣ, обняла ее и точно внѣ себя начала цѣловать ее и вытирать ей слезы платкомъ.

— Дѣдушка, дѣдушка, посмотрика?—крикнула она старику.—Вѣдь Іозефина больна. Она никогда еще не плакала и теперь вдругъ плачетъ оттого, что двухъ людей снесло!..

Новый, сильный ударъ грома разразился надъ долиной.

— Ты не совсѣмъ здорова, малютка, право,—сказала Платтнеръ, когда Іозефина нѣсколько успокоилась.—Нельзя быть такой чувствительной. Надо управлять своими нервами, Іози, а то вѣдь не трудно и впасть въ меланхолію. Свѣтъ все-таки не такъ ужъ плохъ, даже здѣсь въ горахъ. Вонъ рожь еще зеленѣетъ и снова подымается. Кавенцъ то же говоритъ.

Іозефина не отвѣчала. Ея заплаканные глаза были устремлены на изломанный стволъ молодого вишневаго деревца, крона котораго валялась тутъ же, среди травы.

Хозяинъ, Кавенецъ, вошелъ въ комнату. Онъ скоро закурилъ свою коротенькую трубочку, потухшую во время неистовства бури.

— Мы, здѣшніе крестьяне, счастливые люди,—сказалъ онъ совершенно неожиданно.—Поймите меня хорошенько. Бороться съ вѣтромъ и бурей—вѣдь это еще не самое худшее! Мы всѣ тутъ одинаково бѣдны и поэтому никто не бѣденъ. У каждаго есть кусокъ хлѣба. Поѣзжайте-ка въ Парижъ или Лондонъ, поѣзжайте въ Берлинъ и посмотрите, что тамъ дѣлается.

Его умные черные глаза сверкнули.

— Тамъ вы увидите нищету, рабство! Тамъ поистинѣ ужасно. Я бывалъ и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ. Я бывалъ и въ Вѣнѣ, и Берлинѣ и, право, не знаю, гдѣ хуже. Лучше ужъ быть убитымъ бурей или свалиться съ горы. Подите-ка туда и у васъ сердце остановится. Отчего—неизвѣстно, а тутъ я знаю отчего!

Онъ посмотрѣлъ на Іози, словно ожидая, что она скажетъ. Она кивнула ему головой и пожала ему руку.

— О, я ничего не имѣю противъ горъ,—сказала она.—Вѣдь горы также и моя родина; мой отецъ вѣдь изъ Вамидаса, а дѣдъ былъ крестьяниномъ. Я бы также не могла жить въ большомъ городѣ, а живу теперь, потому...

Она запнулась.

— Останься, Іози, еще на одну или двѣ недѣли,—вмѣшался Платтнеръ.—Ты такъ нуждаешся въ отдыхѣ. Здѣсь, наверху, скоро опять засіяетъ солнце. Поживи еще нѣсколько дней у насъ, это для тебя необходимо.

Но Іозефина не находила покоя и чувствовала, что не найдетъ его.—Трудъ, отецъ, вотъ что мнѣ нужно!—говорила она старику.—Ты и самъ знаешь, что значить трудъ, какъ много онъ даетъ. Для этого только и стоитъ жить, чтобы творить, для этого, вѣдь, и ты живешь.

— Да, но трудиться надо все-таки не съ такими остервенѣніемъ какъ ты. Это не приноситъ пользы,—возражалъ старикъ ворчливымъ тономъ.

— Г. Кавенцъ,—обратилась Іозефина къ хозяину,—видите ли, я должна сдавать экзаменъ. Вѣдь это правда, отецъ, меня дома ожидаютъ книги.

— Надо было ихъ съ собою привезти,—замѣтилъ хозяинъ дружески.

Однако, спустя день, какъ это уже раньше было рѣшено ею, Іозефина все-таки уѣхала обратно, въ Цюрихъ.

«Только не надо отдыхать! Надо трудиться! Не надо раздумья! Не надо праздности! Трудъ, трудъ, въ этомъ спасеніе! Ребенокъ умеръ! Трудъ отвлекаетъ отъ этой мысли, Георгъ сидитъ тамъ! Опять-таки трудъ служитъ отвлеченіемъ.

«О чемъ онъ думаетъ теперь?.. Нѣтъ, нѣтъ, лучше объ этомъ не думать!

«Можетъ быть, можно было спасти ребенка? Нѣтъ, лучше не думать объ этомъ! Надо трудиться!

«Тамъ, на этихъ утесахъ, живутъ люди. Спины у нихъ сгорблены, ноги и руки стали похожи на узловатые корни. Лица у нихъ изрыты морщинами отъ слишкомъ рѣзкаго горнаго воздуха. Ихъ глаза слезятся отъ вѣтра. Но взглядъ ихъ слезящихся глазъ сверкаетъ, какъ звѣзда... Трудъ, трудъ и трудъ!

«Ребенокъ умеръ! Мой отецъ видѣлъ, какъ онъ помиралъ. Онъ любилъ дѣвочку. Онъ держалъ ее на рукахъ, пока она не испустила послѣдній вздохъ. Но его руки вѣдь такъ же тверды, какъ узловатые коренья. Слезы лились у него изъ глазъ на сѣдую бороду, оттого что умеръ ребенокъ. Онъ отправился въ горы и вернулся, улыбаясь, неся въ рукахъ альпійскія розы. Что же сдѣлало его такимъ сильнымъ и твердымъ въ несчастьи? Работа!

«Да,, работа, даже самая однообразная, незамѣтнаи, самая трудная, безнадежная! И для меня работа служитъ опіумомъ, притупляетъ мои страданія, опьяняетъ меня. Она составляетъ для меня жизнь, ни на одну минуту я не должна прекращать работу, ни на одне мгновеніе не должны останавливаться мои мысли. Трудъ!»

Безнадежною и печальной представлялась Іозефинѣ работа въ клиникахъ.

Послѣ третьяго экзамена, записавшись на зимній семестръ, она начала посѣщать клиники. Впечатлѣніе было потрясающее. То «научное» отношеніе, которое съ такимъ трудомъ было достигнуто ею въ препаровочной, передъ трупами, исчезло передъ видомъ страданій живого тѣла, передъ стонами воплями, криками ужаса и муки, передъ молящими взорами страдающихъ больныхъ, передъ ихъ безпомощнымъ паденіемъ въ ненасытную могилу.

Разрѣзъ по живому, кровоточащему мясу совсѣмъ былъ не то, что разрѣзъ по бѣлому, воскообразному тѣлу трупа. Перепиливаніе кости съ живымъ краснымъ костнымъ мозгомъ производило иное впечатлѣніе, нежели раскалываніе бѣлаго, препарированнаго черепа.

Жизнь взывала къ жизни передъ лицомъ смерти, молила о помощи, о пощадѣ. Она защищалась, какъ могла, отъ грозящаго ей уничтоженія, и этотъ вопль о помощи одинаково раздавался изъ груди маленькаго ребенка и молодого великана, принесеннаго съ фабрики, съ парализованными, сожженными и раздавленными мускулами. Съ удесятеренными силами обезумѣвшаго человѣка, жизнь боролась съ уничтоженіемъ, и эта борьба слышалась вездѣ, въ ужасномъ хрипѣніи, вылетавшемъ изъ легкихъ чахоточнаго и въ стонахъ умирающихъ.

Жизнь издавала вопли, и передъ этою кричащею и взывающею о помощи жизнью стоялъ врачъ—слабое, также подверженное страданіямъ и смерти существо. И это слабое, смертное существо старалось сохранить «ученую осанку», чтобы скрыть свой трепетъ и свою безнадежность, и безнадежливый человѣкъ придумывалъ, въ своей безпомощности, названія, длиннѣйшія научныя обозначенія, и называлъ изъѣденные язвами носы однимъ именемъ, пропитанныя гноемъ легкія—другимъ, а парализованные мозги—третьимъ и т. д., и казалось ему, что гдѣ-то сверкаетъ искра надежды.

Жизнь издавала вопли, а безпомощный человѣкъ видѣлъ причину этихъ воплей и, найдя ее, принимался писать исторію болѣзни, ея симптомы, ея происхожденіе, ея исходъ, всегда одинъ и тотъ же, и говорилъ: «Теперь она въ нашихъ рукахъ!» Это значитъ: «Мы думаемъ, что знаемъ, что это за болѣзнь. Мы ее изучили. Мы написали о ней цѣлые томы. Она наблюдается у милліоновъ людей. Она бываетъ различныхъ степеней. Когда мы наконецъ замѣчаемъ ее, то бываетъ уже слишкомъ поздно. Но все хорошо, потому что мы все-таки знаемъ съ чѣмъ имѣемъ дѣло. И самое главное: у насъ никогда не будетъ недостатка въ матеріалѣ. Человѣкъ смертенъ, но болѣзнь безсмертна. Она всегда вновь нарождается, всегда вновь пріобрѣтается и возможно все-таки, что въ концѣ концовъ мы узнаемъ, что это такое. А пока, мы пробуемъ, экспериментируемъ и чувствуемъ себя господами надъ жизнью и смертью.

«Въ нашихъ рукахъ молодая жизнь впервые видитъ свѣтъ. Мы отдаемъ ее міру, также какъ отдаемъ умирающаго могилѣ».

«Мы господствуемъ надъ жизнью, съ начала до конца, съ начала до конца!»

Іозефина замѣтила, что нѣкоторые изъ врачей пріобрѣтали такую увѣренность, что она дѣйствовала на нихъ какъ опьяняющій напитокъ и туманила имъ голову. Она слышала, какъ одинъ профессоръ, полусаркастически, полусострадательно сказалъ, улыбаясь: «Для дикаря смерть всегда заключаетъ вь себѣ что-то таинственное». Онъ снисходительно посмѣивался и оправдывалъ дикаря, для котораго смерть заключаетъ въ себѣ нѣчто таинственное. Ну конечно—дикарь! Легкая саркастическая усмѣшка играла на его устахъ. Конечно, дикарь можетъ вѣдь обратиться къ одному изъ профессоровъ и онъ его научитъ, что въ смерти не заключается ничего таинственнаго, ровно ничего! Смерть—это просто «летальный исходъ», а летальный исходъ болѣзни всегда означаетъ конецъ. Что же тутъ таинственнаго?

Только дикарь можетъ находить таинственное въ такомъ обыденномъ, ежечасномъ, ежеминутномъ явленіи!

И такимъ образомъ увѣренность въ себя дѣйствовала какъ вино; голова кружилась и самоувѣренный человѣкъ становился такимъ же грубымъ, какъ пьяный, и онъ могъ сказать умирающему: «Поверни къ намъ свое лицо, для того чтобы мы видѣли, какъ ты умираешь».

Но иногда студенты начинали шаркать ногами и этимъ шарканьемъ старались показать ученому, которому увѣренность въ себѣ вскружила голову, что онъ поступалъ «черезчуръ научно».

Іозефина также это слышала. Она чувствовала, какъ кровь прилила у нея къ вискамъ и ей припомнилось замѣчаніе насчетъ жира пролетаріевъ, сказанное въ препаровочной.

Она подумала: «Опять нѣмецъ. Они называютъ это остроуміемъ!» И она не могла удержаться, чтобы не сдѣлать своего замѣчанія.

Опьяненный самоувѣренностью нѣмецкій профессоръ оглянулся. Онъ догадался по губамъ Іозефины, что это она сказала такое слово. На многихъ лицахъ онъ читалъ неодобреніе, особенно на лицѣ студентокъ. Онъ отъ всей души ненавидѣлъ учащихся женщинъ. Ихъ неодобреніе было критикой его самоувѣренности и отъ этого онъ возненавидѣлъ ихъ еще больше. Онъ злобно сверкнулъ взоромъ въ сторону Іозефины, точно хотѣлъ сказать: «Вотъ погоди!»

Передъ аудиторіей лежалъ больной. Профессоръ приказалъ служителю раздѣть его, дальше, до нага! затѣмъ онъ велѣлъ поставить его на стулъ такъ, чтобы его можно было свободно осматривать кругомъ.

Когда это было исполнено, профессоръ осмотрѣлся словно ища кого-то и наконецъ вызвалъ Іозефину для изслѣдованія больного.

Это было самое непріятное, самое оскорбительное изслѣдованіе, не только для больного, но и для той, которая должна была изслѣдовать его, для сестеръ милосердія и для всѣхъ находящихся въ аудиторіи студентокъ.

И къ тому же это непріятное, оскорбительное изслѣдованіе, на самомъ дѣлѣ было совершенно не нужно: это было лишь наказаніе, месть и грубый поступокъ врага учащихся женщинъ, нѣмецкаго профессора.

«Тамъ сердце рѣжутъ на части!»

Съ пылающими щеками и горящими глазами, Іозефина вернулась домой. Она почти всю дорогу бѣжала, словно этотъ профессоръ, со своимъ холоднымъ, грубымъ лицомъ, гнался за нею.

Крѣпко стиснувъ зубы и заломивъ руки, она безъ всякой цѣли прошла черезъ всѣ комнаты. Какъ ужасно сознавать свое безсиліе! Взглянувъ на свои руки, она вздрогнула, какъ будто чувствуя за собою какую-то тайную вину.

Она стояла на балконѣ и смотрѣла, какъ медленно кружились въ воздухѣ снѣжинки. Поля дремали подъ снѣжнымъ покровомъ и туманъ окутывалъ озеро. Она стояла и думала.

«Я не могу этого вынести. Не могу! Тамъ сердце терзаютъ на куски!»

Прибѣжала Ресли и широко раскинувъ рученками, кинулась къ матери: «Наконецъ то я тебя поймала, мама!»

Іозефина испуганно отстранилась отъ ребенка и пряча руки, сказала: «нѣтъ, нѣтъ, не теперь. Иди, Ресли, играй, у меня нѣтъ времени».

Малютка удалилась, печально понуривъ голову. А Іозефина все продолжала смотрѣть на свои руки съ чувствомъ невыразимаго страданія. Наконецъ она взяла горсть рыхлаго, бѣлаго снѣга съ балконной рѣшетки и начала имъ натирать пальцы. Она вся дрожала въ смертельной тоскѣ и колѣни у нея подкашивались. «Такъ все безцѣльно! Такъ все жестоко! Такъ все безнадежно!» подумала она, смотря на снѣгъ и крѣпко держась руками за рѣшетку.

Вдали виднѣлся госпиталь, клиники,—длинное, желтое зданіе въ саду, крыша котораго была покрыта снѣгомъ. Обнаженныя деревья въ саду чернѣли на темно-сѣромъ фонѣ неба. Дальше можно было разглядѣть зданія женскаго госпиталя, изоляціонной палаты и анатомическій театръ, а еще дальше кладбище, съ нѣсколькими одиноко стоящими плакучими ивами, представляющее точно бѣлое пятно, съ выдѣляющимися на немъ черными крестами и надгробными каменьями. Стая воронъ съ громкимъ карканіемъ закружилась надъ обнаженными деревьями и Іозефинѣ казалось, что изъ высокихъ оконъ родовспомогательной клиники доносятся къ ней крики рожениць.

О, какъ ужасна комедія жизни! Какъ она безумно жестока! Всюду страданія! Всюду больные! Жизнь наполнена трупами, они прибываютъ какъ потокъ, поднимающійся высоко, до самаго балкона...

Но нѣтъ, нѣтъ, не трупы прибываютъ потокомъ! Трупы не издаютъ никакихъ звуковъ. Это больные, ужасные больные; своими стонами они наполняютъ воздухъ.

Іозефина перевела взоръ въ другое мѣсто. Она видѣла передъ собой городъ, но какъ будто перестала понимать. Тамъ строятъ дома, сады, мосты. Зачѣмъ? Зачѣмъ все это? Смѣшно! Смѣшны всѣ эти фабрики, музеи, картины, статуи. Есть только больные, только они, одни, имѣютъ значеніе! Мы всѣ уже истлѣли...

Для чего все это? Безуміе, безуміе!

Іозефинѣ почудился дикій крикъ, далеко разнесшійся въ воздухѣ и она снова увидѣла себя тамъ, въ клиникѣ, среди остальныхъ учащихся. «Какія злобныя лица у этихъ мужчинъ! снова думаетъ Іозефина.—Они озлоблены, потому что профессоръ грубъ. Грубость и злоба въ присутствіи смерти! Онъ учитъ ихъ быть грубыми и злобными и лица ихъ совершенно измѣняются, когда профессоръ тутъ. Одинъ уродуетъ сотни другихъ. Это вѣдь также школа!.. О, какъ я его ненавижу. Я никогда не привыкну, никогда... Но вѣдь грубъ и злобенъ только одинъ; остальные не грубы и не злобны... Но мы всѣ точно боги на облакахъ, а тамъ внизу находится покрытый язвами Лазарь. Въ лучшемъ случаѣ мы имѣемъ для него благосклонную улыбку, снисходительное слово, шутку... Человѣкъ для насъ уже не человѣкъ, а просто матеріалъ. Человѣкъ—это «госпитальный нумеръ», это—«случай». Онъ отворачивается отъ насъ, корчась отъ боли, но мы наблюдаемъ не его, а «случай», насъ интересуетъ «научно» только случай?.. О, какъ я ненавижу всѣхъ насъ!».

Въ клиникахъ происходитъ все слѣдующимъ образомъ: студентки и студенты собираются въ аудиторіи больницы; каждая больница имѣетъ отдѣльную аудиторію. Профессоръ входитъ на каѳедру, говоритъ маленькое вступленіе и затѣмъ приводятъ двухъ-трехъ больныхъ и демонстрируютъ ихъ въ аудиторіи. Кто-нибудь изъ учащихся, практикантъ, подходитъ къ больному, который иногда можетъ ходить, но чаще больного приносятъ въ аудиторію на желѣзныхъ носилкахъ. Перекладываніе больного съ кровати на носилки всегда бываетъ непріятно больному и зачастую даже причиняетъ ему большія страданія. Но всего тяжелѣе быть выставленнымъ передъ цѣлою аудиторіей, во всей своей безпомощной наготѣ, со всѣми своими ранами и страданіями.

Выставляемые въ клинической аудиторіи и на операціонномъ залѣ больные состояли всегда въ третьемъ разрядѣ, т.-е. это были такіе, которые платили мало, потому что были бѣдны, или даже совсѣмъ не могли платить и за нихъ платила городская или деревенская община, къ которой они принадлежали. Всѣ эти превосходныя больницы, со всѣми своими усовершенствованіями, являлись не столько благотворительными учрежденіями, сколько вообще учрежденіями для обученія студентовъ, гдѣ они могли научиться, какъ лѣчить и ухаживать за другими больными, которые могутъ платить. Обнаженіе не имѣющаго средствъ больного передъ огромною толпою учащихся, игнорированіе его чувства стыда не считалось нарушеніемъ чувства человѣческаго достоинства, существованіе котораго, вообще, у больныхъ третьяго разряда не предполагалось. Какъ для профессоровъ, такъ и для учащихся такая точка зрѣнія была очень удобна. Если же имъ удавалось, посредствомъ постояннаго игнорированія чувства стыда, въ самомъ дѣлѣ уничтожить его у неимущаго больного, сдѣлать его дѣйствительно безстыднымъ, то они съ удовольствіемъ пользовались такимъ случаемъ для доказательства своего мнѣнія, что «бѣднякъ» вообще не обладаетъ развитымъ чувствомъ стыда. Болѣе совѣстливые при такомъ утвержденіи, охотно заговаривали о соціальномъ злѣ и въ особенности о вредѣ, который приноситъ жилищная нужда, когда много лицъ разнаго пола тѣснятся въ одной комнатѣ, что, разумѣется, не можетъ способствовать развитію у нихъ чувства стыдливости.

Практикантъ, т.-е. тотъ изъ учащихся, который долженъ былъ примѣнять свои теоретическія познанія къ данному «случаю», испытывать ихъ на больномъ, подходилъ къ нему и задавалъ распростертому передъ нимъ страдальцу заученные наизусть вопросы, которые больной слыхалъ уже много разъ и много разъ отвѣчалъ на нихъ. Они уже успѣли наскучить ему, мучали и раздражали его, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ или догадывался, что они задаются ему вовсе не изъ участія или желанія ему помочь, а потому только, что въ медицинскомъ курсѣ предписываются для учащихся извѣстнаго семестра подобныя упражненія въ опросѣ больныхъ. При этомъ практикантъ держалъ себя зачастую съ такою важностью, какую обыкновенно напускаютъ на себя дѣти, играющіе «въ школу» и исполняющіе роль учителя. Скрытая боязнь практиканта передъ профессоромъ, критически слѣдящимъ за каждымъ его словомъ, опасеніе посрамить себя передъ насмѣшливыми товарищами усиливали дѣтски-комическое впечатлѣніе, которое производила его напускная важность. Особенно комично было его нескрываемое стараніе копировать профессора, у котораго онъ занимался, такъ что тотъ же самый студентъ бывалъ то кротокъ или снисходительно милостивъ, то циниченъ и держалъ себя богомъ, былъ грубъ и насмѣшливъ—однимъ словомъ всегда подражалъ тому профессору, съ которымъ въ данный моментъ имѣлъ дѣло. Однако у студентокъ Іозефина не замѣчала такой способности примѣняться къ профессору, какою обладали студенты. Студентки, казалось, были не такъ податливы; къ цинизму онѣ вообще питали отвращеніе, но многія изъ нихъ выказывали большую склонность изображать изъ себя какое-то божество, хотя въ общемъ у нихъ преобладало сострадательно-мягкое отношеніе къ больнымъ. Іозефина находила среди студентокъ дѣйствительно превосходныя силы, соединеніе ума, доброты и работоспособность, которая приводила ее въ изумленіе и восхищеніе, Іозефина была, со всѣми ними въ дружескихъ отношеніяхъ, но въ одномъ отношеніи пути ихъ совершенно расходились: студентки не могли или не хотѣли задумываться надъ нѣкоторыми вопросами. Онѣ старательно отгоняли отъ себя подобныя размышленія, считая ихъ безплоднымъ времяпрепровожденіемъ и оставляя ихъ до того времени, когда курсъ будетъ конченъ; теперь же онѣ стремились лишь къ тому, чтобы какъ можно скорѣе достигнуть своей цѣли. Онѣ мечтали помогать впослѣдствіи своимъ страдающимъ сестрамъ всѣми своими силами и создать себѣ уважаемое положеніе въ обществѣ. Хорошая практика и, если возможно, то руководящее положеніе въ какомъ-нибудь госпиталѣ — вотъ что было ихъ мечтой.

Но Іозефина постоянно терзалась разными мыслями. И она, также какъ и каждая изъ ея коллегъ, начала учиться для того только, чтобы добиться уважаемаго положенія и обезпечить кусокъ хлѣба своимъ дѣтямъ и своему несчастному мужу. Всегда она думала, что дѣятельность врача самая благородная, самая идеальная, и съ радостью мечтала посвятить себя ей. Первые годы ея ученія прошли въ этомъ счастливомъ заблужденіи; она съ жаромъ принялась за работу и ея трудъ казался ей такимъ обдуманнымъ, такимъ неподкупнымъ, благороднымъ и обѣщающимъ такъ много успѣха, пользы. Но когда она начала заниматься въ клиникахъ, то каждый день приносили ей новое, ужасное разочарованіе.

«О Боже, что мы дѣлаемъ!—думала она ежедневно. — Гдѣ наша сообразительность? Гдѣ нашъ разсудокъ?»

Но на всѣ вопросы получался лишь одинъ безотрадный отвѣтъ. Кругомъ она видѣла только горе, безуміе. Ни откуда она не видѣла помощи, ни въ чемъ она не видѣла результатовъ размышленія.

Преступленіе! Горе! Безразсудство!

Всю ночь и весь день преслѣдовали ее эти призраки. Она не могла никуда уйти отъ нихъ и они представлялись ей въ различныхъ образахъ. Организованная власть грубыхъ людей, просвѣщенность, организованное могущество имущихъ, все это наложило рабство на всѣхъ неимущихъ, голодающихъ, покорныхъ,—рабство, отъ котораго они не могли избавиться. Рабство слабыхъ, вынужденныхъ къ непосильному труду, плохо питающихся организмовъ, зараженныхъ и страдающихъ врожденными болѣзнями, обладающихъ плохою сопротивляемостью болѣзнетворнымъ вліяніямъ дѣтей,—это создавало огромную сумму человѣческаго горя, которое своими воплями наполняло міръ. И вотъ на помощь являлась человѣческая глупость и, облачившись въ одежды врача, собиралась излѣчивать при помощи ножа и яда то, что было порождено голодомъ, переутомленiемъ, расходованiемъ силъ, крови и пота. Но болѣзнь достигла того перiода, когда раздавались мольбы уже не о выздоровленiи, а о смерти.

«Сохраненiе жизни наша первая обязанность»,—говорилъ врачъ и слова его звучали такъ утѣшительно, проникнуты были такимъ человѣколюбiемъ, такою надеждой!

Но больной молилъ: «Дайте мнѣ умереть! Отчего я не умеръ раньше! Вы не знаете, что моя за жизнь!»

Нѣтъ, этотъ ученый врачъ, свѣтило науки, не зналъ этого, да и не хотѣлъ знать. Ему нужно было только служить наукѣ, поддерживать ея священный огонь и онъ смотрѣлъ на себя одновременно какъ на служителя и властелина богини знанiя. До жизни ему не было никакого дѣла, да онъ и не могъ интересоваться ею, такъ какъ его спецiальность не оставляла ему для этого времени. О, какъ онъ любилъ свою спецiальность! Онъ сдѣлалъ въ ней одно замѣчательное, составляющее эпоху, открытiе. Вѣдь только въ самыхъ узкихъ границахъ своей спецiальности можно надѣяться что-нибудь сдѣлать! Онъ еще держалъ въ тайнѣ свое изобрѣтенiе, такъ какъ до сихъ поръ, къ сожалѣнiю, всѣ объекты почти всегда умирали непосредственно послѣ операцiй. Но онъ будетъ пробовать до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, ему посчастливится сохранить жизнь оперируемому въ теченiе нѣсколькихъ недѣль. Тогда онъ выступитъ впередъ со своимъ изобрѣтенiемъ. Въ матерiалѣ у него не можетъ быть недостатка и ему улыбается впереди слава, всемiрная извѣстность...

Iозефина наблюдала все это, размышляла и страдала. Но развѣ этого никто не видѣлъ, кромѣ нея? Развѣ только она одна могла разглядѣть глупость, легкомыслiе и горе? Всѣ кругомъ нея имѣли вполнѣ довольный видъ; всѣ эти профессора, операторы, ассистенты, сестры-сидѣлки и фельдшера. Они расхаживали по палатамъ съ такимъ сознанiемъ собственнаго достоинства и значенiя.

— Новый операцiонный залъ, развѣ онъ не великолѣпенъ? Ничего, кромѣ стекла и желѣза! Посмотрите на этотъ шкафъ съ инструментами, на эту коллекцiю никелированныхъ ложечекъ, употребляемыхъ для опорожненiя глубоко лежащихъ абсцессовъ, на эти сверкающiя пилы для перепиливанiя костей, на всѣ эти крючки и крючечки, щипцы и щипчики, кривыя иголки, служащiя для зашиванiя ранъ, на сотни всевозможныхъ ножей, ланцетовъ, ножницъ! Посмотрите на эти остроумные и красивые аппараты для прокипяченiя инструментовъ, платковъ и повязокъ, хлороформенныя маски и резиновые фартуки, на всѣ эти приспособленiя для обмыванiя забрызганныхъ кровью рукъ, на складывающiеся и вращающiеся во всѣхъ направленiяхъ операцiонные столы.

Съ гордостью хозяекъ показывали сестры всѣ эти сокровища, разложенныя въ самомъ изящномъ порядкѣ, такія красивыя, блестящія, такъ ясно говорившія о своей полезности и необходимости. Какая безконечная сумма человѣческой дѣятельности заключалась въ этой коллекціи инструментовъ! Какая сумма человѣческой изобрѣтательности, ума и энергіи заключалась во всѣхъ этихъ безчисленныхъ госпитальныхъ приспособленіяхъ!

Но для чего все это? Зачѣмъ?

Тому, кто спрашивалъ объ этомъ, показывали страшныя раны, результатъ труда, пораженныя некрозомъ кости работниковъ на фосфорныхъ заводахъ, погибающихъ отъ медленнаго разложенія и омертвѣнія челюстей, причиняемаго дѣйствіемъ яда на организмъ; показывали страдающихъ ртутнымъ отравленіемъ рабочихъ на зеркальныхъ фабрикахъ, пораженныхъ неизлѣчимымъ слабоуміемъ вслѣдствіе отравленія свинцомъ маляровъ, рахитическихъ дѣтей, живущихъ въ темныхъ, сырыхъ подвалахъ и занимающихся плетеніемъ тончайшихъ кружевъ и тканей, чахоточныхъ, съ разрушенными легкими, съ отпиленными членами, пораженными туберкулезомъ, являющимся результатомъ плохого питанія и нужды...

Того, кто задавалъ такіе вопросы, подводили къ жертвамъ машинъ, къ истерзаннымъ зубчатыми колесами, къ израненнымъ паровыми моторами, къ обожженнымъ электрическими токами и обваренным расплавленными металлами...

«Все для этихъ! для этихъ!»

«Неужели это возможно? — думала Іозефина. — Неужели это порядокъ и измѣнить его нельзя? Эти умышленныя злодѣянія, бѣдствія, безсмысленность, все — неужели это неизмѣнно?»

И ея, утонченный собственными душевными страданіями, слухъ слышалъ заглушенный голосъ, взывающій о помощи, раздающійся со дна жизни: «Вы, тамъ наверху, помогите, помогите, помогите намъ! Дайте намъ возможность вздохнуть полною грудью! Дайте намъ возможность насытить свой голодъ! Не дайте намъ замерзнуть отъ холода! Работа превышаетъ наши силы! А голодъ постоянно стоитъ на стражѣ у нашихъ дверей...»

А отвѣтъ на это крики о помощи? Іозефина слышала также и его: «Сдѣлать ничего нельзя, измѣнить ничего нельзя. Такъ угодно было Создателю и такъ должно быть, какъ оно есть. Никто изъ насъ не смѣетъ идти наперекоръ велѣніямъ Провидѣнія. Развитіе человѣчества совершается по крови и трупамъ. Промышленность требуетъ своихъ гекатомбъ, но изъ-за этого мы не можемъ же стѣснять ея развитія? И потомъ - развѣ вамъ незнакомы наши больницы? Вѣдь это самыя великолѣпныя, самыя совершенныя учрежденія, вызванныя къ жизни нашимъ человѣколюбіемъ, нашею высокоразвитою гуманностью. Тамъ, въ этихъ учрежденіяхъ, любовь къ ближнему выражена самымъ геніальнымъ образомъ Тамъ предусмотрѣны всѣ случаи. Въ этомъ именно и заключается проявленіе нашей любви къ нимъ и нашей заботливости о нихъ!»

Іозефинѣ казалось, что еще никому не приходило въ голову серьезно пораздумать обо всѣхъ этихъ жестокихъ софизмахъ. Она была увѣрена, что если бы подумали объ этомъ, то, конечно, нашли бы другое средство, а не одни только госпитали и клиники, для уничтоженія этой искусственно созданной суммы человѣческихъ бѣдствій. Но никто не думалъ объ этомъ, не хотѣлъ думать. Вѣдь такія размышленія непремѣнно вызвали бы сомнѣнія въ превосходствѣ и необходимости современнаго положенія вещей. Размышлять объ этомъ значило бы посягать на существующій порядокъ. А вѣдь къ этому порядку принадлежимъ мы сами; поэтому мы и относимся къ нему такъ легко и благодушно и даже смѣемся надъ мыслями о возможности что-нибудь въ немъ измѣнить. Все, что существуетъ, казалось прекраснымъ тѣмъ, кто извлекалъ выгоды изъ такого положенія вещей. Прекрасные госпитали, великолѣпные операціонные залы изъ стекла и желѣза со своими хитро устроенными операціонными столами, элегантными стеклянными шкафами, наполненными блестящими инструментами, служащими для отнятія раздробленныхъ рукъ и ногъ, съ усовершенствованными клѣтками для бѣснующихся больныхъ, аппаратами для ренгированія, леченія туберкулезныхъ больныхъ, электрическими лампами для леченія свѣтомъ, со своими врачами въ бѣлыхъ, чистыхъ курткахъ и резиновыхъ фартукахъ, подчасъ грубыми, но всегда преисполненными собственнаго достоинства учеными, — все это является необходимымъ дополненіемъ современнаго общественнаго порядка съ его дико и пышно разростающеюся промышленностью. Все это такъ и должно быть. Гуманность требуетъ этого. Гуманность требуетъ, чтобы операціонные столы, на которыхъ отрѣзываютъ раздробленные или гніющіе члены, были сдѣланы изъ стекла и желѣза, чтобы врачи получали большое содержаніе, а сидѣлки носили накрахмаленные чепчики, но никому, однако. ни разу не приходило въ голову, что гуманность, прежде всего, требуетъ изобрѣтенія такого средства, которое сдѣлало бы излишними подобныя, необыкновенно гуманныя, но въ то же время ужасныя приспособленія и учрежденія.

День и ночь тутъ не прекращалась борьба, падали умирающіе и раненные, а врачи, стоя у периферіи обагреннаго кровью поля битвы, внимательными глазами слѣдили за этой битвой и относили въ сторону раненыхъ, чтобы перевязать ихъ, полечить и поставить на ноги, для того, чтобы они могли снова принять участіе въ битвѣ и, наконецъ, погибнуть въ ней! Но объ уничтоженіи вредныхъ промысловъ,—объ этомъ никто не думалъ. А если и бывали такія попытки, то онѣ казались до смѣшного ничтожными въ сравненіи съ суммою зла и всеобщимъ легкомысленнымъ къ нему отношеніемъ. Это были лишь единичныя, разрозненныя усилія, заранѣе осужденныя на неуспѣхъ и до нѣкоторой степени напоминающія хлѣбныя крошки, которыя падаютъ со стола богача.

«Нѣтъ, такъ не годится! Такъ не можемъ идти дальше», думала Іозефина, стоя возлѣ истерзаннаго тѣла одной бѣдняжки, туберкулезной больной, которой въ десятый разъ была произведена операція. Іозефина знала исторію этой жены поденщика изъ ея собственныхъ устъ, казавшуюся страшно краснорѣчивой по сравненію съ сухимъ анамнезомъ, записаннымъ въ клиническомъ листкѣ. Но даже это сухое и краткое изложеніе исторіи болѣзни должно было показаться ужаснымъ тому, кто понималъ, что написано въ листкѣ. Тамъ было слѣдующее:

«1880, 5-го января, ампутированъ большой палецъ на лѣвой ногѣ.

«1880, 12-го марта, резекція плюсневой кости лѣвой ноги.

«1880, 20-го іюля, лѣвая ступня ампутирована.

«1882, 2-го мая, ампутированъ четвертый палецъ на лѣвой рукѣ.

«1882, 10-го декабря, ампутированъ средній палецъ лѣвой руки и сдѣлана резекція запястья.

«1883, 27-го марта лѣвая кость ампутирована.

«1884, 6-го января, сдѣлана резекція локтевого сустава лѣвой руки.

«1886, 18-го іюня, лѣвая рука ампутирована до плеча.

«1886, 12-го ноября, операція на правомъ бедрѣ.

Когда несчастная женщина проснулась послѣ наркоза, то она взглянула на Іозефину своими печальными, умными глазами. Этотъ взглядъ проникъ ей въ самую душу. «Шесть лѣтъ уже я могла бы спокойно лежать въ могилѣ! — говорила она. — Долго ли еще такъ будутъ меня мучить. Я такъ много страдала, пока рука была у меня. Онъ (врачъ) постоянно сгибалъ мнѣ пальцы, чтобы они не сдѣлались неподвижными, и я не могла удержаться отъ крика, такъ это было больно! А пальцы все-таки продолжали пухнуть. Потомъ, когда мнѣ отрѣзали ступню и надѣли тяжелый башмакъ, то онъ заставилъ меня три раза пройтись по залѣ, передъ всѣми студентами. Но я не могла и просила, чтобъ мнѣ дали палку. «Нѣтъ,—сказалъ онъ.—Вы должны учиться ходить безъ палки. Будьте любезны, не прислоняйтесь». Онъ говорилъ «будьте любезны», а самъ смѣялся. Это былъ такой большой, толстый, здоровый человѣкъ, съ лицомъ, вдоль и поперекъ изборожденнымъ шрамами отъ дуэлей. Я не могла стоять и упала; ногѣ становилось все хуже. Онъ былъ ассистентъ, профессоръ же былъ добрѣе... Сестра милосердія — она была добрая — увидѣла, что я ползаю на колѣняхъ, и говоритъ мнѣ: «Ложитесь-ка въ кровать». Этотъ ассистентъ, его звали Рейхъ, теперь также профессоръ... Это было не тутъ, а въ Германіи. Но скажите мнѣ все-таки, что я буду дѣлать на свѣтѣ? Не лучше ли было бы, еслибъ я тогда умерла?»

«Нѣтъ, такъ не можетъ продолжаться!»—думала Іозефина. Говорить она не могла, такъ какъ слова застывали у нея на устахъ, когда несчастная женщина смотрѣла на нее. Іозефина встала и ушла отъ нея; ей было стыдно за всѣ эти страданія, за все это безсмысленное поведеніе врачей и нелѣпость дѣйствій, въ которыхъ и она была уже замѣшана.

«Вотъ если бы сотую долю всей этой работы, всѣхъ этихъ стараній, напряженія силъ, размышленій и денегъ, которыя идутъ на производство операціи надъ такими несчастными, употребить на предупрежденіе, на устраненіе страшной нужды, порождающей такія бѣдствія, то какъ безконечно измѣнилось бы наше общество,—думала Іозефина.—Терпя лишенія, скученные въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, люди заболѣвали, а когда они дѣлались больными, то ихъ брали въ клиники, для того чтобы студенты могли на нихъ учиться, отрѣзывали имъ пораженныя туберкулезомъ кости и отпускали ихъ, чтобы они продолжали голодать. Но вѣдь никто не думалъ о томъ, что милосерднѣе, человѣчнѣе и благоразумнѣе было бы не допускать чтобы люди заболѣвали отъ недостатка питанія, отъ вредной работы и жизни въ тѣсныхъ и плохихъ жилищахъ».

Сколько эта несчастная работала, пока она не заболѣла! Она разсказывала Іозефинѣ, что въ Берлинѣ она занималась выметываніемъ петель. Ничего другого она не дѣлала и работала не на машинѣ, а руками. За сто сорокъ четыре петли торговецъ бѣльемъ уплачивалъ ей тридцать два пфенига. По цѣлымъ днямъ она сидѣла и выметывала петли; лѣтомъ—когда горячая известковая пыль проникала въ комнату и игла ржавѣла въ потной рукѣ и зимой—когда она сидѣла въ холодной комнаткѣ на задворкахъ, гдѣ было всегда темно и ноги у нея коченѣли отъ холода и неподвижнаго сидѣнія. Петли, петли и петли; сто сорокъ четыре петли за 32 пфенига, и такъ, безъ перерыва, цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ!

— Я зарабатывала до восьми марокъ въ недѣлю, пока не заболѣла,—сказала она.

Іозефина взяла клочокъ бумаги и принялась дѣлать вычисленія. Ея рука дрожала, сердце билось неправильными толчками, но ей хотѣлось непремѣнно вычислить, сколько петель должна была выметать эта женщина въ теченіе дня, чтобы заработать восемь марокъ въ недѣлю.

— Вы работали также и по воскресеньямъ?—спросила ее Іозефина.

— О! да, но иногда только полдня.

— А обыкновенно весь день?

— Да, но все-таки я большею частью по воскресеньямъ работала меньше двумя часами.

— Ну, а въ будни сколько часовъ вы работали въ день?

— Семнадцать—восемнадцать часовъ. Больше я не могла.

— И вы были замужемъ и имѣли троихъ дѣтей; какъ вы мнѣ говорили?

— Да, троихъ; мой маленькій Августъ умеръ тотчасъ же послѣ рожденія.

— Значитъ, у васъ было четверо дѣтей?

— Да, трое остались живы и теперь уже сами зарабатываютъ хлѣбъ. Здѣсь плата другая; они зарабатываютъ въ часъ тридцать сантимовъ. Еслибъ я раньше сюда пріѣхала!

— А что дѣлаетъ вашъ мужъ?

— Онъ семь лѣтъ уже въ могилѣ.

— Чѣмъ же онъ занимался?

— Онъ работалъ на фабрикѣ, выдѣлывалъ острія иголокъ. Это также не хорошая работа.

— Конечно, нѣтъ.

— Но съ нимъ случилось несчастье. Докучно сказать, что это было изъ-за пустяковъ. Онъ набралъ немного угольевъ тамъ, гдѣ производилась разгрузка. Намъ бы они очень пригодились, вы понимаете это? Но какъ-то объ этомъ узналось и вотъ моего муженька запрятали на два мѣсяца. Судъ хотѣлъ и меня притянуть туда же да мужъ мой сказалъ: «нѣтъ, она ничего объ этомъ не знала». Конечно, это было неправда; я отлично знала, откуда онъ принесъ этотъ маленькій мѣшочекъ съ угольями. Но вѣдь кто-нибудь долженъ же былъ оставаться съ дѣтьми! Ну вотъ, онъ вернулся, но совсѣмъ другой: «Мать,—сказалъ онъ мнѣ,—они меня сдѣлали воромъ, такъ теперь мнѣ все равно!» Немного прошло времени, какъ онъ приходитъ однажды и приноситъ мнѣ господскую шляпу. «Ахъ,—вскричала я,—отнеси ее назадъ!» Я была страшно испугана. «Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.— Эта шляпа упала съ головы студента. Онъ былъ совершенно пьянъ товарищъ толкнулъ его, и шляпа упала въ грязь. Я взялъ ее, чтобы она не попала подъ колеса экипажа». На другой же день къ намъ явилась полиція. Шляпу же, между тѣмъ, мой мужъ успѣлъ уже продать. У него не было никакого заработка, а на фабрику онъ не хотѣлъ больше возвращаться. «Мать,—говорилъ онъ мнѣ,—я потерялъ терпѣніе. Тамъ, въ тюрьмѣ, когда я вспоминалъ о всѣхъ годахъ, которые я провелъ надъ выдѣлываніемъ кончиковъ иголокъ, то у меня начинало мутиться въ головѣ. Развѣ такая жизнь—жизнь? Это собачье существованіе! Такъ всѣ говорятъ, кому приходится отсиживать въ заключеніи». Ахъ, сколько я плакала, сколько плакала! Но вотъ, мужъ мой былъ рецидивистъ и потому его засадили на шесть мѣсяцевъ. Шесть мѣсяцевъ за старую, проклятую шляпу! Не осуждайте же меня за то, что я говорю проклятія. Этого не слѣдуетъ и я такъ не поступаю обыкновенно, но теперь не могу. Когда мой мужъ снова вернулся домой, то я увидѣла, что онъ совсѣмъ боленъ. Ахъ, какъ онъ былъ боленъ! У него была чахотка и онъ быстро угасалъ. Докторъ говорилъ, что кашель у него сдѣлался отъ стекляной пыли, которою шлифуютъ кончики иголокъ. Это нездоровая работа. Онъ, однако, не зналъ, что умираетъ, и мнѣ очень трудно было съ нимъ справиться. Я не имѣла ни минуты покоя. Какъ я умоляла его, чтобы онъ не выходилъ на улицу и не распространялъ бы заразу! Но онъ и слушать не хотѣлъ. «Мать,—говорилъ онъ мнѣ,—вѣдь у меня все горитъ внутри, точно въ аду!» Ахъ, онъ, мнѣ кажется, былъ не въ полномъ разсудкѣ. Когда онъ умеръ, я подумала, что немного отдохну. И вотъ приключилась эта болѣзнь!..

Іозефина съ ужасомъ смотрѣла на испещренный цифрами клочокъ бумаги. Слушая безотрадный разсказъ бѣдняжки, она вычислила сумму петель, сдѣланныхъ этою несчастною женщиной за время ея работы. И вдругъ ей стало страшно. Эти цифры поразили ее, точно неожиданно увидѣнный свой образъ въ зеркалѣ. Она увидала себя и въ своемъ изображеніи въ зеркалѣ—изображеніе всѣхъ людей своей касты и своей профессіи. Въ ея мозгу, точно молнія, промелькнула мысль:

«Да! да! да! Таковы всѣ мы! Мы вычисляемъ, въ то время какъ они истекаютъ кровью. Мы вычисляемъ и думаемъ, что мы что-нибудь для нихъ дѣлаемъ, когда считаемъ капли пота, которыя они для насъ проливаютъ. И это наука! Такъ она относится къ живымъ, страдающимъ, истекающимъ кровью существамъ!.. Никогда, никогда наука не принесетъ никакой помощи живой, страдающей, истекающей кровью жизни!

«Все ложь и обманъ!..»

Часто въ позднѣйшіе годы Іозефина вспоминала объ этихъ мгновеніяхъ, проведенныхъ ею у постели изувѣченной больной, когда подъ вліяніемъ приступа отчаянія въ ея душу запала первая капля презрѣнія къ самой себѣ. Она вспоминала, какъ въ ту минуту, когда она мучила себя самообвиненіями, въ палату вошелъ врачъ, для перевязки больныхъ. Онъ былъ такой чистенькій, такъ преисполненъ собственнаго достоинства, и въ то же время такой веселый и отъ него пахло виномъ, что, вѣроятно, и было причиною его веселаго настроенія. Съ дѣловымъ видомъ переходилъ онъ отъ одной кровати къ другой и смѣялся надъ старухой, которая въ бреду распѣвала неприличныя пѣсни, побуждая ее пѣть еще больше такихъ пѣсенъ. Онъ смѣялся, какъ будто его щекотали, и, конечно, разсмѣялся бы еще сильнѣе, если бы его спросили, отчего онъ такъ великолѣпенъ и такъ важенъ? Неизвѣстно почему Іозефинѣ припомнилась въ этотъ моментъ филоксерная коммиссія и ея удивительно важные и достойные члены. Отецъ разсказывалъ Іозефинѣ объ этихъ господахъ. Послѣ «строго-дѣлового» засѣданія, одинъ изъ членовъ коммиссіи устроилъ маленькій, но превосходный завтракъ, за которымъ было випито нѣсколько больше, чѣмъ слѣдуетъ. И вотъ въ такомъ состояніи этотъ достойный членъ коммиссіи произнесъ тостъ за «филоксеру», благодаря которой они сошлись теперь за дружескою трапезой и которая открываетъ имъ такую широкую полезную дѣятельность. Онъ выразилъ надежду, что они будутъ часто такъ сходиться за кружкою вина, для дружескаго обмѣна мыслей.

— Но вѣдь филоксера, я думаю, скоро будетъ уничтожена?—замѣтилъ озадаченный этимъ тостомъ Платтнеръ.

— Будемъ надѣяться, что нѣтъ!—возразилъ пьяный членъ коммиссіи съ удивительнымъ чистосердечіемъ.—Вѣдь тогда филоксерная комиссія оказалась бы лишней!

«Возможно или невозможно измѣнить положеніе вещей, объ этомъ въ сущности никто не заботится, думала Іозефина. — Всѣ дѣло въ томъ, что филоксерная коммиссія живетъ филоксерой и если не будетъ филоксеры, то жить ей будетъ нечѣмъ. Ну а врачъ живетъ болѣзнью и въ его интересахъ, конечно, чтобы болѣзни не прекращались, чтобы онъ всегда имѣлъ случай примѣнять пріобрѣтенныя имъ познанія. Подобно личинкѣ, питающейся гнилымъ мясомъ, судья питается преступленіямъ, а врачъ, съ цѣлою арміей своихъ помощниковъ, питается клиниками и больницами. Въ интересахъ личинки, чтобы всегда существовало гнилое мясо, а въ интересахъ судьи и врача, чтобы всегда существовали преступленія и болѣзни, и всѣ рѣчи о гуманности, благотворительныя учрежденія, прогрессъ цивилизаціи—ложь и обманъ!»

Тяжело жилось Іозефинѣ это время и даже работа не успокаивала ее. Она вѣдь начала работать, потому что искала въ работѣ отвлеченія и забвенія. Она думала найти душевный покой и вдругъ, среди работы, она наткнулась на то, что заставило ее встрепенуться; отъ соприкосновенія съ истекающею кровью жизни, съ страданіями въ ея душѣ проснулись высшіе порывы, высшія требованія. Теперь она желала работать уже не для того только, чтобъ забыться, а ради той пользы, которую должна была принести ея работа страдающему человѣчеству. Но въ душу ея закрадывалось отчаяніе и ей казалось, что пользы она не принесетъ. Она чувствовала себя одинокой, безъ всякой связи съ остальными людьми, точно песчинка, затерявшаяся въ морѣ песка!

— Нашъ теперешній порядокъ—вѣдь это настоящая анархія, гдѣ никто другъ о другѣ не заботится. Мы учимся, учимся, учимся, а потомъ намѣренно закрываемъ глаза на все, что не касается непосредственно нашей службы,—разсуждала Іозефина.— У каждаго есть своя служба, своя спеціальность, но между отдѣльными родами службы, между отдѣльными спеціальностями нѣтъ никакихъ точекъ соприкосновенія. Служба и спеціальность поглотили человѣка и нигдѣ, на всемъ земномъ шарѣ, не найдется такого мѣста, гдѣ бы сливались всѣ роды человѣческой дѣятельности!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ И ИНДИВИДУАЛИЗМѢ

„Мѣра всѣхъ вещей есть человѣкъ“
(*Протагоръ*, V в. до Р. X.)

„За метафизику потомъ
Я всѣмъ совѣтую приняться,
Чтобъ все какъ дважды два узнать,
Что смертныхъ умъ вмѣстить не можетъ,
А гдѣ чего вамъ не понять,
Тамъ слово громкое поможетъ“
(*Гете*. „Фаустъ“, I ч., перев. Голованова).

„Нѣтъ, братъ воронъ; чѣмъ триста лѣтъ питаться падалью, лучше разъ напиться живою кровью; а тамъ-что Богъ дастъ!“
(*Пушкинъ* „Капитанская дочка)“.

I.

Мысль, что мы—европейцы живемъ въ какое-то ное время, стала общимъ мѣстомъ.

Вспомнимъ Ничше, вспомнимъ «Три разговора» Владиміра Соловьева, гдѣ онъ предсказываетъ близкую «кончину міра» и антихриста и только вторичное пришествіе Христа спасаетъ родъ людской отъ окончательной гибели. Но это были философы-поэты; возьмемъ трезваго общественнаго дѣятеля трезвой Америки—Генри Джорджа. Онъ убѣжденъ, что если общественная и политическая жизнь Сѣверо-Американскихъ Штатовъ будетъ эволюціонировать въ томъ направленіи, въ которомъ она развивается теперь, то американско-европейская цивилизація погибнетъ такъ же, какъ погибли цивилизаціи Египта, Рима и Греціи.

«Откуда же могутъ придти новые варвары?—спрашиваетъ Джорджъ.— «Прогуляйтесь по грязнымъ кварталамъ большихъ городовъ и вы, уже теперь, можете увидѣть ихъ собирающіяся орды! Но какъ погибнетъ знаніе? Люди перестанутъ читать, а книгами воспользуются для поджоговъ и для изготовленія ружейныхъ патроновъ... *). Всюду замѣтно смутное, но общее чувство разочарованія, усиливающееся озлобленіе среди рабочихъ классовъ, какое-то безпокойство и революціонное броженіе» **).

---

*) *Генри Джорджъ*. „Прогрессъ и бѣдность“. Переводъ С. Д. Николаева. 1899 г. Стр. 406.

**) Ibidem, стр. 409.

Дѣйствительно, люди начала XX-го вѣка наканунѣ великой битвы—это будетъ битва національностей и народовъ, битва различныхъ культуръ и міровоззрѣній, битва прошлаго съ будущимъ, которая приведетъ неизбѣжно къ переоцѣнкѣ многихъ «цѣнностей».

Джорджъ ждетъ крушенія цивилизаціи отъ внутреннихъ «варваровъ», другіе почти съ увѣренностью предсказываютъ столкновеніе въ началѣ текущаго столѣтія Китая съ Европой и появленіе затѣмъ на міровой сценѣ и африканскихъ народностей

Какъ встрѣтитъ ихъ Европа и Америка—крѣпкимъ ли союзомъ національныхъ федерацій, или же междуусобной сварой и полнымъ соціальнымъ и нравственнымъ маразмомъ? Это большой вопросъ, на который врядъ ли кто дастъ категорическій отвѣтъ. Если бы у европейцевъ была вѣра въ силу и мощь своей культуры, то и вопроса бы не было: они заставили бы и китайцевъ, и негровъ приспособиться къ своей культурѣ.

Но въ томъ и дѣло, что у насъ нѣтъ этой вѣры. Прогрессъ пріобрѣлъ въ концѣ XIX вѣка какой-то механическій, безличный характеръ, машина въ своемъ постепенномъ, какъ бы имманентномъ развитіи стала могущественнѣе и цѣльнѣе того ряда людей, которые ее создавали; въ наукѣ изсякло геніальное творчество и она движется какъ бы въ силу инерціи тысячами маленькихъ однообразныхъ усилій маленькихъ, другъ на друга похожихъ «Вагнеровъ»; въ литературѣ, живописи, скульптурѣ тотъ же недостатокъ оригинальности, ту же дряблость и тусклость личности стремятся замаскировать вычурностью и даже кривляньемъ; въ гуманитарныхъ наукахъ нѣкоторыя соціологическія доктрины вытравляютъ изъ исторіи значеніе индивидуальности... Люди мельчаютъ и сѣрѣютъ, и мы не согласны съ Ничше только въ томъ что процессъ этого обезличенія идетъ уже вѣка и начался съ появленія религіи и идей долга и грѣха. Намъ кажется, что XVIII вѣкъ, даже первые три четверти XIX-го были еще достаточно индивидуальны и красочны: они могутъ выставить такихъ героевъ и борцовъ во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, которые почти, а иногда даже вполнѣ, удовлетворятъ великаго «имморалиста».

Разногласіе, вѣроятно, зависитъ отъ того, что у Ничше былъ нѣсколько иной масштабъ «цѣнности», чѣмъ у насъ.

Ничше былъ «аристократъ духа», онъ ненавидѣлъ демократовъ, соціалистовъ и презиралъ «чернь».

Единственной цѣнностью онъ считалъ личность, не только жаждущую проявиться, но и имѣющую что проявить—«свое добро, свое зло».

Заратустра говоритъ:

«Есть ли у тебя новая сила и новое право? Развѣ ты—первое движеніе? Развѣ ты произвольно катящееся колесо? Развѣ ты можешь заставить звѣзды вращаться вокругъ тебя?

«Ахъ, какъ много людей, праздно стремящихся въ высоту! Ахъ, какъ часты судороги честолюбцевъ! Докажи мнѣ, что ты не изъ числа этихъ праздно желающихъ и честолюбивыхъ!

«Ахъ, слишкомъ много есть великихъ идей, дѣлающихъ не больше, чѣмъ раздувальный мѣхъ: онѣ надуваются и становятся еще пустѣе.

«Ты называешь себя свободнымъ? Я хочу слышать о господствующей мысли твоей, а не о томъ, что избѣгъ ты ярма.

«Изъ тѣхъ ли ты, кто имѣлъ право избѣгнуть ярма? Многіе лишаются послѣдней цѣны своей, отбрасывая подвластность свою.

«Стать свободнымъ отъ чего-либо? Что за дѣло до этого Заратустрѣ! Но твой взоръ долженъ ясно говорить мнѣ: стать свободнымъ для чего-либо? Можешь ли ты дать себѣ свое добро и свое зло и навѣсить на себя волю свою, какъ законъ? Можешь ли ты быть своимъ собственнымъ судьею и мстителемъ за законъ свой?» *)

Неудивительно, что Заратустра и не нашелъ такихъ людей: если бы у нихъ было свое добро и свое зло и воля ихъ была бы для нихъ закономъ, они и не шли бы къ Заратустрѣ, не нуждались въ немъ.

По нашему мнѣнію, цѣнна уже личность, жаждущая самоопредѣлиться, жаждующая проявить всѣ свои силы, развить всѣ свои способности. Для насъ цѣнны не только великіе Вольтеръ и Руссо, но и вся плеяда энциклопедистовъ, вѣровавшихъ въ силу знанія, разрушающую предразсудки и пережитки, и самоопредѣлявшихся, съ различными индивидуальными варіяціями, въ этой общей формулѣ. И не только энциклопедисты представляютъ для насъ «цѣнность», но и всѣ отстаивавшіе, хотя бы и толпой, но до конца, безбоязнено, до смерти, «декларацію правъ человѣка»: у нихъ было общее «добро и зло», но оно было ихъ *собственное* и за него они жертвовали жизнью.

Цѣнна всякая личность, способная къ воодушевленію, къ экстазу и къ борьбѣ. Зачѣмъ предъявлять къ ней требованіе быть единственной въ своемъ родѣ и какъ бы замерзшей въ своемъ великолѣпіи? Для насъ «цѣнны» и тѣ люди изъ народа, которые и на западѣ, и въ Америкѣ, и у насъ такъ страстно стремятся къ знанію, такъ какъ знаніе въ настоящее время все же первый этапъ къ самоопредѣленію. Они еще полны пережитковъ, эти люди, и даже характеръ ихъ стремленія къ знанію въ нѣкоторомъ смыслѣ пережитокъ, но въ то же время онъ и показатель того, что изъ нихъ могутъ развиться люди не менѣе индивидуальные, чѣмъ тѣ, къ которымъ обращался съ проповѣдью Заратустра. Какъ *возможности*, для насъ цѣнны и тѣ искатели религіозной истины, которыхъ такъ много въ нашемъ народѣ. Если отрицать возможности, если требовать отъ индивидуума какой то абсолютной единственности, то на всемъ протяженіи человѣческой исторіи только и можно остановиться на нѣсколькихъ геніяхъ, но вѣдь и они все же появились не какъ «deus ex machina» и жили не въ пустынѣ. Къ этому вопросу мы еще вернемся впослѣдствіи, здѣсь же мы хотимъ сказать только слѣдующее.

---

*) „Такъ говорилъ Заратустра" перев. Антоновскаго. стр. 116—117.

Если бы къ тому времени, когда Китай столкнется съ Европой, послѣдняя успѣла окончательно омѣщаниться, окончательно вытравить изъ себя всякій порывъ, энтузіазмъ и сгладить индивидуальности, окончательно закрѣпила бы среднюю мораль и маленькое, даже ниже средняго, благополучіе — увѣренность въ томъ, что завтра не умрешь съ голода,—то исходъ «столкновенія» зависѣлъ бы отъ численности и китайцы, конечно, «побѣдили» бы.

Если такой исходъ можетъ еще оспариваться, то только по тому, что хотя мѣщанство и заразило въ культурныхъ странахъ почти всѣ классы общества, но народныя массы еще не вполнѣ: тамъ, какъ мы указывали, сохранился еще энтузіамъ, хотя бы въ видѣ вѣры въ болѣе свѣтлое будущее, создаваемое индивидуальными усиліями, жертвами и борьбой цѣлаго класса. Эта вѣра въ возможность изъ части машины превратиться въ равноцѣнную другимъ индивидуальность, этотъ энтузіазмъ, который временами охватываетъ рабочихъ западной Европы, даетъ надежду, что красочность и напряженность индивидуальной жизни еще не исчезли у европейцевъ, но таятся гдѣ-то въ глубинахъ народнаго сознанія, и могутъ вспыхнуть и найти болѣе опредѣленное выраженіе, болѣе положительные и широкіе идеалы. Вопросъ только въ томъ, насколько такой идеалъ дѣйствительно является выраженіемъ индивидуальностей, составляющихъ данную группу, и насколько сильны ихъ усилія проявить свое «я» въ достиженіи этого идеала. Если же онъ только знамя, около котораго въ положеные дни собираются, какъ около идола въ индійскую божницу, чтобы отбыть свои религіозныя обязанности, а затѣмъ отойти къ другимъ, болѣе существеннымъ—ко сну, къ ѣдѣ и вообще къ «насущному хлѣбу», то такое знамя скоро полиняетъ, а батальоны, собирающіеся вокругъ него,станутъ такими же мѣщанами, какъ и всѣ прочіе.

Есть и еще другое, что противопоставлялось мѣщанству,—это интеллигенція.

Западно-европейская интеллигенція... Но она во-первыхъ стала худосочна, во-вторыхъ растеряла своихъ боговъ и подчасъ, вѣроятно, завидуетъ даже русской: у этой хоть тоже нѣтъ Ормуздовъ, но зато Ариmановъ въ изобиліи.

И мы—русскіе немножко знакомы съ подобной завистью по Ариману—хотя бы въ лицѣ Шубина, завидовавшаго болѣе ограниченному «ирою» Инсарову, у котораго былъ великолѣпный Ариманъ въ лицѣ «турки»; нѣсколько иначе завидовалъ старый Кирсановъ Базарову, у котораго Ормуздомъ было естествознаніе, а Ариманомъ невѣжество, и сдается мнѣ, что какой-нибудь теперешній философъ критической школы, по косточкамъ разбирающій «метафизику» Карла Фохта, все же украдкой завидуетъ этому пылкому, жизнерадостному матеріалисту, который вѣрилъ въ естествознаніе, какъ еврей въ Іегову, и ненавидѣлъ теологовъ и ханжей, какъ монахъ сатану...

Да, западно европейская интеллигенція растеряла своихъ боговъ. Только немногіе, наиболѣе сильные, проявляютъ свою индивидуальность въ борьбѣ за идеалы народныхъ массъ, другіе, хотя и называютъ себя индивидуалистами, неспособны ни къ какой активной дѣятельности и занимаются взаимнымъ любованіемъ, съ восторгомъ смакуя свою слабость и сложные запахи своей разлагающейся индивидуальности. Третьи—ноютъ и мечутся.

Вѣру во всемогущество науки убила критическая философія, вѣру въ «права человѣка» и въ прочія республиканскія добродѣтели осквернило мѣщанство, вѣру въ самого себя... да ея у большинства и не было: ее съ дѣтства вытравляла схоластическая, стадная школа, мѣщанская среда, тысячи мелкихъ привычекъ и обязанностей, разсудочность; если же могучій инстинктъ жизни требуетъ иногда проявленія индивидуальности, то она проявляется наполовину, съ оглядкой на другихъ, ищетъ знаковъ одобренія и сочувствія... Нѣтъ крови, нѣтъ мышцъ, нѣтъ желаній. Поистинѣ, какъ говорилъ Заратустра, ни холодные, ни горячіе, а только теплые. Блѣдные, вялые и безсильные бѣгаютъ «интеллигенты» изъ одной знахарской лѣчебницы въ другую...

Когда то эти лѣчебницы были часовнями.

У каждаго знахаря свой секретъ: одинъ торгуетъ феноменализмомъ, другой—идеализмомъ, третій—лечитъ спеціальными впрыскиваніями категорическаго императива. Говорятъ, многимъ помогаетъ, хотя всѣ знаютъ, что эти лекарства—чистая вода.

Часовня матеріализма развалилась, и только на порогѣ старый Геккель бредитъ атомомъ, чувствующимъ удовольствіе и неудовольствіе... Этотъ еще молится и не побоится во имя Дарвина послать вора на висѣлицу.

Русская интеллигенція никогда небыла склонна къ такому лѣченію водой,—но теперь и у насъ открываются водолѣчебницы: чѣмъ мы хуже европейцевъ. Ариманы наши все еще здравствуютъ, но они страшные какіе-то, куда страшнѣе западноевропейскихъ; а вдругъ поступки потребуются... Ну ихъ... Лучше ужъ вкусить въ какой-нибудь лѣчебницѣ снадобья и сейчасъ во снѣ тебѣ Ормуздъ явится—кроткій, добрый и ласковый и начнетъ сказки разсказывать и поступковъ отъ тебя никакихъ не потребуетъ, знай слушай только.

По правдѣ сказать я не думаю, чтобы въ эти водолѣчебницы пошло много нашего брата—русскаго интеллигента; большинство изъ любопытства развѣ зайдетъ. Кромѣ того, я отнюдь не говорю, что разъ человѣкъ въ такой лѣчебницѣ лѣчится, такъ онъ и объ Ариманахъ нашихъ забылъ и съ ними не воюетъ; я только утверждаю, что для многихъ россіянъ такое лѣченіе можетъ оказаться вреднымъ: память о дѣйствительности отобьетъ. Полѣчится, полѣчится иной, да и начнетъ вдругъ фельетоны въ «Новомъ Времени» писать «о суетѣ земного и о консерватизмѣ князя Мещерскаго».

Нѣтъ, шутки въ сторону. Нельзя, конечно, говорить, что метафизика несовмѣстима съ мужественной, активной, разносторонней личностью, но можно утверждать, что метафизика, хотя бы даже и «идеализмъ», не вызываетъ сама по себѣ ни активности, ни мужества, ни напряженности жизни—и въ комъ всего этого нѣтъ, тому никакая метафизическая система не поможетъ...

Что касается насъ, то чужое метафизическое міровоззрѣніе интересно намъ, поскольку интересенъ самъ авторъ, такъ какъ, по нашему мнѣнію, міровозрѣніе есть только нѣкоторое отраженіе части данной личности.

II.

Историческій періодъ развитія науки начинается съ установленія аксіомъ: онѣ ограждаютъ отъ безполезной траты времени и ограничиваютъ объемъ науки. Что значитъ, что аксіомы нельзя доказать? Это значитъ, что ихъ нельзя вывести изъ логическихъ формъ нашего мышленія, нельзя вывести потому, что онѣ и сами являются формами нашего мышленія, что онѣ образовались въ общемъ процессѣ его созиданія.

Основнымъ вопросомъ всякой метафизики, до сихъ поръ ею не разрѣшеннымъ. является вопросъ о «я» и «не я», вопросъ о «реальности» внѣшняго міра, о существованіи «вещи въ самой себѣ». Вопросы эти рѣшались философами на различные, часто совершенно противоположные, лады, и нѣкоторые пришли даже къ заключенію, что доказать существованіе внѣшняго міра нельзя, что можно утверждать только наличность собственнаго сознанія.

Совершенно вѣрно, нельзя доказать, такъ какъ это и не доказуемо: «я» и «не я»—это формы нашего сознанія. Лишите человѣка возможности сообщаться съ внѣшнимъ міромъ, отнимите отъ него всѣ органы чувствъ, въ томъ числѣ и мышечное, и онъ потеряетъ сознаніе и представленіе о «я» и «не я», между тѣмъ жизненные процессы будутъ продолжаться. Такіе случаи наблюдались у истеричныхъ. Въ глубокомъ снѣ, въ обморокѣ сознаніе теряется, но жизнь течетъ, хотя и не столь интенсивно. Человѣкъ явился на міровую сцену уже съ вполнѣ сформированнымъ сознаніемъ, оно продуктъ долгой зоологической эволюціи и различныя степени сознанія мы наблюдаемъ уже у многихъ высшихъ животныхъ, у тѣхъ, которыя мыслятъ и чувствуютъ, помнятъ, любятъ и ненавидятъ; они не только противопоставляютъ своей индивидуальности другія индивидуальности, но и среди этихъ послѣднихъ различаютъ не только видовыя, но также и индивидуальныя различія. Они «мыслятъ» также индивидуальностями, какъ и мы. На болѣе низкихъ ступеняхъ животнаго царства врядъ ли противопоставленіе «я» и «не я» индивидуально въ той же степени: наиболѣе развитыя насѣкомыя различаютъ, вѣроятно, только видовыя индивидуальности и почти навѣрное не въ силахъ различать индивидуумовъ одного и того же вида. У еще болѣе простыхъ животныхъ, вѣроятно, различеніе идетъ только между своей собственной индивидуальностью и какой либо другой, не слишкомъ отличающейся отъ нея своими размѣрами.

И, наконецъ, у простѣйшихъ это различеніе является, по выраженію Спенсера, глухимъ чувствомъ сопротивленія окружающей средѣ.

Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были детали этой эволюціи сознанія, оно является фазой опредѣленнаго зоолого-историческаго процесса, всегда заключавшаго въ себѣ противопоставленіе, хотя бы только въ сферѣ ощущеній, «я» и «не я»,—всѣ же наши «объясненія», вся наша логика явились уже продуктомъ этого сознанія, этого противопоставленія ощущающаго индивидуума къ окружающему его міру, и потому «доказывать» построеніями нашего ума «бытіе» или «небытіе» внѣшняго міра нелѣпо. Самый вопросъ о существованіи внѣшняго міра «не я» нелѣпъ, такъ какъ словомъ «существовать» человѣкъ, прежде всего, обозначилъ неоспоримое для него, въ его индивидуальность заложенное противоположеніе «я» и «не я».

Мнѣ могутъ здѣсь возразить, что мое утвержденіе этой «нелѣпости» требуетъ признанія общечеловѣческой логики, какъ исходнаго пункта, и что мы попадаемъ здѣсь въ заколдованный кругъ. Конечно, я могу говорить только словами и мыслить только логическими формами, но эта самая логика указываетъ мнѣ, что она проявляется только при наличности сознанія, а послѣднее, въ свою очередь, есть лишь высшая форма противопоставленія ощущающаго индивидуума окружающей его средѣ; но это противопоставленіе вовсе не требуетъ наличности сознанія, а слѣдовательно и человѣческой логики: ея нѣтъ у животныхъ, но подобное противопоставленіе у нихъ существуетъ. Нѣтъ сознанія и у лунатика, который съ столь изумительной ловкостью идетъ по краю крыши. Кто ведетъ его, что имъ руководитъ? То великое нѣчто, которое является творцомъ не только сознанія, но и гораздо болѣе первичнаго элемента—ощущенія, нѣчто, которое мы называемъ *индивидуальностью.*

Такимъ образомъ противопоставленіе «я» и «не я» есть явленіе болѣе основное, чѣмъ само сознаніе. Что такое спенсеровское «глухое чувство сопротивленія окружающей средѣ», это первичное ощущеніе, какъ не противопоставленіе неразложимаго «я» неразложенному «не я».

Мало этого, также недоказуемо, также привзошло вмѣстѣ съ появленіемъ человѣка и человѣческаго сознанія не только упомянутое выше противоположеніе, но еще и расчлененіе «не я»—внѣшняго міра на цѣлый рядъ другихъ индивидуальностей. Мышленіе по аналогіи, мышленіе индивидуальностями также аксіома сознанія.

Изъ зоологической эволюціи, отъ своихъ предковъ человѣкъ принесъ начатки рѣчи—слова, обозначавшія, вѣроятно, вначалѣ наиболѣе сильныя и частыя ощущенія, а затѣмъ индивидуальности, причинявшія эти ощущенія. Но, съ одной стороны—индивидуальностей - «объектовъ» кругомъ было много и съ расширеніемъ опыта становилось все больше и больше, память же первобытнаго человѣка была ограничена; съ другой стороны, ощущенія, связывавшія человѣка съ окружающими объектами часто были такъ близки другъ другу, что не различались ими,—отсюда прямою необходимостью явилось упрощеніе дѣйствительности; индивидуальности—предметы, дававшіе неразличимыя ощущенія, объединились однимъ словомъ, и вмѣсто многихъ именъ собственныхъ появились нарицательныя, имена собственныя сохранились только за самыми близкими, самыми нужными и дорогими индивидуальностями. Такъ появились первыя абстракціи.

Можетъ быть, историческій процессъ развитія человѣческой мысли шелъ не всегда такъ, можетъ быть, человѣкъ уже явился на міровую арену съ нѣкоторыми готовыми абстракціями, съ запасомъ именъ нарицательныхъ иэти нарицательныя дѣлались даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ снова именами собственными. Но такіе обратные процессы уже частности, въ общемъ все же процессъ созданія мышленія, съ увеличеніемъ человѣческаго опыта, долженъ былъ идти отъ болѣе индивидуальнаго къ менѣе индивидуальному, упрощенному. Иначе говоря, процессъ этотъ состоялъ все въ бо́льшемъ и бо́льшемъ разложеніи «не я» на рядъ индивидуальностей, но по мѣрѣ увеличенія количества ихъ они становились все болѣе и болѣе простыми: этого требовала экономія мысли, или, выражаясьиными символами—емкость мозга первобытнаго человѣка.

Общеніе съ другими людьми, съ чужимъ опытомъ, съ чужими переживаніями играло въ этомъ упрощеніи дѣйствительности, конечно, громадную роль—оно дѣлало слово выраженіемъ наиболѣе общихъ ощущеній, получаемыхъ человѣкомъ отъ того или иного предмета—индивидуальности; такъ вырабатывались начала *достовѣрности* знаній: человѣкъ провѣрялъ свои переживанія переживаніями другихъ людей.

Благодаря экономіи силъ, получившейся при такомъ упрощеніи дѣйствительности, иначе, благодаря выдѣленію изъ переживаній наичаще повторявшихся элементовъ, первобытный человѣкъ могъ обратиться къ самонаблюденію, т.-е. къ установленію отношеній между своими переживаніями *во времени*. Внѣшній опытъ выяснялъ ему его отношенія къ другимъ индивидуальностямъ, создавалъ, между прочимъ, его пространственныя представленія, внутренній опытъ—самонаблюденіе—рисовалъ ему исторію своей собственной индивидуальности, ея развитіе во времени. Конечно, процессы эти не шли и, конечно, не идутъ такъ просто и такъ раздѣльно, какъ мы ихъ здѣсь представляемъ. Мы хотимъ только показать, что самонаблюденіе въ болѣе или менѣе замѣтномъ размѣрѣ могло явиться только послѣ того, какъ внѣшній опытъ получилъ уже довольно значительное развитіе. Самонаблюденіе— чисто человѣческое завоеваніе.

Такимъ образомъ пространственныя идеи должны были появиться у человѣка раньше, чѣмъ идеи о времени; предчувствіе идей о пространствѣ человѣкъ принесъ уже съ собою изъ зоологической эволюціи; высшія животныя по своему соображаютъ и оцѣниваютъ и разстоянія, и даже объемы. Но идеи о времени—цѣликомъ пріобрѣтеніе человѣка и чѣмъ ниже культура племени тѣмъ смутнѣе, неопредѣленнѣе эти идеи; для дикаря какъ бы не существуетъ времени: онъ беззаботенъ, безпеченъ и не думаетъ о будущемъ, лѣтомъ онъ истребитъ и даже разбросаетъ всѣ свои пищевые запасы, а зимой будетъ голодать.

Первобытный человѣкъ ощущалъ себя цѣликомъ, неразложимой индивидуальностью, со всѣми своими инстинктами, аффектами, со всей своей волей; но насталъ моментъ, когда ему стало ясно, что онъ смертенъ. Ужасъ охватилъ первобытнаго человѣка, когда онъ понялъ въ первый разъ неизбѣжность этого факта. Онъ умретъ, онъ—единственная «реальность», но вѣдь съ нимъ умретъ все: и женщина, которою онъ обладаетъ, и эта палица, и шкура медвѣдя, которою онъ укрывается, и лѣсъ, и солнце, и луна. Чтобы избавиться отъ этого ужаса полнаго небытія, дикарь началъ пытаться закрѣпить во времени свою индивидуальность— отсюда, мнѣ кажется, выросли зачатки религіи, исторіи и искусства — области индивидуальнаго творчества, по методу совершенно противоположныя наукѣ, развившейся изъ упрощенія дѣйствительности.

Опять-таки повторяю, что я не претендую въ этомъ описаніи процесса появленія религіи, искусства и науки на историческую правду, а хочу только промѣтить основные логическіе моменты этого процесса...

Самонаблюденіе же—явленія смерти, сна, болѣзни показали человѣку, что и его собственная, казалось, неразложимая индивидуальность не всегда одинакова, и онъ сталъ разсматривать себя состоящимъ какъ бы изъ двухъ индивидуальностей—тѣла и духа, то соединенныхъ другъ съ другомъ, то разъединяющихся.

Общеніе, образованіе группъ, клановъ увеличиваетъ и разнообразитъ внѣшній опытъ, дѣлаетъ его болѣе достовѣрнымъ; развивается языкъ, увеличиваются запасы словъ и сознательная работа мысли—упрощеніе дѣйствительности растетъ въ геометрической прогрессіи; абстракціи становятся все болѣе и болѣе общими, но основной элементъ остается тѣмъ же: каждая абстракція является все же индивидуальностью, но только упрощенной, лишенной большинства своихъ индивидуальныхъ качествъ, но за то связанной опредѣленными отношеніями съ другими объектами. Эти отношенія отражаютъ намъ тѣ ощущенія, которыя являлись основною связью чувствующей индивидуальности и окружающаго ея міра.

Послѣдней наиболѣе полной абстракціей, наиболѣе полнымъ упрощеніемъ дѣйствительности, наиболѣе обезцвѣченной, наиболѣе общей индивидуальностью въ сознаніи человѣка явилось число.

Съ появленіемъ числа появилась *наука* о внѣшнемъ мірѣ, о природѣ. Такая наука всегда была, есть и будетъ *наиболѣе полной* въ данный моментъ систематизаціей опыта человѣчества, т.-е. выраженіемъ отношеній въ пространствѣ *типовой* человѣческой индивидуальности ко всѣмъ сознаннымъ человѣчествомъ другимъ индивидуальностямъ—предметамъ.

Но память человѣка ограничена, и, чтобы закрѣпить его отношеніе ко всей громадѣ окружающихъ и окружавшихъ его индивидуумовъ-предметовъ, приходилось обезличивать ихъ до конца, до понятія объ единицѣ, до предѣла упрощенія дѣйствительности.

Наиболѣе полнымъ и совершеннымъ знаніемъ было бы, конечно, знаніе всѣхъ индивидуальностей и ихъ взаимоотношеній. Такое знаніе религіи приписываютъ Богу: Онъ всевѣдущъ, Онъ знаетъ всѣ индивидуальности бывшія, существующія и будущія существовать; Онъ знаетъ каждую индивидуальность лучше, чѣмъ она самое себя, такъ какъ Онъ знаетъ не только ея настоящее, но и ея прошлое, затерянное въ глубинахъ міровой жизни.

Конечно, другого знанія человѣкъ и не могъ приписать Божеству, такъ какъ и человѣческое знаніе индивидуально, но не совершенно и требуетъ упрощенія дѣйствительности. Даже свою собственную индивидуальность человѣкъ знаетъ далеко не совершенно, ибо сознаніе не можетъ сознать безсознательнаго, а вѣдь оно-то и составляетъ человѣческую индивидуальность. Сознаніе можетъ постигнуть только существованіе этого безсознательнаго и свою зависимость, свое исхожденіе отъ него......

Выше мы уже упоминали, какъ самонаблюденіе—создало идеи о духѣ и тѣлѣ, какъ о двухъ индивидуальностяхъ, то соединенныхъ воедино, то разъединяющихся. По аналогіи перенесли этотъ дуализмъ и на всѣ тѣла (фетишизмъ), затѣмъ только на самыя важныя, связанныя съ человѣкомъ тысячами самыхъ сильныхъ ощущеній—на другихъ людей, на животныхъ, на солнце, луну, Нилъ и т. д.

Этотъ процессъ уже противоположенъ описанному нами упрощенію дѣйствительности. Здѣсь индивидуальность не обезцѣнивается, а наоборотъ, на нее переносится цѣнность, которую признаетъ человѣкъ за своей индивидуальностью. И такъ какъ внутренній міръ первобытнаго человѣка, доступный для самонаблюденія, былъ крайне бѣденъ, внѣшнія же впечатлѣнія лились могучей волной, то тѣ предметы, отъ которыхъ онъ получалъ наиболѣе частыя и наиболѣе сильныя впечатлѣнія, тѣ, которые ощутимо благотворно дѣйствовали на его организмъ, или же передъ которыми онъ чувствовалъ свое безсиліе, страхъ, оцѣнивались имъ даже выше своей индивидуальности — появились божества, подобныя человѣку, но болѣе могучія, болѣе цѣнныя. Здѣсь, во всемъ этомъ процессѣ единицей цѣнности принималась человѣческая индивидуальность цѣликомъ, безъ всякаго упрощенія, со всѣми ея страстями и аффектами, со всѣмъ ея богатствомъ безсознательнаго и со всѣмъ ея жалкимъ багажомъ сознательной жизни.

И такъ всегда—наиболѣе индивидуальными для человѣка являются наиболѣе для него важныя, наибольшимъ комплексомъ ощущеній съ нимъ связанныя индивидуальности. Нечего удивляться, что дикарь уподобилъ солнце себѣ; я почти убѣжденъ, что многіе русскіе крестьяне, несмотря на то, что комплексъ ихъ переживаній неизмѣримо сложнѣе, чѣмъ у дикаря, несмотря на то, что въ этихъ переживаніяхъ главнѣйшую роль играютъ тѣ, которыя связаны съ другими людьми, несмотря на вліяніе религіи и кой-какія знанія, все же питаютъ къ «солнышку» чувства нѣсколько религіознаго характера.

Наиболѣе близкое къ намъ—наиболѣе индивидуально, красочно и жизненно, наиболѣе далекое—наиболѣе упрощенно и абстрактно, наиболѣе приближается къ идеальной абстракціи—къ понятію объ единицѣ.

Оно и понятно. Что является наиболѣе намъ близкимъ? То, что мы не можемъ въ нашемъ сознаніи сильно упростить, не обезцѣнивъ окончательно, въ чемъ мы цѣнимъ индивидуальность близкую къ нашей—другую человѣческую личность,—мы признаемъ въ ней самоцѣнность. Меньшую цѣнность признаемъ мы за животной индивидуальностью, еще меньшую за растеніемъ и т. д.

У первобытнаго человѣка въ тотъ періодъ, когда его представленіе о времени было еще очень смутно, не было этихъ градацій цѣнности, этихъ различныхъ степеней индивидуальности; вначалѣ онъ все мѣрилъ собою,—но сталъ развиваться описанный нами процессъ упрощенія дѣйствительности и параллельно съ этимъ становилась детальнѣй скала цѣнностей.

Мы уже указывали выше, что страстное стремленіе закрѣпить во времени самую высокую, непререкаемую цѣнность—свою собственную индивидуальность заставило человѣка создать исторію и искусства,—скульптуру и живопись. Не будемъ останавливаться здѣсь на сложномъ вопросѣ, что́ въ ходѣ исторіи отвлекло человѣка отъ мысли, вначалѣ бывшей ему ясной, о существованіи и другихъ цѣнностей, и другихъ, не поддающихся сильному упрощенію индивидуальностей—животныхъ и растеній. Но фактъ, что объ этомъ настолько обстоятельно забыли, что Декартъ считалъ животныхъ простыми автоматами. Поэтому, такъ долго не появлялось исторіи животныхъ и растеній—ихъ не считали на столько интересными, настолько близкими къ намъ индивидуальностями, чтобы ихъ стоило разсматривать, какъ опредѣленный историческій процессъ, и только во второй половинѣ XIX-го вѣка появился Дарвинъ и эволюціонная теорія организмовъ.

Систематизирующая наука, упрощая дѣйствительность, создала индивидуальныя абстракціи—виды. Только благодаря такому упрощенію наука могла охватить «всю природу»—закрѣпить хотя бы общія черты переживаній человѣчества. Но, какъ мы уже говорили, при этомъ получается нѣкоторая экономія силъ и сознательная дѣятельность можетъ обратиться къ обратному процессу—такъ сказать къ частичному раскрѣпощенію упрощенныхъ индивидуальностей. У человѣческаго сознанія остается болѣе свободнаго времени и оно сейчасъ же наполняетъ его интересомъ къ обиженнымъ его предками индивидуальностямъ, возстановляя ихъ въ нѣкоторыхъ правахъ, признавая въ нихъ бо́льшую цѣнность, чѣмъ прежде, приближая ихъ къ своей собственной индивидуальности.

Эволюціонная теорія организмовъ могла появиться только благодаря тому, что до нея была установлена система Линнея и вниманіе человѣка, вниманіе науки могло остановиться на болѣе мелкихъ индивидуальныхъ различіяхъ внутри даннаго вида. Происхожденіе видовъ есть, собственно говоря, попытка написать краткую исторію животныхъ и растеній, впервые признанныхъ *самоцѣнными*—индивидуальностями.

Такой же процессъ намѣчается теперь и по отношенію къ неорганизованному міру, къ такъ называемой мертвой природѣ,—начинается раскрѣпощеніе частицы матеріи, атома.

Наукѣ для упрощенія дѣйствительности нужно было признать атомъ недѣлимымъ и однороднымъ, сохранить за нимъ только пространственную и массовую индивидуальность—создалась механика и нѣкоторыя части физики.

Благодаря получившейся экономіи сталъ возможенъ обратный процессъ—возстановленіе цѣнности и усложненія индивидуальности—выработалось понятіе о нѣсколькихъ десяткахъ химическихъ элементовъ, о нѣкоторой индивидуальности частицъ матеріи; мы стали отличать атомы разныхъ элементовъ другъ отъ друга, но въ предѣлахъ одного—даннаго химическаго вида атомы остались однообразными, не отличающимися другъ отъ друга. Развилась химія, появилась физическая химія.

Теперь наступаетъ процессъ обратной индивидуализаціи и въ области атома. Съ одной стороны нѣкоторыя явленія указываютъ на различіе атомовъ одного и того же химическаго элемента, съ другой—многія электрическія явленія, а особенно удивительныя «истеченія», испускаемыя радіоактивными веществами, съ несомнѣнностью указываютъ на существованіе, иначе—на необходимость созданія гораздо болѣе мелкихъ индивидуальностей, чѣмъ атомъ—электроновъ.

Но такъ какъ атомъ въ физическомъ смыслѣ существовалъ постольку, поскольку онъ былъ индивидуаленъ, какъ опредѣленное количество массы и движенія, то разложеніе его на электроны и мысль объ его индивидуальности въ предѣлахъ даннаго химическаго вида, приводитъ къ слѣдующимъ послѣдствіямъ. Во первыхъ вносится смута въ понятія о массѣ и движеніи, такъ какъ электронъ является независимымъ отъ этихъ понятій, какъ индивидуальность еще болѣе мелкая, еще болѣе основная, чѣмъ атомъ, для характеристики котораго были созданы понятія массы и движенія; во вторыхъ—является законное стремленіе дать исторію развитія атомовъ, какъ возстановленныхъ цѣнностей, атомовъ, ставшихъ индивидуальными настолько, что мы отличаемъ ихъ даже въ предѣлахъ одного и того же химическаго вида.

Про электронъ — эту новую появившуюся индивидуальность — мы можемъ пока сказать только одно — это должна быть болѣе упрощенная индивидуальность, чѣмъ атомъ, и потому символы матеріи и движенія, которымъ мы характеризуемъ послѣдняго, слишкомъ еще частны, слишкомъ индивидуальны для нея; нужно искать болѣе общаго символа, который обнималъ бы и матерію, и движеніе; вѣроятно, таковымъ можетъ быть энергія.

И съ этой точки зрѣнія притязанія энергетики правильны, но стремленіе ея замѣнить матерію и движеніе энергетическимъ символомъ и для частицъ такъ называемой вѣсомой матеріи является, по моему мнѣнію, регрессомъ, такъ какъ обезцѣниваетъ уже оцѣненную болѣе широкую индивидуальность атома.

Итакъ, сознаніе для выраженія индивидуальныхъ переживаній—совокупности внутренняго и внѣшняго опыта—выработало два метода: одинъ состоитъ въ упрощеніи дѣйствительности и происходитъ въ пространствѣ, другой, въ возстановленіи индивидуальныхъ цѣнностей и происходитъ и въ пространствѣ, и во времени. Не всегда они ясно противополагаются, и въ исторіи человѣчества часто оба метода сливаются и спутываются въ сложный, трудно распутываемый клубокъ.

Въ болѣе чистомъ видѣ второй методъ выражается въ исторіи, въ узкомъ смыслѣ этого слова, въ литературѣ, въ скульптурѣ и живописи. Эволюціонная теоріи въ лицѣ Дарвина, Спенсера, Крукса и многихъ другихъ дѣлаетъ попытку внести этотъ методъ во всю «природу»—дать исторію развитія всего-міра, всѣхъ переживаній человѣчества, всѣхъ оцѣненныхъ имъ индивидуальностей.

Такъ человѣческое сознаніе построяло «міръ», создавало «вещи» и само крѣпло и расло. Мы сотворили себѣ міръ «по образу и подобію нашему» и не пойдемъ на выучку къ метафизикамъ, чтобы они доказывали намъ его бытіе; мы не сомнѣваемся въ его существованіи, такъ какъ носимъ его въ нашемъ мозгу, нервахъ, крови и мышцахъ. Но сознаніе—только незначительная часть нашей индивудуальности, подъ нимъ течетъ могучая жизнь—инстинкты, аффекты, страсти, воля, наша активность, наше творчество, великое нѣчто, создавшее и міръ, и сознаніе.

Это нѣчто жило, проявлялось и творило, не зная ни добра, ни зла, ни мысли, ни времени, могучее въ своемъ безсознательномъ одиночествѣ; но какимъ-то невѣдомымъ взрывомъ оно извергло изъ своихъ нѣдръ на поверхность маленькое сознаніе, и этотъ счетоводъ-мучитель началъ разносить по разнымъ графамъ великое тѣло, породившее его, и читать ему прописи и учить его морали. И гигантъ сразу захирѣлъ и почувствовалъ ужасъ, тоску и одиночество и увидѣлъ, что онъ не одинъ.

Съ этого времени начинается человѣческая трагедія. Сознаніе разъявъ внѣшній міръ на рядъ упрощенныхъ индивидуальностей, создавъ «вещи», реальность и время, начало разлагать и великое «я», его породившее. Прежде всего оно сказало: «я—духъ, а ты—тѣло», и старалось увѣрить это «тѣло,» что оно подчинено ему, что оно должно управляться имъ—духомъ, сознаніемъ, чтобы чувствовать себя единымъ и не мучиться своею раздвоенностью. Началась борьба «духа» съ «тѣломъ», умерщвленіе плоти.

Какъ убить своего отца—это «тѣло», вѣчно желающее, вѣчно дѣйствующее и проявляющееся, не умерщвляя и сознанія? Единственное средство—изнурить тѣло, не давать ему двигаться, питаться, желать: нужно голодать, стоять на одной ногѣ, молчать, сдѣлать невозможнымъ половой инстинктъ... Сознаніе все же чувствовало свое безсиліе — великое «я»—«тѣло» проявлялось и дѣйствовало, вопреки его предписаніямъ и циркулярамъ, какъ бы не замѣчая ихъ, но пользуясь его оружіемъ,—тѣми двумя процессами, о которыхъ мы говорили—создавало изъ своихъ желаній матеріальную культуру. А умерщвленіе плоти сдѣлалось спеціальностью особой касты жрецовъ и монаховъ. Но и здѣсь безсознательное жестоко отомстило: подавленная жажда проявляться и жить какъ бы обернулась и приняла новую форму—жажду власти: столпники и монахи создали папу, инквизицію и іезуитовъ, умерщвленіе собственной плоти превратилось въ подавленіе чужой индивидуальности и вмѣстѣ съ нимъ, конечно, и чужого сознанія. Сознаніе, забывъ благодарность къ породившему его великому «нѣчто» и стремясь убить своего отца, само понесло заслуженную кару.

Религія была первымъ лекарствомъ, предложеннымъ сознаніемъ человѣку противъ той боли, которую онъ испыталъ, когда впервые созналъ самъ себя и объектомъ и субъектомъ, когда впервые почувствовалъ ужасъ при мысли о неизбѣжности смерти, когда впервые создалъ будущее.

Сознаніе въ своемъ самоослѣпленіи не понимало, что оно даетъ лекарство противъ самого себя, и что требуетъ этого лекарства индивидуальность, чувствовавшая раньше себя нераздѣльной и съ появленіемъ сознанія сознавшая свою раздвоенность. Первое лекарство—религіозное—состояло въ томъ, что сознаніе признало только себя неразложимой, непререкаемой индивидуальностью—духомъ, частью, отраженіемъ великой индивидуальности—Бога, а тѣло являлось только временной, несущественной оболочкой души. Раздвоенность какъ бы исчезла, поведенію, поступкамъ, даны были «скрижали». Сознаніе, конечно, не уничтожило, но все же сковало безсознательное. Но надолго ли? Моисей увидѣлъ у подножія Синая народъ, плясавшій у золотого тельца. Идеи о грѣхѣ, будущей жизни, о раѣ и адѣ явились негласными уступками сознанія могучей силѣ бесознательной индивидуальности и ея инстинктовъ; къ нормамъ поведенія нужно было прибавить устрашеніе, награды и удовлетвореніе незаглушимыхъ желаній. Магометъ создаетъ даже гурій.

Религія, дѣйствительно, спасаетъ человѣка отъ ужаса смерти и раздвоенности и люди, отдавъ шесть дней въ недѣлю жизни, творчеству, проявленію своей индивидуальности, затѣмъ посвящаютъ нѣсколько часовъ Богу и примиряютъ непримиримое, чтобы въ понедѣльникъ съ успокоенною совѣстью снова пойти на базаръ.

Вторымъ лекарствомъ, которое сознаніе предложило человѣку, явилась метафизика. Въ послѣднемъ счетѣ всякая метафизика является, по нашему мнѣнію, рѣшеніемъ вопроса о происхожденіи сознанія, такъ какъ и вопросъ о происхожденіи внѣшняго міра, и вопросъ о происхожденіи человѣка, о происхожденіи нравственности—всѣ сводятся къ появленію сознанія: оно породило эти вопросы.

Конечно, уже въ каждой религіи имѣется своя метафизика, такъ какъ всякая религіи рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи сознанія, или, чтò то же, человѣка—волею божества. И разъ ставится этотъ вопросъ, то рѣшеніе религіи является наиболѣе логическимъ, такъ какъ выводитъ сознаніе изъ чего-то, внѣ него находящагося, всѣ же метафизики стремятся вывести бытіе, реальность, вещь, т.-е. сознаніе изъ процсссовъ мысли,—а вѣдь мысль лишь форма сознанія. Поэтому-то ихъ лекарство никому никогда не помогало и метафизическая философія безсильна была дать даже то успокоеніе, которое давала религія. Метафизика, впрочемъ, часто дѣйствительно успокоивала, такъ какъ человѣкъ, потонувшій въ ея безплодныхъ абстракціяхъ, становился вялымъ и неспособнымъ къ активной дѣятельности.

Мы уже въ началѣ нашей статьи указали, что считаемъ сознаніе одною изъ формъ противопоставленіи «я» и «не я», но какъ оно образовалось изъ этого безсознательнаго противопоставленія, какъ чувствующее «я» стало способнымъ наблюдать, сознавать свои чувствованія, это вопросы безплодные, такъ какъ ставитъ ихъ само сознаніе и рѣшать ихъ можетъ только средствами, находящимися въ его распоряженіи, а глазъ никогда не увидитъ самого себя. У метафизиковъ является здѣсь еще одна лазейка: разъ подобные вопросы возникаютъ въ человѣческомъ сознаніи, являются, какъ они выражаются, неистребимыми потребностями человѣческаго духа, то, значитъ, они законны и на нихъ должны быть даны отвѣты. Безспорно, эти вопросы возникаютъ у каждаго мыслящаго человѣка, безспорно, сознаніе вноситъ нѣкоторую двойственность въ нашу природу и мы мучимся этою двойственностью, какъ бы тоскуя по утраченному единству зоологической индивидуальности. Что же дѣлать: въ этомъ трагизмѣ человѣческаго существованія и надо смотрѣть судьбѣ въ глаза твердо и мужественно, а не искать утѣшенія и успокоенія въ различныхъ одурманивающихъ средствахъ.

Люди переживали тяжелыя минуты, когда Коперникъ и Галилей доказывали имъ, что они не центръ вселенной; немудрено, что они таскали Галилея по тюрьмамъ, и сожгли Джіордано Бруно, но все же человѣчество вынесло эту боль разочарованія и послѣ Галилея было совершено еще много мужественнаго и красиваго.

Вопросъ о сознаніи—еще болѣе коренной и еще болѣе страшный вопросъ, но все же нужно безстрашно сознаться, что мы не можемъ «объяснить» сознанія и что еще трагичнѣе—не можемъ вывести изъ него нормъ нашего поведенія: наши поступки обусловливаются всею нашею индивидуальностью, и кто не побоится остаться съ нею глазъ на глазъ, тотъ выработаетъ своею кровью и своимъ мозгомъ свое «зло» и свое «добро». Эта работа тяжела и трагична, но она приводитъ насъ къ активности, основному свойству всякой индивидуальности: въ дѣйствіи и творчествѣ сознаемъ мы силу свою и ощутимъ утерянное единство.

В. Агафоновъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЗАКАТЪ.

Спокойной красотѣ и неба, и земли
Молюсь я въ тихій часъ вечерняго заката...
Всѣ скорби отошли и скрылися куда-то
Туманнымъ облакомъ, растаявшимъ вдали.

Святая тишина...
Задумавшійся лѣсъ въ своемъ молчаньи строгомъ...
И кажется душѣ, что здѣсь она одна—
Одна предъ Богомъ!..

---

* * *

За окномъ непогода шумитъ,
Не унять мнѣ сегодня тоску:
Все къ тебѣ моя дума летитъ,
Какъ летитъ мотылекъ къ огоньку...

Ночь стѣной между нами легла,
Затеряется мой мотылекъ:
Безпросвѣтна угрюмая мгла,
Далеко, далеко огонекъ!..

Но преграды не знаетъ душа,
Если въ ней и любовь, и печаль,
И летитъ мотылекъ мой спѣша
Въ неизвѣстную темную даль...

Г. Галина.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

„Очерки исторіи русской цензуры въ связи съ развитіемъ печати“ Н. Энгельгардта. — „Самобытный“взглядъ „аристократа духа“ на „пользу цензуры, или „задачи просвѣщенной цензуры“.—Въ защиту культуры и интеллигенціи, по поводу книги „Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи“ Н. М. Соколова.

Въ прошлый разъ мы только слегка коснулись книги г. Энгельгардта, но это произведеніе заслуживаетъ большого вниманія. Итакъ, представимъ себѣ «добраго иностранца», который пріѣзжаетъ въ Россію и прежде всего, конечно, желаетъ ознакомиться съ духомъ русскаго народа. Онъ набрасывается, разумѣется, на нашу литературу, ея исторію, знакомится съ печатью и ея развитіемъ. Судьба посылаетъ ему и руководителя, который на счастье нашего иностранца только что кончилъ большой трудъ по изслѣдованію «Исторіи русской цензуры въ связи съ развитіемъ печати», какъ озаглавлена работа г. Н. Энгельгардта. Воображаемъ, съ какимъ интересомъ углубляется онъ въ эту книгу: на ловца и звѣрь бѣжитъ.

Можно легко представить себѣ его изумленіе, когда онъ прочтетъ слѣдующее классическое мѣсто на стр. 23: «Говорить смѣло истину русскому народу—вотъ задача печати! Конечно, дать *такое* слово печати бюрократическимъ распоряженіемъ нельзя: духовная свобода и, стало быть, истинная свобода печати дается *природою*, а не закономъ (Курсивы г. Энгельгардта, а не наши). Пусть пробудится русское чувство въ груди русскаго человѣка, и свободное слово само сорвется съ устъ его, и никакія силы въ мірѣ это слово не остановятъ, какъ нельзя остановить кипѣнія выдѣляющихся частицъ газа въ гейзерѣ! Такой пробки не найдется, которою можно было бы закупорить древнюю сткляницу съ игристымъ виномъ тысячелѣтнимъ народнаго духа! А когда онъ поникъ, упалъ, ушелъ въ подспудныя области, среди «лѣниво-равнодушныхъ, шальныхъ, балованныхъ дѣтей» и черни интеллигентной; среди тупыхъ и недальновидныхъ потомковъ великихъ предковъ, равнодушно продающихъ скупщику обагренные святой русской кровью камни своихъ кремлей,—никакими декретами «свободы» слова и совѣсти не насадишь! Ибо какъ дать свободу тому, чего нѣтъ? Какъ освободить совѣсть настолько безсовѣстнаго существа, что для него нѣтъ прошлаго, нѣтъ будущаго, а только «день мой—вѣкъ мой», кабакъ—Шато, вино—Клико и дѣва—Шантанъ».

Голова закружится у нашего иностранца отъ философіи г. Энгельгардта! Тутъ и славянофильское пониманіе свободы слова, и нѣчто отъ естественнаго права, и тысячелѣтній духъ, и весь обычный антуражъ нововременскаго литератора до кафе-шантана включительно. И сколько въ то же время самой откровенной и нелѣпой путаницы, которая можетъ привести нашего любознательнаго читателя въ самое веселое настроеніе. «Природа, а не законъ даетъ истинную свободу слова»,—узнавъ о такомъ невѣдомомъ ему происхожденіи свободы слова, иностранецъ невольно долженъ проникнуться сугубымъ уваженіемъ къ русскому духу. До сихъ поръ и въ наукѣ, и въ практикѣ жизни у себя на родинѣ онъ встрѣчалъ, какъ незыблемо установленную истину, что свобода слова есть прежде всего политическая, а не природная гарантія, являясь вездѣ, гдѣ она есть, опорою политическихъ правъ народа. Свобода слова, т. е. свобода печати, ибо другой свободы слова человѣчество пока не знало и не знаетъ,—какъ природное дарованіе,—не напоминаетъ ли это отчасти того русскаго мужика, который въ очеркахъ Глѣба Успенскаго съ «помощью однихъ только природныхъ дарованій создаетъ сразу цѣнность въ сто рублей», садясь на прессъ для выжиманія икры? «Природы странную игру представляютъ эти русскіе публицисты», подумаетъ иностранецъ—-и будетъ правъ, такъ какъ давно уже извѣстно, что «умомъ» насъ, русскихъ, не измѣрить. Нужно для этого еще нѣчто «Энгельгардтовское». Въ самомъ дѣлѣ, г. Энгельгардтъ говоритъ не просто о свободѣ слова, а объ «истинной». Стало быть, извѣстная вообще свобода слова — не истинная, а настоящая, заправская-то «сорвется съ устъ русскаго человѣка, когда пробудится русское чувство въ груди» его. Свобода слова не русская, а общечеловѣческая, это—плодъ и вѣнецъ культуры, а Энгельгардтовская, пока еще таящаяся въ будущемъ, это—отъ самобытности, которая ни въ какой культурѣ не нуждается и сама изъ себя все рождаетъ, по нашему хотѣнью, по щучьему велѣнью.

Читая дальше «Исторію» г. Энгельгардта, нашъ читатель натыкается на новыя и новыя открытія, которыя послѣ перваго опыта въ томъ же родѣ, конечно, уже не такъ его удивляютъ. «Подробное и безпристрастное изученіе исторіи русской цензуры приводитъ насъ къ выводу, что цензура первой половины XIX вѣка была дѣломъ не монарховъ, но подданныхъ. Она обусловлена была *невѣжествомъ общества* (курсивъ вездѣ г. Энгельгардта). Это невѣжество проявлялось прежде всего слабымъ спросомъ на печатное слово и равнодушіемъ къ судьбамъ печати, литературы и писателей. Немудрыя потребности малограмотнаго общества выражались спросомъ на «легкое чтеніе» и, *поощряя легкомысленнаго враля-фельетониста, топили писателя серьезнаго.* Писатели и печать не имѣли покровителя во властной потребности общества, каковаго имѣетъ всякій портной, всякій булочникъ, всякій сапожникъ. Нельзя учредить цензуру сапогъ, булокъ, панталонъ, ибо безъ всего этого публика не можетъ обойтись. А безъ газеты, журнала, безъ книги и писателя совершенно легко обходились. Второе проявленіе невѣжества—раздражительная нетерпимость, пропитывавшая все общество отъ верхняго слоя до нижняго. Доносы и анонимныя письма шли по цензурѣ всегда тысячами» (стр. 12).

Иностранецъ, не привыкшій къ такимъ вольтамъ, могъ бы возразить, что переносить на общество отвѣтственность за цензуру такъ же основательно, какъ искать свободу слова въ природныхъ дарованіяхъ. Но г. Энгельгардта этимъ не убѣдишь, разъ его не колеблютъ никакіе факты. Онъ знаетъ, что общество 30-хъ и 40-хъ годовъ не при чемъ въ подвигахъ цензуры того времени, которая закрывала всѣ журналы, кромѣ *угодныхъ* не обществу, а власти. Стоило только послѣ севастопольскаго разгрома измѣниться условіямъ цензуры, какъ немедля погибли такія, казалось, мощныя изданія, какъ «Сѣверная Пчела». «Московскій Телеграфъ» Полевого, серьезный и вполнѣ литературный журналъ, успѣшно конкурировалъ съ «Библіотекой для чтенія» («успѣхъ его былъ безпримѣрный по тому времени», пишетъ другой историкъ литературы не Энгельгардтовскаго толка) Сенковскаго, въ которой «литература была не при чемъ», но былъ закрытъ отнюдь не по винѣ или желанію общества, которое весьма недвусмысленно выражало свое мнѣніе по этому поводу *). Что же касается цензуры «сапогъ, булокъ, панталонъ», то и таковая бываетъ, какъ мы читали въ «Нов. Времени» въ изліяніяхъ нѣкоторыхъ ея корреспондентовъ, что въ Лѣтній садъ стоящіе у входа сторожа не пускаютъ лицъ, одѣтыхъ въ русскій костюмъ.

Конечно, г. Энгельгардтъ не настолько наивенъ, чтобы не понимать всю, выражаясь скромно, странность своего утвержденія. Но ему нужно это для его дальнѣйшихъ выводовъ о значеніи, важности и необходимости цензуры вобще. Эти выводы—истинные перлы, и мы не выполнили бы своей задачи, не познакомивъ съ ними нашихъ читателей.

«Разсмотрѣвъ цензурныя учрежденія у всѣхъ народовъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что не можетъ быть учрежденія болѣе благодѣтельнаго, но и болѣе опаснаго. Не можетъ быть учрежденія болѣе могущественновоздѣйствующаго на общество, но не существуетъ и болѣе подверженнаго колебаніямъ и случайностямъ учрежденія.

«*Цензура необходима*. Это скажетъ всякій, кто объективно изучитъ явленія анархіи печати и темныя теченія больной мысли, грязныя болота общественной эротоманіи, клоаки пасквилянтства. Свобода слова не есть свобода сквернословія. Охранить личность отъ посягновенія клеветниковъ и народное цѣломудріе отъ загрязненія порнографіей! Не допустить кощунству осквернять святыню народныхъ вѣрованій! Но, — спохватывается г. Энгельгардтъ, чувствуя, что забрался въ область общаго уголовнаго уложенія, — въ этихъ предѣлахъ цензура сливается совершенно естественно съ общими судебными установленіями. Можетъ ли, однако, цензура стать одной изъ функцій общаго прокурорскаго надзора? — задумывается нашъ авторъ и разрѣшаетъ вопросъ:—При невѣжествѣ нѣтъ, едва ли».

Затѣмъ, вспомнивъ всетаки, что какъ ни какъ, а и онъ, г. Энгельгардтъ, числится по штату состоящимъ въ «литераторахъ», хотя бы и изъ «Новаго Времени»,—онъ начинаетъ бормотать темно и вяло что-то о «мозгѣ страны», съ коимъ надо обращаться бережно, о мысли, «уходящей въ глубь», если ей не даютъ проявляться наружу, о русскомъ литераторѣ и русской литературѣ, которые «всегда отличались высокой степенью развитія чувства нравственной отвѣтственности» и потому, казалось бы, не очень то нуждаются въ особой опекѣ, но въ заключеніе опять воспаряетъ духомъ и побѣдоносно восклицаетъ:

---

*) Подробную исторію закрытія „Моск. Телеграфа“ см. „Изъ исторіи нашей журналистики“ В. Богучарскаго, „М. Б.“ янв. 1903 г.

«Какъ бы то ни было, цензура есть фактъ. Она въ тѣхъ формахъ, въ какихъ создалась въ данное время у даннаго общества, подчинена строгой законопричинности. Цензура въ своихъ формахъ обусловлена двумя явленіями общественности. Эти два явленія—«сквернословіе» и «нетерпимость». Подъ «сквернословіемъ» мы понимаемъ не только всѣ виды пасквилянтской грязи, зарождающіеся въ клоакахъ человѣческаго слова, не только словесное сладострастіе и развратъ мысли, всѣ виды порнографіи и блудословія, не только кощунство мысли, но и яды интеллекта, результатъ ея разложенія, мысль патологическую, безумную и заражающую безуміемъ. «Свобода слова» не есть «свобода сквернословія». Охрана общественнаго сознанія отъ заразы «сквернословія» составляетъ функцію съ одной стороны простого суда, для грубыхъ его проявленій, съ другой — критики, какъ самоуправленія литературы. Цензурѣ остается роль посредствующая и наблюдательная. Что касается «нетерпимости», то она является разлитой въ обществѣ. Нетерпимы всѣ — и чиновникъ, и офицеръ, и купецъ, и «интеллигентъ», и даже литераторъ. «Нетерпимость» и сверху, и снизу давитъ на цензуру со всѣхъ сторонъ и прямо, и въ обиходъ. Цензура, какъ учрежденіе просвѣщенное, въ лицѣ ея руководителей, не должна быть рабомъ общественной нетерпимости. Напротивъ, она должна обладать самостоятельностью и противиться этой нетерпимости, отводя ее отъ такихъ явленій мысли, которыя служатъ правдѣ и совѣсти, очищаютъ умъ и бщественную атмосферу отъ лжи, обличаютъ явленія, обличенія достойныя. Поэтому цензура въ странѣ сама должна быть центромъ просвѣщенія, и цензоръ — просвѣщеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Государство можетъ повѣрить такое нужное и опасное учрежденіе, какъ цензура, лишь въ руки глубоко-гуманныхъ, развитыхъ, культурно-образованныхъ, благоразумно-умѣренныхъ, просвѣщенныхъ людей и обезпечить успѣхъ ихъ борьбы съ гидрой сквернословія и противодѣйствія ихъ общественной нетерпимости предоставленіемъ учрежденію достаточной доли независимости и довѣрія» (стр. 320—324).

По мѣрѣ того, какъ мы дѣлали эту длинную выписку, нами овладѣвало все большее и большее смущеніе: ей-Богу, г. Энгельгардтъ гдѣ-то позаимствовалъ и эти свои мысли, какъ и многое другое, что онъ издаетъ подъ именемъ своихъ «Исторій литературъ». И странное дѣло, намъ все упорнѣе казалось, что это онъ позаимствовалъ изъ своей же книги. Мы начали тогда перечитывать ее сначала и—эврика! Оказалось, что наша догадка справедлива и что г. Энгельгардтъ вѣренъ себѣ и въ большомъ, и въ маломъ: это свое мнѣніе о необходимости цензуры онъ взялъ у почтеннаго адмирала Шишкова, которое послѣдній изложилъ почти въ тѣхъ же словахъ въ запискѣ, поданной имъ молодому императору Николаю Павловичу послѣ 14-го декабря. Еще въ 1815 г.,—докладывалъ доблестный адмиралъ,—онъ указывалъ, «что цензура въ основаніи своемъ недостаточна» и что «языкъ въ издаваемыхъ книгахъ время отъ времени не только портится, но и становится отъ часу безобразнѣе и дерзостнѣе». И далѣе Шишковъ говоритъ о значеніи печати и роли цензуры:

«Всякій, мудрый и невѣжда, правдолюбецъ и лжеумствователь, добронравный и развращенный, ораторъ и пустословъ, стали каждый свое писать и печатать. Всякій получилъ удобность наединѣ, взаперти, скрытно, думать, сочинять, писать что хочетъ, и посредствомъ книгопечатанія сообщать мысли свои другимъ, не опасаясь ни наказанія, ни презрѣнія, Отсюда произошло, что гдѣ вѣра возносила священный гласъ свой, тамъ и безвѣріе изъ нечистыхъ устъ своихъ изрыгало смѣхъ и кощунство; гдѣ науки разливали свѣтъ свой,—и лжеученіе и суесловіе затмевало разумъ. Въ сей борьбѣ зла съ добромъ перевѣсъ и польза того или другого долженствовали быть наблюдаемы цензурою или оцѣнкою книгъ. Какая труба удобнѣе внушитъ гласъ свой въ уши и сердца многихъ, какъ не книга, въ одно и тоже время въ тысячи мѣстахъ и тысячами людей читаемая? Притомъ же слово, хитростью ума испещренное, ядовитѣе и опаснѣе змѣи, прельстившей прародителей нашихъ. Оно подъ различными видами, то угожденіями сладострастью, то остротою насмѣшки, то мнимою важностію мудрости, то сокровенностію мыслей, а иногда и самою темнотою и безтолковицею, очаровываетъ, ослѣпляетъ неопытные умы». Какъ же спастись отъ такой опасности? «Надежнѣйшее средство—благоразумная и прилежно наблюдающая должность свою цензура. Надобно, чтобы она была ни слабая, ни строгая; ибо слабая не усмотритъ, а строгая не дастъ говорить ни уму, ни правдѣ».

Развѣ эти мысли знаменитаго адмирала о роли цензуры не совпадаютъ точь-въ-точь съ мыслями г. Энгельгардта о «просвѣщенной цензурѣ», которая должна охранять общество отъ «яда интеллекта», отъ «кощунства мысли», отъ «мысли патологической», отъ «нетерпимости», «отводя ее отъ такихъ явленій мысли, которыя служатъ правдѣ и совѣсти, очищаютъ умы» и т. д? Простодушный адмиралъ, авторъ «стопудоваго» цензурнаго устава, возмущавшаго въ свое время даже Булгарина, врядъ ли мечталъ что черезъ сто слишкомъ лѣтъ ему сочувственно протянетъ руку «аристократъ духа».

Нашъ проблематическій иностранецъ, съ изумленіемъ прочитавъ «мысли» г. Энгельгардта, сталъ-бы, пожалуй, возражать, что въ свое время и инквизиторы преслѣдовали не мысль вообще, не слово, не книгу, а только еретическую мысль, («ядъ интеллекта», «патологическую мысль, заражающую безуміемъ»), «кощунственное» слово, преступную книгу, дѣлая все это не изъ злонравія, а ad majorem Dei gloriam, изъ попечительной заботы о душѣ «невѣжественной» массы, дабы не соблазнить единаго изъ малыхъ. Онъ могъ бы припомнитьг-ну Энгельгардту не одну «безумную» мысль, напр., идею Джордано Бруно о безконечности міровъ, идеи Галилея о движеніи земли вокругъ солнца, мысль Колумба о новой землѣ и т. д. и т. д.—все мысли, въ свое время не только признанныя «безумными» первыми авторитетами тогдашняго просвѣщеннаго міра, но и преступными, а потому подлежащими осужденію и пресѣченію. Онъ могъ бы и ближайшаго времени коснуться, напомнивъ недавнюю попытку съ закономъ Гейнце противъ «разврата въ искусствѣ». Онъ могъ-бы напомнить по поводу нетерпимости, что именно тамъ она развивается, гдѣ есть учрежденіе, куда можно послать доносъ или анонимный извѣтъ. Тамъ же, гдѣ можно обращаться только къ суду, далеко не всякій рѣшается къ нему прибѣгать, зная, что на судѣ надо доказать обвиненіе. Вотъ почему о нетерпимости ничего не знаютъ на западѣ и такъ много говорятъ у насъ. И многое другое могъ бы сказать иностранецъ. Но мы за нимъ не послѣдуемъ. Въ нашу задачу не входитъ спорить и убѣждать г. г. Энгельгардтовъ: мы желали только показать читателямъ «природы странную игру» въ лицѣ «писателя», признающаго, что ему необходима цензура для огражденія его отъ «нетерпимости» и «разврата мысли»... NB. Не имѣлъ-ли, между прочимъ, г. Энгельгардтъ въ виду рецензентовъ, раскрывшихъ источники его «ученыхъ» трудовъ по исторіи литературы?

* * *

«Въ защиту культуры!» можетъ не безъ удивленія воскликнуть кто-либо изъ читателей. «Да развѣ культура нуждается въ защитѣ?» Отчего же и нѣтъ? Есть культура и культура,—европейская, китайская, индійская, и каждая имѣетъ свои хорошія и тѣневыя стороны. И разъ культурѣ противопоставляется самобытность, какъ это и дѣлаетъ въ своей книгѣ г. Соколовъ «Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи», въ первой статьѣ «О культурѣ и самобытности», то очевидно—вопросъ о культурѣ нельзя считать уже безповоротно рѣшеннымъ и обходить молчаніемъ всякое рѣшеніе его не всецѣло въ пользу культуры. Иначе оказался бы правъ г. Соколовъ, утверждающій, будто понятіе «культура боится сквозного вѣтра, и его берегутъ въ тайникахъ таинственнаго святилища».

Далеко не ново нападеніе нашего автора на культуру и противопоставленіе ей самобытности. Начиная съ Руссо и кончая хотя бы Л. Толстымъ, мы привыкли слышать самыя рѣзкія выходки противъ культуры, и намъ кажется неточнымъ это утвержденіе, что даже самое понятіе «культура» боится сквозного вѣтра. Оно выдержало больше нападеній, чѣмъ всякое другое, и все же культура отъ этого не только не пострадала, но съ каждымъ вѣкомъ подвигалась впередъ. Въ нападеніи г. Соколова есть, впрочемъ, одна черта особаго рода, придающая ему оригинальность. Черта эта заключается въ оцѣнкѣ самобытности, какъ такого состоянія, которое само по себѣ уже цѣнно и превосходитъ культуру. Дѣлается это сопоставленіемъ европейской матеріальной культуры, съ ея капитализмомъ, милитаризмомъ и прочими «измами», и самобытной жизни бирманскаго народа, какъ она описана въ книгѣ Фильдинга «Душа одного народа». Фильдингъ описываетъ эту жизнь въ идиллическихъ краскахъ, очень поэтично и трогательно, и картина получается въ общемъ подкупающая своей мирной и тихой красотой, чуть-чуть проникнутой настроеніемъ легкой печали и мечтательности. Его бирманцы какъ-будто не живутъ обычной реальной жизнью, а скользятъ по землѣ, погруженные въ мечты объ иной жизни, гдѣ нѣтъ печали, несчастья и волненія, ибо здѣсь какъ искренніе буддисты, они видятъ все въ преходящемъ состояніи, все для нихъ—только «печаль, несчастье и волненіе». Такое настроеніе дѣлаетъ для нихъ легкимъ бремя жизни и по своему они счастливы, не зная ни чрезмѣрныхъ тягостей матеріальныхъ лишеній, довольствуясь сравнительно очень малымъ, ни сильныхъ страстей съ ихъ жгучими и неудовлетворенными желаніями.

Не то у насъ, европейцевъ, для которыхъ матеріальная сторона жизни возобладала надъ духовной, подавила ее и если не уничтожила окончательно, то очень близка къ этому. Эту грубую свою сторону наша культура несетъ съ собой и къ тѣмъ народамъ, которые, какъ бирманцы, еще не подчинены ей. Раньше завоеватели, въ родѣ испанскихъ конквистадоровъ, дѣйствовали болѣе упрощенно, просто грабили и убивали. Теперь ихъ замѣнилъ купецъ, который, опираясь на ту же грубую силу, заставляетъ покупать свои товары, прививая новыя потребности и новыя привычки, которыя разрушаютъ самобытность некультурныхъ народовъ, не дѣлая ихъ ни счастливѣе, ни лучше. Выводъ отсюда ясенъ: Богъ съ ней такой «культурой» и лучше не трогать самобытность, которая, хороша ли она или плоха, по крайней мѣрѣ удовлетворяетъ тѣхъ, кто сжился съ ней.

Такъ ли, однако, все здѣсь просто, какъ представляется нашему автору? Бирманцевъ мы можемъ пока оставить въ покоѣ: можетъ быть, если вѣрить Фильдингу, они, дѣйствительно, своего рода макарійцы, блаженные въ своей простотѣ и нетребовательности. Есть самобытность и самобытность, и частенько тамъ, куда проникала европейская культура, она наталкивалась на такую самобытность, которая едва ли могла бы удовлетворить и нашего автора. Въ Индіи, напримѣръ, англичане, на которыхъ жестоко нападаетъ г. Соколовъ, нашли сожженіе вдовъ, браки на малолѣтнихъ (семи-восьми лѣтъ и даже ранѣе) и такую эксплоатацію населенія раджами и браминами, что современная и въ подметки ей не годится. Самая легкость покоренія Индіи объясняется тѣмъ, что населеніе выигрывало отъ перемѣны властителей и потому не защищало своихъ первыхъ угнетателей. Въ Австраліи и Новой Зеландіи европейцы нашли голую антропофагію, то же и въ Африкѣ, гдѣ до сихъ поръ торговля рабами и «живымъ» мясомъ (въ буквальномъ смыслѣ) процвѣтаетъ, несмотря на всѣ усилія уничтожить ее. Проституція, которую г. Соколовъ приписываетъ исключительно нашей культурѣ, процвѣтаетъ въ самомъ неприкрашенномъ видѣ среди самыхъ первобытныхъ народовъ. Словомъ, еще большой вопросъ, что лучше— эти ли чисто самобытныя черточки, или та матеріальная, грубая культура, которую вносятъ на первыхъ порахъ европейцы.

Но возможность столь блаженнаго житія, какъ у бирманцевъ, наводитъ нашего автора на другой, не менѣе важный вопросъ: такъ ли ужъ универсальна европейская культура. Такъ ли она всеобща и стихійно необходима, чтобы немыслима была иная, новая форма культуры, болѣе возвышенной по внутреннимъ своимъ качествамъ? Намъ представляется самый вопросъ празднымъ, потому что пока ни въ одномъ уголкѣ земного шара мы не нашли ничего болѣе высокаго. Вѣдь всѣ изъяны европейской культуры, которые справедливо подчеркиваетъ г. Соколовъ, не составляютъ ея сущности, а скорѣе нѣчто приходящее. Сущность же ея это—высокое пониманіе личности человѣка, цѣнность его самого по себѣ, чего ни въ одной культурѣ, будь то индійская, бирманская или всякая другая, мы нигдѣ не встрѣчаемъ. Это-то и придаетъ такую универсальность нашей культурѣ, и ради этого мы примиряемся съ разными отрицательными сторонами ея, храня въ душѣ надежду, что рано или поздно человѣкъ съумѣетъ устранить ихъ и стать тѣмъ, чѣмъ онъ намъ рисуется въ идеалѣ: свободной личностью, развивающей всѣ лучшія свои стороны безъ препятствій и безъ задержекъ. Мы не знаемъ другой культуры, которая для этихъ надеждъ давала бы больше основаній, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ теперь.

Культура уничтожаетъ самобытность. Это невѣрно. Культура даетъ ей только иное направленіе, отъ антропофагіи, сожженія вдовъ и прочихъ прелестей ведя къ новому устройству общества, какъ мы видимъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ оказались достаточно устойчивыя основанія въ духѣ самого народа. Въ той же Индіи теперь существуетъ свой мѣстный парламентъ, своя печать и наука, и вопросъ здѣсь не въ томъ, чтобы изгнать англичанъ и вернуться къ самобытности, а въ томъ, чтобы добиться самостоятельнаго существованія на началахъ, привитыхъ тѣми же англичанами. Эту особенность культуры—поднимать народы, способные къ культурѣ, упускаютъ изъ виду наши самобытники, которые видятъ только ея отрицательныя стороны. Культура даетъ народамъ общечеловѣческую науку и нравственность, изгоняя самобытныя суевѣрія и самобытную этику, образчики которыхъ, конечно, извѣстны и г. Соколову. Европейская культура, дѣйствительно, универсальна, потому что она не принадлежитъ тому или иному народу, не создана исключительно греками или евреями, нѣмцами или англичанами, а выработана общими усиліями всѣхъ народовъ, принимавшихъ въ этой работѣ участіе. Пріобщившіеся къ ней послѣ другихъ народы прежде всего, конечно, отказываются отъ тѣхъ своихъ особенностей, которыя не вяжутся съ выработанными уже основами культуры, и затѣмъ вносятъ въ нее и свою долю меда. Такимъ образомъ и создается на протяженіи тысячелѣтій общечеловѣческая культура, универсальная и всепоглощающая.

И наши самообытники дѣлаютъ обычную ошибку, упрекая русскую интеллигенцію въ томъ, что она — космополитична, что она отказывается отъ истинно-народнаго русскаго духа, что она подражательна и неоригинальна. Самобытной интеллигенціи нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ основы ея—общечеловѣческія. Умъ, благородство и чуткая общественная совѣсть — вотъ основы истинной интеллигенціи, — развѣ онѣ присущи той или иной національности, составляютъ исключительную особенность того или иного народа? Въ то же время русская интеллигенція—вполнѣ русская, такъ какъ она развила до высокаго совершенства всѣ лучшія стороны русскаго народа, отразившіяся въ ней, какъ въ фокусѣ,—его оригинальный умъ, быстро усваивающій новыя начала, его талантливость, проявляющуюся на каждомъ шагу въ наукѣ и изобрѣтательности, его стойкость и упорство въ трудныя минуты, его доброту и незлобивость. Она создала русскую литературу, которая теперь вошла какъ равная среди другихъ литературъ, создастъ постепенно и русское искусство и начинаетъ занимать все болѣе видное мѣсто въ наукѣ. Правда, русской науки она не создала, да и не мечтаетъ объ этомъ, потому что наука—одна; нѣтъ нѣмецкой математики или медицины, а есть общечеловѣческая. Самобытники, положимъ, увлекаются иногда, наприм., тибетской медициной, но врядъ ли и они согласятся признать ее наукой.

Въ своихъ нападкахъ на нашу интеллигенцію г. Соколовъ приписываетъ ей качества, намъ совершенно неизвѣстныя. По его мнѣнію, она лѣнива, необразована, любитъ командовать и живетъ за чужой счетъ. А кто же работаетъ на всѣхъ поприщахъ общественной жизни? Десятки тысячъ врачей, учителей, техниковъ, инженеровъ, адвокатовъ, писателей — развѣ они такъ-таки ничего не дѣлаютъ? Еще на-дняхъ мы слышали на двухъ профессіональныхъ съѣздахъ—техническо-учительскомъ и врачебномъ, что условія работы безконечно тяжелы, но работа все же идетъ, и не вина интеллигенціи, если такъ часто ея усилія пропадаютъ даромъ, не принося тѣхъ плодовъ, которые могли бы принести. Въ одномъ мѣстѣ г. Соколовъ язвительно замѣчаетъ: «Наша интеллигенція слишкомъ дорого цѣнитъ свои иногда скудныя знанія и свой не всегда толковый трудъ. Попробуй-ка мужикъ со своими деревенскими грошами сунуться къ «извѣстному» «высокоинтеллигентному» городскому адвокату, величественному, какъ боги на Олимпѣ, интеллигентному инженеру, ученому садоводу, агроному, — такъ со своимъ суконнымъ рыломъ такъ и отскочитъ отъ интеллигентнаго калачнаго ряда». Мы съ изумленіемъ прочли это замѣчаніе. Развѣ г. Соколову не извѣстно, напр., что всѣ ходатайства нашихъ земствъ объ учрежденіи земскихъ юридическихъ консультацій оставлены безъ движенія? Не то ли самое мѣшало и мѣшаетъ интеллигенціи приложить свой трудъ къ народной нуждѣ почти на каждомъ шагу? О комъ говоритъ г. Соколовъ, увѣряя, будто «лучшая, болѣе вліятельная часть интеллигенціи идетъ еще дальше и говоритъ: «пусть дикій и невѣжественный скотъ втридорога платитъ намъ за плохія земскія аптеки и за скверныя земскія дороги». И руками величайшихъ народолюбцевъ «скотъ» обдирается, какъ липка». Мы не понимаемъ, кого здѣсь имѣетъ въ виду авторъ. Намъ первый разъ встрѣчается столь категорическое обвиненіе интеллигенціи въ «обдираніи» народа, да еще величаемаго при этомъ «скотомъ». Думаемъ, здѣсь кроется какое-то крупное недоразумѣніе. Ту интеллигенцію, на которую нападаетъ г. Соколовъ, мы рѣшительно не знаемъ, а та русская интеллигенція, которая, худо ли, хорошо ли, дѣлаетъ большое народное дѣло, просвѣщаетъ и ратуетъ, гдѣ можетъ, за народъ,—очевидно, ему недостаточно знакома. Иначе онъ не сталъ бы укорять ее въ корыстолюбіи.

На этомъ взаимномъ недоразумѣніи мы и остановимся: по нѣкоторымъ причинамъ выясненіе его могло бы завести насъ слишкомъ далеко, такъ какъ поневолѣ пришлось бы коснуться такихъ явленій нашей жизни, которыя нескоро еще станутъ доступны обсужденію русской интеллигенціи... Этимъ же, быть можетъ, и объясняется взаимное невѣрное представленіе и вытекающее отсюда непониманіе.

А. Б.

БАРОНЪ Э. В. ТОЛЛЬ.

(Къ послѣднимъ извѣстіямъ о розыскахъ, произведенныхъ лейтен. Колчакомъ).

«Ввѣренная мнѣ экспедиція съ вельботомъ и всѣми грузами пришла на островъ Котельный къ Михайлову стану двадцать третьяго мая. Восемнадцатаго іюля я ушелъ съ вельботомъ въ море и, пройдя Благовѣщенскій проливъ, четвертаго августа высадился на южномъ берегу острова Беннеттъ. Найдя документы барона Толля, я вернулся на Михайловъ станъ двадцать седьмого августа. Изъ документовъ видно, что баронъ Толль находился на этомъ островѣ съ двадцать перваго іюля по двадцать шестое октября прошлаго *) года, когда ушелъ со своей партіей обратно на югъ. Объѣзды по берегамъ островокъ не нашли никакихъ слѣдовъ, указывающихъ на возвращеніе кого-либо изъ людей партіи барона Толля. Къ седьмому декабря моя экспедиція, а также и инженера Бруснева прибыли въ Казачье. Всѣ здоровы. Лейтенантъ Колчакъ. 10-го декабря. (1903 г.). Казачье».

Полученная въ академіи наукъ и дословно здѣсь приведенная телеграмма лейтенанта Колчака вызвала весьма понятныя опасенія и тревогу за участь начальника русской полярной экспедиціи и его спутниковъ, среди которыхъ находится и молодой астрономъ экспедиціи, Фридрихъ Георгіевичъ Зебергъ. Трагическая неизвѣстность исхода отважнаго предпріятія барона Толля, его путешествія на островъ Беннетта—повысила интересъ общества къ экспедиціи. Въ виду этого считаю не лишнимъ подѣлиться съ читающей публикой свѣдѣніями о личности и жизни барона Толля, бывшаго и иниціаторомъ, и выполнителемъ экспедиціи.

Баронъ Эдуардъ Васильевичъ Толль родился въ Эстляндіи 12-го марта 1858 г. Высшее образованіе получилъ въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ со степенью кандидата. Питая пристрастіе къ медицинѣ и зоологіи, Э. В. былъ и хорошимъ товарищемъ, и добрымъ буршемъ, о чемъ съ большимъ удовольствіемъ вспоминалъ при его назначеніи начальникомъ русской полярной экспедиціи г. Эбергардъ Краусъ на страницахъ «St.-Petersburger Zeitung». Автору этихъ строкъ баронъ Толль разсказывалъ, что только слабость здоровья помѣшала ему сдѣлаться врачемъ. Путешествіями онъ закалилъ себя. Научныя путешествія барона начались съ 1882 года, когда онъ принималъ участіе въ экспедиціи на Балеарскіе острова и въ Алжиръ. Тогда онъ еще былъ зоологомъ. Палеонтологія и геологія увлекли его позже. Впослѣдствіи, перейдя къ геологіи, онъ прослушалъ курсъ горнаго института по геологіи.

---

*) 1902.

Около того времени, какъ баронъ Толль работалъ подъ южнымъ небомъ, производились работы международной полярной станціи на Сагастырѣ, въ дельтѣ Лены. Начальникомъ тамъ былъ штабсъ-капитанъ Юргенсъ, а врачемъ, естествоиспытателемъ и вторымъ наблюдателемъ д-ръ Бунге. Эта станція, по словамъ Толля (въ мемуарахъ академіи наукъ), дала толчокъ къ дальнѣйшему изслѣдованію тѣхъ странъ. «Много важнѣйшихъ вопросовъ, особенно въ области исторіи земли, ожидало здѣсь своего рѣшенія», говоритъ онъ тамъ же.

Изслѣдованіе это было возложено академіей наукъ на д-ра Бунге, въ помощники къ которому былъ назначенъ баронъ Толль. Экспедиція началась въ 1885 г. и продолжалась въ 1886.

Д-ръ А. А. Бунге и баронъ Э. В. Толль изслѣдовали притоки р. Яны и на лодкѣ прибыли въ с. Казачье, въ августѣ 1885 г. До зимовки продолжались изслѣдованія, при чемъ баронъ Толль предпринялъ поѣздку къ заливу Борхая, а оттуда на Булунъ. Задачей экспедиціи было изслѣдованіе Пріянскаго края и новосибирскихъ острововъ, куда изслѣдователи и направились послѣ зимовки въ с. Казачьемъ.

Легенды объ островахъ, состоящихъ изо льда и мамонтовой кости, о странныхъ «деревянныхъ горахъ», описанныхъ Геденштромомъ, а потомъ лейтенантомъ Анжу, интриговали молодого ученаго. Экспедиція нашла, что Б. Ляховскій островъ очень богатъ четвертичными отложеніями, между прочимъ, мамонтовой костью, на Котельномъ были найдены болѣе древнія геологическія формаціи, а знаменитыя «деревяныя горы», не столь высокія, какъ ихъ цѣнилъ Геденштромъ, «оказались типичнымъ профилемъ бураго каменнаго угля третичной эпохи» (баронъ Толль).

Научные результаты этой экспедиціи опубликованы барономъ Толлемъ въ XXXVII томѣ мемуаровъ академіи наукъ: «Wissenschaftliche Resultate der von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zur Erforschung des Janalandes und der Neusibirischen Inseln in der Jahren 1885 und 1886 ausgesandten Expedition»).

За эту экспедицію Императорское географическое общество удостоило барона Толля большой серебряной медали.

Въ 1887 г. баронъ Э. В. Толль былъ командированъ съ ученою цѣлью за границу, а черезъ два года назначенъ ученымъ хранителемъ минералогическаго музея Императорской академіи наукъ.

Здоровье барона Толля, столь стойкое въ борьбѣ съ суровой природой крайняго сѣвера, по его собственному признанію, начало расшатываться подъ вліяніемъ кабинетныхъ занятій и въ 1890 году онъ долженъ былъ по болѣзни отказаться отъ почетнаго предложенія академіи наукъ руководить экспедиціей въ области рѣкъ Анабары и Хатанги; ею руководилъ Черскій.

По смерти Черскаго въ 1892 году баронъ Толль снова получилъ предложеніе принять на себя руководство экспедиціей къ сибирскимъ берегамъ Ледовитаго Океана и въ 1893 г. приступилъ къ путешествію въ сопровожденіи лейтинанта Шилейко. Въ мартѣ этого года путешественники были въ селѣ Казачьемъ.

Э. В. посчастливилось, по его словамъ, не только выполнить свой планъ, но и сдѣлать, хотя и непродолжительное, путешествіе на Новосибирскіе острова, гдѣ онъ дополнилъ свои наблюденія, сдѣланныя въ предшествовавшую экспедицію. На этотъ разъ путешествіе на Новосибирскіе острова, помимо чисто ученыхъ цѣлей, было предпринято и для устройства депо провизіи для Ф. Нансена, котораго эти депо, въ случаѣ несчастія съ «Фрамомъ», могли бы избавить отъ участи De Long'а.

Возвратившись 27-го мая на материкъ, путешественники должны были проѣхать 1.200 верстъ верхомъ на оленяхъ, чтобы достигнуть р. Лены, откуда прослѣдовали къ устью Оленека. Продолжая подвигаться далѣе на западъ, экспедиція достигла Анабарской губы и лейтенантъ Е. И. Шилейко снялъ какъ сумую губу, такъ и теченіе рѣки на протяженіи 400 верстъ. Черезъ село Хатангское на Хатангѣ и Дудинское на Енисеѣ, слѣдуя путемъ, до него никѣмъ не пройденнымъ, баронъ Толль вернулся въ цивилизованныя страны.

На Оленекѣ имъ были запасены восточно-сибирскія (индигирскія) собаки для экспедиціи Ф. Нансена, которыми тотъ не воспользовался, не желая терять времени на заходъ къ Оленеку, чтобы не упустить благопріятныхъ условій плаванія. По мнѣнію барона Толля, устно имъ высказанному, Нансенъ много потерялъ отъ того, что на «Фрамѣ» не было индигирскихъ собакъ, такъ какъ западно-сибирскія, доставленныя Нансену Тронтгеймомъ, значительно хуже. «Съ индигирскими собаками онъ бы достигъ полюса».

Въ 1897 г. баронъ Толль былъ назначенъ геологомъ геологическаго комитета, но безпокойный духъ полярнаго изслѣдователя стремился на «сѣверъ дикій». «Это втягиваетъ, — говорилъ баронъ; — если вы разъ побывали въ полярныхъ странахъ, заинтересуетесь ими, васъ будетъ туда тянуть». Не одинъ баронъ Толль приходилъ къ такому выводу. Мнѣ пришлось слышать цѣлый хвалебный гимнъ сѣверу отъ двухъ молодыхъ финляндскихъ ученыхъ, экскурсировавшихъ по Лапландіи и сѣверу Якутской области.

Вѣроятно, каждая отрасль знаній, мало изученная, разъ затронутая ученымъ, такъ же притягиваетъ его, открывая передъ нимъ все новые горизонты, ставя, по мѣрѣ изученія ея, все новые вопросы. Послѣ двухъ путешествій въ полярныя области, баронъ Толль приходитъ къ заключенію, что эпиграфомъ къ его работѣ можетъ служить выраженіе: «Unser Wissen ist Stückwerk»—«наше знаніе не совершенно».

Результаты норвежской экспедиціи Ф. Нансена, съ которымъ Э. В. находился въ дружескихъ отношеніяхъ, нѣкоторыя геологическія наблюденія Нансена на Землѣ Франца-Іосифа въ связи съ собственными работами содѣйствовали убѣжденію барона Толля въ необходимости широко поставленной научной экспедиціи къ Новосибирскимъ островамъ. Предполагаемая земля Санникова, перспектива заняться обстоятельными геологическими изслѣдованіями, желаніе разрѣшить много поставленныхъ наукой вопросовъ дѣлали подобную экспедицію особенно привлекательной въ его глазахъ. Планъ барона Толля былъ принятъ, старикъ Норденшельдъ выразилъ свое одобреніе, и баронъ сталъ начальникомъ русской полярной экспедиціи.

8 іюня 1900 г. судно русской полярной экспедиціи «Заря» вышло изъ С.-Петербурга. Въ портахъ Норвегіи она принимала грузы, а 8 іюля отвалила отъ Тромзе. Навигація была не изъ благопріятныхъ. Въ Карскомъ морѣ было много льда; «Заря» однако благополучно миновала это море и зазимовала на западномъ Таймырѣ. Научныя работы шли непрерывно.

Въ навигацію слѣдующаго года «Заря» не нашла земли Санникова, но довольно близко подходила къ о-ву Беннетта. Зимовать здѣсь оказалось невозможнымъ, въ виду отсутствія гавани, а потому мѣстомъ зимовки начальникъ экспедиціи избралъ Котельный островъ. Между тѣмъ, островъ Беннетта, по словамъ барона Толля, представляетъ большой интересъ для геолога, да и географически и вообще научно почти не затронутъ изслѣдованіями. Данныя Де-Лонга, открывшаго островъ, не богаты, попасть туда на суднѣ далеко не каждое лѣто возможно, да и при удачѣ зимовать тамъ очень рискованно. И вотъ баронъ Толль принимаетъ рѣшеніе предпринять путешествіе на о-въ Беннетта на собакахъ и байдаркахъ. Горячо сочувствующій начинаніямъ барона Ф. Г. Зебергъ берется сопровождать его и 23 мая 1902 г. путешественники оставляютъ «Зарю». Привожу отправленныя начальникомъ экспедиціи съ командиромъ «Зари», его замѣнившимъ, телеграммы:

Императорскій телеграфъ въ Полтавѣ.

Срочная.

Сегодня отправляюсь съ астрономомъ Зебергомъ и двумя промышленниками впередъ къ острову Беннетта. Если командиру «Зари» не удастся насъ снять, всепокорнѣйше прошу Ваше Императорское Высочество не безпокоиться о насъ и считать плаваніе экспедиціи оконченнымъ. Подробности въ моемъ рапортѣ. Здѣсь все благополучно.

Толль.

Нерпичья губа, яхта „Заря“, 23 мая 1902 г.

Телеграмма.

Срочная.

Юрьевъ, Вальграбенъ. 19.

Баронессѣ Толль.

Сегодня отправляюсь къ острову Беннетта. Все благополучно. Прошу тебя не безпокоиться, если «Заря» насъ оттуда не сниметъ. Я надѣюсь до зимы вернуться на Новую Сибирь и зимой на материкъ; а если нужно, перезимую на Беннеттѣ: намъ однѣ птицы дадутъ годовой запасъ мясного провіанта. Въ послѣднемъ случаѣ вернусь съ Беннетта въ маѣ будущаго года на Новую Сибирь и лѣтнимъ путемъ по тундрѣ со Святого Носа до Булуна, такъ что въ сентябрѣ буду въ Якутскѣ. Подробности въ письмѣ; до свиданія.

Эдуардъ.

Нерпичья губа, „Заря,“ 23 мая 1902 г.

По прибытіи экспедиціи въ Петербургъ лейтенанту Колчаку было поручено руководить экспедиціей, отправившейся на поиски не снятаго «Зарей» барона Толля со спутниками. Какъ показываетъ приведенная въ началѣ моей замѣтки телеграмма А. В. Колчака, онъ не нашелъ барона. Значитъ ли это, что баронъ Толль со своими спутниками погибъ? Отнюдь нѣтъ. Припомнимъ, что счастливѣйшій изъ полярныхъ путешественниковъ Ф. Нансенъ вернулся позже, чѣмъ онъ разсчитывалъ; онъ запоздалъ бы еще на цѣлый годъ, если бы не встрѣча съ Джэксономъ. Экспедиція Грили не одинъ годъ напрасно ждала судна, но просуществовала это время. Но наиболѣе разительный примѣръ спасенія мы видимъ на экспедиціи Голля (Hall), значительная часть экипажа которой, съ эскимосскими женщинами и дѣтьми, случайно къ нимъ примкнувшими, нѣсколько мучительно долгихъ мѣсяцевъ плавала на льдинѣ. Представимъ себѣ подобный случай съ барономъ Толлемъ и его спутниками. Ихъ положеніе было бы легче, потому что ихъ не восемнадцать, а четыре человѣка, и, если какой-либо злосчастный дрифтъ унесъ ихъ, то мы можемъ еще видѣть барона Толля среди насъ. Возвращеніе лейтенанта Колчака и подробное ознакомленіе съ содержаніемъ документовъ барона, быть можетъ, прольютъ нѣкоторый свѣтъ на это дѣло.

А пока отъ души пожелаемъ отважному путешественнику, чтобы не оправдались мрачныя предположенія о его участи.

В. К.

ЖИВАЯ ВѢРА.

Г. Т. Хохловъ. Путешествіе уральскихъ казаковъ въ „Бѣловодское царство“, съ предисловіемъ *В. Г. Короленко.* Записки императорскаго русскаго географическаго Общества, по отдѣленію этнографіи. Спб. 1903.—*А. Агаевъ.* „Горькій и мусульманство“. Баку, 1903.

Три уральскихъ казака старообрядческаго толка «никудышниковъ» *)—Григорій Хохловъ, Онисимъ Барышниковъ и Вонифатій Максимычевъ,—совершили кругосвѣтное плаваніе въ поискахъ фантастическаго «Бѣловодскаго царства», котораго они, разумѣется, не нашли. Взамѣнъ его они кое-что отрыли для себя новое, повидали чужія страны, вернулись съ запасомъ сложныхъ впечатлѣній, въ которыхъ имъ предстоитъ разобраться. Двое изъ путешественниковъ составили «реляціи» о своей поѣздкѣ: одна изъ нихъ—Максимычева—уже была раньше напечатана отдѣльной брошюрой, но въ ней, по отзыву Вл. Г. Короленка, вошедшаго въ непосредственныя сношенія съ названными казаками, въ свою бытность на Уралѣ, лѣтомъ 1900 г.,—«изложеніе автора подверглось чьей-то слишкомъ сильной передѣлкѣ». Другое описаніе, составленное Гр. Тер. Хохловымъ, получено Вл. Г. Короленкомъ непосредственно отъ автора: послѣдній велъ путевой дневникъ и, по просьбѣ нашего извѣстнаго писателя, согласился возстановить свои впечатлѣнія и «изобразить ихъ гражданскимъ письмомъ» вмѣсто полуустава, которымъ написанъ былъ дневникъ. В. Г. Короленко уже использовалъ съ литературно-этнографической точки зрѣнія этотъ любопытнѣйшій документъ современныхъ «исканій» нашихъ старообрядцевъ, въ своихъ очеркахъ—«У казаковъ», напечатанныхъ въ «Русскомъ Богатствѣ» за 1901 г. Теперь же описаніе напечатано цѣликомъ этнографическимъ отдѣленіемъ Императорскаго географическаго общества, подъ редакціей С. Ѳ. Ольденбурга, съ нѣкоторыми примѣчаніями и съ предисловіемъ В Г. Короленка.

Текстъ, разумѣется, заслуживалъ быть напечатаннымъ полностью: онъ мало даетъ матеріала для интересующихся исторіей легендъ о «праведной землѣ», которыя пользовались такой популярностью въ средневѣковой литературѣ, у насъ и на западѣ, и, оказывается, понынѣ живы въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ отъ культурныхъ центровъ уголкахъ Россіи; не сообщаетъ, конечно, ничего новаго по изслѣдованію отдаленныхъ или мало извѣстныхъ странъ, такъ какъ по необходимости маршрутъ казаковъ опредѣлился «проѣзжими путями», т.-е. на пароходѣ изъ Одессы, черезъ Константинополь въ Санъ-Стефано, съ заѣздомъ на Аѳонъ, по островамъ греческаго архипелага, въ Бейрутъ, Яффу и Іерусалимъ, затѣмъ обратно въ Яффу, оттуда въ Портъ-Саидъ, черезъ Суезъ и Красное море на острова: Цейлонъ, Суматра, въ Сингапуръ и т. д.; словомъ, обогнувъ Индію и Индо-Китай, побывавъ въ китайскихъ приморскихъ городахъ и въ Японіи, казаки поднялись до Владивостока, откуда уже сухимъ путемъ, черезъ Сибирь, вернулись къ себѣ въ Уральскъ. Главный интересъ описанія, такъ сказать, — психологическій; онъ сосредоточивается на самихъ путешественникахъ, — «на своеобразныхъ фигурахъ этихъ казаковъ-землепроходцевъ», какъ правильно указываетъ г. Короленко въ своемъ предисловіи: «ихъ настроеніе, которое переноситъ мысль на нѣсколько вѣковъ назадъ и кажется такимъ архаичнымъ, есть — и это слѣдуетъ помнить — настроеніе и міровоззрѣніе огромной части русскаго народа».

---

*) Такъ называются на Уралѣ тѣ изъ старообрядцевъ, которые, „не признавая современнаго священства греко-россійской церкви, не присоединились также ни къ одному изъ „поповскихъ“ старообрядческихъ согласій“ (см. пред. 4).

Въ чемъ же заключается это «настроеніе»? Вл. Г. Короленко указываетъ, что у этихъ искателей легендарной страны «Бѣловодья», по совершенно невѣроятнымъ маршрутамъ, представляющимся смутными отголосками средневѣковой старины, все же проявляются движенія, хотя и очень слабыя, критической мысли и это «именно *сомнѣніе* въ подлинности маршрутовъ и сказаній Аркадія (выдававшаго себя за епископа «Бѣловодскаго») вызвало само путешествіе». Для насъ, однако, представляется вопросомъ—было ли на самомъ дѣлѣ сомнѣніе, или, наоборотъ, живая вѣра казаковъ, что такое заповѣдное царство все-таки существуетъ, послужила главнымъ импульсомъ, побудившимъ ихъ пуститься въ столь далекія странствія? Намъ кажется, что такимъ импульсомъ была именно вѣра, а сомнѣніе пришло потомъ и не коснулось того главнаго, что они искали и продолжаютъ искать.

Конечно, и то важно, что присоединилось сомнѣніе, но первоначальный моментъ иной, и чтеніе «реляціи» указываетъ на драматическій конфликтъ, происходившій въ душѣ старообрядцевъ названнаго толка «никудышниковъ», въ результатѣ котораго они и снарядили своихъ «ходоковъ» на край свѣта. Вѣдь они упорствуютъ въ своемъ обособленіи отъ греко-россійскаго священства; они отказываются присоединиться къ какому-либо «поповскому» толку; но они остаются «безпоповцами» лишь поневолѣ, твердо вѣруя, что гдѣ-то на земномъ шарѣ существуютъ представители «правильной» церкви, что нужно только съумѣть ихъ найти, не поддаваясь обману самозванныхъ ея явленцовъ, какъ, съ другой стороны, они не соглашаются ни на какіе компромиссы, обусловившіе образованіе другихъ толковъ признавшихъ условно пастырей (см. предисловіе К—ка, стр. 4—6). Эта вѣра служитъ и источникомъ ихъ сомнѣній. Людямъ довѣрять нельзя: нужно до всего «своимъ умомъ» дойти, но все таки искать, не теряя вѣры искать, сколько разъ ни приходилось бы разочаровываться въ своихъ ожиданіяхъ.

Въ одномъ мѣстѣ путешествія, когда казаки добрались до Сайгона и ихъ все болѣе охватываетъ сомнѣніе въ томъ, что они найдутъ искомую страну, послѣ разговора съ случайнымъ попутчикомъ, оказавшимся «прокуроромъ морского вѣдомства», по фамиліи Кулаковскимъ, который показываетъ казакамъ карту, «называя всѣ города и урочища», доказывая имъ, что они введены въ заблужденіе ложными маршрутами,—у нихъ происходитъ слѣдующій разговоръ. Максимычевъ выражаетъ свое недоумѣніе: искомаго ими города Левека нѣтъ на картѣ. «Что же такое? Неужели это все ложное?—спрашиваетъ Максимычевъ,—какъ письменные маршруты подъ именемъ инока Марка, такъ въ особенности, архіепископъ Аркадій? Этотъ человѣкъ и теперь живъ и находится въ Пермской губерніи, временно пріѣзжалъ и къ намъ на Уралъ. Что же заставляетъ его врать и носить на себѣ чинъ самозванца?»—«Это очень просто,—говорилъ Куликовскій.—Однажды ему взбрела дурная мысль принять на себя чинъ самозванный, и онъ выдалъ себя ложно за Бѣловодскаго архіепископа. Теперь ему уже трудно говорить правду, когда онъ привыкъ врать». Это дѣйствительно очень «упрощенное» объясненіе кажется казакамъ достаточно убѣдительнымъ. Они и сами имѣли Аркадія въ подозрѣніи. Хохловъ кстати припоминаетъ аналогичный случай, когда онъ былъ еще мальчикомъ лѣтъ 13—14, какъ обманулъ его отца одинъ урядникъ, Изюмниковъ, ложнымъ сообщеніемъ о томъ, что у одного купца въ Петербургѣ онъ нашелъ «истиннаго» священника: совралъ Изюмниковъ, а потомъ отпереться уже трудно было; пришлось даже прибѣгнуть къ подложному письму, въ которомъ онъ въ концѣ концовъ былъ уличенъ. А казаки и тогда снарядили ходоковъ въ Петербургъ провѣрить извѣстіе и никакого соотвѣтствующаго купца они тамъ не нашли. Посерединѣ этого разсказа Хохловъ прерываетъ его, обращась къ поповцамъ: «Лушковцы, окружники, полуокружники и противоокружники, духовные и мірскіе, грамотныя и неграмотныя лица приняли за привычку говорить намъ въ укоризну: «Вы не имѣете при себѣ священства отъ нерадѣнія и безстрашія вашего. Хотите жить своевольно и безнаказанно на всю жизнь; не обличаете тяжкихъ своихъ грѣховъ священнику; къ тому же подтверждаете, что можно спастись и безъ священника, указывая на нѣкія случайныя бытія».—Однако, если признаютъ въ насъ нерадѣніе, что же тогда побудило отца моего испустить неудержно теплыя слезы только при выслушаніи разсказа, что есть священникъ, къ которому можно достигнуть? Безстрашіе ли тронуло 13-тилѣтняго мальчика (т.-е. самого разсказчика, Хохлова) убѣжать отъ числа людей въ уединенное мѣсто, удариться на подушку внизъ лицомъ, переплакаться?.. Или скажутъ и это нерадѣніе, что въ случаѣ, когда проникаетъ туманный слухъ о томъ, что есть-де въ такой-то удаленной странѣ народъ и имѣетъ при себѣ истинное священство, тогда мы съѣзжаемся, обсуждаемъ и снаряжаемъ депутацію Одни щедро ублаготворяютъ деньгами, отъ пота и тяжкихъ трудовыхъ добытыми, другіе оставляютъ безъ призрѣнія свое домашнее хозяйство и, лишаясь своихъ женъ и дѣтей, рѣшаются ѣхать въ отдаленныя и неизвѣстныя мѣста? Придется ли возвратиться и видѣть своихъ домашнихъ или закроются глаза на морѣ-океанѣ и послужатъ могилой волны, а гробомъ дно океана!..» и т. д. Авторъ впалъ въ лирическій тонъ и съ трогательной задушевностью, въ немногихъ словахъ высказалъ все то, что должно было накопиться у отважныхъ въ своемъ невѣдѣніи путниковъ во время ихъ дѣйствительно труднаго пути по чужимъ странамъ, безъ знанія языковъ и безъ какихъ-либо культурныхъ рессурсовъ. Но изъ этого же мѣста вполнѣ очевидно и то, что служило имъ главнымъ двигателемъ, а именно желаніе *порадѣть* объ истинной вѣрѣ, снять съ себя упрекъ въ недостаточныхъ стараніяхъ въ розыскѣ «истиннаго священства»; а стало быть все-таки твердая, живая вѣра въ то, что такое «священство», гдѣ-то существуетъ. Безъ этой вѣры не пошли бы казаки на поиски и не стали бы прислушиваться къ росказнямъ явившагося къ нимъ самозванца. Къ послѣднему они готовы отнестись критически; вѣдь обманывали ихъ не разъ и особаго довѣрія къ людямъ они не имѣютъ; но важно выказать свое *радѣніе* и все таки, имъ вѣрится, что «истинное священство» гдѣ-то есть! Только разъ въ путешествіи промелькнула пессимистическая нота: наши путешественники уже на обратномъ пути, во Владивостокѣ. Повстрѣчался имъ оренбургскаго казачьяго войска офицеръ, препровождавшій казаковъ на переселеніе въ Уссурійскій край, и сказалъ имъ: «Я васъ видѣлъ, кажется, въ Портъ-Саидѣ, когда вы приходили на пароходъ и просились у капитана (который отказался ихъ взять, подъ предлогомъ переполненія пассажировъ). Навѣрно. вы истинную вѣру ищете? Да, Россія приняла христіанскую вѣру отъ грековъ, а видали вы, какъ греки истинную вѣру растрепали?» «Видали,—отвѣтили мы». «Истинная, правая вѣра только тамъ»,—указалъ онъ рукой къ небу.—«По всему такъ, ваше благородіе,—отвѣтили мы».—Такъ, по народнымъ сказаніямъ и духовнымъ стихамъ, и правда перенеслась на небо,—а все таки люди не перестаютъ искать ее здѣсь, на землѣ. И неудачные розыски Хохлова и его товарищей «города Левека» въ Китаѣ, на островахъ Великаго океана и т. д. врядъ ли разубѣдили «никудышниковъ», что пора бы перестать разыскивать небывалую заповѣдную страну, а лучше позаботиться объ устроеніи собственнаго дома.

Мы имѣемъ случайно даже доказательство въ рукахъ, что на отрицательныхъ отзывахъ Хохлова и его спутниковъ не упокоились ихъ единовѣрцы: путешествіе ихъ относится къ 1898 году. Вернулись Хахловъ съ товарищами домой и разсказали своимъ объ отрицательныхъ результатахъ своихъ поисковъ. Однако два года спустя, изъ окрестностей Уральска изъ того же урочища, что и Хохловъ, все съ тою же задачей—провѣрить показанія псевдо-епископа Аркадія и маршруты «инока Марка», явились въ Петербургъ два ходока,—Кудрявцевъ и Сарминъ,—теперь направившіеся, вмѣсто Востока, на Западъ, съ запросами къ представителямъ нашей высшей духовной администраціи. Послѣ разныхъ инстанцій попали они со своей таинственной грамотой Аркадія, будто бы на «индійскомъ языкѣ писанной», къ акад. С. Ѳ. Ольденбургу, котораго, какъ санкритиста, просили разобрать эти таинственныя письмена. Грамота оказалась грубой поддѣлкой подъ «восточный шрифтъ», ни на какомъ языкѣ не читаемая. С. Ѳ. Ольденбургъ познакомилъ меня съ этими любопытными «искателями истины», и они поражали удивительной смѣсью начитанности въ старинныхъ текстахъ (преимущественно апокрифической, средневѣковой литературы) и наивнымъ довѣріемъ къ «живой старинѣ», живой, конечно, только въ ихъ воображеніи. Однако, они съ большимъ вниманіемъ и интересомъ прислушивались ко всякимъ указаніямъ и разоблаченіямъ, смотрѣли карты и освѣдомились, гдѣ ихъ можно пріобрѣсти. Случайно увидѣли они въ комнатѣ С. Ѳ. Ольденбурга японскаго божка, который ихъ заинтересовалъ позой: приподнятая, словно благословляющая, рука съ двумя разогнутыми перстами. Старообрадцы подумали, что это изображеніе можетъ имѣть для нихъ важное значеніе, хотя хозяинъ весьма обстоятельно разсказалъ имъ происхожденіе этого «божка», не имѣющаго никакого отношенія къ христіанской вѣрѣ. И что же, годъ спустя—тѣ же Кудрявцевъ и Сарминъ, черезъ третье лицо, стали убѣдительнѣйшимъ образомъ просить С. Ѳ. Ольденбурга прислать имъ фотографію съ «чужого» бога, который, очевидно, продолжалъ ихъ смущать... И можетъ быть уральцы снарядятъ по этому поводу еще третью экспедицію—сперва въ Петербургъ посмотрѣть на «божка», провѣрить съ фотографіей, потомъ на его родину, нѣтъ ли тамъ представителей «истинной вѣры»... Это все подвиги «радѣнія». Вѣра живуча у «никудышниковъ», но вѣра, которая смотритъ назадъ, а не впередъ. Она ярко характеризуетъ богатыя духовныя силы русскаго народа, его замѣчательную настойчивость, и въ данномъ случаѣ смѣлую предпріимчивость въ желаніи слѣдовать указаніямъ своей совѣсти, хотя разумъ еще дремлетъ, не подвергая провѣркѣ самого объекта вѣры, а только его пріуроченіе къ тому или другому конкретному явленію. Эта вѣра является у насъ пережиткомъ тѣхъ первичныхъ утопій, которыя пользовались большою популярностью въ средніе вѣка на Западѣ, пока онѣ не отошли вмѣстѣ со многимъ другимъ, какъ тѣни удаляющейся ночи, при первыхъ лучахъ великой эпохи Возрожденія.

Конечно, въ своихъ безплодныхъ поискахъ несуществующаго наши казаки все же восприняли и много плодотворнаго: кругозоръ ихъ значительно расширился; они пришли къ сознанію, что «каждая страна имѣетъ свой обычай» (стр. 36), и стало быть, нужно быть терпимымъ къ чужимъ понятіямъ; они высказываютъ любопытныя замѣчанія о религіи китайцевъ и японцевъ; очень дѣльно разсуждаютъ о нѣкоторыхъ особенностяхъ устроенія нашихъ переселенцевъ въ Сибири, даже предлагаютъ проекты, полезные къ свѣдѣнію лицъ, заинтересованныхъ въ золотыхъ пріискахъ (стр. 98) и т. д. Вообще, чтеніе текста, открытаго и обнароданнаго при содѣйствіи В. Г. Короленка, весьма занимательно, а мѣстами и «поучительно», за что нельзя не быть признательнымъ его издателю, и, какова бы ни была непосредственная цѣль путешествія казаковъ «никудышниковъ», ихъ живая вѣра послужила имъ на пользу, только не въ томъ направленіи, которое они ожидали. Сомнѣнія и даже окончательная увѣренность въ обманѣ не побѣдили вполнѣ стремленія къ «радѣнію» въ старинномъ смыслѣ, и то отношеніе къ буквѣ писанія, которое характеризуетъ нашихъ старообрядцевъ, врядъ ли можетъ послужить толчкомъ къ дѣйствительному обновленію человѣка, къ тому, чтобы окончательно побѣдить суевѣрія и мракъ невѣжества.

Возможно и иное отношеніе къ «старымъ письменамъ»; возможна на почвѣ традиціонныхъ представленій, иная живая вѣра, которая смотритъ впередъ, а не назадъ, и приводитъ не къ пессимистическому выводу, что «правая вѣра осталась только на небѣ», а сулитъ возможное улучшеніе и обновленіе человѣка, при живомъ отношеніи къ догматамъ вѣры. Эти соображенія невольно приходятъ въ голову при чтеніи интересныхъ замѣтокъ г. А. Агаева, подъ заглавіемъ «Горькій и мусульманство», напечатанныхъ въ бакинской газетѣ «Каспій», въ ноябрьскихъ нумерахъ минувшаго года. Собственно «Горькій» послужилъ автору только поводомъ высказать нѣсколько личныхъ соображеній о религіи Магомета, въ отвѣтъ на возраженія Н. К. Михайловскаго противъ характеристики типа мусульманина въ пьесѣ «На днѣ». Г. Агаевъ совершенно не раздѣляетъ точки зрѣнія Н. К. Михайловскаго и приводитъ цѣлый рядъ цитатъ изъ Корана и собственныхъ аргументовъ въ пользу правильности характеристики Горькаго, за которую и мы въ свое время высказывались.

Главнымъ образомъ вопросъ сводится къ толкованію фразы, сказанной въ пьесѣ Горькаго татариномъ-крючникомъ, что—«всякое время даетъ свой законъ» («Потомъ придетъ время, Корана будетъ мало... время дастъ свой законъ, новый...»). Г. Агаевъ считаетъ такое воззрѣніе вполнѣ соотвѣтствующимъ духу ислама. Онъ объясняетъ, что, по ученію Магомета, пророками являются «тѣ непосредственники факта, тѣ мучимые правдою, счастьемъ, люди, которые отъ времени до времени появлялись среди измученныхъ, изстрадавшихся, жаждавшихъ покоя, человѣческаго бытія, людей и, отражая въ себѣ современную совѣсть, современныя стремленія, сознаніе, потребности, водили ихъ на путь осуществленія; со временемъ новый путь казался уже узкимъ, не совмѣщающимъ болѣе созрѣвшихъ новыхъ сознаній, новыхъ потребностей и опять являлся лучшій человѣкъ—словомъ, весь міръ, все бытіе вращается вокругъ этого постояннаго осуществленія лучшаго человѣка, лучшаго закона, лучшаго бытія. Магометъ завѣщалъ это міровоззрѣніе въ Коранѣ своимъ послѣдователямъ и они глубоко вѣрятъ въ приходъ лучшаго человѣка, въ наступленіе лучшаго бытія, и эта вѣра придаетъ имъ покой, миръ даже среди физическихъ страданій».

Г. Агаевъ въ своемъ толкованіи текстовъ Корана главнымъ образомъ возстаетъ противъ того отношенія «фанатиковъ-буквоѣдовъ» писанія, которые готовы клеймить прозвищемъ «ереси» всякое живое воспріятіе *духа* ислама и анализъ идейнаго содержанія Корана. Онъ стоитъ какъ разъ на противоположной точкѣ зрѣнія съ той, которая составляетъ, какъ мы видѣли, слабое мѣсто у нашихъ старообрядцевъ, слишкомъ приверженныхъ къ буквѣ. Онъ стремится расширить смыслъ завѣщаннаго преданіемъ и сблизить сказанное у разныхъ народовъ и въ разныя времена на основаніи общности и единства истины. Г. Агаева, повидимому, не столько интересуетъ *историческій* исламъ, т.-е. ученіе, возникшее въ опредѣленную историческую пору и имѣвшее тоже опредѣленную, обусловленную временемъ и обстоятельствами, миссію, какъ тѣ элементы «вѣчныхъ истинъ», которыя заключаются въ этомъ ученіи. Онъ придаетъ, напримѣръ, особое значеніе тексту Корана: «нѣтъ насилія въ религіи, разъ сама истина выдѣляется изъ заблужденія», и выводитъ отсюда принципъ религіозной вѣротерпимости, «который, если не всегда былъ присущъ поборникамъ Магомета, все же можетъ быть пріобщенъ къ его ученію». «Важна торжественность, всеобщность и всечеловѣчность истины,—пишетъ г. Агаевъ,—а вовсе не тѣ детали и формы, въ которыя она облекается въ данное время». Детали и формы составляютъ, однако, необходимый историческій «костюмъ» всякой отвлеченной идеи, всякой высказываемой истины. Отстраняя именно «костюмъ» или оболочку, авторъ дѣлаетъ довольно смѣлыя сближенія текстовъ Корана съ позднѣйшими явленіями. Онъ не прочь сопоставить «деизмъ» Магомета хотя бы съ деизмомъ Вольтера, и признавъ, что въ число «пророковъ мышленія», которые признавались по мусульманской догматикѣ на ряду съ «пророками откровенія»,—исламъ включаетъ Платона, Аристотеля, Зороастра, пытается открыть мѣсто въ сонмищѣ «124 тысячъ пророковъ» и для позднѣйшихъ дѣятелей: «всѣ ученые, мыслители, изобрѣтатели, всѣ благородные умы и сердца, работающіе на нивѣ общечеловѣческаго блага, одинаково заслуживаютъ благодарности и поклоненія мусульманъ». «Судьба человѣческая представлялась Магомету—пишетъ далѣе г. Агаевъ—въ видѣ безконечнаго пути, на каждомъ поворотѣ котораго стоитъ по одному избраннику-пророку. Безличное одухотворяющее начало, названное европейцами «Высшимъ разумомъ», а мусульманскими писателями болѣе удачно—(по мнѣнію автора)—«универсальною душой»—пріобщаетъ истину черезъ этихъ пророковъ. Съ теченіемъ времени истина портится... нуждается въ новыхъ формахъ своего проявленія, для удовлетвонія новыхъ нуждъ. Отсюда и новыя откравенія, и новые пророки, которые лишь повторяютъ другъ друга, передавая одну и ту же истину».

По твердому убѣжденію автора, исламъ возникъ, жилъ и будетъ жить—при вѣрѣ «въ безконечное улучшеніе истины, въ безпрерывныя трансформаціи ея, сквозь теченія временъ и пространствъ, оставаясь по существу тожественною самой себѣ». Конечно, это вполнѣ живая вѣра и вѣра, которая смотритъ впередъ, примиряя настоящее съ прошлымъ и оставляя мѣсто для будущаго въ широкой формулѣ возможныхъ «трансформацій формы», при неизмѣнной сущности истины, которая не можетъ не быть единой, иначе она перестаетъ быть истиной. Такъ какъ авторъ при этомъ отстаиваетъ свободу религіозныхъ формъ, то въ его толкованіи Корана нѣтъ никакой опасности давленія на чужую совѣсть, въ особенности же при тѣхъ двухъ главныхъ положеніяхъ, которыя онъ выдвигаетъ: на первомъ мѣстѣ уже цитованный текстъ, что «сама истина выдѣляется изъ заблужденія», и другой: «все, что не находитъ оправданія въ разумѣ, не должно входить въ составъ религіи». Такимъ образомъ, откровеніе и разумъ не исключаютъ другъ друга: вопросъ лишь въ томъ, чтобы разумъ былъ на высотѣ откровенія, и обратно.

Впрочемъ, мы не имѣемъ въ виду разсматривать здѣсь по существу и въ особенности съ религіозной точки зрѣнія комментаріи къ исламу г. Агаева и положенія «нео-мусульманства»: важно отношеніе автора къ дѣлу; важно его стремленіе искать единую и тожественную истину во всемъ разнообразіи ея формъ проявленія въ исторіи человѣческой мысли; важно признаніе, что если, съ одной стороны, «истина портится» отъ несовершенствъ передачи, то новыя истины, по существу, связаны съ прежними, даже тожественны имъ, только требуютъ новой формулировки, восполненій, расширеннаго пониманія. Это и значитъ имѣть «живую вѣру» съ перспективами въ будущее.

Ѳ. Батюшковъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Два съѣзда. Въ концѣ декабря прошлаго года и въ началѣ января настоящаго въ Петербургѣ состоялись два съѣзда: III-ій съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, созванный Русскимъ Техническимъ Обществомъ, и Пироговскій съѣздъ врачей (по счету уже IX-ый), созванный, согласно положенію о Пироговскихъ съѣздахъ, особымъ организаціоннымъ комитетомъ. Не смотря на узко-спеціальныя задачи того и другого съѣзда, оба они имѣли серьезное общественное значеніе.

На «техническій» съѣздъ съѣхалось свыше 2.000 челов., преимущественно народныхъ учителей и учительницъ. Занятія съѣзда происходили въ университетѣ, въ актовомъ залѣ котораго 26 декабря и состоялось торжественное открытіе съѣзда, въ присутствіи представителей различныхъ министерствъ, земствъ, городовъ и другихъ приглашенныхъ лицъ. Среди послѣднихъ были многіе извѣстные дѣятели въ области народнаго образованія, писатели, педагоги и пр. Занятія съѣзда по секціямъ начались на другой день, при чемъ всѣхъ секцій было 11, согласно программѣ, утвержденной министромъ народнаго просвѣщенія. Вотъ ихъ перечень: I секція—высшія техническія учебныя заведенія; II секція—среднія и низшія техническія учебныя заведенія; III—ремесленныя учебныя заведенія и учебныя ремесленныя мастерскія; IV—коммерческое образованіе; V—мореходныя учебныя заведенія и рѣчныя училища; VI—женское профессіональное образованіе; VII—ремесленное ученичество; VIII—художественно-промышленное образованіе и графическія искусства; IX—ручной трудъ; X—курсы и школы для рабочихъ и, наконецъ, XI секція—школьная гигіена и физическое воспитаніе въ техническихъ и профессіональныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Главный интересъ, какъ и слѣдовало ожидать, сосредоточился на занятіяхъ X-ой секціи, которая, въ виду массы членовъ, пожелавшихъ принять участіе въ ея работахъ, была помѣщена въ актовый залъ университета. Въ секціи было рѣшено тезисы всѣхъ докладовъ передавать на обсужденіе особыхъ коммиссій, въ которыхъ могли принимать участіе всѣ желающіе. Было образовано пять коммиссій: 1) о подготовленности населенія къ техническому и профессіональному образованію, подъ предсѣдательствомъ Г. А. Фальборка; 2) о воскресныхъ школахъ, курсахъ и классахъ для рабочихъ, подъ предсѣдательствомъ г. Быкова; 3) о внѣ-школьномъ образованіи взрослыхъ рабочихъ—подъ предсѣдательствомъ В. И. Чарнолусскаго; 4) о школахъ для дѣтей рабочихъ, подъ предсѣдательствомъ И. Н. Сахарова и, наконецъ, 5) объ организаціи частной инипіативы въ дѣлѣ содѣйствія общему и профессіональному образованію, подъ предсѣдательствомъ Е. Н. Щепкиной.

Съѣздъ сдѣлалъ, между прочимъ, слѣдующія постановленія: 1) о скорѣйшемъ введеніи всеобщаго обученія, при чемъ организація этого дѣла должна быть поручена земствамъ и городскимъ управленіямъ. При этомъ признано необходимымъ не только отмѣнить предѣльность земскаго обложенія, но и предоставить земствамъ новые предметы обложенія, измѣнить существующее земское положеніе въ смыслѣ болѣе правильнаго представительства и распространенія компетенціи земства и скорѣйшее утвержденіе мелкой земекой единицы; 2) передать всѣ существующія министерскія и церковно-приходскія школы въ вѣдѣніе земствъ и городовъ; 3) признать необходимость созыва всероссійскаго съѣзда дѣятелей по народному образованію; 4) сравнять положеніе безплатныхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ съ положеніемъ обыкновенныхъ публичныхъ библіотекъ; 5) признать необходимымъ, чтобы преподаваніе въ народныхъ училищахъ велось на мѣстномъ языкѣ.

Около тысячи лицъ, собравшись въ большой актовой залѣ Петербургскаго университета на засѣданіе X *секціи*, единогласно при обсужденіи вопросовъ, связанныхъ съ внутреннимъ строемъ духовной жизни въ начальной школѣ, постановили послать телеграмму Льву Николаевичу Толстому слѣдующаго содержанія:

«Члены III съѣзда дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, признавъ первенствующее значеніе начальной школы, единогласно постановили привѣтствовать васъ, какъ одного изъ первыхъ вождей русской народной школы и жизни».

Занятія съѣзда протекали совершенно покойно, за исключеніемъ небольшого инцидента, происшедшаго 4-го января, когда были удалены изъ зданія университета, по требованію членовъ съѣзда, гг. Степановъ и Пронинъ, пріѣхавшіе на съѣздъ изъ Кишинева.

5-го января распоряженіемъ исполняющаго должность с.-петербургскаго градоначальника какъ общія, такъ и секціонныя собранія съѣзда были закрыты на основаніи ст. 321 общ. учрежденій губ.

Крайне оживленно прошелъ и Пироговскій съѣздъ, при чемъ резолюціи его не были прочтены на торжественномъ закрытіи съѣзда, которое происходило въ дворянскомъ собраніи при громадной массѣ членовъ съѣзда и гостей и подъ громъ двухъ оркестровъ музыки.

В. Д. Брайанъ у Л. Н. Толстого. На-дняхъ посѣтилъ Россію одинъ изъ самыхъ интересныхъ и выдающихся дѣятелей Америки—В. Брайанъ. Послѣдніе выборы президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ (1900 г.) едва не привели В. Брайана на высшую государственную должность въ штатахъ. Но его политическій или, скорѣе, финансовый противникъ — погибшій Макъ-Кинлей,—оказался тогда побѣдителемъ. В. Брайанъ по образованію юристъ, но уже давно не занимается адвокатурой, а сосредоточилъ всѣ свои яркія дарованія на собственной газетѣ «The Commoner», на чтеніи публичныхъ лекцій и на политическихъ рѣчахъ. Но и газета, и лекціи, и рѣчи В. Брайана,—все сводится къ одному знаменателю: къ проведенію въ жизнь принциповъ истинной свободы. Воспользовавшись какъ бы каникулами передъ наступающими въ слѣдующемъ году президентскими выборами, В. Брайанъ рѣшилъ побывать въ Европѣ и посѣтить Льва Никалаевича Толстого. Объ этомъ посѣщеніи разсказываетъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» г. Сергѣенко, попутно сообщая о томъ, надъ чѣмъ въ настоящее время работаетъ великій писатель.

В. Брайанъ живо интересовался во время пути всѣмъ относящимся къ Россіи. Но, къ его удивленію, въ Россіи многіе ничего не знали о Россіи, т.-е. ему не могли отвѣтить, что такое мелкая земская единица, каково правовое положеніе русскихъ крестьянъ и проч. Пріѣхавъ рано утромъ въ Ясную Поляну и узнавъ, что Левъ Николаевичъ Толстой выйдетъ не раньше, какъ часа черезъ два, В. Брайанъ попросилъ доктора повести ихъ въ деревню и познакомить съ условіями крестьянской жизни, а чтобы сдѣлать знакомство это какъ можно полнѣе и нагляднѣе, показать имъ самую богатую крестьянскую избу, самую бѣдную и среднюю.

Видъ крестьянъ и обстановка ихъ жизни глубоко поразили В. Брайана. Онъ ожидалъ неустройства и некультурности, ожидалъ бѣдности, но все же не думалъ; чтобы это было такъ удручающе бѣдственно и плохо. И, съ грустью озираясь кругомъ, В. Брайанъ заявилъ, что ничего подобнаго не знаетъ Америка. «Я твердо увѣренъ,—сказалъ онъ,—что американецъ не могъ бы жить такъ, какъ живутъ русскіе крестьяне».

Тѣмъ временемъ проснулся Левъ Николаевичъ и вышелъ на воздухъ. Ежедневныя и продолжительныя прогулки пѣшкомъ или верхомъ составляютъ попрежнему необходимѣйшее условіе его жизни. Вообще, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелочей порядокъ ясно-полянской жизни почти не измѣнился противъ прежняго. Такъ же, какъ и прежде, рѣдко выпадаетъ такой день, чтобы въ Ясную Поляну не пріѣхалъ кто-нибудь; такъ же, какъ и прежде, ежедневно получается въ Ясной Полянѣ со всѣхъ концовъ міра обширная корреспонденція на всевозможныхъ языкахъ со всевозможными обращеніями, запросами и упованіями (одинъ почитатель Льва Николаевича въ Японіи даже высылаетъ ему японскіе книги и журналы) Такъ же, какъ и прежде, Левъ Николаевичъ ведетъ необыкновенно дѣятельный образъ жизни: много работаетъ, много читаетъ, охотно приходитъ въ общеніе съ людьми всякихъ классовъ, охотно поддается всякой безобидной шуткѣ и чутко откликается на всякое человѣческое горе, откуда бы оно ни исходило.

Работаетъ, т.-е пишетъ Левъ Николаевичъ попрежнему наиболѣе продуктивно по утрамъ, т.-е. до двѣнадцати, до часу дня. Но иногда увлекается работой и засиживается позже. Но послѣ работы ужъ непремѣнно, какова бы ни была погода, совершаетъ значительный моціонъ на воздухѣ, продолжая въ это время развивать положенія прерваннной работы. И эти прогулки онъ любитъ совершать преимущественно одинъ.

Вернувшись домой съ легкою усталостью, Левъ Николаевичъ нѣкоторое время отдыхаетъ, а когда удачно заснетъ, то появляется къ обѣду такимъ освѣженнымъ, бодрымъ и жизнерадостнымъ, какъ будто ему не 75, а 45 лѣтъ. И съ обѣда до поздней ночи все время онъ проводитъ уже на людяхъ, среди своей семьи, друзей и знакомыхъ, принимая обыкновенно самое живое участіе въ бесѣдахъ, въ чтеніи вслухъ и въ разныхъ играхъ. Лишь иногда онъ уходитъ на время, чтобы написать или продиктовать какое-нибудь неотложное письмо.

Корреспонденція Льва Николаевича съ каждымъ годомъ все разрастается и отнимаетъ у него очень много временн. Иногда даже непонятно, когда онъ успѣваетъ все дѣлать. Письма его имѣютъ характеръ не мимолетныхъ набросковъ перемежающихся настроеній, а являются въ большинствѣ случаевъ сжатыми трактатами о самомъ великомъ и нужномъ для человѣка, что требуетъ, какъ извѣстно, значительной предварительной работы и духа, и мысли. И нѣкоторыя свои письма Левъ Николаевичъ такъ же сосредоточенно вынашиваетъ въ себѣ, какъ и лучшія страницѣ своихъ художественныхъ произведеній.

Въ настоящее время Левъ Николаевичъ заваленъ начатыми работами. Онъ только что закончилъ вчернѣ значительный трудъ о Шекспирѣ, написалъ прелестный поэтическій разсказъ: «А вы говорите», приступилъ къ продолженію своей автобіографіи и ждетъ не дождется, когда можетъ опять взяться за «Хаджи-Мурата», который все больше разрастается и захватываетъ собою все новыя области жизни. А за ними, за этими работами, уже вырисовываются другія, новыя. «Работы намѣчено лѣтъ на 300, а жить осталось три дня», говоритъ Левъ Николаевичъ.

И онъ переноситъ центръ тяжести своей жизни на настоящее, довольствуется тѣмъ днемъ, который прожилъ, и тою работой, которую сдѣлалъ за день. Пережитые не такъ давно физическіе недуги (грудная жаба, тифъ и воспаленіе легкихъ) нѣсколько пригнули фигуру нашего дорогого писателя, но не придавили его духа. Духъ его, напротивъ, какъ бы закалился въ пережитыхъ испытаніяхъ и выровнялся и просвѣтлѣлъ. Это чувствуется теперь даже при одномъ взглядѣ на Льва Николаевича. Все то жесткое и колючее, что нѣкогда составляло, какъ бы примѣту толстовской личности,—все это теперь куда-то провалилось и замѣнилось тѣмъ свѣтлымъ и умиротвореннымъ состояніемъ, которое дается человѣку, какъ высшее на землѣ благо, какъ драгоцѣннѣйшій трофей величайшей побѣды надъ собою.

Бесѣда между Л. Толстымъ и Брайаномъ сначала носила нѣсколько условный, отрывочный характеръ, но затѣмъ все больше разгоралась и приняла форму оживленнаго діалога. Чувствовалось, что между говорящими образовываются все новые мосты и нити, взаимно притягивающіе другъ къ другу. Левъ Николаевичъ, начавшій бесѣду не болѣе какъ учтивый хозяинъ, привыкшій къ подобнаго рода опросамъ, подъ конецъ свиданія замѣтно потянулся душой къ В. Брайану и почувствовалъ потребность высказаться передъ нимъ, какъ передъ близкимъ по духу и уважаемымъ человѣкомъ. Говорили о религіи, о войнѣ, о физическомъ трудѣ, объ экономическихъ и другихъ вопросахъ, сплетшихся съ жизнью современнаго человѣчества. И, чѣмъ больше они говорили, тѣмъ замѣтнѣе наростали между ними взаимное пониманіе и уваженіе другъ къ другу.

Многое обычное для насъ удивляло В. Брайана такъ, какъ если бы онъ очутился на Марсѣ. Такъ, напримѣръ, онъ несказанно изумился, когда узналъ, что нѣкоторыя заграничныя изданія печати получались Л. Н. Толстымъ не иначе, какъ съ такъ называемой «икрой», т.-е. съ черными штемпелями. Это настолько поразило В. Брайана, какъ американца, что онъ даже выпросилъ одинъ подобный экземпляръ, какъ своего рода рѣдкость, для своей коллекціи Вечеромъ опять возникла между Львомъ Николаевичемъ и В. Брайаномъ оживленная бесѣда, которая часто прерывалась общимъ дружнымъ смѣхомъ. В. Брайанъ и Л. Н. Толстой, одаренные живымъ юморомъ, вносили въ свою бесѣду много комичныхъ, смѣшныхъ эпизодовъ.

Сотрудникъ «Восточнаго Обозрѣнія» также разсказываетъ о своемъ недавнемъ посѣщеніи Льва Николаевича. Когда онъ вошелъ въ домъ, Левъ Николаевичъ вышелъ къ нему на встрѣчу въ своемъ обычномъ костюмѣ—блузѣ, подпоясанной ремнемъ, и въ высокихъ сапогахъ...

Первое впечатлѣніе было наилучшее. Левъ Николаевичъ выглядитъ значительно моложе своихъ лѣтъ. Положимъ, борода, волосы и брови — темносѣдыя, но не желто-сѣдыя, какъ это бываетъ у многихъ стариковъ. Ни одинъ изъ портретовъ Л. Н. не передаетъ привѣтливаго выраженія его глазъ. Обыкновенно, на портретахъ онъ выглядитъ суровымъ старикомъ, а на самомъ дѣлѣ на меня смотрѣли замѣчательно ясные и привѣтливые глаза, глубоко проникающіе въ душу. Я извинился передъ Л. Н., что просилъ разрѣшенія посѣтить его.

— Полноте, я очень радъ васъ видѣть, побесѣдовать съ вами. Это важно и для меня. У меня въ Сибири могутъ быть дѣла, порученія и я буду обращаться къ вамъ.

Я, конечно, изъявилъ полное согласіе. Левъ Николаевичъ познакомилъ меня съ сидящими за столомъ: д-ромъ Г. М. Беркенгеймомъ, Х. Н. Абрикосовымъ и др. лицами. Познакомивши Л. Н. съ послѣдними новостями Москвы, мы заговорили о войнѣ съ Японіей, причемъ на мое замѣчаніе, что война довольно вѣроятна, Л. Н. сказалъ:

— Это ужасно. Какъ люди мало понимаютъ свои интересы! Какъ они еще жестоки. Война—это ужасно. Какіе такіе интересы могутъ быть, чтобы служить оправданіемъ убійству?

Левъ Николавичъ никогда не мѣняетъ режима своего дня. Утромъ онъ гуляетъ четверть часа, затѣмъ пьетъ чай и идетъ работать. До двухъ часовъ онъ, обыкновенно, пишетъ свои статьи и художественныя произведенія. Въ настоящее время онъ занятъ критикой Шекспира. «Хаджи-Муратъ» еще не законченъ, но, по отзывамъ читавшихъ, этотъ романъ-повѣсть долженъ быть однимъ изъ тѣхъ художественныхъ шедевровъ, какіе только можетъ писать Левъ Толстой.

Л. Н., съ большимъ интересомъ разспрашивалъ о Сибири, задавши вопросъ: «что Сибирь обѣднѣла»? Когда я это подтвердилъ, онъ замѣтилъ: «такъ и должно быть» — и распространился о желѣзной дорогѣ, способствующей, при условіяхъ нашей жизни, вывозу необходимѣйшихъ продуктовъ и, взамѣнъ этого, не дающей населенію почти ничего. Онъ подробно разспрашивалъ о бурятахъ, очень заинтересовался миѳомъ ламаитовъ объ искупленіи (Арья-Балло), а затѣмъ у насъ разговоръ перешелъ на общія темы.

Причиною многихъ несчастій въ жизни и неустройствъ является то обстоятельство, что мы не живемъ согласно своимъ убѣжденіямъ, а дѣлаемъ много сдѣлокъ съ совѣстью, являемся оппортюнистами. Между тѣмъ, такія сдѣлки ничего, кромѣ вреда, не приносятъ, и оппортюнисты, идя на компромиссы, не могутъ предвидѣть всѣхъ послѣдствій этого печальнаго факта.

Между прочимъ, во время спора имъ былъ высказанъ и такой парадоксъ: газетная и журнальная дѣятельность въ настоящее время ничего, кромѣ вреда, приносить не можетъ, потому что въ этой сферѣ компромиссы чрезвычайно часты и неизбѣжны.

Русскими газетами Левъ Николаевичъ, вообще, недоволенъ; у насъ, по его мнѣнію, нѣтъ ни одной газеты, которая разсматривала бы вопросы, исходя изъ этой передовой мысли, которая постепенно завоевываетъ себѣ положеніе на Западѣ. Но онъ не сомнѣвается, что пройдетъ 20—30 лѣтъ, и у насъ появятся такія газеты. Обсуждаютъ же теперь газеты вопросы, о которыхъ въ 70-е годы и невозможно было думать.

Во время разговора затрагивалась масса и другихъ вопросовъ, между прочимъ, о театрѣ, о которомъ Л. Н. выразился такъ: «онъ существуетъ для женщинъ, дѣтей и слабыхъ». Всѣ эти вопросы показываютъ, что безпокойная мысль великаго художника неустанно работаетъ.

Въ смоленскомъ земствѣ. Интересный вопросъ, по словамъ «Днѣпров. Вѣстника», обсуждался въ смоленскомъ губернскомъ земскомъ собраніи:

«Изъ доклада управы видно, что предсѣдатель управы три раза вызывался въ Петербургъ для участія въ обсужденіи различныхъ вопросовъ о мѣстныхъ нуждахъ и потребностяхъ. Въ этомъ призывѣ представителя земства редакціонная коммиссія не можетъ не усмотрѣть желанія правительства выслушать голосъ мѣстныхъ земскихъ людей по вопросамъ, близко касающимся нуждъ и пользъ населенія.

«Если правительству угодно будетъ и впредь выслушивать мѣстныхъ земскихъ людей, то, по мнѣнію коммиссіи, представители, избранные губернскимъ земствомъ, могли бы болѣе всесторонне и въ наибольшей широтѣ освѣдомить правительство о тѣхъ нуждахъ, къ обсужденію коихъ оно признаетъ полезнымъ ихъ вызывать, при этомъ для наиболѣе цѣлесообразнаго использованія того матеріала, который имѣется на мѣстахъ и для правильнаго его освѣщенія, согласно мѣстнымъ условіямъ и нуждамъ, представлялось бы желательнымъ, чтобы вышеназванные вопросы, предварительно вызова земскихъ людей, передавались для ознакомленія съ ними губернскому земскому собранію, а послѣднее могло бы дать избраннымъ имъ представителямъ руководящія указанія.

«Въ виду высказанныхъ соображеній, коммиссія согласилась съ доводами, приведенными управою въ докладѣ, и считаетъ полезнымъ, кромѣ того, выразить, что отвлеченіе предсѣдателя управы на продолжительное время отъ исполненія его прямыхъ, весьма сложныхъ обязанностей можетъ повредить нормальному ходу текущихъ дѣлъ.

«Передача обсужденія вопроса о мѣстныхъ нуждахъ въ составляемые для сего мѣстные комитеты, по мнѣнію коммиссіи, также не вполнѣ цѣлесообразна: работа мѣстныхъ людей въ подобныхъ комитетахъ недостаточно продуктивна, а цѣнный матеріалъ, имѣющійся на мѣстахъ, появляется передъ центральнымъ правительствомъ послѣ сводки разнообразныхъ отдѣльныхъ мнѣній, иногда совсѣмъ въ другомъ освѣщеніи и несогласнымъ съ дѣйствительными нуждами и потребностями на мѣстахъ.

«Въ силу изложенныхъ соображеній, коммиссія предлагаетъ собранію возбудить предъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: 1) чтобы всѣ вопросы, для обсужденія которыхъ признано будетъ правительственнымъ учрежденіемъ желательнымъ вызвать земскихъ дѣятелей, передавались правительствомъ на заключеніе всѣхъ земскихъ собраній, интересовъ которыхъ по мѣстнымъ бытовымъ условіямъ касаются предполагаемые законопроекты; 2) чтобы губернскимъ земскимъ собраніямъ тѣхъ губерній, отъ которыхъ предстоитъ вызовъ земскихъ дѣятелей, предоставлено было право уполномочивать для участія въ совѣщаніяхъ лицъ по выбору земскаго собранія; 3) принятіе третьяго предложенія управы («чтобы выработанные законопроекты, касающіеся мѣстной жизни, передаваемы были на обсужденіе губернскаго земскаго собранія») коммиссія не считаетъ необходимымъ въ видахъ болѣе быстраго приведенія въ дѣйствіе тѣхъ законопроектовъ, обсужденіе коихъ правительство признаетъ желательнымъ и полезнымъ при участіи избранныхъ губернскимъ земствомъ представителей».

Эти заключенія редакціонной коммиссіи приняты большинствомъ всѣхъ противъ одного.

Среди нижегородскихъ земцевъ. «Волгарь» приводитъ весьма характерныя пренія, которыя происходили въ нижегородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи о народныхъ библіотекахъ, относительно которыхъ губернская управа предложила: 1) возбудить ходатайство о расширеніи каталога книгъ и періодическихъ изданій, допускаемыхъ въ народныя библіотеки-читальни, замѣнивъ нынѣ дѣйствующую систему допущенія наиболѣе простой системой запрещенія тѣхъ или иныхъ изданій, признаваемыхъ нежелательными; 2) поддержать ходатайство балахнинскаго земства о примѣненіи къ народнымъ библіотекамъ при школахъ общихъ правилъ для народныхъ библіотекъ; 3) ходатайство арзамасскаго земства о пособіи тремъ народнымъ библіотекамъ передать на разсмотрѣніе губернской управы; 4) придти на помощь народнымъ библіотекамъ въ губерніи постоянными субсидіями.

С. Н. Зененко заявилъ, что, конечно, необходимо проводить свѣтъ въ темную среду, но вся штука въ томъ, какой свѣтъ. «Чужія мысли повторять все равно, что пользоваться объѣдками пирога, но мы не гости», сказалъ г. Зененко и началъ читать выписки изъ сочиненій Сенеки, Локка, Бэкона, Тена, Руссо, Ломброзо, Шопенгауера и друг. Сдѣлавъ цитаты въ подтвержденіе мысли, что несоотвѣтствующее чтеніе развиваетъ недовольство и неудовлетворенность, г. Зененко началъ возражать противъ предложенія управы о допущеніи для народныхъ библіотекъ «Журнала для всѣхъ» и «Народнаго блага», какъ наиболѣе дешевыхъ. Первый журналъ и даромъ нельзя давать, такъ какъ въ немъ помѣщаетъ разсказы господинъ Андреевъ, которые, чтобы не свихнуться, можно читать лишь тѣмъ, кто очень твердъ въ нравственности. То же самое надо сказать о «Народномъ благѣ». Чтеніе періодическихъ изданій, которыхъ нынѣ масса, ведетъ лишь къ тому, что мы не читаемъ солидныхъ книгъ. Мы читаемъ вообще меньше, чѣмъ наши дѣды. Намъ давай «Новое Время», журналы, и больше ни до чего дѣла нѣтъ. Зачѣмъ еще народъ вводить въ это? Въ заключеніе г. Зененко высказался за расширеніе каталога книгъ, но не періодическихъ изданій.

Г. Р. Килевейнъ. Рѣчь г. Зененко произвела на меня тяжелое впечатлѣніе. Отъ нея пахнетъ средневѣковымъ мракомъ, временами Торквемады. Онъ хочетъ отдѣлять народъ отъ культуры китайской стѣной. Это Олимпъ 40-хъ годовъ, папизмъ съ его индексомъ запрещенныхъ книгъ. Неужели будущее Россіи должно идти путемъ цѣпей? Изъ мрака свѣта не будетъ. Нельзя народъ считать дѣтьми, которымъ нельзя давать книги. Самый смѣлый полетъ инквизиціи не доходилъ до такихъ категорическихъ императивныхъ требованій, какъ г. Зененко. Культура должна быть достояніемъ всѣхъ, къ которому мы обязаны пріобщить весь народъ.

Затѣмъ г. Килевейнъ говорилъ о неудобствахъ существующей разрѣшительной системы.

Каталогъ народныхъ библіотекъ жалкій: одно изданіе Пушкина допускается, другое—слово въ слово—нѣтъ, потому что правительство не въ состояніи успѣть слѣдить за массой выпускаемыхъ книгъ, вслѣдствіе чего масса полезныхъ книгъ не попадаетъ въ народъ. Г. Зененко хочетъ, чтобы одна книга была для интеллигента, другая для народа, и ссылается на авторитеты, но взятыя имъ выдержки ничего не доказываютъ. Я увѣренъ, что въ любой книгѣ указанной С. Н. Зененко, я найду противуположныя цитаты. Авторитеты высокіе, но должны цѣниться не по тѣмъ максимамъ которыя сдѣлалъ г. Зененко.

С. Н. Зененко. Г. Килевейнъ хотѣлъ произнести рѣчь независимо отъ того, что я говорилъ. У меня Сенека и другая тяжелая артиллерія. Я покажу.

— Потомъ покажите,—замѣтилъ предсѣдатель собранія (въ собраніи и на хорахъ смѣхъ, который сопровождалъ рѣчь г. Зененко неоднократно).

— Г. Килевейнъ излагалъ свое profession de foi. Онъ неправъ, сравнивая меня съ Торквемадой. Я знаю книгу, допущенную въ народныя библіотеки.

Она начинается такъ: въ Библіи говорится, что Богъ сотворилъ міръ въ 7 дней, но ученые доказываютъ, что для образованія міра нужны были тысячелѣтія. Какъ давать такія книги неприспособленному народу и разрушать библейское ученіе? Сила народа въ Библіи и въ апостолѣ Павлѣ, а не въ господинѣ Андреевѣ.

Затѣмъ г. Зененко говорилъ объ издателяхъ Сойкинѣ и др., выпускающихъ вредную макулатуру, и никто на это не обращаетъ вниманія. Кто нынѣ просвѣщаетъ народъ?

— Въ Нижнемъ одинъ только русскій книжный магазинъ, остальные еврейскіе. Въ городахъ тепорь вездѣ хулиганство. Что это такое? Полуграмотный народъ начитался разныхъ книгъ. Книга—сила, динамитъ, который имѣетъ дѣйствіе и такъ, и эдакъ. Нельзя предлагать народу то, что зазорно читать даже мнѣ, старику.

Собраніе значительнымъ большинствомъ голосовъ приняло предложеніе управы, высказавшись противъ сравненія школьныхъ библіотекъ съ народными. Затѣмъ, постановлено ходатайствовать о расширеніи каталога народныхъ чтеній, о разрѣшеніи московскому земству устроить общеземскую выставку по народному образованію въ 1905 году.

Высшіе женскіе курсы въ Казани. Казанскій корреспондентъ «С.-Петерб. Вѣдомостей» сообщаетъ, что среди профессоровъ и приватъ-доцентовъ Казанскаго университета явилась мысль учредить въ Казани высшіе женскіе курсы. Были организованы коммиссіи и нѣсколько общихъ засѣданій, на которыхъ выработаны проектъ положенія о курсахъ и программа преподаванія. По проекту положенія, курсы имѣютъ цѣлью сообщить учащимся на нихъ высшее образованіе университетскаго характера, а также дать для желающихъ педаготическую подготовку для преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Курсы должны состоять въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и ввѣряются попечителю учебнаго округа. Преподаваніе на курсахъ распредѣляется на 4 года. По предметамъ преподаванія курсы раздѣляются на два факультета: историко-филологическій и физико-математическій, которые могутъ быть раздѣляемы на отдѣленія, причемъ историко-филологическій факультетъ можетъ имѣть отдѣленія: 1) историко-общественныхъ наукъ, 2) филологическихъ наукъ; изъ нихъ первое отдѣленіе, въ случаѣ нужды, можетъ выдѣлить изъ себя секцію юридическо-экономическихъ наукъ, а второе—секцію германской и романской филологіи. Директоръ избирается министромъ народнаго просвѣщенія изъ лицъ, состоящихъ профессорами курсовъ, и назначается Высочайшимъ приказомъ. Профессорами и преподавателями могутъ быть лица обоего пола, причемъ званіе профессоровъ присваивается профессорамъ высшихъ учебныхъ заведеній или лицамъ обоего пола, имѣющимъ степень доктора. Въ слушательницы курсовъ принимаются лица, достигшія 17-ти-лѣтняго возраста и окончившія полный семиклассный курсъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія или гимназій и институтовъ вѣдомства Императрицы Маріи, а также въ равныхъ съ ними по правамъ и по программамъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Преимущественнымъ правомъ поступленія на курсы пользуются лица, окончившія курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ округовъ: Казанскаго, Оренбургскаго, Кавказскаго и Западно-Сибирскаго, а также въ учебныхъ заведеніяхъ Восточной и Средней Азіи. Вольнослушательницами могутъ быть тѣ, кто имѣетъ право быть слушательницами, а также лица, независимо отъ полученнаго ими образованія, по преимуществу изъ тѣхъ, кто занимался педагогическою дѣятельностью въ учебныхъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, но съ особаго каждый разъ разрѣшенія совѣта. Слушательницы обязательно подвергаются экзамену въ концѣ каждаго учебнаго года по всѣмъ предметамъ этого года. Экзаменъ можетъ быть замѣненъ репетиціями, произведенными въ теченіе всего учебнаго года. Слушательницы, окончившія курсы, получаютъ право преподаванія въ правительственныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—въ женскихъ во всѣхъ классахъ, а въ мужскихъ въ четырехъ низшихъ—съ содержаніемъ и пенсіей, которыя по штату полагаются для преподающихъ лицъ мужского пола. Для лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія, окончившихъ курсы, дѣлаются тѣ же изъятія изъ общихъ законовъ и постановленій правительства относительно евреевъ, какъ и для лицъ того же вѣроисповѣданія, окончившихъ курсъ по 1-му разряду въ Императорскихъ университетахъ.

Иниціаторамъ дѣла хочется организовать курсы съ осени, пріурочивъ открытіе ихъ къ 100-лѣтнему юбилею университета, въ аудиторіяхъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ котораго имѣется въ виду на первое время открыть курсы. Курсы на первыхъ порахъ очень будутъ нуждаться въ денежныхъ средствахъ, въ виду чего профессоръ Будде напечаталъ воззваніе въ мѣстныхъ газетахъ къ городскимъ и земскимъ учрежденіямъ, разнымъ обществамъ и лицамъ придти на помощь этому дѣлу. Казанское губернское земство ассигновало на учрежденіе фонда по организаціи курсовъ 3.000 рублей.

Необыкновенная больничная исторія въ Севастополѣ. Большое вниманіе среди врачей и городскихъ дѣятелей вызываетъ необыкновенная исторія, неожиданно разыгравшаяся въ городской больницѣ Севастополя. По сообщенію «Новостей», назначенный городскою управою — согласно указанію администраціи—старшимъ врачемъ больницы, д-ръ Мертваго, замѣстившій собою прежняго, выбраннаго думою, врача, очень популярнаго въ городѣ д-ра Никонова,—едва вступивъ въ отправленіе своихъ обязанностей, подалъ городскому головѣ пространную докладную записку, въ которой «сообщаетъ» о цѣломъ рядѣ фактовъ, компрометтирующихъ, по его, Мертваго, увѣреніямъ, дѣятельность г. Никонова. Онъ обвиняетъ его въ томъ, что при немъ практиковалась «широкая подача даровой врачебной помощи населенію»; что онъ, Никоновъ, ввелъ «чтеніе курсовъ для акушерокъ *и еще что-то*»; что онъ устроилъ «пансіонатъ», въ которомъ находили себѣ пристанище разные люди, «подъ видомъ больныхъ»; что Никоновъ былъ плохимъ хозяиномъ и администраторомъ и т. д., и т. д. «Сообщеніе» г. Мертваго нашло себѣ должную оцѣнку въ средѣ гласныхъ, въ полномъ составѣ явившихся въ засѣданіе думы 17-го декабря послушать интересный «документъ»... «Документъ» читался около часа и чуть не каждая строка его вызывала возгласы удивленія со стороны гласныхъ и публики, переполнившей залъ засѣданія думы. Когда «документъ» былъ прочитанъ, городской голова доложилъ замѣчанія управы къ докладу Мертваго, изъ которыхъ явственно видно, что онъ подтасовывалъ всѣ сообщаемые имъ факты, а многіе—и вовсе придумалъ!.. Такой же отзывъ о донесеніи г. Мертваго даетъ и медико-санитарная коммиссія, которой докладъ, предварительно до представленія думой, былъ посланъ управою для обозрѣнія...

Когда чтеніе этихъ любопытныхъ документовъ было окончено и начался «обмѣнъ мыслей»,—послышались суровыя рѣчи со стороны гласныхъ по адресу г. Мертваго. Вотъ нѣкоторыя изъ рѣчей: капитанъ 1-го ранга Вѣницкій находитъ необходимымъ разслѣдовать во всѣхъ деталяхъ «донесеніе» г. Мертваго;—начальникъ крымскихъ шоссе, инженеръ Башевскій, иронически предлагалъ «не торопиться, такъ какъ Мертваго скоро, несомнѣнно, «разыщетъ еще какія-нибудь «корни и нити» и т. д. Но особенно безпощадны были въ оцѣнкѣ поступка г. Мертваго флотскіе врачи-гласные, гг. Березинъ, Губаревъ, Бялыницкій-Бируля... Послѣдній прямо заявилъ:

— Господа! Это не докладъ, а сплошной *изветъ*... Въ тяжелое положеніе поставлено наше дѣтище, городская больница, съ воцареніемъ въ ней назначеннаго старшимъ врачемъ г. Мертваго! Я открыто выражаю свое глубокое сожалѣніе по поводу этого назначенія...

Почтенннаго гласнаго поддержали весьма энергично другіе гласные. Не мало была наэлектризована и публика, рукоплескавшая ораторамъ и нѣсколько разъ повторившая: «Долой Мертваго!»... Возгласы эти являлись не спроста, если принять во вниманіе, что Мертваго кичится въ своемъ донесеніи такими мѣропріятіями своими, какъ упраздненіе цѣлаго ряда важнѣйшихъ функцій больницы: «Пріостановленіе» пріема амбулаторныхъ больныхъ, прекращеніе выдачи бѣднымъ лѣкарствъ безплатно, прекращеніе чтенія лекцій по акушерству, уничтоженіе дежурства врачей и пр. «Докладчикъ» относится весьма недружелюбно къ распоряженію управы о вызовѣ черезъ публикацію хирурга и гинеколога для замѣщенія вакансій послѣ ухода, вслѣдъ за Никоновымъ, гг. Флерова и Потапова: онъ все беретъ на себя—и хирургическое отдѣленіе, и гинекологическое, и внутреннія болѣзни, и хозяйственную часть, и административную...

Нечего и говорить, что дума нашла невозможнымъ оставлять въ такомъ рискованномъ положеніи учрежденіе, недавно только возродившееся, но образцово поставленное упорнымъ трудомъ и внимательнымъ, добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу прежнихъ врачей—гг. Никонова, Флерова и Потапова. Исходя изъ этого, дума постановила поручить управѣ разслѣдовать въ мельчайшихъ деталяхъ «дѣло Мертваго» и о послѣдующемъ донести какъ можно скорѣе—въ нынѣшнемъ же мѣсяцѣ.

Вопросъ о печати въ харьковской думѣ. Въ засѣданіи 12-го декабря обсуждался вопросъ объ отношеніи «Хар. Вѣд.» къ мѣстному городскому самоуправленію и въ связи съ этимъ былъ возбужденъ общій вопросъ о печати.

Проф. Н. Ф. Сумцовъ и проф. А. Ф. Брандтъ внесли въ думу слѣдующее заявленіе:

«Съ начала текущаго года, съ переходомъ «Хар. Вѣд.» подъ новую редакцію, харьковское городское общественное управленіе стало болѣе и болѣе подвергаться нареканіямъ, которыя съ осени текущаго года перешли въ такой рѣзкій и настойчивый характеръ, что становится очевиднымъ желаніе редакціи воспитать въ мѣстномъ населеніи чувства недовѣрія и вражды къ нынѣшнему составу городского управленія, не стѣсняясь при этомъ недостовѣрностью сообщаемыхъ фактическихъ обоснованій. Это желаніе сопровождается даже нарушеніемъ обыденнаго такта и справедливости и, напримѣръ, доклады городского головы подвергаются иногда вышучиванію въ газетѣ ранѣе, чѣмъ управскіе служителя успѣваютъ ихъ разнести гласнымъ, ранѣе, чѣмъ они могутъ сдѣлаться достояніемъ публики, которая могла бы оцѣнить по достоинству ихъ критику. Дума подвергается осужденію во всемъ ея составѣ и третируется внѣ всякаго соотвѣтствія съ ея достоинствомъ; призывается даже какой-то «баринъ», который долженъ что-то разобрать.

Подобнаго же содержанія было прочитано заявленіе И. К. Гришенко.

По поводу этихъ заявленій городской голова сдѣлалъ слѣдующее поясненіе:

Внѣ всякаго сомнѣнія, что статьи «Хар. Вѣд.» имѣютъ такой рѣзкій обвинительный характеръ, что достоинство городского управленія и уваженіе къ общественному мнѣнію и къ печати не позволяютъ отнестись къ нимъ безучастно. Эти статьи подрываютъ довѣріе не только къ нынѣшнему составу городского управленія, но и, вообще, къ самому принципу общественнаго самоуправленія. Необходимо публичное выясненіе всѣхъ этихъ обвиненій и я прошу поручить мнѣ составить систематизированный отвѣтъ по всѣмъ обвиненіямъ.

Предложеніе городского головы думою принято.

Предложеніе же гласнаго Свѣтухина ходатайствовать объ освобожденіи провинціальной печати отъ предварительной цензуры, по заявленію городского головы, можетъ быть разсмотрѣно въ думѣ лишь по включеніи его въ программу засѣданія.

Гласный Даниловичъ замѣтилъ, что это предложеніе по существу тѣсно связано съ разсматриваемымъ вопросомъ, такъ какъ свобода печати представляетъ одно изъ средствъ борьбы съ печальнымъ явленіемъ, порождаемымъ Остроумовской газетой.

„Знамя“ въ Харьковской библіотекѣ. На общемъ собраніи членовъ Харьковской общественной библіотеки, 13-го декабря, обсуждалось, по словамъ «Новостей», постановленіе правленія—обратиться къ г. Крушевану, вслѣдствіе заявленія нѣкоторыхъ лицъ, съ просьбой о безплатной высылкѣ его газеты. Обмѣнъ мнѣній по этому поводу продолжался около пяти часовъ.

Цѣлый рядъ ораторовъ: проф. Грузинцевъ, д-ръ Леваковскій, И. П. Бѣлоконскій, М. М. Обуховъ, Н. П. Винокуровъ, прив.-доц. Таліевъ, М. Н. Салтыкова, А. В. Десятовъ, Н. А. Падаринъ, г. Клевезаль и друг., подвергли, при единодушномъ одобреніи всего многочисленнаго собранія, рѣзкой критикѣ какъ дѣятельность Крушевана, такъ и его печатный органъ. Проф. Багалѣй, какъ предсѣдатель правленія, пояснилъ, что, пославъ просьбу Крушевану, правленіе стояло на формальной почвѣ, исходя изъ того положенія, что библіотека является книгохранилищемъ для всего юга Россіи; при этомъ члены правленія заявляли, что мысль даже о тѣни солидарности правленія со «Знаменемъ» и, вообще, органами подобнаго рода, явилась бы прямо чудовищной.

Но собраніе, повидимому, стояло на той точкѣ зрѣнія, что завѣдомо безнравственныя изданія (приравнивая «Знамя» къ порнографіи и т. п.) не должны допускаться въ читальный залъ библіотеки.

Проф. Грузинцевъ, въ отвѣтъ на слово предсѣдателя правленія, что послѣднее, изъ принципа, должно выписывать всякую газету, весьма образно возразилъ, что слово «принципъ» въ примѣненіи къ Крушевану является профанаціей, и просилъ собраніе въ дебатахъ о «Знамени» избѣгать слова «принципъ, дабы тѣмъ не осквернить этого понятія»...

Н. А. Падаринъ высказалъ взглядъ, что органъ Крушевана не является выразителемъ какого-либо здороваго общественнаго настроенія: это — проявленіе психопатологіи больного существа и, какъ таковое, не можетъ имѣть мѣста въ общественной библіотекѣ.

М. М. Обуховъ, проф. Гредескулъ и др., признавая Крушевана исключительнымъ явленіемъ въ русской журналистикѣ, отказывались примѣнить къ нему какую-либо мѣрку.

На собраніи проф. Багалѣй заявилъ, что отвѣта отъ Крушевана библіотека не получила, но что уже извѣстно объ его отказѣ высылать свою газету безплатно.

М. М. Обуховъ, полагая, что органъ Крушевана представитъ богатый матеріалъ для историка, какъ крайняя степень проявленія человѣконенавистничества и гнусной травли, предложилъ выписать «Знамя» за деньги въ архивъ, какъ за нынѣшній, такъ и за будущій годъ, отнюдь не пуская его въ обращеніе.

Проф. Багалѣй прочелъ пространный докладъ, изъ котораго выяснилось, что въ библіотекѣ существуютъ извѣстные коррективы для опредѣленныхъ произведеній печати: одни выдаются съ ограниченіями, другія вовсе не выдаются. Къ этому классу изданій, остроумно названныхъ профессоромъ «Venena et narcotica», было предложено причислить и органъ Крушевана.

Собраніе согласилось съ предложеніемъ М. М. Обухова и постановило выписать «Знамя» за деньги въ архивъ, какъ матеріалъ для будущаго историка. Въ читальномъ залѣ въ абонементѣ «Знамени» не будетъ.

За мѣсяцъ. Высочайшее повелѣніе, объявленное правительствующему сенату министромъ внутреннихъ дѣлъ. О предоставленіи министру внутреннихъ дѣлъ и тверскому губернатору особыхъ полномочій по отношенію къ тверскому земству. Министръ внутреннихъ дѣлъ входилъ къ Его Императорскому Величеству съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ коемъ полагалъ:

1) Предоставить ему, министру, назначить на текущее трехлѣтіе предсѣдателей и членовъ тверской губернской и новоторжской уѣздной земскихъ управъ, безъ производства предусматриваемыхъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ вторичныхъ на эти должности выборовъ, отмѣнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ предполагающіяся чрезвычайныя тверское губернское и новоторжское уѣздное земскія собранія.

2) Сохранить на 1904 годъ дѣйствіе тверской губернской земской смѣты и раскладки предшествовавшаго года съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ необходимости измѣненія или дополненія оныхъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ испрашивалось Высочайшее на сіе соизволеніе въ порядкѣ, установленномъ 94-ой статьей положенія о земскихъ учрежденіяхъ.

3) Подлежащія разсмотрѣнію чрезвычайныхъ тверского губернскаго и новоторжскаго уѣзднаго земскихъ собраній текущія дѣла разрѣшить въ порядкѣ, указанномъ въ 95-ой статьѣ того же положенія.

4) Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ воспрещать пребываніе въ предѣлахъ Тверской губерніи или отдѣльныхъ ея мѣстностей лицамъ, вредно вліяющимъ на ходъ земскаго управленія.

5) Предоставить тверскому губернатору устранять отъ службы по земству вредныхъ для общественнаго порядка и спокойствія лицъ, состоящихъ на оной по приглашенію или назначенію земскихъ управъ и ихъ предсѣдателей.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ семъ Его Императорскому Величеству, 8-го января 1904 года, благоугодно было собственноручно начертать «*Согласенъ*».

Правительственное сообщеніе по поводу Высочайшаго повелѣнія 8-го января объ упорядоченіи земскихъ учрежденій Тверской губерніи.—Дѣятельность земскихъ учрежденій Тверской губерніи давно уже обращаетъ на себя вниманіе направленіемъ, не соотвѣтствующимъ требованіямъ государственнаго порядка. Объ отдѣльныхъ, особенно рѣзкихъ проявленіяхъ этого направленія неоднократно доводимо было до Высочайшаго свѣдѣнія, и къ устраненію ихъ, по особымъ Монаршимъ указаніямъ, принимались необходимыя мѣры. Внося временное отрезвленіе и въ среду земскихъ дѣятелей, эти мѣры не могли, однако, направить земство на правильный путь. За послѣдніе годы вредное настроеніе тверского губернскаго земства еще болѣе усугубилось, выражаясь, между прочимъ, въ неумѣстныхъ сужденіяхъ на земскихъ собраніяхъ, безплодно волновавшихъ умы, и въ постоянномъ стремленіи, хотя бы съ явнымъ ущербомъ для дѣла, идти наперекоръ мѣстной власти.

Наряду съ нимъ въ Тверской губерніи обнаружились отступленія отъ закона и въ самомъ устройствѣ земскихъ учрежденій. Въ составѣ ихъ постепенно возникли не предусмотрѣнныя закономъ самостоятельныя исполнительныя учрежденія, въ видѣ особыхъ коммиссій и совѣтовъ, состоящихъ въ значительной части изъ лицъ, служащихъ по вольному найму. Такія коммиссіи и совѣты учреждались какъ бы въ помощь земскимъ управамъ, но съ теченіемъ времени въ ихъ рукахъ сосредоточилось непосредственное завѣдываніе отдѣльными отраслями земскаго хозяйства и, такимъ образомъ, дѣйствительная власть въ направленіи земскихъ дѣлъ мало-по малу перешла къ лицамъ, служащимъ въ земствѣ по найму и ничѣмъ съ данною мѣстностью не связаннымъ. Въ то же время среди этихъ лицъ обнаружилось стремленіе сплотиться въ своего рода сообщество и допускать въ него, по собственному выбору и указанію, лишь людей, съ ними единомышленныхъ.

Отмѣченное явленіе и связанныя съ нимъ нежелательныя послѣдствія сказались съ особою силою въ дѣятельности земства по народному образованію. Учебное вѣдомство неоднократно сообщало министру внутреннихъ дѣлъ, что въ земствахъ Тверской губерніи возникли при управахъ особые совѣты съ участіемъ въ нихъ народныхъ учителей и учительницъ, затрудняющіе правительственный въ этой области надзоръ учебнаго начальства, Такъ, при новоторжской уѣздной земской управѣ, согласно желанію собранія учителей народныхъ училищъ, образованъ въ 1903 году съ участіемъ ихъ комитетъ, дѣятельность коего началась немедленно же мѣрами, направленными къ устраненію учителей, неугодныхъ большинству комитета.

Заявленія учебнаго начальства о неправильномъ отношеніи новоторжскаго уѣзднаго земства къ дѣлу народнаго образованія въ полной мѣрѣ подтвердились обозрѣніемъ дѣятельности земскихъ учрежденій Тверской губерніи, по Высочайшему повелѣнію произведеннымъ гофмейстеромъ Штюрмеромъ въ концѣ прошлаго года, а также свѣдѣніями, поступавшими въ департаментъ полиціи.

При этомъ выяснилось, что перемѣщеніе исполнительной, а отчасти и распорядительной власти изъ вѣдѣнія управъ въ вѣдѣніе установленій, состоящихъ изъ наемныхъ лицъ, и возрастающее ихъ вліяніе на ходъ земскихъ дѣлъ и въ частности на замѣщеніе должностей привели къ проникновенію въ среду земскихъ служащихъ Тверской губерніи значительнаго количества лицъ, неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи. Въ этомъ отношеніи особаго вниманія заслуживаетъ составъ народныхъ учителей, несмотря на то, что инспекторомъ народныхъ училищъ не были допущены къ назначенію до 40°/о предположенныхъ состоящимъ при управѣ комитетомъ кандидатовъ на должности учителей земскихъ школъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такого преобладанія подобныхъ лицъ въ названномъ уѣздѣ явилось стремленіе обратить школьное преподаваніе въ орудіе пропаганды не только противъ существующихъ государственнаго и общественнаго строя, но и противъ религіи. При чтеніяхъ по естествовѣдѣнію развивалась мысль, что нѣтъ божества и что въ мірѣ наблюдается только дѣйствіе силъ природы и т. п. Между прочимъ, на квартирѣ одного изъ народныхъ учителей Новоторжскаго уѣзда найденъ складъ революціонныхъ изданій, причемъ выяснено, что эти изданія распространялись народными учителями среди учениковъ и черезъ посредство ихъ и въ средѣ взрослаго населенія. Обнаружено, что учителя читали ученикамъ литературныя произведенія, разсчитанныя на возбужденіе умовъ противъ правительства и церкви, а чтенія произведеній, дозволенныхъ къ обращенію въ школахъ, сопровождались объясненіями, направленными къ утвержденію въ умахъ слушателей противогосударственныхъ воззрѣній и къ колебанію началъ вѣры и нравственности; напримѣръ, чтеніе «Капитанской дочки» Пушкина сопровождалось туманными картинами, изображавшими повѣшеніе дворянъ мятежной черныю, и соотвѣтственными поясненіями. Насколько настойчиво проводилось подобное тлетворное направленіе преподаванія, видно изъ того, что во многихъ учебныхъ тетрадяхъ учениковъ народныхъ училищъ, въ изложеніи прочитаннаго ими на урокахъ, усмотрѣны возмутительныя и дерзко-кощунственныя сужденія о церкви и духовенствѣ.

При такомъ положеніи школьнаго дѣла въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тверской губерніи знаменательнымъ представляется постановленіе губернскаго земскаго собранія минувшаго года по школьному вопросу въ Тверскомъ уѣздѣ. Войдя безъ особыхъ къ тому основаній въ обсужденіе ходатайства тверского уѣзднаго земства о передачѣ земскихъ школъ духовному вѣдомству, губернское земское собраніе постановило принять по отношенію къ названному земству цѣлый рядъ карательныхъ мѣръ, а именно: закрыть уѣзду, со времени передачи школъ духовенству, кредитъ на медикаменты и учебныя пособія, потребовать немедленно возврата всѣхъ ссудъ, выданныхъ ему изъ школьно-строительнаго капитала, и т. д., причемъ, какъ значится въ утвержденномъ собраніемъ докладѣ, земское собраніе вполнѣ сознавало, насколько тяжело отразятся предложенныя мѣры на населеніи Тверского уѣзда.

Все изложенное въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что вновь избранный на трехлѣтіе 1904—1906 гг. составъ тверской губернской и новоторжской уѣздной земскихъ управъ не даетъ основанія ожидать устраненія указанныхъ выше печальныхъ явленій, и что послѣднее тверское очередное губернское собраніе, найдя время для весьма подробнаго обсужденія упомянутаго ходатайства тверского уѣзднаго земства, разошлось ранѣе срока, положеннаго для его занятій, не приступивъ къ разсмотрѣнію земской смѣты на 1904 годъ, поставило министра внутреннихъ дѣлъ въ необходимость представить Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ о принятіи особыхъ мѣръ къ упорядоченію дѣятельности земскихъ учрежденій Тверской губерніи. Высочайшее по сему докладу повелѣніе состоялось 8-го сего января. Устраняя главнѣйшія изъ обстоятельствъ, препятствующихъ правильному теченію земскаго дѣла въ Тверской губерніи, указанныя Высочайшимъ повелѣніемъ мѣры могутъ облегчить возможность благонамѣреннымъ лицамъ въ составѣ земскихъ учрежденій водворить въ нихъ порядокъ и придать ихъ дѣятельности согласное съ закономъ и дѣйствительными потребностями населенія направленіе.

— Министры: внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, на основаніи примѣчанія къ ст. 148 ус . ценз. и печ., свод. зак. т. XIV, изд. 1890 г., въ совѣщаніи 4-го сего января постановили: совершенно прекратить изданіе газеты «Русская Земля», выходящей въ свѣтъ въ С.-Петербургѣ.

— Министръ внутреннихъ дѣлъ, 6-го января 1904 года, опредѣлилъ: вновь допустить розничную продажу нумеровъ газеты «Новости», воспрещенную распоряженіемъ отъ 5-го декабря минувшаго года.

— Министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ разрѣшить съ 1-го января 1904 г. выпускъ въ свѣтъ пріостановленнаго распоряженіемъ отъ 24-го августа журнала «Развлеченіе», перешедшаго нынѣ въ собственность пот. поч. гр. Николая Пастухова.

† ДМИТРІЙ АНДРЕЕВИЧЪ КОРОПЧЕВСКІЙ.

(Некрологъ).

18-го декабря 1903 года отъ болѣзни сердца скончался скромный труженикъ-писатель Дмитрій Андреевичъ Коропчевскій. Имя покойнаго не пользуется широкою извѣстностью въ настоящее время, а между тѣмъ за нимъ числится не мало заслугъ, которыя должны бы по справедливости быть оцѣнены русскимъ обществомъ. Въ настоящее время, не располагая всѣмъ необходимымъ матеріаломъ для того, чтобы дать всестороннюю оцѣнку дѣятельности покойнаго, мы хотѣли бы, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ напомнить читателю, въ чемъ заключалась эта, въ высшей степени разнообразная дѣятельность Д. А.

Внѣшними событіями жизнь Д. А., протекшая въ ежедневномъ усидчивомъ трудѣ, не богата. Родился Д. А. 5-го іюля 1842 года. Въ 1852 году поступилъ въ 4-ую московскую гимназію, которую окончилъ съ золотою медалью. Въ 1863 году поступилъ на физико-математическій факультетъ Московскаго университета и окончилъ его со степенью кандидата по отдѣленію естественныхъ наукъ въ 1867 году. Съ этого же года началась его литературная дѣятельность, не прекращавшаяся вплоть до самой смерти въ теченіе болѣе 35 лѣтъ. Началъ Д. А. съ мелкихъ театральныхъ рецензій и замѣтокъ о театрѣ, страстнымъ поклонникомъ котораго онъ былъ всегда; помѣщались эти замѣтки въ московскихъ газетахъ и періодическихъ изданіяхъ *). Въ томъ же 1867 году Д. А. переѣхалъ въ С.-Петербургъ. Въ 1868 году онъ принимаетъ участіе въ издававшемся подъ редакціей Тиблена литературномъ, научномъ и политическомъ журналѣ «Современное Обозрѣніе», гдѣ имъ помѣщаются въ отдѣлѣ беллетристики разсказы за подписью Таранскій, а также статьи въ научномъ отдѣлѣ, гдѣ принимали также участіе В. В. Лесевичъ и П. Л. Лавровъ. Но послѣ выхода 6-й книжки журналъ прекратилъ свое существованіе. Съ октября 1870 года Д. А. Коропчевскій вмѣстѣ съ Хлѣбниковымъ и Гольдсмитомъ издаетъ ежемѣсячный журналъ «Знаніе»; однимъ изъ редакторовъ журнала также былъ Д. А. Вначалѣ это былъ чисто научный и критико-библіографическій журналъ, но съ 1873 года программа его расширяется введеніемъ отдѣловъ политико-экономическаго и юридическаго. Главной задачей журнала было знакомить читателей съ результатами всѣхъ отраслей положительной науки. Въ журналѣ сотрудничали: Ю. Янсонъ, И. Лучицкій, М. Драгомановъ, В. Майковъ, Ѳ. Бредихинъ. Въ числѣ переводныхъ статей въ «Знаніи» были напечатаны: «Происхожденіе человѣка и половой подборъ» Дарвина, «Изученіе соціологіи» Спенсера, статьи Гельмгольца, Лёббока, Тиндаля и пр. Въ этотъ же періодъ изданъ Д. А. Коропчевскимъ рядъ цѣнныхъ переводовъ, напр.: «Первобытная культура» Тэйлора (Спб. 1872 г.) и «Начала цивилизаціи» Дж. Лёббока (Спб. 1876 г.). Въ «Знаніи» были также напечатаны статьи Д. А. подъ заглавіями: «Реальныя основы мистическихъ явленій», «Миѳы дѣтскихъ сказокъ», «Переселеніе народовъ» (эмиграція и иммиграція). Въ 1873 году была напечатана Д. А. въ спеціальномъ изданіи «Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ, гигіенѣ и пр.», большая статья, обратившая на себя вниманіе, подъ заглавіемъ: «Искусственное искаженіе половыхъ органовъ у дикихъ народовъ». «Знаніе» просуществовало до апрѣля 1877 года, когда журналъ былъ закрытъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Д. А. Коропчевскій лишился и небольшого своего состоянія, которое ушло на покрытіе долговъ по изданію «Знанія». Съ 1878 г. Д. А. вмѣстѣ съ И. А. Гольдсмитомъ редактируетъ научный, литературный и политическій журналъ «Слово», просуществовавшій до 1881 года. Въ журналѣ приняли участіе: Надсонъ, Засодимскій, Курочкинъ, Каронинъ, Миртовъ, И. Янжулъ, Каблицъ-Юзовъ, Е. Де-Роберти. Въ «Словѣ» Д. А. были напечатаны статьи подъ заглавіями: «Родовое начало въ древнемъ обществѣ» и «Родовыя учрежденія у классическихъ народовъ». Вообще, восьмидесятые годы были тяжелымъ періодомъ жизни Д. А. Очутившись съ закрытіемъ «Слова» въ положеніи рядового рабочаго на литературномъ рынкѣ, онъ перенесъ не мало матеріальныхъ невзгодъ: достаточно будетъ сказать, что для сокращенія всегда скромныхъ своихъ личныхъ расходовъ онъ принужденъ былъ выѣхать изъ Петербурга—положеніе, крайне неудобное для постояннаго сотрудника многихъ изданій. Къ восьмидесятымъ годамъ относится сотрудничество Д. А. во «Всемірной Иллюстраціи» и ежемѣсячномъ къ ней приложеніи «Трудъ», а также въ журналѣ «Наблюдатель». Во всѣхъ трехъ названныхъ изданіяхъ Д. А. помѣщаетъ повѣсти, разсказы, романы и въ то же время ведетъ научную хронику. Такъ, во «Всемірной Иллюстраціи» за 1889 г. находимъ его повѣсть «Радужная пыль» (за 1889 г.) подъ псевдонимомъ Г. Таранскій, «Конецъ міра» Фламмаріона пер. Д. А. (1893 г.), «Цѣна жизни», разсказъ за подписью Д. А. Коропчевскій (1894 г.). Въ «Трудѣ» (1889 г.) печатается его романъ подъ заглавіемъ: «Золотое сердце». Тамъ же находимъ его научныя и критическія статьи: «Рабство въ древнемъ мірѣ», «Природа въ древней и новой поэзіи» (обѣ 1889 г.), «Письма о литературныхъ вопросахъ» (художники-реалисты) и «Психологія войны» (за 1890 г.), «Таинственный материкъ» (историко-географическій очеркъ) и «Подборъ въ человѣчествѣ» (за 1891 г.), «Сношенія между Старымъ и Новымъ свѣтомъ до Колумба» (за 1892 г.). Въ научной хроникѣ находимъ статьи подъ заглавіями: «Борьба съ бугорчаткой», «О сочиненіи Стэнли», «Пальмы на сѣверѣ», «Подводныя горы и пропасти», «Подъемныя силы», «Воздушное электричество».

---

*) Важнѣйшія данныя о литературной дѣятельности Д. А. К. любезно сообщены намъ П. В. Быковымъ.

Къ восьмидесятымъ годамъ относятся также слѣдующія изданія и статьи Д. А. «Разсказы про дикаго человѣка» (Москва 1887), выдержавшее съ тѣхъ поръ нѣсколько изданій и далѣе въ серіи «Современная наука» очерки: «Народное предубѣжденіе противъ портрета», «Волшебное значеніе маски», «Древнѣйшій спортъ» (1889 г.). Далѣе: «Д. Ливингстонъ» въ библіографической библіотекѣ Ф. Павленкова (1889 г.), «Меланезійцы» (1889 г. Спб.), «Полинезійцы» (1889 г. Спб.) и «Микронезійцы» (1889 г. Спб.). Выше мы уже говорили объ увлеченіи Д. А. театромъ. Живя въ Москвѣ, Д. А. былъ близко знакомъ съ дѣятелями сцены. Отголоскомъ этого времени служатъ двѣ статьи его, помѣщенныя въ «Ежегодникѣ Императорскихъ театровъ», сезонъ 1895—1896 г.г., книжка 3-ья приложеній. Статьи подписаны полной фамиліей и носятъ заглавія: «Сергѣй Васильевичъ Васильевъ» и «Сергѣй Васильевичъ Шумскій» (изъ воспоминаній о московскомъ театрѣ).

Начало 90-хъ годовъ является поворотнымъ моментомъ въ дѣятельности Д. А. Коропчевскаго: изъ литератора онъ постепенно превращается въ ученаго и преподавателя. Къ этому времени Д. А. сдалъ магистерскій экзаменъ по каѳедрѣ географіи и антропологіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ и началъ работать надъ сочиненіемъ—своей магистерской диссертаціей. Всѣ его работы и печатныя статьи носятъ съ этихъ поръ научно-популярный характеръ и сгруппированы вокругъ его спеціальности: географіи и антропологіи. Къ вышеупомянутымъ «Разсказамъ про дикаго человѣка» можно прибавить слѣдующія названія: «Краткое народовѣдѣніе» д-ра Шурца, перев. Д. А. К. (Спб. 1895 г.), «Времена года», «Исторія горы и исторія ручья» (передѣлка Реклю), «Прежде и теперь» (культурно-историческіе популярные очерки), «Первобытный человѣкъ», «Дикій человѣкъ». Далѣе идутъ: изданные въ Москвѣ К. И. Тихомировымъ: «Введеніе въ политическую географію» (1902 г.) и «Первые уроки этнографіи» (1903 г.) и отдѣльныя статьи въ «Самообразованіи» Рамма «О преподаваніи этнографіи въ средней школѣ», въ «Живописной Россіи» Вольфа статья: «Этнографія—наука и этнографія—литература» за 1901 г. Упомянемъ еще участіе Д. А. въ изданіяхъ О. Н. Поповой, въ издательской фирмѣ «Знаніе», въ «Читальнѣ народной школы», изд. А. А. Слѣпцова, и, наконецъ, переводы капитальныхъ сочиненій: «Африка» Сиверса и двухъ большихъ томовъ «Народовѣдѣнія» Фр. Ратцеля, изд. товарищества «Просвѣщеніе», къ которымъ Д. А. написалъ дополненіе подъ заглавіемъ: «Расовая и этническая группировка человѣчества». Къ этой же серіи работъ относится изданный Вольфомъ этнографическій атласъ Лейтсмана съ текстомъ Киргофа, пер. Д. А. Коропчевскаго.

Смерть застала Д. А. надъ корректурными листами его магистерской диссертаціи, получившей названіе: «Значеніе географическихъ провинцій въ этногенетическомъ процессѣ». Девять листовъ этого сочиненія уже отпечатаны, остальное осталось въ видѣ рукописи. Въ этомъ сочиненіи Д. А. подошелъ къ рѣшенію наиболѣе трудныхъ по своей сложности и запутанности, и вмѣстѣ съ тѣмъ основныхъ вопросовъ антропологіи—къ ученію о расѣ, о вліяніи климата и географической среды въ широкомъ смыслѣ на образованіе и развитіе этническихъ признаковъ въ человѣческихъ группахъ. Этими словами мы должны пока ограничиться, говоря объ этомъ сочиненіи, такъ какъ для всесторонней его оцѣнки необходимо знакомство съ нимъ въ цѣломъ; мы же имѣли въ рукахъ лишь отпечатанные 9 первыхъ листовъ.

Въ журналѣ «Міръ Божій» Д. А Коропчевскій принималъ участіе въ естественнонаучномъ отдѣлѣ и помѣстилъ рядъ рецензій по этнографіи, антропологіи и географіи, очеркъ «Пещерные люди» (92 г.) и редактировалъ переводъ «Исторіи культуры» Дюкудрэ (отд. III, 95 и 96 гг.).

Остается еще сказать о преподавательской дѣятельности Д. А. Съ 1897 года Д. А. преподаетъ географію на женскихъ педагогическихъ курсахъ, преобразованныхъ въ прошломъ году въ женскій педагогическій институтъ. О дѣятельности Д. А. въ качествѣ преподавателя на курсахъ намъ извѣстно мало; изъ личныхъ разговоровъ съ Д. А. о его дѣятельности на курсахъ вспоминается лишь то замѣтное удовольствіе, которое онъ высказывалъ по поводу того, что ему удалось ввести въ учебную программу института особый курсъ антропогеографіи съ этнографіей.

Послѣ смерти проф. Петри съ 1900 г. Д. А. Коропчевскій читалъ лекціи по антропологіи и этнографіи въ качествѣ пр.-доцента въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Объ этой сторонѣ его дѣятельности мы имѣемъ свѣдѣнія, сообщенныя его бывшимъ слушателемъ Д. Т. Яновичемъ. Вотъ названія тѣхъ курсовъ, которые были прочитаны Д. А. въ недавніе годы его профессорской дѣятельности: 1) Общая этнологія съ антропологическимъ введеніемъ. 2) Этнографія черной и желтой расы. 3) Технологія народовъ и 4) Сравнительная миѳологія—послѣдній курсъ былъ только начатъ и слушатели успѣли прослушать лишь одно введеніе въ этотъ курсъ. Недостатка въ слушателяхъ у Д. А. никогда не было: онъ не зналъ пустой аудиторіи. Его лекціи охотно посѣщались студентами разныхъ факультетовъ, натуралистами, филологами и юристами, которые, иногда случайно попавъ въ тѣсное и неприглядное помѣщеніе антропологическаго кабинета, нерѣдко становились его усердными посѣтителями. Къ своимъ слушателямъ Д. А. всегда относился съ удивительной предупредительностью и сердечностью, нерѣдко по долгу бесѣдуя съ каждымъ изъ нихъ объ интересующемъ ихъ вопросѣ; многихъ онъ приглашалъ къ себѣ на домъ, снабжалъ литературой для работъ на взятую тему, нерѣдко самъ переводилъ изъ книгъ на иностранныхъ языкахъ нужныя для сочиненія мѣста; въ особенности-же цѣнили въ немъ умѣнье поддержать бодрое настроеніе и охоту къ самостоятельной работѣ въ той или иной научной области. Учащаяся молодежь несомнѣнно утратила въ немъ истиннаго друга, всегда готоваго поддержать всякаго къ нему обратившагося въ трудную минуту. Къ студентамъ онъ относился какъ старшій товарищъ и это простое, привѣтливое отношеніе чувствовалось сразу всякимъ, кто хоть разъ имѣлъ случай обратиться съ чѣмъ-нибудь къ Д. А. Кромѣ того, Д. А. читалъ лекціи по этнографіи на педагогическомъ съѣздѣ учителей и учительницъ въ іюнѣ 1902 года въ г. Саратовѣ.

Мы очень затруднились бы перечислить всѣ тѣ дѣла и культурныя начинанія, гдѣ Д. А. принималъ дѣятельное участіе; вотъ нѣкоторыя изъ нихъ, которыя относятся къ послѣднему времени и у всѣхъ на памяти. Д. А. принялъ участіе въ выработкѣ программъ по географіи для училища кн. Тенишева въ С.-Петербургѣ, для С.-Петербургскаго учительскаго института; участвовалъ въ работахъ по изданію международной библіографіи по точнымъ наукамъ, издаваемой въ Лондонѣ; принялъ участіе въ засѣданіяхъ особой предварительной коммиссіи по организаціи этнографическаго отдѣла русскаго музея императора Александра III, наконецъ, въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ былъ предсѣдателемъ антропологическаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ.

Намъ кажется, что этаго бѣглаго фактическаго очерка дѣятельности Д. А., гдѣ многое, съ увѣренносью можно сказать, пропущено, вполнѣ достаточно, чтобы составить себѣ нѣкоторое представленіе о томъ, чѣмъ русское общество и русское просвѣщеніе обязаны покойному. И все-же, подводя итогъ этой дѣятельности и принимая во вниманіе разнообразныя способности Д. А., его большія и чрезвычайно разнообразныя познанія, невольно думаешь о томъ, что отъ Д. А. получено далеко не все, что онъ могъ бы дать при болѣе благопріятно сложившихся обстоятельствахъ его личной жизни и иныхъ условіяхъ нашей общественной жизни.

20-го декабря 1903 года Д. А. Коропчевскій похороненъ на Волковомъ кладбищѣ въ двухъ шагахъ отъ могилы Г. И. Успенскаго.

Н. Могилянскій.

ИЗЪ ОБЛАСТИ БЛАГИХЪ ПОЖЕЛАНІЙ.

(3-й съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію).

I.

Нынѣшнія святки, подобно прошлогоднимъ, явились исключеніемъ: умственная жизнь не только не остановилась временно, но разгорѣлась съ особой силой. И электротехника, и гинекологія, и профессіональное образованіе—цѣлыхъ три съѣзда встрѣтили новый годъ на берегахъ Невы. Только что закончился и пироговскій съѣздъ.

Съѣзды эти внесли необычное оживленіе въ русскую общественную жизнь. Надо ли удивляться? Въ то время какъ промышленные съѣзды, съѣзды порайонные и всероссійскіе, все увеличиваются въ своемъ числѣ, все расширяютъ свое вліяніе, съѣзды представителей нашей образованности происходятъ такъ рѣдко, съ такими затрудненіями—ихъ голосъ не находитъ себѣ вліятельныхъ слушателей... Одни засѣданія проходили веселѣе, другія—поскучнѣй. И тѣ, и другія заполняли своими отчетами страницы газетъ, мелькая столбцами сѣраго петита. Въ промежуткахъ между засѣданіями совершались совмѣстные осмотры достопримѣчательностей столицы...

Вотъ ораторы разъѣхались по своимъ уголкамъ, и товарищескій обмѣнъ мнѣній изъ узкихъ рамокъ столицы разнесется далеко-далеко...

Безъ сомнѣнія, третій съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи, открывшійся 25-го декабря въ гостепріимно открытыхъ аудиторіяхъ университета и закрытый 4-го января этого года, коснулся особенно животрепещущей стороны нашей общественности.

Въ настоящее время населеніе доведено до сознанія значенія для него образованія *самой силой вещей*. Московскій агрономическій съѣздъ, всероссійскій съѣздъ дѣятелей по кустарной промышленности, недавно закончившіе свои работы комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, даже тѣ съѣзды, которые все увеличиваются въ количествѣ, все расширяютъ свое вліяніе—развѣ они не показываютъ ежечасно, ежеминутно, что съ темнотой народной далеко не уйдешь, что образованіе нужно, неотложно нужно? Что же мы видимъ? Въ началѣ прошлаго вѣка бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія составлялъ 2,5% всего бюджета, въ концѣ—2,6%, т.-е. то же мѣсто занималъ. Послѣ 1892 г. сумма эта, 22 милліона, была урѣзана. Лишь въ 1898 г. бюджетъ перешагнулъ за 26 милл. Но, увы! общегосударственный бюджетъ не стоитъ на одномъ мѣстѣ: 26 милл. составляли 2% по отношенію къ нему. Въ виду предстоявшей реформы бюджетъ министерства опять увеличивается. Въ 1902 г. онъ составлялъ абсолютно—36,6 милл., по отношенію къ общему бюджету—1,9%. На этомъ обстоятельствѣ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ остановился С. Ю. Витте. Онъ указалъ на то, что кромѣ министерства народнаго просвѣщенія на нужды образованія отпускаютъ другія вѣдомства, что сумма, ассигнованная на этотъ предметъ, составляетъ не 36,6 милл., а 74,8—3,7% общаго бюджета. За десятилѣтіе,—замѣтилъ бывшій министръ,—расходы казны на народное образованіе возрасли вдвое—съ 37,4 милл. до 74,8 милл. Безспорно, это такъ. И все же ростъ народнаго образованія ничтоженъ, крайне ничтоженъ. Даже дворянство, даже «купечество россійское» не въ состояніи выставить изъ среды своей достаточное количество лицъ съ однимъ среднимъ образованіемъ. Сравните, напримѣръ, русскаго и западно-европейскаго капиталиста въ отношеніи знанія дѣла, умѣнія стать выше рутины! Если такова образованность нашего дворянства и нашей буржуазіи, которымъ такъ облегченъ доступъ во всѣ учебныя заведенія, то что сказать о народѣ?

И если никакія стѣны не могутъ задержать проникновенія къ намъ вмѣстѣ съ западно-европейскими формами развитія и западно-европейской культуры, если всѣ взоры устремлены на этотъ процессъ, то понятно, съ какой силой приковываетъ къ себѣ вниманіе всякій фактъ, всякое событіе, такъ или иначе бросающій свѣтъ въ эту сторону.

Вотъ почему съѣздъ, о которомъ мы говоримъ, оказался такимъ живымъ, такимъ интереснымъ. Съѣздъ, имѣвшій цѣлью «выясненіе положенія и потребностей техническаго и профессіональнаго образованія, а также разрѣшеніе вопросовъ, касающихся этого образованія» *), не могъ не выйти за эти предѣлы. Уже съ самаго начала всплыла, забилась струйка общественности, въ лучшемъ смыслѣ слова, и не покидала съѣздъ до конца. Профессора, земскіе дѣятели, учителя, учительницы, статистики, занимающіеся школьными вопросами, присяжные повѣренные—вся эта масса росла. Видно было, что собираются не люди узкой спеціальности, а общественные люди, говорящіе о наболѣвшихъ нуждахъ. Правда, согласно положенію, «публика допускается лишь на торжественныя собранія и сообщенія, которыя не сопровождаются преніями; въ обыкновенныхъ же засѣданіяхъ секцій, на которыхъ происходитъ чтеніе и обсужденіе докладовъ, принимаютъ участіе только члены съѣзда» *), но однихъ членовъ было свыше 2,000 человѣкъ. Ихъ доклады выдвинули эти нужды въ ихъ непосредственной наготѣ.

---

*) Положеніе о третьемъ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи.

II.

Съѣзды дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи возникли по иниціативѣ постоянной коммиссіи по техническому образованію при Императорскомъ русскомъ техническомъ обществѣ, когда послѣдовало въ 1888 г. Высочайше утвержденное положеніе о промышленности. Первый съѣздъ состоялся въ С.-Петербургѣ въ 1889 г., второй—въ Москвѣ въ 1895 г.

Организаціонный комитетъ перваго съѣзда былъ раздѣленъ на 12 секцій, слитыхъ въ шесть отдѣловъ: I—высшія учебныя заведенія, II—реальныя и коммерческія училища, III—среднія и низшія техническія учебныя заведенія, IV—сельско-хозяйственное образованіе, V—профессіональныя училища министерства путей сообщенія и VI—мореходные классы. Второй съѣздъ былъ раздѣленъ на 14 секцій, но здѣсь замѣтно уже нѣчто новое: кромѣ только что названныхъ, въ организаціонный комитетъ второго съѣзда входятъ секція школьной гигіены, секція обученія слѣпыхъ, глухонѣмыхъ и ненормальныхъ дѣтей, секція *общихъ вопросовъ*, касающихся профессіональнаго образованія. *Интересы труда впервые признаются настолько важными, что образуютъ особую секцію—ремесленнаго ученичества.* Еще дальше идетъ послѣдній съѣздъ. Здѣсь выдѣляется не только секція ремесленнаго ученичества, *но и секція образованія рабочихъ, и секція ремесленныхъ учебныхъ заведеній и учебныхъ ремесленныхъ мастерскихъ.* Раньше ихъ не было. Мало того, самой живой, самой многолюдной была десятая секція. Нѣкоторые чуждые съѣзду люди даже ставили ей въ упрекъ шумливость. Отчего это? Да оттого, что слишкомъ много надо было сказать, а времени было мало; оттого, что обширная зала университета иногда не могла вмѣстить всѣхъ, желавшихъ попасть въ нее. Нѣтъ, этотъ притокъ людей, большей частью, съѣхавшихся изъ провинціи, это «отсутствіе зачастую дѣловитости и хладнокровія» **) представляли знаменательное явленіе: они были яснымъ показателемъ того, что съѣздъ озабоченъ больше всего интересами народной массы.

---

*) Iibidem.

**) „Новое Время“, 1904 г., 5-го января.

Итакъ, мы имѣемъ передъ собой вполнѣ опредѣленную тенденцію. Нельзя не признать ее соотвѣтствующей самой глубинѣ русской современности. Вопросъ о томъ — «быть или не быть капитализму въ Россіи» отошелъ въ область преданій. Нѣтъ спору—Россія представляетъ благопріятную почву для капиталистическаго развитія. Огромныя, далеко неисчерпанныя богатства, многочисленное населеніе, быстро переходящее отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, таможенная система, ревниво охраняющая рынокъ — гдѣ и развернуться капиталу, какъ не въ Россіи. Тѣмъ, однако, живучѣе другой вопросъ: почему капитализмъ встрѣчаетъ у насъ непреодолимыя препятствія? почему капиталистическая Россія отстаетъ отъ всѣхъ другихъ капиталистическихъ странъ? Вѣдь, исторія промышленнаго развитія показываетъ, что народы страдаютъ не столько отъ развитія капитализма, сколько отъ недостатка этого развитія. Если бы потребовалось дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы сказали бы: эти препятствія ничего общаго не имѣютъ съ самимъ капитализмомъ. Они лежатъ въ тѣхъ условіяхъ, унаслѣдованныхъ нами, которыя рано или поздно капитализмъ и разрушитъ, чтобы тѣмъ самымъ сыграть у насъ ту же роль, что и на Западѣ. И среди нихъ одно изъ крупнѣйшихъ препятствій это—*некультурность рабочаго человѣка.*

Что сдѣлано у насъ для поднятія умственнаго уровня рабочихъ? Перечень всѣхъ мѣръ въ этомъ направленіи прямо ничтоженъ. Нѣсколько школъ для рабочихъ, устроенныхъ постоянной коммиссіей по техническому образованію въ Петербургѣ, нѣсколько воскресныхъ школъ, разбросанныхъ въ фабричныхъ районахъ, еще меньшее число такихъ школъ въ Москвѣ, организованныхъ мѣстной коммиссіей по техническому образованію — такъ обстоитъ дѣло въ столицахъ. Что же въ провинціи? Что имѣется для сотенъ тысячъ ремесленниковъ и кустарей? Если попытка распространенія образованія среди рабочихъ говоритъ о томъ, что вопросъ этотъ, по крайней мѣрѣ, существуетъ, то въ мірѣ мелкой промышленности даже и вопроса не существуетъ... Вотъ почему еще и теперь по отношенію къ русской промышленности остается глубоко сраведливымъ замѣчаніе Гакстгаузена: «рабочія руки дороги въ Россіи». Напр., въ Англіи на 1.000 веретенъ приходится трое рабочихъ, въ Россіи—16,6 рабочихъ. Получая въ четыре раза высшую плату, англійскій рабочій обходится дешевле фабриканту, чѣмъ русскій. «Всѣ компетентные люди считаютъ главной причиной медленной эксплоатаціи выдающихся естественныхъ богатствъ Россіи невысокое качество русскаго труда» *).

Итакъ, центръ тяжести въ образованіи производителя. Кто же долженъ нести расходы по образованію? Кому должно быть ввѣрено дѣло? Каковъ долженъ быть характеръ того образованія, которое предоставляется труженику?

При разработкѣ вопросовъ матеріальнаго свойства не было полетовъ въ область неосязаемаго: было сказано то, что нужно. Предлагались, конечно, и частичныя мѣры, но частичныя мѣры, по мнѣнію съѣзда,—палліативы, надобность въ которыхъ отпадаетъ сама собой, если хозяева, которымъ школа, обучающая рабочихъ, приноситъ выгоды, повышая работоспособность послѣднихъ, будутъ признаны обязанными нести всѣ расходы, вызываемые школой. Сводъ законовъ относится чрезвычайно бережно къ затратамъ хозяевъ на образованіе рабочихъ. «При невозможности приспособить существующія начальныя училища для удобнаго посѣщенія оныхъ малолѣтними рабочими,—читаемъ мы въ уставѣ о промышленности (ст. 116) — фабричная инспекція обращается объ устройствѣ для означенной надобности особыхъ школъ къ мѣстному учебному начальству. Послѣднее, съ своей стороны, принимаетъ всѣ зависящія мѣры къ учрежденію подобныхъ училищъ и входитъ по сему предмету въ сношенія съ подлежащими земствами, городскими или сельскими обществами, церковно-приходскими попечительствами и тѣми частными лицами, отъ которыхъ возможно ожидать содѣйствія дѣлу начальнаго образованія». Здѣсь всѣ фигурируютъ: и города, и земства, и попечительства, и частныя лица—отсутствуютъ только владѣльцы фабрикъ и заводовъ. Впрочемъ, владѣльцамъ фабрикъ, заводовъ и мануфактуръ «предоставляется открывать при оныхъ школы для первоначальнаго обученія малолѣтнихъ рабочихъ» *), т.-е. законъ предоставляетъ имъ *право* заводить школы: хотите — заводите, препятствій начинанію не будетъ; не хотите — и безъ школъ обойдется... Само собою разумѣется, владѣльцы не спѣшили и не спѣшатъ воспользоваться такимъ правомъ. Образованіе рабочихъ массъ зависитъ отъ стеченія обстоятельствъ — отъ богатства или бѣдности, отъ доброй воли частнаго лица и проч., а если въ болѣе крупныхъ предпріятіяхъ и сдѣланы двѣ-три попытки, то это — капли въ морѣ, отъ которыхъ' можетъ быть ни тепло, ни холодно. Естественно, кажется, заключить, что право владѣльцевъ открывать школы для рабочихъ равносильно полному невѣжеству рабочихъ, что это право должно стать обязанностью, если фабричныя школы не должны быть милостью, падающей со стола добровольцевъ, тѣмъ болѣе естественно, что идея, вошедшая въ сознаніе русскихъ дѣятелей по техническому образованію, нашла себѣ приверженцевъ и въ оффиціальныхъ сферахъ. Еще въ 1900 г. газеты очень много говорили на эту тему: дѣло въ томъ, что департаментъ торговли и мануфактуръ высказалъ взглядъ, согласно которому владѣльцы промышленныхъ предпріятій могли бы уже быть обязанными строить школы для малолѣтнихъ рабочихъ. Такъ полагалъ департаментъ. Правда, мнѣніе департамента не нашло тогда сочувствія въ министерствѣ финансовъ. Но вскорѣ и само министерство возбудило вопросъ объ учрежденіи при всѣхъ существующихъ въ Россіи фабрикахъ и заводахъ школъ для рабочихъ. Старый предразсудокъ пошатнулся, значитъ, не только въ сознаніи дѣятелей въ области техническаго образованія.

---

*) Шульце-Геверницъ. „Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи“. Пер. съ нѣм. Спб. 1901 г., стр. 115.

Не менѣе очевидно, кому слѣдуетъ довѣрить дѣло.

Учебное дѣло болѣе, чѣмъ какое-либо другое, требуетъ мѣстнаго, а не центральнаго управленія—въ этомъ сошлись всѣ члены съѣзда. Дѣло просвѣщенія должно быть изъято изъ тиши бюрократическихъ кабинетовъ. Развѣ опытъ Англіи,—говорилъ г. Лавриновичъ,—гдѣ почти всѣ отрасли школьнаго дѣла вѣдаются общественными организаціями, гдѣ народное образованіе ввѣрено мѣстнымъ общинамъ, имѣющимъ даже право обязывать родителей посылать своихъ дѣтей въ школу, гдѣ участіе въ школьномъ дѣлѣ государства ограничивается только выдачей субсидіи — развѣ блестящіе результаты этой организаціи ничего намъ не говорятъ? Къ сожалѣнію, строя аналогичный проектъ для нашего отечества, г. Лавриновичъ самъ же забываетъ свой благодѣтельный образецъ. По его проекту, вся Россія дѣлится на особые промышленные районы. Въ каждомъ изъ нихъ образуется окружный совѣтъ по дѣламъ «техническаго (?) образованія», состоящій изъ представителей городского и земскаго самоуправленія, фабричной инспекціи, учебнаго вѣдомства, фабричной и ремесленной промышленности, изъ приглашаемыхъ совѣтомъ лицъ, извѣстныхъ своею дѣятельностью въ сферѣ народнаго образованія — однимъ словомъ, всѣхъ, кромѣ тѣхъ, о комъ г. Лавриновичъ хлопочетъ. Отчего докладчикъ забываетъ самихъ рабочихъ? Совѣту,—говоритъ онъ, принадлежитъ общее завѣдываніе и руководительство дѣломъ образованія рабочихъ всѣхъ категорій своего района; они занимаются разработкой программы курсовъ и школъ, равно какъ разсмотрѣніемъ программъ, внесенныхъ на обсужденіе совѣта извнѣ; опредѣляютъ характеръ тѣхъ школъ и учрежденій, которыя должны быть открыты сообразно мѣстнымъ потребностямъ, подбираютъ комплектъ преподавателей, наблюдаютъ за правильностью постановки дѣла и проч. *). Но кто же обо всемъ этомъ будетъ лучше заботиться, чѣмъ сами рабочіе? Дайте имъ только возможность. Склонность руководить, точно народъ является лишь младенцемъ, характерна, конечно, для нѣкоторыхъ учрежденій. Но какъ ни идеализируетъ народъ интеллигенція, и у нея иногда примиряется съ этой идеализаціей отношеніе сверху внизъ. Конечно, интеллигентъ искренно убѣжденъ, что то, что онъ даетъ народу, дѣйствительно послѣднему нужно; но это еще не значитъ, что это и въ дѣйствительности такъ. И если этотъ младенецъ подчасъ видитъ значительно дольше, чѣмъ сами просвѣтители, то, очевидно, онъ не младенецъ, а товарищъ, съ которымъ надо считаться.

---

*) Ст. 112 устава о промышленности.

Каковъ же характеръ того образованія, которое нужно пролетаріату, каковъ типъ? Еще на первыхъ съѣздахъ выяснилось: никакое техническое и профессіональное образованіе не приведетъ ни къ какимъ цѣннымъ результатамъ, если не будетъ правильно и плодотворно поставлено *общее* образованіе. Настоятельная необходимость «общихъ вопросовъ» сказалась ко времени второго съѣзда съ такою силой, что цѣлая секція была посвящена этимъ вопросамъ. Черезъ всю же дѣятельность третьяго съѣзда эта идея прошла красною нитью. Въ самомъ дѣлѣ, профессіональная выучка отнюдь не рѣшаетъ тѣхъ задачъ, ко торыя присущи самой идеѣ образованія. Нельзя не видѣть,—она нужна и фабриканту, и рабочему, фабриканту даже больше, такъ какъ нужда въ технически подготовленныхъ рабочихъ, какъ мы видѣли, очень велика, очень остра; каждый шагъ въ этомъ направленіи можетъ быть разсматриваемъ, какъ новая милость русскому капиталу, который всегда приковывалъ къ себѣ весьма пристальное вниманіе нашего финансоваго вѣдомства. Но что касается образованія въ истинномъ смыслѣ этого слова, то оно не только не рѣшается профессіональной школой, оно просто прячется подъ сукно. Не говоримъ уже о томъ, что значительнѣйшая часть пролетаріата не проходитъ начальной школы: процентъ малограмотныхъ рабочихъ, совершенно неграмотнаго крестьянства, изъ котораго и вербуются новые и новые ряды пролетаріата, настолько значителенъ, что начать просвѣщеніе съ какой-нибудь спеціальности совершенно безполезная затѣя. Что вынесетъ рабочій, кромѣ непониманія, кромѣ разочарованія? Являясь съ самымъ искреннимъ уваженіемъ къ наукѣ, такой слушатель уйдетъ и больше уже не возвратится. Таковъ опытъ большинства курсовъ для рабочихъ, не прошедшихъ начальной школы. Если же петербургская коммиссія по техническому образованію представляетъ счастливое исключеніе,—устроенные ею курсы и школы не только не хирѣютъ, но постепенно улучшаются, привлекая все больше и больше рабочаго люда,—то объясняется это,—какъ справедливо замѣтилъ г. Лавриновичъ,—тѣмъ, что коммиссія не ограничивается тѣсными рамками профессіональнаго образованія, а наряду съ послѣднимъ стремится организовать и общее образованіе *). Не говоримъ и о той прямой связи, которая существуетъ между производительностью труда и *общимъ* образованіемъ: ее замѣчаютъ всѣ, кому приходится жить среди пролетаріата. «Этотъ факторъ—констатируетъ П. М. Шестаковъ—имѣетъ въ данномъ отношеніи *не посредствующее, а самостоятельное значеніе»* **). И. А. Вышнеградскій въ своемъ проектѣ нормальнаго плана промышленнаго образованія такъ и писалъ: «ловкость и навыкъ въ употребленіи пріемовъ производства и умѣнье ихъ надлежащимъ образомъ примѣнять не суть единственныя условія, которыя желательно видѣть осуществленными въ рабочемъ»; отсутствіе общаго образованія у рабочихъ «не дозволяетъ имъ въ большинствѣ случаевъ возвыситься до сознательнаго яснаго пониманія производимой ими работы и тѣмъ самымъ понижаетъ ея достоинство, ставя, такимъ образомъ, преграду надлежащему усовершенствованію промышленности и замедляя возвышеніе заработковъ, которое идетъ гораздо быстрѣе для рабочихъ, находящихъ *въ общемъ своемъ образованіи* средства къ улучшенію или ускоренію даже механическихъ пріемовъ выдѣлки издѣлій». Нѣтъ, важнѣе всего этого слѣдующее. Рабочій прежде всего человѣкъ, и, какъ таковой, нуждается въ общемъ развитіи, въ общемъ образованіи: именно этого и не даетъ профессіональная выучка никогда. Рабочій будетъ хорошимъ придаткомъ къ машинѣ, онъ увеличитъ въ нѣсколько разъ прибавочную стоимость капитала, но духовное его развитіе отъ этого не подвинется ни на шагъ. Нѣтъ надобности говорить, что такое положеніе вещей едва ли можетъ быть желательно. Дѣйствительно, министерство финансовъ въ проектахъ и предположеніяхъ, отчасти проникшихъ и въ законодательство, неоднократно высказывало мысль о необходимости завести при фабрикахъ и заводахъ школы, преслѣдующія *общее* образованіе. Иначе, однако, взглянуло оно теперь. Слагая съ себя заботу объ организаціи общаго образованія, оно сосредоточило все свое вниманіе на образованіи строго спеціальномъ. Циркуляръ исключаетъ изъ программы всѣ общеобразовательные предметы, допуская ихъ въ минимальной дозѣ въ исключительныхъ случаяхъ; выборъ предметовъ, преподаваемыхъ на курсахъ, опредѣленіе продолжительности и объема ихъ преподаванія, также степени предварительной подготовки лицъ, поступающихъ на курсы, предоставляются владѣльцамъ промышленныхъ заведеній. И школы, и курсы преслѣдуютъ одну цѣль: дать владѣльцамъ опытныя, технически подготовленныя руки.

---

*) Третій съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи. Секція X. Законодательное попеченіе объ образованіи рабочихъ. Докладъ Ю. Н. Лавриновича.

---

*) Ibidem.

**) См. докладъ П. М. Шестакова „Образовательныя учрежденія и грамотность рабочихъ на мануфактурѣ т-ва „Эмиль Циндель“ въ Москвѣ. Курсивъ нашъ.

Итакъ, альфа и омега съѣзда—это *общее* образованіе. Какого же типа, школьнаго или внѣшкольнаго? Въ ряду вопросовъ, внесенныхъ въ програму съѣзда, одно изъ первыхъ мѣстъ занимало распространеніе знаній «внѣ учебныхъ заведеній установившихся типовъ». Безъ сомнѣнія, русскіе дѣятели по техническому образованію стали на совершенно правильную точку зрѣнія. Система школьнаго образованія достаточно выяснена у насъ и съ количественной, и съ качественной стороны. Даже въ Японіи, населеніе которой въ три раза меньше населенія Россіи, въ 1888 г. было свыше 3 милл. учащихся. У насъ же—по даннымъ 1886 г., одновременно, значитъ—число учащихся едва перевалило за 2 милліона. Какъ велико оно въ послѣдніе годы, видно изъ того, что число школъ относительно упало. Правда, число учащихся возросла—по отношеню къ населенію оно составляло въ 1896 г. 3%, въ 1898 г.—3,2%, но если такое отношеніе типично для Россіи, то оно поднимется до 9% — процента всеобщаго обученія при трехгодичномъ курсѣ — лишь черезъ 60 лѣтъ. Россія вступаетъ въ тѣсныя сношенія съ Европой. Она напрягаетъ всѣ силы, чтобы вооружиться ея завоеваніями и...—лишь черезъ 60 только лѣтъ займетъ въ дѣлѣ всеобщаго обученія положеніе странъ, идущихъ теперь въ хвостѣ европейской цивилизаціи (Италіи, Испаніи)! А программы? «Тамъ о нужномъ часто молчатъ», пишетъ г. Рубакину читатель изъ народа. «Сколько разъ мнѣ приходилось видѣть, какъ нѣкоторые ученики обращались съ вопросами къ своимъ учителямъ и учительницамъ, но тѣ уклонялись отъ отвѣта, говоря, что они не могутъ объяснить этого». «А разъ не найдя отвѣта у школьныхъ учителей, человѣкъ начинаетъ самъ вырабатывать его». Такъ, «народное образованіе» на всѣхъ ступеняхъ народной жизни дополняется народнымъ самообразованіемъ, и не только дополняется—такъ вѣдь бываетъ и вездѣ,—нѣтъ, у насъ въ Россіи, въ силу извѣстныхъ условій, первое *замѣняется* послѣднимъ.

Самый живой докладъ былъ докладъ Н. А. Рубакина, наглядно показавшій всю глубину этого знаменательнаго процесса *). «Во многихъ докладахъ рѣчь шла о работѣ для народа», сказалъ докладчикъ: «я буду говорить о работѣ самого народа». Онъ основывается на цѣломъ рядѣ матеріаловъ, собиравшихся въ теченіе 13 лѣтъ—дневниковъ, писемъ, рукописныхъ сочиненій рабочихъ и крестьянъ и пр.

---

*) Н. А. Рубакинъ. „Къ характеристикѣ самообразованія среди трудящихся классовъ“.

Борьба за самообразованіе начинается въ самой глубинѣ народной жизни. Это—самообразованіе въ самой тяжелой обстановкѣ, какую только возможно вообразить. Это—борьба за право мыслить и вникать въ окружающую жизнь, борьба за человѣческое достоинство, борьба съ такими препятствіями, которыя еще не сломила исторія. Это—драма, гдѣ на каждаго побѣдителя имѣются десятки тысячъ побѣжденныхъ. Гдѣ можетъ неграмотный человѣкъ услышать живое человѣческое слово, такое, которое способно дать человѣку пониманіе? Въ силу назрѣвшей нужды, появились свои разсказчики, свои чтецы, странствующіе по деревнямъ и селамъ, съ фабрики на фабрику, съ завода на заводъ. «Одинъ такой начетчикъ,—пишутъ г. Рубакину,—бывшій ткачъ, котораго почему-то долго не принимали на многія фабрики, разсказывалъ въ прошломъ году, что онъ жилъ мѣсяца три такимъ способомъ, самъ учился и другихъ училъ и пропитался чтеніемъ да осталась малая толика на дорогу». Это—творцы современной устной словесности. Обстоятельства, сводящія на нѣтъ книжную и газетную прессу, создаютъ другую—устную, которая создаетъ свои пѣсни и легенды. Народъ выдвигаетъ не только разсказчиковъ и чтецовъ. «Мнѣ приходилось встрѣчать самодѣльныхъ преподавателей изъ народа,—разсказываетъ докладчикъ,—которые чрезвычайно серьезно относились къ своему дѣлу, готовились къ своимъ лекціямъ, а одинъ изъ нихъ, слесарь, года два назадъ бралъ для своей самодѣльной школы, которую посѣщали и неграмотные, коллекціи и приборы изъ подвижного музея техническаго общества и платилъ за нихъ свои деньги». Есть такіе учителя, которые имѣютъ свои программы преподаванія, переходятъ съ фабрики на фабрику. Нѣкоторые изъ нихъ свои лекціи стали, въ концѣ концовъ, печатать. А сотни библіотечекъ, устроенными самими рабочими, на взносы изъ скудной заработной платы? Г. Рубакинъ видѣлъ библіотечки, въ которыхъ было отъ 300 до 500 книгъ—между ними Дарвинъ, Марксъ, Геркнеръ, Блоссъ, главные русскіе классики. Достойно вниманія, что онѣ составляются по спискамъ «лучшихъ книгъ». Тысячи такихъ списковъ ходятъ по рукамъ. За послѣдніе 2—3 года въ библіотечкахъ стали появляться небывалыя произведенія—тетрадки, въ которыя наклеиваются газетныя вырѣзки, характеризующія различныя стороны русской жизни и подобранныя напр., по такимъ вопросамъ: судъ, экономическое положеніе фабрики, экономическое положеніе деревни и пр. Поэты изъ рабочихъ, беллетристы, описывающіе свой бытъ, публицисты, одухотворенные идеей, люди науки, общественной дѣятельности, думающіе думу не о выгодной карьерѣ, а о нуждахъ своего класса—для узкаго эмпирика, можетъ быть, всѣ они представляются исключеніями. Но тотъ, для кого общественная жизнь не исчерпывается областью «факта», увидитъ, что единичность здѣсь только кажущаяся. Рабочій людъ выдвигаетъ свою интелли-

генцію. Прошли времена, когда ея не было. Наконецъ, еще недавно она стремилась уйти изъ своей среды. Теперь она остается въ той же средѣ.

III.

Таковы основныя черты того дѣла, ради котораго съ различныхъ концовъ нашего отечества съѣхались дѣятели по техническому образованію. Мы, однако, преувеличили бы значеніе съѣзда, если бы не указали и на слабую сторону, дававшую себя чувствовать на немъ. Ратуя за достойныя всяческаго поощренія «пожеланія», съѣздъ вмѣстѣ съ тѣмъ мало времени, мало вниманія удѣлялъ той *экономической* обстановкѣ, въ которой только и могутъ быть осуществлены его пожеланія. Вспомнимъ классическія рогожныя фабрики въ Москвѣ. «Начинается работа съ воскресенья съ 9 ч. и всѣ четверо, мужикъ, баба и двое малолѣтнихъ, работаютъ безъ перерыва до 4-хъ утра (мужикъ ткетъ, баба «заправляетъ» станъ, малолѣтніе щиплютъ мочалу); въ 4 часа мужикъ ложится, а остальные работаютъ до 7 ч. утра; въ 7 ч. ложится баба, спитъ до 9 утра; затѣмъ встаетъ, и одинъ малолѣтній ложится до 1 часу дня. Все это время взрослые продолжаютъ работать непрерывно, а второй малолѣтній ложится до 4 ч. вечера; съ 4 вечера и до 2 ночи всѣ работаютъ опять вмѣстѣ безъ передышки; въ 2 часа ложатся, примѣрно, часа на 2, на 3, т.-е. до 4 или 5 часовъ утра и т.-д. *). Или послѣ закона 2 іюня образчикъ г. Янжула устарѣлъ? Но кто не знаетъ, что законъ 2 іюня почти ничего не измѣнилъ въ дѣйствительности. Въ лучшемъ случаѣ, въ распоряженіи рабочаго остается 7, 8, 9 свободныхъ часовъ въ сутки; тутъ и сонъ, и ѣда, и ходьба. Извольте выкроить отсюда что-нибудь и на развитіе! Удивительно ли, если рабочій, съ такимъ уваженіемъ относящійся къ своимъ просвѣтителямъ, съ такою жадностью набрасывающійся на книгу, нерѣдко приходитъ къ убѣжденію, что въ его положеніи, при его трудѣ надо оставить всякую мысль о развитіи. Высказывая благія пожеланія, надо было прежде всего остановиться на условіяхъ, создающихъ полную невозможность идти навстрѣчу пожеланіямъ.

Правда, эти условія были *отчасти* задѣты. Въ этомъ отношеніи большой интересъ представляла секція ремесленнаго ученичества, гдѣ нѣсколько засѣданій было посвящено вопросу о продолжительности рабочихъ часовъ для «учениковъ». Боролись двѣ партіи—съ одной стороны люди культурные и интеллигентные, стремившіеся облегчить положеніе дѣтей, съ другой—ремесленные хозяева. Первые требовали 8 часовъ рабочаго дня для дѣтей съ перерывомъ и 6 часовъ безъ перерыва; вторые же—одинадцати съ половиной часовъ, хотя самъ законъ требуетъ 10 часовъ: «Излишняя свобода дѣйствуетъ-молъ разлагающимъ образомъ не только на дѣтей, но и на подмастерьевъ». Конечно, ихъ голоса не нашли себѣ поддержки. Интересы труда одержали верхъ. Затѣмъ, къ сожалѣнію, секція пошла на компромиссъ: она рѣшила оставить въ силѣ право хозяевъ «примѣненія къ ученикамъ мѣръ домашняго исправленія», исключая тѣлесное наказаніе и лишеніе пищи. Развѣ только отъ лишенія пищи и тѣлесныхъ наказаній страдаютъ «ученики»? Что значатъ эти послѣднія по сравненію съ общимъ гнетомъ, подъ которымъ складывается личность мальчика? Статистика, производящаяся въ московскихъ Рукавишниковскихъ пріютахъ для малолѣтнихъ нарушителей закона, показала, что наибольшій процентъ дѣтей-преступниковъ падаетъ на ремесленниковъ. Но здѣсь не мѣсто останавливаться на этомъ. Въ общемъ—повторяемъ мы—экономическое положеніе вопроса сравнительно мало занимало членовъ.

---

*) Янжулъ. „Фабричный бытъ Московской губерніи“, стр. 44.

Но—въ добрый путь!

Какая бы судьба ни постигла пожеланія съѣзда,—мы говоримъ «пожеланія», такъ какъ съѣздъ самъ такъ формулировалъ свое значеніе,—въ одномъ можно не сомнѣваться: нужды, указанныя выше, суть дѣйствительно нужды трудящейся Россіи, все сильнѣе и сильнѣе осязаемыя ею. Несмотря на всѣ задержки, въ пассивную и темную массу брошенъ свѣтъ; многія головы изъ народа не могутъ уже не думать, многія сердца—не чувствовать: бываютъ минуты въ жизни націй, когда такъ называемые вопросы волнуютъ не только единицы, но и массы. Въ такія минуты болѣе, чѣмъ когда-либо, успѣхъ тѣхъ или иныхъ мѣропріятій, касающихся народной жизни, зависитъ отъ пониманія народа, согласія съ его взглядами, сочувствія. Безъ сомнѣнія, эти взгляды совпадаютъ, хотя отчасти, съ господствовавшимъ на съѣздѣ настроеніемъ. Вотъ что, можно сказать, служитъ ручательствомъ за то, что «пожеланія» станутъ на конкретную почву и рано или поздно перейдутъ изъ области теплыхъ словъ въ область мѣропріятій.

Л. Клейнбортъ.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Русская Старина"—январь.—„Историческій Вѣстникъ"—январь.—„Русское Богатство"—декабрь.—„Образованіе"—декабрь).

Въ нашемъ прошломъ обозрѣніи мы уже обращали вниманіе читателей на появившееся въ декабрьской книжкѣ «Русской Старины» за истекшій годъ начало крайне интересной статьи г. Дубровина, называющейся «Послѣ отечественной войны». Въ январьской книжкѣ названнаго журнала помѣщено продолженіе этой статьи и потому съ ознакомленія съ нею читателей «Міра Божія» мы и начнемъ настоящее журнальное обозрѣніе. Центромъ помѣщенной въ январьской книжкѣ «Русской Старины» части цитируемой статьи г. Дубровина является характеристика главнаго дѣйствующаго лица изображаемой авторомъ эпохи—императора Александра Перваго. Характеръ Александра поддается съ большимъ трудомъ какой-нибудь точной квалификаціи: тутъ все до крайности сложно, сбивчиво, неустойчиво. Черты Ормузда и Аримана переплетены въ характерѣ этого человѣка съ такою необычайною прихотливостью, что всякій историкъ можетъ набрать въ его жизни груды фактовъ, обрисовывающихъ личность императора съ діаметрально противоположныхъ сторонъ и тѣмъ дающихъ возможность установить на него и діаметрально противоположные взгляды. Эти особенности характера Александра Перваго бросались въ глаза уже давно и именно ихъ отмѣчалъ князь Вяземскій, когда писалъ объ Александрѣ:

Сфинксъ, не разгаданный до гроба,
О немъ и нынѣ спорятъ вновь.
Въ его любви таилась злоба
И въ злобѣ слышалась любовь.
Дитя XVIII вѣка,
Его страстей онъ жертвой былъ,
И презиралъ онъ человѣка,
А человѣчество любилъ.

Положительныя черты этой характеристики едва ли соотвѣтствуютъ истинѣ, но не для того, чтобы соглашаться съ мнѣніемъ князя Вяземскаго или оспаривать его привели мы его стихотвореніе. Мы привели его лишь ради фразы: «о немъ (Александрѣ) и нынѣ спорятъ вновь». Слово «нынѣ» можетъ быть примѣнено и къ нашему также времени.

Вопросъ первый: любилъ ли Александръ Россію, другими словами, былъ ли онъ русскимъ патріотомъ? Казалось бы, иного отвѣта, кромѣ положительнаго, для героя отечественной войны, для человѣка, стяжавшаго себѣ именно на этомъ пути міровую славу и быть не можетъ. Но какъ быть съ многими фактами, вызывавшими искреннее недоумѣніе современниковъ. Напримѣръ:

«Непостижимо для меня,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Михайловскій-Данилевскій (напечатанныхъ въ октябрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1890 г.), — какъ 26-го августа (1816 года) государь (онъ былъ тогда въ Москвѣ) не токмо не ѣздилъ въ Бородино и не служилъ въ Москвѣ панихиды по убіеннымъ, но даже въ сей великій день, когда всѣ почти дворянскія семейства въ Россіи оплакиваютъ кого-либо изъ родныхъ, павшихъ въ безсмертной битвѣ на берегахъ Колочи, государь былъ на балѣ у графини Орловой-Чесменской. Императоръ не посѣтилъ ни одного классическаго мѣста войны 1812 года,—Бородина, Тарутина, Малаго Ярославца и другихъ, хотя изъ Вѣны ѣздилъ на Ваграмскія и Асперискія поля, а изъ Брюсселя — къ Ватерлоо. Достойно примѣчанія, что государь не любилъ вспоминать объ отечественной войнѣ и говорить о ней, хотя она составляетъ прекраснѣйшую страницу въ громкомъ царствованіи его».

Былъ ли Александръ сторонникомъ законности и прочнаго правопорядка въ самомъ широкомъ смыслѣ этихъ словъ? Многое, очень многое, говоритъ, повидимому, за рѣшеніе этого вопроса въ положительномъ смыслѣ.

«Законъ, *коему волю мою покоряю*, — писалъ Александръ Первый въ письмѣ къ князю Александру Михайловичу Голицыну 15-го ноября 1802 г.,— не можетъ быть ни твердъ, ни силенъ, когда колеблютъ его исключеніемъ, и который одинъ всегда единообразно долженъ управлять всѣми отношеніями и обязанностями».

«Какъ скоро я дозволю себѣ нарушать законы,—писалъ Александръ княгинѣ М. Голицыной,—кто тогда почтетъ за обязанность наблюдать ихъ? Быть выше ихъ, если бы я могъ, но, конечно бы не захотѣлъ, ибо я не признаю на землѣ справедливой власти, которая бы не отъ закона истекала; напротивъ, я чувствую себя обязаннымъ первѣе всѣхъ наблюдать за исполненіемъ его и даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе могутъ быть снисходительны, я могу быть только правосуднымъ. Вы слишкомъ справедливы, чтобы не ощутить сихъ истинъ и не согласиться со мною. Законъ долженъ быть для всѣхъ единственъ».

Къ сожалѣнію,—говоритъ г. Дубровинъ,—на дѣлѣ это не исполнялось и не исполнялось именно потому, что этого, въ сущности, и не желалъ Александръ. У него были свои цѣли, и онъ «умѣлъ ловко уклоняться отъ людей, которые противодѣйствовали избранному имъ образу дѣйствій».

Съ крайнею рѣзкостью охарактеризовалъ такое положеніе вещей графъ С. Р. Воронцовъ въ приводимомъ г. Дубровинымъ его письмѣ къ графу Ѳ. В. Растопчину:

«Всѣ тѣ, — писалъ графъ Воронцовъ, — которые управляютъ страною въ эти послѣднія двѣнадцать или тринадцать лѣтъ, получаютъ направленіе свыше, гдѣ нѣтъ ни знанія, ни благоразумія, ни высокихъ чувствъ, но одна лишь крутая, деспотическая воля, плохо прикрываемая внѣшнею оболочкою кротости и лицемѣрнаго благочестія. Эти люди, находя, что подобныя понятія и подобный характеръ согласуются съ ихъ собственными, пользуются ими...»

Александръ постоянно жаловался на то, что для преобразовательной дѣятельности онъ встрѣчаетъ препятствіе въ фактѣ отсутствія въ Россіи способныхъ на то людей, а между тѣмъ этихъ-то людей онъ менѣе всего и терпѣлъ около себя. Знаменитыя исторіи со Сперанскимъ, Каразинымъ и другими, служатъ тому яркимъ свидѣтельствомъ. Не было предпринимаемо для этой цѣли и никакихъ дѣйствій.

«Въ 1814 г., — пишетъ г. Дубровинъ, — по возвращеніи Александра въ Петербургъ, Г. Р. Державинъ лично поздравилъ его съ одержанными блестящими побѣдами.

«— Да, Гавріилъ Романовичъ,—сказалъ императоръ,—мнѣ Господь помогъ устроить внѣшнія дѣла Россіи, теперь примусь за внутреннія, но людей нѣтъ:

«— Они есть, ваше величество,—отвѣчалъ Державинъ,—но они въ глуши, ихъ искать надобно, безъ добрыхъ и умныхъ людей и свѣтъ бы не стоялъ.

«Однажды Энгельгардтъ въ разговорѣ съ государемъ замѣтилъ, что теперь время приступать къ устройству гражданской части.

«Александръ взялъ его за руку и, пожавъ ее крѣпко, со слезящимися глазами, сказалъ ему:

«— Ахъ! Я это очень хорошо чувствую, но ты видишь, съ кѣмъ я возьмусь».

Какъ въ этихъ, такъ и во многихъ другихъ подобныхъ же случаяхъ Александръ не разспрашивалъ дальше своихъ собесѣдниковъ объ ихъ мысляхъ по данному предмету, не просилъ ихъ указать ему конкретно тѣхъ проживающихъ «въ глуши», людей, о которыхъ они съ нимъ заговаривали, не поручалъ принять какія бы то ни было мѣры къ розысканію тѣхъ именно людей, на отсутствіе которыхъ онъ всегда такъ горько жаловался и сѣтовалъ.

Графъ Кочубей писалъ Сперанскому такія строки:

«При такихъ чувствахъ (Александра) и при недостаткѣ способныхъ людей, какъ бы, казалось, не отыскивать ихъ вездѣ, но тутъ-то и большая загадка, тутъ-то всѣ и теряются. Иные заключаютъ, что государь именно не хочетъ имѣть людей съ дарованіями... Способности подчиненныхъ ему непріятны; однимъ словомъ, тутъ есть что-то непостижимое и чего истолковать не можно».

«Я безпрестанно наблюдалъ императора, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Михайловскій-Данилевскій,—и во всѣхъ поступкахъ его находилъ мало искренности; все казалось личиною».

И много другихъ подобныхъ же отзывовъ находится въ запискахъ, воспоминаніяхъ и письмахъ дѣятелей александровской эпохи.

Но если Александръ былъ крайне непостояненъ въ отношеніяхъ къ такимъ людямъ, какъ Сперанскій, Каразинъ и имъ подобные, то къ графу Аракчееву онъ проявилъ необычайно теплыя и отмѣченныя печатью удивительнаго постоянства чувства. Писемъ Александра къ Аракчееву опубликовано уже очень много, всѣ онѣ проникнуты однимъ и тѣмъ же чувствомъ глубокой преданности автора писемъ къ «безъ лести преданному» ему временщику. Александръ нашелъ въ Аракчеевѣ то, именно чего искалъ. Приводимыя г. Дубровинымъ еще неопубликованныя письма Александра къ Аракчееву не содержатъ, поэтому, ничего новаго и лишь лишній разъ подчеркиваютъ тѣ черты характера Александра, которыя казались его современникамъ «непостижимыми». Вотъ отрывки нѣкоторыхъ изъ такихъ писемъ:

«Душевно тебя благодарю за поздравленіе. Я давно привыкъ считать на твою любовь ко мнѣ, но и моя къ тебѣ давно и непреложно существуетъ. Я искренно сожалѣю о твоемъ нездоровьѣ и если удастся, то самъ побываю у тебя».

Однажды Аракчеевъ устроилъ съ хитрымъ разсчетомъ свои дѣла такъ, чтобы не сопровождать отправлявшагося въ Англію государя, и просилъ объ увольненіи его въ отпускъ для поправленія здоровья. Отпускъ ему былъ данъ, причемъ вмѣстѣ съ отпускомъ имъ было получено и такое письмо отъ Александра:

«Съ крайнимъ сожалѣніемъ я разстаюсь съ тобою. Прими еще разъ мою благодарность за столь многія услуги, тобою мнѣ оказанныя и которыхъ воспоминаніе останется навѣкъ въ душѣ моей. Я смущенъ и огорченъ до крайности и себя вижу послѣ четырнадцатилѣтняго управленія, послѣ двухлѣтней разорительной и опаснѣйшей войны лишеннымъ того человѣка, къ которому моя довѣренность была неограниченна всегда. Я могу сказать, что ни къ кому я не имѣлъ подобной и ничье удаленіе мнѣ столь не жалостно, какъ твое. Навѣкъ тебѣ вѣрный другъ!»

Чѣмъ былъ Аракчеевъ для Россіи,—это фактъ общеизвѣстный и на немъ едва ли стоитъ останавливаться. Удивительно ли послѣ всего этого разочарваніе въ возможности ожидать реформъ сверху въ передовой части русскаго общества и крутая перемѣна его во взглядахъ на личность Александра?

«Въ 1812 году,—писалъ П. А. Каховскій въ своемъ письмѣ изъ Петропавловской крѣпости къ императору Николаю Павловичу,—нужны были неимовѣрныя усилія, и народъ радостно несъ все въ жертву для спасенія общества. Война кончена благополучно, монархъ, украшенный славою, возвратился, Европа склонила предъ нимъ колѣна, но народъ, содѣйствовавшій его славѣ, получилъ ли льготу—нѣтъ».

То же горькая нота звучитъ и въ письмѣ другого декабриста, барона В. И. Штейнгеля, написаннаго имъ Николаю Павловичу изъ той же Петропавловской крѣпости.

«Истина, не подверженная ни малѣйшему возраженію,—писалъ въ этомъ письмѣ баронъ Штейнгель, — что въ Бозѣ почившій государь, братъ вашъ, обладалъ въ совершенствѣ даромъ привлекать къ себѣ сердца всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье съ нимъ встрѣчаться; что его поведеніе въ званіи наслѣдника, его дѣйствія и намѣренія въ началѣ царствованія, твердость его при всеобщемъ бѣдствіи 1812 года, его кротость въ блескѣ послѣдующей затѣмъ славы, равно какъ и другіе, извѣстные свѣту и народу въ особенности, случаи, въ коихъ онъ явилъ высокія свойства души своей, сдѣлали особу его любезною и священною для россіянъ-современниковъ. Но по непостижимому для насъ противорѣчію, которое, къ изумленію грядущихъ вѣковъ, можетъ быть объяснитъ одна только безпристрастная исторія, царствованіе его, если разумѣть подъ словомъ симъ правленіе, было во многихъ отношеніяхъ для Россіи пагубно, подъ конецъ же тягостно для всѣхъ состояній, даже до послѣдняго изнеможенія. Противорѣчіе сіе поставило средній и нижній классъ народа въ недоумѣніе, государь всюду являлся ангеломъ и сопровождался радушными восклицаніями, но въ то же время отъ распоряженій правительства, именемъ его, развивались повсюду неудовольствіе и ропотъ».

Съ интересной статьей г. Дубровина мы, вѣроятно, будемъ ознакомлять читателей «Міра Божія» и въ нашихъ будущихъ журнальныхъ обозрѣніяхъ.

Упомянувъ о декабристахъ, невозможно обойти молчаніемъ напечатанной въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» весьма интересной статьи, озаглавленной «Къ исторіи 14 декабря 1825 года». Статья эта безымянная и носитъ подзаголовокъ «Изъ воспоминаній петербурскаго старожила». Сообщилъ ее редакціи «Историческаго Вѣстника» г. Батуринскій, который и разсказываетъ о ея происхожденіи слѣдующія любопытныя подробности:

«Довольно извѣстный въ шестидесятыхъ годахъ литераторъ Н. А. Благовѣщенскій, посѣщая одного изъ своихъ друзей, сидѣвшаго въ «долговомъ отдѣленіи», познакомился во время этихъ посѣщеній съ помощникомъ квартальнаго надзирателя, глубокимъ старикомъ, имѣвшимъ пряжку за 50-лѣтнюю «безпорочную службу». Старикъ разсказывалъ много интереснаго изъ прошлой жизни столицы, и Благовѣщенскій тогда же по возможности дословно записалъ нѣкоторые его разсказы. Онъ пытался напечатать ихъ въ «Русскомъ Словѣ», но въ то время надъ декабристами еще тяготѣлъ цензурный запретъ, и Благовѣщенскій сначала отложилъ «Воспоминанія» до болѣе удобнаго времени, а потомъ совершенно забылъ о нихъ. Въ «Воспоминаніяхъ петербургскаго старожила», конечно, не должно искать какихъ-либо новыхъ историческихъ фактовъ.

Съ начала 70-хъ годовъ по настоящее время опубликована масса историческихъ матеріаловъ, относящихся къ событію 14-го декабря 1825 года, воспоминаній самихъ участниковъ этихъ событій, отдѣльныхъ біографій, монографій и т. д. Воспоминанія же старожила интересны прежде всего, какъ бытовая картинка. Читая ихъ, вы можете видѣть, какъ относился къ крупному историческому событію маленькій русскій чиновникъ, принимавшій въ немъ косвенное участіе въ качествѣ одного изъ винтиковъ сложной административной машины. Мы печатаемъ «Воспоминанія старожила» въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ».

Шиповъ—такова вымышленная фамилія, данная Благовѣщенскимъ своему собесѣднику (настоящая его фамилія такъ и остается неизвѣстной)—служилъ въ Петербургѣ въ 1825 году помощникомъ квартальнаго надзирателя и вотъ какими словами изображаетъ онъ сцены, свидѣтелемъ которыхъ ему пришлось быть 14-го декабря.

«Иду я, братецъ ты мой, утромъ въ кварталъ, это 14-го декабря-то. Со мною были кое-какія бумаги: съ однимъ мошенникомъ тогда мы бились. Смотрю я: народъ это ходитъ. Ну что-же? Пусть его ходитъ. Все это тихо, хорошо, въ порядкѣ; ни буйства, ни безначалія никакого нѣтъ; все, какъ должно. Только я думаю про себя: что это народъ такъ расходился? Вниманія, значитъ, большого не обратилъ. Такъ только подумалъ, да и забылъ. Извѣстно народъ глупъ, на все идетъ смотрѣть. Пришелъ я въ кварталъ. Ничего, сѣли это мы какъ слѣдуетъ. Вдругъ слышимъ на улицѣ крикъ. Что такое? Говорятъ, что идутъ толпы разнаго званія людей и всѣ кричатъ. Вотъ мы и вышли. Слышимъ, кричатъ: «Константина! Константина!» Намъ, братецъ, и въ голову не пришло, что это такое! Дурятъ, думали, пьяные или такъ».

«— Правда ли, что кричали: Да здравствуетъ царь Константинъ и жена его Конституція?»

«— Нѣтъ, братецъ ты мой! «Да здравствуетъ»,—этого у насъ никогда не крикнутъ. И все это, какъ ты сказалъ, длинно: гдѣ же имъ прокричать все это? Кричали: «Константина! Конституцію!» Можетъ быть, кто-нибудь тамъ пьяный какой и крикнулъ: «Константина и жену его Конституцію»,—не спорю. Вѣдь, тутъ было много всякихъ. Мы, знаешь, въ разныя стороны да давай ихъ унимать. Я тоже—тогда это былъ молодой эдакій, ретивый,—убирайтесь, кричу, такіе вы сякіе, немазанные! Вотъ я васъ покричу! А они, братецъ, на меня. Тогда у насъ были эти мундиры съ шитьемъ и ботфорты. Сейчасъ видятъ полицейскаго. Кварташка!—говорятъ.—Убить его! Я давай, братецъ ты мой, отъ нихъ Богъ ноги, бѣжать, они за мной. Я вскочилъ въ домъ, на дворъ почти безъ памяти; гляжу: окно въ подвалъ и этакъ еще разломано, я туда. Упалъ тамъ въ какую-то грязь, мундиръ это и все перегадилъ. Въ подвалѣ стояли пустыя кадки; я въ уголъ забрался за кадкой и накрылся. Самъ не знаю, сижу, живъ ли я или мертвъ. Вотъ, думаю, сейчасъ найдутъ. Сижу, да въ грѣхахъ каюсь; отходную себѣ читаю».

Черезъ нѣкоторое время Шиповъ выбрался изъ своего убѣжища и пробрался на Сенатскую площадь. Тамъ возстаніе приближалось въ это время къ своему эпилогу. На площади Шиповъ замѣтилъ барыню, къ которой былъ неравнодушенъ, полюбезничалъ съ нею, все еще ничего толкомъ изъ всего кругомъ происходящаго не понимая, и хотѣлъ было пройти вмѣстѣ съ нею нѣсколько впередъ.

«Только я, братецъ, отъ нея, — продолжаетъ свое повѣствованіе Шиповъ, — двухъ шаговъ не успѣлъ сдѣлать, какъ грянутъ вдругъ настоящими-то выстрѣлами. Боже ты мой, что тутъ такое поднялось! Весь этотъ народъ потомъ вскрикнулъ; раздался визгъ, стонъ, такой вопль, что и въ жизнь свою больше никогда не слыхалъ. Такъ это страшно и жалко было; у меня волосы дыбомъ стали, а ужъ сердце и не знаю что. Самъ ты посуди: всѣ это закричали, завизжали, мужчины, женщины, дѣти; плачъ, стонъ, ревъ; всѣ бѣгутъ. Тутъ мать потеряла дитя; тамъ младенца выбили изъ рукъ и растоптали. Всѣ кричатъ, бѣгутъ и ничего не помнятъ. Ну, и я струсилъ пуще утрешняго; давай Богъ тоже ноги! Въ кварталѣ я спрятался. А тамъ, братецъ ты мой, на площади и пошла потѣха! Бунтовщики тоже давай стрѣлять, и въ нихъ стрѣляютъ. Пукъ, пукъ, бумъ, бумъ! Страсти что такое. Артиллерія эта ихъ крѣпко жарила картечами. Прибѣжалъ я въ кварталъ; сижу еле живъ; крикъ, вопль, стонъ! Тамъ стрѣляютъ; картечь это летитъ всюду, народъ бьетъ въ догонку! Ужасъ! Такого дня я больше и не запомню. Сраженье!

«— Такъ вы все время въ кварталѣ и просидѣли?»

«— Такъ и просидѣлъ. Потомъ, какъ все утихло, перестали выстрѣлы, всѣхъ насъ и послали на площадь. Страхъ, братецъ ты мой, вспомнить. На улицѣ это трупы, снѣгъ это весь перемятъ и смѣшанъ съ грязью и съ кровью. Стоны на площади-то. Кому руку оторвало, кому ногу, кому пробило бокъ, кому челюсть вывернуло. Нѣкоторыхъ толпа раздавила совсѣмъ и кишки выдавила, и лицо, какъ блинъ, сдѣлала. Гляжу, братецъ ты мой, и барынька эта, съ которой я разговаривалъ, Варвара Григорьевна, тоже лежитъ. Дай Богъ ей царство небесное! Убили ли ее, или толпа задавила, затоптала, Богъ ее знаетъ. Поплакалъ я надъ нею. Нельзя же: молодой человѣкъ тогда еще, былъ, влюбленъ страшно. Ей-Богу! Вѣдь жениться хотѣлъ на ней. Молодость! Жаръ! Какъ увидѣлъ ее, такъ мнѣ стало горько, что въ ту минуту вотъ, кажется, самъ бы умереть готовъ былъ!

«Онъ замолчалъ, пожевалъ губами, высморкался и продолжалъ:

«— Вѣдь, вотъ, сколько прошло лѣтъ, и женатъ, дѣтей имѣю, внучатъ, а какъ вспомнишь... такъ вотъ за сердце и возьметъ! Молодость, братецъ, эхъ!

«— Ну, что же на площади много было убитыхъ?—спросилъ я, чтобы поставить Ивана Григорьевича на прежнюю точку разговора.

«— Много, братецъ мой. Вѣдь, сказано: пуля—дура. Картечь не разбираетъ! На зданіяхъ вокругъ всѣ стѣны были забрызганы мозгами и кровью. Сенатъ тогда былъ не этотъ, что вотъ теперь стоитъ, а старый, и были тамъ сдѣланы этакіе вѣсы правосудія, что ли, чортъ ихъ тамъ знаетъ. Такъ народъ забрался туда, братецъ ты мой, чтобы лучше видѣть. Такъ тамъ смотришь: ноги висятъ, а верхней части туловища нѣтъ. Страхъ просто! Велѣно было все это убрать и въ порядокъ привести, чтобы и слѣдовъ никакихъ не оставалось. Вычистили это мостовую и все. А трупы-то, кажется, будто бы на барки валили на этой самой канавѣ, что я тебѣ говорилъ, гдѣ теперь бульваръ съ липками. Говорю, кажется, потому что вѣрно то не помню. Давно это было, да и не тѣмъ я тогда занимался. Начались эти аресты, вся полиція была на чеку. Служба была, не приведи Богъ, какая!»

Въ декабрьской книжкѣ «Русскаго Богатства» за истекшій годъ помѣщена весьма интересная статья г. Сергѣя Мартынова, подъ заглавіемъ «Соловецкая тюрьма въ XVI—XIX вѣкѣ». Интересъ русскаго общества къ этому предмету растетъ. Свѣдѣнія о такихъ мѣстахъ заключенія, какъ знаменитыя «Соловки» и имъ подобныя, появлялись въ русской литературѣ уже не разъ, но были они всегда достояніемъ преимущественно лишь спеціально историческихъ, мало распространенныхъ журналовъ. Въ прошломъ году предметъ этотъ трактовался уже на страницахъ журнала «Право» (въ статьяхъ А. С. Пругавина), откуда свѣдѣнія о Соловецкой тюрьмѣ стали достояніемъ всего русскаго общества, благодаря многочисленнымъ перепечаткамъ многихъ частей изъ статей г. Пругавина столичною и въ особенности провинціальною прессою. Нынѣ этимъ же предметомъ занялся г.. Мартыновъ, помѣстившій въ «Русскомъ Богатствѣ» вышеназванную интересную статью о Соловецкихъ тюрьмахъ. Противъ заточенія въ такія тюрьмы, еще такъ недавно широко у насъ практиковавшагося, раздавалось и раздается много голосовъ. Тѣмъ необходимѣе, конечно, знать правду объ истинномъ положеніи этого дѣла. Мы минуемъ не мало приводимыхъ г. Мартыновымъ страшныхъ картинъ соловецкой жизни узниковъ изъ давнопрошедшихъ временъ и остановимся лишь на временахъ не столь отъ насъ далекихъ.

«Въ тюрьмѣ, построенной въ 1828—1842 гг.,—пишетъ г. Мартыновъ,— также существовало «особое уединенное мѣсто». Это былъ чуланъ аршина ½ въ квадратѣ, безъ всякой лавки, безъ окна; въ немъ можно было только стоять или сидѣть, скорчившись; лежать или сидѣть съ протянутыми ногами не дозволяло пространство, а скамьи для сидѣнія не полагалось. Что это не мѣсто карцера и не служило только для временныхъ наказаній, а особый родъ каземата, видно изъ того, что, напр., раскольникъ Лазарь Шепелевъ прожилъ тамъ ровно годъ и «Божьей волею помре».

Въ прежнія времена преступленія, за которыя заточались люди, отличались замѣчательною лаконичностью («для того, что говорилъ онъ непристойныя слова», «за нѣкоторыя дерзновенныя важныя слова», «за нѣкоторую важную его вину», «за написаніе имъ важныхъ злодѣйственныхъ противныхъ тетрадишекъ» и т. п.), но и въ послѣдующія времена дѣло мало измѣнилось.

«Въ 1835 году, — пишетъ г. Мартыновъ, — была произведена по высочайшему повелѣнію ревизія соловецкой тюрьмы командированнымъ изъ Петербурга подполковникомъ корпуса жандармовъ Озерецковскимъ. Поводомъ послужило убійство часового, совершенное въ припадкѣ сумасшествія поручикомъ Горожанскимъ. Онъ былъ присланъ въ Соловки въ 1831 году «за дерзкій поступокъ и произнесеніе неприличныхъ словъ насчетъ особы Его Величества». Такъ какъ у Горожанскаго и раньше замѣчалось умственное разстройство, то мать его подавала въ III отдѣленіе прошеніе объ его освидѣтельствованіи, что, однако, участи сына не измѣнило, и онъ сидѣлъ въ соловецкомъ острогѣ, гдѣ также было замѣчено, что онъ находится «въ весьма нездоровомъ разсудкѣ». Въ 1833 г. Горожанскій, выйдя для естественной нужды изъ своей камеры, взялъ висѣвшій на стѣнѣ ножъ и вонзилъ его въ грудь часового, который черезъ нѣсколько минутъ и умеръ. При допросѣ Горожанскій объяснилъ, что солдаты своимъ шумомъ мѣшаютъ ему сидѣть въ своей камерѣ, безпокоятъ его, а часовой не унимаетъ.

«При ревизіи острога оказалось, что въ 1835 году въ немъ сидѣло 50 человѣкъ. Изъ нихъ двое бывшихъ студентовъ московскаго университета за «соучастіе въ злоумышленномъ обществѣ» *); священникъ Лавровскій изъ г. Мурома «за подкидываніе подметныхъ листковъ возмутительнаго содержанія»; двое арестантовъ содержались за убійство «въ высшей степени сумасшествія», одинъ «въ помѣшательствѣ разсудка съ письменными нелѣпыми предсказаніями». Большинство же было сослано «за старообрядчество», «за раскольничью ересь», «за скопческую ересь», «за крещеніе себя двухперстнымъ сложеніемъ», «за отступленіе отъ православной вѣры и надругательство надъ иконами», «за мнѣнія его о религіи и гражданскомъ устройствѣ», «за несогласіе крестить дѣтей по образу православной церкви», «за непризнаніе угодниковъ, государя императора и начальственной власти» и т. д.

«Послѣ ревизіи Озерецковскаго императоръ Николай повелѣлъ 15 человѣкъ изъ арестантовъ отдать въ военную службу рядовыми, троихъ отправить на родину и одного, лишившагося зрѣнія, въ институтъ для слѣпыхъ; троихъ оставить въ монастырѣ, но на свободѣ. А остальные 29 человѣкъ и между ними Горожанскій, признанный совершившимъ свое преступленіе въ припадкѣ сумасшествія, оставлены въ томъ же положеніи».

Заточеніе въ Соловецкій монастырь продолжалось и въ царствованіе императора Александра Второго, но свѣдѣній объ этомъ предметѣ имѣется въ литературѣ очень мало. Такъ, въ 1861 году заключенъ былъ въ Соловецкій монастырь «навсегда» священникъ Чембарскаго уѣзда, Пензенской губерніи, Ѳедоръ Померанцевъ за неправильное толкованіе манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

Да, есть чѣмъ помянуть не одно только уже совсѣмъ старое время....

Свою статью г. Мартыновъ кончаетъ такими словами:

«Прошлое время—было время желѣзное, мрачное своей жестокостью; чуть ли не вся Россія стонала и страдала подъ насиліемъ и подъ ударами. Въ войскахъ, въ деревняхъ и на площадяхъ били и притѣсняли такъ же, какъ и въ семьяхъ, и вѣрнѣйшимъ средствомъ противъ всякаго заблужденія или увле-

---

*) Эти студенты были заключены не за участіе въ дѣлѣ декабристовъ, какъ это неправильно думаетъ г. Пругавинъ, а за составленіе самостоятельнаго тайнаго общества въ Москвѣ, въ 1827 году. *Журнальный Обозрѣватель.*

ченія была тюрьма, ссылка, кнутъ и розга, не щадившія ни дѣтскаго возраста, ни старости, ни женской стыдливости».

Не согласятся съ нимъ одни только наши лже-патріоты своего отечества.

Въ послѣднее время не только міръ судебныхъ дѣятелей, но и все русское образованное общество весьма заинтересовано разрѣшеніемъ вопроса: имѣютъ ли право присяжные засѣдатели постановлять оправдательные вердикты въ томъ случаѣ, если налицо имѣется сознаніе, подсудимаго въ совершеніи имъ инкриминируемаго ему дѣянія? Жизнь уже отвѣтила на этотъ вопросъ самымъ опредѣленнымъ образомъ: оправдательныхъ вердиктовъ произнесено нашими присяжными засѣдателями многое множество и рѣдко кому приходило въ голову сомнѣваться въ правомѣрности такого явленія. И въ самомъ дѣлѣ развѣ присяжнымъ засѣдателямъ ставится на разрѣшеніе вопросъ *только* факта, *только* о томъ, совершилъ или не совершилъ такой-то обвиняемый такое-то преступленіе? Нѣтъ, имъ ставится на разрѣшеніе вопросъ совсѣмъ другой. Ихъ спрашиваютъ, *виновенъ* или *невиновенъ* такой-то въ приписываемомъ ему преступленіи? А развѣ это все равно? Въ послѣднемъ вопросѣ заключается не только вопросъ о фактѣ, но о его мотивахъ и, если бы это было иначе, то мало бы чѣмъ отличался судъ *совѣсти* отъ суда формальныхъ уликъ. Но вотъ нашлись люди, которые смотрятъ нынѣ на это дѣло иначе, нашелся предсѣдатель суда, который дважды останавливалъ защитника, объяснявшаго присяжнымъ ихъ право оправдать подсудимаго, не взирая на его сознаніе, и затѣмъ лишавшаго его на томъ же основанія слова, нашлись и журналисты, которые не увидѣли въ поступкѣ этого предсѣдателя прямого отступленія отъ духа судебныхъ уставовъ императора Александра II.

Вполнѣ своевременна, поэтому, напечатанная въ декабрьской книжкѣ «Образованія», интересная статья І. В. Гессена «По поводу толковъ о судѣ присяжныхъ». Интересная сама по себѣ, статья эта интересна и по приводимымъ въ ней нѣкоторымъ историческимъ справкамъ.

Становясь всецѣло на сторону права присяжныхъ оправдывать сознавшихся въ совершенномъ ими преступленіи людей, ибо судъ присяжныхъ есть судъ *совѣсти*, г. Гессенъ говоритъ:

«Мы не будемъ вдаваться здѣсь въ юридическій анализъ для доказательства этого положенія. Онъ является совершенно излишнимъ послѣ блестящаго этюда Н. В. Муравьева (нынѣшняго министра юстиціи) «Оправдательныя рѣшенія присяжныхъ», написаннаго въ 1880 году (и воспроизведеннаго въ собраніи сочиненій названнаго автора) по поводу возникшаго тогда проекта устраненія присяжныхъ засѣдателей отъ разрѣшенія тѣхъ дѣлъ, по которымъ подсудимые сознались въ приписываемыхъ ими преступленіяхъ. По этому вопросу нѣтъ никакого разногласія и между представителями нашей юридической науки—Таганцевымъ, Фойницкимъ, Случевскимъ,—являющимися вмѣстѣ съ тѣмъ членами верховнаго кассаціоннаго суда. И этотъ кассаціонный судъ, когда бывшій министръ юстиціи Манасеинъ поднялъ вопросъ о предоставленіи сенату права разрѣшать передачу дѣла на разсмотрѣніе новаго жюри, въ случаѣ единогласнаго признанія судомъ, что присяжные *оправдали виновнаго*, въ самой рѣшительной формѣ указалъ на крайнюю несообразность такого предложенія».

Статья г. Гессена прочтется съ интересомъ не одними только судебными дѣятелями, но и всѣми, кому дороги интересы правосудія, всѣмъ обществомъ, ибо «судьи совѣсти» комплектуются изъ общества. Не можетъ, поэтому, общество считать данный вопросъ спеціально-юридическимъ. Нѣтъ, это вопросъ живой жизни.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Въ Англіи.—Южноафриканскія затрудненія. Въ скоромъ времени должна начать свои засѣданія пресловутая чэмберленовская коммиссія для пересмотра существующей таможенной системы. По идеѣ Чэмберлена эта коммиссія должна произвести заблаговременно, не дожидаясь общихъ выборовъ, предварительныя разслѣдованія, необходимы для выработки новаго тарифа, поэтому она и намѣрена предложить представителямъ всѣхъ отраслей промышленности высказать свои мнѣнія по различнымъ вопросамъ, касающимся данной отрасли. Для облегченія работы коммиссія рѣшила разослать всѣмъ этимъ представителямъ списокъ .вопросовъ, которые будутъ имъ предложены въ коммиссіи, кромѣ того, коммиссія обратилась почти ко всѣмъ существующимъ организаціямъ и учрежденіямъ, прося ихъ содѣйствія. Вообще, даже противники Чэмберлена признаютъ, что онъ организовалъ свою коммиссію съ большимъ знаніемъ дѣла и дѣйствуетъ съ большою послѣдовательностью и рѣшительностью. Тѣмъ не менѣе его смѣлость уже переходитъ границы ишокируетъ многихъ. «Гдѣ же это видано, чтобы простой депутатъ такъ говорилъ и поступалъ? восклицаютъ газеты.—До сихъ поръ это было прерогативою короны назначать, по предложенію отвѣтственныхъ министровъ, различныя коммиссіи для изученія различныхъ вопросовъ и выработки различныхъ проектовъ, но Чэмберленъ все это измѣнилъ. Собственною властью онъ создаетъ коммиссію, становится ея предсѣдателемъ, и заявляетъ, что результаты ея работъ по экономическому вопросу послужатъ основою для реформъ таможенной системы. Это неслыханная дерзость!» Однако Чэмберлена не смущаютъ такія сужденія, и начавъ свою кампанію, онъ, очевидно, желаетъ ее довести до конца самъ, не пренебрегая никакими средствами и никакимъ оружіемъ.

Изъ южной Африки получаются попрежнему нехорошія вѣсти и, не будь вниманіе англійской публики такъ поглащено фискальнымъ вопросомъ въ данный моментъ, то навѣрное эти извѣстія возбудили бы безпокойство. Впрочемъ, и теперь уже нѣкоторыя газеты забили тревогу и говорятъ о возможности гражданской войны и о серьезныхъ безпорядкахъ. Дѣло въ томъ, что планъ «британизаціи» южной Африки, созданный лордомъ Мильнеромъ, привелъ къ результатамъ, которыхъ онъ не предвидѣлъ. Онъ хотѣлъ составить при помощи англійскихъ переселенцевъ противовѣсъ коренному голландскому населенію и поэтому были употреблены всѣ мѣры, чтобы привлечь въ новый край какъ можно больше англійскихъ переселенцевъ. Дѣйствительно, въ новыя колоніи прибыли тысячи переселенцевъ, которые, однако, отказались работать на пріискахъ за ту плату, которую имъ предлагали золотопромышленники, и когда владѣльцы копей не захотѣли исполнить ихъ требованій, то они устроили стачку. Тогда-то и выступилъ на сцену вопросъ о спасеніи пріисковъ, представляющихъ источникъ богатства Трансвааля. Англійскіе рабочіе, привыкшіе къ самоуправленію и отстаивающіе свою индивидуальность, оказались слишкомъ неудобными для мѣстнаго правительства и рѣшено было замѣнить ихъ безвольными, послушными китайскими кули, «идеальными рабами», какъ, не стѣсняясь, выражаются про нихъ сами южноафриканскіе магнаты. Однако, все англійское населеніе, за исключеніемъ, конечно, золотопромышленниковъ и лорда Мильнера съ его клевретами, возстало противъ такого рѣшенія. Общее негодованіе противъ политики намѣстника превратило это населеніе въ недовольную, революціонно настроенную партію, такъ что газеты, говоря о возможности гражданской войны въ южной Африкѣ, подразумѣваютъ на этотъ разъ уже возстаніе англичанъ противъ мѣстнаго англійскаго правительства, такъ какъ голландцы остаются въ сторонѣ. Недовольство среди англійскаго населенія колоній все разрастается и уже цѣлый рядъ видныхъ общественныхъ дѣятелей, поддерживавшихъ раньше англійскую политику въ южной Африкѣ, теперь открыто высказывается противъ правительства колоній и его главы Мильнера. Они называютъ его правленіе «полицейскимъ режимомъ» и предсказываютъ возстаніе «англичанъ» противъ чиновниковъ Мильнера, поддерживаемыхъ полиціей. Капскіе корреспонденты лондонскихъ газетъ говорятъ, что колонія находится въ состояніи скрытаго броженія и немного надо, чтобы наступилъ взрывъ. Всѣ дѣла въ застоѣ и колоніямъ грозитъ неминуемое банкротство, если положеніе не измѣнится. Печальныя условія Трансвааля отражаются и на капской колоніи, гдѣ также назрѣваетъ рабочій вопросъ и мало-по-малу организуется рабочая партія, не заключающая въ себѣ и тѣни сознательнаго соціализма, но зато чисто пролетаріатская, которая, однако, не замедлитъ въ скоромъ времени сказать свое слово. Пріемъ, оказанный въ Капштадтѣ лорду Мильнеру по его возвращеніи изъ Лондона, указываетъ, насколько пошатнулась его популярность въ послѣднее время. Его газеты, впрочемъ, поспѣшили заявить, что публика воздерживалась отъ проявленій слишкомъ большого энтузіазма въ виду выраженнаго самимъ Мильнеромъ желанія, чтобы ему не устраивались никакія оваціи. Но въ Іоганнесбургѣ онъ не запретилъ «золотымъ магнатамъ» выказать свой энтузіазмъ и въ своей рѣчи заявилъ, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія оставить свой постъ или повернуть назадъ, «особенно въ такое бурное время». «Скорѣе пусть снесетъ меня волна, нежели я самъ отступлю или измѣню курсъ своего корабля, сказалъ онъ.—Поэтому, не совѣтую никому строить свои разсчеты на этомъ, не то постигнетъ горькое разочарованіе». Затѣмъ, обратившись къ іоганнесбургскимъ магнатамъ, онъ прибавилъ, что твердо надѣется на ихъ содѣйствіе и на то, что они помогутъ ему провести корабль въ вѣрную гавань. Разумѣется, магнаты отвѣчали, что они постараются оправдать его довѣріе, и такимъ образомъ между золотопромышленниками и англійскимъ намѣстникомъ произошли сліяніе душъ, на которое, однако, бывшіе «уитлендеры»—англійскіе колонисты, смотрятъ съ нескрываемымъ озлобленіемъ. Между прочимъ, эти бывшіе уитлендеры очень негодуютъ на Чэмберлена за то, что, затѣявъ дорогую и кровопролитную войну, онъ предоставилъ теперь новыя колоніи собственной судьбѣ и какъ будто совершенно пересталъ ими интересоваться.

Германскія общественныя дѣла. Въ только что вышедшемъ четвертомъ томѣ «Handbuch der deutschen Frauenbewegung» докторъ Робертъ Вильбрандтъ сообщаетъ не лишенныя интереса статистическіе данныя, касающіяся промышленной дѣятельности женщинъ въ Германіи. Въ Германіи около шести съ половиною милліоновъ женщинъ зарабатываютъ себѣ пропитаніе какою-нибудь отраслью труда и Вильбрандтъ раздѣляетъ ихъ на слѣдующія пять группъ: 1) сельское хозяйство—2.753.000 женщинъ; 2) домашнія работы—1.551.000; 3) промышленность и ремесла различнаго рода—1.519.000 4) торговля и торговыя сношенія—580.000; 5) уходъ за дѣтьми и больными, воспитательная дѣятельность и свободныя профессіи—174.000. Изслѣдуя дѣятельность женщинъ, Вильбрандтъ констатируетъ одинъ любопытный фактъ, что стремленіе переселяться въ города, составляющее характерное явленіе послѣднихъ десятилѣтій, охватило не только мужское, но и женское сельское населеніе. Интересны также цифры, указывающія, насколько значительна все-таки дѣятельность женщинъ въ сельскомъ хозяйствѣ: 345.000 женщинъ самостоятельно занимаются сельскимъ хозяйствомъ, 18.000 управляютъ помѣстьями, а 2¼ милліона совмѣстно съ мужчинами работаютъвъ главныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства. Число женщинъ, принадлежащихъ къ четвертой группѣ, сильно возрасла въ послѣдніе годы, почти на 94 проц. Однако заработокъ женщинъ въ этой отрасли, какъ и во многихъ другихъ, нисколько не повысился и главною причиною. конечно, является слишкомъ большой наплывъ желающихъ, отсутствіе организаціи и недостатокъ соотвѣтствующаго коммерческаго образованія. Пятая группа, куда причисляется уходъ за больными, воспитаніе дѣтей и свободныя профессіи, распадается на отдѣльныя категоріи: къ первой относятся всѣ тѣ женщины, которыя избрали своею профессіей уходъ за больными, санитарную службу и т. п.; число ихъ 79.000; ко второй—воспитательницы и учительницы—73.000; къ третьей—занимающіяся искусствами и художественными отраслями промышленности—12.000; къ четвертой—служащія въ церковныхъ учрежденіяхъ—11.000; къ пятой—ученыя профессіи. Въ этой категоріи, въ которой числится всего 200 женщинъ, принадлежатъ женщины—юристы, врачи, дантисты, доктора философіи, ученыя библіотекарши, женщины-аптекаря, химики, сотрудницы ученыхъ изданій и фабричныя инспекторши.

Въ Берлинскомъ университетѣ допущены въ этомъ году къ слушанію лекцій 546 женщинъ. Любопытно, какъ постепенно возрастало число университетскихъ слушательницъ, начиная съ 1896 года, когда въ Берлинскій университетъ были впервые допущены въ качествѣ вольнослушательницъ женщины. Въ первый годъ записалось 96, затѣмъ 193, 241, 431, 439, 611 552 и наконецъ 546. Но и въ другихъ германскихъ университетахъ число учащихся женщинъ также возрасло въ этомъ году. Во Фрейбургѣ, напримѣръ, въ этомъ году занималось 26 женщинъ (въ прошломъ году 17), изъ нихъ 19 изучаютъ медицину, 3 естественныя науки, 2 филологію и 1 философію и политическую экономію. Эти 26—дѣйствительныя студентки, но кромѣ того въ этомъ же университетѣ насчитывается 85 вольнослушательницъ. Въ Гейдельбергѣ дѣйствительныхъ студентокъ 28, а вольнослушательницъ 53. Въ Бреславлѣ 98 дѣвушекъ получили разрѣшеніе слушать лекціи. По слухамъ, Страсбургскій университетъ собирается также раскрыть свои двери женщинамъ и зачислять дѣйствительными студентками тѣхъ, которыя имѣютъ аттестатъ зрѣлости нѣмецкихъ гимназій. Въ Мюнхенскомъ университетѣ, допустившемъ въ этомъ году женщинъ, какъ дѣйствительныхъ студентокъ, число записавшихся на слушаніе лекцій превзошло всѣ ожиданія. Мюнхенскія студентки намѣреваются организовать «Союзъ студентокъ» и планъ этого союза уже окончательно выработанъ.

Въ германской политикѣ еще продолжается праздничное затишье, хотя рейхстагъ и ландтагъ уже начали свои работы, и обсуждался одинъ изъ запросовъ, внесенныхъ соціалъ-демократами, касающійся дѣйствій германскаго правительства, который возбудилъ горячія пренія, причемъ даже депутаты центра поддержали соціалъ-демократовъ, что очень коментируется печатью. «Vossische Zeitung» замѣчаетъ по этому поводу, что соціалъ-демократамъ очень повезло и если германское правительство будетъ продолжать дѣйствовать въ такомъ же родѣ, то ряды соціалъ-демократовъ будутъ неизбѣжно пополняться. Вильгельмъ II, вынужденный беречь свой голосъ, не даетъ теперь пищи для газетной полемики. Его рѣчь, сказанная при открытіи ландтага, носила совершенно шаблонный характеръ и не возбудила ничьего вниманія, и только первая рѣчь, произнесенная имъ послѣ болѣзни, которую онъ сказалъ на военномъ праздникѣ въ Ганноверѣ, вызвала сердитую отповѣдь въ англійской печати, такъ какъ задѣла самолюбіе англичанъ (онъ говорилъ, что нѣмецкій легіонъ спасъ отъ истребленія англійскую армію при Ватерлоо), но въ Германіи она прошла почти незамѣченной.

Гербертъ Спенсеръ и японскій прогресъ. Врядъ ли кто-нибудь могъ ожидать, что покойный англійскій философъ Гербертъ Спенсеръ былъ противникомъ японскаго прогресса и категорически высказывался противъ присоединенія Японіи къ западной цивилизаціи. Впрочемъ, такой взглядъ философа тщательно скрывался имъ при жизни и сдѣлался извѣстенъ только изъ письма, написаннаго имъ еще въ августѣ 1892 года одному японцу барону Кентаро Кансхо, но лишь теперь опубликованнаго и напечатаннаго въ газетѣ «Times». Такое позднее опубликованіе этого письма объясняется припиской, которую сдѣлалъ Гербертъ Спенсеръ, прося не предавать его слова гласности при его жизни, такъ какъ «онъ не желалъ возбуждать противъ себя враждебность своихъ соотечественниковъ». (I do not desire to rouse the animosity of my countrymen). Баронъ Кансхо свято хранилъ тайну при жизни Спенсера, но теперь опубликовалъ это письмо къ вящему изумленію всѣхъ поклонниковъ покойнаго философа, бывшаго такимъ ярымъ врагомъ всякаго обскурантизма и сторонникомъ свѣта и прогресса во всѣхъ направленіяхъ.

«Times» разсказываетъ исторію этого письма. Какъ извѣстно, преобразованіе Японіи изъ чисто восточной страны, насквозь пропитанной предразсудками, антипатіей ко всему новому и невѣжественною ненавистью къ иностранцамъ, въ современное прогрессивное государство совершилось съ безпримѣрною въ исторіи быстротой. Тѣ стадіи прогресса, на прохожденіе которыхъ западнымъ государствамъ понадобились цѣлыя столѣтія, были пройдены Японіей въ два-три десятилѣтія. Но при этомъ замѣчательно, что японцы усвоили не однѣ только внѣшнія стороны европейской цивилизаціи. Западная наука привлекала японскую молодежь, которая съ особеннымъ жаромъ принялась изучать современныхъ философовъ. Контъ, Милль, Дарвинъ и Спенсеръ овладѣли умами молодой Японіи. Произведенія Дарвина и Милля были скоро переведены на японскій языкъ и для многихъ новыхъ терминовъ придуманы эквивалентныя выраженія, заимствованныя изъ идеографическаго словаря, оказавшагося весьма для этого удобнымъ. Затѣмъ, два тома синтетической философіи Спенсера были также изданы на японскомъ языкѣ, но огромное большинство образованыхъ японцевъ могло читать его сочиненія въ оригиналѣ и такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ много восторженныхъ адептовъ среди «молодой Японіи». Къ числу такихъ горячихъ поклонниковъ спенсеровской философіи принадлежалъ и баронъ Кансхо, воспитывавшійся въ Соединенныхъ штатахъ и получившій ученую степень въ Гарвардскомъ университетѣ. Въ своемъ отечествѣ онъ занималъ видный постъ былъ главнымъ сотрудникомъ маркиза Ито, участвуя въ составленіи японской конституціи. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ поборниковъ прогресса Японіи и въ особенности много потрудился въ пользу отмѣны экстратерриторіальныхъ привилегій иностранныхъ резидентовъ и консульской юрисдикціи иностранныхъ державъ, такъ какъ въ этихъ учрежденіяхъ онъ видѣлъ символъ унизительной опеки надъ страной. Баронъ Кансхо былъ членомъ ассоціаціи международнаго права, за дѣятельностью которой вся японская нація слѣдила съ величайшимъ вниманіемъ и напряженнымъ ожиданіемъ. Убѣжденнымъ противникомъ отмѣны экстратерриторіальной системы былъ въ то время извѣстный юристъ Трэверсъ Твиссъ, который произнесъ въ засѣданіи ассоціаціи горячую рѣчь въ пользу сохраненія экстерриторіальной системы во всѣхъ восточныхъ государствахъ. Мнѣніе такого выдающагося юриста, конечно, имѣло большое значеніе и поэтому баронъ Кансхо, возстававшій противъ такихъ консервативныхъ взглядовъ и доказывавшій, что къ Японіи они не должны примѣняться, просилъ разрѣшенія правительства отправиться въ Женеву, гдѣ долженъ былъ происходить съѣздъ ассоціацій. Поступивъ членомъ ассоціаціи, онъ хотѣлъ представить съѣзду, въ качествѣ частнаго лица, весь собранный имъ статистическій матеріалъ, который не былъ доступенъ Трэверсу Твиссу и его сторонникамъ. Отправляясь въ Европу, баронъ Кансхо имѣлъ, кромѣ того, надежду повидаться съ Гербертомъ Спенсеромъ, философіей котораго онъ сильно увлекался въ то время, и поэтому, проѣзжая черезъ Америку, онъ попросилъ своего друга, Джона Фиска, дать ему рекомендательное письмо къ англійскому философу. Фискъ, однако, не сразу согласился на это. Онъ ссылался на то, что Спенсеръ живетъ очень уединенно, избѣгаетъ посѣтителей и легко возможно, что онъ даже не приметъ барона Кансхо, хотя бы и съ рекомендательнымъ письмомъ. Но Кансхо настаивалъ, говоря, что онъ готовъ даже рисковать получить отказъ въ пріемѣ. Нечего дѣлать, Фискъ написалъ ему это письмо. Однако Кансхо, проѣзжая черезъ Лондонъ, не рѣшился все-таки отправиться прямо къ Спенсеру, а тоже написалъ ему письмо, въ которомъ изложилъ свои надежды и мотивы, заставляющіе его желать личной бесѣды съ философомъ. Отвѣтъ былъ полученъ немедленно. Спенсеръ пригласилъ Кансхо къ себѣ и первое посѣщеніе продолжалось два часа. Кансхо былъ очень удивленъ, когда увидѣлъ, что Спенсеръ собралъ очень богатый матеріалъ по исторіи Японіи, ея политики, нравамъ, обычаямъ и религіознымъ обрядамъ Онъ подвергся настоящему экзамену, такъ какъ Спенсеръ очень подробно разспрашивалъ его о значеніи того или другого историческаго факта, обычая, обряда и т. п. Англійскій философъ видимо былъ очень доволенъ, что случай свелъ его съ образованнымъ японцемъ и сказалъ ему, что онъ давно уже тщетно добивался найти ключъ ко многимъ японскимъ проблемамъ, которыя стали для него ясны только теперь, послѣ того какъ онъ поговорилъ съ барономъ Кансхо. Чтобы продлить бесѣду, Спенсеръ поѣхалъ даже провожать японца въ отель, гдѣ тотъ остановился, и, прощаясь, предложилъ ввести его, какъ почетнаго члена, въ клубъ «Atheaneum». «Я тамъ всегда завтракаю, ежедневно,—сказалъ ему Спенсеръ,—и потому мы можемъ тамъ часто встрѣчаться и разговаривать». Вскорѣ послѣ того баронъ Кансхо, дѣйствительно, получилъ отъ Спенсера увѣдомленіе, что онъ избранъ почетнымъ членомъ въ клубъ, при чемъ Спенсеръ приглашалъ его позавтракать вмѣстѣ на слѣдующій день. Это было началомъ близкихъ, дружескихъ отношеній между философомъ и японцемъ, которыя впослѣдствіи поддерживались перепиской, когда Кансхо уѣхалъ въ Женеву. Затѣмъ онъ снова вернулся въ Лондонъ, довольный удачей, достигнутой имъ на съѣздѣ ассоціацій и полный самыхъ радужныхъ надеждъ относительно будущаго Японіи. Но когда онъ вздумалъ подѣлиться этими надеждами съ своимъ другомъ философомъ, то, къ величайшему своему удивленію, не только не встрѣтилъ у него ожидаемаго сочувствія стремленіямъ Японіи, но полное неодобреніе этихъ стремленій. По мнѣнію философа, если восточная нація желаетъ сохранить свою независимость и неприкосновенность, то она должна строго охранять свое изолированное положеніе и принимать всѣ мѣры, чтобы какъ можно болѣе ограничить свои сношенія съ Западомъ, экстерриторіальная система, затрудняющая сношенія съ иностранными расами, составляетъ поэтому очень хорошую мѣру для изоляціи Японіи. На этомъ-то основаніи Спенсеръ и не совѣтовалъ японцамъ уничтожать всѣ преграды, препятствующія ихъ сліянію съ Западомъ. Какъ ни старался баронъ Кансхо доказывать Спенсеру, что Японія серьезно стремится къ цивилизаціи и что спасеніе ея заключается въ свободномъ прогрессѣ, въ разрушеніи старинныхъ предразсудковъ, Спенсеръ оставался непоколебимымъ. Онъ сказалъ, что свои взгляды онъ составилъ на основаніи продолжительнаго изученія этическихъ и историческихъ проблемъ и поэтому не можетъ отказаться отъ своихъ убѣжденій. Въ концѣ концовъ, изъ уваженія къ своему пріятелю японцу и во вниманіе къ его просьбѣ, Спенсеръ согласился письменно изложить свои взгляды на японскую политику, обязавъ его, впрочемъ, не разглашать этого письма раньше его смерти. Въ этомъ письмѣ Спенсеръ говоритъ, что японская политика должна заключаться въ томъ, чтобы не подпускать къ себѣ близко ни американцевъ, ни европейцевъ (keeping Americans and Eurapeans as much as possible at arm's length). Близость болѣе могущественныхъ расъ заключаетъ въ себѣ, по мнѣнію Спенсера, хроническую опасность, и поэтому японцы не должны допускать иностранцевъ укрѣпляться въ Японіи. Полное открытіе страны для иностранцевъ Спенсеръ считаетъ безумнымъ со стороны Японіи и говоритъ, что единственною формою ихъ сношеній съ иностранцами должна быть лишь та, которая облегчаетъ ввозъ и вывозъ матеріальныхъ и интеллектуальныхъ продуктовъ. Особенно же Японія должна остерегаться слишкомъ большой близости съ могущественными расами и ни въ какомъ случаѣ не должна допускать ихъ имѣть «point d'appui» въ Японіи. На этомъ основаніи Спенсеръ не совѣтуетъ японцамъ допускать иностранцевъ къ эксплуатаціи и разработкѣ природныхъ богатствъ страны, напр., рудниковъ и т. п. Въ такой эксплуатаціи, говоритъ Спенсеръ, заключается постоянный источникъ столкновеній, и если таковыя произойдутъ, то иностранное правительство непремѣнно сочтетъ себя обязаннымъ поддержать своихъ подданныхъ посредствомъ военной силы, такъ какъ «между цивилизованными народами принято считать своихъ агентовъ или купцовъ за границей представителями страны». Такъ же рѣшительно и категорически высказывается Спенсеръ и противъ смѣшанныхъ браковъ японцевъ съ иностранцами, но въ основу своего взгляда ставитъ уже біологическія соображенія. Смѣшеніе двухъ, столь отличающихся другъ отъ друга разновидностей человѣческихъ расъ, никогда не приводитъ ни къ чему хорошему, по мнѣнію философа.

Баронъ Кансхо прибавляетъ, что нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что Спенсеръ измѣнилъ сколько-нибудь свои взгляды въ теченіе своей жизни. Напротивъ, въ разговорѣ онъ всегда упрямо поддерживалъ ихъ и даже съ нѣсколько забавною увѣренностью совѣтовалъ своему собесѣднику подождать, «что скажетъ время и опытъ». Англійскія газеты прибавляютъ, что въ теперешней восточно-азіатской политикѣ Россіи Гербертъ Спенсеръ непремѣнно долженъ былъ бы увидѣть подтвержденіе своей теоріи. Разумѣется, если бы Японія послѣдовала совѣту англійскаго философа, то она никогда бы не заключила союза съ Англіей, который, какъ увѣряютъ англійскія газеты, «лучше обезпечиваетъ ея неприкосновенность и независимость, нежели всякія мѣры изоляціи отъ внѣшнихъ вліяній». Но если бы и Китай пошелъ по тому же пути, по которому шла Японія, то у насъ не было бы теперь восточно-азіатскаго вопроса. До сихъ поръ опасенія Спенсера за судьбу Японіи не оправдались и ни одна изъ могущественныхъ расъ, съ которыми Японія находится теперь въ тѣсныхъ сношеніяхъ, не поглотила ее. Японія, усвоивъ европейскую цивилизацію и европейскія учрежденія, сохраняетъ все-таки свою самобытность. Впрочемъ, въ Японіи осталось еще не мало приверженцевъ старины, которые засѣдаютъ даже въ японскомъ парламентѣ, существующемъ, какъ извѣстно, съ 1890 года. Эти приверженцы старины, конечно, продолжаютъ носить національный костюмъ, тогда какъ другая часть японскихъ депутатовъ одѣвается по европейски. Они, также какъ и англійскій философъ, провидятъ въ будущемъ опасность для Японіи отъ ея слишкомъ тѣснаго сближенія съ Западомъ, но, разъ вступивъ на этотъ путь, Японія уже не можетъ остановиться и молодая Японія неудержимо стремится впередъ.

Русско-японскій конфликтъ. Въ настоящее время все то, что касается Японіи, сильно волнуетъ европейскую печать. Интересы Японіи и Россіи столкнулись на Дальнемъ Востокѣ и чѣмъ разрѣшится этотъ конфликтъ, предсказать трудно. Между Россіей и Японіей произошелъ обмѣнъ дипломатическихъ нотъ два раза, но въ точности содержаніе ихъ неизвѣстно. Японія первая обратилась къ Россіи со своими требованіями относительно Манчжуріи и Кореи и отвѣтъ Россіи вызвалъ въ Токіо настолько сильное волненіе, что война казалась неизбѣжною. Но произошелъ новый обмѣнъ нотъ и политическій горизонтъ какъ будто нѣсколько прояснился. Однако, разрѣшенія кризиса еще не послѣдовало и постоянно можно ожидать новыхъ осложненій, такъ какъ въ Кореѣ происходятъ безпорядки, которые могутъ вызвать насильственное вмѣшательство и столкновеніе Россіи и Японіи.

Японія, повидимому, готова предоставить Манчжурію Россіи, но заявляетъ притязанія на Корею. Корея же и Манчжурія соприкасаются другъ съ другомъ; ихъ отдѣляетъ только рѣчка Ялу. Японія справедливо опасается, что Россія, укрѣпившись въ Манчжуріи, мало-по-малу распространитъ свое вліяніе и на Корею, такъ какъ всякіе промышленные и коммерческіе интересы европейскихъ государствъ въ восточныхъ странахъ всегда бываютъ тѣсно связаны съ политическими интересами. Между тѣмъ, Японія нуждается въ Кореѣ, такъ какъ туда она разсчитываетъ направить излишекъ своего населенія, которому становится тѣсно на японской территоріи. Къ владѣнію Кореей Японія стремится очень давно и привыкла смотрѣть на нее, какъ на свое національное достояніе. Изъ за нея она вела войну съ Китаемъ, и еслибъ не вмѣшательство державъ, то цѣль была бы уже достигнута. Японія покорилась тогда, но не отказалась все-таки отъ своихъ національныхъ стремленій, считая свои права на Корею неотъемлемыми. Между тѣмъ, русская экспансивная политика въ восточной Азіи неминуемо должна была привести къ столкновенію интересы Японіи и Россіи. Съ той поры, какъ Портъ-Артуръ былъ превращенъ въ русскую военную гавань и сталъ конечнымъ пунктомъ манчжурской дороги, Корея получила въ глазахъ Россіи серьезное значеніе. Достаточно бросить взглядъ на карту, чтобы убѣдиться въ этомъ, такъ какъ японцы, завладѣвъ Кореей, могутъ угрожать линіи сообщенія между Портъ-Артуромъ и Владивостокомъ.

Судя по отзывамъ военныхъ корреспондентовъ англiйскихъ и нѣмецкихъ газетъ, Японiя располагаетъ въ настоящее время 228.000 европейски обученнаго войска, которое она можетъ выставить на поле битвы, резервомъ въ 30.000 и еще территорiальною армiей въ 125.000 чел. Относительно японскаго флота мнѣнiя всѣхъ иностранцевъ сходятся: это первоклассный флотъ, въ составъ котораго входятъ величайшiе броненосцы въ мiрѣ. Корпусъ морскихъ офицеровъ также не оставляетъ желать ничего лучшаго. Таковы отзывы иностранныхъ военныхъ авторитетовъ. Но, съ другой стороны, стратегическiя преимущества находятся на сторонѣ Россiи, да и финансы Японiи далеко не въ блестящемъ состоянiи, что и служитъ причиною колебанiй японскаго правительства, которое, несмотря на сильное давленiе общественнаго мнѣнiя, все еще не рѣшается объявлять войну.

Двѣ зимы въ южнополярныхъ льдахъ. Исторiя полярныхъ экспедицiй изобилуетъ драматическими эпизодами и недавно вернувшаяся шведская антарктическая экспедицiя Норденшильда не составила въ этомъ отношенiи исключенiя. Гибель судна «Антарктика», послѣ долгой борьбы со льдами, странствованiя ея экипажа, зимовка въ очень трудныхъ условiяхъ, неожиданная встрѣча съ товарищами и, наконецъ, появленiе аргентинской спасательной экспедицiи—вотъ главные моменты этого богатаго приключенiями путешествiя къ южному полюсу!

Экспедицiя Норденшильда отправилась два года тому назадъ, въ началѣ января 1902 года,—изъ Огненной земли къ югу и послѣ тщетной попытки проникнуть къ морю Ведделя, повернула къ Сноугиллу, къ югу отъ земли Луи Филиппа. Тамъ Норденшильдъ и пятеро его товарищей высадились на ледъ и устроили станцiю, а «Антарктика» вернулась къ Фалкландскимъ островамъ, предполагая оттуда совершать научныя экскурсiи. На суднѣ находился ученый отрядъ съ геологомъ д-ромъ Андерсономъ во главѣ, командиромъ же былъ норвежскiй капитанъ Ларсенъ. Въ ноябрѣ 1902 года «Антарктика» направилась къ Сноугиллу, чтобы взять Норденшильда и его товарищей, которые должны были тамъ дожидаться прихода судна. Однако, уже въ началѣ декабря начали скопляться около судна такiя массы льда, что дальнѣйшее движенiе сдѣлалось совершенно невозможнымъ и пришлось отказаться отъ надежды добраться на суднѣ до станцiи Норденшильда. Тогда Андерсонъ рѣшилъ покинуть судно и попытаться по льду пробраться къ Норденшильду. Двое товарищей, лейтенантъ Дузе и матросъ Грунденъ, вызвались сопровождать его. Однако плохое состоянiе льда помѣшало имъ добраться до Сноугилля и они вернулись къ острову Жуанвиля, чтобы подождать «Антарктики», которая должна была въ концѣ февраля прибыть туда. Но оказалось, что «Антарктика» такъ плотно засѣла во льду, что не могла высвободиться изъ его оковъ и 12 февраля, подъ дѣйствiемъ сильнаго напора льда, погрузилась на дно; экипажъ ея, состоявшiй изъ двадцати человѣкъ, однако, успѣлъ спастись на ледъ и пустился странствовать по ледяной пустынѣ. Люди, однако, успѣли перенести съ погибшаго судна на льдину всѣ цѣнныя коллекцiи, инструменты, припасы и лодки и старались съ неимовѣрными усилiями достигнуть твердой земли, но льдину постоянно относило назадъ и въ концѣ концовъ имъ пришлось бросить все лишнее на льду и, захвативъ съ собою только самое необходимое, продолжать свое странствованіе на лодкахъ. Послѣ 16-ти дневнаго, очень труднаго путешествія имъ удалось, наконецъ, достигнуть острова, гдѣ они сложили для себя хижину изъ камней и занялись охотой,—чтобы собрать запасы на зиму. Особенно чувствителенъ былъ для нихъ недостатокъ въ горючемъ матеріалѣ, поэтому они тратили его только на приготовленіе обѣда; несмотря на эти страшныя лишенія, состояніе здоровья путешественниковъ было все время вполнѣ удовлетворительно и только одинъ молодой матросъ Венгерлаардъ умеръ и былъ похороненъ вблизи хижины.

Въ это время Андерсонъ, лейтенантъ Дузе и матросъ Грунденъ, отправившіеся на поиски за Норденшильдомъ, но не достигшіе его стоянки въ Сноугиллѣ, пріютившись на островѣ Жуанвиллѣ, также построили себѣ каменную хижину. У нихъ почти не было никакихъ припасовъ съ собой и если бы не пингвины и тюлени (которые водились на островѣ въ большомъ количествѣ), то, пожалуй, они погибли бы отъ голода. Маленькую каменную хижину иногда совершенно заваливало снѣгомъ и имъ приходилось не мало трудиться, чтобы очистить выходъ. По цѣлымъ днямъ они лежали въ хижинѣ, едва освѣщаемой коптящей лампой, въ которой горѣла ворвань, съ нетерпѣніемъ ожидая, когда погода улучшится и имъ можно будетъ выйти изъ своего грязнаго, темнаго жилища на свѣжій воздухъ. Лица ихъ почернѣли отъ копоти и грязи, которая накопилась въ большомъ количествѣ, такъ какъ умываться они не могли. Вообще видъ у нихъ былъ дикій и наружность сдѣлалась неузнаваема вслѣдствіе отросшихъ, всклокоченныхъ, длинныхъ волосъ на головѣ и бородѣ. Это было трудное время. Особенно тяжело отзывалось на нихъ полное отсутствіе книгъ и какихъ бы то ни было развлеченій. Къ тому же ихъ постоянно смущали тревожные сны и безпокойство о судьбѣ «Антарктики» и ея экипажа.

Норденшильдъ со своими двумя товарищами находился въ гораздо лучшихъ условіяхъ. Такъ какъ онъ высадился для устройства станціи, то и захватилъ съ собою всѣ приспособленія для этого. У него былъ солидный деревянный срубъ, изъ котораго онъ съ помощью Дузе и Грундена построилъ хижину съ печью, такъ что они не такъ страдали отъ холода, какъ другіе ихъ товарищи, о судьбѣ которыхъ, впрочемъ, имъ ничего не было извѣстно. Научныя наблюденія и работы производились съ величайшею аккуратностью и благодаря этому время не тянулось такъ безконечно, какъ для тѣхъ несчастныхъ, которые вынуждены были лежать въ полутьмѣ каменной хижины. Наблюденія показали, что мѣсто, гдѣ зимовалъ Норденшильдъ—одно изъ самыхъ холодныхъ на земномъ шарѣ и даже лѣтомъ тамъ свирѣпствуютъ страшныя бури и холода. Само собою разумѣется, что Норденшильдъ и его товарищи съ наступленіемъ лѣта, начали ждать съ нетерпѣніемъ прибытія «Антарктики», которая, согласно уговору, должна была придти за ними. Но прошло лѣто, а объ «Антарктикѣ» ни слуху, ни духу. Перспектива вторичной зимовки въ этой негостепріимной мѣстности, не очень-то радовала ихъ и кромѣ того ихъ тревожила забота объ участи судна и другихъ товарищей. Припасы приходили къ концу и надо было позаботиться о зимѣ, поэтому Норденшильдъ и его спутники усердно принялись охотиться. Вторая зима также прошла благополучно и научныя работы ни разу не прекращались. Наконецъ, въ октябрѣ 1903 г., Норденшильдъ, предпринявшій съ однимъ матросомъ поѣздку на саняхъ, увидалъ вдали какія-то двѣ человѣческія фигуры. Какова была его радость, когда приблизившись, онъ узналъ, хотя и не сразу, въ этихъ двухъ, страшно обросшихъ волосами, косматыхъ и грязныхъ существахъ своихъ двухъ товарищей, Андерсона и Дузе! Вскорѣ къ нимъ присоединился и третій—матросъ Грунденъ. Андерсонъ разсказалъ Норденшильду, съ какимъ великимъ трудомъ имъ удалось, наконецъ, добраться до Сноугилля и какія ужасныя двѣ зимы они провели на островѣ Жуанвилля.

Деревянный домикъ Норденшильда показался имъ настоящимъ дворцомъ послѣ ихъ каменной темницы, съ какимъ наслажденіемъ, послѣ долгаго времени, они взяли теплую ванну и смыли слой грязи, накопившейся за столько времени! Видъ у нихъ былъ такой ужасный, что даже собаки ихъ пугались, такъ что неудивительно, что Норденшильдъ едва ихъ узналъ. За этою радостною встрѣчей вскорѣ послѣдовала новая пріятная неожиданность для Норденшильда и его товарищей. 7-го ноября двое изъ его спутниковъ, во время экскурсіи, увидѣли двухъ, приближавшихся къ нимъ, незнакомыхъ людей; это были: капитанъ Тризоръ и еще одинъ офицеръ съ аргентинскаго вспомогательнаго судна «Уругвай», которому удалось пробраться къ зимней станціи въ Сноугиллѣ. Норденшильдъ чрезвычайно обрадовался прибывшей помощи, но его смущала мысль о судьбѣ «Антарктики» и поэтому въ тотъ же день были сдѣланы всѣ приготовленія къ экспедиціи, которая должна была отправиться разыскивать пропавшее судно. Но произошло нѣчто совершенно неожиданное: капитанъ Ларсенъ съ четырьмя матросами внезапно явился самъ на станцію, гдѣ его встрѣтили, разумѣется, самымъ восторженнымъ образомъ. Не теряя времени, всѣ перебрались на «Уругвай» и, по указанію Ларсена, капитанъ Тризоръ направилъ судно къ тому мѣсту, гдѣ оставалась другая часть экипажа «Антарктики». Такимъ образомъ всѣ члены экспедиціи были спасены и только одна «Антарктика» навсегда исчезла въ пучинѣ южно-полярнаго моря.

Государство будущаго. Первые выборы въ австралійскій федеральный парламентъ, результаты которыхъ только недавно сдѣлались извѣстны, вызвали особенный интересъ вслѣдствіе того, что въ первый разъ въ выборахъ принимали участіе женщины. Ожидали, что женщины, какъ консервативный элементъ, окажутъ несомнѣнное вліяніе на распредѣленіе политическихъ партій въ парламентѣ. Затѣмъ важнымъ вопросомъ являлась также программа Чэмберлена, относительно которой страна должна была высказаться на этихъ выборахъ. Но результаты выборовъ оказались совершенно неожиданными въ томъ отношеніи, что они доставили огромное преобладаніе рабочей партіи. Положеніе этой партіи особенно усилилось въ сенатѣ, гдѣ число ея представителей удвоилось. Въ палатѣ депутатовъ министерская партія уменьшилась, а рабочая увеличилась и, образуя центръ, можетъ вступить теперь въ коалицію съ оппозиціей, оказывая этимъ рѣшающее вліяніе на парламентскія воты и опредѣляя ихъ характеръ. Прежде всего это важно въ отношеніи вопроса о таможенной политики. При такомъ составѣ новаго австралійскаго парламента чэмберленовская программа не имѣетъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Почти двѣ трети парламентскихъ представителей высказываются противъ пересмотра существующихъ тарифовъ и на это именно указываютъ англійскія газеты Чэмберлену. Одна изъ трехъ колоній, отъ согласія которыхъ зависитъ успѣхъ его таможеннаго проекта, теперь отпадаетъ отъ него. Въ Новой Зеландіи онъ также мало можетъ разсчитывать на успѣхъ, да и въ Канадѣ дѣла обстоятъ не лучше. Съ этой точки зрѣнія результаты австралійскихъ выборовъ получаютъ особенно важное значеніе и для чэмберленовскихъ плановъ они особенно невыгодны, такъ какъ австралійская рабочая партія желаетъ оградить покровительственными пошлинами свою страну, не только отъ заграницы, но и отъ метрополіи. «Австралія для австралійцевъ»—вотъ лозунгъ этой партіи, и все, что уклоняется отъ такого принципа, вызываетъ тотчасъ же горячій протестъ. Министерская партія, поддерживавшая политику Чэмберлена, не имѣетъ большого значенія и все будетъ зависѣть отъ того, въ чью сторону склонится оппозиція, когда на очереди окажутся вопросы таможенной политики.

Само собою разумѣется, что въ новомъ федеральномъ парламентѣ интересы рабочихъ классовъ будутъ выдвинуты на первое мѣсто. Введеніе обязательныхъ третейскихъ судовъ для разбора столкновеній между трудомъ и капиталомъ, считается теперь обезпеченнымъ. Австралійцы твердо рѣшили сдѣлать этотъ опытъ. Также надо ожидать воспрещенія азіатамъ доступа въ Австралію и утвержденія пенсій старости. Для этой цѣли имѣется въ виду даже учредить новый налогъ, который, вѣроятно, не понравится англичанамъ, такъ какъ нѣкоторыя англійскія газеты уже теперь съ неодобреніемъ отзываются объ этомъ проектѣ. Предполагается обложить налогомъ всѣхъ тѣхъ, кто, не живя въ Австраліи, получаетъ однако оттуда доходы. Англійскимъ капиталистамъ и акціонерамъ, вложившимъ свои деньги въ австралійскія предпріятія, придется уплачивать особенный налогъ и такимъ образомъ доходы ихъ должны будутъ уменьшаться. Въ газетахъ уже высказывается австралійцамъ предостереженіе, что, въ случаѣ, если этотъ законъ пройдетъ, то австралійцы не должны будутъ удивляться, если иностранные капиталисты не такъ охотно будутъ вкладывать свои деньги въ австралійскія промышленныя предпріятія. Не только англійская, но и нѣмецкая печать высказываетъ опасеніе, что господство рабочей партіи придаетъ австралійской политикѣ рѣзко выраженный радикальный характеръ. Одна изъ германскихъ буржуазныхъ газетъ говоритъ, что Австралія «на всѣхъ парахъ приближается къ тому, чтобы стать «государствомъ будущаго», о которомъ мечтаютъ германскіе соціалисты». Разумѣется, газета предостерегаетъ австралійцевъ отъ этой «страшной опасности».

Что касается участія женщинъ, то, какъ мы уже говорили, оно не оправдало ожиданій бюргерскихъ партій. Консервативныя газеты откровенно заявляютъ, что онѣ глубоко ошибались, разсчитывая на консерватизмъ женщинъ. Огромное большинство избирательницъ подали свои голоса за кандидатовъ рабочей партіи, вопреки надеждамъ консерваторовъ. Но при этомъ обнаружилась одна любопытная сторона: женщины выказали полное нежеланіе подавать свои голоса за кандидатокъ своего пола. Во многихъ городахъ, на женскихъ митингахъ, приняты были резолюціи, заявляющія, что еще не наступило время для женщинъ-депутатокъ. Но три женщины все-таки имѣли смѣлость выступить кандидатками на выборахъ. Одну изъ нихъ, въ штатѣ Викторія, сильно поддерживали протекціонисты. Двѣ другія поставили свою кандидатуру въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ и пользовались поддержкой фритредеровъ. Но ни одна изъ нихъ не была выбрана, несмотря на выказанное ими краснорѣчіе и ловкость въ избирательной борьбѣ и на оказанную имъ поддержку. «Въ сущности,—какъ замѣчаютъ англійскія газеты,—участіе женщинъ не измѣнило характера выборовъ. Женщины вотировали такъ же, какъ мужчины, ни лучше, ни хуже ихъ. Самымъ важнымъ результатомъ является конечно, побѣда рабочей партіи, которая должна будетъ отразиться на внѣшней и внутренней политикѣ Австраліи. Европа съ интересомъ будетъ ждать результатовъ этого новаго опыта австралійской соціальной лабораторіи».

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Патріотизмъ и любовь къ человѣчеству.—Японскій путешественникъ въ Тибетѣ.—Японія и Россія.

Журналъ «la Revue» выдвигаетъ на сцену вопросъ о патріотизмѣ и о совмѣстимости его съ гуманитарными чувствами, которыя, повидимому, все болѣе укрѣпляются въ цивилизованномъ мірѣ, выражаясь солидарностью между всѣми членами человѣческаго рода, осужденіемъ первобытныхъ инстинктовъ, заставляющихъ различныя расы ненавидѣть другъ друга, отвращеніемъ къ битвамъ, въ которыхъ люди убиваютъ другъ друга, уваженіемъ къ правосудію, которое считается выше грубой силы, и готовностью прибѣгать къ нему для рѣшенія споровъ между націями и отдѣльными индивидами. Но можно ли быть патріотомъ, не рискуя поступать негуманно? Имѣютъ ли люди какія-нибудь обязанности по отношенію къ тѣмъ, кого они считаютъ иноземцами, и если да, то въ чемъ заключаются эти обязанности? Не достигли ли мы уже такого періода развитія человѣчества, когда идея отечества, уже принесшая свои плоды, можетъ быть замѣнена другими идеями или же, наоборотъ, каждая нація должна сохранять свой патріотизмъ, чтобы продолжать свою историческую эволюцію и по своему трудиться для прогресса человѣчества? Такого рода вопросы французскій журналъ предлагаетъ на разрѣшеніе различнымъ французскимъ ученымъ, философамъ, историкамъ, этнографамъ, романистамъ и поэтамъ. Изъ полученныхъ отвѣтовъ видно, что большинство французскихъ мыслителей находитъ вполнѣ совмѣстимымъ патріотизмъ съ любовью къ человѣчеству. Въ такомъ именно духѣ высказываются Фулье, Леруа Болье, Габріель Монэ, Жюль Клареси, Поль и Викторъ Маргеритъ и др. Они говорятъ: «Если вы не будете любить свое отечество, людей, которые находятся всего ближе къ вамъ, съ которыми у васъ всего больше сходства, то какъ вы можете любить тѣхъ, которые отъ васъ далеки? Надо быть патріотомъ, чтобы питать искреннюю любовь къ человѣчеству».

Шарль Рише и Фредерикъ Пасси высказались въ томъ смыслѣ, что хорошимъ патріотомъ можетъ быть только тотъ, кто любитъ всѣ народы. «Любовь, которую вы отдаете человѣчеству, вы отдаете ее и своему отечеству,—говорятъ они,—потому что всѣ націи солидарны. Благополучіе одной приноситъ пользу и всѣмъ другимъ. Усиленная производительность какой-нибудь націи всегда бываетъ выгодна и другимъ націямъ, получающимъ отъ нея продукты лучшаго качества и болѣе дешевые. Если науки и искусства достигаютъ особеннаго процвѣтанія въ какой-нибудь странѣ, то всѣ другія извлекаютъ изъ этого пользу, а героическіе поступки, гдѣ бы они ни совершались, всегда восхищаютъ людей и герои, какой бы они ни были національности, увлекаютъ своимъ примѣромъ другихъ. Итакъ, если вы любите своихъ соотечественниковъ, то должны любить и всѣхъ тѣхъ, отъ кого зависитъ ихъ благополучіе, т.-е. другихъ людей, такъ какъ и они производятъ геніевъ, открытія которыхъ являются благодѣяніемъ для всѣхъ, и героевъ, примѣръ которыхъ благотворно дѣйствуетъ на гражданъ всѣхъ странъ».

Но существуютъ и другіе взгляды: Бреаль, Дюкло, Элизе Реклю, Мирбо желали бы, чтобы всѣ границы были уничтожены и всѣ отечества слились бы въ одно. По ихъ мнѣнію, патріотизмъ является лишь препятствіемъ идеѣ всемірнаго братства. Человѣческія бѣдствія и страданія вездѣ одинаковы и наука, которая вездѣ преслѣдуетъ одну и ту же цѣль, указываетъ людямъ, что они должны соединиться вмѣстѣ въ борьбѣ со страданіями и въ поискахъ истины и счастья. Слѣдовательно, должно существовать только одно великое отечество—человѣчество! Дюкло надѣется, что въ концѣ-концовъ наука уничтожитъ всѣ границы. «Что такое патріотизмъ? — говоритъ онъ. — Это даръ, завѣщанный намъ эпохой, когда преподаваніе исторіи стремилось развить соперничество между народами и правительствами и превратить его въ ненависть. Каждая нація имѣла свою исторію и свой узкій патріотизмъ. Но теперь понемногу начинаютъ замѣчать, что существуетъ еще другая исторія, которая на нашихъ глазахъ пишется рукою ученыхъ, и всѣ одинаково могутъ чествовать эту исторію, потому что всѣ работаютъ для нея. Я очень удивился бы, еслибъ въ концѣ-концовъ эта исторія не устранила ту, которая существовала до сихъ поръ». Октавъ Мирбо высказывается еще рѣзче. Онъ смотритъ на патріотизмъ съ точки зрѣнія международнаго убійства и въ его глазахъ отечество—это Молохъ, насыщенный кровью. Элизе Реклю говоритъ объ искусственности границъ, создаваемыхъ правительствами между людьми, общій интересъ которыхъ требуетъ, наоборотъ, чтобы они соединили свои усилія для борьбы со зломъ. «Что такое отечество?—говоритъ онъ.—Это большая или маленькая территорія, съ рѣзко установленными границами разнообразнаго происхожденія, природными или искусственными, представляющими черты, проведенныя на бумагѣ и затѣмъ перенесенныя на данную мѣстность. Исходя изъ всѣхъ этихъ опредѣленій, отвѣчающихъ общей идеѣ всѣхъ заинтересованныхъ народовъ и трижды санкціонированныхъ дипломатіей, военнымъ режимомъ и фискальною системой, отечество и его производное патріотизмъ являются прискорбнымъ пережиткомъ, продуктомъ агрессивнаго эгоизма, который не можетъ вести ни къ чему иному, какъ къ разрушенію, гибели плодовъ гуманитарной дѣятельности и къ истребленію людей. Но народъ наивенъ и поэтому его научили понимать подъ словомъ «отечество» множество прекрасныхъ вещей, ничего не имѣющихъ общаго съ искусственнымъ дѣленіемъ земли на враждующіе участки. Всѣ эти глубокія впечатлѣнія, которыя мы выносимъ изъ нашего дѣтства, улыбающіяся лица стариковъ, которые насъ любятъ и ласкаютъ, языкъ, на которомъ мы научаемся лепетать первыя слова, сладкія воспоминанія дѣтства и юности, школы и товарищи, — все, чтó составляетъ наслѣдіе человѣка, въ какой бы части свѣта ни находилась его колыбель, въ дѣйствительности существовало гораздо раньше идеи ограниченнаго отечества и связывать эти чувства съ существованіемъ эфемерныхъ раздѣленій на поверхности земли, совершенно невѣрно. Напротивъ, между этими первыми впечатлѣніями, привязывающими насъ къ землѣ и обществу людей, и тѣми искусственными линіями раздѣленій, которыя мѣшаютъ свободному образованію человѣческихъ группъ, въ сущности существуетъ глубокое противорѣчіе, такъ какъ эти раздѣленія стремятся фиксировать то, что неуловимо, т.-е. временныя симпатіи людей, чувство расположенія и солидарности. Обширный міръ принадлежитъ намъ и мы принадлежимъ міру. Долой всѣ преграды, символы захвата и ненависти. Мы жаждемъ обнять, наконецъ, всѣхъ людей и сказать имъ, что они наши братья!»

Въ противоположность этимъ возвышеннымъ идеаламъ, Франсуа Коппе, др. Оссонвилль и Фагэ доказываютъ, въ своихъ отвѣтахъ, что націи должны быть эгоистичны, такъ какъ эгоизмъ—это главное условіе ихъ существованія. Народъ, который первый рѣшится отказатся отъ всякаго эгоизма, будетъ поглощенъ другимъ и такимъ образомъ всякая попытка расширитъ идею человѣческой ассоціаціи должна привести какъ разъ къ обратнымъ результатамъ.

Французскіе ученые и писатели, къ которымъ обратился журналъ, раздѣлились, слѣдовательно, на три группы въ вопросѣ о патріотизмѣ. Большинство стремится примирить идею патріотизма съ любовью къ человѣчеству и около этого большинства группируются приверженцы крайнихъ взглядовъ, составляющіе меньшинство. Одни приносятъ человѣчество въ жертву идеѣ патріотизма, другіе же идею человѣчества ставятъ выше всего.

Предпріимчивый японскій ученый и путешественникъ Экаи Кавагуши, описываетъ въ «Century Magazine» свои приключенія въ Тибетѣ. Выѣхавъ изъ Японіи въ 1897 году, онъ оправился въ Даржилинъ и принялся тамъ изучать тибетскій языкъ. Съ этою задачей онъ справился въ 16 мѣсяцевъ и въ одеждѣ тибетскаго ламы вступилъ въ запретную страну. Ему удалось проникнуть въ Лхассу и прожить тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ средѣ тибетскихъ ламъ разныхъ разрядовъ. Экаи Кавагуши предпринялъ свое путешествіе со спеціальною цѣлью дополнить свои изслѣдованія буддизма. Весь смыслъ существованія тибетскаго правительства заключается по его словамъ, въ охраненіи и поддержаніи буддизма и по этой то причинѣ Тибетъ превратился въ замкнутую страну, а изоляція отъ всѣхъвнѣшнихъ вліяній пріобрѣла характеръ жизненнаго принципа, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія тибетцевъ.

Въ мартѣ 1900 года японскій путешественникъ попалъ, наконецъ, въ Лхассу и былъ допущенъ въ тибетскій университетъ при храмѣ Сера, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ, когда онъ сдалъ предписанный экзаменъ, то получилъ разрѣшеніе поступить на курсы буддійскаго катихизиса. Тамъ онъ получилъ титулъ «Сера и Амха», что означаетъ «докторъ Серы». Японецъ выдавалъ себя за китайскаго врача и довольно успѣшно игралъ свою роль. Это званіе открыло ему двери многихъ вліятельныхъ домовъ Лхассы, но практика «доктора—аматера» отнимала у него много времени и мѣшала его собственнымъ занятіямъ, зато, благодаря пріобрѣтеннымъ знакомствамъ, ему удалось получить доступъ, въ библіотеки разныхъ храмовъ. Но самымъ интереснымъ событіемъ его пребыванія въ Лхассѣ была первая аудіенція у Далай Ламы, которую онъ получилъ въ сентябрѣ того же года. Зданія дворцоваго города, гдѣ находится резиденція Далай-Ламы, представляютъ группу построекъ внушительнаго массивнаго вида, расположенную на холмѣ, откуда открывается великолѣпный видъ на окаймленныя горами обширныя равнины Тибета и безчисленные храмы съ ихъ желтыми крышами. Японца провели черезъ множество богато разукрашенныхъ въ китайскомъ вкусѣ покоевъ, въ залу, гдѣ сидѣлъ Далай Лама въ креслѣ. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 28, въ желтомъ шелковомъ священническомъ одѣяніи и головномъ уборѣ ламъ. Въ лѣвой рукѣ у него были четки изъ ягодъ одного дерева. Японецъ три раза распростерся передъ нимъ и затѣмъ остался стоять во все продолженіе аудіенціи и только снова палъ ницъ, чтобы принять благословеніе Далай-Ламы. «Ты долженъ вылечить моихъ священниковъ!» сказалъ ему Далай-Лама.

Личное впечатлѣніе, которое вынесъ японецъ изъ своего посѣщенія Далай-Ламы, было весьма благопріятное. По его словамъ, Далай Лама глубокій знатокъ будійскаго ученія и, кромѣ того, обладаетъ большими политическими и государственными способностями. Большинство прежнихъ Далай-Ламъ были только призрачными властителями Тибета. Министры обыкновенно медленно отравляли ихъ и они даже не достигали совершеннолѣтія, а затѣмъ на ихъ мѣсто возводились на тронъ другіе мальчики. Но теперешній Далай-Лама взялъ твердою рукой бразды правленія, и энергично старается реформировать прежнюю систему администраціи Тибета, уничтожить подкупъ, власть любимцевъ и т. п. Между прочимъ, японецъ разсказываетъ о томъ, что Далай-Лама заключилъ тайный договоръ съ Россіей. Въ числѣ подарковъ, полученныхъ имъ изъ Россіи, находилось также полное епископское облаченіе и митра, отдѣланная жемчугомъ, отъ которой Далай-Лама былъ въ восторгѣ. Оказывается, что онъ не зналъ, что религія русскихъ и тибетцевъ совершенно иная и думалъ, что русскіе, подобно монгольскимъ бурятамъ, также исповѣдуютъ буддійскую религію; поэтому онъ очень обрадовался подарку и наряжался въ епископскія одежды при всякомъ торжественномъ случаѣ.

Въ маѣ 1902 года Кавагуши долженъ былъ поспѣшно покинуть Тибетъ Его предупредили, что тибетское правительство какимъ-то образомъ провѣдало о томъ, что онъ японецъ, слѣдовательно, опасный чужестранецъ, обманомъ втершійся въ страну. Жизнь его подвергалась такимъ образомъ опасности. Дѣйствительно, когда онъ уже былъ въ Дарджилингѣ, то узналъ, что его друзей въ Лхассѣ поеадили въ тюрьму. Японецъ очень этимъ огорчился и написалъ письмо Далай-Ламѣ, которое было переслано по назначенію первымъ министромъ непальскаго раджи. Японецъ изложилъ Далай-Ламѣ цѣль своего путешествія—изученіе буддизма, и, къ удивленію, Далай-Лама настолько смягчился, что не только освободилъ друзей японца, но даже прислалъ ему въ подарокъ цѣнную коллекцію буддійскихъ санскритскихъ рукописей.

Въ англійскихъ журналахъ очень много говорятъ о русско-японскомъ конфликтѣ. «Fortnightly Review» объясняетъ настойчивость, съ которою Японія старается добиться эвакуаціи Манчжуріи, тѣмъ, что эта провинція составляетъ ключъ къ преобладанію въ Китаѣ. Японія желаетъ возрожденія Китая и это составляетъ для нея вопросъ такой же важности, какъ для Англіи объединеніе всѣхъ расъ, говорящихъ по-англійски, а для Россіи—панславизмъ. По мнѣнію автора статьи англійскаго журнала, Японія не можетъ удовлетвориться обезпеченіемъ своихъ интересовъ въ Кореѣ. Россія, въ сущности, не имѣетъ никакого права вести переговоры съ Японіей относительно Кореи, точно о завоеванной странѣ, но Японія, какъ и всякая другая держава, можетъ поднять вопросъ о Манчжуріи. Въ Японіи общественное мнѣніе почти единогласно высказывается въ пользу войны. Преданія, національная гордость японцевъ, ихъ аристократизмъ,—все это увлекаетъ ихъ въ сторону войны и народъ, въ данномъ случаѣ, раздѣляетъ взгляды знатныхъ круговъ. Но удивительнѣе всего, что даже японскіе дѣльцы, которые должны больше всѣхъ потерять отъ войны, единогласно высказываются за энергичный образъ дѣйствій. На послѣднемъ собраніи банкирскаго клуба въ Токіо, баронъ Шибушава, шестидесятилѣтній старикъ, обратился къ присутствующимъ банкирамъ со слѣдующею рѣчью: «Если Россія будетъ упорствовать и, преслѣдуя до конца свои честолюбивыя цѣли, подвергнетъ безчестію нашу страну, то мы, мирные банкиры, потеряемъ терпѣніе и повинуясь истинному духу японскаго народа, возьмемся за оружіе. Я старикъ, но у меня еще сохранился остатокъ силъ и мужества; вы же, мои слушатели, находящіеся во цвѣтѣ лѣтъ, конечно, также не захотите перенести униженія своей страны». Японія, какъ увѣряетъ авторъ, отклонила союзъ съ Китаемъ противъ Россіи, но, тѣмъ не менѣе, между Токіо и Пекиномъ существуетъ соглашеніе и согласіе Китая на тибетскую экспедицію было однимъ изъ условій этого соглашенія. Насчетъ шансовъ Японіи въ войнѣ взгляды англійскихъ авторовъ расходятся, но тѣмъ не менѣе большинство признаетъ, что на сторонѣ Японіи находится то большое преимущество, что она будетъ сражаться въ своихъ собственныхъ водахъ и что за ея флотомъ будетъ стоять вся нація, со всѣми рессурсами страны.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Астрономія въ 1903 году.

Папская комета. — Другія кометы въ 1903 году.—Леониды и Біелиды. — Новыя звѣзды.—Перемѣнныя.—Примѣненіе новаго прибора — стереокомпаратора къ открытію перемѣнныхъ звѣздъ.—Двойныя звѣзды.—Планеты.—Вращеніе Венеры и Сатурна.—Каналы Марса.—Вулканическая дѣятельность на Лунѣ по фотографическимъ снимкамъ Парижской обсерваторіи.—Фотогафическая карта неба.—Новые результаты относительно числа, распредѣленія и движенія туманностей по фотографическимъ снимкамъ проф. Вольфа.—Оживленіе солнечной дѣятельности.—Магнитныя бури и сѣверныя сіянія.—Сводъ работъ академика Ѳ. А.Бредихина по теоріи кометныхъ формъ и теоріи образованія метеорныхъ потоковъ.

Наиболѣе крупнымъ астрономическимъ явленіемъ въ 1903 году оказывается комета, открытая французскимъ астрономомъ Боррелли 21-го іюня н. ст. Она интересна и по своему движенію на небѣ, и по физическимъ свойствамъ. Благодаря значительной яркости, она въ теченіе долгаго времени была доступна наблюденію невооруженнымъ глазомъ. Масса лицъ усмотрѣла при этомъ комету самостоятельно, хотя не всѣ поняли, что наблюдаютъ комету. Періодъ наибольшей яркости пришелся на 15—20-е іюля, когда папа Левъ XIII кончалъ свое земное существованіе. Иной католикъ можетъ искать значенія въ этомъ совпаденіи. А положеніе кометы во время наибольшаго приближенія къ солнцу даетъ еще основаніе къ астрологическимъ размышленіямъ. Комета прошла по созвѣздіямъ: Водолея, Малаго Коня, Лисицы, Лебедя, Дракона, Малой Медвѣдицы, Большой Медвѣдицы и во время наибольшаго приближенія къ солнцу (27-го августа н. ст.) находилась какъ разъ въ созвѣздіи Льва. Какъ при такихъ обстоятельствахъ человѣку суевѣрному воздержаться отъ предположенія, что комета является предвѣстницей кончины первосвященника—папы Льва XIII-го? Въ моментъ открытія комета представляла собой слабую туманность, въ которой, впрочемъ, обозначались уже ядро и хвостъ. Комета поднималась изъ южнаго полушарія въ сѣверное по орбитѣ, почти перпендикулярной къ орбитѣ земли. Вслѣдствіе приближенія кометы къ солнцу и особенно къ землѣ, яркость ея быстро возрастаетъ и около 17-го іюля, когда земля проходила подъ орбитой кометы, она дѣлается въ 15 разъ больше, чѣмъ въ день открытія. Это былъ максимумъ яркости. Потомъ, по мѣрѣ удаленія отъ земли, несмотря на продолжающееся приближеніе къ солнцу, комета постепенно дѣлается слабѣе. Теоретическая, предвычисленная впередъ, яркость, впрочемъ, отличается нѣсколько отъ дѣйствительной, потому что комета свѣтила не только отраженнымъ солнечнымъ свѣтомъ, но также вслѣдствіе внутреннихъ процессовъ, которые подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей развивались все болѣе и болѣе. Въ іюлѣ уже съ помощью слабаго бинокля можно было легко различить хвостъ кометы, въ болѣе сильный онъ имѣлъ значительную длину, а на фотографическихъ пластинкахъ онъ тянется болѣе чѣмъ на 15 градусовъ—это приблизительно 30 лунныхъ діаметровъ. Комета находилась въ это время еще очень далеко отъ солнца, болѣе чѣмъ на 160.000.000 километровъ. При наибольшемъ приближеніи къ солнцу она находилась отъ него только на одной трети разстоянія земли отъ солнца, т.-е. 50.000.000. Дѣйствіе солнечныхъ лучей на комету въ это время было гораздо значительнѣе и хвостъ, безъ сомнѣнія, развился еще больше. Къ сожалѣнію, къ этому времени земля и комета далеко разошлись и это интересное явленіе оказалось недоступнымъ для нашихъ наблюденій.

Прекрасныя фотографіи астрономовъ Іеркской обсерваторіи Barnard'a и Wallace обнаруживаютъ интересное строеніе хвоста, которое мѣняется ото дня ко дню и даже въ теченіе одного вечера. 20-го іюля хвостъ является сплошнымъ безъ всякихъ отвѣтвленій, и тянется на 9 градусовъ, по 22-го видно уже 4 луча, причемъ три изъ нихъ, исходя, очевидно, изъ головы кометы, становятся видимыми лишь на значительномъ отъ нея разстояніи. Несомнѣнно прекратилось истеченіе тѣхъ веществъ, изъ которыхъ состоятъ эти лучи. Сплошной лучъ имѣетъ въ длину до 16 градусовъ. На пластинкѣ, снятой 23-го іюля, видны три луча, изъ нихъ одинъ очень слабъ, но тѣмъ не менѣе можетъ быть прослѣженъ на 14 градусовъ. 24-го іюля новое измѣненіе. Хвостъ одинъ, но на разстояніи четырехъ градусовъ отъ головы онъ какъ бы перерубленъ и направленіе дальнѣйшей его части приблизительно на 2 градуса отличается отъ направленія продольной оси куска, ближайшаго къ головѣ. Повидимому, это дѣленіе произошло быстро въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. На слѣдующій день хвостъ оказался совершено сплошнымъ, безъ какихъ-либо особенностей. Нѣсколько разъ поднимался вопросъ, возможено ли поглощеніе и отклоненіе лучей, идущихъ къ намъ отъ какой-либо звѣзды черезъ голову кометы? Спеціальныя изслѣдованія обнаружили, что никакого поглощенія и отклоненія замѣтить нельзя. Нужно было допустить, что даже наиболѣе плотная часть кометы—голова состоитъ изъ очень разрѣженной матеріи. И вдругъ, къ великому удивленію, комета Боррелли оказывается въ этомъ отношеніи особой. Профессоръ Вольфъ сфотографировалъ ее двумя свѣтосильными объективами 25-го іюля въ то время, когда она проходила передъ звѣздой $6^1/_2$-величины. На обоихъ снимкахъ широкій слѣдъ этой яркой звѣзды оказался значительно слабѣе и уже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ покрытъ кометой. Сосѣдняя слабенькая звѣздочка дала совершенно ровный на всемъ протяженіи слѣдъ. Такъ какъ слѣдъ слабыхъ звѣздъ получается только отъ дѣйствія тѣхъ лучей, для которыхъ шлифованъ объективъ, то проф. Вольфъ дѣлаетъ предположеніе, что въ кометѣ Боррелли имѣло мѣсто избирательное поглощеніе лучей. Яркая звѣзда посылала намъ много дѣятельныхъ лучей, которые дѣйствовали на пластинку. Лучи между фраунгоферовыми линіями F и G, для которыхъ шлифованы объективы Вольфа, не поглощались кометой, но другіе претерпѣвали значительное поглощеніе. Слѣдовательно, изъ ядра кометы истекала матерія, которая, обращаясь въ газъ, поглощала много лучей изъ пучка, идущаго отъ звѣзды. Но отклоненіе лучей и на этотъ разъ не могло быть доказано. Были также сдѣланы попытки получить спектръ кометы Боррелли. Онъ оказался обыкновеннымъ, изъ углеводородныхъ и синеродистыхъ полосъ, но съ интересными подробностями, напоминающими спектръ кометы Рордама 1893 года. Полосы въ голубой области спектра были отдѣлены, тогда какъ у большинства кометъ онѣ слиты. Это обстоятельство еще болѣе приближаетъ спектры кометъ Боррелли и Рордама къ спектру углеводородовъ.

Между ультрафіолетовой синеродистой полосой съ длиной волны 338 микромикрона и слѣдующей (337 микромикрона) рѣзкое ослабленіе свѣта, что бываетъ только при освѣщеніи газа, находящагося подъ малымъ давленіемъ, электрическимъ свѣтомъ. Отсюда непосредственно можно заключить, что кометное вещество свѣтится подъ дѣйствіемъ электрическихъ лучей, на что еще раньше давали указанія опыты Фогеля и Гассельберга. Правда, есть нѣкоторое отличіе спектра углеводородовъ и синерода при электрическомъ освѣщеніи отъ того, что представляетъ спектръ кометы, но отличіе это можетъ быть объяснено предположеніемъ, что причина электрическаго свѣченія въ кометахъ слаба. Она способна освѣтить сложное тѣло, но не способна его разложить и обнаружить спектръ составныхъ частей.

Въ спектрѣ кометы, сфотографированномъ 7-го августа, полоса съ длиной волны 338 микрокрона оказалась наклонной по отношенію къ линіямъ спектра земного источника. Эта интересная подробность прямо указывала на то, что частицы кометнаго вещества подъ дѣйствіемъ отталкивательной силы солнца уносятся изъ ядра въ хвостъ. Чрезвычайно интересно будетъ сопоставить это явленіе съ тѣми результатами, которые будутъ получены теоретически изъ изслѣдованія строенія хвоста кометы и скоростей истеченій изъ ея ядра.

Кромѣ кометы Баррелли, въ 1903 году наблюдались еще четыре. Одна изъ нихъ, открытая 15-го января астрономомъ Жіакобини въ Ниццѣ, была тоже довольно яркая. Ея яркость, постепенно возростая, вслѣдствіе приближенія кометы къ землѣ и солнцу, въ концѣ марта сдѣлалась въ 80 разъ больше, чѣмъ при открытіи. Уже 20-го февраля комета была вполнѣ доступна наблюденіямъ невооруженнымъ глазомъ, будучи равной по яркости извѣстной туманности Андромеды; но никакихъ особенныхъ явленій комета не развила. Хвостъ ея былъ малъ и неопредѣлененъ. Поднявшись по созвѣздію Пегаса, комета повернула въ началѣ марта внизъ, 26-го марта перешла экваторъ и скоро скрылась отъ взоровъ наблюдателей сѣвернаго полушарія. Такъ называемая II-ая комета 1903 года была открыта еще въ концѣ 1902 года. Она наблюдалась въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но все время оставалась очень слабой, почти не измѣняясь по яркости. Комета III-я 1903 года не была вовсе наблюдаема въ сѣверномъ полушаріи. Ее нашелъ Grigg на Новой Зеландіи 16-го апрѣля—въ то время, когда она, опускаясь все дальше и дальше въ южное полушаріе, уходила и отъ солнца, и отъ земли. Комета была очень слаба и размыта. Послѣдняя комета, найденная Aitken'омъ 18-го августа, представляетъ собою интересную періодическую комету Брукса. Это уже третье возвращеніе кометы къ солнцу. Въ первый разъ нашелъ ее Бруксъ въ 1889 году. По вычисленію элементовъ оказалось, что комета идетъ по замкнутой орбитѣ, небольшому, сравнительно, эллипсу со временемъ обращенія всего 7 лѣтъ. То обстоятельство, что комету не наблюдали раньше, объясняется тѣмъ, что до 1886 года она шла по совершенно другой орбитѣ. Послѣдняя представляла вытянутый эллипсъ со временемъ обращенія въ 40, приблизительно, лѣтъ, причемъ приближеніе къ солнцу возможно было только на 5,4 разстоянія земли отъ солнца, а на такомъ разстояніи остаются кометы вообще очень слабыми и недоступными для нашихъ наблюденій. Но вотъ въ 1886 году комета Брукса подходитъ къ Юпитеру; разстояніе кометы отъ могучей планеты оказывается исключительно малымъ. Комета почти касается поверхности планеты. Юпитеръ своимъ притяженіемъ совершенно измѣняетъ путь кометѣ, происходитъ, поистинѣ, ломка орбиты. Направленіе движенія мѣняется на обратное, вмѣсто удлиненнаго эллипса оказывается малый съ временемъ обращенія всего въ 7 лѣтъ, точка наибольшаго приближенія становится точкой наибольшаго удаленія; теперь комета можетъ подходить къ солнцу уже значительно ближе—на 1,95 разстоянія земли отъ солнца, и становится доступной нашимъ наблюденіямъ. Очевидно, въ это же время происходитъ и дѣленіе кометы на части. Въ 1889 году ее видятъ съ 4 спутниками, изъ которыхъ для двухъ оказалось возможнымъ прослѣдить и движеніе. Бредихинъ разсчиталъ, что для отдѣленія одной части отъ главной кометной массы потребовался толчокъ, который вызвалъ скорость въ 45 метровъ по направленію къ солнцу, а для другой—такой же толчокъ, но въ обратномъ направленіи. Удалившись отъ солнца, комета скрылась отъ нашихъ взоровъ, но, обогнувъ по своей орбитѣ, она черезъ 7 лѣтъ, въ 1896 году вновь возвращается и становится доступной наблюденіямъ. Теперь въ третій разъ она появляется въ назначенный срокъ и въ указанномъ мѣстѣ неба. Положеніе кометы въ моментъ открытія оказалось, по непосредственному измѣренію Aitken'а, лишь очень немного отличнымъ отъ того, которое опредѣлялось впередъ вычисленіями.

Съ большимъ интересомъ и волненіемъ, передавшимся въ большую публику, поджидали астрономы ноября 1898, 1899 и 1900 годовъ. Надѣялись увидѣть блестящія явленія звѣздныхъ дождей. Въ 1799 году 12-го ноября нов. ст. Александръ фонъ-Гумбольдъ былъ свидѣтелемъ въ Америкѣ такого явленія. Оно повторилось въ тѣ же числа ноября въ 1833 и 1866 году. Очевидно, была періодичность въ 33—34 года. Но 1899 или 1900 г. подали новыя ожиданія этого же звѣзднаго дождя,—дождя, образованнаго массой малыхъ метеоровъ, которые для наблюдателя сыпались какъ бы изъ созвѣздія Льва, откуда и названіе метеоровъ — Леониды. Кромѣ этого потока Леонидъ, ожидался еще потокъ Андромедидъ (исходная точка метеоровъ въ созвѣздіи Андромеды) или, какъ ихъ называютъ теперь, Біелидъ, получившихся отъ разложенія извѣстной кометы Біелы. Въ 1872 году 27-го ноября земля встрѣтила, вмѣсто кометы, кучу мелкихъ тѣлецъ, которыя, проносясь черезъ нашу атмосферу и накаляясь вслѣдствіе тренія въ воздухѣ, произвели явленіе настоящаго дождя—метеоры летѣли тысячами. Дождь повторился и 27-го ноября 1885 года. Было полное основаніе ожидать его въ 1898 году или въ крайнемъ случаѣ въ 1899 году.

Но природа посмѣялась надъ ожиданіями, Ни того, ни другого явленія не наблюдалось ни въ 1898, ни въ 1899, ни въ 1900 годахъ. Для Леонидъ это обстоятельство нашло объясненіе въ томъ фактѣ, что путь метеоровъ въ пространствѣ, вслѣдствіе различныхъ вліяній планетъ, отошелъ отъ орбиты земли, такъ что теперь, при встрѣчѣ съ послѣдней, они не попадали больше въ ея атмосферу.

Отмѣчены были лишь единичные, одинокіе метеоры, не позволявшіе судить объ явленіи въ его цѣломъ. Тѣмъ болѣе оказались неожиданными наблюденія англійскаго астронома Деннинга большого числа метеоровъ изъ потока Леонидъ въ ночь съ 15-го на 16-е ноября 1903 года. Явленіе развивалось прогрессивно съ 3 часовъ до утра. Около 6 часовъ—на каждую минуту приходилось въ среднемъ по три метеора; быть можетъ, число ихъ увеличивалось и дольше, но приближеніе зари прекратило наблюденія. Среди наблюдавшихся метеоровъ было очень много яркихъ, равныхъ по блеску звѣздамъ первой величины, Юпитеру и Венерѣ. Та область неба, откуда какъ бы выходили метеоры, представляла собой площадь въ 6—7 градусовъ діаметромъ. Ея центръ былъ нѣсколько правѣе и выше звѣзды *гаммы* Льва.

То же явленіе наблюдалъ и проф. Вейнекъ въ Прагѣ. Въ ночь на 16-ое ноября небо въ Прагѣ было покрыто облаками до 5 часовъ. Но потомъ оно прояснилось и можно было нанести на карту нѣсколько метеоровъ, среди которыхъ были очень яркіе.

Егинитисъ въ Аѳинахъ наблюдалъ три ночи подрядъ: 14-го, 15-го и 16-го ноября. Въ первую ночь за 6 часовъ наблюденій онъ видѣлъ только 12 метеоровъ, 15-го онъ нанесъ на карту 187, на слѣдующій день опять всего 33 метеора. Максимумъ явленія ясно обнаружился между 3 и 4 часами аѳинскаго времени въ ночь съ 15-го на 16-ое ноября, т.-е. нѣсколько ранѣе, чѣмъ въ Англіи у Деннинга.

Егинитису удалось наблюдать также и Біелиды. 23-го ноября онъ видѣлъ 14 метеоровъ, 24-го — 11. Всѣ метеоры были слабые, оставляли короткіе слѣды красноватаго цвѣта, при чемъ пролетали очень быстро.

Благодаря фотографіи, за послѣднее время открытіе новой звѣзды перестало быть рѣдкимъ, исключительнымъ событіемъ. За 315 лѣтъ (съ 1572 по 1887) отмѣчено было всего 12 случаевъ возгаранія новаго свѣтила, а за послѣднія 16 лѣтъ открыто уже десять такъ называемыхъ новыхъ звѣздъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе и болѣе выясняется, что названіе «новая» звѣзда не отвѣчаетъ дѣйствительности. Новая звѣзда не представляетъ собой только что возгорѣвшееся тѣло. Она, несомнѣнно, существовала и раньше въ томъ мѣстѣ неба, гдѣ ее усмотрѣли, только раньше она была невидима, вѣроятно, вслѣдствіе замѣчательнаго охлажденія и покрытія корой. Вслѣдствіе какой-то причины кора эта въ извѣстный моментъ лопается, изнутри взрываютъ газы, которые, возгораясь, производятъ впечатлѣніе звѣзды. По мѣрѣ сгоранія извергнутыхъ газовъ, яркость звѣзды падаетъ, обыкновенно, съ періодическими колебаніями и черезъ нѣкоторое время новая ослабѣваетъ настолько, что становится недоступной даже для большихъ трубъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ новыя звѣзды оказываются перемѣнными, яркость которыхъ измѣняется въ значительныхъ предѣлахъ. Между новыми и перемѣнными звѣздами есть, во всякомъ случаѣ, непосредственная связь.

Иногда при открытіи новой бываетъ трудно сразу рѣшить, имѣемъ ли мы дѣло съ новой или перемѣнной. Въ 1903 году какъ разъ было два подобныхъ открытія

Телеграмма астронома Тёрнера изъ Оксфорда отъ 25-го марта извѣщала, что имъ усмотрѣны 16-го марта въ созвѣздіи Близнецовъ «новая или перемѣнная» 8-й величины. Звѣзда открыта съ помощью фотографіи. Справки въ фотографическомъ архивѣ нѣкоторыхъ обсерваторій установили, что она принадлежитъ къ новымъ, а изслѣдованіе спектра показало, что она находится въ періодѣ потуханія. Спектръ на снимкахъ Гартмана въ Потсдамѣ, не смотря на свою малую интенсивность, оказался вполнѣ опредѣленнымъ, схожимъ со спектромъ новой Персея во второй половинѣ марта 1901 года, когда звѣзда убывала.

Богатый фотографическій матеріалъ, собранный на обсерваторіи Гарвардскаго колледжа, раскрылъ полную картину возгоранія новой въ близнецахъ. Перваго марта ея еще не видно, хотя на пластинкѣ сфотографированы звѣзды до 11$^1/_2$ величины. Не видно ея и 2-го марта на пластинкѣ, на которой вышли звѣзды до 9$^1/_2$ величины, а 6-го марта она уже 5-й величины, т.-е. доступна наблюденію невооруженнымъ глазомъ, хотя и остается никѣмъ не замѣченной. 11-го марта яркость новой звѣзды 6,8—она идетъ уже на убыль, 12-го марта звѣзда 7,1 величины, 14-го—7,4 и т. д.

Непосредственныя наблюденія, послѣ того какъ звѣзда была открыта Тёрнеромъ, обнаружили, что яркость непрерывно падала до середины апрѣля, въ теченіе нѣсколькихъ дней, около 17-го апрѣля она остается неизмѣнной, потомъ опять низко падаетъ, но съ періодическими вспышками, изъ которыхъ вспышка 14-го мая была сравнительно очень большая—на $^1/_2$ звѣздной величины.

Интересна окраска звѣзды. Многими наблюдателями отмѣченъ интенсивно оранжевый красноватый цвѣтъ ея въ первые дни наблюденія.

Вторая звѣзда оказалась перемѣнной. Она указана проф. Вольфомъ телеграммой отъ 5-го октября, причемъ Вольфъ называетъ ее «перемѣнной характера новыхъ», онъ отмѣчаетъ, что спектръ ея подобенъ спектру туманностей. Открытіе сдѣлано по сравненію фотографической пластинки, снятой 21-го сентября 1903 года, съ пластинкой отъ 16-го—18-го іюля 1901 года, на которой, вмѣсто звѣзды, едва можно замѣтить слабый, сомнительный слѣдъ ея. Замѣчателенъ и внѣшній видъ изображенія звѣзды на пластинкѣ. Это не дискъ, какъ для всѣхъ звѣздъ, а кольцо—очевидно, свѣтило посылаетъ по преимуществу лишь одного рода лучи—лучи фіолетовые.

Проф. Бернардъ тотчасъ же вслѣдъ за телеграммой Вольфа могъ отожествить новую перемѣнную со звѣздой, занесенной въ Боннскій каталогъ Аргеландера подъ нумеромъ 37°3876.

Астрономъ Виртцъ отмѣчаетъ кроваво-красный цвѣтъ ея, а фотографическіе снимки, накопленные на обсерваторіи Гарвардскаго колледжа съ 29-го октября 1891 года, раскрываютъ характеръ измѣненія яркости и спектра. Яркость падаетъ болѣе, чѣмъ на двѣ звѣздныя величаны; спектръ принадлежитъ къ четвертому типу, хирактерному для красныхъ звѣздъ.

По числу открытій перемѣнныхъ звѣздъ 1903 годъ былъ очень богатъ. Указано 63 новыхъ перемѣнныхъ. Среди нихъ много очень интересныхъ. Въ созвѣздіи Большой Медвѣдицы, напримѣръ, потсдамскіе астрономы Мюллеръ и Кампфъ нашли звѣздочку, которая измѣняетъ свою яркость на 0,7 звѣздной величины (7,9—8,6), въ теченіе необычайно короткаго періода—всего *четыре часа.* Въ продолженіи нашихъ сутокъ яркость этой звѣзды падаетъ и вновь увеличивается шесть разъ. Что за причина этого явленія, какіе процессы имѣютъ мѣсто на далекомъ отъ насъ свѣтилѣ, по своимъ размѣрамъ, вѣроятно, не уступающемъ нашему громадному солнцу.

Большое вниманіе астрономовъ привлекла загадочная слабенькая звѣздочка близъ извѣстной кольцевой туманности въ созвѣздіи Лиры, перемѣнность которой обнаружилъ мюнхенскій астрономъ Зильбернагель съ помощью фотографій. Дружными усиліями многихъ наблюдателей съ помощью фотографическаго матеріала, накопленнаго на различныхъ обсерваторіяхъ, удалось представить паденіе и увеличеніе яркости звѣзды кривою съ періодомъ въ 250 дней. Колебанія яркости происходятъ въ предѣлахъ четырехъ звѣздныхъ величинъ (11,7—15,6), т.-е. во время минимума звѣзда бываетъ въ тридцать разъ слабѣе, чѣмъ во время максимума.

Съ такимъ же длиннымъ періодомъ измѣненіе яркости указана Вилльямсомъ звѣзда въ созвѣздіи Андромеды. Характеръ колебанія ея блеска, впрочемъ, еще мало изученъ.

Тѣмъ же Вилльямсомъ указана и изучена звѣзда въ созвѣздіи Лиры, которая по своимъ особенностямъ подходитъ на удивительныя перемѣнныя, открытыя за послѣднее время въ нѣкоторыхъ звѣздныхъ скопленіяхъ, именно типа, противоположнаго извѣстному типу Альголя. Измѣненіе яркости Альголя-*беты* Персея, наиболѣе опредѣленно, вполнѣ для насъ ясна и понятна причина его. Въ теченіе 2 дней и $11^{1}/_{2}$ часовъ звѣзда горитъ постояннымъ блескомъ, 2,3 величины, потомъ яркость начинаетъ постепенно падать и черезъ $4^{1}/_{2}$ часа звѣзда доходитъ до 3,5 величины, а затѣмъ вновь постепенно яркость увеличивается и черезъ $4^{1}/_{2}$ часа достигаетъ своей прежней интенсивности. Правильно и непрерывно повторяются эти потемнѣнія звѣзды, чувствуется непосредственно, что что-то темное черезъ правильные промежутки времени затемнѣетъ яркаго Альголя отъ васъ. Періодическія смѣщенія линіи въ спектрѣ звѣзды, открытыя съ примѣненіемъ фотографіи въ спектральныхъ наблюденіяхъ также допускаютъ только одно объясненіе, что Альголь не простая звѣзда, а сложная система: темный спутникъ, обходя по опредѣленной орбитѣ около яркой звѣзды, прекращаетъ отчасти доступъ ея лучей къ намъ, производитъ затменіе или, лучше, потемнѣніе звѣзды.

Обратное совершенно явленіе въ двухъ классахъ перемѣнныхъ звѣздъ, которыя были открыты недавно въ звѣздныхъ скопленіяхъ и въ новой перемѣнной Виллььямса. Яркость звѣзды въ теченіе долгаго періода все время падаетъ и, достигнувъ своего минимума, вдругъ быстро увеличивается. Время, которое необходимо для возгоранія свѣтила, въ 11 разъ меньше того, въ теченіе котораго яркость его уменьшается; отъ минимума до максимума проходитъ 1 часъ 1 минута, отъ максимума до минимума 11 часовъ 15 минутъ, такъ что періодъ измѣненія яркости 12 часовъ 16 минутъ 15 секундъ. Во время максимума звѣзда является 9,87 величины, во время минимума 11,23, такъ что предѣлы колебанія яркости почти 1¹/₂ звѣздныхъ величины, т.-е. свѣтъ ослабляется, приблизительно, въ 4 раза. Какая причина такого явленія—не знаемъ. Вотъ интересная задача для астронома!

Все больше и больше открытій перемѣнныхъ звѣздъ производится теперь на обсрваторіи Московскаго университета. Съ помощью короткофокусной камеры ассистентъ обсерваторіи г. Блажко регулярно фотографируетъ различныя области неба, а супруга директора, г-жа Церасская, изучаетъ его снимки, тщательно сравнивая между собой пластинки, снятыя въ различное время съ одной и той же области неба. Такимъ образомъ ею было въ теченіе послѣднихъ лѣтъ найдено нѣсколько звѣздъ, которыя измѣняютъ свою яркость. Въ 1903 году такихъ открытій было сдѣлано особенно много. Объ одиннадцати вполнѣ опредѣленныхъ опубликовано, имѣются еще нѣсколько звѣздъ подъ подозрѣніемъ. Позднѣйшими спеціальными наблюденіями фотометромъ г. Блажко могъ для нѣкоторыхъ выяснить предѣлы колебанія яркости и періоды. Есть звѣзды типа Альголя, для нѣсколькихъ періодъ очень длинный.

Примѣненіе фотографіи къ астрономіи отмѣтило, нѣсколько лѣтъ назадъ, новую эпоху въ изученіи перемѣнныхъ звѣздъ по сравненію съ визуальными наблюденіями, а теперь, съ примѣненіемъ новаго прибора стереокомпаратора, дѣлается опять новый шагъ, который обѣщаетъ намъ много интересныхъ открытій въ области перемѣнныхъ звѣздъ. Если опытный глазъ, при сравненіи фотографическихъ снимковъ, сравнительно легко замѣчалъ звѣздочки, которыя на различныхъ пластинкахъ являются различными по величинѣ, то въ стереоскопѣ всякая разница въ величинѣ одноименныхъ предметовъ на двухъ пластинкахъ обнаруживается непосредственно; такіе предметы отдѣляются изъ общей массы другихъ, для которыхъ совпаденіе изображенія было полное. Съ помощью стереоскопа можно сразу видѣть всѣ перемѣнныя звѣзды, которыя на разсматриваемыхъ пластинкахъ являются различными по яркости. И что особенно цѣнно, стереокомпараторъ наиболѣе легко выдѣляетъ болѣе слабыя, слѣдовательно, болѣе трудныя для открытія другими способами, перемѣнныя звѣзды. Въ стереоскопѣ прежде всего бросаются въ глаза тѣ звѣзды, которыя на одной пластинкѣ видны, а на другой нѣтъ. Такія условія при большой экспозиціи возможны только для слабыхъ звѣздъ.

Конечно, и при пользованіи стереокомпаторомъ могутъ оказаться обстоятельства, которыя затемняютъ явленія—неодинаковая чувствительность пластинокъ въ различныхъ мѣстахъ, различіе во времени экспозиціи, атмосферныя условія при фотографированіи въ каждомъ случаѣ, незначительная разница въ блескѣ перемѣнной на двухъ разсматриваемыхъ въ стереокомпараторѣ пластинкахъ—тѣмъ не менѣе новый приборъ несомнѣнно чрезвычайно полезенъ въ отношеніи открытія перемѣнныхъ звѣздъ. Уже при первыхъ опытахъ въ 1901 году проф. Вольфъ въ Гейдельбергѣ нашелъ сразу десять перемѣнныхъ звѣздъ около знаменитой туманности Оріона. Въ 1903 году Вольфъ болѣе обстоятельно разслѣдовалъ съ помощью стереокомпаратора снимки туманности Оріона и, кромѣ найденныхъ раньше десяти, открылъ еще двадцать двѣ перемѣнныхъ въ той же области неба. Кромѣ того, при случайномъ разсматриваніи снимка 1903 г. туманности, стоящей въ общемъ каталогѣ туманностей подъ № 6523, вмѣстѣ съ другимъ снимкомъ, полученнымъ въ 1901 г., онъ нашелъ еще перемѣнную въ созвѣздіи Стрѣльца въ южной части туманности.

Съ распространеніемъ стереокомпаратора въ практикѣ обсерваторій можно будетъ ждать все больше и больше такихъ открытій.

Въ 1903 году было опубликовано также нѣсколько спеціальныхъ тщательныхъ изслѣдованій извѣстныхъ раньше перемѣнныхъ звѣздъ. Интересна, между прочимъ, статья ташкентскаго астрофизика Стратонова о перемѣнной *бетѣ* Лиры. Въ то время, какъ всѣ изслѣдователи измѣненія блеска этой звѣзды старались по своимъ наблюденіямъ установить кривую, данную еще Аргеландеромъ, Стратоновъ смѣло заявляетъ, что въ дѣйствительности явленіе оказывается гораздо сложнѣе, чѣмъ представляетъ его кривая Аргеландера, обнаруживающая два одинаковыхъ максимума и два неравныхъ минимума. На основаніи своихъ наблюденій, которыхъ за три года (1895—1398) Стратоновъ успѣлъ собрать 630, онъ утверждаетъ, что невязки, обращавшія на себя раньше вниманіе Линдемана и Паннекука, вполнѣ реальны, что измѣненіе блеска *беты* Лиры нельзя представить такой плавной кривой, которую далъ Аргеландеръ—это первое приближеніе, что кривая, болѣе отвѣчающая наблюденіямъ, имѣетъ извилины и зазубрины. Соединивъ свои наблюденія съ наблюденіями пяти другихъ астрономовъ, Стратоновъ получилъ опять подобную же кривую со всѣми болѣе выраженными отступленіями отъ кривой Аргеландера.

Колебанія блеска *беты* Лиры объясняются гипотезой, что эта звѣзда представляетъ собой сложную систему изъ двухъ свѣтилъ неодинаковыхъ размѣровъ, которыя, обходя одно вокругъ другого, въ извѣстные моменты становятся другъ передъ другомъ по отношенію къ землѣ—къ намъ доходитъ въ это время меньше свѣта, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда каждое тѣло посылаетъ лучи безпрепятственно,— происходитъ минимумъ. Конечно, особенности, отмѣченныя Стратоновымъ, должны послужить къ выясненію деталей въ устройствѣ этой интересной, сложной, по невидимой непосредственно системы.

Для раскрытія строенія невидимыхъ непосредственно въ трубу сложныхъ системъ, наиболѣе пригодны изслѣдованія фотографическихъ снимковъ спектровъ. Первыя открытія такимъ путемъ были сдѣланы одновременно на астрофизической обсерваторіи въ Потсдамѣ и на обсерваторіи Гарвардскаго колледжа въ Америкѣ. Въ періодическихъ смѣщеніяхъ линій въ спектрѣ Альголя, какъ упомянуто выше, потсдамскіе астрономы увидѣли подтвержденіе предположенію, что Альголь—двойная система; по періодическому двоенію линій въ спектрѣ *беты* Возничаго на обсерваторіи Гарвардскаго колледжа заключили, что и эта звѣзда представляетъ собой сложную, двойную систему.

Послѣдней звѣздой занялся позднѣе Бѣлопольскій въ Пулковѣ. Онъ получилъ въ 1902—1903 гг. 41 снимокъ ея спектра. Ихъ измѣрилъ и вычислилъ Тиховъ. Составляя діаграмму измѣненія скоростей, Тиховъ увидѣлъ, что получается кривая болѣе сложная, чѣмъ та, которая должна быть, если звѣзда представляетъ двойную систему. Кромѣ главнаго періода 3 дня 23 часа 30,4 минутъ, онъ выдѣляетъ еще другой, меньшій въ 5 разъ перваго—всего 19,1 часовъ, и заключаетъ, что *бету* Возничаго приходится признать не двойной, а четырехкратной звѣздой или, точнѣе, эта звѣзда представляетъ собой систему двухъ паръ звѣздъ. Одна пара обходитъ вокругъ другой въ 3 дня 23 часа 30 мин., а въ каждой парѣ періодъ движенія составляющихъ равняется 19,1 часамъ. Удивительный, совершенно неожиданный результатъ!

Съ каждымъ годомъ все больше и больше спектрографъ указываетъ намъ тѣсныхъ двойныхъ звѣздъ, которыхъ нѣтъ надежды раздѣлить даже въ очень сильныя трубы. Много такихъ новыхъ открытій сдѣлано и въ 1903 году, главнымъ образомъ на обсерваторія Лика и Іеркса въ Америкѣ.

Если возможно сфотографировать спектры обѣихъ составляющихъ въ такой системѣ, для которой имѣются микрометрическія измѣренія и вычислена орбита спутника и главной звѣзды, то оказывается не трудно опредѣлить разстояніе системы отъ насъ, истинныя линейныя ея размѣры массы ея по сравненію съ массой солнца, относительныя массы составляющихъ. Такое детальное разслѣдованіе строенія системы въ 1903 г. произвелъ Нинсу для звѣзды *дельты* Малаго Коня съ временемъ обращенія 5,7 года. Оказалось, что эта система отстоитъ отъ насъ на такомъ разстояніи, которое свѣтъ проходитъ въ 47 лѣтъ, ея масса въ 1,89 раза больше массы нашего солнца, компоненты, приблизительно, равны между собой, среднее разстояніе между ними въ 4 раза больше разстоянія земли отъ солнца.

Въ отношеніи нашего большаго знакомства съ природой планетъ, 1903 годъ не принесъ особенныхъ результатовъ. На обсерваторіи Лоуэлля въ Америкѣ была сдѣлана попытка съ помощью спектрографа опредѣлить время вращенія Венеры, но она не привела къ опредѣленнымъ результатамъ. Сколько бьются астрономы съ вопросомъ о вращеніи Венеры и ни къ чему опредѣленному придти не могутъ! Почти сто лѣтъ думали, что Венера какъ и Земля, обращается вокругъ своей оси въ 24 часа. Скіапарелли лѣтъ пятнадцать назадъ высказалъ подозрѣніе, что планета все время остается обращенной къ солнцу одной стороной, что время ея обращеніе около оси слѣдовательно равно времени, въ теченіе котораго она обходитъ вокругъ солнца по орбитѣ, т. е. 225 днямъ. Многіе наблюдатели позднѣйшаго времени опять были болѣе склонны принять для Венеры короткое время вращенія—одни 24 часа, другіе 33 часа и т. д. Пулковскій астрофизикъ Бѣлопольскій въ 1900 по смѣщенію линій въ спектрѣ Венеры заключилъ, что время вращенія планеты должно быть короткое. Его заявленіе произвело довольно большую сенсацію, хотя онъ и не могъ изъ своихъ наблюденій опредѣлить точно этого вращенія. На обсерваторіи Лоуэлля слѣдовали примѣру Бѣлопольскаго, но, въ противоположность послѣднему, считаютъ болѣе вѣроятнымъ для времени вращенія Венеры число Скіапарелли—7 мѣсяцевъ.

Трудно было опредѣлить вращеніе Сатурна, такъ какъ на дискѣ этой планеты рѣдко можно видѣть пятна. Поэтому, когда въ 1903 году появилось на Сатурнѣ бѣлое пятно, объ этомъ было оповѣщено всѣмъ обсерваторіямъ телеграммами. По тѣмъ наблюденіямъ, которыя были сдѣланы надъ этимъ пятномъ, время вращенія планеты оказывается 10 часовъ 38 минутъ. Сто лѣтъ назадъ, по наблюденію подобнаго же свѣтлаго пятна, В. Гершель для времени вращенія Сатурна нашелъ число 10 часовъ 16 минутъ, а въ 1876 году Голлъ далъ 10 часовъ 14,4 минуты. Конечно, эти разногласія происходятъ отъ того, что наблюдаемыя на дискѣ Сатурна пятна находятся не на его поверхности, а на различныхъ высотахъ въ атмосферѣ и имѣютъ сами движенія въ атмосферѣ, кромѣ вращенія около оси планеты. Пресловутые каналы Марса, ихъ непонятное загадочное двоеніе постоянно вызываютъ астрономовъ на новыя изслѣдованія. Опять поднимаются подозрѣнія, что въ каналахъ Марса мы вовсе не имѣемъ чего либо реальнаго, что это просто оптическій обманъ. Гг. Моандеръ въ Англіи произвели такіе опыты. Они сажали двадцать мальчиковъ рисовальной школы на различныхъ разстояніяхъ предъ дисками, на которыхъ были нарисованы пятна, и предлагали имъ зарисовать, что казалось каждому. Чѣмъ дальше находились мальчики отъ диска, тѣмъ болѣе проявлялось у нихъ стремленіе соединять на своихъ рисункахъ пятна прямыми линіями, хотя на дискѣ такихъ линій совершенно не было. Эти результаты въ связи съ результатами Лэна, полученными въ концѣ 1902 года, дѣйствительно подтверждаютъ предположеніе, что каналы Марса не представляютъ собой реальнаго явленія, а только кажущееся, вслѣдствіе свойства нашего глаза въ нѣкоторыхъ случаяхъ соединять линіями темныя пятна, разбросанныя на свѣтломъ фонѣ.

Парижская обсерваторія издала седьмой выпускъ своего роскошнаго фотографическаго атласа Луны, который даетъ основаніе къ новымъ заключеніямъ о структурѣ нашего спутника. Прекрасныя фотографіи парижскихъ астрономовъ Леви и Тюссо имѣютъ вообще огромное значеніе для уясненія физическихъ процессовъ, имѣвшихъ мѣсто на поверхности луны. Въ частности настоящій седьмой выпускъ важенъ потому, что онъ передаетъ намъ дискъ луны для момента, близкаго къ полнолунію, когда непосредственныя наблюденія мелкихъ подробностей, вслѣдствіе яркаго освѣщеніе луны, очень затруднительны. Фотографическій снимокъ представляетъ собой документъ, воспользоваться которымъ можно, когда угодно. Сопоставляя снимки одной и той же части поверхности луны, сдѣланные при различныхъ, даже противоположныхъ освѣщеніяхъ, оказалось возможнымъ обнаружить несомнѣнные слѣды вулканическихъ процессовъ. Первый листъ седьмого выпуска представляетъ не увеличенный снимокъ почти всего луннаго диска, дающій общую картину распредѣленія континентовъ и морей. Ясно, что моря расположены симметрически по обѣ стороны двухъ большихъ круговъ, которые обозначены рядомъ вулканическихъ образованій и не совпадаютъ ни съ меридіаномъ, ни съ экваторомъ. Большое число вулканическихъ очаговъ расположено на границахъ континентовъ; они окружены вѣнчиками, которые представляютъ собой отложенія пепла.

Два слѣдующіе листа, представляющіе увеличенія отдѣльныхъ частей перваго снимка, обнаруживаютъ слѣды большой катастрофы. Циркъ Тихо является центромъ огромной системы свѣтлыхъ лучей, изъ которыхъ нѣкоторые тянутся на 1.400 километровъ. Леви и Пюиссо указываютъ много основаній, по которымъ ихъ можно признать за отложенія пепла, выброшеннаго при изверженіи и разнесеннаго вѣтрами. Свѣтлые лучи на лунѣ тянутся непрерывно и остаются постоянными по своему виду. Очевидно, на лунѣ не было такихъ условій, которыя способствуютъ на землѣ уничтоженію вулканическаго пепла. Неодинаковая интенсивность и ширина лучей обусловливаются не разрушающими вліяніями, но способностью различныхъ областей поверхности принимать осаждающійся пепелъ.

Распространеніе пепла на большія пространства доказываетъ, что онъ былъ поднятъ на большую высоту и осаждался медленно, что̀ весьма вѣроятно вслѣдствіе незначительной тяжести на поверхности луны. Характерныя особенности свѣтлыхъ лучей указываютъ также на то, что атмосфера на лунѣ была очень разрѣженная съ малымъ количествомъ водяныхъ паровъ безъ вихревыхъ движеній. Если прослѣдить лучъ на всемъ его протяженіи, что нетрудно замѣтить, что богатство отложеній зависитъ существенно отъ мѣстныхъ условій, что при одинаковыхъ условіяхъ вездѣ обнаруживаются тѣ же особенности освѣщенія. Всякая горка на пути луча производитъ въ немъ усиленіе и блеститъ на широкомъ пространствѣ. Обратно, видя отдѣльныя свѣтлыя пятна, можно заключать о подъемѣ въ этихъ мѣстахъ поверхности. Бассейны жидкости могли прекращать распространеніе лучей, потому что въ нихъ должно было происходить поглощеніе осаждающихся массъ. И дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ лучи исчезаютъ или, по крайней мѣрѣ, ослабляются тамъ, гдѣ они пересѣкаютъ опредѣленныя части моря или дно большого цирка. Свѣтлые лучи являются также цѣннымъ средствомъ въ изслѣдованіяхъ объ относительномъ возрастѣ различныхъ образованій, которыя находятся на пути лучей. Такъ, изъ морей, которыя лежатъ въ сферѣ вліянія Тихо, должны быть признаны отвердѣвшими въ болѣе позднее время тѣ, на которыхъ не видно отложеній пепла. Они поглотили его, будучи еще жидкими. Изъ цирковъ, попадающихся на протяженіи лучей, тѣ, которые покрылись равномѣрно бѣлымъ покровомъ, очевидно, старше того, изъ котораго сыпался пепелъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно выяснить и относительный возрастъ различныхъ лучей. Если при встрѣчѣ съ моремъ одинъ лучъ покрываетъ его, а другой, наоборотъ, прерывается, то ясно, что первый болѣе молодой. Отвердѣніе моря произошло между двумя изверженіями, давшими первый и второй лучи. По этимъ соображеніямъ можно заключить, что Море Влаги (Mare Humorum) отвердѣло раньше Моря Облаковъ (Mare Nubium), что циркъ Клавій старше, чѣмъ Лонгомонтанусъ, а послѣдній старше Пилата, что большія изверженія изъ Тихо прекратились раньше изверженій изъ Коперника и Кеплера. На основаніи другихъ листовъ седьмого выпуска авторы указываютъ еще много новыхъ подробностей. Резюмируя выводы, они говорятъ: «Листы настоящаго седьмого выпуска обнаруживаютъ прежде всего обиліе очаговъ изверженій на большихъ трещинахъ коры и особенно по береговымъ линіямъ. Они указываютъ далѣе, какую большую выгоду можно извлечь изъ изученія лучей въ отношеніи топографіи, физическаго состоянія и исторіи лунной коры. Это изученіе приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Въ отдаленную эпоху на лунѣ была замѣтная атмосфера, которая и произвела распространеніе пепла въ видѣ лучей.

2) На лунѣ нѣтъ жидкой воды на поверхности. Это подтверждается постоянствомъ отложеній пепла.

3) Мы можемъ намѣтить послѣдовательный порядокъ различныхъ большихъ переворотовъ, а также отвердѣнія различныхъ частей поверхности.

4) Усиленія интенсивности лучей указываютъ на небольшія разницы въ уровнѣ».

Другая большая работа Парижской абсерваторіи—изготовленія фотографической карты неба—идетъ своимъ чередомъ. Въ 1903 году было выпущено нѣсколько десятковъ новыхъ листовъ этой карты. То же сдѣлано Тулузской и Алжирской обсерваторіями. До конца предпріятія еще далеко; многія обсерваторіи еще ничего не опубликовали изъ того, что пришлось на ихъ долю. Но и теперь уже накопилось четыре толстыхъ папки листовъ фотографической карты. Предположено сфотографировать всѣ звѣзды на небѣ до 13 величины, которыхъ, по приблизительному разсчету, должно быть 30—40 милліоновъ. На каждомъ листѣ размѣромъ 25×25 сент. ихъ сотни и тысячи (6, 7, 8, 9 и даже 10 тысячъ). Слабыя звѣзды выходятъ едва замѣтными точками. Конечно, очень важно обезопасить себя отъ случайныхъ ошибокъ, изъяновъ фотографической пластинки, бумаги. Для этого каждую область неба фотографируютъ три раза подрядъ на одной пластинкѣ, смѣщая немного одинъ снимокъ относительно другого, такъ что каждая звѣзда является въ видѣ треугольника изъ трехъ точекъ. Нельзя не отмѣтить изящество и тщательность, съ какими печатаются французскія карты.

На страницахъ «Міра Божія» (Туманности, 1903 Іюнь II. 121) уже было отмѣчено появленіе перваго тома трудовъ астрофизическаго отдѣленія обсерваторіи въ Кенигштулѣ близъ Гейдельберга, гдѣ проф. Вольфъ сообщаетъ свои интересные результаты фотографированія разныхъ частей неба. Онъ открываетъ намъ новые горизонты въ широкой области изслѣдованія, указывая, какое огромное число туманностей разсыпано по небу, какъ онѣ группируются. Онъ нашелъ мѣста, сплошь усыпанныя мелкими, но отдѣльными туманностями до 130 въ одномъ квадратномъ градусѣ, отмѣтилъ разнообразіе ихъ формъ, существованіе цѣпей, связывающихъ удаленныя другъ отъ друга туманныя массы или свѣтлыя звѣзды съ туманностями, и обнаружилъ скопленіе туманностей вокругъ полюса Млечнаго Пути и указалъ, что большія туманности всегда граничатъ съ темными пустотами. Отсюда возможны соображенія о движеніи туманностей, ихъ относительномъ удаленіи отъ насъ. Отсылаемъ интересующихся подробностями къ вышеназванной статьѣ.

Замѣтно уже оживленіе на солнечномъ дискѣ, приближается масксимумъ солнечныхъ пятенъ, факеловъ и протуберансовъ. Въ 1900 и 1901 годахъ по нѣсколько мѣсяцевъ дискъ солнца оставался чистъ совершенно, въ 1902 г. начали показываться пятна, въ 1903 ихъ было уже довольно много; отмѣчены случаи появленія большихъ и сложныхъ группъ. Особенно интересна была октябрьская группа, размѣры которой до 10 числа доходили до 202.000 километровъ, что въ 16 разъ больше діаметра земли. Въ то же время въ ней происходили быстрыя измѣненія. Невозможно себѣ представить тѣхъ странныхъ переворотовъ, гигантскихъ перемѣщеній массъ, которыя тамъ имѣли мѣсто. Въ зависимости отъ оживленія солнечной дѣятельности и у насъ на землѣ замѣчаются эффекты особаго электрическаго напряженія. 12—13 октября магнитная стрѣлка находилась въ безпокойствѣ, наблюдалось сѣверное сіяніе. Но особенно сильныя явленія оказались 31-го октября. Телеграфъ во всѣхъ странахъ отказался служить вслѣдствіе особыхъ токовъ въ телеграфныхъ проволокахъ. Разыгралась магнитная буря, какой не было съ 17-го ноября 1882 года, загорѣлось грандіозное сѣверное сіяніе, отмѣченное во многихъ пунктахъ средней широты. Огромное, по своимъ размѣрамъ, хотя неопредѣленное по формѣ, наблюдалось сѣверное сіяніе 13-го декабря. Оно было́ видимо, между прочимъ, въ Юрьевѣ, Орлѣ и, вѣроятно, во многихъ другихъ городахъ Россіи. Любителямъ природы можно посовѣтовать послѣдить за этими интересными явленіями, которыхъ теперь можно ждать все больше и больше. Связь между оживленіемъ солнечной дѣятельности, магнитными бурями и сѣверными сіяніями несомнѣнна, но какія собственно явленія на солнцѣ вызываютъ особенное электрическое напряженіе нашей земной атмосферы, этого въ настоящее время пока сказать нельзя.

Магнитная буря 12—13-го октября произошла 30 часовъ спустя послѣ прохожденія упомянутой выше большой группы пятенъ и факеловъ черезъ средній меридіанъ солнца, а 31-го октября, когда возмущеніе было въ четыре раза больше, эта группа стояла на краю диска; въ серединѣ его находилась гораздо меньшая.

Буря 10-го мая 1902 года, по размѣрамъ нѣсколько превосходившая слѣдующую за нею 12 — 13-го октября 1903 года, имѣла мѣсто въ то время, когда солнце было совершенно чисто отъ пятенъ съ едва замѣтными факелами. Фотографическіе снимки факеловъ по всему солнечному диску и протуберансовъ кругомъ всего солнца отъ 31го октября 2, 5, 6 и 7-го ноября 1903 года также не обнаруживаютъ ничего исключительнаго въ распредѣленіи изверженій и ихъ измѣненіяхъ для 31-го октября. Изъ болѣе новыхъ гипотезъ прямого воздѣйствія солнца на землю обращаютъ на себя вниманіе двѣ. Французскій астрономъ Деландръ указываетъ на катодные лучи, испускаемые верхними слоями хромосферы, а шведскій ученый Ареніусъ говоритъ объ электрическихъ токахъ, которые выбрасываются съ изверженіями на солнцѣ. Неожиданныя явленія, открытыя за послѣднее время въ физикѣ, переворачивающія совершенно всѣ наши, уже какъ будто установившіеся взгляды, могутъ имѣть и въ данномъ случаѣ большее значеніе. Но, независимо отъ работъ физиковъ, конечно, весьма важно организовать и спеціальныя изслѣдованія солнца въ связи съ наблюденіями магнитныхъ бурь и сѣверныхъ сіяній. Деландръ взываетъ о международномъ предпріятіи—организаціи наблюденій по одной программѣ на многихъ обсерваторіяхъ всего земного шара и самъ проектируетъ на обсерваторіи въ Медонѣ (близъ Парижа): 1) фотографировать солнечный дискъ, 2) изслѣдовать спектрографомъ строеніе хромосферы низшей, средней и верхней, 3) опредѣлять скорости изверженій по лучу зрѣнія.

Въ заключеніе обзора отмѣчу изданіе въ систематическомъ изложеніи трудовъ нашего знаменитаго ученаго академика Ѳ. А. Бредихина. Бредихинъ является творцомъ двухъ оригинальныхъ интересныхъ теорій: теоріи кометныхъ формъ и теоріи образованія метеорныхъ потоковъ. Онъ указалъ существованіе трехъ группъ, значеніе отталкивательной силы, которой можно объяснить образованіе кометныхъ хвостовъ, сопоставилъ эти значенія съ молекулярными вѣсами различныхъ элементовъ, давъ такимъ образомъ возможность по внѣшнему виду хвоста кометы судить о ея химическомъ составѣ, онъ объяснилъ параболическую форму головы кометы, различныя особенности строенія хвоста: волнистость, завитки, прерывность, облачныя сгущенія и пр., разъяснилъ все на числахъ на основаніи механическихъ принциповъ. Въ образованіи метеорныхъ потоковъ Бредихинъ не считаетъ распаденіе кометы на безконечное число мелкихъ частей единственно возможнымъ объясненіемъ. Онъ утверждаетъ, что подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей въ кометѣ могутъ происходить частичныя изверженія, и комета, не переставая существовать, какъ таковая, можетъ породить богатый потокъ метеоровъ. Онъ разсчиталъ какъ комета параболическая, удалившись въ безконечность, можетъ оставить намъ потокъ, который будетъ наблюдаться ежегодно. Онъ вывелъ теоретически, что метеоры должны казаться намъ идущими не изъ одной точки неба, а изъ нѣкоторой площади, какъ и оказывается это изъ наблюденій. Вычислялъ Бредихинъ и возмущеніе планетъ на движеніе метеоровъ, вліяніе Юпитера на ихъ образованіе. Какъ человѣкъ талантливый, онъ писалъ всегда подъ вдохновеніемъ и печаталъ свои изслѣдованія, особенно частныя, относительно той или другой кометы въ самыхъ разнообразныхъ изданіяхъ, отдѣльныхъ книгахъ, анналахъ московской обсерваторіи, въ бюллетеняхъ московскаго общества испытателей природы, въ журналахъ «Astronomische Nachrichten» и «Sirius», въ органѣ итальянскихъ спектроскопистовъ, и даже изданіяхъ американской обсерваторіи Цинциннатти. Только послѣднія его работы появлялись главнымъ образомъ въ «Извѣстіяхъ» с.-петербургской академіи наукъ. Вслѣдствіе этого, изучить Бредихина вообще чрезвычайно трудно, а многимъ даже невозможно, вслѣдствіе отсутствія большой спеціальной библіотеки. Сводъ его работъ долженъ имѣть большое значеніе. Работы по развитію кометныхъ формъ въ систематическомъ изложеніи сопоставлены на нѣмецкомъ языкѣ московскимъ астрономомъ Егерманомъ, мемуары по теоріи образованія метеорныхъ потоковъ соединены въ одну книгу на французскомъ языкѣ самимъ Бредихинымъ. Получились два большихъ тома, которые дѣлаютъ возможнымъ познакомиться съ теоріями Бредихина всякому, кто ими заинтересуется, и надо надѣяться, они вызовутъ еще большее оживленіе въ изслѣдованіи интересныхъ кометныхъ явленій.

К. Покровскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Февраль. 1904 г.

Содержаніе:—Беллетристика.—Критика и исторія литературы. — Исторія всеобщая и русская. — Соціологія и политическая экономія. — Естествознаніе, географія и антропологія.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Сервантесъ „Безподобный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій“, пер. Марка Басанина.—*Марія Делле-Грація.* „Углекопы“, драма.

Новая библіотека А. Суворина. №№ 72 - 75. Безподобный (?) рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Переводъ съ испанскаго съ предисловіемъ, біографіей автора и примѣчаніями сдѣлалъ Маркъ Басанинъ. 4 тома Спб. 1903. Въ 1905 г. Испанія, а за него и вся грамотная Европа, будетъ праздновать трехсотлѣтнюю годовщину изданія безсмертнаго романа Сервантеса (1 ч.). Интересъ къ роману и автору значительно оживился на его родинѣ; за Испаніей пойдутъ и другіе страны. Какъ ни печально, но слѣдуетъ признать, что существующіе на рус. яз. переводы «Д.-К.» не отвѣчаютъ своему назначенію и недостойны оригинала. Съ понятнымъ любопытствомъ и страстнымъ ожиданіемъ найти удовлетворительный переводъ мы познакомились съ книгой, заглавіе которой выписано, которая нашла такого сильнаго издателя, какъ г. Суворинъ. Фамилія переводчика (г. Басанинъ) небезызвѣстна въ беллетристической литературѣ: ему принадлежатъ и повѣсти, и путевые очерки.

Г. Басанинъ въ своемъ предисловіи обѣщаетъ намъ дать хорошій, если не совершенный, переводъ. «Приступая, говоритъ г. Б.,—къ переводу «Д.-К.», мы поставили себѣ задачей не допускать въ немъ никакихъ сокращеній, пользоваться для перевода испанскимъ изданіемъ, провѣреннымъ мадридской королевской академіей, и исполнить его возможно лучше, призвавъ на помощь все, что только мы имѣли въ своемъ распоряженіи: горячее сочувствіе къ переводимому произведенію и благоговѣйное почтеніе къ его творцу, знаніе языка, рвеніе писателя и добросовѣстность переводчика». Такъ рекомендуетъ свой трудъ г. Б. Какъ видите, переводчикъ очень высокаго мнѣнія о своей работѣ. Еще бы! Вѣдь, благодаря предпріимчивости издателя, «Д.-К.» въ переводѣ г. Б. найдетъ десятки тысячъ читателей! Попытаемся провѣрить заключенія г. Б.

Прежде всего переводчикъ ошибается, полагая, что изданіе «Д.-К.» мадридской академіи — провѣренное изданіе. Пять лѣтъ назадъ доказано, что эта ученая испанская корпорація ошибочно считала второе изданіе «Д.-К.» первымъ и систематически повторяла ошибки этого *втораго*, болѣе испорченнаго, нежели *первое.* Изданіе Фицморисъ-Келли 1898 (по 1-му изд «Д.-К.») можетъ считаться въ большей степени провѣреннымъ, чѣмъ академическое. Объ этомъ писалось и у насъ, но г. Б. игнорируетъ это обстоятельство. Отсюда выводъ: авторитетъ академіи не всегда спасаетъ (повидимому, г. Б. пользовался 1-мъ академическимъ изданіемъ.).

Г. Басанинъ утверждаетъ, что его переводъ сдѣланъ безъ сокращеній. Однако на первыхъ же страницахъ не переведены весьма трудные для перевода сонеты и стихотворенія Сервантеса.

Приступая къ «біографіи», написанный г. Б., мы недоумѣваемъ, зачѣмъ она была написана. Судьба столь геніальнаго писателя и многострадальнаго человѣка, какъ Сервантесъ, врядъ ли можетъ быть удовлетворительно изложена на трехъ страницахъ (въ 24 д.); во всякомъ случаѣ, біографу слѣдовало стремиться къ фактической точности; вмѣсто нея, мы находимъ у г. Б. рядъ ошибокъ и промаховъ. Повидимому, г. Б. знакомъ лишь съ одной біографіей Сервантеса XVI в. Поясняемъ нашу мысль.

Невѣрно указано (стр. VII) число дѣтей у родителей Сервантеса (четверо). Неправильно здѣсь же (VII) утверждается, что С. учился въ саламанкскомъ университетѣ два года и «завоевалъ симпатіи лучшихъ изъ профессоровъ» (какихъ?). «Особенно расположенъ былъ къ нему—продолжаетъ г. Б.—Хуанъ опесъ де-Гойосъ, разглядѣвшій въ молодомъ человѣкѣ большое дарованіе». ойосъ никогда не былъ профессоромъ въ Саламанкѣ, а Сервантесъ не былъ тамъ студентомъ. На IX стр. г. Б. утверждаетъ, что, послѣ заключенія въ тюрьму (гдѣ?), С. лишился мѣста; это невѣрно: мѣсто оставалось за нимъ. На X стр., говоря о процессѣ Эспелеты, г. Б. называетъ послѣдняго «незнакомцемъ»; «незнакомцемъ» Эспелета не былъ ни для Сервантеса, ни для суда, и процессъ его напечатанъ въ послѣднее время полностью (Ріусомъ). Съ 1547 по 1616 г. г. Басанинъ насчиталъ 60 лѣтъ («Сервантесъ скончался шестидесятилѣтнимъ старикомъ»). Это послѣдній изъ «перловъ» «біографіи», написанной г. Б. на трехъ страницахъ. Гдѣ нѣтъ ошибокъ, тамъ неправильности и голословныя характеристики.

Отъ столь подготовленнаго по литературѣ предмета біографа вы можете ожидать соотвѣтствующихъ качествъ переводчика и комментатора.

Примѣчанія г. Б.—немногочисленны. Взятыя изъ вторыхъ рукъ, они рѣдко, но мѣтко, изобличаютъ особую историко-литературную подготовку автора. Наиболѣе рельефны слѣдующіе «комментаріи». Говоря объ университетахъ въ Испаніи (?), г. Б. рѣшительно утверждаетъ, что «въ Испаніи было тогда только два университета: въ Саламанкѣ и Алокала». Предлагая характеристику Персилеса и Сигисмунды (II, IV), г. Б. ошибается, утверждая, что С. «подражалъ въ немъ Геліодору» (на основаніи пролога С.), и говоритъ, что «талантъ С. сказался и тутъ въ живости и прелести изложенія, въ выпуклости и яркости главныхъ фигуръ, естественности завязки и развязки». Ни однимъ изъ этихъ качествъ «Персилесъ и Сигисмунда» не отличается. Г. Б. не читалъ этого романа даже въ пересказѣ, иначе онъ не нашелъ бы въ этомъ романѣ «блеска и пыла почти юношескихъ».

На VII и VIII стр. 2-й г. г. Б. высказываетъ положеніе, что Авеллянеда (псевдонимъ)—духовникъ Филиппа III. Смѣю увѣрить г. Б., что эта гипотеза давно признана несостоятельною.

Провѣрять переводъ г. Басанина является не легкой и неблагодарной задачей по слѣдующимъ причинамъ: Переводчикъ, приступая къ переводу такого классическаго произведенія, какъ «Д.-К.», не выработалъ себѣ никакихъ основныхъ методологическихъ пріемовъ. Г-нъ Б. переводитъ фразу за фразой, смѣло преодолѣвая «вдохновеніемъ» трудныя синтаксическія и этимологическія слова. Даже *академическій словарь испанскаго яз. неизвѣстенъ* г. Б. Столь же неизвѣстны ему грамматика и исторія испанскаго языка.

Чтобы дать наглядное представленіе читателямъ, заглянемъ въ текстъ г. Б. и Сервантеса и посмотримъ, во что, напр., превратились многочисленныя пословицы и поговорки, встрѣчающіяся въ «Д.-К.». Тутъ, возможны, два пріема: или точная передача смысла пословицы или поговорки съ указаніемъ въ примѣчанiи ихъ происхожденiя, или приведенiе аналогичной народной русской, съ указанiемъ притомъ, каковъ точный смыслъ испанскаго текста. Г. Басанинъ нашелъ третiй прiемъ, легкiй и прiятный; онъ состоитъ въ томъ, что переводчикъ говоритъ, что Богъ на душу положитъ, не справляясь съ тѣмъ, что желалъ передать Сервантесъ. Приводимъ рядъ примѣровъ:

Сервантесъ.	Г. Басанинъ.
1) Cuando te dieron Ia vaquella corre con la sogulla y cuando viene el bien mételo en tu caso (Если тебѣ дали коровку, бѣги за веревкой; если добро приходитъ къ тебѣ въ домъ, спрячь его).	1) Даютъ, такъ бери, а бьють, такъ бѣги, и—отъ добра, добра не ищутъ.
2) Jà cado paso ha de caer en mil faltas, descubriendo Ia *hilaza da su tela basa y grosera* (основа грубой и простой ткани).	2) Анъ и видно, изъ какой кудели пряли рѣдину.
3) Teresa dice... que abe bien mi dedo con vuesa merced, y que hablen cartas y callen barbas, porque quien dejtaja, no boraja, pues mas vale un toma dos le daré: y yo digo que el consejo de la muger es poco, y el que no le toma es coca. (Тереза твердитъ, чтобы я крѣпко связался (связалъ палецъ) съ вами, что бумага говоритъ, а борода молчитъ, кто взвѣшиваетъ, не проигрываетъ, больше стоитъ одинъ разъ: бери! чѣмъ два я дамъ. Говорю, что совѣтъ бабы стоитъ немного, но безумецъ тотъ, кто ея не слушаетъ).	3) Тереса говоритъ, чтобы я съ вами держалъ ухо востро, потому что,—что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ, и десять разъ отмѣрь, а одинъ отрѣжь, и лучше синица въ руки, чѣмъ журавль въ небѣ. А я говорю, что у бабы волосъ дологъ, а умъ коротокъ, и все таки умъ хорошо, а два лучше.
4) Todas estamos sujetos a la muerte, y que hoy somos y mañana no, y *que tan presto se va el cordero, come el carnero y que nadie* puede prometerse en este mundo mas horas de vida de los que Dios quisiere darle, porque la muerte es sorda y cando llega á llamar á los puertas de nuestra vida, siempre va de priesa, (что такъ скоро умираетъ ягненокъ, какъ и козленокъ, что никто не можетъ обѣщать себѣ больше часовъ жизни, чѣмъ Богъ пожелаетъ ему дать, потому что смерть глуха и т. д.).	4) Всѣ мы подвержены смерти, и что сегодня мы есть, а завтра нѣтъ, что въ жизни и смерти никто не воленъ, и что никто на этомъ свѣтѣ не проживетъ ни часу дольше того, что ему положено Богомъ, потому что смерть глуха, и когда она приходитъ и стучится къ намъ въ дверь, она всегда торопится.
5) En fin quiero saber lo que gano, poco ò mucho que sea, que sobre un huevo pone la gallina, y *muchos pocos hacen un mucho*, y mientras se gana algo, no se pierde nada. (Словомъ, я желаю знать, что я зарабатываю—все равно, много-ли, мало-ли, п. ч. курица кладетъ по яичку, изъ малаго составляется при повторенiи много, ничто не теряется).	5) Словомъ, я желаю знать, сколько я зарабатываю—много-ли, мало-ли, это все равно, потому что курочка кладетъ по яичку, а *копейка рубль бережетъ*, и пока хоть сколько нибудь зарабатывается, ничего не теряется.
6) y advertid, hijo, que vale mas buena esperanza, que ruia posesion, y buena queja que mal paga (помни, сынъ мой, что больше стоитъ добрая надежда, чѣмъ плохое имущество, и добрая жалоба (т.-е. возможность жаловаться на неуплату), чѣмъ плохая плата).	6) И помни сынъ мой, что добрая надежда стоитъ плохого имущества, а *великая награда* (?)—малой платы.

Мы могли бы удесятерить примѣры неточностей перевода, взявъ лишь на удачу приведенныя фразы изъ 2—3 главъ. Но, можетъ быть, въ другихъ мѣстахъ перевода дѣло обстоитъ лучше: недаромъ говорилось о ***знанiи языка, рвенiи, благоговѣнiи и добросовѣстности.*** **Заглянемъ въ менѣе трудныя мѣста.**

Сервантесъ.	Г. Басанинъ.
7) ...haz lo que tu ama te manda, y sientate con él a la mesa; (сдѣлай то, что приказываетъ хозяйка, а потомъ садись съ нею за столъ).	7) Скачи враже, якъ панъ каже, а за Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаетъ.
8) ... y soy quién la merece tan bien como atro qualquiera, soy quien: juntate a los buenos, y seras uno dellos, y soy yo de aquellos: no con quién naces, sino con quién paces; y de los quién a buen arbol se arrima, buena sombra le cobria (я тотъ, который заслуживаетъ острова не менѣе всякаго другого; который съ добрымъ сошелся—самъ сдѣлался добрымъ; не таковъ, какъ тѣ, съ кѣмъ родишься, а съ кѣмъ имѣешь общенiе; кто прислонился къ хорошему дереву, того покрываетъ хорошая тѣнь).	8) ... который стоитъ его не меньшэ другого, и который съ добрымъ слюбился, самъ добру научился и который изъ тѣхъ, что съ кѣмъ поживешь, тѣмъ и прослывешь, а большому кораблю большое и плаванiе (?..) *).
9) Que magüer a tonto se me entiende aquel refran de: por su mal le nacieron alas a lo hormiga. J aun podria ser que se fuese mas aina Sancho escudero al cielo, qne no Sanchò gobernador; y tan buen pan hacen aqui, como en Francia; y de noche todos los galos son pardos; y asaz de desdicbada es la persona que à losdos de laharde no se ha desayunado; y no hay estomago que sea un polmo mayor que otro, el cual se puede llenar, como suele decirse de paja y de heno; y los aviculas del campo tienen a'Dios por su proveedor y despensero; y mas calienh an cuadro varas de paño de Cuencu, que otros cuatro de li monte de Segovia; y al dejar este mundo y meternos la tierra adentro, por tan estrecha seuda va el principe, como el jornalero; y no ocupa mas piés de tierra el cuerpo del Papa que el del sacristan, aunque sea mas alto el uno que el otro, que al entrar en el hoyo todos nos ajustamos y encoyemos, ò nos hacen ajustar y encoyer mal que nos pese, y a buenas noches. Y torno à decir que si Vuestra señoria no me quisiese dar la insula por tonto, yo sabre no darseme nada por discreto; y yo he oido decir que detras de la cruz esta el diablo, y que no es oro todo que se luce. (Какъ я ни глупъ, я тоже понимаю поговорку: на бѣду народились крылья у муравья; можетъ быть,	Какъ я ни глупъ, а тоже понимаю поговорку про ворону въ павлиньихъ перьяхъ. А можетъ и такъ случиться, что на томъ свѣтѣ лучше придется Санчо-оруженосцу, чѣмъ Санчо-губернатору, а хлѣбъ ѣдятъ вездѣ и во Францiи, а ночью всѣ кошки сѣры, а кто празднику радъ. тотъ до свѣту пьянъ, а брюхо у всѣхъ одно, и всего не проглотить. чѣмъ-нибудь подавишься, и посмотрите на полевыхъ пташекъ, какъ онѣ растутъ, не трудятся и не прядутъ, а Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ, и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался, какъ каждая изъ нихъ, и четыре аршина солдатскаго сукна теплѣе четырехъ аршинъ батиста, а той дорожки, что ведетъ отсюда на тотъ свѣтъ, не минуетъ ни царь, ни псарь, и не больше аршина земли нужно для папы. какъ и пономарь, хотя первый куда выше второго, потому что, ложась въ могилу, всѣ мы тѣснимся и жмемся, или, вѣрнѣе, насъ тѣснятъ и жмутъ, не спрашивая, нравится намъ это, или нѣтъ, и покойной ночи, и повторяю что, ежели ваша милость не пожелаете дать мнѣ, какъ дураку, острова, я, какъ умный человѣкъ, съумѣю утѣшиться, и случалось мнѣ слыхать, что за крестомъ прячется лукавый, и что не все золото, что блеститъ.

---

*) Въ текстѣ Сервантеса рѣчь идетъ объ отношенiяхъ Санчо и Донъ-Кихота, уподобляемаго большому дереву, къ которому Санчо прислонился, а у г. Басанина откуда то взялось—„большому кораблю...(?)“.

скорѣе будетъ на небѣ С. оруженосецъ, нежели С. губернаторъ; здѣсь такъ же хорошо пекутъ хлѣбъ, какъ и во Франціи; ночью всѣ кошки сѣры; довольно горя тому, кто къ двумъ часамъ пополудни не позавтракалъ; нѣтъ желудка, который былъ-бы (на утро) больше другого, который, по поговоркѣ, можно наполнить сѣномъ и соломой; пташки небесныя имѣютъ Господа своимъ провидѣніемъ и даятелемъ; болѣе согрѣваетъ четыре аршина (vora) сукна изъ Куэнки, чѣмъ столько же простого Сеговійскаго; покинувъ свѣтъ и входя въ мать землю, въ стольже тѣсное отверстіе проходитъ и князь, и поденщикъ; тѣло папы занимаетъ не болѣе футовъ земли, чѣмъ пономаря, хотя первый много выше второго; входя въ могилу, мы всѣ сжимаемся и равняемся, или насъ заставляютъ равняться и сжаться, несмотря на желаніе; покойной ночи. Повторяю, если ваша милость не дастъ мнѣ острова за мою глупость, я, какъ умница, съумѣю обойтись безъ него; я слышалъ за крестомъ скрывается діаволъ, и что не все то золото, что блеститъ"...

Пусть не думаетъ читатель, что я умышленно подбиралъ неправильно и произвольно переведенныя мѣста «Д.-К.» у г. Басанина. Въ его переводѣ трудно отыскать *одну страницу*, вполнѣ вѣрно переведенную. Это произошло не отъ абсолютнаго незнанія г. Б. испанскаго языка (переводчикъ, повидимому, знаетъ его по диллетантски), а отъ *недобросовѣстнаго и небрежнаго* отношенія къ классическому тексту. Отмѣчать всѣ произвольныя вставки, передѣлки, недомолвки и обмолвки г. Басанина, словомъ всю его «отсебятину», какъ говорятъ художники,—заняло бы цѣлыя страницы.

Ограничиваемся сдѣланными замѣчаніями, будучи готовы, если г. Басанинъ этого пожелаетъ, указать на сотни ошибокъ въ его переводѣ *). Такое неуважительное отношеніе къ *классическому* автору, какое себѣ позволилъ г. Басанинъ, ложится тяжелымъ грѣхомъ и на переводчика, и на его издателя, который хотя бы изъ «патріотизма» долженъ былъ бы скорѣе озаботиться изъятіемъ изъ обращенія выпущеннаго имъ «новаго» перевода «Донъ-Кихота» и предать его сожженію. Профессоръ *Л. Шепелевичъ.*

Углекопы (Schlagende Wetter). Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ Маріи Делле-Граціе. Перев. съ нѣмец. Э. Г. Изд. Э. А. Головкиной. Харьковъ 1903 г. Ц. 50 к. Въ изображеніи той борьбы классовыхъ интересовъ, которая составляетъ нынѣ главное содержаніе міровой драмы, рѣдко удается сохранить автору безпристрастіе, необходимое для яснаго и вѣрнаго освѣщенія обѣихъ борющихся сторонъ. Слишкомъ близка эта борьба и самому автору, симпатіи котораго, помимо его воли, склоняются на ту или иную сторону, и въ результатѣ незамѣтно для него самого получается одностороннее изображеніе. Въ драмѣ «Углекопы» мы имѣемъ рѣдкій примѣръ художественнаго и вполнѣ объективнаго изображенія какъ борющагося за существованіе рабочаго, тамъ и предпринимателя, который стремится къ богатству, толкаемый всѣмъ складомъ современной жизни. Францъ Либманъ, владѣлецъ шахты, и Георгъ Виртъ, горнорабочій, оба главныхъ героя драмы, стоятъ другъ противъ друга, какъ представители своихъ классовъ, но оба вполнѣ живые люди, типичные и яркіе, со всею сложностью психическаго типа, какъ онъ долженъ былъ сложиться въ условіяхъ ихъ жизни. Столкновеніе между ними является въ драмѣ неизбѣжнымъ, потому что къ этому ведетъ сама жизнь, не допускающая между ними никакихъ сдѣлокъ, хотя бы они и желали этого. Либманъ, предприниматель и богатый владѣлецъ, личность не заурядная и вовсе не обычный эксплуататоръ, для котораго деньги заслоняютъ свѣтъ. По своему, онъ добръ и честенъ, способенъ не только увлекаться высшими идеалами, но и уважать эти стремленія въ другихъ. Уже одно то, что онъ по любви женится на простой дѣвушкѣ, дочери своего рабочаго, обнаруживаетъ въ немъ сильную и оригинальную личность, не считающуюся съ предразсудками своего класса. Но эта женитьба и является роковой для него ошибкой, вносящей въ его семью новое начало, ей чуждое и враждебное. Онъ не понимаетъ ни своей жены съ ея демократическими взглядами, впитанными ею еще съ молокомъ матери. Онъ не можетъ понять и этой рабочей гордости, съ которою дѣдъ Маріи, старый углекопъ, отклоняетъ всѣ попытки зятя облагодѣтельствовать его и перетянуть на свою сторону. Либманъ не понимаетъ, откуда эта горечь, отравляющая его семейныя отношенія, чѣмъ вызывается эта отталкивающая холодность, съ которою встрѣчаются его попытки къ сближенію. Онъ не видитъ, что для нихъ всѣхъ онъ остается прежде всего хозяиномъ, который заслоняетъ въ немъ человѣка. Либманъ, самъ того не замѣчая, видитъ въ нихъ тоже только рабочую силу и изумляется, когда они выступаютъ, какъ люди, требующіе признанія прежде всего своихъ человѣческихъ правъ. Для него все такъ просто и ясно въ томъ, что ихъ возмущаетъ. Отношенія его съ рабочими вообще хороши, старый и опытный директоръ умѣетъ улаживать разныя недоразумѣнія, неизбѣжныя въ такомъ сложномъ дѣлѣ. Но вотъ, благодаря удачно сложившимся для Либмана условіямъ каменноугольнаго рынка, спросъ на уголь превышаетъ предложеніе. У него не всѣ шахты въ работѣ; есть одна, оставленная потому, что послѣ одного несчастія она считается рабочими неблагополучной. Разработка ея можетъ значительно увеличить общее количество его угля, цѣны хороши,— выводъ ясенъ: эту шахту надо пустить въ ходъ. Инженеръ, осматривавшій шахту, считаетъ мнѣніе рабочихъ предразсудкомъ, опирающимся на суевѣрія и легенды. Для Либмана вопросъ выработки той или иной шахты, это— бухгалтерскій разсчетъ, за которымъ онъ не видитъ человѣческой жизни. Но его жена, дочь и внучка рабочаго-углекопа, съ дѣтства знакомая съ опасностями работы и хорошо знающая, сколько правды таится въ предчувствіяхъ рабочихъ о той или иной опасности, такъ какъ ея отецъ погибъ въ шахтѣ, гдѣ все было на видъ благополучно,—она-то отлично понимаетъ нежеланіе рабочихъ. Но голосъ ея не можетъ побѣдить краснорѣчія цифры. Либманъ ѣдетъ самъ въ деревню, чтобы убѣдить рабочихъ не бояться. Жена покидаетъ его домъ и идетъ къ дѣду.

---

*) Переводчикъ, однако, благоразумно промолчалъ на сдѣланные уже раньше весьма неблагопріятные отзывы о его трудѣ (Ср. „Спб. Вѣдом." 1903 г. № 322).

Въ деревнѣ сталкиваются еще ярче противоположности двухъ міровъ. Георгъ Виртъ, рабочій, нѣкогда женихъ Маріи, не забывшій ее и теперь, ясно понимаетъ опасность предстоящей работы и убѣдительно пытается остановить Либмана. Но тотъ слишкомъ далеко зашелъ. Съ одной стороны, заказы на уголь, взятые имъ, невыполненіе которыхъ грозитъ неустойкой, съ другой— авторитетъ хозяина, который пострадаетъ въ случаѣ отступленія. Либманъ самъ, для большей убѣдительности, спускается въ шахту вмѣстѣ съ рабочими. И только въ послѣдній моментъ, когда сбылось предчувствіе и опасность, грозная и неумолимая, встаетъ предъ нимъ, Либманъ понимаетъ, гдѣ корень его ошибки.

Какъ драма, «Углекопы» написана прекрасно. Характеры Либмана, Вирта, Маріи, ея дѣда, старыхъ рабочихъ очерчены прекрасно. Дѣйствіе развертывается естественно, быстро и съ неизбѣжностью рока. Послѣдній актъ, когда Либманъ и Виртъ гибнутъ въ завалившейся копи, вслѣдствіе взрыва газа, производитъ потрясающее впечатлѣніе своимъ мрачнымъ драматизмомъ, и гибель обоихъ еще болѣе уясняетъ ихъ основныя черты, какъ представителей двухъ различныхъ міросозерцаній. Въ то время, какъ Либманъ бѣснуется, что онъ, владѣлецъ всѣхъ этихъ шахтъ, попался самъ въ какую-то ловушку, такъ глупо, такъ безвыходно, Виртъ въ спокойномъ сознаніи неизбѣжной смерти ждетъ ее безъ жалобъ и безъ страха, потому что, говоритъ онъ, «кто долженъ бояться старости, тому нечего терять въ молодости...»

Что касается перевода, то онъ вообще хорошъ и прекрасно передаетъ разговоры дѣйствующихъ лицъ, безъ книжныхъ оборотовъ и длиннотъ.

А. Б.

КРИТИКА И ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. Скабичевскій. „Сочиненія“, 2 т. — *Треплевъ.* „Молодое сознаніе. Этюдъ о Вл. Г. Короленко“.

Сочиненія А. Скабичевскаго. Критическіе этюды, публицистическіе очерки литературныя характеристики. Изданіе 3-е. Спб. 1903 г. 2 т. Цѣна 3 р Въ программахъ для самообразованія историко-литературные и критическіе очерки г. Скабичевскаго обыкновенно рекомендуются на ряду съ сочиненіями такихъ писателей, какъ Бѣлинскій, Добролюбовъ, Чернышевскій, Писаревъ, Н. К. Михайловскій и др. Такое почетное сосѣдство объясняется не столько серьезнымъ содержаніемъ и талантливымъ изложеніемъ статей г. Скабичевскаго, сколько ихъ общимъ прогрессивнымъ направленіемъ. Инымъ характеромъ, конечно, и не могутъ отличаться статьи, которыя первоначально были напечатаны въ такихъ изданіяхъ, какъ «Отечественныя Записки», «Русская Мысль» и «Новое Слово». Хотя, въ общемъ, большинство статей г. Скабичевскаго, написанныхъ на протяженіи цѣлой трети столѣтія, представляютъ, конечно, «зады», но это такіе «зады», которые полезно пройти подрастающимъ поколѣніямъ. Съ этой точки зрѣнія значительному распространенію сочиненій г. Скабичевскаго можно только порадоваться, но эта радость нѣсколько омрачается при ближайшемъ ознакомленіи со статьями г. Скабичевскаго. Значительное большинство этихъ статей впервые появилось въ печати лѣтъ 20—35 назадъ. и хотя за это время много воды утекло, и многія мнѣнія и критическіе приговоры были сданы въ архивъ «полемическихъ красотъ» и публицистическихъ увлеченій или заблужденій, статьи г. Скабичевскаго являются передъ нами во всей своей первоначальной неприкосновенности.

Возьмемъ, напримѣръ, самую крупную работу г. Скабичевскаго, вошедшую въ собраніе его сочиненій, именно: «Сорокъ лѣтъ русской критики». Написанныя въ началѣ семидесятыхъ годовъ, эти статьи для своего времени были очень цѣннымъ трудомъ. Эта монографія, въ которой изображался «переходъ передовой мысли нашего общества изъ мистицизма черезъ метафизику къ реализму», явилась первымъ опытомъ новѣйшей исторіи русскаго общественнаго развитія. Въ частности, эти статьи извлекли изъ забвенія взгляды Валеріана Майкова и Владиміра Милютина и установили непосредственную связь шестидесятыхъ годовъ съ сороковыми. Но замѣчательныя для своего времени, эти статьи черезъ тридцать лѣтъ являются уже сильно устарѣлыми. Достаточно сказать, что въ статьяхъ, въ которыхъ отведено видное мѣсто біографіи Бѣлинскаго и эволюціи его критическихъ взглядовъ, мы не находимъ никакихъ слѣдовъ знакомства съ извѣстной книгой А. Н. Пыпина о знаменитомъ критикѣ. Правда, когда г. Скабичевскій печаталъ свои статьи, эта книга только еще писалась, но кто же могъ помѣшать г. Скабичевскому, если не переработать зàново, то, по крайней мѣрѣ, исправить и дополнить свои очерки въ новомъ изданіи? Ничего этого не сдѣлано, и въ результатѣ эволюція въ міровоззрѣніи Бѣлинскаго изображена только по его печатнымъ сочиненіямъ, а наиболѣе характерные памятники этой эволюціи—письма «неистоваго Виссаріона» — оставлены безъ вниманія. Что касается біографическихъ данныхъ о Бѣлинскомъ, то въ нихъ встрѣчается рядъ ошибокъ и неточностей, устранить которыя было бы очень легко.

Слѣдуетъ, впрочемъ, упомянуть, что и для своего времени статьи г. Скабичевскаго, посвященныя исторіи русской критики, были не безъ крупныхъ изъяновъ. Въ нихъ встрѣчаются существенные пропуски, не устраненные и до сего дня. Самымъ крупнымъ изъ этихъ пропусковъ нужно, конечно, признать умолчаніе, если не считать глухого намека, о такомъ выдающемся въ исторіи русской критики явленіи, какъ диссертація Чернышевскаго «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности». Можно подумать, что пропускъ этотъ вызванъ цензурными соображеніями; но это едва ли было такъ. Если названная диссертація была перепечатана, хотя и безъ имени автора, въ 1865 году, слѣдовательно, уже послѣ ссылки г. Чернышевскаго, если г. Скабичевскій могъ говорить объ «Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы», то едва ли было какое-нибудь серьезное препятствіе и для разбора эстетической теоріи автора названной книги. Но если даже въ свое время этого и нельзя было сдѣлать, то почему же не сдѣлать этого въ 1890 году, когда явилось первое изданіе сочиненій г. Скабичевскаго, или въ 1895 и 1903 годахъ, когда вышли послѣдующія изданія?

Не служитъ украшеніемъ этихъ статей и крайне несправедливое, даже высокомѣрное отношеніе г. Скабичевскаго къ Бѣлинскому и превознесеніе Валеріана Майкова. Говоря о послѣднемъ періодѣ дѣятельности Бѣлинскаго, г. Скабичевскій уличаетъ его въ «поразительныхъ противорѣчіяхъ», старается очертить «очарованный кругъ», въ которомъ, будто бы, «вертится Бѣлинскій», и указать «роковой предѣлъ», дальше котораго онъ не могъ пойти ни въ эстетическихъ, ни въ общественныхъ своихъ взглядахъ. Если вѣрить г. Скабичевскому, «Бѣлинскій, какъ ни видоизмѣнялись его взгляды, въ основѣ своей остался эстетикомъ надеждинской школы» (I, 504). «Первую положительную эстетическую теорію», по мнѣнію г. Скабичевскаго, далъ намъ не Бѣлинскій, а Валеріанъ Майковъ. Бѣлинскій же не только оказывается не въ состояніи понять этой теоріи, но, полемизируя съ Майковымъ, «высказываетъ всю свою солидарность съ славянофилами» и даже обнаруживаетъ «зачатки тѣхъ реакціонныхъ пріемовъ, съ какими сверстники Бѣлинскаго явились впослѣдствіи въ противодѣйствіе движенію шестидесятыхъ годовъ» (I, 381). Однимъ словомъ, не только для шестидесятыхъ, но даже и для сороковыхъ годовъ Бѣлинскій, по мнѣнію г. Скабичевскаго, былъ уже человѣкомъ отсталымъ.

Бѣлинскій, конечно, не нуждается въ защитѣ, тѣмъ болѣе, что и самъ г. Скабичевскій имѣлъ въ виду не развѣнчать великаго критика, а только показать, какъ самъ онъ далеко опередилъ Бѣлинскаго. Непонятно только, почему впослѣдствіи, уже въ наши дни, г. Скабичевскій рѣшился взвести на Писарева и Зайцева обвиненіе, что они «повергли» въ числѣ прочихъ авторитетовъ и Бѣлинскаго, такъ что отъ него «не осталось и праха» (II, 748)

На самомъ же дѣлѣ и Писаревъ, и Зайцевъ относились къ Бѣлинскому, съ бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ самъ г. Скабичевскій, по крайней мѣрѣ, они не упрекали его въ «реакціонныхъ пріемахъ».

Переходя отъ наиболѣе крупной работы г. Скабичевскаго къ его критическимъ статьямъ, прежде всего необходимо отмѣтить, что нѣкоторыя статьи, помѣщенныя въ первомъ изданіи (1890 года), въ послѣдующихъ изданіяхъ исчезли. Такъ, во второмъ изданіи (1895 года) не оказалось статей о Писаревѣ и Пушкинѣ, въ третьемъ изданіи выброшены статьи о Рѣшетниковѣ, Шеллерѣ, Левитовѣ, Некрасовѣ, о «Сказкахъ Кота-Мурлыки» и о русскомъ историческомъ романѣ. Вмѣсто этихъ статей, во второмъ изданіи явились воспоминанія г. Скабичевскаго, статья о Чеховѣ и «Замѣтки о текущей литературѣ», а въ третьемъ изданіи къ нимъ присоединилось еще семнадцать статей, посвященныхъ Глѣбу Успенскому, Шеллеру, Апухтину, Каронину, Наумову, гг. Волынскому, Влад. Немировичу-Данченкѣ, Мамину, Горькому, г-жѣ Крестовской и др. Какими вообще соображеніями руководился г. Скабичевскій, выбрасывая свои старыя статьи и замѣняя ихъ новыми, объ этомъ онъ не далъ намъ никакихъ указаній. Во всякомъ случаѣ, въ числѣ выброшенныхъ статей есть хорошія вещи, напримѣръ, статьи о Некрасовѣ и о русскомъ историческомъ романѣ, а въ числѣ вновь помѣщенныхъ есть такія, которыя представляли только временный интересъ, напримѣръ, статья «Курьезы и абсурды молодой критики», посвященная сборнику г. Перцова «Философскія теченія русской поэзіи». Несомнѣнно одно, что нѣкоторыя изъ старыхъ статей не были перепечатаны г. Скабичевскимъ потому, что уже не соотвѣтствовали измѣнившимся его взглядамъ. Статья о Шеллерѣ, напечатанная въ 1873 году, замѣнена даже другой, написанной въ 1895 году въ совершенно иномъ духѣ.

Вполнѣ естественно, что и къ литературнымъ явленіямъ г. Скабичевскій сталъ относиться нѣсколько иначе. Раньше, когда онъ сотрудничалъ въ «Отечественныхъ запискахъ», онъ требовалъ, чтобы поэтическое творчество стремилось «къ воспроизведенію существенныхъ явленій жизни, въ которыхъ выражаются духъ вѣка и его интересы» (I, 596). Стоя на такой точкѣ зрѣнія и понимая интересы своего времени въ духѣ «Отечественныхъ Записокъ», г. Скабичевскій не только глумился надъ поэзіей Майкова, Тютчева и Фета, но разносилъ и гр. Алексѣя Толстого, онъ не только громилъ реакціонныхъ романистовъ «Русскаго Вѣстника», но и вышучивалъ Шеллера, Бажина, Омулевскаго и другихъ беллетристовъ ультра-передового «Дѣла». Впослѣдствіи критическія требованія г. Скабичевскаго значительно понизились. Въ этомъ отношеніи, кромѣ указанной переоцѣнки Шеллера, очень характерна статья «Несчастный счастливецъ», посвященная стихотвореніямъ Апухтина. Если мы — такъ начинается эта статья — будемъ разсматривать стихотворенія А. Н. Апухтина исключительно на основаніи тѣхъ требованій, которыя не перестаютъ предъявляться искусству серьезною и передовою критикой въ продолженіе послѣднихъ 50-ти лѣтъ, т.-е. чтобы искусство не ограничивалось одною областью эстетическихъ наслажденій, а стояло впереди вѣка, отражая въ своихъ образахъ весь его духъ, всѣ его идеи и интересы, все, что волнуетъ, увлекаетъ человѣчество, заставляетъ его радоваться или страдать, то, конечно, стихотворенія эти не выдержатъ самой снисходительной критики и могутъ служить лишь матеріаломъ для непреклонно-строгихъ и безапелляціонныхъ приговоровъ» (II, 495). Такіе приговоры и старался дѣлать въ былое время г. Скабичевскій, но теперь у него нашлось не мало хорошихъ словъ и по адресу представителя «чистаго искусства».

Въ сочиненіяхъ г. Скабичевскаго встрѣчаются противорѣчія не только между прежними и позднѣйшими его статьями, съ такими противорѣчіями мы встрѣчаемся и въ его статьяхъ послѣдняго десятилѣтія. Такъ, напримѣръ, въ

1893 году, разбирая книгу г. Мережковскаго «О причинахъ упадка и новыхъ теченіяхъ современной русской литературы», г. Скабичевскій отказывался видѣть въ декадентахъ и символистахъ «первыхъ піонеровъ возмущенія» противъ натурализма, а самихъ декадентовъ называлъ «отвратительными мертвецами» и «до мозга костей растлѣнными... выродившимися карликами» (II, 392). Прошло восемь лѣтъ, и тотъ же самый г. Скабичевскій пишетъ статью «Новыя теченія въ современной литературѣ», гдѣ становится на точку зрѣнія г. Мережковскаго, порицаетъ натурализмъ», за «нагроможденіе микроскопическихъ деталей», за «объективный протоколизмъ, за «изъятіе изъ области творчества... всего конкретнаго, случайнаго» и даже «поэтическаго», и наконецъ заявляетъ, что декаденты, «по всей вѣроятности, займутъ въ исторіи почтенную роль первыхъ протестантовъ и піонеровъ», выступившихъ противъ натурализма. Въ концѣ этой же самой статьи г. Скабичевскій заявляетъ, что «въ произведеніяхъ г. Чехова нечего и искать какихъ-либо широкихъ обобщеній, типовъ или опредѣленныхъ идей» (II, 936). А въ статьѣ «Больные герои больной литературы» оказывается у Чехова даже «мастерство... вырисовывать типы» (II, 589). Характерны также противорѣчивые отзывы г. Скабичевскаго о «Запискахъ охотника» Тургенева. Въ статьѣ «Мужикъ въ русской беллетристикѣ» лучшіе представители народа, выведенные Тургеневымъ, обзываются «монстрами» и «раритетами», которые поразили художника «не какими-либо идеальными качествами, а своими особенностями, по большей части юродиваго характера» (II, 756). А въ «Исторіи новѣйшей русской литературы» г. Скабичевскаго, вышедшей пятымъ изданіемъ почти одновременно съ третьимъ изданіемъ его сочиненій, тѣ же самые «монстры» и раритеты» названы «весьма симпатичными типами» (с. 124).

Могутъ возразить, что въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго встрѣчаются и не такія противорѣчія. Но зато вѣдь Бѣлинскій и не издавалъ своихъ статей, а мечталъ о томъ, чтобы переработать ихъ въ «Критическую исторію русской литературы». Другое дѣло г. Скабичевскій, который переиздаетъ свои старыя и новыя статьи, не устранивъ въ нихъ вопіющихъ противорѣчій въ родѣ того, напримѣръ, что въ первомъ томѣ романы Шеллера признаны вредными для молодежи, а во второмъ—полезными для той же самой молодежи (ср. I, 594 и II, 494).

Кромѣ противорѣчій, въ сочиненіяхъ г. Скабичевскаго встрѣчаются мнѣнія и взгляды крайне парадоксальные, даже курьезные. Такъ, напримѣръ, въ сочиненіяхъ Пушкина и Гоголя онъ находитъ только «банальныя истины ходячей морали и квасного патріотизма» (II, 550). Большинство людей сороковыхъ годовъ, по мнѣнію г. Скабичевскаго, «представляло собою сластолюбивыхъ бонвивановъ, людей себѣ на умѣ, какъ нельзя болѣе практичныхъ въ погонѣ за матеріальными благами и ловко устраивавшихъ свои дѣлишки» (II, 533). Общая оцѣнка русской литературы конца XIX вѣка, сдѣланная г. Скабичевскимъ, гласитъ: «Современная текущая беллетристика наша пишется по большей части разочарованными стариками для извѣрившихся старухъ» (II, 494). Если отъ отрицаній вы захотите перейти къ похваламъ, то вотъ отзывъ г. Скабичевскаго о г. Маминѣ: «По силѣ таланта Маминъ нисколько не уступаетъ знаменитому французскому натуралисту (Золя), если только не превосходитъ его. Что же касается обилія матеріала, даваемаго обоими писателями въ ихъ произведеніяхъ, то смѣшно было бы и сравнивать Золя съ Маминымъ» (II, 600). Смѣшно, конечно, потому, что русскій писатель, по мнѣнію г. Скабичевскаго, неизмѣримо превосходитъ своего французскаго собрата.

Не мало странностей и въ статьѣ г. Скабичевскаго о Горькомъ. Съ одной стороны онъ упрекаетъ Горькаго за увлеченіе «сумасшедшими» (!) теоріями «новомоднаго философа, пресловутаго Ницше» (II, 884), съ другой—превозносить изображеніе Игната Гордѣева, усматривая въ немъ «историческій типъ», напоминающій намъ и новгородскихъ торговыхъ людей, и московскихъ царей, собирателей Руси. Пересказъ «Вареньки Олесовой» заканчивается пожеланіемъ, чтобы «всѣ ординарные, экстраординарные профессора и приватъ-доценты, въ родѣ Полканова, точно такъ же оканчивали бы свои амуры». Съ неменьшей злобой относится г. Скабичевскій и къ «либеральнымъ купцамъ». Смолинъ, изображенный въ «Ѳомѣ Гордѣевѣ, четыре года изучалъ положеніе русской кожи на заграничныхъ рынкахъ и, съ цѣлью поднять ея значеніе и цѣну за границей, мечтаетъ построить образцовую фабрику и выпускать образцовый товаръ. Кромѣ того, Смолинъ собирается купить мѣстную газету, чтобы защищать права личности и интересы промышленности и торговли. Передавъ все это, г. Скабичевскій совершенно неожиданно прибавляетъ отъ себя: «Фельетонистъ Ежовъ былъ какъ нельзя болѣе правъ, когда замѣтилъ, что либеральные купцы новѣйшаго чекана, въ родѣ Смолина, представлятъ собою помѣсь волка и свиньи съ жабой и змѣей» (II, 894).

Подобными выписками можно было бы заполнить цѣлыя страницы. Еще болѣе можно было бы указать въ сочиненіяхъ г. Скабичевскаго всякаго рода неточностей въ родѣ зачисленія пушкинскаго Ленскаго, этого романтика чистой воды, въ разрядъ «буржуазно-добродѣтельныхъ и солидныхъ» людей. Съ какою осторожностью, вообще, слѣдуетъ относиться къ историко-литературнымъ фактамъ, сообщаемымъ г. Скабичевскимъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Онъ упрекаетъ Бѣлинскаго за то, что во время его сотрудничества въ «Московскомъ Наблюдателѣ» о Лермонтовѣ «не было сказано почти ни слова». На самомъ же дѣлѣ именно въ «Московскомъ Наблюдателѣ» по одной только «Пѣснѣ... про купца Калашникова» Бѣлинскій сдѣлалъ предсказаніе, что «наша литература пріобрѣтаетъ сильное и могучее дарованіе». Въ томъ же «Московскомъ Наблюдателѣ» Бѣлинскій назвалъ Лермонтова «молодымъ поэтомъ съ необыкновеннымъ дарованіемъ», а о его повѣсти «Бэла» далъ самый восторженный отзывъ.

Въ концѣ концовъ слѣдуетъ указать, что въ статьяхъ «Сорокъ лѣтъ русской критики» и «Три человѣка сороковыхъ годовъ» г. Скабичевскій иногда почти дословно приводитъ чужія слова, не отмѣчая ихъ кавычками и даже не указывая, откуда они взяты, такъ что неопытный читатель слова Герцена и Чаадаева можетъ приписать самому г. Скабичевскому. Особенно часто дѣлаются такія позаимствованія изъ мемуаровъ Герцена. Такъ, напримѣръ, подлинными его словами говорится о пріѣздѣ въ Москву Гая (I, 273), о Бакунинѣ (I, 313) о публичныхъ лекціяхъ Грановскаго (I, 500). Почти вся 323 стр. I т., гдѣ говорится объ увлеченіи философіей въ кружкѣ Станкевича, занята перепечаткой очень часто цитируемаго мѣста изъ «Былого и Думъ».

Будемъ надѣяться, что хотя въ четвертомъ изданіи почтенный критикъ внимательно пересмотритъ свои статьи и устранитъ въ нихъ, по крайней мѣрѣ, рѣзкія противорѣчія и фактическія ошибки и неточности.

С. Ашевскій.

Треплевъ. Молодое сознаніе. Этюдъ о Вл. Г. Короленко. 1904 г. Москва. Заглавіе очерка г. Треплева, на первый взглядъ, нѣсколько озадачиваетъ и само по себѣ, и въ особенности въ примѣненіи къ «этюду о Вл. Г. Короленко». Авторъ поясняетъ его слѣдующимъ образомъ: приступая къ разбору произведеній Вл. Г. Короленка, онъ напоминаетъ, что «каждый крупный писатель обыкновенно имѣетъ свою «идею», которая даетъ органическую цѣльность его произведеніямъ, взятымъ въ совокупности», и дальше пишетъ, что, по его мнѣнію, такую «идею» Короленка, какъ писателя, слѣдуетъ видѣть въ томъ, что его интересуетъ духовная жизнь человѣка, взятая *на первыхъ ступе-*

няхъ своего развитія, *такъ сказать—молодая* (курс. автора). Это-де и составляетъ характерную черту взятаго со стороны содержанія творчества Вл. Г. Короленка. Тутъ, конечно, есть доля правды: среди различныхъ произведеній нашего знаменитаго писателя есть цѣлая группа очерковъ и разсказовъ, посвященныхъ характеристикѣ полукультурныхъ и совсѣмъ не культурныхъ типовъ, съ малоразвитымъ сознаніемъ и еще меньшимъ умѣньемъ выражать свои ощущенія, думы и даже просто мысли. Короленко началъ свою литературную дѣятельность, 25 лѣтъ назадъ, именно съ попытки очертить такой типъ, разгадать психику человѣка, стоящаго какъ бы за бортомъ цивилизаціи, словомъ, такъ называемаго простолюдина. Однако, уже въ то время, т.-е. въ первомъ своемъ беллетристическомъ опытѣ, анализируя черты встрѣтившагося ему лица (въ данномъ случаѣ сторожа при усадьбѣ въ глухой мѣстности въ юго-западной Россіи), онъ дѣлаетъ оговорку, что при ближайшемъ знакомствѣ «то, что казалось ему вполнѣ непобѣдимой умственной косностью, было лишь своеобразнэй живой силой» и дальше авторъ величаетъ своего пріятеля «изъ народа»—«философомъ-наблюдателемъ». Такимъ образомъ, у Якуба (котораго г. Треплевъ съ успѣхомъ могъ бы ввести въ свой обзоръ простонародныхъ типовъ у Короленка, равно и «Прошку-жулика», который почему-то тоже не упомянутъ)—сознаніе есть и было, только выражается оно такъ своеобразно, что «культурному человѣку» оно не сразу доступно. То же явленіе у Макара, у Тюлина, у Яшки, Матвѣя Лозинскаго и у цѣлаго ряда однородныхъ по своему умственному развитію лицъ, вдумчиво и красочно очерченныхъ мастерскимъ художникомъ. «Идея» Короленка можетъ быть и такъ понята, что сознаніе равно присуще человѣку и на низшихъ, и на высшихъ ступеняхъ развитія и онъ приводитъ этому положенію вящія доказательства. Но, вообще говоря, можетъ ли выраженіе «молодое сознаніе» служить замѣной, по вышеприведенному поясненію г. Треплева,—«духовной жизни, взятой на первыхъ ступеняхъ своего развитія»? Намъ кажется, что «сознаніе» не можетъ быть ни молодымъ, ни старымъ, такъ какъ весь вопросъ въ объектѣ, въ *данныхъ* нашего сознанія, а не въ самомъ актѣ воспріятія этихъ данныхъ. Сознаніе, какъ всякое свойство человѣческой природы, можетъ развиваться, крѣпнуть, расти и слабѣть, заволакиваться, но врядъ ли быть молодымъ или старымъ. Ради краткости формулы, авторъ далъ нѣсколько неточное, двусмысленное заглавіе своему очерку и затѣмъ, вслѣдствіе искусственности термина, самъ становится отчасти его жертвой. Такъ, напримѣръ, еще вычурнѣе звучитъ его заявленіе, что въ разсказѣ «За иконой» изображенъ «*стихійный разливъ молодого сознанія*», а въ разсказахъ «Безъ языка» и «Не страшное» происходитъ встрѣча «молодого сознанія» съ «сознаніемъ старымъ» и при этомъ «*испытаніе камнемъ и желѣзомъ*» (всѣ курсивы въ подлинникѣ) и т. п. Правильная мысль автора затемняется искусственной и не всегда удачной терминологіей (ср. еще, напр., выраженіе, что при «раствореніи личности въ массовомъ сознаніи»... «подобное раствореніе временно и личность выйдетъ изъ *стихійной ванны* (!) освѣженною» (стр. 37); «идея» разсказа «Не страшное» врядъ ли и по существу имъ правильно толкуется. Многія произведенія Короленка должны были, въ виду ограниченія темы, остаться въ сторонѣ и не вошли въ разборъ г. Треплева. Этюдъ, въ которомъ есть правильныя, но и не мало спорныхъ сужденій, оставляетъ впечатлѣніе произведенія «молодого пера» (образуемъ это выраженіе по аналогіи съ заглавіемъ брошюры), но привлекаетъ весьма сочувственнымъ отношеніемъ къ автору,

Ѳ. Б.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Е. Тарле. „Очерки и характеристики изъ исторіи европейскаго общественнаго движенія въ XIX в.“—*В. О. Ключевскій.* „Курсъ русской исторіи“. Ч. I.

Тарле. Очерки и характеристики изъ исторіи европейскаго общественнаго движенія въ XIX вѣкѣ. Съ портретами. Спб. 1904. Цѣна 2 р. Н. К. Михайловскій замѣтилъ однажды, что русскія книги, въ особенности научныя, чрезвычайно рѣдко пишутся красиво. Форма изложенія мало озабочиваетъ нашихъ ученыхъ, и читателямъ сплошь и рядомъ приходится претерпѣвать тяжкія страданія, чтобы добраться до конца даже серьезнаго и полнаго интереса труда. Книга г. Тарле принадлежитъ къ немногимъ счастливымъ исключеніемъ изъ этого печальнаго правила. Авторъ, съ первыхъ же страницъ, привлекаетъ красотою и занимательностью изложенія, всегда живого и популярнаго, несмотря на важность и сложность разсматриваемыхъ вопросовъ. Содержаніе книги знакомо читателямъ русскихъ прогрессивныхъ журналовъ: она составилась изъ статей, печатавшихся въ «Вѣстникѣ Европы», «Мірѣ Божіемъ» и «Русскомъ Богатствѣ».

Всѣ напечатанныя статьи г. Тарле посвящены лицамъ и событіямъ западно-европейской исторіи. Выборъ ихъ болѣе или менѣе случаенъ, но, какъ и слѣдовало ожидать, живая кисть автора рисуетъ торжественные образы людей, по отношенію къ которымъ шаблонная фраза надгробныхъ рѣчей пріобрѣла глубокое реальное содержаніе: въ ихъ могилахъ, дѣйствительно, истлѣли только тѣла, духъ же ихъ пережилъ то, что было въ нихъ смертнаго, и до сихъ поръ остается активнымъ участникомъ земной жизни. Бабефъ, Дж. Каннингъ, Ч. Парнель, Ройе-Колларъ, Гамбетта,—вотъ тѣ дѣятели, которыхъ характеризуетъ г. Тарле, каждый разъ обстоятельно анализируя состояніе окружавшей ихъ спеціальной среды. Болѣе обобщающій характеръ носятъ два очерка, возбудившіе уже при первомъ своемъ появленіи большіе если не печатные, то словесные толки. Мы имѣемъ въ виду статьи: «Къ вопросу о границахъ историческаго предвидѣнія» и «Характеристика общественныхъ движеній въ Европѣ XIX вѣка». Въ первой г. Тарле подвергаетъ разсмотрѣнію злободневный нынѣ вопросъ объ объективной основательности постоянно повторяющихся и, очевидно, психологически неизбѣжныхъ предсказаній будущаго. Не претендуя ни на полное рѣшеніе, ни даже на исчерпывающее обсужденіе этой проблемы, г. Тарле только оттѣняетъ нѣкоторыя ея стороны на одномъ частномъ примѣрѣ, который, дѣйствительно, чрезвычайно удобенъ, какъ попытка прогноза, оставившаго глубокій слѣдъ не только въ теоріи европейской науки, но и европейскаго общества. Сначала этотъ прогнозъ возбуждалъ почти религіозное отношеніе, и существованіе маловѣровъ объяснялось чувствомъ классового самосохраненія, затронутаго грознымъ предсказаніемъ. Но теперь сомнѣніе проникло въ ряды вѣрнѣйшихъ изъ вѣрныхъ; то, что недавно было яснымъ, какъ безоблачный день, вызываетъ оживленныя разногласія на послѣднихъ германскихъ партейтагахъ. Г. Тарле прослѣживаетъ судьбу прогноза, начиная отъ его автора — Маркса, и, главнымъ образомъ, отмѣчаетъ, какъ самъ великій экономистъ долженъ былъ, подъ давленіемъ дѣйствительности, измѣнять свои первоначальныя предсказанія. Въ извѣстномъ «Манифестѣ», написанномъ предъ европейскими революціями 1848 г., Марксъ пророчитъ близкое крушеніе стараго порядка, торжество людей, которые могутъ «потерять цѣпи» и «завоевать міръ». Послѣ подавленія движенія въ его цѣломъ Марксъ заднимъ числомъ доказываетъ, что объ успѣхѣ революціи нечего было и думать, такъ какъ промышленный расцвѣтъ исключалъ самое необходимое условіе сильнаго возстанія—болѣзненное противорѣчіе между производительными силами и буржуазными формами производства. Тѣмъ не менѣе, до семидесятыхъ годовъ онъ оставался вѣренъ надеждѣ на рѣзкій соціальный кризисъ въ близкомъ будущемъ. Только въ 1875 г., когда историческая смерть бунтарства стала вполнѣ ясной, Марксъ съ горечью начинаетъ говорить о тѣхъ, кто не понимаетъ, что «форма движенія» уже не та, и кто «играетъ» въ «конспирацію и революцію» и «компрометируетъ себя и дѣло, которому служитъ». Энгельсъ выражался столь же опредѣленно и окончательно развилъ и упрочилъ мысль о необходимости оставить старую тактику и придавать слову «революція» не старое значеніе насильственной борьбы за власть, но новое—«коренного переворота въ области общественныхъ отношеній» путемъ борьбы на почвѣ существующаго права. Моментъ краха, казавшійся такимъ близкимъ, все болѣе уходилъ въ даль. Вниманіе теоретиковъ устремилось на то, чтобы формировать массовую армію для новаго дѣйствія. Однако, шли годы, наступила бисмарковская эра войны, объединеніе, — и мысль о «новомъ дѣйствіи» стала замирать у Маркса и многихъ его приверженцевъ, взамѣнъ того, упрочилось иное настроеніе, достиженіе желаннаго идеала посредствомъ тѣхъ же «bataillons», но безъ насильственныхъ дѣйствій, мирнымъ путемъ. Предстояло только выжидать «укомплектованія». По мнѣнію г. Тарле, это построеніе, представляющее одну изъ любопытнѣйшихъ идейныхъ фантасмагорій, какія только видѣла Европа, уже отжило свой недолгій вѣкъ; но авторъ не указываетъ, чѣмъ оно смѣнилось и не обосновываетъ, почему оно заслуживаетъ названія «фантасмагоріи». Пониманіе революціи, какъ коренного и мирнаго переворота въ общественныхъ отношеніяхъ, едва ли противорѣчитъ эволюціонному міровоззрѣнію, научное значеніе котораго до настоящаго момента остается непоколебленнымъ; и съ этой точки зрѣнія соціальное преобразованіе, какъ результатъ экономическаго развитія и психологической необходимости для массы людей, представляется вполнѣ возможнымъ. Но, конечно, прогнозъ Маркса въ его первоначальномъ смыслѣ оказался явно ошибочнымъ.

Вторая изъ отмѣченныхъ нами статей г. Тарле доказываетъ это непреложными фактами. Тщательно сопоставляя и изслѣдуя жизнь Франціи, Германіи, Англіи и Австріи, авторъ приходитъ къ выводу, что вся исторія истекшаго пятидесятилѣтія заключается не въ наростаніи революціоннаго настроенія, а, наоборотъ, въ постепенномъ исчезновеніи революціонныхъ тенденцій и чувствъ изъ умственнаго и моральнаго обихода западно-европейскаго общества. 48-ой годъ былъ періодомъ послѣдняго волненія народовъ. По мнѣнію г. Тарле, бурный характеръ этого движенія зависѣлъ отъ увѣренности въ его силѣ, которая, въ свою очередь, опредѣлялась солидарнымъ дѣйствіемъ противъ существующаго строя обоихъ оппозиціонныхъ слоевъ, т.-е. буржуазіи и рабочихъ. Но оппозиціонный союзъ оказался слишкомъ непрочнымъ; буржуазія, быстро сведя счеты съ феодальнымъ порядкомъ, прежде всего, обратилась противъ своихъ союзниковъ. Возникъ новый союзъ — союзъ всѣхъ правящихъ классовъ противъ пролетаріата. «Исчезла брешь въ линіи правящихъ классовъ; ихъ лагерь объединился и примирился; его дисциплина возрасла; его средства обороны и нападенія, и численно, и технически, усилились, и то, что прежде его врагамъ только казалось (и то лишь казалось) возможностью, стало, напримѣръ, въ Германіи послѣднихъ лѣтъ очевиднымъ донкихотствомъ». Ученіе о катастрофахъ потеряло жизненность. И если теперь это всѣмъ ясно, то проницательные умы уже и ранѣе подмѣтили признаки новаго настроенія. «Донъ-Кихотъ революціи,—писалъ въ 1862 г. Герценъ,—не идетъ у меня изъ головы. Суровый, трагическій типъ этотъ исчезаетъ, исчезаетъ, какъ бѣловѣжскій зубръ, какъ краснокожіе индѣйцы»... Потеря вѣры въ прежнія средства, озлобленность, горькая безнадежность создали почву, на которой выросъ анархизмъ, который, во всякомъ случаѣ, находится въ полномъ противорѣчіи съ чувствами большинства и представляетъ лишь послѣднія судорожныя усилія единичныхъ лицъ приблизить общественный кризисъ, все болѣе и болѣе исчезающій въ Западной Европѣ за горизонтомъ историческаго предвидѣнія. Такъ рисуетъ г. Тарле европейское общество и его настроенія въ послѣднее пятидесятилѣтіе. Но общіе выводы авторы не переходятъ границъ научнай осторожности. Онъ усиленно подчеркиваетъ, что всѣ его разсужденія отросятся только къ Западной Европѣ и только къ непосредственно переживаемому моменту и непосредственно предшествовавшему. Затѣмъ, онъ утверждаетъ, что при данномъ состояніи общественныхъ наукъ, «каждый добросовѣстный соціологъ признаетъ почти полное свое безсиліе, подавляющую ограниченность предѣловъ предвидѣнія, сводящую почти къ нулю значеніе соціальныхъ предсказаній». Поэтому, г. Тарле съ справедливою ироніею говоритъ о тѣхъ обильныхъ и крикливыхъ критическихъ упражненіяхъ, въ которыхъ прогнозъ Маркса объявляется знахарствомъ, чуть не шарлатанствомъ. Онъ указываетъ, что геніальныя ошибки важнѣе для человѣчества, чѣмъ въ сотый разъ повторенныя азбучныя истины; что нынѣшніе критики и отрицатели стараго, разрушеннаго исторіей прогноза, также обнаруживаютъ рѣшительную склонность къ пророчествамъ (конечно, въ духѣ, діаметрально противоположномъ прежнимъ предсказаніямъ), хотя за эти ихъ пророчества ручается... только ихъ же собственное желаніе. Стаціонарность общественныхъ формъ, устанавливаемая новѣйшими критиками, кажется г. Тарле однимъ изъ преходящихъ явленій, которое не можетъ быть возведено въ незыблемый законъ.

На отдѣльныхъ характеристикахъ западно-европейскихъ дѣятелей, привлекшихъ вниманіе г. Тарле, мы останавливаться не будемъ. Ихъ имена достаточно извѣстны, чтобы возбудить вниманіе читателей, а живое изложеніе и умѣнье ярко освѣтить и историческую фигуру, и тотъ общественный фонъ, на которомъ она появилась, свойственныя г. Тарле, дѣлаютъ предлагаемые опыты особенно интересными. Можетъ быть, однако, было бы болѣе справедливымъ по отношенію къ исторической правдѣ, если бы авторъ относился къ своимъ героямъ не съ такимъ повышеннымъ уваженіемъ. Эта черта въ нѣкоторыхъ случаяхъ придаетъ характеристикамъ слишкомъ однородно-свѣтлый тонъ. Но богатство содержанія легко позволяетъ сдѣлать необходимыя поправки. Авторъ раскрываетъ цѣлый рядъ фактовъ, обыкновенно, мало затрагиваемыхъ въ популярной литературѣ, и излагаетъ ихъ съ такою живостью, которая приближаетъ его работу къ публицистическимъ этюдамъ. Для тѣхъ, кто не имѣетъ возможности детальнымъ образомъ изучить исторію XIX-го столѣтія, «Очерки и характеристики» г. Тарле представляютъ незамѣнимое пособіе, но они далеко нелишни и для тѣхъ, кто знакомится съ девятнадцатымъ вѣкомъ только въ русской исторической литературѣ.

Ник. Іорданскій.

Проф. В. О. Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Часть I. М. 1904. in-8-vo. Стр. 4 нен.+456+VI. Ц. 2 р. 50 к. Проф. Ключевскій, выпуская въ свѣтъ первую часть своего «Курса русской исторіи», написалъ къ нему предисловіе всего въ двадцать строкъ. Но въ этомъ крохотномъ предисловіи есть фраза, которая можетъ подсказать критикѣ вѣрный тонъ для популярнаго сужденія о курсѣ нашего автора. «Въ недостаткѣ,—пишетъ г. Ключевскій,—чтобы не сказать—отсутствіи, доступныхъ публикѣ университетскихъ курсовъ русской исторіи лекторъ видитъ оправданіе своей рѣшимости, а въ близости конца преподавательской работы единственное побужденіе начать изданіе курса, безспорно нуждающагося въ обработкѣ». Не въ мѣру скромный авторъ правъ, утверждая, что въ нашей научно-популярной литературѣ отсутствуетъ сколько-нибудь приличный курсъ русской исторіи для большой публики; мы менѣе всего знаемъ отечественную исторію, всего болѣе ее искажаемъ, а потому въ сознаніи большинства перевертываются цѣли и задачи нашего собственнаго событія. Научное изученіе реальности нашего прошлаго тогда только дастъ цѣлесообразные результаты, когда таковое, будучи достаточно глубокимъ, не станетъ ни на минуту разрывать живой, непосредственной связи съ текущею дѣйствительностью. «Изученіе нашей исторіи,—говоритъ г. Ключевскій,—можетъ помочь намъ уяснить задачи и направленіе предстоящей намъ практической дѣятельности... Надобно хорошо изучить наличный запасъ силъ и средствъ, какой накопило себѣ это общество, а для того нужно взвѣсить и оцѣнить историческіе опыты и впечатлѣнія, имъ пережитыя, нравы и привычки, въ немъ воспитанные. Это тѣмъ необходимѣе что мы живемъ во время, обильное идеалами, но идеалами, борющимися другъ съ другомъ, непримиримо враждебными. Это затрудняетъ цѣлесообразный выборъ. Знаніе своего прошлаго облегчаетъ такой выборъ... Опредѣляя задачи и направленіе своей дѣятельности, каждый изъ насъ долженъ быть хоть немного историкомъ, чтобы стать сознательно и добросовѣстно дѣйствующимъ гражданиномъ» (стр. 41—42). Г. Ключевскій не столько хочетъ установить непосредственную связь прошлаго съ текущею дѣйствительностью, сколько извлечь изъ этого прошлаго рядъ поучительныхъ уроковъ; онъ намекаетъ на какой то рядъ борющихся другъ съ другомъ идеаловъ и очень боится лучшіе изъ нихъ «уронить или захватать неумѣлыми или неопрятными руками» профановъ. Довольно трудно читателю представить себѣ, о какихъ идеалахъ здѣсь идетъ рѣчь. Вѣдь наше время по самой внутренней природѣ своей не въ силахъ отличаться разнообразіемъ и противоположностью идеаловъ. У всѣхъ нормально мыслящихъ вертится въ сознаніи одинъ капитальный идеалъ, одна драгоцѣнная мечта, и въ этомъ отношеніи не можетъ быть никакихъ недоразумѣній, сколько бы мы ни изучали наше прошлое. Вѣдь, если наше настоящее не разорветъ рѣшительно и круто съ прошлымъ, не разорветъ путемъ планомѣрной общественной работы, тогда откуда возьмутся тѣ «сознательно и добросовѣстно дѣйствующіе *граждане*», о которыхъ мечтаетъ г. Ключевскій. Не будутъ ли печально топтаться тогда на одномъ мѣстѣ лишь *обыватели*, перечитывая безъ упованій и надеждъ историко-философское введеніе въ курсъ г. Ключевскаго (стр. 1—42).

Это введеніе интересно, но не всегда опредѣленно и не всегда безспорно. Едва ли, напр., есть какая-нибудь надобность устанавливать различія, которыя при дѣйствительномъ изложеніи курса оказываются безполезными или даже въ извѣстной части невозможными. «Выработка человѣка и человѣческаго общежитія, читаемъ у г. Ключевскаго,—таковъ одинъ предметъ историческаго изученія, образующій своими составными частями двѣ отрасли историческаго знанія, исторію *культуры* и исторію *цивилизаціи*: мы будемъ разумѣть подъ культурой сумму интересовъ и удобствъ личнаго существованія, подъ цивилизаціей—сумму интересовъ и удобствъ быта общественнаго. Другой предметъ историческаго изученія—это составъ и строй самаго общежитія, природа и дѣйствіе силъ, его строящихъ», т.-е. то, что называютъ *историческою соціологіей*. Страница, посвященная установкѣ этихъ двухъ порядковъ различій, пропадаетъ даромъ. Отчасти признается въ этомъ и самъ авторъ, когда немного далѣе говоритъ, что «оба указанные предмета историческаго изученія легче различаются въ отвлеченной классификаціи знаній, чѣмъ въ самомъ процессѣ изученія». Отчасти авторъ и горячо противорѣчитъ своему же собственному утвержденію, когда совершенно неожиданно для читателя начинаетъ проводить различіе между личной идеей и идеей, усвоенной обществомъ, какъ историческимъ фактомъ, написавъ превосходную страницу на эту благодарную тему. «Такія необработанныя, какъ бы сказать, *сырыя* идеи—не историческіе факты: ихъ мѣсто въ біографіи, въ философіи, а не въ исторіи». Стало быть, эти «сырыя» идеи не попадутъ въ ту исторію культуры, которой прельщалъ нашъ авторъ нѣсколько выше? Но этимъ не ограничивается, конечно, возникшее недоразумѣніе, и нашъ авторъ напрасно старается выкинуть индивидуальныя идеи изъ области историческаго изученія. Одна ошибка всегда роковымъ образомъ влечетъ за собой другую. Индивидуальныя идеи и утопическіе трактаты развѣ не могутъ служить въ роли драгоцѣнныхъ источниковъ для изученія современныхъ имъ общественныхъ явленій? Личное существованіе всегда неразрывно связано съ бытомъ общественнымъ. Изученіе личности всегда можетъ быть историческимъ и строго научнымъ, если только послѣдняя разсматривается не висящей въ воздухѣ, а какъ продуктъ соціальной среды. Индивидуальная идея не продуктъ отвлеченнаго разума, она исходитъ отъ живой общественной единицы и принимаетъ формы, соотвѣтственныя условіямъ среды, обстановкѣ, впечатлѣніямъ, среди которыхъ создалась и живетъ эта единица. Эта индивидуальная идея, если только она не результатъ метафизическаго бреда, часто превращается въ живой ростокъ могучаго общественнаго движенія. Отрицая историческій интересъ этихъ ростковъ, нашъ авторъ, въ сущности, близко подходитъ къ пренебреженію эволюціонной точки зрѣнія; ему становятся дороже мѣстные практическіе навыки, добытые историческою жизнью, нежели законы, управляющіе этою жизнью. Еще удивительнѣе тѣ строки, которыя нашъ историкъ приводитъ въ интересахъ дальнѣйшаго развитія своей невѣрной формулировки. Оказывается, что «сама жизнь помогаетъ историческому изученію: она производитъ практическую разборку идей, отдѣляя дѣловыя или счастливыя отъ досужихъ или неудачныхъ». Очень жаль, что г. Ключевскій не приводитъ примѣровъ появленія такихъ «досужихъ или неудачныхъ идей» въ русской дѣйствительности. Мы могли бы сейчасъ же привести одну, и г. Ключевскій едва ли осмѣлился бы назвать ее досужей или неудачной, ибо она достояніе всего культурнаго русскаго общества, хотя, выражаясь языкомъ г. Ключевскаго, и не сдѣлалась еще дѣйствительнымъ «историческимъ факторомъ». Можно, впрочемъ, иллюстрировать нѣкоторыя замѣчанія г. Ключевскаго во введеніи оттѣнками его курса. Вѣче, какъ идея народовластія, было несомнѣннымъ историческимъ факторомъ древней Руси, и этотъ факторъ у нашего автора въ тѣни; на первый планъ выдвинулся Рюриковичъ, хотя мы были бы пристрастными, еслибъ не отмѣтили, что одного изъ популярныхъ Рюриковичей онъ не пощадилъ въ своемъ изображеніи. «Отъ всей фигуры Андрея,—пишетъ г. Ключевскій,—вѣетъ чѣмъ-то новымъ; но едва ли эта новизна была добрая... Тотчасъ по смерти его наступила полная анархія: всюду происходили грабежи и убійства, избивали посадниковъ, тіуновъ и другихъ княжескихъ чиновниковъ... Никогда еще на Руси ни одна княжеская смерть не сопровождалась такими постыдными явленіями. Ихъ источникъ надобно искать въ дурномъ окруженіи, какое создалъ себѣ князь Андрей своимъ произволомъ, неразборчивостью въ людяхъ, пренебреженіемъ къ обычаямъ и преданіямъ (стр. 397—399). Но нужно прочитать полностью всю XVIII-ую главу, чтобы набраться должныхъ и поучительныхъ для всякаго времени впечатлѣній. Чутье реальной дѣйствительности очень часто спасаетъ г. Ключевскаго отъ практическаго воплощенія очень шаткихъ сторонъ его теоріи, особенно если рѣчь идетъ о древней русской исторіи: тамъ г. Ключевскій чувствуетъ себя посвободнѣе и понезависимѣе.

Неяснымъ пятномъ представляется читателю мысль г. Ключевского о взаимоотношеніяхъ государства и народа. «*Народъ*,—пишетъ г. Ключевскій (стр, 13),—становится *государствомъ*, когда чувство національнаго единства получаетъ выраженіе въ связяхъ политическихъ, въ единствѣ верховной власти и закона. Въ государствѣ народъ становится не только политическою, но и историческою личностью съ болѣе или менѣе ясно выраженнымъ національнымъ характеромъ и сознаніемъ своего мірового значенія». Стало быть государство и народъ одно и то же? Стало быть государство не есть просто слуга своего народа? А возможно ли государство безъ народа и въ какомъ смыслѣ употребляетъ авторъ самый терминъ народъ? Возьмемъ для того соотвѣтственную цитату изъ курса. Въ X-ой главѣ авторъ пишетъ (стр. 192): «Разноплеменное населеніе вошло въ составъ великаго княжества кіевскаго или русскаго государства. Но это русское государство еще не было государствомъ русскаго народа, потому что еще не существовало самаго этого народа: къ половинѣ XI вѣка были готовы только этнографическіе элементы, изъ которыхъ потомъ долгимъ и труднымъ процессомъ выработается русская народность». Обѣ эти цитаты надобно признать или взаимно другъ друга исключающими, или же пристрастіе автора къ оригинальному и жирному изображенію своихъ мыслей не даетъ возможности читателю правильно его понимать. Если нѣтъ на свѣтѣ какого нибудь народа, то нѣтъ и государства этого народа,—надо ли эту святую истину облекать въ курсѣ въ особую фразу? Если въ половинѣ XI-го вѣка не было государства русскаго народа, то можно ли начинать исторію этого государства съ тѣхъ временъ, когда существовали другія государства и народы? Въ другомъ мѣстѣ того же введенія (стр. 26) говорится, что «приблизительно съ VIII-го вѣка нашей эры, не раньше, можемъ мы слѣдить съ нѣкоторою увѣренностью за постепеннымъ ростомъ *нашего народа*, наблюдать внѣшнюю обстановку и внутреннее строеніе его жизни въ предѣлахъ равнины». Какого же этого *нашего народа*, когда полтораста страницъ спустя въ курсѣ и еще спустя три вѣка въ дѣйствительности его наличность отрицается?

Мастерски обрисовавъ удѣльный періодъ русской исторіи, г. Ключевскій намекаетъ намъ на старое представленіе объ этомъ періодѣ, что онъ будто бы скученъ для читателя. Мало ли что скучно для читателя, и дѣло историка изобразить такъ, чтобъ надъ ея изученіемъ не повисъ храпъ почтеннаго читателя. Г. Ключевскій же сумѣлъ изобразить удѣльное время, такъ, что всякій читатель съ живымъ интересомъ отхватаетъ страницы имъ отведенныя. Представленіе о томъ, что въ исторіи удѣльной Руси много скуки и вовсе нѣтъ жизни и движенія столь же мало справедливо, какъ въ отношеніи исторіи среднихъ вѣковъ на западѣ. Взглядъ этотъ, благоговѣйно унаслѣдованный, отъ С. М. Соловьева, г. Ключевскій поддерживаетъ вопреки тексту своего же курса, выводя, къ тому же, слѣдующее рискованное заключеніе (стр. 435): «Такія эпохи, столь утомительныя для изученія и, повидимому, столь безплодныя для исторіи, имѣютъ свое и не маловажное историческое значеніе. Это такъ называемыя переходныя времена, которыя нерѣдко ложатся широкими и темными полосами между двумя періодами. Такія эпохи перерабатываютъ развалины погибшаго порядка въ элементы порядка, послѣ нихъ возникающаго. Къ такимъ переходнымъ временамъ, передаточнымъ историческимъ стадіямъ, принадлежатъ и наши удѣльные вѣка: ихъ значеніе не въ нихъ самихъ, а въ ихъ послѣдствіяхъ, въ томъ, что изъ нихъ вышло». Всякое время въ историческомъ процессѣ есть переходное время, и такое опредѣленіе ничуть не типично для удѣльной Руси. Послѣдняя—не моментъ перехода отъ одного къ другому: вѣдь это моментъ зарожденія новаго историческаго процесса, зарожденіе на новой территоріи и среди новыхъ этнографическихъ комбинацій. Мы думаемъ, что историческое значеніе удѣльныхъ вѣковъ заключается и въ нихъ самихъ, а не только въ ихъ послѣдствіяхъ; мы говоримъ такъ по принадлежности къ правовѣрнымъ эволюціонистамъ. Изъ того, что удѣльные вѣка еще не изучены во всю глубину современнаго историческаго розмаха, не слѣдуетъ черезчуръ скептически относиться къ ихъ самодовлѣющему значенію: удѣльные вѣка, а не кіевская Русь истинная колыбель нашего народа и нашего государства!

Авторъ весьма естественно долженъ былъ сузить цѣль своего курса. Авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ опредѣленно высказаться о конечныхъ своихъ пожеланіяхъ, которыя читатель пусть все время имѣетъ въ виду, дабы не предъявлять къ курсу тѣхъ требованій, коимъ онъ и не предполагалъ удовлетворять. По словамъ г. Ключевскаго, изъ его курса надо вынести «ясное представленіе о двухъ процессахъ, коими полагались основы нашего политическаго и народнаго быта и въ которыхъ всего явственнѣе обнаруживались сочетанія и положенія, составляющія особенность нашей исторіи». Авторъ и обѣщаетъ, съ одной стороны, слѣдить, какъ «вырабатывалось въ практикѣ жизни и выяснялось въ сознаніи народа понятіе о государствѣ и какъ это понятіе выражалось въ идеѣ и дѣятельности верховной власти», а съ другой—какъ «въ связи съ ростомъ государства завязывались и сплетались основныя нити, образовавшія своею сложною тканью нашу народность». Какъ выполнена эта программа, критикѣ не время судить, надо подождать появленія дальнѣйшихъ частей курса, съ чѣмъ авторъ обѣщаетъ «не замедлить». По поводу узости программы тоже нечего говорить, ибо въ этомъ направленіи г. Ключевскій обезопасилъ себя отъ напрасныхъ ударовъ критики заявленіемъ, что онъ сознаетъ узость своей программы и прослѣживаетъ «лишь такія теченія исторіи, которыя представляются главными, господствующими». Мы, впрочемъ, признаемъ, что по своему содержанію *курсъ русской исторіи* г. Ключевскаго шире указанной программы и что онъ является драгоцѣннымъ пособіемъ для изученія русской исторіи. Мы искренно привѣтствуемъ его появленіе, предполагая, что онъ будетъ увлекать читателя ознакомленіемъ съ нашимъ прошлымъ... Отзывъ затянулся, и надо наконецъ поставить точку. Первая часть обнимаетъ русскую исторію до момента возвышенія московскаго княжества. Это—превосходный опытъ умнаго и живого изложенія исторіи древней Руси, тѣмъ болѣе превосходный, что историческіе постулаты его философскаго введенія къ курсу часто остаются безъ надлежащаго употребленія. Художественный талантъ автора часто не слушается голоса сухихъ и довольно таки кабинетныхъ запросовъ его теоріи, застывшей на не вполнѣ спѣвшихся другъ съ другомъ сочетаніяхъ традиціи и новой науки. Нашъ авторъ часто удивительнымъ чутьемъ признаетъ правду живой дѣйствительности, и мы, быть можетъ, постараемся извлечь изъ его курса уроки, на которые онъ *не* разсчитывалъ. Мы обязаны, слѣдуя, г. Ключевскому, признать, что исторія учитъ насъ прежде всего одной удивительной и важной правдѣ: главнымъ источникомъ безпорядковъ и анархіи бываетъ иногда тотъ самый порядокъ, отъ котораго общество никакъ не можетъ отдѣлаться, но съ которымъ нужно немедленно распроститься, дабы не быть увлеченнымъ въ зіяющую бездну. Вотъ откуда это слѣдуетъ. Г. Ключевскій прекрасно пересказываетъ дошедшее до насъ отъ XII-го вѣка горячее «Слово о князьяхъ», произнесенное однимъ церковнымъ витіей на память князей Бориса и Глѣба. Витія умоляетъ князей не ссориться, не драться, не звать «поганыхъ» на родную землю, онъ полонъ негодованія.... «это негодованіе, пишетъ съ блестящей ядовитостью проф. В. О. Ключевскій (стр. 324—325),—опора для сужденій о людяхъ того времени: пришлось бы цѣнить ихъ очень низко, если бы изъ среды ихъ не послышалось негодующаго голоса противъ княжескихъ безпорядковъ. И все таки проповѣдникъ горячился напрасно: источникомъ безпорядковъ былъ самый порядокъ княжескаго управленія землей. Князья сами тяготились этимъ порядкомъ, но не сознавали возможности замѣнить его другимъ и не сумѣли бы замѣнить, если бы и сознавали». Такіе любопытные казусы въ исторіи повторяются, но не вполнѣ: чего не сознаютъ или не умѣютъ князья, то сознаетъ и хорошо умѣетъ общество, одухотворенное жаждой самодѣятельности. Такова первая часть курса русской исторіи проф. В. О. Ключевскаго. *Василій Сторожевъ.*

СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

P. Lafargue. „Les trusts americains“ *Л. Вольтманнъ.* „Политическая антропологія“.—*В. Гагенъ* „Безработица въ Германія и мѣры борьбы съ нею“.—*Г. Адлеръ.* „О безработицѣ“.

Paul Lafargue. Les Trusts américains, leur action economique sociale et politique. Paris. 1903 г. 146 стр. ц. 1 fr. 50 с. (Лафаргъ. Американскіе тресты, ихъ эконом., соціальная и полит. роль). Необычайный ростъ трестовъ и синдикатовъ представляетъ одно изъ характернѣйшихъ и крупнѣйшихъ явленій экономической жизни Западной Европы и Сѣв. Америки. Мы не преувеличимъ, если скажемъ, что этотъ ростъ знаменуетъ собою цѣлую новую эру въ ходѣ промышленнаго развитія, эру капиталистической регламентаціи производства. Капиталистическое производство выступило на историческую сцену съ борьбою противъ всякой регламентаціи производства, оно упорно и успѣшно боролось противъ цеховъ, противъ государственной регламентаціи цѣнъ продуктовъ, размѣровъ производства, оно создало доктрину полнѣйшаго экономическаго индивидуализма, доктрину laissez faire, laissez passer. Но теперь, когда капиталистическое производство, низвергнувъ государственную регламентацію до-капиталистическихъ формъ хозяйства, привело къ ужасающей анархіи производства, оно начинаетъ отказываться отъ вѣры въ благодѣтельность свободной конкуренціи капиталовъ и въ фактѣ организаціи синдикатовъ и трестовъ дѣлаетъ первую попытку создать капиталистическую регламентацію производства.

Собственно говоря, уже развитіе акціонерныхъ обществъ положило первое начало этой новой промышленной эрѣ. Когда конкурирующіе частные капиталы стали объединяться въ акціонерныя общества съ цѣлью сотрудничества въ дѣлѣ добыванія прибыли, то тѣмъ самымъ было произнесено отреченіе отъ первой заповѣди экономическаго индивидуализма. И синдикаты представляютъ лишь дальнѣйшій фазисъ этого процесса. Отсюда понятно то неослабное вниманіе, съ которымъ теоретики-экономисты присматриваются къ необычайному развитію синдикатовъ. Лежащая передъ нами книжка извѣстнаго французскаго марксиста Лафарга представляетъ очень большой интересъ въ томъ отношеніи, что она показываетъ безсиліе всѣхъ попытокъ планомѣрно организовать и регулировать производство, не разрушая при этомъ рамокъ капиталистическаго хозяйства.

Въ первой главѣ авторъ приводитъ любопытныя фактическія данныя о финансовой силѣ и о распространенности трестовъ. Тресты въ Сѣв. Америкѣ представляютъ собою колосальный капиталъ приблизительно въ 76 милліардовъ франковъ! А если сюда еще прибавить синдикаты желѣзнодорожныхъ предпріятій, то капиталъ этотъ достигнетъ цифры въ 100 милліардовъ. Достаточно сказать, что знаменитый Морганъ заправляетъ синдикатами съ капиталами въ 22 милліарда!

Давъ общее представленіе о могуществѣ сѣверно-американскихъ синдикатовъ, Лафаргъ бѣгло останавливается на все ширящемся вліяніи крупнѣйшихъ заправилъ синдикатовъ не только на экономическую, но и на всю культурную жизнь страны,—какъ показываетъ авторъ, даже съ церковныхъ кафедръ, не говоря уже о трибунѣ политическихъ дѣятелей, раздаются проповѣди, славословящіе милліардеровъ.

Въ слѣдующихъ главахъ авторъ даетъ очеркъ регламентаціи производства въ средніе вѣка и очерчиваетъ общую дѣятельность современныхъ синдикатовъ; затѣмъ слѣдуютъ главы, посвященныя характеристикѣ отдѣльныхъ наиболѣе крупныхъ синдикатовъ Сѣв. Америки, и, наконецъ, послѣднія главы заняты подведеніемъ общихъ итоговъ.

Примиряя конкуренцію между объединившимися предпріятіями, синдикаты вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно обостряютъ борьбу между отдѣльными синдикатами, интересы которыхъ рѣзко расходятся. Напр., синдикатъ каменноугольныхъ копiей «регулируетъ» производство, устанавливая высокую цѣну на свои продукты, но это регулированіе идетъ, конечно, въ разрѣзъ съ интересами всѣхъ тѣхъ синдикатовъ, которые въ отрасли своего производства въ значительномъ количествѣ потребляютъ уголь. Всякіе синдикаты являются не только производителями, но и потребителями, и если образованіе синдиката, сопровождающееся повышеніемъ цѣнъ, выгодно для нихъ по отношенію къ тѣмъ продуктамъ, которые они производятъ, то оно убыточно для нихъ по отношенію къ тѣмъ продуктамъ, которые они потребляютъ.

Въ виду этого-то, въ новѣйшее время, какъ это отмѣчаетъ нашъ авторъ, замѣчается все усиливающееся стремленіе синдикатовъ объединить не только одну, но нѣсколько отраслей производства, чтобы такимъ путемъ удовлетворять всѣ свои нужды продуктами собственнаго производства и этимъ избѣжать того расхожденія интересовъ, на которое мы только что указали. Напр., желѣзнодорожные синдикаты въ Америкѣ стремятся завести собственныя угольныя копи, собственные сталелитейные заводы и т. д.

Наконецъ, въ послѣднее время начали широко развиваться международные синдикаты. Такимъ путемъ синдикаты стремятся охватить всю промышленность и внести въ ея современную анархію организующее начало. Возникаетъ невольно вопросъ, не являются ли синдикаты и тресты тѣми, такъ сказать, фагоцитами капиталистическаго организма, которые успѣшно борятся со всѣми разрушительными процессами въ нѣдрахъ его, не устраняютъ ли синдикаты основного противорѣчія капиталистическаго строя, его анархіи производства?

На всѣ эти вопросы нашъ авторъ отвѣчаетъ отрицательно. Онъ показываетъ, что развитіе синдикатовъ привело къ усиленной концентраціи капиталовъ, къ поѣданію мелкихъ капиталовъ крупными. Захватывая все болѣе широкій районъ дѣйствія, синдикаты начали все болѣе сметать съ лица земли капиталистической мелкихъ капиталистовъ. Благодаря этому синдикаты одновременно способствовали усиленной концентраціи капиталовъ и усиленной пролетаризаціи населенія, не только не притупляя, по мнѣнію автора, но еще обостряя противорѣчія капиталистическаго строя. Этому же обостренію, какъ показываетъ авторъ, не мало содѣйствуетъ враждебная политика синдикатовъ по отношенію къ рабочимъ. Подчинивъ своему вліянію огромный районъ экономической жизни, синдикаты стремятся подчинить въ этомъ районѣ всѣхъ рабочихъ своей власти. Здѣсь объединенная борьба капиталистовъ вызываетъ объединенный отпоръ со стороны рабочихъ, что не мало содѣйствуетъ обостренію классовыхъ противорѣчій.

*

Лафаргъ такимъ образомъ приходитъ къ заключенію, что синдикаты суть какъ бы вершины капиталистическаго хозяйства, достигнувъ которыхъ капиталистическому хозяйству идти дальше некуда. Оно должно будетъ уступить мѣсто новому общественному строю, приближенію котораго синдикаты не мало способствовали.

По мнѣнію Лафарга, синдикаты не только не уменьшили шансовъ крушенія капиталистическаго строя, какъ это утверждаютъ многіе экономисты, даже принадлежащіе къ соціалистической школѣ, но еще увеличили эти шансы. Мы могли бы точно выразить точку зрѣнія Лафарга, сказавъ, что въ развитіи трестовъ и синдикатовъ, стремящихся установить олигархію капиталистовъ надъ современнымъ обществомъ, онъ видитъ новое доказательство того, что общество это находится въ послѣднихъ градусахъ капитализма.

П. Берлинъ.

Людвигъ Вольтманнъ. Политическая антропологія. Изслѣдованіе о вліяніи теоріи эволюціи на ученіе о политическомъ развитіи народовъ. IV+326 стр. въ 8°. 1903. Цѣна 3 р. Подъ этимъ заглавіемъ авторъ «Системы моральнаго сознанія», «Дарвинизма и соціализма» и «Историческаго матеріализма» даетъ изображеніе современнаго состоянія вопроса о біологическихъ (естественно-историческихъ) корняхъ общества и государства, на основаніи того богатаго матеріала фактическихъ данныхъ, который накопился въ этой области особенно за послѣднее десятилѣтіе. Основная идея всего изслѣдованія: *объяснить возникновеніе и особенности общества и его дериватовъ (семьи, сословій, профессій, политическихъ партій), какъ результатъ врожденныхъ и унаслѣдованныхъ силъ и способностей человѣка и какъ слѣдствіе различій этихъ силъ и способностей въ зависимости отъ личности, расы, возраста и пола.* Какъ видно, это программа современной историко-антропологической школы. Соотвѣтственно ей, авторъ и посвящаетъ почти всю первую треть книги изложенію основного содержанія эволюціонизма и въ частности ученія Дарвина. Органическіе факторы развитія, въ особенности законы преемственности и наслѣдственности, наряду съ ними физіологическія основы варіацій и наслѣдственнаго предопредѣленія обрисовываются сжато и ясно. Въ вопросѣ о совершенствованіи и вырожденіи расъ авторъ хотя и руководствуется преимущественно данными и наблюденіями надъ самимъ человѣкомъ, но не теряетъ при этомъ общей біологической нити (отборъ, скрещиваніе животныхъ породъ и проч.).

Во второй части изслѣдованія разбираются *основные біологическіе законы развитія культуры*: органическое происхожденіе соціальной жизни вообще, борьба за существованіе и борьба за право, исторія возникновенія семьи, физіологическая основа собственности, исторія развитія сословій и профессій, возникновеніе экономическихъ классовъ.

Наконецъ, третья и послѣдняя часть труда Л. Вольтманна посвящена спеціально изслѣдованію *политическаго развитія народовъ* въ зависимости отъ ихъ врожденныхъ психическихъ и физическихъ особенностей. Это какъ бы заключительный выводъ изъ всѣхъ тѣхъ данныхъ и положеній, которыя составляютъ основу біологическаго эволюціонизма и исторію культуры. Особенно интересна глава объ *антропологическихъ особенностяхъ человѣческихъ расъ* и объ *антропологическихъ различіяхъ сословій, классовъ и профессій*. Авторъ пытается доказать, что существуетъ тѣсная взаимная связь между этими біологическими особенностями и политическимъ развитіемъ расъ и народовъ. Въ главѣ о политическихъ партіяхъ и теоріяхъ Woltmann энергично возстаетъ противъ положенія Маркса, по которому исторія является «постояннымъ *превращеніямъ* человѣческой природы». Онъ считаетъ психологическія основы человѣческой природы вообще и расовой организаціи въ частности неизмѣнными и постоянными во времени, по крайней мѣрѣ у тѣхъ расъ и народовъ, которые имѣютъ значеніе для исторіи соціализма.

Хотя въ нѣкоторыхъ вопросахъ, напр., въ вопросѣ о геніальномъ человѣкѣ, о мѣстѣ происхожденія арійскихъ расъ, о значеніи культуры индогерманскихъ народовъ для цивилизаціи человѣчества и т.-д. авторъ, стоя на почвѣ гипотезы, не воздерживается отъ смѣлыхъ и спорныхъ заключеній, тѣмъ не менѣе данное имъ изображеніе этого сложнаго и труднаго предмета нельзя не назвать удачнымъ. Книга, не требуя отъ читателя почти никакой біологической подготовки, написана вполнѣ общедоступно и ясно и читается съ большимъ интересомъ. Можемъ только пожелать ей того успѣха, котораго она несомнѣнно заслуживаетъ. *Р. Вейнбергъ.*

В. А. Гагенъ. Безработица въ Германіи и мѣры борьбы съ нею. (Соціально-политическій этюдъ). Спб. 1904 г. Стр. 118. Ц 70 к. Проф· Г. Адлеръ. О безработицѣ. Спб. 1903 г. Стр. 109. Ц. 60 к (Выпускъ XII Общеобразовательной библіотеки подъ общею редакціею Н. А. Рубакина). Фактъ безработицы былъ и остается самымъ нагляднымъ, самымъ краснорѣчивымъ обличеніемъ несправедливости современнаго экономическаго строя. По отношенію общества къ безработицѣ можно судить объ отношеніи его къ соціальному вопросу вообще. Еще совсѣмъ недавно кризисы безработицы вызывали въ Западной Европѣ смуту и страхъ. Недаромъ, какъ указываетъ проф. Адлеръ, «почти во всѣхъ революціяхъ (XIX в.) безработица являлась одною изъ движущихъ силъ» (Адлеръ, стр. 18). Толпы голодныхъ прелетаріевъ, время отъ времени омрачавшія своимъ появленіемъ великолѣпіе культурныхъ центровъ, лишали сна оптимистовъ буржуа и укрѣпляли фанатизмъ обличителей-пессимистовъ, утверждавшихъ, что все спасеніе въ безпощадномъ переворотѣ. А теперь? Передъ нами лежатъ двѣ книжки о безработицѣ и характернымъ признакомъ обѣихъ является спокойный, самоувѣренный оптимизмъ. И эти книжки не лгутъ, Въ нихъ отражается дѣйствительное настроеніе значительной части западно-европейскаго общества. Буржуа спятъ спокойнѣе и гелертеры спокойнѣе работаютъ въ своихъ ученыхъ кабинетахъ, освободившись отъ прежняго страха предъ разрушительной критикой научнаго и ненаучнаго соціализма. А вѣдь безработица и связанныя съ нею страшныя бѣдствія не исчезли; у г. Гагена приведено много данныхъ о страшныхъ послѣдствіяхъ для европейскихъ рабочихъ промышленнаго кризиса 1900—1902 гг. Что же означаетъ этотъ оптимизмъ? Побѣду буржуазнаго міросозерцанія, по которому безработица уподоблялась печальнымъ катастрофамъ, нарушающимъ по волѣ Божьей, безъ чьей-либо вины, образцовое благоустройство буржуазнаго общества? Опровергнутъ ли жизнью противоположный взглядъ, по которому безработица есть лишь острое обнаруженіе недуговъ, неизбѣжно присущихъ буржуазному обществу? Нѣтъ, жизнь примирила оба взгляда. Буржуа спятъ спокойнѣе не потому, что они оказались правы, а потому, что не они одни теперь охраняютъ порядокъ и цивилизацію. Современный западно-европейскій строй уже не есть только буржуазный строй; въ немъ получилъ значеніе и силу рабочій классъ. Рабочіе уже отчасти могутъ считать «современный» строй своимъ, а не чужимъ. Правы были тѣ пессимисты, которые говорили, что нельзя бороться съ безработицей, оставляя въ неприкосновенности основы буржуазнаго общества. Но измѣненіе этихъ самыхъ основъ буржуазнаго общества оказалось совсѣмъ не такимъ страшнымъ, какъ казалось во время первыхъ взрывовъ классовой борьбы. Основы буржуазнаго общества уже мѣняются—постепенно, не такъ рѣшительно и быстро, какъ было бы желательно, но все-таки мѣняются. И тѣ мѣры борьбы съ безработицей, о которыхъ говорится въ лежащихъ передъ нами книжкахъ, интересны именно своимъ реформаторскимъ характеромъ: онѣ стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ кореннымъ измѣненіемъ всего общественнаго строя. Въ Германіи, о которой преимущественно идетъ рѣчь въ работахъ г. Гагена и проф. Адлера, въ борьбѣ съ безработицей выдвигаются на первый планъ три рода мѣропріятій: общественныя работы, посредничество по пріисканію работы (Arbeitsnachweis) и страхованіе отъ безработицы. Общественныя работы, организуемыя по преимуществу городскими общинами, все болѣе ставятся въ связь съ общими соціальными задачами муниципальной политики: отъ городскихъ управленій требуютъ, чтобы общественныя работы не имѣли характера экстренныхъ благотворительныхъ мѣропріятій, но входили составною частью въ общій планъ общиннаго хозяйства, проникнутаго принципомъ соціальной реформы. Посредническія конторы по пріисканію работы, организуемыя тоже городскими управленіями или подъ контролемъ городскихъ управленій, обнаружили въ самое послѣднее время замѣчательную жизнеспособность и энергію. Но всѣ ихъ успѣхи основаны на довѣріи къ нимъ рабочихъ, а довѣріе рабочихъ основано на томъ, что управляютъ конторами не случайные благотворители и даже не представители городскихъ думъ (городское представительство носитъ въ Германіи еще слишкомъ буржуазный характеръ), а особые совѣты съ равнымъ числомъ представителей отъ рабочихъ и предпринимателей. Такимъ образомъ, необходимой предпосылкой успѣшной дѣятельности посредническихъ бюро—дѣятельности, столь важной для борьбы съ безработицей, является прочная организація рабочаго класса. И, наконецъ, многочисленные проекты всеобщаго страхованія отъ безработицы, горячо обсуждаемые теперь германскими теоретиками и общественными дѣятелями, имѣютъ въ основѣ своей ту же предпосылку: наличность организованнаго представительства интересовъ рабочаго класса. Такъ, напр., проф. Адлеръ, рекомендуя всеобщее обязательное страхованіе отъ безработицы, высказываетъ, что для осуществленія такого страхованія необходимо также устройство третейскихъ судовъ, разрѣшающихъ столкновенія между трудомъ и капиталомъ. Ибо какъ иначе найти границу между незаконнымъ отказомъ отъ работы и вынужденной безработицей? (Адлеръ, стр. 51). Но для третейскихъ судовъ опять-таки нужна прочная организація рабочихъ. И слѣдовательно, современные реформаторы, работающіе въ интересахъ мира и порядка, вынуждены говорить пролетаріямъ то же самое, что нѣкогда казалось чисто революціоннымъ кличемъ: «объединяйтесь!» Объединеніе рабочихъ служитъ основой для проведенія соціальной реформы, а соціальныя реформы обезпечиваютъ обществу спокойствіе и порядокъ. Современные буржуа могутъ поэтому сказать спасибо прежнимъ врагамъ буржуазіи, работавшимъ надъ объединеніемъ рабочихъ. И если объединеніе совершалось на почвѣ злобныхъ чувствъ къ существующему строю, то въ этомъ виноваты тѣ, кто закрывали всѣ другіе пути: у рабочихъ не оставалось другого знамени для объединенія, кромѣ общей ненависти къ буржуазіи,—мудрено ли, что это знамя такъ долго повергало въ пессимизмъ общественную мысль?

Книжки Гагена и Адлера имѣютъ много общаго. Обѣ изучаютъ не столько безработицу, сколько мѣры борьбы съ ней. Обѣ по преимуществу относятся къ Германіи. Обѣ проникнуты вѣрой въ тѣ принципы «соціальной реформы», которые нашли наиболѣе полное выраженіе въ германскомъ страхованіи рабочихъ. Книжка, изданная редакціей «Общеобразовательной библіотеки», болѣе подходитъ для общаго ознакомленія съ вопросомъ о безработицѣ. Она представляетъ не что иное, какъ переводъ двухъ статей проф. Адлера, помѣщенныхъ въ извѣстномъ «Словарѣ государственныхъ наукъ» («Handwörterbuch der Staatswissenschaften»). Одна статья посвящена собственно безработицѣ и мѣрамъ борьбы съ нею, другая—организаціи посредничества по пріисканію работы (Arbeitsnachweis). Авторъ принимаетъ видное участіе въ пропагандѣ идеи обязательнаго страхованія отъ безработицы и его проектъ чуть было не сдѣлался закономъ въ Базельскомъ кантонѣ; поэтому онъ естественнымъ образомъ выдвигаетъ на первый планъ идею страхованія и менѣе внимателенъ къ другимъ мѣрамъ борьбы съ безработицей. Переводъ—довольно гладкій, но не свободенъ отъ ошибокъ. Укажемъ на одну, очень грубую: термины «gemeinnützige Veranstaltungen», «gemeinnützige Vereine», («общеполезныя» организаціи) переведены терминомъ «общества *взаимной помощи*», «общества *взаимопомощи*» (стр. 91 сл., 98), что явно противорѣчитъ смыслу излагаемаго и можетъ сбить съ толку читателей.

Работа г. Гагена печаталась въ журналѣ «Трудовая помощь». Ея преимущество въ томъ что она излагаетъ довольно подробно факты самыхъ послѣднихъ лѣтъ, не попавшія въ изложеніе Адлера (хотя г. Гагень ошибается, утверждая въ своемъ предисловіи, что трудъ проф. Адлера содержитъ свѣдѣнія лишь до 1889 г.; на самомъ дѣлѣ статьи Адлера охватываютъ и позднѣйшій періодъ, вплоть до 1897 г.). Промышленный кризисъ 1900—1902 г. привлекъ усиленное вниманіе къ проблемѣ безработицы, такъ что именно послѣдніе годы внесли въ разработку вопроса много новаго. Главный недостатокъ книжки Гагена—ея сухость и отсутствіе критики: мѣропріятія и проекты излагаются другъ за другомъ, безъ серьезной попытки поставить ихъ въ связь съ общимъ развитіемъ внутренней политики Германіи и съ стремленіями главныхъ партій и направленій. Недостаточно заботится авторъ и о томъ, чтобы русскій читатель могъ понять смыслъ излагаемыхъ проектовъ. Напр., г. Гагенъ ограничивается общими терминами «союзы предпринимателей» и «профессіональныя товарищества» для нѣмецкихъ «Berufsgenossenschaften», функціонирующихъ на основаніи закона о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ (стр. 32, 45). Нужно обладать предварительнымъ знаніемъ предмета и знаніемъ нѣмецкаго языка, чтобы догадаться, что подъ столь общимъ терминомъ какъ «союзы предпринимателей» подразумѣваются именно эти спеціальныя учрежденія.

А. Рыкачевъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ. ГЕОГРАФІЯ. АНТРОПОЛОГІЯ.

О. Шмейль. „Очерки изъ жизни растеній"—*H. Krafft.* „A travers le Turkestan russe"—*А. Черевкова.* „Очерки современной Японіи".—*П. Ю. Шмидтъ.* „Страна утренняго спокойствія".—*С. Гюнтеръ.* „Вѣкъ великихъ открытій".—*Де-Мортилье.* „Доисторическая жизнь".

О. Шмейль. Очерки изъ жизни растеній. Переводъ съ нѣмецкаго (съ измѣненіями и дополненіями) С. Г. Григорьева, Л. Д. Синицкаго и С. В. Чефранова. Съ 38 цвѣтными таблицами и многочисленными рисунками въ текстѣ. Изданіе переводчиковъ. Москва. 1903. Цѣна 3 р. 75 к. Книга Шмейля имѣетъ цѣлью заполнить тотъ весьма ощутительный пробѣлъ въ популярно-научной литературѣ, который существуетъ между Тимирязевской «Жизнью растеній» и различными «опредѣлителями» растеній. И тѣхъ, и другихъ, для читателя, интересующагося естествознаніемъ, недостаточно. Мало имѣть только общія свѣдѣнія о жизненныхъ процессахъ растительнаго организма; недостаточно имѣть только возможность опредѣлить, т.-е. узнать латинское названіе того или иного растенія. Интересно, конечно, имѣть возможность ознакомиться съ біологическими особенностями возможно большаго количества растеній, притомъ, по возможности, систематически, знакомясь при этомъ и съ системой растительнаго царства. Именно такія задачи и ставилъ себѣ извѣстный современный нѣмецкій педагогъ, О. Шмейль, издавая свои книги и учебники по разнымъ отдѣламъ естествознанія. Нельзя не согласиться съ переводчиками-издателями книги Шмейля на русскомъ языкѣ, что книга эта представляетъ выдающееся явленіе и появленіе ея на русскомъ языкѣ, въ прекрасномъ переводѣ и изящномъ изданіи, надо горячо привѣтствовать. Скажемъ нѣсколько словъ о содержаніи книги и о выполненіи перевода.

Полное понятіе о содержаніи книги можно видѣть уже изъ подробнаго ея оглавленія. Большая часть книги (388 стр. изъ 508) посвящена описанію растеній въ систематическомъ порядкѣ, начиная съ покрытосѣменныхъ и кончая слоевцовыми. Система, принятая авторомъ, очень близка къ системѣ Бентама и Гукера, и допущенныя авторомъ измѣненія кажутся мнѣ необоснованными и излишними.

Болѣе существенные недостатки мы находимъ въ системѣ безцвѣтковыхъ растеній, въ особенности въ грибахъ, къ которымъ почему-то отнесены и бактеріи.

Во второй части книги говорится о строеніи жизни растенія. Здѣсь излагаются въ болѣе систематическомъ видѣ факты изъ области морфологіи и физіологіи растеній, говорится о строеніи и жизни клѣтки, листа, корня, стебля, цвѣтка, плода. Отмѣтимъ здѣсь лишь нѣсколько бросающихся въ глаза недосмотровъ. Первый—это статья «Протоплазма и *ея составныя части*». Здѣсь говорится о плазмѣ, ядрѣ, хроматофорахъ, но считать эти образованія *частями* протоплазмы, разумѣется, невозможно.

Далѣе, въ главѣ объ оплодотвореніи необходимо дать болѣе подробныя свѣдѣнія, и болѣе точныя...

Въ концѣ книги приложено небольшое дополненіе: основы систематики растеній и характеристика растительныхъ областей земного шара.

Что касается перевода, то въ общемъ онъ выполненъ прекрасно, а тѣ недосмотры, которые мѣстами встрѣчаются, не портятъ прекраснаго общаго впечатлѣнія, производимаго книгой, и, конечно, будутъ устранены во второмъ изданіи, которое, мы увѣрены, потребуется очень скоро, такъ какъ кругъ читателей у книги Шмейля несомнѣнно будетъ очень широкій. *Б. Федченко.*

Hugues Krafft. A travers le Turkestan russe. Paris. 1902. Hachett et C-ie. Всякій разъ, когда берешь въ руки описаніе путешествія какого-нибудь иностранца по Россіи, а тѣмъ болѣе по Туркестану, опасаешься наткнуться на такія прелести, какъ, напр., отдыхъ «подъ тѣнью прекрасной клюквы»—это у беллетриста; или же—«финика» и «земляники» въ средней Азіи—это у ученаго-академика, съ научными цѣлями командированнаго въ Туркестанъ. Очень мало, къ сожалѣнію, такихъ иностранцевъ, которые дали бы себѣ трудъ ближе ознакомиться съ Россіей, ближе вникнуть въ разныя проявленія жизни населенія и природы страны...

Разсматриваемая книга французскаго путешественника, Г. Краффта, лишена такихъ крупныхъ ошибокъ или недосмотровъ и во всякомъ случаѣ представляетъ очень цѣнный матеріалъ для ознакомленія съ русскимъ Туркестаномъ. Главнѣйшее въ книгѣ г. Краффта—это рисунки. 70 великолѣпнѣйшихъ геліогравюръ на отдѣльныхъ листахъ представляютъ виды замѣчательнѣйшихъ мѣстностей, по преимуществу городовъ, а также типы жителей. Гораздо большее число рисунковъ въ текстѣ, меньшаго размѣра, представляютъ также различные виды и типы. По исполненію, эти рисунки не имѣютъ себѣ подобныхъ, многіе изъ нихъ — положительно художественныя произведенія. Всѣ они сдѣланы по фотографіямъ автора книги.

Кромѣ рисунковъ, приложена также и прекрасная карта русскаго Туркестана. Исполнена эта карта вполнѣ удовлетворительно, а что касается точности, то она во многомъ превосходитъ, напр., русскую 40-каверстную карту пограничнаго пространства, гдѣ, какъ извѣстно, отнесены къ китайскимъ владѣніямъ безспорныя наши владѣнія на Памирѣ, постоянный путь сообщенія нашего Памирскаго отряда съ Ферганой...

Текстъ книги раздѣляется на семь главъ — начиная съ городовъ, туземныхъ и русскихъ, описавъ памятники Самарканда, авторъ переходитъ къ описанію деревень («кишлаковъ») и населенія.

Крупнымъ недостаткомъ надо считать отсутствіе описанія Туркестанскихъ горъ съ ихъ разнообразной и живописной природой. Впрочемъ, авторъ описываетъ лишь то, что видѣлъ... Во всякомъ случаѣ, для общаго ознакомленія съ культурной полосой Туркестана книга г. Краффта представляетъ весьма пригодное пособіе. *Б. Федченко.*

А. А. Черевкова. Очерки современной Японіи. Изд. второе, дополненное Съ 12 рис. Спб. Изд. Н. П. Карбасникова. 1903 г. Ц. 1 руб. 50 к. При всей своей бѣглости и отрывочности очерки Японіи г-жи Черевковой заслуживаютъ полнаго вниманія читателей. Г-жа Черевкова побывала въ Японіи три раза—въ 1889, 1891 и 1896 г., проживя тамъ болѣе или менѣе продолжительное время, посѣтивъ разныя мѣста страны и въ разное время, что позволило ей познакомиться съ разными сторонами быта этого мало знакомаго намъ народа. Безпристрастіе автора и спокойный тонъ его описаній, безъ лишнихъ восторговъ, но и безъ выходокъ противъ японцевъ, даютъ книгѣ особое значеніе именно теперь, когда наши шовинисты всячески силятся представить Японію и японцевъ возможно чудно̀ и неестественно. Автору, между прочимъ, довелось быть на открытіи перваго парламента Японіи, въ 1890 году и видѣть, съ какимъ достоинствомъ и простотой совершалась эта церемонія. Очевидно, что для японцевъ это не было что-то непонятное, чуждое, взятое на прокатъ, а нѣчто, къ чему страна была подготовлена всей предшествующей жизнью. Такое же впечатлѣніе выносишь изъ ея описанія, напр., желѣзнодорожнаго хозяйства. По ея словамъ, желѣзныя дороги построены хорошо, дешево («благодаря отсутствію казнокрадства») и даютъ казнѣ «болѣе 6% чистой прибыли» (у насъ желѣзнодорожное хозяйство пока ведется въ убытокъ). Первыя дороги начали строиться только въ 1868 г., а теперь, тридцать лѣтъ спустя, вся Японія изрѣзана желѣзными дорогами, огромная часть которыхъ уже сосредоточена въ рукахъ казны. Движеніе огромное: въ 1890 г. пассажировъ было провезено 11.365.937, что при общей цифрѣ населенія въ 40 мил. составляетъ нѣсколько меньше 30% всего населенія! Въ Токіо, Іокогамѣ и другихъ городахъ путешественницу поразило обиліе книжныхъ магазиновъ. Къ сожалѣнію, она не останавливается на этомъ явленіи. Но изъ книги, напр., г. Шрейдера мы узнаемъ, что въ Японіи *нѣтъ неграмотныхъ*, чѣмъ и объясняется обиліе книжныхъ магазиновъ и развитіе современной печати. Въ своей книгѣ г-жа Черевкова отводитъ много мѣста описаніямъ разныхъ историческихъ памятниковъ. Древность нѣкоторыхъ достигаетъ тысячелѣтія, но поддерживаются они въ величайшемъ порядкѣ, что указываетъ на то, какъ дорожатъ японцы своимъ прошлымъ. Въ пятый день пятаго мѣсяца, напр., празднуется день національныхъ героевъ, и въ этотъ день дѣтямъ дарятъ куклы героевъ и разсказываютъ о ихъ величіи, преданности странѣ, ихъ подвигахъ и проч. Такая черта лучше всякихъ доказательствъ свидѣтельствуетъ о глубокой культурности этого оригинальнаго народа, съумѣвшаго сочетать свою тысячелѣтнюю культуру съ существенными формами современной общечеловѣческой культуры. Невольно вырывается сожалѣніе, что мы поставлены во враждебныя отношенія къ этому даровитому и культурному народу, который привлекаетъ симпатіи всѣхъ приходящихъ съ нимъ въ болѣе близкое соприкосновеніе. *А. Б.*

П. Ю. Шмидтъ. Страна утренняго спокойствія. Корея и ея обитатели. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1904 г. Ц. 40 к. Волненіе на Дальнемъ Востокѣ невольно привлекаетъ всеобщее вниманіе къ этимъ далекимъ и столь чуждымъ намъ странамъ, какъ Манчжурія, Корея, Японія. Читатели нашего журнала навѣрное помнятъ живыя художественныя картины г. Гарина—«Карандашомъ съ натуры», въ которыхъ онъ въ 1899 г. описывалъ на страницахъ нашего журнала эту таинственную страну Корею, «страну утренняго спокойствія», какъ ее называютъ сами корейцы. Въ этихъ яркихъ наброскахъ авторъ, прошедшій Корею поперегъ, съ цѣлью изысканія для желѣзнодорожной линіи, далъ рядъ прекрасныхъ описаній страны и ея жителей, ихъ легендъ и сказаній, полныхъ поэтической грусти и здороваго юмора, и характера корейцевъ, мечтательныхъ, погруженныхъ какъ бы въ полусонное бытіе, далекихъ отъ всякой политики и равнодушныхъ ко всему, что не касается ихъ непосредственно. Книга г. Шмидта можетъ служить нѣкоторымъ дополненіемъ къ картинамъ г. Гарина. Въ ней дано краткое географическое описаніе Кореи, ея положеніе по отношенію къ Японіи и къ Россіи, дается сжатое изложеніе исторіи ея и тѣхъ осложненій, какія возникли въ самое послѣднее время внутри страны, вслѣдствіе вмѣшательства въ ея жизнь двухъ соперничающихъ державъ—Россіи и Японіи. Авторъ самъ былъ въ Кореѣ лѣтомъ 1900 г. и личныя впечатлѣнія значительно освѣжаютъ его небольшую книжечку.

А. Б.

Вѣкъ великихъ открытій. С. Гюнтеръ. Пер. съ нѣм. П. Ю. Шмидта. А. Ф. Девріена. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к. Интересное и добросовѣстное, какъ и всѣ труды нѣмецкихъ ученыхъ, историческое изслѣдованіе проф. Гюнтера даетъ живой очеркъ постепеннаго ознакомленія европейцевъ съ географіей земнаго шара. Вѣкомъ великихъ открытій авторъ называетъ эпоху почти въ два столѣтія: съ начала XV вѣка и до начала XVII. Въ этотъ періодъ былъ совершенъ рядъ великихъ открытій, начиная съ открытія пути въ Индію вокругъ мыса Доброй Надежды и Новаго Свѣта Колумбомъ и заканчивая открытіями Гудсона. Въ эти два столѣтія совершенно измѣнилась карта земного шара, извѣстнаго до тѣхъ поръ европейцамъ, и получала тотъ видъ, который мы знаемъ теперь. Эти грандіозные успѣхи европейскаго генія, предпріимчивости и смѣлости, перевернули все міровоззрѣніе европейцевъ, разорвавъ тотъ узкій кругъ представленій о земномъ шарѣ, какой былъ предписанъ папствомъ правовѣрнымъ народамъ, на основаніи данныхъ Библіи, отчасти подкрѣпленныхъ старинными географами. Было доказано, что земля—шаръ, что кромѣ небольшой, сравнительно, Европы существуетъ цѣлый новый міръ, что всѣ сказки о небывалыхъ людяхъ «съ песьими головами», о странахъ, населенныхъ гигантами и карликами, объ ужасахъ, ожидающихъ смѣльчаковъ за предѣлами, предначертанными святой инквизиціей,—сплошной вздоръ, а новыя чудеса—неизмѣримо увлекательнѣе и цѣннѣе прежнихъ. Въ книгѣ проф. Гюнтера данъ предварительно очеркъ европейскихъ попытокъ расширить свои знанія во время смѣлыхъ плаваній норвежскихъ викинговъ, доходившихъ до побережій Сѣв. Америки и Гренландіи, путешествій Марка Поло и сношеній Венеціи съ востокомъ. Далѣе идетъ подробное изслѣдованіе эпохи великихъ открытій, съ критическимъ сопоставленіемъ и разборомъ сохранившихся источниковъ того времени, что придаетъ труду Гюнтера оригинальность, выдѣляя его изъ числа обычныхъ компиляцій на ту же тему. Каждое свое положеніе авторъ доказываетъ, на основаніи первоисточниковъ и критическаго ихъ разбора. Такъ, онъ разрушаетъ нѣкоторыя, прочно сложившіяся легенды, напр., о бѣдственномъ концѣ жизни Колумба, который умеръ при весьма сносныхъ матеріальныхъ условіяхъ. Благодаря небольшому сравнительно объему книги, изложеніе очень сжато, но главнѣйшія открытія описаны достаточно подробно. Рисунки и карты того времени очень оживляютъ изложеніе. *А. Б.*

Габріэль и Адріенъ де-Мортилье. Доисторическая жизнь (Le prèhistorique). Происхожденіе и древность человѣка. Третье изданіе, совершенно переработанное и дополненное новѣйшими данными 121 рис. въ текстѣ. Пер. съ французскаго подъ ред. Л. Я. Штернберга Изданіе Т-ва «XX вѣкъ». Спб. 1903. 574 стр. Цѣна 3 руб. Выходомъ въ свѣтъ русскаго изданія извѣстной всему ученому міру книги Габріэля де-Мортилье «Le préhistorique» пополненъ важный пробѣлъ въ научной, учебной и популярной литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно указать другое сочиненіе въ области доисторической археологіи, гдѣ строго научное содержаніе и научный методъ изслѣдованія, глубокое знаніе предмета и творческій умъ изслѣдователя сочетались бы съ такой поразительной простотой и ясностью изложенія, что книга становится доступной всякому не спеціалисту, становится почти популярной. Для лицъ, занимающихся доисторической археологіей ее можно рекомендовать какъ первую, настольную книгу, какъ первый учебникъ, который поставить всякаго новичка въ этой области на твердую почву. Вотъ почему мы отъ всей души привѣтствуемъ появленіе этой замѣчательной книги на русскомъ языкѣ, то же обстоятельство, что книга эта появляется у насъ съ такимъ запозданіемъ (достаточно сказать, что второе французское изданіе относится къ 1885 году), по нашему мнѣнію, лишь печальное недоразумѣніе. Самъ авторъ, нынѣ покойный Габріэль де-Мортилье, хорошо знакомый съ археологіей Россіи и близко интересовавшійся русскими находками, очень сочувственно относился къ идеѣ изданія своей книги на русскомъ языкѣ и только смерть автора во время обработки послѣдняго изданія (законченнаго уже послѣ его сыномъ Адріеномъ де-Мортилье) и нѣкоторыя другія препятствія еще на 5 лѣтъ задержали осуществленіе этого предпріятія. Въ годъ смерти автора, въ статьѣ посвященной памяти его (см. «Міръ Божій» кн. 12. Декабрь 1898 г.), мы съ достаточной подробностью остановились на изложеніи содержанія этой книги, а потому за бóльшими подробностями мы и отсылаемъ читателя къ упомянутой статьѣ. Здѣсь повторимъ только немногое.

Доисторическая археологія или, по выраженію Мортилье, «доисторическая исторія человѣчества» ставитъ своею задачею изученіе исторіи культуры человѣчества, его быта въ тѣ времена, которыя получили названіе *доисторическихъ*, такъ какъ о нихъ у насъ не осталось не только писанныхъ документовъ, но даже устныхъ преданій. Цѣль этой науки—дать намъ полную картину постепеннаго развитія первобытнаго человѣчества. Доисторическій бытъ человѣчества въ ту отдаленнѣйшую отъ насъ эпоху, о которой не сохранилось, повидимому, никакихъ слѣдовъ, жизнь эта, казалось вовсе и навсегда стертая отъ нашихъ взоровъ безжалостною рукою времени,—трудами археологовъ изъ пыли и праха возстаетъ предъ нами, благодаря тому крайне своеобразному матеріалу, который они съумѣли раздобыть, а внимательнымъ наблюденіемъ и изученіемъ съумѣли превратить безмолвную, мертвую матерію въ живыя слова, изъ которыхъ, съ теченіемъ времени, можно будетъ составить подробный и связный разсказъ о послѣдовательныхъ фазахъ, пережитыхъ человѣчествомъ въ его первобытной исторіи. Отдѣльные моменты этой исторіи, нѣкоторыя эпохи ея и теперь уже съ достаточною отчетливостью ожили передъ нашимъ духовнымъ взоромъ. Много свѣта въ эту темную область, много порядка въ царившій здѣсь хаосъ внесено было трудами почти всей жизни Габріэля де-Мортилье; разрозненный археологическій матеріалъ приведенъ былъ въ систематическій видъ и «система» Мортилье, несмотря на всѣ возраженія и нерѣдко нападки, оказалась настолько основательной, что въ существенныхъ чертахъ сохранилась уже съ 1869 года, а это уже само по себѣ очень существенно, въ особенности принимая во вниманіе, что эта область знанія очень молода и матеріалъ накопляется очень быстро. Здѣсь не мѣсто излагать хотя бы въ общихъ чертахъ суть системы Мортилье и мы ограничимся лишь тѣмъ, что приведемъ слова одного изъ авторитетныхъ современныхъ археологовъ Гернеса, который въ только что вышедшей книгѣ «Der diluviale Mensch in Europa». Braunschweig 1903, пишетъ слѣдующія знаменательныя строки: «Система Габріеля де-Мортилье вездѣ болѣе признана, чѣмъ въ Германіи, гдѣ она встрѣчаетъ скрытую оппозицію, которая на меня производитъ то же впечатлѣніе, какъ и упорный въ свое время отказъ признать сѣверную систему трехъ періодовъ. Тогда, какъ дѣло обстояло указаннымъ образомъ въ Германіи, не было ничего, кромѣ (правда «датской») системы трехъ періодовъ, которая одна въ состояніи была поднять доисторическую археологію до положенія науки. И въ настоящее время также точно, кромѣ (правда «французской») системы Г. де-Мортилье и ея развитія въ трудахъ Эд. Пьетта, нѣтъ ничего, что дало бы возможность классифицировать и привести въ порядокъ древности четвертичной эпохи. Такъ обстоитъ дѣло». Правда Гернесъ на основаніи новаго матеріала вноситъ нѣкоторыя очень существенныя измѣненія во взгляды французскаго ученаго, но самъ онъ, по методу изслѣдованія, прямой послѣдователь Мортилье. Конечно, наука идетъ впередъ и развитіе ея и заключается въ томъ, что новый матеріалъ ведетъ иногда къ перестройкѣ всего зданія.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о русскомъ изданіи. Переводъ сдѣланъ вполнѣ добросовѣстно и нужно быть очень признательными за тотъ неблагодарный тяжелый трудъ, который связанъ съ передачей неустановленныхъ въ русской литературѣ терминовъ. Если въ этомъ отношеніи и окажутся какіе-нибудь промахи, то ихъ исправленіе будетъ содѣйствовать и выработкѣ нашей терминологіи. Мы, напр., предпочли бы передачу термина palithnologie полной формой палеоэтнологія, вмѣсто введеннаго переводчикомъ термина «пальэтнологія». Мы должны оговорить, впрочемъ, что существеннаго значенія этому обстоятельству мы не придаемъ. По внѣшнему виду русское изданіе отличается отъ французскаго скорѣе въ выгодную сторону. Цѣна книги должна быть признана вполнѣ умѣренной. *Н. Могилянскій.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

отъ 15-го декабря 1903 г. по 15-е января 1904 г.

А. Д. Апраксинъ. Кто успѣваетъ. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Н. А. Лейкинъ. Апраксинцы. Сцены и очерки. Спб. 1904. Ц. 60 к.

Н. Данько. Типы студентовъ. Этюдъ. Вып. I. Спб. 1904 Ц. 25 к.

Я. И. Рубинштейнъ. По Россіи. Путевые наброски. Харьковъ. 1904. Ц. 40 к.

Н. Клементцъ. Грусть и смѣхъ. Стихотворенія. Москва. 1904. Ц. 1 р. 20 к.

А. Каменскій. Степные голоса. Разсказы. Спб. 1904. Ц. 1 р.

В. Березовскій. Дни и ночи. Разсказы. Спб. 1904. Ц. 85 к.

С. Лягерлевъ. «Іерусалимъ». Пер. со швед. Е. Эйхвальдъ. Т. II. Спб. 1903.

П. Розеггеръ. Когда я былъ еще пастушкомъ. Пер. съ нѣм. А. Фридельманъ подъ ред. О. Поповой. Спб. 1904. Ц. 60 к.

Г. Эберсъ. Человѣкъ бо есмь. Пер. съ нѣм. Д. Котляръ. Изд. О. Поповой. Спб. 1904. Ц. 60 к.

М. Лохвицкая. Стихотворенія. Т. V. 1902—1904. Спб. 1904. Ц. 2 р. 40 к.

С. С. Гусевъ. Еврей. Одесса. 1904. Ц. 15 к.

Карменъ. Разсказы. Одесса. 1903. Ц. 80 к.

И. Купчинскій. Таинственное—непонятное. Разсказы изъ слышаннаго и видѣннаго. Москва. 1904. Ц. 50 к.

В. Голиковъ. Разсказы. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Г. Т. Сѣверцевъ. Трудящіеся. Повѣсть. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Его-же. Онѣ... Новеллы. Спб. 1904. Ц. 1 р.

О. Уайльдъ. Саломея. Драма. Пер. В. и Л. Андрусонъ подъ ред. К. Бальмонта. Москва. 1904. Ц. 1 р.

Н. Е. Ончуковъ. Новыя былины изъ записей на Печорѣ. Спб. 1903.

П. Булыгинъ. Повѣсти и очерки. Т. II. Москва. 1904. Ц. 1 р.

Л. Толстой. Смерть Ивана Ильича. Съ 10-ю отд. рисунк. академ. Бурова. Москва. 1904. Ц. 80 к.

Самоотверженные. Сборникъ разсказовъ съ 9-ю рис. въ текстѣ. Москва. 1903. Ц. 50 к.

Н. Худекова. Разсказы. Спб. 1904. Ц 1 р.

В. Якимовъ. Безъ хлѣба насущнаго. Разсказы. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

П. Ивановъ. Студенты въ Москвѣ. Бытъ. Нравы. Типы. (Очерки). Изд. 2-е, дополн. Москва. 1903. Ц. 1 р.

Очерки реалистическаго міровоззрѣнія. Сборникъ статей по философіи, общ. наукѣ и жизни. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Анри Пуанкаре. Наука и гипотеза. Пер. съ франц. Съ портр. автора и предисл. проф. Н. Умнова. Москва. 1904. Ц 1 р. 50 к.

Н. Соколовъ. Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи. Спб. 1904. Ц. 2 р.

В. Дерюжинскій. Выдающіеся англійскіе дѣятели XIX вѣка. Спб. 1904. Ц. 60 к.

И. Клингенъ. Роль женщины, какъ образованной сельской хозяйки въ обновленіи русской деревни. Спб. 1903. Ц. 40 к.

С. Васюковъ. Край гордой красоты. Кавказское черноморское побережье. Изд. Девріена. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Кичуновъ. Упрощенныя формы шпалерной культуры плодовыхъ деревьевъ. Харьковъ. 1902. Ц. 40 к.

А. Карцовъ. Промышленное огородничество на черноморскомъ побережьѣ Кавказа. Съ 10-ю рис. въ текстѣ. Спб. 1904. Ц. 30 к.

Кн. Э. Ухтомскій. Изъ области ламаизма. Къ походу англичанъ на Тибетъ. Спб. 1904.

Мих. Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX стол. Съ 19-ю портр. и 81-й каррикатурой. Спб. 1904. Ц. 3 р.

А. Пругавинъ. Религіозные отщепенцы. (Очерки современнаго сектантства. Вып. I и вып. II. Спб. 1904. Ц. по 1 р. за выпускъ.

П. Мижуевъ. Начальное и среднее образованіе въ Швеціи. Спб. 1903. Ц. 25 к.

И. Скворцовъ. Первый египетскій медицинскій конгрессъ и международныя санитарныя мѣры. Древній и новый Египетъ. Спб. 1903.

О. Жирновъ. Что такое земская страховка и куда она идетъ. Вятка. 1903.

А. Бургеръ. Вредное вліяніе длинныхъ волосъ на дѣтской головѣ. Спб. 1904. Ц. 30 к.

В. Перелешинъ. О дѣятельности земства въ отношеніи къ поземельному кредиту для малоземельныхъ крестьянъ Воронежской губ. съ реформы 1861 г. по 1903 г. Воронежъ. 1903.

Ш. Рибо. Огненная земля. (По Отто Норденшильду). Пер. съ франц. Н. Южаковой. Съ 18-ю рис. и картой. Изд. О. Поповой. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Перев. съ нѣм. Б. Юргенсона, подъ редак. Ю. Энгеля. Москва. 1903. Подп. цѣна 6 р.

А. Л. Волынскій. «Книга Великаго гнѣва». (Критич. статьи. Замѣтки. Полемика). Спб. 1904. Ц. 3 р.

А. В. Пѣшехоновъ. На очередныя темы. Матеріалы для характеристики обществ. отношеній въ Россіи. Изданіе журнала «Русское Богатство». Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

И. Страховскій. Крестьянскія права и учрежденія. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Д. А. Коропчевскій. Первые уроки этнографіи. Москва. 1903. Ц. 75 к.

А. Елистратовъ и А. Завадскій. Къ вопросу о достовѣрности свидѣт. показаній. Казань. 1903.

М. Хомяковъ. Къ вопросу о психологіи свидѣтеля. Казань. 1903.

Ф. де Ла-Бартъ. Бесѣды по исторіи всеобщей литературы и искусства. Ч. I. (Средніе вѣка и Возрожденіе). Кіевъ. 1903 Ц. 1 р.

В. Крижъ. Руководство къ азбукѣ для сельскихъ школъ русской и цер.-слав. Москва. 1904. Ц. 10 к.

Его-же. Церковно-славянская азбука. Москва. 1903. Ц. 8 к.

Его-же. Азбука для сельскихъ школъ, русская и церковно-славянская. Москва. 1904. Ц. 25 к.

Т. Лубенецъ. Ариѳметическія таблицы для класснаго употребленія. Учебное пособіе для начальныхъ училищъ. (XII таблицъ). Кіевъ. 1904. Ц. 1 р. 30 к.

М. Н. Соболевъ. Коммерческая географія Россіи. Очеркъ хозяйствен. статистики и географіи Россіи сравнительно съ иностр. государствами. Москва. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

И. Х. Озеровъ. Изъ жизни труда. Сборникъ статей. Вып. I. По рабочему вопросу. Москва. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

А. Додель. Жизнь и смерть. Популярныя статьи и лекціи по біологіи. Съ 51 рис. въ текстѣ. Пер. съ нѣм. П. Быстрицкаго. Саратовъ. 1904. Ц. 1 р.

Д. Утушкинъ. Записки по естественной исторіи для 2-хъклас. училищъ. Екатеринбургъ. 1903. Ц. 60 к.

В. Кузьминъ-Короваевъ. Управленіе земскимъ хозяйствомъ въ 9 ти западн. губерніяхъ. Спб. 1904. Ц. 40 к.

І. Табурно. Эскизный обзоръ финансово-экономическаго состоянія Россіи за послѣднія 20 лѣтъ (1882—1901 гг.). Спб. 1904.

Его-же. Приложеніе къ эскизному обзору финансово-экономическаго состоянія Россіи за послѣднія 20 лѣтъ (1882—1901 гг.). Графики и статистическія таблицы. Спб. 1903.

Торжественное чествованіе столичной годовщины со дня рожденія основателя Московскаго архитектурнаго общества академика-архитектора М. Д. Быковскаго. Съ 29-ю лист. фототипій. Москва. 1903. Ц. 3 р. Для членовъ Московскаго архитектурнаго общества 2 р.

И. Сикорскій. Опытъ объективнаго изслѣдованія состояній чувства (съ 19-ю табл.). Кіевъ. 1903. Ц. 75 к.

С. Рапопортъ. Дѣловая Англія. Москва. 1903. Ц. 1 р.

Л. Мельшинъ. Очерки русской поэзіи. Спб. Изданіе журнала «Русское Богатство». 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Дж. Рескинъ. Законъ Фіезоло. Пер. Л. Никифорова. Москва. 1904. Серія I. Кн. 9-я.

Его-же. Орлиное гнѣздо. Пер. Никифорова. Москва. 1904. Серія I. Книга 10-я.

Н. Соколовъ. Русскіе святые и русская интеллигенція (Опытъ сравнительной характеристики). Спб. 1904. Ц. 50 к.

А. Повалишинъ. Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные. Очеркъ изъ исторіи крѣпостн. права въ Ряз. губ. въ XIX в. Рязань. 1903.

В. Залѣсскій Исторія преподаванія философіи права въ казанскомъ университетѣ въ связи съ важнѣйшими данными внѣшней исторіи юридическаго факультета. Казань. 1903. Ц. 3 р.

С. Адамовичъ. Формулы по ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи и тригонометріи. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Дѣятельность Д. Д. Дашкова по народному образованію въ Рязанскомъ земствѣ и его доклады Рязанскому губернскому земскому собранію за 1869—1875 гг. Изданіе Рязанской Ученой Архивной коммиссіи подъ редакціей и съ предисловіемъ кн. Н. Волконскаго. Рязань. 1903.

Еврейская школа. Программы по преподаванію. Вып. I, II и III. Спб. 1904. Ц. 25 к.—I вып., 40 к.—II вып., 15 к.—III вып.

Н. П. Васильевскій. Санитарное положеніе г. Одессы и дѣятельность одесской врачебно-санитарной организаціи въ 1902 г. Одесса. 1903.

Журналъ съѣзда гг. учащихъ Конотопскаго уѣзда. Конотопъ. 1903.

Журналы Олонецкой губернской оцѣночной коммиссіи. Петрозаводскъ. 1903.

Отчетъ о дѣятельности Иваново-Вознесенскаго отдѣленія Императорскаго русскаго техническаго общества за 1902 г. Иваново-Вознесенскъ. 1903.

С. Мокржецкій. Отчетъ о дѣятельности губернскаго энтомолога Таврическаго земства за 1903 годъ. Симферополь. 1903.

Владимірскій календарь и памятная книжка 1904 г. Владиміръ. 1903.

Юбилейный сборникъ врачей Императорскаго кіевскаго университета св. Владиміра выпуска 1878 г. Сост. подъ редакціей Ѳ. Рындовскаго и И. Троицкаго. Кіевъ. 1903.

Сборникъ по школьной статистикѣ. Вып I. Изд. Таврич. Губерн. Земства. Симферополь. 1903.

Лечебно-продовольственные пункты на рынкахъ найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ Саратовской губ. Саратовъ. 1903.

Труды IV Хабаровскаго съѣзда, созваннаго Приамурскимъ генералъ-губернаторомъ Д. И. Суботичемъ. Изд. подъ редакціей гл. секр. Съѣзда Н. Слюнина. Хабаровскъ. 1903.

К. Соколовъ. Очеркъ исторіи и современнаго значенія генералъ-губернатора.

П. Н. Аріанъ. Первый женскій календарь на 1904 г. Медицинскій отдѣлъ подъ редакціей Н. И. Быстрова. Спб. 1904. Ц. 1 р.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ:

ЭТЮДЫ И ОЧЕРКИ

ПО ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ВОПРОСАМЪ.

Э. К. Ватсона.

СОДЕРЖАНІЕ: Памяти Э. К. Ватсона. — Прусское правительство и прусская конституція.—Вопросъ объ улучшеніи быта рабочихъ въ Германіи.—Рабочіе классы Англіи и манчестерская школа.—Что такое великіе люди въ исторіи?—Авраамъ Линкольнъ.—Стачки рабочихъ во Франціи и въ Англіи.—Огюстъ Контъ и позитивная философія.—Жизнь Дж. Стюарта Милля.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются новыя книги:

ИТАЛЬЯНСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ **М. ВАТСОНЪ.**

№ 1. **Ада Негри**, съ портретомъ. Цѣна 50 к. (Второе изд., исправленное и дополненное).
№ 2. **Джозуэ Кардуччи**, съ портретомъ. Цѣна 50 к.
№ 3. **Джузеппе Джусти**, съ портретомъ. Цѣна 50 к.
№ 4. **Алессандро Манцони**, съ портретомъ. Цѣна 50 к.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

№ 5. **Джакомо Леопарди.**
№ 6. **Витторіо Альфіери.**

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Korea» by Augus Hamilton. (Heinemann) 15 s. London (Корея). Нельзя не назвать появленіе этой книги своевременнымъ, такъ какъ теперь Корея приковываетъ къ себѣ вниманіе европейской публики, благодаря восточно-азіатскому кризису. Авторъ знакомитъ читателей съ исторіей корейскаго полуострова, съ развитіемъ его торговли, и стремится безпристрастно обсудить споръ, возникшій между державами изъ-за политическаго и коммерческаго вліянія на этомъ полуостровѣ. Но главнымъ образомъ книга посвящена описанію Кореи ея населенія, его характера и нравовъ. Особенно интересно описаніе корейскаго двора, императора и приближенныхъ къ нему лицъ, министровъ и леди Омъ, напоминающей до нѣкоторой степени вдовствующую китайскую императрицу, и пользующуюся громаднымъ вліяніемъ на корейскаго монарха.

(Daily News).

«Arnold Böcklin». Nach den Errinerungen seiner Zürichen Freunde, von Adolph Frey (Cotta) Stuttgart und Berlin (Арнольндъ Бёклинъ. По воспоминаніямъ его цюрихскихъ друзей). За пять лѣтъ, истекшихъ со смерти знаменитаго художника, Арнольда Беклина, литература о немъ достигла уже значительныхъ размѣровъ, но тѣмъ не менѣе вышеназванная книга заслуживаетъ особеннаго вниманія поклонниковъ таланта Беклина, такъ какъ авторъ не ограничился только своими личными воспоминаніями о немъ, а сообщаетъ и тѣ факты, которые были разсказаны ему другими людьми, близко знавшими Беклина. Благодаря этому въ книгѣ заключается много новаго и интереснаго и она можетъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ характеристикѣ Беклина какъ художника и человѣка.

(Frankfurte Zeit.).

«Unforseen Tendencies of Democracy» by Edwin Sawrence Godocin (Constable and C°) (Непредвидѣнныя стремленія демократіи). Авторъ занимается проблемами современной демократіи и его книга заслуживаетъ вниманія всѣхъ тѣхъ, кто серьезно интересуется развитіемъ и задачами соціальнаго прогресса.

(Bookseller).

«Elements of the Fiscal Problem» by S. G. Chiozza Money. (King and Son) (Элементы фискальной проблемы). Эту маленькую книжку можно было бы назвать азбукой фискальнаго вопроса, такъ какъ авторъ, предполагая, что обыкновенный читатель очень мало знакомъ съ этимъ сложнымъ вопросомъ, старается какъ можно яснѣе и проще изложить сущность фискальной проблемы, особенно сильно волнующей теперь Англію.

(Bookseller).

«The South American Republics» by Thomas C. Dawson. Part. I. Argentina, Paraguay, Uruguag, Brazil (Putnam's Sons) (Южно-американскія республики). Авторъ довольно долго прожилъ въ Южной Америкѣ и изучилъ ея государства, которыя лишь въ современную эпоху достигли своей независимости и послѣ цѣлаго ряда внутреннихъ и внѣшнихъ конфликтовъ вступаютъ, теперь, повидимому, въ болѣе спокойный періодъ своего существованія. Авторъ возлагаетъ большія надежды на будущее этихъ государствъ, такъ какъ онъ замѣчаетъ постепенное исчезновеніе милитаризма и стремленіе къ возстановленію свободы, основанной на порядкѣ. Желающіе ознакомиться съ современнымъ положеніемъ южно-американскихъ республикъ найдутъ въ этой книгѣ много интересныхъ свѣдѣній.

(Bookseller).

«Kulturbilder von den Gestaden des Mittelmeers» Federzeichnungen eines Dilletanten (Georg Wigand) Leipzig (Культурные очерки береговъ Средиземнаго моря). Авторъ, хотя и смотритъ на Италію глазами поэта, но какъ историкъ культуры многое все-таки подвергаетъ критическому анализу. Около половины его книги посвящено Корсикѣ и Сициліи.

(Köln. Zeit)

«Some popular phylosophy» by George Long (Swan Sonnenichein) 2 s. 6 d. (Немного популярной философіи). Небольшая книга, но разсчитанная на большой кругъ читателей, такъ какъ серьезные и возы-

шенные философскіе вопросы изложены въ ней такъ популярно, что для пониманія ихъ нѣтъ надобности въ какой-либо спеціальной подготовкѣ.

(Daily News).

«*L'Hypnotisme et la suggestion*» *par le docteur Grasset, prof. de chèmie à l'Université de Montpellier*. (*O. Doin*) (*Гипноцизмъ и внушеніе*). Очень интересное изслѣдованіе, разрѣшающее многіе вопросы и представляющее какъ бы психологическій синтезъ гипнотизма.

(Journal des Débats).

«*Hypnotism, suggestion, psychothérapie*» *par le docteur Bernhéim, à la Faculté de Médecine de Nancy. 2-em edit. revue et augmentée*, (*O. Doin*) (*Гипнотизмъ, внушеніе, психотерапія*). Это второе изданіе просмотрѣнное и дополненное, замѣчательнаго изслѣдованія автора, представляющее настоящій трактатъ о гипнотизмѣ, въ которомъ можно найти все, что касается этого важнаго и интереснаго вопроса.

(Jonrnal des Débats).

«*Essais sur le mouvement ouvrier en France*» *pas Daniel Halévy* (*Georges Bellais*) (*Очерки рабочаго движенія во Франціи*). Эта книга представляетъ обзоръ усилій, сдѣланныхъ во Франціи для развитія кооперативнаго и синдикальнаго движенія и распространенія и обобществленія (соціализаціи) науки и искусства путемъ основанія народныхъ театровъ и народныхъ университетовъ.

(Temps).

«*La phylosophie ancienne et la critique historique*» *par M. Waddington Paris* (*Hachette*) (*Древняя философія и историрическая критика*). Авторъ долго преподавалъ исторію философіи въ Сорбоннѣ и въ совершенствѣ знакомъ съ античнымъ міромъ. Онъ изучаетъ взаимныя отношенія различныхъ философскихъ школъ и преемственность идей. Никто еще съ такою тщательностью не пытался выяснить, чѣмъ обязанъ Платонъ Сократу и чѣмъ Аристотель обязанъ Платону. Повидимому, греческая философія представляетъ для него любимый предметъ и въ ней онъ находитъ цѣлыя богатства принциповъ и идей. Почти вся его книга посвящена поэтому, изученію философскаго генія Греціи и преимущественно іонійской расы. (Journal des Débats).

«*In the Uttermost East*» *by Charles H. Hawes. With seventy Illustrntions and three Maps* (*Harper and Br.*) *16 s.* (*На самомъ крайнемъ востокѣ*). Очень интересное описаніе азіатскаго востока, обнаруживающее огромную наблюдательность автора и художественное чутье. Нѣкоторыя мѣстности описанныя имъ, пожалуй, еще менѣе извѣстны читателямъ нежели африканскія дебри или полярныя пустыни. (Daily News).

«*Doctors and their Work*» *or Medecine Quackery and Diseuse by R. Brudenell Carter. London* (*Smith, Elder and C*^{0}) *6 s.* (*Доктора и ихъ работа*). Книга предназначается для большой публики, постоянно приходящей въ соприкосновеніе съ врачами, но не имѣющей понятія о задачахъ медицины. Авторъ поставилъ себѣ цѣлью просвѣтить эту публику насчетъ медицинской этики и такъ называемаго «медицинскаго этикета». Онъ обсуждаетъ также и характеръ взаимныхъ отношеній между врачами, между врачами и ихъ паціентами и, наконецъ, между врачами и государствомъ. Авторъ предполагаетъ, что если бы публика больше была знакома съ работою врачей, съ ихъ идеалами и условіями ихъ дѣятельности, то она болѣе бы великодушно относилась къ врачамъ и лучше бы цѣнила медицинскую профессію, чѣмъ цѣнитъ ее теперь.

(Daily News).

«*The Mystics, Ascetics and Saints of India*» *by Iohu Campbell Oman With illustrations*. (*Fisher Unwin*) (*Мистики, аскеты и святые Индіи*). Авторъ очень близко знакомъ съ индійскою жизнью и подробно изучилъ индійскій аскетизмъ. Его описанія главнѣйшихъ изъ наиболѣе многочисленныхъ аскетическихъ сектъ въ Индіи очень интересны и изобилуютъ новыми матеріалами, относящимися къ исторіи мистицизма въ Индіи и всѣхъ его проявленій.

(Daily News).

«*Der rechte Weg ins Leben oder die Neue Etik*» *von Otto Spielberg* (*E. Pierson*) *Dresden und Leipsig* (*Истинный путь въ жизни или новая этика*). Авторъ находится, повидимому, нѣсколько подъ вліяніемъ философіи Ницше, хотя и возвращается, все-таки, на путь моралистовъ старой школы. Книга изобилуетъ чрезвычайно удачными афоризмами.

(Berliner Tag.).

«*Das Galante Jahrhundert*» *von Neera. Aus dem Italienischen von N. v. Berthof. Dreselen* (*Karl Reissuer*). (*Галантное столѣтіе*). Очень тонко написанныя характеристики нѣкоторыхъ женщинъ, властвовавшихъ въ Парижѣ передъ великой революціей, въ эпоху разгула, веселья и сантиментальности и державшихъ въ повиновеніи умнѣйшихъ людей въ до-революціонный періодъ.

(Berliner Tag.)

«*Pictures in Political Economy*» *by A. W. Claremont* (*Grant Richardes*) *3 s. 6 d.* (*Картинки политической экономіи*). Эта маленькая книжка такъ написана, что самый неподготовленный читатель можетъ ясно усвоить себѣ главнѣйшіе руководящіе принципы политической экономіи.

(Daily News).

«Great Benin: its Customs, Art and Horrors» by Z. Leüg Koth. With 27 5 Illustrations. Halifax (King and Sons) (*Великій Бѣнинъ; его обычаи, искусства и ужасы*). Авторъ собралъ все, что касается Бенина, съ самаго начала появленія въ немъ первыхъ европейцевъ и до послѣдняго времени, и тщательно изучалъ нравы и обычаи населенія этой страны, его могущественную теократію и жестокіе обряды, сопровождавшіеся настоящими гекатомбами человѣческихъ жертвъ. Однако, художественный вкусъ, какъ оказывается, былъ развитъ у этого народа, несмотря на его грубые и дикіе нравы. Авторъ воспроизводитъ въ своихъ иллюстраціяхъ образцы художественныхъ произведеній Бенина.

(Daily News).

«Das Papsthum in seiner social-kulturellen Wirksamkeit» von Graf von Hoensbrosch. Zweite Band: Die Ultramontane Moral. Leipzig (Breitkopf ind Giertel) (*Папство и его соціально-культурная дѣятельность*). Это вторая часть труда, предпринятаго авторомъ съ цѣлью разоблаченія дѣятельности и вліянія папства. Первая часть была посвящена инквизиціи, суевѣріямъ, процессамъ колдуній и т. п., во второй же излагается ультрамонтанская мораль. Авторъ, какъ и въ первомъ томѣ, дѣйствуетъ на читателя обиліемъ матеріала, дающаго возможность составить себѣ самое полное понятіе о развитіи ультрамонтанской морали, которую, вѣрнѣе, слѣдуетъ называть «іезуитскою моралью», такъ какъ главнымъ образомъ іезуиты развили ее и превратили въ обширную систему, оффиціально признаваемую въ настоящее время и воплощающую въ себѣ всю католическо-церковную мораль. Трудъ автора представляетъ большой интересъ, какъ въ историческомъ, такъ и въ общественномъ отношеніи.

(Francfurt. Zeit.).

«Kultur und Presse» von D-r Emil Löbe. Leipsig (Duncker und Humblot) (*Кульурат и печать*). Книга представляетъ попытку систематической обработки богатаго матеріала современнаго журнализма. Авторъ изучаетъ современную газету, во всѣхъ ея, наиболѣе типическихъ образцахъ и независимо отъ какого-либо конкретнаго партійнаго содержанія или политическаго, экономическаго, литературнаго и художественнаго направленія газеты. На первый планъ онъ выдвигаетъ методологическіе моменты журнализма и даетъ схему «нормальной газеты», стараясь заложить такимъ образомъ основы для будущей науки журнализма.

(Francfurt. Zeit.)

«Das Wesen der Religion» von Wilhelm Bousset (Verlag von Gebaues-Schwetschke) Halle (*Сущность религіи*) Авторъ изслѣдуетъ сущность религіозной потребености человѣка, ея историческое развитіе и выраженіе въ различныхъ формахъ религій, причемъ высказываетъ убѣжденіе, что христіанство представляетъ ту форму религіи, которая наилучше удовлетворяетъ этой потребности.

(Nacional Zeit.).

«Die Nervosität des Kindes» von D-r. A. Combe (Herm. Lemann) preis: 2 м. 50. (*Нервозность ребенка*) Нервозность, со всѣми ея болѣзненными проявленіями, служила однимъ изъ сопутствующихъ признаковъ нашей гиперкультуры. Докторъ Комбъ изслѣдуетъ ея симптомы премущественно въ жизни ребенка, указываетъ на важное значеніе судорогъ, головныхъ болей и дурноты. Въ то же время онъ даетъ совѣты какъ бороться съ этими явленіями у дѣтей съ врожденною раздражительностью нервной системы, съ наслѣдственнымъ предрасположеніемъ и т. д. Еще важнѣе нравственное воспитаніе, то духовное вліяніе, которому должны быть подчинены дѣти, съ особенно воспріимчивою и чувствительною нервною системой. Докторъ Комбъ подробно обсуждаетъ этотъ вопросъ и книга его можетъ служить очень полезнымъ руководствомъ для родителей и воспитателей.

(Berliner Tag.).

Deutsche Hochschule für Politik
Eurasisches Seminar
5694

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова.** Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ.**

Ip 50 Drv.

AP 50 Mir Bozhii
.M67
v.13
no.1
Jan

APR 30 1970

AP 50 Mir Bozhii
.M67
v.13
no.1
Jan

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

Chi
55015751